
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00301282 0

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ.

В. И. Шенрока.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

> Счастливо то время, когда раздается грозный голосъ сатирика: когда же явится достойный преемникъ Грибоѣдова, Гоголя, Салтыкова?

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснеръ и А. Гешель,
преемники Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. п., д. Лисснера.

1897.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предыдущій томъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» вызвалъ слѣдующія рецензіи:

«Вѣстникъ Европы» (1895, III),
«Русскія Вѣдомости» (въ мартѣ 1895),
«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1895, IV),
«Наблюдатель» (1895, IV),
«Русская Мысль» (1895, IV),
«Русское Богатство» (1895, IV),
«Кіевская Старина» (1895, IV),
«Русская Старина» (1895, V),
«Сборникъ Нивы» (1895, VIII),
«Историческій Вѣстникъ» (1896, III).

Feci, quod potui; meliora facturus sum.

Настоящимъ томомъ заканчивается нашъ трудъ, къ которому, однако, мы предполагаемъ современемъ вернуться, чтобы обработать его въ окончательной формѣ (т.-е. въ видѣ уже не «матеріаловъ», а самой біографіи). Мы предполагаемъ не столько расширить размѣры его, для чего едва ли можетъ найтись много новыхъ данныхъ, сколько точнѣе выяснить всѣ подробности, начиная съ мелочныхъ хронологическихъ, и устранить кое-гдѣ нарушающія стройность общаго плана невольныя возвращенія къ предыдущему, вслѣдствіе появле-

нія въ печати новыхъ матеріаловъ, которые не могли быть приняты во вниманіе въ предшествующемъ, *уже отпечатанномъ, томѣ*[1]). Въ слѣдующей обработкѣ нашего труда, послѣ того какъ теперь готовы и собраны всѣ данныя, было бы очень легко достигнуть безусловно строгаго распредѣленія матеріала какъ по отдѣльнымъ томамъ, такъ и вообще[2]); также явилась бы возможность опустить нѣкоторыя напечатанныя нынѣ письма, мелкія библіографическія поясненія (напр. исправленія неточныхъ датъ), полемику, пересмотръ высказанныхъ другими мнѣній[3]) и т. п. Кромѣ того, въ настоящемъ томѣ мѣстами, а особенно въ концѣ книги, гдѣ приходится имѣть дѣло съ слишкомъ отрывочными данными, мы предпочитали руководиться въ изложеніи преимущественно такой группировкой сообщаемыхъ свѣдѣній, которая могла бы лучше раскрыть наши взгляды на разныя стороны характера Гоголя, не задаваясь педантическимъ соблюденіемъ хронологіи *во всѣхъ мелочахъ* — тогда какъ, впослѣдствіи, если взгляды эти получатъ признаніе, многіе доводы сами собой окажутся излишними и всѣ вообще факты могутъ

[1]) Мы уже имѣли случай указывать на это въ примѣчаніяхъ ко II и III томамъ. Точно также мы не могли включить въ III томъ нѣкоторыхъ объясненій, касающихся перваго тома «Мертвыхъ Душъ» (изъ нашихъ редакторскихъ примѣчаній къ VII тому X изд. соч. Гоголя и основанныя на рукописяхъ, поступившихъ въ наше распоряженіе уже *по отпечатаніи* третьяго тома). Наконецъ уже во время печатанія четвертаго тома появились въ печати письма Гоголя къ Шевыреву I, (См. отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1893 г.).

[2]) Въ данномъ случаѣ имѣло особенное значеніе то обстоятельство, что именно въ послѣднія лѣтъ десять появилось много статей и воспоминаній о Гоголѣ. Кромѣ того огромное затрудненіе представляла не только обширность, но и чрезвычайная разбросанность печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, съ трудомъ доставаемыхъ и отчасти встрѣчающихся лишь въ рѣдкихъ и мало доступныхъ старыхъ изданіяхъ, или иногда въ рукахъ несговорчивыхъ обладателей (письма и рукописи, которыя вслѣдствіе этого получались мною въ весьма случайномъ порядкѣ, что, въ свою очередь, обусловливало предварительное составленіе отдѣльныхъ статей, потребовавшихъ потомъ объединенія). См. также т. II, стр. VIII.

[3]) Игнорировать эти мнѣнія, часто чрезвычайно противорѣчивыя, мы не считали себя въ правѣ.

быть изложены въ строжайшей хронологической послѣдовательности.

Для исполненія нашего плана въ желаемыхъ размѣрахъ было бы весьма важно возможно-широкое обсужденіе въ печати нѣкоторыхъ трудныхъ и спорныхъ вопросовъ, съ которыми мы встрѣчаемся при изученіи жизни Гоголя[1]). Вѣдь дѣло идетъ о писателѣ великомъ, капитальномъ, а не о какомъ-нибудь забытомъ романистѣ вродѣ Маркевича. Въ предлагаемомъ томѣ напр. мы старались представить возможно болѣе полное и цѣльное, на основаніи имѣющихся фактовъ, разъясненіе постепеннаго созрѣванія въ Гоголѣ мистицизма (для чего внѣшніе факты, не имѣющіе отношенія къ данному вопросу въ промежутокъ 1840—1842 годовъ, были особо разсмотрѣны въ предыдущемъ томѣ); далѣе мы старались объяснить и разграничить въ Гоголѣ борьбу мистической самоувѣренности (которую отличаемъ отъ обыкновенной гордыни) съ мучительными сомнѣніями въ себѣ, и въ связи съ этимъ въ послѣднюю недѣлю его жизни борьбу ужаса передъ загробной отвѣтственностью съ упорнымъ желаніемъ умереть и т. п. Но было бы слишкомъ самоувѣренно съ нашей стороны считать предлагаемое объясненіе происходившаго въ душѣ Гоголя сложнаго психологическаго процесса окончательнымъ и безусловнымъ рѣшеніемъ столь трудной задачи[2]). При всемъ томъ смѣемъ надѣяться, что тща-

---

[1]) Здѣсь мы имѣли бы въ виду не однихъ даже представителей литературной критики, но чрезвычайно любопытно и желательно было бы знать также взгляды по даннымъ вопросамъ спеціалистовъ психологіи и даже богословія (особенно объ отношеніи воззрѣній Гоголя къ *истинному пониманію ученія церкви*). Предлагаемая ниже вступительная глава только затрогиваетъ многое, что̀ разсматривается потомъ подробнѣе и что̀ могло бы вызывать разныя мнѣнія и даже полемику между спеціалистами-психологами.

[2]) Само собою разумѣется, что еще труднѣе съ точностью установить *фазисы* постепенно совершавшагося перелома, и, приводя по этому вопросу соображенія близкихъ къ Гоголю лицъ, мы смотримъ на нихъ лишь какъ на *матеріалъ* для его разрѣшенія не отвѣчая за естественное и неизбѣжное разно-

тельно собранные матеріалы должны подвинуть впередъ дѣло изученія нашего писателя и во всякомъ случаѣ устранить апріорныя или основанныя на слишкомъ недостаточномъ и отрывочномъ изученіи лжетолкованія характера Гоголя и значенія его «Переписки съ друзьями»[1]).

Въ виду слишкомъ разросшагося объема книги намъ пришлось отказаться отъ помѣщенія хронологической канвы и отъ изложенія нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не имѣютъ большого значенія или были уже попутно изложены у Н. С. Тихонравова въ его «примѣчаніяхъ редактора», — причемъ на нихъ вездѣ дѣлаются точныя указанія, — также отъ обзора статей, вызванныхъ извѣстной поддѣлкой второго тома «Мертвыхъ Душъ» (этотъ обзоръ могъ бы имѣть мѣсто въ приложеніяхъ), а въ алфавитномъ указателѣ — указаній къ приложеніямъ. Но перепискѣ, вызванной «Выбранными Мѣстами» и касающейся болѣзней и лѣченія, мы отвели довольно мѣста, желая также и другимъ дать возможность дополнять изученіе біографіи Гоголя.

При всемъ стремленіи къ полнотѣ въ изложеніи біографическихъ фактовъ, мы чувствовали себя, однако, въ нѣкоторой зависимости отъ находящихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ, причемъ особенно жалѣемъ о пропажѣ чрезвычайно важныхъ писемъ къ Гоголю о. Матвѣя, также объ отсутствіи воспоминаній о первыхъ годахъ жизни нашего писателя въ Петербургѣ, о жизни

гласіе и не смущаясь неуловимостью оттѣнковъ. Такъ въ 1848 г. Данилевскій не замѣчалъ перемѣны въ Гоголѣ, но, *давая себѣ отчетъ позднѣе* въ «переломѣ», онъ находилъ признаки его и въ гораздо болѣе раннее время. Но такъ всегда бываетъ въ жизни (См. ниже, 207—208). Притомъ мнѣнія эти высказывались не психологами и спустя десятки лѣтъ послѣ событій.

1) Мнѣнія, конечно, всегда останутся неодинаковыми, но можно желать обсужденія «Переписки съ друзьями» уже въ связи съ біографическими данными, а не на основаніи произвольныхъ личныхъ соображеній.

его въ сороковыхъ годахъ въ семьѣ Жуковскаго за границей и въ пятидесятыхъ — въ семьѣ графа А. П. Толстого въ Москвѣ. Жалѣемъ также, что за отсутствіемъ данныхъ не могли полнѣе очертить отношенія Гоголя къ менѣе близкимъ его пріятелямъ, напр. кн. Вяземскому[1]) и кн. Одоевскому, затѣмъ къ Н. Ф. Павлову, одному изъ *кредиторовъ* Гоголя и въ то же время его постоянному недоброжелателю, въ свою очередь не любимому Гоголемъ; наконецъ къ П. В. Нащокину, почти совсѣмъ не знакомому съ нашимъ писателемъ, но котораго тѣмъ не менѣе Гоголь, хорошо зная по слухамъ о его разгульной жизни, считалъ возможнымъ съ своей особой точки зрѣнія рекомендовать въ наставники къ дѣтямъ Бенардаки (кромѣ относящагося сюда письма Гоголя къ Нащокину, напечатаннаго въ «Русскомъ Архивѣ»[2]), мы рѣшительно ничего не нашли для разъясненія этого факта, вслѣдствіе чего и опустили этотъ эпизодъ въ нашемъ разсказѣ).

Еще нѣсколько замѣчаній во избѣжаніе мелочныхъ придирокъ[3]). — Считаемъ нужнымъ во-первыхъ обратить вниманіе на различіе *истинной религіозности*, которую мы признаемъ въ Жуковскомъ и Шереметевой, и ея уклоненіями въ мистицизмъ и фанатизмъ (у Гоголя, гр. А. П. Толстого, о. Матвѣя и проч.) Далѣе, находя въ нѣкоторыхъ случаяхъ Гоголя недостаточно дипломатичнымъ, мы признаемъ его безусловно искуснымъ и тонкимъ дипломатомъ въ сравненіи съ младенцемъ по отношенію къ жизненному опыту А. А. Ивановымъ. Мы не отрицаемъ, что иные друзья Гоголя

---

1) Любопытно напр., что Гоголь высказывалъ желаніе, чтобы Вяземскій взялъ на себя трудъ составить полную біографію императрицы Екатерины II (Соч. Гог., изд. X, т. VII, стр. 871).

2) См. „Русск. Арх.“, 1878, I, стр. 76—80.

3) Былъ одинъ примѣръ весьма мелочныхъ и неосновательныхъ придирокъ, на которыя я вынужденъ былъ отвѣчать во второмъ томѣ.

воскуряли ему ѳиміамъ, но не согласны эту черту признавать исчерпывающей сущность ихъ взаимныхъ отношеній. Мы утверждаемъ, что задушевность и простота Шереметевой заставляли обыкновенно забывать о ея странностяхъ, но въ то же время должны сообщить, что А. О. Смирнову названныя качества не удержали отъ насмѣшекъ надъ почтенной старушкой. Говоря о ссорѣ Гоголя съ Погодинымъ, я употребляю иногда, быть можетъ, безъ строгаго разграниченія слова: «ссора» и «размолвка». На стр. 26, говоря, что по взгляду Аксаковыхъ, для Гоголя не должны были существовать въ Петербургѣ Бѣлинскій, Краевскій и Полевой, я имѣю въ виду не столько указаніе личностей, сколько *литературнаго круга*, такъ какъ Полевой не былъ собственно ни знакомымъ, ни доброжелателемъ Гоголя[1]). — Опровергать мелочныя придирки не трудно, какъ это и сдѣлалъ я въ приложеніи ко второму тому (стр. 385—403), но заниматься подобными препирательствами дѣло слишкомъ неблагодарное[2]).

Для не интересующихся подробностями мы имѣемъ въ виду черезъ нѣкоторое время предложить сокращенное изложеніе составленной нами біографіи, *въ одномъ томѣ*, съ удержаніемъ всего наиболѣе существеннаго.

---

[1]) Сопоставленіе это принадлежитъ самому С. Т. Аксакову и я, упоминая объ этихъ лицахъ, имѣлъ въ виду *его собственныя слова* („Русск. Архивъ“, 1890, VIII, стр. 107).

[2]) Въ одномъ случаѣ, именно въ вопросѣ о точномъ установленіи времени сватовства Гоголя къ А. М. Віельгорской, впрочемъ, дѣйствительно трудно устранить сбивчивость и колебанія, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, который по самому своему существу *былъ особенно тщательно скрываемъ*

Н. В. ГОГОЛЬ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.

1842—1852.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ.

1842—1852.

I.

Послѣднее десятилѣтіе жизни Гоголя представляетъ печальную картину медленнаго, но тяжелаго и упорнаго процесса физическаго разрушенія на ряду съ явнымъ упадкомъ таланта и болѣзненнымъ напряженіемъ религіознаго экстаза. Нелѣпо было бы повторять избитую легенду о сумасшествіи Гоголя, такъ долго державшуюся въ публикѣ; но нельзя въ то же время отрицать несомнѣнное нарушеніе въ немъ за послѣдніе годы, въ связи съ физическимъ разстройствомъ, и душевнаго равновѣсія. Никто изъ короткихъ знакомыхъ Гоголя не признавалъ въ немъ безусловно психическаго разстройства, хотя иные, какъ С. Т. Аксаковъ, считали его возможнымъ въ будущемъ; но съ другой стороны не было также никого, кто бы рѣшился утверждать, что въ послѣдніе годы не замѣчалось въ Гоголѣ чрезвычайно рѣзкой перемѣны, и это впечатлѣніе современниковъ не можетъ быть не принимаемо въ разсчетъ при сужденіи о послѣднихъ годахъ Гоголя[1]). Однимъ словомъ, усиленіе въ немъ душевныхъ недуговъ и страданій *безспорно*, но дошло ли оно до степени, предполагаемой многими — это большой вопросъ.

Самъ Гоголь, безъ сомнѣнія, очень чувствовалъ и постоянную потерю силъ и упадокъ творчества. Трудно только сказать, насколько происходила въ немъ борьба надежды съ отчаяніемъ, потому что послѣднее охватывало его только изрѣдка и весьма не надолго, въ самыя критическія минуты, тогда

[1]) Ниже мы приведемъ разсказы о томъ, что Гоголь иногда въ послѣдніе годы оживлялся и шутилъ, но это показываетъ только, что психическая болѣзнь не достигла въ немъ крайней степени развитія, и въ этомъ смыслѣ мы утверждали и повторяемъ это, что, по нашему мнѣнію, объ умственномъ разстройствѣ его не можетъ быть рѣчи.

какъ въ обыкновенное время, благодаря сильному религіозному чувству, онъ умѣлъ изумительнымъ образомъ поддерживать въ себѣ бодрость, не смотря ни на что. Какъ бы ни было ужасно настоящее, въ его воображеніи всегда рисовалась лучшая пора въ будущемъ, вопреки всякой очевидности; прибѣгая за утѣшеніемъ къ религіи, Гоголь готовъ былъ скорѣе ждать чуда, нежели безстрашно представить себѣ весь ужасъ своего положенія. До знаменитой катастрофы, постигшей „Переписку съ друзьями", Гоголь бодро смотрѣлъ впередъ и мужественно переносилъ всѣ испытанія, не теряя ни на минуту увѣренности въ успѣшномъ совершеніи предстоявшаго ему подвига; если у него и бывали колебанія, и страхъ за себя и за исполненіе завѣтной цѣли всей жизни, то въ сущности это настроеніе никогда не являлось въ такой степени опредѣлившимся, чтобы оно исключало надежду на возможность внезапнаго измѣненія дѣла помощью благодати Божіей и чудеснаго обновленія его силъ и способностей[1]). Если въ глубинѣ души и зарождалось иногда сомнѣніе, то сила вѣры всегда превозмогала его. Послѣ „Переписки" Гоголь уже утратилъ въ значительной степени поддерживавшее и воодушевлявшее его самообольщеніе, но привычная ассоціація идей все-таки сохраняла надъ нимъ свою полную власть, и онъ, уже отступившись отъ многихъ своихъ надеждъ, нисколько не сдавался въ главномъ, продолжая упорно надѣяться на совершеніе съ Божіей помощью задуманнаго дѣла, но уже безъ „прежнихъ излишествъ". Всѣ свои неудачи онъ приписывалъ только внѣшнимъ причинамъ и неумѣнью взяться за дѣло, а дѣло это, т.-е. преслѣдуемая имъ задача оставалась та же. Гоголь совсѣмъ уже изнемогалъ въ неравной борьбѣ, творчество его готово было совсѣмъ изсякнуть, работа не подвигалась впередъ, но онъ жилъ убѣжденіемъ, что могущественная воля Божія можетъ сразу все измѣнить. Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ на основаніи вполнѣ достовѣрнаго источника, приведу слѣдующія слова о Гоголѣ покойнаго П. В. Анненкова, видѣвшаго его въ послѣдній разъ уже незадолго до его смерти: „Гоголь тогда все еще готовилъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ". По крайней мѣрѣ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи любопытно начало письма къ Анненкову изъ Остенде въ августѣ 1847 г. (см. «Анненковъ и его друзья», стр. 503).

на мое замѣчаніе о нетерпѣніи всей публики видѣть завершеннымъ наконецъ его жизненный и литературный подвигъ вполнѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ довольнымъ и многозначительнымъ голосомъ: „Да вотъ попробуемъ!“ Я нашелъ его гораздо болѣе осторожнымъ во мнѣніяхъ послѣ страшной бури, вызванной его „Перепиской“, но *все еще оптимистомъ въ высшей степени* и едва понятнымъ для меня“[1]).

Какъ большинство больныхъ, Гоголь находилъ особую отраду въ бесѣдахъ съ другими страдальцами, питалъ къ нимъ самое искреннее расположеніе и тотчасъ обращался всей душой къ тому, кто скорбѣлъ объ утраченномъ навѣки здоровьѣ или вообще о какихъ-нибудь непріятностяхъ и огорченіяхъ. Примѣровъ въ перепискѣ можетъ быть указано множество; вотъ одинъ изъ болѣе любопытныхъ. Послѣ цѣлаго ряда не совсѣмъ пріятныхъ писемъ отъ Шевырева, изъ которыхъ въ одномъ даже „заключалась и журьба, и что-то въ родѣ не совсѣмъ отчетливаго нагоняя“[2]), Гоголь неожиданно получилъ болѣе спокойное письмо, но наполненное жалобами и недовольствомъ на состояніе современной литературы. Гоголь тотчасъ же почувствовалъ живѣйшую потребность подѣлиться своими взглядами, сказать слово утѣшенія и потолковать на любимую тему о самовоспитаніи. Всѣ доводы Гоголя совершенно гармонируютъ съ его тогдашнимъ міросозерцаніемъ и не могутъ быть не признаны искренними. Вотъ что̀ онъ пишетъ: „Твое чувство непріятно, и мнѣ оно вполнѣ знакомо[3]). Но является оно тогда, когда приглядываешься больше, чѣмъ слѣдуетъ, къ этому кругу; а какъ взглянешь съ мѣста повыше, увидишь, что все это на минуту, все подъ вліяніемъ моды. Оглянешься: ужъ на мѣсто одного — другое: сегодня гегелисты, завтра шеллингисты, потомъ опять какіе-нибудь исты. Что̀ жъ дѣлать? уже таково стремленіе общества быть какими-нибудь истами. Человѣчество бѣжитъ опрометью, никто не стоитъ на мѣстѣ; пусть его бѣжитъ: такъ нужно. Но горе тѣмъ, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы образумить тѣхъ, которые мчатся. *Хороводъ этотъ кружится,*

---

[1]) «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 515.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 12.

[3]) «Русская Старина», 1875, IX, 118—119.

кружится, а наконецъ можетъ вдругъ обратиться на мѣсто, гдѣ огни истины. Что жъ, если онъ не найдетъ на своихъ мѣстахъ блюстителей, и если увидятъ, что святые огни пылаютъ неполнымъ свѣтомъ? *Не опроверженіемъ минутнаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься многіе, которымъ Богъ далъ не общіе всѣмъ дары.* Человѣку, рожденному съ силами бо́льшими, слѣдуетъ, прежде чѣмъ сразиться съ міромъ, *глубоко воспитать себя*". Такъ смотрѣлъ на свое призваніе и на цѣль своей жизни нашъ мистикъ еще задолго до „Переписки съ друзьями", явившейся потомъ результатомъ этого міровоззрѣнія. Все, что̀ занимало умы современнаго человѣчества, казалось Гоголю не болѣе какъ дѣйствіемъ моды и безтолковымъ толченіемъ на мѣстѣ. Себя онъ считалъ, напротивъ, призваннымъ всецѣло посвятить „утвержденію вѣчнаго и охраненію огней истины". Но причиной такихъ невѣроятныхъ утопій могло быть вовсе не *помѣшательство,* а просто недостатокъ образованія и нѣкоторая *ограниченность понятій. Его коренная ошибка происходила отъ поразительно-смутнаго представленія о движеніи науки, о прогрессѣ и проч. и возникшей на почвѣ этого недоразумѣнія фантастической самоувѣренности.* Здѣсь впрочемъ не было также особенной гордыни, такъ какъ не столько самомнѣніе сбило съ толку великаго писателя — онъ вѣдь хотѣлъ только исполнить свой долгъ, направивъ даръ на „утвержденіе вѣчнаго", не имъ открытаго, а давно извѣстнаго всѣмъ изъ Евангелія — но его сгубилъ недостатокъ образованія и *неимовѣрно легкомысленно-наивное представленіе объ „истахъ" и „умникахъ"* [1]). Къ этому злу присоединилось еще горшее — крайняя болѣзненность организма.

Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, виноваты были въ извѣстной степени также друзья и знакомые, изъ которыхъ иные

---

[1]) „Русск. Стар.", 1875, IX, 118—119. Впослѣдствіи бывали минуты, когда Гоголь начиналъ колебаться въ томъ, что избралъ вѣрный путь для совершенствованія на литературномъ поприщѣ; см. напр. „Русск. Жизнь", 1892, № 78: „Умъ мой былъ не глупъ. Умъ мой совѣтовалъ мнѣ хорошо. Онъ мнѣ совѣтовалъ дѣлать свое дѣло, не смущаясь ничѣмъ, ни съ кѣмъ не входить въ изъясненія, не выдавать ничего въ свѣтъ, пока не придешь въ такое состояніе, когда твои строки будутъ стоить печати" и проч. Но и въ этихъ словахъ, какъ и слѣдующихъ за ними, видны односторонность и заблужденіе, настолько сильныя, что, можетъ-быть, и во время этихъ колебаній Гоголю уже поздно было отказаться отъ мистицизма. Въ томъ же цитированномъ письмѣ см. оригинальныя разсужденія Гоголя объ умѣ.

играли довольно странную роль въ своихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, замѣчая несостоятельность его взглядовъ и въ то же время не только не имѣя мужества спорить съ нимъ, но даже относясь къ нему съ какимъ-то слѣпымъ подобострастіемъ. (Если Гоголь въ непосредственныхъ отношеніяхъ бывалъ очень скрытенъ и необщителенъ, то его нельзя упрекнуть въ недостаткѣ многорѣчиваго морализированія въ письмахъ). Такимъ былъ даже, напр., Анненковъ, также Чижовъ, не говоря уже о Толстыхъ, Апраксиныхъ, Смирновыхъ и Віельгорскихъ. Въ письмахъ къ Анненкову Гоголь уже съ самаго начала является явно больнымъ человѣкомъ, тогда какъ Анненковъ слишкомъ скромно держитъ себя въ сношеніяхъ съ нимъ, какъ заурядный человѣкъ въ сравненіи съ неизмѣримо высоко стоящимъ геніемъ[1]). Анненковъ спрашиваетъ совѣтовъ Гоголя, съ благоговѣніемъ выслушиваетъ его разсужденія, напрашивается на порученія, почтительно принимаетъ самоувѣренныя и безцеремонныя нотаціи. Уже все письмо къ Анненкову отъ 10 мая 1844 г. написано было совершенно въ духѣ „Переписки съ друзьями", но Анненковъ отвѣтилъ Гоголю письмомъ, которое тронуло послѣдняго „отсутствіемъ гордой самоувѣренности въ себѣ"[2]). Надо полагать, что такое неполученіе отпора своимъ *больнымъ идеямъ* могло только утверждать Гоголя въ увѣренности, будто онъ въ самомъ дѣлѣ находится на *истинной* дорогѣ[3]). Уже значительно позднѣе Анненковъ рѣшался иногда нѣсколько смѣлѣе выразить свои взгляды[4]), но тогда онъ получалъ отъ Гоголя такія письма, которыя выдавали закоренѣлость его заблужденій и въ которыхъ Гоголю случалось иногда *обмолвиться* драгоцѣнными свидѣтельствами *извращеннаго* взгляда на себя и на задачи своей жизни. Гоголь говоритъ, что каждый обыкновенный человѣкъ „можетъ наговорить много излишествъ, можетъ увлечься своимъ предметомъ", но „правду усмотрѣть можетъ только всесторонній и *полный* геній, который получилъ на свою долю

---

[1]) Гоголь однажды даже бранилъ Анненкова за неумѣренныя похвалы себѣ. („П. В. Анненковъ и его друзья", стр. 498).

[2]) «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 502.

[3]) Между тѣмъ Гоголь былъ какъ разъ увѣренъ, что «анатомируя собственную душу въ желаньи узнать глубже душу человѣка вообще, онъ встрѣтится на этомъ пути съ Тѣмъ, Который болѣе всѣхъ насъ зналъ душу человѣка».(«П. В. Анненковъ», стр. 509). Онъ не допускалъ и сомнѣнія въ этой мысли.

[4]) «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 505 и 509.

полную организацію во всѣхъ отношеніяхъ". Изъ слѣдующихъ строкъ не остается и тѣни сомнѣнія, что здѣсь Гоголь говорилъ о себѣ: „прочіе люди будутъ путаться, сбиваться, мѣшаться, привязываться къ словамъ и попадать въ безконечныя недоразумѣнія. Вотъ почему всякому необыкновенному человѣку слѣдуетъ до времени не обнаруживать своего внутренняго процесса, которые совершаются теперь повсемѣстно и прежде всего въ людяхъ, стоящихъ впереди: всякое слово его будетъ принято въ другомъ смыслѣ, и что̀ въ немъ состояніе переходное, то будетъ принято другими за нормальное. Вотъ почему всякому человѣку, одаренному талантомъ необыкновеннымъ, слѣдуетъ прежде состроиться сколько-нибудь самому"[1]). Но мы знаемъ, что въ очень многихъ письмахъ Гоголь говорилъ о себѣ, что онъ „строится", а „строясь", онъ углублялся въ себя и скрывалъ въ себѣ свою внутреннюю работу, будучи убѣжденъ, что всѣ другіе „будутъ путаться, сбиваться, мѣшаться" и проч.[2]).

---

[1]) «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 506—507 Сравненіе доказываетъ, что Гоголь говорилъ о себѣ и въ слѣдующихъ строкахъ другого письма къ Анненкову: «*Передовые люди* — не тѣ, которые видятъ одно что-нибудь такое, чего другіе не видятъ, и удивляются тому, что̀ другіе не видятъ; *передовыми людьми можно* назвать только тѣхъ, которые именно видять все то, что̀ видятъ другіе (всѣ другіе, а не нѣкоторые) и, опершись на сумму всего, видятъ то, чего не видятъ другіе, и уже не удивляются тому, что другіе не видятъ того же» (стр. 498). Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ неудачи «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», Гоголь то какъ будто немного сдается, отказываясь отъ прежней самоувѣренности, если только это не было насилованіе себя во имя смиренія; то, въ письмѣ къ Анненкову отъ 12 августа 1847 г., онъ причислялъ къ людямъ, «не разсматривающимъ того, что ими выведенъ выводъ только изъ двухъ, трехъ сторонъ дѣла, а не изъ всѣхъ», — Бѣлинскаго, многихъ людей въ Москвѣ (т.-е. своихъ друзей-славянофиловъ и себя). Но, кажется, здѣсь говорила больше досада на разгромившихъ его Бѣлинскаго и Аксаковыхъ.

[2]) Предоставляемъ опытнымъ психологамъ рѣшить вопросъ, не заключалось ли уже въ этой основной идеѣ больного міросозерцанія Гоголя симптома какой-либо серіозной психической ненормальности; мы съ своей стороны не беремъ на себя смѣлости разрѣшать это. Горе Гоголя было въ томъ, что никто во̀-время не могъ ему раскрыть глаза на его оригинальныя заблужденія и доказать ему, насколько призрачны, шатки и рискованны дѣлаемыя имъ «душевныя открытія», и главной виной этого была, все-таки, его скрытность, позволявшая самымъ близкимъ людямъ знакомиться съ его міросозерцаніемъ лишь весьма отрывочно и неполно. Одинъ Аксаковъ пытался его удержать отъ пучины мистицизма, но поздно и недостаточно энергично.

Замѣчательно, что духовныя откровенія Гоголя, сообщаемыя обыкновенно въ видѣ какихъ-то формулъ и внушительно подчеркиваемыя авторомъ, были въ сущности или безсодержательны, или парадоксальны. Къ нимъ вполнѣ можно было бы примѣнить извѣстное замѣчаніе Карамзина о значеніи афоризмовъ и апофѳегмъ, — что они бываютъ или полуистинами, или самыми избитыми труизмами, о которыхъ не стоитъ и говорить. Такъ, въ одномъ письмѣ къ Языкову Гоголь сообщаетъ одно изъ подобныхъ духовныхъ открытій: „уходить въ себя мы можемъ посреди всѣхъ препятствій и волненій“, послѣ чего слѣдуетъ самодовольное поясненіе: „истину я узналъ, но пребывать въ ней неотлучно самому не нашелъ средствъ. Но и это слишкомъ важное открытіе: шагъ уже сдѣланъ, а стремиться мы должны вѣчно“ [1]). Смирновой однажды сообщалось такое же духовное открытіе: „все можетъ насъ учить, если только захочешь самъ учиться“ [2]). Такихъ шаговъ и *духовныхъ открытій* Гоголь сдѣлалъ, конечно, не мало, но ему, повидимому, совсѣмъ не западало сомнѣніе, что они могутъ и не привести къ „огнямъ истины“ и могутъ не подвинуть его въ желаемомъ направленіи, — и въ результатѣ оказалось, конечно, нѣчто весьма далекое отъ того, что̀ представлялось ему возможнымъ и уже близкимъ къ достиженію. Печальное, убійственное заблужденіе!.. Любопытно также *другое душевное открытіе* — о *благотворномъ значеніи болѣзней*. Чувствуя безвыходность своего положенія, Гоголь увѣрялъ себя въ томъ, что именно въ болѣзняхъ-то будто бы и посылается ему благословеніе свыше, что въ нихъ-то и надо искать отрады и спасенія. „У всякаго“ — говорилъ онъ, „есть какіе-нибудь враги, съ которыми нужно бороться: у иныхъ они въ видѣ болѣзней и недуговъ физическихъ, у другихъ въ видѣ сильныхъ душевныхъ скорбей“. Далѣе слѣдуетъ совершенно *невѣроятное соображеніе:* „Здоровые, не зная, куда дѣваться отъ тоски и скуки, ждутъ какъ блага болѣзней“ *(вотъ каковы иногда бывали душевныя открытія Гоголя!);* „болящимъ кажется, что нѣтъ выше блага, какъ физическое здоровье. Счастливѣй всѣхъ тотъ, кто постигнулъ, что это строгій, необходимый законъ, что если бы

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 44.
[2]) Тамъ же, стр. 407.

не было моря и волнъ, тогда бы и плыть было невозможно". Отсюда Гоголь дѣлаетъ оригинальный выводъ: „все ведетъ къ тому, чтобы мы крѣпче, чѣмъ когда-либо прежде, ухватясь за крестъ, плыли впоперекъ (sic) скорбей"[1]). Такъ разсуждать могъ, очевидно, только человѣкъ, окончательно терявшій подъ собою почву и хватавшійся за соломинку, хотя бы онъ и воображалъ, что стоитъ на твердой почвѣ и что его должно сразу спасти какое-то чудесное просіяніе. Подобныя утѣшенія Гоголь въ изобиліи расточалъ другому страдальцу — Языкову, но прежде всего, конечно, самому себѣ. Языкову онъ больше и полнѣе, чѣмъ кому-нибудь, открываетъ свою душу въ этомъ отношеніи; но особенно стоитъ обратить вниманіе на слѣдующія слова: „Есть средство въ минутахъ трудныхъ, когда страданія душевныя или тѣлесныя бываютъ невыносимо-мучительны; его добылъ я сильными душевными потрясеніями, но тебѣ его открою. Если найдетъ такое состояніе, бросайся въ плачъ и слезы. Молись рыданіемъ и плачемъ. Молись не такъ, какъ молится сидящій въ комнатѣ, но какъ молится утопающій въ волнахъ, ухватившійся за послѣднюю доску". Очевидно, все, сказанное въ этихъ немногихъ словахъ, было выстрадано Гоголемъ и, надо полагать, нестерпимые физическіе недуги и страшное сознаніе ихъ неустранимости исключительно могли создать такое отчаянное настроеніе и вообще выработать извѣстное намъ до нельзя болѣзненное, хотя и не лишенное нѣкоторой доли *своеобразнаго оптимизма міросозерцаніе*. Отмѣтимъ еще слѣдующія мысли: „Состояніе души страждущей есть уже святыня, и все, что̀ ни исходитъ оттуда, драгоцѣнно, и поэзія, изникшая изъ такого лона, выше всѣхъ поэзій". „Голосъ изъ глубины страждущей души есть уже помощь великая другому страждущему". — Но всего любопытнѣе, что Гоголь требовалъ и отъ другихъ, чтобы они сообщали ему, въ свою очередь, свои душевныя открытія: „не будемъ пропускать

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 47. Иногда Гоголь доходилъ даже до того, что ему казалось, будто «весь міръ страждетъ» (см. «Русск. Жизнь», 1892, № 71); см. тамъ же: «страдающему понятенъ страждущій». И въ самомъ дѣлѣ, напр. послѣ размолвки съ Погодинымъ, Гоголь снова возвращался къ перепискѣ съ нимъ, когда узнавалъ о *несчастіяхъ* и *скорбяхъ* Погодина, но потомъ часто раскаивался въ томъ, что возобновлялъ переписку, какъ-только убѣждался, что настроеніе Погодина не благопріятствовало успѣху предлагаемыхъ имъ наставленій и поученій.

даромъ ничего, что̀ бы ни случилось съ нами, и будемъ ежеминутно молиться объ уясненіи очей нашихъ. Будемъ добиваться отвѣта изъ глубины душъ нашихъ и, что̀ найдемъ тамъ въ утѣшеніе себѣ, да подѣлимся братски". Эти строки читаемъ въ письмѣ къ Языкову и повтореніе ихъ въ письмѣ къ Шевыреву изъ Ниццы отъ 2 февраля 1844 г.; въ томъ же письмѣ, нѣсколько далѣе, Гоголь говоритъ: „какъ я могу быть тебѣ полезенъ, такъ равно и ты можешь быть мнѣ полезенъ, потому что, вѣроятно, ужъ и теперь сдѣлалъ ты немало душевныхъ открытій, ибо ты такъ же можешь узнать многое прежде меня, какъ я могу узнать многое прежде тебя, а размѣнъ взаимно обогатитъ насъ" [1]). Убѣжденіе въ непреложности душевныхъ открытій и въ силѣ „внутренняго глаза и уха" дошло у Гоголя до того, что онъ даже пытался систематически передать Языкову свой методъ, которымъ онъ добывалъ эти „открытія", и наконецъ даже не затруднялся вести предполагаемую бесѣду отъ лица самого Бога. Основаніемъ для столь рискованныхъ упражненій мысли служило Гоголю своеобразное пониманіе всемогущества молитвы. Глубоко проникнутый религіознымъ настроеніемъ, Гоголь, желая слѣдовать волѣ Божіей и стараясь угадывать ее, призывалъ на помощь молитву. Онъ питалъ непреклонное убѣжденіе, что послѣ искренней, горячей молитвы „за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, *которые будутъ прямо отъ Бога*" [2]). Онъ предположительно задаетъ унизительные для гордости „умнаго человѣка" вопросы, которые должны быть даны послѣднему на Страшномъ Судѣ, — и на его оправданіе, что онъ былъ какъ въ лѣсу и не зналъ, за что приняться, съ какимъ-то злорадствомъ возражаетъ также предполагаемымъ отвѣтомъ Бога: „а зачѣмъ существуетъ молитва?" Исходя изъ этой основы, Гоголь созидаетъ на ней цѣлыя

---

[1]) См. письма Гоголя отъ 15 февраля 1844 г. и отъ 4 ноября 1843 г. къ Языкову и отъ 2 февраля 1844 г. къ Шевыреву (Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 31—37, 46—51).

[2]) Кромѣ «душевныхъ открытій» въ *мистическомъ репертуарѣ* Гоголя существовали еще какія-то «предслышанія» ихъ (см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 34, 58; «Русская Стар.», 1875, X, 298). Гоголь часто употреблялъ также выраженія: «внутренній глазъ мой» (Соч. и письма, т. VI, стр. 365), «душа моя слышитъ» (тамъ же, стр. 55); упоминалъ о духовномъ зеркалѣ (т. VI, стр. 134). О «духовномъ зеркалѣ» см. также въ письмѣ къ Погодину — «Русская Жизнь», 1892, № 64.

теоріи, построенныя на такихъ прочныхъ и незыблемыхъ аксіомахъ, какъ, напр., „а что если?“ „почему знать?“ и „можетъ-быть“, и сулитъ позоръ и „оплеваніе жалкимъ хитростямъ ума нашего“. „Вглядитесь въ самомъ дѣлѣ въ молящагося Гоголя“ — замѣчаетъ по этому поводу неизвѣстный намъ авторъ статьи о Гоголѣ въ „Русской Жизни“ — „онъ не шепчетъ заученныхъ съ дѣтства по готовой формѣ молитвъ, а запирается у себя и ждетъ — день, два, недѣлю, двѣ — пока въ головѣ его не формируется окончательно, о чемъ просить Бога; когда это случится, онъ уже знаетъ, что ему это дастся, такъ какъ такая просьба не можетъ не совпасть съ хотѣніемъ Божіимъ“. Но вѣдь въ этомъ-то и была прискорбная ошибка всей второй половины жизни Гоголя, что, какъ оказалось, „такія просьбы не совпали съ хотѣніемъ Божіимъ“; въ этомъ-то и былъ корень заблужденія.

Каждый случай своего выздоровленія Гоголь принималъ обыкновенно за неопровержимое доказательство, что волѣ Божіей угодно продлить его жизнь для окончанія „Мертвыхъ Душъ“ и что ему самимъ Богомъ суждено создать нѣчто необычайно великое. Онъ разсуждалъ такимъ способомъ: если Богъ даровалъ ему поэтическое призваніе, то онъ обязанъ воспользоваться имъ для прославленія Бога и на пользу людямъ, а чтобы быть въ силахъ исполнить столь великую задачу, онъ долженъ прежде всего очистить и воспитать себя усердной молитвой и истинно-христіанской жизнью. Но онъ не задавалъ себѣ вопроса, возможна ли и осуществима ли его цѣль способствовать своей поэмой нравственному перерожденію цѣлой страны и могутъ ли привести къ ней именно избранные имъ пріемы; онъ былъ твердо увѣренъ, что Богъ можетъ сообщить чудную силу и слабымъ строкамъ[1]), и потому, не смущаясь соображеніями о томъ, вѣрно ли онъ объясняетъ себѣ пути Провидѣнія и имѣетъ ли право ждать для себя чуда, приписывалъ могущественную силу даже своимъ письмамъ, если писалъ ихъ послѣ долгой молитвы (такія письма онъ рекомендовалъ по прочтеніи откладывать и потомъ нѣсколько разъ перечитывать въ разныхъ состояніяхъ духа), а тѣмъ болѣе своимъ позднѣйшимъ сочиненіямъ, къ которымъ старался приготовлять себя многолѣтними подвигами аске-

---

[1]) См., напр., Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 246.

тизма. Трагизмъ послѣднихъ часовъ жизни Гоголя, по нашему мнѣнію, состоитъ преимущественно въ томъ, что при неизмѣнной вѣрѣ въ свое міросозерцаніе, основанной на „душевныхъ открытіяхъ", онъ вдругъ долженъ былъ поразиться ужасомъ неизбѣжной и близкой смерти, и въ ту великую минуту, когда передъ нимъ открывалась вѣчность, увидѣть себя отверженнымъ, недостойнымъ взятаго на себя вождѣленнаго подвига, жалкимъ, осужденнымъ грѣшникомъ; онъ не могъ не содрогаться, зная, что горячія молитвы столькихъ лѣтъ не услышаны! Трудно представить себѣ, чтобы въ эти страшныя, роковыя минуты Гоголь сразу могъ отрѣшиться отъ пріемовъ мысли и отъ убѣжденій, съ которыми глубоко сроднился, чтобы онъ малодушно искалъ утѣшенія хотя бы въ несостоятельности своихъ взглядовъ и ожиданій, да и что̀ бы это было за утѣшеніе! Подобно тому, какъ люди, нѣсколько разъ чудеснымъ образомъ избавленные отъ опасности, иногда проникаются *мистической* вѣрой въ покровительство судьбы и слишкомъ поздно замѣчаютъ ошибку: такъ и мистикъ-писатель, въ продолженіе всей жизни глубоко убѣжденный въ цѣлесообразности избраннаго имъ пути аскетизма, едва ли, зашедши слишкомъ далеко, могъ допустить возможность ошибочнаго пониманія имъ цѣлей Провидѣнія.

Но обратимся къ объясненію развитія въ Гоголѣ аскетизма.

Въ противоположность своей позднѣйшей наклонности къ проповѣдничеству, въ молодыхъ годахъ Гоголь рѣшительно избѣгалъ даже съ этой стороны открывать свою душу. Такимъ образомъ прослѣдить вполнѣ, при крайнемъ недостаткѣ ясныхъ свидѣтельствъ современниковъ, роковой процессъ зарожденія и послѣдовательнаго развитія въ Гоголѣ *болѣзненныхъ проявленій мистицизма* представляется намъ почти неразрѣшимой задачей; но все-таки изъ переписки могутъ быть извлечены по крайней мѣрѣ нѣкоторыя отрывочныя данныя для разъясненія этого чрезвычайно любопытнаго вопроса.

Такъ, прежде всего есть основаніе принять за достовѣрное, что какъ во всей духовной жизни Гоголя, такъ особенно въ области его религіозно-мистическихъ увлеченій, главное участіе принадлежало дѣятельности воображенія, сильно возбужденнаго еще въ младенческіе годы. Мать его, женщина глубоко религіозная и притомъ одаренная до извѣстной степени поэтическимъ складомъ души, по словамъ С. Т. Акса-

кова, даже представлявшая собою „существо полное эстетическаго чувства“, при всей своей непритязательной простотѣ, живымъ, одушевленнымъ словомъ горячей и искренней вѣры, хотя, можетъ-быть, въ то же время нѣсколько наивной, заронила въ воспріимчивую душу ребенка горячую искру религіознаго чувства. Однажды, по просьбѣ сына, она въ незатѣйливой бесѣдѣ изъ скуднаго запаса своихъ знаній сумѣла извлечь краски для потрясающей картины загробнаго блаженства и вѣчныхъ мукъ, ожидающихъ праведныхъ и грѣшниковъ въ будущей жизни за ихъ дѣла на землѣ[1]). Въ этомъ задушевномъ разсказѣ о Страшномъ Судѣ она съ воодушевленіемъ излила передъ мальчикомъ свою душу, въ высшей степени доступную религіозному настроенію. Разсказъ остался навсегда въ памяти Гоголя съ тѣмъ чувствомъ, которое было имъ возбуждено, и однажды запавшее въ чистую младенческую душу глубокое впечатлѣніе всегда воскресало потомъ при благопріятныхъ условіяхъ, но, главное, возбудило въ немъ сильное безотчетное стремленіе къ добру и совершенствованію, которое, естественно уступивъ въ дѣтствѣ мѣсто болѣе свойственнымъ возрасту впечатлѣніямъ, нашло себѣ широкій просторъ при наступленіи юности, когда оно поддерживалось возникавшими въ немъ по временамъ мыслями о будущности, и всегда потомъ съ особенной силой пробуждалось въ серіозныя и торжественныя минуты жизни. Самъ Гоголь такъ вспоминалъ однажды въ письмѣ къ матери объ ея разсказѣ. „Прежде“ — говоритъ онъ — „на все я глядѣлъ безстрастными глазами; я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали, или носили меня; но, стоя въ ней, я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ — *я живо какъ теперь помню этотъ случай* — я просилъ васъ разсказать мнѣ о Страшномъ Судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, *такъ трогательно* разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь,

---

[1]) Нѣсколько любопытныхъ соображеній о состояніи психическаго здоровья Гоголя въ послѣдніе годы его жизни недавно было высказано въ книгѣ Ламброзо и въ сочиненіи г. Викторова: «Ученіе о личности, какъ нервномъ психическомъ организмѣ». Между прочимъ г. Викторовъ говоритъ: «Внимательное разсмотрѣніе всего вопроса о душевномъ состояніи великаго писателя смѣло ручается за болѣзненное настроеніе меланхолическаго типа» и пр. (выпускъ 1, стр. 105).

и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что *это потрясло меня и разбудило во мнѣ всю чувствительность*, это заронило и пробудило во мнѣ высокія мысли"[1]). При чтеніи этихъ строкъ невольно изумляешься искусству почти необразованной женщины сообщать своему безхитростному слову силу увлекательнаго краснорѣчія. Но, конечно, не меньше значенія имѣла и та благодарная почва, на которую было брошено сѣмя; по крайней мѣрѣ изъ той же семьи и подъ тѣмъ же вліяніемъ религіозное чувство ни въ комъ не вспыхнуло впослѣдствіи съ такой поразительной силой. Самое обращеніе ребенка къ матери съ просьбой о подобномъ разсказѣ показываетъ, что и раньше его воображеніе было сильно затронуто. Но для насъ всего важнѣе свидѣтельство Гоголя, что именно этотъ разсказъ впервые въ немъ „пробудилъ высокія мысли". Ихъ-то мы узнаемъ въ тѣхъ его отважныхъ юношескихъ мечтахъ, когда, не предчувствуя постигшихъ его въ жизни горькихъ разочарованій и насмѣхаясь съ молодой заносчивостью надъ слабостями и смѣшными сторонами воспитанниковъ и учителей Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, Гоголь загадывалъ о далекомъ будущемъ и, по его выраженію, „обдумывалъ планъ будущей жизни"[2]). Другой вопросъ, насколько оправдались грандіозныя мечты его принести пользу всему человѣчеству, но въ отроческой душѣ горѣлъ священный огонь и она была исполнена благородныхъ стремленій. Послѣдній годъ своего пребыванія въ Нѣжинѣ Гоголь посвятилъ „глубокому обдумыванію будущей должности и новаго бытія въ дѣятельномъ мірѣ"; онъ давалъ себѣ слово, что всѣ его „силы будутъ порываться на то, чтобы означить жизнь однимъ благодѣяніемъ, одной пользою отечества"[3]). Въ любопытномъ разсказѣ Стороженка сохранились слѣды искренняго воодушевленія Гоголя мыслью о возможности принести пользу родной Украйнѣ, почти тотчасъ послѣ увлеченій школьническими продѣлками[4]). Храня какъ святыню въ своей еще восторженной душѣ такія мечты, Гоголь въ счастливые дни приготовленій къ отъѣзду въ Петербургъ стыдливо признавался любимому дядѣ Косяровскому: „Еще

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 186.

2) Тамъ же, стр. 44.

3) Тамъ же, стр. 67.

4) «Отеч. Зап.», 1859, IV, стр. 79.

съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимой ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу"[1]), и вскорѣ, прощаясь съ одной изъ уважаемыхъ знакомыхъ, таинственно и серіозно произнесъ: „вы обо мнѣ или ничего не услышите, или услышите очень хорошее"[2]). Всѣ эти мечты въ значительной степени были разсѣяны жизнью и погибли отъ ея холода, но отчасти дожили и до послѣднихъ минутъ нашего писателя, хотя и проявлялись иногда въ непривлекательномъ и сильно искаженномъ видѣ. Онѣ были навѣяны, конечно, прежде всего здоровымъ нравственнымъ вліяніемъ прекрасной личности его матери, но также поддерживались инстинктами геніальной натуры. Такимъ образомъ одновременно съ рѣзко обозначившимися задатками юмора въ душѣ юноши созрѣвали сѣмена благородныхъ стремленій посвятить себя благу общему, сѣмена, къ сожалѣнію, *не получившія правильнаго направленія*, не смотря на счастливое, повидимому, для Гоголя сближеніе съ Жуковскимъ, Плетневымъ и Пушкинымъ. Природный юморъ постепенно долженъ былъ подчиниться вліянію скрываемыхъ до времени задатковъ иного настроенія и постепенно получалъ въ глазахъ Гоголя значеніе сознательнаго орудія для обличенія недостатковъ и темныхъ сторонъ общественной жизни, и наконецъ изъ веселаго, беззаботнаго смѣха долженъ былъ обратиться въ его геніальный „смѣхъ сквозь слезы". Подъ вліяніемъ религіознаго чувства и наклонности къ лирическому воодушевленію у Гоголя сложилось убѣжденіе, что „въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскиваться горячія искры вѣчной, могучей любви"[3]).

Если бы Гоголь при *счастливомъ руководительствѣ могъ найти въ себѣ силы остановиться на скромной задачѣ преслѣдованія сатирой общественныхъ язвъ*, не задаваясь *колоссальными утопіями*, итоги его литературнаго и жизненнаго поприща горѣли бы яркой, ничѣмъ не *омраченной* звѣздой для потомства; но именно этого и не случилось благодаря скрытности, заслонявшей отъ постороннихъ глазъ *путаницу* его завѣтныхъ образовъ и представленій. Слѣдя теперь за

[1]) «Русская Стар.», 1876, I, 41.
[2]) «Историч. Вѣстникъ», 1891, V, 363.
[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 516.

проявленіемъ послѣднихъ въ его перепискѣ, легко отыскать между ними связь съ оригинальнымъ міросозерцаніемъ, которое создалъ себѣ Гоголь въ послѣдніе годы. Всего страннѣе въ Гоголѣ усвоенная имъ еще въ ранней молодости привычка съ увѣренностью объяснять себѣ волю Провидѣнія. Такъ, поступивъ въ Петербургѣ въ департаментъ, Гоголь вскорѣ началъ упрекать себя за то, что „осмѣлился откинуть божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ между служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно". Любопытно, что уже тогда Гоголя нисколько не смущали очевидная несостоятельность и взаимныя противорѣчія его смѣлыхъ догадокъ и что позднѣйшая изъ нихъ всегда казалась ему самой несомнѣнной, какъ бы ни оказывались невѣрными предшествующія. Такъ, отправляясь въ 1829 г. за границу, онъ пришелъ къ заключенію, что самъ Богъ „благословилъ такъ дивно назначаемый путь", что „Богу не было угодно", чтобы онъ продолжалъ служить въ Петербургѣ и что его „Промыслъ Божій явно показывалъ неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный" [1]), а когда представлявшійся „истиннымъ" путь сталъ казаться ложнымъ, Гоголь спокойно замѣнилъ прежній способъ объясненія цѣлей Провидѣнія другимъ и говорилъ: „Богъ унизилъ мою гордость" [2]) и проч. Гоголь такъ привыкъ наконецъ всегда искать въ своихъ мысляхъ разрѣшенія предположеній о волѣ самого Бога, что, незамѣтно для самого себя, сталъ иногда злоупотреблять именемъ Бога. Такъ однажды, уже въ видѣ сознательной лести, онъ позволилъ себѣ написать о благодѣтельствовавшемъ ему родственникѣ: „Всевышній послалъ мнѣ ангела спасителя въ лицѣ нашего благодѣтеля, его превосходительства Андрея Андреевича" [3]), а въ слѣдующемъ письмѣ сознавался матери: „я вручилъ письмо Андрею Андреевичу, по его требованію, въ собственныя его руки, незапечатанное; слѣдовательно вы не подивитесь, если я въ немъ немного польстилъ ему" [4]). Такое откровенное сознаніе и оффиціально-почтительныя выраженія „благодѣтель", „его превосходительство" открываютъ передъ нами непривлекательныя стороны

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 85.
[2]) Тамъ же, стр. 96.
[3]) Тамъ же, стр. 97.
[4]) Тамъ же, стр. 98.

распространенныхъ въ былое время отношеній, которыхъ не чужды были и люди нравственно чистые и хорошіе, подобно Марьѣ Ивановнѣ Гоголь[1]). Но при допущеніи у Гоголя въ подобныхъ случаяхъ извѣстной доли примѣшивавшейся иногда реторики рѣшительно невозможно заподозрить искренность его обычныхъ мысленныхъ обращеній къ Богу и даже его обыкновенія искать въ несчастьяхъ признаковъ особенной милости Божіей. Такъ въ письмѣ къ матери отъ 10 февраля 1831 года Гоголь успокоивалъ ее: „Вѣрьте, что Богъ ничего намъ не готовитъ въ будущемъ кромѣ благополучія и счастья. Источникъ ихъ находится въ собственномъ нашемъ сердцѣ. Чѣмъ оно добрѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ притязаній и правъ на счастье. *Какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ*“ [2]). Принимая въ соображеніе все сказанное, нельзя не прійти къ убѣжденію, что въ самой натурѣ Гоголя было много мистическаго, что̀ нашло себѣ опору и пищу въ разсказахъ и бесѣдахъ съ матерью и потомъ неоднократно выразилось въ обращеніяхъ къ будущему при наступленіи новаго года и въ извѣстномъ воззваніи къ генію на рубежѣ 1833 и 1834 г.[3]).

Наклонность давать совѣты и наставленія проявилась въ Гоголѣ также очень рано; такъ при выходѣ замужъ старшей сестры Гоголя, онъ, еще двадцатилѣтній юноша, писалъ матери: „Напомните сестрѣ о строжайшей бережливости и величайшемъ ограниченіи себя во всемъ. Она сама избрала такой удѣлъ для себя; стало-быть, должна умѣть покоряться, и во всемъ строго и умно ограничивать себя“ [4]) и тогда уже Гоголь начиналъ говорить о „наукѣ жизни“. Излюбленные Гоголемъ впослѣдствіи совѣты извѣстнымъ образомъ распредѣлять время и особенно не позволять себѣ засиживаться на

[1]) Для правильнаго пониманія этихъ отношеній необходимо впрочемъ принять во вниманіе весьма дѣльныя замѣчанія г. Трахимовскаго («Русская Старина», 1888, VII, 44—45).

[2]) Соч. и письма Гоголя, V, 127.

[3]) Въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя сохранились между прочимъ писанные его рукой лоскутки, па которыхъ спѣшно написаны пожеланія на наступающій годъ, напр.: «Боже благослови! Дай появится въ наступающемъ году созрѣлый и полный плодъ».

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 150.

мѣстѣ, такъ настойчиво повторяемые имъ въ позднѣйшей перепискѣ, попадаются еще въ 1834 г., напр. въ одномъ изъ писемъ къ Максимовичу: „Умѣй распорядить хорошо время, — отдавай все прогулкѣ. Моціонъ тебѣ необходимъ. Занимайся всегда поутру и ввечеру, а въ полдень Боже тебя сохрани. Въ полдень лежи на солнцѣ, но голову держи въ тѣни; ввечеру гуляй, или иди къ кому-нибудь на вечеръ. Домой приходи пораньше и ложись пораньше“ [1]).

Когда въ 1835 году Максимовичъ показывалъ Гоголю Кіевъ, онъ имѣлъ уже случай замѣтить, какое сильное впечатлѣніе производила на Гоголя тамошняя святыня, какъ онъ весь былъ охваченъ при видѣ ея благоговѣйнымъ настроеніемъ. Припоминая это впослѣдствіи, Максимовичъ догадывался, что именно къ этому времени слѣдуетъ отнести начало готовившагося въ Гоголѣ переворота [2]). Для насъ отмѣченный имъ фактъ имѣетъ большое значеніе, какъ свидѣтельство современника, уловившаго раньше другихъ ту черту въ нравственной личности нашего писателя, которая долго оставалась неизвѣстной, пока не обнаружилась съ поразительной яркостью. Послѣ Максимовича первый усмотрѣвшій въ Гоголѣ задатки религіознаго мистицизма былъ С. Т. Аксаковъ, но его наблюденія относились уже къ сороковымъ годамъ и были вызваны крайне рѣзкими проявленіями мистическаго настроенія. Конечно, и показанія Максимовича необходимо исправить въ томъ смыслѣ, что отмѣченный имъ фактъ слѣдуетъ признать не за начало нравственнаго переворота, но только за одинъ изъ болѣе яркихъ примѣровъ проявленія въ Гоголѣ сильнаго религіознаго чувства въ ранніе годы, проявленія, имѣющаго безспорное значеніе въ цѣпи однородныхъ случаевъ, составляя одно изъ ея звеньевъ, но отнюдь не имѣя признаковъ явнаго переворота.

Самыми обычными и естественными возбудителями религіознаго чувства въ людяхъ бываютъ, какъ извѣстно, близость святыни и жизненныя испытанія. Благодаря Максимовичу, намъ выясняется преемственная связь въ развитіи религіознаго чувства Гоголя подъ вліяніемъ перваго изъ названныхъ факторовъ, а что̀ касается второго, то мы уже указывали

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 217.

2) «Вѣст. Евр.», 1885, VIII, стр. 773.

раньше примѣры въ перепискѣ Гоголя во время, непосредственно слѣдующее за бурей, вызванной „Ревизоромъ".

Переходимъ теперь къ разъясненію ближайшихъ причинъ происшедшаго въ Гоголѣ въ послѣднихъ тридцатыхъ годахъ окончательнаго перелома подъ вліяніемъ болѣзней и множества непріятностей, въ ряду которыхъ не послѣднее мѣсто должны занять и натянутыя отношенія съ „друзьями".

II.

Двѣ тяжкія болѣзни, перенесенныя Гоголемъ одна за другой въ 1840 г., сперва въ Вѣнѣ, потомъ въ Римѣ, оставили навсегда жестокіе, неизгладимые слѣды на всемъ духовномъ строѣ нашего писателя. Давно подготовлялась въ его организмѣ упорная борьба, все больше грозившая медленнымъ разрушеніемъ; но чѣмъ сильнѣе становились приступы болѣзней, тѣмъ громче говорила въ больномъ надежда на чудесное избавленіе и на особую милость Божію. Тяжело страдая физически и нравственно во время своего пріѣзда въ Россію въ 1839—1840 годахъ, Гоголь, по словамъ его будущаго спутника въ путешествіи, Панова, утѣшалъ себя мечтой, что „стоитъ только выѣхать за границу, чтобы возвратить дѣятельность и силы, которыя онъ боялся уже потерять" [1]). Болѣе спокойному постороннему глазу хотя и такого сильно привязавшагося къ Гоголю человѣка, какъ Пановъ [2]), было ясно однако, что „къ несчастью, его разстройство не зависитъ отъ климата и мѣста, и не такъ легко поправляется"; но самъ Гоголь бодрилъ себя мыслью, что за чертой Россіи его не только оставитъ болѣзнь, но и все вообще почему-то улучшится и исправится и даже сами собой пройдутъ его собственные недостатки: разсѣянность и неаккуратность. Сначала въ самомъ дѣлѣ сильный подъемъ духа отъ исполненія постояннаго пламеннаго желанія снова вырваться въ Италію оказалъ на него, повидимому, благотворное вліяніе, но это было не надолго. Изъ своихъ наблюденій Пановъ вынесъ убѣжденіе, что „можетъ-быть, цѣлыя десять лѣтъ жизни

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 424.

[2]) «Русскій Архивъ» 1890, VIII, 34. Впослѣдствіи Гоголь называлъ Панова «близкимъ сердцу человѣкомъ» (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 498).

Гоголя постепенно разстроивали его организацію, которая теперь въ ужасномъ разладѣ“. „Его физическое состояніе“ — сообщалъ дальше Пановъ С. Т. Аксакову — „дѣйствуетъ, конечно, на силы душевныя; поэтому онъ имъ чрезвычайно дорожитъ, и поэтому онъ чрезвычайно мнителенъ. Всѣ эти причины, дѣйствуя совокупно, приводятъ его иногда въ такое состояніе, въ которомъ онъ истинно несчастнѣйшій человѣкъ, и эти тяжелыя минуты, въ которыя *вы его видѣли,* мнѣ кажется, были съ нимъ здѣсь чаще, продолжительнѣе и сильнѣе, нежели въ Россіи“[1]).

Нельзя не пожалѣть, что С. Т. Аксаковъ, сообщившій г. Кулишу въ числѣ другихъ матеріаловъ для біографіи Гоголя цитируемое письмо Панова съ извѣстіями о состояніи здоровья Гоголя во время дороги, пренебрегъ этимъ цѣннымъ документомъ въ своихъ образцовыхъ воспоминаніяхъ, вѣроятно желая сообщать только строго провѣренныя и притомъ преимущественно личныя воспоминанія. Между тѣмъ, разсматриваемое въ связи съ остальной перепиской, это письмо помогло бы освѣтить многое. Какъ видно изъ письма, Аксаковъ не разъ имѣлъ и самъ случай наблюдать все то, что сообщалось Пановымъ, и потому содержаніе письма показалось ему не ново, хотя и было любопытно въ качествѣ простого извѣстія. Аксаковъ бывалъ, напримѣръ, во время совмѣстныхъ поѣздокъ свидѣтелемъ жалкаго состоянія Гоголя отъ необычайной зябкости, благодаря которой послѣднему приходилось на станціяхъ ставить иногда ноги просто въ печку[2]). Постоянная раздражительность и странные капризы Гоголя сначала поражали Аксакова, но къ нимъ онъ тоже привыкъ. Между тѣмъ, выходки перваго въ значительной степени объясняются удрученнымъ состояніемъ организма, и съ этой точки зрѣнія становятся совершенно понятны. Изъ лицъ, близкихъ къ Гоголю, нѣкоторые, знавшіе его преимущественно въ счастливую пору молодости и почему-нибудь рѣже встрѣчавшіеся съ нимъ впослѣдствіи, какъ Данилевскій, были сравнительно мало знакомы съ позднѣйшими несимпатичными чертами Гоголя; другіе, какъ Прокоповичъ и Анненковъ, поражались происшедшей въ немъ перемѣной; наконецъ,

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 424.

2) «Русскій Архивъ» 1890, VIII, 18.

третьи, т.-е. большинство, или видали его въ разныхъ настроеніяхъ духа, но также и въ хорошемъ, какъ Смирновы, Віельгорскіе и Репнины, въ обществѣ которыхъ Гоголь отводилъ душу, или же почти исключительно въ дурномъ, какъ его московскіе друзья,— по причинамъ, которыя мы надѣемся теперь разъяснить. Но несомнѣнно одно, что на душевномъ состояніи Гоголя чрезвычайно отражались страданія организма. Въ этомъ нельзя не убѣдиться, если призвать на помощь разрозненныя въ перепискѣ признанія Гоголя въ собственной невыносимости. Такъ, однажды онъ выражалъ сожалѣніе, что былъ „такъ деревяненъ, такъ оболваненъ, такъ скученъ въ Москвѣ, такъ мало показалъ своихъ истинныхъ расположеній *и такъ невольно былъ скрытенъ, и неоткровененъ, и черствъ, и сухъ*“[1]). Такія слова мы читаемъ въ одномъ изъ его писемъ къ Елизаветѣ Васильевнѣ Погодиной, дружеское и, по чистосердечному признанію Гоголя, незаслуженное имъ снисходительное письмо которой его тронуло. Стоитъ обратить вниманіе на это любопытное письмо Гоголя. Сопоставляя его механически съ предшествующими письмами, можно было бы удивиться, чѣмъ же собственно вызвана эта горячая благодарность. Передъ тѣмъ въ своемъ первомъ письмѣ изъ-за границы къ Погодину въ 1840 г. Гоголь обращался къ нему и къ его семейству въ обычномъ дружескомъ тонѣ и за свое теплое привѣтствіе получилъ такое же отъ супруговъ Погодиныхъ. И только! Но конецъ письма помогаетъ разъяснить дѣло. Надо замѣтить, что очарованный сердечнымъ пріемомъ москвичей, Гоголь хотѣлъ получить ихъ портреты и пользовался для этого каждымъ незначительнымъ случаемъ. Такъ, въ тотъ же пріѣздъ свой въ Москву, онъ игралъ однажды въ домино у Аксаковыхъ съ Константиномъ Сергѣевичемъ и Вѣрой Сергѣевной, и когда выигралъ, то добился отъ послѣдней обѣщанія написать для него портретъ Сергѣя Тимоѳеевича. Въ свою очередь, онъ обѣщалъ Аксакову собственный портретъ и въ видѣ сюрприза оставилъ такой же у Погодиныхъ. Въ своемъ письмѣ Елизавета Васильевна, не смотря на то, что Гоголь, живя у нихъ въ домѣ, былъ, по собственному выраженію, „несносенъ“, не только

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 421.

благодарила за яко бы брошенный портретъ[1]), но, оставляя его на память, выражала желаніе, чтобы Гоголь поскорѣе возвратился въ Москву и никогда не разставался съ друзьями. Общее содержаніе письма ясно изъ отвѣта Гоголя, въ которомъ между прочимъ видны слѣды его причудливой мистификаціи: „Вы даже приберегли и спрятали портретъ мой. Вы правы: я вовсе не назначалъ вамъ. Я его выбросилъ потому, что вамъ хотѣлъ прислать все-таки что-нибудь похожее на меня, а этотъ портретъ не годится никуда". Нѣсколько словъ теплаго душевнаго участія отъ той, передъ которой онъ чувствовалъ себя виноватымъ, глубоко отозвались у него въ сердцѣ и, конечно, недаромъ вырвались у него слова: „Это правда, что вы на мнѣ, можетъ-быть, видѣли часто въ Москвѣ черствую наружность; но виною этому не душа, не сердце, не я, *но мои обстоятельства тогдашнія, которыя мнѣ мѣшали почти всегда быть, чѣмъ бы я хотѣлъ быть, то есть мною*, со всѣми моими грѣхами и пороками и, можетъ-быть, двумя-тремя истинно хорошими чертами — любить непритворно и не на заказъ друзей своихъ[2])". Но увы! тяжелыя обстоятельства и болѣзненное состояніе преслѣдовали его съ тѣхъ поръ до гроба, и рѣдко ему удавалось быть собой самимъ. Также онъ писалъ и Елагиной: „У васъ, въ вашихъ мысляхъ, я остался съ черствою физіономіей, съ скучнымъ выраженіемъ лица[3]). Впослѣдствіи такое состояніе сдѣлалось обычнымъ и онъ уже перестaлъ приносить покаянія.

Біографическіе факты, собранные въ послѣднее время, уже достаточно раскрыли существованіе между Гоголемъ и Погодинымъ жестокой вражды въ пріѣздъ Гоголя въ Москву въ 1841—1842 годахъ. Но и въ первое свое возвращеніе изъ за границы Гоголь подъ конецъ уже плохо ладилъ съ своимъ бывшимъ пріятелемъ. Между ними уже тогда возникли денежныя „недоразумѣнія", какъ вскорѣ увидимъ, и если дружба не разстроилась, то во всякомъ случаѣ пошатнулась. Въ началѣ своего пребыванія въ Москвѣ Гоголь былъ еще въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Погодинымъ: онъ горячо входилъ

---

[1]) Подобныя продѣлки относительно портретовъ Гоголь очень любилъ. См. въ воспоминаніяхъ Н. В. Берга. «Русск. Стар.», 1872, I, 119—120, примѣч.

[2]) Тамъ же

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 406.

въ интересы такъ много одолжавшаго его пріятеля, что проявилось въ томъ, какъ настойчиво совѣтовалъ Гоголь въ отсутствіе Погодина изъ Москвы не уступать его домъ на Дѣвичьемъ полѣ дешевле восьмидесяти тысячъ и т. п., — относясь къ интересамъ Погодина, какъ къ своимъ собственнымъ[1]). Но особенно энергично и отъ всей души Гоголь не совѣтовалъ Погодину предпринимать изданіе „Прибавленій къ Московскимъ Вѣдомостямъ"[2]). Въ это время Гоголь называлъ въ письмахъ Погодина не иначе, какъ „жизнь и душа моя", и вообще въ нихъ попрежнему дышитъ горячее дружеское чувство, которое никогда не встрѣчается больше въ его перепискѣ, кромѣ писемъ къ Данилевскому, и во всякомъ случаѣ проявлялось здѣсь въ такой мѣрѣ, въ какой мы его ни разу не замѣчаемъ не только въ перепискѣ съ Шевыревымъ, но и съ Аксаковымъ. Но въ пылу благодарности и дружбы Гоголь самъ же на собственную голову натолкнулъ своего пріятеля занять въ примѣненіи къ нему ту позицію, изъ-за которой потомъ навсегда испортились ихъ отношенія. Отговаривая Погодина издавать „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ", онъ, не соображая невыгодныхъ послѣдствій своего совѣта, убѣждалъ его: „Нѣтъ, во что бы то ни стало, но я посланъ Богомъ воспрепятствовать тебѣ въ этомъ. Какъ ты меня охладилъ и разстроилъ этимъ извѣстіемъ, если бы ты только зналъ! Я составлялъ и носилъ въ головѣ идею вѣрно обдуманнаго, непреложнаго журнала, заключателя въ себѣ и сѣятеля истинъ и добра. *Я готовилъ даже и отъ себя написать нѣкоторыя статьи для него, я, который далъ клятву никогда не участвовать ни въ какомъ журналѣ и не давать никуда своихъ статей*". Какъ видно изъ этихъ словъ, Погодинъ еще не налегалъ тогда на Гоголя въ данномъ отношеніи, да не имѣлъ пока и повода къ тому; но вотъ слово сказано, и если оно не вселило въ Погодина новый планъ, то со временемъ помогло его намѣренію эксплоатировать Гоголя за сдѣланные долги. Лишь-только онъ задумалъ основать „Москвитянинъ", какъ поспѣшилъ ухватиться за неосторожно данное обѣщаніе въ минутномъ порывѣ дружескаго участія. Взаимныя пререканія съ Погодинымъ начались, вѣ-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 389.
[2]) Тамъ же, 389—393.

роятно, еще до отъѣзда Гоголя за границу въ 1840 г., но они еще не успѣли пока обостриться. Изъ дальнѣйшихъ писемъ ясно, что съ одной стороны давняя пріязнь еще не ослабѣла, но съ другой стороны уже пробѣгаютъ тѣни, предвѣстники скораго разрыва. Однажды, напримѣръ, Гоголь даже не рѣшился отправить пріятелю написанное ему письмо и находилъ послѣ, что „хорошо сдѣлалъ". Кромѣ того, Погодинъ чѣмъ-то подалъ ему поводъ сказать: „Я тебѣ прощаю, что ты огорчилъ меня. Ты многаго не понялъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ во мнѣ. Ты суровымъ упрекомъ мужа встрѣтилъ меня тамъ, гдѣ разстроенная душа моя ждала участія нѣжнаго, почти женскаго. *Я былъ боленъ тогда душою*" [1]). Въ томъ же письмѣ Гоголь жалуется, что Погодинъ хотѣлъ у него „*разомъ* отнять и глубину чувствъ, и душу, и сердце, и назначить мѣсто даже ниже самыхъ обыкновеннѣйшихъ людей". Здѣсь даетъ себя чувствовать извѣстная топорность Погодина, который способенъ былъ *сразу* и безъ долгихъ колебаній причинить обиду самому близкому человѣку. Натянутость отношеній, на время освѣженныхъ послѣ разлукой, помѣшала Гоголю даже прослушать чтеніе интересовавшей его русской исторіи, составленной Погодинымъ.

Вся эта закулисная цѣпь взаимныхъ неудовольствій неизбѣжно должна быть указана для правдиваго освѣщенія отношеній Гоголя къ его московскимъ пріятелямъ. Только совокупность ихъ разъясняетъ, почему обстоятельства, вынуждавшія Гоголя противъ воли пріѣзжать на родину, такъ дурно вліяли на расположеніе его духа и почему, не будучи отъ болѣзни въ силахъ сдерживаться, онъ выказывалъ себя подчасъ съ самой непривлекательной стороны. Дѣло въ томъ, что болѣе искреннія отношенія къ московскимъ друзьямъ у него были только *вначалѣ*, когда этому ничто не мѣшало, но потомъ съ началомъ *денежныхъ счетовъ* ихъ все больше омрачали часто набѣгавшія облака, а иногда даже грозно скоплявшіяся густыя тучи. Въ сношеніяхъ съ москвичами Гоголь почти никогда не могъ быть свободенъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше приходилось ему насиловать себя, одолжаться и въ то же

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 416. Погодинъ, въ свою очередь, въ письмѣ къ Максимовичу, относящемуся къ занимающему насъ времени, почему-то отозвался о Гоголѣ такъ: «чудакъ онъ превеликій!». См. «Сборникъ II Отд. Имп. Академіи Наукъ, т. XXXI, стр. 25.

время сознавать, какъ во многомъ онъ расходится съ пріятелями, что̀ отъ нихъ, впрочемъ, тщательно скрывалось, не только въ виду личнаго расположенія и нежеланія споровъ, но и необходимости продолжать пользоваться приносимыми для него жертвами. Установленію нормальныхъ отношеній вредило прежде всего то, что Гоголь тяготился нѣкоторыми невозможными для него требованіями, настойчиво предъявляемыми ему, не смотря на кажущуюся снисходительность и любовь пріятелей. Москвичи возмущались неудержимымъ стремленіемъ Гоголя при первой возможности ѣхать въ Италію, тогда какъ онъ, соглашаясь съ ними теоретически, при всей любви къ нимъ и къ Москвѣ, не мирился съ навязываемой перспективой безвыѣзднаго пребыванія въ послѣдней. Кромѣ того, москвичи деспотически присвоили себѣ монополію дружбы съ Гоголемъ, мало заботясь о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ такая постановка дѣла, и при своей нетерпимости гремя проклятіями „Сѣверный Вавилонъ“, не допускали и мысли о возможности сношеній Гоголя въ Петербургѣ не только съ такими, по ихъ представленію, отверженными людьми, какъ Бѣлинскій, но косо смотрѣли даже на дружбу его къ школьному товарищу Прокоповичу. Они рѣшили, что въ Петербургѣ для Гоголя могутъ существовать развѣ Плетневъ да Жуковскій, или, пожалуй, еще такіе несомнѣнные представители вполнѣ благонамѣренной аристократіи, какъ графъ Віельгорскій или А. О. Смирнова. Но Бѣлинскій, Краевскій, Полевой не могли существовать для Гоголя. Всего ужаснѣе было то, что, любя Гоголя и осыпая его вещественными доказательствами дружбы, москвичи получили въ его и въ своихъ собственныхъ глазахъ какія-то широкія права на его личность и убѣжденія. Гоголь же не умѣлъ или не могъ поставить себя прямо и независимо среди нихъ. Аксаковымъ хотѣлось бы передѣлать его въ зрѣлыхъ годахъ по своему вкусу и убѣжденіямъ, и ихъ безсознательный деспотизмъ обезоруживалъ его благодаря высотѣ ихъ идеаловъ и несомнѣнно вполнѣ благородной и безкорыстной преданности къ нему, а Погодинъ скоро началъ просто считать своимъ правомъ обратить Гоголя за долгъ въ обязательные работники для „Москвитянина“. Фальшивое положеніе Гоголя между фанатизмомъ искренней любви (впрочемъ, большая примѣсь корыстнаго разсчета можетъ быть признана у одного лишь Погодина) и

своими не признаваемыми со стороны друзей душевными побужденіями вовлекало его въ неискренность, которою тѣ, въ свою очередь, обижались. Послѣ этого понятенъ его стонъ въ письмѣ къ Погодину: „Боже! другому человѣку, чтобы оправдать себя достаточно двухъ словъ, а мнѣ нужны цѣлыя страницы!“ [1]) и его позднѣйшее въ минуту гнѣва признаніе Аксаковымъ, что они всегда любили его больше, чѣмъ онъ ихъ. И во всю остальную жизнь Гоголь чувствовалъ себя крѣпко связаннымъ съ друзьями, всегда готовыми принять въ немъ участіе, не смотря даже на неудовольствія, всегда расположенными и преданными (опять кромѣ Погодина), но невольно заставлявшими задыхаться въ деспотическомъ излишествѣ попеченій, отъ которыхъ Гоголю такъ пріятно бывало отдохнуть въ обществѣ болѣе симпатичныхъ ему великосвѣтскихъ друзей или среди такихъ непритязательныхъ людей, какъ Языковъ, Щепкинъ и особенно Ивановъ.

Указанная нами сущность отношеній Гоголя къ его московскимъ друзьямъ яснѣе обозначилась впослѣдствіи, и къ характеристикѣ ея мы еще возвратимся; но и въ занимающее насъ время она ярко обрисовывается уже въ первыхъ письмахъ послѣ разлуки съ ними въ 1840 г. Такъ, онъ писалъ тогда Погодину: „Со страхомъ я гляжу самъ на себя. Я ѣхалъ бодрый, свѣжій, на трудъ, на работу... Теперь... Боже! столько пожертвованій сдѣлано для меня моими друзьями... *Когда я ихъ выплачу!*“ А я думалъ, что въ этомъ году уже будетъ у меня готова вещь, которая за однимъ разомъ меня *выкупитъ*, сниметъ тяжести, которыя лежатъ на моей безсовѣстной совѣсти“ [2]). Съ другой стороны Гоголь хлопоталъ еще о мѣстѣ при Кривцовѣ [3]) и, жалуясь на свой пріѣздъ въ Россію, такимъ образомъ оправдывалъ свое постоянное влеченіе къ заграничной жизни: „Все другое“ — писалъ онъ — „изгладилось изъ моей памяти, даже прежнее, и вмѣсто этого одно только нужное и чистое со мною, все, чтò удалось мнѣ еще болѣе узнать въ друзьяхъ моихъ, — и я въ моемъ болѣзненномъ состояніи поминутно дѣлаю упрекъ себѣ: „И

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 428. Впослѣдствіи это взаимное непониманіе стало постояннымъ. (См. между прочимъ «Русская Жизнь» 1892, № 71).

[2]) Стр. 419.

[3]) Позднѣе онъ высокомѣрно отвѣтилъ Кривцову на предложеніе незначительнаго мѣста, что не взялъ бы и его собственное мѣсто (т. V, стр, 449).

зачѣмъ я ѣздилъ въ Россію!"[1]). Тяжело было ему писать въ это время письма; такъ однажды онъ сознавался въ этомъ Погодину въ слѣдующемъ выраженіи: „Долго я писалъ это письмо, и останавливался, и вновь принимался писать, и уже хотѣлъ изодрать его, и скрыть все отъ тебя; но грѣхъ былъ бы на моей душѣ"[2]). Уже тогда постоянно приходилось увѣрять друзей и въ болѣзни, и въ ожидаемыхъ блестящихъ успѣхахъ, которые дадутъ возможность уплатить имъ долги, и вообще Гоголь переживалъ со всѣми послѣдствіями непріятное положеніе человѣка, нуждающагося въ другихъ и не умѣющаго освободиться отъ невеселой роли неоплатнаго должника. Иногда у него вырывались даже такія признанія: „Мнѣ бы хотѣлось скрыть отъ друзей моихъ мое положеніе. Письмо мое издери въ куски. Я храбрюсь всѣми силами"[3]). Въ послѣднихъ словахъ вырвалось наружу все, что угнетало тогда Гоголя.

III.

Пріѣхавъ изъ Москвы въ Вѣну, лѣтомъ 1840 г., Гоголь почувствовалъ послѣ дороги отдыхъ и освѣженіе отъ груза московскихъ впечатлѣній; къ тому же геморроидальныя и желудочныя боли, давно мучившія его, нѣсколько поутихли. Замѣтивъ вскорѣ непривычный приливъ силъ отъ благодатнаго дѣйствія маріенбадскихъ водъ, онъ, не смотря на запрещеніе доктора, съ лихорадочнымъ жаромъ принялся за работу. *Это неумѣренное напряженіе привело къ истощенію силъ, къ той болѣзни, которая способствовала окончательному вступленію его на пагубную стезю мистицизма, на коей вмѣсто достиженія фантастически-грандіозныхъ задачъ ему суждено было похоронить свое творчество.* Но его увлекла и обольстила порывистая вдохновенная работа, которая притомъ служила не только удовлетвореніемъ художественной потребности, но и исходомъ миражамъ больного воображенія и, наконецъ, средствомъ избавленія отъ тяжелаго нравственнаго порабощенія и даже насущнымъ хлѣбомъ въ самомъ горькомъ значеніи этого слова. Онъ ни на минуту не могъ забыть, что въ его трудѣ

[1]) Стр. 420.
[2]) Стр. 419.
[3]) Стр. 421.

заключалось для него все: исполненіе призванія, способъ дѣйствовать на общество, наконецъ единственная возможность для расплаты съ долгами. Онъ уже не былъ тогда, какъ въ прежніе годы, баловнемъ вдохновенія и, боясь пропустить счастливый моментъ, надорвалъ только-что возобновленныя силы: съ такимъ страстнымъ воодушевленіемъ при давно не испытанномъ успѣхѣ онъ предался творчеству послѣ продолжительнаго перерыва! Теперь снова все отступило на послѣдній планъ передъ ужаснымъ физическимъ состояніемъ, которое Гоголь такъ описывалъ Погодину: „лѣченіе можетъ быть довольно опасно: то, что̀ могло бы помочь желудку, дѣйствовало разрушительно на нервы, а нервы обратно на желудокъ. Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться. Ни двухъ минутъ не могъ я остаться въ такомъ положеніи ни на постели, ни на стулѣ, ни на ногахъ. О, это было ужасно, это̀ была та самая тоска, то ужасное безпокойство, въ какомъ я видѣлъ бѣднаго Віельгорскаго въ послѣднія минуты жизни“ [1]). Почувствовавъ себя на краю гроба, на чужой сторонѣ и среди чуждыхъ людей, безпомощнымъ и почти одинокимъ, съ тяжелымъ сознаніемъ невыполненнаго призванія и съ совѣстью, отягощенной долгами и натянутыми отношеніями къ друзьямъ, Гоголь испыталъ весь леденящій ужасъ предсмертной тоски (такой она ему тогда показалась). Онъ сознавалъ свое положеніе и наскоро, собравшись съ силами, „нацарапалъ, какъ могъ, тощее духовное завѣщаніе, чтобы хотя долги его были выплачены немедленно послѣ смерти“ [2]). Но не желая, по его словамъ, умереть среди нѣмцевъ, онъ при первой возможности перебрался въ Римъ, гдѣ вскорѣ впалъ въ еще болѣе мучительную болѣзнь. Готовясь къ послѣднему разсчету съ жизнью, онъ не могъ не оглянуться на пройденный жизненный и литературный путь, и былъ потрясенъ грустнымъ сознаніемъ мнимаго ничтожества и безплодности его великихъ созданій. Впослѣдствіи къ нему не разъ возвращались тяжкіе пароксизмы ужаса и тоски, воскресавшіе съ новой силой при каждомъ благопріятномъ случаѣ и разрѣшавшіеся чаще всего сожженіемъ своихъ сочиненій. Одна изъ старыхъ и давно забытыхъ

---

1) Стр. 418.

2) Тамъ же.

статей о Гоголѣ пыталась установить связь между истребленіемъ самыхъ раннихъ и позднѣйшихъ литературныхъ трудовъ Гоголя, и дѣйствительно, ничто не мѣшаетъ намъ видѣть въ подобныхъ случаяхъ дѣйствіе однихъ и тѣхъ же повторявшихся мотивовъ и рефлексовъ, но рѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ предоставить спеціалистамъ-психологамъ. Не упоминая о сожженіи Ганца Кюхельгартена, названная статья замѣчаетъ: „Еще въ 1830 году, въ примѣчаніи къ одной главѣ изъ историческаго романа его „Гетьманъ", напечатанной въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1831 годъ", сказано было, что первая часть этого романа *сожжена,* потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ. Эта страсть къ сожженію прежнихъ трудовъ составляетъ замѣчательную черту въ характерѣ Гоголя — черту, которая заставила его такъ каяться въ послѣднія минуты жизни и вызвала слезы даже у равнодушнаго Семена, свидѣтеля сожженія всѣхъ (?) рукописныхъ трудовъ своего барина" [1]). Хотя въ 1840 г. Гоголь не сжегъ своихъ сочиненій, но онъ и тогда пережилъ состояніе, аналогичное съ тѣмъ, которое погубило второй томъ „Мертвыхъ Душъ" и съ пережитымъ въ 1845 г., когда онъ пытался его даже передать въ извѣстномъ мѣстѣ „Завѣщанія": „Соотечественники! страшно!... Замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой" [2]) и проч.

Глубокое религіозное чувство никогда не было чуждо Гоголю; но теперь оно наложило яркую и своеобразную печать на все его міросозерцаніе. Еще до болѣзни, взявъ изъ института сестеръ, онъ позаботился призвать въ Москвѣ для занятій и духовной бесѣды съ ними архимандрита Макарія, при чемъ самъ прислушивался по цѣлымъ часамъ къ его урокамъ [3]). Въ Москвѣ же онъ видѣлся потомъ (въ 1842 г.)

---

1) «Библіотека для Чтенія», 1855, X, критика, стр. 2.

2) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 8.

3) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 399. Объ этомъ архимандритѣ (миссіонерѣ), пріѣхавшемъ съ Алеутскихъ острововъ, и о скукѣ на его урокахъ см. откровенный разсказъ сестры Гоголя («Русь», 1885, № 26, стр. 8), находившей, что его уроки и бесѣды были крайне утомительны.

съ Иннокентіемъ и вообще уже началъ чувствовать потребность въ назиданіи со стороны духовныхъ лицъ. Можетъ-быть, отчасти подъ вліяніемъ такихъ уроковъ и бесѣдъ, а также иной разнообразной духовной пищи, получаемой изъ чтенія книгъ религіознаго содержанія, которыя онъ тогда началъ усиленно изучать, — по миновании ужасовъ мнимой предсмертной тоски у него прочно утвердилось убѣжденіе, что на выздоровленіе нельзя иначе смотрѣть, какъ на чудесное избавленіе, въ которомъ Господь явилъ на немъ свое милосердіе, тѣмъ самымъ призывая его къ великому, еще небывалому подвигу, необходимому для спасенія всего русскаго народа. Въ этой мистической увѣренности и заключались сѣмена той мнимой гордыни, въ которой такъ много и въ сущности безъ вѣскаго основанія осуждали Гоголя. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его душу запало непоколебимое убѣжденіе въ призрачности и ничтожествѣ всѣхъ посылаемыхъ людямъ свыше бѣдствій, имѣющихъ, по его мнѣнію, смыслъ „экзамена, на которомъ мы должны показать, что̀ мы извлекли изъ своей жизни и какъ учились святой наукѣ Божіей“[1]); отсюда далѣе вѣра въ спасительность болѣзней и испытаній, въ ихъ высокое назначеніе воспитывать человѣка и приготовлять къ духовному подвигу, вѣра въ непогрѣшимость и могущество собственнаго слова, предназначеннаго раскрыть глаза находящимся въ слѣпотѣ людямъ, съ которыми онъ обязанъ дѣлиться „душевными открытіями“, какъ дарованной ему свыше особой благодатью.

Весь этотъ туманъ представлялся Гоголю истиннымъ свѣтомъ, а болѣзни заставляли его все больше отворачиваться отъ ужасной дѣйствительности, углубляться въ свой внутренній міръ и искать *спасенія въ мистицизмѣ*. Мы приводили неутѣшительный взглядъ Панова на состояніе организма Гоголя, но такой взглядъ былъ слишкомъ безотраденъ, чтобы къ нему могло присоединиться заинтересованное лицо и тѣмъ болѣе самъ страждущій; ему естественно не доставало мужества взглянуть въ глаза грозившему несчастію, и вотъ духовныя открытія все чаще приходятъ на помощь и очень скоро становятся привычнымъ средствомъ отгонять сомнѣнія и страхи; все больше крѣпнетъ убѣжденіе, что „препятствія суть наши

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 399.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 449.

крылья, которыя даются для того, чтобы сдѣлать насъ сильнѣе и ближе къ цѣли"; все больше укореняется въ Гоголѣ надежда, что Провидѣніе спасетъ его, потому что подобныя внушенія, какъ полученное имъ относительно послѣднихъ томовъ „Мертвыхъ Душъ", „не приходятъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета"[1]). Поэтому онъ оставляетъ на неопредѣленное время начатую комедію съ сюжетомъ изъ малороссійскаго быта, надъ которой работалъ въ Вѣнѣ на глазахъ Панова, и весь отдается созданію „Мертвыхъ Душъ", отрываясь отъ нихъ лишь для окончательной редакціи „Ревизора" и другихъ, произведеній приготовляемыхъ къ напечатанію въ первомъ собраніи его сочиненій.

IV.

Оправившись отъ болѣзни, Гоголь въ мартѣ 1841 г. сталъ снова собираться въ Москву для печатанія перваго тома „Мертвыхъ Душъ". Ему снова захотѣлось увидѣться съ друзьями, но онъ все таки въ преувеличенномъ видѣ представлялъ это въ своихъ письмахъ къ Аксаковымъ, въ которыхъ заявлялъ о своей горячей благодарности и посылалъ имъ заочные поцѣлуи „въ задатокъ" поцѣлуевъ личныхъ. На бѣду Аксаковы были слишкомъ склонны по-своему толковать каждую строку Гоголя, гдѣ онъ хотя мимоходомъ выражалъ естественное сочувствіе Россіи и между прочимъ Москвѣ, толковать въ смыслѣ яко бы благопріятнаго поворота въ его убѣжденіяхъ, и заранѣе торжествовали обращеніе Гоголя на путь истинный. Ясное доказательство этого представляютъ поясненія, которыми С. Т. Аксаковъ сопровождаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ письмо Гоголя отъ 28-го декабря 1840 г. Не находя былого духовнаго удовлетворенія въ Римѣ, Гоголь старается, по своему обыкновенію, увѣрить себя и другихъ, что все клонится къ благу для него и что даже на самыя неудачи, (и, напр., въ хлопотахъ получить мѣсто при Кривцовѣ) слѣдуетъ смо-

---

[1]) Гоголь полагалъ, что его мысли и слова до такой степени освящались и просвѣтлялись внутренней молитвой, что онѣ выше сомнѣній и анализа. Онъ съ величайшей увѣренностью утверждалъ, что «изъ источника этого исходитъ одинъ только свѣтъ» (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 20), и не задавалъ себѣ вопроса, услышана ли, принята ли его молитва. — Сходный отчасти взглядъ высказанъ въ «Русской Жизни», 1892 г., № 71.

трѣть какъ на особенное счастье. Въ порывѣ мистическаго восторга онъ восклицаетъ: „Я радъ всему, всему, что̀ ни случается со мною въ жизни, и какъ погляжу я только, къ какимъ чуднымъ пользамъ и благу вело меня то, что̀ называютъ въ свѣтѣ неудачами, то растроганная душа моя не находитъ словъ благодарить невидимую Руку, ведущую меня“ [1]). Съ этой точки зрѣнія Гоголь перемѣняетъ взглядъ и на самую поѣздку свою въ Россію, которую еще недавно считалъ для себя безусловнымъ несчастіемъ; напротивъ, теперь онъ признаетъ ее въ высшей степени благотворной. „Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ“ — писалъ онъ Аксакову, — „котораго значенія я даже не понималъ вначалѣ, заключается много, много для меня. Многое, что̀ казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда-либо близко принимать къ сердцу“ [2]). Слова эти не были поняты С. Т. Аксаковымъ, какъ онъ самъ въ томъ сознается, да и не могли быть понятны, вытекая изъ давняго, но ни разу не высказаннаго въ обыденныхъ разговорахъ убѣжденія Гоголя, которое, показавшись Аксакову новымъ, озадачило его. Въ связи съ приведенными строками, Аксакова сбило мелькнувшее теплое воспоминаніе Гоголя о самомъ пламенномъ его московскомъ почитателѣ, Константинѣ Сергѣевичѣ, котораго въ порывѣ лирическаго паѳоса, Гоголь назвалъ „юношей полнымъ силъ и всякой благодати“, — и этого было достаточно, чтобы Аксаковы пріятно изумились мнимымъ духовнымъ возрожденіемъ Гоголя якобы въ желательномъ для нихъ смыслѣ, на что, казалось, намекали мимоходомъ сказанныя слова: „Я вашъ! Москва моя родина!“. Они поторопились принять случайную вспышку вдохновеннаго восторга за вступленіе въ лоно правовѣрнаго славянофильства. Между тѣмъ ничего подобнаго и не бывало. Такъ, въ 1842 г. Гоголь писалъ Максимовичу: „Если бы ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь [3])“. Итакъ могли бы

[1]) Тамъ же, стр. 426.
[2]) Стр. 427.
[3]) Стр. 456.

сказать славянофилы, что Гоголь ничего не забылъ и ничему не научился. Въ письмѣ къ Плетневу также слышатся прежнія ноты; послѣдняго Гоголь также увѣрялъ, что ему нуженъ тихій уголъ въ Римѣ, куда не доходили бы „тревоги и волненія“ [1]); Балабиной же онъ съ особенной рѣзкостью жаловался: „Вы знаете, какую глупую роль играетъ моя странная физіономія въ нашемъ родномъ омутѣ, куда я не знаю, за что попалъ! Съ того времени, какъ ступила моя нога на родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ [2])“. Встрѣча Гоголя по дорогѣ въ Россію съ Языковымъ въ Ганау возбудила въ немъ желаніе остаться надолго, если не навсегда, въ Москвѣ, но, кажется, всѣ эти моментальныя рѣшенія много зависѣли отъ представлявшейся ему перспективы такъ или иначе устроиться среди близкихъ людей, такъ какъ онъ давно уже получилъ привычку располагать своими маршрутами, смотря по тому, куда направляли путь его знакомые. Но Языкову не удалось исполнить свое намѣреніе, а отношенія Гоголя къ Погодину становились съ каждымъ днемъ все болѣе натянутыми, и Гоголя снова потянуло въ Римъ. Сверхъ того, у него зародилось уже желаніе ѣхать въ Іерусалимъ, и его нельзя было больше удержать въ Москвѣ. Гоголь, впрочемъ, до послѣдней возможности таилъ свои намѣренія, и открылъ ихъ только тогда, когда скрывать ихъ было ужъ рѣшительно невозможно. А Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ уже давно въ преждевременной радости при встрѣчѣ въ Петербургѣ съ Бѣлинскимъ разсказывалъ ему, что Гоголя „начинаетъ занимать Россія“, что онъ „грустить о ней, ибо увидѣлъ, что въ ней есть люди“ [3]). Нѣсколько строкъ, сказанныхъ Гоголемъ въ письмѣ *между прочимъ*, переходя въ славянофильскомъ кружкѣ изъ устъ въ уста, сообщали невѣрное представленіе о совершившемся въ немъ переворотѣ. И не разъ неумѣренный энтузіазмъ Аксаковыхъ вводилъ ихъ въ ошибки. Такъ позднѣе загадочное обѣщаніе

---

1) Стр. 458.

2) Стр. 456—457.

3) «Бѣлинскій. Его жизнь и переписка», А. Н. Пыпина, т. II, стр. 83. Тамъ же приведены слова Бѣлинскаго В. П. Боткину: «Аксаковъ сказывалъ, что Гоголь пишетъ къ нему, что онъ убѣдился, что у него чахотка». Въ этихъ словахъ слышны отголоски письма Гоголя къ М. П. Погодину. (Соч. и письма Гоголя, V, 418).

Гоголя обрадовать ихъ подаркомъ, подъ которымъ разумѣлась просто присылка книги „Подражаніе Христу“ [1]), было принято почему-то за обѣщаніе прислать второй томъ „Мертвыхъ Душъ“. Но самымъ яркимъ доказательствомъ и примѣромъ ихъ взаимнаго непониманія можетъ служить особенно все письмо Гоголя отъ 18-го августа 1842 г. о предполагаемой поѣздкѣ въ Іерусалимъ [2]). Замѣтимъ кстати, что Сергѣй Тимоѳеевичъ сильно заблуждался относительно вліянія своего сына на Гоголя. Очень можетъ быть, что слова послѣдняго производили нѣкоторое впечатлѣніе на Гоголя, плѣняли его юношескимъ чистымъ воодушевленіемъ; можетъ быть и то, что Гоголь только по свойственной ему скрытности не хотѣлъ выказывать внутренняго движенія, которое возбуждала въ немъ восторженная рѣчь молодого энтузіаста [3]); но это нисколько не мѣшало напротивъ ему импонировать юношѣ, что̀ и доходило даже до того, что, будучи противникомъ Гегелевской философіи, впрочемъ безъ достаточнаго знакомства съ нею, Гоголь имѣлъ смѣлость и не безъ успѣха предостерегать своего поклонника отъ ея „односторонности“, такъ что юный Аксаковъ извинялся и оправдывался въ своихъ увлеченіяхъ, получивъ совѣтъ пробираться самому на русскую дорогу, а нѣмецкую философію употребить развѣ „какъ лѣсъ для поднятія на извѣстную вышину, съ которой можно начать зданіе, полетящее (sic) къ небесамъ“ [4]) и проч. Въ то время, какъ Аксаковы пытались уговорить Гоголя остаться навсегда въ Москвѣ, Гоголь, напротивъ, сумѣлъ ихъ убѣдить отпустить любимаго сына въ Италію, что̀ было бы особенно пріятно для него, любившаго встрѣчаться въ Римѣ съ дорогими и близкими людьми, при чемъ ему было бы также удобно при возвращеніи на родину возложить на Аксакова „продѣлки дорожныя“ [5]), которыя ему, какъ больному, были мучительны

---

[1]) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 46 и «Русск. Арх.» 1890, VIII, 127. Но слова Гоголя: «Я придумалъ всѣ средства, которыя могли внушить внутренніе душевные опыты, и благословясь, рѣшился послать вамъ одно душевное средство противъ душевныхъ тревогъ», рѣшительно невозможно было понять такъ, какъ поняли Аксаковы.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 485—491.

[3]) «Русск. Арх.» 1890, VIII, 46.

[4]) «Русская Старина» 1890, II, стр. 407.

[5]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 445.

и невыносимы. Но у Аксаковыхъ въ это время произошли семейныя несчастія[1]), и поѣздка въ Италію Константина Сергѣевича не состоялась. Во всякомъ случаѣ, горячій поклонникъ Гоголя, высоко цѣнившій не только его талантъ, но и мнѣнія и взгляды и часто бесѣдовавшій съ нимъ съ увлеченіемъ (особенно объ искусствѣ), молодой Аксаковъ любилъ и уважалъ Гоголя такъ, какъ едва ли кто-нибудь могъ любить его, и нѣкоторое время находился подъ его нравственнымъ вліяніемъ.

V.

Недоразумѣнія Гоголя съ друзьями осложнялись еще разными побочными обстоятельствами, которыя усиливали недовѣріе къ нему, дѣлая его непонятной загадкой. Какъ въ самомъ дѣлѣ было согласить москвичамъ его желаніе, выражаемое въ цѣломъ рядѣ писемъ, поскорѣе увидѣть ихъ, прижать ихъ къ своей „русской груди“ и никогда не разставаться съ ними, — и постоянное неудержимое стремленіе его обратно за границу? Кому не покажется страннымъ, что послѣ увѣреній, что „Москва его родина“[2]), что ему пріятно будетъ видѣть „друзей, моихъ родныхъ друзей“[3]), Гоголь вскорѣ въ каждомъ письмѣ писалъ Иванову инструкціи, показывающія, что онъ и не думалъ разставаться съ Римомъ. Такія выраженія въ письмахъ къ послѣднему, какъ напр.: „заплатите хозяину, а мы съ вами сочтемся“ или „напишите мнѣ, далъ ли я вамъ ключъ отъ сундука съ моими книгами и запертъ ли онъ?“ и его обѣщаніе „увидѣться съ Ивановымъ, увидѣться непремѣнно“[4]), — все это доказываетъ, что если Гоголь не подавалъ москвичамъ завѣдомо ложныя надежды, то во всякомъ случаѣ предоставлялъ рѣшеніе вопроса о своемъ будущемъ — времени и обстоятельствамъ. Затѣмъ деньги, занимаемыя Гоголемъ у Погодина, шли отчасти на покрытіе его собственныхъ долговъ и издержекъ, отчасти предназначались на выручку бѣдствующихъ пріятелей въ Римѣ, что было очень благородно со стороны Гоголя, по чему, вѣроятно, не осо-

---

[1]) Въ этомъ году умерли зять и младшій сынъ Сергѣя Тимоѳеевича («Русскій Арх.», 1890, VIII, 39).

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 437.

[3]) Тамъ же, стр. 438.

[4]) См. стр. 419, 452 и 455.

бенно сочувствовалъ Погодинъ, если зналъ объ этомъ; въ противномъ же случаѣ едва ли онъ могъ не изумляться, куда же такъ быстро расходуются Гоголемъ деньги. Такъ, въ маѣ 1841 г. Гоголь получилъ отъ Погодина 2000 фр.[1]), послѣ чего вскорѣ вновь ожидалась такая же сумма. Впрочемъ Гоголь и самъ часто занималъ у Иванова и относился съ самымъ теплымъ товарищескимъ участіемъ не только къ нему, но и къ его ученику, юному художнику Шаповалову, или Шаповаленкѣ, какъ его обыкновенно называли въ своемъ кружкѣ. Гоголь много сдѣлалъ для послѣдняго; такъ онъ устроилъ въ его пользу публичное чтеніе „Ревизора“ [2]) въ домѣ княгини Зинаиды Волконской, когда узналъ, что вслѣдствіе непредвидѣннаго отказа въ пособіи Обществомъ поощренія русскимъ художникамъ Шаповаловъ буквально остался было безъ куска хлѣба. Для ближайшаго ознакомленія съ отношеніями Гоголя къ названнымъ художникамъ сдѣлаемъ небольшое отступленіе. Въ числѣ многихъ пансіонеровъ Академіи Художествъ, жившихъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Римѣ, симпатіи Гоголя привлекали къ себѣ, хотя не въ одинаковой степени, Ивановъ, Іорданъ, Моллеръ и Шаповаловъ, отчасти также Рихтеръ. Трое первыхъ выгодно выдѣлялись изъ пестрой толпы своихъ собратовъ, такъ что Гоголь не могъ не отличать ихъ отъ остальныхъ; четвертый былъ его землякъ — малороссъ и возбуждалъ особенное участіе своимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Всѣ четверо названныхъ художниковъ составляли особый кружокъ [3]) и болѣе или менѣе гнушались другими, возбуждавшими въ нихъ и въ Гоголѣ чувство нравственной брезгливости. Гоголь презрительно отзывался о нихъ: „что за народъ! Каневскій, Никитинъ, Ефимовъ! ужасъ, какая тоска!“ [4]) Иногда также глумился Гоголь надъ Дмитріевымъ и Дурновымъ.

Такъ онъ возмущался пренебреженіемъ Дмитріева къ „рафаэлевскимъ селедкамъ“, какъ послѣдній называлъ школу Перуджина, а Ивановъ о Дмитріевѣ же говорилъ, что онъ

---

1) Ср. стр. 444, 452 и слѣд.

2) Боткинъ, «А. А. Ивановъ», стр. 137; «Русская Стар.», 1891, VIII, 247.

3) Объ ихъ встрѣчахъ въ Римѣ см. любопытный разсказъ въ «Запискахъ о жизни Гоголя», I, 326—331 и «Русск. Стар.», 1891, VII, 55—56.

4) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 364.

„ничего не имѣетъ и не умѣетъ“ [1]), но особенно презиралъ его за переходъ въ католицизмъ. Каневскій, будучи католикомъ, „успѣлъ пролѣзть къ папѣ“ и получить отъ него заказъ, доставившій ему орденъ Золотой Шпоры [2]), и не менѣе подобострастно заискивалъ въ начальникѣ русскихъ художниковъ, Кривцовѣ, которому угодилъ удачно нарисованнымъ портретомъ [3]). Каковы были эти и подобныя имъ личности, можно судить по тому, что во время пріѣзда Жуковскаго съ Наслѣдникомъ въ Римъ, они, ходатайствуя о милостяхъ для себя, не могли воздержаться хоть при высокихъ гостяхъ отъ интригъ, сплетенъ и взаимнаго шпіонства, чѣмъ сильно уронили себя въ глазахъ Жуковскаго. Ивановъ со стыдомъ и горечью писалъ объ этомъ отцу, сообщая между прочимъ, что, обратившись къ покровительству Жуковскаго, пенсіонеры не имѣли даже настолько такта и благоразумія, чтобы исполнить единственную просьбу Жуковскаго, направленную къ ихъ же собственной пользѣ: когда наслѣдникъ захотѣлъ имъ сдѣлать заказы, то порученіе Жуковскаго собрать по этому дѣлу необходимыя свѣдѣнія передавалось изъ рукъ въ руки, пока все дѣло не принялъ на себя наконецъ Ивановъ [4]). Съ Жуковскимъ познакомилъ его Гоголь, объяснивъ трудность положенія Иванова въ Римѣ безъ средствъ и покровительства. Жуковскій обѣщалъ Иванову поддержку и выхлопоталъ ему вспомоществованіе на три года, но имѣлъ неосторожность пренебречь нѣкоторыми формальностями, вслѣдствіе которыхъ произошла обременительная для Иванова задержка [5]). Притомъ въ назначенный срокъ Иванову все-таки нельзя было кончить картину, и спустя два года пришлось снова безпокоить Жуковскаго. Надо замѣтить, что Ивановъ совсѣмъ не умѣлъ держать себя въ обществѣ и часто вслѣдствіе полнѣйшей неопытности въ жизни портилъ свои дѣла въ сношеніяхъ съ высокопоставленными лицами, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба сталкивала его съ такими благородными и свѣтлыми личностями, какъ Жуковскій. Такъ въ просительныхъ письмахъ къ Жуковскому ему ничего

---

[1]) Боткинъ, «А. А. Ивановъ», стр. 118.

[2]) Тамъ же, стр. 135 и 139.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 321.

[4]) Боткинъ, «А. А. Ивановъ», стр. 113.

[5]) Тамъ же, стр. 123.

не стоило употреблять такія выраженія, какъ напр.: „Извѣстно, что труды мои хотя и заслуживали всеобщее одобреніе, но никогда не были заплачены“ или „крайне сожалѣю, что, на мою бѣду, у Государя Наслѣдника не случился на лицо человѣкъ, способный понять мою просьбу“[1]). Едва ли подобный тонъ писемъ могъ нравиться даже такому снисходительному и доброму человѣку, какъ Жуковскій; по крайней мѣрѣ Ѳ. В. Чижовъ, хорошо знавшій обоихъ и ихъ взаимныя отношенія, не очень одобрялъ его. „Натурально, что это все неделикатно, не обработано“ — оправдывался Ивановъ — „но что же дѣлать? Я иначе не умѣю. Я васъ уже предварялъ, что въ письмахъ я грубъ, а это поправить выше силъ моихъ“[2]). Чижовъ между прочимъ передалъ Иванову вырвавшіяся у Жуковскаго, несомнѣнно въ минуту досады, жесткія слова: „да куда онъ пишетъ такія картины, вѣдь и поставить некуда?“[3]). Гоголь вступился за Иванова передъ Жуковскимъ; онъ даже не нашелъ возможнымъ ограничиться только письмомъ, но проѣздомъ черезъ Германію (осенью 1841 г.) „гонялся за нимъ и поймалъ его уже во Франкфуртѣ“[4]). Къ сожалѣнію, Жуковскому было тогда не до чужихъ дѣлъ: онъ тогда только-что женился и, поселившись послѣ свадьбы въ Дюссельдорфѣ, ѣздилъ навѣщать новыхъ родныхъ и, наконецъ, можно думать, что, не смотря на все его великодушіе и доброту, его, повидимому, начинали иногда тяготить и утомлять нескончаемыя просьбы. Стараясь поддержать въ Ивановѣ бодрость и спокойствіе души, Гоголь скрылъ отъ него неожиданный для себя самого холодный пріемъ Жуковскаго, о которомъ мы можемъ вывести приблизительное заключеніе, если обратимъ вниманіе на слѣдующія строки письма къ нему Гоголя отъ 26 іюня 1842 года: „Мнѣ не хотѣлось, чтобы свиданіе наше было похоже на свиданіе прошлаго года, когда у васъ было много заботъ и развлеченій *и было вовсе не до меня*. Я помню, какъ, желая передать вамъ сколько-нибудь блаженство души моей, я не находилъ словъ въ разговорѣ съ вами,

---

1) Тамъ же, стр. 133 и 151.

2) Тамъ же, стр. 152. О Чижовѣ библіографич. указанія въ «Русской Старинѣ» 1889, VIII, 363—380.

3) Боткинъ, «А. А. Ивановъ», стр. 152. Впрочемъ для картины такихъ размѣровъ въ самомъ дѣлѣ требовалось большое помѣщеніе.

4) Соч. и письма Гоголя, т V, стр. 448—449.

издавалъ одни только безсвязные звуки, похожіе на бредъ безумія, и, можетъ быть, до сихъ поръ осталось въ душѣ вашей недоумѣніе, за кого принять меня и что̀ за странность произошла внутри меня"[1]). Изъ приведенныхъ строкъ ясно также, что этотъ непривѣтливый пріемъ былъ совершенной случайностью, которой Гоголь и не думалъ придавать большого значенія, но которая все-таки надолго осталась въ его памяти, такъ что даже черезъ два года послѣ отмѣченнаго событія, собираясь ѣхать къ Жуковскому, Гоголь все еще осторожно и шутливо освѣдомлялся: „Если вы пріѣхали во Франкфуртъ, то напишите мнѣ объ этомъ, потому что и мнѣ хотѣлось бы пріѣхать во Франкфуртъ, но не хотѣлось бы въ такое время, когда вы еще устроиваетесь и не усѣлись, какъ слѣдуетъ, на мѣсто. А человѣкъ еще не усѣвшійся на мѣсто вообще сердитъ, нѣсколько любитъ окрыситься, а иногда даже и съѣздить по мордѣ некстати подвернувшагося человѣка. Не желая почувствовать на собственной кожѣ всего этого и поручая выкушать все это Даніилу, я пишу вамъ заблаговременно объ этомъ запросѣ"[2]). Впрочемъ была и другая причина нѣсколько стѣснительнаго положенія, въ которомъ находился Гоголь при свиданіи съ Жуковскимъ, именно та, которую онъ указываетъ въ письмѣ къ нему безъ даты, но несомнѣнно относящемся къ концу 1841 года: „Не пеняйте" — говорилъ тогда Гоголь — „что я до сихъ поръ не уплачиваю вамъ взятыхъ у васъ денегъ. Все будетъ заплачено, можетъ быть нынѣшнею же зимою. *Наконецъ не съ потупленными очами предстану къ вамъ*"[3]). Гоголь чувствовалъ, можетъ быть, и неловкость новой просьбы за Иванова, но къ Жуковскому обращались слишкомъ многіе и слишкомъ часто, и притомъ Гоголь рѣшился дѣйствовать энергически, давая съ своей стороны Иванову указанія и даже сочиняя за него прошенія, и настойчиво заявляя Жуковскому: „ему нужно помочь, иначе грѣхъ будетъ на душѣ"[4]). Къ тому же Гоголь былъ искренно любимъ Жуковскимъ и,

---

[1]) Тамъ же, стр. 479.

[2]) Тамъ же, т. VI, стр. 81. Даніилъ — слуга Жуковскаго, какъ это ясно изъ отвѣта послѣдняго. См. «Сборникъ Общества Любителей Русской Словесности», 1891 г., стр. 16 и 17.

[3]) «Русскій Архивъ» 1871, IV—V, 0945.

[4]) Тамъ же, 0943.

въ свою очередь, чувствовалъ себя съ нимъ свободнѣе, пользуясь его обществомъ съ тѣмъ же отраднымъ спокойствіемъ, какое онъ испытывалъ обыкновенно только въ сношеніяхъ съ самыми любимыми людьми, въ разсматриваемое же время особенно въ сношеніяхъ съ Языковымъ, о которыхъ мы скажемъ теперь нѣсколько словъ.

Въ числѣ друзей Гоголя, особенно имъ любимыхъ и находившихся съ нимъ въ ровныхъ, неизмѣнно близкихъ и искреннихъ отношеніяхъ, видное мѣсто принадлежитъ поэту Н. М. Языкову. Гоголя соединяли съ Языковымъ сходныя воззрѣнія на поэзію и литературу вообще, присущее имъ обоимъ глубокое религіозное настроеніе и, наконецъ, также въ значительной степени, тяжелыя страданія отъ физическихъ недуговъ. Ихъ взаимная привязанность, насколько можно судить по письмамъ, никогда не только не была серьезно омрачена какой-нибудь размолвкой, но даже и деликатно сдерживаемымъ взаимнымъ недовольствомъ. Одинъ только разъ уже въ 1846 г. въ письмахъ Гоголя къ Языкову промелькнула легкая тѣнь неудовольствія по поводу просьбы послѣдняго прислать что-нибудь въ издаваемый ихъ общимъ пріятелемъ Пановымъ „Московскій Сборникъ". Но, во всякомъ случаѣ, если недостатокъ такта побуждалъ иногда нѣкоторыхъ изъ друзей Гоголя диктаторски вмѣшиваться въ его личныя и семейныя дѣла и неловкимъ посредничествомъ растравлять его душевныя раны, то, несомнѣнно, что никогда ничего подобнаго не позволяли себѣ ни Жуковскій, ни Языковъ.

Личное знакомство Гоголя съ Языковымъ относится къ концу тридцатыхъ годовъ, но еще гораздо раньше случалось Гоголю съ восторгомъ говорить въ письмахъ о его поэзіи. Такъ, однажды, послѣ язвительнаго отзыва о разныхъ бездарныхъ писателяхъ, Гоголь восклицаетъ: „Попотчивать ли тебя (А. С. Данилевскаго) чѣмъ-нибудь изъ Языкова, чтобы закусить эту дрянь[1]) конфектами?" и вслѣдъ затѣмъ цитируетъ отрывокъ изъ одного стихотворенія[2]). Въ другой разъ, сравнивая Языкова съ Пушкинымъ, Гоголь характеризуетъ его поэзію весьма сочувственными чертами, хотя и не те-

---

[1]) Въ подлинникѣ употреблено гораздо болѣе сильное выраженіе, неудобное для печати.

[2]) Соч. и письма Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 172.

ряетъ перспективы въ этомъ сравненіи: „Стихи Языкова — любовь до брака: они эффектны, огненны и съ перваго раза ужъ овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь — это поэзія Пушкина: она не вдругъ обхватитъ васъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ болѣе она открывается, развертывается и, наконецъ, превращается въ величавый и обширный океанъ" [1]). Обѣ приведенныя здѣсь цитаты относятся къ 1832 и 1833 годамъ; позднѣйшіе отзывы Гоголя о Языковѣ слишкомъ извѣстны.

Первая встрѣча Гоголя съ Языковымъ задолго предшествовала ихъ совмѣстному сожительству въ Ганау въ августѣ 1841 года, когда они сошлись уже настолько, что предполагали по возвращеніи на родину вмѣстѣ поселиться въ Москвѣ. Одно не бывшее еще въ печати письмо *Н. М. Языкова* даетъ возможность точно установить, что въ первый разъ онъ видѣлся съ Гоголемъ въ Ганау 30 іюня 1839 года:

„Гоголь вчера былъ у насъ проѣздомъ въ Маріенбадъ. Съ нимъ весело! Онъ мнѣ очень понравился и знаетъ Римъ, какъ свои пять пальцевъ" и проч. (письмо отъ 1-го іюля 1839 г. изъ Ганау). Изъ переписки Языкова и его братьевъ видно, что прежде онъ не зналъ Гоголя. 19-го сентября 1841 года Языковъ такъ писалъ объ этомъ своей сестрѣ:

„Мнѣ пришлось еще зиму просидѣть въ Ганау. Братъ Петръ Михайловичъ разскажетъ тебѣ, почему, какъ и чего ради это сдѣлалось. Онъ отправился отсюда въ Дрезденъ, а потомъ и далѣе въ Питеръ и на Русь, вмѣстѣ съ Гоголемъ, который провелъ съ нами цѣлый мѣсяцъ [2]), *ожидая рѣшенія судьбы моей на будущій годъ*, если бы мнѣ ѣхать. Гоголь сошелся съ нами; обѣщался жить со мною вмѣстѣ, т.-е. на одной квартирѣ, по возвращеніи моемъ въ Москву. Онъ, кажется, написалъ много новаго и ѣдетъ издавать оное. Онъ премилый, и я радъ, что братъ Петръ Михайловичъ не одинъ пустился въ дальній путь, а съ товарищемъ, съ которымъ не можетъ быть скучно и который бывалъ и перебывалъ въ чужихъ краяхъ и знаетъ всѣ нѣмецкіе обычаи и повѣрія. Гоголь обѣщался пріѣхать пожить и въ Симбирскѣ, чтобы получить истинное понятіе о странахъ приволжскихъ. Это было бы намъ хорошо".

---

[1]) Изд. Кулиша, т. V, стр. 151—152.

[2]) Приблизительно отъ половины августа до половины сентября 1841 года.

Мы имѣемъ также другое любопытное, впрочемъ позднѣйшее свѣдѣніе о сближеніи Гоголя съ Языковымъ, а равно о характерѣ ихъ отношеній. Именно въ воспоминаніяхъ кн. Д. Оболенскаго, озаглавленныхъ: „О первомъ изданіи посмертныхъ сочиненій Гоголя", читаемъ: „Гоголь разсказалъ мнѣ, что какъ-то одно время они жили вмѣстѣ съ Н. М. Языковымъ (поэтомъ) и вечеромъ, ложась спать, забавлялись описаніемъ разныхъ характеровъ и за симъ придумывали для каждаго характера соотвѣтственную фамилію". „Это выходило очень смѣшно", замѣтилъ Гоголь, и при этомъ описалъ мнѣ одинъ характеръ, которому совершенно неожиданно далъ такую фамилію, которую печатно назвать неприлично — „и былъ онъ родомъ изъ грекъ!" — такъ кончилъ Гоголь свой разсказъ"[1]). Любопытны также еще слѣдующія строки о Гоголѣ въ письмѣ Языкова къ брату: „Гоголь разсказалъ мнѣ о странностяхъ своей (вѣроятно, мнимой) болѣзни: въ немъ-де находятся зародыши всѣхъ возможныхъ болѣзней; также и объ особенномъ устройствѣ головы своей и неестественности положенія желудка. Его будто осматривали и ощупывали въ Парижѣ знаменитые врачи и нашли, что желудокъ его вверхъ ногами! Вообще въ Гоголѣ чрезвычайно много страннаго — иногда даже я не понималъ его — и чудного; но все-таки онъ очень милъ; обѣщался жить со мною вмѣстѣ".

И часто потомъ Языковъ съ пріятностью вспоминалъ о недолгомъ своемъ сожительствѣ съ Гоголемъ, утверждая, что съ нимъ „время летѣло во весь духъ". Съ другой стороны и Гоголь легко и быстро освоился и сошелся съ Языковыми, которые, въ свою очередь, очень полюбили его. При разлукѣ было рѣшено, что Гоголь и старшій братъ Языкова, Петръ Михайловичъ, поѣдутъ вмѣстѣ и станутъ дожидаться въ Москвѣ Николая Михайловича. Въ ожиданіи послѣдняго, Гоголь, какъ и въ прежніе пріѣзды въ Москву, остановился у Погодина. Его увлеченіе Москвой и московскими пріятелями, какъ увидимъ, оказалось, однако, непрочнымъ и непродолжительнымъ.

VI.

Какъ извѣстно, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву въ 1841 г. Гоголь принялся за хлопоты по изданію „Мертвыхъ Душъ".

---

[1]) «Русская Старина». 1873, XII, стр. 943.

Болѣзненное состояніе преслѣдовало его постоянно, не давая ему отдыха. Еще проѣзжая черезъ Петербургъ, куда его „предательски завезли“[1]) и гдѣ онъ не безъ досады оставался всего пять дней, онъ почувствовалъ приступы новыхъ страданій. Болѣзнь промучила его больше мѣсяца, и только по минованіи ея онъ сталъ приготовлять свой трудъ къ печати и отыскивать переписчика[2]). Съ этого перваго шага между нимъ и семействомъ Аксаковыхъ возобновились недоразумѣнія: неизвѣстно почему, предложенный Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ переписчикъ былъ забракованъ[3]).

Все время Гоголь продолжалъ пользоваться услугами разныхъ лицъ и этимъ ставилъ себя въ неловкое положеніе передъ ними; но самое худшее была необходимость лавировать между двумя враждебными сторонами: за спиной московскихъ пріятелей Гоголь продолжалъ сношенія съ петербургскими и между прочимъ съ ненавистнымъ и подозрительнымъ для московскихъ фанатиковъ — Бѣлинскимъ.

Въ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ И. И. Панаевъ разсказываетъ: „Первое время своей извѣстности Гоголь обыкновенно, пріѣзжая въ Петербургъ, останавливался у Прокоповича и часто бывалъ у Комарова. Здѣсь встрѣчался съ нимъ Бѣлинскій“[4]).

По этимъ словамъ легко опредѣлить приблизительно начало ихъ знакомства. Такъ какъ Бѣлинскій прибылъ въ Петербургъ въ концѣ октября 1839 г., т.-е. именно въ то время, когда тамъ особенно долго (около полутора мѣсяца) оставался Гоголь, то и не можетъ быть сомнѣнія, что именно въ эту пору они только и могли часто встрѣчаться другъ съ другомъ, такъ какъ въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Россію Гоголь, хотя и былъ два раза въ Петербургѣ, но всего по нѣскольку дней. Бѣлинскій же по воскресеньямъ обыкновенно

---

1) См. «Русск. Слово», 1859, I, 110 и Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 452—453.

2) «Русск. Слово», 1859, I, 111. — Многія мелкія біографическія подробности мы здѣсь опускаемъ, отсылая читателей къ примѣч. Н. С. Тихонравова (Соч. Гог., изд. X, т. III, примѣч. редактора). См. также «Письма Гоголя къ Прокоповичу» Е. В. Пѣтухова, стр. 27—28.

3) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 52. Это былъ воспитанникъ межевого института, въ которомъ Аксаковъ былъ директоромъ.

4) «Литерат. Воспом.» Панаева, стр. 398 и 399, и «Современникъ», 1860, I, стр. 364. Но еще раньше первая встрѣча ихъ была у Аксаковыхъ. См. «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 10.

обѣдалъ у Комарова и бывалъ нерѣдко у Прокоповича[1]). Съ послѣднимъ Бѣлинскій, несомнѣнно, познакомился вскорѣ же по пріѣздѣ въ Петербургъ черезъ Краевскаго. Напротивъ въ 1840 и 1841 гг. Бѣлинскій не могъ бы, при мимолетномъ знакомствѣ, составить вполнѣ опредѣленное представленіе о характерѣ Гоголя, хотя Гоголь уже при первыхъ встрѣчахъ произвелъ нѣсколько отталкивающее впечатлѣніе на Бѣлинскаго надменностью и неискренностью, качествами, все болѣе и рѣзче начинавшими проявляться въ немъ. Въ своемъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ Гоголь, кажется, смотрѣлъ свысока на великаго критика, находя его, впрочемъ, нужнымъ для себя человѣкомъ. Въ сущности съ просьбами о своихъ сочиненіяхъ онъ обращался, конечно, къ Прокоповичу, но бывалъ доволенъ, когда и Бѣлинскій могъ съ своей стороны оказать ему услуги. Подобныя отношенія не могли не коробить Бѣлинскаго, но, конечно, онъ все-таки былъ далекъ отъ мысли предположить въ отношеніи къ себѣ въ Гоголѣ столько высокомѣрія, какъ это было на самомъ дѣлѣ[2]).

Послѣ продолжительной проволочки, вызванной неуспѣшнымъ обращеніемъ Гоголя къ цензору Снегиреву и окончившейся рѣшительнымъ запрещеніемъ рукописи „Мертвыхъ Душъ“ московскимъ цензурнымъ комитетомъ[3]), Гоголь подумывалъ обратиться въ Петербургъ непосредственно къ содѣйствію Жуковскаго и графа М. Ю. Віельгорскаго, но вмѣсто того неожиданно передалъ рукопись пріѣхавшему въ то время въ Москву Бѣлинскому[4]). Для С. Т. Аксакова осталась навсегда необъяснимой эта внезапная перемѣна рѣшенія, но въ сущности главной причиной такого непониманія было откровенно признаваемое чувство нерасположенія къ Бѣлинскому, не позволявшее ему мириться съ мыслью о сношеніяхъ съ послѣднимъ Гоголя. Несомнѣнно, что Гоголь не пропустилъ бы

---

[1]) О сношеніяхъ Прокоповича съ Краевскимъ см. соч. Барсукова: «М. П. Погодинъ», т. IV, стр. 340. Но у Панаева неточность: Гоголь останавливался въ 1839 г. у Плетнева и Жуковскаго и только въ 1841 г. у Прокоповича («Русское Слово» 1859, I, 111). О близкихъ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Комарову см. также въ «Литерат. Воспом.» Панаева и въ «Починѣ» за 1896 г., стр. 195 и проч.

[2]) О Бѣлинскомъ Гоголь хотѣлъ высказаться однажды печатно. См. Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 342.

[3]) Объ этомъ см. любопытное письмо Гоголя къ Плетневу въ «Русскомъ Архивѣ», 1886, V, 766—769.

[4]) «Русскій Архивъ» 1890, VIII, 54.

случая запросто обратиться къ болѣе сильному покровительству, если бы это было такъ легко, какъ казалось. Мы уже видѣли, что передъ Жуковскимъ Гоголь чувствовалъ тогда неловкость и могъ явиться къ нему лишь съ „потупленными очами“ [1]), а съ Віельгорскимъ онъ пока еще не былъ такъ коротокъ, какъ послѣ тѣснаго сближенія съ его семьей въ Ниццѣ въ 1844 г. Онъ рѣшительно затруднялся часто безпокоить послѣдняго, какъ это ясно изъ письма къ Плетневу уже въ концѣ 1842 г.: „зачѣмъ тормошить бѣднаго Віельгорскаго, которому, можетъ быть, вовсе не ловко“ [2]). Гоголь уже не разъ просилъ хорошо расположеннаго къ нему графа и стѣснялся все *тормошить* его [3]). Гоголь нашелъ нужнымъ даже написать названное письмо къ Плетневу въ догонку за другимъ, чтобы остановить казавшуюся ему щекотливой просьбу. Итакъ, легко догадаться, что Гоголь рѣшился воспользоваться содѣйствіемъ Бѣлинскаго, находя въ данную минуту этотъ способъ дѣйствовать черезъ посредниковъ болѣе сподручнымъ для себя, а сказать обо всемъ Аксаковымъ избѣгалъ, зная ихъ нетерпимость [4]). Бѣлинскій же принималъ тогда искреннее и теплое участіе въ Гоголѣ: едва познакомившись съ нимъ черезъ Прокоповича и Краевскаго [5]), онъ чрезвычайно интересовался своимъ любимымъ писателемъ, былъ въ восторгѣ не только отъ его великихъ произведеній, но и отъ мастерского чтенія, которое онъ также цѣнилъ очень высоко и, наконецъ, отъ его неподражаемыхъ разсказовъ. Онъ охотно исполнялъ не-

---

1) Мы упоминаемъ здѣсь о Жуковскомъ потому, что въ 1841 г. онъ пріѣзжалъ въ Россію на свадьбу наслѣдника и, можетъ-быть, оставался долѣе или прибылъ потомъ вторично,— кромѣ того, въ виду словъ Аксакова («Р. Арх.», 1890, VIII, 53).

2) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 500.

3) Къ Віельгорскому Гоголь обращался тогда черезъ Плетнева, *а не прямо*. Въ концѣ концовъ Віельгорскому онъ больше всего былъ обязанъ благопріятнымъ оборотомъ дѣла (Соч. Гоголя, изд. X, т. III, 473).

4) Бѣлинскій долженъ былъ передать рукопись кн. Одоевскому вмѣстѣ съ письмами къ нему и къ А. О. Смирновой. Подробно объ этомъ см. въ примѣч. Н. С. Тихонравова (Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 458 и слѣд.). Но намъ кажется, что отъ Бѣлинскаго ожидалось и имъ было оказано болѣе серіозное содѣйствіе, нежели эта передача; вѣроятно, ему было довѣрено веденіе дѣла, иначе не было причины прибѣгать къ таинственности. Одно изъ писемъ къ А. О. Смирновой было ею передано государю и, по словамъ дочери, покойной Ольги Николаевны, осталось у него.

5) Правда еще въ 1835 г. Бѣлинскій видѣлся однажды съ Гоголемъ у Аксаковыхъ, но тогда, повидимому, знакомство ихъ было самое поверхностное и мимолетное.

большія просьбы Гоголя и даже держалъ потомъ одну изъ корректуръ новаго изданія его сочиненій. Къ тому же онъ могъ быть существенно полезенъ Гоголю, имѣя сношенія по журналу въ цензурномъ вѣдомствѣ; такъ извѣстно, что онъ принималъ участіе въ ходатайствѣ о пропускѣ цензурой драматическихъ произведеній Гоголя. Въ концѣ 1842 года Щепкинъ „просилъ Бѣлинскаго заранѣе отдать ее въ театральную цензуру, дабы больше имѣть времени ознакомиться съ дѣйствующими (лицами), носящими человѣческій образъ"[1]). Благодаря скрытности Гоголя, отославъ въ Петербургъ рукопись, онъ еще долгое время держалъ дѣло въ секретѣ.

Рукопись „Мертвыхъ Душъ" снова постигла печальная участь: она уже была пропущена, о чемъ Гоголь даже получилъ извѣстія отъ Прокоповича и Плетнева послѣ продолжительнаго тревожнаго ожиданія, среди котораго ему не разъ западало неосновательное подозрѣніе, что „Бѣлинскій невѣрный человѣкъ и не передалъ во̀-время писемъ и тетради"[2]). Какъ послѣ разъяснилось, задержка произошла по экстренной причинѣ — вслѣдствіе того, что цензоры Никитенко и Куторга за пропускъ одной повѣсти были посажены на гауптвахту, и послѣ этого инцидента затруднились и въ поэмѣ Гоголя пропускомъ нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя до того времени ихъ совсѣмъ не смущали[3]). Но здѣсь мы находимъ своевременнымъ привести отрывокъ изъ ненапечатаннаго письма объ этомъ дѣлѣ Прокоповича къ А. С. Данилевскому отъ 23 марта 1842 г.; въ этомъ письмѣ Прокоповичъ извиняется передъ пріятелемъ за то, что долго оставлялъ безъ отвѣта весьма нужное письмо по причинѣ хлопотъ, доставленныхъ рукописью Гоголя. Прокоповичъ принималъ такое видное участіе въ хлопотахъ по изданію сочиненій Гоголя, что этотъ документъ представляется здѣсь нелишнимъ.

Н. Я. Прокоповичъ — А. С. Данилевскому. 23 марта 1842 г.

Тысячу разъ виноватъ передъ тобой, мой милый Александръ, что не отвѣчалъ до сихъ поръ на письмо твое и не поблагодарилъ за присылку денегъ. Что̀ дѣлать! Я былъ такъ занятъ все это время, что свободная минута была у меня рѣдкой

---

1) «Русскій Архивъ» 1889, IV, 556.

2) «Русское Слово» 1859, I, 111; «Письма Гоголя къ Прокоповичу» Е. В. Пѣтухова, стр. 27—28.

3) Подробности объ этомъ см. у М. И. Сухомлинова, т. II, стр. 319 и слѣд.

гостьей даже и по воскресеньямъ. Къ моимъ обыкновеннымъ каторжнымъ зимнимъ занятіямъ[1]) присоединились хлопоты по изданію сочиненій Гоголя, а надобно тебѣ знать, что врядъ ли какое-нибудь другое изданіе сопровождалось такими неблагопріятными обстоятельствами, какъ это: только-что послѣдній листъ его былъ отпечатанъ и надобно было получить билетъ на выпускъ, какъ Никитенко былъ посаженъ на гауптвахту за то, что въ какой-то дрянной повѣсти пропустилъ офицера съ очень большими эполетами. Посуди же, какъ ему въ самомъ дѣлѣ было рѣшиться пропустить сочиненія Гоголя. Дѣло пошло въ Главный Цензурный Комитетъ и, разумѣется, протянулось ровно мѣсяцъ.

Посылаю тебѣ два экземпляра: одинъ тебѣ, другой потрудись какъ можно скорѣе прислать маменькѣ Гоголя, да извини меня передъ нею, какъ можешь, въ моей медленности".

Итакъ рукопись ходила по мытарствамъ отъ половины февраля до половины марта 1842 г. Во все это время Гоголь находился въ самомъ незавидномъ положеніи: будучи стѣсненъ въ матеріальномъ положеніи и не видя конца странствованіямъ своей рукописи, онъ былъ въ отчаяніи, и не фразой были слова его въ письмѣ къ Уварову: „я нахожусь въ послѣдней крайности; проходитъ время, въ которое книга имѣетъ сбытъ и продается, и такимъ образомъ я лишаюсь средствъ продлить свое существованіе, необходимое для окончанія труда моего, для котораго одного я только живу на свѣтѣ. У меня отнимаютъ мой единственный, мой послѣдній кусокъ хлѣба"[2]). Въ эту пору онъ былъ постоянно раздраженъ и въ тревогѣ, былъ, что̀ называется, на ножахъ съ Погодинымъ, у котораго былъ вынуждаемъ заживаться вслѣдствіе все той же неудачи и неопредѣленности своего положенія, мѣшавшаго ему предпринять что-либо опредѣленное. Наконецъ, онъ былъ почти все время боленъ, на что онъ между прочимъ такъ жаловался въ письмѣ къ Плетневу: „Сильно хотѣлъ бы ѣхать теперь въ Петербургъ; мнѣ это нужно, это я знаю, и при всемъ томъ не могу[3]). Нико гдатакъ не въ пору не подвернулась ко мнѣ болѣзнь, какъ теперь. Припадки ея приняли теперь такіе странные образы... но Богъ съ ними!"

---

[1]) Прокоповичъ былъ учителемъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ въ Петербургѣ.
[2]) «Русская Старина» 1888, III, 765.
[3]) «Русскій Архивъ» 1866, V, стр. 766.

Предлагаемъ припомнить все это для того, чтобы вѣрнѣе оцѣнить тяжелыя условія, среди которыхъ находился Гоголь какъ въ разсматриваемое время, такъ въ сущности и въ большую часть своей жизни. Но лучше всего приведемъ слова Анненкова, въ высшей степени справедливыя и цѣнныя: „Никогда, можетъ-быть, не употребилъ Гоголь въ дѣло такого количества житейской опытности, сердцевѣдѣнія, заискивающей ласки и притворнаго гнѣва, какъ въ 1842 г., когда приступилъ къ печатанію „Мертвыхъ Душъ". Плодомъ его неутомимаго возбужденія и стремленій къ одной цѣли при помощи всякихъ мѣръ, которыя, конечно, далеко отстоятъ отъ идеала патріархальной простоты сношеній, было скорое появленіе „Мертвыхъ Душъ" въ печати. Тотъ, кто не имѣетъ „Мертвыхъ Душъ" для напечатанія, можетъ, разумѣется, вести себя непогрѣшительнѣе Гоголя и быть гораздо проще въ своихъ поступкахъ и выраженіи своихъ чувствъ" [1]). Въ этихъ словахъ видно глубокое пониманіе дѣла, и мысли, высказанныя Анненковымъ, вполнѣ подтверждаются фактами. Стоитъ только вспомнить тягостныя хлопоты, прошенія и письма князю Дундукову-Корсакову, Уварову, письма непріятныя и тяжелыя для самолюбія, письмо къ самому Государю, цѣлый рядъ писемъ къ Прокоповичу, Плетневу, Одоевскому, А. О. Смирновой. Послѣднія три лица, а также князь Вяземскій и графъ Віельгорскій были привлечены кромѣ того отчасти къ ходатайству передъ Государемъ и другими властями, и наконецъ-то рукопись была пропущена съ значительными передѣлками въ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ, хотя это не помѣшало Никитенку написать: „Сочиненіе это, какъ вы видите, прошло цензуру благополучно; путь ея узокъ и тѣсенъ, и потому не удивительно, что на немъ осталось нѣсколько царапинъ и его нѣжная и роскошная кожа кое-гдѣ поистерлась" [2]). Гоголь долго еще думалъ печатать свои труды въ Москвѣ, торопя Прокоповича словами: „и типографія, и бумага ожидаютъ" [3]); но потомъ, желая, по его словамъ, втянуть своего пріятеля въ литературное дѣло, поручилъ

---

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 184.
[2]) «Русская Старина» 1889, VIII, 384.
[3]) «Русское Слово» 1859, I, 111; «Письма Гоголя къ Прокоповичу», Е. В. Пѣтухова, стр. 27—28.

ему изданіе полнаго собранія сочиненій, а въ Москвѣ печаталъ только „Мертвыя Души“.

Между тѣмъ Бѣлинскій предложилъ Гоголю черезъ Прокоповича сотрудничество въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Гоголь, какъ мы знаемъ, былъ рѣшительно противъ журнальной работы, и это обстоятельство, въ свою очередь, со всѣхъ сторонъ навлекало на него неудовольствія. Судя по отвѣту Гоголя Прокоповичу, послѣдній, самъ по себѣ или по мысли Бѣлинскаго, съ упрекомъ ставилъ ему на видъ участіе его въ другихъ журналахъ. Въ „Москвитянинѣ“ — оправдывался Гоголь — „не повѣсть моя, а небольшой отрывокъ“ (рѣчь идетъ о повѣсти или отрывкѣ „Римъ“). „Я велѣлъ набрать десятокъ экземпляровъ — и ты получишь свой отъ Плетнева. *Это единственная вещь, которая была у меня годная для журнала.* Погодину *я долженъ былъ* дать что-нибудь, *потому что онъ для меня много дѣлалъ.* Плетневу я тоже долженъ, хотя до сихъ поръ еще не выполнилъ“ [1]). Плетневу въ самомъ дѣлѣ была прислана только передѣлка „Портрета“, чѣмъ, по справедливому замѣчанію Анненкова, едва ли могли быть вполнѣ удовлетворены ожиданія Плетнева. Наконецъ отказомъ отвѣтилъ Гоголь также на однородную съ просьбой Бѣлинскаго просьбу давняго своего друга Максимовича. Вся эта совокупность неблагопріятныхъ для Гоголя обстоятельствъ тѣснила и давила его со всѣхъ сторонъ и все болѣе ставила въ невыносимое положеніе: онъ такъ былъ опутанъ всесторонними затрудненіями, матеріальными нуждами и нравственными обязательствами, что откровенно указать ихъ почти никогда не имѣлъ даже возможности изъ нежеланія посвящать корреспондентовъ при помощи продолжительныхъ и сложныхъ разъясненій въ разныя закулисныя и интимныя тайны. Укажемъ только одно: Прокоповичъ, стоявшій близко и къ Плетневу и къ Бѣлинскому, хлопоталъ въ пользу „Отечественныхъ Записокъ“ по необходимости въ ущербъ „Современнику“: если для него, человѣка посторонняго, являлась необходимость при столкновеніи интересовъ названныхъ лицъ дѣйствовать не къ выгодѣ одного изъ нихъ, то сколько же противоположныхъ теченій нужно было

---

[1]) Тамъ же, стр. 113; «Письма Гоголя къ Прокоповичу», Е. В. Пѣтухова, стр. 28—29.

побороть Гоголю; но въ то время какъ Прокоповичъ въ случаѣ исполненія своего желанія ничѣмъ не былъ бы скомпрометированъ передъ Плетневымъ, Гоголь безъ всякой вины навлекалъ на себя отовсюду неудовольствія, что̀ было особенно тяжело при сознаніи своего нравственнаго долга по отношенію къ друзьямъ.

Наконецъ Бѣлинскій написалъ самъ письмо Гоголю, напечатанное нами въ „Русской Старинѣ“ [1]). Цѣль письма — поставить круто и опредѣленно вопросъ объ отношеніяхъ Гоголя къ „Отечественнымъ Запискамъ“. Почти съ той же почтой и того же числа Бѣлинскій писалъ въ Москву В. П. Боткину: „Я къ Гоголю послалъ письмо, которое думалъ доставить черезъ тебя, но, полагая, что эта тетрадь не будетъ отослана, послалъ сегодня по почтѣ. Прилагаю черновое: изъ него ты увидишь, что я повернулъ круто — оно и лучше: къ чорту ложныя отношенія — знай нашихъ — и люби, уважай; а не любишь, не уважаешь — не знай совсѣмъ. Постарайся черезъ Щепкина узнать объ эффектѣ письма̀“ [2]). Судя по этимъ словамъ, можно предполагать, что Бѣлинскій не рѣшился послать черновое письмо и сильно смягчилъ его; даже въ подлинномъ письмѣ есть помарки и зачеркнутыя строки. Бѣлинскій намекаетъ въ осторожной формѣ и на возможность потери Гоголя для него и, можетъ-быть, для русской литературы; но письмо такъ умѣренно, что едва ли могло произвести на Гоголя сильное впечатлѣніе. Правда, въ концѣ письма Бѣлинскій говоритъ: „Не знаю, понравится ли вамъ тонъ моего письма, — даже боюсь, чтобы онъ не показался вамъ болѣе откровеннымъ, нежели сколько допускаютъ то наши съ вами свѣтскія отношенія; но не могу перемѣнить ни слова въ письмѣ моемъ, ибо въ случаѣ, противномъ моему ожиданію, легко утѣшусь, сложивъ всю вину на судьбу, издавна уже не благопріятствующую русской литературѣ“. Но все письмо написано въ такомъ дружескомъ и деликатномъ тонѣ, что развѣ только слова: „судьба украшаетъ „Москвитянинъ“ вашими сочиненіями и лишаетъ ихъ „Отечественныя Записки“ — могли бы показаться непріятными Гоголю, если бы онъ захотѣлъ примѣнить къ нимъ преды-

---

1) «Русская Старина» 1889, I, 143—145; см. ниже, приложенія.

2) «Бѣлинскій. Его жизнь и переписка» А. Н. Пыпина, II, 153.

дущее выраженіе: „судьба оставляетъ въ добромъ здоровьѣ Булгарина, Греча и *другихъ подобныхъ имъ негодяевъ въ Петербургѣ и Москвѣ*", гдѣ, можетъ-быть, заключался намекъ на людей, въ близкихъ сношеніяхъ съ которыми находился Гоголь. Послѣ полученія этого письма Гоголь попрежнему продолжалъ запросто обращаться къ Бѣлинскому и даже съ довольно щекотливыми и безцеремонными просьбами черезъ Прокоповича; вотъ примѣръ: „Попроси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что-нибудь о моей книгѣ въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ея" и тотчасъ за этимъ просилъ помѣстить извѣстіе о ней у Сенковскаго. Такъ мало Гоголь понялъ Бѣлинскаго и такъ наивно-грубо смотрѣлъ на него, какъ на человѣка который можетъ ему при случаѣ пригодиться — и только! Не подозрѣвая ничего подобнаго, Бѣлинскій держалъ даже корректуру сочиненій Гоголя, когда по отъѣздѣ Гоголя они стали печататься въ Петербургѣ. Отвѣта Гоголь не написалъ Бѣлинскому, извиняясь черезъ Прокоповича: „Я получилъ письмо отъ Бѣлинскаго. Поблагодари его. Я не пишу къ нему потому, что минуты не имѣю времени, и потому, что, какъ онъ самъ знаетъ, обо всемъ этомъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой через Петербургъ"[1]).

VII.

Дальнѣйшія подробности о ходѣ дѣлъ съ рукописью и печатаньемъ сочиненій Гоголя извлекаемъ изъ пропущенныхъ Гербелемъ мѣстъ въ изданной имъ перепискѣ Гоголя съ Прокоповичемъ.

Въ письмѣ отъ 9 апрѣля 1842 г.:

„Рукопись получена 5 апрѣля. Задержка произошла не на почтѣ, а отъ Цензурнаго Комитета[2]). Увѣдомивши Плетнева, что отправлена 7 марта, Цензурный Комитетъ солгалъ, потому что 9-го только подписана она цензоромъ. Выбросили у меня цѣлый этюдъ Копѣйкина, для меня очень нужный, болѣе даже, нежели думаютъ они. Я рѣшился не

---

[1]) „Русское Слово", 1859, I, стр. 117.

[2]) Обо всемъ этомъ Гоголь скрылъ отъ Аксакова, у котораго «осталось подозрѣніе», что рукопись была задержана въ дорогѣ любопытствующимъ почтовымъ чиновникомъ («Русскій Арх.» 1890 г., VIII, 59). — Выдержки эти приведены Н. С. Тихоправовымъ, но онѣ затериваются въ массѣ примѣчаній къ 1-му тому «М. Д.».

отдавать его никакъ. Передѣлалъ его такъ, что ужъ никакая цензура не можетъ придраться. Генераловъ и все выбросилъ и посылалъ его къ Плетневу для передачи цензору".

Въ письмѣ отъ 15 апрѣля:

„Я боюсь, чтобы не затянулось, а безъ Копѣйкина никакъ не могу и подумать выпустить рукопись. Скажи, что я люблю отстаивать во что̀ бы то ни стало. Просто срамъ (sic) цензурѣ, потому что теперь въ томъ видѣ, какъ я передѣлалъ и послалъ Плетневу, никакая цензура не можетъ сдѣлать привязки. Если имя Копѣйка (sic) ихъ остановитъ, то я готовъ его назвать его (sic) Пятаковымъ и чѣмъ ни попало. Впрочемъ имя Копѣйкина вездѣ въ другихъ мѣстахъ оставила цензура".

Наконецъ Гоголь, уладивъ дѣло, получилъ возможность ѣхать за границу и, проѣзжая черезъ Петербургъ, упросилъ Прокоповича заняться печатаніемъ его сочиненій и поручилъ ему по выходѣ ихъ раздать нѣсколько экземпляровъ самымъ близкимъ друзьямъ.

21 октября Прокоповичъ извѣщалъ Гоголя о ходѣ дѣлъ слѣдующимъ письмомъ.

Н. Я. Прокоповичъ — Н. В. Гоголю.

„Я виноватъ передъ тобою въ томъ, что не отвѣчалъ до сихъ поръ на два письма твои: этому причиною было желаніе дать тебѣ отчетъ поподробнѣе и полнѣе.

„Печатанье началось послѣ отъѣзда твоего не такъ скоро, какъ мы того желали: въ этомъ причиною былъ Жернаковъ или, лучше, бумажная фабрика, не могшая въ скорости поставить бумаги по случаю продолжительныхъ петергофскихъ празднествъ. Не смотря на все это, изданіе выйдетъ непремѣнно въ ноябрѣ, по крайней мѣрѣ такъ заключенъ контрактъ. Съ моей же стороны остановки не будетъ, если только ты вышлешь остальной отрывокъ во̀-время [1]). Угрозами не заплатить денегъ въ случаѣ неустойки, сдобренной приличными русскими прибавленіями, я надѣюсь двигать работу въ типографіи по желанію, какъ это дѣлаю и теперь. Бумага наша очень хороша, именно такая, какую ты хотѣлъ, т.-е. та самая, на которой (печатается) „Русская Бесѣда".

„Теперь дѣло вотъ въ какомъ положеніи: первая часть

[1]) «Театральный Разъѣздъ».

готова совсѣмъ, вторая оканчивается, третья началась; изданіе выходитъ очень красиво, а за корректурную исправность, кажется, могу ручаться и даже похвастаться ею: я набилъ уже руку въ этомъ дѣлѣ и читаю двѣ корректуры самъ, а послѣ меня прочитываетъ еще и Бѣлинскій.

„Моллеръ въ скоромъ времени отправляется въ Римъ. Я попрошу его взять съ собою все, что̀ будетъ готово къ тому времени; пересылка же по почтѣ чрезвычайно затруднительна: надобно хлопотать въ таможнѣ о выдачѣ свидѣтельства, а ты знаешь, съ какими удовольствіями соединяются подобнаго рода хлопоты. Съ Моллеромъ пошлются къ тебѣ и статьи Бѣлинскаго, въ которыхъ говорится о „Мертвыхъ Душахъ“. Долженъ сказать тебѣ, что толки о нихъ до сихъ поръ еще продолжаются.

„Кто-то изъ актеровъ приноровилъ нѣкоторые отрывки къ сценѣ. Вовсе не сценическое достоинство „Мертвыхъ Душъ“ и талантливая игра здѣшнихъ актеровъ сдѣлали то, что вышла чепуха страшная: всѣ бранили и, не смотря на то, всѣ лѣзли въ театръ, такъ что, кромѣ бенефиса Куликова, пять представленій на Большомъ театрѣ было биткомъ набито. Все молодое поколѣніе безъ ума отъ „Мертвыхъ Душъ“, старики повторяютъ „Сѣверную Пчелу“ и Сенковскаго: что̀ они говорятъ, догадаешься и самъ. Гречъ нашелъ нѣсколько грамматическихъ ошибокъ, изъ которыхъ двѣ-три и точно ошибки; Сенковскій партизанитъ за чистоплотность и благопристойность, а въ „Отечественныхъ Запискахъ“ доказано выписками изъ его собственныхъ сочиненій, что на это *именно онъ-то* и не имѣетъ права. Всѣ тѣ, которые знаютъ грязь и вонь не по наслышкѣ, чрезвычайно негодуютъ на Петрушку, хотя и говорятъ, что „Мертвыя Души“ очень забавная штучка; высшій кругъ, по словамъ Віельгорскаго, не замѣтилъ ни грязи, ни вони, и безъ ума отъ твоей поэмы.

„Кстати о словѣ поэма. Сенковскій очень резонно замѣтилъ, что это не поэма, ибо де не писано стихами. Вообще Сенковскаго статья обилуетъ выписками, впрочемъ болѣе собственнаго его сочиненія; онъ даже позволилъ себѣ маленькія невинныя измышленія и въ собственныхъ именахъ, такъ напримѣръ Петрушку онъ почитаетъ приличнѣе называть Петрушею. Одинъ офицеръ (инженерный) говорилъ мнѣ, что „Мертвыя Души“ удивительнѣйшее сочиненіе, хотя гадость

ужасная. Одинъ почтенный наставникъ юношества говорилъ, что „Мертвыя Души“ не должно въ руки брать изъ опасенія замараться; что все, заключающееся въ нихъ, можно видѣть на толкучемъ рынкѣ. Сами ученики почтеннаго наставника разсказывали мнѣ объ этомъ послѣ класса съ громкимъ хохотомъ. Между восторгомъ и ожесточенной ненавистью къ „Мертвымъ Душамъ“ середины рѣшительно нѣтъ, — обстоятельство, по моему мнѣнію, очень пріятное для тебя. Одинъ полковникъ совѣтовалъ даже Комарову перемѣнить свое мнѣніе изъ опасенія лишиться мѣста въ Пажескомъ корпусѣ, если объ этомъ дойдетъ до генерала, знающаго наизусть всего Державина.

„Женитьба“ переписана для Щепкина и отдана въ театральную цензуру; на этой же недѣлѣ отправится въ Москву: она потому не была переписана до сихъ поръ, что Никитенко держалъ рукопись до 30 сентября, хотя я и таскался къ нему разъ двадцать. Щепкинъ пишетъ къ Бѣлинскому, что ты ему обѣщалъ для бенефиса еще отрывокъ: ты мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ, и я недоумѣваю, что́ ему послать, если онъ обратится ко мнѣ и увѣритъ честнымъ своимъ словомъ, что ты дѣйствительно обѣщалъ ему.

„Всѣ мы очень опасаемся, чтобы кто-нибудь изъ аферистовъ-актеровъ не вздумалъ въ бенефисъ свой поставить, по примѣру „Мертвыхъ Душъ“ какую-нибудь изъ сценъ по выходѣ ихъ, а потому мы придумали вотъ что̀: напиши особенное письмо ко мнѣ, а лучше къ Краевскому, въ которомъ изложи, что ты никому не давалъ права ставить на сцену „Мертвыя Души“ и никакихъ другихъ піесъ и статей, за исключеніемъ того, что́ отдано актеру Щепкину; письмо это должно быть засвидѣтельствовано нашимъ посланникомъ въ Римѣ. Въ „Женитьбѣ“ Никитенко уничтожилъ весьма немного, а въ „Шинели“, хотя не коснулся ничего существеннаго, но вычеркнулъ нѣкоторыя весьма интересныя мѣста. Впрочемъ Краевскій взялся и хлопочетъ объ этомъ сильно, а Никитенко обнадежилъ меня, что все сдѣлаетъ, что́ будетъ можно. Въ эту самую минуту, какъ пишу къ тебѣ, судьба этихъ мѣстъ рѣшается. Я не могу самъ ѣхать, потому что жестоко простудился и сижу весь окутанный фланелью; сообщу тебѣ, что́ совсѣмъ не будетъ пропущено, и надѣюсь, что въ этомъ же письмѣ, потому что почта еще не сегодня.

„Совсѣмъ было забылъ сказать тебѣ, что ты очень ошибся касательно объема изданія: первый томъ вышелъ въ тридцать листовъ, второй влѣзаетъ въ то же количество, третій трудно разсчитать еще; но по приблизительному разсчету онъ никакъ не займетъ менѣе двадцати пяти листовъ; о четвертомъ не знаю, не имѣя послѣдней піесы.

„Не разрѣшишь ли ты назвать „Свѣтскую Сцену“ просто „Отрывкомъ“ или какъ-нибудь иначе: боюсь я подать поводъ къ привязкамъ журналистовъ; она же болѣе всѣхъ другихъ заслуживаетъ имя отрывка.

„Въ „Современникѣ“ помѣщена довольно большая и очень дѣльная статья о „Мертвыхъ Душахъ“, подписанная буквами С. Ш. Житоміръ. Ужели Шаржинскій [1])? Я послѣ выхода книжки съ Плетневымъ еще не видался. Шевыревъ, вѣрно, доставилъ или доставитъ тебѣ двѣ свои статьи, а Аксаковъ и подавно. Я получилъ на имя твое письмо изъ Вологды отъ Воротникова, который былъ въ Нѣжинѣ въ первомъ классѣ, тогда какъ ты въ 9-мъ; я не почитаю нужнымъ посылать тебѣ самаго письма, а содержаніе его состоитъ въ нѣжинскихъ воспоминаніяхъ, столь общихъ у тебя съ нимъ, въ просьбѣ прислать ему „Мертвыя Души“ и въ обѣщаніи отплатить за нихъ рябчиками и рыжиками; письмо весьма игриво написано.

„Хотѣлъ было написать тебѣ, что̀ именно не пропущено въ „Шинели“, но до сихъ поръ еще не получилъ ея, а между тѣмъ вотъ ужъ и почтовый день прошелъ. Бога ради, присылай скорѣе „Разъѣздъ“. Никитенко чрезвычайно долго держитъ рукописи; жаль будетъ, если этой статьей задержится все изданіе: публика ждетъ его съ нетерпѣніемъ и мнѣ проходу нѣтъ отъ разспросовъ, скоро ли и когда выйдутъ.

„Прощай. Да благословитъ тебя муза кончить „Мертвыя Души“.

„Жена тебѣ кланяется. Мы всѣ здоровы. Твой Н. Прокоповичъ“.

Какъ видно изъ этого письма, не только Прокоповичъ и Плетневъ, но также Бѣлинскій и даже отчасти Краевскій

---

[1]) Пріятель и товарищъ Гоголя и Прокоповича. Предположеніе Прокоповича было ошибочно: статья принадлежала Плетневу, не желавшему въ виду возможныхъ предположеній о пристрастіи подписать свое имя.

принимали живое участіе въ дѣлахъ Гоголя, вѣроятно, получавшаго о томъ извѣстія и изъ другихъ, пока неизвѣстныхъ или не сохранившихся писемъ Прокоповича, которому Гоголь поручаетъ благодарить названныхъ лицъ въ письмѣ отъ 16/28 марта 1843 г. изъ Рима, но письмо насчетъ „корсарствъ", т.-е. театральныхъ передѣлокъ изъ „Мертвыхъ Душъ", осторожнымъ Гоголемъ написано не Краевскому, а Щепкину и Плетневу. „Ни въ одномъ просвѣщенномъ государствѣ не водится" — писалъ Гоголь послѣднему, — „чтобы кто осмѣлился, не испрося позволенія у автора, перетаскивать его сочиненія на сцену. Что̀ я, въ самомъ дѣлѣ, за беззащитное лицо, котораго можно обижать всякому[1])?"

VIII.

Появленіе въ печати „Мертвыхъ Душъ" не замедлило вызвать самые оживленные и разнообразные толки. Въ это время литературное значеніе Гоголя, а также и отношенія къ нему современныхъ журналовъ и публики достаточно опредѣлились: число поклонниковъ поэта постоянно и замѣтно увеличивалось, а противники, не смотря на вѣскія опроверженія ихъ взглядовъ, упрямо продолжали повторять все тѣ же самые, давно опровергнутые, упреки. Такъ, „Сѣверная Пчела" въ статьѣ, принадлежавшей перу одного изъ издателей, Греча, продолжаетъ упорно настаивать на невѣроятности вымысла поэмы, подобно тому, какъ прежде та же газета признавала неправдоподобнымъ содержаніе „Ревизора", — и на господствующемъ въ поэмѣ дурномъ тонѣ. Почти половину рецензіи Гречъ наполнилъ выписками неправильныхъ, по его мнѣнію, выраженій, при чемъ мелочность большей части замѣчаній является совершенно комической. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „Открыла ротъ". Нѣтъ! Разинула ротъ. „Довѣренное письмо". Нѣтъ! Вѣрющее письмо. „Перины вынесены вонъ". А мы думали, что просто вынесены. „Лошади попятились назадъ". А почему не впередъ? „Кто-то выбѣжалъ впопыхахъ". Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: „запыхавшись". „Гдѣ такъ изволилъ засалиться?". Нѣтъ! Не засалился, а выпачкался. „При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 500—501.

и съ улыбкой". Нѣтъ! Стоявшій при нихъ учитель поклонился" и проч. Придирчивость брюзгливаго грамматическаго авторитета доходитъ наконецъ до того, что Гречъ осуждаетъ почему-то выраженіе: „Помѣщикъ, *кутящій* во всю ширину удали и барства". Рядомъ съ этимъ перечнемъ мнимыхъ стилистическихъ ошибокъ находимъ другой, еще болѣе забавный и нелѣпый: изъ книги выписаны сряду всѣ встрѣтившіяся въ ней бранныя выраженія, какъ напр.: подлецъ, свинья, свинтусъ, и добросовѣстно отмѣчены страницы, гдѣ они употреблены, или напр. такія мѣста, гдѣ говорится объ утираніи мальчику носа, о блохахъ и т. п. Затѣмъ слѣдуетъ впрочемъ нѣсколько поощрительныхъ выписокъ тѣхъ мѣстъ, которыя имѣли счастье понравиться рецензенту, и въ заключеніе высказывается досада за мнимое равнодушіе автора къ своему таланту и за то, что онъ не хочетъ возвыситься хоть настолько, чтобы не уступать Поль де-Коку. Вездѣ, даже въ передачѣ содержанія романа, слишкомъ замѣтно крайнее нерасположеніе рецензента къ автору и поэмѣ: критикъ находитъ даже, что Чичиковъ жестоко смахиваетъ на Хлестакова въ „Ревизорѣ": „тамъ вздорный мальчишка всполошилъ всѣхъ дураковъ и негодяевъ въ городѣ; здѣсь отъявленный негодяй привелъ въ недоумѣніе цѣлую губернію. Тотъ безъ разбору занимаетъ у всѣхъ деньги; этотъ у всякаго спрашиваетъ, не имѣетъ ли на продажу мертвыхъ душъ. Оба они во́-время уѣзжаютъ съ поприща своихъ подвиговъ и освобождаютъ автора отъ необходимости распутывать узелъ, впрочемъ, очень неискусно завязанный"[1]).

Еще невѣроятнѣе для современнаго читателя рецензія Сенковскаго, не отличающаяся даже хоть извинительной до нѣкоторой степени наивностью Греча. Сенковскій потратилъ на свою рецензію много самаго грошеваго остроумія, достаточно извѣстнаго по выдержкамъ въ статьяхъ Бѣлинскаго и Чернышевскаго. Его нелѣпыя глумленія въ родѣ: „Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія, объявляя вамъ о такомъ литературномъ чудѣ, какого еще не бывало ни въ одной словесности"; его искаженіе фамиліи Чичиковъ въ Чхичхиковъ и увѣреніе, что онъ, Брамбеусъ, не чихаетъ, а произ-

---

[1]) «Сѣверная Пчела», 1842, № 137, стр. 546—547. См. разборъ этой рецензіи Греча у Бѣлинскаго (Соч., т. VI, стр. 561—566).

носитъ фамилію героя поэмы, — слишкомъ извѣстны. Въ настоящее время для ознакомленія съ этой пустой статьей достаточно перечитать въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго его извѣстный „Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ", тѣмъ болѣе, что тутъ же мы находимъ замѣчанія, совершенно подходящія и къ разбору Греча, напр. о томъ, что „грамматическія нападки рецензента и ложны, и пусты, и скучны"[1]).

Сенковскій насмѣхается также надъ неправильнымъ языкомъ и мнимымъ неизяществомъ выраженій Гоголя, выписывая въ качествѣ ошибокъ такіе примѣры, въ которыхъ никакой непредубѣжденный глазъ не можетъ найти даже незначительной погрѣшности, напримѣръ: „только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся впрочемъ болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ". Сенковскій указываетъ здѣсь избытокъ причастныхъ формъ; онъ осуждаетъ также форму родительнаго падежа въ словахъ: „картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра" и нѣсколькими страницами дальше поясняетъ, что, по его мнѣнію, слово *носъ* имѣетъ въ родительномъ падежѣ *носа, а шумъ, вѣтеръ и дымъ* имѣютъ *шуму, вѣтру и дыму*[2]), надъ чѣмъ также посмѣялся въ своемъ „Литературномъ разговорѣ"[3]) Бѣлинскій. Забавно, что Сенковскій придерживается и на практикѣ своей странной теоріи и часто самъ употребляетъ подобныя формы, напр.: „экое искусство слогу", „зрители моего бѣшенаго восторгу". Дѣлая такія мелочныя и произвольныя замѣчанія, большею частью совершенно *ошибочныя,* Сенковскій старается ихъ напротивъ выставить вполнѣ естественными и невольно напрашивающимися на языкъ предполагаемаго читателя „Мертвыхъ Душъ", котораго критикъ постоянно останавливаетъ восклицаніями: „Ахъ, какой вы классикъ! Кто же теперь обращаетъ вниманіе на времена, на ясность, на правильность?... Мы уже все это отмѣнили"[4]) или: „Безъ запаховъ и благоуханій нѣтъ и не можетъ быть ни поэмы, ни поэзіи"[5]).

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, 506.

[2]) «Библіотека для Чтенія» 1842, IX, стр. 28.

[3]) Стр. 29 и 24.

[4]) «Библіотека для Чтенія» 1842, IX, стр 26.

[5]) Тамъ же, стр. 27.

Тотъ же предполагаемый читатель смѣется у него и надъ выраженіемъ: „*за движеніями женскихъ рукъ ея*", т.-е. ключницы, прибавляя, что у ключницы, вѣроятно, другихъ рукъ кромѣ женскихъ и не было[1]). На стр. 31, Сенковскій поучаетъ Гоголя, что союзу *хотя* должно соотвѣтствовать не *но*, а *однако*, а на слѣдующей возмущается словами Гоголя по поводу Петрушки, что „русскіе не охотно знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ ужъ русскій человѣкъ! Сильная страсть зазнаться!" „Да чтобы, по случаю *Петрушки*, упрекать цѣлый народъ въ страсти зазнаваться", — говоритъ Сенковскій отъ лица предполагаемаго „почтеннѣйшаго читателя" — „*надо предположить*, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго человѣка и только, понапрасну, изъ гордости, не узнаетъ себѣ въ немъ равнаго! Но это неправда. Вы систематически унижаете русскихъ людей. Я этого не люблю и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши зловонныя картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе"[2]). Въ томъ же духѣ ведется остальной разборъ. Любопытно, что натянутое предположеніе о сходствѣ Чичикова съ Хлестаковымъ, какъ мы видѣли, высказанное Гречемъ сначала, повторяется здѣсь: „Какъ Хлестаковъ у всѣхъ и каждаго занимаетъ деньги, даже по двугривенному, такъ Чичиковъ ко всѣмъ и къ каждому ѣздитъ обѣдать и покупать послѣ обѣда мертвыя души. Для довершенія сходства у него есть и слуга, *такой же*, какъ у Хлестакова, съ той только (?!) разницей, что слуга Чичикова, какъ вы сами видѣли, еще грязнѣе"[3]). Вся эта натяжка понадобилась рецензенту, чтобы сказать, что суматоха, произведенная въ городѣ молвой о мертвыхъ душахъ, есть будто бы „*точное повтореніе* той, какую мы видѣли въ нѣкоторой комедіи подъ заглавіемъ „Ревизоръ"[4]).

Н. А. Полевой въ своей рецензіи, напечатанной въ издаваемомъ имъ „Русскомъ Вѣстникѣ", въ первыхъ строкахъ напоминаетъ собственный разборъ „Ревизора", въ которомъ онъ доказывалъ вредъ для Гоголя отъ неумѣренныхъ его „хвалителей", чтобы теперь еще яснѣе показать, какъ вѣрны

---

1) Тамъ же, стр. 29. [Любопытно, что въ данномъ случаѣ Гоголь подвергся нареканіямъ за неисправность писца (см. Соч. Гог., изд. X, т. VII, стр. 516)].

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, стр. 49.

4) Тамъ же, стр. 32.

были прежнія его сужденія и „до какой степени можетъ увлечься съ прямой дороги дарованіе, и какія уродливости созидаетъ оно, идя путемъ превратнымъ“[1]). Затѣмъ приводятся сходные примѣры непониманія писателями сущности своего призванія въ иностранныхъ литературахъ. („Расинъ отказывался отъ театра и писалъ государственные проекты; Петрарка презиралъ сонеты и гордился своими латинскими стихами“)[2]). По мнѣнію Полевого, Гоголь впадаетъ въ крупныя ошибки вездѣ, гдѣ онъ выходитъ изъ своей настоящей сферы, которая заключается въ веселой и безцѣльной шуткѣ, какую мы видимъ напримѣръ въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше, полагаетъ критикъ, становится неправильнымъ и страннымъ языкъ Гоголя и тѣмъ болѣе уродливостей въ его произведеніяхъ. Въ доказательство приводится множество выдержекъ изъ повѣсти „Римъ“, о которой критикъ отзывается, какъ о „наборѣ реторическихъ фразъ, натянутыхъ сравненій и дѣтскихъ наблюденій“[3]).

Обращаясь къ „Мертвымъ Душамъ“, онъ идетъ еще дальше и начинаетъ свой разборъ восклицаніемъ: „Начнемъ съ содержанія — какая бѣдность!?“[4]). „Мертвыя Души“, по мнѣнію критика, будто бы не болѣе, какъ сколокъ съ „Ревизора“, такъ какъ здѣсь „снова какой-то мошенникъ пріѣзжаетъ въ городъ, населенный плутами и дураками, и мошенничаетъ съ ними, обманываетъ ихъ, боясь преслѣдованія, уѣзжаетъ тихонько — и конецъ поэмѣ“![5]).

Такая скучная исторія, — говоритъ критикъ, — растянута на цѣлыхъ 475 стр. Это будто бы карикатура, съ которой искусству нечего дѣлать. На замѣчаніе Гоголя о добродѣтельномъ человѣкѣ Полевой возражаетъ: „вамъ скучны прежніе *герои* искусства, но покажите же намъ *человѣка и людей,* да *человѣка,* а не мерзавца, не чудовище, *людей*, а не толпу мошенниковъ“[6]). Затѣмъ повторяется старый упрекъ, что города, подобнаго изображенному, нигдѣ нѣтъ и быть не мо-

---

1) «Русскій Вѣстникъ», 1842, VI, стр. 34.
2) Тамъ же, стр. 35.
3) Тамъ же, стр. 36.
4) Тамъ же, стр. 40.
5) Тамъ же.
6) Тамъ же, стр. 42.

жетъ, и что добро есть даже у кафровъ, чукчей и эскимосовъ. Указываются мнимыя погрѣшности противъ правдоподобія, напр. могъ ли Чичиковъ покупать мертвыя души у перваго встрѣчнаго, какъ могли пустить Ноздрева хмельнымъ на балъ къ губернатору. Потомъ слѣдуетъ перечень „грязныхъ мелочей", преувеличеній, напр. „авторъ увѣряетъ васъ, что въ русскихъ погребахъ льютъ въ поддѣльную мадеру крѣпкую водку", что провинціальныя барыни стыдятся сказать: „я высморкала носъ", „я плюнула"; на каждой страницѣ встрѣчаются слова: подлецъ, мошенникъ, бестія... Разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ Полевой называетъ прямо глупѣйшимъ и смѣется надъ частымъ повтореніемъ въ немъ нѣкоторыхъ словъ, особенно *этакой*. По поводу словъ Гоголя: „Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что̀ жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя!" Полевой восклицаетъ: „если авторъ не шутитъ, то каковы же у него понятія о составленіи языка! Онъ хочетъ учиться языку въ харчевнѣ и обогащать языкъ взятыми тамъ поговорками" [1]). Но особенно обратили на себя вниманіе критика тѣ мѣста, которыя были написаны въ виду обычныхъ на Гоголя нападеній, напр. на размышленіе о судьбѣ двухъ писателей, о необходимости избрать въ герои плутоватаго человѣка и проч. Оставаясь при своихъ мнѣніяхъ, Полевой возражаетъ: „да кто же требуетъ отъ васъ добродѣтельнаго человѣка? Отъ васъ требуютъ *только человѣка* и отказываются отъ несообразныхъ карикатуръ, которыя вы изображаете намъ" [2]); „Мертвыя же Души" далеко не перлъ созданія, а всего лишь одно изъ произведеній, подобныхъ „Энеидѣ на изнанку", баснямъ Измайлова, „Елисѣю" Майкова и повѣстямъ Нарѣжнаго. Полевого въ „Мертвыхъ Душахъ" оскорбили наконецъ даже будто бы не патріотическія выходки Гоголя противъ русскаго народа, напр. „авторъ изображаетъ извозчика, который „заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай, какъ звали. Эхъ, русскій народецъ, не любитъ умирать своею смертью!" [3]). Лирическія мѣста о русской пѣснѣ и птицѣ-тройкѣ также не понравились Полевому,

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1842, VI, стр. 47.
[2]) Тамъ же, стр. 50.
[3]) Тамъ же, стр. 54.

увидѣвшему проявленіе необычайной гордыни въ выраженіи: „Русь, чего ты хочешь отъ меня?“ и другое подобное мѣсто онъ безъ церемоніи называетъ просто „русской галиматьей“ [1])...

IX.

Отъ этихъ карикатурныхъ разборовъ „Мертвыхъ Душъ“, доказывающихъ мелкую придирчивость или безсильную злобу критиковъ, перейдемъ къ другимъ, болѣе заслуживающимъ вниманія.

Оставляемъ безъ передачи всѣмъ извѣстную статью Бѣлинскаго, въ которой знаменитый критикъ, указывая достоинства „Мертвыхъ Душъ“, обращаетъ вниманіе особенно на глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность автора, заставляющую его проводить черезъ свою „душу живу“ явленія внѣшняго міра, и объясняетъ красоты какъ юмора, такъ и вдохновенныхъ лирическихъ отступленій въ „Мертвыхъ Душахъ“. Замѣтимъ только, что проведенною въ началѣ статьи параллелью между критикой увѣренной въ себѣ и прямой — съ одной стороны и критикой уклончивой — съ другой, Бѣлинскій напоминаетъ читателямъ, что „Отечественныя Записки“ *первыя и однѣ* сказали и постоянно, со дня своего появленія и до сей минуты, говорятъ, что̀ такое Гоголь въ русской литературѣ [2]). Дѣло въ томъ, что это заявленіе Бѣлинскаго затронуло московскихъ друзей Гоголя, которые не могли потомъ этого забыть и простить; такъ, уже много лѣтъ спустя, гораздо послѣ смерти Бѣлинскаго, Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Шевыревѣ приводитъ стихи, сочиненные въ Римѣ въ 1839 г. въ честь Гоголя, въ доказательство того, что не Бѣлинскій, а онъ, Погодинъ, и Шевыревъ прежде всего оцѣнили Гоголя.

Свою статью о „Мертвыхъ Душахъ“ въ 7 № „Москвитянина“ Шевыревъ почти начинаетъ съ направленной противъ этого заявленія выходки по адресу Бѣлинскаго, котораго онъ задѣваетъ здѣсь даже наравнѣ съ Сенковскимъ и Гречемъ. Шевыревъ говоритъ о новомъ произведеніи Гоголя, что „одни

---

[1]) Тамъ же, стр. 55.

[2]) «Отеч. Записки» 1842, VII, 1—12 и соч. Бѣлинскаго, т. VI, 394—416. Вѣроятно, объ одной изъ этихъ статей говоритъ Герценъ. Соч. т. I, стр. 95

безотчетно восхищаются имъ, другіе безотчетно его порицаютъ. Тамъ изъ норы своей выползла мелкая зависть въ видѣ газетчика, и наводитъ свой шаткій и темный микроскопъ на немногія грамматическія ошибки, случайно вкравшіяся въ произведеніе. Но вотъ съ другой стороны, изъ тѣсныхъ рядовъ толкучаго рынка литературы, выскочило наглое самохвальство въ видѣ крикливаго пигмея, съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою; обрадовавшись случаю изъ-за похвалы таланту похвалить самого себя, оно, ставши передъ произведеніемъ, пялитъ на немъ свою тощую фигуру, силится прикрыть его собою, и потомъ показать вамъ, и увѣрить васъ, что точно оно вамъ его показало, а безъ того вамъ бы его и не увидѣть". (Намекъ на Бѣлинскаго). „Безмолвно возвышается произведеніе надъ выскочкой — непризваннымъ трубачомъ его славы — и только обличаетъ собою его крохоту и умственное безсиліе"[1]). Хотя такое изображеніе всего менѣе могло бы быть справедливо въ примѣненіи къ Бѣлинскому, тѣмъ не менѣе не можетъ быть сомнѣній, что раздраженіе продиктовало о немъ Шевыреву эти позорныя и возмутительно несправедливыя строки[2]). Неправымъ оказывается здѣсь Шевыревъ также и въ другомъ отношеніи. Простая справка въ старыхъ книжкахъ журналовъ совершенно опровергаетъ его претензію на проницательность въ оцѣнкѣ и признаніи таланта Гоголя, такъ несправедливо оспариваемую имъ у Бѣлинскаго. Чтобы не повторять этого обстоятельно изложеннаго эпизода изъ исторіи нашей журналистики въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы", ограничимся здѣсь приведеніемъ лишь слѣдующихъ словъ изъ названнаго сочиненія Н. Г. Чернышевскаго. Въ разборѣ „Миргорода", — говоритъ онъ, — „г. Шевыревъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на то, что можно считать Гоголя великимъ писателемъ; онъ кажется ему не болѣе, какъ *хорошимъ беллетристомъ шутливаго характера*. Мы видѣли, что за „Миргородъ" и „Арабески" нѣкоторый другой критикъ (т.-е., конечно, Бѣлинскій), *уже назвалъ Гоголя главою русскихъ писателей, преемникомъ Пушкина*"[3]). Бѣлинскій,

---

1) «Москвитянинъ», 1842, VII, 207.

2) Такое же мнѣніе о «Мертвыхъ Душахъ» см. въ письмѣ Свербеева и Ю. Ѳ. Самарина къ А. С. Аксакову. («Русская Старина», 1890, II, 423).

3) «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы», стр. 142—143.

безъ сомнѣнія, имѣлъ полное право напомнить обидѣвшейся сторонѣ, что напр. „одинъ журналъ отказался напечатать у себя повѣсть Гоголя „Носъ", находя ее грязною"[1]) и что „кто постоянно слѣдитъ за нашей литературой, тотъ знаетъ, гдѣ въ первый разъ Гоголь былъ оцѣненъ"[2]). Вообще вся полемика о „Мертвыхъ Душахъ" въ „Журнальныхъ и литературныхъ замѣткахъ" (1842 г.) явно относится къ Шевыреву, особенно же слѣдующія слова: „Почему жъ бы и не замѣтить того, что̀ принадлежитъ вамъ по праву? Но люди неблагодарны: вы же ихъ научите, вы же кое-какъ наконецъ вдолбите имъ что-нибудь въ ихъ крѣпкіе черепа, и они же, за это, пошлютъ васъ на толкучій рынокъ, услужливо снабдятъ васъ своимъ же мѣднымъ лбомъ, обвинятъ въ самохвальствѣ" и проч.[3]).

Но если прежде Шевыреву не сразу вполнѣ выяснилось важное литературное значеніе Гоголя, то теперь онъ отзывается уже восторженно о „Мертвыхъ Душахъ" и обѣщаетъ не разъ возвратиться къ нимъ въ виду того, что такое капитальное произведеніе имѣетъ свойство возбуждать все новые мысли и вопросы, хотя все это не мѣшаетъ ему въ то же время, какъ выразился Чернышевскій, и тутъ говорить „очень уклончиво о значеніи Гоголя въ исторіи русской литературы, о значеніи его для развитія общества и о смыслѣ „Мертвыхъ Душъ"[4]). Все вниманіе критика устремлено на эстетическую оцѣнку произведенія, при чемъ въ неловкомъ усердіи онъ на каждомъ шагу вдается въ странныя и натянутыя толкованія, признавая тонкій художественный тактъ автора въ мелочахъ совершенно безразличныхъ и не имѣющихъ значенія. „Критикъ слишкомъ далеко заходитъ" — говоритъ Чернышевскій, — „желая рѣшительно о каждой мелочи доказать, что она рѣшительно необходима именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ помѣщена Гоголемъ: онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что — выражаясь ученымъ образомъ, — „необходимость облекается въ искусствѣ формой случайности", т.-е., напр., Чичиковъ могъ бы встрѣтить на дорогѣ къ Манилову не одного,

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, 592.

[2]) Тамъ же.

[3]) Стр. 593.

[4]) «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы», стр. 143.

а двухъ или трехъ мужиковъ, деревня Манилова могла бы лежать налѣво, а не направо отъ большой дороги" [1]) и проч.

Излагая содержаніе „Мертвыхъ Душъ", Шевыревъ нерѣдко высказываетъ *мнѣнія,* довольно странныя по мысли или по выраженію; напр. у него Чичиковъ „закаленъ въ самопожертвованіе мошенничества, какъ Ахиллъ въ свое безсмертіе" [2]). По мнѣнію Шевырева, „только у Коробочки могла произойти не совсѣмъ учтивая встрѣча между индѣйскимъ пѣтухомъ и гостемъ Чичиковымъ" [3]), а мужики Коробочки имѣютъ длинныя прозвища потому, что „Коробочка себѣ на умѣ: ужъ у ней что̀ ея, то крѣпко ея; и мужики также помѣчены особенными именами; какъ птица помѣчается у аккуратныхъ хозяевъ, чтобы не сбѣжала" [4]). Въ томъ же духѣ и съ такими же пріемами продолжаетъ Шевыревъ разбирать всю поэму, прибавляя къ пересказу содержанія собственныя соображенія въ родѣ того, что молъ, „гдѣ же и встрѣтиться съ Ноздревымъ, если не въ трактирѣ?" и безцѣльно подбирая десятки синонимовъ къ выраженію „разбитной малый" въ родѣ: „безалаберный, взбалмошный, ералашный" и проч. Но всего забавнѣе неожиданная симпатія Шевырева къ кучеру Селифану, котораго онъ почему-то называетъ даже „*неоцѣненнымъ*", и слѣдующій блестящій перлъ его критики: „Собакевичъ соединилъ въ себѣ породу медвѣжью и свиную; Ноздревъ очень похожъ на собаку, которая безъ причины въ то же время и лаетъ, и огрызается, и ласкается; Коробочку можно сравнить съ суетливой бѣлкой, которая собираетъ орѣшки въ своемъ закромѣ; Плюшкинъ, какъ муравей, однимъ животнымъ инстинктомъ, все, что̀ ни попало, тащитъ въ свою нору; Маниловъ имѣетъ сходство съ глупымъ потатуемъ, который, сидя въ лѣсу, надоѣдаетъ однообразнымъ крикомъ, и какъ будто мечтаетъ о чемъ-то; Петрушка съ своимъ запахомъ превратился въ пахучаго козла; Чичиковъ плутовствомъ перещеголялъ всѣхъ животныхъ и *тѣмъ поддержалъ славу природы человѣческой* (?!!)... Одинъ лишь кучеръ Селифанъ вѣкъ свой прожилъ съ лошадьми и сохранилъ всѣхъ вѣрнѣе добрую человѣческую натуру" [5]).

[1]) Тамъ же, стр. 145.

[2]) «Москвитянинъ», 1842, VII, 210—211.

[3]) Тамъ же, стр. 213.

[4]) Тамъ же.

[5]) «Москвитянинъ», 1842, VII, стр. 220.

Читая теперь подобныя куріозныя строки, только изумляешься, какъ подобныя измышленія могли приходить въ голову и проникать въ печать и не сдѣлаться притомъ, что̀ называется, „притчей во языцѣхъ". Шевыревъ въ одномъ мѣстѣ своей критики даже явно подражаетъ Простакову Фонвизина въ слѣдующемъ своемъ разсужденіи: „Особенная страсть у Ноздрева къ собакамъ и псарный дворъ у него въ большомъ порядкѣ: не происходитъ ли это отъ какой-то симпатіи? ибо въ характерѣ Ноздревыхъ есть что-то истинно-собачье"[1]). Такимъ образомъ, въ статьѣ Шевырева о „Мертвыхъ Душахъ", вообще говоря, мало оригинальнаго, но зато это немногое дѣйствительно оригинально въ высшей степени, оригинально до невѣроятія. Каково, напр., слѣдующее разсужденіе Шевырева: „Замѣчательно, что Петрушка, находясь всегда около своего барина, подражая ему въ костюмѣ, и умѣя даже читать, провонялъ, а Селифанъ, будучи всегда съ лошадьми и въ конюшнѣ, сохранилъ свѣжую, непочатую русскую природу"[2]). Если прибавить къ указанному раньше, что Шевыревъ по своему обыкновенію кстати и некстати примѣшиваетъ вездѣ излюбленную Италію[3]), до того, что это подало поводъ Бѣлинскому сказать: „вѣроятно, многимъ случалось видѣть людей, которые побывали въ Парижѣ и, возвратясь въ Россію, говорятъ при всякомъ случаѣ: „у насъ въ Парижѣ!" Такъ нѣкоторые критики, о чемъ бы ни говорили, никакъ не могутъ обойтись безъ Италіи"[4]), — то мы исчерпаемъ все существенное въ первой статьѣ Шевырева о „Мертвыхъ Душахъ".

Во второй статьѣ его есть по крайней мѣрѣ нѣкоторыя нужныя для того времени разъясненія: такъ, въ началѣ статьи Шевыревъ, отклоняя такого рода возраженіе, что „странствуя по Россіи, вы согласитесь скорѣе дать 30 верстъ крюку, чѣмъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь Собакевичемъ или Ноздревымъ. Какая же охота встрѣчаться съ ними въ поэмѣ"[5]), —

---

1) Тамъ же, стр. 214.

2) Тамъ же, стр. 219.

3) Напримѣръ «Плюшкинъ такъ живо видится намъ, какъ будто бы мы его припоминаемъ на картинѣ Альберта Дюрера въ галлереѣ Доріа»: «Москвитянинъ», 1842, № 7, стр. 218.

4) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 593.

5) «Москвитянинъ», т. VII, стр. 211.

указываетъ на различное значеніе многихъ непріятныхъ явленій жизни въ дѣйствительности и въ искусствѣ: „Смотрите на улицу: вотъ пьяница шатается по тротуару; вотъ извозчикъ навеселѣ мчится на удалой тройкѣ: вы, конечно, обойдете за нѣсколько шаговъ этого пьяницу и не впустите извозчика, особенно съ его тройкой, въ вашу гостиную; но изобрази вамъ пьяницу Теньеръ своей веселой кистью, нарисуй вамъ Орловскій извозчика-лихача съ удалою тройкой безсмертнымъ карандашомъ своимъ, — и пьяница Теньеровъ, и тройка Орловскаго будутъ красоваться въ вашей гостиной на самомъ первомъ, почетномъ мѣстѣ, выше какихъ-нибудь другихъ важныхъ картинъ, рисованныхъ кистью не столько искусною. Такова привилегія художества“ [1]). Затѣмъ критикъ весьма удачно оцѣниваетъ значеніе юмора Гоголя и слѣдитъ за тѣмъ, какъ свѣтлое настроеніе автора мѣстами переходитъ въ глубокую, задушевную грусть. Вообще во второй статьѣ мы встрѣчаемъ много дѣльныхъ и обдуманныхъ замѣчаній, много вѣрно подмѣченнаго и тонко схваченнаго. Теперь, конечно, не новость, напр. такая мысль, что „заразительный хохотъ пронесся, вмѣстѣ съ „Мертвыми Душами“, по всѣмъ предѣламъ Россіи, гдѣ только ихъ читали; но тотъ не далеко слышитъ и видитъ, кто въ яркомъ смѣхѣ Гоголя не замѣчаетъ глубокой затаенной грусти“ [2]); но тогда это было ясно не всѣмъ, и дальнѣйшіе примѣры и подтвержденія важны и заслуживаютъ вниманія читателей. Весьма мѣтко и вѣрно говоритъ также Шевыревъ, что въ „Мертвыхъ Душахъ“ „цѣлый городъ въ одно лицо, котораго всѣ эти господа только разные члены: одна и та же уѣздная безсмыслица, вызванная комическою фантазіею, одушевляетъ всѣхъ, носится надъ ними и внушаетъ имъ поступки и слова, одно смѣшнѣе другого. Такая-то безсмыслица олицетворяется и дѣйствуетъ въ городѣ N [3]). „Хорошо также замѣтилъ Шевыревъ слѣдующую постепенность въ переходѣ отъ свѣтлаго настроенія къ печальному въ расположеніи отдѣльныхъ главъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“: „Взгляните“, — говоритъ онъ, — „на разстановку характеровъ: даромъ ли они выведены въ такой

---

[1]) «Москвитянинъ», 1842 г., т. VIII, стр. 346.

[2]) «Москвитянинъ», VIII, стр. 348.

[3]) Тамъ же, стр. 351.

перспективѣ? Сначала вы смѣетесь надъ Маниловымъ, смѣетесь надъ Коробочкой, нѣсколько серьезнѣе взгляпете на Ноздрева и Собакевича, но, увидѣвъ Плюшкина, вы уже задумаетесь: вамъ будетъ грустно при видѣ этой развалины человѣка. А герой поэмы? Много смѣшитъ онъ васъ, отважно двигая впередъ свой странный замыселъ и заводя всю эту кутерьму между помѣщиками и въ городѣ; но когда вы прочли всю исторію его жизни и воспитанія, когда поэтъ разоблачилъ передъ вами всю внутренность человѣка,— не правда ли, что вы глубоко задумались?"[1]). Слѣдующія затѣмъ соображенія критика о томъ, что „существо Гоголя двойное и раздвоившееся: одна половина смѣется, а другая плачетъ"[2]) (по язвительной формулировкѣ словъ Шевырева въ возраженіяхъ ему Бѣлинскаго), во всякомъ случаѣ замѣчательна потому, что она могла и даже должна была явиться отголоскомъ слышаннаго критикомъ отъ самого Гоголя, что̀ особенно вѣроятно въ виду слѣдующихъ словъ: „Если „Ревизоръ" и первая часть „Мертвыхъ Душъ" соотвѣтствуютъ Шпонькѣ и знаменитой ссорѣ двухъ малороссовъ, то мы въ правѣ ожидать еще высокихъ созданій въ родѣ „Тарасъ Бульба", взятыхъ уже изъ русскаго міра"[3]). Но во всякомъ случаѣ Шевыревъ сильно поддавался на этотъ разъ игрѣ фантазіи, подъ вліяніемъ которой онъ представлялъ себѣ природу творчества Гоголя такимъ образомъ: „Взгляните на вихорь передъ началомъ бури: легко и низко проносится онъ сперва; взметаетъ пыль и всякую дрянь съ земли; перья, листья, лоскутки летятъ вверхъ и вьются, скоро весь воздухъ наполняется его своенравнымъ круженіемъ... Легокъ и незначителенъ кажется онъ сначала, но въ этомъ вихрѣ скрываются слезы природы и страшная буря. Таковъ точно и комическій юморъ Гоголя... Но вотъ налетѣли тучи... Сверкнула молнія... Громъ раскатился по небу. Дождь хлынулъ потоками. Земля и небо смѣшались вмѣстѣ... Не такова ли будетъ вторая часть его поэмы, въ которой обѣщаетъ онъ намъ *лирическое теченіе*, горизонтъ *раздающійся и величавый громъ другихъ рѣчей*[4])?" Затѣмъ три основныя черты фантазіи Гоголя ука-

[1]) Тамъ же, стр. 350.
[2]) Соч Бѣлинскаго, т. VI, стр. 593.
[3]) «Москвитянинъ», 1842 г., VIII, 351.
[4]) Тамъ же, стр. 356.

зываетъ Шевыревъ: первую, которую онъ называетъ „живое ясновидѣніе міра, переносимаго изъ бытія существеннаго въ бытіе идеальное искусства“, разумѣя подъ этимъ необыкновенное искусство художника передавать тонкія детали изображаемой картины, и поясняетъ свои мысли яркими и пластическими сравненіями (Шевыревъ между прочимъ приводитъ параллель къ сравненіямъ Гоголя изъ Гомера и Данте), затѣмъ критикъ признаетъ фантазію Гоголя истинно любивою и говоритъ о жизненности и правдивости всѣхъ выведенныхъ типовъ и наконецъ — „хлѣбосольною“, надъ чѣмъ такъ посмѣялся Бѣлинскій. Хлѣбосольство это, по объясненію Шевырева, заключается въ слѣдующемъ:

„Читая „Мертвыя Души“, вы могли замѣтить, сколько чудныхъ, полныхъ картинокъ, яркихъ сравненій, замѣтокъ, эпизодовъ, а иногда и характеровъ, легко, но мѣтко очерченныхъ, даритъ вамъ Гоголь такъ, просто, даромъ, въ придачу ко всей поэмѣ, сверхъ того, что̀ необходимо входитъ въ ея содержаніе“. Слѣдуютъ примѣры: компаніонка за столомъ у Собакевича, бѣлокурый зять Ноздрева и проч. Шевыревъ сравниваетъ за это Гоголя съ богатымъ русскимъ хлѣбосоломъ, у котораго за столомъ кромѣ двухъ-аршинной стерляди и архангельской телятины подано еще „множество закусокъ, прикусокъ, подливокъ и дорогихъ соусовъ“ [1]). „Русское хлѣбосольство“ — продолжаетъ затѣмъ Шевыревъ — „даетъ печать свою и слогу: слово Гоголя — слово широкое, полное, разъемистое, плодовитое. Рѣчь его разсыпчата, какъ сдобное тѣсто, на которое не пожалѣли масла; оно льется черезъ край, какъ переполненный стаканъ, налитой рукою чиваго хозяина, у котораго вино и скатерть ни по чемъ; отъ того-то и періодъ его слишкомъ грузно начиненъ, какъ пирогъ у затѣйливаго гастронома“ [2]).

Въ заключеніе разбора статей Шевырева о „Мертвыхъ Душахъ“, отмѣтимъ предлагаемыя имъ курьезныя поправки къ „Мертвымъ Душамъ“: „комическій демонъ шутки“ — говоритъ онъ — „иногда увлекаетъ до того фантазію поэта, что характеры выходятъ изъ границъ своей истины; правда, что это бываетъ рѣдко. Такъ, напр., неестественно намъ

---

[1]) «Москвитянинъ», 1842 г., VIII, стр. 375.

[2]) Тамъ же, стр. 375—376.

кажется, чтобы Собакевичъ, человѣкъ положительный и солидный, сталъ выхваливать свои мертвыя души и пустился въ такую фантазію. Скорѣе могъ бы увлечься ею Ноздревъ, если бы съ нимъ сладилось такое дѣло" [1]), или напр. Шевыреву кажется, что „Коробочка съ виду только крохоборка и погружена въ одни матеріальные интересы своего хозяйства, но она непремѣнно будетъ набожна и милостива къ нищимъ" [2]), по поводу чего Ю. Ѳ. Самаринъ въ своихъ умныхъ замѣчаніяхъ о „Мертвыхъ Душахъ" въ письмѣ къ К. С. Аксакову возражаетъ весьма просто и дѣльно: „спрашивается, отъ кого же, если не отъ самого Гоголя, Шевыревъ могъ знать, что Коробочка набожна" [3]).

Вообще, по выраженію Н. Г. Чернышевскаго, „первый томъ „Мертвыхъ Душъ" только прощается Шевыревымъ Гоголю, ради слѣдующихъ" [4]).

По поводу этой критики Шевырева мы должны сказать нѣсколько словъ о весьма любопытномъ письмѣ Ю. Ѳ. Самарина къ К. С. Аксакову. Самыя важныя строки въ этомъ письмѣ, касающіяся собственно статьи Шевырева, слѣдующія: „Мнѣ приходитъ на мысль еще одно замѣчаніе Шевырева, выраженное имъ въ формѣ упрека, и въ которомъ, напротивъ того, заключается самая справедливая и тонкая похвала поэту и самое ясное обличеніе критику. Я разумѣю то мѣсто, въ которомъ онъ обвиняетъ Гоголя въ одностороннемъ изображеніи нѣкоторыхъ лицъ и дополняетъ ихъ отъ себя чертами, пропущенными авторомъ, напримѣръ: „Коробочка, вѣрно, очень набожна, а Гоголь скрылъ это доброе качество и выставилъ только смѣшную сторону". Спрашивается, отъ кого же, если не отъ самого Гоголя, Шевыревъ могъ узнать, что Коробочка набожна? Не онъ ли, представивъ ее въ одномъ положеніи, въ одномъ случаѣ изъ ея жизни, умѣлъ сдѣлать это такъ, что всѣ другія свойства старушки-помѣщицы, не высказанныя поэтомъ, вамъ открываются, и вы понимаете, какъ бы она поступила при другихъ обстоятельствахъ, что̀ бы подумала и что̀ бы сказала? Если могъ Шевыревъ дополнить отъ себя образъ, намѣченный Гоголемъ, продолжить его явленія, про-

---

[1]) Тамъ же, стр. 366

[2]) «Москвитянинъ», 1842 г., VIII, стр. 365—366.

[3]) «Русская Старина», 1890 г., II, стр. 422.

[4]) «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы», стр. 153.

вести его дальше, то не значитъ ли это, что то немногое, показанное Гоголемъ, было живо, полно, чуждо всякой односторонности? Въ этой способности изображать все въ немногомъ заключается тайна творчества, и выше ея нѣтъ ничего въ искусствѣ. Гоголь изображаетъ, и каждое его лицо истинно, живо и полно, какъ образъ; а Шевыревъ требуетъ отъ него другой полноты — исчисленія свойствъ лица. Прибавлю еще одно замѣчаніе. Если критика Шевырева и вообще этотъ родъ критики, отыскивающій, чего не высказано, заднихъ мыслей, скрытыхъ отношеній къ чему-нибудь, если такого рода критика, совершенно противоположная существу искусства, убивающая его созданіе, оскорбляющая эстетическое чувство человѣка прямого, такъ рѣзко обличаетъ свое безсиліе, такъ становится глупа и смѣшна, когда прилагается къ произведенію Гоголя (тогда какъ въ другихъ случаяхъ этого не видать), то не значитъ ли это, что оно исключительно и высоко художественно, что въ немъ-то и нѣтъ ничего надуманнаго, сдѣланнаго, ничего намекающаго на внѣшнюю цѣль, однимъ словомъ, ничего такого, чѣмъ бы могла поживиться критика Шевырева и многихъ ему подобныхъ? Все, что̀ она замѣчаетъ, что̀ хвалитъ и что̀ порицаетъ, не лежитъ въ произведеніи, а ею въ него вложено; она сама произвольно создаетъ себѣ содержаніе[1])".

Ю. Ѳ. Самаринъ не удовлетворялся статьей Шевырева и очень многими другими (по словамъ его, о „Мертвыхъ Душахъ" было „нѣсколько замѣчаній и *очень много пустыхъ*")[2]) и предполагалъ самъ написать разборъ „Мертвыхъ Душъ", но послѣ раздумалъ. Тѣмъ большій интересъ получаетъ дальнѣйшее содержаніе письма, въ которомъ проводится та мысль, что одно отрицаніе не можетъ быть предметомъ художественнаго произведенія („одна тѣнь не составитъ картины"), но что „Мертвыя Души" „есть не сатира, а поэма, глубоко захватывающая и отражающая жизнь, а Гоголю доступно пониманіе во всемъ ея объемѣ и во всей ея глубинѣ"[3]), и поэтъ „полюбилъ ее и возвелъ въ ясное, свѣтлое созданіе искусства" „Одинъ огромный, неопровержимый фактъ —

---

[1]) «Русская Старина», 1890, II, 422—423.

[2]) Тамъ же, стр. 421.

[3]) Тамъ же, стр. 425.

возможность возведенія этой жизни въ міръ искусства, становится противъ темной ея стороны и наполняетъ душу упованіемъ и укрѣпляетъ насъ на трудный подвигъ, на трудное странствованіе сквозь эту жизнь" [1]). Такъ, даже видя въ первомъ томѣ пока изображеніе темной стороны жизни, Ю. Θ. Самаринъ признаетъ уже и эту часть поэмы высоко стоящей въ эстетическомъ и общественномъ отношеніяхъ. „Конечно" — говоритъ онъ — „въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" мы видимъ темную сторону жизни; но, не говоря о тѣхъ прекрасныхъ лирическихъ мѣстахъ, въ которыхъ самъ поэтъ разоблачаетъ закрытую для насъ и всю облитую свѣтомъ ея другую сторону, предположивши даже, — чего не дай Богъ, — что мы никогда ея не увидимъ, и тогда вы не имѣете права убивать въ себѣ наслажденіе и сокрушаться" [2]). Ю. Θ. Самаринъ, слѣдовательно, не *прощалъ* первый томъ „Мертвыхъ Душъ" ради послѣдующихъ, но прямо *признавалъ* вполнѣ самостоятельное право его на высокую оцѣнку, чѣмъ доказалъ свое безмѣрное критическое превосходство передъ Шевыревымъ.

Въ началѣ слѣдующаго 1843 г. „Москвитянинъ" не забылъ возвратиться къ однажды затронутому извѣстному намъ вопросу въ статьѣ Шевырева „Критическій перечень произведеній русской словесности за 1842 г.". Здѣсь высоко поставлена изъ статей петербургскихъ журналовъ только статья Плетнева, затѣмъ о Бѣлинскомъ сказано, что онъ по поводу „Мертвыхъ Душъ" сталъ будто бы безцеремонно хвалиться и кончилъ бранью на талантъ Гоголя (sic), котораго самъ же признавалъ міровымъ (??) геніемъ; наконецъ осуждаются критики, придиравшіеся къ изображенію низкой формы дѣйствительной жизни въ поэмѣ и къ показавшимся имъ неприличными выраженіямъ. Характерно въ статьѣ Шевырева то, что онъ, все еще не будучи въ состояніи вполнѣ оцѣнить Гоголя, ссылается между прочимъ въ оправданіе писателя на обѣщаніе его въ остальныхъ томахъ поэмы изображать уже не одно пошлое и комическое, но и возвышенное.

Вотъ подлинныя слова Шевырева: „Если бы Гоголь имѣлъ односторонній талантъ комика и способенъ былъ только къ изображенію низкой стороны дѣйствительной жизни, то трудно

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

бы ему было сладить съ своими злонамѣренными критиками; но мы увѣрены, что онъ восторжествуетъ и докажетъ имъ, что, клеймя мѣткой ироніей все безобразіе низкой дѣйствительности, лучше и сильнѣе, чѣмъ кто-нибудь владѣющій у насъ перомъ, постигаетъ онъ все великое и прекрасное нашей русской жизни“ [1]). Жаль, что эти слова никто не напомнилъ Шевыреву по смерти Гоголя, когда ему нельзя было бы апеллировать къ будущему, и пришлось бы по неволѣ или отказаться отъ приведенныхъ выше словъ, или сознать, что истинная оцѣнка Гоголя была сдѣлана не имъ, а именно Бѣлинскимъ.

X.

Изъ остальныхъ отзывовъ о первой части „Мертвыхъ Душъ“ остановимся вскользь на рецензіи „Литературной Газеты“ и на брошюрѣ о Гоголѣ К. С. Аксакова, а потомъ перейдемъ къ прекрасному и обстоятельному разбору, написанному П. А. Плетневымъ. Что касается первой, то она почти исключительно состоитъ изъ пересказа содержанія поэмы, причемъ въ разныхъ мѣстахъ приводятся болѣе или менѣе обширныя выписки. Кромѣ этого въ началѣ сдѣлано нѣсколько замѣчаній о рѣшительномъ преобладаніи въ русской литературѣ типовъ отрицательныхъ и комическихъ. Авторъ статьи уже ставитъ „даровитаго“ Марлинскаго и его „Лейтенанта Бѣлозора“ ниже Гоголя, но еще упоминаетъ о Гоголѣ наряду съ другими „лучшими нашими нувеллистами“: Основьяненкой, Сенковскимъ, Павловымъ и кн. Одоевскимъ. Авторъ съ грустью задаетъ себѣ такіе вопросы: „неужели мы замѣчаемъ однѣ смѣшныя стороны и смѣемся, хотя въ половину горькимъ смѣхомъ“. „Неужели“ — продолжаетъ онъ — „мы любимъ видѣть на сценѣ только мелкіе пороки и слабости?.. Отъ души смѣемся, глядя на Хлестакова и Землянику, и зѣваемъ во весь ротъ, когда передъ нами разглагольствуетъ Честонъ или Стародумъ“. Но критикъ соглашается съ доводами Гоголя и признаетъ, что въ его „шуткѣ“ о томъ, что „слѣдуетъ припрячь „плутоватаго человѣка“, заключается „много истины“. Далѣе критикъ замѣчаетъ, что „Мертвыя Души“ названы поэмой, безъ всякаго сомнѣнія, въ шутку,

---

[1]) «Москвитянинъ», 1843, № 1, стр. 285.

но что „если поэма, въ сравненіи съ романомъ, обхватываетъ собою болѣе огромную сторону жизни какого-либо народа, то „Мертвыя Души" не безъ причины названы поэмой" [1]). Въ авторѣ критикъ признаетъ „рѣдкій даръ наблюдательности, знаніе тайнъ человѣческаго сердца, въ особенности порочной стороны его, умѣніе создавать характеры и изъ ихъ игры развивать дѣйствіе" [2]).

Оканчивается рецензія указаніемъ на грязныя, по мнѣнію критика, шуточки Гоголя, напр. о томъ, какъ буточникъ поймалъ у себя звѣря и тутъ же казнилъ его, и выраженіемъ нетерпѣнія, съ какимъ, въ виду прежде указанныхъ достоинствъ произведенія, ожидаются его послѣдующіе томы [3]).

Въ длинной вереницѣ критическихъ статей о „Мертвыхъ Душахъ" бросается въ глаза своей оригинальной эксцентричностью извѣстная брошюра К. С. Аксакова: „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова", или „Мертвыя Души". Любопытна литературная исторія этой статейки.

Сначала предполагалось напечатать ее въ „Москвитянинѣ" и она была уже принята Погодинымъ, но потомъ ее возвратили автору. С. Т. Аксаковъ такъ разсказываетъ объ этомъ: „Статья была принята въ журналъ безъ всякаго сопротивленія; но Погодина сбилъ Шевыревъ. Погодинъ очень боялся, что мы съ Константиномъ осердимся за его отказъ напечатать статью и написалъ объ этомъ большое письмо ко мнѣ; но оно затеряно. Я отвѣчалъ очень ласково, что, можетъ быть, онъ, какъ журналистъ, обязанный заботиться о выгодахъ журнала, поступаетъ очень благоразумно, не помѣщая статьи, которая, разумѣется, озлобитъ всѣхъ недоброжелателей Гоголя. Я умолчалъ о томъ, что мы намѣрены напечатать статью особой брошюркой, и увѣрялъ его, что Константинъ не питаетъ никакого неудовольствія, что̀ и было совершенно справедливо. Погодинъ очень обрадовался и на-

---

[1]) «Литературная Газета», 1842 г., № 23, стр. 471.

[2]) Тамъ же, стр. 476.

[3]) Замѣтимъ кстати, что въ прекрасномъ, въ высшей степени добросовѣстномъ библіографическомъ очеркѣ литературы о Гоголѣ, составленномъ г. Пономаревымъ («Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологич. Института», 1882, т. VII, стр. 1—59) вкрались двѣ небольшія ошибки: статья «Замѣчанія на два мѣста въ статьѣ Шевырева» и отвѣтъ послѣдняго въ «Москвитянинѣ» (1842 г., № 11) не имѣютъ никакого отношенія къ «Мертвымъ Душамъ» (стр. 27, № 264 и 265).

писалъ къ намъ пренѣжную записку, въ которой расхвалилъ Константина за его скромность и кротость. Погодинъ немедленно уѣхалъ за-границу и, уже будучи въ Парижѣ, получилъ извѣстіе, что статья Константина напечатана"[1]). „Погодинъ писалъ ко мнѣ изъ Парижа отъ 1 октября 1842 г.: „Какъ горько было мнѣ услышать, что Константинъ напечаталъ свою статью о Гоголѣ! Какъ досадно мнѣ было на вашу слабость! Неужели у васъ недостало столько литературной довѣренности ко мнѣ, чтобы согласиться со мною, что статья не годится для печати въ первомъ видѣ? Неужели я не напечаталъ ея безъ основанія? Неужели легко мнѣ было прислать ее назадъ? Неужели не радъ бы я былъ всякому успѣху Константина"[2]). (Здѣсь кстати напомнить, что К. С. Аксаковъ учился въ частномъ пансіонѣ Погодина).

Наконецъ брошюра появляется въ печати и обращаетъ на себя общее вниманіе, изумляетъ однихъ, другихъ смѣшитъ и подвергается со всѣхъ сторонъ нареканіямъ за неумѣренный до послѣднихъ крайностей энтузіазмъ[3]).

Основная мысль брошюры заключается въ томъ положеніи, что въ „Мертвыхъ Душахъ" мы видимъ величавое эпическое созерцаніе древнихъ, утраченное въ продолженіе вѣковъ и снова возстающее передъ нами во всей неувядаемой красотѣ, и что у Гоголя мы встрѣчаемъ такую „полноту и конкретность созданія", какою отличаются только созданія Гомера

---

¹) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 73.

²) Тамъ же, стр. 76.

³) Единственный сочувственный отзывъ объ этой брошюрѣ мы находимъ въ маленькой статейкѣ «Современника» (1842 г., т. XXVIII, № 4, стр. 82). Другой сочувственный отзывъ мы читаемъ уже въ частномъ письмѣ къ К. С. Аксакову Ю. Ѳ. Самарина («Русск. Стар.» 1890, II, 421 и «Русск. Арх.» 1880, II, 293—302). Но мы не можемъ судить, насколько этотъ отзывъ былъ искрененъ и насколько здѣсь говорило чувство деликатности автора. Также защищаетъ К. С. Аксакова противъ рѣзкаго отзыва «Отеч. Зап.» Хомяковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Шевыреву («Русск. Арх.» 1878, т. II, № 5, 61—62). Изъ особенно враждебныхъ брошюрѣ отзывовъ слѣдуетъ отмѣтить отзывъ Сенковскаго («Библіотека для Чтенія», 1842, т. 54, отд. 6, стр. 12, «Московскій Благородный Пансіонъ» Сушкова, прилож. 2 отд., стр. 22 и «Русск. Арх.» 1893, VIII, стр. 561, и «Репертуаръ и Пантеонъ» 1843, № 6, стр. 93). Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія» осмѣлился даже сказать по адресу Гоголя: «Это плохо! Когда люди издаютъ на свои деньги такія похвальныя брошюры, это очень плохо!.. Это показываетъ, что поэма нехороша» («Библіот. для Чтенія», 1854, т. 54, отд. 6, стр. 12).

и Шекспира. „Только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь“ — говоритъ онъ — „обладаютъ этой тайной искусства“[1]. Подобно тому, какъ у Гомера мы видимъ „всѣ образцы природы человѣка, заключенные въ созерцаемомъ мірѣ, и, — соединенные чудно, глубоко и истинно, шумятъ волны, несется корабль, враждуютъ и дѣйствуютъ люди“[2]), такъ и поэма Гоголя „представляетъ цѣлую сферу жизни, цѣлый міръ, гдѣ, какъ у Гомера, свободно шумятъ и блещутъ волны, всходитъ солнце, красуется вся природа и живетъ человѣкъ“[3]). Большинство читателей не подготовлено къ тому, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить поэму Гоголя, именно потому, что потеряло вкусъ къ истинной классической красотѣ и приходитъ въ недоумѣніе передъ непривычнымъ, или, лучше сказать, забытымъ характеромъ поэтическаго творчества. Въ первыхъ же строкахъ брошюры К. С. Аксаковъ заявлялъ о „Мертвыхъ Душахъ“, что „передъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи, сферы, давно унижаемой; древній эпосъ возстаетъ передъ нами“. Выясняя величіе и всеобъемлющее значеніе древняго эпоса, юный критикъ отмѣчаетъ постепенное, по его мнѣнію, обмелѣніе его на Западѣ и затѣмъ провозглашаетъ наступленіе новой эры художественнаго творчества въ поэмѣ Гоголя, въ которой „тотъ же глубокопроникающій и все видящій эпическій взоръ, то же всеобъемлющее эпическое содержаніе“. Однимъ словомъ, эпическое созерцаніе Гоголя чисто древнее, античное, и его произведеніе, слѣдовательно, имѣетъ значеніе всемірное. К. С. Аксаковъ замѣчаетъ далѣе, что „все — и муха, надоѣдающая Чичикову, и собаки, и дождь, и лошади отъ Засѣдателя до Чубараго, и даже бричка — все это, со всею своею тайною жизни, Гоголемъ постигнуто и перенесено въ міръ искусства“. Въ грубую ошибку впадаютъ тѣ читатели и рецензенты, которые прежде всего хотятъ видѣть въ новомъ произведеніи анекдотъ, спѣшатъ искать завязку романа, „на все это молчитъ поэма“, потому что такое воззрѣніе въ отношеніи къ ней слишкомъ близоруко и грубо, оно устремляется на мелочи и частности и не видитъ отра-

---

[1]) «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя «Мертвыя Души» К. С. Аксакова, стр. 14—15.

[2]) Стр. 2.

[3]) Стр. 4.

женія въ поэмѣ „безбрежнаго океана жизни“. Столь же нелѣпымъ представляется автору брошюры недовольство нѣкоторыхъ критиковъ тѣмъ, что „лица у Гоголя смѣняются безъ особенной причины, тогда какъ это именно и является естественнымъ слѣдствіемъ истиннаго эпическаго созерцанія, въ которомъ „одинъ міръ объемлетъ всѣ эти лица, связуя ихъ глубоко и неразрывно единствомъ внутреннимъ“ и „древній, важный эпосъ является въ своемъ величавомъ теченіи!“ Но особенно широкія надежды возлагаетъ К. С. Аксаковъ на продолженіе поэмы и видитъ въ первомъ томѣ, — безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ самого Гоголя, — лишь начало рѣки, „дальнѣйшее теченіе которой, Богъ знаетъ, куда приведетъ насъ и какія явленія представитъ“ [1]). Уже въ первомъ томѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ описаніи скорой ѣзды Чичикова, критикъ предполагаетъ отчасти вскрытіе завѣсы съ „общаго субстанціальнаго чувства русскаго“.

Вся статья вообще преисполнена самаго восторженнаго молодого увлеченія, внушеннаго автору и личнымъ расположеніемъ къ Гоголю, и неувядаемой прелестью его созданій — увлеченія, доходящаго до того, что, соглашаясь признать слогъ Гоголя не образцовымъ, критикъ неожиданно восклицаетъ: „И слава Богу! Это былъ бы недостатокъ“ [2]). Хотя К. С. Аксаковъ имѣетъ здѣсь въ виду, какъ оказывается, вполнѣ справедливую мысль, что и въ самомъ слогѣ поэма Гоголя носитъ на себѣ яркую печать высокой оригинальности, которая составляетъ безспорное достоинство и является вообще однимъ изъ существенныхъ украшеній гоголевскаго творчества, и что передъ общей, геніальной оригинальностью слога блѣднѣютъ мелочные грамматическіе и стилистическіе промахи и недосмотры, но все же мысль выражена довольно неожиданно и странно. Намъ нечего прибавлять, что упованія молодого энтузіаста на воскрешеніе древняго эпоса, *„чуднымъ образомъ возникшаго въ Россіи“*, совсѣмъ не оправдались въ томъ фантастическомъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это авторъ, связавши притомъ, какъ видно изъ приведеннаго выраженія, свои литературныя увлеченія съ такими же

---

[1]) Стр. 9.

[2]) Бѣлинскій напротивъ, какъ извѣстно, находилъ неправильности въ языкѣ Гоголя, но слогъ его признавалъ образцовымъ (Соч., т. XI, стр. 73).

чрезмѣрными патріотическими иллюзіями и зашедши черезчуръ далеко въ своихъ мечтахъ. Укажемъ только, что самъ авторъ, вообще довольно часто повторяющійся въ своей статьѣ, нѣсколько разъ, послѣ самыхъ энергическихъ панегириковъ Гоголю, какъ бы начиная уже самъ смутно сознавать свое увлеченіе, дѣлаетъ оговорки, предупреждаетъ возможныя перетолкованія, наконецъ прямо заявляетъ, что молъ это многимъ покажется страннымъ, а между тѣмъ-де въ сущности справедливо и т. п. Отмѣтимъ еще, что К. С. Аксаковъ по справедливости высоко ставитъ гоголевскія сравненія, яркость изображаемыхъ имъ лицъ и характеровъ и проч., и заканчиваетъ свое разсужденіе довольно блѣднымъ впрочемъ патріотическимъ гимномъ русской народной пѣснѣ.

Мы говорили уже, что на брошюру Аксакова напали со всѣхъ сторонъ. Бѣлинскій счелъ вынужденнымъ отвѣчать на нее въ виду слѣдующихъ строкъ: „Мы знаемъ, многимъ покажутся странными слова наши; но мы просимъ въ нихъ вникнуть. Что̀ касается до мнѣній петербургскихъ журналовъ, очень извѣстно, что̀ они подумаютъ (впрочемъ исключая, можетъ быть, „Отечественныхъ Записокъ“, которыя хвалятъ Гоголя); но не о петербургскихъ журналистахъ говоримъ мы“ [1]). Такое упоминаніе объ „Отечественныхъ Запискахъ“ могло подать поводъ къ подозрѣнію въ единомысліи ихъ съ авторомъ брошюры — и вотъ почему молчать было неудобно. Бѣлинскій возражаетъ Аксакову слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, эпосъ древній не есть исключительное выраженіе древняго міросозерцанія въ древней формѣ: напротивъ, онъ что-то вѣчное, неподвижно стоящее, независимо отъ исторіи: онъ можетъ быть и у насъ, и мы его имѣемъ въ „Мертвыхъ Душахъ“. Итакъ, эпосъ не развился исторически въ романъ, а снизошелъ до романа! Итакъ, романъ есть не эпосъ нашего времени, въ которомъ выразилось созерцаніе жизни современнаго человѣчества и отразилась сама современная жизнь: нѣтъ, романъ есть искаженіе древняго эпоса“ [2]). Бѣлинскій объясняетъ своему противнику, что „Иліада“ есть произведеніе всемірное, а „Мертвыя Души“ даже и не могли выразить мірового содержанія за отсутствіемъ его въ изобра-

[1]) «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя», стр. 16.
[2]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 434—435.

жаемой въ нихъ русской жизни; что паѳосъ обѣихъ эпопей различный („въ „Иліадѣ" жизнь возведена въ апоѳеозу; въ „Мертвыхъ Душахъ" она разлагается и отрицается")[1]. Наконецъ Бѣлинскій выражаетъ изумленіе по поводу слишкомъ неумѣреннаго возвеличенія Гоголя, причемъ между прочимъ указываетъ на странное превознесеніе его передъ Пушкинымъ, не удостоившимся стать даже наряду съ нимъ въ этой тріадѣ.

Бѣлинскій былъ правъ, опасаясь неловкаго союзничества со стороны Аксакова. Вскорѣ въ „Сынѣ Отечества" появилась статья К. Масальскаго, который, признавая въ Гоголѣ высокій комическій талантъ, находитъ, однако, преувеличеннымъ, а часто и нелѣпымъ неумѣренное его прославленіе нѣкоторыми поклонниками и людьми партіи. Авторъ статьи смѣется надъ тѣмъ, что Гоголя хотятъ произвести въ чинъ литературнаго генералиссимуса, а иные его уже пожаловали даже въ Гомеры, но что, быть можетъ, это шутки, основанныя на сходствѣ первыхъ слоговъ въ именахъ обоихъ поэтовъ; онъ удивляется также тому, что „всѣ гегелисты непремѣнно гоголисты", хотя между Гегелемъ и Гоголемъ ровно ничего общаго нѣтъ[2]). Отъ этихъ насмѣшекъ надъ увлеченіемъ рецензента критикъ приходитъ къ намекамъ на темные разсчеты литературныхъ приходовъ и къ насмѣшкамъ надъ критиками, которые „покуда еще ничѣмъ не доказали сами ни своего громаднаго ума, ни своего алмазнаго вкуса"[3]).

Переходя къ разбору самой поэмы, критикъ находитъ въ ней отсутствіе содержанія, такъ какъ на 252 страницахъ поэмы авторъ разъѣзжаетъ по помѣщикамъ и скупаетъ мертвыя души, а на остальныхъ 223 страницахъ совершаетъ купчую крѣпость. Показавъ такимъ образомъ свое полное непониманіе поэмы, критикъ высказываетъ изумленіе по тому поводу, что рецензенты находили блѣдность содержанія даже въ „Мирошевѣ" Загоскина, а что же, молъ, „должно сказать въ этомъ отношеніи о поэмѣ „Мертвыя Души"[5]). Не видитъ критикъ и „красоты въ идеѣ романа", потому что въ немъ выведены только одни плуты и ничтожные люди, кромѣ одной губернаторской дочки, которая совсѣмъ почти не обрисована. Снова

---

[1]) Тамъ же, стр. 436.

[2]) «Сынъ Отечества», 1842 г., VI, отд. критики, стр. 2.

[3]) Тамъ же, стр. 3.

[4]) Тамъ же, стр. 11.

повторяется жалоба на отсутствіе завязки и добродѣтельныхъ лицъ въ произведеніи. Критикъ не слишкомъ остроумно сравниваетъ поэму съ холстомъ, измазаннымъ черной краской, на которомъ, выдавая его за картину, художникъ подписалъ: глубокая ночь. Наконецъ мы встрѣчаемъ всѣ тѣ же, слишкомъ избитые, упреки Гоголю въ сальностяхъ и въ томъ, что авторъ „обмакиваетъ кисть въ недостойныя художника краски“ [1]). Но въ виду крайняго однообразія, съ самыми незначительными варіаціями, всѣхъ подобныхъ упрековъ, мы не рѣшаемся дальнѣйшимъ пересказомъ ихъ утомлять вниманіе читателей и отмѣтимъ еще только одно новое осужденіе Гоголя въ статьѣ „Сына Отечества“ за нескромность въ извѣстныхъ словахъ: „Русь! что̀ глядишь ты такъ и зачѣмъ все, что̀ ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи!“ [2]). и пр. Во всякомъ случаѣ ясно, что общее содержаніе разбора въ „Сынѣ Отечества“ было неблагопріятно Гоголю и что въ немъ уже указывался одинъ дѣйствительный промахъ его сторонниковъ, т.-е. собственно К. С. Аксакова; а между тѣмъ объ этой статьѣ К. Масальскаго „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ отозвался такъ: „разборъ весьма дѣльный и прекрасно написанный“ [3]). Отмѣтимъ кстати небольшую странность: книга „Сына Отечества“ носитъ цензурную помѣтку отъ 31 мая 1842 г., тогда какъ брошюра Аксакова подписана 16-мъ іюня 1842 г., и притомъ онѣ вышли въ разныхъ городахъ („Сынъ Отечества“, какъ извѣстно, издавался въ Петербургѣ), — слѣдовательно, слухи, предшествовавшіе напечатанію долго ходившей по мытарствамъ брошюры, успѣли давно достигнуть и до Сѣверной Пальмиры.

Впослѣдствіи С. Т. Аксаковъ съ горечью вспоминалъ о нападеніяхъ печати на брошюру его сына и находилъ, что всѣ журналисты, говоря буквально, „взбѣсились“ [4]) и что, перечитавъ ее нѣсколько разъ послѣ выхода, онъ былъ до того удивленъ, что „даже на нѣкоторое время усомнился въ справедливости своего собственнаго взгляда и суда“ [5]). Но эти слова только рисуютъ намъ неустойчивый характеръ

[1]) Тамъ же, стр. 19.

[2]) Тамъ же, стр. 29.

[3]) Томъ XXXVI, отд. 6, стр. 31.

[4]) «Русскій Архивъ», 1890 г., VIII. 74.

[5]) Тамъ же.

С. Т. Аксакова и шаткость нѣкоторыхъ его сужденій, — обстоятельство чрезвычайно важное для пониманія этой благородной, но вовсе не дальновидной и не всегда твердой въ убѣжденіяхъ личности: — и они же показываютъ въ данномъ случаѣ рѣшительное превосходство передъ Аксаковымъ Погодина въ отношеніи проницательности и житейскаго опыта.

Въ „Москвитянинѣ" появился вскорѣ отвѣтъ Бѣлинскому отъ К. С. Аксакова, сущность котораго именно и заключается въ обвиненіи „Отечественныхъ Записокъ" за мнимое искаженіе словъ брошюры. Здѣсь снова мы встрѣчаемъ утомительныя повторенія и вдобавокъ натянутыя оправданія, вродѣ того, что „субстанціальное чувство не субстанція" и что „рецензентъ не хотѣлъ понять, что я не просто о скорой ѣздѣ говорю; по желѣзной дорогѣ ѣдешь скорѣе, но не это любитъ русскій человѣкъ"[1]), и проч., — но особенно настаиваетъ не однажды на томъ, что онъ-де сравнивалъ Гомера, Шекспира и Гоголя не вообще, а только въ отношеніи акта творчества[2]), на что послѣ Бѣлинскій возражалъ, что и это сравненіе также отнюдь не выдерживаетъ критики. Но самое важное то, что̀ всѣ вообще объясненія К. С. Аксакова касаются больше частностей, тогда какъ въ данномъ случаѣ имѣла значеніе исключительно общая постановка вопроса: въ своемъ чрезмѣрно неосмотрительномъ увлеченіи Аксаковъ, желая возвести Гоголя на недосягаемую высоту и указать для него совершенно исключительное почетное мѣсто во всемірной литературѣ, сгоряча не подумалъ о томъ, что въ послѣдней найдется не мало великихъ именъ, которыя не могутъ быть поставлены ниже имени Гоголя, и что въ возраженіе ему тотчасъ могутъ назвать Сервантеса, Вальтеръ-Скотта и Байрона, — и только оговорился въ подстрочномъ примѣчаніи, что романъ и повѣсть также имѣютъ свое значеніе, но что объ нихъ онъ *не имѣетъ времени говорить*. Въ этомъ уже состояло несомнѣнное отступленіе отъ основной мысли брошюры, надъ которымъ посмѣялся Бѣлинскій, сказавъ, что „эта выноска явно противорѣчитъ съ текстомъ, гдѣ опредѣлительно сказано, что древній эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, искажался, снизошелъ до романовъ и, наконецъ,

---

[1]) «Москвитянинъ», 1842 г., 9, 227.

[2]) Тамъ же, стр. 222 и 227.

до крайней степени своего униженія, до французской повѣсти: слѣдовательно, какое же значеніе, кромѣ искаженія древняго эпоса, могутъ имѣть романъ и повѣсть въ глазахъ Константина Аксакова?“ [1]). Такимъ образомъ слабая сторона брошюры была неопровержимо доказана, и никакія оправданія отдѣльныхъ мыслей не могли уже имѣть значенія. Бѣлинскому стоило только напомнить въ нѣсколькихъ словахъ своему противнику исторію развитія эпоса и значеніе романа, которое, очевидно, представлялось Аксакову не достаточно ясно (такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что романъ представлялся ему дѣйствительно только искаженіемъ древняго эпоса). Однимъ словомъ, рушилось именно самое основное положеніе брошюры, безъ котораго она утрачивала весь свой смыслъ. Притомъ, признавая въ „Мертвыхъ Душахъ“ воскрешеніе поэмы, какъ важнѣйшаго вида эпическихъ произведеній, Константинъ Аксаковъ упустилъ изъ виду поэмы Пушкина и Лермонтова и слѣдовательно и съ этой стороны попадалъ въ новую рискованную крайность. Бѣлинскій же оставался, разумѣется, вполнѣ на своей позиціи, не сходя съ нея ни на шагъ и снова твердо и отчетливо повторяя: „думать, что въ наше время возможенъ древній эпосъ — это такъ же нелѣпо, какъ и думать, чтобъ въ наше время человѣчество могло вновь сдѣлаться изъ взрослаго человѣка ребенкомъ, а думать такъ — значитъ быть чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пустыя фантазіи празднаго воображенія выдавать за философскія истины“ [2]). Послѣ этого теряли всякое значеніе всѣ приведенныя Аксаковымъ оправданія. „Г. Константинъ Аксаковъ“ — говоритъ Бѣлинскій — „дѣйствительно не называлъ „Мертвыхъ Душъ“ „Иліадой“, а Гоголя — Гомеромъ: такихъ словъ нѣтъ въ его брошюрѣ; но онъ поставилъ *„Мертвыя Души“ на одну доску съ „Иліадой“, а Гоголя на одну доску съ Гомеромъ:* вотъ что правда, то правда“ [3]). Нѣсколько страницъ спустя Бѣлинскій снова повторяетъ: „г. Константинъ Аксаковъ не называлъ Гоголя Гомеромъ, а „Мертвыя Души“ — „Иліадою“; онъ только сказалъ, что, во-первыхъ, древній эпосъ былъ унижаемъ на Западѣ, а мы прибавили (и имѣли право) отъ себя: —

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 529.
[2]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 531.
[3]) Тамъ же, стр. 526.

Сервантесомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Куперомъ, Байрономъ; — и что, во-вторыхъ, въ „Мертвыхъ Душахъ“ древній эпосъ возстаетъ передъ нами, а мы прибавили отъ себя (и имѣли на это право): — ergo „Мертвыя Души“ то же самое въ новомъ мірѣ, что̀ „Иліада“ въ древнемъ, а Гоголь то же самое въ исторіи новѣйшаго искусства, что̀ Гомеръ въ исторіи древняго искусства“.[1]).

Оставляя въ сторонѣ всѣ дальнѣйшія подробности спора Бѣлинскаго съ Аксаковымъ, т.-е. собственно болѣе обстоятельное развитіе во второй половинѣ статьи знаменитаго критика — возраженій, лишь вкратцѣ намѣченныхъ въ началѣ ея, мы должны лишь напомнить о томъ, что въ этой именно статьѣ Бѣлинскій по поводу выраженія Аксакова: „кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ“ [2]), — не разъ повторяя эти слова, придаетъ имъ весьма знаменательный смыслъ опасенія за будущую судьбу поэмы; по нашему мнѣнію, здѣсь особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова: „если самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе „поэмою“, если содержаніе и герой есть субстанція русскаго народа, — то мы не обинуясь скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку“[3]). А такъ именно и было, и это-то самое и погубило Гоголя.

Въ статьѣ „Русская литература въ 1842 г.“ Бѣлинскій еще разъ упоминаетъ, но уже въ видѣ только намека, о взглядѣ Аксакова на „Мертвыя Души“, справедливо замѣчая на этотъ разъ, что „въ числѣ изступленныхъ хвалителей „Мертвыхъ Душъ“ есть люди, и не подозрѣвающіе въ простотѣ своего дѣтскаго энтузіазма истиннаго значенія и слѣдовательно истиннаго величія этого произведенія“, и заявляетъ, что до сихъ поръ онъ лишь случайно говорилъ о „Мертвыхъ Душахъ“ и преимущественно по поводу невѣрныхъ мнѣній объ этомъ произведеніи, но что обстоятельный разборъ поэмы еще предстоитъ впереди; къ нему Бѣлинскій предполагалъ, какъ извѣстно, какъ и вообще къ разбору произведеній Гоголя, приступить уже по окончаніи такого же разбора произведеній Пушкина. Это обѣщаніе онъ не разъ повторялъ и послѣ [4]).

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 531—532.

[2]) «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя», стр. 5.

[3]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 536.

[4]) Тамъ же, т. VI, 548—549, примѣч. и т. XI, стр. 72.

XI.

Совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ предыдущихъ критикъ стоитъ статья Плетнева, озаглавленная такъ: „Чичиковъ, или „Мертвыя Души“ Гоголя“ и напечатанная первоначально въ „Современникѣ“ подъ псевдонимомъ С. Ш. Когда до Гоголя дошло извѣстіе объ этой статьѣ, онъ очень заинтересовался ею и просилъ Плетнева прислать ее къ нему въ Римъ; хотя онъ вообще интересовался критиками на свои сочиненія, но въ данномъ случаѣ ему уже заранѣе было указано кѣмъ-то на этотъ разборъ, какъ на одинъ изъ самыхъ интересныхъ и образцовыхъ. Когда Гоголь въ послѣдній разъ видѣлся съ Плетневымъ въ Петербургѣ, въ первыхъ числахъ іюня 1842 г. (именно 4 іюня), то редакторъ „Современника“ слышалъ уже въ чтеніи автора отрывки изъ поэмы или даже, быть можетъ, весь первый томъ; онъ могъ также читать ее и въ корректурныхъ листахъ или въ привезенномъ Гоголемъ экземплярѣ; но если онъ успѣлъ уже получить о ней вполнѣ опредѣленное представленіе, то все еще не могъ приняться за критическую статью, не имѣя для того пока ни времени, ни свободнаго экземпляра книги. Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому, написанномъ въ день отъѣзда Гоголя, Плетневъ сообщаетъ слѣдующее: „Нынѣшнюю весну провелъ здѣсь[1]) Гоголь. Сегодня опять отправляется за границу. Онъ напечаталъ свой романъ „Мертвыя Души“. Это, безъ сомнѣнія, лучшее изъ всего, что̀ только есть въ нашей литературѣ. Сколько комизма разнообразнаго, схваченнаго живьемъ въ натурѣ и переданнаго со всею яркостью красокъ! Особенно это поражаетъ всякаго, когда онъ самъ читаетъ. Для его сочиненій нуженъ чтецъ, который бы напередъ изучилъ его: иначе досадно слушать, чувствуя, какъ гибнутъ изумительныя красоты языка поэтическаго“[2]).

Такимъ образомъ несомнѣнно, что Плетневъ сразу вполнѣ понялъ и оцѣнилъ по крайней мѣрѣ эстетическія достоинства „Мертвыхъ Душъ“, но когда онъ задумалъ написать критику, то, въ виду существовавшихъ противъ него въ литера-

---

[1]) То-есть, въ Россіи.

[2]) «Русскій Архивъ», 1870 г., стр. 1277 и соч. Плетнева, т. III.

турныхъ кругахъ предубѣжденій, рѣшился замаскировать свое авторство и весьма остроумно прикрылся иниціалами одного изъ петербургскихъ земляковъ Гоголя, Семена Даниловича Шаржинскаго, проживавшаго тогда въ Житомірѣ. Названіе этого города было также подписано подъ статьей. Но такъ какъ Шаржинскій былъ личность мало извѣстная, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что, придумывая псевдонимъ, Плетневъ имѣлъ въ виду не только публику и журналистовъ, но прежде всего и самого Гоголя. Въ одномъ изъ писемъ къ Максимовичу Гоголь съ восхищеніемъ говоритъ о Шаржинскомъ, называя его „преинтереснѣйшимъ и прелюбезнѣйшимъ человѣкомъ, съ которымъ никогда не будетъ скучно“ [1]). Правда, Гоголь имѣлъ въ виду здѣсь подѣйствовать на одного пріятеля въ смыслѣ самой лучшей рекомендаціи ему другого, для котораго Гоголь и просилъ-то немалаго, ходатайствуя о томъ, чтобы сразу выхлопотать ему мѣсто директора гимназіи въ Кіевскомъ округѣ и еще по возможности въ самомъ Кіевѣ, тогда какъ прежде Шаржинскій служилъ только въ таможняхъ да въ почтовомъ департаментѣ [2]). Тѣмъ не менѣе тотъ же Шаржинскій, имени котораго мы не встрѣчаемъ въ спискѣ студентовъ, окончившихъ курсъ въ Нѣжинской гимназіи (въ „Лицеѣ князя Безбородко“), и съ которымъ Гоголь сблизился, очевидно, только уже въ Петербургѣ, по словамъ Гоголя, служилъ когда-то и „по ученой части“ и ѣздилъ за границу. Кажется, судя по всѣмъ этимъ даннымъ, Шаржинскій уже тогда былъ общимъ знакомымъ Плетнева и Гоголя и, можетъ быть, пользовался также вниманіемъ и покровительствомъ перваго. Послѣ Гоголь хлопоталъ уже о томъ, чтобы Максимовичъ помогъ Шаржинскому устроиться въ Каменецъ-Подольскую или Винницкую гимназію [3]); но вмѣсто того мы видимъ его спустя нѣсколько лѣтъ въ Житомірѣ. Но намъ важно здѣсь, конечно, единственно то, что Плетневъ хотѣлъ почему-то замаскировать свое авторство статьи даже передъ Гоголемъ, на что̀ намекаетъ особенно подпись подъ статьей того города, въ которомъ жилъ Шаржинскій.

Не останавливаясь впрочемъ даже на соображеніяхъ отно-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 220.

[2]) Тамъ же, стр. 221.

[3]) Тамъ же, стр. 224.

сительно деликатныхъ причинъ, заставившихъ Плетнева прибѣгнуть къ указанному маневру, замѣтимъ только, что его намѣреніе „не вводить въ искушеніе пишущую братію“, враждебно къ нему настроенную, — какъ это объясняетъ г. Кулишъ, несомнѣнно, со словъ самого Плетнева [1]), — оказалось въ высшей степени основательнымъ и достигло цѣли: статья не встрѣтила предубѣжденія и всюду была признана справедливой и дѣльной. Согласно этимъ видамъ автора, и его критика совершенно свободна отъ полемическихъ выходокъ и увлеченій и отличается отъ прочихъ спокойнымъ академическимъ тономъ. Первыя строки статьи таковы: „къ вамъ, г. редакторъ „Современника“, я обращаюсь съ моими замѣчаніями о новомъ сочиненіи Гоголя и о другихъ предметахъ, прикосновенныхъ къ дѣлу критики, — потому къ вамъ, что сами вы не любите говорить много, и еще болѣе потому, что, кажется, не занимаетесь сужденіями другихъ журналистовъ. Слѣдовательно, вы, какъ говорится, человѣкъ свѣжій“ [2]). И только тотчасъ вслѣдъ за приведенными строками, Плетневъ намекаетъ косвенно на нелѣпость сужденій „Сѣверной Пчелы“, особенно поразительныхъ по своему безвкусію и безтактности. Съ своей стороны критикъ признаетъ какъ явный прогрессъ въ творчествѣ самого Гоголя, такъ и высокое значеніе его поэмы въ ряду остальныхъ выдающихся произведеній современной литературы. Страннымъ можетъ показаться только то небольшое несоотвѣтствіе, которое мы замѣчаемъ между приведеннымъ выше рѣшительнымъ утвержденіемъ въ письмѣ къ Жуковскому, что поэма Гоголя „есть лучшее въ нашей литературѣ“, и сдержаннымъ и осмотрительнымъ заявленіемъ: „мнѣ кажется странно, говоря о Гоголѣ, входить въ объясненіе, чѣмъ сочиненіе его лучше той или другой книги изъ напечатанныхъ съ нимъ въ одно время“ [3]). Такая осторожность, слишкомъ рѣзко противоположная пылкой смѣлости К. С. Аксакова, какъ нарочно подходитъ подъ категорію того „уклончиваго“ способа высказывать истины, относительно котораго Бѣлинскій имѣлъ безспорное право иронизировать, говоря, что это „способъ, какъ будто не

---

[1]) Тамъ же, стр. 501. Г-нъ Кулишъ хорошо зналъ Плетнева и вмѣстѣ съ нимъ служилъ одно время въ Спб. университетѣ въ пятидесятыхъ годахъ.

[2]) Соч. Плетнева, т. I, стр. 476.

[3]) Тамъ же, стр. 447.

противорѣчащій общему мнѣнію, болѣе намекающій, чѣмъ утверждающій“ [1]).

Но зато въ остальныхъ отношеніяхъ статья имѣетъ много положительныхъ достоинствъ: сравнивая ее съ другими статьями о первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, за исключеніемъ, разумѣется, статей Бѣлинскаго, читатель не можетъ не оцѣнить многихъ ея крупныхъ преимуществъ; въ статьѣ много вполнѣ вѣрныхъ и частью довольно глубокихъ замѣчаній, и, конечно, совершенно нѣтъ тѣхъ нелѣпостей и курьезовъ, отъ которыхъ, какъ мы видѣли, далеко не свободны даже статьи Шевырева. Важно притомъ, что Плетневъ въ своей оцѣнкѣ обращаетъ вниманіе именно на самыя существенныя и важныя стороны, а не толкуетъ о мелкихъ грамматическихъ промахахъ или напримѣръ о сходствѣ дѣйствующихъ лицъ „Мертвыхъ Душъ“ съ тѣмъ или другимъ животнымъ, какъ мы видѣли это у Шевырева. О языкѣ Гоголя Плетневъ говоритъ, что въ немъ есть недосмотры, и что въ самомъ дѣлѣ нельзя даже не согласиться, пожалуй, и съ Гречемъ въ неправильности выраженія: „были видны слѣды довольной усмѣшки“ или формы причастія *узрѣтъ;* но Плетневъ весьма основательно смѣется надъ тѣмъ, что „грамматическая критика возьметъ за то свой *полушечный оброкъ* съ автора“, и объясняетъ ей, что „у Гоголя, въ замѣнъ ничтожныхъ недосмотровъ, пропущенныхъ, безъ сомнѣнія, отъ поспѣшности изданія книги, есть положительныя совершенства языка, красоты, вѣчно сіяющія у геніальныхъ писателей: сжатость выраженій, мѣткость и точность словъ и неразъединимость ихъ отъ понятій“, — въ подтвержденіе чего приводится отрывокъ изъ описанія сада Плюшкина. Уже въ этихъ словахъ заслуживаютъ вниманія точныя опредѣленія и естественность, а также наконецъ несомнѣнная справедливость мысли.

Сужденіе о содержаніи книги еще цѣннѣе и значительнѣе. Прежде всего Плетневъ указываетъ въ поэмѣ именно то, что̀ въ ней служитъ несомнѣннымъ и яркимъ проявленіемъ геніальности автора. Кто не согласится, напримѣръ, что, „въ усиліи набросать, при заготовленной сценѣ, карикатурный или даже высокій характеръ, не мудрено попасть на удачу и сорвать дань улыбки или похвалу читателя; но это я называю искус-

---

[1]) Соч., т. VI, стр. 394.

ствомъ, чтобы не сказать вѣрнѣе — ремесломъ. Оно говорить много въ пользу труда и ничего можетъ не доказывать въ истинѣ таланта. Но отсутствіе усилія, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь и постоянное дѣйствіе комической красоты — вотъ что̀ изумляетъ въ авторѣ, повидимому, безпечномъ и все предоставившемъ *одной природѣ*" [1]).

Вообще во всей первой половинѣ статьи Плетневъ обстоятельно и точно разъясняетъ самобытность и независимость таланта Гоголя. Указать все это тогдашнему обществу и даже представителямъ печати и критики было, конечно, необходимо. Плетневъ, напримѣръ, вѣрно замѣчаетъ, что у Гоголя „въ искусствѣ не видно *авторскаго усилія* приблизиться къ опредѣленной цѣли, какъ напримѣръ навести читателя на любимую идею, развеселить его забавною сценой, растрогать идеальной картиной горестнаго положенія, красивымъ описаніемъ природы приготовить воображеніе къ поразительной печаянности, и тому подобное. Онъ самъ весь проникнутъ жизнью — и вмѣсто того, чтобы сочинять, онъ воплощаетъ въ дѣйствительность свою *внутреннюю жизнь*, это чудесное вмѣстилище всего внѣшняго" [2]).

Какими дѣтскими передъ этими глубокими и вѣрными замѣчаніями оказываются мелкія придирки „Сѣверной Пчелы" или Сенковскаго! На забавные упреки поэмѣ, что въ ней нѣтъ ни завязки, ни плана, Плетневъ возражаетъ деликатно и тонко: „вы не подумаете, конечно, что поэма Гоголя начата безъ основной идеи, что искусство ему не покоряется, и что онъ влечется за мимолетящими ощущеніями. Но дѣло въ томъ, что у писателей высшаго разряда, какъ въ самой природѣ, явленія просты, доступны достиженію всякаго, а зарождаемыя ими мысли разнообразны, обширны и толпятся въ душѣ во всѣхъ видахъ, какіе только созерцающая душа воспринимать способна" [3]). О соблюденіи внѣшнихъ литературныхъ приличій и требованій Плетневъ также справедливо говоритъ, что „всѣ правила сами по себѣ, конечно, должны быть хороши, потому что рождаются отъ долговременныхъ наблюденій. Но

---

[1]) Соч. Плетнева, т. I, стр. 484.

[2]) Тамъ же, стр. 477.

[3]) Стр. 478.

примѣненіе этихъ правилъ есть опытъ, зависящій отъ силъ каждаго. *Кто тѣ условія сознаетъ самъ собой, тотъ и дѣйствуетъ успѣшно;* а кто ловитъ ихъ и безсознательно примѣняетъ, тотъ производитъ одну механическую работу, ничего не творя художнически“ [1]).

Изъ характеровъ, изображенныхъ Гоголемъ въ „Мертвыхъ Душахъ“, Плетневъ едва-ли справедливо признаетъ нѣсколько присочиненными характеры Манилова и Плюшкина, и, можетъ быть, въ виду этихъ страницъ своей критики онъ подписалъ статью именемъ Шаржинскаго, что̀, впрочемъ, отнюдь нельзя считать доказаннымъ.

Намъ остается указать только еще одинъ примѣръ преувеличенной осторожности и уклончивости Плетнева, именно когда онъ, уже въ концѣ статьи, замѣчаетъ, что „кромѣ Жуковскаго, онъ не помнитъ, кто у насъ рисовалъ словомъ, увлекаемый прелестью природы и постигая искусство словесной живописи. Между тѣмъ, языкъ, это мощное орудіе ума, чувства и воображенія, только и созидается вдохновеніемъ. *Послѣ всего этого предоставляю судить вамъ, хорошъ ли языкъ Гоголя*“ [2]). Плетневъ предпочитаетъ здѣсь предоставить читателю сдѣлать выводъ изъ его словъ, избѣгая, кажется, смѣло и рѣшительно выразить свою мысль.

Затѣмъ укажемъ и въ статьѣ Плетнева слѣды интимныхъ бесѣдъ съ Гоголемъ объ его произведеніи въ слѣдующихъ строкахъ: „на книгу Гоголя нельзя иначе смотрѣть, какъ только на вступленіе къ великой идеѣ о жизни человѣка, увлекаемаго страстями жалкими, но неотступно дѣйствующими въ мелкомъ кругу общества. То еще впереди, что̀ въ поэмѣ называется дѣйствіемъ: передъ нами только поднята завѣса для объясненія первыхъ, странныхъ шаговъ героя“ [3]).

XII.

Въ числѣ весьма дѣльныхъ и умныхъ статей по поводу перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ назовемъ также разборъ М. Сорокина въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, который, конечно,

---

1) Соч. Плетнева, т. I, стр. 479.
2) Тамъ же, стр. 493.
3) Стр. 478.

не можетъ претендовать на замѣтное мѣсто въ ряду другихъ критикъ, по своей краткости и крайней непритязательности (большая часть его представляетъ собою только изложеніе содержанія поэмы и краткія, хотя и вѣрныя и удачныя, характеристики главныхъ лицъ), но заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ выраженнымъ въ немъ вѣрнымъ взглядамъ на разбираемое произведеніе.

Изъ трехъ послѣдовательныхъ статей въ первой указывается на сильное впечатлѣніе, произведенное поэмой, и на повсемѣстные оживленные толки о ней, которые уже сами по себѣ являются несомнѣннымъ доказательствомъ ея крупнаго литературнаго значенія; затѣмъ въ числѣ достоинствъ произведенія приводятся: „зоркій взглядъ опытнаго, глубокомысленнаго наблюдателя, проникающаго въ природу, сердце и жизнь человѣка, рѣдкое умѣнье крупными, широкими чертами живописать страсти, изъ ихъ игры созидать характеры и изъ развитія сихъ послѣднихъ выводить дѣйствіе, всегда согрѣтое пламенемъ истиннаго чувства; острая, колкая сатира, по наружности забавная и смѣющаяся, но въ сущности глубоко-грустная, внушенная негодованіемъ на пороки и слабости человѣческіе; языкъ иногда небрежный, но всегда живописный, оригинальный, сообразный характеру выражаемаго предмета — вотъ черты, которыми болѣе или менѣе ознаменованы всѣ беллетристическія произведенія Гоголя и которыя всѣ отпечатлѣлись въ новой его поэмѣ“ [1]).

Критикъ впрочемъ находитъ у Гоголя кое-гдѣ сгущенныя краски и карикатуру. Онъ весьма высоко ставитъ изображеніе Чичикова, признавая его „весьма типическимъ лицомъ, котораго еще не встрѣчали въ нашей литературѣ“ [2]), и мимоходомъ смѣется надъ опрометчиво замѣченнымъ въ немъ мнимымъ сходствомъ съ Хлестаковымъ [3]). Изъ характеровъ другихъ лицъ критику чрезвычайно нравится по выдержанности и оригинальности характеръ Ноздрева, также Манилова, котораго онъ называетъ „человѣкомъ съ сердцемъ теленка и съ философіей временъ „Бѣдной Лизы“ [4]), и останавливается

---

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1842, № 163, стр. 718.

[2]) Тамъ же, № 164, стр. 722.

[3]) См. выше.

[4]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1842, № 164, стр. 722.

нѣсколько подробнѣе на Плюшкинѣ, въ которомъ, по его словамъ, „находчивая фантазія автора находитъ (sic) еще черты новыя и оригинальныя“.

Общее заключеніе таково: „никогда еще прекрасный талантъ Гоголя не производилъ творенія столь обширнаго въ своемъ объемѣ, столь поразительнаго по разнообразію и выдержанности, по оригинальности и новости характеровъ, по яркости и вѣрности красокъ“. Новое созданіе Гоголя стоитъ такъ высоко, что прежнія его произведенія являются передъ нимъ уже какъ бы миніатюрой, а что̀ касается злобной полемики противъ поэмы, то критикъ напоминаетъ, что той же участи подвергались также многія лучшія творенія Пушкина, Грибоѣдова и Лермонтова.

Въ своей послѣдней статьѣ Сорокинъ опровергаетъ мнѣніе о сходствѣ Гоголя съ Поль-де-Кокомъ и говоритъ, что сходство это чисто внѣшнее, состоящее въ томъ, что оба писателя нерѣдко срываютъ съ устъ читателя улыбку. Критикъ объясняетъ, что напротивъ разница между этими писателями весьма существенная, ибо „у Гоголя взглядъ на жизнь и общество столь же вѣренъ, сколько и *глубокъ;* онъ не простой забавникъ, а юмористъ, грустный и возвышенный, съ улыбкой на устахъ, но со слезой въ очахъ и со вздохомъ на сердцѣ“ [1]). Также рецензентъ отражаетъ и другіе ходячіе упреки, направленные противъ „Мертвыхъ Душъ“, напримѣръ: „картины, рисуемыя Гоголемъ, иногда бываютъ грязны. Это правда; но какова же и та природа, элементы которой служатъ содержаніемъ его твореній?“ Не лишено основанія, по нашему мнѣнію, и слѣдующее замѣчаніе: „обвиненіе, будто Гоголь не знаетъ языка и пишетъ варварскимъ слогомъ, имѣетъ нѣкоторую тѣнь истины, *по крайней мѣрѣ настолько, чтобы было къ чему привязаться...*“ [2])

XIII.

Всѣ разобранные нами отзывы о „Мертвыхъ Душахъ“ относятся къ 1842 г., или къ самому началу 1843 г., но потомъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1843 г. появился въ „Отечественныхъ

---

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1842, № 165, стр. 727.

[2]) Тамъ же, стр. 728.

Запискахъ“ еще одинъ, озаглавленный „Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя“ и принадлежавшій перу Н. Д. Мизко. Статья была получена редакціей изъ Екатеринославля, что̀ и отмѣчено въ концѣ ея. Для насъ она представляетъ большой интересъ, между прочимъ, потому, что ее высоко цѣнилъ самъ Гоголь, писавшій Языкову, что *„лучшіе критики большею частью изъ провинціи. Одинъ изъ Екатеринослава* замѣчательнѣе другихъ“ [1]). Сочувственно отнеслась къ ней и редакція „Отечественныхъ Записокъ“, не только охотно помѣстившая ее, но и рекомендовавшая ее вниманію читателей. Любопытно, впрочемъ, что впослѣдствіи, познакомившись лично съ авторомъ статьи, Гоголь на вопросъ Мизко, что, вѣроятно, статья его не попалась ему въ руки, такъ какъ въ предисловіи ко второму изданію онъ жаловался на молчаніе провинціаловъ о „Мертвыхъ Душахъ“, уклончиво отвѣтилъ: „Кажется, я читалъ статью вашу, *написавши уже предисловіе*“ [2]). Между тѣмъ забыть такую статью, которою онъ былъ такъ доволенъ по ея содержанію и которую не могъ не цѣнить за обстоятельно переданные въ ней на первыхъ же страницахъ отголоски мнѣній провинціи [3]), такъ сильно его интересовавшихъ и всегда усердно просимыхъ, едва-ли было ему возможно, особенно если имѣть въ виду извѣстную наклонность Гоголя интересоваться даже самыми пустыми рецензіями, — наклонность, приводившую положительно въ изумленіе Плетнева и многихъ другихъ [4]). Не долженъ былъ бы забыть эту критику Гоголь и потому, что нѣкогда въ увлеченіи *признавалъ* ее лучшей, тогда какъ она, безъ сомнѣнія, не можетъ быть даже и сравниваема напр. съ критикой Плетнева.

Но она была въ высшей степени умѣстна и драгоцѣнна въ свое время тѣмъ, что собрала и сгруппировала множество авторитетныхъ голосовъ противъ нелѣпыхъ упрековъ, съ разныхъ сторонъ расточаемыхъ Гоголю. По нашему мнѣнію, въ этомъ ея главное значеніе, хотя въ то же время безпрерыв-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 476.

[2]) «Записки о жизни Гоголя», т. II, стр. 247.

[3]) Толки о «Мертвыхъ Душахъ», см. также въ письмѣ Ю. Ѳ. Самарина къ К. С. Аксакову («Русская Стар.», 1890, II, 423), но это — толки столичныхъ писателей. Письмо это было извѣстно Гоголю.

[4]) См. «Русскій Архивъ», 1870, стр. 1291 — 1294. Соч. Плетнева, т. III, стр. 582 — 584 и «Записки о жизни Гоголя», II, стр. 105.

ныя цитаты на разныхъ языкахъ, черезчуръ обильныя и далеко не всегда необходимыя, производятъ впечатлѣніе не особенно благопріятное, уже по самой пестротѣ точно на-показъ выставленныхъ доказательствъ учености. Довольно рѣзко бросаются въ глаза также рѣзкіе переходы отъ наивныхъ мнѣній провинціаловъ къ громкимъ именамъ капитальнѣйшихъ авторитетовъ всемірной литературы. Но все это касается формы и нисколько не лишаетъ статью ея серьезнаго внутренняго значенія: есть много прекрасныхъ старыхъ мыслей и трактатовъ, которые должны бы быть извѣстны всѣмъ, но о которыхъ иногда не худо напомнить даже людямъ, не чуждымъ науки и литературы, и если Мизко высказывалъ мало самостоятельныхъ мыслей, но искусно и съ знаніемъ дѣла подбиралъ авторитетныя мнѣнія, которыми старался опровергать нелѣпости, циркулировавшія не только въ провинціальномъ обществѣ, но и въ столичной печати, то вѣдь въ результатѣ это нисколько не мѣшало его статьѣ дѣйствительно быть одной изъ болѣе полезныхъ и дѣльныхъ въ длинномъ ряду критикъ на „Мертвыя Души", появившихся вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ поэмы.

Притомъ, кромѣ прекраснаго знакомства съ величайшими произведеніями всеобщей литературы, безъ котораго немыслимъ такой въ общемъ успѣшный подборъ мнѣній приводимыхъ критикомъ авторитетовъ, мы находимъ у него весьма удачныя напоминанія нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ, но не смотря на то, часто упускаемыхъ изъ виду фактовъ русской литературы. Такъ, одно изъ наиболѣе распространенныхъ обвиненій автора „Мертвыхъ Душъ" — въ выборѣ крайне непривлекательнаго героя поэмы — Мизко отражаетъ сравненіемъ съ извѣстными толками о „Цыганахъ" Пушкина („одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики"). Въ опроверженіе предполагаемой невѣроятности сюжета „Мертвыхъ Душъ" Мизко приводитъ весьма курьезный анекдотъ о томъ, какъ въ одномъ маленькомъ городишкѣ въ холерное время былъ распущенъ серьезно перепугавшій многихъ слухъ о томъ, что будто бы былъ полученъ списокъ лицъ, которымъ предстоитъ сдѣлаться жертвами холеры, и этотъ эпизодъ пересказывали люди, за полчаса толковавшіе о не-

правдоподобіи кутерьмы, произведенной въ губернскомъ городѣ NN дамой просто пріятной и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ.

Подробнѣе останавливаться на этой статьѣ мы не будемъ въ виду преимущественно отрицательнаго характера самой критики, хорошо опровергающей невѣрныя мнѣнія, но не высказывающей никакихъ положительныхъ взглядовъ кромѣ общаго признанія высокаго художественнаго и общественнаго значенія „Мертвыхъ Душъ“ и указанія на глубокую жизненность всѣхъ выведенныхъ въ поэмѣ типовъ.

XIV.

Въ своей статьѣ Мизко отмѣчаетъ между прочимъ сильное впечатлѣніе, произведенное поэмой на общество; то же свидѣтельствуетъ наконецъ въ числѣ многихъ другихъ статей и рецензій статья: „Сто рисунковъ изъ сочиненія Николая Васильевича Гоголя „Мертвыя Души“, изданіе Бернардскаго, напечатанная въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Эта статья, появившаяся уже нѣсколько лѣтъ послѣ выхода перваго тома, указываетъ на факты очевиднаго вліянія „Мертвыхъ Душъ“ на общество, причемъ выясняется, что въ окружающей жизни становилось весьма замѣтнымъ исчезновеніе многихъ мелкихъ привычекъ и обыкновеній, осмѣянныхъ въ „Мертвыхъ Душахъ“. Такъ, конечно, и должно было случиться: крупные злоупотребленія и недостатки, а тѣмъ болѣе такія глубокія общественныя язвы, какъ взяточничество и плутовство, успѣли настолько укорениться, что, нанося имъ смѣлые удары, сатира тѣмъ не менѣе могла достигать лишь весьма медленныхъ успѣховъ въ этой борьбѣ, такъ что даже теперь, послѣ сатиры не только Грибоѣдова и Гоголя, но и болѣе близкой къ нашему времени — Щедринской, эта гидра взяточничества часто не стыдится почти совершенно явно поднимать свою голову. Въ этой сферѣ дѣйствіе сатиры глубже и серьезнѣе, но не столь быстро и осязательно; зато въ области мелочей оно бываетъ иногда поразительно. „Судорожно оборвалъ на себѣ воротнички, манжетки и нарукавники страстный, безпокойный юноша и громко захохоталъ, оглядѣвъ свой красноватый, на диво сшитый фракъ и нѣжнаго цвѣта жилетъ, которыми еще за полчаса все знакомое ему человѣчество было совершенно довольно“. Оказалось смѣшнымъ и жалкимъ очень многое такое,

что до сихъ поръ почиталось явленіемъ совершенно простымъ и правильнымъ. Куда дѣвалась такъ называемая Гоголемъ „благонамѣренная" наружность, что сталось съ дамой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ"?[1]). Не говоря объ огромномъ литературномъ вліяніи „Мертвыхъ Душъ", въ каждомъ читателѣ запечатлѣлось множество новыхъ образовъ и „оказалась значительная перемѣна не только въ литературныхъ понятіяхъ, но и въ разговорномъ языкѣ, и въ самомъ быту живой половины публики"[2]). Появились новыя слова, какъ напр. маниловщина, выражающія совершенно новыя понятія, явились литературныя подражанія „Мертвымъ Душамъ", попытки передѣлать „Мертвыя Души" для сцены[3]) и наконецъ рисунки гоголевскихъ типовъ.

Переходя къ оцѣнкѣ послѣднихъ въ изданіи Бернардскаго, критикъ останавливается на разъясненіи той мысли, что каждое искусство имѣетъ строго опредѣленные предѣлы, вслѣдствіе чего иныя задачи свойственны и доступны исключительно поэзіи, другія — живописи, и только немногія — обоимъ этимъ искусствамъ. Въ примѣръ послѣднихъ приводится описаніе сада Плюшкина; въ примѣръ же сюжетовъ, доступныхъ только или преимущественно поэзіи, — „Три пальмы" Лермонтова. Затѣмъ указываются недоступныя живописи поэтическія темы въ „Мертвыхъ Душахъ", наприм. въ описаніи дороги (въ концѣ поэмы), однообразно-ровнаго ландшафта Россіи и проч. Съ другой стороны большую трудность для художника представляетъ, по мнѣнію рецензента, изображеніе множества деталей и аксессуаровъ картинъ, указанныхъ самимъ авторомъ и которыя необходимо имѣть въ виду при передачѣ въ рисункѣ или на полотнѣ. Въ исполненіи рисунковъ художникомъ Агинымъ оказывается много недостатковъ: политипажи нерѣдко изображаютъ сцены, хотя мало относящіяся къ главному сюжету, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно живописныя: въѣздъ Чичикова въ губернскій городъ, раз-

---

[1]) «Отеч. Записки», 1857, отд. VI, 72—73.

[2]) Тамъ же, стр. 73.

[3]) Сцены изъ поэмы «Мертвыя Души», Н. Куликова; отзывъ см. «Отеч. Зап.», 1852, т. LXXX, отд. 8, стр. 162; впослѣдствіи также «Мертвыя Души», сцены въ 5 картинахъ, изд. Театр. Библіотеки С. Ф. Разсохина, М. 1877, 4⁰, 135 стр. О нихъ «Пчела», 1877, № 43, «Сѣв. Вѣстникъ» и «Театральная Газета», 1877, № 124.

говоръ мужиковъ о колесѣ, Петрушка и Селифанъ, вносящіе въ комнату чемоданъ, чиновники, играющіе въ вистъ у губернатора; но пропущены художникомъ многія другія, еще болѣе благодарныя для воспроизведенія въ живописи сцены (садъ Плюшкина, фигуры двухъ бабъ, встрѣтившихся Чичикову въ усадьбѣ Манилова и влачащихъ изорванный бредень, фигуры въ черныхъ фракахъ на балу у губернатора). Изъ портретовъ дѣйствующихъ лицъ болѣе удачны Ноздревъ и Собакевичъ; не дурны также Коробочка и Маниловъ, но лицо Чичикова вездѣ изображено слишкомъ отвратительнымъ, чего нельзя допустить въ виду извѣстнаго изъ поэмы внѣшняго благообразія его физіономіи. Селифанъ въ изображеніи Агина похожъ больше на ямщика средней руки, чѣмъ на крѣпостного человѣка и барскаго кучера; также не удаченъ и Петрушка. Но зато изъ второстепенныхъ фигуръ заслуживаютъ упоминанія два мужика, толкующіе о колесѣ (въ самомъ началѣ поэмы), чиновники за вистомъ, жена и приказчикъ Манилова, Мижуевъ, зять Ноздрева и многія другія.

Другой, уже вполнѣ одобрительный отзывъ о политипажахъ Агина появился въ „Русскомъ Инвалидѣ“ [1]). Въ немъ прежде всего одобряется самая мысль издателей, избравшихъ для своего художественнаго труда такое прекрасное, замѣчательное и заинтересовавшее всѣхъ произведеніе, а также и исполненіе слишкомъ пятидесяти рисунковъ, въ числѣ которыхъ есть и такіе, „лучше которыхъ нельзя и требовать, и наконецъ обращено вниманіе на то, что вся работа исполнена русскими силами („рисованіе и гравированіе производится русскими художниками; бумага на изданіе взята съ Невской фабрики Варгунина, рисунки печатаются въ лучшей типографіи Эдуарда Праца, но печатаетъ ихъ, подъ его надзоромъ, ярославскій мужичекъ“. [2])

XV.

Въ заключеніе нашего обзора литературы, вызванной первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“, приведемъ любопытный, впрочемъ значительно позднѣйшій, отзывъ о немъ Н. Я. Дани-

[1]) 1846, № 210.

[2]) Въ ближайшее къ намъ время получили заслуженную извѣстность рисунки гоголевскихъ типовъ г. Боклевскаго.

левскаго)[1]: „Чтобы найти произведеніе, которое могло бы стать наряду съ „Мертвыми Душами“, должно подняться до „Донъ-Кихота“. Внѣшнею цѣлью Гоголя было представить въ комическомъ видѣ злоупотребленія и плутовство чиновничества губернскаго міра и грубость помѣщичьяго быта, также точно, какъ внѣшнею цѣлью Сервантеса — осмѣять странствующее рыцарство. Но у обоихъ художниковъ глубина ихъ поэтической концепціи захватила несравненно дальше ихъ прямой, непосредственной цѣли, по всѣмъ вѣроятіямъ совершенно безсознательно для нихъ самихъ. Донъ-Кихотъ вышелъ живымъ олицетвореніемъ до героизма возвышающихся благороднѣйшихъ душевныхъ качествъ, которымъ недостаетъ поприща для плодотворной, нормальной дѣятельности, по причинѣ бѣдности содержанія испанской жизни. Еще вѣкъ тому назадъ испанскій героизмъ могъ проявляться въ блистательной дѣятельности конквистадоровъ; во времена же Сервантеса испанскому герою не было практическаго выхода, ему оставалась только область фантазіи. И нашъ Чичиковъ есть своего рода герой, но — сообразно привитому намъ характеромъ вѣка воззрѣнію — герой практической жизни, умный, твердый, изворотливый, не унывающій Улиссъ своего рода, только съ другой стороны, лишенный всякой идеальности стремленій, — ибо откуда имъ взяться въ жизни, отрѣшенной отъ своихъ началъ и однакоже не усвоившей чужихъ — такъ что послѣднее невозможность, — съ другой же, не могущій направить своей дѣятельности на что-либо, дѣйствительно практически полезное, также по бѣдности содержанія русской жизни, по ея узкости, стѣсненности, недостатку простора. Людямъ съ практическимъ складомъ ума приходилось обращаться къ цѣлямъ, чисто личнымъ, грубо-эгоистическимъ, къ хитросплетеніямъ плутовства, и притомъ плутовства, имѣющаго связь и соотношеніе съ учрежденіями государственными, которыя проникали собою всю русскую жизнь. Если характеръ героя русской трагикомической поэмы не привлекаетъ человѣческія чувства, какъ герой испанскій, то зато мы лучше понимаемъ критику извращенія его природы общественной средою, тогда какъ сумасбродства Донъ-Кихота представляются лишь случайнымъ результатомъ его болѣзненной

---

[1]) «Россія и Европа», 1871 г. стр. 533, изд. 1888 г., стр. 548.

фантазіи, разгоряченной чтеніемъ нелѣпыхъ романовъ. Сообразно этому, вся обстановка „Мертвыхъ Душъ“ несравненно выше обстановки „Донъ-Кихота“, въ которомъ всего только есть, что два характера — ламанческаго героя и его наперсника Санхо“.

Этой выдержкой, любопытной сравненіемъ „Мертвыхъ Душъ“ съ великимъ произведеніемъ испанской литературы, мысль о которомъ носилась какъ у изобрѣтателя сюжета поэмы, такъ и у творца ея, закончимъ обзоръ литературы, вызванной преимущественно еще самымъ появленіемъ въ свѣтъ перваго тома, и возвратимся къ изложенію дальнѣйшихъ фактовъ біографіи [1]).

XVI.

Мы говорили уже, что Гоголь уѣхалъ изъ Россіи, не дождавшись печатанія своихъ сочиненій и поручивъ всѣ издательскія хлопоты и заботы Прокоповичу и взявъ съ остальныхъ друзей обѣщаніе, что они въ письмахъ будутъ пересылать ему печатныя критики и извѣщать о собственныхъ мнѣніяхъ, а также о ходячихъ толкахъ и отзывахъ публики. Изъ нихъ не всѣ скоро откликнулись на просьбу Гоголя, и даже Жуковскій заставилъ нѣсколько разъ настойчиво повторять ее, послѣ чего отвѣтилъ небольшимъ письмомъ, совершенно не удовлетворившимъ ни одного изъ обращенныхъ къ нему желаній. Впрочемъ упорное его молчаніе, уже отмѣченная нами сдержанность въ отношеніяхъ къ Гоголю, бывшихъ до этого и послѣ этого безусловно искренними, и наконецъ необычное оффиціальное обращеніе въ началѣ письма („любезнѣйшій Николай Васильевичъ“) вмѣсто всегдашняго дружескаго „Гоголекъ“ заставляютъ предполагать нѣкоторое кратковременное

[1]) Отмѣтимъ здѣсь, что «Мертвыя Души» въ пятидесятыхъ годахъ уже были переведены на англійскій языкъ подъ заглавіемъ: «Русская жизнь», сочиненіе русскаго дворянина (Home «Life in Russia». By a Russian Noble). Но это была самая шарлатанская мистификація, въ которой переводъ произведенія Гоголя выдавался за оригинальное произведеніе о русской жизни, написанное будто бы природнымъ русскимъ, отдавшимъ свою рукопись какому-то англичанину на просмотръ неизбѣжныхъ въ рѣчи иностранца на чуждомъ языкѣ грамматическихъ и стилистическихъ ошибокъ, причемъ настоящій авторъ книги пожелалъ будто бы, чтобы имя его осталось неизвѣстнымъ (см. «Отечественныя Записки», 1855 г., т. 98, отд. 7, стр. 30 — 31 и «Современникъ». 1855 г., т. I, Смѣсь, «Иностранныя Извѣстія», стр. 95 — 96.

недовольство часто обращавшимся къ нему съ просьбами за себя и за другихъ собратомъ и пріятелемъ. Всего нѣсколькими строками отозвался Жуковскій на неоднократную усердную мольбу Гоголя въ его письмахъ отъ 26 іюня, 20 іюля и 1 ноября, и то уже въ виду энергическаго запроса: „Отчего же нѣтъ отъ васъ ни строчки? Отчего не хотите вы сказать ни слова о „Мертвыхъ Душахъ“ моихъ? Или вы разлюбили меня?“ [1]) Но и на этотъ разъ, какъ прежде, Жуковскій какъ-то пропустилъ безъ вниманія настойчиво повторяемое Гоголемъ желаніе повидаться съ нимъ, хотя и выразился такъ о своихъ отношеніяхъ къ нему: „Не сердитесь на мое молчаніе, не толкуйте его криво и вѣрьте моей искренней къ вамъ дружбѣ съ письмами отъ меня и безъ писемъ“ [2]). Между тѣмъ Жуковскій зналъ, что его отзывъ не могъ не быть особенно драгоцѣннымъ для Гоголя... Гораздо успѣшнѣе было обращеніе Гоголя къ Плетневу, Шевыреву, къ Прокоповичу, Данилевскому и Щепкину; но нѣкоторые изъ названныхъ лицъ только хвалили „Мертвыя Души“ [3]), тогда какъ Гоголя преимущественно интересовали порицанія, а Щепкинъ сообщилъ слишкомъ общій отчетъ о впечатлѣніяхъ публики и притомъ только мимоходомъ, такъ какъ несравненно больше былъ занятъ собственными служебными заботами и непріятностями [4]). Плетневъ, Шевыревъ и Константинъ Аксаковъ изложили свои мнѣнія печатно въ особыхъ критическихъ статьяхъ, вскорѣ пересланныхъ Гоголю. Наконецъ С. Т. Аксаковъ передалъ подробно слышанные имъ толки въ недавно опубликованномъ письмѣ [5]), замѣчательномъ между прочимъ въ томъ отношеніи, что оно до нѣкоторой степени проливаетъ свѣтъ на возникновеніе піесы „Развязка Ревизора“: подобно тому какъ „Театральный Разъѣздъ“ воспроизводитъ толки, вызванные первымъ представленіемъ „Ревизора“ въ 1836 году и появившіеся около этого времени печатные отзывы, такъ съ другой сто-

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 497—498.

2) Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности за 1891 г., стр. 15. Гоголь выразилъ неудовольствіе Жуковскому за церемонное «Николай Васильевичъ» въ письмѣ отъ 5 мая 1843 г. (Соч. и письма Гоголя, VI, 10).

3) Напр. Анненковъ. См. «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 498; также безусловно хвалили «Мертвыя Души» А. С. Данилевскій и Н. Я. Прокоповичъ.

4) «Русскій Архивъ», 1889, IV, 557.

5) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 89—93.

роны „Развязка Ревизора“, задуманная и написанная гораздо позднѣе, имѣетъ въ виду нѣкоторые изъ сообщенныхъ автору отзывовъ о его произведеніяхъ, появившихся уже въ 1842 г. Нигдѣ не упоминаетъ Гоголь до 1846 г. въ своей обширной перепискѣ о работѣ надъ этой піесой, и покойный академикъ Тихонравовъ въ своихъ обстоятельныхъ „примѣчаніяхъ редактора“ отмѣтилъ лишь моментъ окончанія этого произведенія. Теперь, на основаніи недавно появившагося въ печати новаго матеріала, могутъ быть указаны еще нѣкоторыя дополнительныя соображенія. Остановимся на нихъ.

Обѣщанное подробное письмо Аксакова о толкахъ въ публикѣ оказалось, вѣроятно, наиболѣе обстоятельнымъ изъ полученныхъ Гоголемъ о томъ же предметѣ. Оно, очевидно, составлено было на основаніи тщательно собраннаго и провѣреннаго матеріала и дѣйствительно давало гораздо болѣе цѣннаго матеріала сравнительно со всѣми другими; оно даже писалось (или переписывалось) нѣсколько дней. Но при всѣхъ достоинствахъ сообщаемаго, при всей точности и искренности Аксакова, который передавалъ Гоголю даже о зрителяхъ, не дождавшихся конца спектакля и потомъ встрѣченныхъ въ клубѣ[1], куда они предпочли удалиться, чтобы не смотрѣть „Игроковъ“, — при всемъ этомъ впечатлѣнія публики не были воспроизведены съ такой живописной рельефностью, чтобы могли замѣнить Гоголю собственныя наблюденія, и потому онъ почти не могъ извлечь изъ нихъ яркихъ характерныхъ чертъ, вродѣ тѣхъ, которыя выступили въ „Театральномъ Разъѣздѣ“. Зато отголоски отдѣльныхъ переданныхъ Гоголю мнѣній и отзывовъ очень замѣтны въ „Развязкѣ Ревизора“. Такъ между прочимъ Аксаковъ сообщалъ Гоголю, что М. Н. Загоскинъ былъ сильно недоволенъ извѣстнымъ эпиграфомъ къ „Ревизору“ и кричалъ съ пѣной у рта: „да гдѣ же у меня рожа крива?“[2] Въ „Развязкѣ Ревизора“ Гоголь, представляя себѣ запальчивую манеру Загоскина и его многословную рѣчь, воспроизводитъ его яростные и порывистые вопросы въ слѣдующихъ словахъ: „Петръ Петровичъ, я спрашиваю у васъ: развѣ у меня рожа крива? Николай Николаевичъ, у тебя я спрашиваю: у меня рожа крива?

---

[1]) Тамъ же, стр. 91.
[2]) Тамъ же, стр. 92.

Господа, я у васъ всѣхъ спрашиваю, скажите мнѣ: развѣ у меня рожа крива?"[1]) Далѣе Аксаковъ передалъ Гоголю осужденіе Н. Ф. Павловымъ „Игроковъ" за то, что эта піеса вовсе не комедія, а трагедія, и утверждалъ даже, что піесу не слѣдовало печатать. Мнѣніе, высказанное Павловымъ[2]) объ „Игрокахъ", въ „Развязкѣ Ревизора" отнесено къ „Ревизору" и нѣсколько измѣнено: Гоголь заставилъ тамъ Петра Петровича воскликнуть: „Признаюсь, на меня *ниодна трагедія* не производила такого печальнаго, такого тягостнаго, такого безотраднаго чувства"[3]). Наконецъ еще раньше, вѣроятно еще на словахъ, въ непосредственной личной бесѣдѣ, Аксаковымъ было передано Гоголю мнѣніе извѣстнаго американца Толстого о томъ, что Гоголь будто бы „врагъ Россіи", — и это мнѣніе также оказывается воспроизведеннымъ въ „Развязкѣ Ревизора" по поводу словъ: „Чему смѣетесь? надъ собой смѣетесь". Петръ Петровичъ замѣчаетъ: „говорю вамъ мое собственное ощущеніе: мнѣ показалось, точно какъ будто бы въ эту минуту стоитъ передо мной человѣкъ, который смѣется надъ всѣмъ, что̀ ни есть у насъ: надъ нравами, надъ обычаями, надъ порядками"[4]) и проч. Послѣднее мнѣніе, будучи сообщено раньше, могло бы войти и въ „Театральный Разъѣздъ", но Гоголь явно очищалъ эту піесу отъ черезчуръ замѣтныхъ намековъ на толки о „Ревизорѣ", считая такіе прозрачные намеки нескромными для автора, и притомъ въ первоначальной редакціи „Ревизора" не было самыхъ словъ: „надъ собою смѣетесь!"

Въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ „Развязкѣ Ревизора", сдѣланныхъ Гоголемъ Щепкину при отправленіи піесы въ 1846 г., онъ называетъ прототипомъ Семена Семеновича — Загоскина, прототипомъ Петра Петровича — американца Толстого, а Николая Николаевича — Н. Ф. Павлова. Такимъ образомъ наши соображенія, согласныя во всемъ остальномъ съ прямыми указаніями Гоголя, повидимому, не вполнѣ оправдываются только относительно Павлова; но для насъ важно уже то, что мнѣнія именно названныхъ лицъ были

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 344—345.

[2]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 92, гдѣ Павловъ обозначенъ иниціаломъ П

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 347—348.

[4]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 344 и «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 38. (Мнѣніе американца Толстого).

переданы Аксаковымъ и воспроизведены потомъ въ „Развязкѣ Ревизора"; къ тому же необходимо помнить, что, изображая опредѣленныя личности, Гоголь, какъ мы сказали, заботился, чтобы піеса не походила на пасквиль и съ этой цѣлью даже предупреждалъ въ особой инструкціи, чтобы слишкомъ очевидное сходство было сглажено или устранено („Семену Семеновичу нужно дать болѣе благородную замашку, чтобы не сказали, что онъ взятъ съ Михаила Николаевича Загоскина")[1]. Притомъ, находя, что у Павлова „самый ровный и пристойный голосъ изъ всѣхъ нашихъ литераторовъ" и что „въ него не трудно попасть"[2]), — Гоголь, рекомендуя указать артисту-исполнителю роли эти внѣшніе признаки, которые слѣдовало заимствовать у Павлова, и которыми необходимо было надѣлить авторитетнаго „литературнаго человѣка", какъ названъ въ афишѣ Николай Николаевичъ, очевидно, руководясь указанными соображеніями, не могъ допустить совмѣщеніе въ лицѣ Николая Николаевича пріемовъ рѣчи и самыхъ сужденій Павлова и долженъ былъ вложить въ уста другого лица высказанныя имъ несообразности, а словами „литературнаго человѣка" Николая Николаевича разъяснить массѣ мысль и значеніе „Ревизора", какъ онѣ ему тогда представлялись. Далѣе. Первый комическій актеръ устремляетъ все вниманіе на раскрытіе глубокой тайны, заключенной въ комедіи авторомъ, и исполняетъ это благодаря не столько литературному пониманію, сколько чуткому внутреннему голосу, причемъ обнаруженная имъ, по мысли автора, тонкая проницательность основана единственно на воспріимчивости чувства, намѣренно противополагаемаго силѣ критической способности Николая Николаевича. Сходныя мысли объ отношеніи между блуждающимъ въ хитроумныхъ догадкахъ разумомъ, объ ограниченномъ значеніи этого разума и о превосходствѣ надъ нимъ чистой, все проникающей вѣры были подробно выражены Гоголемъ въ одномъ изъ его писемъ къ Данилевскому въ „Древней и Новой Россіи" 1879 г.[3]).

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 276 и тамъ же упоминаніе объ американцѣ Толстомъ.

[2]) Тамъ же.

[3]) «Древняя и Новая Россія», 1879, I, стр. 61.

По поводу матеріаловъ для „Развязки Ревизора“ кстати привести слѣдующее письмо Д. Н. Свербеева отъ 2 января 1843 г. къ Н. М. Языкову:

„Вчера на нашей пятницѣ Аксаковъ отецъ прочелъ комедію Гоголя: „Игроки“, — разумѣется, между нами не было ниодного игрока. Должно ожидать огромнаго успѣха на театрѣ, но дѣло не обойдется безъ великой брани. Такъ было и теперь еще продолжается съ толками о „Мертвыхъ Душахъ“. Если бы авторъ могъ подслушать и собрать всѣ различныя сужденія объ этомъ гигантскомъ твореніи; то, давъ имъ личность и художественную форму, *скроилъ бы изъ нихъ превосходную новую комедію-драму.* „Мертвыя Души“ не нравятся, во-первыхъ, всѣмъ мертвымъ душамъ, въ которыхъ западное воспитаніе и западный образъ жизни умертвили всякое русское чувство. Потомъ возстаютъ на него всѣ Чичиковы и Ноздревы высшаго и низшаго разряда. Далѣе съ ребяческимъ простодушіемъ выходитъ на Гоголя Маниловъ, особенно Коробочка. Послѣдніе очень наивно говорятъ: „охота же была и сочинителю разсказывать такую дрянь, которая вездѣ встрѣчается ежедневно и что̀ изъ этого прибыли?“ Загоскины, Павловы и проч. не говорятъ совсѣмъ о „Мертвыхъ Душахъ“ и только презрительно улыбаются, когда услышатъ издалека одно названіе. Порядочными людьми принято впрочемъ не упоминать объ этой поэмѣ при нашихъ повѣствователяхъ, а то всякій разъ выходитъ какая-нибудь личность. Но всѣ ждутъ второго тома, — друзья Гоголя съ нѣкоторымъ опасеніемъ, а завистники и порицатели, говоря: „посмотримъ, какъ-то онъ тутъ вывернется“.

Намъ остается объяснить, почему весь указанный матеріалъ не вошелъ въ „Театральный Разъѣздъ“. Но это ясно изъ хронологическаго сопоставленія: письмо Аксакова пришло слишкомъ поздно, и заключавшіяся въ немъ данныя, въ связи съ новымъ строемъ мыслей Гоголя, и притомъ именно благодаря послѣднему, составили особую піесу, тогда какъ внѣ этихъ чисто случайныхъ причинъ имъ ничто не мѣшало бы войти въ „Театральный Разъѣздъ“. 10 октября 1842 г. Гоголь писалъ Прокоповичу: „Болѣзнь моя была причиной, что до сихъ поръ не выслалъ тебѣ заключительной

піесы, которую теперь посылаю“ [1]). Въ письмѣ отъ 21 октября, какъ мы видѣли, Прокоповичъ, еще не получивъ „Театральнаго Разъѣзда“, торопилъ съ своей стороны Гоголя, тогда какъ письмо отъ Аксакова было получено Гоголемъ уже въ слѣдующемъ, 1843, году.

Не настаивая положительно на справедливости нашей гипотезы, считаемъ ее небезполезной въ ожиданіи окончательнаго разъясненія вопроса. Но во всякомъ случаѣ въ мысляхъ перваго комическаго актера ясно видны взгляды самого автора, которые М. С. Щепкину предстояло высказать передъ московской публикой. Такое же несомнѣнное сходство замѣчается и въ словахъ автора піесы въ „Театральномъ Разъѣздѣ“ и въ перепискѣ. Напр. въ „Театральномъ Разъѣздѣ“ читаемъ: „Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другихъ, тотъ долженъ разумно принять указанья слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ“. Ср. въ письмѣ къ Плетневу отъ 2 ноября 1842 г.: „Я желалъ бы теперь отъ души, чтобъ мнѣ указали сколько можно болѣе моихъ слабыхъ сторонъ. Тому, кто стремится быть лучше, чѣмъ есть, не стыдно въ своихъ проступкахъ предъ всѣмъ свѣтомъ“ [2]). Но любопытно, что особенно все письмо Гоголя къ Аксакову изъ Гастейна отъ 18 августа 1842 г. дышетъ тѣмъ же задушевнымъ мистическимъ лиризмомъ и выражаетъ тѣ же скорѣе горячо прочувствованныя, нежели строго обдуманныя соображенія, которыя находимъ въ „Развязкѣ Ревизора“. Съ біографической точки зрѣнія здѣсь важно то, что, замѣчая въ Аксаковѣ недовѣріе къ подобнымъ шаткимъ аргументамъ и въ то же время глубоко вѣруя въ ихъ непогрѣшимость, Гоголь въ названномъ письмѣ къ Аксакову стремится, изложивъ свои убѣжденія въ вдохновенной поэтической формѣ, заставить скептика чувствомъ воспринять то, чтó нельзя было доказать ему логическими доводами, такъ какъ сущность дѣла заключалась ни болѣе, ни менѣе, какъ въ угадываніи цѣлей Провидѣнія. „*И какъ мы можемъ сказать*“ — старался онъ убѣдить Аксакова — „чтобы то, которое намъ кажется минутнымъ вдохновеніемъ, нежданно налетѣвшимъ

---

[1]) «Русское Слово», 1859, I, 121 и Пѣтухова «Письма Гоголя къ Прокоповичу», стр. 38.

[2]) Соч. Гоголя, т. II, стр. 483 и Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 500.

съ небесъ откровеніемъ, чтобы оно не было вложено всемогущей волею Бога уже въ самую природу нашу и не зрѣло бы въ насъ невидимо для другихъ? *Какъ можно знать, что нѣтъ, быть можетъ, тайной связи* между симъ моимъ сочиненіемъ, которое съ такими погремушками вышло на свѣтъ изъ темной низенькой калитки, а не изъ побѣдоносныхъ тріумфальныхъ воротъ въ сопровожденіи трубнаго грома и торжественныхъ звуковъ, и между моимъ отдаленнымъ путешествіемъ? (въ Іерусалимъ[1]).“

Послѣднія слова показываютъ въ связи съ предыдущимъ, что у Гоголя въ началѣ сороковыхъ годовъ создавалась и вырабатывалась цѣлая программа новаго мистическаго міросозерцанія, въ которой нашли себѣ примѣненіе его прежніе смутные мистическіе инстинкты, и притомъ программа міросозерцанія, искавшаго себѣ опоры въ цѣломъ лабиринтѣ фантастическихъ посылокъ, основанныхъ на самыхъ невѣроятныхъ данныхъ, на безконечномъ рядѣ: „можетъ быть“, „почемъ знать?“, „ну, а что̀ если?“ и „какъ можно знать?“ Замѣчательно, что даже этотъ странный и вмѣстѣ съ тѣмъ любимѣйшій способъ аргументаціи у Гоголя, нерѣдко встрѣчающійся въ его перепискѣ въ послѣдніе годы его жизни, что этотъ именно оригинальный способъ аргументаціи является и въ устахъ перваго комическаго актера, который совершенно въ томъ же тонѣ говоритъ: „Позвольте мнѣ съ моей стороны сдѣлать вопросъ: „Ну, а что̀, если это нашъ же душевный городъ сидитъ у всякаго изъ насъ?“ „Ну, что̀ если бы у сочинителя была цѣль показать зрителю?..“[2]) и проч. Въ словахъ перваго комическаго актера выражается далѣе задушевная мысль Гоголя о смѣхѣ сквозь слезы: „Смотрите, я плачу! Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ, те-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 490 и 491.—Отмѣтимъ здѣсь ошибку въ изданіи г. Кулиша относительно даты одного изъ предшествующихъ писемъ: письмо къ Н. М. Языкову на стр. 475 должно быть отнесено не къ 1842 г., а къ 1843 г.; въ началѣ его читаемъ: «Во Франкфуртѣ встрѣтилъ я Жуковскаго», что̀ не можетъ быть соглашено со словами письма отъ 26 іюня: «Въ силу выбрался *я* изъ Россіи и *опоздалъ*» (стр. 478). Кромѣ того, Гоголь говоритъ въ письмѣ къ Языкову о своемъ намѣреніи съѣздить съ письмами изъ Дюссельдорфа (стр. 476), о чемъ читаемъ также въ письмѣ къ Языкову отъ 18 іюня (т. VI, стр. 14).

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 344 и 350; см. также т. VI, стр. 679 и т. VII, стр. 801 и выше, стр. 12.

перь я плачу". Эти слова представляютъ также несомнѣнное сходство съ словами цитированнаго письма Гоголя къ Аксакову: „вотъ что̀ вамъ говоритъ человѣкъ, смѣшащій людей!" [1])

Въ только-что указанномъ особенно любопытно проявленіе тѣхъ мыслей и чувствъ Гоголя, которыя справедливо признаются геніальными и глубокими въ его великихъ литературныхъ произведеніяхъ, гдѣ чувство художественной мѣры, пока не оставлявшее его, и инстинктивный тактъ артиста спасаютъ отъ странностей, напоминающихъ у него же въ другихъ мѣстахъ больной бредъ изувѣра. Это оригинальное сочетаніе въ нити представленій художника двухъ столь противоположныхъ и такъ тѣсно сплетающихся элементовъ заслуживаетъ спеціальнаго психологическаго изученія; мы здѣсь ограничиваемся пока только простымъ указаніемъ его. Любопытно, что какъ Аксаковъ не могъ вполнѣ разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ и, вовсе не будучи мистикомъ, былъ пораженъ и поколебленъ въ своихъ сужденіяхъ названнымъ письмомъ, такъ до сихъ поръ критика не овладѣла ими въ такой степени, чтобы провести ясную грань между вдохновеннымъ ясновидѣніемъ геніальнаго художника и жалкими заблужденіями религіознаго мистика[2]). Личность автора, по опредѣленію Шевырева въ его критической статьѣ о̀ „Мертвыхъ Душахъ", проявляется въ юморѣ, который есть „чудное сліяніе смѣха и слезъ"; ту же основную черту замѣчали въ поэзіи Гоголя гораздо раньше — и между тѣмъ мысль о смѣхѣ сквозь слезы несомнѣнно вытекала уже изъ религіозно-мистическаго міросозерцанія Гоголя и, въ свою очередь, его поддерживала. Недаромъ Гоголь съ такимъ сочувствіемъ отнесся къ критической статьѣ Шевырева, а изъ нея можно было извлечь такое поученіе: поэтъ долженъ проникать въ дѣйствительность. „Вся сила и всѣ красоты его новыхъ произведеній отсюда берутъ свое начало, и всѣ недостатки его, всѣ слабыя стороны проистекаютъ изъ противнаго, являются тамъ, гдѣ поэтъ измѣняетъ своему коренному характеру; когда онъ слишкомъ отрѣшается отъ

---

[1]) Соч. Гоголя, т. II, стр. 352 и Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 491.

[2]) Дѣло приблизительно въ томъ, что ложными или сомнительными являются обыкновенно тѣ примѣненія и выводы, которые Гоголь дѣлаетъ на основаніи своихъ мѣткихъ и тонкихъ наблюденій и въ крайней бездоказательности его излюбленнаго: «а что̀ если», невольно вызывающаго равносильное: «а что̀ если нѣтъ?».

дѣйствительности, юморъ его пустѣетъ, лишенный содержанія, пускаетъ мыльные пузыри, и смѣхъ безъ глубокаго своего значенія теряется передъ пустымъ отзвукомъ. Это бываетъ рѣдко, но бываетъ вездѣ тамъ, гдѣ поэтъ увлекся своимъ комическимъ демономъ, замутился и слишкомъ отрѣшился отъ дѣйствительной жизни". Хотя Шевыревъ справедливо настаиваетъ здѣсь на изображеніи дѣйствительной жизни, но онъ же требуетъ для смѣха еще болѣе глубокаго значенія, что̀ было совершенно согласно съ тогдашними намѣреніями Гоголя внести въ свои сочиненія неудавшійся ему элементъ возвышеннаго. Шевыревъ отнесся съ сочувствіемъ къ желанію Гоголя изображать не однѣ только отрицательныя стороны жизни. Указывая на то, что у Гоголя обыкновенно смѣхъ смѣняется задумчивостью, и приводя въ примѣръ грустный эпизодъ похоронъ прокурора и тревоги въ губернскомъ городѣ, Шевыревъ дѣлаетъ сравненіе съ вихремъ и бурей, послѣ которыхъ должно показаться „ясное, невозмутимое, лазурное небо съ своимъ невозмутимымъ солнцемъ". Наконецъ, по его предположенію, „если „Ревизоръ" и первая часть „Мертвыхъ Душъ" соотвѣтствуютъ Шпонькѣ и знаменитой ссорѣ двухъ малороссовъ, то мы въ правѣ ожидать еще высокихъ созданій въ родѣ „Тараса Бульбы"[1]). Все это въ данномъ случаѣ любопытно потому, что близко подходитъ къ собственнымъ мыслямъ Гоголя, помышлявшаго о „лирическомъ теченіи" въ послѣднихъ томахъ „Мертвыхъ Душъ", и къ настроенію, выразившемуся въ „Развязкѣ Ревизора". Гоголь былъ въ восторгѣ отъ статьи Шевырева и писалъ ему: „Какую глубокую радость слышала душа моя, когда, мимо словъ моихъ, мимо меня самого, узнавали меня *глубиною чувствъ своихъ*... Не могу и не въ силахъ я тебѣ изъяснить этого чувства; скажу только, что за нимъ всегда слѣдовала молитва, — молитва, полная глубокихъ благодарностей Богу, молитва вся изъ слезъ. И виновникомъ ихъ не разъ былъ ты. И не столько самое проразумѣніе твое силъ моихъ, какъ художника, которыя ты взвѣсилъ эстетическимъ чутьемъ своимъ, какъ совпаденіе душою, предслышаніе и предчувствіе того, что̀ слышитъ душа моя... Выше такого чув-

---

[1]) См. статьи Шевырева въ «Москвитянинѣ», 1842 г., VII, 205—228 и VIII, 346—376.

ства я не знаю, его произвелъ ты; слѣды его вездѣ слышны во второй статьѣ твоего разбора „Мертвыхъ Душъ“, который я уже прочелъ нѣсколько разъ“ [1]).

Напротивъ, извѣстная статья Константина Аксакова о „Мертвыхъ Душахъ“ показалась Гоголю черезчуръ восторженной и не обстоятельной. Гоголь уже заранѣе былъ предубѣжденъ противъ нея и едва ли не юнаго Аксакова именно имѣлъ онъ въ виду, когда писалъ его отцу: „У молодого слишкомъ много любви къ тому, что̀ восхитило его; а гдѣ жаркая и сильная любовь, тамъ уже невольное пристрастіе“. [2]) Изъ письма Сергѣя Тимоѳеевича отъ 8 февраля 1843 г. видно, что тонъ Гоголя покоробилъ его, такъ сильно увлекавшагося сочиненіемъ сына, и даже заставилъ предположить въ Гоголѣ недовольство и досаду. Въ слѣдующемъ письмѣ Гоголь отвергаетъ это, но настаиваетъ на томъ, что „разница страшная между діалектикой и письменнымъ созданіемъ, и горе тому, кто объявляетъ какую-нибудь замѣчательную мысль, если эта мысль еще ребенокъ, не вызрѣла и не получила образа“ [3]).

Самому Константину Сергѣевичу Гоголь имѣлъ привычку писать еще рѣзче. Такъ уже въ концѣ 1842 г., только-что получивъ извѣстіе о напечатанной брошюрѣ, но еще не прочитавъ ея пока, онъ озадачилъ своего восторженнаго поклонника такого рода упрекомъ: „Я не прощу вамъ того, что вы охладили во мнѣ любовь къ Москвѣ. Да, до нынѣшняго моего пріѣзда въ Москву я только любилъ ее, но вы умѣли сдѣлать смѣшнымъ самый предметъ. Толкуя безпрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всякомъ случаѣ Москву, вы не чувствовали, какъ охлаждали самое святое чувство, вмѣсто того, чтобы живить его. Мнѣ было горько, когда лилось черезъ край ваше излишество и когда смѣялись этому излишеству. Всякую мысль, повторяя ее двадцать разъ, можно сдѣлать пошлою? Чувствуете ли вы страшную истину этихъ словъ? „Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе!“ [4]). Въ такомъ же тонѣ было написано, конечно, и письмо по поводу полученія брошюры.

---

[1]) «Русская Старина», 1875, X, 298.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 486.

[3]) Тамъ же, т. VI, стр. 3.

[4]) «Русская Старина», 1890, II, стр 409.

По первымъ строкамъ письма очевидно, что оно было написано вскорѣ по выходѣ ея въ свѣтъ, т.-е. въ 1842 г. Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвело оно на пламеннаго почитателя творца „Мертвыхъ Душъ“, но любопытно, что Константинъ Сергѣевичъ долго оставлялъ его безъ отвѣта, что̀, отчасти, удивляло и заботило Гоголя. Послѣдній въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 18 марта 1843 г. говоритъ: „Константину Сергѣевичу грѣхъ. Тѣмъ болѣе, что ко мнѣ можно писать, не дожидаясь никакого расположенія или удобнаго времени“ и проч., а въ запискѣ Константину Сергѣевичу отъ 24 мая снова напоминаетъ: „Что̀жъ вы, Константинъ Сергѣевичъ, ни слова?“ Слова въ той же запискѣ: „Простите, что я васъ не благодарилъ за присылку вашихъ статей о „М. Д.“ — даютъ основаніе предполагать, что въ промежутокъ между печатаемымъ письмомъ и запиской не могло быть никакого неизвѣстнаго до сихъ поръ письма. Впослѣдствіи Гоголь продолжалъ совѣты Константину Сергѣевичу уже въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 22 декабря 1844 г.[1]), но и въ запискѣ онъ не стѣсняется высказывать ему откровенно свои мысли о его трудѣ.

Обидны были собственно слѣдующія слова въ запискѣ Константину Сергѣевичу: „Простите, что я не поблагодарилъ до сихъ поръ за присылку вашихъ статей о „Мертвыхъ Душахъ“. И та, и другая имѣютъ свои достоинства (писанная, какъ мнѣ кажется, должна принадлежать Самарину). Но въ печатной, не погнѣвайтесь — видно много непростительной юности, и писанная кажется передъ нею написанною старикомъ“[2]).

Но какъ бы ни отнесся юный энтузіастъ къ этимъ охлаждающимъ строкамъ, и узналъ ли онъ о нѣкоторыхъ, не совсѣмъ выгодныхъ и лестныхъ для него мнѣніяхъ Гоголя, высказанныхъ въ письмѣ отъ 21 декабря 1844 г., — судя по сохранившимся даннымъ въ его перепискѣ съ Гоголемъ, послѣ этого послѣдовалъ весьма продолжительный перерывъ писемъ вплоть до выхода „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“[3]).

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. Кул., VI т., 136—138.

[2]) Тамъ же, стр. 14.

[3]) «Русскій Вѣстникъ», 1890, XI, 36.

XVII.

Тревоги о сочиненіяхъ и вызываемыхъ ими отзывахъ въ печати и въ обществѣ на нѣкоторое время отвлекли Гоголя отъ наболѣвшихъ душевныхъ ранъ. какъ сильный припадокъ острой болѣзни отъ медленно грызущаго организмъ злого хроническаго недуга. Зато, когда толки затихли и пора бурнаго волненія миновала, прежнія раны не замедлили открыться и заныли съ особой силой. Недоразумѣнія, начавшись ссорой съ Погодинымъ, отразились во многомъ на отношеніяхъ къ другимъ московскимъ друзьямъ — уже независимо отъ прежнихъ небольшихъ неудовольствій.

Но возвращаясь къ послѣдовательному и связному разсказу о сложной нити отношеній Гоголя къ его друзьямъ со времени отъѣзда его изъ Россіи въ 1842 г., для пониманія ихъ считаемъ необходимымъ прежде всего прослѣдить постепенное обостреніе неладовъ его съ Погодинымъ, такъ какъ все это находится въ самой тѣсной связи и результаты враждебнаго столкновенія съ Погодинымъ долго переживались Гоголемъ и позднѣе.

Мы говорили, что уже въ 1839 году между пріятелями пробѣжала легкая тѣнь неудовольствія, такъ какъ иначе невозможно понять слова Гоголя въ письмѣ отъ 17 октября 1840 г.: „Я тебѣ прощаю, что ты огорчилъ меня. Другъ мой!.. Боже! не совѣстно ли тебѣ... ты многаго не понялъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ во мнѣ“ [1]) и проч., — и уже тогда Гоголь открещивался отъ назойливыхъ притязаній Погодина на его литературные труды и что если бы у Гоголя не было ничего на душѣ противъ прежняго друга, то онъ не подумалъ бы, конечно, искать гостепріимства у своего новаго пріятеля Языкова, вдобавокъ только еще собиравшагося пріѣхать слѣдомъ за нимъ въ Москву. Вѣдь въ 1839 г. онъ безъ оговорокъ и колебаній, еще до выѣзда изъ-за границы, назначалъ, чтобы всѣ письма адресовали къ нему прямо въ домъ Погодина на Дѣвичьемъ полѣ. Теперь же онъ просилъ Иванова писать ему на имя Погодина, но уже только въ университетъ, предполагая, конечно, недолго пробыть у него; такой же временный адресъ сообщилъ онъ и Языкову. Наконецъ, Го-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 416.

голь, можетъ быть, безъ названной причины не сталъ бы приходить въ отчаяніе, что ожидавшійся пріѣздъ Языкова въ Москву не состоялся.

Когда Гоголь пріѣхалъ во второй половинѣ 1841 года въ Россію, уже обнаружился систематическій разладъ его съ московскими друзьями, начавшійся ожесточенной ссорой съ Погодинымъ. Въ настоящее время отношенія Гоголя къ Погодину становятся отчасти доступны безпристрастному изслѣдованію, благодаря недавно появившимся въ печати цѣннымъ документамъ [1]); но прослѣдить ихъ все-таки можно только съ внѣшней стороны, тогда какъ въ исторіи внутреннихъ отношеній бывшихъ друзей, безъ сомнѣнія, навсегда останутся невознаградимые пробѣлы, касающіеся разныхъ сокровенныхъ подробностей происшедшаго между ними въ началѣ сороковыхъ годовъ серьезнаго разрыва.

Всего лучше и полнѣе разъясняетъ сущность этихъ недоразумѣній самъ Гоголь въ письмѣ къ Погодину, относящемся уже къ 1847 году и напечатанномъ въ № 78 „Русской Жизни" за 1892 г. Совершенное совпаденіе объясненій Гоголя въ этомъ письмѣ съ другими его письмами къ Погодину [2]) и вообще со всѣми дошедшими до насъ данными придаетъ имъ большое значеніе. Приведемъ изъ нихъ нѣсколько строкъ.

„Между нами" — писалъ Гоголь — „случилось дѣло, которое поставило насъ въ фальшивыя отношенія. Я припомню тебѣ всѣ обстоятельства, потому что ты нѣсколько забывчивъ. Передъ пріѣздомъ моимъ въ Москву, я писалъ еще изъ Рима С. Т. Аксакову [3]), что я нахожусь въ такомъ положеніи моего душевнаго состоянія, во время котораго я долго не буду писать; что писать мнѣ рѣшительно невозможно, что я не могу ничего этого объяснить, а прошу повѣрить мнѣ на слово; что прошу его изъяснить это тебѣ, чтобы ты не требовалъ отъ меня ничего въ журналъ, что я буду просить объ этомъ у тебя самого на колѣняхъ и слезно. Пріѣхавши въ Москву, я остановился у тебя со страхомъ, точно предчувствуя, что быть между нами непріятностямъ. Въ первый

---

1) Письма Гоголя къ Погодину въ «Русской Жизни», 1891—1892 гг.

2) «Русскій Арх.», 1890 г., VIII, 118 стр.; «Русская Стар.», 1890, т. II, стр. 411—416; «Русская Жизнь», 1892 г., № 57.

3) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 438.

же день я повторилъ тебѣ эту самую просьбу. Я ничего не умѣлъ тебѣ сказать и ничего не въ силахъ былъ изъяснить. Я сказалъ тебѣ только, что случилось внутри меня что-то особенное, которое произвело значительный переворотъ въ дѣлѣ творчества моего; что сочиненіе мое отъ этого можетъ произойти слишкомъ значительнымъ. Я сказалъ, что оно такъ будетъ значительно, что ты самъ будешь отъ него плакать и заплачутъ отъ него многіе въ Россіи, тѣмъ болѣе, что явится во время несравненно тяжелѣйшее[1]) и будетъ лѣкарствомъ отъ горя. Ничего больше я не успѣлъ сказать тебѣ. Знаю только, что я просилъ со слезами тебя во имя Бога повѣрить словамъ моимъ. Ты былъ тогда растроганъ и сказалъ мнѣ: „вѣрю". Я просилъ тебя вновь не требовать ничего въ журналъ. Ты далъ мнѣ слово. На третій, на четвертый день ты сталъ задумываться[2]). Тебѣ стали сниться черти. Изъ моихъ безсильныхъ и неясныхъ словъ ты сталъ выводить какія-то особенныя значенія"[3]) и проч.

Изъ нѣсколько тождественныхъ по содержанію писемъ Гоголя къ Погодину съ подобными разъясненіями предпочитаемъ настоящую выдержку, какъ позднѣйшую, болѣе ясную и спокойную. Неизвѣстно, насколько тогда это письмо подѣйствовало на Погодина, но можно утверждать положительно, что вопли измученной души Гоголя не достигали назначенія въ его прежнихъ письмахъ.

Жизнь Гоголя въ домѣ Погодина недавно была живо обрисована въ воспоминаніяхъ одного изъ сыновей Михаила Петровича, напечатанныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (1892, IV, 42—48). Любопытно, что въ дѣтской памяти будущаго автора этихъ воспоминаній запечатлѣлись теплыя отношенія Гоголя къ его матери, первой женѣ Погодина, Елизаветѣ Васильевнѣ, и авторъ вполнѣ основательно ссылается въ подтвержденіе своихъ словъ на содержаніе писемъ къ ней Гоголя и отзывовъ о ней въ его письмахъ къ отцу. Но изъ тѣхъ же воспоминаній можно видѣть, что далеко

---

[1]) Гоголь часто переживаемое время считалъ особенно тяжелымъ; см. т. VI, стр. 447, 457 и 482.

[2]) Впослѣдствіи Гоголь писалъ Шевыреву: «О, если-бы Погодинъ съ самаго начала повѣрилъ мнѣ на честное слово! не произошло бы между нами этихъ загадочныхъ явленій». (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 352).

[3]) «Русская Жизнь», 1892 г., № 78.

не такъ относился Гоголь къ самому М. П. Погодину, и что между ними не было уже сердечнаго общенія, или, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго авторомъ замѣчено не было, хотя въ дѣтскую память запалъ отрывистый характеръ ихъ рѣдкихъ разговоровъ вродѣ слѣдующаго: „Ну, что̀, находился ли?“ тихо спрашивалъ Погодинъ Гоголя, любившаго по вечерамъ долго ходить быстрыми шагами по всему дому. — „Пиши, пиши“, — въ свою очередь отвѣчалъ Гоголь, — „бумага по тебѣ плачетъ“. Откровенныхъ же и сколько-нибудь продолжительныхъ разговоровъ между ними и не было, или они бывали рѣдко, такъ какъ Гоголь сходилъ въ низъ изъ своей комнаты почти только къ обѣду или когда начиналъ свое безпокойное хожденіе по всѣмъ комнатамъ. Изрѣдка Гоголь заходилъ, впрочемъ, и въ кабинетъ къ Погодину, при чемъ каждое появленіе посторонняго лица, какъ всегда, производило на него самое непріятное впечатлѣніе. Гоголю отведена была на верху „большая, свѣтлая комната, съ двумя окнами и балкономъ къ восходу солнца, царившаго надъ комнатой въ лѣтнее время отъ трехъ часовъ утра до трехъ часовъ пополудни“, комната, „*которая кстати случилась*“. Но изъ одного письма Гоголя совершенно ясно, что для его пріѣзда пришлось переселить оттуда на время тещу Погодина[1]), которая, можетъ быть, не совсѣмъ была этимъ довольна и именно поэтому, можетъ быть, не совсѣмъ дружелюбно прозвала Гоголя „тальянцемъ“. Внѣшнимъ образомъ Гоголю оказывался полный почетъ и благоговѣніе и предоставлялись всѣ удобства. Образъ жизни онъ велъ уединенный и спокойный, занимаясь большей частью литературнымъ трудомъ или размышленіями[2])...

Какъ же произошелъ разрывъ? О чемъ говорили въ кабинетѣ Погодинъ и Гоголь? Какъ, при натянутыхъ отношеніяхъ между ними, Гоголь могъ быть или хотя бы казаться веселымъ и разговорчивымъ во время обѣдовъ среди семейной обстановки у Погодиныхъ? Это, конечно, останется навсегда

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 392 и «Русская Жизнь», 1892 г., № 34. Странно, что въ послѣднемъ названномъ изданіи отрывокъ изъ давно извѣстнаго письма выданъ за новый документъ и напечатанъ безъ начала того же письма.

[2]) Въ 109 № «Русскихъ Вѣдомостей» 1892 г. справедливо указано на не вполнѣ надежное значеніе отчасти въ отношеніи фактической достовѣрности воспоминаній Д. М. Погодина, но такъ или иначе общій характеръ впечатлѣній автора переданъ, несомнѣнно, правдиво.

неизвѣстнымъ, но кабинетные разговоры не могли быть особенно пріятны, такъ какъ самъ же Гоголь признавался послѣ въ письмахъ къ Погодину, что часто съ тяжелымъ чувствомъ подходилъ къ его двери для объясненій, но обыкновенно останавливался и тотчасъ уходилъ назадъ, лишь-только ему вспоминалось непривѣтливое и всегда озабоченное лицо хозяина. Какая разница съ исполненной наслажденій жизнью въ Италіи за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, когда онъ былъ свободенъ какъ птица и ничѣмъ не стѣснялся, какъ это мы узнаемъ изъ воспоминаній Анненкова. Теперь же надъ Гоголемъ тяготѣлъ какой-то кошмаръ, и онъ не зналъ, какъ вырваться отъ Погодина; и „друзья", несомнѣнно, косились другъ на друга. Взаимное недовольство все росло, постоянно усиливаемое съ обѣихъ сторонъ невозможностью или неудобствомъ разлуки. Оба потомъ признавались другъ другу въ этомъ: „Какъ изъ многолѣтняго мрачнаго заключенія вырвался я изъ дома на Дѣвичьемъ полѣ", писалъ Гоголь [1]). И эта любезность была отвѣтомъ на слѣдующія слова Погодина: „Когда ты затворилъ дверь, я перекрестился и вздохнулъ свободнѣе, какъ будто гора свалилась у меня тогда съ плечъ" [2]).

П. А. Кулишъ сообщилъ намъ однажды слѣдующее:

„Авторъ „Мертвыхъ Душъ" писалъ къ Погодину: „Когда я выѣхалъ изъ твоего дома, гора свалилась у меня съ плечъ": до такой степени Погодинъ эксплоатировалъ поэта и выжалъ таки у него для своего журнала „Римъ", которымъ Гоголь не могъ быть доволенъ по тогдашней степени самокритицизма" [3]). Безъ сомнѣнія, г. Кулишъ разумѣлъ здѣсь именно это нынѣ напечатанное [4]) письмо, въ которомъ, неточно, но весьма близко, воспроизвелъ по памяти начальныя слова. Этимъ указаніемъ, вѣроятно основаннымъ на сообщеніи С. Т. Аксакова, разъясняется въ значительной степени какъ смыслъ всего письма и одна изъ существеннѣйшихъ причинъ возникшихъ между Гоголемъ и Погодинымъ недоразумѣній, такъ особенно намекъ, заключающійся въ самыхъ важныхъ словахъ письма: „Ты далъ клятву ничего не просить отъ меня

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 118; «Русск. Стар.», 1890 г., II, стр. 411.

[2]) «Русская Старина», 1890, III, 855.

[3]) См. «Ученическіе годы Гоголя», стр. 129.

[4]) См. «Русск. Стар.» 1890, 411—416 и «Русск. Арх.» 1890, VIII, стр. 118—123.

и не требовать, но клятвы не сдержалъ; не только просилъ и потребовалъ, но даже отрекся и отъ того, что далъ клятву". Послѣ этого Гоголь прибавляетъ: *„Отсюда произошло почти все"*. Полнѣе и удовлетворительнѣе обо всемъ этомъ мы теперь уже, конечно, ничего не узнаемъ.

Это письмо, найденное въ бумагахъ, принадлежащихъ семейству Аксаковыхъ, очевидно, никогда не было передано Погодину и осталось ему неизвѣстнымъ. Въ 1843 году, къ которому оно относится, Гоголь нерѣдко писалъ письма, адресованныя вмѣстѣ къ Погодину, Аксакову и Шевыреву, или касающіяся всѣхъ трехъ московскихъ друзей. Письмо къ Погодину было, вѣроятно, отправлено въ руки Аксакова и осталось у послѣдняго. Это именно то письмо, о которомъ Гоголь отъ 2 февраля 1844 г. писалъ Шевыреву: „Вы оба", (т.-е. Шевыревъ и Аксаковъ), „поступили хорошо, что не отдавали моего письма Погодину" [1]). Это несомнѣнно изъ дальнѣйшаго его содержанія, но особенно изъ письма къ Шевыреву же отъ 12 марта 1844 г. [2]), гдѣ между прочимъ сказано: „Думая напасть во мнѣ на одно, онъ, (Погодинъ), нечаянно напалъ на другое. Невинно и не зная самъ того, онъ напалъ на цѣлое сцѣпленіе такихъ чувствительныхъ струнъ, *отъ которыхъ цѣлые полтора года болѣла душа моя*". (О томъ же говорится и въ названномъ письмѣ). Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ февраля 10 (января 30) Гоголь также говоритъ: „Все, что̀ ни разсудили вы, на счетъ моего письма къ Погодину, я нахожу совершенно благоразумнымъ, такъ же какъ и ваши собственныя мысли обо всемъ, къ тому относящіяся" [3])...

Размолвки съ Погодинымъ были чрезвычайно тяжелы для Гоголя; онѣ стоили ему тяжкихъ нравственныхъ мученій и лежали камнемъ на его душѣ. Что въ нихъ вина падаетъ всецѣло на Погодина, несомнѣнно изъ сопоставленія приведенныхъ строкъ съ недавно напечатанными выдержками изъ писемъ его къ Языкову, гдѣ рѣчь касается Погодина: „Каковъ между прочимъ Погодинъ и какую штуку онъ со мною сыгралъ *вновь*! Я узнаю, что Погодинъ изволилъ еще въ прошломъ году приложить мой портретъ въ „Москвитянинѣ",

---

[1]) См. «Русскую Старину», 1875, X, стр. 307.

[2]) Тамъ же, стр. 309.

[3]) Соч. Гог., изд. Кул., VI, 46.

самоуправно, безъ всякихъ оговорокъ, точно какъ будто свой собственный, *между тьмъ какъ изъ-за подобныхъ исторій у насъ уже были съ нимъ серіозныя схватки*. И вѣдь между прочимъ пришпилился, какъ бы ничего не было"[1])... И далѣе: „Такой степени отсутствія чутья всякаго приличія и до такой степени неимѣнія деликатности, я думаю, не было еще ни въ одномъ человѣкѣ испоконъ вѣку. *Написалъ ли ты въ молодости своей дрянь, которую и не мыслилъ печатать, онъ, чуть-только увидѣлъ ее, хвать въ журналъ свой, безъ начала, безъ конца, ни къ селу, ни къ городу, безъ спроса, безъ позволенія*"[2]). Какъ безцеремонно поступилъ Погодинъ, „самоуправно" напечатавъ въ 1842 г., отрывокъ „Римъ" въ 3 № „Москвитянина"[3]), такъ точно и въ 1843 г. въ „Москвитянинѣ" же (№ 4-й), противъ воли Гоголя, приложилъ его портретъ. Чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить невозможную неделикатность Погодина, необходимо припомнить, что Гоголь былъ у него въ долгу и обязывался ему во время продолжительной своей остановки у него въ Москвѣ въ 1842 г., слѣд. чувствовалъ себя въ самомъ непріятномъ положеніи, когда былъ вынужденъ отстранять его настоятельныя притязанія на свой литературный трудъ. Послѣ непріятности изъ-за напечатанія „Рима" Гоголь настолько охладѣлъ къ Погодину, что перестаіъ съ нимъ переписываться, и прежнее задушевно-дружеское расположеніе къ нему потерялъ навсегда. Онъ сталъ строже судить его недостатки и безпощадно относиться къ темнымъ сторонамъ его характера. Между тѣмъ было бы ошибочно и преувеличенно заключеніе о томъ, что между ними была положительная ссора. Въ томъ же 1843 г. Гоголь довѣрялъ заботу о своихъ практическихъ дѣлахъ Аксакову, Шевыреву и Погодину, какъ самымъ близкимъ ему людямъ въ Москвѣ. По смерти первой жены Погодина онъ пишетъ ему утѣшеніе, и Погодинъ отвѣчаетъ вполнѣ дружески[4]). Но послѣ Гоголь опять раскаивается въ возобновленіи переписки съ Погодинымъ,[4]) и прекращаетъ ее уже

---

1) То же оригинальное выраженіе употребилъ Гоголь однажды въ «Мертвыхъ Душахъ» о Собакевичѣ. См. Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 149.

2) «Русская Старина», 1889, I, 155.

3) Стр. 22—67.

4) «Русская Старина», 1889 г., VIII, стр. 384.

4) См. Соч. Гоголя, изд. Кул., т. VI, стр 404.

навсегда. Тѣмъ не менѣе еще въ 1847 году, узнавъ о сборахъ Погодина въ Іерусалимъ, онъ готовъ былъ, если слухъ подтвердился бы, ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ давно желанный путь. Но объ этомъ рѣчь впереди. Приведемъ пока еще одинъ сравнительно неважный примѣръ неделикатности Погодина въ отношеніи Гоголя: желая скрыть свою вину, онъ не выслалъ, по условію, Гоголю „Москвитянинъ" за 1843 г., чтобы ему не попался на глаза приложенный тамъ портретъ [1]). Гоголь, въ свою очередь, во многомъ слишкомъ надѣялся на дружбу Погодина, никакъ не подозрѣвая истинныхъ размѣровъ его жадности. Такъ мы говорили, что̀ въ 1841 г. изо всѣхъ силъ покровительствуя Иванову, Гоголь предназначилъ на пользованіе ему во время своего отсутствія изъ Рима деньги, ожидаемыя отъ Погодина, часть которыхъ онъ ему задолжалъ. Но деньги не скоро были высланы и задержались въ дорогѣ: онѣ были адресованы на имя банкира Валентини, который долго не получалъ ихъ, потому что Погодинъ распорядился послать ихъ черезъ руки начальника русскихъ художниковъ въ Римѣ — Кривцова. Все время, пока дѣло не разъяснилось, Гоголь сильно безпокоился объ участи оставшихся въ Римѣ пріятелей, очень мало заботясь о гнѣвѣ Погодина, который наоборотъ готовъ былъ всегда считать рѣшительно каждый грошъ, чуть не каждую сожженную Гоголемъ въ его домѣ свѣчку.

Съ другой стороны, происшедшій въ ихъ отношеніяхъ кризисъ, проявляющійся въ томъ, что они наконецъ даже перестали говорить между собой, былъ слѣдствіемъ, кромѣ извѣстной грубоватой „топорности" [2]) и алчности Погодина,

---

[1]) См. Соч. Гоголя, изд. Кул., т. VI, стр. 111.

[2]) Забавно, что въ послѣднее время нѣкоторые наивные и ограниченные люди ухитряются открывать въ Погодинѣ воплощеніе всевозможныхъ совершенствъ и приписывать ему небывалое безкорыстіе и великодушіе, хотя изъ біографіи его мы какъ-разъ наоборотъ узнаемъ только о беззубой злобѣ этого «идеала рода человѣческаго» къ опередившему его талантливому ученику, о его торгашескомъ способѣ собиранія ученыхъ коллекцій, наконецъ однажды о циническомъ ропотѣ по поводу несбывшейся надежды этого Разуваева содрать кушъ съ правительства за предъявленіе непріятнаго историческаго документа. См. также о Погодинѣ въ «Воспоминаніяхъ С. М. Соловьева» («Русскій Вѣстникъ», 1896, 2).

Вотъ ужъ въ самомъ дѣлѣ

«Отечества отцы,
Которыхъ мы принять должны за образцы!...»
«Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!»

Какъ будто на Руси такой ужъ вопіющій недостатокъ въ людяхъ, заслуживающихъ уваженія!

еще коренного несходства ихъ натуръ, которое вначалѣ, при сравнительно рѣдкихъ встрѣчахъ, не мѣшало установленію между ними добрыхъ отношеній, но тотчасъ же всплыло при первой попыткѣ къ болѣе тѣсному общенію. Если въ тридцатыхъ годахъ они быстро и искренно сблизились, то основой этого служилъ общій тогда ихъ интересъ къ исторіи и особенно уваженіе Погодина къ таланту Гоголя, на которое послѣдній отвѣчалъ, въ свою очередь, отчасти искусственно подогрѣтымъ, энтузіазмомъ[1]). Но уже въ Римѣ въ 1839 г., какъ мы узнаемъ изъ дневника Погодина и его книги: „Гоголь въ чужихъ краяхъ", послѣдній казался ему чудакомъ съ своимъ восторженнымъ увлеченіемъ Италіей и не симпатичнымъ Погодину мнимымъ равнодушіемъ къ родинѣ. Артистическимъ увлеченіямъ Гоголя въ Римѣ Погодинъ не слишкомъ расположенъ былъ придавать значеніе, а если они, какъ это не разъ случалось, вели къ какому-нибудь ничтожному неудобству для него, то у него тотчасъ же вырывались слова досады; глубокій же патріотизмъ автора „Мертвыхъ Душъ" выражался не въ тѣхъ примитивныхъ формахъ и не съ той наивной простотой, какія были во вкусѣ Погодина. Надо вспомнить, что Погодинъ представлялъ себѣ всегда патріотизмъ въ грубо-упрощенномъ видѣ: въ казенныхъ, слащавыхъ возгласахъ, въ дешевомъ превознесеніи безъ разбора всего отечественнаго въ ущербъ иностранному, въ комическихъ заявленіяхъ о томъ, что западно-европейскія государства суть будто бы не что иное, какъ наши пятидесятыя губерніи и т. п. Понятно, что при такихъ условіяхъ въ немъ могли встрѣчать суровое осужденіе художественные инстинкты Гоголя въ его увлеченіи Италіей и что въ немъ, какъ, впрочемъ, и въ другихъ москвичахъ, была сильна нетерпимость къ болѣе глубокому и вѣрному пониманію патріотизма. Если въ Римѣ однажды, подъ вліяніемъ собственныхъ мимолетныхъ и неглубокихъ впечатлѣній, Погодинъ на

[1]) Впрочемъ и послѣ иногда самъ Гоголь говорилъ съ уваженіемъ о начатыхъ трудахъ Погодина, см. наз. «Русская Жизнь», № 64, гдѣ, утѣшая Погодина въ потерѣ жены, Гоголь пишетъ: «Слово: «Россія», для которой ты никогда не жалѣлъ трудовъ своихъ, должно быть отнынѣ еще ближе твоему сердцу, и самые труды твои должны слиться съ самой душой твоей» и въ № 79: «Отъ Хомякова я узналъ очень пріятную для меня новость: именно, что ты пишешь серьезно русскую исторію».

минуту оцѣнилъ было горячій энтузіазмъ Гоголя, то это было также не серіозно, какъ его же растроганность въ разговорѣ съ Гоголемъ на другой день послѣ пріѣзда къ нему въ 1841 г. Гоголь, съ своей стороны, давно прозрѣлъ въ Погодинѣ черство-прозаическую, кулаческую натуру; но пока гнета этого кулачества не пришлось ему испытать на себѣ, пока это непривлекательное качество пріятеля не выступило передъ нимъ во всемъ своемъ отталкивающемъ цинизмѣ, онъ все еще не могъ представить себѣ, до какихъ размѣровъ оно могло простираться. Не даромъ Гоголь, всегда довольно равнодушный къ мелкимъ, прозаическимъ разсчетамъ, еще въ Италіи, въ 1839 году, доводилъ свою заботливость о Погодинѣ до такихъ наставленій Данилевскому: „Поведи Погодина къ пассажнымъ портнымъ, гдѣ выбери прежде всего для него сюртукъ, ибо онъ все еще ходитъ въ томъ, въ которомъ ходилъ въ Москвѣ. Ты долженъ наблюдать три вещи: чтобы было просторно, прилично его фигурѣ и, *насколько возможно, дешево*". Гоголь даже предупреждалъ Данилевскаго: „полуторная кровать, которая едва удовлетворяетъ своей шириною тебя одного, замѣнитъ имъ" (т.-е. Погодину и его женѣ) „двойную", такъ какъ Погодинъ „*не любитъ даромъ издерживаться*"[1]). Мы вынуждены здѣсь приводить подобные мелочные факты, такъ какъ, по нашему убѣжденію, въ послѣдней крупной размолвкѣ Гоголя съ Погодинымъ именно самые ничтожные прозаическіе разсчеты играли немаловажную роль. Вѣдь вся эта унизительная житейская пошлость должна была всегда заявлять себя во время сожительства Гоголя съ Погодинымъ въ Москвѣ, при вопіющемъ съ одной стороны невниманіи къ житейскимъ мелочамъ углубленнаго въ свой внутренній міръ Гоголя и при полнѣйшемъ нежеланіи Погодина отнестись къ этой чертѣ его хотя сколько-нибудь снисходительно. Помѣщая на время сестеръ у Погодина, Гоголь напр. былъ убѣжденъ, что онѣ будутъ полезны его другу переводами для замышляемаго послѣднимъ журнала, но эта надежда не могла оправдаться, и Погодинъ записывалъ въ своемъ дневникѣ злобные отзывы о молодыхъ дѣвушкахъ, доказывая тѣмъ, что у него не было

---

[1]) „Вѣстникъ Европы, 1890 г., II, 574—575 и Матеріалы для біографіи Гоголя", т. III, стр. 278.

ни малѣйшаго снисхожденія къ ихъ институтскимъ странностямъ и недостаткамъ; за ними онъ не хотѣлъ признавать даже ни ума, ни добраго сердца. Узко практическая складка характера Погодина, извѣстная Гоголю заранѣе, однако во многомъ застигла его, во время послѣдняго сожительства, повидимому врасплохъ и поставила въ мучительно-невыносимое, обидное положеніе, такъ какъ Гоголь, не разъ доказывая Погодину участіе и дружбу, особенно за границей, разсчитывалъ видѣть и съ его стороны дружеское расположеніе; Погодина же, напротивъ, возмущалъ такой разсчетъ на его яко бы безкорыстіе. Погодинъ былъ безусловно равнодушенъ къ заботамъ Гоголя „пріучить сестеръ къ трудолюбивой и дѣятельной жизни“ и рѣшилъ, что за заемъ и за одолженія Гоголь обязанъ, какъ батракъ, работать для „Москвитянина“,— не имѣя желанія допускать какихъ бы то ни было соображеній о нравственномъ перевоспитаніи Гоголя и отъ души считая его „отвратительнѣйшимъ существомъ“. Гоголь однажды писалъ ему: „Ты позабываешь, что два человѣка, живущіе въ двухъ разныхъ мірахъ, не могутъ совершенно понять другъ друга“. Но еще вопросъ: намѣренъ ли былъ Погодинъ понимать его; онъ просто настаивалъ на своемъ интересѣ, и больше знать ничего не хотѣлъ, нисколько не будучи склоненъ „вѣрить душѣ“ Гоголя, на что послѣдній все-таки не переставалъ надѣяться. Въ своихъ письмахъ къ Погодину Гоголь не мало говорилъ о томъ, что онъ много передумалъ наединѣ съ собой о душевномъ словѣ, съ которымъ онъ хотѣлъ обратиться къ лучшимъ чувствамъ своего пріятеля, надѣясь излить передъ нимъ душу, хотя „самый видъ“ (Погодина), „озабоченный и мрачный“, — говорилъ Гоголь — „наводилъ уныніе на мою душу и я избѣгалъ по цѣлымъ недѣлямъ встрѣтиться съ нимъ“ [1]). Въ свою очередь, Погодинъ, всегда по горло занятый и удрученный заботами жизни, враждебно смотрѣлъ на непонятное ему созерцательное бездѣйствіе Гоголя. Но всего удивительнѣе со стороны Гоголя отчаянныя усилія, во что бы то ни стало, заставить Пого-

---

[1]) Такимъ образомъ Гоголь, такъ надѣявшійся на душевное слово и силу лирическаго упрека, предполагавшій такое могущественное слово вложить даже въ уста возрожденнаго Плюшкина въ 3-мъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ (Соч. Гоголя, изд. X, т. IV стр.,, 7, 9), не могъ пробудить въ Погодинѣ никакого теплаго участія.

дина заглянуть въ его душу, когда онъ же сознавалъ, что они „живутъ въ двухъ разныхъ мірахъ“; онъ жаловался на „безпамятство“, вслѣдствіе котораго Погодинъ „забывалъ доказанныя истины именно въ ту самую минуту, когда нужно примѣнить ихъ“ [1]), — какъ будто упуская изъ виду, что нѣтъ хуже того глухого, который *не хочетъ* слышать. Впослѣдствіи, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, Погодинъ съ злобнымъ смѣхомъ принималъ оправданіе странностей Гоголя особымъ устройствомъ его организма, и хотя соглашался съ нимъ, но толковалъ это объясненіе въ ироническомъ смыслѣ. Возникаетъ вопросъ: такъ ли смотрѣлъ на Гоголя Погодинъ прежде ссоры? Но, кажется, не можетъ быть и сомнѣнія, что сдѣланное Аксаковымъ заключеніе о характерѣ Гоголя находило себѣ при признаніи его Погодинымъ почву исключительно въ чувствѣ раздраженія, а вовсе не въ какихъ-нибудь теоретическихъ соображеніяхъ, къ которымъ всегда гораздо болѣе былъ склоненъ Аксаковъ. Итакъ, въ исторіи Гоголя съ Погодинымъ подтвердилась общеизвѣстная истина, часто наблюдаемая въ жизни, что при близкихъ отношеніяхъ мелочи жизни являются пробнымъ камнемъ истинной дружбы. Но если еще сколько-нибудь объяснимо упорное желаніе Гоголя заставить выслушать и понять его доводы, то со стороны Погодина совершенно непонятна такая степень ожесточенія, при которой онъ цѣлыхъ полтора года не могъ „найти въ себѣ силу увидѣть Гоголя, заговорить съ нимъ, написать къ нему письмо“ [2]). Грустная и тяжелая исторія!... На этомъ общемъ мрачномъ фонѣ картины свѣтлымъ лучомъ представляется намъ умиротворяющее посредничество Елизаветы Васильевны Погодиной, отношенія которой къ Гоголю были сердечныя, что̀ хорошо умѣлъ цѣнить Гоголь. Если ссора Гоголя съ ея мужемъ была настолько искусно замаскирована для постороннихъ глазъ, что никто изъ присутствовавшихъ на именинахъ Гоголя 9 мая 1842 года не могъ ея замѣтить, то Елизавета Васильевна, безъ сомнѣнія, прекрасно знала о ней, и есть одно мѣсто, дающее намъ право предполагать, что она, быть можетъ, не всегда была на сторонѣ мужа.

---

[1]) „Русская Жизнь“, 1892 г., № 64.
[2]) „Русская Старина“, 1890 г., т. III, стр. 855.
[3]) „Русская Жизнь“, 1892 г., № 64.

„Недостатокъ твой“ — писалъ Погодину Гоголь вскорѣ послѣ смерти Елизаветы Васильевны, — „*который нерѣдко смущалъ покойницу,* искренно желавшую, чтобы въ тебѣ его не было, — гнѣвъ“. — Была и другая отрада у Гоголя.

XIV.

Многіе знали въ Москвѣ въ старые годы симпатичную, благочестивую старушку, избравшую своимъ призваніемъ, особенно послѣ одного обрушившагося на нее тяжкаго несчастія, помощь бѣднымъ, больнымъ и всякаго рода страждующимъ и находившую въ этомъ истинное утѣшеніе. Она помогала не только деньгами, но являла всегда готовность служить многочисленнымъ кліентамъ словомъ утѣшенія и живѣйшимъ задушевнымъ участіемъ, весьма охотно присутствовала при соборованіи и приходила на похороны людей, составлявшихъ предметъ ея состраданія и материнскихъ попеченій. „Любить васъ всегда время“, говорилъ ей хорошо знавшій ее В. А. Жуковскій, „и повѣрьте мнѣ, что люблю васъ всѣмъ сердцемъ за васъ самихъ и за ваше несчастіе, которое вы умѣете дѣлать высокимъ добромъ для вашей жизни“. Эта старушка была Надежда Николаевна Шереметева, когда-то потерявшая зятя (Ивана Дмитріевича Якушкина, мужа ея родной дочери, Настасьи Васильевны), сосланнаго въ Нерчинскіе рудники за участіе въ дѣлѣ 14 декабря 1825 года.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы подъ вліяніемъ несчастія произошла коренная перемѣна въ характерѣ Шереметевой: благотворительность была, такъ сказать, въ крови всего родства, къ которому она принадлежала, а простосердечіе и доброта всегда были ея отличительными личными чертами; но естественно, что, испытавъ несчастіе сама, она стала особенно горячо сочувствовать всякому несчастію ближняго. Душа ея, любящая и открытая, ея несложная, безхитростная натура отражались, какъ въ зеркалѣ, въ ея устной бесѣдѣ и въ письмахъ. „Ваши письма“, говорилъ ей Жуковскій, „точно вы сами: та же простая, чистая доброта въ нихъ дышитъ, какую нашелъ я въ васъ самихъ“. Такимъ образомъ въ личности ея было что-то привлекательное, что̀ заставляло забывать о недостаточности ея развитія и образованія, хотя, конечно, она часто не могла быть интересной собесѣдницей для тѣхъ самыхъ

людей, которые такъ высоко цѣнили ея прекрасныя нравственныя качества. Къ Жуковскому она обратилась въ первый разъ съ просьбой ходатайствовать передъ государемъ сначала о разрѣшеніи дочери переписываться съ мужемъ или хоть изрѣдка имѣть отъ него извѣстія, когда онъ находился въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, а потомъ дозволить ѣхать за нимъ съ дѣтьми въ Сибирь. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, поэтъ отнесся самымъ сочувственнымъ образомъ къ постигшему ее несчастію: первое же прошеніе онъ согласился доставить собственноручно государю, причемъ взялъ на себя трудъ передѣлать его, такъ какъ присланная ему на просмотръ черновая оказалась не совсѣмъ удобною по своему многословію. Впослѣдствіи Жуковскій нерѣдко извѣщалъ Шереметеву объ оборотѣ, который принимало дѣло, хотя и не могъ согласиться признать справедливыми ея просьбы и самое желаніе ея дочери раздѣлить ссылку мужа. Основываясь на великодушномъ запрещеніи самого пострадавшаго декабриста, отклонявшаго эту поѣздку ради будущности дѣтей, Жуковскій убѣдилъ молодую женщину, что на ней лежитъ священная обязанность, отказавшись отъ личнаго счастья и пожертвовавъ любовью къ мужу, посвятить себя исключительно дѣтямъ, чтобы замѣнить имъ потерю отца. „Дѣтьми пожертвовать она не имѣетъ права“,— такъ думалъ онъ, — „и это пожертвованіе не облегчитъ участи отца, а только обременитъ его новымъ бѣдствіемъ“.

Семейное спокойствіе Шереметевой было разрушено навсегда, а оно составляло для нея, какъ для женщины пожилой, привыкшей жить интересами и счастьемъ дочери, всю отраду существованія. Потерявъ ее, оставалось совершенно отречься отъ личной жизни и покориться судьбѣ. Тихое религіозное настроеніе становилось въ ней тѣмъ глубже и сильнѣе, чѣмъ больше время уносило послѣднія надежды на улучшеніе участи и чѣмъ старѣе становилось ея горе, которое она переносила съ замѣчательнымъ терпѣніемъ. Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ зацѣпившей ее катастрофы Жуковскій писалъ ей: „У васъ есть въ душѣ завидное, христіанское смиреніе, съ которымъ горе становится молитвою и наконецъ обращается въ награду и утѣшеніе“. Никогда не унизивъ себя малодушнымъ ропотомъ на судьбу, Шереметева доказала на дѣлѣ, что религіозность ея не ограничивалась благочестивымъ

настроеніемъ и внѣшнимъ соблюденіемъ обрядовъ. Единственнымъ знакомъ ея постоянной, сосредоточенной грусти были густые остриженные волосы.

Почти передъ самымъ отъѣздомъ, въ день своихъ именинъ, 9 мая, Гоголь давалъ у Погодина обѣдъ для друзей. Главная задержка — печатаніе „Мертвыхъ Душъ"— устранялась, и онъ чувствовалъ себя отрадно и легко. Отъѣздъ былъ рѣшенъ; оставалось дождаться выхода изъ типографіи первыхъ печатныхъ экземпляровъ. Гоголь былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Въ этотъ же день утромъ прибыли его сестры и мать. Анна Васильевна Гоголь припоминаетъ, что незадолго передъ тѣмъ онѣ получили отъ брата письмо, въ которомъ онъ просилъ ихъ поскорѣе пріѣхать съ нимъ повидаться и проститься. Пустившись въ дальній путь за нѣсколько дней до 9 мая, онѣ непремѣнно хотѣли поспѣть ко дню его ангела, но въ дорогѣ произошли досадныя задержки и промедленія, такъ что уже въ самый день именинъ онѣ въѣхали въ почтовомъ дилижансѣ на дворъ дома Погодина на Дѣвичьемъ полѣ. Но въ этотъ день Н. Н. Шереметевой не было въ числѣ поздравительницъ; очевидно, что она, сблизившаяся съ Гоголемъ, какъ видно изъ ея писемъ, въ теченіе мая 1842 г., въ то время еще мало знала его, такъ какъ она всегда свято исполняла какъ письменно, такъ тѣмъ болѣе лично, всѣ формальности поздравленія. Изъ дамъ же въ этотъ день пріѣзжали поздравить (верхомъ, амазонками) только Екатерина Михайловна Хомякова и Елизавета Григорьевна Черткова, и вскорѣ уѣхали. Марья Ивановна и ея дочери оставались съ хозяйкой въ домѣ, а мужчины обѣдали въ саду. Черезъ двѣ недѣли былъ назначенъ прощальный обѣдъ Гоголю у Аксаковыхъ, которые предполагали вскорѣ праздновать день именинъ Константина Сергѣевича (21 мая). Въ этотъ-то небольшой промежутокъ времени и произошло первое сближеніе. Гоголя съ Шереметевой.

Познакомилась Шереметева съ Гоголемъ въ 1840 г. въ домѣ Прасковьи Ивановны Раевской, у которой проживала въ Москвѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ по окончаніи курса въ институтѣ, одна изъ сестеръ его, Елизавета Васильевна, впослѣдствіи вышедшая за сапернаго офицера В. И. Быкова (или, можетъ быть, у ея друга, А. П. Елагиной). Тѣмъ не менѣе

первое появленіе Шереметевой въ домѣ Погодина совпало съ непродолжительной, приблизительно недѣльной, остановкой у него матери и сестеръ Гоголя. Ни Погодины, ни Аксаковы до тѣхъ поръ не знали Шереметевой, и она была имъ рекомендована Гоголемъ; черезъ него же узнала она также Шевырева. Изъ общихъ знакомыхъ ея съ Гоголемъ кромѣ Раевской можно назвать Жуковскаго, Языкова, Елагину и Нащокина. Но послѣдній не былъ особенно близокъ съ Гоголемъ, а первые два находились въ то время за границей и могли развѣ заочно подготовить ея знакомство съ нимъ. Напротивъ Раевская, какъ видно изъ сохранившейся переписки Шереметевой съ Марьей Ивановной Гоголь, была давно коротка съ нею. Въ этихъ письмахъ обыкновенно находятся особыя приписки къ Елизаветѣ Васильевнѣ, какъ уже старой знакомой; въ нихъ передаются каждый разъ разныя свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыя могли быть знакомы ей одной изъ всего семейства и касались друзей и домашнихъ Раевской[1]). При значительной разницѣ въ лѣтахъ, развитіи и кругѣ знакомыхъ, естественно, что Гоголь, не смотря на искреннее уваженіе къ почтенной Прасковьѣ Ивановнѣ, рѣдко и не совсѣмъ охотно посѣщалъ ее. Помѣстивъ къ ней сестру въ 1840 г., онъ вскорѣ оставилъ Москву, а возвратившись черезъ два года, рѣдко заглядывалъ къ Раевской, больше вслѣдствіе побужденій уваженія и благодарности, нежели потребности видѣть ее и говорить съ ней. Въ своихъ „Запискахъ о жизни Гоголя“ г. Кулишъ передаетъ со словъ покойной А. П. Елагиной любопытный разсказъ о томъ, какъ, заѣхавъ къ ней съ матерью на минуту, чтобы тотчасъ же отправиться еще разъ поблагодарить Раевскую и проститься съ ней, Гоголь показывалъ явную неохоту ѣхать. Марья Ивановна торопила его и не разъ напоминала, что время идетъ и имъ надо спѣшить, но Гоголь меланхолически положилъ руки на столъ и погрузился въ крѣпкое раздумье. Ему приходилось, очевидно, сдѣлать немалое надъ собой усиліе, такъ что Елагиной пришла наконецъ мысль выручить его, вызвавшись сдѣлать за него самой этотъ визитъ. Не-

---

[1]) Напр. о гувернанткѣ Софьѣ Карловнѣ, дочери пастора, весьма дружной съ Елизаветой Васильевной, о племянницѣ Раевской, 12-лѣтней Варенькѣ Мосоловой, и жившей въ ея домѣ ея двоюродной сестрѣ Софьѣ Николаевнѣ Молчановой и наконецъ о какой-то молодой дѣвицѣ Дашенькѣ. (См. «Русск. Стар.» 1888, VI).

чего прибавлять, что на это предложеніе Гоголь охотно согласился. Не удивительно такимъ образомъ, что Шереметева могла рѣдко встрѣчаться съ Гоголемъ почти до самаго отъѣзда его изъ Москвы, но по слѣдующему поводу привязалась къ нему.

Когда Гоголь собирался въ путь за границу, ему хотѣлось получить непремѣнно отъ кого-нибудь образъ въ видѣ благословенія. Долго онъ ждалъ напрасно, но вдругъ получилъ неожиданно образъ Спасителя отъ извѣстнаго проповѣдника Иннокентія, епископа херсонскаго и таврическаго [1]). Это исполеніе его желанія показалось ему чудеснымъ и было истолковано имъ, какъ повелѣніе свыше ѣхать въ Іерусалимъ и, очистивъ себя молитвой у гроба Господня, испросить благословеніе Божіе на задуманный литературный трудъ. Мысль была торжественно и неожиданно сообщена Аксаковымъ, окончательно сбитымъ съ толку столь частой и притомъ внезапной перемѣной рѣшеній. Когда вѣсть о благочестивомъ желаніи новаго знакомаго дошла до Шереметевой, набожная старушка, посвятившая всю жизнь молитвѣ и добрымъ дѣламъ, сразу горячо полюбила Гоголя, какъ сына, принимая горячее участіе въ столь сочувственномъ для нея планѣ. Въ свою очередь, она встрѣтила въ Гоголѣ задушевный откликъ: зная ее прежде по наслышкѣ съ весьма почтенной стороны, оцѣнивъ по непосредственному личному впечатлѣнію ея теплое, умиротворенное годами и истиннымъ религіознымъ чувствомъ, простодушіе, Гоголь нашелъ въ ней одну изъ тѣхъ женщинъ, о которыхъ онъ говорилъ, что онѣ „живутъ въ законѣ Божіемъ“. Онъ сталъ называть ее „духовной матерью“, прося позволенія время отъ времени посылать ей деньги для раздачи бѣднымъ. Степень уваженія Гоголя къ Шереметевой немедленно проявилась въ приглашеніи пріѣхать проводить его въ дальній путь къ незнакомымъ ей Аксаковымъ, между тѣмъ какъ прощаніе должно было имѣть характеръ совершенно семейный и изъ постороннихъ предполагалось позвать только горячо любимаго Гоголемъ и хорошо знакомаго Аксаковымъ артиста М. С. Щепкина.

Шереметева, желая съ своей стороны навѣстить Гоголя,

---

[1]) По просьбѣ Гоголя, Марья Ивановна заѣзжала на обратномъ пути благодарить преосвященнаго Иннокентія. Образъ этотъ находился въ недавнее время въ Полтавѣ у Анны Васильевны Гоголь. Образъ былъ въ рамкѣ, которая послѣ была снята; теперь онъ снова украшенъ золотой рамкой.

сначала нѣсколько разъ сряду не заставала его и оставалась бесѣдовать съ его матерью, съ которой сошлась очень скоро. Марья Ивановна, сама очень добрая и сообщительная, приходила въ восторгъ отъ чистосердечія наивной старушки и особенно отъ любви ея къ сыну. Обѣ женщины охотно проводили цѣлые часы въ бесѣдѣ объ общемъ любимцѣ въ уютномъ антресолѣ погодинскаго дома, при чемъ Шереметева неоднократно повторяла свои увѣренія, что она полюбила ея сына не какъ знаменитаго писателя, а какъ хорошаго человѣка и добраго христіанина. Но Надежда Николаевна очень стѣснялась въ чужомъ, незнакомомъ домѣ, и ее приходилось всячески успокоивать, послѣ чего она оставалась еще на нѣкоторое время. Съ своей стороны она не приглашала къ себѣ своихъ новыхъ знакомыхъ, но просила позволенія чаще пріѣзжать ей самой, такъ какъ въ большомъ семействѣ, гдѣ она жила, былъ постоянный шумъ, мѣшавшій спокойной интимной бесѣдѣ.

Наконецъ состоялись проводы. Щепкинъ поѣхалъ проводить Гоголя до первой станціи, а Аксаковы и Шереметева — до городской заставы. Погодинъ же, съ которымъ Гоголь былъ въ ссорѣ, простился съ нимъ дома, но къ Аксаковымъ не поѣхалъ. Послѣ обѣда и непродолжительной дружеской бесѣды со двора двинулся цѣлый поѣздъ: Гоголь и всѣ Аксаковы ѣхали впереди въ просторной коляскѣ, а Шереметева за ними тряслась на пролеткѣ. Дорогой случилось съ ними довольно забавное приключеніе. Всѣ вещи были заранѣе отправлены на первую станцію, и Гоголь ѣхалъ за ними слѣдомъ налегкѣ. Въ то время существовалъ стѣснительный обычай требовать паспорты и осматривать провозимыя пассажирами вещи не только на границахъ, какъ это дѣлается и теперь, но и на каждой подорожной заставѣ при выѣздѣ и въѣздѣ. Гоголь, не желая подвергаться скучной формальности, хотѣлъ показать видъ, что выѣхалъ просто кататься. Извѣстно, что ему нерѣдко приходило желаніе ради шутки или устраненія неумѣстнаго любопытства называть себя чужими именами, прятаться, прибѣгать къ мистификаціямъ. На этотъ разъ пришлось это сдѣлать по неволѣ. Но у самой заставы Шереметева, не привыкшая ни къ какимъ хитростямъ и мистификаціямъ, совершенно забыла о намѣреніи Гоголя уклониться отъ полицейскаго досмотра и простосердечно бро-

спласъ обнимать и крестить его, заливаясь слезами. Гоголь простился съ нею, но только-что онъ отошелъ отъ Шереметевой, у нихъ потребовали бумаги и спросили, кто же именно уѣзжаетъ. Чтобы выбраться изъ затрудненія, Гоголь крикнулъ: „вотъ эта старушка!“ погналъ лошадей и скрылся, оставя Шереметеву въ большомъ затрудненіи.

Аксаковы же проводили Гоголя до Химокъ (первой станціи) [1]).

XV.

Этотъ день разлуки Гоголя съ Шереметевой, 23 мая 1842 года, остался навсегда достопамятнымъ для обоихъ. Особенно послѣдняя любила въ письмахъ вспоминать это число и всѣ мельчайшія подробности, случившіяся во время прощанья. Тогда же одной изъ первыхъ Гоголь открылъ ей, что на предполагаемую поѣздку въ Іерусалимъ смотритъ какъ на желаніе помолиться у Святыхъ мѣстъ, чтобы испросить благословеніе для своего труда. Но едва ли можно думать, что даже въ общихъ чертахъ ей было объяснено предполагаемое значеніе этого труда, къ которому она впрочемъ относилась съ большимъ благоговѣніемъ. Но какой трудъ имѣлъ въ виду Гоголь? Во всякомъ случаѣ не „Переписку съ друзьями“, мысль о которой возникла позднѣе вслѣдствіе продолжительнаго литературнаго безплодія и подъ вліяніемъ неблагоразумнаго „подталкиванія“ друзей, торопившихъ продолжать „Мертвыя Души“. (См. въ „Перепискѣ съ друзьями“ „Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“ (второе и третье) и письма къ С. Т. Аксакову въ VI т., стр. 325, 349). Остается неяснымъ, какимъ образомъ для отправленія съ чистой совѣстью въ путь требовалось окончить этотъ трудъ, если самое поклоненіе святынѣ предпринималось съ тою цѣлью, чтобы приступить къ какому-то великому литературному подвигу. Можетъ быть, дѣло касается второго и третьяго томовъ „Мертвыхъ Душъ“ въ отдѣльности; но это одно предположеніе, такъ какъ при скрытности Гоголя никто даже изъ близкихъ къ нему людей, вѣроятно, не зналъ этого, а рѣшить этотъ вопросъ на основаніи писемъ совершенно нѣтъ никакой возможности.

---

[1]) См. объ этомъ «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 64. Разсказъ о Шереметевой передала намъ покойная А. В. Гоголь.

Переписка Гоголя съ Шереметевой при поверхностномъ ознакомленіи представляется крайне безцвѣтной и безсодержательной. Во множествѣ писемъ содержаніе до того сходное, что съ перваго взгляда нельзя не подивиться продолжительности подобныхъ письменныхъ сношеній. Со стороны Гоголя неизмѣнно повторяются просьбы молиться о немъ, выраженіе благодарности за расположеніе и участіе, извѣстія о ходѣ его дѣлъ и о томъ, какъ подвигается къ осуществленію предполагаемое путешествіе; со стороны Шереметевой — пожеланія успѣховъ, молитвы, благословенія. При общей отвлеченности содержанія писемъ, наполненныхъ благочестивыми размышленіями и притомъ оставляемыхъ часто съ обѣихъ сторонъ безъ всякихъ датъ или имѣющихъ неудовлетворительныя даты, установленіе въ нихъ хронологическаго порядка представляетъ большія трудности. Поэтому неудивительно, что г. Кулишъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи одни только письма Гоголя и лишенный возможности провѣрять свои предположенія о датахъ по отвѣтнымъ письмамъ, долженъ былъ неизбѣжно приходить иногда къ невѣрнымъ заключеніямъ. На трудность опредѣленія датъ въ этихъ письмахъ онъ и самъ указываетъ въ подстрочномъ примѣчаніи къ одному изъ нихъ. Но затрудненіе совершенно устраняется одною особенностью писемъ Шереметевой, именно частымъ упоминаніемъ въ нихъ о началѣ и продолжительности ея знакомства съ Гоголемъ. Шереметева любитъ считать, сколько съ тѣхъ поръ прошло мѣсяцевъ, лѣтъ, и это даетъ ключъ къ постепенному разъясненію хронологіи. Въ виду значенія послѣдней для будущихъ изданій переписки Гоголя, мы позволимъ себѣ мѣстами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ особомъ перечнѣ въ приложеніяхъ коснуться этого вопроса.

Прежде чѣмъ разсматривать содержаніе писемъ Шереметевой, необходимо замѣтить одну особенность, безъ которой многое было бы въ нихъ неясно: не принадлежа къ роду графовъ Шереметевыхъ и находясь съ ними въ очень отдаленномъ родствѣ, она, какъ уже было сказано, не располагала слишкомъ большими средствами, но напротивъ, жила скудно и даже нуждалась, часто отказывая себѣ въ необходимомъ, чтобы имѣть возможность хоть сколько-нибудь помогать бѣднымъ; поэтому письма ея во избѣжаніе расходовъ

посылались по рѣшительному настоянію Гоголя, для котораго болѣе чѣмъ ограниченный ея бюджетъ не былъ, конечно, тайной, — сперва вмѣстѣ съ письмами Аксаковыхъ, потомъ Языкова, наконецъ Шевырева. Благодаря рекомендаціи Гоголя и радушной привѣтливости Аксаковыхъ Шереметева стала часто бывать у послѣднихъ запросто, какъ своя, все больше и больше убѣждаясь, что это знакомство она можетъ смѣло считать однимъ изъ самыхъ пріятныхъ. Первое время она была до того очарована дружеской простотой и нецеремонностью обхожденія Аксаковыхъ, что не пропускала буквально ни одного письма, чтобы не благодарить Гоголя за это знакомство; она называла ихъ „милыми, добрыми и радушными Аксаковыми", а произведенное на себя ими впечатлѣніе передавала такимъ образомъ: „они простымъ своимъ обращеніемъ пришлись мнѣ очень по сердцу; когда можно, у нихъ бываю: съ ними легко". Когда С. Т. Аксаковъ получилъ первое письмо отъ Гоголя изъ-за границы (отъ 27/15 іюля 1842 г.) съ извѣщеніемъ, что онъ снова предполагаетъ съѣхаться и прожить нѣкоторое время съ Языковымъ на этотъ разъ въ Гастейнѣ, а оттуда они вмѣстѣ поѣдутъ въ Венецію, то жена его, Ольга Семеновна, тотчасъ поспѣшила сообщить объ этомъ въ деревню Н. Н. Шереметевой, которая и написала немедленно свое первое письмо къ Гоголю. По странной случайности именно это письмо почти единственно и не сохранилось изъ всѣхъ ея писемъ (а также и посланное въ одно время съ нимъ письмо Ольги Семеновны Аксаковой; см. изд. Кул., V, 485); можетъ быть, оно не застало уже Гоголя въ Венеціи и затерялось. Имъ было навѣрное получено уже второе письмо, адресованное въ Римъ; но въ немъ было снова воспроизведено и содержаніе перваго. „Я тотчасъ" (послѣ того какъ узнала адресъ) „къ вамъ написала въ Венецію. Не знаю, застало ли письмо васъ въ Венеціи, а теперь отъ нихъ же (отъ Аксаковыхъ) узнала, гдѣ вы, и пишу въ Римъ, и пишу все одно и то же, потому что на вашъ счетъ все одно и то же чувствую; ничего иного и не умѣю вамъ пожелать! „Да спасетъ васъ Богъ!" Всякое утро симъ начинаю и въ продолженіе дня не разъ это повторится въ душѣ вамъ преданной. Спаси васъ Господи!"

Постепенно между Аксаковыми, Шереметевой и другими московскими знакомыми Гоголя установился обычай по полу-

чени отъ него извѣстій немедленно дѣлиться ими другъ съ другомъ и бесѣдовать объ отсутствующемъ. Для нихъ всѣхъ Гоголь былъ не только близкимъ человѣкомъ, но и интересной загадкой. Его характеръ и быстро мѣняющіяся намѣренія бывали часто предметомъ оживленныхъ разговоровъ. Между прочимъ Аксаковы были особенно заинтригованы и озабочены его новымъ предположеніемъ о поѣздкѣ въ Іерусалимъ. Лично спросить объ этомъ у Гоголя передъ тѣмъ не рѣшился никто изъ нихъ изъ боязни „навязываться на довѣренность“, но уже въ одномъ изъ первыхъ писемъ ими былъ осторожно затронутъ щекотливый вопросъ и высказаны соображенія о продолжительности и трудности пути. Судя по тону отвѣта Гоголя, нельзя сомнѣваться, что Аксаковымъ, сильно пораженнымъ рѣзкой перемѣной, происшедшей въ его характерѣ, запало подозрѣніе Гоголя въ ханжествѣ, что̀ и высказывалось ему неоднократно С. Т—чемъ. И теперь въ письмѣ проглядывало безпокойство и затаенное несочувствіе плану. Въ отвѣтѣ Гоголь, отклоняя отъ себя указанное нелестное подозрѣніе и горячо защищая свое намѣреніе, говоритъ тономъ человѣка задѣтаго за живое, которому не легко высказаться въ немногихъ словахъ, а въ концѣ письма впадаетъ въ восторженный паѳосъ, развивая мысли приблизительно тѣ же, которыя онъ выразилъ нѣсколько позднѣе устами перваго комическаго актера въ „Развязкѣ Ревизора“. Гоголь требовалъ, чтобы содержаніе этого письма осталось строгой тайной не только для постороннихъ, но и для семейства Аксакова, кромѣ жены его. „Лирическія движенія души нашей!.. неразумно ихъ сообщить кому бы то ни было“, говорилъ онъ[1]). Въ заключеніе онъ снова напоминалъ, что до путешествія должно пройти еще много времени, потому что оно не можетъ быть предпринято раньше окончанія его труда, и даже утверждалъ, что „нѣтъ никакой причины думать, чтобы они не увидѣлись опять“. Слова эти, сказанныя вскользь только для успокоенія, были приняты почти за обѣщаніе скораго пріѣзда и, переходя изъ устъ въ уста, дошли до Шереметевой въ видѣ

---

[1]) Требованіе Гоголя не было исполнено О. С. Аксаковой, прочитавшей очаровавшее ее письмо своимъ. Когда Гоголь узналъ о томъ, онъ былъ очень недоволенъ этимъ поступкомъ и написалъ ей укоризненное письмо, (см. «Русск. Стар.», 1892, III, стр. 853—854, также «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 491).

прямого утвержденія. Они ее очень встревожили. Набожная старушка вовсе не расположена была сочувствовать такимъ колебаніямъ, и въ самой осторожной, въ самой деликатной формѣ дала почувствовать Гоголю свое неодобреніе. „Слышала“ — пишетъ она, — „что, прежде нежели *предпринятый и давно желаемый* вами путь совершите, вы еще тутъ побываете; на сіе скажу, что̀ чувствуется; совѣтовать не смѣю и почитаю непозволительнымъ мѣшаться въ дѣло такой важности; — но все, что̀ могу — молиться, и отъ всего сердца молю Того, куда душа ваша стремится, да Онъ васъ поддержитъ и наставитъ, что̀ вамъ дѣлать: Ему возможно указать вамъ путь и чего на немъ держаться; и съ помощію Его вы сами увидите, нужно ли вамъ возвращаться, *не достигнувъ того, куда такъ давно душа ваша жаждетъ.* И кто знаетъ: въ другой разъ будетъ ли удобно вамъ опять выбраться въ дорогу: могутъ встрѣтиться разныя препятствія, которыя уменьшатъ и самое желаніе, коимъ теперь душа ваша полна“. Опасаясь послѣдняго исхода, Шереметева настойчиво совѣтуетъ отдаться Тому, Кто вложилъ въ душу благочестивое желаніе, и не смущаться никакими мыслями, даже мыслью о своемъ недостоинствѣ. Послѣднее основывала она на томъ, что никогда нельзя достигнуть безусловнаго очищенія души, чтобы съ увѣренностью считать себя приготовленнымъ для поклоненія Святому Гробу; притомъ „свыше все разочтено“, и намъ необходимо заботиться о томъ, чтобы „не препятствовать симъ благимъ разсчетамъ, примѣшивая собственную волю“. Отклоняя такимъ образомъ мнимое намѣреніе Гоголя снова пріѣхать въ Москву до совершенія дальняго пути, Шереметева прибавляетъ съ грустью, что вѣдь она говоритъ „противъ собственныхъ выгодъ“, потому что при ея преклонныхъ лѣтахъ слишкомъ естественно опасеніе никогда не увидѣться больше съ любимымъ „сыномъ“ въ этой жизни.

Въ отвѣтномъ письмѣ Гоголь[1]) не выказалъ ни малѣйшаго недовольства, нерѣдко являвшагося у него въ подобныхъ случаяхъ; напротивъ, онъ благодаритъ, называя письмо благодатнымъ, а самое Надежду Николаевну — великодушнымъ и добрымъ другомъ. Разъясняя корреспонденткѣ смутившія

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 507.

ее слова письма къ Аксакову, онъ успокоивалъ ее обѣщаніемъ не иначе вернуться въ Россію, какъ черезъ Іерусалимъ. Это впослѣдствіи было, какъ извѣстно, исполнено. Не смотря на кажущіяся частныя несогласія съ содержаніемъ послѣдняго полученнаго отъ Шереметевой письма, Гоголь сходится съ нею въ главномъ: онъ называетъ безуміемъ судить о степени собственнаго недостоинства и также, подобно ей, предоставляетъ рѣшеніе этого вопроса внутреннему голосу, внушенія котораго истолковываетъ въ смыслѣ обязательнаго окончанія передъ путешествіемъ задуманнаго труда; наконецъ, отклоняя мысль Шереметевой о возможности близкой ея смерти, выражаетъ надежду, что, подобно тому, какъ она проводила его до заставы, такъ же и встрѣтитъ его у этой заставы.

Когда Шереметева прочла это письмо, камень безпокойства свалился съ ея души. „Очень васъ благодарю за ваше письмо", отвѣчала она „и благодарю Бога меня порадовавшаго и успокоившаго на вашъ счетъ". — „Христосъ съ вами, мой милый другъ, трудитесь! Молю Отца Небеснаго, да освятитъ Онъ трудъ вашъ на пользу другимъ, а слѣдовательно и душѣ вашей на радость. Помоги вамъ Господи все такъ устроить, чтобы внутренно ничто васъ не тѣснило, и, вздохнувъ свободно къ Тому, куда душа ваша стремится, въ семъ состояніи внутренней тишины отправляйтесь въ путь. Христосъ съ вами!!!" Мѣстами письма Шереметевой переходятъ прямо въ молитву; такъ и здѣсь, прося Бога о сохраненіи Гоголя отъ всего, что̀ можетъ вредить его спасенію, она то говоритъ о немъ въ третьемъ лицѣ, то, снова обращаясь къ своему корреспонденту, обѣщаетъ молиться за него, чтобы Богъ наставилъ его, когда и какъ онъ долженъ отправиться въ путь, и чтобы Онъ далъ ему извѣдать въ полнотѣ неизреченную чистую радость у Гроба Господня. Она умоляетъ извѣстить ее о времени отъѣзда въ Палестину и подробно увѣдомлять о всѣхъ впечатлѣніяхъ. „Сколько ни буду о семъ продолжать, а все не сумѣю высказать все, что̀ ощущаю, и все, чего вамъ желаю. Спаси васъ Господи!" заканчиваетъ она это письмо. Продолжая его черезъ нѣсколько времени (какъ она обыкновенно дѣлала), она поздравляетъ Гоголя съ наступающимъ днемъ его рожденія, празднованіе котораго (вопреки Жуковскому, обыкновенно отвѣчавшему на подобныя привѣт-

ствія откровеннымъ указаніемъ на непріятную сторону напоминанія о прибавкѣ лѣтъ) считала для христіанина не менѣе важнымъ, чѣмъ празднованіе именинъ, такъ какъ „въ этотъ день мы получаемъ право наслѣдовать вѣчное блаженство“ [1]). — „Рада буду, когда къ 19 марту (читай: марта) это письмо до васъ доберется, и вы увидите, что отдаленность меня не разлучаетъ съ близкими по душѣ. Не безъ Промыслу случилась такая нечаянная встрѣча и мы съ вами душою сроднились: благодарю за сіе Бога, а васъ, мой другъ, благодарю за Аксаковыхъ! Какое прекрасное, милое семейство! Какъ мнѣ съ ними хорошо!.. Разумѣется, нѣтъ свиданія, чтобы о васъ не поговорили. Какъ они всѣ васъ любятъ, интересуются всѣмъ до васъ относящимся! Повторяю мою благодарность за знакомство. Такъ все просто, а для меня простота отрадна!..“

Послѣднее изъ разобранныхъ писемъ было помѣчено 12 февраля 1843 г. Послѣ этого письма слѣдуетъ продолжительный перерывъ въ перепискѣ [2]). На затерянное письмо Шереметевой

---

[1]) Письма Шереметевой убѣждаютъ наглядно, до какой степени эта женщина глубоко была проникнута истинно-христіанскими взглядами на жизнь. Какъ извѣстно въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ и письмахъ Жуковскій вездѣ вѣренъ религіозному міросозерцанію, но и онъ иногда отступалъ отъ него, уклоняясь въ шутку. Напротивъ ни однимъ словомъ не измѣняетъ себѣ Шереметева въ этомъ отношеніи. „За ваше любезное письмо съ обыкновеннымъ поздравленіемъ благодарю васъ“, писалъ ей однажды Жуковскій, „хотя правда ужъ не за что благодарить. День рожденія въ мои лѣта болѣе напоминаетъ о смерти, чѣмъ о жизни“. Шереметева, напротивъ, высказывала всегда убѣжденіе, что „день рожденія важнѣе даже, чѣмъ день ангела, такъ какъ въ этотъ день мы получаемъ право наслѣдовать вѣчное блаженство“.

[2]) По нашему предположенію къ 1843 г. должны быть отнесены слѣдующія письма безъ датъ: во-первыхъ, помѣщенное въ изданіи Кулиша въ V т., на стр. 394, въ которомъ Гоголь благодаритъ Ш—ву за три первыхъ полученныхъ письма. Кромѣ того въ этомъ письмѣ слова: «Вы не о временныхъ успѣхахъ молитесь (мы не можемъ судить, что удача или неудача, счастье или несчастье), но молитесь о томъ, чтобы съ каждымъ днемъ и часомъ, и минутой была чище и чище душа моя» — представляютъ, повидимому, отвѣтъ на выписанныя выше строки письма Ш—вой, въ которомъ она высказываетъ желаніе успѣховъ Гоголю относительно его литературнаго труда. Несомнѣнно къ тому же 1843 г. принадлежитъ письмо отъ апрѣля 15/3 (изд. Кул., V, 444), заключающее въ себѣ отвѣтъ на поздравленіе съ праздникомъ Пасхи, который былъ около 10 числа («Еще недѣля остается до него, но душа моя жаждетъ мысленно похристосоваться съ вами первыми въ ту высокую минуту, когда произнесется: — «Христосъ воскресъ»). По справкѣ съ пасхаліями оказывается, что въ 1843 г. праздникъ св. Пасхи былъ 11 апр.

отъ 13 марта Гоголь отвѣчалъ изъ Гастейна 18 мая того же года, что лѣтомъ ему предстоитъ „разъѣздная жизнь" и что потому ихъ переписка должна прекратиться по крайней мѣрѣ на полгода, тѣмъ болѣе что въ это время онъ предполагаетъ усиленно работать [1]). Въ это время ему улыбалась мысль поселиться въ Дюссельдорфѣ и работать вмѣстѣ съ Жуковскимъ. „Желаніе васъ видѣть" — писалъ онъ Жуковскому — „стало во мнѣ теперь еще сильнѣе; я думаю непремѣнно въ іюлѣ мѣсяцѣ быть въ Дюссельдорфѣ. Напишите мнѣ только два слова, будете ли въ это время въ Дюссельдофѣ. Смирнова хочетъ тоже заѣхать къ вамъ два раза — въ іюнѣ и въ іюлѣ; а я думаю даже пожить въ Дюссельдорфѣ, и мысль эта занимаетъ меня сильно. Мы тамъ въ *совершенномъ* уединеніи и покоѣ займемся работой — вы „Одиссеей", а я — „Мертвыми Душами" [2]). Послѣ этого въ промежутокъ отъ апрѣля до іюля Гоголь успѣлъ побывать въ Гастейнѣ, снова въ Италіи (во Флоренціи), опять въ Гастейнѣ, куда онъ заѣхалъ на нѣсколько дней отдохнуть отъ дороги [3]) и откуда было написано письмо Ш—вой, въ Мюнхенъ, потомъ въ серединѣ іюня въ Дюссельдорфъ, Баденъ-Баденъ и наконецъ на нѣсколько мѣсяцевъ (отъ конца августа до декабря) поселился съ Жуковскимъ въ Дюссельдорфѣ [4]). Въ это время Гоголь дѣйстви-

---

Далѣе слѣдуетъ письмо, напечатанное въ «Библіогр. Зап.», 1859, 107) безъ обозначенія года, которое также несомнѣнно относится къ 1843 г., ибо писано изъ Гастейна въ маѣ, а въ маѣ Гоголь былъ въ Гастейнѣ именно въ 1843 г. Вѣроятно, къ 1843 г. относится коротенькое письмо къ Ш—вой (V, 445), для опредѣленія даты котораго нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ. Послѣднее относящееся къ 1843 г. письмо — изъ Дюссельдорфа (изд. Кул., V, 495). Въ этомъ письмѣ идетъ рѣчь объ обѣщаніи Ш—вой прислать образъ, который и былъ вскорѣ отправленъ съ нѣкимъ Бабарыкинымъ въ концѣ 1843 г. На это письмо Ш—ва отвѣчала 21 ноября, а Гоголь въ свою очередь, написалъ отвѣтъ изъ Ниццы отъ 21 дек., вполнѣ основательно отнесенное г. Кулишемъ къ 1843 г. (VI, 38—40).

[1]) См. это письмо въ «Библіограф. Зап.», 1859, 107.

[2]) Письмо отъ 28 марта 1843 г., изд. Кул., VI, 8—9.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 13.

[4]) Въ недавно напечатанномъ въ «Русской Мысли» Itinerarium'ѣ Гоголя приводятся слѣдующія отмѣтки на паспортахъ его: изъ Москвы Гоголь выѣхалъ 22 мая 1842 г., 9 іюня — въ Таурогенѣ, 20 — въ Берлинѣ, 29 — въ Дрезденѣ, 30 — въ Прагѣ, 1 августа — въ Гастейнѣ, 3 — въ Зальцбургѣ, 28 сентября — въ Мюнхенѣ, 2 октября — въ Венеціи и Болоньѣ, 30 — во Флоренціи. Затѣмъ зиму 1842—1843 г. Гоголь провелъ въ Римѣ. Потомъ 19 апрѣля 1843 г. выѣхалъ во Флоренцію, 5 мая — Флоренція и Болонья, 8 мая — Модена и Мантуа, 9 мая —

тельно переписывался почти только съ Языковымъ и отчасти съ С. Т. Аксаковымъ. Душевное состояніе его въ это время отчасти охарактеризовано въ письмѣ къ Плетневу (6 окт. Дюссельдорфъ; изд. Кул. VI, 28—29). Въ немъ Гоголь снова говоритъ о самовоспитаніи, котораго необходимость для продолженія своего труда онъ живо чувствовалъ. Въ этомъ письмѣ замѣчательны его слова о внутреннемъ хозяйствѣ и объ управленіи „непокорными слугами" (въ переносномъ смыслѣ разумѣется). Въ письмѣ къ Языкову онъ уже выражаетъ оригинальный взглядъ на сдѣланное имъ „душевное открытіе" или предслышаніе силъ, влагаемыхъ Богомъ въ душу поэта. Онъ говоритъ Языкову о томъ, какъ можно узнать приходъ Бога въ душу и какъ святые молчальники слѣдили внутреннія движенія души. Искренняя, горячая молитва въ душѣ поэта, по его словамъ, производитъ чудеса: „Въ первый день еще ни ядра мысли нѣтъ въ головѣ твоей; ты просишь просто о вдохновеніи. На другой день или третій день ты будешь говорить не просто: „Дай произвести мнѣ", но уже: „Дай произвести мнѣ въ *такомъ-то* духѣ," Потомъ на четвертый или пятый: „*Съ такою-то* силой". И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, *которые будутъ прямо отъ Бога*". Гоголь говоритъ далѣе о красотѣ этихъ отвѣтовъ и многое другое, показывающее, что мистицизмъ усиливался въ немъ не по днямъ, а по часамъ. Языкову онъ совѣтуетъ читать книги религіознаго содержанія, а такъ какъ самъ онъ долженъ сознаться, что еще мало читалъ ихъ, то проситъ постоянно сообщать о ихъ дѣйствіи на душу. „Мы должны помогать другъ другу и дѣлиться впечатлѣніями".

Между тѣмъ работа надъ „Мертвыми Душами" подвигалась вяло; накоплялось много набросковъ, находившихся по собственному признанію автора въ весьма хаотическомъ состояніи, но изъ нихъ предстояло созданіе „Мертвыхъ Душъ". Чѣмъ труднѣе поддавалось надлежащей обработкѣ написанное, тѣмъ болѣе широкія надежды возлагались на будущее, а цѣль и значеніе труда съ каждымъ днемъ представлялись автору все въ болѣе грандіозномъ видѣ и достигаемые резуль-

---

Верона. Далѣе — Трентъ, Ровередо, Инспрукъ, Зальцбургъ; 23 мая — Мюнхенъ, 6 іюня — Штутгардъ. Потомъ Гоголь былъ во Франціи, откуда на зиму выѣхалъ 19 ноября 1843 г. въ Ниццу. (См. «Русск. Мысль», 1896, V, стр. 179).

таты оказывались неизмѣримо ниже идеаловъ. Впрочемъ тогда еще въ душѣ Гоголя ни на минуту не угасала надежда съ помощью Божіею восторжествовать надъ всѣми трудностями; онъ еще не мучился колебаніями и сомнѣніями, которыя позднѣе раздирали его душу. Даже близкіе къ нему свидѣтели его упорнаго горячаго труда, проникались вѣрой въ ожидающій его тріумфъ „Ваше письмо не застало Гоголя въ Дюссельдорфѣ“ — писалъ Ш—вой Жуковскій; — „онъ отправился въ Ниццу, гдѣ проведетъ зиму; но мы съѣдемся опять во Франкфуртѣ на Майонѣ, куда я хочу переселиться весною. Онъ отправился отъ меня съ большимъ рвеніемъ снова приняться за свою работу и *думаю, что много напишетъ въ Ниццѣ*“ [1]).

Между тѣмъ Шереметева жила съ нѣсколькими родственницами въ большомъ домѣ на Воздвиженкѣ (тамъ, гдѣ не такъ давно помѣщалась городская дума) и вела самый умѣренный образъ жизни, тщательно избѣгая даже незначительныхъ тратъ, не оправдываемыхъ необходимостью. Скромная въ своихъ привычкахъ и требованіяхъ отъ жизни, она отказывалась отъ всего, что̀ составляло въ ея глазахъ служеніе пустой житейской суетѣ. При тогдашнихъ условіяхъ быта, непритязательныхъ и патріархальныхъ, во многихъ зажиточныхъ семьяхъ царила благоразумная бережливость и строжайшее воздержаніе отъ всякихъ проявленій роскоши: съ одной стороны домъ представлялъ полную чашу и всего было вдоволь, съ другой — вся обстановка была простая, комнаты даже при гостяхъ освѣщались сальными свѣчами и малѣйшая трата на конверты и письма ставились въ счетъ. Подобнаго рода скопидомство имѣло у Шереметевой ту же благородную цѣль, которой она посвятила свою жизнь. Такъ жила она въ городѣ, но еще сдержаннѣе была въ своихъ расходахъ въ деревнѣ[2]), гдѣ проводила значительную часть года. Кстати

[1]) Соч. Жук., изд. 7, т. VI, стр. 504.

[2]) Село Покровское Рузскаго уѣзда Московской губерніи. Кромѣ Якушкиной, уединенно поселившейся въ Троицкомъ посадѣ по совѣту Жуковскаго и настоянію матери, у Шереметевой были другія дѣти: дочь Прасковья Васильевна вышедшая впослѣдствіи за столь извѣстнаго виленскаго генералъ-губернатора Муравьева, и сынъ Алексѣй Васильевичъ, женатый на своей дальней родственницѣ Екатеринѣ Сергѣевнѣ Шереметевой.—Съ родомъ Шереметевыхъ Надежда Николаевна (урожденная Тютчева) была еще до замужества связана многоразличными узами. Одна изъ сестеръ ея, Евдокія Николаевна, въ замужествѣ Мещерская, основала монастырь въ Звенигородскомъ уѣздѣ (Аносинскую пустынь); другая Настасья Нико-

сказать о ней, какъ помѣщицѣ, что, далекая отъ либеральныхъ идей, извѣстныхъ ей впрочемъ по наслышкѣ, она тѣмъ не менѣе относилась къ крѣпостнымъ гуманнѣе многихъ просвѣщенныхъ проповѣдниковъ свободы. Иподинъ крестьянинъ не пожаловался бы на невниманіе къ его нуждамъ, а особенно чувствовалась материнская заботливость Шереметевой о крестьянахъ въ такъ называемые черные дни: ни въ лѣченіи, ни въ матеріальной помощи никогда отъ нея отказа не было [1]).

При обширномъ кругѣ дѣятельности неудивительно, что Шереметева была, между прочимъ, въ лучшихъ отношеніяхъ и со многими замѣчательными людьми, но она не искала ни литературныхъ знакомствъ, ни связей въ высшемъ обществѣ, и всегда цѣнила въ выдающихся личностяхъ только людей, а не писателей или сановниковъ. Но если часто ея обаятельная простота и высокія нравственныя качества заставляли и весьма даровитыхъ людей забывать о недостаточномъ ея развитіи и образованіи, то многихъ самая искренность побуждала смотрѣть на нее предубѣжденными глазами. Это случалось особенно, когда Шереметева, не заботясь о томъ, въ какой мѣрѣ оцѣнивается ея дружба, черезчуръ легко открывала свою душу людямъ, хотя и мало знакомымъ ей, но отрекомендованнымъ съ хорошей стороны. Инымъ бросалась въ глаза съ невыгодной стороны ея добродушная суетливость, естественное слѣдствіе постоянной напряженной заботливости о другихъ, — черта выработанная годами и вошедшая въ привычку [2]).

лаевна, по мужу Надаржинская, была весьма религіозна и любила помогать бѣднымъ; она имѣла хорошее состояніе, потому что одинъ изъ предковъ ея мужа былъ духовникомъ Петра Великаго.

[1]) Все это сообщаемъ, чтобы дать по возможности живое представленіе объ этой прекрасной личности (кстати укажемъ время ея рожденія и смерти; она родилась 26 сентября 1775 г., умерла 11 мая 1850 г.).

[2]) Хотя подтвержденіе примѣрами не совсѣмъ благопріятнаго впечатлѣнія, производимаго на нѣкоторыхъ указанными сторонами личности Шереметевой, не входитъ, собственно говоря, въ нашу задачу, но для болѣе полнаго и безпристрастнаго ознакомленія съ нею считаемъ нужнымъ указать ихъ. Добродушный и несомнѣнно расположенный къ Шереметевой Языковъ однажды писалъ о ней брату: „Шереметева, хотя нынѣшнюю зиму“ (т.-е. года) „и не живетъ собственно въ Москвѣ, но навѣщаетъ меня часто по прежнему. Она то-и-дѣло пріѣзжаетъ въ Москву и не забываетъ меня никогда, и переписка у меня съ нею, можно сказать, не-

Но едва ли кому изъ знавшихъ Шереметеву въ сороковыхъ годахъ могло притти въ голову, что на этой скромной старушкѣ, въ тяжелыя минуты, съ тоскою и въ изнеможеніи останавливалъ свой страдательный взоръ, прося молитвъ, великій писатель, находившійся на верху славы, увлекавшійся грандіозными замыслами и чувствовавшій на себѣ нетерпѣливо устремленные взоры всей Россіи, повѣрявшій, однако, ей то, въ чемъ страшился подчасъ признаться самому себѣ. Чувствовалъ ли онъ истощеніе физическихъ силъ или упадокъ творчества, его первою мыслью было просить молитвъ о себѣ у родной матери и у „духовной матери“, Н. Н. Шереметевой. Глубоко вѣрилъ Гоголь въ силу молитвъ этихъ, и чѣмъ тяжелѣе было на душѣ, тѣмъ сильнѣе онъ чувствовалъ нужду въ нравственномъ освѣженіи, которое всегда выносилъ изъ ея безхитростныхъ, но неизмѣнно полныхъ сердечнаго участія писемъ. И надо отдать справедливость такту любящаго сердца и тонкой деликатности Шереметевой: почти ни разу не сорвались у нея съ языка растравляющіе раны, нескромные вопросы или неумѣстное слово, способное стѣснить откровенное довѣріе. Она также, подобно многимъ другимъ, осторожно и робко спрашивала у Гоголя о неладившейся у него работѣ надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“, но ея слова и разспросы не рѣзали его по сердцу.

XVI.

Тяжелое нравственное состояніе продолжало упорно преслѣдовать Гоголя за границей, сдѣлавшись совершенно невыносимымъ, когда ему пришлось снова обратиться за денежной помощью къ московскимъ друзьямъ. Мы уже знаемъ,

---

престапная... Содержаніе прежнее...“ Въ другой разъ онъ писалъ: „Въ Москву возвратилась изъ Питера Н. Н. Шереметева. Она бываетъ у Елизаветы Петровны“ (невѣстки Языкова, жены его старшаго брата Петра Михайловича) „и, конечно, залетитъ ко мнѣ разсказать обо всемъ, что̀ у нихъ и что̀ тамъ вообще“. — А. О. Смирнова сильно подшучивала надъ Шереметевой, чѣмъ возмутила И. С. Аксакова, замѣтившаго по этому поводу: „можно бранить Н. Н. за ея суетливость и хлопотливость, но смѣяться надъ недостаткомъ зубовъ — это какъ-то странно“. („И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. I, стр. 284—285). См. также «Автобіографическія записки Егора Ѳедоровича фонъ-Брадке» («Русскій Архивъ», 1875, I, стр. 34).

что готовность москвичей доказывать свою дружбу самымъ дѣломъ побуждала его въ подобныхъ случаяхъ предпочитать именно ихъ услуги, чѣмъ съ другой стороны, какъ вскорѣ выяснилось, сильно оскорблялся Плетневъ по давности отношеній претендовавшій на исключительное довѣріе Гоголя и съ досадой видѣвшій себя отстраненнымъ московскими „раскольниками“ [1]). Его самолюбію казалось обиднымъ, что послѣ столькихъ оказанныхъ имъ одолженій Гоголь отдалилъ его отъ себя на значительное разстояніе. Съ горечью и чувствомъ оскорбленнаго достоинства Плетневъ выговаривалъ Гоголю: „Ко мнѣ ты заѣзжалъ, какъ на станцію, а къ нимъ какъ въ свой домъ“. Но Гоголю слишкомъ часто приходилось утруждать друзей просьбами, при чемъ онъ прежде всего соображался съ собственными нуждами и удобствами, забывая о требованіяхъ друзей и никакъ не умѣя приспособиться къ ихъ оригинальному соперничеству. Страннѣе всего то, что его недипломатичность возбуждала въ нихъ порой крупное недовольство, но все-таки, хотя и тяготясь безпрестанными докуками, каждая сторона стремилась во что бы то ни стало удержать за собой монополію дружбы и одолженій, и это опять ставило Гоголя между двухъ огней и снова на него сыпались упреки въ нежеланіи поступать открыто и въ неспособности къ настоящей дружбѣ. Въ результатѣ Гоголь все больше чувствовалъ себя скомпрометтированнымъ въ глазахъ какъ московскихъ, такъ и петербургскихъ друзей.

Въ первые годы своихъ заграничныхъ скитаній Гоголь еще могъ располагать собой гораздо свободнѣе: тогда по его собственному увѣренію, стоило ему написать одно слово въ Петербургъ, чтобы получить во всякое время требуемую сумму частью отъ Смирдина за проданные экземпляры своихъ книгъ, частью отъ Жуковскаго (черезъ Плетнева), почти періодически испрашивавшаго для него пособія у императорской власти[2]). Но уже подъ конецъ своего перваго продолжительнаго пребыванія за границей Гоголь не былъ въ состояніи покрывать изъ этихъ источниковъ все возраставшіе расходы

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1890, XI, 36. Есть факты, доказывающіе, что сами москвичи косились другъ на друга за предпочтеніе въ подобныхъ случаяхъ когонибудь изъ нихъ Гоголемъ; такъ было именно съ Погодинымъ. (См. «Русск. Жизнь», 1892 г., № 79).

[2]) См. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 146.

и долженъ былъ вступить на другую дорогу. Такъ въ 1838 г. онъ занялъ довольно крупную сумму у Прокоповича, но оказалось, что у послѣдняго свободныхъ денегъ не было и онъ принужденъ былъ, въ свою очередь, войти въ долги. Пришлось подумать о замѣнѣ этого займа новымъ... „Извѣщеніе твое, что ты долженъ прибѣгнуть къ займу, для того чтобы доставить мнѣ эту сумму“ — писалъ Гоголь — „меня смутило“ [1]). Обращаться снова къ подобнымъ рискованнымъ просьбамъ было непріятно, и вотъ теперь кредиторомъ избирается болѣе состоятельное лицо. Въ декабрѣ 1838 года Гоголь просилъ о займѣ ужъ Погодина, отъ котораго и получилъ двѣ тысячи рублей, отчасти предназначавшіяся для выручки попавшаго въ бѣду Данилевскаго. [2]) На первый разъ Погодинъ выслалъ деньги скоро и охотно, чѣмъ даже тронулъ Гоголя писавшаго ему: „Благодарю тебя, добрый мой, вѣрный мой, много, много благодарю тебя! Далеко, до самой глубины души тронуло меня ваше безпокойство обо мнѣ! Столько любви! столько заботъ! За что это меня такъ любитъ Богъ? Боже, я недостоинъ такой любви!“ [3]) Этотъ дружескій поступокъ Погодина Гоголь не могъ отрицать даже въ пору своего ожесточеннаго раздраженія противъ послѣдняго и вотъ чѣмъ можно объяснить его слова: „великодушіе составляетъ основную черту его характера“ [4]), сказанныя въ то время, когда въ душѣ Гоголя бушевала злоба противъ Погодина. Данилевскаго же самолюбивый Гоголь извѣщалъ о полученіи денегъ отъ Погодина въ нѣсколько пріукрашенномъ видѣ: „Я, пріѣхавши въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2000 франковъ отъ добраго моего Погодина, который, не знаю, какимъ образомъ, пронюхалъ, что я въ нуждѣ, и прислалъ мнѣ ихъ. Они мнѣ были очень кстати, — тѣмъ болѣе, что дали возможность уплатить долгъ Валентини (банкиру), который лежалъ у меня на душѣ, и переслать эту бездѣлицу къ тебѣ“ [5]). Спустя два года Гоголь вторично просилъ

---

[1]) «Русское Слово», 1859, I, 152 и Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу, изд. проф. Е. В. Пѣтухова, стр. 24.

[2]) «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 235, 2 примѣч. и «Вѣстн. Европы», 1890, II, 568, примѣч.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 348.

[4]) Тамъ же, т. VI, стр. 366.

[5]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 352.

у Погодина уже двѣ тысячи рублей для уплаты долга Иванову и для заказа копій съ перуджиновскихъ или рафаэлевскихъ головокъ Спасителя, стоившихъ очень дорого и предназначавшихся въ даръ преосвященному Иннокентію. Нѣкогда г. Кулишъ высказывалъ предположеніе, что такіе заказы дѣлались Гоголемъ для того, чтобы передавать ихъ „своимъ богатымъ друзьямъ, для которыхъ ничего не стоило покрыть подобные расходы, а между тѣмъ они пріобрѣтали копіи съ разныхъ художественныхъ произведеній, по выбору такихъ людей, какъ Гоголь и Ивановъ" [1]). Это предположеніе само по себѣ имѣло бы большую вѣроятность, но дѣло въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ переписки мы находимъ ясное указаніе настоящей цѣли этихъ заказовъ. Въ 1845 г. Гоголь однажды писалъ А. О. Смирновой: „На выставку академіи въ Петербургъ прибудетъ, можетъ быть, весной или лѣтомъ, въ числѣ другихъ картинъ, изъ Рима, головка Спасителя изъ Преображенія Рафаэля, копированная Шаповаловымъ и принадлежащая мнѣ. Отправьте отъ моего имени преосвященному Иннокентію въ Харьковъ" [2]). Во второй разъ Погодинъ уже не очень спѣшилъ исполнить просьбу друга и, какъ мы выше говорили, Гоголь долго безпокоился о замедленіи въ высылкѣ и полученіи денегъ. Наконецъ въ 1842 г., въ бытность свою въ Москвѣ, выписывая для свиданія мать изъ Полтавы, Гоголь задолжалъ Погодину еще больше и окончательно вывелъ изъ терпѣнія своего тугого на денежныя выдачи пріятеля. Общая цифра долга Погодину незамѣтно возросла до 4500 р. [3]) и послѣдній никакъ не могъ относиться къ этому равнодушно, считая Гоголя, какъ мы знаемъ, обязаннымъ удовлетворять его не только деньгами, но и литературными вкладами въ „Москвитянинъ". Замѣтимъ кстати, что при чтеніи воспоминаній о Гоголѣ С. Т. Аксакова необходимо всюду принимать въ соображеніе умиротворяющій, спокойный тонъ разсказа; въ этомъ тонѣ отразилась прежде всего ровная, деликатная натура писавшаго; но дѣйствительность, конечно, представляла не мало сглаженныхъ въ этомъ

---

[1]) «Современникъ», 1858, XI, 132. Подробнѣе объ этомъ см. въ названной нашей статьѣ въ «Вѣстн. Европы».

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 177.

[3]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 71.

спокойномъ эпическомъ изложеніи шероховатостей въ отношеніяхъ друзей, между которыми не обходилось безъ бурь. Въ качествѣ посредника въ ссорѣ Гоголя и Погодина С. Т. Аксаковъ не проявилъ сильнаго характера: сначала онъ былъ на сторонѣ Гоголя и, какъ могъ, старался защищать его отъ вандализма Погодина, но дѣйствовалъ слишкомъ не энергично; онъ *не совѣтовалъ* Погодину давать волю своимъ грубымъ посягательствамъ на литературные труды Гоголя, но яростное раздраженіе и совершенная несговорчивость Погодина легко одержали верхъ, и Сергѣй Тимоѳеевичъ рѣшился потомъ написать Гоголю непріятное письмо, хотя со временемъ и раскаялся въ томъ, говоря: „теперь для меня это очень прискорбно, но прошедшаго не воротишь“ [1]). За этими сентиментальными выраженіями раскаянія скрыта, однако, цѣлая буря, какъ видно изъ разъяреннаго тона записки Погодина: „Вы не совѣтуете! Гоголь разсердится! Да помилуйте Сергѣй Тимоѳеевичъ, что̀ я въ самомъ дѣлѣ за козелъ искупленія! Да если бъ я изрѣзалъ въ куски „Ревизора“ и разсовалъ его по угламъ своего журнала, то и тогда Гоголь не долженъ бы былъ сердиться на меня“ [2]).

А въ это время Гоголю не хотѣлось отрываться ни для чего на свѣтѣ, не только ради „Москвитянина“, отъ своего, какъ онъ думалъ, святого труда!... [3])

---

1) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 51.

2) Тамъ же, стр. 117.

3) Еще въ письмѣ отъ 13 марта 1841 г. Гоголь писалъ Аксакову: «Вы пишете, чтобы я приложилъ что-нибудь въ журналъ къ Погодину. Боже, еслибы вы знали, какъ тягостно, какъ разрушительно для меня это требованіе, — какую вдругъ нагнало оно на меня тоску, и мучительное состояніе! Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ *святого своего труда* — для меня уже бѣда. Никогда бы не предложилъ мнѣ въ другой разъ подобной просьбы тотъ, кто бы могъ узнать на самомъ дѣлѣ, чего онъ лишаетъ меня. Еслибы я имѣлъ деньги, клянусь, я бы отдалъ всѣ деньги, сколько бы у меня ихъ ни было, вмѣсто отдачи своей статьи! Но такъ и быть, я отыщу какой-нибудь старый лоскутокъ и просижу надъ переправкой и окончательной отдѣлкой его, Боже, можетъ быть, двѣ-три недѣли, ибо онъ будетъ почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить безплодную великость своей жертвы, — преступную свою жертву. Нѣтъ, клянусь, грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня! Только одному невѣрующему словамъ моимъ и мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ для всего мелочного; и для презрѣннаго ли журнальнаго пошлаго занятія я долженъ совершать непрощаемыя преступленія?» («Соч. и письма Гоголя», т. V, 438).

Впрочемъ все бы могло еще поправиться послѣ распродажи „Мертвыхъ Душъ“ и полнаго собранія сочиненій; но для этого нужно было время, а Погодинъ ждать не хотѣлъ и къ тому же сначала приходилось только уплачивать типографскіе расходы, такъ какъ, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, „Мертвыя Души“ печатались въ долгъ, а бумагу былъ вынужденъ взять на себя въ кредитъ опять тотъ же Погодинъ[1]). Въ то же время изъ Петербурга совершенно не предвидѣлось „ни одного изъ тѣхъ подарковъ, которые получались прежде, когда тамъ былъ Жуковскій“[2]). Правда, какъ видно изъ переписки съ Аксаковымъ, Гоголь и по выходѣ „Мертвыхъ Душъ“ питалъ надежду на царскую милость, но эту мысль не легко было привести въ исполненіе безъ содѣйствія Жуковскаго. Пробывъ проѣздомъ нѣсколько дней въ Петербургѣ отчасти и для названной цѣли, Гоголь долженъ былъ уѣхать, рѣшивъ, что всему этому предстоитъ совершиться послѣ его отъѣзда[3]). При этомъ онъ, разумѣется, разсчитывалъ на А. О. Смирнову и М. Ю. Віельгорскаго, но не малымъ препятствіемъ служила неловкость возлагать на этихъ лицъ, которыхъ Гоголь пока не рѣшался слишкомъ безпокоить, щекотливыя порученія къ самому государю.

XVII.

Намѣреніе снова прибѣгнуть къ московскимъ друзьямъ застигло Гоголя въ самую неблагопріятную минуту; ему приходилось позабыть объ извѣстной намъ размолвкѣ съ Погодинымъ[4]),а между тѣмъ другіе москвичи не уставали настойчиво

---

1) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 59.

2) «Русск. Стар.», 1875, IX, 128.

3) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 475.

4) Недавно напечатанныя въ «Русской Жизни» письма Гоголя къ Погодину, какъ и отвѣты Погодина, мы не можемъ считать вполнѣ искренними, послѣ того какъ съ обѣихъ сторонъ передъ нами раскрылись въ самомъ недвусмысленномъ видѣ натянутыя и отчасти даже злобныя отношенія; даже въ примирительныхъ, повидимому, письмахъ Гоголя иногда явно сквозитъ желаніе задѣть и обидѣть Погодина: Гоголь то даетъ понять Погодину, «какое *черное и корыстное значеніе* придавали его дѣйствіямъ, возникшимъ изъ благородныхъ и чистыхъ побужденій» («Русск. Жизнь», 1892, № 57), то колетъ его безтолковой торопливостью и отсутствіемъ такта, то наконецъ даже его низкимъ происхожденіемъ (№ 64). Само собою разумѣется, что все это не было *только* плодомъ такъ называемыхъ личностей и не вызывалось соображеніями исключительно мелочно эгоистическими; но нельзя

повторять ему о необходимости кончить скорѣе второй томъ и приготовить къ печати новое изданіе „Мертвыхъ Душъ“ и они же осыпали упреками за частыя и продолжительныя отлучки изъ Россіи. „Грустно мнѣ“, писалъ Гоголю С. Т. Аксаковъ, „когда вздумаю, что время вашего возвращенія такъ далеко!... А кто знаетъ, великъ ли запасъ ея! Притомъ какое длинное, трудное, со многими опасностями сопряженное путешествіе!“[1])

Въ совершенно искреннемъ письмѣ къ Смирновой Гоголь самъ охарактеризовалъ свои отношенія къ московскимъ и прочимъ друзьямъ изъ литературнаго міра и разсказалъ о своихъ чувствахъ къ нимъ, „Въ пріѣздъ мой въ Россію“ — разсказывалъ онъ — „они встрѣтили меня съ разверстыми объятіями. Всякій изъ нихъ, занятый литературнымъ дѣломъ, кто журналомъ“ (очевидно Плетневъ, Погодинъ и Шевыревъ), „кто пристрастясь къ одной какой-нибудь любимой идеѣ“ (вѣроятно, Аксаковы) „и встрѣтивъ въ другихъ противниковъ своему мнѣнію, ждалъ меня въ увѣренности, что я раздѣлю его мысли, поддержу, защищу его противъ другихъ, *считая это первымъ условіемъ и актомъ дружбы,* не подозрѣвая, что требованія были даже безчеловѣчны“. — Но зачѣмъ же не вывести пріятелей изъ заблужденія, зачѣмъ играть въ дружбу, если она была невозможна? — вотъ естественный вопросъ, возникающій при чтеніи этихъ строкъ, и очевидно, разрѣшаемый по необходимости только признаніемъ матеріальнаго гнета, въ которомъ Гоголь находился почти безъ надежды выйти изъ этого непригляднаго положенія. Посмотримъ однако, какъ онъ объяснялъ и оправдывалъ это: „Жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, *потому что я, во-первыхъ, не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мысли*“ (маленькое затрудненіе!), во-вторыхъ, мнѣ нужно было чѣмъ-нибудь поддержать бѣдное свое существованіе, и я не могъ пожертвовать имъ своими статьями,

---

отрицать, что чувство недоброжелательства къ Погодину глубоко запало въ душу Гоголя и онъ, такъ сказать, насильно *заставлялъ себя* обходиться кротко съ Погодинымъ, такъ какъ это долгъ христіанина, заставлялъ себя, но не выдерживалъ роли и, какъ говорится, прорывался. Такое впечатлѣніе неискренности его отношеній къ Погодину вынесли и общіе знакомые обоихъ: Аксаковы и Н. Н. Шереметева.

[1]) «Русскій Архивъ», 1880, VIII, 72.

помѣщая ихъ къ нимъ въ журналы, но долженъ былъ напечатать ихъ отдѣльно, какъ новыя и свѣжія, чтобы имѣть доходъ"[1]) и проч. Однимъ словомъ, все оканчивалось тѣмъ же Гордіевымъ узломъ, въ которомъ безнадежно перепутались для Гоголя матеріальныя невзгоды и нравственныя затрудненія. Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе снисходительнымъ и сердечнымъ человѣкомъ въ московскомъ тріумвиратѣ, и можно поэтому судить, каково было Гоголю, если даже Аксаковъ попадалъ въ унисонъ съ товарищами. Такъ и онъ торопилъ Гоголя скорѣе оканчивать второй томъ, хотя, конечно, отсюда была цѣлая бездна до затушеванной въ его разсказѣ безцеремонности Погодина и Шевырева, позволившихъ себѣ, не спросясь автора, объявить въ „Москвитянинѣ", что два тома „Мертвыхъ Душъ" уже готовы и въ скоромъ времени будетъ оконченъ третій. Намъ неизвѣстна въ данномъ случаѣ степень вины Шевырева и его отношеніе къ дѣлу, но солидарность его съ Погодинымъ и его соредакторство даютъ право составить невыгодное заключеніе и о его роли въ этомъ дѣлѣ. И на это-то Гоголю, въ его сознаніи горькой зависимости, приходилось отвѣчать кроткими и подавленными упреками, перемѣшанными съ жалобными оправданіями[2]). Вообще нельзя не пожалѣть, что намъ остаются неизвѣстными письма къ Гоголю Шевырева, письма, очевидно не разъ озадачившія адресата жестокостью содержанія, хотя, конечно, трудно предполагать въ нихъ съ внѣшней стороны грубоватость и рѣзкость, свойственныя Погодину. И если деликатность и теплое расположеніе къ Гоголю Аксакова многое смягчали, то нельзя забывать, что и онъ также находился подъ вліяніемъ своихъ пріятелей и замѣтно подчинялся ихъ взглядамъ на Гоголя. „Я долженъ признаться" — говоритъ онъ, — „что жалобы и обвиненія Погодина казались такъ правдоподобными, что сильно смущали мое семейство и отчасти меня самого, также и Шевырева"[3]). Въ сущности Сергѣй Тимоѳеевичъ поступалъ до крайности странно, заставляя себя забывать о дѣйствительныхъ и не-

---

¹) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 131. Объ отношеніяхъ къ его литературнымъ и великосвѣтскимъ друзьямъ см. въ воспоминаніяхъ Л. И. Арнольди: «Мое знакомство съ Гоголемъ». («Русск. Вѣст.», 1862, I, 83).

²) См. письмо къ Шевыреву въ «Русской Старинѣ», 1875, IX, 123—130.

³) См. «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 54.

сомнѣнныхъ фактахъ, невыгодныхъ для Гоголя, стараясь забывать о нихъ, но, разумѣется, невольно принимая ихъ каждый разъ во вниманіе, и усиливаясь на такихъ ложныхъ основаніяхъ поддерживать мнимую дружбу. Этимъ только и можно объяснить, при полномъ довѣріи къ его искренности и благородству, что въ письмѣ, написанномъ въ виду свѣжей могилы, когда смерть Гоголя потрясла даже людей никогда его не знавшихъ, въ письмѣ съ помѣтой: *однимъ сыновьямъ* — читаемъ: „Я не знаю, любилъ ли кто-нибудь Гоголя исключительно какъ человѣка(?). Я думаю, нѣтъ(!); да это и невозможно. Вотъ до какой степени Гоголь для меня не человѣкъ, что я, который въ молодости ужасно боялся мертвецовъ, не могъ произвести въ себѣ этого чувства во всю послѣднюю ночь“ [1]). Разницу въ отношеніяхъ къ Гоголю московскихъ друзей, кажется, можно было бы опредѣлить такъ: Погодину и Шевыреву были гораздо замѣтнѣе внѣшнія непривлекательныя стороны въ Гоголѣ, тогда какъ Аксаковъ оказался несравненно проницательнѣе въ угадываніи болѣе существенныхъ и привлекательныхъ внутреннихъ качествъ его и онъ сравнительно лучше умѣлъ цѣнить въ немъ все хорошее. Въ томъ же письмѣ, говоря о Погодинѣ и Шевыревѣ и объ ихъ непониманіи ни лучшихъ нравственныхъ сторонъ Гоголя, ни гибели, угрожавшей его таланту, презрительно называетъ ихъ „Петровичами“ и „умниками“ [2]). Изъ письма Аксакова видно, что онъ давно считалъ Гоголя кандидатомъ въ „святые отшельники“, или... въ домъ умалишенныхъ. Онъ тревожился, замѣчая въ Гоголѣ нѣчто неладное, тогда какъ менѣе проницательнымъ его друзьямъ оба предположенія казались крайне эксцентричными и по поводу ихъ они не особенно кстати „хохотали“ [3])...

XVIII.

Гоголь уже давно началъ тяготиться жестокимъ гнетомъ двусмысленнаго положенія и еще въ пріѣздъ свой въ Москву въ 1840 г. готовъ былъ продать свои сочиненія Смирдину,

---

[1]) Тамъ же, стр. 199.

[2]) Въ письмѣ Аксакова употреблено собственно какое-то другое, очевидно, крайне нелестное слово, съ находящимся при немъ эпитетомъ «умные», но издатели даже не рѣшились напечатать это слово и замѣнили точками.

[3]) Тамъ же, стр. 200.

желавшему извлечь выгоду изъ его стѣсненнаго положенія, за чрезвычайно дешевую цѣну (за пять тысячъ рублей); но тогда этому помѣшалъ рѣшительный протестъ знакомыхъ ему петербургскихъ литераторовъ: И. И. Панаева, Одоевскаго, Плетнева, Врасскаго и Краевскаго. С. Т. Аксаковъ замѣтилъ по этому поводу, что онъ „очень хорошо понялъ благородную причину, которая заставила Гоголя торопиться продажей своихъ сочиненій“ [1]), т.-е. что Гоголь хотѣлъ выплатить долги. Понятно, что позднѣе положеніе Гоголя становилось еще затруднительнѣе, когда ему приходилось все снова и снова просить, не исполняя въ то же время ни одного изъ настоятельно предъявляемыхъ ему требованій и стараясь не слишкомъ разочаровать пріятелей. Кромѣ указанныхъ займовъ, въ промежутокъ отъ 1840 до 1842 г., Гоголь занялъ еще четыре тысячи у Жуковскаго и двѣ у Аксакова. Ко всему этому присоединилось особенное несчастье: Прокоповичъ, на котораго, къ величайшему неудовольствію москвичей, возложено было новое изданіе сочиненій Гоголя, не сумѣлъ какъ слѣдуетъ повести дѣло, дался въ обманъ и сдѣлалъ Гоголя жертвой типографской контрафакціи. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Гоголь ни откуда не получалъ извѣстій о продажѣ „Мертвыхъ Душъ“ и началъ между прочимъ сильно безпокоиться о ходѣ дѣлъ, порученныхъ Прокоповичу. Наконецъ въ началѣ 1843 г. слухъ о промахѣ Прокоповича проникъ въ Москву и далъ поводъ Шевыреву написать Гоголю непріятное письмо, наполненное упреками и наставленіями [2]). Зная, что москвичи косо смотрятъ на его довѣріе къ Прокоповичу и теряясь въ догадкахъ о случившемся, такъ какъ Шевыревъ сообщалъ обо всемъ непріятными намеками, Гоголь долженъ былъ подавить зарождавшееся въ немъ чувство досады на Прокоповича и показывать видъ, что попрежнему продолжаетъ вѣрить ему безусловно, хотя въ то же время онъ же просилъ у Шевырева подробнаго извѣщенія и болѣе опредѣленныхъ упрековъ. „Тебѣ“ — писалъ онъ Шевыреву — „ни въ какомъ случаѣ не должно со мною церемониться: ты долженъ говорить все напрямикъ, не опасаясь никакимъ

---

[1]) Стр. 32.

[2]) Впрочемъ Шевыревъ не былъ первымъ сообщившимъ объ оплошности Прокоповича и по отвѣту Гоголя видно, что онъ догадался, къ чему клонятся его смутные намеки, но кто предупредилъ въ данномъ случаѣ Шевырева — не знаемъ

образомъ задѣть какихъ бы то ни было струнъ самолюбія или авторскаго, или просто человѣческаго, или чего бы то ни было, что̀ называется обыкновенно чувствительною и щекотливою стороною"[1]).

Оправдываясь передъ Шевыревымъ и приводя заднимъ числомъ причины, заставившія его поручить дѣло Прокоповичу, Гоголь все-таки не могъ высказаться вполнѣ откровенно, такъ какъ тутъ примѣшивались почему-то его отношенія къ Пого̀дину, которыя онъ не рѣшался пока выставить передъ Шевыревымъ. Въ то же время неловкость его положенія осложнялась особенно тѣмъ, что ему былъ поставленъ ребромъ вопросъ о причинахъ предпочтительнаго довѣрія къ Прокоповичу, о которомъ онъ избѣгалъ говорить прежде, но все-таки вслѣдствіе настойчиваго повторенія этого вопроса въ дальнѣйшихъ письмахъ Шевырева, почти черезъ годъ у него вырвалось признаніе: „Чего не сумѣешь объяснить, о томъ лучше молчи. Ну что̀, еслибъ я сказалъ, напримѣръ, что одинъ изъ васъ былъ невинной причиной того, что я рѣшился утвердительно печатать сочиненія свои въ Петербургѣ? Воображаю, какими бы вопросами осыпали меня и ты и другіе!"[2]) и проч. Письмо, изъ котораго приведены эти строки, не имѣетъ на себѣ обозначенія года и отнесено покойнымъ О. Ѳ. Миллеромъ по предположенію къ 1842 г. но это несомнѣнная ошибка, такъ какъ оно помѣчено 20 сентября и было писано въ Дюссельдорфѣ, а въ этомъ городѣ Гоголь находился въ сентябрѣ 1843 г. [3]), и кромѣ того въ немъ есть явное указаніе на письмо отъ 28 февраля 1843 г. въ словахъ: „Я думаю, ты замѣтилъ, что въ томъ же письмѣ, гдѣ я исчислялъ причины, заставившія меня печатать сочиненія мои въ Петербургѣ, есть что-то какъ будто недосказанное: что̀-жъ дѣлать, такъ ужъ видно на роду мнѣ написано быть скрытнымъ". Дѣло было въ томъ, что въ промежутокъ между обоими письмами Гоголь, какъ мы уже знаемъ, открыто рѣшился написать Пого-

---

1) «Русск. Стар.», 1875, IX, 123.

2) «Русск. Стар.», 1875, IX, 118. Здѣсь рѣчь идетъ о Погодинѣ; ср. Соч. и и письма Гоголя, т. VI, стр. 102.

3) Письмо къ Шереметевой, напечатанное въ Соч. и письмахъ Гоголя (т. V, 495) и отнесенное г. Кулишемъ къ сентябрю 1842 г., также должно быть отнесено къ 1843 г.; но объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

дину рѣзкое письмо, которое должно было пройти черезъ руки Аксакова и Шевырева, тогда какъ прежде онъ старался даже передъ ними, если не замаскировать, то по крайней мѣрѣ смягчить происшедшее охлажденіе къ Погодину, и хотя поручалъ прежде всѣхъ выплатить долгъ именно Погодину, но продолжалъ нѣкоторое время какъ бы оффиціально признавать его болѣе близкимъ къ себѣ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Такъ С. Т. Аксакову онъ писалъ: „васъ вмѣстѣ съ Погодинымъ я попрошу войти въ положеніе моей маменьки, тѣмъ болѣе, что вы уже знакомы съ нею и нѣсколько знаете ея обстоятельства" [1]). Да и странно было бы ему послѣ предполагаемой тѣсной дружбы, такъ какъ Гоголь скрывалъ о разладѣ, рѣзко измѣнить на глазахъ другихъ свои отношенія къ Погодину. Въ томъ же письмѣ Шевырева по обыкновенію возобновлялась рѣчь о необходимости скорѣйшаго окончанія второго тома „Мертвыхъ Душъ". Справедливость требуетъ признать, что за исключеніемъ Аксакова, московскіе друзья заботились вовсе не исключительно объ интересахъ литературной дѣятельности и репутаціи Гоголя, но руководились также и, пожалуй, болѣе всего практическими денежными соображеніями (по крайней мѣрѣ Погодинъ), что̀ видно изъ словъ Гоголя, и особенно изъ употребленнаго имъ въ письмѣ выраженія *понужденіе*, а что такое выраженіе нельзя считать преувеличеннымъ, видно уже изъ извѣстнаго намъ безцеремоннаго объявленія въ „Москвитянинѣ". Что̀ же могъ противопоставить Гоголь этимъ дружескимъ понужденіямъ? Онъ истощалъ всевозможные доводы и наконецъ съ воплемъ умолялъ вѣрить его словамъ: „Вѣрьте словамъ

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, VI, стр. 6. С. Т. Аксаковъ послѣ не могъ простить себѣ, что онъ не вмѣшался въ отношенія между Гоголемъ и Погодинымъ и далъ имъ обостриться: но въ томъ-то и дѣло, что здѣсь была общая неискренность, и при такихъ условіяхъ, можетъ быть, не легко и не удобно было вмѣшиваться. Кромѣ того, С. Т—чъ, отозвавшійся о Марьѣ Ивановнѣ, что, «взглянувъ на нее и поговоривъ съ нею нѣсколько минутъ отъ души, можно было понять, что у такой женщины могъ родиться такой сынъ» и что «это было доброе, нѣжное, любящее существо, полное эстетическаго чувства, съ легкимъ оттѣнкомъ самаго кроткаго юмора («Русск. Арх.» 1890, VIII, 34—35), весьма увлекался симпатіей къ этой почтенной женщинѣ, такъ что Гоголю пришлось даже однажды напомнить ему объ одномъ изъ несомнѣнныхъ ея недостатковъ: «Маменька, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, довольно плохая хозяйка» («Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 97).

моимъ и больше ничего. Если человѣкъ въ полномъ разумѣ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ, а не въ пору опрометчивой юности, человѣкъ, сколько-нибудь чуждый неумѣренностей и излишествъ, омрачающихъ очи, говоритъ, не будучи въ силахъ объяснить безсильнымъ словомъ, говоритъ, изъ глубины растроганной глубоко души, — вѣрьте мнѣ, тогда нужно повѣрить словамъ такого человѣка"[1]). Наконецъ Гоголь рѣшительно заявилъ, что его „никакая сила не можетъ заставить произвести, а тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость онъ видитъ самъ". „Я могу" — продолжалъ онъ — „умереть, но не выдать безразсуднаго, необдуманнаго творенія" и проситъ за это не осуждать его. Такимъ образомъ преимущественно въ это время у него складывались убѣжденія, высказанныя имъ потомъ въ статьѣ „О томъ, что̀ такое слово".

При такихъ-то непріятныхъ условіяхъ Гоголь долженъ былъ просить Шевырева и Аксакова прислать ему въ долгъ по шести тысячъ на три года и позаботиться о матеріальномъ положеніи его матери и сестеръ.

XIX.

Вслѣдъ за письмомъ Шевырева Гоголь получилъ отчасти сходное по содержанію письмо и отъ С. Т. Аксакова. Въ послѣднемъ также упоминалось о необходимости ускорить выходъ второго тома. Изъ словъ Аксакова опять ясно, что въ данномъ случаѣ при своей природной мягкости онъ являлся орудіемъ все тѣхъ же Погодина и Шевырева, и елейный тонъ письма мало измѣнялъ сущность дѣла. „Хотя я очень знаю" — писалъ Аксаковъ, — „что дѣйствія ваши, относительно появленія вашихъ созданій, заранѣе обдуманы; что поэтъ лучше насъ, рядовыхъ людей, прозрѣваетъ въ будущее: но (*слѣдую, впрочемъ, болѣе убѣжденіямъ другихъ, любящихъ также васъ людей)* теперь много обстоятельствъ требуютъ, чтобы вы, если это возможно, ускорили выходъ второго тома „Мертвыхъ Душъ". Подумайте объ этомъ, ми-

---

[1]) «Русск. Стар.», 1875, IX, 127. О недовѣріи и непониманіи см. также въ «Русск. Жизни», 1892, № 71.

лый другъ, хорошенько... много людей, истинно васъ любящихъ, просили меня написать вамъ этотъ совѣтъ" [1]).

Въ письмѣ Аксакова были кромѣ того нѣкоторыя не совсѣмъ пріятныя извѣстія о томъ, что четвертый томъ сочиненій былъ въ цензурѣ задержанъ, о неудачной игрѣ актеровъ и проч. и наконецъ Аксаковъ жаловался на непониманіе многими „Мертвыхъ Душъ". Послѣднее сообщеніе вызвало у Гоголя такія мысли: „Что до того, что бранятъ меня, то слава Богу: гораздо лучше, чѣмъ бы хвалили. Браня, все-таки можно сказать правду и отыскать недостатки; а у тѣхъ, которые восхищаются, невольно поселяется пристрастіе и невольно заслоняетъ недостатки" [2]). Эти самыя мысли лишь въ немного измѣненной формѣ были потомъ высказаны въ первомъ изъ писемъ, написанныхъ къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ". Подъ письмомъ поставлена даже дата 1843 г.; но есть вѣскія соображенія, заставляющія отнестись съ недовѣріемъ къ этой цифрѣ: въ письмѣ между прочимъ съ благодарностью упомянуто о враждебныхъ Гоголю критикахъ Бѣлинскаго, Сенковскаго и Полевого и проводится излюбленная впослѣдствіи Гоголемъ мысль о необходимости и пользѣ нравственныхъ „щелчковъ" и „оплеухъ"; но критическія статьи Сенковскаго стали извѣстны Гоголю уже не раньше 1844 г., какъ видно изъ письма къ Аксакову отъ 16 мая 1844 г., въ которомъ Гоголь говоритъ: „Щепкинъ самъ вызвался доставить мнѣ критики Сенковскаго и невинныя замѣчанія, напечатанныя въ „Сынѣ Отечества". Онъ меня привелъ въ непріятное и затруднительное положеніе: писать къ Сенковскому и просить его о присылкѣ статей; потому что во многихъ вещахъ на близкихъ людей никакъ нельзя полагаться и лучше писать къ первому незнакомому лицу. Незнакомому человѣку бываетъ иногда совѣстно показать себя въ первый разъ ненадежнымъ человѣкомъ, а пріятелямъ никогда не бываетъ совѣстно пустить дѣло въ затяжку" [3]). На самомъ дѣлѣ Гоголь, конечно, не

---

[1]) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 93.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 4; ср. недовольство Анненковымъ за похвалы „Мертвымъ Душамъ", см. «Анненковъ и его друзья», стр. 498.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 74. — Кромѣ того сент. 1843 г. Гоголь писалъ Шевыреву: «Сенковскаго, къ сожалѣнію, не имѣю, до сихъ поръ не могъ достать, сколько ни старался». («Русск. Стар.», 1875, X, 302—303).

писалъ письма Сенковскому и обошелся иначе, обратясь съ просьбой къ Прокоповичу[1]), и слова эти были сказаны только ради колкости. Отъ Прокоповича же Гоголь впервые получилъ нѣкоторое смутное представленіе о характерѣ критической статьи Сенковскаго, но ничего существеннаго ему извѣстно не было, и онъ не могъ на основаніи сообщенія о томъ, что Сенковскій считаетъ приличнѣе называть слугу Чичикова Петрушей, сказать, что въ его критикѣ „много справедливаго", начиная даже съ даннаго имъ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать"[2]). О послѣднемъ совѣтѣ Гоголь не могъ узнать даже изъ критики Шевырева, который лишь глухо намекалъ на Сенковскаго въ слѣдующихъ словахъ своей статьи: „тамъ изъ норы своей выползла мелкая зависть въ видѣ газетчика и наводитъ свой шаткій и темный микроскопъ на немногія грамматическія ошибки, случайно вкравшіяся въ произведеніе". Но самое важное то, что размышленія на тему о смиреніи и обращенія къ публикѣ съ просьбами давать указанія, нужныя для слѣдующихъ томовъ „Мертвыхъ Душъ", еще нигдѣ не встрѣчаются въ перепискѣ 1843 г. и принадлежатъ позднѣйшему настроенію, притомъ высказываются въ письмѣ очевидно не для отдѣльнаго лица. По всему этому надо полагать, что первое изъ писемъ къ разнымъ лицамъ заключаетъ въ себѣ позднѣйшее развитіе мысли, выраженной въ разсматриваемомъ письмѣ къ Аксакову, обработанное авторомъ уже два года спустя заднимъ числомъ (приблизительно передъ печатаніемъ „Выбранныхъ мѣстъ"), хотя мысль о „Выбранныхъ мѣстахъ" уже въ то время стала созрѣвать въ головѣ Гоголя, какъ показываетъ выраженіе въ письмѣ къ Данилевскому отъ $^{26}/_{14}$ февраля 1843 г.: *„результатъ моей внутренней жизни явится потомъ весь въ печатномъ видѣ"*[3]). Но возвращаемся къ письму Аксакова и отвѣту на него Гоголя. Аксакову Гоголь повторилъ тѣ же просьбы, которыя уже были изложены имъ въ письмѣ къ Шевыреву. Въ данномъ случаѣ дѣло осложнялось еще оплошностью жены Сергѣя Тимоѳеевича,

---

[1]) См. «Русское Слово», 1859, 1, 129; также къ Анненкову (см. «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 500).

[2]) См. названное письмо къ Прокоповичу.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 434.

Ольги Семеновны, неосторожно заварившей кашу преувеличеннымъ сообщеніемъ объ успѣхѣ и распродажѣ „Мертвыхъ Душъ“, которымъ она по добротѣ души хотѣла обрадовать Марью Ивановну Гоголь. Послѣдняя, отличавшаяся всегда склонностью къ мечтательности и игрѣ воображенія, представила себѣ дѣло такъ, что будто „Мертвыя Души“ расходятся чрезвычайно, „деньги плывутъ“ и т. п. и вслѣдствіе этого написала сыну письмо объ угнетавшихъ ее нуждахъ, что̀ было вѣрно, но чему едва ли былъ въ состояніи помочь вѣчно едва перебивавшійся Гоголь. Произошло грустное недоразумѣніе: Марья Ивановна не знала и не могла принять въ разсчетъ, что книга печаталась въ долгъ, и что даже послѣ того какъ эти расходы окупились бы, необходимо было уплатить множество долговъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе настоятельно требовавшихъ погашенія. Въ то время у Гоголя была даже составлена таблица съ обозначеніемъ порядка уплаты долговъ. Онъ поручалъ Шевыреву вести это дѣло въ слѣдующемъ порядкѣ: уплатить долги Свербееву, неизвѣстному (Бенардаки), Павлову, Хомякову[1]) и проч. Аксакову онъ также писалъ: „первыя деньги послѣ окупленія изданія я назначаю на уплату долговъ моихъ петербургскихъ, которые хотя и не такъ велики, какъ московскіе, но все же давно требуютъ уплаты“[2]). Понятно, что просьба матери привела Гоголя въ немалое замѣшательство, и это случилось для него тѣмъ болѣе некстати, что его Погодинъ уже давно упрекалъ за то, что онъ „мало сдѣлалъ для сестеръ и для матери“[3]). Зная мечтательный характеръ матери, Гоголь имѣлъ къ тому же основаніе бояться, чтобы она не начала дѣлать лишнихъ тратъ въ надеждѣ будущихъ благъ: „Маменька подумала, что я богатъ и могу, безъ всякаго отягощенія себя, сдѣлать ей помощь“[4]). Конечно, ни мать, ни сынъ ни за что не допустили бы постороннихъ людей сдѣлаться судьями въ ихъ дѣлѣ, но такъ вышло само собой, и это также не могло быть особенно пріятно Гоголю. Аксаковъ былъ тогда еще очень поверхностно знакомъ съ матерью Гоголя, и поневолѣ по-

[1]) «Русская Старина», 1875, IX, 117.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 7.
[3]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII.
[4]) Соч. и письма Гоголя, VI, стр. 5.

слѣднему приходилось привлечь къ участію въ заботахъ о ней Погодина, а дважды повторенное въ письмѣ выраженіе: „деньги не плывутъ ко мнѣ рѣкой“ должно было смутить супруговъ Аксаковыхъ, совершенно не ожидавшихъ, что дѣло приметъ такой серіозный и непріятный оборотъ и сознававшихъ невольную вину свою передъ Гоголемъ. Ольга Семеновна Аксакова поспѣшила написать оправдательное письмо, на которое Гоголь отвѣтилъ въ самомъ деликатномъ тонѣ, всячески стараясь ее успокоить, и закончилъ его такъ: „Теперь васъ благодарю за то, что вы себя упрекаете. А лучше всѣ поблагодаримъ Бога за все, что ни посылается намъ; ибо все, что ни посылается намъ, посылается на вразумленіе и уясненіе очей нашихъ“ [1]). Гоголь нашелъ успокоеніе въ этой тревогѣ, написавъ письмо къ роднымъ, въ которомъ старался матеріальную помощь замѣнить нравственными наставленіями [2]), какъ бы слѣдуя извѣстной пословицѣ: „чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“.

Аксаковъ немедленно по полученіи письма досталъ для Гоголя полторы тысячи [3]) и кромѣ того, благодаря представленію Уварова, Гоголь получилъ денежную помощь отъ государя (въ размѣрѣ 9 тысячъ въ теченіе трехъ лѣтъ [4]). Такимъ образомъ матеріальныя условія нашего писателя стали понемногу поправляться, а въ концѣ года они даже значительно улучшились, когда Гоголь получилъ тысячу франковъ отъ государыни [5]), очевидно за поднесенные экземпляры сочиненій, что̀ было приведено наконецъ въ исполненіе чуть ли не черезъ Александру Осиповну Смирнову. Во всякомъ случаѣ пожертвованіе было получено благодаря Плетневу, и все дѣло велось въ Петербургѣ.

Но оставалось еще разъяснить мучительное недоразумѣніе съ Прокоповичемъ, и здѣсь Гоголя снова ожидали огорченія и непріятности. 28 марта уже послѣ полученія извѣстнаго намъ письма отъ Шевырева, Гоголь написалъ Прокоповичу

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, VI, стр. 19. Ср. «Русск. Жизнь», 1892, № 71.

[2]) Такія же наставленія онъ просилъ сдѣлать Аксакова, говоря: «умный совѣтъ съ вашей стороны можетъ быть ей полезнѣе самихъ денегъ». Соч. и письма Гоголя, т. VI, 6.

[3]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 107.

[4]) Тамъ же, стр. 108.

[5]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 45.

обычное дружеское письмо и только въ постскриптумѣ, въ самой сдержанной и осторожной формѣ, прибавилъ распоряженіе о высылкѣ или доставкѣ экземпляровъ по первому востребованію Плетнева и Шевырева[1]). Имя перваго было упомянуто здѣсь, очевидно, только изъ деликатности, такъ какъ Плетневъ ни слова не говорилъ о данномъ предметѣ, да и не имѣлъ къ тому повода, и притомъ въ это время Гоголь даже не получалъ отъ него писемъ[2]). Имя Плетнева было упомянуто, чтобы не оскорбить Прокоповича внезапнымъ контролемъ и подчиненіемъ Шевыреву, тогда какъ Плетнева Гоголь уже съ самаго начала просилъ „напутствовать Прокоповича во всякихъ затрудненіяхъ“[3]). Но недовольство Гоголемъ москвичей, ихъ настойчивыя притязанія и неоткровенные намеки Шевырева сдѣлали свое дѣло и испортили добрыя отношенія Гоголя съ Прокоповичемъ. Получивъ извѣстное полномочіе отъ Гоголя, Шевыревъ позволилъ себѣ придираться къ Прокоповичу и дѣлать ему выговоры. Такъ, онъ „сдѣлалъ замѣчаніе“ послѣднему за то, что тотъ выслалъ экземпляры не всѣмъ близкимъ пріятелямъ Гоголя, хотя, какъ видно изъ писемъ Гоголя, самая присылка была дѣломъ предупредительности со стороны Прокоповича, не получившаго на этотъ счетъ никакихъ ясныхъ распоряженій. Все это было такъ мелочно и такъ легко поправимо, что Гоголь не могъ удержаться отъ довольно прозрачной колкости. „Я, признаюсь“, — писалъ онъ Шевыреву — „не думалъ, чтобы такъ дорожили такимъ моимъ пустымъ подаркомъ, на которомъ я даже не могу сдѣлать надписи собственною рукою. Но если это такъ, то, ради Бога, поблагодари всѣхъ за это пріятное душѣ моей неудовольствіе и раздай всѣмъ по экземпляру, кому ни найдешь приличнымъ. Я бы много прибавилъ къ тому душевныхъ словъ, но мы живемъ въ томъ вѣкѣ, когда болѣе вѣрятъ мелочамъ и примѣчаютъ скорѣе наружное несоблюденіе мелкихъ приличій, чѣмъ глубину чувствъ и души человѣка“[4]).

---

[1]) «Русское Слово», 1859, 1, 125.

[2]) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, 8: «къ Плетневу я уже писалъ два письма, и ни на одно изъ нихъ нѣтъ отвѣта», и на стр. 9. «Когда я ожидалъ болѣе всего писемъ отовсюду, всѣ будто сговорились и бросили меня на три мѣсяца»; «Русск. Слово», 1859, 1, 125: «я уже нѣсколько мѣсяцевъ безъ писемъ» и Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 45.

[3]) «Русская Старина», 1875, IX, 124.

[4]) «Русская Старина», 1875, X, 300.

Но Гоголя такъ раздражала досадная таинственность намековъ и обвиненій по отношенію къ его другу, что, еще не зная, въ чемъ было дѣло, онъ затаилъ въ душѣ какое-то темное подозрѣніе, а такъ какъ Прокоповичъ, обманутый, въ свою очередь, типографіей Жернакова, медлилъ отчетомъ, несмотря на неоднократныя требованія и напоминанія со стороны Гоголя, Шевыревъ же со свойственной ему точностью представлялъ подробныя объясненія расходовъ до послѣдней копѣйки, то Гоголь скоро измѣнилъ своей сдержанности въ отношеніяхъ съ Прокоповичемъ, и слѣдующее письмо къ Прокоповичу было наполнено колкостями. Гоголя особенно смутило и разстроило то, что упорно защищаемый имъ Прокоповичъ прислалъ ему ничтожную сумму въ 500 франковъ, тогда какъ Шевыревъ доставилъ около того же времени остальныя требуемыя Гоголемъ четыре тысячи. Въ своемъ письмѣ къ Прокоповичу отъ 17 апрѣля Гоголь какъ будто ненамѣренно раза два обронилъ такія фразы: „Шевыревъ, эта рѣдкая душа, прислалъ мнѣ четыре тысячи изъ своихъ". „Петербургу просто некогда подумать обо мнѣ"[1]) и проч. Любопытно, что Гоголь любилъ иногда, чтобы сильнѣе уязвить самолюбіе кого-нибудь изъ друзей, или даже помимо этой цѣли, ставить косвеннымъ образомъ въ примѣръ безкорыстіе и великодушіе другихъ своихъ друзей. Кромѣ того его самолюбію пріятно было объяснять получаемую имъ помощь дружеской предупредительностью. Такъ было и на этотъ разъ. Онъ писалъ между прочимъ: „Въ Москву *дошли слухи*, что я сижу уже болѣе шести мѣсяцевъ безъ копѣйки денегъ. Я, признаюсь, ихъ обманулъ: передъ выѣздомъ я сказалъ, что мнѣ деньги не нужны, что я возьму въ счетъ печатающихся экземпляровъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы скорѣе какъ можно выплатилась хотя половина моихъ долговъ изъ продажи „Мертвыхъ Душъ" и чтобы не брать оттуда для себя ни копѣйки до того времени. Тѣмъ болѣе, что я видѣлъ собственными глазами, какъ нуждались во многомъ ссудившіе меня. Не могу до сихъ поръ вспомнить безъ глубокаго душевнаго умиленія о той помощи и о тѣхъ нѣжныхъ участіяхъ, которыя шли ко мнѣ всегда изъ Москвы". Послѣднія слова, однако, пи-

[1]) См. письмо Гоголя къ Прокоповичу отъ 17 апр. 1843 г. («Русское Слово», 1859, 1, 126—128) и «Письма Гоголя къ Прокоповичу», стр. 43.

сколько не помѣшали Гоголю вслѣдъ за ними выставить Прокоповичу тѣ же самые доводы, которые такъ недавно онъ былъ вынужденъ приводить самому деликатнѣйшему изъ московскихъ друзей — Аксакову. Въ письмѣ къ послѣднему отъ 18 марта 1843 г. Гоголь говорилъ: „Я знаю, что нѣкоторымъ даже близкимъ душѣ моей и обстоятельствамъ казалось страннымъ, отчего у меня завелось такъ много долговъ, и они всегда пропускали изъ виду слѣдующее невинное обстоятельство. Шесть лѣтъ я живу, и большей частью за-границей, не получая ни откуда жалованья“[1]) и проч. Въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 17 апрѣля читаемъ почти буквально то же самое: „Петербургу просто некогда подумать обо мнѣ. Кому, напр., придетъ въ голову сдѣлать вопросъ: этотъ человѣкъ ни откуда не получаетъ ни копѣйки дохода“ и проч. Наконецъ, желая излить досаду, Гоголь упоминаетъ и о томъ, что ему „много приходилось терпѣть по причинѣ невысылокъ своевременно денегъ“, и давалъ понять, что Шевыревъ ему безгранично преданъ, что „только великодушная душа его (sic) могла сдѣлать такой (благородный) поступокъ и такъ жестоко лишить себя“, что „Шевыревъ точнѣе и аккуратнѣе всѣхъ“, что „для него нѣтъ задержекъ: не наберутся деньги — онъ займетъ, а къ сроку доставитъ“[2]).

Однимъ словомъ, сравнивая это письмо къ Прокоповичу съ предшествующимъ, вполнѣ дружескимъ и еще свободнымъ отъ столь явно выказываемаго недовѣрія и досады, нельзя не приписать внезапнаго охлажденія дѣйствію какого-нибудь новаго письма Шевырева[3]), тѣмъ болѣе что теперь Шевыревъ на каждомъ шагу ставится въ образецъ Прокоповичу, которому бросаются даже такіе безпощадные упреки: „если я тебѣ дорогъ и душѣ твоей радостно, что я живу еще на свѣтѣ, то этимъ ты обязанъ имъ“ (москвичамъ).

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр 7.

[2]) Любопытно, что друзья Гоголя до того перекорялись между собой изъ-за довѣрія, оказываемаго имъ кому-нибудь изъ нихъ предпочтительно, что напр. Погодинъ впослѣдствіи упрекалъ Гоголя за порученія, даваемыя имъ Шевыреву. (См. «Русск. Жизнь», 1892, № 79). См. также «Русскій Архивъ», 1890, VII, стр. 106.

[3]) Замѣтимъ здѣсь, что письмо Шевыреву отъ 7 апрѣля 1843 г. («Русская Старина», 1875, X, 299) имѣетъ дату по старому стилю, а письма къ Прокоповичу отъ 17 и 19 апрѣля по новому, что видно изъ сопоставленія начальныхъ строкъ послѣдняго изъ указанныхъ писемъ къ Прокоповичу съ начальными же строками письма къ Шевыреву.

Осторожность и деликатность, которыми Гоголь хотѣлъ руководиться въ сношеніяхъ съ Прокоповичемъ до разъясненія дѣла, какъ-то сразу оставили его, а безцеремонно расточаемые Шевыреву панегирики должны были показать Прокоповичу, что отнынѣ въ глазахъ Гоголя онъ уже не другъ, а простой фактотумъ, исполнитель порученій. Такъ Гоголь уже послѣ этой размолвки поручилъ Прокоповичу купить для его разъѣздовъ географическую карту, но дружескаго расположенія въ письмѣ уже не было видно[1]).

Оставленный Гоголемъ безъ поддержки, Прокоповичъ не могъ не оскорбляться предъявляемыми къ нему несправедливыми притязаніями, но долженъ былъ переносить и глотать обиды, что̀ было особенно тяжело въ виду сознаваемыхъ имъ промаховъ въ сношеніяхъ съ Жернаковымъ. Но какъ бы ни былъ виноватъ Прокоповичъ въ сдѣланной имъ оплошности, несомнѣнно мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія подвергнуть сомнѣнію его честность: ни воспоминанія о немъ Данилевскаго, ни позднѣйшія отношенія Гоголя, ни печатные статьи и отзывы о немъ и особенно дальнѣйшее разъясненіе дѣла рѣшительно не позволяютъ дѣлать подобнаго заключенія. Наконецъ, если бы на совѣсти Прокоповича было хоть какое-нибудь серьезное пятно, Плетневъ, очевидно, не могъ бы потомъ энергично держать его сторону. По всему этому вину въ происшедшихъ между нимъ и Гоголемъ недоразумѣніяхъ приходится отнести на счетъ податливости послѣдняго въ отношеніи вліянія на него московскихъ друзей, усердствовавшихъ иногда не по разуму и доставлявшихъ ему, вмѣсто услугъ, постоянныя обиды и огорченія.

Наконецъ, когда Гоголь получилъ вскорѣ отъ Прокоповича давно ожидаемыя триста рублей, то эта ничтожная сумма привела его въ такое раздраженіе, что онъ безъ всякаго стѣсненія написалъ ему: „Благодарю тебя не столько за присылку, сколько за готовность“[2]). Вообще отношенія къ Прокоповичу обострялись съ каждымъ письмомъ[3]). Притомъ послѣ

---

[1]) «Русское Слово», 1859, I, 129 и «Письма Гоголя къ Прокоповичу», стр. 46.

[2]) Тамъ же, стр. 130 и «Письма Гоголя къ Прокоповичу», стр. 45.

[3]) Гоголь сталъ контролировать дѣйствія Прокоповича, насколько могъ, черезъ Анненкова и другихъ лицъ, лишивъ такимъ образомъ довѣрія своего бывшаго друга (см. «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 495): «Вы сдѣлайте вотъ что̀: развѣдайте поближе, въ чемъ было дѣло, и такъ, какъ бы не я васъ просилъ о томъ, а какъ бы вы сами отъ себя хотѣли узнать».

всѣхъ извѣстныхъ намъ непріятностей Прокоповичъ имѣлъ еще неосторожность коснуться больного мѣста своего друга и затронулъ его за живое словами: „не хочу тебя обижать подозрѣніемъ въ лѣни до такой степени[1]), что будто бы ты не приготовилъ второго тома „Мертвыхъ Душъ" къ печати. Мысли, высказанныя по этому поводу въ отвѣтѣ Гоголя Прокоповичу, нашли себѣ мѣсто потомъ въ „Перепискѣ съ друзьями", въ третьемъ изъ писемъ къ разнымъ лицамъ о „Мертвыхъ Душахъ", гдѣ онъ совершенно также восклицаетъ: „ну, взвѣсилъ ли ты хорошенько слова твои: „Второй томъ нуженъ теперь необходимо". Чтобы я изъ-за того только, что есть противъ меня всеобщее неудовольствіе, сталъ торопиться вторымъ томомъ, такъ же глупо, какъ и то, что я поторопился первымъ. Неудовольствіе это мнѣ нужно: въ неудовольствіи человѣкъ хоть что-нибудь мнѣ выскажетъ" [2]). Безъ сомнѣнія, и это письмо, подобно большинству другихъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ", подверглось капитальной переработкѣ и въ него также въ значительной мѣрѣ включены позднѣйшія размышленія и отвѣты на вопросы, возникавшіе въ душѣ самого автора. Въ письмѣ отразились въ переработанной редакціи также впечатлѣнія отъ совѣтовъ Шевырева и Аксакова; общее же его содержаніе могло выработаться только тогда, когда Гоголь яснѣе началъ представлять себѣ свою задачу въ томъ духѣ, какимъ проникнуты „Выбранныя мѣста". Особенное сходство между третьимъ письмомъ по поводу „Мертвыхъ Душъ" и разбираемымъ письмомъ къ Прокоповичу можетъ быть указано въ слѣдующемъ сопоставленіи. Въ письмѣ къ Прокоповичу читаемъ: „Мертвыхъ Душъ" не только не приготовленъ второй томъ къ печати, но даже и не написанъ, *и раньше двухъ лѣтъ (если только мои силы будутъ постоянно свѣжи въ это время) не можетъ выдти въ свѣтъ*. А что публика желаетъ и требуетъ второго тома — это не резонъ: публика можетъ быть умна и справедлива, когда имѣетъ въ рукахъ, что̀ надо разсудить и надъ чѣмъ поумничать; а въ желаніяхъ публика всегда дура. *Да и почему знаетъ она, что̀ такое будетъ во второмъ томѣ: можетъ быть, то, о чемъ даже ей не слѣдуетъ и*

---

[1]) Стр. 130 и «Письма Гоголя къ Прокоповичу», стр. 47.
[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 90.

знать и читать въ теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для второго тома [1]). Умный резонъ: потому что въ продолженіе года я вдругъ выдалъ слишкомъ много, такъ подавай еще столько же". Почти то же повторяетъ Гоголь въ третьемъ изъ писемъ къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ": „*И откуда вывелъ ты заключеніе, что второй томъ именно теперь нуженъ?* Залѣзъ ты развѣ въ мою голову? почувствовалъ существо второго тома? По твоему, онъ нуженъ теперь, а по моему *не раньше, какъ черезъ два-три года, да и то еще, принимая въ соображеніе попутный ходъ обстоятельствъ и времени*" [2]) и проч.

Съ другой стороны въ разбираемомъ письмѣ по поводу „Мертвыхъ Душъ" есть уже упреки за неисполненіе просьбы прислать сообщенія о разныхъ „событіяхъ и анекдотахъ, какіе ни случились въ околоткѣ и во всей губерніи" [3]). Конечно, эти слова не примѣнимы къ Прокоповичу, да и самыя просьбы о подобныхъ сообщеніяхъ Гоголь не обращалъ къ Прокоповичу по той простой причинѣ, что подобныя мысли явились у него послѣ прекращенія переписки съ послѣднимъ, но такое рѣзкое повидимому противорѣчіе съ нашимъ указаніемъ устраняется весьма легко извѣстнымъ намъ желаніемъ Гоголя замаскировать и сдѣлать неузнаваемыми его обращенія къ опредѣленнымъ личностямъ, или даже тѣмъ, что, воспроизводя въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки" какое-нибудь изъ старыхъ писемъ, Гоголь изъ него бралъ часто только двѣ-три мысли и затѣмъ присоединялъ множество новыхъ мыслей и соображеній, при чемъ, можетъ быть, представлялъ передъ собою уже воображаемаго корреспондента или всю публику, которой излагалъ какъ прежде высказанныя, такъ и вновь явившіяся мысли. Такъ всѣ отвѣты на предполагаемые „умные вопросы" мнимаго корреспондента въ третьемъ письмѣ по поводу „Мертвыхъ Душъ", конечно, должны были служить удовлетвореніемъ потребности автора развивать свои идеи передъ публикой, какъ послѣ онъ заговорилъ съ нею непосредственно въ „Авторской Исповѣди". Точно то же можетъ быть повторено и о второмъ письмѣ

---

[1]) «Русское Слово», 1859, 1, 130 и «Письма Гоголя къ Прокоповичу», стр. 47—48.
[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 90.
[3]) Тамъ же.

по поводу „Мертвыхъ Душъ“. Вездѣ Гоголь повторяетъ тѣ же жалобы на обстоятельства и на „подталкиванія“ друзей, жалобы, въ которыхъ отразилось въ существенныхъ чертахъ его незавидное матеріальное и нравственное состояніе въ 1843 году, особенно въ слѣдующихъ словахъ: „Своихъ же собственныхъ мыслей, простыхъ, неголоволомныхъ мыслей, я не сумѣлъ передать. Кто виноватъ? Неужели мнѣ говорить, что меня подталкивали просьбы пріятелей или нетерпѣливыя желанія любителей изящнаго, услаждающихся пустыми, скоро преходящими звуками? Неужели мнѣ говорить, что меня притиснули обстоятельства, и, желая добыть необходимыя для моего прожитія деньги, я долженъ былъ поторопиться безвременнымъ выпускомъ моей книги? Нѣтъ, кто рѣшился исполнить свое дѣло честно, того не могутъ поколебать никакія обстоятельства, тотъ протянетъ руку и попроситъ милостыню“ [1]) и проч. Сходныя съ этими мысли часто повторяются въ перепискѣ съ Аксаковымъ и Шевыревымъ, но особенно обстоятельно развиты онѣ въ статьѣ: „О томъ, что̀ такое слово?“

Но возвратимся къ разсказу. Сношенія Гоголя съ Прокоповичемъ вскорѣ порвались надолго, когда подъ давленіемъ постоянныхъ жалобъ и упрековъ Гоголь вынужденъ былъ уступить Шевыреву и выдать ему своего школьнаго товарища головой, хотя, какъ оказалось, не желая повредить Гоголю и ввести его въ убытокъ, Прокоповичъ рѣшилъ расплатиться съ нимъ деньгами, полученными въ наслѣдство

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 85. Въ этомъ же письмѣ встрѣчаются мысли, сходныя съ другими письмами 1843—1844 г. Такъ мысль объ обязанности служить землѣ своей, а не себѣ (Соч. Гог., изд. X, т. IV, 84), повторена также въ письмѣ къ Данилевскому (Соч. и п. Гог., т. VI, стр. 64); мысль о томъ, что иногда честный человѣкъ не имѣетъ права по обидѣ или недовольству несправедливостью оставить должность, которую можетъ потомъ занять взяточникъ, Гоголь часто повторялъ Н. М. Смирнову («Русс. Стар.», 1888, IV, 66). Наконецъ указаніе недостатковъ въ первой части М. Д., (т. IV, 82), было, очевидно, то самое, о которомъ Гоголь говоритъ въ письмѣ къ Плетневу въ концѣ 1844. («Русск. Стар.», 1875, X, 314).

Также можетъ быть отмѣчено несомнѣнное сходство между содержаніемъ письма къ Анненкову отъ 10 мая 1844 г. («П. В. Анненковъ и его друзья», 488—499) статьей: «Чей удѣлъ на землѣ выше?» и одобреніемъ своеобразной расправы капитанской жены въ повѣсти Пушкина въ статьѣ: «Сельскій судъ и расправа» и въ письмѣ къ Анненкову отъ 10 февр. 1844 г. («П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 495).

отъ умершаго брата[1]). Кромѣ того, только-что Гоголь получилъ присланные ему экземпляры новаго изданія его сочиненій, какъ въ самой прозрачной формѣ далъ почувствовать Прокоповичу свое крайнее неудовольствіе, находя бумагу *скверною*, буквы *подлыми* и все изданіе *переполненнымъ опечатками*. Правда съ внѣшней стороны гнѣвъ его былъ выраженъ въ сдержанной формѣ, напр.: „все, что̀ отъ издателя, то хорошо; что̀ отъ типографіи, — то мерзко“. Но тутъ же попадались натянутыя извиненія, напр.: „на меня не сердись за это бремя, можетъ быть тяжкое“ и даже высказывалось прямо, что авторъ восемь тысячъ потерялъ изъ собственнаго кармана, „самъ отнялъ у себя“ [2]) и наконецъ, рядомъ восхвалялась (впрочемъ вполнѣ основательно и справедливо) полнѣйшая аккуратность Шевырева и въ третій разъ настойчиво заявлено требованіе полнаго отчета до послѣдней копѣйки. Письмомъ этимъ Прокоповичъ обидѣлся и прекратилъ съ Гоголемъ переписку. Плетневъ писалъ потомъ Гоголю о немъ: „Прокоповичъ, конечно, не войдетъ съ тобою въ сношенія, пока ты дружески не объяснишь ему въ особомъ письмѣ, что̀ тебѣ нужно знать отъ него. Онъ тебя любитъ, но недоволенъ твоей недовѣрчивостью и безпорядочностью въ сношеніяхъ, которыя требуютъ прозаическихъ данныхъ“ [3]).

XX.

Такъ мучился Гоголь всевозможными тревогами и заботами, иногда не зная даже, кто былъ настоящимъ виновникомъ его злоключеній; но у него нашлась и въ Римѣ, какъ недавно въ Москвѣ, отрада въ лицѣ людей, искренно его любившихъ и по истинѣ прекрасныхъ и чистыхъ душой. Такими явились на этотъ разъ, кромѣ А. А. Иванова, Н. М. Языковъ и (позднѣе) А. О. Смирнова.

Когда Гоголь поѣхалъ въ 1841 г. съ Языковыми въ Россію, то сперва они взяли путь на Дрезденъ, гдѣ вскорѣ

---

[1]) «Русск. Стар.», 1875, X, 301; Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 13.

[2]) См. вообще письмо отъ 24 сентября 1843 г. («Русское Слово», 1859, I, 132, 134 и «Письма Гоголя къ Прокоповичу», стр. 50 и 51).

[3]) «Русскій Вѣстникъ», 1890, XI, 38; ср. также «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 497.

Петру Михайловичу[1]) пришлось оставить жену для дальнѣйшаго лѣченія. Въ письмѣ его къ Н. М—чу изъ Дрездена отражается еще то пріятное настроеніе, въ которомъ все общество оставило Ганау; онъ старался и въ покинутомъ страдальцѣ поддерживать бодрость и дѣйствовать на него словомъ утѣшенія. „Отнынѣ взоръ долженъ былъ свѣтло и бодро вознесенъ горѣ", писалъ онъ: „для сего была наша встрѣча"[2]). Отрадное расположеніе духа Гоголя объяснялось, конечно, и обычнымъ оживляющимъ дѣйствіемъ на него дороги и тѣмъ, что письмо было написано въ „душевную минуту". Впрочемъ оно было единственнымъ веселымъ письмомъ, послѣ котораго Языкову приходилось читать чаще всего въ его письмахъ слѣды раздраженія и недовольства. Хотя и въ слѣдующемъ письмѣ Гоголь повторялъ: „у меня на душѣ хорошо и свѣтло. Дай Богъ, чтобы у тебя также было свѣтло и хорошо во время твоего ганавскаго затворничества", но уже въ этомъ письмѣ Гоголь съ неудовольствіемъ разсказывалъ о томъ, что его „предательски завезли въ Петербургъ"[3]). Дѣло было въ томъ, что къ сопровождавшему его обществу, присоединились мало знакомыя ему лица, присутствія которыхъ онъ никогда не могъ выносить. Еще раньше по поводу какой-то приписки Гоголя къ письму Петра М—ча, не попавшей въ изданное г. Кулишемъ собраніе его писемъ, Языковъ съ безпокойствомъ освѣдомлялся у родныхъ: „Отчего хмурился Гоголь? Не пугало ли его путешествіе столь многолюдное и суталочное и не робѣлъ ли онъ молодой дамы?" Въ другой разъ онъ пишетъ объ этомъ подробнѣе: „Я получилъ письмо отъ Гоголя уже изъ Москвы. Онъ недоволенъ своимъ путешествіемъ съ нашими: онъ-де завезенъ противъ воли въ Питеръ и сдѣлалъ такимъ образомъ большой крюкъ. Вѣрно, Гоголь въ хандрѣ съ дороги. Въ Москвѣ онъ поселился въ отдаленности отъ суеты мірской, на Дѣвичьемъ полѣ, никуда не ѣздитъ"[4]) и проч.

Хотя Гоголь и говорилъ о себѣ во время извѣстныхъ намъ цензурныхъ мытарствъ, что онъ „твердъ и пересиливаетъ себя и болѣзнь свою", но много горечи заключалось для него уже

---

[1]) Старшему брату поэта.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 450—451.

[3]) Тамъ же, стр. 453.

[4]) Письма Языкова, откуда взяты эти строки, не напечатаны.

въ необходимости обращаться къ властямъ[1]), и къ тому же съ этимъ дѣломъ для него былъ связанъ вопросъ существованія. Изъ Москвы онъ горько жаловался Плетневу: „О какъ бы мнѣ нуженъ былъ теперь тихій мой уголъ въ Римѣ, *куда не доходятъ до меня никакія тревоги и волненія!* Но что же дѣлать? У меня больше никакихъ не осталось средствъ. Я думалъ, что устрою здѣсь дѣла и могу возвратиться: вышло не такъ“[2]). Гоголя жестоко мучилъ сдѣланный для этого Жуковскимъ долгъ въ 4000 руб[3]).

Это все и отразилось на письмахъ его къ Языкову, котораго также, какъ успѣлъ наконецъ убѣдиться Гоголь, трудно было въ скоромъ времени ожидать въ Москву. Если въ октябрѣ 1841 года онъ писалъ своему новому пріятелю: „Жизнь наша можетъ быть здѣсь (въ Москвѣ) полно-хороша и безбурна; никакого безпокойства нѣтъ ни отъ кого“; если онъ тогда соблазнялъ Языкова перспективой пріятной уединенной жизни въ Москвѣ, то въ началѣ 1842 г. настроеніе его существенно измѣнилось: насколько онъ прежде стремился въ Москву, настолько теперь нетерпѣливо рвется изъ нея. Ему не терпѣлось ѣхать за-границу, все въ тотъ же излюбленный Римъ и къ другу своему Языкову. Какъ ни страннымъ могъ бы показаться такой планъ въ виду пребыванія Языкова въ Ганау вдали отъ Рима и почти въ безпомошномъ состояніи, но Гоголю успѣла уже крѣпко запасть мысль о необходимости переселить друга въ вѣчный городъ, который для него самого былъ всегда источникомъ неисчерпаемыхъ наслажденій. Въ согласіи же Языкова трудно было сомнѣваться при извѣстной мягкости и податливости его характера[4]).

Быстрая перемѣна плановъ Гоголя должна была, конечно, не мало изумить Языкова. Прежде всего онъ не былъ подготовленъ первымъ восторженнымъ письмомъ, въ которомъ восхвалялась Москва и ея климатъ, самая жизнь въ ней, къ неожиданному заявленію Гоголя, что онъ не можетъ оставаться долго въ Россіи, что не можетъ въ ней успѣшно

---

[1]) Недаромъ же онъ жаловался Уварову: «вотъ уже пять мѣсяцевъ меня томятъ мистификаціи цензуры, то манящей позволеніемъ, то грозящей запрещеніемъ» и проч. («Русск. Стар.», 1888, III, 764—765).

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 458.

[3]) См. «Русск. Арх», 1871, 4—5, 0941.

[4]) См. о Языковѣ нашу статью въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, XI—XII.

работать и проч. Въ третьемъ письмѣ своемъ Гоголь, такъ недавно писавшій С. Т. Аксакову: „теперь я вашъ, Москва моя родина“[1]), превозносившій ее и въ письмахъ къ Языкову, обѣщаетъ снова ѣхать къ нему въ Ганау. Онъ писалъ уже Языкову: „Меня мучитъ свѣтъ и сжимаетъ тоска, и какъ ни уединенно живу здѣсь я, но меня все тяготятъ здѣшніе пересуды, и толки и сплетни. Я чувствую, что разорвались послѣднія узы, связывавшія меня со свѣтомъ. Мнѣ нужно уединеніе, рѣшительное уединеніе. О какъ бы весело провели мы съ тобой дни вдвоемъ за нашимъ чуднымъ кофеемъ по утрамъ, расходясь на легкій, тихій трудъ и сходясь на тихую бесѣду за трапезой и ввечеру! Я не рожденъ для треволненій и чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха. Я пріѣду самъ за тобою. Здоровье мое сдѣлалось значительно хуже. Мнѣ совѣтуютъ ѣхать въ Гастейнъ... какъ кстати[2])!“ Строки эти поразили Языкова и произвели на него сильное впечатлѣніе, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ ожидалъ Гоголь. Странная особенность Гоголя говорить въ письмахъ только о настроеніи, не посвящая своихъ корреспондентовъ въ причины, обусловливавшія его, — особенность, замѣчаемая еще въ самыхъ раннихъ письмахъ его юности, заставляла многихъ[3]) подозрѣвать его въ скрытности и непонятной страсти къ мистификаціи; онъ и былъ, конечно, скрытенъ въ указанномъ выше значеніи, и это мѣшало ему иногда передавать близкимъ друзьямъ свои истинныя чувства. Вслѣдствіе этого онъ представлялъ для большинства людей, съ которыми имѣлъ какія бы то ни было отношенія, странную загадку, и многіе изъ нихъ недоумѣвали передъ неожиданными выводами изъ извѣстныхъ одному Гоголю посылокъ. Такъ точно былъ удивленъ и сбитъ съ толку упомянутымъ письмомъ и Языковъ. Онъ такъ отозвался о Гоголѣ по этому поводу въ письмѣ къ своей невѣсткѣ Елизаветѣ Петровнѣ Я—вой: „Гоголь до невѣроятности раздражителенъ и самолюбивъ, какъ-то болѣзненно; хотя въ немъ это не замѣтно съ перваго взгляда, но тѣмъ хуже для него! Въ Москвѣ онъ только и бываетъ, что у Хомяковыхъ“. „Я

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 437.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 459.

[3]) Эту черту въ перепискѣ Гоголя мы отмѣтили раньше въ брошюрѣ «Ученич. годы Гоголя», и въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. I, стр. 1?3.

ихъ люблю“, пишетъ онъ, „и у нихъ отдыхаю душою“ [1]). Но всего лучше раскрываютъ впечатлѣніе Языкова отъ письма Гоголя слѣдующія строки: „Я вчера получилъ письмо отъ Гоголя, въ которомъ онъ говоритъ, что наши путешественники“ (надо сказать, что Гоголь собирался къ Языкову съ братомъ послѣдняго Петромъ Михайловичемъ и его управляющимъ Балдовымъ) „писали къ нему, чтобы онъ былъ готовъ къ отъѣзду (письмо изъ Москвы отъ 30 марта). Гоголь продолжаетъ хандрить немилосердно; говоритъ, что его болѣзнь(?) крайне усиливается отъ досадъ, имъ въ Москвѣ претерпѣваемыхъ. Не знаю, что̀ это значитъ. Я вообще не понимаю еще, что̀ его тревожитъ и чего онъ хочетъ“. Письмо Гоголя, удивившее Языкова, въ самомъ дѣлѣ должно было показаться ему страннымъ, кромѣ указанныхъ прежде соображеній, уже потому, что ему, не посвященному въ причины хандры Гоголя, были непонятны его сбивчивыя объясненія своихъ чувствъ. Во-первыхъ, оно начиналось словами: „Письма моего ты не понялъ. Я самъ виноватъ: я писалъ его непонятно, потому что, признаюсь, мнѣ не хотѣлось, мнѣ было страхъ тяжело обнаружить передъ тобою мое положеніе. Неужели ты думаешь, что въ самомъ дѣлѣ меня могутъ смутить какія бы то ни было сплетни? Да я, пожалуй, самъ про себя готовъ выдумать такія сплетни, какихъ и не приснится никому. Признаюсь, мнѣ было тяжело смущать и тебя. Я назвалъ ихъ(?) неопредѣленно сплетнями. Мнѣ тяжело было представить тебѣ иное въ печальномъ видѣ, которымъ я манилъ тебя, какъ свѣтлымъ“ [2]). Можно предполагать, что Языкову немного больше удалось понять изъ этого письма, чѣмъ изъ предыдущаго. Правда, Гоголь дѣлаетъ и болѣе прозрачные намеки, но опять неудовлетворительные для того, кому была неизвѣстна сущность дѣла хотя бы въ самомъ бѣгломъ очертаніи. „Можно бы не смутиться“, продолжалъ Гоголь, „если бы эти гадости состояли просто изъ однихъ подлыхъ толковъ; но эти гадости, сплетни или каверзы, или какъ хочешь вообрази ихъ себѣ, лишили меня всего, грозили отнять даже мои бѣдныя средства существованія. Эти гадости довели меня до послѣдней крайности нужды, заставили меня быть безчестнымъ передъ

---

[1]) Ср. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 459.

[2]) Соч. и письма Гоголя, V, 467.

тѣми, у которыхъ я взялъ деньги съ обѣщаніемъ выплатить въ назначенное время" и проч. Мы уже знаемъ, въ чемъ было дѣло, но не зналъ и не могъ знать этого Языковъ.

Между тѣмъ сборы Гоголя и Петра М—ча Языкова въ Ганау затягивались на неопредѣленное время. Вмѣсто того, чтобы скорѣе привести въ исполненіе свое благое намѣреніе, которымъ онъ было оживилъ стосковавшагося брата, П. М—чъ поѣхалъ по дѣламъ въ Симбирскъ и въ Репьевку и тамъ остался надолго. Наконецъ Гоголь, устроивъ свои дѣла по печатанію „Мертвыхъ Душъ" и видя, что ждать П. М—ча и Балдова пришлось бы слишкомъ долго, двинулся въ путь одинъ. Передъ отъѣздомъ онъ написалъ своему другу небольшую записочку, начинающуюся словами: „Петръ М—чъ не ѣдетъ. Но я ѣду къ тебѣ" и проч. (Письмо это невѣрно присоединено г. Кулишемъ къ письму отъ 30 марта, въ подлинникѣ оно представляетъ совершенно отдѣльное письмо, и, безъ сомнѣнія, было писано уже на отъѣздѣ).

XXI.

Когда Гоголь пріѣхалъ къ Языкову, онъ началъ нѣжно и заботливо ухаживать за нимъ, какъ нѣкогда за рано угасшимъ юношей Іосифомъ Віельгорскимъ. Но онъ не оставлялъ въ то же время мысли о совмѣстномъ путешествіи съ Языковымъ въ Римъ. Сначала они тронулись вмѣстѣ въ Гастейнъ, потомъ въ Венецію, куда прибыли во второй половинѣ 1842 г. (фактъ, не извѣстный до сихъ поръ въ біографіи Гоголя, но несомнѣннымъ образомъ засвидѣтельствованный письмомъ Языкова отъ 26 сент. 1842 г.)[1]), и, наконецъ, въ Римъ. Хлопоты и ухаживанія Гоголя были чрезвычайно полезны для Языкова и оцѣнены имъ съ должной благодарностью, но Языковъ не былъ доволенъ поѣздкой ихъ въ Римъ, гдѣ увлекавшійся Гоголь оказался не товарищемъ своему больному спутнику, который, тяготясь вообще всякимъ притокомъ впечатлѣній, не могъ, разумѣется, раздѣлять восторги Гоголя.

---

[1]) Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого письма: «Я въ Венеціи, куда подъ осѣненіемъ Гоголя благополучно прибылъ 22 сентября и гдѣ мы сидѣли довольно хорошо. Погода стоитъ негодная, но я все-таки уже видѣлъ площадь св. Марка и даже самый соборъ» и проч.

Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Языковъ: „Не знаю, какъ благодарить Гоголя за все, что̀ онъ для меня дѣлаетъ: онъ ухаживаетъ за мною и хлопочетъ обо мнѣ, какъ о родномъ; не будь его теперь со мною, я бы вовсе истомился. Вѣроятно, болѣе, нежели вѣроятно, что я рѣшусь ѣхать зимовать въ Римъ“.

Итакъ когда въ первыхъ числахъ октября 1842 г. Гоголь снова водворился въ Римѣ, на этотъ разъ уже ему удалось поселиться тамъ съ Языковымъ, съ которымъ онъ провелъ передъ тѣмъ мѣсяца два въ Гастейнѣ [1]). Объ удобнѣйшемъ устройствѣ Языкова въ Римѣ Гоголь заботился еще въ концѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Онъ подыскивалъ черезъ Иванова помѣстительную и удобную для нихъ обоихъ квартиру, преимущественно желая снова расположиться въ томъ домѣ на Strada Felice, № 126, въ которомъ за годъ передъ тѣмъ жилъ вмѣстѣ съ Анненковымъ [2]). Желаніе его исполнилось, а вскорѣ къ двумъ пріятелямъ присоединился еще давній знакомый Гоголя Чижовъ, бывшій товарищъ его по профессурѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, пріѣхавшій теперь въ Римъ для занятій исторіей искусства. Каждый изъ нихъ занялъ по этажу въ томъ же домѣ. Въ Петербургѣ Чижовъ только изрѣдка встрѣчался съ Гоголемъ и при высокомѣрной необщительности послѣдняго съ однимъ изъ „толпы вялыхъ профессоровъ“ и непродолжительной службѣ Гоголя, безъ сомнѣнія, былъ имъ едва замѣченъ. Даже послѣ продолжительнаго сожительства въ Римѣ Гоголь трактовалъ его свысока и перепутывалъ его имя и отчество [3]), а Чижовъ напротивъ относился къ Гоголю съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, не устранявшимъ, однако, натянутости Гоголя, требовавшаго не только внѣшнихъ знаковъ почтенія, но и значительнаго нравственнаго подчиненія. Когда передъ отъѣздомъ въ Римъ Чижовъ гостилъ у Жуковскаго въ Дюссельдорфѣ и разспросилъ у него адресъ Гоголя, онъ легко нашелъ его въ Римѣ и поселился съ нимъ и Языковымъ. Трудно сказать, было ли пріятно Гоголю появленіе близъ него этого новаго лица при его извѣстной необщительности. Между тѣмъ Гоголь, такъ долго и пламенно мечтавшій о совмѣстной жизни съ Языковымъ, и притомъ непремѣнно

---

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 228.

[2]) См. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 493 и «Записки о жизни Гоголя», т. I, 326.

[3]) «Русская Старина», 1889, IX, стр. 368.

въ Римѣ, вскорѣ по осуществленіи своего завѣтнаго плана, имѣлъ несчастье наскучить пріятелю своей крайней непрактичностью въ мелкихъ житейскихъ дѣлахъ и невыгоднымъ для нихъ обоихъ фанатическимъ пристрастіемъ къ лукавымъ итальянцамъ. Какъ ни отличался Языковъ безпечностью и благодушіемъ, но увлеченія и ошибки Гоголя слишкомъ рѣзко бросались ему въ глаза. С. Т. Аксаковъ передаетъ слухъ, что у Гоголя будто бы произошла съ Языковымъ размолвка изъ-за крѣпостного лакея, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ Языкова. Самъ Языковъ потомъ энергически отрицалъ это, но слухъ исходилъ отъ его братьевъ[1]) и, вѣроятно, имѣлъ свое основаніе, и притомъ, если невѣрны подробности, то сущность дѣла заключалась несомнѣнно въ томъ, что, сильно привязавшись къ Гоголю, Языковъ тѣмъ не менѣе не безъ труда переносилъ его неудачныя распоряженія, хотя, быть можетъ, ничѣмъ этого не выказывалъ[2]). Онъ былъ терпѣливъ, но о жизни въ Римѣ писалъ слѣдующее: „Холодно мнѣ и скучно и даже досадно, что я согласился на льстивыя слова Гоголя и поѣхалъ въ Римъ, гдѣ онъ хотѣлъ и обѣщался устроить меня, какъ нельзя лучше; на дѣлѣ вышло не то: онъ распоряжается крайне безалаберно, хлопочетъ и суетится безтолково, почитаетъ всякаго итальянца священною особою, почему его и обманываютъ на каждомъ шагу. Мнѣ же, не знающему италіанскій языкъ, нельзя ничего ни спросить, ни достать иначе, какъ чрезъ посредство моего любезнѣйшаго автора „Мертвыхъ Душъ", я же совѣщусь его безпокоить и вводить въ заботы, тѣмъ паче, что изъ нихъ выходитъ вздоръ".

Притомъ, не будучи въ состояніи выѣзжать и потому не находя ничего привлекательнаго въ Римѣ, онъ, разумѣется, не могъ не тосковать по тѣмъ удобствамъ, которыми былъ обставленъ прежде всюду въ Германіи и Тиролѣ. Изъ писемъ видно, что въ Римѣ жизнь представлялась Языкову не удобною въ сравненіи съ германской: „здѣсь несравненно дороже", писалъ онъ, „чѣмъ въ Германіи, хотя устройства для иностранцевъ нѣтъ такого, какъ у смышленыхъ нѣмцевъ. Въ Ганау не было

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 66.

[2]) Въ данномъ случаѣ въ своихъ сужденіяхъ мы основывались на обширной и не напечатанной перепискѣ Языкова.

мнѣ такъ скучно, какъ теперь въ Римѣ. Я еще не могу наслаждаться осматриваніемъ здѣшнихъ великихъ достопамятностей и, вѣроятно, не буду въ состояніи это дѣлать, какъ бы слѣдовало порядочному человѣку". Кончилось тѣмъ, что, не давая Гоголю замѣтить причиняемаго имъ вмѣсто помощи невольнаго стѣсненія, Языковъ постарался освободиться отъ его дружескихъ услугъ и странствовать отдѣльно. Но прежде такого рѣшенія долго еще ему пришлось пользоваться попеченіями Гоголя. Такъ въ концѣ 1842 года Гоголь писалъ однажды А. О. Смирновой, что, узнавъ о пріѣздѣ ея во Флоренцію, хотѣлъ бы тотчасъ поѣхать къ ней, но что его удерживалъ находившійся на его рукахъ Языковъ. Какъ бы то ни было, разставаясь потомъ съ Гоголемъ, Языковъ вынесъ прочное убѣжденіе въ непрактичности Гоголя и его горячемъ пристрастіи къ Италіи и итальянцамъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, сообщая одному изъ братьевъ о предстоявшей поѣздкѣ Гоголя въ Италію, онъ говорилъ: „Въ Римѣ ему будетъ веселѣе; онъ любитъ Италію и даже итальянцевъ до безумія". Наконецъ въ половинѣ 1843 года Языковъ поѣхалъ навсегда въ Россію, оставивъ Гоголя его заграничнымъ увлеченіямъ. Несмотря однако на все изложенное, во всякомъ случаѣ, отношенія Гоголя съ Языковымъ ничѣмъ существенно не омрачались, и доказательствомъ этого служитъ не только вполнѣ дружескій тонъ ихъ переписки, но также слѣды искренняго расположенія къ Гоголю въ письмахъ Языкова къ братьямъ, широкій кредитъ, открытый Гоголю Языковымъ, и наконецъ взятое съ Гоголя при прощаньѣ слово въ случаѣ первой нужды обратиться за деньгами непремѣнно къ нему, Языкову [1]). Но въ то же время не менѣе теплыми и искренними были взаимныя отношенія Языкова съ Чижовымъ, и можетъ быть, они были даже болѣе свободными, чѣмъ сношенія Языкова съ Гоголемъ. Чижовъ въ сообщенныхъ имъ г. Кулишу воспоминаніяхъ замѣтилъ: „съ Языковымъ мы жили совершенно по братски, какъ говорится, душа въ душу, и остались истинными братьями до послѣдней минуты его; съ Гоголемъ никакъ ни сходились" [2]). Переписка Языкова и характеръ

---

[1]) См. Соч. и письма Гоголя, VI, 4—5 и 44. «Русск. Стар.» 1875, IX, 117, (и 22 и X, стр. 304).

[2]) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 326.

всѣхъ его отзывовъ о Чижовѣ показываетъ его полнѣйшую преданность и уваженіе къ послѣднему, чѣмъ вполнѣ подтверждаются только-что приведенныя слова, и едва ли въ нихъ можно сомнѣваться вообще, принимая въ соображеніе добрый, уживчивый и кроткій характеръ Языкова. Но съ Гоголемъ Чижовъ не могъ сблизиться не смотря на свое благоговѣніе къ нему, сказавшееся въ недавно напечатанныхъ его письмахъ[1]): надо думать, что Гоголь по обыкновенію сторонился и не допускалъ съ собой большой короткости; да и по словамъ самого Чижова, онъ поражалъ его рѣзкостью тона и сужденій, постоянными противорѣчіями, хотя все это не мѣшало иногда Гоголю же писать къ нему и назначать во время ихъ заграничныхъ странствованій мѣсто взаимныхъ встрѣчъ. Въ присутствіи Чижова Гоголь бывалъ обыкновенно неразговорчивъ и суровъ, что, въ свою очередь, чувствовалось послѣднимъ и невольно возбуждало въ немъ какой-то духъ противорѣчія и отчужденія...

XXII.

Но сношенія Гоголя съ Языковымъ заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться и посвятить имъ особое вниманіе.

Слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что дружба ихъ не имѣла въ сущности той глубокой и прочной основы, которая можетъ заключаться единственно въ сходствѣ характеровъ и убѣжденій[2]). Напротивъ, во внутреннемъ мірѣ обоихъ, повидимому, не было достаточнаго соотвѣтствія и ихъ пріязнь опиралась преимущественно на личную симпатію и на нѣкоторыя внѣшнія причины, такъ или иначе способствовавшія ихъ сближенію. Мы видѣли раньше, съ какимъ сочувствіемъ встрѣтилъ Языковъ первыя произведенія Гоголя, а Гоголь, въ свою очередь, еще задолго до личнаго знакомства съ Языковымъ восхищался его стихами. Мы говорили, что кромѣ того обаянія, которое производила необыкновенная деликатность, мягкость и искреннее добродушіе Языкова, Гоголя сближало съ нимъ общее имъ обоимъ убѣжденіе въ высокомъ при-

---

[1]) «Русская Стар.», 1889, VIII, 363—380.

[2]) Мы указали выше, что ихъ соединяли «сходныя воззрѣнія на поэзію и литературу вообще, присущее имъ обоимъ глубокое религіозное настроеніе и, наконецъ, также въ значительной степени тяжелыя страданія отъ физическихъ недуговъ» (см. т. III, стр. 350). Но затѣмъ въ ихъ характерахъ были и черты коренного различія, о чемъ мы здѣсь и скажемъ подробно.

званіи поэта и писателя вообще. Но нельзя сказать, чтобы между ними установилось истинное духовное общеніе и полное взаимное пониманіе, отличавшее напримѣръ отношенія Гоголя къ Смирновой, въ которой, вслѣдствіе значительнаго сходства ихъ міросозерцаній, находило отголосокъ каждое его слово. Прежде всего Гоголь и Языковъ далеко не одинаковыми глазами смотрѣли на соединявшія ихъ отношенія. Языковъ видѣлъ въ Гоголѣ не болѣе, какъ одного изъ болѣе симпатичныхъ пріятелей, — и только. Нигдѣ въ его перепискѣ не замѣтно проявленіе предпочтительной дружбы къ Гоголю, хотя онъ относился къ нему неизмѣнно съ искреннимъ сочувствіемъ и говорилъ о немъ всегда вполнѣ серьезнымъ и уважительнымъ тономъ, что̀, при свойственной ему, правда, шутливой и добродушной насмѣшливости, распространявшейся на самыхъ близкихъ друзей, составляло рѣшительное исключеніе. (Кромѣ Гоголя съ неизмѣннымъ уваженіемъ Языковъ относился только къ своему зятю, А. С. Хомякову). Но Языковъ былъ не только не склоненъ, подобно Смирновой, сочувствовать и вторить нравоучительнымъ разсужденіямъ Гоголя, но нѣтъ сомнѣнія, что они только едва скользили по душѣ его, не оставляя въ ней слѣдовъ, и по прочтеніи сдавались на „крѣпкое храненіе“ одного изъ братьевъ, и это не потому, чтобы Языковъ находилъ неудовлетворительной философію Гоголя, а просто въ силу совершенно несходнаго ихъ психическаго склада. Конечно, ничего подобнаго Гоголь и не подозрѣвалъ; иначе онъ бы не сталъ расточать передъ Языковымъ свои „душевныя открытія“, которымъ придавалъ совсѣмъ не обыденное значеніе. Въ противоположность отвлеченнымъ разсужденіямъ, переполняющимъ письма Гоголя за послѣднее десятилѣтіе, вся переписка Языкова до послѣднихъ дней его жизни изобиловала шутками, анекдотами, сообщеніемъ новостей, — однимъ словомъ, носила характеръ совершенно внѣшній, такъ сказать, фактическій и безусловно чужда всякихъ отвлеченностей. Поэтому и разсужденія Гоголя, такъ сказать, пропускались имъ мимо ушей и онъ относился къ нимъ вполнѣ безразлично, не увлекаясь ими и не поражаясь ихъ странностями[1]). Но, къ счастью, при выборѣ своихъ друзей,

---

[1]) Что Гоголь не казался страннымъ Языкову въ послѣднее время жизни второго, видно изъ слѣдующихъ словъ его: «Не знаю, съ чего пошелъ слухъ,

Гоголь, углубленный въ свой внутренній міръ, соображался не столько съ ихъ дѣйствительными качествами, сколько съ предполагаемыми, и задаваясь нравственнымъ вліяніемъ на нихъ, чувствовалъ потребность не столько въ собесѣдникахъ, сколько въ слушателяхъ. Гоголь полюбилъ Языкова не только за его открытый характеръ и добродушіе, но еще больше за то, что онъ былъ для него поэтомъ, котораго ему предстояло направить на путь истинный, воодушевить возвышенными стремленіями и обратить на служеніе духовнымъ интересамъ. Выработавъ себѣ идеальный взглядъ на призваніе писателя, онъ не удовлетворялся желаніемъ осуществить его въ своей личной дѣятельности, но хотѣлъ способствовать и выполненію его другими. Оттого его письма къ Языкову наполнены различными поощреніями и совѣтами и оттого же, когда Гоголь узналъ отъ Языкова о много обѣщающемъ поэтическомъ талантѣ И. С. Аксакова, то онъ готовъ былъ съ такой же ревностью устремить свое вліяніе на этого юнаго тогда пѣвца[1]).

что Гоголь сошелъ съ ума и сжегъ продолженіе «Мертвыхъ Душъ». Я вчера получилъ отъ него письмо, въ которомъ сумасшествія незамѣтно; а о своихъ сочиненіяхъ онъ обыкновенно ничего не пишетъ» (9 окт. 1846 г.).

[1]) Хотя другіе заботы и интересы отвлекли потомъ Гоголя отъ музы Аксакова, и притомъ онъ ею, кажется, остался не вполнѣ доволенъ, тѣмъ не менѣе тотъ живой интересъ, съ которымъ онъ принялъ пріятно поразившее его извѣстіе, заслуживаетъ упоминанія. «Я порадовался», отвѣчалъ онъ Языкову, «что у Аксакова Ивана есть талантъ. Я писалъ къ отцу, чтобы прислалъ онъ его стиховъ; напомни и ты, или лучше — пришли самъ»[1]). Въ самомъ дѣлѣ, незадолго передъ тѣмъ, въ концѣ ноября 1845 года, Гоголь писалъ объ этомъ С. Т. Аксакову[2]). Но, какъ видно изъ письма Гоголя къ С. Т. Аксакову отъ 23 марта 1846 года и къ Языкову отъ 24 марта[3]), ожиданія Гоголя были неудовлетворены. Одно стихотвореніе очень понравилось Гоголю и во многихъ другихъ онъ также находилъ признаки таланта, но уже откровенныя слова его, что онъ удивляется, почему послѣдніе стихи уступаютъ первымъ[4]), не оставляютъ сомнѣнія, что похвалы его юному таланту имѣли условное значеніе. Но такъ какъ «въ юношѣ виденъ талантъ рѣшительный, стремленье приспособить поэзію къ дѣлу и къ законному вліянію на текущія современныя событія», то Гоголь совѣтуетъ Языкову прочесть

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 229.

[2]) Тамъ же, стр. 225.

[3]) Тамъ же, стр. 244.

[4]) Мнѣніе Гоголя было передано С. Т. Аксаковымъ сыну, который не могъ признать его справедливымъ. «Мнѣ кажется, что я больше владѣю уже формой, чѣмъ прежде», писалъ онъ, «что я подвинулся впередъ, тамъ что ни говори Гоголь» («Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ», стр. 323).

Принимая участіе въ болѣзни Языкова, Гоголь также больше всего интересовался аналогіей между своимъ собственнымъ положеніемъ и положеніемъ дорогого ему скорбящаго и болящаго друга, и потому его совѣты, касающіеся лѣченія, являются всегда болѣе или менѣе отраженіемъ тѣхъ мистическихъ взглядовъ, которые у него составлялись относительно своихъ собственныхъ болѣзней. Самой любимой темой его писемъ къ Языкову, кромѣ призывовъ къ строенію лиры на возвышенный ладъ, были именно эти совѣты о лѣченіи; но въ чемъ же они состояли? Гоголь составилъ себѣ пагубное убѣжденіе, что все спасеніе для человѣка и писателя заключается въ самоуглубленіи и умѣніи находить въ своей душѣ, очищенной посредствомъ молитвы, отвѣты, даваемые самимъ Богомъ. Этимъ умѣніемъ онъ хочетъ подѣлиться съ своими друзьями и такимъ образомъ принести имъ пользу. Странно видѣть, какъ мистицизмъ доводилъ Гоголя до ребяческаго самообольщенія. Наставляя другихъ, Гоголь не имѣлъ никакой реальной опоры въ своихъ разсужденіяхъ и, блуждая ощупью, прибѣгалъ къ молитвѣ, послѣ которой чувствовалъ себя освѣженнымъ и получалъ увѣренность, что мучившіе его вопросы разрѣшены имъ будто бы по указанію самого Бога. Само собой разумѣется, что отвѣты приходили тѣ, которые всего больше нравились Гоголю, и они его ободряли. Когда Гоголь спрашивалъ въ молитвѣ, зачѣмъ ему посылаются молитвы, отвѣтъ былъ тотъ, что болѣзни нужны и благодѣтельны, и это успокоивало его, такъ какъ гораздо отраднѣе было видѣть въ болѣзняхъ таинственный путь къ совершенствованію, нежели просто безсмысленный и прозаическій тормазъ для дѣятельности; если онъ спрашивалъ объ успѣхѣ своей или чужой литературной дѣятельности, своей или чужой болѣзни, то отвѣтъ также получался благопріятный, и притомъ

ему свои письма о назначеніи лирической поэзіи. «Штука не въ нашихъ мараньяхъ», говорилъ по поводу этихъ писемъ Гоголь, «но въ томъ, что благодать Божія озаряетъ нашъ умъ и заставляетъ его увидѣть истину даже и въ мараньяхъ». Гоголю казалось, что эти «маранья» принесутъ пользу поэту, который «еще не воспитался и будетъ еще долго ходить и колесить около, пока не попадетъ на самое дѣло», и очень можетъ быть, что если бы стихотворенія И. С. Аксакова понравились ему больше, а съ другой стороны личныя отношенія ихъ были ближе, онъ сталъ бы такъ же сердечно заботиться о развитіи таланта Аксакова, какъ онъ горячо ратовалъ за «очищеніе» музы Языкова.

имѣвшій еще то преимущество, что, по мнѣнію Гоголя, сомнѣваться въ немъ было бы невѣріемъ и святотатствомъ. Когда Гоголь говоритъ Языкову, что „прозрѣваетъ въ его письмѣ вслѣдствіе своего внутренняго чутья“ даже сквозь „самыя развлеченія и даже мази Иноземцева“, что отъ него „не такъ далеко время писанья и работы“ [1]), то это могло быть не однимъ утѣшеніемъ пріятеля, но и искренней увѣренностью. Однажды даже, не имѣя возможности ѣхать къ Языкову навстрѣчу во время ихъ пребыванія за-границей, Гоголь въ молитвѣ получилъ отвѣтъ, что это даже вовсе и не нужно и можно обойтись безъ этого. „Я хотѣлъ было ѣхать къ тебѣ навстрѣчу, въ Дрезденъ“, писалъ онъ, „но оробѣлъ при видѣ разстоянія, усталъ сильно отъ поѣздокъ, да и карманъ сталъ изрядно тощеватъ. Впрочемъ, все это меня никакъ бы не остановило, если бы я только *услышалъ,* что присутствіе мое нужно“ [2]). Напротивъ, когда Языкову случалось дѣлиться съ Гоголемъ какимъ-нибудь горемъ (однажды онъ жаловался ему на своихъ противниковъ, приверженцевъ западнической теоріи), то Гоголь отвѣчалъ ему не столько на эти жалобы, сколько на свои собственныя мысли. Онъ, правда, спѣшилъ съ словомъ утѣшенія, но это слово походило скорѣе на назиданіе проповѣди, нежели на совѣты друга. Самое характерное письмо Гоголя къ Языкову — это, по моему мнѣнію, письмо отъ 15 февраля 1844 г. изъ Ниццы. Здѣсь Гоголь развиваетъ цѣлую теорію утѣшенія въ болѣзняхъ и скорбяхъ, не замѣчая въ своемъ увлеченіи, что всѣ его доводы основываются на безконечномъ рядѣ *„можетъ быть“*, которыя не мѣшаютъ ему эти доводы считать гораздо основательнѣе и надежнѣе самыхъ строгихъ логическихъ аргументовъ.

Любопытно, что, запутавшись въ мистическомъ лабиринтѣ, Гоголь не замѣчалъ самыхъ вопіющихъ противорѣчій самому себѣ. Такъ, отыскивая ощупью тотъ путь, который долженъ былъ привести его къ познанію скрытой отъ многихъ истины, онъ старался посвятить въ него и своихъ друзей. Онъ даетъ подробныя объясненія Языкову, какъ слѣдуетъ искать отвѣтовъ на душевные запросы; но желая дѣлиться съ дру-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 31.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 20.

гими своей мудростью, онъ наивно проситъ у нихъ, въ свою очередь, помощи въ такомъ же нравственномъ руководствованіи. „Будемъ добиваться отвѣтовъ изъ глубины душъ нашихъ“, пишетъ онъ Языкову, „и что̀ найдемъ тамъ въ утѣшеніе себѣ, подѣлимся по-братски“. Въ силу этого Гоголь приглашаетъ Языкова къ письменной бесѣдѣ по поводу прочитанныхъ ими обоими книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Но вотъ примѣръ другаго, еще болѣе страннаго противорѣчія. Совѣтуя Языкову прибѣгнуть къ помощи извѣстнаго доктора Призница, Гоголь хочетъ сообщить ему собственное увлеченіе и преувеличенную вѣру въ чудесное исцѣленіе Призницемъ больныхъ. Въ лѣченіи Призница Гоголь цѣнитъ не столько медицинскія знанія, сколько оригинальные пріемы, имъ употребляемые. Онъ особенно восхищается, что Призницъ нимало не смущается, напр., дурной погодой, лихорадочнымъ состояніемъ больныхъ и проч. „Призницу это ни по чемъ!“ съ восторгомъ говоритъ Гоголь, и тотчасъ спѣшитъ дать мистическое объясненіе успѣхамъ его лѣченія. „Въ письмѣ Россета не столько самая вода изумила меня своимъ дѣйствіемъ изумительнымъ, сколько геній исцѣляющаго ею, передъ которымъ мы всѣ должны поклониться, и это просто грѣхъ на душѣ нашей, если мы этого не сдѣлаемъ“, потому что „это значило бы не благоговѣть передъ величествомъ Божіимъ, вселившимъ въ человѣка такое откровеніе, на благо намъ, въ упрекъ нашей гордости и въ оплеваніе жалкихъ хитростей ума нашего“[1]). Ясно, что при такихъ взглядахъ, чѣмъ что̀ представлялось невѣроятнѣе и необъяснимѣе, тѣмъ больше внушало къ себѣ довѣрія со стороны Гоголя. Но когда Языковъ не послѣдовалъ совѣту Гоголя и, отчаявшись въ помощи медицины, устремился скорѣе на родину, то у Гоголя нашлась другая теорія, по которой въ сущности никакіе врачи, самые геніальные, ничего не могутъ сдѣлать и всю надежду слѣдуетъ возложить исключительно на молитву и помощь Божію. Такъ Гоголь писалъ уже Языкову: „Мнѣ кажется, что всѣ мази и притиранія надобно понемногу отправлять за окошко. Тѣло твое возбуждали довольно; пора ему дать даже необходимый отдыхъ, а вмѣсто того слѣдуетъ дать работу духу. На болѣзнь нужно смотрѣть,

---

[1]) Сочин. и письма Гоголя, т. VI, стр. 15.

какъ на сраженіе“ и проч.[1]). „Средства физическія могутъ отыскаться многія. Изъ нихъ, конечно, дѣйствительнѣе всѣхъ для тебя Призница; но тебѣ нужно освѣженіе душевное“[2]). Итакъ, значеніе совѣтовъ Призница и всякаго вообще лѣченія въ глазахъ Гоголя являлось то чрезвычайно важнымъ, то совершенно ничтожнымъ. Но Гоголь все-таки съ своей точки зрѣнія былъ послѣдователенъ: онъ во всемъ и вездѣ видѣлъ тайну, которую старался угадывать болѣе или менѣе одинаковымъ фантастическимъ способомъ[3]).

XXIII.

Такимъ образомъ и въ Римѣ, какъ недавно въ Москвѣ, Гоголю вначалѣ долго не удалось окружить себя людьми по душѣ, такъ какъ, благодаря несочувствію Языкова его восторженнымъ увлеченіямъ Италіей, между ними не могла установиться ожидаемая полная нравственная гармонія. Впрочемъ

---

[1]) Сочин. и письма Гоголя, т. VI, стр. 34.

[2]) Тамъ же, VI, 20.

[3]) Дальнѣйшія замѣчанія о перепискѣ Языкова съ Гоголемъ будутъ приведены ниже. Здѣсь отмѣтимъ только, что письма Языкова къ Гоголю, писанныя имъ въ Москву, не всегда доходили по назначенію. Между прочимъ слѣдующія слова Языкова отчасти указываютъ на судьбу этихъ писемъ: «Вчера получилъ я письмо отъ Гоголя — нѣсколько строкъ; онъ до сихъ поръ не получилъ отъ меня ни одного письма съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Москву, а я писалъ къ нему шесть разъ! Мнѣ это тѣмъ досаднѣе, что въ одномъ изъ пропавшихъ писемъ къ нему было и письмо къ Авдотьѣ Петровнѣ» (т.-е. Елагиной; письмо отъ 28 янв. 1842). «Я все-таки не имѣю писемъ отъ Гоголя: видно, они продолжаютъ пропадать. Странно и очень досадно мнѣ, потому что я вообще пишу неохотно. Были въ моемъ письмѣ къ нему письма и со вложеніемъ стиховъ,— это еще досаднѣе писателю». (Это письмо, впрочемъ, должно быть, получилъ Гоголь; см. въ изданіи Кулиша, т. V, стр. 458). «Мои письма — не знаю, какой судьбой не доходятъ въ Москву», говорилъ въ другой разъ Языковъ (письмо отъ 25 марта 1842 г.). Отмѣтимъ также въ одномъ письмѣ Языкова слѣдующія слова о Гоголѣ: «Братъ Петръ Михайловичъ обѣщалъ прислать Гоголю собраніе словъ русскихъ, имъ для него записанныхъ, и описаніе крестьянскихъ издѣлій или ремеслъ, имъ же составленныхъ. Гоголю то и другое теперь очень нужно, почему онъ и поручилъ мнѣ написать о томъ по принадлежности». Въ слѣдующемъ письмѣ снова повторяется та же просьба. Наконецъ она была исполнена, но Гоголь все-таки нескоро или даже совсѣмъ не получилъ желаемаго. См. изд. Кул., VI, 85. Въ недавнее время письма Языкова къ Гоголю найдены въ бумагахъ покойнаго академика Н. С. Тихонравова и сообщены нами редакціи «Русской Старины» (см. 1896, XII).

и для самого Гоголя Римъ уже не имѣлъ прежней прелести, и хотя онъ не переставалъ (по свидѣтельству А. О. Смирновой) восхищаться имъ, какъ будто онъ былъ его открытіемъ, но многое отравлялось уже болѣзнью, неудачами и даже всякими мелкими случайностями вродѣ дурной погоды. Прежде всего, какъ мы знаемъ, его терзали мучительныя денежныя заботы, осложняемыя неотступными жалобами и просьбами матери. До сихъ поръ только вынужденная поѣздка въ Россію въ 1839 г., сдѣланные для нея займы отравили на время артистическое упоеніе Гоголя Италіей; теперь его разстроивала предстоявшая, какъ онъ опасался, опись имѣнія родныхъ. По его собственному, безъ сомнѣнія, искреннему сознанію, онъ не былъ въ то время въ состояніи писать письма иначе, какъ послѣ продолжительнаго, иногда мѣсячнаго, а однажды даже полугодового тщательнаго обдумыванія[1]). Хотя страхъ за судьбу матери и сестеръ оказался вскорѣ преувеличеннымъ и дѣла ихъ „изворотились"[2]), но само собою разумѣется, что ужасная перспектива полнаго разоренія и нищеты своей семьи, какъ бы безпечно ни относился къ ней Гоголь, не могла не нарушить его спокойствія. Заботы о семьѣ камнемъ лежали на душѣ его, а благополучнаго исхода вначалѣ не предвидѣлось. Правда странность мистическаго настроенія Гоголя сказалась и здѣсь въ щедро расточаемой роднымъ морали и наставленіяхъ, но вѣдь помочь дѣломъ онъ не могъ, а суровому аскету привычнѣе и сподручнѣе были увѣщанія, нежели дѣятельное участіе. Гоголь даже Аксакова просилъ прибавить съ своей стороны также „умный совѣтъ, который можетъ быть полезнѣе самихъ денегъ"[3]). Мучило Гоголя и то, что для выручки его домашнихъ изъ тяжелаго положенія долженъ былъ сдѣлать крупный заемъ Данилевскій, самъ бѣдствовавшій послѣ смерти матери и безуспѣшно искавшій мѣста[4]). Въ это же самое время Гоголь получалъ

---

[1]) См. «Русск. Стар.», 1875, X, 319; Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 19.

[2]) «Русск. Стар.», 1875, X, стр. 301; и Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 9.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 6 и 19; «Русск. Стар.», 1875, IX, 129.

[4]) «Русск. Стар.», 1875, IX, 129; X, 302; Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 28; и «Русское Слово», 1859, I, 129. Впрочемъ былъ ли дѣйствительно долженъ Гоголю Данилевскій, или это была неразъясненная дипломатическая уловка для смягченія сыпавшихся отовсюду упрековъ, не знаемъ; на послѣднее предположеніе можетъ навести конецъ письма къ нему отъ 14/26 февр. 1843 г. (Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 435.)

отъ Данилевскаго письма, въ которыхъ послѣдній усиленно просилъ его о протекціи, такъ какъ ее могъ оказать ему только Гоголь благодаря довольно обширнымъ и вліятельнымъ знакомствамъ. Возлагая всѣ надежды на своего друга, Данилевскій писалъ ему: „При такихъ (трудныхъ) обстоятельствахъ устрой меня, какъ хочешь; согласи ихъ, если это возможно, не забывая совсѣмъ моихъ желаній и выгодъ матеріальныхъ“ [1]). Гоголь успокоивалъ Данилевскаго, говоря: „Тебя примутъ (въ Москвѣ) радушно и совершенно по домашнему всѣ тѣ, которые меня любятъ“ [2]); но онъ неудачно хотѣлъ было возбудить вопросъ о ходатайствѣ за Данилевскаго черезъ Шевырева и Погодина передъ московскимъ генераломъ-губернаторомъ Д. Вл. Голицынымъ, при которомъ, какъ оказалось, вначалѣ необходимо было служить совсѣмъ безъ жалованія [3]). Наконецъ Гоголь совершенно ненамѣренно оскорбилъ Данилевскаго однажды упреками въ погруженіи во внѣшнюю, матеріальную жизнь, что̀ вызвало со стороны послѣдняго рѣзкое, раздражительное письмо [4]). Всегдашняя самолюбивая обидчивость Данилевскаго проявилась здѣсь въ очень сильной степени. „Я вспыльчивъ и щекотливъ. Я живо чувствую оскорбленія“ [5]), говорилъ о себѣ Данилевскій въ небольшой замѣткѣ объ особенностяхъ своего характера, и та же черта его была ему поставлена на видъ Гоголемъ. „Ты всегда былъ слишкомъ привязчивъ къ словамъ“ — оправдывался Гоголь — „и часто, вырвавши вдругъ изъ середины слово, судишь о немъ отдѣльно отъ всего. Съ этимъ вмѣстѣ ты соединяешь въ себѣ, что̀ всего хуже, самую тонкую обидчивость и свойство оскорбляться сильно знакомъ какого-нибудь пренебреженія или какого-нибудь превосходства“ [6]). Все это должно было сильно разстроить Гоголя, и, сознавая свою неосторожность, онъ спѣшилъ помириться съ Данилевскимъ и выплатить ему долгъ, чтобы сколько-нибудь вывести

---

1) «Вѣстникъ Европы», 1890, II, стр. 585—586.

2) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 430. Письмо это по ошибкѣ отнесено г. Кулишемъ вмѣсто 1843 къ 1841 году; см. «Вѣстникъ Европы», 1890, II, 587—588.

3) «Вѣстникъ Европы», 1890, II, 585 и Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 430.

4) «Древняя и Новая Россія», 1879, I, 59—63.

5) «Вѣстникъ Европы», 1890, II, стр. 619.

6) «Древняя и Н. Р.», 1879, I, 62.

его изъ затруднительнаго положенія. При такихъ обстоятельствахъ вполнѣ естественнымъ и понятнымъ является увѣреніе, что „заботы и безпокойства обо всемъ и объ обезпеченіи на три года удалили Гоголя отъ внутреннихъ занятій“ и что „полгода похищено времени, слишкомъ важнаго“[1]). Даже письмо къ Шевыреву „стоило ему большого труда“[2]), а о письмѣ къ матери и сестрамъ Гоголь прямо говорилъ, что его онъ полгода писалъ и обдумывалъ[3]). Эти послѣднія слова мы читаемъ въ письмѣ къ Шевыреву отъ 6 октября 1843 года, а въ письмѣ къ Аксакову отъ 18 марта находимъ такое признаніе: „вотъ уже скоро третій мѣсяцъ, какъ я всякій день принимаюсь за перо писать ей (т.-е. матери), и всякій разъ не имѣю силъ — бросаю перо и разстраиваюсь во всемъ“[4]). Это глубокое обдумываніе писемъ было, въ свою очередь, у Гоголя въ самой тѣсной связи съ его „внутреннимъ воспитаніемъ“. Любопытно, что, относясь такимъ образомъ къ собственнымъ письмамъ, онъ просилъ совершенно противоположнаго, т.-е. полнѣйшей свободы въ письмахъ, отъ своихъ друзей. Въ этомъ смыслѣ онъ часто высказывалъ свои желанія не только домашнимъ, но и Аксакову, котораго убѣждалъ, что къ нему „можно писать, не дожидаясь никакого расположенія, или удобнаго времени, а въ суматохѣ, между картами, передъ чаемъ, на запачканномъ лоскуточкѣ, въ трехъ строкахъ, съ ошибками и со всѣмъ, что̀ Богъ послалъ на ту минуту“[5]). Также онъ просилъ и Языкова: „пиши впопыхахъ и на живую нитку; что̀ написалось, то сейчасъ и отправляй[6])“. Разъясненіе этого внѣшняго противорѣчія находимъ въ письмѣ къ Шевыреву отъ 12 марта 1844 г., гдѣ Гоголь говоритъ: „обдуманныя письма долженъ я писать къ вамъ, потому что еще строюсь и создаюсь въ характерѣ, а вы уже создались“[7]).

---

[1]) «Русская Стар.», 1875, X, 301.
[2]) Тамъ же, стр. 297.
[3]) «Русская Стар.», 1875, X, 305 и Соч. и письма Гоголя, т. VI, 19.
[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 6.
[5]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 8. (Ср. «Русская Жизнь», 1892, № 71).
[6]) Тамъ же, стр. 36.
[7]) «Русская Стар.», 1875, X, 308.

XXIV.

Въ это-то тяжелое и хлопотливое время, когда Гоголя со всѣхъ сторонъ осаждали непріятности, онъ не терялъ самообладанія и по обыкновенію старался отыскивать во всемъ утѣшительныя стороны, успокоивая себя между прочимъ мыслью о томъ, что, „можетъ быть, и болѣзненное расположеніе во всю зиму, и мерзѣйшее время, которое стояло въ Римѣ во все время пребыванія тамъ, нарочно отдаляло отъ него трудъ, чтобы онъ взглянулъ на дѣло съ дальняго разстоянія и почти чужими глазами“ [1]). Анненковъ находилъ, что въ эту пору религіозный мистицизмъ еще не очень захватилъ Гоголя — едва ли это такъ, скорѣе Гоголь былъ развлекаемъ тогда разными практическими дѣлами и, какъ онъ говорилъ, не имѣлъ времени заняться своимъ внутреннимъ воспитаніемъ, хотя и стремился осуществить эту цѣль при первой возможности. „Распредѣленіе статей, условія съ книгопродавцами, время выпуска, выгоды, какихъ можно ожидать отъ предпріятія, и наконецъ употребленіе будущихъ суммъ“, — говоритъ Анненковъ, — „все было взвѣшено и обсуждено имъ съ необычайной аккуратностью: онъ былъ занятъ жизнью весьма серіозно“ [2]). Но изо всей переписки Гоголя видно, что онъ былъ занятъ жизнью поневолѣ и считалъ все это время потеряннымъ для своего будущаго труда и для связаннаго съ нимъ самоусовершенствованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при всемъ стремленіи къ уединенной созерцательной жизни и самоуглубленію, ему необходима была душа, способная отзываться на мистическіе запросы его собственной души. Языковъ и здѣсь не могъ быть повѣреннымъ его думъ — по своей натурѣ нисколько не мистической и мало сосредоточенной въ себѣ, и тѣмъ сильнѣе долженъ былъ привязаться Гоголь къ вскорѣ прибывшей въ Римъ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, въ которой онъ въ значительной степени нашелъ желаемое.

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 22. Одно время Гоголю было даже запрещено работать послѣ перенесенной имъ тяжкой болѣзни. См. «Русскую Жизнь», 1892, № 64.

[2]) «Воспоминанія и критическіе очерки», т. I, стр. 229.

Послѣднія свиданія ихъ, какъ мы знаемъ, происходили въ Баденѣ лѣтомъ 1837 г. Послѣ того въ концѣ тридцатыхъ годовъ Гоголь переписывался съ нею и ея мужемъ, Н. М. Смирновымъ. О письмѣ къ нему Смирнова съ сообщеніемъ объ обѣдѣ, данномъ Крылову по поводу пятидесятилѣтняго юбилея,. Гоголь упоминаетъ въ письмѣ къ Данилевскому отъ 13 мая 1838 г.[1]). Что касается до переписки съ нимъ А. О. Смирновой, то братъ ея, Л. И. Арнольди, свидѣтельствовалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ, что Гоголь „находился съ ней въ постоянной дружеской перепискѣ *въ теченіе болѣе четырнадцати лѣтъ*“ [2]). Во всякомъ случаѣ эта переписка возобновилась въ концѣ 1842 г., когда Гоголь, обрадованный дошедшимъ до него извѣстіемъ о пріѣздѣ Смирновой во Флоренцію, писалъ ей изъ Рима, что тотчасъ же хотѣлъ бы ѣхать къ ней, но не могъ исполнить намѣреніе, имѣя на рукахъ больного Ник. Мих. Языкова. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстіе было получено имъ въ ту минуту, когда онъ рѣшительно не зналъ, какъ ему отвести душу отъ осаждавшихъ со всѣхъ сторонъ невзгодъ, и вотъ онъ какъ утопающій хватается за соломинку, убѣдительно умоляетъ Смирнову пріѣхать въ Римъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ встрѣчи, чуть

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 323. Впрочемъ писемъ Гоголя къ Н. М. Смирнову было немного и, кажется, они не сохранялись обѣими сторонами; содержаніе ихъ, по словамъ покойной О. Н Смирновой, составляли семейныя дѣла, но изрѣдка также и общественныя и даже политическія. Въ перепискѣ ея родителей также сохранились кое-какія отрывочныя указанія на существованіе этихъ писемъ.

[2]) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 58, первая строка сверху. О. Н. Смирнова начало переписки Гоголя съ ея родителями относила положительно къ 1837 г. (См. «Русск. Стар.», 1888, IV, стр. 51). Къ сожалѣнію, одно изъ самыхъ интереснѣйшихъ писемъ Гоголя къ Смирновой о работѣ его надъ «Мертвыми Душами» не сохранилось. П. А. Кулишъ говоритъ о немъ слѣдующее: «Весной 1841 г. Смирнова получила отъ 1 іюня изъ Москвы очень длинное письмо, съ горькими жалобами на неудачи въ Москвѣ по предмету изданія «Мертвыхъ Душъ». Къ письму была приложена просьба къ государю, которую Александра Осиповна должна была подать, въ случаѣ надобности» («Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 302—303). Изъ письма къ Плетневу отъ 6 февраля 1842 г. ясно, что Смирнова принимала дѣятельное участіе въ судьбѣ великаго произведенія. Въ концѣ письма упомянуто о запискѣ А. О. Смирновой по поводу «Мертвыхъ Душъ». Въ то же самое время Плетневъ ходатайствовалъ о томъ же дѣлѣ передъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ.

не считая часы. Языковъ былъ совсѣмъ плохъ, и Гоголь самъ не могъ и думать о поѣздкѣ во Флоренцію. Въ одномъ письмѣ Гоголь утверждалъ, что видѣть Смирнову у него душевная потребность и подписывается: „любящій безъ памяти вашу душу“[1]). Въ слѣдующемъ письмѣ онъ опять повторяетъ: „Упросите себя ускорить пріѣздъ свой. Увидите, какъ этимъ самихъ себя обяжете. А обо мнѣ не говорю: вы должны сами чувствовать, что это будетъ свѣтлый праздникъ для души моей“[2]). Эти строки снова указываютъ на нѣкоторую короткость непрерывавшихся отношеній, что̀ наводитъ на предположеніе, что существовавшая прежде переписка не сохранилась по сравнительной незначительности содержанія, тогда какъ отнынѣ Гоголь вступаетъ съ Смирновой уже въ интимное нравственное общеніе и самая судьба его становится на нѣкоторое время тѣснѣйшимъ образомъ связанной съ ея судьбой. Наиболѣе тѣсныя отношенія устанавливаются во время совмѣстной жизни ихъ въ Римѣ и потомъ въ Ниццѣ, когда дружба ихъ получила новое направленіе и особый характеръ. Впослѣдствіи, какъ Гоголь, такъ и Смирнова стали смотрѣть на нее съ своей мистической точки зрѣнія, какъ на духовное родство въ высшемъ смыслѣ слова, вѣчное, нерасторжимое, не обусловленное ни мѣстомъ, ни временемъ, и даже существовавшее уже раньше ихъ рожденія.

„Скажу вамъ“, пишетъ однажды Смирновой Гоголь, „что всякое слово вашего письма мнѣ дорого, какъ слово родного брата (а родство это идетъ[3]) отъ самого Христа), и всякая строчка вашего письма глядитъ тѣмъ родствомъ, какимъ не глядитъ земное родство, и всѣ тѣ мѣста вашихъ писемъ, гдѣ только изливается и высказывается ваша прекрасная душа, цѣлую душевнымъ поцѣлуемъ; цѣлую и самое страданіе, ее искупившее, моля внутренно Бога о превращеніи его въ небесное вамъ наслажденіе. Чего жъ вамъ больше? Хотя я и не отвѣчаю вамъ иной разъ словами, но душа отвѣчаетъ, и ничто не пропадаетъ въ вашихъ письмахъ безотвѣтно. Итакъ

---

[1]) Сочин. и письма Гоголя, т. V, стр. 503.

[2]) Тамъ же, стр. 507.

[3]) Ср. также въ VI т., стр. 397: «Прекрасна встрѣча съ родными и съ старыми товарищами вашего дѣтства, но встрѣча съ тѣми, съ которыми породнились душами во имя Христа, еще прекраснѣй».

знайте это и никогда не уставайте писать ко мнѣ: *это обоюдно нужно намъ*"[1]).

Въ свою очередь, Александра Осиповна говоритъ однажды, что ей нужно столько сказать Гоголю, что „ни перьевъ, ни бумаги на это не стало бы", называетъ его „прекраснымъ, единственнымъ другомъ, милымъ сердцевѣдцемъ". Она также придаетъ исключительное значеніе ихъ дружбѣ: „Наши души выше обязательствъ свѣтскихъ. Знайте, что я чувствую точно такъ, какъ чувствую, что мы не можемъ поссориться никогда и ничто не можетъ отдалить насъ другъ отъ друга"[2]). Очевидно, что нравственная связь, соединившая послѣ Рима и Ниццы Гоголя и Смирнову, была гораздо глубже, выше и интимнѣе отношеній ея къ Жуковскому, Пушкину и Плетневу. Это чувствовалось и признавалось всѣми общими ихъ друзьями. Часто они раздѣляли съ нею заботы о Гоголѣ, о его здоровьѣ, трудахъ и матерьяльномъ положеніи, но по всему видно, что самое горячее участіе принимала въ немъ особенно Смирнова.

Плетневъ не безъ досады говоритъ о разныхъ хлопотахъ, „насылаемыхъ на него Гоголемъ въ письмахъ", и съ насмѣшливою недовѣрчивостью смотритъ на „упорство, съ какимъ онъ требуетъ присылки разныхъ бредней", т.-е. критикъ на его сочиненія, а однажды (въ 1844 г.) между нимъ и авторомъ „Мертвыхъ Душъ" было даже довольно замѣтное охлажденіе.

Жуковскій относился болѣе ровно ко всѣмъ своимъ близкимъ друзьямъ; но что его отношенія къ Смирновой, не смотря на дружескія названія жука, жучки и т. п., были для нея не на первомъ планѣ, ясно изъ неловкости, допущенной однажды Александрой Осиповной, позабывшей въ тревожное для нея время отвѣтить на его дружеское и притомъ нужное письмо[3]). Гоголю она прямо пишетъ: „Не говорите о моихъ огорченіяхъ Жуковскому. Повторяю, что вамъ одному, брату и мужу, я могла повѣрить тайну своего страданія". — Всего нагляднѣе и ярче степень расположенія Смирновой къ Гоголю

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, VI, 169.

[2]) «Помощь голодающимъ», стр. 476; «Сѣв. Вѣстн.», 1893, I, стр. 252; ср. также «Русск. Стар.», 1888, VI, 603; VII, 54; X, 132, 137, 138, 140, 145 и проч.

[3]) См. Соч. *П. А. Плетнева*, III т., стр. 693 и 716.

видна изъ словъ о ней графини А. М. Вьельгорской: „Quelquefois quand je pense à lui, j'ai des angoisses véritables: je me fais des reproches d'être ici, tandis qu'il est tout seul. J'aurais dû aller le rejoindre, aller le soigner“ [1]).

Съ Гоголемъ Смирнова совѣтовалась въ затруднительныхъ случаяхъ, съ полною откровенностію говоря о себѣ и своемъ семействѣ, а нерѣдко даже принося какъ бы исповѣдь въ своихъ дѣлахъ и чувствахъ. Ему она приписывала особое благотворное вліяніе на свой внутренній міръ и больше всего съ благодарностью цѣнила то, что, какъ она была убѣждена, Гоголь полюбилъ ее за душевныя качества, не плѣняясь внѣшнимъ блескомъ:

„Пусть вы, любезный и добрый другъ, узнаете о состояніи души, для васъ совершенно открытой. Вы одни мнѣ остались всегда вѣрными, вы одни меня полюбили не за то внѣшнее и блестящее, которое мнѣ принесло уже столько горя, а за искры души, едва замѣтныя, которыя вы же своей дружбой раздули и согрѣли! На васъ однихъ я могу положиться, тогда какъ вокругъ себя нахожу только разсчетъ, обманъ или прекрасный призракъ любви и преданности. Къ вамъ стремится страждущая душа моя“ [2]).

Смирнова замѣчала, однако, и природную скрытность натуры Гоголя и упрекала его въ недостаткѣ простоты [3]). Съ другой стороны Гоголь прямо отвѣчалъ ей: „Души моей никто не можетъ знать: она доступна еще меньше вашей, потому что я даже и не говорливъ“. Онъ признается, что избѣгалъ всякихъ объясненій и скорѣе „отталкивалъ отъ себя пріятелей, чѣмъ привлекалъ“ [4]). Но какъ согласить со всѣмъ этимъ слова въ его письмѣ къ Аксакову: „Я былъ въ состояніи всегда любить всѣхъ вообще, *но любить кого-либо особенно, предпочтительно, я могъ только изъ интереса*“ [5]). Очевидно, было бы крайне несправедливо, какъ это иногда дѣлается, выхватывая какое-либо одно предложеніе изъ письма или даже цѣлой переписки, основывать на немъ заключенія, оставляя часто въ сторонѣ сосѣднія строки того же

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, стр. 87.
[2]) «Русск. Стар.», 1888, X, 145.
[3]) «Русск. Стар.», 1888, X, 142.
[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 103.
[5]) Тамъ же, стр. 437.

письма. Гоголь, конечно, въ минуты раздраженія обнаруживалъ худшія стороны своей природы и выдавалъ свои недостатки, но, по нашему мнѣнію, едва ли основательно, именно въ подобныхъ мѣстахъ писемъ, искать ключа къ пониманію его личности. Намъ кажется, что они должны быть принимаемы къ свѣдѣнію *лишь въ условномъ смыслѣ*. Иначе, примѣняя къ Гоголю сознаніе его, что „поэты лгутъ невиннымъ образомъ, обманывая сами себя", мы могли бы напомнить извѣстный софизмъ объ Эпименидѣ и критянахъ. Полагаемъ, что Гоголь хотя и не клеветалъ на себя безусловно въ приведенныхъ словахъ, но что если къ дружбѣ у него примѣшивался интересъ и, какъ сказано далѣе въ его письмѣ, благодарность за доставленную ему существенную пользу, то подъ интересомъ по смыслу всего письма онъ разумѣлъ вовсе не матеріальныя выгоды. Мы сочли необходимымъ сдѣлать эту оговорку въ виду существующихъ предубѣжденій по отношенію къ Гоголю и во избѣжаніе перетолкованій нижеслѣдующаго.

Въ виду указаннаго нами характера отношеній Смирновой къ Гоголю, совершенно особое значеніе получаетъ предложеніе ему Александрой Осиповной денегъ, испрошенныхъ съ этою цѣлью у государя[1]). Нужно войти въ міросозерцаніе

[1]) Сказанныя по этому поводу рѣзкія и ядовитыя слова Бѣлинскаго въ его извѣстномъ письмѣ къ Гоголю («Гимны властямъ предержащимъ хорошо устраиваютъ земное положеніе набожнаго автора») могутъ быть объяснены только крайнею запальчивостью и послѣднею степенью хотя и понятнаго раздраженія. Не введенный во внутренній міръ Гоголя, геніальный критикъ поступилъ въ этомъ случаѣ сурово; надо полагать, что этими словами онъ невольно вонзилъ ножъ въ самое сердце когда-то любимаго писателя и нанесъ ему оскорбленіе, тяжелѣе котораго едва ли пришлось перенести Гоголю во всю жизнь. Въ небольшой статьѣ «Бѣлинскій и Гоголь» («Нива», 1870, № 3) мы нашли нѣсколько справедливыхъ и безпристрастныхъ соображеній, высказанныхъ безыменнымъ авторомъ по поводу этой переписки.— Не можемъ не высказать здѣсь своего удивленія, почему у насъ такъ безпощадно сыпались упреки на Гоголя по поводу вышеупомянутыхъ субсидій, тогда какъ никому и на мысль не приходило поставить ихъ въ упрекъ хотя бы художнику Иванову. Мы, конечно, говоримъ это отнюдь не съ цѣлью повредить памяти послѣдняго, но желаемъ только указать на то, какъ жестоко *повредило памяти* Гоголя въ глазахъ многихъ слово укора, которымъ обмолвился не помнившій себя отъ гнѣва критикъ: примѣръ великаго человѣка, однако, не долженъ намъ давать право необдуманно бросать камень осужденія въ такого идеалиста, какимъ былъ Гоголь, перенесшій притомъ столько тяжкихъ и незаслуженныхъ оскорбленій еще при жизни.

Гоголя, чтобы понять, почему онъ, пожертвовавъ съ трудомъ собранныя годами деньги для недостаточныхъ студентовъ, остался почти въ нищетѣ, довольствуясь однимъ чемоданчикомъ. Александра Осиповна была противъ этого пожертвованія и, какъ извѣстно, нашла его несправедливымъ по отношенію къ родственникамъ писателя. На это Гоголь, между прочимъ, отвѣчалъ ей:

„Не тяжело ли будетъ для васъ, если бы я, увидя когонибудь изъ вашихъ братьевъ, нуждающагося и сидящаго безъ денегъ, сталъ бы укорять васъ въ томъ, что вы помогаете постороннимъ бѣднымъ, даже изъявляете готовность помочь мнѣ?“ [1]).

На это послѣдовалъ отвѣтъ: „Знайте же вы, что эти деньги были не мои. Онѣ точно у меня лежали, но меня просили ихъ даже выдать за мои, но теперь позволили сказать“ (т.-е. государь Николай Павловичъ), „что онѣ были оставлены на мое распоряженіе“, и прибавляетъ снова: „Итакъ, подумайте о моемъ предложеніи“ [2]).

Отвѣты Гоголя читатель можетъ найти въ VI т. его сочиненій, стр. 169, 170 и 174. — „Отъ денегъ не откажусь“, пишетъ Гоголь въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ, „единственно, чтобы не спорить съ вами безполезно“. На эту помощь Смирнова смотрѣла, какъ на предоставленіе Гоголю возможности окончить „Мертвыя Души“ *(въ новомъ направленіи)* и совершить поѣздку въ Іерусалимъ[3]). „Если точно душа ваша чувствуетъ потребность увидѣть Іерусалимъ, вѣрьте ея предчувствію, но ради насъ, не оставляйте вы своихъ занятій: легко и тутъ увлечься — оставить всякую полезную дѣятельность. Мнѣ какъ-то дѣлается за васъ иногда страшно: смотрите, не скройте своего таланта, т.-е. того, настоящаго, вамъ Богомъ даннаго не даромъ. Не оставьте намъ только первые плоды незрѣлые, или выходки сатирическія огорченнаго ума“ [4]) и проч.

---

[1]) Отвѣтъ на письмо отъ 18 декабря 1844 г. «Русск. Стар.», X, 141—145. Соч. и письма Гоголя, VI, 129.

[2]) «Помощь голодающимъ», стр. 475: «Сѣвер. Вѣстникъ», 1893, I, стр. 252; ср. также «Русск. Стар.», 1888, X, 135.

[3]) См. «Помощь голодающимъ», стр. 473; «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, I ср. «Русск. Стар.», 1890, VI, стр. 648—649.

[4]) Подобный взглядъ не разъ высказывала Александра Осиповна, находясь въ

Это обстоятельство весьма важно: оно поможетъ намъ объяснить не только, какое мѣсто принадлежало Смирновой въ ряду друзей Гоголя, но и какое она, въ свою очередь, имѣла на него обратное вліяніе. Сколько бы мы ни вчитывались въ переписку Гоголя, мы нигдѣ не найдемъ въ послѣдній періодъ его жизни такой интимности и такого сходства во взглядахъ, притомъ не только на вопросы жизни и нравственности, но также и на значеніе литературной дѣятельности Гоголя. Зная, что Смирнова можетъ оказать Гоголю дѣятельную помощь и своимъ ходатайствомъ лично передъ государемъ доставить ему обезпеченіе, необходимое для продолженія „Мертвыхъ Душъ", *Жуковскій* говоритъ: „Вамъ бы надо было о немъ позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо надо имѣть что-нибудь вѣрное въ годъ. Сочиненія ему мало даютъ, и онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня. Подумайте объ этомъ: *вы лучше другихъ можете характеризовать Гоголя съ настоящей, лучшей стороны*".

XXV.

Въ концѣ декабря 1842 г. въ Римъ прибылъ братъ Смирновой, Аркадій Осиповичъ Россетъ, которому было поручено сестрой подыскать къ ея пріѣзду удобную квартиру. Встрѣтивъ его, Гоголь былъ въ восторгѣ, разумѣется, не допустилъ его искать квартиру самому и, какъ знатокъ Рима, выбралъ мѣсто для нея не только самое удобное для зимней жизни, но и близкое ко всѣмъ наиболѣе крупнымъ достопримѣчательностямъ города. Когда наконецъ пріѣхала Александра Осиповна, онъ бросился къ ней навстрѣчу съ протянутыми руками и сіяющимъ лицомъ[1]). Какъ недавно тосковалъ Гоголь въ Москвѣ по Языковѣ, такъ теперь, не найдя полнаго удовлетворенія въ этомъ, какъ ему казалось, уже умирающемъ человѣкѣ, онъ всей душой обратился къ Смирновой. Нечего

этомъ отношеніи, вѣроятно, подъ вліяніемъ самого Гоголя, у котораго онъ замѣчается еще съ 1840 г. (V, 426). Она писала также:

«Ваши грѣхи уже тѣмъ наказаны, что васъ препорядочно ругаютъ и что вы сами чувствуете, *сколько мерзостей вы перомъ написали*». Сходнаго взгляда держался и Жуковскій. (Соч. Жуковскаго, изд. 7-ое, т. VI, 524).

[1]) «Записки о жизни Гоголя», т. II, 1—6.

и говоритъ, съ какимъ восторгомъ и нетерпѣніемъ онъ принялся показывать Смирновой боготворимый Римъ, какъ ежедневно стремился видѣть ее, поражать неистощимыми сюрпризами вѣчнаго города, какъ онъ весь возрождался и оживалъ при этомъ, занося въ свой дневникъ каждое впечатлѣніе Александры Осиповны, каждое приключеніе съ ея дѣтьми, которыхъ онъ полюбилъ отъ души такъ, какъ едва ли любилъ какихъ-либо другихъ дѣтей. Всѣ прогулки Гоголя и Смирновыхъ оканчивались непремѣнно осмотромъ излюбленнаго Гоголемъ св. Петра, а показывая знаменитую статую Моисея въ San Pietro in Vinculis, Гоголь долго не позволялъ спутникамъ смотрѣть въ сторону и вдругъ скомандовалъ имъ обернуться[1]). Однимъ словомъ, повторилось все, что было прежде при совмѣстныхъ осмотрахъ Рима съ Погодинымъ, Жуковскимъ и другими. Но общество теперь было больше и разнообразнѣе: тутъ были и хорошіе знакомые Смирновой — В. А. Перовскій съ незаконнымъ сыномъ, баловнемъ Алешей, и „Яшка“ (Яковъ Владимировичъ) Ханыковъ и А. О. Россетъ[2]). Гоголя безпрерывно приводилъ въ восхищеніе и самый Римъ, и впечатлѣнія новичковъ-товарищей по прогулкамъ и даже шалости дѣтей, когда напр. маленькая дочь Смирновой, Ольга Николаевна, вскарабкалась на статую Нила и хотѣла стащить одного мальчика, изображавшаго на этой статуѣ ручей, или когда она же спросила у Гоголя, знаетъ ли

---

[1]) Въ бумагахъ Гоголя мы находимъ, напр., такую предположительную програму совмѣстныхъ его прогулокъ съ Смирновой: «Куда предстоитъ Александрѣ Осиповнѣ навѣдываться между дѣломъ и *бездѣльемъ*, между визитами и проч. и проч.? Если случится близь Piazza Barberini, то къ скульпторамъ въ студіи: къ Тенерали, Фиелли, Біенелли. Если дождливая или нѣсколько пасмурная погода, то въ галлерею Боргезе (если только еще нѣтъ трехъ часовъ), въ *галлерею Шіара*, на выставку у piazza Popolo. Если хорошая — на виллы: вилла Памфиля Монте-Маріо, Матей, Мильсъ. Къ 5-и Giovanni Laterano и оттуда къ Porta Maria Maggiore, для видовъ на горы и на окружности, къ дубу Тасса (котораго уже нѣтъ), разсмотрѣть въ церкви монастыря St. Onufrio фрески».

[2]) Имена, встрѣчающіяся въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ изложеніи П. А. Кулиша въ «Запискахъ о жизни Гоголя» и дальше обозначенныя иниціалами, означаютъ слѣдующихъ лицъ: А. О. Р.— Аркадій Осиповичъ Россетъ (но по словамъ покойной О. Н. Смирновой, онъ не былъ одновременно съ ея матерью въ Ниццѣ), С-ва — Смирнова, П. А. В. — Петръ Андреевичъ Вяземскій, М. А. Г—нъ — Голицынъ, А. К. Т. — графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой; князь Д. — Дондуковъ-Корсаковъ; М. М. В.— Михаилъ Михаиловичъ Віельгорскій-Матюшкинъ; Ш—ва— Шереметьева, С.— Соллогубъ; В—мъ и В—ми — Віельгорскимъ, Віельгорскими.

онъ о римскихъ гусяхъ и о Брутѣ. Забавляла его и трехлѣтняя сестра ея, Надежда Николаевна, которая однажды спросила неожиданно про римскаго папу. Гоголь поспѣшилъ познакомить Смирновыхъ съ Ивановымъ и Овербекомъ, и они внушили всему семейству и гувернанткѣ Марьѣ Яковлевнѣ Овербекъ страсть къ Риму[1]). Когда настала весна, прогулки были перенесены за предѣлы Рима, и Гоголь увлекалъ цѣлую компанію въ Фраскати и другія окрестности, гдѣ они живали по нѣскольку дней и гдѣ во вполнѣ упоительной обстановкѣ Гоголь ложился на спинѣ на траву и отъ восхищенія не могъ выговорить слова. „Зачѣмъ говорить?“ восклицалъ онъ: „тутъ надобно дышать, дышать, втягивать носомъ этотъ живительный воздухъ, благодарить Бога, что столько прекраснаго на свѣтѣ“[2]).

Гоголь и семейство Смирновыхъ, проводя вмѣстѣ цѣлые дни, незамѣтно привязывались другъ къ другу, и не мудрено, что хилый страдалецъ Языковъ, не способный дѣлить восторги экскурсій, оставался по недѣлямъ забытымъ. Чижова же Гоголь тащилъ къ Смирновымъ; но, можетъ быть недовольный его невниманіемъ, Чижовъ упорно не желалъ принимать участія въ экскурсіяхъ, и знакомство его съ Смирновой такъ и не состоялось. И вотъ тогда на основаніи неумѣренныхъ похвалъ Гоголя Смирнову, его рекомендація: „я вамъ совѣтую пойти къ ней: она очень милая женщина“, возбуждая въ Чижовѣ „внутреннее упрямство“, натолкнули самого Чижова или Языкова на предположеніе о мнимой влюбленности Гоголя къ Смирновой. Само собою разумѣется, что, не подозрѣвая ничего подобнаго, Гоголь продолжалъ сильно увлекаться и восторженно прославлять хорошія стороны своего новаго друга, чѣмъ еще болѣе усиливалъ подозрѣніе. Наконецъ сюда присоединилось и еще одно смущающее обстоятельство: въ это время Гоголь „совершенно разошелся съ художниками“. Любопытны слова Чижова: „Всѣ они припоминали, какъ Гоголь бывалъ въ ихъ обществѣ, какъ смѣшилъ ихъ анекдотами; но теперь онъ ни съ кѣмъ не ви-

---

[1]) См. тамъ же и «Русск. Стар.», 1888, X, 125—130.

[2]) «Записки о жизни Гоголя», т. II, 4. По словамъ О. Н. Смирновой Гоголь зналъ Римъ и его окрестности, какъ свой карманъ; А. А. Ивановъ называлъ его «чичероне перваго сорта».

дался“ [1]). Но во всякомъ случаѣ нельзя забывать, что Чижовъ и не бывалъ даже у Смирновыхъ, а Языковъ не видалъ ихъ даже въ глаза и совсѣмъ не могъ нисколько судить о характерѣ отношеній Гоголя къ Смирновой, не выходя изъ своего подневольнаго заключенія, а заочно зная Смирнову единственно „по пирогамъ“, которые она присылала Гоголю. Но когда Языковъ возвратился въ Россію, то онъ не скрылъ своего подозрѣнія отъ Н. Н. Шереметевой, чѣмъ совершенно напрасно встревожилъ наивную старушку. Подробнѣе разскажемъ объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

XXVI.

Несомнѣнно, что Смирнова вообще оставила замѣтный слѣдъ на жизни Гоголя за границей въ началѣ и серединѣ сороковыхъ годовъ. Бездомный скиталецъ, Гоголь искалъ на чужбинѣ людей, родственныхъ ему по душѣ и способныхъ дать удовлетвореніе его духовнымъ потребностямъ. Въ блестящемъ умѣ Смирновой, въ ея тонкомъ эстетическомъ чувствѣ и особенно въ религіозномъ настроеніи онъ нашелъ приблизительно соединеніе всего, чего могъ желать. Правда, иногда равнодушіе къ чудесамъ итальянской природы и искусства крайне неровной по природѣ Смирновой, способной переходить отъ горячаго увлеченія страстной южной натуры къ полнѣйшей апатіи, выводило его изъ себя, но это было не надолго. Скоро Гоголь снова примирялся съ нею и не переставалъ направлять свою утлую ладью сообразно тому, куда держала путь его очаровательница. Въ присутствіи Смирновой онъ былъ доволенъ и счастливъ, и хотя уже носилъ въ себѣ печальные зародыши погубившаго его впослѣдствіи настроенія, но еще медленно поддавался разъѣдавшей его нравственное существо гангренѣ, не теряя пока бодрости и свѣтлыхъ надеждъ на будущее. За Смирновой Гоголь послѣдовательно переѣзжалъ изъ Рима въ Баденъ и Ниццу и въ обоихъ этихъ городахъ уже заставалъ Соллогубовъ и Віельгорскихъ. Можно съ увѣренностью утверждать, что не найди Гоголь прочнаго посредствующаго звена въ Смирновой, онъ, несмотря на давно

---

[1]) «Записки о жизни Гоголя», т. I, 326—328 или подробнѣе въ «Соврем.», 1588, XI, 137, 138.

подготовленную почву, никогда бы не вошелъ какъ свой человѣкъ въ семью послѣднихъ, какъ это случилось въ Ниццѣ.

И вотъ, когда слухи о сильномъ будто бы вліяніи на Гоголя Смирновой проникли въ преувеличенномъ видѣ въ Москву, злые языки не замедлили истолковать какъ страсть со стороны Гоголя это сближеніе, основанное на неудовлетворенности окружающей жизнью и на глубокой взаимной нравственной симпатіи. До чего были чудовищны эти слухи, показываютъ слѣдующія слова неизданнаго письма Н. М. Языкова брату: „ты, вѣрно, замѣтилъ въ письмѣ Гоголя похвалы, восписуемыя имъ г-жѣ Смирновой; эти похвалы всѣхъ здѣшнихъ удивляютъ. По всѣмъ слухамъ, до меня доходящимъ, она просто сирена, плавающая въ прозрачныхъ водахъ соблазна". Замѣтимъ кстати, что и въ книгѣ „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ" разсѣяно не мало неблагопріятныхъ отзывовъ объ А. О. Смирновой, а отецъ его однажды назвалъ ее, подобно Языкову, съ чужихъ словъ, „сиреной"[1]). Но не слѣдуетъ забывать, что самъ Иванъ Сергѣевичъ[2]) приноситъ покаяніе въ своихъ прежнихъ сужденіяхъ о Смирновой, а по смерти ея написалъ прекрасный, прочувствованный некрологъ. Очевидно, вся разгадка противорѣчія заключается въ томъ, что пылкій, огненный темпераментъ Смирновой, при всемъ ея искреннемъ стремленіи къ совершенствованію, не поддавался рамкамъ безстрастной и избитой морали.

Между тѣмъ, принужденная прекратить на время переписку съ Гоголемъ, Шереметева терпѣливо ждала ея возобновленія. Она не переставала думать, заботиться, молиться о Гоголѣ. Любила она вспоминать о возлюбленномъ своемъ духовномъ сынѣ преимущественно въ церкви, въ молитвахъ и особенно въ торжественные дни Рождества, Св. Пасхи, святого причастія, въ дни рожденія и именинъ Гоголя и въ годовщины ихъ разлуки. Она неутомимо освѣдомлялась о немъ не только у Аксаковыхъ и другихъ московскихъ знакомыхъ, но и у всѣхъ пріѣзжихъ изъ-за границы. Вдругъ обычный ея душевный миръ омрачился безпокойствомъ о любимцѣ: нелѣпая вѣсть о вредномъ якобы вліяніи на Гоголя Смирновой и о его мнимой страсти къ ней донеслась до нея. Въ гла-

---

[1]) Т. I, стр. 281, примѣч.

[2]) Т. I, стр. 310; см. также «Сѣв. Вѣстникъ», 1893, I, 234—241.

захъ напуганной старушки, преданной Гоголю, извѣстная ей только по имени свѣтская дама приняла какой-то грозный призракъ коварной Цирцеи, отъ чаръ которой не могъ устоять и боготворимый Николай Васильевичъ. Едва ли Шереметева перепугалась бы настолько, если бы дѣло касалось другой женщины; она, правда, лично знала Гоголя немного, но ни характеръ его, ни возрастъ, ни самое міросозерцаніе не давало пищи для опасеній подобнаго рода; обаятельная же красота Смирновой представляла, казалось, совершенно особую опасность. Но какъ было написать о своихъ опасеніяхъ Гоголю: это значило бы, можетъ быть, безъ причины огорчить его, пожалуй, потерять дружбу, а между тѣмъ голосъ совѣсти громко требовалъ вразумленія несчастной жертвы мнимой жены Пентефріевой. Шереметева такъ вышла изъ этого затрудненія: сначала она, какъ бы въ видѣ предупрежденія, написала Гоголю, что хотѣла бы съ нимъ о многомъ поговорить, но что есть соображенія, которыя останавливаютъ ея рѣшимость; потомъ, получивши позволеніе говорить откровенно, попыталась осторожно коснуться щекотливаго пункта „Пишете на счетъ слуховъ, что многіе и до васъ доходили. Я не о многомъ, а одно слышала, что̀ меня за васъ глубоко трогаетъ и страшитъ... Какой смертный дерзнетъ похвалиться, что не подвергнется такому-то искушенію и, понадѣясь на собственныя силы, не удалится и не станетъ избѣгать случаевъ, могущихъ его болѣе и болѣе вовлечь въ послѣдствія для него вредныя, а для любящихъ его очень печальныя! О, какъ часто съ самымъ прекраснымъ сердцемъ увлекаемся и дѣлаемся неспособны за собой постоянно наблюдать! Добровольно налагать на себя оковы, подъ тяжестью которыхъ душа томится, — это ли назначеніе человѣка на семъ свѣтѣ! Охъ, милый другъ, какъ мнѣ сильно и давно за васъ все это чувствуется! Но въ молчаніи молилась и все то вручала Тому, Который по благости своей коснулся вашего сердца, и вы уже познали радость души, стремящейся къ Господу, да Онъ васъ не покинетъ и предохранитъ отъ всего опаснаго. Дай Богъ, чтобы эти слухи были несправедливы. Пишете, когда впередъ достигнутъ до меня подобные на вашъ счетъ слухи, обратиться съ молитвою къ Богу: всегда такъ и поступаю, прося Отца Небеснаго, да исторгнетъ изъ вашего сердца все, что̀ мѣшаетъ на пути,

который вы, по Его же благости, избрали, и умоляю васъ Богомъ, берегите себя ради Христа, берегите, ограждайте себя молитвою. Что̀ здѣшнія всѣ радости, что̀ горести въ сравненіи спасенія нашего!... О, если бы мы болѣе заботились о спасеніи души: тогда все было бы хорошо!...“ Этими намеками пока и ограничилась Шереметева. Въ своихъ отвѣтахъ ей Гоголь, однако, энергично настаивалъ на ясной передачѣ дошедшихъ до него слуховъ. Онъ, конечно, никакъ не могъ догадаться, что̀ тревожило сердце доброй старушки: ему представлялось что-то другое, какіе-нибудь литературные толки или, можетъ быть, сплетни по поводу ссоры съ Погодинымъ. Онъ говорилъ, что не имѣетъ права оправдываться, потому что если бы даже слухи были и несправедливы, то это все-таки не могло бы „служить доказательствомъ, что въ немъ нѣтъ иныхъ и болѣе дурныхъ качествъ“; но все-таки удивляется, что съ нимъ „употребляютъ такую загадочность“. Вскользь онъ даетъ между прочимъ почувствовать, что онъ съ своей стороны не сталъ бы судить о близкомъ человѣкѣ по слухамъ, ибо *„умѣетъ вѣрить душѣ человѣка“* (послѣднія слова въ письмѣ подчеркнуты). „Сказавши въ письмѣ, что нѣкоторые толки дошли до меня“, — говорилъ онъ — „я, признаюсь, разумѣю толки, возникшіе вслѣдствіе литературныхъ отношеній и нѣкоторыхъ недоразумѣній, происшедшихъ еще въ пребываніе мое въ Москвѣ. Но какіе могутъ быть обо мнѣ теперь толки такого рода, которые могли бы опечалить друзей моихъ — этого я не могу понять. Вы говорите, что васъ смущалъ одинъ слухъ, и не сказываете даже — какой слухъ. Какъ же я могу и оправдаться, если бы захотѣлъ, когда даже не знаю, въ чемъ меня обвиняютъ. Зачѣмъ вы, почтенный другъ, употребляете такую загадочность со мною? Неужели опасаетесь тронуть во мнѣ щекотливую или чувствительную струну? Но на эту-то именно струну и слѣдуетъ нападать“ [1]). Вотъ что̀ отвѣтила на это Шереметева: „На письмо ваше и рѣшительно на все подробно отвѣчать буду. Вы сами того желаете, чтобы просто все сказать. Говорите, переписка еще труднѣе, чѣмъ прежде, потому что возникаетъ въ душѣ вопросъ: будетъ ли отъ письма существенная польза и что-нибудь спасительное для

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 52—53.

брата и не будетъ ли повторенiе того, чтò уже было сказано[1])! Кажется, мы должны быть очень убѣждены въ томъ, что сами по себѣ ни сказать, ни сдѣлать ничего добраго не можемъ, *а съ помощью Божiей,* когда въ душѣ нашей нѣтъ иного желанiя, какъ утѣшить или успокоить ближняго, то навѣрное скажется то, чтò надобно тутъ, и повторенiя не лишнiя, когда другъ друга понимаемъ (?!). Говорите, что теперь ни за что не сердитесь: слава Богу, да укрѣпитъ Онъ васъ въ сихъ чувствахъ, и что вамъ ни разу не случалось перемѣнить мнѣнiе о близкомъ вамъ человѣкѣ по какому-нибудь слуху или толкамъ. Мой другъ, по слуху мѣнять мнѣнiе ужасная несправедливость, не только противъ ближняго, но даже противъ себя. Слухи могутъ быть и очень часто бываютъ несправедливы. Допустимъ на минуту, что это даже и правда: неужели, кто мнѣ былъ близокъ, я удалюсь отъ него за то, что онъ имѣлъ несчастiе подвергнуться ослѣпленiю, и оставить его въ то время, когда, можетъ быть, ему больше, нежели когда-либо, нужно товарищество души, его понимающей. Можетъ насъ огорчить дѣйствiе человѣка, но онъ самъ ни въ какомъ случаѣ не перестаетъ быть намъ близокъ въ Iисусѣ Христѣ. Вотъ вы справедливо очень высоко сказали, что *умѣете вѣрить душѣ человѣка*[2]). О, если бы мы постигали вполнѣ святость дружбы, — что это истинно неземное, а небесное чувство. Оно не умираетъ. Для чистой дружбы нѣтъ ни отсутствующихъ, ни умершихъ, все какъ на лицо и полно. Не понимаете, какiе слухи могутъ печалить, полагая, что я васъ такъ знаю, что все сказать можно. Не только знаю, но въ душѣ моей увѣрена, что лично до однихъ васъ относящееся можно все сказать просто, и увѣрена, что съ любовью примете. Но, мой другъ, есть случаи въ жизни, такое сцѣпленiе обстоятельствъ, что ставитъ въ какое-то затруднительное положенiе и совершенно отнимаетъ возможность свободно говорить, и дѣлать ничего, какъ только молчать и молиться. Вамъ угодно, чтобы я сказала мое опасенiе за васъ. Извольте; помолясь, приступаю. Знайте, мой другъ, — говорю, какъ передъ Богомъ, передъ Коего мы нѣкогда всѣ предстанемъ, — слухи, можетъ, и несправедливы,

---

[1]) Ср. въ письмѣ Гоголя, изд. Кул., VI, 52.

[2]) Подчеркнуто также и Шереметевой.

но пріѣзжавшіе всѣ одно говорятъ и оттуда пишутъ то же, — что вы предались одной особѣ, которая всю жизнь провела въ свѣтѣ и теперь отъ него удалилась. Бывъ уже такъ долго вмѣстѣ съ человѣкомъ, послужитъ ли эта бесѣда на пользу душѣ вашей? Мнѣ страшно—въ такомъ обществѣ какъ бы не отвлеклись отъ пути, который вы, по благости Божіей, избрали. Вотъ вамъ какъ исповѣдь, мой другъ, что меня за васъ такъ сильно и такъ давно уже огорчаетъ". Далѣе слѣдуетъ, однако, смягчающая прибавка: „Можетъ, вы печетесь о ея обращеніи, помоги Господи, и дай Боже и ей, и намъ, и всѣмъ спастись".

Такое рискованное увѣщаніе оказалось, однако, не совсѣмъ удобнымъ по щекотливости дѣла. Оно покоробило Гоголя, и это былъ, кажется, единственный случай, когда слова Шереметевой вызвали въ немъ нѣкоторое неудовольствіе. Гоголь рѣшился даже попрекнуть Шереметеву любопытствомъ и просилъ ее непремѣнно назвать по имени особу, сближеніе съ которой ее такъ взволновало. Но несмотря на категорическую постановку требованія, Шереметева уклонилась отъ него, замѣтивъ, что она не имѣетъ права и боится кого бы то ни было оскорбить словомъ. „Вы мой другъ" — писала она — „не вняли моей просьбѣ, чтобы откровенность мою принять съ такою любовью, съ какой я говорила. Тогда бы вы ясно увидѣли, что привязанность и дружба къ вамъ заставили меня изложить ощущенія души, вамъ постоянно преданной, *а не увлекалась любопытствомъ,* которое приписываютъ всѣмъ женщинамъ и въ чемъ нерѣдко ошибаются" [1]).

Такъ кончился этотъ эпизодъ. Современемъ, когда въ 1845 г. Смирнова проѣзжала черезъ Москву въ Калугу, куда мужъ ея былъ назначенъ губернаторомъ, и Шереметева, по желанію Гоголя, рекомендовавшаго Александру Осиповну всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, отправилась къ ней, то она измѣнила заранѣе составленное о ней неблагопріятное мнѣніе и осталась совершенно очарована ея добротой и откры-

---

[1]) Шереметева впрочемъ была вообще снисходительна и нетребовательна къ Гоголю. «Говорите — не сердиться за большіе промежутки въ отвѣтахъ», — писала она однажды: «ей-ей, нѣтъ; знать о васъ желаю, и рада, когда услышу о васъ, — это уже сдѣлалось необходимостью души, для которой дорого и близко все до васъ относящееся; но требовать писемъ, сердиться за молчаніе означаетъ любовь къ себѣ, а не къ ближнему».

тымъ непринужденнымъ обращеніемъ. Узнавъ же отъ Смирновой о мучившихъ ее болѣзняхъ и безпокойствахъ, Шереметева приняла самое живое участіе въ ея настроеніи, и обѣ женщины, столь далекія одна отъ другой какъ по характеру, такъ и по воспитанію, сошлись настолько, что собирались даже вступить въ переписку и Смирнова даже приглашала Шереметеву къ себѣ въ Калугу, но потомъ, однако, это не помѣшало Смирновой заочно относиться съ нѣкоторой насмѣшливостью къ ея простодушной суетливости [1]).

---

[1]) См. выше, стр. 139—140, примѣч. Отмѣтимъ кстати, что *мимоходомъ* сообщенное мною свѣдѣніе объ этой сплетнѣ въ статьѣ: «Гоголь и Віельгорскіе» (Вѣстникъ Европы», 1889, X, стр. 452, *примѣч.*) и помѣщенное-то даже лишь въ подстрочномъ примѣчаніи, ввело въ заблужденіе г-жу Черницкую, которая въ своей статьѣ «Объ отношеніяхъ Гоголя къ Смирновой» страшно преувеличила значеніе также сказанныхъ только *мимоходомъ* въ письмѣ Языкова къ брату, и превратила такимъ образомъ эту сплетню въ якобы заслуживающій серьезнаго вниманія фактъ. Изучивъ всю не издавную пока переписку Н. М. Языкова, я долженъ сказать, что кромѣ указаннаго выше сообщенія онъ нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о невыгодныхъ слухахъ относительно Смирновой. Удивительно, что г-жа Черницкая, выписавъ буквально мои слова о томъ, что «въ глазахъ напуганной *слухами* Шереметевой, сильно преданной Гоголю, извѣстная ей только *по слухамъ* свѣтская дама приняла грозный *призракъ* коварной Цирцеи, отъ чаръ которой не могъ устоять и боготворимый Николай Васильевичъ» (ср. «Вѣстн. Евр.», 1889, X, 452, *примѣч.* и «Сѣв. Вѣстн.», 1890, I, стр. 207, *въ текстѣ*), — поспѣшила, однако, создать на основаніи ихъ цѣлую небывалую исторію. Впрочемъ дѣло лучше всего раскрывается изученіемъ фактовъ во всей ихъ совокупности и мы позволимъ себѣ указать здѣсь лишь на одну, правда очень мелочную и вполнѣ прозаическую подробность, но которая ясно покажетъ, какъ далеко было дѣло отъ сентиментальныхъ романовъ, къ которымъ вообще не былъ склоненъ Гоголь. Разсказывая Шевыреву о своихъ денежныхъ дѣлахъ, Гоголь сообщалъ въ письмѣ отъ 2 февраля 1844 г.: «Въ концѣ прошлаго года я получилъ отъ государыни тысячу франковъ. Съ этой тысячей я прожилъ до февраля мѣсяца, благодаря, между прочимъ, и моимъ добрымъ знакомымъ, которыхъ нашелъ въ Ниццѣ, *у которыхъ почти всегда обѣдалъ и такимъ образомъ нѣсколько сберегъ денегъ*». (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 45.) Конечно, такъ же нелѣпо и опрометчиво было бы на основаніи этихъ строкъ выдумать, будто бы Гоголь въ своемъ сближеніи съ Смирновой и Віельгорскими руководился пошлымъ матеріальнымъ разсчетомъ, хотя такой же разсчетъ однажды онъ рекомендовалъ и Данилевскому въ письмѣ отъ $^{26}/_{14}$ февраля 1843 г.: «Ты увидишь, что тебѣ въ Москвѣ совершенно не нужно будетъ дома обѣдать; и побужденія не будетъ на это, кромѣ того, что это очень скучно». (Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 430). На самомъ дѣлѣ все говоритъ намъ только о силѣ увлеченія Гоголя пріятными знакомствами и увѣренностью, что онъ не могъ стѣснить такихъ людей, какъ Смирнова и Віельгорскіе. Онъ любилъ именно непринужденныя и вполнѣ дружескія отношенія; такъ ему хотѣлось даже зазвать въ Ниццу родственное Жуковскому семейство Рейтернъ, хотя, безъ сомнѣнія, онъ

Нельзя не отмѣтить, что во всей этой разсказанной нами комической исторіи рѣзко бросается въ глаза между прочимъ прежняя условность и растяжимость многихъ понятій о нравственности въ обществѣ и перепутанность отношеній: въ то самое время, когда въ письмахъ своихъ къ Гоголю Смирнова съ аскетической нетерпимостью самому слову *свѣтскій* придавала обыкновенно рѣзко укоризненное значеніе[1]), соединяя съ нимъ представленіе почти о безнадежной пошлости и совершенномъ погруженіи во внѣшнюю матеріальную жизнь, сама она являлась въ глазахъ своихъ знакомыхъ нерѣдко именно воплощеніемъ этой самой, столько презираемой ею, свѣтской суеты. Это тѣмъ болѣе характерно для среды, вліявшей на Гоголя, что даже въ устахъ Смирновой, жажда духовнаго совершенствованія которой для излишне строгихъ ревнителей благочинія, а также для толпы близорукихъ судей, заслонялась ея живой и черезчуръ увлекающейся натурой, — даже въ ея устахъ въ пренебреженіи къ свѣту звучитъ пуританская нотка...

XXVII.

Послѣ перенесенныхъ Гоголемъ безчисленныхъ тревогъ и волненій, въ теченіе зимы 1843 года, настроеніе его замѣтно измѣнилось, когда онъ сталъ говѣть на страстной недѣлѣ. Мы уже говорили, что въ началѣ весны онъ немного отдохнулъ отъ гнета будничныхъ впечатлѣній и забылся въ артистическомъ увлеченіи красотами природы, но это уже не

не былъ съ ними такъ близокъ, какъ съ Смирновыми (См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 37). Едва ли не правдивѣе всего охарактеризовалъ самъ Гоголь свои отношенія къ Смирновой и нѣкоторымъ другимъ заграничнымъ знакомымъ, когда, жалуясь на постепенное свое охлажденіе къ красотамъ Италіи, онъ замѣтилъ: «зато, въ замѣнъ природы и всего вокругъ меня, мнѣ ближе люди: тѣ, которыхъ *я едва зналъ*, стали близкими душѣ моей» («Древняя и Новая Россія», 1879, I, стр. 60). Слова эти были бы справедливы и въ отношеніи Віельгорскихъ, но сказаны они еще до встрѣчи и сожительства съ ними въ Ниццѣ и относились больше къ Смирновымъ. Впослѣдствіи и съ Віельгорскими онъ дошелъ до такой короткости, что однажды писалъ Аннѣ Михайловнѣ: „За содержаніе свое и житіе не плачу никому. Живу сегодня у одного, завтра у другого. Пріѣду къ вамъ тоже и проживу у васъ, не заплатя вамъ за это ни копѣйки». («Вѣстн. Евр.», 1889, XI, стр. 147).

[1]) См. письма ея къ Гоголю въ «Русской Старинѣ» 1888 (VI, VII, X) и 1890 (VI—VIII и XI—XII) и «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, I, также «Помощь голодающимъ».

было прежнимъ безпредѣльнымъ и безотчетнымъ упоеніемъ: въ теперешней стадіи мистицизма эта дань потребностямъ поэтической натуры казалась Гоголю неизвинительной слабостью, и онъ старался побороть въ себѣ естественное чувство наслажденія изящнымъ. Такъ въ маѣ 1843 г., вспоминая о былыхъ благородныхъ эстетическихъ увлеченіяхъ, которыя онъ дѣлилъ обыкновенно съ Данилевскимъ, Гоголь писалъ послѣднему[1]): „Разсмотримъ, какъ случилось, что мы разошлись съ тобою. Мы шли вмѣстѣ, обоимъ намъ было ниспослано отъ Бога чувство наслаждаться прекраснымъ. Мы оба въ одно время вступили на ту дорогу, по которой идутъ всѣ люди. По обѣимъ сторонамъ этой дороги много прекрасныхъ видовъ, и ты, и я, оба умѣли мы наслаждаться ими и чувствовать красоту ихъ, но небесной милостью дано мнѣ было въ удѣлъ слышать раньше, что все это еще не въ силахъ совершенно удовлетворить человѣка, что видъ по сторонамъ еще не цѣль и что дорога непремѣнно должна вести куда-то. Ты болѣе склоненъ вѣрить, что дорога эта дана намъ просто для прекрасной прогулки. Я любовался видами съ дороги, но не хотѣлъ для нихъ собственно сворачивать съ большого пути, чувствуя, что ждущее насъ должно быть лучше и неизмѣннѣе“ и проч.

Особенно рѣзко обозначилась эта перемѣна въ Гоголѣ во время говѣнья. Подъ вліяніемъ пережитого онъ сдѣлался сосредоточенъ въ себѣ и задумчивъ и сильно погрузился въ міръ религіозныхъ размышленій. Въ то время съ нимъ случился одинъ эпизодъ, совершенно незначительный, и о которомъ не стоило бы упоминать, если бы онъ самъ не придалъ ему нѣкотораго значенія и если бъ этотъ эпизодъ не указывалъ на степень усилившагося въ немъ мистицизма. Какъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы Гоголь упорно и съ полной надеждой ждалъ отъ кого-нибудь благословенія и принялъ присылку образа отъ преосвященнаго Иннокентія за напутствіе на будущее путешествіе въ Палестину; такъ въ 1843 онъ счелъ знаменательной простую шутку Перовскаго, который передъ исповѣдью вздумалъ благословить его. Конечно, послѣднее обстоятельство было очень маловажно, но оно характеристично

---

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1879, I, стр. 61.

для настроенія Гоголя, тѣмъ болѣе, что Гоголь послѣ серьезно напоминалъ о немъ Перовскому [1]).

Гоголь особенно углубился во время говѣнія въ обсужденіе вопроса о характерѣ болѣе нормальныхъ отношеній къ близкимъ людямъ и о своихъ обязанностяхъ литературныхъ и частныхъ. Ясныхъ доказательствъ для пріуроченія его размышлѣній преимущественно къ недѣлѣ говѣнія, мы, правда, не имѣемъ; но именно тогда особенно замѣчено было въ немъ А. О. Смирновой религіозное настроеніе, а главное, мы можемъ такъ думать на основаніи слѣдующаго даннаго имъ совѣта Погодину. Соглашаясь заранѣе, что рекомендуемые имъ способы самоуглубленія не пригодны для заваленнаго дѣлами Погодина, Гоголь ему говорилъ: „у тебя будетъ одно такое время, въ которое ты будешь имѣть возможность прожить созерцательною и погруженною въ себя самого жизнью, именно во время говѣнья“ [2]). Безъ сомнѣнія и вполнѣ естественно, что и самъ Гоголь поступалъ такъ же.

Въ размышленіяхъ Гоголя все сводилось къ разрѣшенію проблемы объ идеальной внутренней жизни и о вѣрѣ въ душу человѣка.

Внутреннюю жизнь Гоголь такъ опредѣлялъ еще въ 1841 г. въ письмѣ къ Данилевскому: „Внутреннею жизнью я понимаю (sic) ту жизнь, когда человѣкъ уже не живетъ своими впечатлѣніями, когда не идетъ отвѣдывать уже извѣстной ему жизни, но когда сквозь все видитъ одну пристань и берегъ — Бога и во имя Его стремится и спѣшитъ употребить въ дѣло данный Имъ же ему талантъ, а не зарыть его въ землю, слыша, что не для своихъ удовольствій дана ему жизнь, что строже ея долгъ и что взыщется страшно съ него, если онъ, углубясь во внутрь себя и вопросивъ себя, не узналъ, какія въ немъ сокрыты стороны полезныя и нужныя міру и гдѣ его мѣсто, ибо нѣтъ ненужнаго звена въ мірѣ“ [3]). Полагаясь безъ малѣйшихъ признаковъ колебанія на незыбле-

[1]) См. «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 60 и Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 154.

[2]) «Русск. Стар.», 1890, II, 415, и «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 122. Этотъ совѣтъ былъ потомъ опущенъ въ слѣдующемъ письмѣ Погодину, написанномъ въ замѣнъ цитируемаго. (См. «Русская Жизнь», 1892, № 57).

[3]) «Древняя и Новая Россія», 1879, I, 59—60. Въ письмѣ къ Шевыреву отъ 2 февраля 1844 Гоголь снова говоритъ вскользь о своей внутренней жизни (Соч. и письма Гоголя, VI, 45 и «Русск. Стар.», 1875, X, 310).

мость созданныхъ имъ теорій, Гоголь выводилъ отсюда, что въ случаѣ погруженія въ внутреннюю жизнь поэтъ испытаетъ на себѣ чудо: „возростаніе генія и восходящую, съ каждымъ стихомъ и созданіемъ, его силу, въ такой періодъ жизни, когда въ другомъ поэтѣ все это охладѣваетъ и мерзнетъ“[1]). Хотя эти слова были сказаны уже въ концѣ 1844 г., но и раньше мысль Гоголя работала уже въ данномъ направленіи и онъ писалъ уже въ началѣ этого года: „О трудахъ моихъ и сочиненіяхъ могу сказать только то, что строеніе ихъ соединено тѣсно съ моимъ собственнымъ строеніемъ. Мнѣ нужно слишкомъ поумнѣть для того, чтобы изъ меня вышло, точно, что-нибудь умное и дѣльное“[2]). Впослѣдствіи еще настойчивѣе и опредѣленнѣе Гоголь развивалъ эту мысль въ письмахъ къ Смирновой и Языкову. Смирновой онъ писалъ: „Нужно мнѣ самому состроиться и создаться прежде, чѣмъ думать о томъ, дабы состроились и создались другіе. Нельзя изглашать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу и не будетъ сильно и свято наше слово, если не освятимъ самыя уста, произносящія слово“[3]). Въ одновременномъ письмѣ къ Языкову Гоголь ту же мысль проводитъ далѣе и съ увѣренностью утверждаетъ: „что ни говори, а какъ напитаешься самъ сильно и весь существомъ истины, послышится власть въ всякомъ словѣ, и противъ такого слова уже врядъ ли найдется противникъ“[4]), а вскорѣ писалъ Погодину: „мы всѣ не болѣе, какъ орудія Божіи“[5]).

Переходя къ тому, какъ Гоголь обсуждалъ вопросъ о „вѣрѣ въ душу человѣка“, напомнимъ, что неумѣнье или невозможность стать въ нормальныя отношенія къ друзьямъ были для него самымъ больнымъ мѣстомъ, къ которому безпрестанно возвращалась его тревожная мысль[6]). Неожиданная размолвка съ Данилевскимъ еще больше подлила горечи въ его душу. „Меня“ — писалъ онъ Данилевскому — „ты всегда можешь смѣло осыпать упреками и справедливыми и несправедливыми,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 156.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 66.

[3]) Тамъ же, стр. 175.

[4]) Тамъ же, стр. 178.

[5]) «Русская Жизнь», 1892, № 64; ср. «Вѣстн. Европы» 1889, X, 478.

[6]) Погодину Гоголь писалъ однажды, что послѣ ссоры съ нимъ около двухъ лѣтъ не могъ заниматься ничѣмъ серьезнымъ («Русская Жизнь», 1892, № 78).

я все буду благодаренъ, мнѣ все идетъ въ прокъ, и письмо твое оскорбило меня недостаткомъ только вѣры въ душу мою, и меня опечалила мысль, какъ мало до сихъ поръ знаютъ меня и понимаютъ самые лучшіе друзья мои". До какой степени это лежало камнемъ на душѣ Гоголя, видно уже изъ его постоянныхъ возвращеній къ этой темѣ. Гоголь не можетъ, однако, выдержать до конца свое смиреніе и иногда вдругъ обмолвится какимъ-нибудь словомъ, показывающимъ, что въ глубинѣ души онъ все же считалъ себя возвысившимся надъ другими. Данилевскому онъ высказывалъ это безъ церемоніи и, признавая большое разстояніе между собой и имъ, въ поученіе ему излагаетъ свои мысли о томъ, что̀ значитъ „умѣть вѣрить душѣ человѣка". Онъ обдумалъ особый методъ, по которому долженъ разсуждать человѣкъ, вѣрящій душѣ другого, и этотъ методъ сообщаетъ Данилевскому и Погодину[1]). Высоко ставилъ Гоголь Шереметеву и О. С. Аксакову за „умѣнье вѣрить душѣ человѣка"; послѣднюю онъ даже благодарилъ за это, а однажды нѣчто подобное усмотрѣлъ было Гоголь въ одномъ письмѣ Шевырева, хотя тотчасъ же долженъ былъ раскаяться въ томъ. Во время самоуглубленій Гоголь выработалъ себѣ убѣжденіе, что обѣ задачи, преимущественно занимавшія его умъ, могутъ соединиться въ одну, и что, погружаясь во внутреннюю жизнь, онъ неизбѣжно долженъ разойтись на время съ друзьями, но съ тѣмъ, чтобы послѣ сойтись еще тѣснѣе и уже навсегда; онъ былъ увѣренъ, что и друзья его покинутъ внѣшнюю жизнь и пойдутъ съ нимъ потомъ одной дорогой, а тогда, конечно, должна наступить пора взаимнаго пониманія. „Всѣ сойдемся на одной дорогѣ", пророчески сообщалъ онъ Данилевскому: „Дорога эта слишкомъ положена въ основу нашей жизни, слишкомъ широка и замѣтна для того, чтобы попасть на нее. Въ концѣ дороги этой Богъ; а Богъ есть весь истина; а истина тѣмъ и глубока, что она всѣмъ равно понятна — и мудрѣйшему, и младенцу".

Въ силу этого Гоголь не сомнѣвался, что встрѣтится со всѣми друзьями и что „будетъ эта встрѣча радостнѣе вся-

---

[1]) См. «Древняя и Новая Россія», 1879, I, 62, «Русск. Арх.», 1890, VIII, 121—122; также «Соч. и письма Гоголя», VI, 12 и проч. То же выраженіе употребляетъ Шереметева въ письмѣ къ Гоголю; см. также «Русск. Стар.». 1875, X, 300 и 320.

кихъ встрѣчъ юности[1]). А пока въ ожиданіи этого свѣтлаго будущаго Гоголь съ горечью сознавалъ свою сухость и необщительность въ сношеніяхъ съ друзьями; разговоры внѣ религіозныхъ темъ переставали его занимать и тяготили, и онъ чувствовалъ, что игралъ часто даже въ обществѣ близкихъ людей самую странную роль. По всей вѣроятности, это-то его состояніе С. Т. Аксаковъ и принималъ за отдохновеніе послѣ творчества[2]). Мы уже приводили не мало примѣровъ, когда Гоголь самъ признавался въ своей невыносимости; но вотъ еще одинъ, указывающій на несомнѣнное соотношеніе между происходившей въ немъ внутренней работой и его сухой отталкивающею непривѣтливостью. Въ письмѣ отъ 6 окт. 1843 г. Гоголь признавался Плетневу, что „захлопотанный собою, занятой мыслью объ одномъ себѣ, о моемъ внутреннемъ хозяйствѣ, объ управленіи моими непокорными слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми всѣми слѣдовало вознестись, — я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ“, и все это потому, что „сочиненія мои связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и мнѣ нужно вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе“ [3]). Все это замѣтнѣе на его отношеніяхъ къ Даниловскому.

Содержаніе большинства писемъ Гоголя къ Даниловскому (начиная со второй половины 1839 года, послѣ болѣзни Гоголя) становится крайне однообразнымъ и почти не представляетъ интереса; они наполнены ободреніями и увѣщаніями, а иногда и упреками за недостатокъ энергіи, нерѣшительность, слабость характера. Самый тонъ писемъ существенно измѣняется и доходитъ иногда до такой нетерпимости и раздражительности, что Даниловскому случалось не разъ оскорбляться имъ. Всего чаще Гоголь журилъ его за хандру и малодушіе. Вотъ образчикъ такихъ нравоученій:

„Какъ ни пріятно было мнѣ получить твое письмо, но я читалъ его болѣзненно. Въ его лѣниво влекущихся строкахъ

---

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1879, I, 61, и «Русск. Стар.» 1875, X, 311. См. о томъ же въ «Русск. Жизни», 1892, № 43, гдѣ Гоголь говоритъ: «Кто одинъ разъ уже вошелъ въ мою душу, тотъ уже останется вѣчно тамъ» и проч.

[2]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 201. См. о томъ же, «Русск. Ж.», 1892, № 57.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI. стр. 29.

присутствуютъ хандра и скука. Ты все еще не схватилъ въ руки кормила своей жизни, все еще носится она безцѣльно и праздно, ибо о другомъ грезитъ дремлющій кормчій: не глядитъ онъ внимательными и ясными глазами на плывущіе мимо и вокругъ его берега, острова и земли, и все еще стремитъ усталый, безсмысленный взоръ на то̀, что̀ мерещится въ туманной дали, хотя давно уже потерялъ вѣру въ обманчивую даль. Оглянись вокругъ себя и протри глаза: все лучшее, что̀ ни есть, все вокругъ тебя, какъ оно находится вездѣ вокругъ человѣка, и какъ одинъ мудрый узнаётъ это, и часто слишкомъ поздно!"[1])

Гоголь неожиданно какъ будто отодвинулъ своего пріятеля на неизмѣримое разстояніе отъ себя и заговорилъ съ нимъ суровымъ тономъ обличителя. Но это не было напускное и самодовольное морализированіе, ни тѣмъ болѣе разсчитанное и преслѣдующее извѣстныя чисто-практическія цѣли, въ чемъ нѣкоторые подозрѣвали Гоголя, потому что не было никакого смысла принимать подобный тонъ съ Данилевскимъ, котораго Гоголь любилъ какъ товарища и друга, и у котораго заискивать ему было совершенно нечего. Какъ извѣстно, наоборотъ, Данилевскій часто прибѣгалъ къ ходатайству о немъ Гоголя. Слѣдовательно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что выдержанность религіозно-мистическаго тона *во всѣхъ* письмахъ Гоголя, не исключая и писемъ къ Данилевскому, совершенно должна снять съ него тяжелое обвиненіе въ ханжествѣ и притворствѣ. Изъ писемъ къ Данилевскому видимъ, напротивъ, что Гоголь до того освоился съ новымъ міросозерцаніемъ и съ связаннымъ съ нимъ тономъ строгаго моралиста, что онъ впадалъ въ него противъ воли и готовъ былъ послѣ тотчасъ просить извиненія. Какъ самъ онъ жаждалъ въ это время упрековъ и наставленій, такъ и другимъ расточалъ ихъ совершенно искренно и съ самымъ добрымъ намѣреніемъ. Но странно и грустно видѣть замѣтное ослабленіе въ его интимныхъ письмахъ той горячей искры понятной намъ любви здороваго человѣка, которая должна была прежде нести Данилевскому отраду и успокоеніе въ житейскихъ заботахъ и скорбяхъ, и замѣну этой любви какой-то иною, которую Гоголь отъ души считалъ, можетъ быть, высшею,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 446.

но которая приводитъ въ недоумѣніе людей, чуждыхъ его настроенію.

Всего поразительнѣе въ письмахъ къ Данилевскому еще съ 1839 года какая-то холодная сдержанность, составляющая рѣзкій контрастъ съ прежнимъ беззавѣтно-дружественнымъ тономъ, хотя послѣдній и не исчезаетъ вовсе окончательно *никогда,* не исключая самыхъ послѣднихъ писемъ. Еще за годъ онъ писалъ Прокоповичу: „Недавно получилъ письмо отъ Данилевскаго изъ Парижа. Онъ все также бредитъ Парижемъ и мыслитъ о Гризи, но, кажется, ему бѣдному немного тамъ прискучилось. Я уже давно не видался съ нимъ и хотѣлъ бы поглядѣть на него“[1]). Или: „Теперь ты радъ. Данилевскій съ тобою! Ты вкусилъ минуту свиданія послѣ такой длинной разлуки. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами! Но я уже почти отказался отъ этой сладкой мысли!“[2]) Совершенно иное видимъ теперь: стремясь къ какой-то недосягаемой моральной высотѣ, Гоголь какъ будто заглушалъ въ себѣ самыя естественныя и привлекательныя стороны природы. И вотъ уже въ новомъ, значительно измѣнившемся состояніи пришлось наблюдать его большинству лицъ, оставившихъ о немъ несочувственныя воспоминанія, тогда какъ въ лучшую пору его, жившаго долго за границей, знали немногіе. Да и для самихъ друзей Гоголя нѣкоторыя лучшія стороны умерли въ немъ навсегда. „Сильно поражали меня эти письма“, — передавалъ А. С. Данилевскій, — „но только гораздо позднѣе стало для меня болѣе или менѣе ясно значеніе этой перемѣны; сначала они просто приводили въ недоумѣніе“.

Здѣсь повторилась обычная въ подобныхъ случаяхъ исторія: отдѣльные слабые предвѣстники предстоящей коренной перемѣны въ характерѣ человѣка, какъ и въ болѣзняхъ, не замѣчаются вовсе или пропускаются безъ вниманія, и только когда она станетъ обозначаться болѣе или менѣе явно, тогда начинаютъ приходить на память разные случаи, какъ она обнаруживалась и раньше. Съ другой стороны, разъ замѣтивъ перемѣну, начинаютъ придавать ей невозможные размѣры и склонны непремѣнно видѣть ее всюду, и уже не

---

1) «Русское Слово», 1859, I, 109 и «Письма Гоголя къ Прокоповичу». стр. 25.

2) Тамъ же, стр. 26.

хотятъ слышать, что распространяющіеся слухи чудовищно нелѣпы. Впослѣдствіи, напримѣръ, А. С. Данилевскому не разъ приходилось слышать даже, что Гоголь не въ своемъ умѣ и проч. Напрасно онъ, знавшій Гоголя близко до послѣднихъ дней его жизни, разувѣрялъ своихъ собесѣдниковъ; большею частью ничто не дѣйствовало.

Какъ бы то ни было, однимъ изъ первыхъ признаковъ печальной перемѣны въ Гоголѣ въ письмахъ къ Данилевскому нельзя не считать исчезновеніе его братской снисходительности. Гоголь становится строгъ во всемъ: осуждаетъ образъ жизни Данилевскаго, его характеръ и даже слогъ писемъ; тогда какъ прежде, напротивъ, подкупленный чувствомъ дружбы, считалъ его болѣе, нежели самого себя, способнымъ живо и занимательно разсказать что-нибудь. Года за три онъ писалъ о Данилевскомъ Прокоповичу: „Я не пишу тебѣ о всѣхъ городахъ и земляхъ, которые я проѣхалъ, потому что о половинѣ ихъ писалъ къ тебѣ Данилевскій, *котораго перо и взглядъ живѣй моихъ*“[1]).

Сущность совѣтовъ и наставленій Гоголя Данилевскому заключалась въ томъ, что послѣдній долженъ былъ оставить прежнюю разсѣянную жизнь, что̀, впрочемъ, не составляло уже вопроса по практической неосуществимости ея, и весь отдался упорному труду, не пренебрегая скромной, невидной долей уѣзднаго помѣщика. Совѣты основательные, но къ нимъ невольно присоединялись оскорбительные и незаслуженные упреки, казавшіеся Гоголю очень легкими и невинными, но въ сущности чувствительные, изъ-за чего, какъ мы уже говорили, между ними чуть не произошло однажды довольно серьезное столкновеніе[2]).

---

[1]) «Русское Слово», 1859, I, 88 и «Письма Гоголя къ Прокоповичу», стр. 5.

[2]) Отмѣтимъ здѣсь пропуски въ письмѣ отъ 29-го дек. 1839 года. Послѣ слова: «семейственныхъ» (дѣлъ), пропущено: «которыя идутъ Богъ знаетъ какъ». Далѣе, послѣ словъ: «у кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ», слѣдуетъ дополнить: «но лишь бы онѣ не знали и не видѣли своего дома, гдѣ онѣ пропадутъ совершенно. Ты понимаешь все. Ты знаешь, что маменька глядитъ и не видитъ, что она дѣлаетъ то, чего никакъ не воображаетъ дѣлать, и, думая объ ихъ счастьѣ, сдѣлаетъ ихъ несчастными и потомъ всю вину сложитъ на Бога, говоря, что Богу было угодно попустить. — Впрочемъ, какъ Богъ дастъ! По крайней мѣрѣ, здѣсь глаза моихъ знакомыхъ и любящихъ меня будутъ на нихъ устремлены. Это ужъ много. Притомъ, во всякомъ случаѣ, и въ отношеніи воспитанія онѣ могутъ здѣсь, т.-е. въ Москвѣ» (дѣйствительно, Гоголь, какъ знаемъ, помѣстилъ свою сестру Елиза-

Переходъ отъ самыхъ теплыхъ интимныхъ отношеній былъ почти неуловимъ; если Данилевскаго коробили и раньше иныя поучительнымъ тономъ проникнутыя письма друга, то это проходило и забывалось, да и Гоголь какъ ни въ чемъ не бывало возвращался снова къ прежнему обычному тону своихъ писемъ; но вдругъ въ его письмахъ начинали прорываться высокомѣрныя ноты, выдававшія его убѣжденіе въ значительномъ нравственномъ превосходствѣ надъ Данилевскимъ — и тогда готова была разразиться гроза. Поэтому Данилевскій безъ всякаго перерыва то являлся передъ нами въ роли не только въ высшей степени любимаго, но даже родного Гоголю человѣка, которому поручалось, какъ въ прежніе годы его

вету Васильевну у Прасковьи Ивановны Раевской), «болѣе пріобрѣсть, нежели потерять. Изъ писемъ, въ которыхъ очень замѣтно, что отъ меня многое еще скрывается, я вижу, что дѣла маменьки должны быть до послѣдней степени плохи. Пожалуйста, сдѣлай мнѣ большое одолженіе: побывай у моей маменьки tête-à-tête и допроси ее хорошенько и обстоятельно, сколько она можетъ разсказать, положеніе дѣлъ. Скажи, что тебѣ она необходимо должна все сказать откровенно, что это единственное средство приготовить меня, и дастъ мнѣ возможность заблаговременно подумать, какъ и что̀ поправить, — словомъ, все, что̀ почтешь въ этомъ случаѣ нужнымъ для вывѣданія, но такъ какъ, между прочимъ, отъ нея немного можно будетъ добраться настоящей ясности, то, пожалуйста, разспроси сосѣдей и что̀ говорятъ въ околоткѣ, и какъ въ самомъ дѣлѣ правятся у насъ дѣла, и до какой степени обманываютъ мужики, приказчики и сами сосѣди. Тебѣ ничего не будетъ стоить заѣхать въ полверстѣ отъ насъ къ помѣщицѣ Цюревской; она самая ближняя сосѣдка и, безъ сомнѣнія, многое можетъ разсказать. Не знаю и не могу постичь, какими средствами помочь нашимъ обстоятельствамъ хозяйственнымъ, которымъ грозитъ совершенное разореніе; тѣмъ болѣе оно изумительно, что имѣніе наше во всякомъ случаѣ можно назвать хорошимъ. Мужики богаты, земли довольны» и проч.

Послѣ словъ: «нигдѣ такъ не облегчены крестьяне, какъ у насъ», пропущено: «Нужно же именно такъ распорядиться, чтобы при этомъ разстроить въ такой степени. Не нужно позабыть, что еще не такъ давно въ рукахъ у маменьки были деньги, что при перезакладкѣ имѣнія, года три тому назадъ, она выиграла почти десять тысячъ, которыя бы, кажется, могли въ рукахъ даже неуча помочь и неурожаю, и быть полезными на запасъ и на всякій будущій случай. Ничуть не бывало; эти деньги канули какъ въ воду». — Послѣ словъ: «духъ мой страдаетъ» слѣдуетъ: «ради Бога, коли тебѣ будетъ можно, дай сколько-нибудь маменькѣ на дорогу, рублей около пятисотъ, коли можешь; очень, очень буду тебѣ благодаренъ. У меня денегъ ни гроша; все, что̀ добылъ, употребилъ на обмундировку сестеръ». — Въ концѣ письма пропущено: «Не намъ съ тобою поправлять, а развѣ постарайся жениться, — это другое дѣло — то-есть жениться — я разумѣю — не на женѣ, но и на деревнѣ вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, пожалуйста, не оставь меня отвѣтомъ и увѣдоми какъ можно поскорѣе. Твой Гоголь. Адресъ тебѣ извѣстенъ: Погодину».

вотчиму Чернышу, деликатно слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Васильевкѣ и за всѣмъ, что̀ тамъ происходило (такъ что отношенія Гоголя къ своей семьѣ тѣсно связываются и перепутываются съ отношеніями къ его „ближайшему“ другу), то, кажется, давнія отношенія готовы сразу порваться и рухнуть. Прослѣдимъ, насколько возможно, эти отношенія по письмамъ.

Надо замѣтить во-первыхъ, что въ продолженіе промежутка отъ конца 1839 года до мая 1842 переписка между ними въ значительной степени пріостановилась, не смотря на то, что во время пріѣздовъ Гоголя въ Россію они ни разу не видѣлись, даже въ маѣ 1842 г., когда, по просьбѣ Гоголя, Данилевскій собирался проводить Марью Ивановну въ Москву. По этому поводу Гоголь писалъ:

„Изъ письма твоего (я получилъ его сегодня, 9-го мая, въ день моихъ именинъ, и мнѣ казалось, какъ будто я увидѣлъ тебя самого) изъ письма твоего вижу, что ты не получилъ двухъ моихъ писемъ: одного, отправленнаго того же дня по полученіи твоего, и другого мѣсяцемъ послѣ. Я адресовалъ ихъ обоихъ въ Бѣлгородъ, на имя сестры, такъ, какъ ты самъ назначилъ, сказавши, что останешься въ немъ долго.

„Но нечего жалѣть на то, что мы не увидались съ тобой и въ сей разъ! Такъ, видно, нужно! По крайней мѣрѣ я радъ и спокоенъ, получивши твое письмо; въ немъ слышится ясное спокойствіе души. Слава Богу! труднѣйшее въ мірѣ пріобрѣтено, прочее все будетъ въ твоей власти. И потому дождемся полнаго свиданія, которое торжественно готовитъ намъ будущее.

„Отвѣта не жду на это письмо въ Москвѣ, потому что черезъ полторы недѣли отъ сего числа уѣду Это будетъ мое послѣднее и, можетъ быть, самое продолжительное удаленіе изъ отечества: возвратъ мой возможенъ только чрезъ Іерусалимъ. Вотъ все, что̀ могу сказать тебѣ.

„Посылаю тебѣ отрывокъ подъ названіемъ „Римъ“, который я нарочно тиснулъ въ 10 экз. отдѣльно. Какъ онъ тебѣ покажется и въ чемъ его грѣхи, обо всемъ этомъ напиши. Ты знаешь самъ, что я всегда уважалъ твои замѣчанія и что они мнѣ нужны.

„Письма адресуй въ Римъ на имя банкира барона Валентини (Piazza Apostoli nel suo proprio palazzo). Если не по-

лучишь отвѣта, не смущайся и пиши вслѣдъ затѣмъ другое. Все пиши, что ни дѣлается съ тобою, потому что все это для меня интересно. Я напишу потомъ вдругъ. Если же тебѣ захочется получить отвѣтъ еще до сентября мѣсяца (европейскаго), то адресуй въ Гастейнъ, что въ Тиролѣ, откуда въ сентябрѣ я выѣду въ Римъ.

„Чрезъ недѣлю послѣ сего письма ты получишь отпечатанныя „Мертвыя Души", преддверіе немного блѣдное той великой поэмы[1]), которая строится во мнѣ и разрѣшитъ, наконецъ, загадку моего существованія. Но довольно.

„Крѣпись и стой твердо: прекраснаго много впереди! Если же что въ жизни смутитъ тебя, наведетъ безпокойство, сумракъ на мысли, вспомни обо мнѣ, и при одномъ уже такомъ напоминаньѣ отдѣлится сила въ твою душу! Иначе не сильна дружба и вѣра, обитающая въ твоей душѣ!

„Прощай, обнимаю тебя. Будь здоровъ. Вмѣстѣ съ письмомъ несется къ тебѣ благословенье и сила. Твой Гоголь".

Первое письмо затѣмъ послѣ непродолжительнаго перерыва было написано Гоголемъ въ Гастейнѣ 22-го (10-го) августа 1842 г., въ которомъ Гоголь именемъ дружбы просилъ Данилевскаго не скрывать впечатлѣній послѣ прочтенія „Рима" и „Мертвыхъ Душъ"[2]). Затѣмъ отъ октября 23-го (11-го) 1842 г. Гоголь писалъ ему дѣловое письмо, въ которомъ обсуждалъ его положеніе:

„Твое уединеніе и тоска отъ него меня очень опечалили. Натурально — самое лучшее, что можно сдѣлать, бѣжать отъ нихъ обоихъ.

„Но куда бѣжать? Ты хочешь въ Петербургъ, хочешь сдѣлаться чиновникомъ: не есть ли это только одна временная отвага, рожденная скукой и безплодіемъ нынѣшней твоей жизни?"

---

[1]) Ср. въ письмѣ къ П. А. Плетневу: «это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится» (V, 465).

[2]) Ср. V, 485. Въ этомъ письмѣ въ изданіи г. Кулиша опущенъ только конецъ: «Адресуй въ Римъ, poste restante, или лучше, вручи маменькѣ, чтобы она отправила въ своемъ письмѣ: это вѣрнѣе». Въ началѣ письма упомянуто о письмахъ, отправленныхъ въ Бѣлгородъ и Миргородъ; эти письма не всѣ сохранились (обыкновенно письма адресовались въ Миргородъ, а въ Бѣлгородъ только когда Данилевскій гостилъ у дяди, который тамъ командовалъ полкомъ). Къ этому письму имѣютъ отношеніе слѣдующія слова Гоголя въ письмѣ къ матери: «Передайте это маленькое письмецо А. С. Данилевскому» и проч. (V, 495).

Гоголь держится того убѣжденія, что Петербургъ манитъ прошедшими воспоминаніями, но что Данилевскій уже не найдетъ въ немъ ничего, что̀ его прежде привязывало („прежній кругъ давно разсѣялся") и, по обычаю большинства людей, настойчиво рекомендуетъ то̀, что̀ нравилось ему самому — жизнь въ Москвѣ. „Тамъ болѣе теплоты и въ климатѣ, и въ людяхъ. Тамъ живутъ большею частью такіе друзья мои, которые примутъ тебя радушно и съ открытыми объятіями; тамъ меньше разсчетовъ и денежныхъ вычисленій. Посредствомъ Шевырева можно будетъ какъ-нибудь доставить тебѣ мѣсто при генералъ-губернаторѣ Голицынѣ. Подумай обо всемъ это и увѣдоми меня скорѣе, чтобы я могъ тебя во̀-время снабдить надлежащими письмами, къ кому слѣдуетъ.

„Если-жъ ты рѣшился служить въ Петербургѣ и думаешь, что въ силахъ начать серьезную службу, то совѣтъ мой обратиться къ Норову; онъ же былъ прежде твоимъ начальникомъ. Теперь онъ оберъ-прокуроръ въ сенатѣ. Изъ всѣхъ службъ, по моему мнѣнію, нѣтъ службы, которая могла бы быть болѣе полезна и болѣе интересна сама по себѣ, какъ служба въ сенатѣ. Теперь же, какъ нарочно, всѣ оберъ-прокуроры хорошіе люди. Къ Норову я напишу письмо, въ которомъ изъясню, какъ и почему слѣдуетъ оказать тебѣ всякую помощь. Я съ нимъ видѣлся теперь въ Гастейнѣ. Итакъ, подумай обо всемъ этомъ и увѣдоми меня".

На оба эти письма Данилевскій отвѣчалъ слѣдующимъ:

„Недѣли двѣ тому назадъ я получилъ письмо твое. Оно, какъ почти всѣ письма твои, освѣжило и отвело мнѣ душу. Какъ я благодаренъ тебѣ за твое участіе, и сколько оно мнѣ, если бы ты зналъ, драгоцѣнно и нужно!

„Я совершенно согласенъ съ тобой во всемъ, что̀ говоришь ты насчетъ Петербурга. Все взвѣсилъ и обдумалъ со всею досужностью, свойственной моей деревенской жизни! Ради Бога, найди средства избавить меня отъ Петербурга! Посели меня въ Москвѣ, и я ни за что не буду такъ благодаренъ тебѣ. Но дѣло въ томъ, гдѣ и какъ служить въ Москвѣ? При Голицынѣ, говоришь ты: прекрасно! и мнѣ совершенно по душѣ; но ты забываешь, мой добрый Николай, что служить при Голицынѣ значитъ служить безъ жалованья, чего я теперь никакъ не въ силахъ. Три-четыре года такой службы въ Москвѣ сведутъ меня глазъ на глазъ

съ нищетою. Да, это истина, и такая, которая не требуетъ никакого поясненія. Въ Петербургѣ, мнѣ кажется, легче найти службу съ жалованьемъ, да и жить въ Петербургѣ дешевле. Гдѣ найти въ Москвѣ такихъ благодѣтельныхъ кухмистровъ, которые въ Сѣверной Пальмирѣ за одинъ рубль, а иногда и того меньше, снабжаютъ всю нашу бѣдную чиновную братью подлѣйшимъ обѣдомъ?

„Видишь ли: мысль моя была вступить въ департаментъ внѣшней торговли: тамъ хорошее жалованье и начальникъ знакомый твой кн. Вяземскій. Другая мысль, которая, признаюсь, ласкала меня гораздо болѣе — это служить по министерству иностранныхъ дѣлъ. Тамъ бы только, кажется, я попалъ на свою дорогу и ничто другое не отвлекало бы меня. Въ два-три года я могъ бы уразумѣть итальянскій и испанскій языки и, можетъ быть, современемъ получилъ бы гдѣ-нибудь мѣсто при миссіи — единственная цѣль моихъ желаній и честолюбія. Но у тебя тамъ нѣтъ никого, кто бы взялся похлопотать за меня и помочь мнѣ, и какъ ты одинъ составляешь мои надежды, то я и прихожу въ отчаяніе осуществить когда-нибудь мою любимую идею.

„Въ сенатѣ служить нѣтъ никакого у меня желанія и цѣли. Хорошо бы начать тамъ службу, какъ только вышли изъ Нѣжина, а теперь чѣмъ и какъ я буду служить въ сенатѣ безъ охоты и безъ жалованья, ибо жалованье въ сенатѣ равняется, какъ ты знаешь, такому же въ нашихъ уѣздныхъ судахъ: столоначальники получаютъ не болѣе 800 руб. ассигнаціями.

„При такихъ обстоятельствахъ устрой меня какъ хочешь; согласи ихъ, если это возможно, не забывая совсѣмъ моихъ желаній и выгодъ матеріальныхъ. Москва мнѣ очень улыбается; въ ней, кажется, я былъ бы счастливѣе, нежели въ Петербургѣ, если ужъ нѣтъ надеждъ попасть при какой-нибудь иностранной миссіи.

„А вотъ еще: не имѣешь ли ты какихъ-нибудь проводниковъ, чтобы доставить мнѣ мѣсто, которое занималъ Строевъ при Демидовѣ [1]). Это было бы едва ли не лучше всего. Впрочемъ, отдаюсь совершенно на произволъ твоей дружбы; пускай она, сообразивъ все, укажетъ тебѣ дорогу, по которой по-

---

[1]) Строевъ былъ секретаремъ при Анатоліи Николаевичѣ Демидовѣ; жилъ въ отелѣ. Демидовъ почти совсѣмъ не входилъ ни во что, а всѣмъ завѣдывалъ Строевъ. О Демидовѣ см. Кул., V, 370 и 433; онъ обозначенъ подъ литерой GG.

плетусь въ послѣдній разъ съ крайне облегченной ношей когда-то грузныхъ надеждъ моихъ.

„Зачѣмъ не пишешь ничего о себѣ: какъ живешь? здоровъ ли? гдѣ нагружаешься макаронами, фриттрами и пастами? Гдѣ пьешь свою аврору? Что̀ задумалъ? чѣмъ занятъ? При всей моей радости получить письмо твое, мнѣ было грустно читать его: куда дѣвались эти безцѣнныя подробности, которыя, играя со мной и закруживъ меня невольно, переносили къ тебѣ, въ твой третій этажъ, на счастливую Via Felice. Или я сдѣлался чужимъ для тебя? или думаешь, что это не дастъ мнѣ прежнихъ удовольствій?

„Недавно получилъ письмо отъ Прокоповича. Онъ, спасибо ему, хоть изрѣдка пишетъ ко мнѣ и не лишаетъ меня, какъ ты, извѣстій о себѣ, городѣ и о нашихъ общихъ знакомыхъ. Съ маменькой твоей я не видался давно за проклятою болѣзнью, которая около году меня не оставляетъ; да у насъ теперь и погода такова, что хоть бы желалъ, нѣтъ возможности сдѣлать ни шагу изъ дому. Зима намъ измѣнила. Дороги никакой — ни въ саняхъ, ни на колесахъ, Можешь себѣ представить: январь мѣсяцъ, а хоть борщъ вари съ молодой крапивой. Ты спрашиваешь меня, что̀ здѣсь говорятъ о твоей поэмѣ. Я не вижу почти никого и никуда не выѣзжаю. Тѣ немногіе, съ которыми имѣю сношеніе, не нахвалятся ею. Патріоты нашего уѣзда, питая къ тебѣ непримиримую вражду [1]), теперь благодарны уже за то, что ты пощадилъ Миргородъ. Я слышалъ между прочими мнѣніе одного, который можетъ служить оракуломъ этого класса господъ, осыпавшаго такими похвалами твои „Мертвыя Души“, что я сначала усомнился-было въ его искренности; но жестокая хула и негодованіе на твой „Миргородъ“ помирили меня съ нею. „Какъ!“ — говорилъ онъ: „миргородскій уѣздъ произвелъ до тридцати генераловъ, адмираловъ, министровъ, путешественниковъ вокругъ свѣта (чортъ знаетъ, гдѣ онъ ихъ взялъ!), проповѣдниковъ (не шутка!), водевилиста, ко-

[1]) Иногда Марья Ивановна Гоголь вступала въ споры съ такими порицателями Гоголя и горячо превозносила его, чѣмъ онъ всегда оставался крайне недоволенъ, и требовалъ, чтобы она говорила о немъ только какъ о сынѣ. — См. V, 350; тамъ есть пропускъ: «Родители же, которые хвастаются сочиненіями своихъ сыновей, чрезвычайно наивны и смѣшны въ своей наивности. Я зналъ нѣкоторыхъ, которые мнѣ были очень смѣшны».

торый началъ писать водевили, когда ихъ не писали и въ Парижѣ". Это относилось къ Нарѣжному, какъ послѣ объяснилъ онъ, и проч., и проч.; всѣхъ припомнить не могу! Да ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противникъ не кто таковскій, какъ Василій Яковлевичъ Ламиковскій. Всего болѣе тѣшило меня, что мошенникъ Малинка (эпитетъ, безъ котораго никто не можетъ произнести его имени), но котораго *чортъ не взялъ*, какъ говорилъ мой зять Иванъ Осиповичъ, хохоталъ до упаду, читая „Мертвыя Души" (вѣроятно, отъ меня косвенными путями дошедшія), въ кругу всей сорочинской bourgeoisie и поповщины. „Ревизоръ" ему очень извѣстенъ и нерѣдко, говорятъ, перечитывается въ томъ же кругу и надрываетъ бока смѣшливымъ молодымъ попамъ и попадьямъ.

Что̀ сказать тебѣ еще? Я вѣчно приберусь писать, когда надобно спѣшить какъ можно, чтобы не опоздать на почту. Прокоповичъ обѣщалъ мнѣ прислать твои сочиненія, печатаемыя подъ его надзоромъ, и до сихъ поръ не имѣю ихъ. Съ Пащенкомъ не видался очень давно; у него попрежнему вѣчный флюсъ, что̀, впрочемъ, не мѣшаетъ ему ухаживать за Старицкой[1]), племянницей Арендта, на которой онъ, говорятъ, уже и засватанъ. Барановъ женился, но убилъ бобра! Трахимовскій на дняхъ поѣхалъ въ Житомиръ, куда назначенъ директоромъ училищъ. Все прочее обстоитъ благополучно".

Гоголь, получивъ письмо отъ друга, въ самомъ дѣлѣ позаботился рекомендовать его всюду, гдѣ могъ; такъ, по желанію Данилевскаго, онъ реко̀мендовалъ его князю Вяземскому. Приводимъ относящіяся сюда строки:

„Примите благосклонно подателя этого письма, брата моего — Данилевскаго. Отлагая въ сторону родство, я могу сказать, что это одинъ изъ достойнѣйшихъ молодыхъ людей: въ немъ много таланта и вкуса. Бывши два года въ Парижѣ, въ Италіи и въ Германіи, онъ не пропустилъ ничего, чего бы не обратилъ въ свою пользу. Онъ мой единственный родственникъ, единственный другъ отъ колыбели, отъ первыхъ лѣтъ юности дѣлившій со мною все, всѣ небольшія мои радости и горя. Онъ намѣренъ теперь заняться службою. Помогите ему вашимъ вліяніемъ и вашимъ добрымъ совѣтомъ. Вѣкъ

---

[1]) О Старицкой и объ Арендтѣ см. настоящаго труда т. I, стр. 56, примѣч. 2

не позабуду вашей этой милости и за нее буду въ пятьсотъ разъ больше вамъ обязанъ, нежели если бы вы мнѣ оказали ее самому, и, клянусь, она падетъ не на камень. Онъ достоинъ быть болѣе счастливъ, нежели есть: вы это увидите" [1]).

Отвѣтомъ Данилевскому отъ Гоголя было письмо изъ Рима, отъ 26-го (14-го) февраля 1843, а не 1841, какъ предполагалъ П. А. Кулишъ. Доказательствомъ могутъ служить упоминанія тѣхъ же лицъ и по тому же поводу, какъ въ письмѣ Данилевскаго. Такъ, отвѣчая ему, Гоголь говорилъ: „Совѣтуя тебѣ въ Москву, я натурально имѣлъ въ виду твое состояніе и *служить при Голицынѣ*, предполагая устроить такъ, чтобы ты могъ получать жалованье" [2]). Ниже, на просьбу пристроить Данилевскаго на мѣсто Строева, Гоголь отвѣчалъ: „Ты пишешь, не имѣю ли какихъ путей пристроить къ Демидову. Рѣшительно никакихъ", и пр. Наконецъ, упоминается въ концѣ письма даже Малинка, прозваніе котораго по недоразумѣнію напечатано у Кулиша, какъ имя нарицательное, и попы. Въ концѣ письма за подписью: „Прощай. Твой Гоголь" — слѣдуетъ приписка:

„На всякій случай вотъ тебѣ адресы: Шевыревъ — близъ Тверской въ Дегтярномъ переулкѣ въ собственномъ домѣ; Погодинъ—на Дѣвичьемъ полѣ; прочихъ дастъ адресъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ" [3]).

Адресы эти сообщались, очевидно, для того, чтобы друзья Гоголя могли оказать Данилевскому покровительство.

Въ этомъ же письмѣ есть обидѣвшія Данилевскаго строки: „Ты спрашиваешь, зачѣмъ я не говорю и не пишу къ тебѣ о моей жизни, о всѣхъ мелочахъ, объ обѣдахъ, и проч., и

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1865, VII, 789.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 430.

[3]) Въ расположеніи писемъ, относящихся къ началу сороковыхъ годовъ, у Кулиша встрѣчаются ошибки вслѣдствіе указаннаго выше обстоятельства — почти совершеннаго отсутствія писемъ 1841 года. Такъ письмо, напечатанное Кулишемъ на 443 стр. V тома, какъ ясно изъ его содержанія, было написано Данилевскимъ еще за границей; притомъ въ немъ, какъ и въ письмѣ отъ 29-го дек. 1839 г., упоминается о дрожкахъ Ивана Семеновича, о которыхъ Данилевскій писалъ ему тогда, что онѣ извѣстны по его имени во всемъ уѣздѣ. Въ концѣ письма отъ 7-го авг. 1841 г. отмѣтимъ пропускъ въ концѣ: «Недѣли двѣ, а, можетъ быть, и меньше остаюсь въ Римѣ. Заѣду по Рейну въ Дюссельдорфъ къ Жуковскому. Въ Москвѣ надѣюсь быть къ зимѣ. Во всякомъ случаѣ въ отвѣтъ на письмо это напиши хоть два слова, въ знакъ, что оно тобой получено».

проч. Но жизнь моя давно уже происходитъ вся внутри меня, а внутреннюю жизнь (ты самъ можешь чувствовать) не легко передавать. Тутъ нужны томы. Да притомъ результатъ ея явится потомъ весь въ печатномъ видѣ[1]). *Увы! развѣ ты не слышишь, что мы уже давно разошлись, что я уже весь ушелъ въ себя, тогда какъ ты остался еще внѣ*".

Жестокія слова, обидные, несправедливые упреки, посыпавшіеся со стороны Гоголя на Данилевскаго, глубоко оскорбили послѣдняго. Ничѣмъ не приготовленный къ такой крупной перемѣнѣ, которая успѣла замѣтно обозначиться въ его пріятелѣ въ короткій срокъ ихъ разлуки, онъ недоумѣвалъ, чему приписать и какъ объяснить внезапную холодность, заступившую мѣсто прежняго дружескаго участія. Въ то же время, какъ видно изъ предыдущихъ писемъ, онъ не выносилъ поученій, и хотя отвѣчалъ на нихъ пока сдержанно, но уже съ явно просвѣчивающей мѣстами ироніей недовольства. Смутно стали припоминаться ему прежнія мимолетныя впечатлѣнія досады, возбуждаемой проявленіемъ новыхъ сторонъ въ характерѣ Гоголя, которымъ онъ не придавалъ прежде никакого значенія, но которыя теперь заставили его сгоряча придти къ заключенію, что между нимъ и другомъ его юности неожиданно выросла какая-то китайская стѣна, которая отдѣлила ихъ навсегда. Ему показалось, что онъ теряетъ вторично все дорогое въ жизни, какъ онъ испыталъ это по смерти матери. Вспыльчивый, чувствительный къ обидѣ, онъ не выдержалъ и написалъ рѣзкій отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что видитъ самъ, какъ далеко они разошлись, и что между ними все кончено. Можетъ быть, страннымъ покажется, что почти тридцатилѣтняя дружеская связь готова была порваться изъ-за нѣсколькихъ невзвѣшенныхъ выраженій, которыя показались Данилевскому обидными въ письмѣ Гоголя. Но, во-первыхъ, это была только вспышка (Данилевскій былъ горячъ, но добръ и незлопамятенъ), и изъ-за нея дружба порвана быть не могла; во-вторыхъ, сущность дѣла заключалась въ томъ, что, будучи занятъ отвлеченной моралью, Гоголь не разсчиталъ, какое дѣйствіе могутъ произвести

[1]) Судя по этимъ словамъ, можно заключить, что ужъ тогда у Гоголя зарождалось намѣреніе, заставившее его потомъ издать «Переписку съ друзьями». Кстати замѣтимъ, что, по словамъ А. С. Данилевскаго, въ эту переписку не вошло *ни одно* изъ писемъ къ нему Гоголя.

упреки на его отчасти щепетильнаго друга. Проникшись самъ оригинальной жаждой упрековъ, Гоголь не задумался кинуть обидное обвиненіе Данилевскому въ исключительномъ погруженіи во внѣшнюю жизнь, при чемъ послѣдняя, по непривычкѣ къ новой терминологіи Гоголя [1]), была принята Данилевскимъ за нѣчто худшее и зазорное. Но Гоголь (какъ показываетъ отвѣтъ, напечатанный въ „Древней и Новой Россіи", 1875, I, 59—63), былъ глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ и не мѣняетъ тона, хотя считаетъ истиннымъ несчастіемъ размолвку съ другомъ. „Что̀ значитъ это почти отчаянное выраженіе: *мы никогда уже не сойдемся?* Не дай Богъ! Напротивъ, я увѣренъ, что мы встрѣтимся вновь, и встрѣча эта будетъ радостнѣе всякихъ встрѣчъ юности". Какъ большею частію бываетъ въ подобныхъ столкновеніяхъ, обѣ стороны были не совсѣмъ правы.

XXVIII.

Въ тотъ же фазисъ постепеннаго охлажденія незамѣтно вступала въ началѣ сороковыхъ годовъ и дружба Гоголя къ Иванову, но эта перемѣна, по своему характеру совершенно равносильная другимъ соотвѣтствующимъ, тѣмъ болѣе должна была оставаться долго непримѣченной этимъ мало знавшимъ людей анахоретомъ и посредственнымъ психологомъ, чѣмъ больше онъ уступалъ въ мудрости житейской другимъ пріятелямъ Гоголя. Сначала Ивановъ даже вовсе не обращалъ вниманія на неожиданное появленіе въ письмахъ друга такихъ выраженій, какъ напр.: „препятствія суть наши крылья; они намъ даются для того, чтобы сдѣлать насъ сильнѣе и ближе къ цѣли" [2]). Постоянно занятый и поглощенный собственными заботами, Ивановъ нисколько не думалъ останавливаться на этихъ первыхъ яркихъ проблескахъ гоголевскаго мистицизма и далекъ былъ отъ мысли слѣдить за нравственнымъ переломомъ въ Гоголѣ. Первые предвѣстники будущаго разгула мистицизма принимались Ивановымъ, какъ простыя

---

[1]) Гоголь теперь часто сталъ разграничивать внѣшнюю и внутреннюю стороны человѣка; напр., онъ писалъ, что Данилевскій, имѣя только крупицу, ничтожную крупицу ума и сколько-нибудь занявшись, можетъ много произвесть для себя внѣшняго и еще болѣе для себя внутренняго.

[2]) Соч. и письма Гоголя, V, 493.

дружескія утѣшенія, и такимъ образомъ вначалѣ энергическіе призывы со стороны Гоголя къ бодрости и самообладанію отчасти достигали цѣли. Ивановъ тосковалъ безъ Гоголя, въ его письмахъ искалъ для себя дружескихъ полезныхъ совѣтовъ и нравственнаго ободренія, и ободреніе это дѣйствительно получалъ. „Грусть и скука намъ безъ васъ въ Римѣ" — писалъ онъ, — „мы привыкли въ часы досуга или слышать подкрѣпительныя для духа ваши сужденія, или просто забавляться вашимъ остроуміемъ и весельемъ"[1]). „Вы не повѣрите, какъ я обрадовался, получивъ ваше письмо отъ 6 мая"[2]), писалъ Ивановъ Гоголю въ іюлѣ 1842 г.; Гоголь же, въ свою очередь, выражалъ надежду на то, что въ „обоюдную радость обратится наше свиданіе"[3]).

Между тѣмъ, когда нетерпѣливо ожидаемое свиданіе состоялось въ концѣ 1842 г., Гоголь былъ сильно отвлеченъ отъ сношеній съ Ивановымъ, сначала хлопотами по изданію „Мертвыхъ Душъ", а вскорѣ затѣмъ пріѣздами Языкова и Смирновой. Совершавшійся въ немъ нравственный переворотъ все болѣе сближалъ его съ Смирновой и Віельгорскими, тогда какъ Иванову онъ оказывался полезнымъ, главнымъ образомъ, рекомендаціями его своимъ новымъ друзьямъ, которые дѣйствительно сдѣлали ему много добра[4]). О Языковѣ Ивановъ отзывался потомъ съ самымъ искреннимъ восторгомъ, говоря брату: „Я бы очень желалъ, чтобы ты сошелся съ Языковымъ: это самый лучшій цвѣтъ нашего отечества. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы, зная сколько-нибудь Языкова, не отозвался бы о немъ съ похвалою"[5]). Къ Смирновой же Ивановъ свободно обращался съ просьбами о займахъ и никогда не встрѣчалъ отказа; мало того, Смирнова, гдѣ только и насколько могла, всегда энергично дѣйствовала

---

[1]) Боткинъ. А. А. Ивановъ, стр. 144.

[2]) Тамъ же, стр. 148.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 455.

[4]) См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1895, X, стр. 132, 133; XI, стр. 107. Однажды Смирнова со словъ Гоголя отмѣтила въ своемъ дневникѣ: «здоровье Иванова безпокоитъ Гоголя. Онъ работаетъ слишкомъ много, проводитъ почи за книгою, глаза его испорчены, и онъ въ общемъ плохо видитъ краски» («Сѣв. Вѣстн.», 1895, XI, 107—108). Повидимому, это письмо должно относиться еще къ 1841 г. (ср. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 451 и указанныя страницы изъ «Сѣв. Вѣстника»).

[5]) Боткинъ. А. А. Ивановъ, стр. 169.

въ пользу Иванова[1]), чѣмъ и заслужила его горячую благодарность. По рекомендаціи Гоголя, къ числу вліятельныхъ покровителей Иванова на нѣкоторое время присоединился также Перовскій, передъ которымъ стѣснялись другіе художники[2]). Наконецъ, благодаря Гоголю, Иванову благополучно сошла съ рукъ его неловкость при представленіяхъ членамъ царской фамиліи. Въ декабрѣ 1842 г. Ивановъ писалъ своему отцу: „Вчера была у меня въ мастерской великая княгиня Марья Николаевна. Необыкновенная благосклонность меня ввела въ смятеніе: до 36 лѣтъ запираясь въ четырехъ стѣнахъ мастерской, я совсѣмъ не зналъ свѣткости, и потому крайне неловокъ въ подобныхъ случаяхъ. Но это ничего: *есть люди, которые мнѣ пособятъ*“[3]). Здѣсь, конечно, первое мѣсто занимали Смирнова и Перовскій, но уже не Гоголь, хотя Гоголь и былъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, главнымъ и первымъ виновникомъ благопріятно складывавшихся для Иванова условій и обстоятельствъ. Кстати, О. Н. Смирнова сообщала намъ по поводу подобныхъ же затрудненій Гоголя слѣдующее[4]): „Гоголя пригласили на чтеніе къ великой княгинѣ. Тутъ былъ очень забавный случай: у Гоголя не оказалось фрака; у него былъ только старый мундиръ. В. А. Перовскій сказалъ ему, что мундиръ не годится — слишкомъ старъ. Ханыковъ и мой дядя отправились къ русскимъ художникамъ (Ивановъ былъ приглашенъ на чтеніе самъ). Фрака не нашли. Ивановъ обѣжалъ всѣ нѣмецкія мастерскія— pas de frac!.. наконецъ въ Villa Medici у французовъ нашелся фракъ по росту Гоголя, хотя и немного мѣшковатый, и его нарядили. Въ 1858 г. Ивановъ еще вспоминалъ о фракѣ со смѣхомъ въ Римѣ. Этотъ анекдотъ долго веселилъ римскія мастерскія и обѣдавшихъ артистовъ (которые всѣ знали Гоголя) у Lepre (ресторанъ бѣдныхъ артистовъ). Гоголь видался у Lepre ежедневно съ нѣмецкими и французскими артистами и итальянцами“. — Мы говорили, что эту пору Ивановъ

---

[1]) См. напр., «Сѣверный Вѣстникъ», 1895, X, стр. 132.

[2]) Тамъ же, стр. 161. Къ сожалѣнію, время начала знакомства Гоголя съ Перовскимъ намъ неизвѣстно; но Перовскій уже былъ съ нимъ въ перепискѣ и принималъ участіе въ его дѣлахъ въ 1842 г. во время хлопотъ о «Мертвыхъ душахъ» «Сѣверн. Вѣстн.», 1895, XI, стр. 111 и 112).

[3]) Боткинъ. А. А. Ивановъ, стр. 156.

[4]) «Русск. Стар». 1888 г., X, стр. 125, примѣч.

не могъ уже часто видаться съ Гоголемъ и дѣлить съ нимъ весь свой досугъ, какъ бывало прежде: теперь Гоголь неотлучно находился въ обществѣ Смирновой; и если они встрѣчались иногда вмѣстѣ у послѣдней, то все же Ивановъ незамѣтно отступалъ для Гоголя на второй планъ, хотя сущность ихъ отношеній не потерпѣла именно отъ того, и даже Ивановъ только теперь въ одномъ изъ писемъ къ отцу впервые назвалъ Гоголя своимъ „самымъ короткимъ знакомымъ“[1]).

Братъ Иванова, Сергѣй Андреевичъ утверждалъ впослѣдствіи, что Ивановъ никогда не былъ однѣхъ мыслей съ Гоголемъ, что онъ съ нимъ внутренно никогда не соглашался, „но въ то же время“, продолжаетъ С. А. Ивановъ, „никогда съ нимъ и не спорилъ, избѣгая по возможности непріятныхъ и, скажемъ откровенно, даже дерзкихъ отвѣтовъ Гоголя, на которые Гоголь со своей гордостію не былъ скупъ. Вспомните только то, что Гоголь все болѣе и болѣе впадалъ въ биготство, а братъ напротивъ, все болѣе и болѣе освобождался и отъ того немногаго, что̀ намъ прививаетъ воспитаніе“[2]).

Чрезвычайно любопытно, что чѣмъ больше Гоголя раздражали его собственныя неудачи, тѣмъ тонъ его отношеній къ Иванову становился вмѣсто прежняго задушевно-товарищескаго все болѣе надменнымъ и покровительственнымъ. Но это происходило, главнымъ образомъ, отъ перемѣны настроенія, постоянно утрачивавшаго подъ гнетомъ нужды и заботы былую благодушную окраску, и нисколько не можетъ свидѣтельствовать о серьезномъ охлажденіи. Сравнивая первыя два-три письма Гоголя къ Иванову съ письмомъ отъ 20 сентября 1841 г., мы замѣчаемъ между ними уже нѣкоторую разницу въ тонѣ: первыя письма такъ и дышатъ горячею любовью къ Риму и къ Иванову, одному изъ наиболѣе дорогихъ для Гоголя людей въ Римѣ; всѣ дружескіе разспросы о работѣ надъ картиной и отчеты по исполненію разныхъ пріятельскихъ порученій, напр., относительно покупки часовъ для Иванова, — все это краснорѣчиво говоритъ объ особенномъ расположеніи Гоголя къ Иванову.

Но теперь вмѣсто этого въ письмѣ слышится сильное раздраженіе отъ собственныхъ неудачъ; Гоголь искренно и

---

[1]) Боткинъ. А. А. Ивановъ, стр. 158.
[2]) Тамъ же, стр. 429.

усиленно заботится объ интересахъ Иванова, онъ ему все такъ же преданъ; но видно, что въ данный моментъ онъ находится подъ вліяніемъ минутной досады. Раздражительный тонъ письма чувствуется уже съ первыхъ строкъ: „Я къ вамъ долго не писалъ по важнымъ причинамъ. Во-первыхъ гонялся за Жуковскимъ, а его не было въ Дюссельдорфѣ. Онъ отправился посѣщать разныхъ новыхъ родныхъ своихъ, такъ что я поймалъ его уже во Франкфуртѣ“ [1]). Въ припискѣ сбоку письма у Гоголя снова сорвались приведенныя уже нами выше слова досады: „И такъ вы видите, что Кривцовъ намѣренъ оказывать свое покровительство тѣмъ, которые и не нуждаются въ немъ. Стало быть, вамъ будетъ не дурно“.

Въ 1841 г. Гоголь снова продолжалъ являться по отношенію къ кружку художниковъ въ роли покровителя [2]): онъ изо всѣхъ силъ хлопочетъ объ Ивановѣ; самъ нуждаясь въ деньгахъ, достаетъ для него 2000 р., и это въ такую минуту, когда Погодинъ уже сильно дулся на него за долги; его надежда на силу своей протекціи все еще очень сильна; но у него уже срываются иногда съ языка такія выраженія, которыя являются предвѣстниками готовившейся въ немъ въ близкомъ будущемъ нравственной перемѣны. Вотъ эти выраженія: „Боже васъ сохрани когда-либо упадать духомъ. *Вѣрьте моему слову: слово мое не обманываетъ.* Поклонитесь отъ меня Іордану и скажите ему также, чтобы онъ никакъ не унывалъ духомъ, а работалъ бы бодро свое дѣло. *Его будущее положеніе можетъ быть такъ хорошо, какъ онъ и не воображаетъ и не думаетъ*“ [3]).

Вмѣстѣ съ усиленіемъ мистицизма въ Гоголѣ замѣтно блѣднѣетъ его прежній здоровый энтузіазмъ и мѣсто теплыхъ задушевныхъ отношеній къ Иванову заступаетъ какая-то формальная заботливость о немъ: посылая деньги Иванову, Гоголь уже холодно пишетъ: „Я васъ прошу разыскать и *принять*

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 448—449.

2) Съ цѣлью помочь бѣдному художнику Шаповаленкѣ онъ не только устраиваетъ извѣстный намъ кончившійся большой неудачей литературный вечеръ въ домѣ княгини Волконской, но и заказываетъ ему разныя работы: нарисовать копію женщинъ изъ Иліодора, сдѣлать копіи головокъ Спасителя съ Рафаэлева Преображенія и Рафаэлева Положенія въ гробъ, предназначаемыя имъ въ подарокъ преосвященному Иннокентію. Тамъ же, стр. 454 и т. VI, стр. 174.

3) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 452.

эти деньги“ [1]). Съ этихъ поръ въ его письмахъ къ Иванову все чаще слышится тонъ покровителя, нежели сердечный голосъ друга, все чаще срываются у него черезчуръ неделикатныя выраженія, вродѣ напр. слѣдующаго: „Нѣтъ дѣла, и тѣмъ болѣе справедливаго, въ которомъ бы нельзя успѣть, если только будемъ имѣть твердость и присутствіе духа хотя на полвершка *побольше куринаго*“ [2]). Гоголю впрочемъ доставляло наслажденіе руководить въ практическихъ дѣлахъ своимъ неопытнымъ другомъ и направлять его отъ себя къ Жуковскому и другимъ сильнымъ людямъ. „Почему вы не писали еще разъ къ Жуковскому? Вѣрно, опасаетесь наскучить. *Напишите теперь же и скажите ему, что я велѣлъ вамъ непремѣнно это сдѣлать.* Вы должны помнить, что Жуковскому никогда нельзя наскучить въ справедливомъ дѣлѣ; и потому мой совѣтъ все-таки дождаться отвѣта на представленіе Жуковскаго“ [3]).

Въ приведенныхъ выше словахъ Сергѣя Иванова вѣрно указана причина взаимнаго охлажденія бывшихъ друзей, охлажденія, происшедшаго далеко не сразу и обусловленнаго, между прочимъ, вопреки показанію Сергѣя Иванова, несклонностью Иванова уступать и подлаживаться къ Гоголю. Уже въ 1842 — 1843 г., по свидѣтельству Чижова, совершенно согласному также съ воспоминаніями Іордана, — хотя въ послѣднихъ мы не находимъ такого точнаго обозначенія времени — Гоголь сдѣлался молчаливъ или занимался исключительно разсказываньемъ сальныхъ анекдотовъ [4]).

XXIX.

Какъ бы то ни было, Гоголь все еще продолжалъ пріятельски относиться къ Иванову и отношенія ихъ пока не портились, да и наставленія Гоголя касались преимущественно практическихъ дѣлъ и нуждъ перваго. Когда вмѣсто трехлѣтней пенсіи по три тысячи рублей Иванову было назначено отъ имени наслѣдника всего 1500 р. ассигнаціями, да еще на бѣду у него разболѣлись и начали гноиться глаза, то работа,

---

1) Тамъ же, т. V, стр. 452.

2) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 473.

3) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 473.

4) Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 327.

и безъ того затянувшаяся, грозила новыми серьезными задержками, и именно въ то самое время, какъ обстоятельства настоятельно требовали скорѣйшаго ея выполненія, такъ какъ срокъ пребыванія Иванова въ Римѣ истекалъ и приходилось заботиться о дальнѣйшей отсрочкѣ. Напротивъ въ оффиціальныхъ сферахъ больше склонялись къ тому, чтобы отозвать Иванова въ Россію и дать ему заказъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими художниками, которымъ предстояло покинуть Римъ. Гоголь старался утѣшить и ободрить своего друга: „Ничего плачевнаго“ — писалъ онъ — „я не вижу въ вашемъ положеніи. Берите все, что̀ ни даютъ, это ничего не значитъ... На своемъ мы все-таки настоимъ и поставимъ... Скажу вамъ только то, что, если даже все то, что̀ мы предпримемъ теперь по вашему дѣлу, будетъ не успѣшно, то и тогда это не бѣда. Деньги будутъ во всякомъ случаѣ, если ужъ на то пошло“ [1]). Слова эти были писаны еще въ августѣ 1842 г. и, какъ показали послѣдующіе факты, основывались, главнымъ образомъ, на томъ, что Гоголь разсчитывалъ подвинуть въ пользу Иванова своихъ вліятельныхъ друзей, что̀ въ самомъ дѣлѣ и исполнилось. Но когда Иванова вдругъ стали требовать въ Петербургъ для рисунковъ иконъ въ строившемся тогда Исаакіевскомъ соборѣ, то онъ снова забилъ тревогу, отчаянно отбиваясь отъ грозившей ему неутѣшительной перспективы: всегда въ высшей степени непрактичный и метавшійся изъ стороны въ сторону, онъ въ сильномъ испугѣ успѣлъ сразу написать нѣсколько писемъ Жуковскому, Моллеру и лично обратился къ Перовскому, — однимъ словомъ, ко всѣмъ, отъ кого только могъ ждать какого-либо участія или помощи, и только одновременно съ этимъ обратился и къ Гоголю. Такая оплошность впослѣдствіи не прошла бы даромъ Иванову; но въ то время Гоголь былъ еще довольно доброжелателенъ къ своему столь любимому прежде пріятелю и поспѣшилъ только дать ему нѣсколько весьма практическихъ совѣтовъ, сущность которыхъ заключалась въ словахъ: „На первый разъ нужно дать отвѣтъ — и больше ничего. А тамъ вы сами знаете — можетъ быть, объ васъ и позабудутъ вовсе“ [2]). Гоголь указалъ при этомъ Иванову безъ сердца на его промахи: „въ одинъ

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 492—493.

[2]) «Современникъ», 1858, XI, 139.

и тотъ же день вы уже успѣли къ тремъ“ (т.-е. къ нему, Перовскому и Жуковскому) „написать письма, и письма безпокойныя“, или: „теперь вы напрасно взбудораживаете Жуковскаго и Перовскаго, и можетъ случиться только что-нибудь сбоку-припеку, какъ — помните? — вродѣ того, что Баранова извинила васъ передъ великой княгиней и напомнила ей такимъ образомъ, что Ивановъ существуетъ на свѣтѣ и ничего не сдѣлалъ для нея въ альбомъ“[1]). Читая эти строки, нельзя не согласиться съ вѣрнымъ замѣчаніемъ Е. С. Некрасовой, что Гоголь безконечно превосходилъ Иванова житейской мудростью. Дѣйствительно, Ивановъ всегда говорилъ и поступалъ, какъ ему внушало минутное настроеніе, нисколько не соображая шахматныхъ ходовъ, такъ часто чрезвычайно важныхъ въ жизни. Въ этомъ отношеніи Ивановъ оказывался не только неопытнымъ, но и прямо неспособнымъ дѣйствовать хитроумными путями, такъ что и Гоголь не въ силахъ былъ ему иногда помочь собственнымъ житейскимъ тактомъ. Перовскій переговорилъ о немъ съ начальникомъ русскихъ художниковъ въ Римѣ Кривцовымъ, но получилъ только любезныя обѣщанія, которыхъ Кривцовъ и не подумалъ выполнить[2]). Все это было сдѣлано поспѣшно, неловко и безтактно. Мы уже знаемъ, что Жуковскій былъ и раньше недоволенъ Ивановымъ, и теперь Гоголь слегка подосадовалъ на него за новый неловкій поступокъ. „У Жуковскаго“ — объяснялъ Гоголь — „пойдетъ голова кругомъ. Къ этимъ людямъ уже нужно тогда обратиться, когда вы сами обдумали дѣло и можете указать имъ, какъ и кого нужно спросить“. Гоголь требовалъ постепеннаго и осмотрительнаго образа дѣйствій, тогда какъ Ивановъ по своей впечатлительности и невыдержанности характера, вмѣсто того начиналъ тотчасъ же бить тревогу и сразу прибѣгалъ къ крайнимъ средствамъ, что̀ не мѣшало ему иногда вслѣдъ за одной просьбой обращаться съ совершенно противоположной, вслѣдствіе чего при всемъ расположеніи къ нему имъ были постоянно недовольны Гоголь, Чижовъ, Моллеръ и другіе. Когда Иванову предложили работу въ строившемся тогда извѣстномъ московскомъ храмѣ Христа Спасителя, гдѣ главнымъ лицомъ,

---

[1]) «Современникъ», 1858, XI, стр. 139.

[2]) Боткинъ. «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 160.

завѣдывавшимъ работами по отдѣлу живописи, былъ художникъ Тонъ, то Гоголь и Моллеръ усиленно совѣтовали принять предложеніе, но Ивановъ не соглашался, хотя, благодаря расположенію князя Лейхтенбергскаго, художники получили возможность „брать заказы въ русскія церкви, не выѣзжая изъ Рима“ [1]). Здѣсь особенно обнаружилось, до какой степени не въ характерѣ Иванова было загадывать далеко и составлять искусные планы. Получивъ это извѣстіе и уже успѣвъ прежде обратиться съ просьбой къ Жуковскому и Перовскому, чтобы отклонить отъ себя ненравившуюся работу, онъ намѣренъ былъ просить наоборотъ, чтобы ему исходатайствовали полученіе работы въ Исаакіевскомъ соборѣ. Гоголь распекалъ его: „И я вамъ говорилъ и Моллеръ тоже повторялъ вамъ, чтобы брать, но, не смотря на то, вы отказались, отказались отъ дѣла, которое не стоило никакихъ хлопотъ, для того, чтобы завести такое же дѣло, не только стоющее множества хлопотъ, но и подверженное неизвѣстности насчетъ успѣха. Если вы хотите знать мой совѣтъ въ этомъ дѣлѣ, то онъ будетъ вотъ каковъ: писать прямо къ Тону, изобразить ему со всею простотою и ясностью свое положеніе и требовать работы отъ него, сколько возможно выгодной для васъ и сообразной съ вашими надобностями. Повторяю, что съ художникомъ во всякомъ случаѣ лучше имѣть дѣло. Онъ самъ бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, самъ испыталъ многое, и потому всегда болѣе можетъ почувствовать ваше положеніе, чѣмъ господа, обремененные кучею дѣлъ. Итакъ взвѣсьте все это и подумайте сами хорошенько обо всемъ. Напишите объ этомъ и Моллеру, который тоже можетъ имѣть вліяніе въ Петербургѣ на Тона съ своей стороны. На художника все-таки легче насѣсть, чѣмъ на того, къ которому и приступу нѣтъ: и случаевъ, и времени, и удобства, и всего *болѣе*. Словомъ, подумайте обо всемъ этомъ и дайте мнѣ знать. А до тѣхъ поръ я не рѣшусь на что-нибудь, чтобы какъ-нибудь не испортить дѣла“ [2]). Изъ этого отрывка ясно, что Гоголь, будучи почти на равной ногѣ съ Жуковскимъ и Перовскимъ, но несравненно лучше Иванова понимая не только свѣтскія, но и общечеловѣческія приличія и отношенія, въ своихъ

---

[1]) «Современникъ», 1858, XI, стр. 139.

[2]) Тамъ же, стр. 142.

обращеніяхъ къ нимъ дѣйствовалъ всегда гораздо осмотрительнѣе и послѣдовательнѣе, нежели получившій черезъ него къ нимъ доступъ Ивановъ, постоянно готовый безъ дальнихъ обдумываній и взвѣшиваній приступать къ каждому съ просьбами. По этому поводу Гоголю постоянно приходилось на разные лады растолковывать своему другу элементарную заповѣдь благоразумія, заключающуюся въ пословицѣ: „семь разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь". Впрочемъ, сначала Гоголь все еще дѣлалъ это не только терпѣливо, но, можно сказать, чрезвычайно снисходительно. Перечитывая письма Гоголя къ Иванову, нельзя не согласиться съ справедливостью и основательностью каждаго слова въ нихъ, и Гоголь все-таки сравнительно мягко говорилъ съ нимъ пока и, кромѣ того, иной разъ освѣдомлялся, не сердится ли на него Ивановъ, или просто просилъ не сердиться. „Я признаюсь, до сихъ поръ удивляюсь неразсчету вашему въ томъ" — писалъ ему напримѣръ Гоголь, — „что вы отказались отъ работъ, которыя вамъ предлагалъ Тонъ для церкви, которая Богъ вѣсть когда будетъ кончена". Такимъ образомъ, журя Иванова, Гоголь, однако, всегда старался прежде всего вывести его изъ труднаго положенія и давалъ практическіе совѣты въ родѣ того, чтобы на первое время онъ согласился на занятіе, требовавшее присутствія его въ Россіи, замедляя свой отъѣздъ подъ предлогомъ болѣзни глазъ, а потомъ совсѣмъ затянуть дѣло, пока о немъ забудется...

Разсматривая взаимныя отношенія Гоголя и Иванова, біографъ послѣдняго, г. Новицкій, справедливо главной основой ихъ дружбы полагаетъ „общность творческихъ интересовъ", или, какъ мы объясняли раньше, ее можно вообще усматривать во внутреннемъ духовномъ сродствѣ двухъ артистическихъ натуръ *какъ* въ отношеніи къ высокому призванію обоихъ, *такъ и* глубокой потребности обоихъ жить впечатлѣніями прекраснаго. Понятно стало быть, что когда эта потребность стала постепенно угасать въ душѣ Гоголя, подавляемая постоянно возраставшимъ преобладаніемъ иного строя чувствъ, то и дружба между отдалявшимися взаимно людьми неизбѣжно должна была подвергнуться сильному испытанію. До сихъ поръ мы говорили преимущественно объ отношеніяхъ

Гоголя къ Иванову; что̀ же касается отношеній послѣдняго къ первому, то надо признать вмѣстѣ съ г. Новицкимъ, что Гоголь во взглядѣ на его призваніе отчасти могъ „вложить ему свои собственныя мысли“ [1]), но съ той существенной оговоркой, что мысли эти далеко не пассивно входили въ душу Иванова, но своеобразно перерабатывались въ ней (многое, какъ увидимъ, Гоголь приписалъ своему другу невольно, не успѣвъ, такъ сказать, привить ему). Не указываетъ ли на это и приводимый г. Новицкимъ слѣдующій отрывокъ изъ черновыхъ бумагъ Иванова: „Самоотверженіе дано вполнѣ только русскимъ, вотъ почему они, какъ послѣдній народъ въ образованіи, совершенно поймутъ Спасителя рода человѣческаго и приспособятъ Его ученіе ко всѣмъ отраслямъ образованія человѣческаго. Но въ настоящую, переходную, минуту, минуту трудную для избранныхъ, можно ли допустить ихъ до земного блаженства, то есть до женитьбы?... Вотъ вопросъ, который рѣшитъ Гоголь напечатаніемъ своего сочиненія, который рѣшу и я окончаніемъ моей картины“ [2]). — Вопросъ, несмотря на свою исходную точку, во всякомъ случаѣ не гоголевскій. Наконецъ вотъ другой набросокъ, при всей своей отрывочности, быть можетъ, указывающій на нѣкоторую борьбу Иванова съ импонировавшими ему взглядами Гоголя, хотя трудно опредѣлить, чѣмъ она вызвана: „Извольте-ка вы немедленно напечатать вашъ второй томъ. Мы, великороссійцы, поклонимся вашей малороссійской подметчивости, и, *оцѣнивъ вполнѣ ваше глубокомысліе, будемъ любить вашъ край, на основаніяхъ слова Божія,* и такимъ образомъ, пересозданный еще разъ каждый человѣкъ, въ послѣднемъ народѣ въ ряду образованій (будетъ) во всей силѣ своего духовнаго развитія, *и (вы) завершите послѣднюю цѣль Провидѣнія,* показавшаго намъ первый примѣръ во Христѣ“ [3]). — Въ обоихъ наброскахъ проскальзываютъ ноты, возбуждающія сомнѣніе въ томъ, будто бы Иванова можно считать безусловнымъ адептомъ взглядовъ Гоголя, хотя онъ и придавалъ имъ большое значеніе, и изъ указанныхъ г. Новицкимъ противорѣчивыхъ взглядовъ г-жи Черницкой, приписывавшей Гоголю „*огромное* нравственное

---

1) «Русское Обозрѣніе», 1893, III, стр. 350.
2) Тамъ же, стр. 349.
3) Тамъ же, стр. 348—349.

вліяніе на Гоголя“, и брата Иванова, высказывавшагося въ противоположномъ смыслѣ, нетрудно отдать предпочтеніе второму.

Отдаляя отъ себя своихъ друзей, Гоголь совсѣмъ не думалъ совершенно порвать прежнія отношенія съ ними, но вѣрилъ и горячо надѣялся по окончаніи своего духовнаго перевоспитанія еще тѣснѣе и интимнѣе сблизиться съ ними. Мало того: свою надежду на будущую радостную встрѣчу съ духовно возрожденными друзьями Гоголь распространялъ и на многочисленный міръ читателей, надѣясь въ будущихъ и совершеннѣйшихъ своихъ созданіяхъ изрекать властныя слова и сильно ударять ими по душевнымъ струнамъ. Поэтому онъ тратилъ бездну времени и энергіи на самовоспитаніе, но отнюдь не сознавалъ этой потери и былъ твердо убѣжденъ, что постоянно подвигается впередъ. „Дѣло“ — вѣрилъ и говорилъ онъ — „такъ связано съ моимъ собственнымъ внутреннимъ воспитаніемъ, что никакъ не въ силахъ я писать мимо меня самого, а долженъ ожидать себя. Я иду впередъ — идетъ и сочиненіе; я остановился — нейдетъ и сочиненіе“[1]). Какъ понималъ Гоголь положеніе дѣла въ промежутки между творчествомъ и особенно въ періодъ усиленнаго самовоспитанія, показываютъ его сравненія себя съ архитекторомъ, не успѣвшимъ кончить грандіозной постройки, заслоненной пока хаотическими пристройками и лѣсами, или съ поваромъ, еще не приготовившимъ роскошный обѣдъ, наконецъ съ „человѣкомъ, который отошелъ отъ дѣлъ и сталъ въ сторонѣ, какъ на якорѣ, откуда онъ далѣе можетъ оглянуть море, чѣмъ тѣ, которые носятся среди его и заняты безпрестанной работой съ крутящимися вокругъ нихъ всякими волнами“[2]). Но всѣ радужныя картины мелькали въ далекомъ будущемъ, а пока

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, стр. 88.

[2]) См. «Русская Стар.», 1875, X, 297; Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 349 и «Русск. Слово», 1859, I, 131, также «Письма Гоголя къ Прокоповичу» Е. В. Пѣтухова, стр. 48. Послѣднее сравненіе, распространенное подробно въ сентябрьскомъ письмѣ къ Прокоповичу, намѣчено уже въ іюньскомъ письмѣ къ Данилевскому («Древняя и Новая Россія», 1879, I, 60), гдѣ о человѣкѣ, ведущемъ внѣшнюю жизнь, сказано, что онъ еще «не сталъ на неподвижномъ якорѣ». Не опускаемъ даже такихъ мелочныхъ сопоставленій и приводимъ всюду точныя цитаты для доказательства несомнѣнной искренности мистическихъ взглядовъ Гоголя и какъ матеріалъ для исторіи ихъ развитія.

была потребность въ людяхъ, понимающихъ его настроеніе. Къ такимъ людямъ Гоголь привязывался сильно и къ числу ихъ относилъ теперь преимущественно А. О. Смирнову.

XXX.

Не встрѣчая пониманія своего внутренняго міра въ большинствѣ друзей, естественно не имѣвшихъ возможности проникнуть въ запутанный лабиринтъ его своеобразныхъ воззрѣній, Гоголь тѣмъ сильнѣе долженъ былъ привязаться къ тѣмъ изъ нихъ, которые почему-нибудь могли раздѣлять его взгляды. Приблизительно около времени начала сближенія Гоголя съ Смирновой онъ писалъ Данилевскому[1]): „Ты спрашиваешь, зачѣмъ я въ Ниццѣ, и выводишь догадки насчетъ сердечныхъ моихъ слабостей. Это, вѣрно, сказано тобой въ шутку, потому что ты знаешь меня довольно съ этой стороны; но съ недавняго времени узналъ я одну большую истину, именно — что знакомства и сближенія наши съ людьми вовсе не даны намъ для веселаго препровожденія, но для того, чтобы мы позаимствовались отъ нихъ чѣмъ-нибудь въ наше собственное воспитаніе“. Вѣрный высказанной въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ къ Данилевскому теоріи относительно внутренней и внѣшней жизни, Гоголь ставилъ теперь ему на видъ, что въ его переѣздахъ „климатическія красоты не участвуютъ“ и что причина ихъ желаніе „видѣться съ людьми, нужными душѣ“[2]). Къ такимъ людямъ онъ относилъ потомъ Смирновыхъ и Віельгорскихъ, но въ 1843 г. онъ могъ бы отнести къ нимъ только первое изъ названныхъ семействъ. Свой взглядъ на отношенія къ Смирновой и другимъ друзьямъ Гоголь особенно ясно высказалъ въ слѣдующихъ словахъ одного изъ писемъ къ ней: „Въ послѣднее время, когда я ни бывалъ въ Петербургѣ или Москвѣ, я избѣгалъ всякихъ объясненій и скорѣе отталкивалъ отъ себя пріятелей, чѣмъ привлекалъ. Мнѣ нуженъ былъ домашній монастырь. Вамъ это теперь понятно, потому что мы сошлись съ вами *вслѣдствіе взаимной душевной нужды и помощи,*

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 66.

[2]) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 66 и «Древн. и Нов. Росс.», 1879, I, 60, 2-й столбецъ.

и потому имѣли случай, хотя съ нѣкоторыхъ сторонъ, узнать другъ друга; но они этого не могли понять“ [1]). Однако, Гоголь все-таки не скоро могъ сойтись съ Смирновой на почвѣ мистическаго аскетизма и дѣло подготовлялось имъ исподоволь, что̀ именно служитъ лучшимъ доказательствомъ, что инпціатива въ данномъ случаѣ принадлежала ему и Смирнова только поддалась его вліянію, благодаря благопріятнымъ для этого задаткамъ не столько своей психической организаціи, сколько условій временнаго настроенія. То, что̀ было для Гоголя органическимъ ростомъ оригинальнаго міросозерцанія, являлось для нея только случайнымъ внѣшнимъ наростомъ. Безъ сомнѣнія, при всей скрытности и самоуглубленіи Гоголь не въ силахъ былъ таить про себя результаты происходившаго въ немъ душевнаго процесса и чувствовалъ потребность въ отзвукѣ родственной души. Сначала онъ завладѣлъ досугами Смирновой и увлекалъ ее картинами такъ сильно нравившейся ему итальянской природы, затѣмъ сталъ посвящать ее въ таинства своего оригинальнаго мистицизма. Въ этомъ случаѣ онъ инстинктивно и вполнѣ естественно сталъ на ту дорогу, по которой во всѣ вѣка шли люди, выработавшіе свои религіозныя системы или мистическія воззрѣнія и страстно ищущіе прозелитовъ, не по властолюбію даже, а просто въ силу непреодолимой душевной потребности подѣлиться найденными истинами. Свои взгляды Гоголь высказывалъ Языкову, Данилевскому [2]), впослѣдствіи всему русскому обществу, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ задумалъ посвятить въ нихъ Смирнову и получилъ невольное притязаніе вторгаться въ ея интимный міръ. Сначала Смирнова была изумлена такимъ вторженіемъ и, отстраняя неумѣстное любопытство, показывала досаду, сердилась, давала отпоръ [3]). Но привязанность къ Гоголю, довѣріе къ его искренней

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 103. Ср. также въ воспоминаніяхъ Л. И. Арнольди: «Если кто любилъ Гоголя до конца и не измѣнялся къ нему, такъ то были люди, служившіе при дворѣ, люди такъ называемаго большого свѣта, а съ литераторами онъ постоянно былъ въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ» («Русск. Вѣстн.», 1862, I, 83).

[2]) См. цитированное выше письмо въ «Древней и Новой Россіи» и Соч. Гог., т. VI, стр. 45—51 и др.

[3]) Внѣшнимъ поводомъ къ бесѣдамъ о религіи съ Смирновой послужили попытки княгини Зинаиды Волконской обратить ее въ католичество («Русская Старина», 1888, VI, стр. 599).

преданности и особенно собственное, такъ сказать, душевное безпокойное броженіе скоро взяли верхъ, и Смирнова не замѣтила, какъ очутилась въ его власти. Какъ это происходило, объяснитъ намъ самъ Гоголь слѣдующими строками письма къ Смирновой отъ 20 апрѣля 1844 г.: „Если я вамъ могу теперь сказать что-нибудь полезное" — говорилъ Гоголь, — „то вспомните, что для этого нуженъ былъ почти годъ пріуготовительнаго занятія, что мы прочли весьма многое, что̀ заставляетъ обнаруживаться душу; вспомните, что мы еще очень, очень недавно отыскали языкъ, на которомъ можемъ сколько-нибудь понимать другъ друга; вспомните также, что мнѣ нужно было много терпѣнія, чтобы достигнуть даже того, чтобы стать именно въ этихъ отношеніяхъ, въ какихъ мы находимся съ вами, потому что вы на всякомъ шагу противопоставляли мнѣ безпрерывныя препятствія къ тому, и на вопросъ, относившійся сколько-нибудь до вашихъ сокровенныхъ душевныхъ обстоятельствъ и всѣхъ событій, съ ними связанныхъ, отвѣчали почти всегда словами: „Зачѣмъ вамъ знать это? Вамъ этого не нужно знать"[1]). Но добиваясь безусловной откровенности со стороны Смирновой, Гоголь платилъ ей, въ свою очередь, исключительнымъ довѣріемъ, доходившимъ до того, что ей только одной онъ былъ въ силахъ сдѣлать такое роковое признаніе: „Богъ, который лучше насъ знаетъ время всему, отнялъ на долгое время у меня способность творить. *Я мучилъ себя, насиловалъ писать, страдалъ тяжкимъ страданіемъ, видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ уже причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ, и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и дурно.* И много, много разъ тоска, и даже чуть-чуть не отчаяніе овладѣвали мною отъ этой причины"[2]). При замѣчательной близости Гоголя къ Смирновой и ихъ частыхъ интимныхъ бесѣдахъ, надо полагать, онъ давно познакомилъ ее съ своей ужасной гангреной, и этимъ единственно можно объяснить, что эти только-что приведенныя слова его не ошеломили ее. Правда онъ писалъ въ то же время: „Слышу въ себѣ силу и слышу, что она не можетъ двинуться безъ воли Божіей"[3]); правда также, что, вѣря Гоголю во всемъ,

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 67—68.

[2]) Тамъ же, стр. 174—175.

[3]) Тамъ же.

Смирнова вѣрила и его надеждамъ, но едва ли она могла не бояться за него и его талантъ, и если Аксаковъ при чтеніи второго тома „Мертвыхъ Душъ“, чтобы не разочароваться въ силѣ творчества Гоголя, долженъ былъ „подбодрить себя“ [1]), то въ восторгахъ Смирновой была или невинная фальшь въ силу горячей дружбы къ Гоголю, или, можетъ быть, самообманъ и искусственная аффектація, подобная той, которой она предавалась прежде въ своихъ восхваленіяхъ смутно представляемой Украйны, въ которой она провела младенчество и которую послѣ совершенно забыла. Такъ намъ извѣстно, что г. Кулишъ, знавшій лично Смирнову, склоненъ эти панегирики Украйнѣ относить именно насчетъ аффектаціи по адресу Рудаго Панька.

XXXI.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ говорилъ, что въ Смирновой Гоголь видѣлъ кающуюся Магдалину и любилъ ее съ увлеченіемъ [2]). Мы имѣемъ теперь возможность провѣрить точнѣе это показаніе. Скажемъ во-первыхъ, что какъ до нравственнаго перелома въ началѣ сороковыхъ годовъ Гоголь любилъ особенно Данилевскаго, такъ въ послѣдніе годы никто къ нему не былъ ближе Смирновой и ни о комъ онъ не отзывался съ такимъ пылкимъ восторгомъ. Языкову, не подозрѣвая о его неудачныхъ догадкахъ, онъ писалъ: „Это перлъ всѣхъ русскихъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось изъ нихъ знать прекрасныхъ по душѣ. Но врядъ ли кто имѣетъ въ себѣ достаточныя силы оцѣнить ее. И самъ я, какъ ни уважалъ ее всегда и какъ ни былъ друженъ съ ней, но только въ однѣ истинно-страждущія минуты и ея, и мои узналъ ее. Она являлась истиннымъ моимъ утѣшителемъ, тогда какъ врядъ ли чье-либо слово могло меня утѣшить, и подобно двумъ близнецамъ-братьямъ бывали сходны души наши между собою“ [3]).

---

[1]) «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 200 (Аксаковъ говоритъ, что онъ со страхомъ слушалъ чтеніе первыхъ главъ II тома и долженъ былъ себя «подшпоривать»).

[2]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 115.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 192. Авторъ статьи о Гоголѣ въ «Русской Жизни» не безъ основанія догадывается, что Гоголь имѣлъ въ виду Смирнову въ слѣдующихъ словахъ одного письма къ Погодину: «Странное дѣло, не въ веселые часы, но въ минуты тяжкихъ душевныхъ страданій приходилось мнѣ сталкиваться съ людьми» («Р. Ж.», 1892, 78.)

Смирнову Гоголь хотѣлъ поставить какъ образецъ душевной красоты передъ Языковымъ, Аксаковымъ и даже Шереметевой, своей „духовной матерью“. Очевидно, онъ видѣлъ въ ней нѣчто больше кающейся Магдалины; если это опредѣленіе и не лишено основанія, то оно недостаточно и одностороннe: въ Смирновой Гоголь высоко цѣнилъ нравственныя стремленія, въ которыхъ *находилъ близкое отраженіе собственной духовной неудовлетворенности.* Въ Римѣ Гоголь засталъ Смирнову въ пыткахъ мучительнаго нравственнаго перелома, когда въ ней пробудилась жгучая потребность очистить себя отъ мутныхъ осадковъ многолѣтней безцѣльной великосвѣтской суеты и усвоенныхъ въ модномъ круговоротѣ привычекъ. Прошлое Смирновой, не свободное отъ увлеченій и излишествъ, могло возбуждать нареканія, въ свою очередь тяжело ложившіяся на ея репутаціи и безпощадно осуждаемыя собственнымъ сознаніемъ. Въ воспоминаніяхъ ея было много блестящаго и выдающагося, у нея былъ обширный свѣтскій и жизненный опытъ, но лучшее время промелькнуло невозвратно, а послѣ пышнаго расцвѣта наступила томительная канитель заурядной жизни. Въ смыслѣ свѣтскихъ успѣховъ все возможное было давно достигнуто и извѣдано, все это давно пріѣлось и возбуждало одно отвращеніе. Для натуры болѣе поверхностной и мелкой могла бы служить немалымъ утѣшеніемъ торная колея внѣшняго представительства и почета, первенство въ тѣсной окружающей сферѣ; но Смирнова была не въ силахъ этимъ довольствоваться, а найти лучшій исходъ мѣшало ей отсутствіе опредѣленныхъ цѣлей и опоры въ впечатлѣніяхъ пережитой молодости. Благодаря этому она очутилась въ одномъ изъ самыхъ ужасныхъ положеній, какія только могутъ постигнуть человѣка: у нея не было будущаго. Чтò бы ни сулила ей удача въ жизни, все уже заранѣе было ей противно. Легко осуждать это состояніе, но основательнѣе отдать справедливость желанію выдти изъ него и найти смыслъ въ жизни. Недавно г-жа Черницкая доказывала вредъ вліянія на Гоголя Смирновой, не задавая себѣ вопроса, не вреденъ ли былъ скорѣе для Смирновой Гоголь, натолкнувшій ее на безотрадный путь мистицизма, и неспособный пробудить въ даровитой и чуткой натурѣ сколько-нибудь живыхъ идеаловъ. Недовольство собой, уязвляемое постоянно самолюбіе, избалованное громкими успѣхами и чувствительное къ каждому ничтожному

уколу, горькая неудовлетворенность окружающимъ и будничной житейской прозой послѣ блестящаго праздника счастливой молодости, отсутствіе широкихъ цѣлей въ жизни были главными причинами происходившей въ ней нравственной ломки. Смирнова задыхалась въ пустотѣ свѣтской рутины, чего-то жадно искала и становилась временами мелочной, капризной, недовольной собой и другими. Но въ то же время внутри ея громко говорилъ благородный голосъ, призывавшій ее къ грозному суду совѣсти и настоятельно требовавшій исправленія и совершенствованія. Говоря о душевномъ состояніи Смирновой въ годы сближенія ея съ Гоголемъ, г-жа Черницкая дѣлаетъ ошибку, главнымъ образомъ, въ томъ, что не видитъ разницы между отдѣльными эпохами жизни изображаемой личности и судитъ безъ всякой критики исключительно со словъ юнаго И. С. Аксакова, которому по его возрасту не могла быть понятна сложная натура много пережившей женщины. Между тѣмъ „безпринципность“ Смирновой, ея крайняя неровность и невыдержанность характера, мелкіе капризы и странное самобичеваніе, ея насмѣшки надъ тѣмъ, чтò всегда казалось молодому Аксакову священнымъ, естественно должно было отталкивать отъ нея послѣдняго. Но съ другой стороны были люди, цѣнившіе лучшія стороны ея личности. Объяснять увлеченія Гоголя Смирновой побужденіями романтическаго характера, по нашему представленію, совершенно ошибочно; нравственная связь между ними основывалась исключительно на мистической почвѣ. Такое впечатлѣніе неизбѣжно выносится изъ всей ихъ переписки. Притомъ въ случаѣ такого упрощеннаго объясненія отношеній Гоголя къ Смирновой, какое предлагаетъ г-жа Черницкая, остались бы необъяснимыми отношенія къ ней Самарина, котораго сильно плѣняла Смирнова и уже, конечно, не отцвѣтавшей въ половинѣ сороковыхъ годовъ красотой. Обаяніе ея выдающейся природной красоты въ соединеніи съ блестящими дарованіями увлекали когда-то такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и кн. Вяземскій, не говоря о придворномъ мірѣ, но время блеска и красоты давно прошло, когда при первомъ свиданіи Смирнова, не смотря на несочувственныя Бѣлинскому ея убѣжденія, произвела впечатлѣніе на эту по истинѣ колоссальную личность. Одинъ изъ современныхъ литераторовъ, вспоминая о Смирновой, выражается обыкновенно, что она была

„очаровательна и умна, какъ бѣсъ“ [1]). Все это выносили изъ знакомства съ Смирновой люди не заурядные и уже въ позднія періоды ея жизни, да и самъ И. С. Аксаковъ не только оцѣнилъ ее въ позднѣйшемъ некрологѣ, но и въ юношескихъ письмахъ пенялъ своему брату Константину: „Ради Бога, Константинъ, умѣрь твои выраженія объ Александрѣ Осиповнѣ. Я никогда не позволю себѣ этихъ выраженій открыто и *не перестану цѣнить хорошихъ сторонъ этой женщины*“ [2]). Послѣ этого видѣть преобладающую черту въ личности Смирновой въ ея ханжествѣ можно только при полномъ невниманіи къ болѣе симпатичнымъ сторонамъ ея природы, засвидѣтельствованнымъ многими современниками и самимъ И. С. Аксаковымъ. Есть разные виды и степени ханжества, но, понимая его въ настоящемъ значеніи слова, т.-е. въ смыслѣ гнуснаго и лицемѣрнаго притворства, мы не рѣшились бы употребить его ни въ примѣненіи къ Гоголю, ни къ Смирновой; ни тотъ, ни другая не были Тартюфами или кантемировскими Критонами; въ менѣе же рѣзкомъ значеніи „биготство“, безъ сомнѣнія, должно быть напротивъ приписано и Гоголю, и Смирновой, и притомъ несравненно больше первому, нежели послѣдней. Г-жа Черницкая эту добродѣтель силится сдѣлать монополіей только Смирновой — и это вопіющая несправедливость [3]). Мы остановились такъ долго на разъясненіи этой во всякомъ случаѣ недюжинной личности въ виду кое-какихъ недоразумѣній и, заканчивая наше длинное отступленіе отъ изслѣдованія конкретныхъ фактовъ въ область отвлеченной характеристики, надѣемся подкрѣпить сказанное ясными данными переписки.

XXXII.

Перейдемъ теперь къ затронутому нами вопросу о нравственномъ деспотизмѣ Гоголя, обойти который невозможно при тщательномъ изученіи его личности и отношеній его къ друзьямъ.

---

1) П. И. Бартеневъ. Ср. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 226, 333, также 285, 299.

2) См. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 393.

3) См. «Русск. Стар.», 1891, VII, 144—145.

По натурѣ Гоголь не чуждъ былъ безсознательнаго властолюбія и ,заботясь о другихъ, инстинктивно требовалъ, чтобы ему вѣрили, слушались каждаго его слова, которое къ тому же съ теченіемъ времени стало ему казаться въ самомъ дѣлѣ „облеченнымъ властью“ по силѣ данной ему отъ Бога благодати. Онъ способенъ былъ, вынуждая себя къ смиренію, ограничить свои требованія, но при первомъ удобномъ случаѣ начиналъ снова предъявлять притязанія на нравственный авторитетъ. Поэтому онъ любилъ особенно тѣхъ людей, которые легко подчинялись этому авторитету и признавали его; но какъ-только начиналъ замѣчать потерю своего вліянія, оскорблялся и становился нестерпимо суровымъ и капризнымъ. Всего лучше эта особенность его проявилась въ отношеніяхъ къ Иванову и она подробно разсмотрѣна и выяснена г-жей Некрасовой въ ея статьѣ: „Гоголь и Ивановъ“ [1]). Когда Гоголь говорилъ, что лучшимъ средствомъ противъ душевныхъ невзгодъ онъ считаетъ безкорыстную помощь другимъ, онъ нисколько не рисовался и говорилъ отъ души; это доказываютъ его отношенія къ Иванову, Шаповалову и другимъ, и даже можно утверждать, что ему особенно нравились такія отношенія, льстившія заразъ и самолюбію и мистическому чувству, но при всемъ томъ ему всегда было необходимо главенство. Самая теорія помощи ближнему принимала у Гоголя характеръ своеобразный и не совсѣмъ согласный съ ученіемъ церкви. Гоголь находилъ, что „эгоистовъ не было бы вовсе, если бы они были поумнѣе и догадались сами, что стоятъ только на нижней ступенькѣ, ступенькѣ своего эгоизма, и что только съ тѣхъ поръ, когда человѣкъ перестаетъ думать о себѣ, съ тѣхъ только однѣхъ поръ онъ начинаетъ думать истинно о себѣ, и становится такимъ образомъ самымъ разсчетливѣйшимъ изъ эгоистовъ“ [2]). Въ этихъ словахъ вырвалось наружу своекорыстіе чистокровнаго аскета. Друзья и благодѣтельствуемые люди были для Гоголя до нѣкоторой степени, такъ сказать, орудіями для полученія вѣчнаго блаженства.

Постепенно удалось Гоголю добиться отъ Смирновой почти полнаго довѣрія, а какъ происходилъ этотъ процесссъ, можно приблизительно прослѣдить такимъ образомъ: прежде чѣмъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1883, XII.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 152.

Смирнова стала ему свободно повѣрять сознаніе своихъ недостатковъ и дурныхъ поступковъ, она стала разсказывать Гоголю преимущественно то, что̀ выставляло ее съ выгодной стороны. Гоголь напоминалъ ей: „Самъ Богъ вложилъ въ душу мою прекрасное чутье *слышать душу:* источникъ многихъ моихъ радостей и наслажденій. Вотъ чему я обязанъ, если сколько-нибудь васъ знаю. А изъ вашихъ разсказовъ я узналъ, впрочемъ, одни только хорошія свойства вашей души. Вы распространялись передо мною только объ однихъ вашихъ хорошихъ поступкахъ, а о дурныхъ вы стали упоминать только въ послѣдніе дни вашего пребыванія въ Ниццѣ, и то вскользь, въ однихъ общихъ словахъ, безъ начала, безъ конца, безъ причинъ, безъ послѣдствій, въ загадочныхъ отрывкахъ, и сжимались въ ту же минуту отъ всякаго моего запроса, такъ что нужно было перемѣнять разговоръ и обращаться къ другимъ предметамъ“ [1]). Гоголь, разумѣется, оставался недоволенъ этимъ, но до времени ничего не показывалъ, и, только убѣдившись въ силѣ и прочности своего вліянія, писалъ: „Нѣтъ, извольте-ка принять и несправедливые упреки за справедливые, и всякій день въ нихъ всматриваться, какъ въ зеркало; авось среди несправедливаго отыщется что-нибудь и справедливое“ [2]). Такъ понемногу Гоголь увеличивалъ и расширялъ свое вліяніе на Смирнову и дошелъ наконецъ до задаванія ей наизусть псалмовъ Давида, причемъ въ случаѣ нетвердаго знанія говаривалъ тономъ укоризны: „нетвердо!“ и приказывалъ повторить [3]). Въ скоромъ времени онъ сталъ руководить ея помыслами и поступками, и когда степень его вліянія дошла до поразительныхъ размѣровъ, онъ, во свою очередь, горячо привязался къ Смирновой. Но ошибочно было бы думать, чтобы Гоголь не видѣлъ недостатковъ своего друга. Однажды онъ ей прямо говорилъ: „Мнѣ въ васъ не нравилось не то, что̀ не нравилось многимъ даже васъ любящимъ, то-есть что вы слишкомъ строго судили другихъ и притомъ съ такими выраженіями, какъ можетъ говорить только святая, не сдѣлавшая ничего подобнаго. Не это мнѣ въ васъ не нравилось, но не нравилось то, что всегда почти выходило, что тотъ человѣкъ, о которомъ вы говорили дурно,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 79.

[2]) Тамъ же, стр. 78.

[3]) Записки о жизни Гоголя, II т., стр. 6.

или лично чѣмъ-нибудь оскорбилъ васъ самихъ, или оказалъ вамъ какое-нибудь пренебреженіе, неуваженіе — словомъ, что-нибудь примѣшивалось, лично до васъ относящееся"[1]).

Заботясь о Смирновой, Гоголь принималъ въ ней всегда живѣйшее участіе. Отъ родственниковъ его я слышалъ, какъ однажды, гостя у своихъ въ Васильевкѣ, Гоголь куда-то выѣхалъ изъ деревни и вдругъ, уже въ половинѣ пути, что-то вспомнилъ, и приказалъ вернуться домой. По возвращеніи онъ тотчасъ отслужилъ въ церкви молебенъ о здравіи болящей рабы Божіей Александры и сейчасъ же снова отправился въ путь. Родственники догадались, что онъ молился за Смирнову. Какъ сказалась въ этомъ его горячая, искренняя привязанность[2])!

XXXIII.

Въ обществѣ семьи и брата Смирновой Гоголь провелъ время до начала мая 1843 года, когда Аркадій Осиповичъ Россетъ поѣхалъ лѣчиться водой въ Греффенбергъ къ извѣстному Призницу, пользовавшемуся громкой славой въ серединѣ сороковыхъ годовъ, а остальное семейство Смирновыхъ изъ Рима двинулось въ Неаполь, откуда Александра Осиповна предполагала, оставивъ на время дѣтей съ гувернанткой гдѣ-нибудь по пути, мѣсяца черезъ полтора пріѣхать въ Дюссельдорфъ для свиданія съ Жуковскимъ[3]). Чѣмъ опредѣлялись въ это время маршруты Гоголя и Смирновой, намъ въ точности неизвѣстно; но почти безъ опасенія ошибки можно утверждать на основаніи данныхъ переписки, что обстоятельства сложились слѣдующимъ образомъ. Мы знаемъ, что Языковъ, недовольный Италіей и сильно соскучившійся по родинѣ, неудержимо рвался домой. На первыхъ порахъ по выѣздѣ изъ Рима онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ прошлогоднюю резиденцію въ Гастейнѣ, гдѣ ему было гораздо покойнѣе, но подумывалъ также и о лѣченіи въ Греффенбергѣ въ томъ

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, стр. 92—93.

[2]) Это было въ 1848 г.

[3]) См. ниже письмо Россета къ Гоголю, также Соч. и письма Гоголя, т. VI, 10. Поѣздка Россета въ Греффенбергъ состоялась подъ вліяніемъ Гоголя, который, увлеченный отзывами о Призницѣ, писалъ Россету: «Вспомните: на воду первоначально я васъ навелъ, теперь вы наводите меня на воду. Такимъ образомъ мы благородно вывели другъ друга на чистую воду». («Русск. Стар.», 1884, I, 164).

случаѣ, если бы оно было одобрено Россетомъ. Въ Гастейнѣ Языковъ долженъ былъ ждать отвѣта. Такимъ образомъ срокъ его отъѣзда былъ въ зависимости отъ выѣзда изъ Рима Смирновыхъ и Россета, Смирнова же продолжала вмѣстѣ съ семьей свое ознакомленіе съ Италіей, а потомъ хотѣла съѣхаться съ Гоголемъ у Жуковскаго въ Дюссельдорфѣ. Такимъ образомъ, не желая въ жаркое лѣтнее время оставаться одинъ въ Римѣ и не привлекаемый бивуачной жизнью въ Гастейнѣ или Неаполѣ, Гоголь еще въ концѣ марта написалъ запросъ къ Жуковскому, можетъ ли онъ принять его въ Дюссельдорфѣ. Начальныя строки письма его къ Жуковскому отъ 28 марта показываютъ, что мысль о совмѣстной жизни и поэтической работѣ съ Жуковскимъ давно была у Гоголя, но до сихъ поръ онъ не имѣлъ приглашенія отъ послѣдняго, а получивъ его въ отвѣтъ на свое письмо, непремѣнно хотѣлъ имъ воспользоваться [1]). Затрудненіе представлялось лишь въ томъ, что Жуковскій не могъ заранѣе опредѣлить точно, гдѣ ему предстояло побывать на водахъ для лѣченія туго поправлявшейся послѣ родовъ жены. На это Гоголь дружески отвѣчалъ ему: „Мнѣ все равно, я пріѣду къ вамъ, гдѣ бы вы ни были. О помѣщеніи моемъ не хлопочите; я найду и самъ средство, какъ приклеиться къ вамъ поближе“ [2]). Послѣ этого между нимъ и Жуковскимъ установилось соглашеніе, чтобы Гоголь на будущее время свободно пріѣзжалъ къ послѣднему, но уступалъ мѣсто въ случаѣ пріѣздовъ къ Жуковскому его давнишняго дорогого пріятеля Александра Ивановича Тургенева [3]).

Итакъ, простившись съ Ивановымъ и Языковымъ, Гоголь въ первыхъ числахъ мая, проводивъ Россета и Смирнову, оставилъ Римъ и послѣ непродолжительныхъ экскурсій навѣстилъ въ Гастейнѣ Языкова, только-что пріѣхавшаго и ожидающаго обѣщанныхъ Россетомъ извѣстій. Шевырева онъ такъ извѣщалъ объ этомъ: „Я остановился на нѣсколько дней въ Гастейнѣ отдохнуть отъ дороги и погостить у Языкова. Послѣ этого отправляюсь въ Дюссельдорфъ, гдѣ пробуду, мо-

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 8. Вначалѣ отъѣздъ изъ Рима предполагался въ концѣ апрѣля («Русск. Стар.», 1875, IX, 130).

2) Тамъ же, стр. 10—11.

3) Тамъ же, стр. 166 и 95, также ср. стр. 81 («О помѣщеніи моемъ не заботьтесь» и проч.) и Отчетъ Импер. Публич. Библ. за 1887, стр. 35.

жетъ быть, долго“ [1]). Изъ другого одновременнаго письма видно, что Гоголь предполагалъ захватить въ Дюссельдорфѣ даже часть зимы съ тѣмъ, чтобы остальную провести въ Голландіи; но въ то же время у него мелькала также мысль и о Греффенбергѣ. Въ Голландіи же онъ, вѣроятно, думалъ начать лѣченіе еще съ наступленіемъ слѣдующей весны [2]).

XXXIV.

Въ это время музы Языкова и Гоголя почти совершенно безмолвствовали, но вѣра въ пробужденіе дара въ обоихъ не угасала въ Гоголѣ и онъ энергично старался поддерживать ее въ своемъ другѣ. Внутренній голосъ, принимаемый имъ за откровеніе свыше, но въ сущности лишь повторявшій его задушевное желаніе, внушалъ Гоголю надежду на скорое исцѣленіе Языкова и на выясненіе его призванія, коего яко бы не предчувствовалъ въ его полномъ величіи никто, не исключая самого поэта, переживавшаго тяжелый кризисъ, послѣ котораго должно было наступить благодатное возрожденіе его лиры. По объясненію Гоголя, болѣзни посылались Языкову Провидѣніемъ именно для того, чтобы, перестрадавъ ихъ, онъ своей лирой облегчалъ скорбь другихъ страдальцевъ и силой вѣры воодушевлялъ павшихъ духомъ. На спасительное дѣйствіе книгъ духовнаго содержанія *во время болѣзни* Гоголь возлагалъ для Языкова такія огромныя надежды, что прямо увѣрялъ его: „Клянусь, это будетъ дверью на ту великую дорогу, на которую ты выйдешь“, „Богъ тебѣ скажетъ самъ все, что̀ нужно“ [3]).

Среди этого восторженнаго настроенія Гоголь снова получилъ суровое письмо отъ Шевырева отъ имени всѣхъ московскихъ друзей. Въ письмѣ заключался, по его выраженію, „нагоняй“ [4]), который почему-то заставилъ его предположить о томъ, что онъ исходилъ отъ Погодина, и даже одно выраженіе письма *напомнило ему какія-то слова Погодина* при

---

[1]) «Русск. Стар.», 1875, X, 302.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 13. Впрочемъ отдаленные планы Гоголя, какъ это и естественно, не могли быть точными; онъ мечталъ и о поѣздкѣ въ Англію («Р. Ст.», 1875, IX, 128).

[3]) См. «Русск. Стар.», 1875, X, 302 и Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 20.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 12.

личномъ свиданіи. С. Т. Аксаковъ по обыкновенію игралъ здѣсь роль слабохарактернаго человѣка, увлекаемаго другими и притомъ, можетъ быть, противъ воли. Мы опять ничего не узнаемъ изъ его воспоминаній объ этомъ „нагоняѣ“; но самъ онъ страннымъ образомъ колеблется между обѣими сторонами, и, являясь въ роли мало авторитетнаго по своей мягкости и нерѣшительности посредника, готовъ жаловаться каждой изъ сторонъ на другую. Высказывая такое рѣзкое заключеніе о почтенной личности Аксакова, мы не считаемъ нужными другихъ доказательствъ кромѣ его собственныхъ словъ, противорѣчащихъ содержанію всего письма его къ „однимъ сыновьямъ“: „Скажите, ради Бога“ — распинается Аксаковъ передъ Гоголемъ, говоря о Погодинѣ, „можетъ ли вполнѣ понять васъ человѣкъ, который, по собственнымъ словамъ вашимъ, „живетъ съ вами въ разныхъ мірахъ?“ Этою послѣднею мыслью я всегда объяснялъ Погодину то, чего онъ безпрестанно въ васъ не понималъ; наконецъ, онъ пересталъ и говорить со мною“. Дальше рѣчь Аксакова становится, можетъ быть безъ намѣренія, просто льстивой и угодливой: „Мы оба съ Погодинымъ недурные люди, но я считаю то святотатствомъ, что̀ Погодинъ считаетъ дѣломъ не только дозволеннымъ, но даже должнымъ“ [1]) Впрочемъ вообще взаимныя, исполненныя смиренія другъ передъ другомъ, извиненія Гоголя и Аксакова оставляютъ въ результатѣ странное впечатлѣніе: сначала дѣлается непріятность, потомъ слѣдуютъ взаимныя извиненія. Такъ Гоголь пишетъ Аксакову послѣ выраженнаго имъ раньше сдержаннаго неудовольствія: „Какая, между прочимъ, я скотина! я написалъ къ вамъ объ одномъ пунктѣ письма, писаннаго Шевыревымъ отъ всѣхъ васъ“ [2]) и проч. Аксаковъ, въ свою очередь, заявляетъ передъ потомствомъ свое сожалѣніе о томъ, что задушевныя письма Гоголя не были понимаемы, какъ слѣдуетъ, хотя и спѣшитъ прибавить, что онъ „принялъ ихъ къ сердцу болѣе товарищей“ [3]), а между тѣмъ онъ же признавался Гоголю въ досадѣ за него

1) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 124—125.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 21.

3) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 106. Безъ сомнѣнія, и помимо такого заявленія можно было бы уже a priori быть увѣреннымъ въ этомъ: какое вообще можетъ быть сравненіе по благородству характера свѣтлой личности Аксакова съ его товарищами, особенно съ Погодинымъ!

на Погодина и называлъ себя за это „слабымъ христіаниномъ[1])“. Вообще соображая эти противорѣчія, нельзя не сказать, что напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ письмо „однимъ сыновьямъ“, во многомъ раскрывающее съ невыгодной стороны характеръ отношеній Аксакова къ Гоголю, въ то же время даетъ несомнѣнныя основанія для опредѣленныхъ заключеній тамъ, гдѣ, при бо̀льшей осмотрительности сообщившихъ письмо друзей покойнаго, могли бы быть однѣ догадки. Впрочемъ есть и другія косвенныя подтвержденія неискренности, царившей въ отношеніяхъ друзей, обмѣнивавшихся пожеланіями о томъ, чтобы она замѣнилась наконецъ искренностью, (по витіеватому выраженію Шевырева, „должна быть растворена божественной любовью“)[2]). Это было сказано въ духѣ Гоголя и вызвало съ его стороны сочувствіе и приглашеніе, по примѣру Погодина, „рубить прямо съ плеча“, приглашеніе отнюдь не ироническое. Гоголь, въ свою очередь, также говорилъ: „да воцарится прямая Христова любовь между нами“[3]), а между тѣмъ ему посылались въ каждомъ письмѣ деньги и жалобы на Прокоповича. Призывъ къ искренности, не смотря на всю торжественность, не привелъ ни къ чему, и Гоголь вскорѣ жаловался Смирновой, не называя личностей: „Вотъ уже два года, какъ я получаю такіе странные и неудовлетворительные намеки и такъ противорѣчащіе другъ другу, что у меня просто голова идетъ кругомъ. Всѣ точно боятся меня: никто не имѣетъ духу сказать мнѣ, что я сдѣлалъ подлое дѣло, и въ чемъ состоитъ именно его подлость. А между тѣмъ мнѣ все, что̀ ни есть худшаго, было бы легче понести этой странной неизвѣстности. Скажу вамъ только, что самое ядро этого дѣла, самое дѣтское — это почти ребяческая безразсудность выведеннаго изъ терпѣнія человѣка. Но около этого ядра накопилось то, о чемъ я только теряюсь въ догадкахъ, но чего на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ не знаю“. Изъ слѣдующихъ словъ ясно, что рѣчь идетъ о Погодинѣ: „Все дѣло есть дѣйствіе гнѣва и тѣхъ тонкихъ оскорбленій, которыя грубо нанесены были мнѣ добрымъ человѣкомъ, не могшимъ и въ половину понять великости нанесеннаго оскорбленія; но оно тронуло такія щекотливыя стороны, что ихъ

¹) Тамъ же, стр. 124.

²) «Русск. Стар.», 1875, X, 308—309.

³) Тамъ же, 310—311.

перенести развѣ могла бы одна душа истинно-святого человѣка"[1]). Не Погодину ли принадлежала также мысль ложными слухами о чтеніи Гоголемъ отрывковъ изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ" насильно подвинуть его работу; во всякомъ случаѣ безконечныя надоѣданія эти едва ли могли быть плодомъ одного легковѣрія. Гоголь отвѣчалъ на это: „Прежде всего я бы прочелъ Жуковскому, если бы что-нибудь было готоваго. Но увы! ничего почти не сдѣлано мною во всю зиму, выключая немногихъ умственныхъ матеріаловъ, забранныхъ въ голову"[2]).

Изъ Гастейна, почувствовавъ нужду въ освѣженіи, Гоголь отправился въ Мюнхенъ, куда въ хлопотахъ и въ волненіи выѣхалъ съ такой поспѣшностью, что забылъ разспросить Языкова о подробностяхъ письма къ нему Иванова, который просилъ похлопотать за него передъ прибывшимъ въ то время за-границу на воды княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ, тогдашнимъ министромъ двора[3]). Отправляясь навстрѣчу Жуковскому, Гоголь думалъ исполнить черезъ него просьбу Иванова. Въ то же время, собираясь надолго расположиться на одномъ мѣстѣ, Гоголь началъ для будущей поры творчества собирать отзывы о „Мертвыхъ Душахъ"[4]), а въ ожиданіи ея просилъ о пересылкѣ ему черезъ знакомыхъ книгъ изъ Россіи, чтѐ, по его собственному сознанію, случалось преимущественно въ то время, когда его оставляло вдохновеніе, и онъ поневолѣ рѣшался посвятить эти промежутки чтенію[5]). Въ Мюнхенѣ Гоголь пробылъ всего нѣсколько дней[6]). Затѣмъ онъ отправился во Франкфуртъ, гдѣ встрѣтилъ Жуковскаго, отъ котораго узналъ о намѣреніи его ѣхать на воды въ Эмсъ. Въ Жуковскомъ и его женѣ Гоголь нашелъ значительную перемѣну въ смыслѣ улучшенія

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 101—102.

[2]) Тамъ же, стр. 22. Зная, что Гоголь вообще терзался медленностью своей работы и мучительно жаждалъ вознаградить ее напряженнымъ трудомъ, мы еще лучше можемъ понять и оцѣнить деликатность «друзей». См. «Р. Арх.», 1890, VIII, 93, 100.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 17.

[4]) Стр. 11 и 18.

[5]) «Русск. Стар.», 1875, X, 305.

[6]) Въ Мюнхенѣ Гоголь видѣлъ извѣстнаго впослѣдствіи эмигранта Бакунина; года полтора передъ тѣмъ онъ писалъ Языкову, какъ и теперь, о своемъ свиданіи съ нимъ въ Дрезденѣ. Ни Языковъ, ни Гоголь не любили Бакунина. («Русск. Стар.», 1889, I, 154).

здоровья. Узнавъ отъ Жуковскаго объ оставленныхъ на его и Языкова имена письмахъ въ Дюссельдорфѣ, Гоголь черезъ Висбаденъ отправился на нѣсколько дней въ Дюссельдорфъ и оттуда уже пріѣхалъ въ Эмсъ[1]).

XXXV.

Полученное письмо было отъ Россета изъ Грефенберга. Въ виду вліянія этого письма на дальнѣйшія рѣшенія Гоголя и его друзей приводимъ его здѣсь вполнѣ.

А. О. Россетъ — Н. В. Гоголю, Грефенбергъ. 1843 г. $^{14}/_{26}$ мая.

„Здравствуйте, любезный Николай Васильевичъ, какъ поживаете и гдѣ живете? Разсчитывая, что вы выѣхали изъ Рима[2]) около 5 числа, полагаю, что вы уже въ Гастейнѣ и скоро начнете сборы для продолженія странствованія въ края мнѣ неизвѣстные. Я же три недѣли уже въ Грефенбергѣ, и лѣчусь, и какъ лѣчусь! Богу одному извѣстно, что̀ со мною дѣлаютъ или, лучше, что̀ выйдетъ изъ того, что̀ дѣлаютъ.

„Вотъ вамъ подробный отчетъ, какъ провожу я день и какъ проведу еще три мѣсяца съ прибавочными только перемѣнами къ вящему огаживанію моего настоящаго положенія.

„Въ пять часовъ меня будятъ, кладутъ на постель шерстяное одѣяло, на одѣяло намоченную простыню, и меня ими пеленаютъ, накрывъ шинелью, халатомъ и проч., что̀ попадается подъ руку. Лежу я въ пеленкахъ и грѣюсь около часу, сбрасываю все и — бултыхъ въ ванную! Черезъ минуту выхожу, отъ холода спѣшу одѣваться; бадинеръ улучаетъ минуту, чтобы опоясать мой животъ намоченною салфеткою. Это по здѣшней терминологіи называется взять лентухъ и ванную и надѣть умшлагъ (Umschlag). Бѣгу въ горы, гуляю

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 475—476. Сопоставленіе этого письма, по предположенію ошибочно отнесеннаго г. Кулишемъ къ 1842 г., съ письмами 1843 доказываетъ принадлежность его къ 1843 г.

[2]) А. О. Россетъ всегда съ особымъ удовольствіемъ вспоминалъ о совмѣстной жизни съ Гоголемъ въ Римѣ; такъ однажды онъ говорилъ: «Не могу вспомнить о Римѣ *безъ Гоголя*“ («Русск. Арх.», 1896, II, стр. 297). Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ Россетъ говоритъ и о наймѣ palazzo Valentini на Foro Trajano, не упоминая, однако, объ извѣстныхъ намъ хлопотахъ Гоголя (см. выше. стр. 190 и «Русск. Арх.», 1896, II, стр. 295).

полтора часа, выпивая восемь стакановъ воды, и иду завтракать, т.-е. пить холодное молоко и съѣдать не менѣе четырехъ булокъ. До половины одиннадцатаго отдыхаю на воздухѣ и курю сигару; затѣмъ новая работа: гуляю полчаса, выпивая два стакана, раздѣваюсь и на мое грѣшное тѣло набрасываютъ намоченную простыню и трутъ его до тѣхъ поръ, пока обоюдно не согрѣемся; засимъ сажусь въ полуванную, т.-е. задняя часть въ водѣ, а прочее покрыто; сижу въ ней четверть часа и съ отмороженною частью бѣгу за двѣ версты; выпивъ опять два стакана, — въ ду́шу, подъ которою постоявъ двѣ минуты, бѣгу въ горы и оттуда къ обѣду. За обѣдомъ аппетитъ у больныхъ дѣлается волчій и посторонній взялъ бы (sic) насъ за самыхъ отчаянныхъ здоровяковъ, тѣмъ болѣе, что всѣ имѣютъ видъ бодрый, бравый и веселый. Передобѣденная прогулка называется взять абрейбенъ зитцбадъ и ду́шу. До пяти отдыхъ, въ шесть опять гульба, выпиваніе двухъ стакановъ воды, повтореніе утренней прогулки, т.-е. лентухъ и ванна. *Умшлагъ*, т.-е. салфетку, перемѣняемъ на животѣ четыре раза и не снимаемъ никогда; ее всѣ носятъ — условіе необходимое и вѣчное!

Сверхъ сего Грефенбергъ въ горахъ: до сихъ поръ снѣгъ, холодъ, дожди и безпрерывный вѣтеръ, а комнаты безъ печей, и все это послѣ Рима! послѣ Неаполя! Сначала меня била лихорадка, и я, чтобы согрѣться, пилилъ и кололъ дрова; на мою жалобу Призницъ отвѣчалъ, что ничего, и она[1]) прошла. Потомъ въ ду́шѣ и ваннѣ стала кровь бросаться въ голову и голова болѣть: онъ отмѣнилъ душу, а прибавилъ зитцбадъ — и боль миновалась. Вообще онъ владѣетъ водой, какъ аллопатъ микстурами, и истинно удивительно разнообразіе средствъ, имъ придуманныхъ, вѣрный взглядъ и удачное примѣненіе лѣченія. Насъ здѣсь около 200 человѣкъ и всѣ почти лѣчатся различно. Особенно замѣчательно, какъ искусно онъ соображаетъ, чтобы степень и силу лѣченія соразмѣрить со степенью болѣзни и силами больного; какъ онъ одному прибавитъ лентухъ, другому — душу, третьему зитцбадъ, ножную ванну и проч. — и все это не шарлатанство, ибо оправдывается успѣшнымъ опытомъ, и имъ произносится съ увѣренностью и вѣрою несомнѣнною, а въ больныхъ вселяетъ

[1]) Лихорадка.

довѣріе неограниченное. Противъ прежняго онъ очень измѣнилъ и усовершенствовалъ свою систему, особенно въ томъ отношеніи, что не употребляетъ сильныя средства; такъ трехъ и четырехчасовое потѣніе по два раза въ сутки почти совсѣмъ откинуто; самые нечистокровные потѣютъ два раза въ недѣлю и вообще онъ обращаетъ все вниманіе на степень болѣзни и силу больного. Отъ этого произошелъ недостатокъ очень большой и главный его системы — медленность выздоровленія, и отъ этого здѣсь на половину довольныхъ и недовольныхъ. Недѣль здѣсь нѣтъ или считаютъ мѣсяцами[1]): кого ни спросишь — живутъ здѣсь восемь, девять, десять мѣсяцевъ, годъ, два года, а одинъ отчаянный — три съ половиной года. Правда, что послѣдній хочетъ, чтобы его кривой глазъ былъ прямымъ. Я же не входилъ бы въ такія подробности, какъ я провожу день, еслибъ процессъ, которому я слѣдую, не могъ служить мѣриломъ того, что̀ ожидаетъ Николая Михайловича[2]), если вздумаетъ сюда пріѣхать. Нужно ли и полезно ли ему будетъ быть въ Греффенбергѣ? — Полагаю, что необходимо (разумѣется, если не получилъ совершеннаго выздоровленія въ Гастейнѣ): отправляясь въ Россію, крюкъ небольшой, если поѣдетъ на Вѣну на Ольмюцъ по желѣзной дорогѣ, отъ Ольмюца въ Греффенбергъ день ѣзды; отсюда на Бреславль очень близко. Я говорилъ здѣсь со многими, которыхъ болѣзнь похожа на болѣзнь Николая Михайловича. Результатъ слѣдующій: больныхъ спинною сухоткою Призницъ принимаетъ, смотря по степени болѣзни; такъ одному при мнѣ пріѣхавшему онъ сказалъ прямо: „выздоровѣть вы уже не можете, но если пожертвуете временемъ, обѣщаю, что очень поправитесь“. Намъ Призницъ сказалъ, что онъ очень плохъ, и въ самомъ дѣлѣ едва ходитъ на костылѣ и поддерживаемый человѣкомъ; черезъ недѣлю по всей спинѣ показались у него волдыри и чирьи въ кулакъ величиною и Призницъ начинаетъ имѣть надежду на полное выздоровленіе. Кромѣ него тутъ есть два русскихъ: полковникъ Томичъ и адъютантъ Меншикова Дегалетъ. Обоихъ ихъ Арндтъ и всѣ петербургскіе доктора осудили на спинную сухотку. Дегалетъ вѣровалъ въ Арндта, принимая максы и разныя сильныя средства, былъ

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

[2]) Языкова.

въ Маріенбургѣ въ водолѣчебномъ заведеніи и шло все хуже и хуже; въ октябрѣ пріѣхалъ къ Призницу. Онъ на другой день посадилъ его въ ванну, ощупалъ тѣло, посмотрѣлъ на тѣло, которое покраснѣло отъ холода, и сказалъ ему: „спина ваша здорова, какъ моя; у васъ былъ нервный ударъ въ голову и отъ этого отнялись ноги". Онъ совсѣмъ не ходилъ, пріѣхавъ въ Греффенбергъ; на слѣдующей недѣлѣ дошелъ до одной скамьи, тамъ подалѣе до другой; теперь ходитъ по горамъ лучше меня. Призницъ его не пускаетъ, говоря: „теперь ноги ваши здоровы, но головные нервы еще плохи", и ему надо будетъ остаться еще на полгода. Съ Томичемъ та же исторія, но не такъ разительно выздоровленіе; ему то лучше, то хуже; Призницъ обѣщаетъ навѣрное полное выздоровленіе, но, повторяю, нужно время и время, терпѣніе и терпѣніе. Трудно и длинно пересказать все, но, какъ мнѣ кажется, Николаю Михайловичу грѣшно будетъ не заѣхать и не переговорить съ Призницемъ, и Вы, любезный Николай Васильевичъ, уговаривайте его изо всей дружеской мочи. Особенно ему, какъ вы его называете, байбаку, Греффенбергъ будетъ полезенъ: здѣсь онъ лежать не будетъ и поневолѣ станетъ бѣгать и пилить дрова. Долженъ еще прибавить, что зиму Призницъ считаетъ самымъ удобнымъ временемъ для лѣченія.

Если вамъ удастся уговорить Николая Михайловича, то пусть изъ Ольмюца ѣдетъ въ Freiwaldau, остановится тамъ въ трактирѣ и пошлетъ за мной въ Греффенбергъ (двѣ версты разстоянія); я бы желалъ его видѣть прежде свиданія его съ Призницемъ, чтобы научить его, какъ съ нимъ взяться. Не заѣдете ли и вы? Право бы не мѣшало! Какъ бы я радъ былъ васъ увидѣть и повторить дѣла давно минувшихъ дней.

Съ выѣзда изъ Рима ничего не знаю про сестру; если что̀ знаете — напишите. Ханыковъ хотѣлъ писать, но не пишетъ. Когда Перовскій выѣхалъ? онъ хотѣлъ заѣхать къ Призницу. Нетерпѣливо буду ожидать вашего отвѣта; надѣюсь, что получу его, и скоро[1]). Крѣпко, крѣпко сжимаю вашу руку, любезный Николай Васильевичъ, и прошу не забывать вамъ душевно преданнаго Аркадія Россета.

---

[1]) Гоголь почти тотчасъ отвѣтилъ Россету («Русск. Стар.», 1884, I, 163—164).

Мой адресъ: En Silesie Autrichienne, à Greffenberg, près Freiwaldau.

Николаю Михайловичу говорю: „до скораго свиданія!“

XXXVI.

Сравнивая это письмо съ написаннымъ тотчасъ послѣ полученія его письмомъ къ Языкову, нельзя не замѣтить, что Гоголь не только заботился въ своей передачѣ объ устраненіи слишкомъ откровеннаго обсужденія его болѣзни, называемой тамъ спинной сухоткой, но также сгладилъ всѣ колебанія Россета, очевидно только склонявшагося въ сторону Призница, но не безусловно его прославлявшаго. Въ передачѣ Гоголя Призницъ является просто геніемъ, особымъ избранникомъ Божіимъ и даже прямо высказывается мысль, что не вѣрить Призницу значитъ „не благоговѣть передъ величествомъ Божіимъ“ [1]). Также въ письмѣ къ Данилевскому, не смотря на происшедшую между ними размолвку, Гоголь, восторженно восхваляя Призница, зоветъ своего пріятеля лѣчиться въ Грефенбергъ, гдѣ ему хотѣлось бы снова съѣхаться съ Данилевскимъ. Онъ увлекается своей мыслью до того, что сравниваетъ Призница съ Наполеономъ и увѣряетъ въ его всемогуществѣ, сообщаетъ Данилевскому подробный адресъ и готовъ направить его къ Языкову, который, какъ оказалось послѣ, въ Грефенбергъ не поѣхалъ [2]), что̀, безъ сомнѣнія, осталось не безъ вліянія на планы самого Гоголя, отложившаго пока эту поѣздку: вмѣсто Греффенберга онъ направился въ Эмсъ.

Находясь въ Эмсѣ, какъ онъ выражался, „для компаніи Жуковскому“ [3]), Гоголь чувствовалъ себя неустроеннымъ и подумывалъ о новой поѣздкѣ, пока Жуковскій не вернется въ Дюссельдорфъ. Мы видѣли, что онъ надѣялся на совмѣстное жительство съ Языковымъ, Россетомъ и даже Данилевскимъ въ Греффенбергѣ; когда же получилъ отъ Языкова отвѣтъ съ извѣщеніемъ о выѣздѣ въ Россію, то ему захо-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 15.

[2]) «Древняя и Нов. Россія», 1879, I, 63, 1-ый столбецъ. «Этотъ человѣкъ» — говоритъ Гоголь — «владѣетъ водою, какъ Наполеонъ владѣлъ солдатами».

[3]) «Русск. Стар.», 1884, I, 163.

тѣлось поѣхать къ пріятелю въ Дрезденъ, но неудобство розысковъ и сопряженные съ дальнимъ разстояніемъ расходы не позволили долго остановиться на этомъ проектѣ[1]). Въ то же время имъ, вѣроятно, было получено письмо отъ Смирновой съ приглашеніемъ пріѣхать въ Баденъ, куда онъ немедленно и двинулся. Такимъ образомъ мысль о лѣченіи въ Греффенбергѣ была отложена Гоголемъ, но она все-таки, какъ показали послѣдующіе факты, сильно запала ему въ душу. Въ это время Смирнова и Гоголь, очевидно, старались съѣхаться вмѣстѣ, но имъ сначала это долго не удавалось. Изъ письма Россета мы видѣли, что ему было неизвѣстно мѣстопребываніе сестры, и въ отвѣтъ ему Гоголь ничего не могъ сообщить больше, какъ только то, что̀ недавно узналъ отъ Иванова, т.-е. что Смирнова вмѣстѣ съ Перовскимъ была занесена изъ Неаполя бурей въ Римъ[2]). Въ Баденѣ Гоголь уже не засталъ Смирнову, которая поѣхала за нимъ къ Жуковскому въ Эмсъ и оставила пока свое семейство въ ожиданіи своего возвращенія туда вмѣстѣ съ Гоголемъ[3]). Вынужденный дожидаться ея въ Баденѣ, Гоголь скучалъ и тяготился одиночествомъ и находилъ единственное развлеченіе въ шуткахъ и шалостяхъ съ дѣтьми, особенно съ младшей трехлѣтней дочерью Смирновой, Надеждой Николаевной (нынѣ г-жей Соренъ)[4]). Узнавъ о пріѣздѣ Гоголя въ Баденъ изъ шутливаго письма его, начинающагося словами: „Каша безъ масла гораздо вкуснѣе, нежели Баденъ безъ васъ“, она, пробывъ въ Эмсѣ только три дня, поспѣшила вернуться въ Баденъ, и здѣсь Гоголь пользовался ея гостепріимствомъ въ продолженіе мѣсяца, ежедневно читая ей „Иліаду“ или бесѣдуя о дѣлахъ и участи художника Иванова.

Между тѣмъ А. О. Россетъ, не зная всѣхъ подробностей

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 19.

[2]) «Русск. Стар.», 1884, I, 163 и Боткинъ. «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 160. Замѣтимъ кстати, что, по сопоставленіи съ другими письмами и особенно съ указаннымъ письмомъ въ «Русск. Стар.», письмо это должно быть отнесено не къ осени, какъ предполагалъ издатель, а къ лѣту 1843 г.

[3]) «Записки о жизни Гоголя», т. II, стр. 4.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 88, 89. Письмо это ошибочно отнесено г. Кулишемъ къ 1844 г., но въ «Запискахъ о жизни Гоголя» онъ правильно отнесъ его, со словъ Смирновой, къ 1843 г. Отмѣтимъ здѣсь между прочимъ курьезъ: Герсе-

дѣла, по полученіи извѣстія отъ сестры о пребываніи Гоголя въ Баденѣ, съ изумленіемъ писалъ ей: „А я не зналъ, что Гоголь продралъ и поселился въ Баденѣ. Я ждалъ Языкова; но онъ, вѣроятно, проѣхалъ прямо въ Россію“[1]).

XXXVII.

Въ августѣ 1843 года вернулся въ Москву давно нетерпѣливо ожидаемый родными и знакомыми Н. М. Языковъ[2]). Теперь онъ становится главнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ Гоголя съ Шереметевой[3]). Онъ могъ доставить послѣдней самыя свѣжія извѣстія о Гоголѣ. По пріѣздѣ въ Москву Языковъ тотчасъ же долженъ былъ позаботиться о пересылкѣ Гоголю нѣсколькихъ русскихъ книгъ, которыя трудно было достать за-границей. Оказія вскорѣ нашлась, но надежды Языкова на коммиссіонера были жестоко обмануты. Одинъ изъ знакомыхъ его, Бабарыкинъ, взялся доставить Гоголю въ руки посылку съ книгами и съ образомъ, но потомъ, пространствовавъ около двухъ лѣтъ, привезъ въ Москву откровенное признаніе, что забылъ посылку въ Берлинѣ. Такой печальный оборотъ дѣла не могъ не огорчать Шереметеву, давно съ нетерпѣніемъ ждавшую случая переслать свое „предсмертное

вановъ въ своемъ пасквилѣ о Гоголѣ, не зная, чье имя скрыто подъ литерой WF, вывелъ заключеніе изъ письма, что Гоголь давалъ цѣловать свои «грязныя (sic) руки красавицамъ. Герсевановъ жестоко ошибался, не зная, что дѣло идетъ о дѣвочкѣ, которая, какъ припоминаетъ сама Н. Н. Соренъ, получала за то отъ Гоголя замѣчаніе въ такой формѣ: «руки цѣлуютъ только у дамъ и архіереевъ».

[1]) «Русск. Архивъ», 1896, II, стр. 297. Тамъ же Россетъ говоритъ: «Мертвыя Души» со мною; я перечиталъ ихъ еще два раза и знаю наизусть двухъ дамъ отъ *веселенькаго ситца* до Ринальдо-Ринальдини». Кромѣ того еще до появленія «Мертвыхъ Душъ» въ печати авторъ читалъ въ присутствіи Россета отрывки его сестрѣ, что видно изъ его шутливаго заявленія, что въ Оренбургѣ онъ «старался всѣхъ очаровывать пріятнымъ обхожденіемъ, чтобы, какъ Маниловъ, быть произведену въ генералы» («Русск. Архивъ», 1896, II, стр. 293). Чтеніе это происходило въ іюлѣ 1837 г. въ Баденѣ (см. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 209 и «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 195 и 193, примѣч. 2).

[2]) См. напр. «Сѣв. Вѣстн.», 1895, XI, 115.

[3]) Н. М. Языковъ часто видался въ Москвѣ съ Шереметевой. Въ одномъ изъ писемъ онъ сообщаетъ брату: «Н. Н. Шереметева не оставляетъ меня: и на дачу является, и ведетъ со мной переписку изъ Рузы».

благословеніе“ и отправленныя въ той же посылкѣ выписки изъ сочиненій св. Дмитрія Ростовскаго, которымъ она и Гоголь придавали большое значеніе. Коснемся здѣсь этого эпизода.

Еще задолго она предупреждала Гоголя объ этой отправкѣ[1]). Наконецъ 20 января 1844 года извѣщала о ней: „Николай Михайловичъ мнѣ доставилъ случай черезъ Бабарыкина послать къ вамъ образъ. Говорятъ, онъ въ декабрѣ уѣхалъ. Я его не знаю, но *рада, что отправился наконецъ*. Я къ вамъ прежде писала и теперь то же повторяю: если въ памяти умирать буду, оставлю вамъ благословеніе, а если случится случай, примите сей образъ, какъ предсмертное благословеніе“. Съ этихъ поръ въ цѣломъ рядѣ писемъ Гоголя къ Языкову и Шереметевой и Шереметевой къ Гоголю постоянно встрѣчаемъ выраженіе досады на неисправнаго исполнителя порученія. „Образъ Николая Чудотворца, видно, и до сихъ поръ не достигъ до васъ! Что̀ же дѣлать! въ душѣ моей всякій день благословляю и вручаю Богу, да Онъ васъ не покинетъ“, сѣтуетъ Шереметева[2]). — „Образа вашего не получилъ. Бабарыкинъ мнѣ его не доставилъ“, отвѣчалъ Гоголь: „но этимъ нечего безпокоиться. Не въ видимой вещи дѣло. Образъ вашъ я возложилъ мысленно на грудь свою, принялъ благодарно ваше благословеніе и помолился Богу, да и, возложенный мысленно, онъ возымѣетъ ту силу, какъ бы возложенъ былъ видимымъ образомъ“[3]). Языкову напротивъ онъ писалъ безъ церемоніи: „Дамами мнѣ были доставлены всѣ посылки въ исправности. А куда дѣлась эта Баба-Бабариха, или Бабарыкинъ, про то развѣ одинъ чортъ имѣетъ свѣдѣніе“[4]). Наконецъ уже въ декабрѣ 1845 г. образъ прибылъ обратно въ Москву, и Шереметева, возблагодаривъ Бога о томъ, что

---

[1]) См. отвѣтное письмо Гоголя къ Шереметевой (Соч. Гоголя, изд. Кул., V, 495), но оно невѣрно отнесено г. Кулишомъ къ сентябрю 1842 г. вмѣсто сентября 1843 г.

[2]) «Грустно, что до васъ не дошло. Съ какимъ усердіемъ заказывала, какой есть въ Москвѣ лучшій живописецъ: съ одной стороны Николай Чудотворецъ, а съ другой — Иверская Божія Матерь, такъ что вамъ можно было бы на себя надѣвать, ѣхавъ въ дорогу».

[3]) Соч. Гог., изд. Кул., VI, 30. Письмо это отъ 25 октября невѣрно отнесено г. Кулишемъ къ 1843 г., что̀ ясно уже изъ того, что самый образъ посланъ былъ только въ декабрѣ 1843 г.

[4]) Соч. Гог., изд. Кул., VI, 84.

онъ не пропалъ совсѣмъ, отправила его вновь и тутъ уже онъ довольно скоро дошелъ по назначенію. О полученіи его Гоголь увѣдомилъ Шереметеву въ мартѣ 1846 г.[1]).

Находясь въ постоянномъ безпокойствѣ объ образѣ, Шереметева въ то же время часто грустила, что почти совсѣмъ не получаетъ отъ Гоголя извѣстій. Въ оправданіе Гоголь ссылался на свою обширную переписку. Это объясненіе совершенно удовлетворило Надежду Николаевну, въ отвѣтѣ которой прекрасно выразилась ея трогательная, глубокая привязанность къ Гоголю: чуждая по своей натурѣ всякой притязательности, она умѣла вникать въ положеніе ближняго. Въ подобныхъ случаяхъ она говорила между прочимъ, что, „замолчавши на бумагѣ“, не переставала думать о Гоголѣ съ такой же любовью, какъ о своихъ дѣтяхъ, и вспоминать о немъ передъ Богомъ.

XXXVIII.

Прогостивъ у Смирновой около мѣсяца, Гоголь отправился наконецъ въ Дюссельдорфъ. Въ это время, по его собственному сознанію, у него не было ничего готоваго; немного подвинулось дѣло и втеченіе новой зимы и наконецъ все написанное было сожжено, въ то время какъ Жуковскій успѣшно работалъ надъ „Одиссеей“ и окончилъ небольшое произведеніе „Маттео Фальконе“, переписанное потомъ Гоголемъ. Въ началѣ ноября Гоголь, по приглашенію Смирновой, выѣхалъ въ Ниццу, но и тамъ не могъ работать, хотя „насильно заставлялъ себя что-нибудь сдѣлать и велъ жизнь уединенную и преданную размышленіямъ“[2]). Этимъ объясняется, почему, уѣзжая изъ Ниццы, Гоголь жаловался Языкову, что въ ней ему „не пожилось такъ, какъ (онъ) предполагалъ“[3]).

Денежныя затрудненія по обыкновенію продолжали преслѣдовать Гоголя: онъ долго безпокоился объ уплатѣ заня-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 60. Письмо это въ изд. Кулиша невѣрно отнесено къ 1844 г. вм. 1846 г.

[2]) См. объ этомъ времени творчества «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 22, «Русск. Стар.», 1875, IX, 122, «Воспоминанія и критич. очерки» Анненкова, 233, но особенно примѣчанія академика Тихонравова въ III томѣ соч. Гоголя (X изд.), стр. 533 и слѣдд. О жизни Гоголя въ Ниццѣ см. ниже или нашу статью: «Гоголь и Віельгорскіе» («Вѣстн. Евр.», 1883, X, 452—459).

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 51.

тыхъ въ Римѣ у Языкова двухъ тысячъ, которыя были выплачены изъ суммы, присланной Шевыревымъ, причемъ на остальные расходы и разъѣзды оставалась еще тысяча, очень скоро, разумѣется, изчезнувшая, такъ что уже въ іюлѣ Гоголь писалъ Языкову, что его карманъ становится „изрядно тощеватъ". Назначивъ для присылки ему изъ Россіи денегъ въ два срока, ежегодно къ первому мая и къ первому октября, Гоголь еще за мѣсяцъ до наступленія октября напоминалъ о томъ Шевыреву. Въ то же время онъ получилъ новое извѣщеніе отъ Шевырева о тяжбѣ Прокоповича, причемъ Шевыревъ постоянно разстроивалъ его, увѣряя, что ему тягостно обо всемъ доводить до свѣдѣнія Гоголя. Еще въ февралѣ онъ началъ рѣчь о второмъ изданіи сочиненій Гоголя; теперь Гоголь обращается къ нему съ просьбой взять хлопоты на себя, чѣмъ устранялся Прокоповичъ, и Шевырева, какъ прежде Прокоповича, онъ просилъ также свободно исправлять погрѣшности слога[1]). Вскорѣ впрочемъ Гоголь отложилъ это изданіе вслѣдствіе сравнительной медленности распродажи предшествующаго, выручку съ котораго онъ ожидалъ вначалѣ получать довольно скоро[2]).

Къ довершенію непріятностей Гоголь получилъ въ концѣ 1843 г. одно за другимъ нѣсколько грустныхъ писемъ отъ своихъ друзей, изъ чего заключилъ о необходимости дать имъ средства для борьбы съ житейскими испытаніями и разослать по экземпляру сочиненія Ѳомы Кемпейскаго „О подражаніи Христу". Ему уже давно начинало казаться, что скорбь и болѣзни преслѣдуютъ всѣхъ и что такое уже настало скорбное время для всѣхъ. Еще въ февралѣ онъ писалъ Данилевскому: „развѣ ты не чувствуешь, что вотъ къ тебѣ уже примѣшалась та болѣзнь, которою одержимо все наше поколѣніе: неудовлетворенье и тоска"[3]).

Заканчивая нашу рѣчь объ обстоятельствахъ жизни Гоголя въ 1843 и началѣ 1844 г., отмѣтимъ еще живое участіе, какое высказалъ Гоголь Моллеру въ одной щекотливой исторіи, въ которую запутался послѣдній, возбудившій ненависть къ

---

[1]) См. «Русск. Стар.», 1875, X, 303—306; IX, 125 и «Русское Слово», 1859, I, 119.

[2]) Соч. и письма Гоголя, VI, 44 и «Русск. Стар.», 1875, IX, 124.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 430. Ср. «Русск. Жизнь», 1892, № 71.

себѣ въ одной презрѣнной женщинѣ, матери его любовницы, которая своими упорными преслѣдованіями долго вынуждала Моллера держаться вдали отъ Рима до самой смерти своей дочери[1]).

XXXIX.

Чѣмъ больше Гоголь сближался въ Ниццѣ съ Смирновой и Віельгорскими, тѣмъ рѣзче выяснялась фальшь въ его отношеніяхъ къ остальнымъ друзьямъ. Не безъ основанія онъ отличалъ всегда въ числѣ близкихъ къ нему людей тѣхъ, которые высоко ставили его личныя нравственныя качества, отъ „литературныхъ друзей", преслѣдовавшихъ его своими навязчивыми притязаніями. Не имѣя возможности распутать Гордіевъ узелъ своей на половину вынужденной дружбы, съ москвичами Гоголь старался по крайней мѣрѣ искусственно поддерживать ее и внести въ нее долю искренности. Такія же попытки дѣлались и съ другой стороны; но все это въ сущности ни къ чему не приводило[2]). Къ зимѣ Гоголь устроился

---

[1]) См. Боткинъ. «А. А. Ивановъ. Его жизнь и сочиненія», 160 и «Русск. Стар.», 1891, VII, 56—57; 1879, XII, 724. Объ отношеніи рѣзкаго письма Гоголя къ Погодину въ 1843 г. («Русск. Стар.», 1890, II, 411—416) и письма къ Шевыреву въ «Русск. Стар.», X, 307—308 къ статьѣ «О томъ, что такое слово?» считаемъ излишнимъ говорить послѣ обстоятельныхъ разъясненій Н. С. Тихонравова (изд. X, т. IV, 481—485).

[2]) Не знаемъ напр., насколько былъ искрененъ Гоголь, когда на напоминанія Шевырева о Москвѣ, отвѣчалъ: «Сказать правду, для меня давно уже *мертво все, что окружаетъ меня здѣсь*" (въ Римѣ) «и глаза мои смотрятъ только въ Россію, и нѣтъ мѣры любви моей къ ней, какъ *нѣтъ мѣры любви моей къ вамъ*, которой я не въ силахъ и не могу разсказать» (Русск. Стар.», 1875, X, стр. 130). Но если это правда, то терпѣніе Гоголя можно безъ преувеличенія назвать образцовымъ.

Въ только-что полученномъ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г. мы нашли подтвержденіе предположенія о томъ, что именно Шевыревъ настраивалъ Гоголя противъ Прокоповича (см. стр. I—2). Особенно любопытны здѣсь слѣдующія строки въ мартѣ 1843 г.: «*Отнынѣ ты навсегда долженъ убѣдиться, что интересы твои всѣ должны быть здѣсь, на рукахъ у друзей твоихъ*». «*Надобно перевести главное управленіе дѣлъ твоихъ изъ Петербурга сюда*». «Устроеніе дѣлъ твоихъ зависитъ теперь *отсюда*. Потороци же Прокоповича *высылать сюда все, что можно*, и вырвать твою собственность изъ рукъ типографіи, которой я очень опасаюсь въ этомъ дѣлѣ». Въ письмѣ отъ 27 октября 1843 г. (стр. 8) Шевыревъ прибавляетъ: «Ты принялъ потерю твою *великодушно*, но *я принять такъ не могъ потерю*, которая тебя касалась». Въ томъ же письмѣ есть подстрочное примѣчаніе: «Я получилъ отъ Прокоповича только 1180 руб(лей)

въ Ниццѣ. Потребности въ временномъ обмѣнѣ мыслей и чувствъ у Гоголя и его литературныхъ друзей почти вовсе не было, и они писали другъ другу безконечные упреки и оправданія и наконецъ обмѣнивались соображеніями о денежныхъ дѣлахъ Гоголя преимущественно въ виду практической необходимости, вслѣдствіе чего напр. въ 1844 г. Гоголь почти вовсе не велъ съ ними переписки.

Если наши слова покажутся сомнительными или преувеличенными, то мы предлагаемъ убѣдиться въ ихъ справедливости при помощи свободнаго отъ предубѣжденій перечитыванія писемъ Гоголя въ началѣ сороковыхъ годовъ и особенно изъ письма къ Смирновой, напечатаннаго въ VI томѣ сочиненія Гоголя изданія г. Кулиша, на стр. 127—134. Гоголь говоритъ тамъ между прочимъ: „Всего, что произошло во мнѣ, не могли узнать мои литературные пріятели. Въ продолженіе

асс(игнаціями). *Въ остальныхъ спроси у него счетъ ты самъ*» (стр. 10, примѣч. 3). «У Прокоповича» — говоритъ онъ потомъ — «требуй отчета въ 300 р., помня, что отъ него я получилъ только 1180 р. асс(игнаціями)» (стр. 13). Въ слѣдующихъ письмахъ Шевыревъ выражается энергичнѣе: «Не понимаю, какимъ же образомъ Прокоповичъ не только денегъ къ тебѣ не присылаетъ, но даже и не пишетъ къ тебѣ. *Вѣдь вотъ не хочешь же ты сознаться,* что ты *дурно сдѣлалъ,* довѣривъ все это дѣло въ Петербургѣ *такимъ людямъ, которые не стоили твоей довѣренности.* Ты предпочелъ ихъ твоимъ московскимъ друзьямъ и ввѣрилъ твои самые значительные интересы *людямъ, почти тебѣ чужимъ* (??!!!!). Послѣднія слова возмутительны, да не особенно деликатны и слѣдующія: «Мы нашли бы средства напечатать тебя здѣсь, какъ *нашли средства отправить тебя въ Римъ,* когда тебѣ это было нужно» (стр. 8),— тѣмъ болѣе, что поѣздка эта осуждалась, а позднѣе Шевыревъ прямо называлъ Италію «нервопорчей» (см. стр. 54). Тонъ писемъ Шевырева самый дружескій (но немного, такъ сказать, медоточивый); обстоятельность отчета о денежныхъ дѣлахъ идеальная; промахи Прокоповича несомнѣнны; но не слишкомъ ли много стараній забрать дѣла въ свои руки и явнаго ѳиміама наряду съ восхваленіемъ и собственныхъ дѣйствій и напоминаніями объ услугахъ. («Экземпляры продавалъ я, стараясь, какъ видишь, *соблюдать какъ можно болѣе твою выгоду*» (стр. 13). «Трое, къ которымъ обратилъ ты письмо, выбраны прекрасно: Погодинъ бываетъ *строгъ* къ тебѣ, Аксаковъ готовъ всегда *баловать* тебя, я буду занимать середину» (стр. 5). Драгоцѣнныя строки въ виду мѣткости выраженій («строгъ», «баловать») и вѣрной характеристики, чрезвычайно согласной со всѣми фактами; непосредственно затѣмъ прибавляется: «Контора твоихъ изданій будетъ у меня. Всѣ счеты также». Но, какъ распорядитель дѣлъ Гоголя, Шевыревъ дѣйствительно не оставлялъ желать ничего лучшаго. — Кстати отмѣтимъ, что, по желанію Гоголя, имъ были уплочены долги Павлову, Хомякову, Свербееву, Погодину, Шевыреву, Аксакову и вообще расходы на сумму 15568 р. 53½ к., причемъ львиную долю этой суммы составляли долги.

странствованія, моего внутренняго душевнаго воспитанія, я сходился съ другими родственнѣе и ближе, потому что уже душа слышала душу, и потому и знакомство завязывалось прочнѣе прежняго. Доказательство этого вы можете видѣть на себѣ. Вы были знакомы со мной прежде и въ Петербургѣ, и въ другихъ мѣстахъ, но какая разница между тѣмъ знакомствомъ и вторичнымъ въ Ниццѣ! Не кажется ли вамъ самимъ, что мы другъ друга какъ будто только теперь узнали[1])?" Покойный профессоръ Миллеръ, печатая сообщенную ему сыномъ Шевырева переписку Гоголя съ отцомъ послѣдняго, вѣроятно не безъ намѣренія оставленную вначалѣ подъ спудомъ, былъ сильно пораженъ непривлекательными сторонами нашего писателя, коробившими его друзей. Справедливость требуетъ теперь исправить его заключеніе въ томъ смыслѣ, что искренности не было съ обѣихъ сторонъ и что своимъ лицемѣрнымъ расположеніемъ „московскіе раскольники" устроивали для себя лестную рекламу и если даже С. Т. Аксаковъ не свободенъ отъ смягченнаго упрека въ отношеніяхъ къ Гоголю, то ему принадлежитъ по крайней мѣрѣ заслуга посильнаго отклоненія его отъ мистическихъ увлеченій. Проф. О. Ѳ. Миллеръ отмѣтилъ, что кромѣ ѳиміама московскіе друзья умѣли Гоголю также высказывать горькую правду, но онъ на основаніи извѣстныхъ тогда данныхъ односторонне и несправедливо принялъ сторону „москвичей", которые не могли быть правы уже самымъ воскуряемымъ ими льстивымъ ѳиміамомъ, еще болѣе усиливавшимъ ихъ вину. Во всякомъ случаѣ все это указываетъ на фальшь подобныхъ отношеній, чего нельзя сказать объ отношеніяхъ къ Гоголю Смирновой, Толстыхъ и Віельгорскихъ, хотя зато послѣдніе съ другой стороны не меньше повредили ему своимъ уже не притворнымъ, но искреннимъ ѳиміамомъ. Только въ Ниццѣ Гоголь въ первый разъ вступилъ на ту стезю нравственнаго руководительства, на которой оставался почти до конца жизни. Здѣсь онъ нашелъ аудиторію, готовую съ благоговѣніемъ прислушиваться къ его каждому слову и признавать его учителемъ жизни. Все это совершилось незамѣтно и постепенно. Сильное распространеніе обаянія Гоголя нельзя не приписать тому перерожденію, которое онъ произвелъ въ Смирновой. Послѣдняя, безъ со-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 130.

мнѣнія, потому такъ беззавѣтно отдалась его вліянію, что ни въ комъ не встрѣтила такого глубокаго и безкорыстнаго участія, какъ въ Гоголѣ. Гоголь любилъ ее, зная всѣ ея недостатки[1]). Тщательно стараясь скрыть свои слабыя стороны, Смирнова вскорѣ имѣла случай убѣдиться, что дружба Гоголя сильнѣе, чѣмъ она могла думать. Такое участіе ее тронуло. Гоголь подалъ ей руку участія въ минуты недалекія отъ отчаянія, и этого она не могла потомъ забыть. Надо припомнить, что ея общество цѣнилось преимущественно за усвоенную долговременнымъ опытомъ придворной жизни при богатомъ природномъ умѣ свѣтскую очаровательность. И вотъ съ ней встрѣчается человѣкъ, въ задушевныхъ бесѣдахъ съ которымъ она могла отвести измученную душу! Впослѣдствіи она говорила Гоголю: „Вы мнѣ сдѣлали жизнь легкой; она у меня лежала тирольской фурой на плечахъ“[2]). Главная заслуга Гоголя въ ея глазахъ была въ томъ, что онъ показалъ ей цѣль въ жизни, и если она не могла идти твердымъ шагомъ по намѣченной дорогѣ, то все-таки получила нравственное успокоеніе въ сознаніи общей неподготовленности огромнаго большинства къ избранному ею великому пути. Отъ этого сознанія въ ея собственныхъ глазахъ поднялась ея личность и она нашла въ себѣ нѣкоторый запасъ бодрости, почти совершенно ее было оставившей. Переписка съ Гоголемъ и вѣра въ его нравственную высоту привела ее скоро къ довольно самоувѣренному взгляду на себя, какъ видимъ изъ слѣдующихъ строкъ: „Я вамъ извѣстна во всей своей чернотѣ, и можете ли вы придумать, что точно такъ скоро сдѣлалась благодатная перемѣна во мнѣ, или я только себя обманываю, или пріятель такъ меня ослѣпилъ, что я не вижу ничего и радуюсь сердцемъ призраку“[3]). Гоголь уже въ Римѣ сдѣлался домашнимъ и необходимымъ человѣкомъ въ семьѣ Смирновыхъ, но еще сильнѣе они привязались къ нему въ Ниццѣ. Смирнова потомъ съ трудомъ переносила его отсутствіе и прямо говорила: „Мнѣ скучно и грустно! Скучно оттого, что нѣтъ ни одной души, съ которой бы я могла вслухъ думать и чувствовать, какъ съ вами; скучно потому,

---

[1]) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, 100—104.

[2]) «Русск. Стар.», 1888, X, 137—138.

[3]) Тамъ же, стр. 138.

что я привыкла имѣть при себѣ Николая Васильевича, а что здѣсь нѣтъ такого человѣка, да врядъ ли и въ жизни найдешь другого Николая Васильевича“[1]). Мы бы желали, чтобы намъ привели такія прочувствованныя строки въ перепискѣ Гоголя съ московскими друзьями. Наоборотъ о болѣе отрадномъ настроеніи Смирнова выражается такъ: „въ понедѣльникъ состояніе мое дошло до отчаянія, а вечеромъ солнце взошло, и съ тѣхъ поръ я счастлива, какъ въ лучшія счастливыя минуты, съ вами проведенныя въ Ниццѣ“[2]).

Относясь къ духовной жизни Смирновой съ величайшей симпатіей и необычайнымъ вниманіемъ, Гоголь неустанно производилъ наблюденія надъ ея личностью, привычками и наклонностями. Въ виду не вполнѣ согласныхъ характеристикъ Смирновой въ нашей литературѣ не лишнее еще остановиться на анализѣ ея душевныхъ качествъ, сдѣланномъ такимъ великимъ знатокомъ человѣческаго сердца, какъ Гоголь. Мы не рискуемъ при этомъ впасть въ ошибку подъ вліяніемъ дружескаго пристрастія Гоголя, потому что онъ въ то же время высказываетъ Смирновой безпощадную правду. Гоголь зналъ хорошо ея впечатлительность и дѣйствіе на нее окружающей среды; ему случалось видѣть ее въ обществѣ такихъ прекрасныхъ и чистыхъ личностей, какъ С. М. Соллогубъ, и также въ пустыхъ разговорахъ съ ничтожными болтунами и развратниками. Поэтому онъ съ большимъ знаніемъ дѣла совѣтовалъ ей: „Старайтесь, чтобы во всякомъ случаѣ вашъ разговоръ походилъ на тотъ вашъ разговоръ (sic), который вы ведете тогда, когда бываете окружены однѣми добрыми душами Вы обыкновенно дѣлаетесь тогда совершенно другой, какой-то веселой и умной рѣзвушкой, говорливы неистощимо, и всѣмъ совершенно пріятно васъ слушать, хотя бы рѣчь шла о совершенныхъ пустякахъ. Этотъ разговоръ вашъ ничуть не похожъ на то приторное любезничанье, которое иногда у васъ является тогда, когда

---

[3]) Тамъ же, стр. 140. Маленькая дочь Смирновой, Надежда Николаевна, удачно подмѣтила это и говорила потомъ о скукѣ жизни въ Калугѣ: «Quelle ville, mon Dieu! maman est malade, parcequ'elle n'a personne pour causer avec elle» и проч.; см. ниже, стр. 269 и «Русск. Стар.» 1888, IV, стр. 67. Гоголь въ это время былъ обыкновенно въ хорошемъ настроеніи («Вѣстн. Евр.», 1889, XI, стр. 117).

[1]) Тамъ же, стр. 132.

вы бесѣдуете съ какимъ-нибудь истаскавшимся селадономъ, разсказывающимъ вамъ свои конфиденціи, куда онъ посадилъ весь умъ свой. Словомъ, случится ли вамъ вести разговоръ съ молодымъ вѣтрогономъ, или изношеннымъ старичишкой, воображайте всякій разъ, что съ вами тутъ же Софья Михайловна[1]), и все будетъ хорошо[2])". Къ несчастью для Смирновой, составившаяся о ней невыгодная репутація привлекала въ ея гостиную иногда именно людей того разряда, которыми Гоголь совѣтовалъ ей гнушаться[3]). Наблюденія надъ Смирновой и размышленія по поводу ея поступковъ навели наконецъ Гоголя на тѣ мысли, которыя были имъ потомъ высказаны въ статьѣ: „Женщина въ свѣтѣ". По мнѣнію академика Тихонравова, письмо это было адресовано къ С. М. Соллогубъ. Въ настоящее время намъ извѣстно въ точности, что оно было надписано сестрѣ ея, Аполлинаріи Михайловнѣ Веневитиновой[4]): такъ самому Гоголю на основаніи, вѣроятно, словъ Плетнева намекала другъ послѣдняго, А. О. Ишимова[5]). Притомъ сама С. М. Соллогубъ въ одномъ изъ своихъ писемъ спрашивала у Гоголя, къ кому относится это письмо, изъ чего ясно видно, что оно было писано не къ ней[6]). Но высказанныя Тихонравовымъ соображенія остаются въ полной силѣ и являются лишнимъ подтвержденіемъ нашей мысли, что Гоголь сильно передѣлывалъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ" первоначальныя письма, соединяя иногда въ одномъ письмѣ мысли, когда-то выраженныя въ письмахъ разнымъ особамъ[7]).

---

1) Соллогубъ.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 95.

3) Стр. 75—76. — Эта двойственность въ характерѣ и личности Смирновой и повела ко многимъ невыгоднымъ для нея заключеніямъ въ нашей литературѣ. Но несомнѣнно, что несимпатичныя черты ея, проглядывающія въ воспоминаніяхъ И. С. Аксакова, г. Колмакова («Русск. Стар.», 1891, VII), отнюдь не могутъ дать право отрицать въ ней то хорошее, чѣмъ увлекались и что цѣнили Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, Вяземскій и другіе. По нашему мнѣнію, въ сужденіи о Смирновой никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду соединенія въ ней прекрасныхъ сторонъ и задатковъ и качествъ совершенно противоположнаго свойства. Это была натура довольно разносторонняя и сложная.

4) «Русск. Арх.», 1890, т. VIII, 162, но тамъ опечатка: Веневитинову — вмѣсто: Веневитиновой.

5) См. ниже объ этомъ письмѣ.

6) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 477—478. и «Вѣстн. Европы», 1889, XI, стр. 117.

7) См. объ этомъ подробно ниже.

Смирнова обходилась съ Гоголемъ напротивъ съ подобострастьемъ человѣка, попавшаго въ отношеніи къ другому въ положеніе адепта: въ чрезмѣрномъ увлеченіи она готова была иногда возводить Гоголя на недосягаемый пьедесталъ и требовала, чтобъ онъ научилъ ее всегда оставаться въ ровномъ душевномъ состояніи [1]) и т. под. Въ другое время, подъ вліяніемъ слышанныхъ ею невыгодныхъ отзывовъ о Гоголѣ, она готова была напротивъ сразу низвести его на нѣсколько ступеней съ этого пьедестала. Такое же дѣйствіе имѣла на нее однажды бесѣда о Гоголѣ съ Плетневымъ [2]).

Начало замѣтнаго вліянія Гоголя на Віельгорскихъ можно отнести уже къ концу ихъ совмѣстной жизни въ Ниццѣ. Судя по перепискѣ, Гоголь сначала старался держаться въ сторонѣ отъ нихъ и заставилъ подозрѣвать себя въ недостаткѣ простоты и уже гораздо позднѣе сталъ считать ихъ близкими себѣ людьми. Зато онъ сталъ прямо считать Смирновыхъ и всѣхъ Віельгорскихъ и Соллогубовъ какъ бы за свою семью, и оправдываясь въ неисправной корреспонденціи, говорилъ: „моя семья становится, чѣмъ дальше, (тѣмъ) больше, и я не успѣваю даже отвѣчать на самыя нужныя письма“ [3]); тѣмъ не менѣе вліяніе Гоголя на Віельгорскихъ было гораздо поверхностнѣе и слабѣе, чѣмъ на Толстыхъ и Смирнову. Въ мужской половинѣ семьи оно было очень ограниченно, и хотя напримѣръ Михаилъ Михайловичъ Віельгорскій также благодарилъ Гоголя за совѣты, оказавшіе ему „важную услугу [4])“, но никакого особаго тяготѣнія къ Гоголю не обнаруживалъ. Напротивъ женскій персоналъ семьи придавалъ особенное значеніе всѣмъ его словамъ. Луиза Карловна Віельгорская находила, что Гоголь „много способствовалъ къ утѣшенію ея унынія“ [5]), а Анна Михайловна съ чувствомъ гордости и свѣтлой надежды на будущее приняла его предсказаніе о будущей своей полезной жизни и дѣятельности. Довѣріе къ словамъ Гоголя преодолѣло въ ней природную скромность и она не безъ самодовольства отвѣчала: „Вы говорите, что меня ожидаетъ жизнь полезная и возможность дѣлать много добра.

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 63.
[2]) См. «Русск. Стар.», 1888, X, 141—145.
[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 148.
[4]) «Вѣстн. Европы», 1889, X, 477.
[5]) «Вѣстн. Европы», 1889, X, стр. 480.

дай Богъ, чтобы предсказанія ваши совершились. Все-таки, Николай Васильевичъ, я не унываю: у меня очень много довѣренности къ вамъ, и хотя я думаю, что ваше обо мнѣ мнѣніе слишкомъ лестно, чтобы оно могло быть истиннымъ, но я утѣшаюсь мыслью, что съ вашимъ умомъ вы не могли совершенно ошибиться на мой счетъ[1])".

XL.

Переходимъ теперь къ болѣе подробному обзору отношеній Гоголя къ семейству Віельгорскихъ.

Неизвѣстно въ точности, къ какому времени слѣдуетъ отнести первое знакомство Гоголя съ Віельгорскими; но, во всякомъ случаѣ, короткія отношенія установились между ними не раньше конца 1838 года, когда, какъ мы знаемъ, Гоголь сблизился въ Римѣ съ молодымъ графомъ Іосифомъ Михайловичемъ. Прежде этого Віельгорскіе, безъ сомнѣнія, знали Гоголя по слухамъ отъ общихъ пріятелей и по его литературному имени, но едва ли даже часто встрѣчались съ нимъ. Знакомство началось чрезъ посредство А. О. Смирновой, которая подружилась съ Віельгорскими еще въ 1826 году въ бытность свою фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны, когда она ежедневно видѣлась съ графиней Луизой Карловной, также любимицей императрицы. Въ Москвѣ во время коронаціи государя Николая Павловича онѣ были уже почти неразлучны.

Семейство Віельгорскихъ состояло изъ главы его, графа Михаила Юрьевича, талантливаго композитора, живого, веселаго, изящнаго цѣнителя всего прекраснаго, извѣстнаго при дворѣ даваемыми имъ концертами, ловкаго, страстнаго танцора[2]), и въ то же время образованнѣйшаго и весьма начитаннаго человѣка, обладателя превосходной библіотеки и, между прочимъ, масона; изъ его жены, Луизы Карловны,

---

[1]) Тамъ же, X, 482.

[2]) Въ рукописныхъ запискахъ дочери Михаила Юрьевича, Софьи Михайловны, есть слѣдующій интересный разсказъ о немъ, какъ о блестящемъ мазуристѣ: «Le dimanche ceux des élèves, dont les parents se trouvaient à Tzarsckoe ou à Pawlowsk, recevaient la permission visiter leur familles. Comte Wladimir Sollohoub me conta, que lui et plusieurs lycéens désirer de saisir le fion avec lequel mon père dansait la mazourka au pavillon des roses».

урожденной принцессы Биронъ, особы, представлявшей въ своемъ характерѣ своеобразное соединеніе религіозности и замѣчательной доброты съ внѣшней холодной недоступностью дамы высшаго круга; наконецъ, дѣтей ихъ: Іосифа Михайловича, товарища по воспитанію покойнаго императора Александра II и рано умершаго пріятеля Гоголя, Михаила Михайловича, служившаго впослѣдствіи при посольствѣ въ Берлинѣ[1]). Аполлинаріи (или Аполлины) Михайловны, впослѣдствіи Веневитиновой, Софьи Михайловны, вышедшей замужъ въ 1840 г. за извѣстнаго писателя Соллогуба, и Анны Михайловны (которую въ семейномъ кругу называли обыкновенно Анолиной Михайловной)[2]). Женскій персоналъ семьи безусловно не могъ быть знакомъ Гоголю въ тридцатыхъ годахъ, такъ какъ еще въ 1828 году, до переѣзда его изъ Малороссіи въ Петербургъ, Віельгорскіе почти цѣлымъ домомъ переселились въ Вюрцбургъ для лѣченія хворавшаго съ младенчества младшаго сына, Михаила Михайловича[3]). Съ тѣхъ поръ они оставались за границей почти безвыѣздно вплоть до сороковыхъ годовъ. Въ Петербургѣ находился въ это время только самъ Михаилъ Юрьевичъ[4]) съ старшимъ сыномъ, Іосифомъ Михайловичемъ, жившимъ во дворцѣ. Такъ какъ Віельгорскіе были хороши съ Плетневымъ и Жуковскимъ и вращались въ такъ называемомъ „ковчегѣ Арзамаса", то, конечно, двухъ послѣднихъ названныхъ членовъ семьи не могъ не знать и Гоголь; но пока между ними было мало общаго. Слѣдуетъ впрочемъ припомнить, что хотя Іосифъ Михайловичъ былъ еще юнымъ птенцомъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ (онъ родился 26 декабря 1816 года), но уже тогда обратилъ на

---

1) Нѣкоторыя фактическія подробности о Віельгорскихъ см. въ нашей статьѣ: «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» («Русская Старина», 1888, IV, 69—72), и замѣчанія на нее М. А. Веневитинова: «Семейство Віельгорскихъ» (тамъ же, VI, 691—696). Здѣсь отмѣтимъ семейныя прозвища молодыхъ Віельгорскихъ: Софью Михайловну звали въ семьѣ Фофка и Бяшка, а Анну Михайловну — Нози.

2) Сверхъ того, слѣдуетъ назвать младшаго брата Михаила Юрьевича, Матвѣя Юрьевича, котораго въ семьѣ Віельгорскихъ называли «нашимъ общимъ дядей». Напомнимъ также замѣчанія, относящіяся къ Михаилу и Матвѣю Юрьевичамъ Віельгорскимъ въ 3 т. «Матеріаловъ» (См. стр. 76—78).

3) Впослѣдствіи его фамилія была: Віельгорскій-Матюшкинъ (См. «Вѣстн. Европы», 1889, X, стр. 488, примѣч. 1).

4) Онъ встрѣчался тогда съ Гоголемъ на субботнихъ вечерахъ Жуковскаго и въ кружкѣ Смирновой.

себя вниманіе Гоголя своими выдающимися дарованіями, замѣтно выдвигавшими его изъ толпы придворной молодежи. Еще тогда, конечно, во время свиданія съ молодымъ графомъ въ Петербургѣ, Гоголь составилъ о немъ лестное представленіе, высказанное имъ много лѣтъ спустя, что онъ сравнительно съ своими сверстниками подавалъ особенно блестящія надежды. „Это былъ бы мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича“, — писалъ о немъ Гоголь Данилевскому уже въ 1838 г., прибавляя въ своемъ увлеченіи: „другіе его окружающіе хоть бы крупицу таланта имѣли!“[1]). Но петербургскія отношенія Гоголя къ молодому Віельгорскому были ничто въ сравненіи съ извѣстной намъ дружбой, завязавшейся между ними впослѣдствіи въ Римѣ. По крайней мѣрѣ, Гоголь такъ говорилъ объ этомъ: „Мы давно были привязаны другъ къ другу, давно уважали другъ друга, но сошлись тѣсно, неразлучно и рѣшительно братски только, увы! во время его болѣзни“[2])

Мы говорили раньше о томъ, какъ Гоголь поѣхалъ послѣ смерти Іосифа Віельгорскаго въ Марсель; въ продолженіи шести недѣль утѣшалъ Луизу Карловну, чѣмъ заслужилъ такое расположеніе ея, какимъ она въ другихъ случаяхъ никогда не дарила людей, не принадлежавшихъ къ ея кругу. Всѣ Віельгорскіе считали себя съ тѣхъ поръ обязанными Гоголю и, чѣмъ могли, старались выразить и доказать ему свою благодарность, которою послѣднему и пришлось вскорѣ воспользоваться. Черезъ два года послѣ разсказаннаго нами происшествія Гоголь уже болѣе свободно обращался къ Михаилу Юрьевичу съ порученіями довольно деликатнаго свойства. Онъ не только привлекаетъ графа къ участію въ хлопотахъ по изданію перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ и по освобожденію ихъ отъ цензурныхъ стѣсненій, но даже прямо проситъ передать нѣсколько экземпляровъ членамъ царской фамиліи, сознавая въ то же время, что подобная коммиссія не могла не быть до нѣкоторой степени затруднительной и щекотливой даже для человѣка, столь близко стоявшаго ко двору, какъ М. Ю. Віельгорскій. Гоголь, впрочемъ, колебался и го-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, V, 378. Послѣднее предложеніе пропущено и обозначено двумя чертами.

[2]) Тамъ же.

товъ былъ даже отмѣнить свое намѣреніе, говоря, что дѣло можно оставить во-первыхъ, уже потому, что какъ-то неприлично это все же нѣсколько корыстное исканіе, а во-вторыхъ, зачѣмъ же тормошить бѣднаго Віельгорскаго, которому, можетъ быть, вовсе не ловко"[1]). Между тѣмъ онъ стѣснялся и выразить свою благодарность графу, чрезвычайно высоко цѣня его услуги въ отношеніи къ себѣ. „Добрый графъ Віельгорскій", — восклицаетъ онъ, — „какъ я понимаю его душу! но изъявить какимъ бы то ни было образомъ чувства мои было бы смѣшно и глупо съ моей стороны"[2]).

Во время своихъ проѣздовъ въ Петербургъ[3]) Гоголь, конечно, не разъ посѣщалъ графа Віельгорскаго, сознавая себя, въ свою очередь, обязаннымъ ему и нуждаясь въ дальнѣйшемъ покровительствѣ, такъ какъ въ сношеніяхъ съ цензурой одной протекціи его стариннаго друга, Смирновой, было недостаточно. Но онъ оставался въ столицѣ каждый разъ недолго, и потому между нимъ и Віельгорскимъ пока не исчезло разстояніе, отдѣляющее обыкновеннаго смертнаго отъ высокопоставленнаго аристократа. Еще не было и тѣни той глубоко-интимной симпатіи, которая, черезъ годъ съ небольшимъ, связала ихъ равноправными узами дружбы. Какъ мы упоминали, много помогло въ этомъ отношеніи посредничество Смирновой.

Ниццей Гоголь восхищался почти не меньше, чѣмъ Римомъ, и это имѣло сильное вліяніе на расположеніе его духа. „Ницца рай; солнце, какъ масло, ложится на всемъ"[4]), говорилъ онъ. Ежедневно онъ совершалъ прогулки съ М. М. Віельгорскимъ по набережной, при чемъ присоединялась къ нимъ и Смирнова. Во время прогулокъ артистическая натура художника громко говорила въ Гоголѣ при каждомъ эффектномъ переливѣ солнечнаго освѣщенія на горахъ, и онъ безмолвно отдавался наслажденію, лишь изрѣдка жестами приглашая спутниковъ раздѣлить его восторгъ[5]). За этими чудными минутами высокаго, доступнаго только избраннымъ натурамъ блаженства Гоголь проводилъ счастливые часы въ обществѣ людей, бе-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 500.

[2]) Тамъ же, V, 461.

[3]) Въ 1840 и въ 1842 годахъ.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 37.

[5]) См. начало 2 тома «Записокъ о жизни Гоголя» Кулиша.

сѣда съ которыми могла бы доставить отраду и въ угрюмомъ, безжизненномъ Петербургѣ, но представляла совершенную роскошь здѣсь, подъ южнымъ небомъ и въ виду разстилавшагося на безграничное пространство моря. Особенно въ присутствіи Смирновой всѣ чувствовали себя какъ-то вольнѣе и свободнѣе. Живая, въ высокой степени общительная, она умѣла вносить атмосферу непринужденнаго радушія и задушевной простоты тамъ, гдѣ ихъ неумолимо тѣснилъ сковывающій чувство этикетъ; она умѣла заставить звучать такія струны, которыя безъ ея вмѣшательства остались бы нѣмы и безжизненны. Поэтому ежедневное появленіе такой посредницы въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ должно было крѣпко сплотить его. Понятно, что для человѣка съ натурой и вкусами Гоголя встрѣтить „въ прекрасномъ далекѣ“ нѣсколько понимающихъ его и сочувствующихъ ему друзей, способныхъ замѣнить единственное недостававшее ему благо непосредственнаго общенія съ родиной, была драгоцѣнная находка. Чтò касается Віельгорскихъ, то такъ какъ теперь Гоголь сошелся ближе съ женскимъ персоналомъ этой семьи, дольше остававшимся въ Ниццѣ и болѣе отзывчивымъ на радости наслажденія изящнымъ, было бы интересно прослѣдить, какъ постепенно созрѣвало зерно ихъ взаимнаго сближенія. Не имѣя достаточно данныхъ для обстоятельнаго разъясненія вопроса, воспользуемся нѣкоторыми сообщеніями О. Н. Смирновой и отрывочными мѣстами изъ переписки съ Гоголемъ Віельгорскихъ.

Впечатлѣніе, произведенное Гоголемъ на послѣднихъ во время ихъ совмѣстной жизни за границей, отчасти характеризуется слѣдующими словами С. М. Соллогубъ: „я узнала во всѣхъ вашихъ письмахъ (въ „Перепискѣ съ друзьями“) знакомаго милаго друга, нѣсколько дикаго въ Баденѣ, веселаго и любезнѣйшаго въ Ниццѣ, добраго, необходимаго, но немного грустнаго посѣтителя въ Остенде“ [1]). Нѣсколько живѣе рисуетъ Гоголя, какъ обычнаго собесѣдника за-границей, А. М. Віельгорская: „Мнѣ показалось, что я съ вами гдѣ-нибудь сижу, какъ случалось, въ Остенде или въ Ниццѣ, и что вамъ говорю все, чтò въ голову приходитъ, и что вамъ разсказываю всякую всячину. Вы меня тогда слушали,

1) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 117.

тихонько улыбаясь и закручивая усы... Какъ я васъ вижу, Николай Васильевичъ, точно какъ будто бы вы передо мною стояли"[1]).

Съ Александрой Осиповной Гоголь часто шутилъ и разговаривалъ отъ души. Приведемъ здѣсь нѣсколько разсказовъ ея дочери, относящихся, правда, къ нѣсколько позднѣйшему времени, но важныхъ для характеристики его отношеній къ самой Смирновой и ея семьѣ. Разсказы эти живо переносятъ насъ въ самую среду дѣйствующихъ лицъ.

Однажды Гоголь читалъ Александрѣ Осиповнѣ „Одиссею", которую прислалъ ей Жуковскій. Несмотря на обычное мастерство, онъ былъ не въ ударѣ и читалъ нехорошо. Александра Осиповна перебила его нетерпѣливымъ восклицаніемъ: „вы прескверно читаете; перестаньте!" — „Хуже Пушкина?" — спросилъ Николай Васильевичъ. — „Гораздо хуже: онъ читалъ дурно, а вы скверно читаете!" — „Не вы однѣ, Александра Осиповна, брезгаете моимъ чтеніемъ" — отвѣтилъ Гоголь: „видно, я не гожусь на роль драматическаго актера, а Бобчинскаго я бы сыгралъ отлично, и увѣренъ, что Щепкинъ не выгналъ бы меня изъ труппы, если бы у него была своя труппа и свой театръ! Я именно комикъ, и вся моя фигура карикатурна. „Энеиду" Котляревскаго я читаю хорошо". — Тутъ онъ бросилъ „Одиссею" и прочиталъ изъ „Энеиды"... Онъ читалъ еще „Тараса Бульбу" и „Миргородъ" превосходно. Но особенно Александра Осиповна любила „Носъ" и онъ часто читалъ ей эту повѣсть, а дѣти Смирновой разучили „Утро дѣлового человѣка" и играли эти сцены при немъ. Онъ ихъ училъ и, въ качествѣ суфлера, стоялъ за ширмами съ книгой. Гоголь заставлялъ даже дѣтей разыгрывать разныя пьесы изъ Мольера, напр. „Le bourgeois gentilhomme", находя это прекраснымъ средствомъ для развитія ихъ памяти.

„Матери моей", — сообщала намъ покойная О. Н. Смирнова, „онъ высказывалъ все, что у него было на умѣ, на душѣ и на сердцѣ, и не разъ повторялъ ей, что говоритъ съ ней какъ съ другомъ, съ мужчиной умомъ, но съ сердцемъ и душой женской, что она его понимаетъ безъ разговоровъ. Помню, что уже въ 1851 году онъ говорилъ ей это

---

[1]) Тамъ же, стр. 104.

при мнѣ въ деревнѣ и грустилъ, что Жуковскій, съ которымъ онъ также отводилъ душу, ослѣпъ и что ему писать нельзя. Я была очень молода еще; меня сильно удивляло, что нельзя со всѣми высказываться, и я спросила Гоголя: „отчего это?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Поживете на свѣтѣ, узнаете сами; но помните, что Жуковскій и ваша мать меня знаютъ лучше другихъ, даже самыхъ близкихъ друзей: у нихъ чутье на это; подростете и, можетъ быть, и вы меня хорошо узнаете, а теперь пойдемте заниматься ботаникой“ [1]).

XLI.

Но все разсказанное представляетъ дѣло только съ одной стороны. При всемъ обаяніи граціозно-женственной воспріимчивости ко всему изящному Смирновой и молодыхъ дочерей графини Віельгорской, при всѣхъ радостяхъ согласной жизни цѣлаго кружка, было бы несправедливо назвать вполнѣ счастливымъ ни одного изъ его членовъ. Напротивъ, у каждаго было болѣе или менѣе тяжелое горе. Въ такой обстановкѣ Гоголю съ еще болѣе неумолимой очевидностью выяснялось, что его силы падали и талантъ угасалъ. Разумѣется, онъ не имѣлъ духа признаться себѣ въ этомъ, но переписка его сохранила явные слѣды борьбы въ немъ широкихъ надеждъ съ тайнымъ страхомъ за будущее.

Укажемъ, напр., на то, что, увѣряя Жуковскаго, что „трудъ и терпѣніе, даже приневоливаніе себя награждаютъ много“ и что „такія открываются тайны, которыхъ не слышала дотолѣ душа“, что ему, наконецъ, „многое въ мірѣ становится ясно“ [2]), въ письмахъ тѣхъ же самыхъ чиселъ къ Языкову Гоголь не могъ удержаться отъ тоскливо звучащихъ жалобъ на свои недуги, на неспокойство духа и на то, что хотя „погода прекрасная, всегдашнее солнце, но не работается такъ, какъ бы хотѣлъ“ [3]). Научившись открывать „душевныя тайны“ и теряя способность творчества, Гоголь чувствовалъ вдвойнѣ необходимость искать утѣшенія въ религіи. Теперь онъ читалъ уже Александрѣ Осиповнѣ не „Иліаду“, какъ

---

[1]) Гоголь училъ Ольгу Николаевну Смирнову ботаникѣ.

[2]) Соч. и письма Гоголя, VI, стр. 38.

[3]) «Русская Старина», 1875, IX, стр. 122.

въ Баденѣ, а чаще заставлялъ ее заучивать псалмы и давалъ ей выписки изъ сочиненій святыхъ отцовъ.

Но если неудовлетворенность жизнью и обстоятельствами была другимъ могущественнымъ звеномъ (кромѣ указаннаго прежде), скрѣпившимъ тѣсно отношенія занимающаго насъ кружка, то при этомъ общемъ сходствѣ индивидуальность и личныя условія каждаго его члена вносили, несомнѣнно, извѣстное разнообразіе. Мы знаемъ уже, что Смирнова въ минуты хандры, навѣщавшей ее даже въ Ниццѣ [1]), страдала отъ сознанія утраты молодости и свѣжихъ душевныхъ силъ, отъ собственныхъ увлеченій и неумѣнія себя сдерживать, наконецъ отъ недовольства жизнью. Она внутри себя носила корень жестокой душевной отравы, отъ которой искала и не находила избавленія. Въ Гоголѣ ей необходимъ былъ повѣренный ея нравственныхъ мукъ, какъ нуженъ бываетъ духовникъ человѣку, въ трудную минуту жизни обратившемуся къ утѣшеніямъ религіи. Не имѣя, по своей пылкости и страстности, силъ для внутренней борьбы, она искала помощи извнѣ. Гоголь при этомъ былъ для нея тѣмъ же, что Равиньянъ, Павскій и Наумовъ, ея православные и католическіе успокоители, но только не случайный и временный собесѣдникъ, какъ всѣ названныя лица, а человѣкъ, связанный съ нею глубокими, неразрывными узами дружбы. Иногда же онъ просто освѣжалъ ее и оживлялъ остроумной бесѣдой, что̀ такъ тонко подмѣтила маленькая дѣвочка, дочь Смирновой, Надежда Николаевна: „Maman est malade, parce qu'elle n'a personne pour causer avec elle, je sais, qu' à Nice elle avait toujours Gogol pour la distraire, quand elle était nerveuse“.

Другого рода были душевные недуги Віельгорскихъ, происходившіе больше отъ внѣшнихъ, реальныхъ причинъ. Для самой графини Луизы Карловны была тяжела разлука съ любимымъ мужемъ и братомъ его, оставшимся въ Петербургѣ. Она страстно любила мужа и любовалась имъ еще въ дѣтствѣ. С. М. Соллогубъ въ рукописныхъ запискахъ разсказываетъ, какое впечатлѣніе онъ производилъ на нее еще мальчикомъ: „Mon père était un enfant d'une grande beauté. Ayant herité de son père du titre du grand chevalier de Malte dont il

---

[1]) Александра Осиповна нерѣдко предавалась жестокой хандрѣ.

portait l'uniforme et la croix maçonnique, mon père passait un jour au dessous d'un balcon, sur lequel se tenait une petite fille de cinq ans. — „Pray look, what a fine boy he is", dit-elle à sa bonne. „I wish him to be my hysband". „Cette petite était Louise, princesse de Byron, qui plus tard en effet devint ma mère".

Впрочемъ указанное обстоятельство, а также горечь вѣчно скитальческой жизни при любви Луизы Карловны къ спокойной домашней обстановкѣ и тяжелое чувство сиротства, долго не покидавшее ее послѣ смерти Іосифа Михайловича, какъ недуги хроническіе, были ничтожны въ сравненіи съ острой болью, которую возбуждали въ ея сердцѣ частыя разлуки съ Софьей Михайловной, первой дочерью ея, вышедшей замужъ и отдѣлившейся отъ остальной семьи. Послѣдняя погрузилась всей душой въ семейную жизнь, наклонность къ которой унаслѣдовала отъ матери. Не говоря уже о глубокой привязанности къ мужу, она пользовалась, въ свою очередь, взаимностью и съ его стороны. Достаточно было Соллогубу находиться нѣкоторое время въ разлукѣ съ женой, какъ онъ начиналъ тосковать и грустить, а увидѣвшись съ нею снова, оставался нѣкоторое время преимущественно въ ея обществѣ. Но при всемъ томъ между ними далеко не было того согласія во вкусахъ, которое столь необходимо для счастливой супружеской жизни. Насколько Софья Михайловна была привязана къ домашнему очагу и склонна была находить счастье въ кругу немногихъ близкихъ людей, лишь по необходимости поддерживая свои свѣтскія отношенія, настолько мужъ ея, человѣкъ живой, блестящій, разносторонній, всей душой былъ преданъ свѣтскому круговороту. Замкнуться въ семьѣ было выше его силъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ" Соллогубъ откровенно и правдиво характеризуетъ свои отношенія къ первой женѣ. „Съ женитьбой", — разсказываетъ онъ, — „образъ жизни мой измѣнился; я, каюсь, *не родился домосѣдомъ и часто злоупотреблялъ слабостью, свойственной всѣмъ пишущимъ людямъ, шататься всюду и вездѣ*". Вотъ это излишнее пристрастіе къ свѣту, хотя въ сущности невинное, приводило въ сильнѣйшее негодованіе строгую, даже щепетильную Луизу Карловну. Послѣдняя представлялась Соллогубу женщиной излишне притязательной. Съ другой стороны, любя жену,

Соллогубъ былъ все-таки не совсѣмъ доволенъ тѣмъ, что она „хотя сызмала жила въ свѣтѣ, но не любила его; все ея время поглощала беззавѣтная любовь къ дѣтямъ“ [1]). Соллогубу казалось страннымъ и непонятнымъ, что жена его, „которая любила и цѣнила искусство и сама была одарена рѣдкими музыкальными способностями и прекрасно также рисовала“, нисколько не заботилась о свѣтѣ (что̀ происходило отчасти и отъ излишней скромности и недовѣрія къ своимъ силамъ) и жила исключительно семьей и въ семьѣ.

Кромѣ того, у Соллогуба при огромномъ талантѣ рѣшительно не было никакой выдержки въ трудѣ. Живя съ нимъ въ Ниццѣ, Гоголь не разъ имѣлъ случай ясно убѣдиться въ томъ, что русская литература не получитъ отъ него и малой доли того, чего была бы въ правѣ ожидать. „Соллогубъ, кажется, больше охотникъ ѣздить по вечеринкамъ, нежели писать“, жаловался онъ Языкову [2]). Вѣрно оцѣнилъ его Гоголь и въ слѣдующихъ строкахъ письма къ Плетневу: „Никто не щеголяетъ такимъ правильнымъ, ловкимъ и свѣтскимъ языкомъ; слогъ Соллогуба точенъ и правиленъ во всѣхъ выраженіяхъ и оборотахъ. Остроты, наблюдательности, познанія всего того, чѣмъ занято наше высшее модное общество, у него много. Одинъ только недостатокъ: не набралась еще собственная душа автора содержанія болѣе строгаго, и не доведенъ еще онъ своими внутренними событіями къ тому, чтобы строже и отчетливѣе вообще взглянуть на жизнь“ [3]). Слова эти, сказанныя съ точки зрѣнія аскетическаго міросозерцанія Гоголя, тѣмъ не менѣе справедливы вообще. Самъ Соллогубъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ признается, что всегда смотрѣлъ на себя не какъ на писателя по профессіи, а какъ на случайно прикомандированнаго къ русской литературѣ. Не разъ разсказываетъ онъ о томъ, какъ Гоголь нерѣдко ему говаривалъ: „Пишите, поставьте себѣ за правило хоть два часа въ день сидѣть за письменнымъ столомъ и принуждайте себя писать“ [4]).

Но всего этого мало: слабая отъ рожденія, Софья Ми-

---

[1]) «Воспоминанія В. А. Соллогуба», стр. 212.

[2]) «Русская Старина», 1875, IX, 122.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 299 и соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 230

[4]) Воспоминанія графа В. А. Соллогуба, стр. 213 и 189.

хайловна постоянно болѣла, и въ занимающую насъ пору врачи совѣтовали ей ѣхать лѣчиться въ Италію.

Гоголь зналъ о горѣ Віельгорскихъ и сначала ни за что не хотѣлъ поселиться у нихъ въ домѣ Paradis, но жилъ въ rue de France на квартирѣ возлѣ виллы Смирновой (villa Lilles, нынѣ villa Lyano), а домъ Paradis находился за la Bacca въ villa Cesole.

Иногда графиня, повѣряя Гоголю свои огорченія, ставила его въ затруднительное положеніе: до такой степени внезапная ея откровенность съ нимъ противорѣчила ея обычной холодности обращенія со всѣми. Случалось, что Гоголь, какъ ни любилъ и уважалъ графиню, утомленный ея жалобами на нездоровье дочери и на разныя жизненныя невзгоды, уходилъ освѣжиться куда-нибудь подальше въ горы. Во всякомъ случаѣ эти невзгоды слишкомъ удручающимъ образомъ отзывались въ душѣ гордой графини, если эта сильная характеромъ женщина впадала въ тонъ жалобы на судьбу. Намъ было важно указать все это потому, что иначе, встрѣчая въ письмахъ Гоголя къ Віельгорскимъ почти на каждомъ шагу совѣты не предаваться унынію, безъ знакомства съ реальными фактами, порождавшими это настроеніе, мы могли бы видѣть во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ единственно безсодержательную и дешевую проповѣдь привычнаго моралиста, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было.

Постепенно увлекаясь ролью утѣшителя-друга, Гоголь, по своему обыкновенію, усмотрѣлъ въ любезномъ приглашеніи его Віельгорскими поселиться въ ихъ домѣ непосредственное дѣйствіе воли Божіей. Послѣ переѣзда къ нимъ онъ незамѣтно перешелъ отъ церемонной уклончивости къ откровенной и притязательной роли диктатора совѣсти. Прошло еще нѣсколько времени, и онъ уже съ убѣжденіемъ утверждалъ, что его, который „въ сущности своей есть совершенная дрянь, Провидѣніе не безъ цѣли помѣстило въ домѣ Paradis, чтобы“, говорилъ онъ, „правила (противъ унынія) перешли изъ моихъ рукъ въ ваши“ [1]). Свою задачу Гоголь понялъ какъ призваніе научить Віельгорскихъ отыскивать внутри себя „душевные отвѣты“, въ извлеченіи которыхъ изъ собственной души онъ усердно тогда упражнялся.

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1889, X, стр. 478.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Гоголь и Смирнова разстались съ Віельгорскими въ мартѣ 1844 года.

XLII.

Дольше всѣхъ оставалась въ Ниццѣ Луиза Карловна Віельгорская. Домашніе ея давно уже разсѣялись въ разныя стороны, когда она рѣшилась наконецъ подняться съ мѣста. Прежде всѣхъ уѣхалъ въ Берлинъ къ своей должности сынъ ея, Михаилъ Михайловичъ. Потомъ вслѣдъ за Смирновой, отправившейся говѣть въ Парижъ, Ниццу оставили Соллогубы: Владиміръ Александровичъ поѣхалъ въ Римъ[1]), откуда потомъ возвратился въ Петербургъ, а Софью Михайловну мы видимъ въ Венеціи и Миланѣ, пока, по совѣту доктора Гугерта, не было рѣшено ей провести шесть недѣль на водахъ въ Баденъ-Баденѣ, послѣ чего она должна была предпринять морское купанье. Вскорѣ теща ея, Софья Ивановна Архарова[2]), и сестра Анна Михайловна поѣхали зачѣмъ-то ненадолго въ Вѣну[3]), откуда послѣдняя прибыла также въ Баденъ.

Причиной отъѣзда Гоголя изъ Ниццы былъ наступившій великій постъ и необходимость позаботиться о говѣньѣ. Ради этой же цѣли Смирнова выбрала Парижъ, имѣя тамъ много знакомыхъ (въ томъ числѣ русскаго полномочнаго посла Киселева и А. И. Тургенева), а Гоголь направился въ Дармштадтъ, чтобы быть ближе къ Жуковскому[4]), жившему, какъ извѣстно, во Франкфуртѣ. Віельгорскіе же собирались вскорѣ оставить Ниццу для Бадена, гдѣ должна была продолжать лѣченіе С. М. Соллогубъ, ожидаемая обратно изъ Италіи. Гоголь выѣхалъ изъ Ниццы нѣсколькими днями послѣ Смирновой, именно 7-го (19) марта 1844 г. Наканунѣ былъ день рожденія Смирновой, и всѣ провели его спокойно и весело, вспоминая объ отсутствующей. На прощанье Гоголь прочелъ Віельгорскимъ кое-что изъ книгъ духовнаго содержанія и

---

[1]) Всѣ эти лица, кромѣ М. М. Віельгорскаго, уѣхали изъ Ниццы вскорѣ послѣ Гоголя.

[2]) По словамъ О. Н. Смирновой, „умная старуха, но свѣтская и съ довольно злымъ языкомъ“ („Русск. Стар.“, 1888, VII, 52).

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 64, гдѣ онѣ обозначены буквами GZ и FZ; см. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, 1 изд., стр. 4 и 7; 2 изд., стр. 7.

[4]) Сначала, какъ увидимъ, онъ намѣревался ѣхать въ Штутгардтъ.

взялъ съ нихъ обѣщаніе какъ можно чаще перечитывать извѣстныя правила противъ унынія. Между тѣмъ, какъ видно изъ писемъ, это отрадное общее настроеніе было скорѣе исключительнымъ, нежели обычнымъ явленіемъ, и, уѣзжая, Гоголь былъ далеко не увѣренъ, что оно продержится долго. Еще не доѣхавъ до Франкфурта, Гоголь былъ случайно задержанъ въ дорогѣ поврежденіемъ парохода. При его мистическомъ настроеніи у него тотчасъ же родилась мысль, что происшествіе это случилось не даромъ, что оно послано Богомъ для своевременнаго напоминанія о наставленіяхъ, сдѣланныхъ имъ при прощаньѣ Віельгорскимъ и Смирновой. Не останавливаясь соображеніемъ, что случайность касалась не одного его, но и всѣхъ его спутниковъ-пассажировъ, или, можетъ быть, предполагая возможность цѣлой чудесной цѣпи мудро совпавшихъ указаній высшей воли, Гоголь поспѣшилъ воспользоваться неожиданно представившимся обстоятельствомъ, чтобы продолжать заочно руководить духовно-нравственнымъ чтеніемъ своихъ друзей.

Съ первыхъ же писемъ сказывается замѣтная разница въ отношеніяхъ Гоголя къ Віельгорскимъ (причисляя къ послѣднимъ и Софью Михайловну Соллогубъ) и къ Смирновой:[1]) въ перепискѣ съ Віельгорскими онъ несравненно больше остается на почвѣ опредѣленныхъ фактовъ жизни, нежели

---

[1]) Письма Гоголя къ Смирновой начиваются съ того времени, какъ Гоголь выѣхалъ изъ Ниццы въ Штутгардтъ (19 марта 1844 г. Въ письмѣ къ А. А. Иванову отъ 18 числа Гоголь говоритъ: «Завтра ѣду изъ Ниццы», а 20 числа онъ писалъ уже Смирновой изъ Aix). Смирнова одновременно съ нимъ выѣхала изъ Ниццы въ Парижъ. На другой же день послѣ разлуки Гоголь писалъ ей: «Вашу милую записочку изъ Фрежюса» (въ изданіи сочиненій Гоголя г. Кулиша т. VI, стр. 56 въ данномъ мѣстѣ находимъ опечатку: Фретсоса; слѣдуетъ читать: Фрежюса. Фрежюсъ, въ древности Forum Julii, городъ въ Провансѣ, въ сѣверо восточной части Ліонскаго залива), «получилъ и благодарю васъ за то, что напомнили о днѣ вашего рожденія. Вы, вѣрно, въ этотъ день хорошо помолились, потому что и мы всѣ провели довольно весело, хотя это и было накачунѣ моего отъѣзда». (Подъ словами *мы всѣ*, разумѣются, конечно, Луиза Карловна и Анна Михайловна Віельгорскія и Софья Михайловна и Владиміръ Александровичъ Соллогубы). «Обѣ дочери дали слово быть веселы и тверды, и перечитывать почаще то, что я имъ оставилъ». Итакъ Гоголь имѣлъ уже для нихъ значеніе какъ бы нравственнаго руководителя. «Въ Ниццѣ передъ моимъ выѣздомъ все было попрежнему. Рѣшительнаго еще ничего, кромѣ того, что Соллогубъ ѣдетъ въ Римъ. Матушка“ (т.-е. Софья Ивановна Архарова) «даетъ ему денегъ на проѣздъ» и проч. (Соч. и письма Гоголя т. VI, стр. 57).

общихъ отвлеченныхъ разсужденій. Здѣсь мы не встрѣчаемъ вовсе той своеобразной таинственности, которая даетъ нѣсколько оригинальную окраску его письмамъ къ Смирновой, гдѣ корреспонденты на каждомъ шагу говорятъ многозначительными загадками: то Смирнова сообщаетъ Гоголю о какомъ-то письмѣ, но отказывается назвать отъ кого оно, и даже торжественно прибавляетъ: „вамъ не нужно это знать“, но въ то же время проситъ запомнить ея мысль, которую обѣщаетъ открыть, когда она сбудется; то Гоголь съ своей стороны предупреждаетъ ее объ упрекѣ, который дѣлаетъ только нѣсколько писемъ спустя[1]). Ничего подобнаго нѣтъ въ его перепискѣ съ Віельгорскими, гдѣ вещи тотчасъ же называются своими именами. Не замѣтно въ нихъ и характера обоюдной исповѣди и обязательнаго отчета о своихъ помыслахъ и дѣйствіяхъ, подобно тому, какъ Смирновой было вмѣнено въ обязанность писать Гоголю каждое воскресенье послѣ обѣдни и подробно передавать о своемъ настроеніи. Віельгорскимъ Гоголь также совѣтуетъ остерегаться унынія и постоянно интересуется ихъ душевнымъ состояніемъ, а въ названіяхъ: братъ и сестра[2]), которыми взаимно именовали себя авторъ „Мертвыхъ Душъ“ и молодое поколѣніе Віельгорскихъ, заключаются намеки на высшее духовное родство. Но интимность Гоголя съ Смирновой была нѣсколькими ступенями глубже. Смирнова въ своихъ письмахъ то-и-дѣло приноситъ покаяніе въ грѣхахъ и увлеченіяхъ какъ земного, такъ и религіознаго характера (напр. въ увлеченіи проповѣдями Равиньяна). Гоголь предостерегалъ ее отъ тѣхъ и другихъ; но безуспѣшно: презирая свѣтъ и общество, она тѣмъ не менѣе не могла преодолѣть влеченія къ нимъ... Просьбой дать ей совѣтъ не выходить изъ однообразнаго расположенія души она подаетъ поводъ къ суро-

---

[1]) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 70, 78, 80 и 104. Здѣсь Гоголь упрекалъ Смирнову за то, что она показала письмо его А. И. Тургеневу. Впослѣдствіи, однако, А. О. Смирнова также передала Плетневу его рѣзкій отзывъ о Соллогубѣ (ср. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 97, «Русскую Старину», 1888, VII, стр. 56 и «Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. II, стр. 321).

[2]) Отмѣтимъ здѣсь слѣдующую любопытную подробность въ перепискѣ Гоголя съ Софьей и Анной Михайловнами: онѣ, какъ и Луиза Карловна, совершали подвигъ, когда писали Гоголю письма: ему онѣ должны были писать по-русски, тогда какъ въ другихъ случаяхъ онѣ привыкли объясняться на разныхъ другихъ европейскихъ языкахъ, но только не на русскомъ.

вому обличенію со стороны Гоголя, высказавшаго ей тутъ много горькой правды, но это нисколько не мѣшаетъ ей настойчиво противопоставлять себя людямъ, живущимъ внѣшней, грѣховною жизнью, и смотрѣть на послѣднюю съ точки зрѣнія посторонней, отрѣшившейся отъ нея наблюдательницы: „Вчера познакомилась съ Guizot и другими счастливцами сего міра, кажется, единственно занятыми настоящимъ“ [1]), сказала однажды Смирнова въ письмѣ къ Гоголю.

Отношенія Гоголя къ Смирновой и Віельгорскимъ до такой степени тѣсно связаны между собой и перепутаны общими нитями, что нѣтъ возможности, по крайней мѣрѣ вначалѣ, разсматривать ихъ отдѣльно. Если имя Смирновой сравнительно рѣдко упоминается въ письмахъ къ Віельгорскимъ, зато Гоголь особенно охотно бесѣдовалъ съ ней о послѣднихъ, причемъ въ каждомъ словѣ слышится живое и близкое участіе. Въ срединѣ 1844 г. Смирнова постепенно какъ бы исчезаетъ съ горизонта, оставивъ своихъ друзей за границей и надолго переселившись въ самую глубину Россіи. Съ этихъ поръ въ разъѣздной жизни Гоголя особенное значеніе получаютъ, на нѣкоторое время, маршруты Віельгорскихъ, и онъ старается дѣлить время между ними и Жуковскимъ.

Обратимся къ подробностямъ.

XLIII.

Весною 1844 г. Гоголю хотѣлось еще разъ видѣться съ Смирновой и обо многомъ съ ней переговорить. Но судьба упорно мѣшала этому свиданію, въ которомъ Гоголь чувствовалъ настоятельную потребность. Сначала мѣстомъ встрѣчи назначался Франкфуртъ, имѣвшій то преимущество, что въ немъ пріятели могли бы видѣть также Жуковскаго [2]), а пока, въ ожиданіи этого счастливаго времени, они дѣятельно обмѣнивались письмами. Въ этотъ промежутокъ Смирнова получила отъ мужа письмо съ извѣстіемъ объ отчаяніи, которому предавался въ Петербургѣ ея другъ Перовскій, озабоченный дурными наклонностями, обнаруживавшимися въ его побочномъ

---

[1]) «Русск. Стар.», 1888, VI, 601.

[2]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 58, 64, 71 и «Русск. Стар.» 1888, VI, 601.

сынѣ Алешѣ[1]). Къ тому же Алеша былъ тяжело боленъ, и отецъ боялся его потерять[2]). Не зная, какъ успокоить Перовскаго, Смирнова просила Гоголя написать ему и обратить его къ утѣшеніямъ религіи[3]). На письмо послѣдняго былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ отъ Перовскаго.

В. А. Перовскій — Гоголю. 18 іюля 1844 г.

„Я своевременно получилъ ваше доброе письмо и съ тѣхъ поръ не отвѣчалъ на него; не стану оправдываться, а сознаюсь виноватымъ и прошу прощенія. Впрочемъ не такъ легко было отвѣчать: вы вызываете меня на исповѣдь. Я не отказался бы отъ нея изустно — такъ я увѣренъ въ вашихъ чувствахъ, и особенно въ тѣхъ, кои побудили васъ обратиться ко мнѣ съ запросомъ; но исповѣдь заочная, письменная, не только затруднительна, но и невозможна[4]). Скажу вамъ, однакоже, въ двухъ словахъ, что передъ тѣмъ, какъ я получилъ ваше письмо, и, вѣроятно, тогда именно, какъ вы обо мнѣ думали и собирались ко мнѣ писать, въ моей душѣ и мысляхъ послѣдовало внезапное измѣненіе, заставившее меня сначала осмотрѣться, а потомъ съ совершенно новой точки глядѣть на все мое прошедшее и будущее. При этомъ я думаю о васъ, — о томъ, какъ бы бесѣда съ вами была для меня полезна, и жалѣю, что не могу съ вами сблизиться. Вы говорите мнѣ о необходимости заняться Алешей относительно душевнаго образованія: я совершенно въ этомъ согласенъ съ вами и еще съ прошлой осени пріискалъ священника, кото-

---

[1]) См. «Русск. Стар.», 1888, VI, 604, откуда видно, что Перовскій былъ близокъ тогда къ самоубійству.

[2]) Александра Осиповна уже давно относилась съ большимъ участіемъ къ горю Перовскаго и даже хотѣла взять Алешу на время къ себѣ; 22 августа А. О. Россетъ въ своемъ отвѣтѣ не совѣтовалъ ей этого: «Перовскій»,—говорилъ онъ, «вѣроятно, очень радъ будетъ, если ты возьмешь на свое попеченіе Алешу; но подумай, станетъ ли у тебя терпѣнія съ нимъ сладить; при твоемъ здоровьѣ также надо укрощать безпрерывныя ежедневныя столкновенія, которыя могутъ тебя тревожить и вредить здоровью; притомъ же въ Ниццѣ, кажется, Толстая, и какъ-то странно будетъ, что племянникъ будетъ жить въ чужомъ домѣ, а не у тетки» («Русск. Арх.», 1896, II, стр. 296—297). Это письмо было отъ 10 (22) августа 1843 г. Еще раньше 2 (14) января 1843 г. Россетъ же писалъ сестрѣ: «Алеша все кашляетъ; Перовскій не знаетъ, что̀ дѣлать; мы уговариваемъ его рѣшиться на гомеопатію» (тамъ же. стр. 296).

[3]) Тамъ же; см. также письмо Гоголя къ Перовскому (Соч. и письма Гоголя, т. VI, 153—155).

[4]) Ср. «Записки о жизни Гоголя», т. II, стр. 22.

рымъ доволенъ; съ помощью его могу надѣяться на хорошія послѣдствія. Нравственные недостатки Алеши было бы несправедливо ставить ему въ вину: отсутствія матери ничѣмъ замѣнить нельзя, а въ себѣ я такъ мало нахожу необходимѣйшихъ качествъ нужныхъ воспитателю, что, признаюсь, отчаиваюсь, когда думаю о будущемъ. Опасаюсь, что въ Алешиномъ сердцѣ навсегда останутся сухость и эгоизмъ, замѣтные теперь, которые могли бы быть удалены только женскимъ вліяніемъ[1]).

Не знаю, застанутъ ли еще васъ эти строки во Франкфуртѣ. Если онѣ до васъ дойдутъ, то напишите мнѣ два слова, нужныя для успокоенія моей совѣсти.

Съ вами ли Жуковскій? Давно не имѣю ни отъ него, ни о немъ извѣстія[2]). Наше петербургское лѣто печально до крайности: безнадежная болѣзнь прекрасной, прелюбезной великой княгини Александры Николаевны наводитъ общую грусть; вотъ уже три недѣли, какъ съ каждымъ днемъ ожидаютъ ея кончины; а въ физическомъ отношеніи съ перваго мая у насъ не было ни одного свѣтлаго дня. На мою долю досталось еще и другое, частное горе, о которомъ узнаете послѣ и которое отчасти оправдаетъ, можетъ быть безъ того неизвинительное передъ вами, мое молчаніе.

Прощайте! Искренно васъ любящій В. Перовскій“[3]).

Такимъ образомъ обращеніе Гоголя къ Перовскому оказалось не очень успѣшнымъ, а вскорѣ Гоголь получилъ отъ Аксакова уже недвусмысленный и весьма порядочный афронтъ. Онъ нисколько не подозрѣвалъ неумѣстности своихъ навязчивыхъ совѣтовъ о чтеніи Ѳомы Кемпейскаго тотчасъ послѣ кофе и т. п. и весьма естественно долженъ былъ натолкнуться на такой отпоръ, какой мы видимъ въ словахъ Аксакова: „Терпѣть не могу нравственныхъ рецептовъ, ничего похожаго на вѣру въ талисманы“[4]). Аксаковъ честно и смѣло

---

[1]) Печальная судьба Алеши, какъ мы слышали, была съ большими измѣненіями будто бы воспроизведена въ одномъ изъ романовъ покойнаго Г. П. Данилевскаго.

[2]) Жуковскаго тогда съ Гоголемъ не было, такъ какъ онъ былъ задержанъ въ Дармштадтѣ встрѣчей съ царской фамиліей.

[3]) Впослѣдствіи А. О. Смирнова, уже возвратившись въ Петербургъ, сообщала дальнѣйшія свѣдѣнія объ Алешѣ и заботахъ о немъ отца («Русск. Стар.», 1888, VII, стр. 57).

[4]) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 128. См. о томъ же дѣльныя замѣчанія въ «Русск. Жизни», 1892, № 51. Аксакову было тѣмъ досаднѣе, что онъ вообразилъ уже,

высказалъ Гоголю свои опасенія: „Вы ходите по лезвію ножа! Дрожу, чтобы не пострадалъ художникъ!“ Но обычная мягкость и нерѣшительность Аксакова опять испортили дѣло и вторая половина письма совершенно противорѣчитъ первой и уничтожаетъ ее. Въ результатѣ получилось совершенно нежелательное впечатлѣніе. Гоголь рѣшилъ, что Аксаковъ готовъ вступить на рекомендуемую стезю, но что онъ не рѣшается, потому что его смущаетъ „чортъ“ [1]). Отвѣтъ Гоголя долженъ былъ показать, что смягчающій тонъ предыдущаго письма привелъ совсѣмъ не къ той цѣли, какая имѣлась въ виду; но Аксаковъ вмѣсто рѣшительнаго объясненія ограничился полугодовымъ молчаніемъ, которое потомъ объяснилъ такъ: „Я не отвѣчалъ на письмо, которымъ не совсѣмъ былъ доволенъ, по неудобству переписки такого рода“ [2]).

XLIV.

Возвращаясь къ перепискѣ Гоголя съ Смирновой, отмѣтимъ прежде всего, что послѣдняя дѣйствительно старалась по обѣщанію послѣ каждой обѣдни. особенно въ праздничные дни, передавать ему свои впечатлѣнія. Она отдавала подробный отчетъ въ своихъ разговорахъ и встрѣчахъ и, въ свою очередь, получала упреки, совѣты и указанія. Поступки всѣхъ своихъ знакомыхъ она оцѣнивала теперь съ точки зрѣнія религіи и благочестія и большинствомъ оставалась недовольна. Напротивъ съ увлеченіемъ недавней прозелитки она отзывалась съ восторгомъ о католическихъ и православныхъ проповѣдникахъ. Послѣдняя черта возбудила въ Гоголѣ безпокойство и онъ предостерегалъ ее: „Берегитесь даже въ божественное внести что-нибудь страстное“ [3]). Предостереженіе было очень кстати, потому что Смирнова вдругъ стала придавать огромные размѣры происходившему въ ней перевороту и всему,

---

что Гоголь посылаетъ 2 томъ «Мертвыхъ Душъ». Шевыревъ оказался проницательнѣе его «и съ первыхъ словъ разбилъ съ громкимъ смѣхомъ его кумиръ».

[1]) Мистическія представленія Гоголя о «чортѣ» и его вліяніи на людей (см. въ «Соч. и письмахъ Гоголя», т. VI, стр. 72, 495, 511; «Русск. Жизнь», 1892, № 78: см. тамъ же примѣчаніе автора послѣдней статьи. У Гоголя часто трудно провести границу аллегоріи въ его мистическихъ выраженіяхъ).

[2]) «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 133.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 63.

что̀ было съ нимъ связано. Она думала уже о разставаніи съ земнымъ, какъ показываютъ слѣдующія слова: „Въ среду и сегодня была у обѣдни, и много плакала; это слезы не тѣ, которыхъ намъ надо желать, а еще земныя, слезы разставанія съ земнымъ и свѣтскимъ; все это должно перемѣниться"[1]). Но съ другой стороны въ душу Смирновой западали и сомнѣнія; напр. писала она, „состояніе моей души еще не ясное, по минутамъ такая усталость, что, кажется, будто мысль не долетитъ до Бога"[2]), или, сравнивая себя съ Перовскимъ, она спрашивала Гоголя о своемъ душевномъ состояніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „У Перовскаго все чисто духовное, а не умственное. *Совѣсть заговорила:* это его собственныя слова. У меня больше работаетъ умъ и страхъ; иногда меня пугаетъ то, что совѣсть меня не довольно мучитъ. Отчего это?"[3]).

Приведенныя Смирновой строки изъ письма къ ней Перовскаго, въ которомъ рѣчь идетъ именно объ угрызеніяхъ совѣсти, показываютъ ясно, что Смирнова, какъ умѣла, работала надъ своимъ совершенствованіемъ и что вопросы, касающіеся нравственности, въ самомъ дѣлѣ затрогивали ее. Замѣчая дѣйствіе своихъ словъ на нее, Гоголь приглашалъ ее пріѣхать, если не во Франкфуртъ, то въ Голландію. „Намъ" — писалъ онъ — „теперь придется много, много о чемъ поговорить; можетъ быть, теперь точно я буду вамъ наконецъ полезенъ"[4]). Оказывается, что въ своихъ обширныхъ письмахъ Гоголь не могъ высказаться вполнѣ передъ своимъ другомъ. Иногда онъ говорилъ въ нихъ знаменательными загадками, которыя раскрывалъ позднѣе; такъ въ письмѣ отъ 7 апр. 1844 г. онъ говорилъ въ первыхъ же строкахъ: „Любовь Божія безгранично-безмѣрна къ людямъ"; но къ чему относится это заключеніе, было имъ скрыто пока и объяснено уже въ письмѣ отъ 20 апр., гдѣ снова повторены эти слова уже съ объясненіемъ ихъ[5]). Сказаны же они были подъ впе-

---

[1]) «Русск. Стар.», 1888, VI, 599.

[2]) Тамъ же, 601.

[3]) Стр. 606; «Записки о жизни Гоголя», II, 19.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 71.

[5]) Ср. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 62 и 70. На первыхъ изъ этихъ писемъ г. Кулиша по ошибкѣ поставлена дата вмѣсто 7—17 апр. (См. «Русск. Стар.», 1888, VI, 598, 4 примѣчаніе). Гоголь говоритъ, что писалъ это письмо

чатлѣніемъ нѣсколькихъ полученныхъ Гоголемъ пріятныхъ писемъ, въ числѣ которыхъ было письмо отъ графини Віельгорской, настроеніе которой улучшилось послѣ извѣстія о рожденіи внука[1]), и, кажется, отъ С. Т. Аксакова, котораго на основаніи второй половины письма, о коемъ мы говорили, Гоголь готовъ былъ считать близкимъ къ обращенію на путь истинный, конечно съ своей точки зрѣнія.

XLV.

Мы разсказали выше о томъ, какъ Гоголь и Смирнова въ началѣ марта 1844 г. разстались съ Віельгорскими.

Когда такимъ образомъ нашъ кружокъ распался, Гоголя стало снова тянуть къ Жуковскому. Но въ 1844 г., какъ онъ послѣ признавался послѣднему, его преслѣдовали безпрестанныя неудачи. „Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ“ — говорилъ онъ въ августѣ этого года — „ и весь послѣдній годъ все до самыхъ мелочей совершается мнѣ напротивъ и поперекъ“[2]). Эти неудачи начались съ того, что Гоголю не удалось, какъ онъ хотѣлъ, спокойно и тихо говѣть въ Штутгардтѣ, который онъ избралъ въ виду тамошняго уединенія и малолюдства. Если бы онъ не руководился этимъ соображеніемъ, ничто не мѣшало бы ему ѣхать въ Парижъ вмѣстѣ съ Смирновой или съ самаго начала въ Дармштадтъ, куда направлялся съ той же цѣлью Жуковскій. Въ перепискѣ Гоголя, сохранившейся у его родственниковъ, находимъ два относящихся сюда документа, показывающихъ, что Гоголь сталъ вполнѣ заблаговременно заботиться объ исполненіи своего намѣренія, хотя оно все-таки не исполнилось. Вотъ эти два письма:

1) „Стутгардтъ. $^{11}/_{23}$ февраля 1844 г.

„Милостивый Государь! На почтеннѣйшее письмо ваше отъ 10 февраля имѣю честь отвѣтить, что Святая Пасха будетъ у насъ 26 марта / 7 апрѣля, или проще въ одно и то же время съ западными церквами, съ католиками и протестантами. Церковь въ Стутгардтѣ уже устроена и слу-

---

въ самый день Свѣтлаго Воскресенія, которое въ 1844 г. было 26 марта (7 апрѣля); къ тому же письмо Гоголя къ матери, написанное *наканунѣ* Пасхи, помѣчено 6 апрѣля.

[1]) См. «Вѣстн. Евр.», 1889, X, 479 и Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 64.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 90.

женіе на страстной седмицѣ и въ день Пасхи будетъ совершаться въ ней, а не на Ротембергѣ.

Въ пріятной надеждѣ, что вы умножите собою небольшое число здѣшнихъ молитвенниковъ, имѣю честь быть съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностью вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга протоіерей Іоаннъ Пѣвницкій".

„2) Стутгардтъ. $^{23}/_{6}$ февраля 1844 г.

„Милостивый Государь! Извѣщенъ будучи вчера отъ нашего господина посланника, что на страстную седмицу требуютъ меня въ Дармштадтъ, долгомъ поставляю увѣдомить васъ о томъ. Отправиться туда я долженъ на шестой недѣлѣ поста, около $^{15}/_{24}$ марта.

Буду ли я имѣть честь видѣться съ вами въ сіе время, это зависитъ отъ вашихъ обстоятельствъ. Желаю, чтобы сіе письмо пришло къ вамъ не поздно и чтобъ вы могли заблаговременно перемѣнить, если то нужно, ваши распоряженія. Съ истиннымъ почтеніемъ и полною преданностью имѣю честь пребыть вашъ покорнѣйшій слуга протоіерей Іоаннъ Пѣвницкій".

Эта перемѣна слегка огорчила Гоголя, но онъ писалъ Смирновой: „попробую, нельзя ли среди шуму быть уединенну"[1]). По окончаніи говѣнія Гоголю предстояло ѣхать къ Жуковскому во Франкфуртъ, какъ между ними было условлено еще осенью[2]); но въ Дармштадтѣ Жуковскаго задержалъ пріѣздъ наслѣдника[3]), а потомъ онъ долженъ былъ

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 57.

[2]) Соч. и письма Жук., изд. VII, т. VI, стр. 504.

[3]) Между тѣмъ денежныя дѣла Гоголя по обыкновенію были весьма плохи, что было причиной все новыхъ хлопотъ Жуковскаго, ходатайствовавшаго за него передъ наслѣдникомъ. Жуковскій писалъ Гоголю отъ 25 мая 1844 г.: «Я былъ долженъ великому князю наслѣднику четыре тысячи рублей. При отъѣздѣ его изъ Дармштадта я сдѣлалъ предложеніе, не благоугодно ли будетъ вашему высочеству, чтобъ я заплатилъ деньги эти не вамъ, а извѣстному вамъ русскому весьма затѣйливому писателю, господину Гоголю; такъ, чтобы я ему сіи деньги платилъ въ годъ по 1000 рублей, начавъ съ будущаго января» (Соч. Жуковскаго, изд. 7, т. VI, стр. 610). Замѣтимъ теперь отвѣтъ Гоголя: «за письмо ваше очень, благодарю, но вы не сдержали условія. *Помните, я васъ просилъ, чтобы наслѣднику*» (это слово пропущено въ изданіи Кулиша) «*не заикаться на счетъ меня въ денежномъ отношеніи*»... (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 82). Но деньги эти подъ гнетомъ нужды были приняты Гоголемъ, да и удобно ли было отказаться? — Конечно, есть еще мѣста писемъ, говорящія какъ будто противъ Гоголя (См. «Русск.

ѣхать въ Берлинъ для встрѣчи императрицы [1]). Такимъ образомъ Гоголь оставался снова одинокимъ и въ неустроенномъ положеніи. Письмо его, адресованное къ А. П. Толстому въ Парижъ и посланное со Смирновой, было сожжено, потому что Толстой находился въ то время въ Вѣнѣ [2]).

Какъ видно изъ письма къ Данилевскому, написаннаго весной въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 3 марта, Гоголь составилъ было планъ продолжительной остановки во Франкфуртѣ. „Во Франкфуртѣ“ — писалъ онъ — „*я проживу, можетъ быть, все лѣто и осень,* вмѣстѣ съ Жуковскимъ въ его загородномъ домикѣ“ [3]). Такой проектъ представлялся Гоголю, вѣроятно, еще во время непродолжительной встрѣчи его съ Жуковскимъ въ Дармштадтѣ, откуда онъ, послѣ совмѣстнаго съ нимъ говѣнія, писалъ Смирновой, что „Жуковскій раньше первыхъ чиселъ мая не утверждается во Франкфуртѣ“ [4]); но оставаться тамъ съ Жуковскимъ, дожидавшимся *въ одиночествѣ* пріѣзда наслѣдника (конечно, въ гостинницѣ), не представляло для Гоголя особенныхъ удобствъ.

Получивъ, во время говѣнія въ Дармштадтѣ, письмо отъ Луизы Карловны съ извѣстіемъ о рожденіи ея внука [5]), Гоголь

Арх.», 1870, 4—5, стр, 0933—0936), но все-таки надо имѣть въ виду стѣсненное положеніе его въ 1844 г., къ которому они относятся, а равно и то, что монаршая милость имѣла въ глазахъ Гоголя, очевидно, совершенно особое значеніе отъ какой-либо иной помощи Тогда же плачевное матеріальное положеніе уже заставляло его жаловаться Плетневу на свои дѣла (Соч. и письма Гоголя, т. VI, 28—30), въ письмѣ, о которомъ Плетневъ сообщалъ Гроту: «Я получилъ письмо отъ Гоголя изъ Дюссельдорфа. Жалуется на безденежье, и изъясняетъ внутреннюю борьбу художника съ требованіями жизни». («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 128).

[1]) См. «Указатель къ письмамъ Гоголя», стр. 83 и «Сборникъ общества любителей Россійской словесности на 1891 г.», стр. 16.

[2]) «Русск. Стар.», 1888, VI, 598.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 67.

[4]) Тамъ же, стр. 64.

[5]) Михаила Алексѣевича Веневитинова, бывшаго воронежскаго предводителя дворянства, нынѣ начальника Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музея, сына старшей дочери Луизы Карловны, Аполлинаріи Михайловны (родился 25 февраля 1844 г.). Ср. въ письмѣ Гоголя къ А. О. Смирновой изъ Дармштадта отъ 17 апрѣля 1844 г.: «Отъ Луизы Карловны получилъ письмо. Слава Богу, она покойна. Рожденіе внука Веневитинова на нее подѣйствовало, какъ видно, благотворно».

радуется свѣтлому настроенію духа графини и усматриваетъ въ совершившемся событіи знакъ Божіей милости, ниспосланной для успокоенія ея скорби. Онъ не только спѣшитъ показать участіе графинѣ, но торопится сообщить радость всѣмъ общимъ друзьямъ. Хотя онъ потомъ поселился въ ожиданіи Жуковскаго во Франкфуртѣ и сначала предполагалъ пробыть съ нимъ все лѣто и осень[1]), но достаточно было ему узнать, что ради лѣченія Софьи Михайловны Віельгорскіе собираются переѣхать въ Баденъ, чтобы онъ немедленно отправился къ нимъ, или, выражаясь точнѣе, Гоголь рѣшился ѣхать въ Баденъ *на встрѣчу* Віельгорскимъ[2]). Въ Баденѣ же онъ съѣхался съ гр. Толстымъ, но, прибывъ нѣсколько раньше Віельгорскихъ, не засталъ тамъ сверхъ ожиданія и М. П. Балабину. Жуковскаго онъ не хотѣлъ тревожить во Франкфуртѣ тотчасъ послѣ пріѣзда, когда ему предстояло много хлопотъ по домашнему устройству, и выѣхалъ за нѣсколько дней до его возвращенія. Изъ Бадена Гоголь освѣдомлялся, насколько удобно было бы пріѣхать къ Жуковскому. Между прочимъ онъ сообщалъ о скукѣ баденской жизни: „Я въ Баденѣ нахожусь въ томъ самомъ отелѣ, гдѣ вы стояли (Hôtel de Hollande), живу порожнякомъ и бесѣдую съ однимъ графомъ Толстымъ, да иногда на двѣ минуты вижу Викулина[3]). О моемъ помѣщеніи вы не заботьтесь: я могу въ двѣ минуты отыскать себѣ ночлегъ среди какого бы то города ни было, ибо человѣкъ безъ комфортовъ. Главное то, что мы вновь восчитаемъ, возбесѣдуемъ и воспишемъ вмѣстѣ[4])“. Въ Баденѣ Гоголь дождался Віельгорскихъ, но тамъ, гдѣ все напоминало недавнюю жизнь вмѣстѣ съ Смирновой, ему до такой степени недостаетъ присутствія послѣдней, что онъ почти тотчасъ оставляетъ этотъ городъ, какъ то же самое было уже и въ предшествующемъ году, когда онъ жаловался Александрѣ Осиповнѣ въ такихъ выраженіяхъ: „каша безъ масла гораздо вкуснѣе, нежели Баденъ безъ васъ. Кашу безъ масла все-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 67.

[2]) «Вѣстн. Европы», 1889, X, 480.

[3]) Викулинъ былъ старый знакомый Жуковскаго (см. Загарина «В. А. Жуковскій и его произведенія», изд. I, стр. 333). По воспоминаніямъ О. Н. Смирновой, это былъ помѣщикъ, влюбившійся до безумія въ какую-то англичанку. Гоголь будто бы изобразилъ его въ Кошкаревѣ во 2 части «М. Д.».

[4]) Соч. и письма Гоголя, VI, 81.

таки можно какъ-нибудь ѣсть, хоть на голодные зубы; но Баденъ безъ васъ просто не идетъ въ горло"[1]). Онъ уже шлетъ Жуковскому обѣщаніе заѣхать къ нему по дорогѣ въ Остенде, гдѣ намѣревался дожидаться Віельгорскихъ, чтобы пользоваться съ ними морскими ваннами, но вмѣсто того выѣхалъ оттуда въ Мангеймъ, гдѣ предполагалъ отыскать удобную зимнюю резиденцію для семейства своей бывшей ученицы Балабиной, вышедшей въ этомъ году замужъ; когда же туда долженъ былъ пріѣхать мужъ М. П. Балабиной, инженеръ Вагнеръ, возвращавшійся въ Парижъ изъ командировки въ южную Германію, гдѣ ему было поручено ознакомиться съ состояніемъ тамошнихъ желѣзныхъ дорогъ, то Гоголь чуть не поѣхалъ обратно въ Баденъ, для того, чтобы видѣть его вмѣстѣ съ женой[2]). Проживъ мѣсяца полтора во Франкфуртѣ и Баденѣ, онъ долженъ былъ снова оставить его и двинуться въ Остенде, куда извѣстный докторъ Коппъ посылалъ его на воды. Не проходитъ послѣ этого полмѣсяца, какъ Гоголь снова получаетъ приглашеніе отъ Віельгорскихъ (къ которымъ уже присоединилась вернувшаяся изъ Италіи Софья Михайловна), ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Англію. На этотъ разъ и Михаилъ Юрьевичъ пишетъ небольшую записку, настойчиво повторяя приглашеніе всей семьи. Но несмотря на искреннее желаніе Гоголя провести еще нѣкоторое время въ обществѣ Віельгорскихъ и счастливый случай осуществить свою давнюю мечту побывать въ Лондонѣ, его до такой степени устрашаетъ перспектива морской болѣзни при переѣздѣ черезъ проливъ, что онъ долженъ отказаться отъ поѣздки и ограничиться свиданіемъ съ Віельгорскими въ Остенде. Въ этомъ приморскомъ городѣ онъ ждалъ по обѣщанію пріѣзда Віельгорскихъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно получилъ извѣстіе отъ Жуковскаго изъ Франкфурта, что по совѣщаніи съ послѣднимъ Віельгорскіе рѣшились замѣнить Остенде Дувромъ, куда и положено было звать Гоголя[3]). Но проникнутое сильнымъ огорченіемъ письмо послѣдняго заставило Віельгорскихъ перемѣнить это намѣреніе и пожить съ Гоголемъ въ Остенде, откуда они вмѣстѣ отправились во Франкфуртъ, послѣ чего

---

1) Тамъ же, VI, 88—89.

2) Тамъ же, стр. 84.

3) См. Отчетъ Импер. Публ. Библіотеки за 1884, приложенія, стр. 33 и «Вѣстн. Европы», 1889, X, 485.

они снова зовутъ его съ собой въ Рюдесгеймъ, куда впрочемъ Гоголь уже не поѣхалъ.

Особенно много заботъ было посвящено тогда Гоголемъ С. М. Соллогубъ, о которой такъ много горевали и тревожились въ семьѣ Віельгорскихъ. Гоголь высоко цѣнилъ нравственныя качества Софьи Михайловны, всегда ставилъ ее въ примѣръ и относился къ ней съ живѣйшимъ участіемъ. Проводивъ въ Петербургъ ее и Смирнову, онъ первое время сильно тревожился за обѣихъ. Смирнову онъ умолялъ принять попеченія о хозяйственныхъ дѣлахъ Софьи Михайловны, внушить мужу[1]) и тещѣ обходиться съ нею какъ можно бережнѣе и нѣжнѣе въ виду ея болѣзни, чтобы „свѣтъ и общество сколько-нибудь узнали, какой прекрасный цвѣтокъ поселился среди ихъ“[2]). Все содержаніе письма къ Смирновой отъ 24 сентября и отдѣльныя выраженія его свидѣтельствуютъ о несомнѣнно искренней и сильной любви Гоголя къ Софьѣ Михайловнѣ, но, разумѣется, совсѣмъ не въ романическомъ смыслѣ. Такимъ же горячимъ участіемъ платила ему, въ свою очередь, и Софья Михайловна, весьма честная, правдивая и искренняя, всегда говорившая съ нимъ отъ души. Узнавъ о томъ, что Гоголя огорчила перемѣна намѣренія Віельгорскихъ, предполагавшихъ вмѣсто Остенде двинуться въ Дувръ, она поспѣшила ему сообщить возвращеніе близкаго ей семейства къ прежнему плану и написала ему: „Ваше послѣднее письмо насъ тронуло, но вмѣстѣ съ тѣмъ и огорчило. Видно, здоровье ваше въ плохомъ состояніи, и эта мысль часто меня огорчаетъ. Не знаю, что̀ бы я дала, чтобы видѣть васъ спокойнымъ и здоровымъ“[3]). Софья Михайловна писала Гоголю рѣдко и немного и, въ свою очередь, получала отъ него мало писемъ, но въ словахъ ея было только то, что̀ она живо чувствовала всѣмъ сердцемъ и въ чемъ не было

---

[1]) Гоголь совѣтовалъ Смирновой между прочимъ употребить на него вліяніе ея брата, Клементія Осиповича, и друга Пушкина, извѣстнаго библіографа и остряка С. А. Соболевскаго (см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 97, гдѣ первый обозначенъ литерой NN, а второй — JJ)

[2]) Соч. и письма Гоголя т. VI, стр. 96—98. Нѣкоторые совѣты С. М. Соллогубъ и Смирновой сходны; см. VI, стр. 97 и 142. См. также статью «Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту» и проч. (Соч. Гог., изд. X, т. IV, 135—139).

[3]) «Вѣстникъ Европы», 1889, X, 485.

примѣси свѣтскаго лукавства. Гоголь въ своемъ увлеченіи говорилъ о ней: „Душа ея кажется, еще небеснѣе прежняго, и ангельства въ ней еще больше" [1]).

Такимъ образомъ, не къ одной Смирновой Гоголь относился глубоко благожелательно, но и ко многимъ другимъ высоко цѣнимымъ имъ людямъ, но Смирнова съ одной стороны имѣла болѣе нужды въ его руководствѣ, съ другой — сильнѣе привязалась къ нему и больше подпала подъ его вліяніе (мы не говоримъ здѣсь о графинѣ Аннѣ Георгіевнѣ Толстой, отношенія къ которой Гоголя, можетъ быть, были столь же интимны и глубоки, но намъ мало извѣстны).

XLVI.

Заботясь о нравственномъ самовоспитаніи, Гоголь вовсе не устремлялъ своихъ попеченій о ближнемъ исключительно на личность Смирновой, но распространялъ ихъ по возможности и на многихъ другихъ, только его сношенія съ нею были дѣятельнѣе, постояннѣе, искреннѣе и откровеннѣе. Въ сущности главный принципъ всей нравственной науки Гоголя заключался въ поддержаніи въ близкихъ людяхъ душевной бодрости и благодарности Богу за самыя несчастья, которыя посылаются для блага самихъ страждущихъ. Всѣ остальные совѣты и наставленія Гоголя являются уже выводами изъ этого общаго положенія примѣнительно къ многочисленнымъ частнымъ случаямъ, встрѣчающимся въ жизни. Всего ярче высказывалась задушевная мысль Гоголя въ письмахъ къ тѣмъ выдающимся людямъ, которые были наиболѣе чѣмъ-нибудь удручены. Иванову напр. онъ однажды прямо писалъ, что считаетъ его нервное раздраженіе спасительнымъ: „Прежде всего нужно благодарить за это Бога: оно не даромъ; оно посылается избранникамъ затѣмъ, чтобы умѣли они выше почувствовать многія вещи, чѣмъ онѣ есть, — затѣмъ, чтобы быть въ силахъ потомъ и другихъ возвести на высоту, высшую той, на которой пребываютъ люди" [2]). То же самое повторяется въ каждомъ письмѣ къ Языкову.

Продолжая свои поученія Смирновой, Гоголь усиленно налегалъ на неустойчивость ея характера. По мнѣнію Гоголя,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 96.

[2]) «Современникъ», 1858, XI, 146.

Смирновой недостаетъ терпѣнія и выдержанности и она легко можетъ съ хорошей дороги склониться на иную. „Смотрите“ — говорилъ онъ, „вы все бы хотѣли поворотить круто, все взять приступомъ, а не сдается — вы тотъ же часъ назадъ, да и сами даже иногда давай подплясывать подъ дудку того, котораго вы прежде хотѣли заставить плясать. У васъ терпѣнія и въ маковое зернышко нѣтъ: все скачками да прыжками“ [1]). Вотъ почему Гоголь, недавно вооружавшійся противъ увлеченія іезуитами, осуждаетъ теперь въ Смирновой рѣзкое порицаніе ихъ, вотъ почему онъ подвергаетъ анализу каждое ея слово и критикуетъ каждое выраженіе съ точки зрѣнія нравственно-религіозной. Тѣмъ болѣе необходимымъ ему кажется близкое свиданіе и онъ многаго ожидаетъ отъ него: „по крайней мѣрѣ“ — говорилъ онъ — „страхи ваши насчетъ многаго исчезнутъ“ [2]). Но желанное свиданіе не состоялось вслѣдствіе тяжкой болѣзни няньки дѣтей Смирновой, задержавшей послѣднюю въ Парижѣ. „Въ Баденъ я не могу быть“ — писала Смирнова на приглашеніе пріѣхать въ этотъ городъ для свиданія съ Гоголемъ и Віельгорскими: — „мы свидимся въ Голландіи“ [3]). Но почему-то и это предположеніе также не состоялось.

Когда Смирнова пріѣхала въ Петербургъ [4]), Гоголь старался замѣнить не состоявшееся свиданіе заочно рекомендуемой ей программой и характеромъ поведенія. Больше всего онъ ей совѣтовалъ не увлекаться („Совершеннаго небеснаго безстрастія требуетъ отъ насъ Богъ“) [5]), пріобрѣтать христіанскую любовь къ людямъ и побѣждать гнѣвъ. Онъ возлагалъ на нее обязанность заботиться о ближнемъ, начиная съ царской фамиліи, огорченной кончиной великой княгини Александры Николаевны („Прежде всего васъ должно теперь привлечь семейство, погруженное въ трауръ: тамъ слишкомъ

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 76.

[2]) Тамъ же, 80.

[3]) «Русск. Стар.», 1888, VI, 603.

[4]) Въ это время на А. О. Смирнову получаетъ вліяніе также законоучитель и духовникъ ея въ Екатерининскомъ институтѣ, наставникъ ея дочерей (см. «Русск. Стар.», 1888, VII, стр. 49). Также она очень уважала и цѣнила гувернантку, miss Овербекъ, скончавшуюся въ Дрезденѣ 4 декабря 1887 г. (см. Русск. Стар.», 1888, IV, стр. 71).

[5]) Соч. и письма Гоголя, VI, 63; ср. также въ письмахъ къ матери, къ Аксакову и проч. (стр. 71, 111, 141 и проч.).

нужны ваши утѣшенія. Не думайте о томъ, чтобы помощь ваша была безсильна и что голосъ вашъ не найдетъ доступа къ самому сердцу" [1]) и проч.). Въ цѣломъ рядѣ писемъ Гоголь высказываетъ Смирновой свои взгляды на отношенія ея къ мужу, въ которомъ „есть много истинно добраго" [2]), къ ея родственникамъ (къ одной изъ сестеръ — въ томъ же письмѣ отъ 24 окт.) и вообще относится къ ней, какъ истинный, задушевный другъ. Но еще и еще повторяемъ, что, по нашему мнѣнію, въ его отношеніяхъ къ ней не было и тѣни романическаго и сентиментальнаго [3]).

Но особенно сурова была аскетическая теорія Гоголя для избранниковъ, къ числу которыхъ онъ относилъ, кромѣ подвижниковъ, поэтовъ и художниковъ. Эти люди должны были, по его мнѣнію, отказаться отъ всѣхъ радостей жизни, пренебречь личнымъ счастьемъ и посвятить себя спасенію ближняго. Такъ Иванову Гоголь ставилъ на видъ, что для него непозволительны мечты о женитьбѣ. „Вы нищій" — говорилъ онъ, „и не имѣть вамъ такъ же угла, гдѣ приклонить голову, какъ не имѣлъ его и Тотъ, Котораго пришествіе дерзаете вы изобразить кистью! А потому евангелистъ правъ, сказавши, что иные уже не свяжутся никакими земными узами" [4]).

Отъ людей обыкновенныхъ аскетическія требованія Гоголя были умѣреннѣе; имъ напротивъ предлагалось преимущественно успокоеніе. Такъ графинѣ Віельгорской, по поводу рожденія ея внука, Гоголь писалъ: „видите, какъ неожиданно посылаются намъ радости и даже съ такой стороны, откуда и не думали получить" [5]). Смыслъ утѣшенія заключался въ томъ, что женщинѣ, посвятившей себя семьѣ и

---

1) Тамъ же, стр. 93.

2) Стр. 100.

3) Въ мистическомъ характерѣ взаимнаго увлеченія Гоголя и Смирновой особенно убѣждаютъ вопросы Смирновой о таинственномъ голосѣ, слышанномъ воронежскимъ архіереемъ въ Іерусалимѣ («см. Русск. Стар.», 1888, X, 129—130), и немедленное сообщеніе Гоголемъ объ этомъ слухѣ матери (см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 114). Никакихъ романовъ здѣсь и не бывало; отношенія совершенно иныя.

4) Тамъ же. Хотя г-жа Некрасова, расходясь во мнѣніи съ П. А. Кулишемъ, относитъ это письмо къ 1847 г., когда Гоголь былъ въ Остенде также около начала августа («Вѣстн. Евр.», 1883, XII, 630—631), но это не уничтожаетъ общаго значенія нашихъ словъ.

5) «Вѣстн. Европы», 1889, X, 480.

болѣвшей ея невзгодами, указывалось противодѣйствіе горестямъ, за невозможностью отстранить ихъ, въ новомъ и неожиданномъ событіи изъ того же круга семейныхъ интересовъ, почему Гоголь и заключаетъ свою рѣчь на данную тему словами: „Даянія мы чувствуемъ слабо, а лишенія — сильно“ [1]). Балабиной Гоголь также написалъ не сохранившееся письмо, въ которомъ утѣшалъ ее въ разлукѣ съ женихомъ. Все лѣто онъ находился въ сношеніяхъ съ гр. Толстымъ, съ Балабиной или, позднѣе — г-жей Вагнеръ, такъ какъ въ этотъ промежутокъ состоялась ожидаемая свадьба, и посвящалъ имъ также свои заботы, о которыхъ мы можемъ пока судить только по отрывочнымъ даннымъ [2]).

XLV.

Въ концѣ 1844 года Гоголь получилъ нѣсколько новыхъ огорченій отъ своихъ друзей изъ Москвы и Петербурга. Нравоученія и упреки сыпались на него градомъ со всѣхъ сторонъ и повторялись жалобы на его неискренность. Не совсѣмъ выгодная для Гоголя репутація, установившаяся въ нашей литературѣ, обыкновенно даетъ поводъ издателямъ новыхъ касающихся его документовъ утверждать, что тотъ или другой изъ его корреспондентовъ высказалъ ему тогда-то и при такомъ-то случаѣ горькую правду, и эта слабость доходитъ до курьезовъ въ своихъ постоянныхъ проявленіяхъ. Но стоитъ только припомнить, что съ разныхъ точекъ зрѣнія и далеко не одинаково, а иногда, можетъ быть, противоположно понимаемую „правду“ ему говорили не только Бѣлинскій, что̀ и въ самомъ дѣлѣ вѣрно, но Аксаковы (отецъ и сынъ), Плетневъ, Погодинъ и др., — чтобы удивиться и придти въ недоумѣніе, какъ согласить это съ вѣчно воскуряемымъ будто бы отовсюду Гоголю ѳиміамомъ? Не лишнее также принять во вниманіе, что только извѣстное письмо Бѣлинскаго произвело и могло произвести сильное впечатлѣніе на

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Объ отношеніяхъ Гоголя къ А. П. Толстому въ 1844 г. см. «Русск. Стар.», 1891, 3, 567—569 и сборникъ «Въ память С. А. Юрьева», 239—245. Письма Гоголя къ Балабиной въ 1844 г. (см. „Переписка Гоголя съ Плетневымъ“, II, 208) пока неизвѣстны, но въ нашемъ распоряженіи находятся ниже (см. въ приложеніяхъ) приводимые отвѣты на нихъ.

Гоголя, что можетъ быть объяснено всего проще и вѣроятнѣе разницей въ вѣсѣ и содержаніи названныхъ писемъ, разницей настолько же значительной, насколько Бѣлинскій представляетъ колоссальную личность въ сравненіи съ другими, уже мнимыми, глашатаями „правды". Я. К. Гротъ находилъ замѣчательной отповѣдь Гоголю Плетнева[1]), О. Ѳ. Миллеръ хвалилъ московскихъ друзей его за то, что они „были далеки отъ того, чтобы постоянно гладить (Гоголя) по шерсткѣ", а нѣкто г. Павловъ признаетъ необыкновеннымъ письмо къ Гоголю К. С. Аксакова, написанное ему въ 1848 г.[2]); г. Бартеневъ расточаетъ приторные панегирики письмамъ Н. Ф. Павлова[3]); наконецъ наиболѣе распространено и въ то же время, повторяемъ, наиболѣе близко къ истинѣ мнѣніе о несравненно бо́льшемъ значеніи (сравнительно съ прочими извѣстными) по истинѣ громового письма Бѣлинскаго. Считаемъ нелишнимъ указать эти соображенія, чтобы подготовить себѣ почву для провѣрки дѣйствительной цѣнности высказываемыхъ Гоголю „горькихъ истинъ" и уясненія степени ихъ вліянія на него.

Прежде всего проф. Миллеръ былъ глубоко правъ только въ томъ, что Гоголя не гладили по шерсткѣ, что̀ было имъ какъ нельзя болѣе основательно выведено изъ всплывшей наружу въ перепискѣ съ Шевыревымъ тины мнимо-дружескихъ отношеній, а также основательно высказывался за появленіе изъ-подъ спуда другихъ недостающихъ писемъ. Не его вина, что они печатались гораздо позднѣе, частью же и теперь еще не напечатаны. Между тѣмъ иногда съ появленіемъ новаго, упорно скрываемаго прежде, матеріала самая картина отношеній Гоголя къ друзьямъ нѣсколько мѣняется. Такъ напр. Миллеру не было извѣстно о ссорѣ Гоголя съ Погодинымъ, да даже и не могло быть извѣстно. За недостаткомъ данныхъ проф. Миллеръ не придавалъ большой важности

---

[1]) Между тѣмъ, насколько мало Плетневъ понималъ Гоголя, видно изъ его восхищенія «Перепиской съ друзьями» (см. «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 860, и его же отзывомъ о прежнихъ сочиненіяхъ Гоголя: «Странно, что всѣ новые, Гоголь, Одоевскій и Соллогубъ, стремясь превознести достоинство русскаго народа, ни о чемъ не разсказываютъ, кромѣ его глупостей и мерзостей» («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 327).

[2]) См. «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 34—38; «Русск. Стар.», 1875. X, 310 и «Русск. Арх.» 1890, II.

[3]) „Русск. Арх.", 1890, II.

досадѣ Гоголя на опубликованіе „друзьями" *безъ спроса* его портрета и склоненъ былъ считать этотъ протестъ причудой и капризомъ. Но Гоголь хотѣлъ *иначе* распорядиться портретомъ и лелѣялъ мысль о помощи публикаціей этого портрета Иванову[1]), такъ что въ виду этого, какъ въ сущности и само-по-себѣ, самоуправство Погодина представляется намъ неизвинительнымъ и просто безсовѣстнымъ[2]).

До какой степени Гоголь былъ оскорбленъ и какъ въ то же время онъ былъ вынужденъ сдерживаться не только подъ вліяніемъ практической необходимости, но и внутренняго убѣжденія, рекомендовавшаго безусловное смиреніе, показываетъ слѣдующее сопоставленіе. Въ письмахъ къ Языкову и именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были пропущены въ изданіи г. Кулиша[3]), Гоголь явно изливаетъ свой гнѣвъ на Погодина, а Шевыреву (въ другихъ мѣстахъ писемъ) проситъ передать, — чтобы онъ по крайней мѣрѣ догадался и почувствовалъ, къ чему клонится дѣло, — что ему, т.-е. Гоголю, „крайне было непріятно узнать, что", какъ онъ говорилъ, „безъ моего спросу и позволенія, въ какомъ-то харьковскомъ повременномъ изданіи приложили мой портретъ и какія-то fac simile, записки, или тому подобное, чтобы онъ объявилъ, *что подобнымъ мошенничествомъ не занимались прежде книгопродавцы, какимъ занимаются нынѣ литераторы*" и прибавлялъ: „Попроси также Погодина, чтобы онъ написалъ письмо къ Бецкому въ Харьковъ съ запросомъ, какимъ образомъ и какими путями портретъ мой зашелъ къ нему въ руки"[4]). Мимоходомъ Гоголь замѣчаетъ, что Погодинъ, кажется, знаетъ Бецкаго[5]), слѣд. Гоголь не наобумъ догадывался о злоупотребленіи, а по цѣлой совокупности обстоятельствъ и соображеній. Къ сожалѣнію,

---

[1]) И притомъ не раньше, какъ Гоголю удалось бы осуществить завѣтное желаніе «честно исполнить свое дѣло». Гоголя трогала дѣтская неопытность Иванова въ жизни при высокой любви къ своему призванію и угрожавшая ему опасность отъ бѣдности не довершить труда цѣлой жизни. Поэтому, сердясь иногда на Иванова за его безтактность, Гоголь, однако, употреблялъ всѣ усилія заинтересовать его участью Смирнову и М. Ю. Віельгорскаго.

[2]) Наши соображенія и фактическія данныя по этому поводу см. въ «Русск. Стар.», 1890, II, 416—418 и выше.

[3]) Они дополнены мною по подлинникамъ въ «Русск. Стар.», 1889, I, 153—157.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 98.

[5]) Бецкій — издатель «Молодика».

намъ неизвѣстно, къ чему относятся слова Гоголя въ первомъ послѣ этого инцидента письмѣ къ Шевыреву: „Другъ, прости за глупое письмо мое. Я понимаю, какъ оно было некстати и какъ было оскорбительно твоему сердцу читать его“ [1]). Но какая разница въ тонѣ и какъ умѣренно высказаны въ этомъ письмѣ упреки! Гоголь долженъ былъ пускаться въ оправданія и объясненіе своего мнимаго каприза, который, однако, если бы въ самомъ дѣлѣ былъ такимъ, давалъ бы ему полнѣйшее и несомнѣнное человѣческое право возмущаться поступкомъ, въ которомъ такъ узнаемъ Погодина, говорившаго, что онъ имѣетъ право лучшія произведенія Гоголя „разсовать по угламъ“ своего журнала. Напротивъ, смиренно-виноватый тонъ писемъ Гоголя къ Шевыреву, повидимому, давалъ полное основаніе Миллеру предполагать, что всѣ вины лежали на одномъ Гоголѣ, — невыгода все того же аскетическаго и униженно-угнетеннаго настроенія [2]). Насъ же напротивъ приводятъ къ совершенно противоположному заключенію такія оправданія, какъ напр.: „Другъ, не осуждай меня также за это излишнее кокетство или какую-то кропотливую мелочь относительно всякаго рода появленій моихъ въ свѣтѣ. Они истекаютъ не изъ того источника, которому ты приписываешь“ [3]). Изъ этихъ словъ ясно, что „друзья“ не уставали „подталкивать“ Гоголя, что̀, если даже дѣлалось иногда, но очень рѣдко, изъ чистыхъ и благородныхъ соображеній, какъ несомнѣнно было у Аксакова, то въ сущности все-таки было по меньшей мѣрѣ очень безтактно. Притомъ, худо или хорошо это было, но Гоголь старался отстоять свою

---

[1]) Тамъ же, стр. 113. Не было ли это самое письмо то, о которомъ Гоголь говоритъ въ письмѣ къ Языкову, стр. 113, гдѣ подъ литерами LL разумѣется Погодинъ?

[2]) Пока не сопоставишь всѣхъ данныхъ, легко можно, по недоразумѣнію, стать на сторону Шевырева при чтеніи слѣдующихъ строкъ его письма: «Что̀ касается дѣйствія Погодина, я, право не понимаю, что̀ тутъ оскорбительнаго. Журналистъ хочетъ украсить свой журналъ портретомъ писателя, любимаго публикою. Это его выгода. *Конечно, лучше бъ было спроситься*». «Растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, въ чемъ тутъ эта горькая непріятность, эта страшная исторія» и проч. (См. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 16—17). Шевыревъ говоритъ здѣсь также: «Если самъ государь Николай Павловичъ не сердится на свои дурные портреты, то зачѣмъ же оскорбляться твоему литературному величеству». Казалось бы, Шевыревъ правъ; но дѣло-то было совсѣмъ не въ томъ: Гоголь лишался возможности оказать денежную помощь Иванову.

[3]) Стр. 119.

независимость во имя сложившихся у него убѣжденій, а они не признавались и не принимались въ разсчетъ: какъ же ему было не являться въ чужихъ глазахъ капризнымъ и неискреннимъ чудакомъ?

Наконецъ, измученный вѣчными передрягами, Гоголь рѣшается „выстраданныя“ деньги [1]), вырученныя за продажу его сочиненій, пожертвовать въ пользу даровитыхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета [2]), и нападенія снова обрушиваются на него со всѣхъ концовъ. Мы, конечно, не станемъ защищать Гоголя отъ естественнаго упрека въ неисполненіи „ближайшей“ обязанности къ матери и сестрамъ, но полагаемъ, что при нѣкоторомъ знакомствѣ съ прекрасной личностью его матери и при условіи довѣрія къ нашему сообщенію объ извѣстномъ намъ лично негодованіи сестеръ Гоголя оскорбленіями священной для нихъ памяти брата, безпристрастный читатель согласится съ справедливостью слѣдующихъ словъ нашего незабвеннаго поэта: „Если бы добрая моя мать знала, съ какими душевными страданіями для ея сына соединилось все это дѣло, то не коснулась бы ея рука ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ; напротивъ, продала бы что-нибудь изъ своей собственности и приложила бы еще отъ себя къ нимъ“ [3]). Очевидно, что О. Ѳ. Миллеръ и Н. А. Бѣлозерская [4]), обличая въ данномъ отношеніи Гоголя, руководились данными, выставленными въ перепискѣ Гоголя съ Шевыревымъ и Аксаковымъ и въ сущности въ значительной мѣрѣ исходившими отъ обличеній все тѣхъ же московскихъ друзей. Но оцѣнимъ и признаемъ психологическую убѣдительность слѣдующихъ соображеній Гоголя, получающихъ огромный вѣсъ, если мы войдемъ нѣсколько въ его положеніе и сколько-нибудь признаемъ значеніе его внутренняго міра. „Не бѣднымъ студентамъ хочу помогать я, но *бѣднымъ талантамъ* [5]). *Я самъ терпѣлъ* и знаю нѣкоторыя тѣ страданія, которыхъ не знаютъ другіе и о которыхъ даже и не догадываются, а потому и помочь не въ состояніи... Трудно бываетъ таланту, пока онъ молодъ, или еще справедливѣе, пока онъ не вполнѣ христіа-

---

[1]) См. стр. 129; „Переписка Гоголя съ Плетневымъ“ т. II, стр. 412 и 415.

[2]) Черезъ инспектора студентовъ Фицтума.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 129.

[4]) См. «Русск. Стар.», 1887, III.

[5]) Курсивъ подлинника.

нинъ. Иногда и близкій другъ можетъ оскорбить и, оказавъ ему радушную помощь, можетъ потомъ попрекнуть въ неблагодарности, что часто въ свѣтѣ дѣлается, иногда даже безъ строгаго размышленія, а по какимъ-нибудь внѣшнимъ признакамъ. Но когда дающій скрылъ свое имя — значитъ, онъ, вѣрно, не требуетъ никакой благодарности". Здѣсь Гоголь, очевидно, вспоминаетъ между прочимъ свои отношенія къ Погодину[1]), и каждое его слово, вѣроятно, безусловная правда: вѣдь онъ и имени Погодина здѣсь даже не называетъ. Теперь дѣло поручается въ Москвѣ Шевыреву и Аксакову (Погодинъ исключается, такъ какъ отношенія къ нему выяснились для всѣхъ); теперь Гоголь даже требуетъ, чтобъ Погодинъ никогда не узналъ о замышляемомъ проектѣ[2]), но, наученный прежнимъ опытомъ, Гоголь предупреждалъ, чтобы не было ссоръ между московскими и петербургскими друзьями. „Въ Петербургѣ деньги ввѣряются также двумъ: Плетневу и Прокоповичу. Но ни вы имъ, ни они вамъ никогда не должны объ этомъ напоминать, и если бы даже вамъ случилось когда-нибудь потомъ съ ними встрѣтиться — *объ этомъ ни слова, никогда и ни въ какомъ случаѣ*. А васъ молю именемъ дружбы, именемъ Бога, истребить въ себѣ всякое неудовольствіе, какое только у васъ осталось къ кому бы то ни было по поводу этого дѣла"[3]) (т.-е. въ сущности къ Прокоповичу).

Сильно досталось Гоголю и отъ Плетнева. Письмо послѣдняго отъ 27 окт. 1844 г. показываетъ ясно, что Плетневъ не подозрѣвалъ душевнаго склада Гоголя, усвоеннаго имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, но онъ несомнѣнно говорилъ честно и съ убѣжденіемъ, безъ всякихъ заднихъ соображеній. Раздраженіе его слишкомъ явно и доходитъ даже до страннаго самохвальства въ словахъ: „можетъ быть, тебѣ и не нужно было всего того, что я изложилъ здѣсь *съ такимъ философски-религіознымъ изслѣдованіемъ* (sic)"[1]), не говоря уже о постоянно расточаемыхъ кличкахъ „судей-самозванцевъ", „литературныхъ торгашей", „слѣпцовъ и лѣнивцевъ" и пр., которыми онъ называетъ разныхъ несимпатичныхъ ему пи-

---

[1]) Соч. и письма Гог. т. VI, 128. Говоря о „близкомъ другѣ", Гоголь, вѣроятно, думалъ не только о Погодинѣ, но о немъ-то ужъ безъ всякаго сомнѣнія.

[2]) Стр. 123—124.

[3]) Стр. 124.

[1]) «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 37; „Переписка Грота съ Плетневымъ", II, 342, 347.

сателей. Письмо Гоголя къ Смирновой (Соч. и письма Гог., т. VI, 127—134, безъ даты[1]) и отвѣтъ Плетневу („Русская Стар.“, 1875, X, 313—322) обнаруживаютъ намъ гораздо лучшее пониманіе Гоголемъ Плетнева, нежели то пониманіе Гоголя, которое показываетъ Плетневъ въ названномъ письмѣ, напечатанномъ недавно въ „Русск. Вѣстникѣ“. Такъ Плетневъ сильно ошибался, предполагая въ славолюбіи Гоголя единственное побужденіе всѣхъ его дѣйствій; это было справедливѣе въ отношеніи къ прошедшему, чѣмъ къ настоящему. Далѣе, совѣты Плетнева Гоголю были поразительно неудачны: Плетневъ по какому-то несчастному совпаденію указывалъ Гоголю именно ту ложную дорогу, на которую тотъ уже безъ вѣдома его давно вступилъ, а послѣ онъ такъ же неудачно привѣтствовалъ появленіе „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки“[2]). „Я желалъ бы, чтобы ты возвысился до настоящаго нравственнаго чувства, проливающаго въ сердце свѣтъ на обязанности наши къ Богу, къ людямъ, отечеству и даже нашему здѣсь призванію и принятымъ уже убѣжденіямъ. Главное: пріучись мыслить, излагать и отстаивать идеи, защищать убѣжденія сердца и укрощать буйное невѣжество“ — поучалъ Гоголя Плетневъ и такимъ образомъ дѣйствовалъ на него въ духѣ совершенно противоположномъ тому, въ какомъ дѣйствовалъ С. Т. Аксаковъ[3]). Въ сущности было ясно, что Плетневъ обижался мнимымъ предпочтеніемъ, оказываемымъ Гоголемъ московскимъ друзьямъ, и предлагалъ собственную дружбу, хотя отказывался для вида или изъ самолюбія отъ титула друга. Въ его письмѣ наиболѣе вѣскимъ было немногое сказанное о Прокоповичѣ и этимъ-то строкамъ больше всего и придалъ значенія Гоголь, какъ видно изъ отвѣта. Плетневъ также хотѣлъ объяснить Гоголю, какую дружбу онъ считаетъ истинною, и прибавлялъ: „Если бы у тебя были друзья, давно высказали бы они тебѣ то, что̀ ты читаешь теперь отъ меня. Но я говорю не какъ другъ, а какъ честный человѣкъ, уполномоченный тобою, и какъ освященный внушеніями христіанской вѣры, которая поставила меня выше

---

[1]) Но необходимо его читать въ дополненномъ видѣ по отрывкамъ, напечатаннымъ нами въ «Русской Стар.», 1889, I, 157—158.

[2]) См. «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 37 и 42.

[3]) Аксаковъ имѣлъ основанія сдерживать Гоголя въ его страсти къ проповѣдничеству; Плетневъ смотрѣлъ на дѣло иначе.

всѣхъ соображеній. Это я ношу въ сердцѣ, потому что у меня есть другъ Гротъ[1]), который таковъ во всѣхъ помышленіяхъ и дѣйствіяхъ". Послѣ этого слѣдуетъ рѣзкое осужденіе московскихъ друзей Гоголя, „промышленниковъ, погрязшихъ въ постройкѣ домовъ, въ покупкахъ деревень и разведеніи садовъ". Плетневу, конечно, не приходило и на мысль, что Гоголь былъ гораздо ближе къ нему во взглядѣ на своихъ „прежнихъ пріятелей", о которыхъ онъ откровенно писалъ Смирновой: „предоставляю вамъ самимъ судить, каково было мое положеніе среди такого рода людей"[2]). О Плетневѣ же Гоголь говорилъ ей: „Онъ далъ изряднаго маху, основавшись, какъ кажется, на моихъ сочиненіяхъ" и проч.[3]) Гоголь заключилъ также, и не безъ основанія, что Плетневъ больше всего сердился на него за невниманіе къ „Современнику", упрекая въ безчувственности къ памяти „мертвеца безполезнаго"[4]), т.-е. Пушкина, какъ основателя журнала. Изъ недавно напечатанныхъ пропущенныхъ мѣстъ въ не разъ цитируемомъ обширномъ письмѣ къ Смирновой (безъ даты) очевидно, что Гоголь считалъ журнальную дѣятельность Плетнева довольно заурядной и незавидной, что̀ было, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ справедливо.

Вмѣшательство Смирновой въ сношенія по поводу пожертвованій бѣднымъ студентамъ было очень досадно Гоголю и у него вырвались даже колкія слова: „Въ послѣднее время у меня произошли такія знакомства, что съ одного-другого разговора уже обоимъ казалось, какъ будто вѣкъ знали другъ друга; и ужъ отъ такихъ людей я не слыхалъ упрековъ въ недостаткѣ простоты или скрытности"[5]), а такіе именно упреки онъ только-что получилъ отъ Смирновой, которая въ послѣднее время съ полнымъ довѣріемъ передавала Гоголю о своей семейной и придворной жизни[6]) и всѣхъ своихъ невзгодахъ, обращаясь къ нему, какъ къ недосягаемому авторитету, и вдругъ подъ вліяніемъ разговора съ Плетневымъ прочла ему рѣзкое нравоученіе. Это уязвило Гоголя и онъ поставилъ

---

[1]) Яковъ Карловичъ, извѣстный академикъ, біографъ и издатель Державина.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 131.

[3]) Стр. 147.

[4]) «Русскій Вѣстн.», 1890, XI, 35; ср. „Переписку Грота съ Плетневымъ", I, 510 и 511.

[5]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 130.

[6]) См. «Русская Стар.», 1888, X.

на видъ своему другу, что когда онъ показалъ письмо Плетнева Жуковскому, послѣдній „разсмѣялся и совѣтовалъ отвѣчать въ шуточномъ тонѣ“ [1]). Около этого же времени, именно 26 октября 1844 г., Плетневъ записалъ въ своемъ журналѣ: „Я отъ Смирновой получилъ письмо Гоголя ко мнѣ изъ Франкфурта на Майнѣ. Онъ, узнавъ отъ Смирновой, что я недоволенъ его скрытностію и вообще неопредѣленными отношеніями ко мнѣ, жалуется на это и предлагаетъ прямо высказать ему, что̀ въ немъ дурного. Это заставило меня сходить къ Смирновой, чтобы выяснить дѣло“ [2]). О посѣщеніи Плетнева потомъ извѣщала Смирнова Гоголя въ письмѣ отъ 26 сентября [3]).

Среди этихъ волненій Гоголь не могъ успѣшно работать и говорилъ о своихъ „Мертвыхъ Душахъ“, что онѣ „и пишутся и не пишутся“ [4]). Болѣзни его осаждали попрежнему и даже сильнѣе, такъ какъ онъ былъ теперь вынужденъ жить въ Остенде уже независимо отъ маршрутовъ своихъ пріятелей. Но матеріальныя условія его получили значительное улучшеніе вслѣдствіе того, что Жуковскій испросилъ у наслѣдника свой долгъ ему уплатить Гоголю. Подарокъ въ четыре тысячи рублей пошелъ на уплату долга Жуковскому, но зато эта сумма могла быть исключена изъ присылаемыхъ денегъ Шевыревымъ и Прокоповичемъ и явилась возможность заявить Шевыреву въ концѣ года, чтобы онъ больше не заботился о доставленіи денегъ. Теперь къ тому же неожиданнымъ кредиторомъ или, точнѣе, благодѣтельницей Гоголя явилась Смирнова, которая для него испрашивала деньги „у того, передъ которымъ въ долгу вся Россія“, т.-е. у самого императора Николая“ [5]).

XLVI.

Въ дополненіе къ нашему обзору обстоятельствъ жизни Гоголя въ 1844 г. и его отношеній къ разнымъ лицамъ,

---

[1]) «Русская Стар.», 1889, I, 158.

[2]) «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 341.

[3]) См. «Русскую Стар.», 1888, VII, стр. 59, также X, стр. 134 и 141.

[4]) Соч. и письма Гог., VI, стр. 88. Н. С. Тихонравовъ недоумѣваетъ по поводу утвержденія г. Кулиша, что въ 1844 г. Гоголь успѣшно работалъ надъ «М. Д.» Присоединяемся вполнѣ къ его мнѣнію.

[5]) «Русская Стар.», 1888, X, 135; «Сѣв. Вѣстн.», 1893, I, 252. Впрочемъ г. Аничковъ отчасти сомнѣвается въ этомъ (см. «Помощь голодающимъ», стр. 476, прим.), но см. „Переписку Грота съ Плетневымъ“, II, 428, 429, 433, 438, 441 и 446.

коснемся также его случайной и непродолжительной переписки съ Ю. Ѳ. Самаринымъ.

Въ своей извѣстной книгѣ: „Записки о жизни Гоголя“, г. Кулишъ приводитъ изъ „Life of Cowper“ Сутея не лишенное основанія мнѣніе, что „часто характеръ человѣка мы можемъ узнать вѣрнѣе изъ писемъ, писанныхъ къ нему, нежели изъ его собственныхъ писемъ“. Раздѣляя этотъ взглядъ, авторъ „Записокъ“ даетъ въ своемъ трудѣ мѣсто небольшимъ выдержкамъ изъ писемъ разныхъ лицъ къ Гоголю. Слѣдуя тому же взгляду, мы напечатали многія письма Гоголя въ разныхъ журналахъ и теперь считаемъ нужнымъ напомнить тѣ изъ нихъ, которыя помѣщены въ VII и VIII книгахъ „Русской Старины“ за 1889 г. (особенно письма Самарина и Чижова).

Нравственный авторитетъ Гоголя обусловливался для его почитателей какъ исключительно высокимъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ литературѣ, такъ и его заботами о совершенствованіи и готовностью принимать на себя отвѣтственное бремя наставничества. Но отношенія его къ жаждущимъ духовной помощи были не одинаковы. Съ увлеченіемъ бесѣдовалъ Гоголь съ Віельгорскими и особенно съ Смирновой, охотно вращался въ кругу Толстыхъ и Апраксиныхъ, но далеко не столь же охотно отзывался на душевные запросы Самарина и Чижова. Разница въ степени нравственнаго сближенія была здѣсь главной, но не единственной причиной. Въ то время, какъ аристократическія поклонницы Гоголя были преимущественно воодушевлены религіозными интересами и съ чисто женскимъ увлеченіемъ возводили его на идеальную высоту непогрѣшимой мудрости и нравственнаго величія,— у Самарина и Чижова то же благоговѣніе передъ авторитетомъ Гоголя имѣло иную окраску: они видѣли въ немъ опытнаго и умнаго наставника, совѣтами котораго дорожили, но больше въ примѣненіи къ вопросамъ практической жизни и нравственности, нежели религіи. Эта постановка дѣла, повидимому, была менѣе по душѣ Гоголю.

Ю. Ѳ. Самаринъ, безъ сомнѣнія, встрѣчался съ Гоголемъ въ московскомъ кружкѣ славянофиловъ въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ Москву въ началѣ сороковыхъ годовъ. Самаринъ уже

раздѣлялъ со всей интеллигентной молодежью преклоненіе передъ Гоголемъ; Юрій Ѳедоровичъ видѣлъ въ немъ первостепенное свѣтило литературы, вождя всего русскаго общества, но самъ онъ былъ для Гоголя пока только хорошимъ знакомымъ его друзей. Когда Гоголь снова уѣхалъ въ Италію въ маѣ 1842 года, онъ, вѣроятно, не помнилъ, среди совершенно иныхъ впечатлѣній и артистическаго упоенія любимой страной, многихъ, имѣвшихъ въ его глазахъ гораздо больше значенія, чѣмъ его даровитый поклонникъ-юноша. Но во всякомъ случаѣ, даже при первомъ, весьма поверхностномъ знакомствѣ съ Самаринымъ, онъ своимъ проницательнымъ и искусившимся въ познаніи людей взглядомъ успѣлъ замѣтить живой, блестящій умъ послѣдняго, какъ это совершенно ясно изъ письма къ К. С. Аксакову, писаннаго годъ спустя послѣ отъѣзда изъ Москвы, — не смотря на то, что въ немъ только вскользь, случайно, упомянуто о Самаринѣ (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, VI, 14). Отношенія ихъ возобновились, когда А. О. Смирнова вернулась изъ-за границы въ Петербургъ и тамъ встрѣтила недавно переселившагося изъ Москвы талантливаго славянофила. Хотя первое впечатлѣніе, произведенное имъ на Александру Осиповну, было не безусловно благопріятное и въ его увлеченіяхъ звучало для нея что-то неубѣдительное и несочувственное, но любовь его къ Гоголю нашла въ ней задушевный, родственный откликъ. Она не устаетъ твердить Гоголю въ письмахъ: „Самаринъ ужасно васъ любитъ“, „Самаринъ вашъ ужасный аматеръ“ [1]). При своемъ умѣ и впечатлительномъ характерѣ, Александра Осиповна не замедлила оцѣнить и перенести свое благородное увлеченіе на Самарина, подобно тому какъ всегда и въ другихъ случаяхъ она съ пламеннымъ энтузіазмомъ своей южной натуры отдавалась новымъ, сильно поразившимъ ее впечатлѣніямъ. И вотъ она уже лестно отзывается о Самаринѣ, какъ объ „удивительной жемчужинѣ въ молодежи“ [2]). Вскорѣ Самарину представился случай написать небольшое письмо Гоголю при посылкѣ ему своей диссертаціи, — письмо, вѣроятно, не сохраненное Гоголемъ, но о существованіи котораго узнаемъ изъ переписки (см. Соч. Гог., изд. Кул., т. VI, стр. 140, и „Русск. Стар.“,

---

[1]) «Русск. Стар.», 1888, VII, 55, 59 и проч.

[2]) «Русск. Стар.», 1888, X, 134.

изд. 1888, т. X, стр. 137). Въ этомъ намѣреніи поощрила его, конечно, Смирнова, — такъ предполагалъ Гоголь. Но не совсѣмъ доволенъ остался онъ началомъ новой переписки и даже сердито, хотя, конечно, вполнѣ въ дружескомъ тонѣ, выговариваетъ Смирновой: „Мнѣ чѣмъ дальше, тѣмъ больше набирается работы, и время до того занято, что и схандрить даже некогда. Самыхъ нужныхъ вещей не успѣваю сдѣлать, а вы мнѣ еще и Самарина приплетаете"[1]). Гоголь, однако, соглашался вести переписку съ Самаринымъ, но на томъ условіи, чтобы не считаться письмами и чтобы онъ какъ можно подробнѣе описывалъ всѣ свои обстоятельства и излагалъ свои мнѣнія („чтобы я слышалъ самую жизнь" — выражался онъ). Подобныя же условія предлагалъ Гоголь и Чижову (изд. Кул. VI, 364) и всѣмъ, кто былъ больше заинтересованъ въ перепискѣ, чѣмъ онъ; но это отнюдь не было только вынужденной данью приличіямъ, что̀ доказывается однимъ изъ писемъ къ Смирновой, гдѣ такое же требованіе поставлено относительно третьяго лица, именно Перовскаго. (Сравни въ изд. Кул., VI т., стр. 75, 140 и 364).

Послѣ того Гоголь написалъ письмо и Самарину, приложенное для передачи послѣднему въ письмѣ къ Смирновой. Было отъ него и другое письмо къ Самарину, — судя по собственнымъ словамъ Гоголя, что онъ послѣ долгаго перерыва въ перепискѣ первый написалъ ему „вызовъ", не получая отъ него ни строки. Это второе письмо Гоголя къ Самарину до сихъ поръ не было въ печати, и даже неизвѣстно, сохранилось ли; первое же письмо помѣщено въ „Русской Старинѣ"[2]).

Гоголю казалось, очевидно, что Смирнова черезчуръ хлопочетъ о Самаринѣ, тогда какъ это было совсѣмъ лишнее: „Самаринъ человѣкъ умный", и „ему нужны" только „покамѣстъ, труды, забота и совершенное отсутствіе празднаго времени"[3]). Смирнова думала, напротивъ, что Гоголь „дичится" съ Самаринымъ, неучтивъ къ нему.

Остается прибавить, что впослѣдствіи Гоголь причислялъ Самарина къ довольно близкимъ людямъ, на что указываютъ съ его стороны неизмѣнныя приглашенія Самарина принять

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 139.
[2]) 1889, VII, 166.
[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 140.

участіе въ празднованіи именинъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ въ саду Погодина, всякій разъ, когда Гоголь проводилъ этотъ день въ Москвѣ. (См. Соч. Гог., изд. Кул., VI, 485).

Отношенія Гоголя къ Чижову были гораздо сложнѣе и неопредѣленнѣе. Странными и непонятными могутъ показаться въ письмахъ къ нему Гоголя *послѣ* продолжительнаго сожительства въ Римѣ выраженія въ родѣ: „я васъ почти не знаю, или напоминаніе въ концѣ письма отчества[1]), очевидно перепутаннаго или забытаго Гоголемъ. Вѣроятнѣе всего, признавая за Чижовымъ нѣкоторыя достоинства и особенно уважая его умъ, что̀ видно изъ писемъ къ Иванову, Гоголь все-таки сравнительно весьма мало интересовался его личностью, не выдѣляя его изъ множества людей, съ которыми приходилось ему сталкиваться въ жизни, хотя при общей имъ благородной страсти къ Италіи и къ искусству слѣдовало бы ожидать иного[2]).

Въ заключеніе обзора фактовъ изъ жизни Гоголя, относящихся къ 1844 г., отмѣтимъ выраженное имъ горячее участіе къ потерѣ первой жены Погодинымъ, при чемъ ему удалось здѣсь привести въ исполненіе желаніе отозваться на несчастье ближняго[3]). Погодинъ былъ глубоко тронутъ участіемъ Гоголя, и между ними возобновилась было переписка, которая скоро прекратилась и оставила въ Гоголѣ сожалѣніе о томъ, что онъ подалъ къ ней поводъ своими утѣшеніями[4]).

Отмѣтимъ наконецъ, что, по просьбѣ Гоголя, Плетневъ выслалъ двѣ тысячи рублей матери Гоголя[5]).

---

[1]) См. «Русск. Стар.», 1889, VIII, 371 и 368.

[2]) См. о Чижовѣ особенно статью И. С. Аксакова: «Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ въ «Русскомъ Архивѣ, 1878, 1, 129—137; статью В. В. Стасова: «Живописецъ Александръ Андреевичъ Ивановъ» («Вѣстникъ Европы», 1880, I, II; также въ «Запискахъ о жизни Гоголя», т. I, стр. 326—331 и т. II, стр. 240; наконецъ, въ письмахъ Гоголя къ Иванову «Вѣстн. Европы», 1883, XII, стр. 649), и у Боткина.

[3]) Гоголю о несчастіяхъ Погодина въ 1844—1845 гг. (о смерти его жены и о временной хромотѣ, происшедшей отъ паденія съ дрожекъ) кромѣ самого Погодина сообщали Шевыревъ и Языковъ (см. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 14; «Русск. Стар.», 1889, VIII, 383; «Русск. Стар.», 1896, XII).

[4]) См. «Русскую Стар.», 1889, VIII, 383—384. Соч. и письма Гог., VI, 118—119 и 404.

[5]) Соч. и письма Гог., VI, 129.

XLVII.

Приближался самый мрачный и прозаическій годъ жизни Гоголя, годъ тяжелыхъ физическихъ страданій, и притомъ не только его самого, но по какому-то странному совпаденію и всѣхъ почти близкихъ ему людей. Уже въ 1844 г. недуги начали сильно одолѣвать Гоголя и ему пришлось обратиться къ Копну, лѣчиться на водахъ и проч. Въ 1845 г. онъ ничѣмъ уже не могъ заниматься и ни о чемъ не думалъ кромѣ болѣзней.

Живя осенью во Франкфуртѣ съ Жуковскимъ, Гоголь имѣлъ несчастіе видѣть на своихъ глазахъ работу дѣятельную, бодрую, кипучую, съ блестящимъ и несомнѣннымъ успѣхомъ, тогда какъ его собственный трудъ подвигался вяло, не смотря на то, что разница въ возрастахъ между нимъ и Жуковскимъ скорѣе должна была бы вести къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Гоголь былъ въ восторженномъ упоеніи отъ „Одиссеи“ и признавалъ ее вѣнцомъ всѣхъ переводовъ, когда-либо существовавшихъ во всемірной литературѣ[1]). По мнѣнію Гоголя, Жуковскій на закатѣ дней своихъ вкушалъ самое чистое и великое на землѣ счастье. Когда Гоголь поселился у него, онъ чувствовалъ на себѣ благотворное нравственное вліяніе мирной атмосферы труда и семейнаго счастья и наслаждался бесѣдами Жуковскаго и чтеніемъ его новѣйшихъ сочиненій. Впрочемъ уединенная кабинетная жизнь среди людей, хотя и расположенныхъ къ нему, но чуждыхъ по воспитанію, привычкамъ и языку, — о которыхъ онъ говорилъ: „Я ихъ всѣхъ люблю, хотя и не изъясняюсь съ ними словами и рѣчами“[2]), — во всякомъ случаѣ сильно отличалась отъ привольной жизни у Віельгорскихъ или Смирновыхъ. Съ семействомъ барона Рейтерна Гоголь не могъ сблизиться, уже по незнанію нѣмецкаго языка, и этимъ, вѣроятно объясняется вопросъ, предложенный ему Смирновой: „Какъ вы уживаетесь съ Елизаветой Евграфовной[3])?“ Гоголь въ отвѣтѣ своемъ въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовалъ свои отно-

---

[1]) То же думалъ и Языковъ, писавшій Гоголю: «Наша «Одиссея» перешибетъ всѣ возможные переводы: это будетъ памятникомъ, про который можно сказать, что «металловъ крѣпче (sic) онъ и лучше (sic) пирамидъ». (См. «Русск. Стар.», 1896, XII.)

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 165.

[3]) «Русская Стар.», 1888, X, 139.

шенія къ супругамъ Жуковскимъ и къ другимъ домочадцамъ, вообще свое положеніе въ семьѣ: „Съ Жуковскимъ мы ладимъ хорошо и никакъ не мѣшаемъ другъ другу; каждый занятъ своимъ. Съ Елизаветой Евграфовной тоже ладимъ хорошо, и, что̀ лучше всего, ни ей нѣтъ во мнѣ большой потребности, ни мнѣ въ ней“[1]). Но вдохновеніе не приходило, и Гоголь утѣшалъ себя мыслью, что „Богъ, Который лучше насъ знаетъ время всему, не полагаетъ на это Своей воли, отъявши на долгое время способность творить“[2]). „Слышу въ себѣ силу“, говорилъ онъ, „и слышу, что она не можетъ двинуться безъ воли Божіей“. Напротивъ Жуковскому, приходившему въ отчаяніе во время тяжелыхъ родовъ его жены передъ рожденіемъ его сына Павла[3]), Гоголь въ утѣшеніе напоминалъ оказанныя ему Богомъ благодѣянія: „Вы такъ награждены, какъ ни одинъ человѣкъ еще не былъ награжденъ. На вечерѣ дней вашихъ вы узнали такое счастье, какое другому и въ цвѣтущій полдень его жизни рѣдко достается. Богъ послалъ вамъ ангела въ видѣ любящей васъ чистой, ангельской любовью супруги; Онъ же внушилъ вамъ мысль заняться великимъ дѣломъ творческимъ, надъ которымъ яснѣетъ духъ вашъ и обновляются ежеминутно душевныя силы; Онъ же показалъ надъ вами чудо, какое едва ли когда доселѣ случалось въ мірѣ: возрастанье генія и восходящую, съ каждымъ стихомъ и созданьемъ, его силу, въ такой періодъ жизни, когда въ другомъ поэтѣ все это охладѣваетъ и мерзнетъ“[4]). Въ послѣднихъ словахъ Гоголь, очевидно, не могъ не разумѣть Языкова и, вѣроятно, самого себя. Языкову онъ сообщалъ въ то же время о Жуковскомъ: „Дай Богъ,

---

[1]) Соч. и письма Гог., VI, 148. (О близости отношеній въ это время Гоголя къ Жуковскому см. также въ письмѣ Гоголя къ Погодину. «Русская Ж.», 1892, № 64).

[2]) Стр. 174.

[3]) Нынѣ извѣстный художникъ, Павелъ Васильевичъ Жуковскій.

[4]) Соч. и письма Гог., VI, 155—156. Это письмо было написано, когда Гоголь и Жуковскій были оба во Франкфуртѣ. Объяснить эту странность можно легко тѣмъ, что во время родовъ жены Жуковскій совершенно измѣнялъ своему кроткому и терпѣливому характеру и бывалъ внѣ себя отъ волненія и страха, будучи склоненъ представлять себѣ въ страшныхъ краскахъ готовое поразить его несчастье. Своимъ письмомъ Гоголь старался поддержать въ немъ бодрость духа и пристыдить малодушіемъ и недостаткомъ надежды на Божіе милосердіе. Такія письма бывали нерѣдко. Ср. «Жизнь и поэзія Жуковскаго», Зейдлица, стр. 202. По мнѣнію Зейдлица, это письмо было написано и передано Жуковскому изъ сосѣдней комнаты.

чтобы все остальное такъ же шло на свѣтѣ, какъ идетъ у Жуковскаго „Одиссея“ [1]). А Жуковскій кромѣ „Одиссеи“ въ небольшой промежутокъ времени успѣлъ написать „Капитана Боппа и сказку объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ“. Но такъ счастливо работалъ онъ недолго и вскорѣ, подобно Гоголю, остановился въ своемъ творчествѣ на точкѣ замерзанія. Въ іюлѣ онъ уже писалъ Плетневу: „Я кончилъ XII пѣснь „Одиссеи“ и написалъ „Ивана Царевича“; съ тѣхъ поръ какъ будто заколдобило: всю зиму хворалъ; послѣ хворанья не писалось и теперь не пишется; и такъ будетъ до конца августа, ибо въ концѣ іюля надобно будетъ ѣхать въ Швальбахъ пить воды и купаться. По возвращеніи оттуда примусь свѣжій за дѣло“[2]). Но надежда обманула его, и не только въ августѣ, но и въ началѣ января (по новому стилю) ничего не вышло изъ-подъ его пера, и онъ могъ вдвойнѣ жалѣть о Гоголѣ и сочувствовать ему. $^{5}/_{17}$ ноября онъ писалъ Гоголю: „скажу вамъ, что я все еще не принимался снова за „Одиссею“, и ничего новаго не сдѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались: какой-то вредоносный самумъ на насъ обоихъ повѣялъ. Но теперь снова берусь за перо. Можетъ быть, и вы начинаете острить свое“ [3]). Но и $\frac{\text{24 дек. 1845 г.}}{\text{5 генв. 1845 г.}}$ онъ снова писалъ: „Пишете ли вы? А я какъ будто заколдованъ. Гомеръ мой остановился на половинѣ тринадцатой пѣсни, и вотъ уже годъ, какъ я за него не могъ приняться и отъ болѣзни, и отъ лѣченія, и отъ поѣздокъ“ [4]).

Въ эту печальную пору Жуковскій такъ сильно подружился съ Гоголемъ, что чувствовалъ живѣйшую нужду въ его обществѣ, а во время разлуки скучалъ и вспоминалъ его и снова звалъ къ себѣ или назначалъ гдѣ-нибудь свиданіе. Съ такимъ же теплымъ радушіемъ относилась къ Гоголю и жена Жуковскаго. Сойтись и привязаться взаимно имъ помогало между прочимъ сходное религіозное настроеніе[5]). Больше всего строй мыслей

---

[1]) Стр. 159.

[2]) Соч. Плетнева, т. 3, стр. 555.

[3]) Сборникъ Общества Любителей Русской Словесности на 1891 г., стр. 18.

[4]) Отчетъ Импер. Публичн. Библіотеки за 1887 г., стр. 42—43.

[5]) Вліяніе Жуковскаго на Гоголя С. Т. Аксаковъ признавалъ вреднымъ; вѣрнѣе, встрѣчи и бесѣды съ Толстымъ, Смирновой и Жуковскимъ потому и дѣйствовали на Гоголя, что всѣмъ предшествующимъ развитіемъ онъ былъ уже приведенъ къ піэтизму.

Жуковскаго находилъ громкій отголосокъ въ душѣ Гоголя. Такъ въ ней должны были отозваться напр. слѣдующія слова Жуковскаго: „Чѣмъ болѣе думаешь, тѣмъ яснѣе становится одно, что мы должны покоряться, и во всемъ, что̀ бы съ нами ни случилось, видѣть добро не потому, что оно намъ *такимъ* кажется, а потому, что все выходитъ изъ воли одного и того же любящаго Бога, Который во всякое мгновеніе жизни нашей съ нами, что на все есть Его воля и что Его воля есть благо, въ чемъ бы она ни проявлялась намъ. Итакъ покорность! Въ этомъ все: и терпѣніе, и миръ душевный, и всѣ блага души“ [1]). Характеръ переписки Гоголя съ Жуковскимъ, начиная съ 1845 г., становится вполнѣ ровнымъ и опредѣленнымъ: въ письмахъ передаются извѣстія самыя прозаическія, домашнія, высказываются совѣты о лѣченіи, докторахъ, сообщаются предположенія о маршрутахъ, будущемъ мѣстопребываніи и проч. Къ Жуковскому Гоголь настолько привыкъ, что, стараясь быть чаще съ нимъ, почти забываетъ о Римѣ и Италіи. Таковы же приблизительно были его отношенія къ Толстымъ. Простившись съ Смирновыми и Віельгорскими, Гоголь все болѣе сближается съ Толстыми и ихъ родственниками, Апраксиными, и другими. Впрочемъ въ началѣ 1845 г. онъ еще дѣлилъ отчасти свое время между Віельгорскими и Толстыми въ Парижѣ.

Возвратившись изъ Остенде во Франкфуртъ осенью 1844 г., Гоголь имѣлъ удовольствіе еще разъ не надолго поселиться съ ними и съ Жуковскимъ въ названномъ городѣ. По крайней мѣрѣ такъ слѣдуетъ заключить изъ словъ его письма къ А. П. Толстому: „У графовъ Віельгорскихъ опять воспослѣдовала перемѣна. Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ во Франкфуртъ, гдѣ находится и Лазарева“ [2]). Послѣдняя была родственницей Віельгорскихъ и всѣ они, т.-е. Віельгорскія, Лазаревы, принцесса Фанни Бойенъ и проч., нерѣдко совершали теперь вмѣстѣ свои поѣздки. Всѣ они въ октябрѣ отправились въ Рюдесгеймъ, куда подзывали и Гоголя. Анна Михайловна Віельгорская писала ему: „пріѣзжайте поскорѣе къ намъ. Мы васъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ и ваше присутствіе здѣсь нужно. Рюдесгеймъ не подлецъ, какъ Остенде“ [3]) и проч.

---

[1]) Отчетъ Императ. Публичн. Библіотеки за 1887 г., прилож., стр. 37.

[2]) «Русск. Стар.», 1891, III, 569.

[3]) «Вѣстн. Европы», 1889, X, 486.

Получивъ это письмо, Гоголь собирался поѣхать къ нимъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, но почему-то поѣздка была отложена и потомъ, кажется, не состоялась. Наконецъ Віельгорскіе вмѣстѣ съ „рюдесгеймской семьей", какъ Гоголь называлъ Лазаревыхъ, двинулись на зиму въ Парижъ, исполняя предписаніе доктора Гугерта [1]). Нравственное состояніе семьи было крайне неутѣшительно: первыя же впечатлѣнія по въѣздѣ въ Парижъ были непріятны для Анны Михайловны, вынужденной насильно провести здѣсь зиму, и еще тягостнѣе для графини Луизы Карловны, давно стремившейся въ Петербургъ къ мужу и къ другимъ дочерямъ. Кромѣ того, въ домѣ были больные, а графиня Гогенталь была недалека отъ смерти. Тѣмъ не менѣе Парижъ обнаружилъ и въ этомъ случаѣ свое обычное вліяніе на нихъ, какъ на большинство пріѣзжающихъ: забывая невзгоды, молодые члены обоихъ семействъ, Лазаревыхъ и Віельгорскихъ, закружились въ вихрѣ парижскихъ удовольствій и переживали въ шумной столицѣ міра съ одной стороны множество мученій и безпокойствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и отдыхали отъ горя въ наслажденіяхъ свѣтской жизни. Прежнее религіозное настроеніе естественно уступило житейскимъ интересамъ и только совмѣстныя поѣздки въ русскую церковь по праздникамъ съ Толстыми напоминали привычки, усвоенныя въ Ниццѣ.

Въ декабрѣ Гоголь началъ чувствовать себя особенно дурно. Докторъ Коппъ совѣтовалъ ему оставить Франкфуртъ; Жуковскій высказывался также за небольшую экскурсію. Въ то время его усиленно звали въ Парижъ какъ Віельгорскіе, такъ и Толстые [2]). Гоголь по обыкновенію началъ уже мечтать объ Италіи, но на мѣсяцъ заѣхалъ въ Парижъ [3]). Въ сущности новый Вавилонъ претилъ Гоголю, но онъ не могъ себѣ отказать въ удовольствіи повидаться съ друзьями. „Что вы заманиваете меня Парижемъ, Рашелью, магазинами и прочей дрянью?" — писалъ онъ графинѣ Луизѣ Карловнѣ: „Развѣ вы не знаете, что если бы вы жили на Чукотскомъ носу или въ городѣ Чухломѣ и пригласили бы меня оттуда къ себѣ,

---

[1]) Тамъ же, см. стр. 487, гдѣ упоминается Лазарь Екимовичъ Лазаревъ и проч. Лазаревы, и 483 (о предписаніи доктора Гугерта).

[2]) Соч. Жук., изд. 7-е, VI, стр. 524 или «Русск. Арх.», 1871, 4—5, 1858.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 164—165.

описавъ мнѣ всю тоску тамошняго пребыванія, то я бы скорѣе къ вамъ пріѣхалъ туда, чѣмъ въ Парижъ“ [1]).

LI.

Между тѣмъ заграничнымъ странствованіямъ Віельгорскихъ приходилъ конецъ: Софья Михайловна горѣла нетерпѣніемъ возвратиться къ мужу въ Петербургъ, а графиня-мать съ Анной Михайловной должны были коротать еще зиму въ Парижѣ и вести вполнѣ осѣдлую жизнь. Въ это время Гоголь, поселившись съ Жуковскимъ и засѣвъ за „Мертвыя Души“, не поддавался сначала на заманчивыя приглашенія своихъ друзей, но все-таки не выдержалъ и въ половинѣ января явился въ Парижъ [2]).

Поѣздка въ Парижъ была совершена Гоголемъ подъ вліяніемъ тяжелаго нравственнаго состоянія, въ которое онъ впалъ во Франкфуртѣ въ концѣ 1844 года [3]). Почувствовавъ отъ напряженнаго умственнаго труда возвращеніе нервныхъ страданій и крайній упадокъ физическихъ и моральныхъ силъ, Гоголь по обыкновенію рѣшился искать отдыха и освѣженія, во-первыхъ, въ дорогѣ и, во-вторыхъ, въ обществѣ преданныхъ людей. Пересиливая себя до послѣдней крайности и стараясь не терять бодрости духа, что̀ онъ часто совѣтовалъ другимъ, Гоголь вдругъ собрался, по совѣту Жуковскаго и доктора Коппа, на мѣсяцъ къ Віельгорскимъ. Смирновой онъ объяснялъ эту поѣздку такъ: „Не зная, куда направить шаги, я отправился въ Парижъ единственно затѣмъ, что тамъ были люди, близкіе душѣ моей“ (кромѣ Віельгорскихъ, здѣсь разумѣются гр. А. П. Толстой и его супруга, Анна Георгіевна) [4]). Но надежды Гоголя на облегченіе не сбылись. Поѣздка по обыкновенію освѣжила и развлекла Гоголя, но только-что онъ устроился тамъ, остановившись у Толстыхъ, какъ долженъ былъ убѣдиться, что пріѣхалъ совсѣмъ напрасно: всѣмъ было въ это время какъ-то не до него. Парижская суета и и душный воздухъ приводили его въ раздраженіе. Образъ

---

[1]) См. «Вѣстн. Евр.», 1889, X, 492.

[2]) Онъ туда прибылъ 15 января 1845 г. (см. «Русск. Мысль», 1896 г., т. V, стр. 179).

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 164.

[4]) Тамъ же, VI, стр. 165—168.

жизни Віельгорскихъ въ Парижѣ нисколько не походилъ на жизнь ихъ въ Ниццѣ: какъ въ послѣдней онѣ предавались тихимъ удовольствіямъ въ скромномъ семейномъ и дружескомъ кругу, такъ теперь. наоборотъ, до того были увлечены вихремъ парижскихъ увеселеній, въ которыхъ даже старая графиня принимала дѣятельное участіе ради молодой соскучившейся однообразною жизнью дочери, что Гоголю едва удавалось видѣть ихъ мелькомъ на нѣсколько минутъ. Родственники Віельгорскихъ, Лазаревы, были ихъ постоянными спутниками и руководителями въ этой разсѣянной жизни и рѣшительно отвлекли ихъ вниманіе отъ Гоголя. Послѣдній проводилъ время въ Парижѣ совершеннымъ отшельникомъ и бесѣдуя съ графомъ Толстымъ о религіозныхъ вопросахъ, объ общихъ недугахъ и лѣченьѣ, остальное время проводилъ въ церкви. чтеніи книгъ и прогулкахъ. Если въ Ниццѣ обстоятельства и настроеніе духа его и Віельгорскихъ гармонировали между собой, то здѣсь они были діаметрально противоположны. Нервы Гоголя были страшно натянуты, и онъ съ досадой признавался Жуковскому: „Время идетъ безтолково и никакъ не устраивается, и я радъ бы въ здѣшнее длинное утро сдѣлать хоть половину противъ того, что̀ дѣлывалъ въ короткое время во Франкфуртѣ, хотя занятія были не тѣ, какія замышлялъ“[1]). Несмотря на то, что Гоголь находилъ желательными для Анны Михайловны разсѣяніе и свѣтскія удовольствія, видя въ нихъ хорошее средство противъ унынія, но предоставленный на жертву скукѣ одиночества и тяготясь душнымъ воздухомъ Парижа, онъ охотно послѣдовалъ совѣту Жуковскаго побольше прогуливаться по окрестностямъ. Наконецъ, пробывъ въ Парижѣ около мѣсяца, и пространствовавъ по окрестностямъ, онъ оставилъ его неудовлетворенный и терзаемый горькимъ сознаніемъ, что состояніе его духа и здоровья нисколько не улучшилось. Какъ ни старался онъ, измученный физически, сохранять бодрость духа, утѣшая себя, что „временами было такъ на душѣ легко, какъ будто бы ангелы пѣли, меня сопровождая“[2]), но онъ уже быстрыми шагами приближался къ тому ужасному физическому и нравственному состоянію, въ которомъ находился въ теченіе 1845 года, когда

---

[1]) Тамъ же, VI, 165.
[2]) «Вѣстн. Евр.», 1859, XI. стр. 89.

даже при его твердыхъ религiозныхъ убѣжденiяхъ, онъ былъ въ состоянiи написать одному изъ своихъ друзей, что „повѣситься или утопиться казалось ему похожимъ на какое-то лѣкарство или облегченiе[1]).

На свои неудачи онъ жаловался Жуковскому, отъ котораго получилъ приглашенiе, постранствовавъ нѣсколько времени по окрестностямъ Парижа, вернуться во Франкфуртъ[2]), разсчитавъ такъ, чтобы не гостить у него одновременно съ А. И. Тургеневымъ[3]), который былъ также въ Парижѣ, но ѣхалъ теперь лѣчиться въ Карлсбадъ. Соскучившись въ Парижѣ, Гоголь съ радостью послѣдовалъ совѣту Жуковскаго, отложивъ поѣздку въ Италiю въ виду необходимости пожить лѣтомъ на водахъ, гдѣ онъ мечталъ устроиться съ Языковымъ, сообщая ему свои планы въ цѣломъ рядѣ писемъ. Снова повторилась обычная съ нимъ исторiя: въ дорогѣ онъ чувствовалъ себя хорошо, но по прiѣздѣ на мѣсто началъ мучиться разными недугами. На бѣду во Франкфуртѣ Гоголь засталъ сначала суровую зимнюю погоду, такую, какой не могли запомнить мѣстные старожилы, а потомъ почти наводненiе отъ разлива рѣкъ. Жуковскiй въ это время хворалъ и домашняя обстановка была самая невеселая. Все не благопрiятствовало труду Гоголя, жаловавшагося Языкову: „Жуковскiй тоже былъ боленъ, но по крайней мѣрѣ теперь чувствуетъ себя лучше. А я наоборотъ: изнурился и тѣломъ и духомъ. Занятiя не идутъ никакiя“[4]).

Чѣмъ труднѣе давалось вдохновенiе Гоголю, тѣмъ больше созрѣвала въ его умѣ теорiя истиннаго призванiя поэта. Въ концѣ 1844 г. и въ 1845 г. онъ написалъ нѣсколько писемъ Языкову (въ которыхъ высказалъ результаты своихъ размышленiй) и большую статью: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзiи и въ чемъ ея особенность“, причемъ въ концѣ статьи узнаемъ обычный строй мыслей Гоголя, гдѣ онъ гово-

---

1) Соч. и письма Гоголя, VI, 236.

2) Гоголь вернулся во Франкфуртъ 3 марта 1845 г. (См. «Русск. Мысль», 1896, V, стр. 179).

3) Отчетъ Имп. Публичной Библiотеки за 1887 г., прилож., стр. 34—35.

4) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 172. — Въ письмѣ къ А. М. Вiельгорской также читаемъ: «прошу Бога о ниспосланiи нужнаго одушевленiя для труда моего, свѣжести силъ и бойкости пишущей руки». («Вѣстн. Европы», 1889, X, 491); ср. также соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 525.

ритъ о томъ, что въ настоящее время поэтъ долженъ прежде всего заботиться о самовоспитаніи въ духѣ христіанства. Какъ весь остальной критическій этюдъ имѣетъ цѣлью показать значеніе поэзіи прошлаго вѣка и минувшихъ десятилѣтій, такъ въ этихъ словахъ намѣчены задачи для художественнаго творчества въ будущемъ.

LII.

Среди собственныхъ нравственныхъ мученій Гоголю суждено было узнавать о страданіяхъ почти всѣхъ близкихъ ему людей. Въ большинствѣ случаевъ онъ получалъ неутѣшительныя извѣстія въ письмахъ, но и непосредственно могъ наблюдать психическій кризисъ въ графѣ А. П. Толстомъ. Гоголь былъ недоволенъ душевнымъ состояніемъ какъ графа, такъ и графини, и старался подать имъ необходимую нравственную помощь. О графинѣ онъ отзывался такъ: „Она множество собрала матеріаловъ къ себѣ въ душу и держитъ ихъ точно подъ замкомъ, не примѣняя ихъ къ дѣлу. Ей больше, чѣмъ кому-либо другому, слѣдуетъ молиться дѣлами: безъ дѣлъ угасаютъ сильно чувствованія душевныя, а безъ сильныхъ чувствованій душевныхъ безсловесна молитва“[1]). Какъ видно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ, Гоголь заботился о томъ, чтобы пробудить въ ея сердцѣ состраданіе къ ближнимъ и обратить ее отъ отвлеченнаго благочестія къ живой практической дѣятельности, направленной на благо страждущихъ. Далѣе этой цѣли для нея, какъ для женщины, Гоголь не видѣлъ никакой другой, но мужу ея онъ стремился указать болѣе широкое и достойное его поприще. Судя по письмамъ къ Толстому и отзыву о немъ въ письмѣ къ о. Матвѣю, можно думать, что во время частыхъ бесѣдъ съ Гоголемъ графъ находился въ самомъ угнетенномъ и безотрадномъ настроеніи, чувствовалъ утомленіе жизнью и не умѣлъ или не могъ найти желаннаго успокоенія въ религіи[2]). Въ отчаяніи онъ мечталъ о монастырѣ, но съ другой стороны находилъ въ душѣ своей ужасавшую его черствость и считалъ себя недостойнымъ монастыря. Отвлекая своего друга отъ овла-

---

[1]) «Вѣстн. Европы», 1889, X, 491.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 396 (но приведенное мѣсто тамъ пропущено и возстановлено въ цитатѣ Н. С. Тихонравова). Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 493 и 138.

дѣвшихъ имъ мрачныхъ мыслей, Гоголь, согласно постоянно высказываемому имъ убѣжденію, старался во-первыхъ поднять въ немъ бодрость, а во-вторыхъ наставить его не только въ крупныхъ дѣлахъ, но и въ мелочахъ. Но всего любопытнѣе и важнѣе для насъ то, что въ своихъ совѣтахъ онъ излагалъ задушевныя мысли и временами косвеннымъ образомъ раскрывалъ собственное душевное состояніе. Такъ едва ли не себя онъ имѣлъ въ виду въ числѣ многихъ другихъ въ слѣдующихъ словахъ: „Сколько есть теперь людей, которые добиваются жарко любви къ Богу и слышатъ одну только черствость да холодную пустоту въ душахъ“ [1]). Въ свою очередь, это мѣсто представляетъ, повидимому, повтореніе въ нѣсколько измѣненной формѣ мысли, высказанной въ письмѣ къ А. П. Толстому отъ 29 марта 1845 г.: „въ нѣсколько разъ выше подвигъ того, кто, не получая благодати, не отстаетъ отъ Бога и выноситъ крестъ, тягчайшій всѣхъ *крестовъ — крестъ черствости душевной*“ [2]). Смутному душевному настроенію гр. Толстого Гоголь противопоставляетъ свою непоколебимую рѣшимость во всемъ безъ страха положиться на Бога. Такъ, чувствуя постоянное усиленіе болѣзней и упадокъ силъ, онъ говорилъ: „Появляются такіе признаки, которые говорятъ, что пора наконецъ знать честь и, поблагодаривъ Бога за все, уступить, можетъ быть, свое мѣсто живущимъ. Но да будетъ во всемъ Его святая воля! Угодно будетъ необыкновеннымъ чудомъ Ему продлить и спасти жизнь мою: велика тогда будетъ сила Его и высшая премудрость! Угодно будетъ прервать ее, велика также будетъ Его сила и высшая премудрость — и это будетъ знакъ, что смерть моя, вѣрно, была полезнѣе и нужнѣй самой моей жизни“ [3]). Въ послѣднихъ словахъ не было преувеличенія и рисовки,

---

[1]) Тамъ же, стр. 94.

[2]) «Въ память С. А. Юрьева», стр. 246. Курсивъ подлинника. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ слѣдующихъ словахъ письма отъ 28 марта: «письмо отъ графини, писанное 14 марта, получилъ» Гоголь могъ разумѣть не только письмо отъ графини Анны Егоровны Толстой, какъ предполагаетъ издательница писемъ Гоголя къ Толстому, но и отъ графини Віельгорской, такъ какъ выше говорится объ обѣихъ: «Къ графинямъ не пишу, но скажите имъ, что мнѣ лучше» («Въ память Юрьева», 249) и притомъ письмо графини Віельгорской было написано именно 14 марта («Вѣстн. Евр.» 1889, XI, 89—90).

[3]) «Въ память Юрьева», стр. 247.

такъ какъ онѣ вылились изъ души Гоголя въ минуту страха за собственную жизнь и повторены не разъ въ другихъ мѣстахъ переписки. Но, конечно, Гоголь не хотѣлъ такого грустнаго исхода и около этого времени усиленно просилъ молиться за него, причемъ особенно вѣрилъ въ силу молитвы своей матери и набожной старушки Шереметевой, но также и въ молитву графа Толстого, котораго убѣждалъ не переставать молиться и „не прекращать душеспасительныхъ чтеній".

Утѣшенія, адресованныя графу Толстому, имѣли извѣстный успѣхъ и принимались охотно; они скрѣпляли сильнѣе ту духовную связь, которая успѣла уже установиться между нимъ и Гоголемъ; менѣе удачны были по своему дѣйствію назиданія другимъ лицамъ, изъ которыхъ иные показывали Гоголю немалую досаду за проповѣдуемыя имъ смиреніе и уговоры все переносить терпѣливо. Такъ сильно разсердило Аксакова обѣщаніе духовнаго зрѣнія вмѣсто потеряннаго имъ зрѣнія чувственнаго и призывъ „ввѣрить себя Тому, Кто стоитъ того, чтобы на Него положиться"[1]). Аксаковъ никакъ не ожидалъ такого пастырскаго увѣщанія отъ человѣка, въ которомъ, какъ онъ думалъ, его горе встрѣтитъ болѣе живой и сочувственный отголосокъ; холодныя слова морали показались ему верхомъ безучастія и равнодушія, чуть не насмѣшкой. И въ самомъ дѣлѣ, письмо его съ извѣщеніемъ о постигшемъ бѣдствіи свидѣтельствуетъ о совершенной потерѣ самообладанія: онъ самъ признавался, что ему недостаетъ для перенесенія несчастья не только покорности волѣ Божіей, но и простого „человѣческаго достоинства"[2]); во всемъ письмѣ видно было, что кромѣ собственныхъ страданій для него въ данную минуту ничего не существовало — и вдругъ онъ получаетъ упреки и увѣренія въ томъ, что въ сущности онъ не умѣетъ оцѣнить дарованной ему Богомъ великой награды. Также вывелъ изъ себя Гоголь и Иванова, поучая его, что онъ напрасно думаетъ о пропитаніи и что онъ весь долженъ уйти въ совершающееся въ немъ внутреннее событіе. Страннѣе всего былъ доводъ Гоголя: „деньги, какъ тѣнь или красавица, бѣгутъ за нами только тогда, когда мы бѣжимъ отъ нихъ"[3]). Мысль эта уже не разъ высказы-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 185.

[2]) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 142.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 157.

валась имъ и объясняется неожиданнымъ полученіемъ денегъ отъ наслѣдника благодаря Жуковскому (въ половинѣ предыдущаго года); по давно усвоенной привычкѣ Гоголь принимаетъ случайность за общее правило и составляетъ оригинальную теорію, далеко не подтверждаемую ежедневнымъ опытомъ. Совѣты Иванову и сходныя по смыслу заключенія о собственныхъ дѣлахъ должны быть разсматриваемы въ связи съ взглядами Гоголя на принимаемые имъ подарки и пожертвованія. Необходимо помнить, что Гоголь потому возбуждалъ множество осужденій, что его оригинальныя воззрѣнія слишкомъ рѣзко отличались отъ обыкновенныхъ. Такъ онъ писалъ Шевыреву по полученіи денегъ, доставшихся ему благодаря Жуковскому: „Теперь мнѣ смѣшно, когда подумаю, о чемъ хлопоталъ. Хорошо, что Богъ былъ милостивъ и всякій разъ меня наказывалъ: въ то время, когда я думалъ о своемъ обезпеченіи, никогда у меня не было денегъ; когда же не думалъ, тогда онѣ всегда ко мнѣ приходили, и я имѣлъ больше, чѣмъ нужно“ [1]). Такое убѣжденіе, однако, не мѣшало Гоголю обращаться и послѣ къ предержащимъ властямъ, хотя, казалось бы, было достаточно только отложить обо всемъ попеченіе и пользоваться наградой за то свыше. Далѣе въ своихъ наставленіяхъ Иванову Гоголь говорилъ: „Кто слишкомъ занятъ трудомъ своимъ, того не можетъ смутить мысль о деньгахъ, хотя бы даже и на завтрашній день ихъ у него недоставало. Онъ займетъ безъ церемоніи у перваго попавшагося пріятеля“. Такъ отчасти и поступалъ Гоголь и однажды прямо написалъ: „За содержаніе свое и житіе не плачу никому. Живу сегодня у одного, завтра у другого. Пріѣду къ вамъ тоже и проживу у васъ, не заплатя вамъ за это ни копѣйки“ [2]). Наконецъ въ письмѣ къ Иванову слѣдуетъ отмѣтить уже не разъ указанный излюбленный пріемъ мысли у Гоголя: „*А что, если* Богъ въ самомъ дѣлѣ для того сходилъ на землю и былъ человѣкомъ, и нарочно для того окружилъ земное пребываніе свое обстоятельствами, наводящими сомнѣнія и сбивающими съ толку *умныхъ людей*, чтобы поразить гордящагося умомъ своимъ человѣка?“ [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 124.

[2]) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 147.

[3]) «Современникъ», 1858, XI, 147 или «Указатель къ письмамъ Гог.», изд. 1, стр. 85.

Иванову очень не по душѣ пришлись такіе совѣты и утѣшенія Гоголя. Въ то время какъ за него дѣятельно хлопотали, гдѣ можно, Чижовъ и Смирнова[1]), всего естественнѣе было ожидать прежняго теплаго участія и отъ Гоголя, благодаря которому начались эти знакомства, а вмѣсто того онъ получалъ отъ него одну только досадную мораль.

LIII.

Разсматривая отношенія Гоголя къ Иванову, мы были пока склонны скорѣе стать на сторону Гоголя въ незамѣтно возникавшихъ уже съ 1844 г. недоразумѣніяхъ между ними, когда, напр., Гоголь совѣтовалъ: „Я вамъ скажу на всякій случай для будущаго: пора наконецъ взять вамъ власть надъ собою; не то мы вѣчно будемъ зависѣть отъ всякой дряни. Вы говорите: „какъ можно работать, когда душа неспокойна?“ „Да когда же можетъ быть душа спокойна?.. Я нѣсколько лѣтъ уже борюсь съ неспокойствіемъ душевнымъ. Да и откуда взялись у насъ такіе комфорты?“[2]) Конечно, такія рѣчи могли странно звучать для Иванова въ устахъ того самаго человѣка, съ которымъ они еще не очень давно беззавѣтно предавались прелестямъ римской жизни; такая же неожиданная и рѣзкая перемѣна въ соотвѣтственныхъ случаяхъ поражала и другихъ пріятелей Гоголя (особенно Данилевскаго); но съ точки зрѣнія житейскаго благоразумія нельзя же отрицать умѣстности подобныхъ совѣтовъ Иванову, и если Гоголь заходилъ слишкомъ далеко, рекомендуя смотрѣть на жизнь не „остроумными глазами, а глазами мудреца, просвѣтленнаго свыше“, то въ сущности и противъ этого нельзя ничего возразить, кромѣ того, что эти и дальнѣйшія слова получаютъ уже отчасти мистическую окраску. Письмо не понравилось Иванову и, главнымъ образомъ, кажется, своимъ наставительнымъ тономъ. Такимъ образомъ между прежними пріятелями промелькнула уже первая легкая тѣнь, еще почти не замѣченная ни однимъ изъ нихъ и нисколько не поколебавшая пока ихъ отношеній: слѣдующее же письмо Иванова начинается словами: „Съ величайшей радостью получилъ я

[1]) См. напр., «Сѣв. Вѣстн.», 1895, X, 132.
[2]) «Современникъ», 1858, XI, 143—144.

ваше письмо отъ 26 октября"[1]), и онъ съ прежней откровенностью и довѣріемъ сообщаетъ Гоголю все, что̀ было у него на душѣ; также отвѣчаетъ ему, въ свою очередь, и Гоголь.

Но уже, начиная съ 1845 г., въ дружескихъ письмахъ Гоголя сильнѣе чувствуется желаніе внушить Иванову убѣжденіе въ необходимости той самой внутренней работы надъ собой, въ смыслѣ нравственнаго усовершенствованія, которой предавался самъ Гоголь. Очевидно, не въ первый разъ Гоголь касался этихъ вопросовъ, когда въ письмѣ отъ 1-го января 1845 г. говорилъ: „Вспомните сіе мое слово: пока съ вами, или лучше — въ васъ самихъ не произойдетъ того внутренняго событія, какое силитесь вы изобразить на вашей картинѣ, въ лицѣ подвигнутыхъ и обращенныхъ словомъ Іоанна Крестителя, повѣрьте, что до тѣхъ поръ не будетъ кончена ваша картина. Работа ваша соединена съ вашимъ душевнымъ дѣломъ, а покуда въ душѣ вашей не будетъ кистью высшаго художника начертана эта картина, потуда не напишется она вашею кистью на холстѣ. Когда же напишется она на душѣ вашей, тогда кисть ваша полетитъ быстрѣе самой мысли. А что̀, если Богъ въ самомъ дѣлѣ (для того) сходилъ на землю и былъ человѣкомъ, и нарочно для того окружилъ земное пребываніе свое обстоятельствами, наводящими сомнѣніе и сбивающими съ толку умныхъ людей, чтобы поразить гордящагося умомъ своимъ человѣка и показать ему, какъ сухъ и слѣпъ и черствъ его умъ, когда стоитъ одиноко, не вспомоществуемый другими высшими способностями души и не озаренный свѣтомъ высшаго разума? Это будетъ началомъ обращенія; концомъ же его будетъ то, когда вы не найдете словъ ни изумляться, ни восхвалять необъятную мудрость Разума, предпріявшаго совершить такое дѣло — явиться въ міръ въ видѣ бѣднѣйшаго человѣка, не имѣвшаго угла, гдѣ преклонить гонимую голову свою, несмотря на все совершенство своей человѣческой природы, — и это будетъ формальнымъ окончаніемъ вашего обращенія"[2]).

Изъ отвѣта Иванова видно, что Гоголь совершенно не попалъ въ тонъ настроенія послѣдняго, такъ какъ Ивановъ,

---

[1]) Боткинъ. «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 175.
[2]) «Современникъ», 1858 г. кн. XI, стр. 147.

находясь въ критическомъ положеніи, нуждался прежде всего если не въ осязательной помощи, то въ совѣтахъ практическихъ.

Въ это время отрекомендованные Гоголю знакомые своей готовностью принять участіе въ Ивановѣ начинаютъ сильно заслонять для него доброту самого Гоголя. „Болѣе всего“— писалъ онъ откровенно къ послѣднему — „теперь утѣшаютъ меня письма Языкова, которыхъ уже три; они раздуваютъ искру, которую Чижовъ заронилъ здѣсь въ мою студію“[1]). Не мѣшаетъ взвѣсить здѣсь, что Гоголь именно въ 1845 г., подъ вліяніемъ крайне усилившагося болѣзненно-мистическаго настроенія, тономъ своихъ совѣтовъ и убѣжденій, добросовѣстно имъ предлагаемыхъ, приводилъ въ раздраженіе такихъ благородныхъ и сдержанныхъ людей, какъ Аксаковъ. Г. Кулишъ по поводу письма Гоголя и послѣдовавшаго за нимъ отвѣта Иванова высказываетъ предположеніе, что случившаяся вскорѣ болѣзнь послѣдняго произошла именно благодаря рѣзкости тона Гоголя, который и самъ этого опасался („Мнѣ очень прискорбно, если и я участвовалъ также неумѣстными моими письмами къ вашему огорченію“ и проч.[1]). Впрочемъ многое разстроивало тогда Иванова. Приведемъ слѣдующія интересныя строки изъ письма Иванова къ Гоголю отъ 15 марта, наполненнаго описаніемъ разныхъ его тревогъ и безпокойствъ. „Три мѣсяца сочиняя эскизъ Воскресенія Христова, я все поджидалъ въ Римъ Тона. Его встрѣтили всѣ торжественнымъ обѣдомъ, гдѣ онъ объявилъ мнѣ громогласно, что поручаетъ мнѣ самую отличную работу въ московскомъ соборѣ, т.-е. на парусахъ написать четырехъ евангелистовъ, прибавивъ, что его слово *вѣрно* и *неизмѣнно*. Всѣ съ шумомъ бросились меня поздравлять. Я, пораженный горькой перемѣной предмета, не зналъ, что̀ дѣлать. Тонъ, какъ видно, дивился моему безвосхищенію. Всѣ другіе, получившіе отъ него порученія, были въ полномъ восторгѣ. Образъ Воскресенія остался за Карломъ Брюло. Въ студіи моей Тонъ былъ очень доволенъ, но взглядъ его на искусство наше устарѣлъ и никогда не былъ воспитанъ высокой тишиной Рима. Онъ кажется какимъ-то хозяиномъ-повели-

---

[1]) «Современникъ», 1858, XI, стр. 150; замѣчаніе Кулиша см. тамъ же въ выноскѣ.

телемъ, привыкъ видѣть въ живописцахъ и скульпторахъ своихъ покорныхъ работниковъ. Слишкомъ трудно уцѣлѣть въ Петербургѣ.

„Самое утѣшительное то, что онъ обѣщался за меня поговорить академіи, чтобы доставить мнѣ трехлѣтнее содержаніе на окончаніе моей настоящей картины. Если это въ самомъ дѣлѣ будетъ, то мнѣ больше ничего и желать не надобно. Что̀ будетъ послѣ: изъ русской ли исторіи сюжеты писать мнѣ, или заборы и стѣны красить изъ-подъ палки, объ этомъ у меня и заботъ нѣтъ. Жеребцова обѣщала Моллеру уговорить Волконскаго, чтобы не останавливалъ обо мнѣ представленія академическаго. Вѣдь Петръ Михайловичъ, когда дѣло идетъ о выдачѣ денегъ, привыкъ обыкновенно безъ разбору останавливать. Хорошо, если бы вы потрудились написать А. О. Смирновой, чтобы при пріѣздѣ Тона въ Петербургъ, тотчасъ поговорила бы съ Лейхтенбергскимъ обо мнѣ; а то вѣдь эти господа все забываютъ!

„Я ходилъ, хлопоталъ и писалъ, сдѣлалъ все, что̀ постигалъ умъ мой, къ доставленію себѣ способовъ на окончаніе картины. Все человѣческое сдѣлано; отдаюсь теперь на волю Божію.

„Моллеръ часто мнѣ надоѣдаетъ своими мелкими порученіями и просьбами. Я думаю, что я запрусь отъ него, хотя его и очень люблю. Князя ждутъ со дня на день. Я рѣшился его не пускать въ студію и не представляться. Знаю, что рискую на бѣды: но что̀ мнѣ дѣлать, скажите?“[1]).

Послѣ этого письма наступилъ продолжительный перерывъ въ перепискѣ Гоголя съ Ивановымъ, такъ какъ оба въ первой половинѣ 1845 г. были сильно больны, съ октября же этого года Гоголь снова поселился въ Римѣ и не переставалъ непосредственно заботиться объ Ивановѣ, какъ это показываетъ слѣдующее пропущенное мѣсто изъ письма Гоголя къ А. О. Смирновой отъ 27 января 1846 г.: „Иванова государь очень похвалилъ за его картину. Тутъ бы мнѣ было обдѣлать прекрасно его дѣло, но на бѣду здѣшній ихъ директоръ Киль, сѣвшій на мѣсто Кривцова, еще хуже въ этомъ дѣлѣ покойника: всѣ до единаго изъ художниковъ имъ не-

---

[1]) «Современникъ», 1858 г., кн. XI, стр. 149; дополнено по копіи съ подлиннаго письма.

довольны. Человѣкъ ни то ни сё и кромѣ того страшно предубѣжденный противъ русскихъ. Неблагоразумно, неосмотрительно поступаетъ и выставляетъ художниковъ иностранныхъ. Словомъ, никто его понять не можетъ. Въ Ивановѣ впрочемъ принимаетъ участіе Григорій Волконскій и обѣщалъ о немъ особенно хлопотать"[1]).

LIV.

Наконецъ тяжелое нравственное состояніе переживала также Смирнова, переставшая послѣ разлуки съ Гоголемъ удовлетворяться его заочными ободреніями и погрузившаяся въ сильную хандру. Торжественныя приготовленія къ новой разумной жизни въ духѣ христіанскаго ученія оказались скоро слишкомъ преувеличенными надеждами, которыя быстро разсѣяла суровая дѣйствительность. „Помните, что вы пріѣхали на новую жизнь" — писалъ Гоголь — „и что въ душѣ вашей возсіяетъ отнынѣ совершенное возрожденіе"[2]). Но ничего подобнаго не случилось. Въ первое время душевная бодрость поддерживалась сношеніями съ царской фамиліей; здѣсь одновременно дѣйствовали на подъемъ духа Смирновой и искренняя преданность императорскому дому и удовлетворенье давно не балованнаго самолюбія. Смирнова была очень чутка къ этой чести и каждый разъ приближеніе ко двору ее глубоко трогало, а малѣйшее невниманіе кололо и огорчало. Такъ она исповѣдовалась Гоголю: „Съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писала, не была болѣе въ Петергофѣ; стало быть, языкъ не передалъ имъ чувствъ моихъ. Это все, вѣроятно, къ лучшему: можетъ быть, я и возгордилась бы". Въ другой разъ она говорила: „Дворъ все еще въ Гатчинѣ. Всѣхъ туда зовутъ, а меня нѣтъ. Я не сержусь и не безпокоюсь" и проч.[3]). Но снова за ней присылаетъ государыня и она забывается отъ жизненныхъ невзгодъ въ кругу августѣйшаго семейства, сравниваемаго ею въ отношеніи чистоты семейныхъ отношеній съ „милыми Віельгорскими"[4]).

Такъ прошло нѣсколько первыхъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ,

---

1) «Указатель къ письмамъ Гоголя», изд. 1-е, стр. 86—87.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 92.

3) См. «Русск. Стар.», 1888, VII, 54 и 60.

4) Тамъ же, 1888, X, 131.

по истеченіи которыхъ къ Смирновой вернулись застарѣлые недуги: хандра, „рыбное состояніе“ и крайнее недовольство жизнью. Смирнова снова обратилась къ Гоголю: „Отчего вы, мо сладкій соловей, замолкли? Мнѣ ваши слова очень, очень нужны“ [1]). Въ другомъ письмѣ она говорила: „Вы, любезный другъ, выискали мою душу, вы ей показали путь, этотъ путь такъ разукрасили, что другимъ идти не хочется и невозможно. На немъ растутъ прекрасныя розы, благоуханныя, сладко душу успокоивающія“ [2]). Вскорѣ знакомство съ Самаринымъ и увлеченіе его умомъ и блестящими дарованіями заняли на нѣкоторое время ея тоскующую душу, но не надолго. Гоголь, кажется, опоздалъ предостереженіемъ, когда писалъ, намекая на Самарина: „Вами обладаетъ во всей силѣ то свойство, которое почти всегда бываетъ у лучшихъ женщинъ: необыкновенный инстинктъ узнавать съ перваго взгляда человѣка и, замѣтивъ въ немъ нѣсколько хорошихъ качествъ, увлекаться имъ до того, что уже не замѣчать ничего въ немъ дурного“ [3]). Смирнова, освободившись отъ временнаго увлеченія Самаринымъ, снова убѣдилась въ незамѣнимости добраго участія къ ней Гоголя и выразила это такъ: „Мнѣ нужна жизнь, какъ въ Ниццѣ, въ особенности душевная связь, какъ съ вами. Этого здѣсь не доищешься, да и Экклезіастъ сказалъ, что одного друга только можно имѣть въ жизни и что это сокровище дается Богомъ въ награду. Насъ сдружило наше обоюдное одиночество въ свѣтѣ и сознанье, что способности наши выше того слоя, гдѣ мы родились“ [4]). Свое положеніе въ свѣтѣ Смирнова характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Меня въ особенности терзаетъ скука и одиночество посреди шумнаго, населеннаго города, — можно сказать, отчужденіе мое отъ того свѣта, гдѣ поставили меня обстоятельства и къ которому я не касаюсь никакими интересами. Настоящихъ дружескихъ отношеній здѣсь такъ мало, такъ много основано на разсчетахъ, и еслибы дворъ меня не поддерживалъ, никто бы изъ старыхъ знакомыхъ и не гля-

---

1) Стр. 135.

2) Стр. 132.

3) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 141.

4) Письмо отъ 12 мая 1845 г. (Сборникъ «Помощь голодающимъ», стр. 478 и „Сѣверный Вѣстн.“ 1893, I, стр. 260).

дѣлъ на меня". Отсюда самыя печальныя послѣдствія: „Сбылись мои предчувствія", — говоритъ она: — „вся живость, легкость, всѣ силы душевныя, набранныя подъ вашимъ руководствомъ, все меня оставило въ безпрестанной и утомительной борьбѣ съ настоящими моими данными"[1]). При такихъ обстоятельствахъ желаніе видѣть Гоголя усиливалось съ каждымъ днемъ и наконецъ Смирнова пишетъ ему длинныя письма съ приглашеніемъ непремѣнно пріѣхать въ свое имѣніе Спасское[2]). Въ то же время она хлопотала о томъ, чтобы облегчить матеріальное положеніе Гоголя. Она первая предложила Гоголю въ случаѣ нужды занимать у нея деньги, а когда Гоголь выказалъ нерѣшительность, она писала: „Пожалуйста не безпокойтесь насчетъ способовъ существованія и не спрашивайте, какимъ образомъ я все это устроиваю. Это дѣло мое, а ваше — молиться за того, кто ихъ даетъ. Вы теперь у меня на рукахъ: три раза въ годъ будете получать по тысячѣ рублей, а, можетъ, и тысячу серебромъ просто въ годъ; мнѣ только надобно всегда знать, куда ихъ пересылать. Это все между нами, а вы не должны смѣть безпокоиться: насъ Богъ разсчитаетъ. Деньги у меня есть; я ихъ ни у кого не отнимаю; сама ихъ не лишаюсь"[3]). Въ другомъ письмѣ она сообщала, что можетъ располагать „сотнею и болѣе тысячъ"[4]).

По этимъ строкамъ можно было бы, пожалуй, преувеличить значеніе Смирновой въ облегченіи матеріальнаго положенія Гоголя, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она дѣйствовала на этомъ полѣ вмѣстѣ съ другими лицами.

Любопытныя данныя, сюда относящіяся, уже были приведены г. Барсуковымъ въ его книгѣ „Жизнь и труды Погодина". Г. Барсуковъ говоритъ слѣдующее: „Жуковскій, желая исцѣлить своего собрата отъ его недуга — безденежья, 4 января 1845 года писалъ А. О. Смирновой, находившейся тогда еще

[1]) Письмо отъ 11 апрѣля 1845 г. («Помощь голодающимъ», стр. 476, въ датѣ слѣдуетъ исправить опечатку: вм. 11 октября читай: 11 апрѣля), ср. «Сѣверный Вѣстн.», 1893, I, стр. 255.

[2]) Московской губерніи.

[3]) Письмо отъ 1 марта 1845 г. (тамъ же, стр. 474), «Сѣв. Вѣстн.», 1893 I, стр. 248.

[4]) Письмо отъ 20 марта 1845 г. («Помощь голодающимъ», 466; см. тамъ же и примѣч. Д. Н. Анучина); «Сѣв. Вѣстн.», 1893, т. I, стр. 252.

въ Петербургѣ: „Вамъ бы надо о Гоголѣ позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо надобно имѣть что-нибудь вѣрное въ годъ. Сочиненія ему мало даютъ, и онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня... Вы лучше другихъ можете характеризовать Гоголя съ его настоящей, лучшей стороны. По его комическимъ твореніямъ могутъ въ немъ видѣть совсѣмъ не то, что̀ онъ есть. У насъ смѣхъ принимаютъ за грѣхъ, слѣдовательно, всякій насмѣшникъ долженъ быть великій грѣшникъ“ [1]). „11 марта 1845 г. вечеромъ Смирнова была у Императрицы и напомнила Государю о Гоголѣ. „Онъ“ (т.-е. Государь) „былъ“, — замѣчаетъ Смирнова — „благосклоненъ“. *У него есть много таланта драматическаго, „но я не прощаю ему выраженія и обороты слишкомъ грубые и низкіе*“... Я совѣтовала прочесть „Мертвыя Души“ и замѣтить тѣ страницы, гдѣ выражается глубокое чувство народности и патріотизма“. Эта бесѣда Государя съ Смирновой была не безполезна для Гоголя. Государь приказалъ графу А. Ѳ. Орлову „заняться Гоголемъ“. На замѣчаніе же Орлова, что „Гоголь еще молодъ“ и ничего особеннаго не сдѣлалъ, Смирнова спрашиваетъ: „Прошу покорно сказать, что̀ такое надобно сдѣлать въ литературѣ, чтобы получить патентъ на достоинство литератора въ ихъ смыслѣ?“ и при этомъ замѣчаетъ: „право, они смѣшны. Еще еслибы читали по-русски!“ [2])

Судя по этимъ даннымъ, степень участія Жуковскаго и Смирновой въ исходатайствованіи пособія Гоголю опредѣляется слѣдующимъ образомъ: если Жуковскому принадлежала инниціатива въ этомъ дѣлѣ, а затѣмъ по временамъ онъ помогалъ дѣлу авторитетнымъ словомъ посредника, то, находясь вдали отъ Петербурга, по условіямъ придворныхъ отношеній, онъ чрезвычайно нуждался для оказанія помощи Гоголю въ содѣйствіи Смирновой, имѣвшей возможность лично просить самого государя. Мы видимъ съ одной стороны, что Смирнова энергично и успѣшно подготовляетъ почву для дѣйствій, съ другой — что Жуковскій все снова и снова ощущаетъ нужду въ ея дипломатическихъ стараніяхъ. Такъ въ апрѣлѣ 1845 г. Жуковскій снова писалъ Смирновой: „Здоровье Гоголя требуетъ рѣшительныхъ мѣръ; ему надобно

---

1) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 1855.

2) Барсуковъ «Жизнь и труды Погодина», т. VIII, стр. 75.

имъ заняться исключительно, бросивъ на время перо... Я его посылалъ въ Парижъ, полагая, что разсѣяніе сдѣлаетъ ему добро... Я думаю, что онъ долженъ будетъ ѣхать въ Гастейнъ, оттуда на всю зиму въ Италію. Прошу васъ выхлопотать или заставить похлопотать П. А. Плетнева, чтобы деньги были тоже выданы на мое имя во Франкфуртѣ на Майнѣ. Я буду знать, куда пересылать Гоголю. Онъ теперь на три года обезпеченъ; отъ царя милостиваго 1000 р., да отъ великаго князя 1000 фр. также; впродолженіе трехъ лѣтъ это и будетъ достаточно и онъ можетъ серьезно предаться лѣченію. А я уже и отъ Орлова получилъ письмо *очень любезное*" (такимъ образомъ Орловъ измѣнилъ свое отношеніе къ Гоголю), „въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о сдѣланномъ для Гоголя и *охотно вызывается* сдѣлать для него впередъ, что̀ можетъ полезнаго" [1]).

Приводя эти строки въ упомянутомъ примѣчаніи къ письмамъ Смирновой въ сборникѣ „Помощь голодающимъ", г. Анучинъ какъ бы хочетъ заслонить инициативой Жуковскаго участіе въ дѣлѣ Смирновой, но, какъ мы видимъ, ихъ усилія были вполнѣ общія и совмѣстныя. Но дѣятельность обоихъ этихъ лицъ въ данномъ случаѣ должна быть рѣзко отдѣлена отъ хлопотъ болѣе внѣшняго характера, доставшихся на долю Плетнева, довольно косо относившагося тогда и раньше къ Гоголю.

Далѣе г. Барсуковъ прибавляетъ:

„Въ концѣ концовъ, „Государь приказалъ Уварову узнать, что̀ нужно Гоголю, и Уваровъ, по свидѣтельству Смирновой, „поступилъ благородно, сказавъ, что Гоголь заслуживаетъ всякую помощь", и ему Высочайше пожаловано, въ видѣ пенсіи, по тысячѣ рублей серебромъ въ годъ „на три года" [2]).

Между тѣмъ глубоко благодарный Гоголь пишетъ оффиціальное письмо Государю и графу Уварову [3]); назначенная пенсія

---

[1]) «Русск. Арх.», 1871, стр. 1859—1860; соч. Жук., изд. 7, т. VI, стр. 525.

[2]) См. «Русскій Арх.», 1882, I, 212, 215, 216, 218, 219 и „Жизнь и труды Погодина", VIII, стр. 74—75.

[3]) Что деньги, назначенныя Гоголю на три года въ видѣ пенсій, были испрошены для него Смирновой, безъ его непосредственнаго ходатайства, видно изъ словъ его письма къ Уварову: «Клянусь, я и не помышлялъ даже просить о чемъ-либо Государя». (Соч. и письма Гоголя, т. VI, 173). Это письмо было отвѣтомъ на слѣдующее, еще ни разу не напечатанное оффиціальное письмо къ Гоголю С. С. Уварова:

распредѣляется по третямъ и пересылается черезъ посредство Плетнева.

Для дальнѣйшаго разъясненія дѣйствительныхъ отношеній къ Гоголю Плетнева умѣстно здѣсь привести нѣсколько строкъ изъ письма къ Гоголю А. О. Смирновой отъ 18 декабря 1844 г.: „Вчера утромъ пришелъ ко мнѣ Плетневъ съ вашимъ письмомъ[1]), и мнѣ открылась загадка вашего молчанія: на такое письмо надобно время, и вы хорошо сдѣлали, что сперва *ему* отвѣчали. Я говѣю, слѣдовательно, очищаю душу отъ грѣховъ, готовлю ее на обновленіе, на преумноженіе правды, любви, страха Божія. Теперь я вижу уже глазами болѣе свѣтлыми, нежели тому назадъ шесть мѣсяцевъ; знаю и то, что искренняя дружба вынуждаетъ меня вамъ сказать, безъ всякихъ лишнихъ свѣтскихъ обиняковъ. На Плетнева вы не пеняйте за то, что онъ почувствовалъ нужду показать мнѣ

Милостивый Государь,
Николай Васильевичъ!

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему ходатайству моему, обращая благосклонное вниманіе на литературные труды ваши, и принимая въ уваженіе болѣзненное ваше состояніе, требующее пользованія заграничными минеральными водами, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ выдавать вамъ въ теченіе трехъ лѣтъ по тысячѣ руб. сер. ежегодно, изъ суммъ Государственнаго Казначейства.

Увѣдомляя васъ о сей Монаршей милости, считаю нужнымъ присовокупить, что пожалованныя вамъ деньги будутъ отпускаемы въ С.-Петербургѣ подъ расписку г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Плетнева, для доставленія вамъ.

Мнѣ пріятно надѣяться, что милость Царская оживитъ талантъ вашъ на новую дѣятельность для пользы отечественной словесности.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи.

Уваровъ.

№ 449.
27 марта 1845 г.
С.-Петербургъ.

О предшествующихъ обращеніяхъ къ Уварову см. также объясненія Тихонравова (т. III, стр. 460—466) и „Русское Слово“, 1859, I, 112 и „Письма Гоголя къ Прокоповичу“, стр. 28.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ испрошеніи пособія Гоголю принимала участіе между прочимъ великая княгиня Марія Николаевна Лейхтенбергская, лично познакомившаяся съ Гоголемъ въ 1843 г. въ Римѣ (см. «Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 18 и 407 и «Русск. Стар.», 1888, X, стр. 125) и, вѣроятно, кромѣ того наслѣдникъ Александръ Николаевичъ (см. «Переписку Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 587) и Ольга Николаевна (II, стр. 132).

[1]) «Это письмо покамѣстъ еще не отыскано», писалъ въ «Запискахъ о жизни Гоголя» П. А. Кулишъ (см. т. II, стр. 23); оно не найдено и до сихъ поръ (см. «Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 902).

ваше письмо. Во-первыхъ, съ Плетневымъ произошла большая перемѣна въ эти послѣдніе три года, и онъ, не смотря на то, что вы нашли его уже созрѣвшимъ и характеръ его образованнымъ, онъ (sic) всегда былъ прекрасный и добрый человѣкъ, безъ сознанія христіанскаго, а теперь, благодаря Бога и пріятеля его Грота[1]), Плетневъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ, но въ предѣлахъ своего практическаго благоразумія и данныхъ семейныхъ, которыя давно опредѣлили его жизнь; потому Плетневъ не можетъ многаго понимать того, что̀ вы говорите и дѣлаете; потому многое, что̀ вы ему говорите, ему непонятно и кажется фальшивымъ. Онъ не увѣренъ въ васъ, и притомъ ему кажется, что въ васъ нѣтъ простоты“[2]). Далѣе Смирнова, не знавшая въ подробностяхъ отношеній своего друга къ Плетневу и не углубляясь въ едва извѣстныя ей недоразумѣнія съ московскими пріятелями Гоголя и Прокоповичемъ, подъ вліяніемъ взглядовъ Плетнева какъ бы сбавляетъ цѣну своему кумиру, находя въ обличеніяхъ Гоголя Плетневымъ такія черты, которыя она и сама въ немъ замѣчала, но не придавая имъ пока особеннаго значенія. Теперь впечатлительная женщина съ своей стороны припоминаетъ многое ею прежде замѣченное и съ живостью обрушивается на Гоголя множествомъ неожиданныхъ упрековъ. Съ мнѣніемъ же Плетнева о Гоголѣ мы можемъ познакомиться, кромѣ большого и откровеннаго письма его, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатаннаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“[3]), еще изъ слѣдующихъ болѣе раннихъ о немъ отзывовъ. Еще въ 1840 г. Плетневъ писалъ о немъ Гроту: „Гоголь не печатаетъ совсѣмъ не потому, что не увѣренъ въ сбытѣ или не догадается на это пуститься, а потому, что онъ упрямъ, какъ малороссійскій быкъ, и самолюбивъ, какъ сатана. Ему померещилось, что для довершенія славы его не нужно при жизни его печатать ни строчки: вотъ онъ и умираетъ съ голоду, *а черезъ законъ свой* не переступаетъ, подобно Матренѣ Семеновнѣ въ „Ярмаркѣ“[4]). Позднѣе, въ половинѣ 1842 года, онъ говоритъ о немъ не менѣе рѣзко: „Талантъ Гоголя удивителенъ, но его заносчивость, само-

---

[1]) Гротъ замѣнилъ Плетневу потерю Пушкина (см. «Переписку»).

[2]) «Русск. Стар.», 1888, X, 141.

[3]) 1890 г., № XI.

[4]) «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. I, 174.

надѣянность и, такъ сказать, самопоклоненіе бросаютъ непріятную тѣнь на его характеръ“[1]).

Такимъ образомъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что не Плетневу, а Жуковскому и Смирновой принадлежала иниціатива ходатайства за Гоголя, но особенно несомнѣнно, что именно на ихъ сторонѣ было всегда самое горячее и искреннѣйшее сочувствіе къ нему, какимъ далеко не въ такой степени отличался Плетневъ, который выполнялъ уже чужія предначертанія. Плетневъ самъ однажды выражалъ Гроту удивленіе, что „всѣ мысли Смирновой преданы Гоголю“[2]).

Прерывая пока послѣдовательный обзоръ интимной переписки Гоголя съ Смирновой, прибавимъ, что изъ нея намъ разъясняется вопросъ о томъ, къ кому было обращено въ „Перепискѣ съ друзьями“ письмо, озаглавленное: „Занимающему важное мѣсто“. Всѣ соображенія, указанныя академикомъ Тихонравовымъ, показываютъ ясно, что содержаніемъ письма послужило воспроизведеніе бесѣдъ Гоголя съ графомъ Толстымъ. На томъ же основаніи сходное предположеніе высказалъ и я въ первомъ изданіи „Указателя къ письмамъ Гоголя“[3]). Теперь же, на основаніи письма къ Гоголю Смирновой отъ 30 января 1845 г., видно, что письмо было обращено, однако, къ извѣстному намѣстнику Кавказа М. С. Воронцову. Смирнова сообщала тамъ Гоголю: „Воронцовъ писалъ государю, что ему шестьдесятъ четыре года, что онъ уже слабъ, а особенно глазами, что ему трудно рѣшиться принять такую огромную отвѣтственность“[4]) — и вотъ Гоголь измѣнилъ сложившееся у него въ головѣ содержаніе письма такимъ образомъ, что въ немъ имѣлся въ виду Воронцовъ. Такія слова, какъ: „придется ли вамъ ѣхать къ черкесамъ на Кавказъ, или попрежнему занять мѣсто генералъ-губернатора“[5]), ясно говорятъ въ пользу нашей догадки, а что Воронцовъ не былъ даже знакомъ съ Гоголемъ, въ данномъ случаѣ ничего не значитъ, потому что Гоголь прямо выразился однажды: „всѣ должностныя и чиновныя лица, *для которыхъ были писаны лучшія статьи,* исчезнули“ („вслѣдствіе цензурнаго запреще-

---

1) Тамъ же, стр. 563.

2) См. «Переписку Грота», II, 587; также 407, 412, 428, 429, 433, 438, 441 и 446.

3) Стр. 15.

4) «Помощь голодающимъ», стр. 472; «Сѣв. Вѣстн.», 1893, I, 243—244.

5) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 147.

нія") „изъ вида читателей"[1]). Вслѣдствіе такой же передѣлки, какъ справедливо замѣтилъ Н. С. Тихонравовъ о статьѣ „Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту", она „не можетъ служить характеристикой отношеній А. О. Смирновой"[2]), такъ какъ „ей данъ общій характеръ". Въ томъ же отношеніи, думается намъ, слѣдуетъ измѣнить предыдущее предположеніе, а также и относительно статьи „Женщина въ свѣтѣ", гдѣ воспроизведены въ измѣненномъ видѣ мысли, высказанныя Смирновой въ письмахъ отъ 16 мая 1844 г., отъ 26 августа и 3 ноября, а также, можетъ быть, въ устныхъ бесѣдахъ съ А. М. Віельгорской, которой Гоголь однажды писалъ: „*Вы всегда жаловались, что вамъ нѣтъ поприща, и мало дѣла, и не знаете, чѣмъ быть полезну другимъ*"[3]). Вообще разъясненіе подобныхъ вопросовъ, благодаря предполагаемому нами способу работы Гоголя, представляется довольно сложнымъ. Къ разбору ихъ мы еще возвратимся.

LV.

Возвратившись въ концѣ февраля изъ Парижа во Франкфуртъ, Гоголь оставался въ немъ до іюня и, если оставлялъ его не надолго въ этотъ промежутокъ времени, то лишь для говѣнія, для котораго онъ предполагалъ съѣздить на недѣлю въ Штутгардтъ[4]). Съ этихъ поръ біографическія данныя почти въ продолженіе цѣлаго года даютъ матеріалъ только для веденія скорбнаго листа. Уже во Франкфуртѣ Гоголь сталъ чувствовать себя такъ дурно, что обычные способы самоутѣшенія не помогали ему; онъ началъ хандрить и раздражаться такъ, что ему самому сдѣлалось послѣ совѣстно и онъ извинялся передъ Жуковскимъ: „Вы меня любите еще сильнѣе, чѣмъ прежде, не смотря на то, что я бы долженъ былъ вамъ надоѣсть сильно. Вы меня видѣли во всемъ моемъ малодушіи, во всѣхъ невыгоднѣйшихъ сторонахъ моего характера, со всѣмъ множествомъ моихъ слабостей и непривлекательныхъ свойствъ и, наконецъ, въ хандрѣ, въ которой бываетъ несносенъ даже и въ нѣсколько разъ меня лучшій

---

[1]) «Вѣстн. Евр.», 1889 г., XI, 118.
[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 536.
[3]) «Вѣстн. Евр.», 1889 г., XI, 112—113.
[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 166.

человѣкъ, и при всемъ томъ вы меня любите еще болѣе прежняго"[1]). Апатія и потеря бодрости у Гоголя достигла до такихъ размѣровъ, что ему, подъ вліяніемъ также отчасти отовсюду получаемыхъ грустныхъ писемъ, начинало серьезно казаться, что испытаніе въ данный моментъ посылается всѣмъ и что настало такое время, когда необходимо страдать. Но и тутъ мистическое настроеніе, рисуя воображенію страшныя картины, съ другой стороны указывало своеобразное утѣшеніе въ томъ, что, чѣмъ сильнѣе человѣка постигаютъ скорби и болѣзни, тѣмъ болѣе онъ пользуется благодатью свыше и тѣмъ съ большимъ правомъ будто бы долженъ считаться избранникомъ. „Въ этомъ году", — говорилъ онъ, — „особенно на всѣхъ наведено болѣе или менѣе нервическое разстройство, приведены въ слезы, въ уныніе и въ неспокойство тѣ, которые даже никогда дотолѣ не плакали, не унывали и не безпокоились. Блаженны избранники, которыхъ Богъ посѣтилъ ранѣе другихъ"[2]). Въ такомъ настроеніи Гоголь былъ способенъ больше откликаться на печальныя письма и неохотно переписывался съ тѣми пріятелями, которые не испытывали ничего подобнаго. Такъ крайне неоживленной становится его переписка съ Віельгорскими, которыхъ послѣ продолжительной разлуки съ нѣкоторыми членами ихъ семьи въ близкомъ будущемъ ожидала пріятная перспектива спокойной жизни въ вожделѣнномъ селѣ Павлинѣ. Графиня Віельгорская даже упрекнула дружески Гоголя: „вы не отвѣчаете, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, и только графу Толстому пишете"[3]). Но она, повидимому, была отчасти и сама причиной такого молчанія, высказавъ Гоголю свое сожалѣніе о предстоящемъ ей послѣ смерти забвеніи, тогда какъ громкія имена ея друзей будутъ вѣчно жить въ потомствѣ. Подозрѣніе въ неискренности такой дружбы, которая цѣнитъ преимущественно славу и внѣшній блескъ, запало въ душу Гоголя, и онъ, не стѣсняясь, высказалъ его: „Въ прошломъ письмѣ вашемъ послышался мнѣ вздохъ по извѣстности:

---

[1]) Тамъ же, стр. 214.

[2]) Тамъ же, стр. 186. Здѣсь Гоголь могъ имѣть въ виду въ числѣ другихъ также и Погодина, котораго въ короткій срокъ постигли два большихъ несчастья (переломъ ноги и потеря первой жены). Сходныя мысли и утѣшенія являются также позднѣе въ письмѣ къ Погодину. (См. «Русск. Жизнь», 1892, № 71).

[3]) «Вѣстн. Европы», 1889, XI, 93.

храни васъ Богъ отъ этого! Если бы я узналъ, что вы меня полюбили нѣсколько болѣе ради бѣдной извѣстности моей, не показался бы я вамъ на глаза никогда"[1]). Вскорѣ Віельгорскія двинулись въ Петербургъ и тамъ поселились въ Павлинѣ вмѣстѣ съ Смирновой: обѣ семьи стали наперерывъ настоятельно приглашать къ себѣ Гоголя, особенно когда узнали объ его душевныхъ и физическихъ недугахъ. Но ѣхать было невозможно, и Гоголь, въ свою очередь, звалъ Смирнову то въ Гастейнъ, то въ Эльголандъ вмѣстѣ съ Софьей Михайловной Соллогубъ. „Одинъ только годъ", — утѣшалъ онъ Смирнову, — „и я буду съ вами, и вы не будете чувствовать тоски одиночества"[2]).

Обстоятельства не позволили ни Александрѣ Осиповнѣ, ни Софьѣ Михайловнѣ отозваться на просьбу Гоголя. Не оправдалъ надеждъ его также Языковъ, собиравшійся было ѣхать въ Грефренбергъ. При такихъ условіяхъ Гоголю могли казаться пріятными встрѣчи на водахъ даже съ А. О. Россетомъ, Чижовымъ и Киселевымъ[3]), но ни съ однимъ изъ нихъ ему не удалось съѣхаться, хотя Гоголь всегда былъ готовъ ради встрѣчи измѣнить маршрутъ и даже самый планъ лѣченія. Послѣднее объясняется тѣмъ, что онъ былъ приведенъ въ крайнее затрудненіе разнорѣчивыми совѣтами докторовъ и рѣшительно не зналъ, чьимъ предписаніямъ слѣдовать. Онъ не могъ даже добиться опредѣленнаго выясненія своей болѣзни, хотя послѣ и оказалось, что у него было, по опредѣленію лучшихъ заграничныхъ медиковъ, пораженіе нервовъ въ желудочной области (nervoso fascoloso). Пускаясь въ опасное для почти умирающаго путешествіе, Гоголь старался приготовить себя мысленно къ смерти и еще разъ говѣлъ вмѣстѣ съ Александромъ Петровичемъ Толстымъ въ Веймарѣ[4]). По совѣту веймарскаго священника, Гоголь посовѣтовался

---

[1]) Тамъ же, стр. 94. Замѣтимъ кстати, что въ письмѣ отъ 14 марта 1845 г. (тамъ же, стр. 90) Луиза Карловна Віельгорская упоминаетъ о придворномъ концертѣ ея мужа и его брата, Матвѣя Юрьевича. Концерты были въ самомъ дѣлѣ замѣчательные. Одинъ современникъ выразился о нихъ такъ: „Матвѣй играетъ на віолончели такъ, какъ, должно быть, играютъ ангелы въ концертахъ Господа Бога въ раю". («Русск. Арх.», 1877, V, стр. 60).

[2]) Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 186.

[3]) «Вѣстн. Европы», 1889. XI, 95.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 197.

въ Галле съ докторомъ Круккенбергомъ. „Къ сему склонялъ меня", — писалъ потомъ Гоголь Жуковскому, — „и графъ Толстой, видѣвшій усиливавшіеся мои припадки, исхуданье, странный, болѣзненный цвѣтъ кожи". Круккенбергъ высказался за поѣздку на Эльголандъ, находя воды въ Гастейнѣ слишкомъ горячими для болѣзненнаго состоянія организма Гоголя. Но Гастейнъ былъ избранъ первоначально по совѣту такого знаменитаго авторитета, какъ докторъ Коппъ, что̀ еще больше усилило колебанія Гоголя. Рѣшить затрудненіе онъ предполагалъ совѣтомъ съ берлинскимъ свѣтиломъ медицины Щёнлейномъ, славившимся искуснымъ діагнозомъ. Съ этой цѣлью послѣ Гамбурга онъ заѣхалъ въ Берлинъ, но не засталъ Шёнлейна въ городѣ и проѣхалъ въ Дрезденъ къ Карусу, который присовѣтовалъ поѣздку въ Карлсбадъ. Гоголь послѣдовалъ наконецъ этому указанію, но съ большимъ недовѣріемъ къ основательности даннаго ему совѣта. Къ счастью, онъ утѣшалъ себя мыслью, что „наше выздоровленіе въ рукахъ Божіихъ, а не въ рукахъ докторовъ и не въ рукахъ какихъ-либо медицинскихъ средствъ". „Я думаю", — говорилъ Гоголь, — „что какое бы ни было предписано намъ лѣченіе, хотя бы оно не вполнѣ соотвѣтствовало нашему недугу и даже самый врачъ ошибся, но если мы во имя Божіе и съ вѣрой въ Бога станемъ имъ лѣчиться, то всевышняя Воля направитъ все во исцѣленіе намъ". „Что̀ до меня", — писалъ онъ другому лицу, — „надежду болѣе всего возлагаю на Бога. Его святой Волѣ угодно — и дѣйствіе, повидимому, вредоносное, обратится въ полезное"[1]). Здѣсь Гоголь въ первый разъ высказалъ тотъ взглядъ, который побудилъ его потомъ безъ строгой обработки и окончательной провѣрки послать въ печать „Переписку съ друзьями", когда онъ основывался на томъ, что Богъ можетъ придать чудную силу и слабымъ строкамъ[2]). Такъ Гоголь совершенно отказывался признавать дѣйствіе естественныхъ законовъ природы и признавалъ только одни чудеса. Однако, совершенно отрицать естественный ходъ вещей невозможно никакому мистику, и

---

[1]) Тамъ же, стр. 200. См. также все письмо къ Жуковскому (стр. 196—199).

[2]) Ср. сходный взглядъ въ одномъ изъ писемъ къ М. П. Погодину («Русск. Жизнь», 1892 г., № 64: „мы всѣ не болѣе, какъ орудія Божіи. Во всемъ и повсюду намъ могутъ предстать Божіи повелѣнія, также, какъ вѣкогда уста ослицы издали слово, когда онъ повелѣлъ").

онъ поневолѣ впадалъ въ непослѣдовательность, когда объяснялъ усиленіе болѣзней тѣмъ, что „хотѣлъ насильно заставить писать себя“[1]). „И много, много разъ“, — признавался онъ, — „тоска, и чуть не отчаяніе овладѣвали мной отъ этой причины“[2]). Преобладающее настроеніе и привычное теченіе мыслей въ это тяжкое время находили исходъ только въ отчаянной борьбѣ съ самимъ собой. Иногда Гоголь совсѣмъ готовъ былъ впасть въ малодушіе. Такъ онъ самъ говорилъ Языкову: „Не хандра, но болѣзнь, производящая хандру, меня одолѣваетъ. Борюсь съ болѣзнью, и съ хандрой, и наконецъ выбился совершенно изъ силъ въ безплодномъ бореніи. Благодарить Бога слѣдуетъ и за то, что въ силахъ былъ еще и такъ бороться. Съ приходомъ весны здоровье мое не лучше нимало, и недуги увеличились. Тягостнѣе всего безпокойство духа, съ которымъ труднѣе всего воевать, потому что это сраженіе рѣшительно на воздухѣ. Изволь управлять воздушнымъ шаромъ, который мчитъ первымъ стремленіемъ вѣтра“[3]).

Языкова, однако, эти жалобы Гоголя привели къ совершенно неожиданному и чрезвычайно странному заключенію: „Грустно мнѣ было читать твое письмо. Что̀ это съ тобою дѣлается! Болѣзнь и хандра, хандра и болѣзнь; и та и эта о сю пору не покидаетъ. Я было надѣялся, что весна отгонитъ ихъ прочь отъ тебя; теперь вижу, что не воздухъ, не слякоть, не погода, а что-то постояннѣйшее и дѣйствительнѣйшее разстраиваетъ твое тѣло и томитъ и сокрушаетъ духъ твой.

„Приписываю это — знаешь чему? Долговременному твоему пребыванію между нѣмцами, среди чужого языка“[4]).

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, стр. 191.

[2]) Стр. 175.

[3]) Стр. 183.

[4]) См. «Русск. Стар.» 1896, XII. Въ томъ же письмѣ, непосредственно за приведенными строками, читаемъ: «Жду пріѣзда Смирновой въ Москву; познакомлюсь съ нею непремѣнно и обѣщаюсь тебѣ воспѣть ее: я давно жажду узнать ее лично; я о ней много слышалъ разныхъ воспѣтій (sic), но я держусь словъ, сказанныхъ не помню какимъ-то лѣтописцемъ: «не всякому слуху вѣруйте, но испытуйте духи: есть бо духъ Божій и духъ льстечь». Вскорѣ потомъ, въ письмѣ отъ 15 іюня, онъ сообщалъ Гоголю: «У насъ прошелъ слухъ, что Смирнова въ Москву не будетъ; она и на нынѣшнее лѣто наняла себѣ дачу въ Питерѣ и переѣхала уже на дачу».

Въ другомъ письмѣ Языковъ разсуждаетъ иначе: „Я отвѣчалъ уже на твое письмо отъ 5 іюня и снова пишу тебѣ и потому, что пересылаю къ тебѣ письмо Надежды Николаевны (Шереметевой). и потому, что твое нездоровье не выходитъ у меня изъ головы. По твоему собственному описанію припадковъ твоей болѣзни видно ясно и несомнѣнно, медикамъ и не медикамъ, всѣмъ и каждому, что у тебя сильно разстроены и возмущены нервы; это холодѣніе рукъ и ногъ, эта безнадежность на выздоровленіе, которую ты самъ себѣ приписываешь и чувствуешь, — все это вкупѣ и по одиночкѣ, — не что иное, какъ прихоти, капризы, или, лучше сказать, бунтъ нервовъ мятежныхъ и бунтующихъ“.

Достаточно припомнить все это и со вниманіемъ прочитать относящіяся къ этому страдальческому времени страницы переписки, чтобы понять, въ какую ошибку впадаетъ г-жа Черницкая, полагая, что слова Гоголя: „повѣситься или утопиться казалось мнѣ похожимъ на какое-то лѣкарство или облегченіе“ указываютъ, будто бы на „тяжелое нравственное состояніе“ вслѣдствіе страданій отъ несчастной любви Гоголя къ Смирновой (?!) и обусловленной этимъ „неудачной личной жизни“; чтобы утверждать это, надо просто не понимать смысла цитируемаго письма, въ которомъ говорится ясно и несомнѣнно о „болѣзненныхъ состояніяхъ *организма*“ [1]). Внимательное изученіе біографическихъ фактовъ также совершенно опровергаетъ мнѣніе г. Ю. Николаева, доказывавшаго въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что будто бы только, по его терминологіи, „лжелиберальный сумбуръ“ [2]) заставилъ видѣть профессора Алексѣя Ник. Веселовскаго паденіе таланта Гоголя въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ болѣзни. Такимъ образомъ серьезное изученіе біографическихъ данныхъ признается лжелиберальнымъ сумбуромъ, а рискованная безотчетная реторика въ духѣ извѣстной партіи признается какимъ-то откровеніемъ свыше.

Возвращаясь къ нравственному состоянію Гоголя во время одолѣвавшихъ его болѣзней, мы должны отмѣтить, что даже въ эту тяжелую годину надежда всегда торжествовала въ немъ

---

[1]) См. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 236 и „Сѣверный Вѣстникъ“, 1890, I, 207.

[2]) Нельзя не пожелать, чтобы подобныя нелѣпыя выраженія порѣже встрѣчались въ сколько-нибудь уважающей себя печати.

надъ отчаяніемъ. Онъ не сдавался подъ ударами судьбы и упорно продолжалъ уповать на Бога до ожиданія чуда. Онъ говорилъ: „Ни искусство докторовъ, ни какая бы то ни было помощь, даже со стороны климата и прочаго, не могутъ сдѣлать ничего, и я не жду отъ нихъ помощи. Но говорю твердо одно только, что велика милость Божія и что, если самое дыханіе станетъ улетать въ послѣдній разъ изъ устъ моихъ и будетъ разлагаться во тлѣніе самое тѣло мое, одно Его мановеніе — и мертвецъ возстанетъ вдругъ“[1]). Послѣ этого снова высказывается мысль, что въ случаѣ необходимости его жизни для ближнихъ онъ поправится и оживетъ; въ противномъ же случаѣ нельзя и роптать и слѣдуетъ благодарить Бога за посылаемую смерть. А между тѣмъ Гоголь, уже считая себя умирающимъ, надѣялся на возможность совершить поѣздку въ Іерусалимъ и, зная о сходномъ намѣреніи Погодина, поручалъ Языкову просить его отложить поѣздку[2]). Въ это время созрѣла мысль о „Перепискѣ съ друзьями“. Мы видѣли, что онъ уже высказывалъ ее въ одномъ изъ писемъ къ Данилевскому; еще опредѣленнѣе высказываетъ онъ ее теперь въ слѣдующихъ словахъ письма къ Смирновой: признаваясь въ томъ, что ему совѣстно воротиться на родину съ пустыми руками, Гоголь говоритъ: „молитесь, чтобы Богъ споспѣшествовалъ моему намѣренію, чтобы, во-первыхъ, укрѣпилъ и послалъ мнѣ возможность изготовить, что̀ долженъ я изготовить до моего отъѣзда, и послать къ вамъ, вмѣсто меня, въ Петербургъ. Это будетъ не большое произведеніе и не шумное по названію, въ отношеніи къ нынѣшнему свѣту, но нужное для многихъ и которое доставитъ мнѣ въ избыткѣ деньги, потребныя для пути“[3]). Изъ дальнѣйшаго содержанія письма видно, что Гоголь былъ увѣренъ, что тогда его всѣ наконецъ поймутъ и „всѣмъ буду, и мнѣ всѣ будутъ родные“: онъ намекалъ на „Переписку съ друзьями“. Очевидно, онъ и здѣсь ожидалъ какихъ-то грандіозныхъ результатовъ, вмѣсто которыхъ получилъ жестокое, безпощадное фіаско. Получая изъ Россіи извѣстія о публичныхъ чтеніяхъ профес-

---

[1]) Соч. и письма Гог., VI, 191.

[2]) Стр. 182. См. также относящееся къ тому же предположенію Гоголя его позднѣйшее письмо къ Погодину («Русская Жизнь», 1892, № 71); «Переписка» Грота, II, 427.

[3]) Стр. 176.

соровъ (Грановскаго, Шевырева)[1]), о вяломъ редактированіи „Москвитянина", Гоголь удивился, какъ мало будто бы умѣютъ заботиться о пониманіи истинной природы человѣка и умѣніи дѣйствовать на людей. Самъ онъ наивно думалъ, что если „Москвитянинъ" „не вывелъ ни одной сіяющей звѣзды на словесный небосклонъ", то это потому, что ему неизвѣстенъ секретъ перерожденія русскаго человѣка, если его назовутъ „бабой" и „хомякомъ" и скажутъ ему, „что вотъ-де, говоритъ нѣмецъ, что русскій человѣкъ ни на что не годенъ, — какъ изъ него въ мигъ сдѣлается другой человѣкъ"[2]). Такими простыми средствами Гоголь надѣялся достигнуть чудесъ, за которыя всѣ его должны признать „роднымъ". Вмѣстѣ съ планомъ цѣлой книги, въ которой должны были найти мѣсто подобныя откровенія, у него создалось также содержаніе отдѣльныхъ статей. Такъ въ это именно ужасное время Гоголь набросалъ „Завѣщаніе"; тогда же онъ началъ писать длинныя назидательныя посланія гр. Толстому, Смирновой, Языкову. Въ письмахъ къ послѣднему можно найти мысли, не только выраженныя полнѣе въ статьѣ: „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ", но и „Споры" (ср. съ письмомъ къ Языкову отъ 5 апрѣля 1845 г., гдѣ проводится сходная мысль о томъ, что западники и славянофилы видятъ предметы только съ одной стороны и принимаютъ

---

[1]) Въ письмахъ своихъ къ Гоголю Языковъ до того энергично предавался прославленію лекцій Шевырева, что Гоголь замѣтилъ ему: «Я увѣренъ слишкомъ въ значительности лекцій Шевырева, но знаю также, что онъ способенъ человѣчески увлекаться, переходить нечувствительно въ излишество, и потому всегда можетъ быть, что повредитъ и себѣ и своему предмету». Такимъ образомъ Гоголь не впадалъ въ ослѣпленіе относительно одного изъ болѣе близкихъ друзей, тогда какъ Языковъ не могъ безъ восторга говорить о Шевыревѣ. «Лекціи Шевырева», писалъ онъ, «возбуждаютъ злость (западниковъ) не тѣмъ, что онъ часто обнаруживаетъ непристойныя стороны католицизма, а тѣмъ, что въ этихъ лекціяхъ ясно и неоспоримо видно, что наша литература началась не съ Кантемира, а вмѣстѣ съ самой Россіей, что эта литература развивалась совершенно сообразно развитію Россіи до Петра. Шевыревъ въ этомъ смыслѣ просто открылъ Америку. А его противники говорятъ, что они все это знали прежде. Они не знали, не знаютъ и не хотятъ знать всего, что̀ у насъ было писано до Петра». — Отмѣтимъ здѣсь, что первоначально Гоголь получилъ извѣстіе объ этихъ лекціяхъ отъ самого Шевырева еще въ ноябрѣ 1844 г., который сообщалъ ему: «Я намѣренъ написать непремѣнно подробную исторію нашей словесности отъ начала до конца. Послѣ публичныхъ лекцій примусь за трудъ письменный». (Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., неофф. отд., стр. 19; см. также, стр. 25 и 28).

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 159—160.

частное за общее[1]), и „Чей удѣлъ на землѣ выше"; ср. съ письмомъ отъ 2 января, гдѣ говорится о томъ, что мы беремъ должности не для собственнаго счастья, а для счастья другихъ; ср. ту же мысль въ письмѣ къ Данилевскому[2]).

Наконецъ въ видѣ предположенія отмѣтимъ, что слова въ письмѣ Языкову: „блаженъ тотъ, кто, оторвавшись вдругъ отъ разврата, какъ бы вдругъ пробуждается въ великую минуту и такъ же запоемъ, какъ способенъ одинъ русскій, который съ горя вдругъ вдается въ пьянство, такъ же способенъ запоемъ изъ пьянства входить въ трезвость души", — что эти слова, имѣя явное отношеніе къ мысли, высказанной Тарасомъ Бульбой въ его извѣстной рѣчи къ казакамъ, съ другой стороны имѣютъ также отношеніе къ создавшейся въ головѣ Гоголя программѣ, которую онъ предполагалъ выполнить въ третьей части „Мертвыхъ Душъ", гдѣ у него должны были испытывать чудесныя превращенія даже такія личности, какъ Плюшкинъ[3]). Затѣмъ въ слѣдующихъ строкахъ того же письма къ Языкову повторяется мысль о превращеніи изъ бабы въ мужа, высказанная уже однажды Языкову, при чемъ и здѣсь и тамъ эта способность воспрянуть, перестать быть бабой приписывается исключительно русскому человѣку[4]). Очевидно, что всѣ эти мысли были въ связи и ихъ надо имѣть въ виду для знакомства съ планомъ Гоголя относительно третьей части „Мертвыхъ Душъ". Далѣе статья „Совѣты", хотя и подписана въ изданіи „Переписка съ друзьями" Шевыреву, но въ сущности повторяетъ мысли, высказанныя въ одномъ изъ давнихъ писемъ къ Языкову[5]). Въ письмѣ къ А. С. Данилевскому (къ которымъ, замѣтимъ кстати, Гоголь почти не переписывался во время разгара мистическихъ увлеченій) отъ 20 іюня 1843 г. есть также нѣсколько мыслей, повторенныхъ потомъ въ измѣненной формѣ въ „Перепискѣ съ друзьями"[6]).

---

[1]) Ср. Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 53 и Соч. и письма Гог., VI, 179, но само собою разумѣется, что мы нисколько не утверждаемъ, что статья «Споры» была адресована къ Языкову.

[2]) Ср. соч. и п. Гог. VI, 162 и 64.

[3]) См. статью Алексѣя Н. Веселовскаго въ «Вѣстн. Европы» (1891, мартъ) и Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 73; также т. IV, стр. 545.

[4]) Ср. Соч. и письма Гоголя, т. VI, 74.

[5]) «Русск. Стар.», 1875, IX, 122.

[6]) Ср. мысли о значеніи ума въ письмѣ къ Данилевскому и въ статьѣ «Христіанинъ идетъ впередъ».

LVI.

Лѣченіе Гоголя въ Гомбургѣ и Карлсбадѣ было неудачно: онъ почувствовалъ себя послѣ него еще хуже и рѣшился наконецъ ѣхать въ Греффенбергъ, гдѣ уже раньше его находился графъ Толстой. Въ Греффенбергѣ Гоголь не кончилъ курса, да и собирался туда съ большою нерѣшительностью, предварительно собирая съ разныхъ сторонъ справки. Прежде всего онъ написалъ объ этомъ запросъ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, которая должна была разузнать о лѣченіи у Присница отъ своего брата Аркадія Осиповича и отъ Ханыкова. Ихъ мнѣнія были почти противоположны. Сообщая ихъ, Смирнова писала слѣдующее:

Петербургъ. 24 марта 1845 года[1]).

„Я вамъ посылаю письмо Ханыкова, хотя нахожу его вовсе неудовлетворительнымъ. Но мнѣніе его рѣзко отдѣляется отъ мнѣнія Аркадія. Пока этотъ лѣнтяй соберется вамъ писать, я выписываю нѣсколько словъ имъ сказанныхъ насчетъ Присница. Самъ же онъ не хочетъ васъ отговаривать отъ этого лѣченія, да и противъ самаго лѣченія, умѣренно сдѣланнаго, онъ не возстаетъ. Вотъ какъ, во-первыхъ, онъ описываетъ Греффенбергъ. Мѣстечко самое печальное; кругомъ унылыя горы съ ельникомъ; квартиры какъ казематы; кушанье самое подлое; народъ — что̀ ни есть дряни нѣмецкой, французской, англійской и русской; климатъ хуже петербургскаго. Присницъ — мошенникъ и не видитъ своихъ больныхъ и слѣдуетъ (слѣдитъ?) плохо за успѣхами лѣченія. Если сказать ему, что хуже, то онъ только велитъ прибавить еще лентухъ, или заморозить бригадиршу, или дать сильнѣе душу. Душа же эта дуетъ съ большой высоты и такъ сильна, что если бы больные не держались за желѣзную опору, то ихъ занесло бы Богъ вѣсть куда. Аркадію вдругъ онъ велѣлъ, для согрѣванія ногъ бѣгать босому по сырой травѣ, приводя въ примѣръ крестьянъ, которые всегда такъ ходятъ и не бываютъ больны. Ему же стало еще холоднѣе послѣ этой прогулки, повторяемой ежедневно. Онъ говоритъ, что тамъ находитъ такое одурѣніе на всѣхъ, что въ лѣченіи каждый хочетъ опредѣлить другого, задавая себѣ болѣе и болѣе всякихъ душъ, зитц-

[1]) Письмо это не было напечатано.

бадовъ и лентуховъ. Часто выходитъ сыпь на тѣлѣ, и сыпь, производящая ужасный зудъ. Онъ видѣлъ солдата наполеоновской vieille garde, который, спеленатый въ мокрую простыню, заливался горькими слезами, и когда я съ удивленіемъ спросилъ причину этихъ странныхъ слезъ, узналъ, что животъ его такъ чешется, что ужасъ, а чесать нельзя, потому что онъ пошевелить рукъ не можетъ. Представьте себѣ, до чего доходитъ безуміе: французъ этотъ прострадалъ годъ, не получилъ облегченія, и уѣхалъ, ругая Греффенбергъ. Русскій офицеръ Дегалетъ жилъ два года и уѣхалъ безъ большой пользы. Томичъ, у котораго болѣла спинная кость, послѣ двухъ лѣтъ уѣхалъ безъ ногъ; Желѣзновъ также. Вообразите вы себя съ вашими слабыми нервами и вообще тщедушной всей особой, подъ душей, съ лентухами, зитцбадами, отъ которыхъ, по словамъ Аркадія, никогда вполнѣ не согрѣваешься, и представьте еще матеріальныя неудобства жизни, скуку общества, притомъ невозможность ничѣмъ заняться[1]), потому что болѣе двухъ часовъ отдыха сряду никогда не бываетъ; представьте, что шесть мѣсяцевъ такой уродливой и собачьей жизни, по словамъ Призница, ничего не значатъ, и легко увѣриться, что вы не поѣдете въ Греффенбергъ. Братъ мой вовсе не противъ воднаго умѣреннаго лѣченія, т.-е. отъ употребленія воды и окачиванія, даже два и три раза повторяемаго, но для этого не нуженъ Греффенбергъ. Вода тамъ, впрочемъ, точно хороша, но горная вода вездѣ хороша, даже и въ Заксенгаузенѣ, если бы она была тамъ. Онъ мнѣ сказалъ, что вначалѣ онъ точно чувствовалъ бодрость, но потомъ за эту искусственную бодрость почувствовалъ большое ослабленіе и по пріѣздѣ своемъ сюда обратился тотчасъ къ Мандту. Теперь его ужъ ничѣмъ не заманишь къ Призницу. У васъ просто разстроенные нервы, — и отъ уединенія, и отъ скучной жизни, вы безпрестанно обращаете на ихъ затѣи и шалости вниманіе. Сей же почтенный Аркадій теперь часто чувствуетъ онѣмѣніе въ ногахъ, и часто послѣ обѣда, когда со мной переговоритъ все, начинаетъ потряхивать ими и бѣгать по комнатѣ. Я спросила его однажды: „Я, чай, за преферансомъ хоть три года сидишь, ноги не нѣмѣютъ?“. Вышло точно такъ: развлеченія мѣшаютъ ему

[1]) Совершенно иначе представлялъ себѣ дѣло Гоголь (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 164).

подслушивать свои ноги. Повѣрьте, что для нервныхъ недуговъ, не упуская изъ виду лѣченія, надобна жизнь съ развлеченіями, и вы погибнете въ Греффенбергѣ отъ тоски, скуки и уединенія. Что вамъ дѣлать съ нѣмецкими портными и русскими армейскими офицерами, кое-какими дрянными полячишками и французишками! Лѣтомъ пробейтесь гдѣ-нибудь, хоть ко мнѣ пріѣзжайте. Уже самое лѣто васъ подкрѣпитъ и возстановитъ равновѣсіе въ нервной системѣ, а тамъ прямо въ милый Римъ. Я увѣрена, что способы на это найдутся, и даже въ скоромъ времени.

Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта на послѣднее письмо. Мнѣ смерть какъ хочется васъ видѣть въ селѣ Спасскомъ. Николай Михайловичъ ѣдетъ лѣчиться за границу. Онъ, точно, боленъ. Отъ Жуковскаго я получила прелестное письмо, вѣющее благодатнымъ состояніемъ его прекрасной мысли, хотя душа еще не соглашается вполнѣ на голосъ, его зовущій[1]). Состояніе его жены меня, однако, безпокоитъ, хотя опаснаго тутъ точно ничего нѣтъ. Плетневу еще не прочитала ваше письмо[2]): не выбралось такого времени, чтобъ быть намъ наединѣ. Онъ мнѣ вчера читалъ „Наль и Дамаянти". Вся повѣсть тихая и ровная, сладко привѣтливая, какъ сама Дамаянти. Въ ней виденъ весь теперешній Жуковскій. Да сохранитъ ихъ Богъ обоихъ!

У насъ 25 марта 15 градусовъ холода послѣ самой сильной недѣльной оттепели. Зато и больныхъ много. Мои мопсики[3]) здоровы; учатся, гуляютъ, веселы и очень радуются ѣхать въ деревню (sic). Какое у дѣтей всегда вѣрное чувство! Для нихъ всѣ настоящія радости въ внѣшней природѣ и свободѣ сельской жизни. Я, впрочемъ, сама радуюсь будущему уединенію и отстраненію отъ общества. Я немного устала отъ продолжительной зимы.

Отвѣчайте хоть нѣсколькими словами. Соллогубъ читалъ

---

1) Александра Осиповна принимала всегда большое участіе какъ въ самомъ Жуковскомъ, такъ и въ его женѣ, и дружескія теплыя отношенія сохранились до сихъ поръ между ихъ дѣтьми. (О заботахъ Смирновой относительно болѣзней жены Жуковскаго см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 10).

2) Это было длинное письмо, напечатанное г. Кулишемъ въ VI томѣ сочиненій Гоголя, стр. 127—134. Письмо это долго писалось и было послано только въ концѣ февраля 1845 г. (см. стр. 169).

3) Мопсики, т. е. дѣти Смирновой.

намъ въ среду препошлую комедію „Букеты“. Одно лицо у него Тряпка — самое подлое подражаніе вамъ, такъ что совѣстно было слушать. Прощайте. Ваша отъ души А. С.“ [1]).

Но вотъ письмо самого А. О. Россета (изъ Петербурга отъ 28 марта 1845 г.)[2]).

„Сестра передала мнѣ поклонъ и желаніе ваше имѣть свѣдѣнія о послѣдствіяхъ моего лѣченія въ Греффенбергѣ у Призница. Душевно благодарю васъ за первое и каюсь, что, не отвѣчавъ на послѣднее ваше письмо, поступилъ, какъ человѣкъ, не получившій никакого тонкаго свѣтскаго обхожденія. Очень затрудненъ отвѣчать вамъ положительно на второе. Окунувшись въ воду, я вышелъ, не запачканный энтузіазмомъ; (не) принадлежу не только къ отчаяннымъ гидропатамъ, а скорѣе къ противникамъ; между тѣмъ, памятуя о животѣ вашемъ, склоненъ посовѣтовать вамъ употребить этотъ способъ и думаю, что при извѣстномъ данномъ онъ можетъ быть вамъ полезенъ. Дѣло въ томъ, что во всемъ нужна *умѣренность*, начиная съ умѣренности желанія и надежды, которая предостережетъ васъ отъ неумѣренныхъ средствъ. Болѣю съ 1839 г. и, испробовавъ всѣ системы, я убѣдился, что здоровье все равно, что̀ дѣвственность: разъ потерялъ, въ другой не вернешь; потеря перваго исправляется цѣломудріемъ, второго — пріобрѣтеніемъ силъ и нѣкоторымъ навыкомъ, умѣньемъ обращаться съ болѣзнью. Въ Греффенбергѣ вы не возродитесь, какъ пишутъ въ книгахъ, а можете поправиться, если на воду будете смотрѣть, какъ на гигіеническое средство, а гигіена предполагаетъ умѣренность. Боже васъ сохрани отъ пятичасовыхъ потѣній, салфетокъ мокрыхъ на животѣ, душъ стремящихся съ высоты на ваше грѣшное тѣло, — все это хорошо для тѣхъ натуръ, которымъ можно влѣпить пятьсотъ палокъ, и онѣ встанутъ, какъ встрепанныя. Я зналъ одного генерала Олферьева (онъ и теперь живъ), который давалъ въ руки повару и кучеру по нагайкѣ и самъ бралъ нагайку;

---

[1]) См. это письмо въ «Сѣв. Вѣстникѣ», 1893, I, 253—255.

[2]) Языковъ, также собиравшійся ѣхать въ Греффенбергъ, справлялся у Гоголя о томъ, что̀ ему писалъ о системѣ Призница Россетъ (см. «Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 624). Въ другомъ письмѣ (безъ даты) онъ говорилъ: «Водное лѣченіе меня соблазняетъ: вчера я видѣлъ разительный примѣръ Приснецева чудодѣйствія. Человѣкъ, поѣхавшій къ нему едва движущимся, еле живымъ, испорченный долголѣтнимъ аптечнымъ и даже воднымъ лѣченіемъ въ Питерѣ, былъ у меня молодецъ-молодцомъ, крѣпкій, краснощекій» («Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 697).

они его били, онъ ихъ, до тѣхъ поръ, пока или онъ ихъ, или они его не загонятъ за дверь. Такому благодатному тѣлу подъ пару греффенбергское лѣченіе, а мы съ вами къ такимъ упражненіямъ неспособны. У васъ слабы нервы: скажите, можно ли укрѣпить ихъ или успокоить, безпрестанно раздражая ихъ подверганіемъ тѣла ужасно непріятнымъ какимъ-то дьявольскимъ ощущеніямъ? Предписавъ вамъ рецептъ умѣренности и повторяя, что при этомъ условіи водолѣченіе можетъ и несомнѣнно принесетъ вамъ пользу, начну сначала. — Предполагаю, что вы сѣли въ дилижанку и ѣдете къ Призницу: вотъ что̀ васъ тамъ ожидаетъ, что̀ будутъ заставлять дѣлать, что̀ вы должны дѣлать, чего не дѣлать, на чемъ остановиться и далѣе чего не идти. Проѣзжая велите остановиться въ Freiwaldau, мѣстечкѣ, отстоящемъ отъ Греффенберга на полторы версты; остановившись въ трактирѣ, если не найдете когонибудь изъ русскихъ тамъ, то сходите въ Греффенбергъ и отыщите Дегалета (адъютанта кн. Меншикова): онъ очень добрый и простой малый, проживающій тамъ уже три года, и возьмите его къ себѣ въ дядьки ради нѣмецкаго языка для пріисканія квартиры и переговоровъ съ Призницемъ. Квартиру возьмите непремѣнно въ Freiwaldau; онѣ тамъ дешевы и всѣ устроены съ ваннами; Дегалетъ и всѣ будутъ васъ уговаривать поселиться въ Греффенбергѣ, представляя, что тамъ вода лучше, что тамъ по устроенію душъ вода стремится съ высотъ „четыремя скалами", что тамъ Призницъ нарочно даетъ гадкую пищу, чтобъ пріучить желудокъ къ гадостямъ, и прочее; вы имъ не вѣрьте, а устройте квартирку комфорта первѣйшаго свойства: чтобъ ванна была поближе отъ спальни, чтобъ была теплая и безъ сквозного вѣтра; надобно знать, что Греффенбергъ въ горахъ, климатъ петербургскій, всегда вѣтеръ, дождь, сырость, и Боже сохрани отъ простуды, но о семъ послѣднемъ я ниже распространюсь. Когда будете говорить съ Призницемъ, много не болтайте о болѣзни, да онъ васъ и слушать даже не станетъ, скажетъ: „gut; я приду завтра утромъ", или тотчасъ поведетъ васъ въ ванную и, по дѣйствію воды на ваше тѣло, какъ увѣряютъ, предпишетъ вотъ что̀: 1) утромъ въ шесть-семь часовъ *лентухъ*, т.-е. васъ подымутъ съ постели и голаго завернутъ въ мокрую простыню на $^3/_4$ часа времени, покуда вы не согрѣетесь, и потомъ, развернувъ, бросятъ въ ванную на минуту или двѣ;

потомъ, поскорѣе одѣвшись, пойдете бѣгать и пить 8 или 10 стакановъ воды до завтрака, состоящаго изъ холоднаго молока или кислаго молока; 2) до двѣнадцатаго отдыхъ и потомъ зитцбадъ, т.-е. ванна... въ ванной на полчаса, потомъ опять гульба для согрѣванія этой части и во время прогулки питіе двухъ или четырехъ стакановъ воды; послѣ обѣда и до 4 или 5 часовъ отдыхъ; потомъ опять лентухъ, т.-е. повтореніе утренняго, и конецъ. Сверхъ сего онъ непремѣнно предпишетъ вамъ *умшлагъ,* т.-е. мокрую салфетку, постоянно на животѣ съ утра до вечера и на ночь. Вы ее *отнюдь* не носите или носите съ умѣренностью, т.-е. носите до тѣхъ поръ, пока у васъ тѣло не начнетъ краснѣть и образовываться лишай, что̀ обыкновенно бываетъ послѣ четырехъ или шести недѣль; какъ покраснѣетъ, бросьте умшлагъ къ чорту; этимъ лишаямъ приписываютъ сумасшедшіе удивительную силу, утверждая, что гніеніемъ ихъ выходитъ изъ живота нечистота и отъ холодной мокрой салфетки укрѣпляется желудокъ и пріучается къ сырости и холоду; первое — вздоръ: лишаи происходятъ не вслѣдствіе выходящей нечистоты изъ живота, а отъ прикосновенія сырости къ тѣлу, точно такъ, какъ бы прикладывая постоянно мокрую тряпку къ рукѣ или ляжкѣ, подъ тряпкою образовался бы лишай; второе — можетъ быть; но это укрѣпленіе отъ умшлага, конечно, не вознаградитъ того раздраженія нервовъ, которое произведутъ лишаи; они такъ чешутся, что вы будете лѣзть на стѣну, плакать отъ бѣшенства днемъ и просто рыдать по ночамъ. Если пожалуетесь Призницу, что у васъ бываютъ головныя боли, онъ передъ обѣдомъ или вечеромъ предпишетъ головныя ванны; вы ихъ берите; такъ какъ на видъ вы крѣпки, онъ велитъ, можетъ быть, сначала становиться подъ ду̀шу, также передъ обѣдомъ. Соблюдайте слѣдующее: становитесь всегда подъ слабую, 2) не оставайтесь долго, отнюдь не болѣе минуты или двухъ, 3) замѣчайте дѣйствіе первыхъ душъ; если кровь очень будетъ волноваться, перестаньте ихъ брать (я, напримѣръ, подъ душею почувствовалъ приливъ крови къ затылку, а на другой день кровь пошла изъ носу; вечеромъ же въ дни душей, ложась спать, не могъ заснуть два или три часа, чувствовалъ такое волненіе крови, что, казалось, будто она хлынетъ у меня изъ горла); 4) соображайтесь съ юморомъ[1]) и состоя-

[1]) Это слово слѣдуетъ здѣсь понимать въ смыслѣ французскаго слова: humeur.

ніемъ тѣла; не берите ея, если чувствуете зябкость, если сыро или вѣтрено или просто почувствуете нежеланіе стать подъ душу. На сіе послѣднее я особенно напираю и совѣтую даже совсѣмъ прекратить лѣченіе на день или два, если будете не расположены. Въ Греффенбергѣ вы будете подъ вліяніемъ общей болѣзни: будете испытывать родъ угрызенія совѣсти, если не возьмете лентухъ или зитцбадъ; это совершенный вздоръ; отнюдь не принуждайте себя и тѣмъ себя не раздражайте. Вы увидите также людей, ходящихъ безъ шляпъ и съ открытой грудью, съ босыми ногами — это все энтузіасты, которые хотятъ и думаютъ изъ тѣла сдѣлать кусокъ гранита, въ полной надеждѣ, что достигнутъ того, что если ихъ положить на день между двумя льдинами, они не замерзнутъ. Бойтесь, главное, простуды; главная польза въ водолѣченіи это отъ легкой испарины, возбуждаемой послѣ купанья ходьбою, и потому не возвращайтесь домой иначе, какъ совершенно согрѣвшись, и для сего одѣвайтесь теплѣе; для сего тѣмъ необходимѣе предосторожности, что, какъ увидите, климатъ въ Греффенбергѣ ужасный: вьюга, вѣтеръ, холодъ, дождь и сырость — даже въ лѣтнее время. Тò, что̀ я вамъ говорю, говорю вслѣдствіе опыта; покуда я бралъ одни лентухи, разведенныя ванны, т.-е. не ниже восьмиградусныхъ, зитцбады, т.-е. лѣчился умѣренно, я чувствовалъ себя несравненно лучше. Къ горю моему, я подпалъ подъ вліяніе тѣхъ дураковъ, которыхъ нашелъ въ Греффенбергѣ, и хотѣлъ радикально вылѣчиться, т.-е. быть тѣмъ, чѣмъ Богъ не судилъ мнѣ быть, какимъ-то богатыремъ, и сталъ увеличивать пріемы; ду̀ши, чесаніе лишаевъ, безпрерывная зябкость, — которую ощущалъ, ибо жилъ въ гадкой квартирѣ, и одѣвался не тепло, — меня доканали: выѣхалъ хуже, чѣмъ туда пріѣхалъ. Мнѣ даже простыя ванны были сильны: только-что брошусь, чувствую сильный ударъ въ голову и въ затылокъ и вмѣстѣ кровь шла изъ носу въ самой ваннѣ; я долженъ былъ ограничиться разведенными ваннами. Не лѣчитесь водой, а освѣжайте ею ваше тѣло: долгое и постоянное освѣженіе, которое можно всегда производить, разумѣется, полезно; питье же воды непремѣнно будетъ способствовать пищеваренію, васъ прочиститъ, и желудокъ пріобрѣтетъ навыкъ и силу переваривать пищу, и черезъ это получите силу. — Вы можете сказать, что Призница совѣты будутъ лучше моихъ: но дѣло въ томъ, что

Призницъ, можетъ-быть, лѣчилъ хорошо, когда былъ бѣденъ, былъ бѣдный мужикъ; теперь имѣетъ болѣе ста тысячъ дохода, о больныхъ столько заботится, сколько о своихъ старыхъ сапогахъ. Онъ нѣмецъ, а нѣмецъ если по натурѣ выйдетъ хорошій человѣкъ, — онъ бываетъ очень хорошъ; если же дурной, то представляетъ самое холодное животное въ мірѣ. Призницъ — сіе послѣднее. Участія въ больныхъ никакого! Обыкновенно пріѣзжающіе вначалѣ смотрятъ на него, какъ на Спасителя, потомъ охлаждаются и послѣ рѣдко съ нимъ совѣтуются, потому что онъ не любитъ этого, и лѣчатся каждый по-своему, пріобрѣтя нѣкоторый навыкъ отъ разговоровъ между собою.

Вотъ вамъ, любезный Николай Васильевичъ, моя проповѣдь о водѣ; передаю вамъ тѣ мысли, которымъ бы самъ слѣдовалъ, еслибъ не опротивѣла мнѣ вода. Прибавляю еще: отнюдь не вѣрьте книгамъ; я ихъ перечиталъ много, провѣрилъ опытомъ и убѣдился только въ томъ, что̀ каждый изъ насъ болѣе или менѣе знаетъ: „человѣкъ есть ложь“. Если вообще въ книгахъ болѣе лжи, чѣмъ правды, то въ водяныхъ все ложь и нѣтъ тѣни правды. Тѣ люди, надъ которыми совершились чудеса и которые по книжнымъ спискамъ давно вылѣчились и благословляютъ Призница, сидятъ и нынѣ въ Грефенбергѣ, въ числѣ ихъ Дегалетъ, который тамъ три года и семь мѣсяцевъ переноситъ это лѣченіе. Жизнь въ Грефенбергѣ дешева: мѣсяцъ обойдется не болѣе 100 или 200 фр. Если за 5 или 6 мѣсяцевъ, которые тамъ останетесь, дадите Призницу 100 или 120 фр., онъ будетъ доволенъ.

О себѣ скажу, что я плохъ; думаю ѣхать за границу, но для этого нужны деньги, а у меня ихъ нѣтъ; еще не рѣшилъ, поѣду или нѣтъ.

Не знаю, письмо мое облегчитъ ли вамъ рѣшеніе ваше, или только затруднитъ болѣе. Мой совѣтъ вамъ — ѣхать, но быть осторожнымъ, умѣреннымъ въ средствахъ. Прощайте, душевно желаю пользы; если нужны добавочные пункты, напишите; готовъ отвѣчать на все. Дружески вамъ кланяюсь. Ар. Россетъ“.

Приведенныя письма по сличеніи съ письмами Гоголя изъ Греффенберга, въ которыхъ Гоголь говорилъ: „боюсь сказать навѣрное, но, кажется, мнѣ лучше“[1]), показываютъ, что

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 212; ср. также «Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 638—639.

его предубѣжденіе въ пользу Призница было очень сильно и что даже, не будучи въ состояніи окончить курса лѣченія, онъ не хотѣлъ сознаться въ своемъ преждевременномъ восхищеніи „новымъ Наполеономъ“.

Приводимъ еще отрывокъ изъ письма Я. В. Ханыкова, хвалившаго Призница.

„Гигіеническіе способы, устраняя все противоестественное, могутъ возстановить силы наши лишь въ извѣстной степени разстройства; при значительнѣйшемъ же разслабленіи необходимо болѣе положительное пособіе, примѣненіе средства, которое, дѣйствуя не на одинъ органъ, а на весь организмъ, не увеличивая чрезмѣрно жизненной дѣятельности, но только постепенно возбуждая ее, вмѣстѣ съ тѣмъ не ограничивалась бы однимъ отклоненіемъ вреднаго нашему здоровью, но положительно бы укрѣпляло тѣло — средство это есть вода: внутреннее употребленіе ея, содѣйствуя пищеваренію и разводя завалы, не ослабляетъ, какъ ревень, а укрѣпляетъ желудокъ; наружное — вызывая на кожу, въ видѣ нарывовъ и чирьевъ, вредные соки и скопленія, не только не разрушаетъ на будущее, подобно теплымъ минеральнымъ ваннамъ, дѣятельности поръ, но обезпечиваетъ правильное отправленіе ихъ, уничтожаетъ раздражительность и омертвѣніе нервной системы, — и все это, не истощая больного, не заставляя его голодать, или сидѣть въ душной комнатѣ, даже въ припадкахъ острыхъ недуговъ, каковы горячки, лихорадки, корь и проч. Теоретическое объясненіе этихъ результатовъ въ одномъ изъ двухсотъ сочиненій, о гидропатіи изданныхъ; лучшія: „Hydrotherapie“ par Scoutetine и „Die Gräffenberger Wasserheilanstalt“ von Munde; практическое же доказательство въ видѣ греффенбергскихъ больныхъ столь обманчиво, что два англійскихъ доктора, посѣщавшихъ это заведеніе, печатно объявили, что тамъ нѣтъ ни одного истинно больного, а все только недужные, между тѣмъ какъ значительная часть тамъ пользующихся признана была аллопатами неизлѣчимою. Потому я и не стану утруждать вашего вниманія многочисленнѣйшими разсужденіями; присовокуплю только, что вода, составляя могучее, весь организмъ укрѣпляющее средство, открываетъ также возможность дѣйствовать преимущественно и на *одну* страждущую часть тѣла, возбуждая въ ней усиленную дѣятельность, или оттягивая приливы къ другому мѣсту посредствомъ частыхъ ваннъ

и примочекъ. Сверхъ того пребываніе въ гидропатическомъ заведеніи чрезвычайно облегчаетъ переходъ къ правильной жизни, какъ вліяніемъ общаго примѣра, такъ множествомъ ежедневныхъ неизбѣжныхъ обязанностей, на больного возложенныхъ. Наконецъ положеніе большей части подобныхъ заведеній, — вдали отъ городовъ и присутствій тамъ однихъ истинно больныхъ, а не страждущихъ жаждою игры и веселій, — изгоняетъ господствующее почти на всѣхъ водахъ волненіе и безпокойство, столь вредное для серьезно лѣчащихся... Несмотря на отрывочность и несвязность высказаннаго мною, вамъ, однакожъ, не трудно будетъ убѣдиться, что 1) такъ какъ водолѣченіе не производитъ никакихъ необыкновенныхъ противоестественныхъ напряженій, — то и должнѐ дѣйствовать медленно; 2) требуетъ неуклонной точности, и потому утомительно; поглощаетъ почти все время дня — словомъ, успѣшное дѣйствіе его возможно лишь подъ условіями: значительнаго времени (въ хроническихъ болѣзняхъ — не менѣе года), терпѣнія, постоянства и независимости.

Кромѣ того, я говорю вездѣ *водолѣченіе,* но разумѣть подъ этимъ должно одну систему Призница, а отнюдь не толпы бездарныхъ подражателей его, открывшихъ уже съ 1839 года до 60 заведеній въ Европѣ. Греффенбергская метода имѣетъ съ ними столь же мало общаго, какъ съ аллопатіей, и многіе изъ самыхъ трудныхъ паціентовъ Призница принадлежатъ къ больнымъ, залѣченнымъ гидропатами-невѣждами.

Это мнѣніе мое найдетъ себѣ въ особенности много поборниковъ (противниковъ?) не только между докторами, которые, будучи не въ силахъ утаить блестящихъ результатовъ гидропатіи, стараются по крайней мѣрѣ унизить творца ея, но даже и между недовольными больными греффенбергскими. Причина этому нѣсколько слишкомъ удачныхъ излѣченій, которыя возрождаютъ во всѣхъ пріѣзжихъ несбыточныя надежды: не довольствуясь геніемъ, отъ Призница требуютъ, чтобы онъ почти былъ богомъ. Обыкновенно упрекаютъ его въ неучености и безсиліи отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но не возражая уже на первое, — что геній нерѣдко мгновенными соображеніями опережаетъ многолѣтнія школьныя усилія, — можно привести въ опроверженіе огромную практику Призница: съ 1829 г. по первое января 1845 г. въ его заведеніи перебывало 10.500 человѣкъ лѣчащихся; онъ занимался ими

исключительно одинъ и изъ нихъ не умерло и сорока человѣкъ, не смотря на то, что значительная часть была осуждена медиками. Что касается до теоретической безотчетности Призница, то онъ раздѣляетъ этотъ недостатокъ со многими другими геніями: Лафатеръ, одно изъ необыкновеннѣйшихъ явленій міра, который угадывалъ уже не болѣзни или свойства тѣла, а души, — когда вздумалъ изложить свою теорію, написалъ книгу — въ объясненіяхъ его заключеній совершенно непонятную, чтобы не сказать болѣе. Къ тому же я и не думаю утверждать, что гидропатическая *теорія* не сдѣлаетъ уже болѣе успѣховъ послѣ Призница; но утверждаю лишь, что какъ геніальный практикъ (а это для больныхъ главное) онъ одинъ стоитъ на высотѣ не достигнутой никѣмъ или даже недостижимой. Можетъ быть, многіе изъ нынѣшнихъ дюссельдорфскихъ живописцевъ, учениковъ Гегеля, разовьютъ на каѳедрѣ полнѣе и отчетливѣе эстетическую теорію, чѣмъ бы могъ сдѣлать самъ Рафаэль, но Преображенія не создалъ (sic) еще никогда и едва ли создастъ когда.

„Искренно желая, дабы сіе гидропатическое посланіе осталось безполезнымъ по возстановленіи здоровья вашего безъ всякаго врачеванья, пользуюсь этимъ случаемъ для засвидѣтельствованія вамъ моего совершеннаго почтенія и преданности. Я. Ханыковъ“.

Зная настроеніе и взгляды Гоголя, нельзя сомнѣваться, что это письмо должно было сильно подѣйствовать на него: вѣра въ генія вообще еще со временъ сближенія съ Пушкинымъ и особенно вѣра въ геніальность и въ призваніе свыше Призница „въ посрамленіе хитростей нашего ума“ должна была одержать верхъ — и вотъ мы видимъ Гоголя въ Грефенбергѣ въ сопровожденіи почти неразлучнаго съ нимъ въ 1845 г. графа Александра Петровича Толстого. „Да будетъ благословенъ Богъ“ — говорилъ Гоголь, — „спасающій насъ и внушающій иногда простому человѣку то, что утаивается Имъ отъ мудрыхъ“ [1]), — намекая на Призница.

Изъ Грефенберга Гоголь рѣшился заѣхать за совѣтомъ въ Берлинъ къ Шёнлейну, а оттуда двинулся въ любимый свой Римъ. Онъ извѣщалъ всѣхъ, что вода ему помогла, но потомъ оказалось, что нѣсколько лучшимъ состояніемъ здо-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 213.

ровья онъ пользовался только въ дорогѣ и въ Римѣ впродолженіе двухъ первыхъ недѣль. Послѣ этого недуги еще усилились и онъ припужденъ былъ снова жаловаться на нихъ: „несноснѣе всего то, что не могу никакими средствами согрѣться. Я зябну до такой степени, что долженъ бѣгать безъ отдыха, и при всемъ томъ не согрѣваюсь. Даже здѣсь“ (т.-е. въ Римѣ), „гдѣ такъ тепло, мнѣ кажется холодно. Не могу даже писать писемъ, потому что руки костенѣютъ. Но да будетъ благословенъ Богъ, посылающій намъ все, и да будетъ во всемъ Его святая воля!“ [1]). Позднѣе онъ сообщалъ о недугахъ, довольно сходныхъ съ тѣми, которые А. О. Россетъ приписывалъ греффенбергскому лѣченію: „Я зябну, и зябну, и зябкость увеличивается чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, а что хуже, вмѣстѣ съ нею необыкновенная лѣность всякихъ желудочныхъ и вообще тѣлесныхъ отправленій. Существованіе мое какъ-то странно. Я долженъ бѣгать и не сидѣть на мѣстѣ, чтобы согрѣться. Едва успѣю согрѣться, какъ уже вновь остываю, а между тѣмъ бѣгать становится труднѣй и труднѣе, потому что начинаютъ пухнуть ноги, или лучше — жилы въ ногахъ. Отъ этого едва выбирается изъ всего дня одинъ часъ, который бы можно было отдать занятіямъ. Но при всемъ томъ Богъ милостивъ: я не унываю. Думаю о многомъ томъ, о чемъ мнѣ слѣдуетъ думать, *и мысли мои, не смотря на тѣлесный недугъ, нечувствительно зрѣютъ*“ [2]). Вотъ въ этомъ-то состояніи писался второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ и приготовлялась „Переписка съ друзьями“ [3]).

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 228.

2) Тамъ же стр. 232. Ср. сборникъ «Въ память С. А. Юрьева», 255.

3) Въ томъ же 1845 г. Гоголь еще въ бытность свою въ Парижѣ начиналъ заниматься изученіемъ чина литургіи и тамъ же познакомился съ Ѳ. Н. Бѣляевымъ, много помогавшимъ ему въ этомъ дѣлѣ и находившимся съ нимъ въ перепискѣ. Одно изъ писемъ его было цитировано г. Кулишомъ въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ безъ обозначенія имени лица, которымъ оно было писано, и эта цитата повторена затѣмъ Н. С. Тихонравовымъ въ его комментаріяхъ на «Размышленія о божественной литургіи»*). Мы имѣемъ возможность теперь сообщить все это письмо.

Ѳ. Н. Бѣляевъ — Н. В. Гоголю. 20 марта 1845 г. Парижъ.

«Милостивый государь, Николай Васильевичъ! письмо ваше я имѣлъ честь получить, но уже тогда, когда *меня разобрало неугомонное желаніе* (а я прибавляю: и душевное удовольствіе) и когда я вслѣдствіе сего написалъ уже большую поло-

*) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 589 и „Записки о жизни Гоголя“, т. II, 22.

LVII.

Между тѣмъ Гоголь продолжалъ бѣдствовать, какъ видно между прочимъ изъ слѣдующихъ строкъ А. О. Смирновой къ П. А. Плетневу отъ 26 іюня 1845 г.: „я получила письмо

вину литургіи Василія Великаго на греческомъ и на латинскомъ въ два столбца*). Я не сталъ переписывать вновь, признаться, потому, что не хотѣлось бросать дѣла, котораго бóльшая часть была кончена; потомъ разсудилъ, что если вамъ угодно, то очень легко можно вставить между страницами и славянскій текстъ, стóитъ только расшить мою тетрадь и опять сшить. О форматѣ вы пишете, чтобъ былъ не больше той восьмушки, на которой написали ваше письмо; вы изволите увидать изъ приложенной при семъ тетради, что она форматомъ своимъ дѣйствительно не больше вашей восьмушки. Но вы не пишете, чтобъ онъ былъ и *не меньше*, а потому и это меня заставило продолжать и кончить такъ, какъ уже было начато. Впрочемъ я бы все исполнилъ по вашему желанію, если бъ оно было мнѣ извѣстно прежде. Извольте, я поправлю свою ошибку и напишу сызнова, только увѣдомьте меня аккуратно о томъ, чтò и какъ вамъ угодно. А теперь покорнѣйше прошу принять мое усердіе въ такомъ форматѣ и въ столькихъ столбцахъ, въ какихъ оно само выразилось, по моей истинной къ вамъ любви и сердечному почтенію. На греческій же я переписалъ (хотя вамъ греческій, можетъ быть, и не нуженъ) какъ бы въ возмездіе за то лишеніе, которое, можетъ быть, вы испытали, предоставивъ мнѣ исправное римское изданіе. Но и въ немъ есть ошибочки, напр. въ первомъ словѣ на первой строкѣ 82-й страницы вм. *μεταβαλών* напечатано: *μεταβαλόν*, а, можетъ быть, найдутся и другія. Зато я въ своемъ спискѣ, посылаемомъ къ вамъ, старался всячески избѣжать ошибокъ, сличая для сего три изданія и употребляя смыслъ. Пунктуацію же я оставилъ Гоаровскую почти всю, не считая ее важнымъ дѣломъ (а признаться, изъ лѣни). — Если я найду такую же книгу, то къ вамъ не премину ее доставить, а до сихъ поръ еще не нашелъ. Священникъ нашъ, — типъ доброумно-русскаго человѣка,— списалъ для васъ собственноручно стихи Филарета, а выписку изъ книги посовѣстился самъ списать, говоря, что почеркъ его руки не хорошъ. Эти два рукописанія при семъ имѣю честь приложить. Онъ искалъ и спрашивалъ въ двухъ протестантскихъ книжныхъ лавкахъ и у протестантскаго пастора Лютерова катихизиса на французскомъ. Однакожъ онъ говоритъ, что не потеряетъ этой книги изъ виду и все-таки будетъ искать, и если найдетъ, то къ вамъ доставитъ этотъ. Нашъ священникъ, Дмитрій Степановичъ Вержинскій**), просилъ меня написать къ вамъ, что онъ, какъ постоянный житель Парижа, все можетъ, чтò только можетъ (sic), съ большимъ удовольствіемъ для васъ исполнить и чтò вамъ будетъ угодно, только стоитъ къ нему написать, и объ этомъ онъ васъ проситъ. Вотъ его адресъ: № 4. Rue Neuve de Berry F—g du Roule. Онъ бы и самъ къ вамъ хотѣлъ писать, но говоритъ: «*не знаю, къ чему придраться*».

Списанную мною литургію Василія Великаго въ оберткѣ съ золотымъ крестомъ, стихи Филарета, выписку изъ книги о кажденіи и это письмо я передалъ графу

*) О томъ, что Гоголь учился по-гречески въ 1845, см. между прочимъ „Русск. Стар.“, 1896, XII, стр. 634. Кромѣ того, въ его бумагахъ попадаются листки, исписанные греческими словами.

**) Этимъ совершенно подтверждается предположеніе Н. С. Тихонравова (см. Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 588, 6 подстрочное примѣчаніе).

отъ Гоголя[1]), любезный Петръ Александровичъ, который меня спрашиваетъ, зачѣмъ онъ получилъ такъ мало денегъ за прошлую треть и когда ему слѣдуетъ еще получить. Потрудитесь мнѣ все это растолковать, пожалуйста; онъ хочетъ точнаго и подробнаго отчета по этому предмету, потому что, судя по деньгамъ, будетъ путешествовать и назначитъ намъ, куда ихъ высылать. Онъ теперь выѣхалъ въ Гастейнъ, и здоровье его какъ будто бы поправляется. Графиня Віельгорская его видѣла во Франкфуртѣ; въ первый разъ онъ ей показался очень плохъ, но потомъ былъ веселѣе и живѣе" [2]).

Предположеніе свое о путешествіяхъ по Европѣ Гоголь потомъ осуществилъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, какъ это видно изъ недавно напечатаннаго въ „Русской Мысли" его Itinerarium'а, гдѣ находимъ слѣдующія относящіяся сюда данныя: по выѣздѣ изъ Гомбурга онъ посѣтилъ — 1845 г. 29 іюня (11 іюля) Берлинъ, съ 11 іюля — въ Карлсбадѣ [3]); 8 августа изъ Карлсбада въ Греффенбергъ (или Фрайвальдау) черезъ Прагу; 22 октября — Берлинъ; затѣмъ слѣдуютъ: Гастейнъ, Прага, Зальцбургъ, Венеція и наконецъ черезъ Болонью и Флоренцію онъ прибылъ въ Римъ, гдѣ уже провелъ зиму съ 1845 по 1846 г. [4]).

Толстому по вашему назначенію для доставленія къ вамъ и просилъ его не замедлить.

Затѣмъ благодарю васъ тысячекратно за то, что вы меня натолкнули на мысль обратить вниманіе на наши православныя священнодѣйствія, которыя возвышаютъ мысль, услаждаютъ сердце, умиляютъ душу и проч. и проч. Безъ васъ я бы не былъ дѣятельнымъ въ подобномъ чтеніи, а имѣя его только въ виду, все бы откладывалъ, по моему обыкновенію, въ долгій ящикъ. Это чтеніе есть истинная манна, манна вышенебесная! Итакъ благодарю васъ еще, желая вамъ отъ *чистаго сердца, совершеннаго здоровья и счастія* во всемъ томъ, въ чемъ только можно и должно находить истинное счастье, съ особеннымъ уваженіемъ, душевною преданностью, искреннимъ расположеніемъ и всегдашнею готовностью пребыть честь имѣю вашимъ покорнѣйшимъ слугою Ѳеодоръ Бѣляевъ».

[1]) См. Соч. и письма Гоголя VI, 188—193.

[2]) «Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 910. — О присылкѣ денегъ Гоголь писалъ и Плетневу (см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 250. Ср. и «Русск. Стар.», 1890, VI, стр. 643).

[3]) А также въ началѣ іюля 1845 г. — передъ Берлиномъ (Соч. и письма Гоголя, VI, 194—195).

[4]) См. «Русск. Мысль», 1896, V, стр. 179. Но въ Швальбахѣ Гоголь въ этомъ году не былъ, и письмо, адресованное имъ Шевыреву и начинающееся словами: «Пишу къ тебѣ нѣсколько строкъ изъ Швальбаха», относится къ 1846, а не къ 1845 г., какъ думалъ г. Кулишъ (см. Соч. и письма Гог., VI, 206).

Кромѣ того у Гоголя было, какъ всегда, много плановъ, не приведенныхъ потомъ въ осуществленіе. Такъ изъ письма къ А. О. Смирновой отъ 5 іюля видно, что врачи, особенно Коппъ, его посылали на островъ Эльголандъ (недалеко отъ Гамбурга), куда онъ подзывалъ и Смирнову[1]). Послѣдняя съ грустью отвѣтила ему на это приглашеніе: „А вы... въ Берлинѣ! Какъ близко отъ насъ, и нѣтъ возможности надѣяться васъ видѣть. Это грустно и тягостно, и Богъ знаетъ, гдѣ и когда мы встрѣтимся“ [2]).

Въ теченіе этихъ мѣсяцевъ Гоголь перестрадалъ не меньше, чѣмъ во всю остальную жизнь: тогда-то онъ въ первый разъ сжегъ „Мертвыя Души“ [3]), дважды говѣлъ[4]) и все время находился въ самомъ напряженномъ и тревожномъ настроеніи, предполагая себя на краю гроба. Страданія физическія и моральныя (въ зависимости отъ первыхъ) теперь доходили до того, что онъ признавался, что „повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лѣкарство и облегченіе“ [5]). Въ это время онъ то-и-дѣло горько жалуется на свои недуги. Онъ пишетъ 5 іюня Языкову: „Повторяю тебѣ еще разъ, что болѣзнь моя серьезна. Только одно чудо Божіе можетъ спасти. Силы исчерпаны. Ихъ и безъ того было немного, и я дивлюся, какъ, при моемъ сложеніи, я дожилъ и до сихъ еще дней“. Здѣсь же онъ сознается, что „*хотѣлъ насильно заставить писать себя,* тогда какъ душа была неготова и слѣдовало покориться волѣ Божіей“, и продолжаетъ далѣе: „Ни искусство докторовъ, ни какая бы то ни была помощь, даже со стороны климата и прочаго, не могутъ сдѣлать ничего, и я не жду отъ нихъ помощи. Но говорю твердо одно только, что велика милость Божія и что,

---

1) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 195 и 197 и «Русск. Стар.», 1890, VI, 643.

2) «Русск. Стар.», 1890, VI, 642—643.

3) См. Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 92. О томъ же Шевыревъ спрашивалъ Плетнева уже въ письмѣ отъ 26 августа 1846 г. (см. «Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 951). Это уничтоженіе второго тома «Мертвыхъ Душъ» слѣдуетъ считать уже вторымъ. Н. С. Тихонравовъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Если нельзя съ достовѣрностью говорить *о совершенномъ истребленіи рукописи II тома* въ это время, то, кажется, можно допустить предположеніе *о совершенной передѣлкѣ*, равняющейся уничтоженію». (См. Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 539 и 513).

4) Соч. и письма Гоголя, VI, 197.

5) Соч. и письма Гоголя, VI, 236.

если самое дыханіе станетъ улетать въ послѣдній разъ изъ устъ моихъ и будетъ разлагаться во тлѣньe самое тѣло мое, одно Его мановеніе — и мертвецъ возстанетъ вдругъ. Вотъ только въ чемъ возможность спасенья моего. Если сыщется такой святой, чьи молитвы умолятъ обо мнѣ, если жизнь полезнѣй точно моей смерти, если достанется хоть сколько-нибудь чистоты — грѣшной и нечистой душѣ моей на такого рода помилованіе, тогда жизнь вспыхнетъ во мнѣ вновь, хотя всѣ ея источники изсякли"[1]). Часто даже письма этого времени начинаются однообразными заявленіями о пересиливаніи себя. Такъ матери онъ пишетъ отъ 28 іюня: „Пишу къ вамъ все еще больной изъ Карлсбада", и Смирновой: „Пишу къ вамъ, мой прекрасный другъ Александра Осиповна, изъ Берлина, куда притащился я больной — и еле движущійся"; Н. М. Языкову: „Пишу къ тебѣ, разслабленный и еле движущійся изъ Карлсбада, куда наконецъ забросила меня судьба"; опять къ Смирновой: „Слабый и еле движущійся пишу къ вамъ изъ Карлсбада"[2]).

LVIII.

Само собою разумѣется, что болѣзнь и поѣздки еще сильнѣе разстраивали денежныя дѣла Гоголя, и безъ того находившіяся въ незавидномъ состояніи. Желаніе его помогать бѣднымъ студентамъ, какъ мы знаемъ, было встрѣчено холодно не только Плетневымъ, считавшимъ его пустой фантастической затѣей[3]), и подъ его вліяніемъ А. О. Смирновой, но также и московскими друзьями, которымъ казалась болѣе чѣмъ странной такая филантропія въ ущербъ помощи собственнымъ роднымъ и уплатѣ надѣланныхъ долговъ. Шевыревъ въ своей перепискѣ съ Гоголемъ продолжаетъ постоянно стоять на стражѣ интересовъ Погодина и Аксакова. Его „подталкиванія" проходятъ красной нитью черезъ всю переписку съ Гоголемъ. Еще 25 марта 1843 г. онъ пускалъ по этому поводу въ ходъ обычный свой медоточивый тонъ: „Довольно журить тебя за прошедшее. Теперь поговоримъ о настоящемъ. Оно совсѣмъ не такъ дурно, какъ ты воображаешь. Скажу даже болѣе: ты самъ не знаешь ни себѣ цѣны, ни своимъ сочиненіямъ.

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, VI, 191.

[2]) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI. стр. 194, 195, 201, 204 и проч.

[3]) См. «Переписку Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 412 и 415.

Ты совершенно забываешь, что сочиненія твои такой капиталъ, которымъ ты можешь и себя, и *заимодавцевъ своихъ* обезпечивать, какъ капиталистъ, и нечего тебѣ просить ни у кого. Умѣй только распоряжаться ими и довѣряй интересы въ руки *тѣхъ* друзей, для которыхъ спокойствіе твое и каждая копѣйка твоей собственности дороги, какъ ихъ собственныя, *если еще не болѣе*"?![1]). Теперь Шевыревъ писалъ: „Предложеніе твое о суммѣ, сбираемой съ твоихъ сочиненій, не могло быть мною исполнено по двумъ причинамъ. Первая — ты долженъ еще Аксакову. Книги продаются туго, и до сихъ поръ еще не все ему заплачено. Между тѣмъ я зналъ, что Аксаковы нуждаются. Они даже на зиму переселились теперь въ деревню по этой причинѣ. Мнѣ казалось несправедливымъ употреблять твои деньги на бѣдныхъ студентовъ, когда еще не уплаченъ тобою долгъ человѣку нуждающемуся. Языковъ — другое дѣло: конечно, подождетъ". Далѣе Шевыревъ говоритъ еще болѣе рѣшительнымъ тономъ: „Увѣдомь меня, какъ велика вся сумма, которую ты долженъ Аксакову. Со времени твоего отъѣзда я переплатилъ ему за тебя, какъ значится въ твоей расходной книгѣ, 5805 р. ас (игнаціями). Сколько еще остается заплатить, увѣдомь. *Когда я расплачусь за тебя съ Аксаковымъ, тогда примусь съ тобою разсуждать о будущемъ назначеніи твоихъ денегъ.* Пока же эта первая обязанность, тобою же на меня наложенная, не выполнена, *о другомъ я говорить съ тобою не буду*, потому что не могу принять на себя исполненіе такого дѣла, которое мнѣ кажется противнымъ справедливости"[2]). Съ этими данными слѣдуетъ еще сопоставить слова въ письмѣ отъ 15/27 ноября 1844 г.: „Тебя вся братія приглашаетъ къ посильному участію" (въ перешедшемъ къ И. В. Кирѣевскому „Москвитянинѣ)", „если только это не разстроитъ тебя ни въ какихъ твоихъ занятіяхъ"[3]). — [Гоголь на это отвѣчалъ: „Кирѣевскому скажи, что хотя я и не даю никакой статьи въ „Москвитянинъ" по причинѣ нищенства, но что Жуковскій мною заставленъ сдѣлать для „Москвитянина" великое дѣло, котораго, безъ хвастовства, побудителемъ и подстрекателемъ былъ я" (Соч.

---

1) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 3.

2) Тамъ же, стр. 20—21.

3) Тамъ же, стр. 18.

и письма Гоголя, VI, 125)] — и съ словами письма Шевырева отъ 29 іюля 1846 г.: „Я радъ бы всякій трудъ промѣнять на корректуру второй части „Мертвыхъ Душъ“ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ постоянно сдерживалъ нападенія Гоголя въ письмахъ на Погодина. Гоголь все еще былъ неискрененъ въ отношеніи къ послѣднему передъ другими московскими друзьями и, осыпая его обвиненіями, высказывалъ ихъ въ очень осторожной формѣ; напр. говоря о томъ, что „человѣкъ только въ сердцахъ высказываетъ правду“, онъ прибавляетъ: „Это водится за *нашимъ другомъ* Погодинымъ, и, признаюсь, я иногда его *нарочно сердилъ только затѣмъ, чтобы узнать, что̀ онъ обо мнѣ думаетъ*“ [2]), — а въ то же время посылаетъ тому же „*нашему другу*“ Погодину язвительное письмо, въ которомъ между прочимъ бросаетъ ему жесткій упрекъ, повторенный позднѣе въ „Перепискѣ съ друзьями“, — въ томъ, что „онъ торопился всю свою жизнь, спѣша дѣлиться всѣмъ съ своими читателями, сообщать имъ все, чего ни набирался самъ, не разбирая, созрѣла ли мысль въ его собственной головѣ такимъ образомъ, дабы стать близкою и доступною всѣмъ, словомъ — выказывалъ передъ читателемъ себя всего во всемъ своемъ неряшествѣ. И что̀ жъ? Замѣтили ли читатели тѣ благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто? приняли ли отъ него, чѣмъ онъ хотѣлъ съ ними подѣлиться? Нѣтъ, они замѣтили въ немъ одно только неряшество и неопрятность, которыя прежде всего замѣчаетъ человѣкъ, и ничего отъ него не приняли. Тридцать лѣтъ работалъ и хлопоталъ, какъ муравей, этотъ человѣкъ, торопясь всю жизнь свою передать поскорѣе въ руки всѣмъ все, что̀ ни находилось, на пользу просвѣщенія и образованія русскаго, — и ни одинъ человѣкъ не сказалъ ему спасибо“ [3]) и проч. На это Шевыревъ отвѣчалъ: „Я не знаю, съ чего ты взялъ, что Погодинъ остался не узнанъ другими и разорвалъ связи съ лучшими своими друзьями. Во время перваго несчастія его [4]) вся Москва съѣзжалась къ нему на Дѣвичье поле, и тутъ-то

---

[1]) Тамъ же, стр. 26.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 121.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 20. Ср. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 113, письмо Языкову, вѣроятно показанное послѣднимъ Шевыреву.

[4]) Паденія съ дрожекъ.

мнѣ пріятно было видѣть, какъ всѣ, не смотря на его недостатки, единодушно любятъ его и принимаютъ въ немъ живое искреннее участіе. Объ немъ сожалѣлъ весь городъ вкупѣ. Второе его несчастіе соединило также всѣхъ около него. Память жены его свята была для всѣхъ, а ему сострадали всѣ искренно. Въ такихъ несчастіяхъ всего болѣе узнается мнѣніе, которое имѣютъ объ человѣкѣ. Погодинъ имѣлъ непріятности съ друзьями — правда, *но съ такими, которые имѣли ихъ съ другими.* Погодинъ не разорвалъ связи ни съ кѣмъ, тогда какъ *другіе, его обвиняющіе,* разорвали ее со многими изъ прежнихъ друзей своихъ. Онъ неряха въ изданіяхъ своихъ; ему это говорили нѣсколько разъ; но тѣмъ онъ вредитъ только самому себѣ, и самъ это вѣрно знаетъ. Ты собираешься исправлять его и мнѣ поручаешь сдѣлать это предварительно. Прекрасны мысли твои о взаимномъ исправленіи, которымъ мы обязаны другъ другу[1]), и о христіанской обязанности нашей стремиться къ совершенствованію. Но позволь мнѣ прибавить къ этому нѣсколько собственныхъ размышленій: *чтобы исправлять другого, надобно пріобрѣсти на то право исправленіемъ самого себя, и если берешься за это, то браться за это въ минуту самую спокойную, въ минуту самой сильной любви къ человѣку, а не въ такую, когда на него хоть за что-нибудь сердишься*“[2]).

Такія отповѣди получалъ Гоголь отъ Шевырева!

LIX.

Около средины 1845 года Віельгорскіе возвратились, наконецъ, въ Петербургъ. Осуществилось давнее нетерпѣливое желаніе Луизы Карловны, тосковавшей по домѣ и Россіи. Но по странному свойству натуры человѣческой, очутившись на мѣстѣ, она тотчасъ же начала грустить объ оставленныхъ ею городахъ за границей и особенно о Ниццѣ. Софья Михайловна по этому поводу писала Гоголю: „Мы теперь всѣ соединены подъ одной крышей; живемъ тихо, пріятно, дружно. Маменька здорова, дѣятельна, только часто жалѣетъ о прекрасной природѣ Ниццы и чудномъ климатѣ южныхъ странъ“[3]).

---

[1]) См. Соч. и письма Гоголя. т. VI, стр. 121.

[2]) Отчетъ Импер. Публичн. Библіотеки за 1893, стр. 15—16.

[3]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, стр. 92.

Лѣто Віельгорскіе провели въ Павлинѣ, по прежнему въ обществѣ Смирновой, но какая разница между ихъ былымъ согласіемъ и жизнью „душа въ душу“ въ Ниццѣ и теперешнимъ сожительствомъ! Измѣнившаяся обстановка и непривлекательная перспектива обыденной жизни, вступившей въ свои права вмѣстѣ съ водвореніемъ дома, тотчасъ дали себя знать. Смирнова жестоко хандрила и доходила до такихъ сильныхъ припадковъ, что ничто уже не могло ее развлечь. Даже Віельгорскими она была теперь не совсѣмъ довольна: она находила ихъ черезъ-чуръ свѣтскими и преданными удовольствіямъ, особенно Анну Михайловну. Въ письмахъ къ Гоголю она выражаетъ свою признательность Віельгорскимъ за ихъ дружбу; увѣряетъ даже, что не можетъ ее вполнѣ высказать, почему проситъ уже Гоголя передать имъ это; но многое въ ея отношеніяхъ къ этому семейству утратило прежнюю силу. Какъ прежде Смирнова не могла дождаться времени возвращенія изъ-за границы въ Петербургъ, такъ теперь ее тянетъ неудержимо въ Калугу, куда мужъ ея былъ назначенъ губернаторомъ и гдѣ ее ожидала новая жизнь. — Разскажемъ объ этомъ подробнѣе.

Лѣто 1845 года Смирнова проводила на дачѣ у Віельгорскихъ въ Павлинѣ, но уже почти цѣлый годъ прожила она съ С. М. Соллогубъ въ Петербургѣ и еще сильнѣе привязалась къ ней. Теперь со дня на день ожидали пріѣзда графини матери и Анны Михайловны. Проекты о свиданіи съ Гоголемъ оказались неосуществленными: семейныя обязанности не позволяли Смирновой исполнить его желаніе, а С. М. Соллогубъ по своему характеру не могла и думать о разлукѣ съ своими, которыхъ теперь она надѣялась наконецъ увидѣть „соединенными подъ одной кровлей“. Поэтому обѣ онѣ, въ свою очередь, зазывали въ Россію Гоголя и особенно трогательно было сердечное участіе къ нему кроткой и любящей Софьи Михайловны Соллогубъ. Какимъ искреннимъ, задушевнымъ чувствомъ вѣетъ отъ ея писемъ! „Вы больны, вы страдаете, вамъ грустно“, — писала она — „вѣрно очень грустно! и когда я думаю, что вы совершенно одни должны бороться противъ такого расположенія духа, то мнѣ также становится грустно. Что же если бы вы возвратились въ матушку Рос-

сію? Здѣсь найдете три семейства[1]), которыя соединятся въ одну мысль разсѣять печальныя мысли ваши, въ одно чувство любви къ вамъ, которыя будутъ счастливы каждымъ веселымъ вашимъ взглядомъ, каждою веселою улыбкой вашею“ [2]). Такимъ же, можно сказать, нѣжнымъ дружескимъ чувствомъ дышатъ письма Смирновой къ Гоголю и Гоголя къ Смирновой (письма Гоголя къ С. М. Соллогубъ пока остаются неизвѣстны). Такъ вполнѣ интимныя изліянія Смирновой глубоко затрогивали его душу и ея печали возбуждали въ немъ самый сочувственный откликъ. „Другъ мой добрый и прекрасный!“ — писалъ онъ ей однажды — „ваше письмо отъ 12 мною получено. Что его читали не глаза мои, а читало сердце, о томъ нечего и говорить; что всякое изъ страданій вашихъ почувствовано самой глубиной того же сердца, о томъ также нечего говорить. Годъ этотъ всѣмъ труденъ, и не безъ особенныхъ намѣреній Промысла вышняго онъ проходитъ почти для всѣхъ въ скорби душевной“ [3]).

Когда надежда на свиданіе съ Смирновой окончательно измѣнила, Гоголь отъ души радовался за нее, что ей предстоитъ пользоваться пріятнымъ обществомъ Віельгорскихъ. Какъ за годъ передъ тѣмъ онъ совѣтовалъ Александрѣ Осиповнѣ какъ можно тѣснѣе и задушевнѣе сойтись съ Софьей Михайловной, такъ теперь совершенно такой же совѣтъ повторяется относительно Анны Михайловны [4]). Обѣщаніе было немедленно и охотно дано, но, какъ оказалось послѣ, не могло быть приведено въ исполненіе.

Первая забота, занимавшая всѣхъ передъ пріѣздомъ Віельгорскихъ, состояла въ томъ, какъ встрѣтятся постоянно враждовавшія между собою двѣ графини, Луиза Карловна Віельгорская и старая графиня Соллогубъ, мать извѣстнаго писателя, урожденная Архарова, женщина очень умная, но не обладавшая особенными достоинствами характера. Еще въ Ниццѣ графини не ладили между собою. Объ этомъ опасеніи упоминала не только Смирнова, которой остались неизвѣстны обстоятельства, сопровождавшія встрѣчу, но и вполнѣ откровенная съ Гоголемъ молодая графиня Соллогубъ, радовав-

---

[1]) т.-е. Сологубъ, Віельгорскихъ и Смирновыхъ.

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 92.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 188—189.

[4]) ср. соч. и письма Гоголя. т. VI, стр. 95 и 193.

шаяся тому, что все обошлось при встрѣчѣ благополучно. Все это показываетъ, какимъ близкимъ и довѣреннымъ лицомъ былъ для Віельгорскихъ Гоголь. „Предсказанія ваши сбылись", — извѣщала его Софья Михайловна: „все идетъ ладно, мирно, какъ я только могла желать. Маменька посѣтила графиню Софью Ивановну въ Павловскѣ. Свиданіе ихъ обошлось какъ нельзя лучше"[1]). Но совершенно непредвидѣннымъ было нѣкоторое, конечно не имѣвшее серьезныхъ размѣровъ, охлажденіе Смирновой къ Віельгорскимъ. Дружба слегка омрачилась благодаря тому, что все лѣто Александра Осиповна находилась въ сильнѣйшемъ градусѣ хандры и отчаянія, тогда какъ Анна Михайловна Віельгорская, какъ еще очень молодая дѣвушка, не смотря на сознаніе пустоты свѣтскаго времяпровожденія, платила дань возрасту и не могла удержаться отъ вихря разсѣянія и увеселеній. Обѣ одинаково отрицательно относились къ низменному уровню интересовъ окружающаго общества, безъ котораго впрочемъ, по разнымъ причинамъ, ни та, ни другая не могли обходиться; но тогда какъ у одной отъ прежняго продолжительнаго обращенія въ свѣтѣ остался лишь горькій осадокъ отвращенія и давно притупился вкусъ къ дешевымъ свѣтскимъ тріумфамъ и избитымъ удовольствіямъ паркета, а отказаться отъ свѣта мѣшало ей ложно направленное самолюбіе, — другая еще жадно вдыхала отравленную атмосферу свѣтской суеты, съ невоздержностью юности впивая въ себя ядовитый дурманъ. Отсюда между ними возникло взаимное непониманіе и легкое недовольство.

„Съ Нози я непремѣнно сойдусь" — успокоивала было Гоголя сначала Смирнова — „хотя между нами такая большая разница лѣтъ; но мнѣ на это надобно время: теперь она еще не переговорила съ сестрами и подругами"[2]). Но разница въ возрастѣ и жизненномъ опытѣ оказалась серьезнымъ препятствіемъ для сближенія.

Послѣ того какъ Смирнова узнала о назначеніи ея мужа губернаторомъ въ Калугу, ея мысли были естественно отвлечены предстоявшей ей судьбой и новой дѣятельностью. Потерявъ въ тяжелой внутренней борьбѣ всякую энергію,

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 92.

[2]) «Русская Старина», 1890, VI, 641.

утративъ даже всякую воспріимчивость къ радостямъ жизни, она давно впала въ то безотрадное состояніе, которое когда-то называлось эффектнымъ именемъ разочарованія. Она носила въ себѣ страшный недугъ, хотя безуспѣшно искала отрады и утѣшенія въ дружбѣ и въ религіи. Жизнь не только не манила ее: она страшилась жизни. „Ничто, рѣшительно ничто меня не интересуетъ“ — открывалась она Гоголю — „душа болитъ, а сердце не любитъ. Мнѣ страхъ какъ бы хотѣлось оставить свѣтъ, но я связана. Вы не повѣрите, что меня тянетъ на покой въ самый пустынный уголъ, гдѣ бы мнѣ только отдохнуть“[1]). „Странно довольно“ — писала она въ другомъ письмѣ, — „что мое одиночество вездѣ повторяется: въ Баденѣ, въ Ниццѣ, въ Парижѣ, во Франкфуртѣ все одно и то же, наконецъ и тутъ, гдѣ, повидимому, мы дома“[2]). Гоголь и Самаринъ были для нея почти единственными людьми, дружба съ которыми сколько-нибудь скрашивала ея мучительную жизнь, но и эти друзья были далеко не счастливы. Самаринъ страдалъ отъ разлада съ отцомъ[3]), а душевное и физическое состояніе Гоголя въ данное время нами уже разсмотрѣно. Съ глубокимъ сочувствіемъ писала Смирнова Гоголю: „Любезный, безцѣнный другъ мой, Николай Васильевичъ, письма ваши все болѣе и болѣе безпокоятъ и огорчаютъ меня. Душа моя хотѣла бы перелетѣть къ вамъ, быть съ вами неразлучной, пространать около вашей и свои и ваши болѣзни“[4]). Мы уже знаемъ, что словамъ Гоголя по своей горячей привязанности и довѣрію къ нему она готова была придавать значеніе пророчества, а отъ его будущихъ сочиненій, подъ его вліяніемъ, ждала безъ малѣйшаго сомнѣнія чего-то величественнаго и колоссальнаго. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ сказалась въ ней любящая женщина, какъ и въ одномъ ея снѣ, относившемся къ Гоголю. „Снилось мнѣ“ — сообщала она, „что я получила отъ васъ письмо, которое горѣло яркимъ лучомъ. И бумага, и почеркъ — все какъ будто преобразилось. Этотъ сонъ былъ разсказанъ въ домѣ Віельгорскихъ, и всѣ

---

[1]) «Русская Старина», 1890, VI, 643.

[2]) Тамъ же, стр. 640.

[3]) О его отношеніяхъ къ отцу см. «Русск. Стар.», 1889, VI, 163–176. Кажется, къ Самарину относятся слова Смирновой о какой-то встрѣчѣ въ «Русск. Стар.», 1890, VI, 651—652 и «Русск. Стар.», 1890, VII, стр. 208.

[4]) «Русск. Стар.», 1890, VI, 642.

ему удивлялись. Пусть оно такъ, пусть вы преобразились тѣломъ и духомъ, и да увидимъ мы своими глазами преображеніе вашихъ „Мертвыхъ Душъ“ въ живительный источникъ любви и силы для нашихъ собственныхъ мертвыхъ душъ“ [1]). При такомъ чисто женскомъ восторженномъ участіи къ Гоголю Смирнова вѣрила его словамъ, что ее не будетъ страшить губернаторство, и она съ радостью извѣщала его, что охотно ѣдетъ въ Калугу, не подозрѣвая, что въ настоящемъ случаѣ въ ней говорилъ совсѣмъ не призывъ къ новой бодрой и разумной дѣятельности, а единственно отвращеніе къ прошлому, которое она тутъ же охарактеризовала такъ: „Странно довольно, что передъ моими глазами теперь безпрестанно подымается, какъ безобразный великанъ, все мое прошлое; тутъ сливаются и уп еки себѣ, и частое возмущеніе сердца на судьбу, и ужасное отчаяніе для (sic) дѣтей; словомъ, всѣ призраки, угрюмые, наводящіе на лобъ морщины преждевременныя“.

При такомъ ипохондрическомъ настроеніи все и всѣ казались Смирновой хуже, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ; она приходила въ отчаяніе, видѣла все въ черномъ цвѣтѣ, но особенно воображеніе ея рисовало въ мрачныхъ краскахъ ожидавшую ее благотворительную дѣятельность по обязанности и будущую отвѣтственность передъ чуждымъ и заранѣе непривлекательнымъ обществомъ. Привыкнувъ все повѣрять Гоголю, она не замедлила изложить ему свои тревоги и сомнѣнія, но получила отъ него инструкціи съ строгимъ и серьезнымъ взглядомъ на дѣло, отпугнувшія ее своей суровой требовательностью. Все это сильно разстроило Смирнову, подѣйствовало на нее угнетающимъ образомъ и еще болѣе заставило пасть духомъ. Незамѣтно она становилась болѣзненно раздражительна и капризна, — состояніе, въ которомъ ее вскорѣ засталъ въ Калугѣ И. С. Аксаковъ. Она сдѣлалась распущена отъ совершеннаго отсутствія путеводной звѣзды въ будущемъ и стала требовательна и строга къ чужимъ недостаткамъ. Недовольство всѣми и собой незамѣтно распространилось отчасти даже на дорогихъ уже впродолженіе не одного десятилѣтія Віельгорскихъ. Но спѣшимъ оговориться, передавая все это, что мы далеки отъ бездушныхъ

---

[1]) Стр. 648—649.

упрековъ тому ужасному состоянію, въ которомъ находилась во всякомъ случаѣ даровитая и одушевленная стремленіемъ къ нравственному совершенствованію Александра Осиповна. Одинъ изъ рѣзкихъ ея порицателей, И. С. Аксаковъ, находилъ въ ней прекрасныя стороны и это, конечно, было недаромъ.

Возвращаясь къ нашему разсказу, приведемъ прежде всего слова Смирновой о Віельгорскихъ: „Вы не повѣрите, до какой степени мнѣ тяжело и трудно даже съ Віельгорскими; болѣе или менѣе говорятъ о свѣтскихъ мелочныхъ интригахъ и приключеніяхъ, а я такъ живу далеко отъ всего, что не могу принести съ собою ничего въ составъ этого разговора“ [1]). Нѣкоторое время ея вниманіе было занято предохраненіемъ Софьи Михайловны отъ непріятностей со стороны старой графини Соллогубъ, но послѣдняя „притихла, такъ что“ — по выраженію Смирновой — „совершенно нечего дѣлать. Притомъ Петербургъ не Ницца. Тамъ они жили внѣ свѣта и оттого увлекались семейнымъ бытомъ, а здѣсь есть тысячи развлеченій“ [2]). Оставалось искать отрады и освѣженія только во дворцѣ, но тамъ по причинѣ болѣзни императрицы господствовало удрученное настроеніе. Наконецъ возлагалась надежда даже на Калугу: „Калуга, конечно, произведетъ большой переломъ въ моей жизни, и тутъ я вижу руку Божію“ [3]); но вскорѣ исчезла и эта надежда и впереди грозила черная свинцовая туча.

Когда срокъ отъѣзда въ Калугу сталъ приближаться, Смирнова могла только сказать, что ее „Калуга не пугаетъ потому, что все равно кажется мрачнымъ и скучнымъ“ [4]). Смирнова теперь уже въ такихъ выраженіяхъ исповѣдовалась Гоголю: „губернаторша тоже служитъ и ни подъ какимъ видомъ не можетъ проживать, какъ партикулярное лицо“ [5]).

Приведемъ еще нѣсколько отрывковъ, знакомящихъ насъ съ душевнымъ состояніемъ Смирновой, важныхъ потому, что каждый стонъ ея отзывался глубокой щемящей болью въ сердцѣ Гоголя. Она писала ему: „Теперь только я поняла,

---

[1]) «Русск. Стар.», 1890, VI, 639—640.

[2]) Стр. 643.

[3]) Тамъ же.

[4]) «Русск. Стар.», 1890, VI, стр. 646.

[5]) Стр. 653.

до какой степени я свѣтская женщина и какъ меня избаловала придворная жизнь, которая продолжалась до сихъ поръ. Противорѣчій во мнѣ бездна. Когда свѣтъ меня искалъ и завлекалъ къ себѣ, я его бѣгала; теперь начинаю чувствовать одиночество, потому что меня свѣтъ оставляетъ“; или: „вы мнѣ нужны болѣе, чѣмъ думаете. Мы оба на разныхъ путяхъ и разными образами пострадали въ свѣтѣ и были безъ опоры. На что̀ мнѣ мой затѣйливый домъ съ галлереями? На что богатое платье и жемчужное ожерелье? Это все для чужихъ готовится, а ко мнѣ никто не заглянетъ ихъ посмотрѣть, да и не зачѣмъ ко мнѣ заглядывать. Прощайте, не браните меня, пожалѣйте обо мнѣ и любите меня, страждующую и обремененную жизнью, потому что жизнь иногда бремя ужасное, но которое мы обязаны все-таки носить“ [1]).

Сестры Віельгорскія, съ своей стороны, прекрасно замѣчали борьбу, происходившую въ душѣ Смирновой, но относились къ ней не съ одинаковой снисходительностью. Болѣе добродушная и любящая Софья Михайловна говорила о ней: „Милая сосѣдка наша, Александра Осиповна, часто бываетъ въ хандрѣ. Къ несчастію, никто не можетъ пособить ей — одинъ Богъ и религія. Съ ней должны быть чрезвычайно тяжелыя минуты. Она находится на страшной межѣ наслажденій, осуществившихся въ протекшей молодости, и неизвѣстныхъ испытаній въ преддверіи старости. Разочарованіе всегда трудно переносится“. Напротивъ, въ отзывѣ Анны Михайловны осужденіе звучитъ громче состраданія: „Мнѣ кажется, что она еще съ собою не согласна, нѣтъ въ ней ничего твердаго и согласнаго. Все это лѣто она вела жизнь вялую и не дѣятельную. Не было у нея постоянныхъ часовъ для занятія“ и проч.[2]). Но горячее сочувствіе Гоголю было въ Смирновой одинаково симпатично всѣмъ Віельгорскимъ.

LX.

Но что̀ болѣе всего сближало и примиряло между собою оба дорогія Гоголю въ Петербургѣ семейства, это, безъ сомнѣнія, отношенія ихъ къ царскому дому и къ придворной

---

[1]) Тамъ же, 644.

[2]) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 92—93, 97.

сферѣ[1]). При всемъ своемъ охлажденіи къ интересамъ семейнымъ и общественнымъ Смирнова всегда относилась съ живѣйшимъ участіемъ ко всему, что̀ касалось лицъ царской фамиліи. Тѣ же чувства преданности послѣдней раздѣляли и Віельгорскіе. Гоголь, безъ сомнѣнія, много слышалъ отъ представительницъ обоихъ семействъ о характерѣ и жизни многихъ членовъ царской фамиліи и составилъ себѣ о нихъ довольно опредѣленное представленіе. Были также случаи, когда онъ черезъ Смирнову знакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ. Такъ намъ извѣстно, что въ молодости онъ былъ представленъ великому князю Михаилу Павловичу, котораго не разъ встрѣчалъ потомъ во время своей петербургской жизни. Въ Римѣ Гоголь сдѣлался извѣстенъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ лейхтенбергской, къ которой онъ былъ приглашенъ для чтенія „Мертвыхъ Душъ", о чемъ великая княгиня вспомнила спустя нѣсколько лѣтъ[2]). Изъ писемъ Смирновой Гоголь снова началъ постоянно получать извѣстія о дворѣ и наконецъ, подъ впечатлѣніемъ ихъ, сталъ давать совѣты своимъ друзьямъ относительно ихъ сношеній съ царской фамиліей. Такъ въ письмѣ отъ 19 сентября 1845 г. Гоголь узналъ отъ Смирновой о привлекательныхъ сторонахъ личности жены наслѣдника, Марьи Александровны; этого было достаточно, чтобы онъ тотчасъ же по правамъ дружбы посовѣтовалъ сблизиться съ ней графинѣ Аннѣ Михайловнѣ[3]). По убѣжденіямъ Гоголя отдалить насильно или по совѣту другого лица кого-либо отъ близкаго человѣка не законно и неразумно[4]), но сблизить людей имъ уважаемыхъ или любимыхъ онъ старался постоянно. Такъ кромѣ указанныхъ выше примѣровъ можно отмѣтить еще совѣтъ, данный имъ Аннѣ Михайловнѣ поближе сойтись съ Софьей Михайловной, хотя обѣ сестры всегда были очень дружны и младшая сестра

---

[1]) См. любопытныя воспоминанія А. О. Смирновой и о ея придворныхъ сношеніяхъ въ «Запискахъ знатной дамы» («Русск. Арх.», 1882, I, 206—219).

[2]) «Русск. Стар.», 1888, IV, 48; 1888, X, 125 и въ сборникѣ «Помощь голодающимъ», стр. 472, въ письмѣ къ Гоголю А. О. Смирновой отъ 30 января 1845 г.: «великая княгиня Марья Николаевна спрашивала объ васъ съ благосклонностью; вспомнила вашъ визитъ въ Римѣ. Она поправилась теперь. Она умна, жива и добра Другіе всѣ здоровы.» См. также «Сѣв. Вѣстн.», 1893, I, стр. 243.

[3]) Вѣстн. Евр. 1889, XI, 100.

[4]) Соч. и письма Гог., VI, 108.

заботилась и ухаживала за дѣтьми старшей. „Анна Михайловна мой вѣрный другъ“ — писала о ней молодая графиня Соллогубъ: „могу ей всю душу мою открыть“[1]).

Наконецъ передъ возвращеніемъ Віельгорскихъ изъ-за границы Гоголь, зная о горѣ государя, потерявшаго незадолго передъ тѣмъ дочь (Александру Николаевну), совѣтовалъ заботиться объ облегченіи его скорби какъ Смирновой, такъ особенно Аннѣ Михайловнѣ Віельгорской. Ей было поручено сообщать въ письмахъ о настроеніи государя и чѣмъ можно способствовать его духовному успокоенію. И вотъ въ первомъ письмѣ изъ Петербурга Анна Михайловна даетъ отчетъ о расположеніи духа государя: „Царь очень груститъ и даже сильно унываетъ. Надобно много за него молиться. Онъ не хочетъ никого видѣть, никуда не идти, и онъ говоритъ, что запрется на всю зиму. Никто еще не знаетъ, гдѣ онъ будетъ жить. Онъ теперь на шесть недѣль поѣхалъ во внутренность Россіи. Когда онъ протянулъ мнѣ руку, чтобы со мной проститься, я ему сказала, смотря ему въ глаза: Sire, que Dieu vous bénisse et vous conserve!“ и проч. Послѣ этого Гоголь снова напоминалъ ей: „не позабывайте, повторяю вамъ, вновь того, котораго я вамъ поручилъ“[2]). Все это имѣетъ нѣкоторое значеніе въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ искренность въ „Перепискѣ съ друзьями“ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Гоголь говоритъ о преданности престолу и членамъ царскаго дома, и Бѣлинскій могъ напрасно подозрѣвать его въ гнусномъ лицемѣріи, когда, намекая на пресмыкательство передъ властью, говорилъ: „Гимны властямъ предержащимъ хорошо устраиваютъ земное положеніе набожнаго автора“.

Деньги, выхлопотанныя для Гоголя Смирновой, налагали на него новыя обязательства. Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не обошлось при полученіи ихъ безъ нѣкоторыхъ проволочекъ и недоразумѣній. За первую треть было выдано вмѣсто тысячи только триста франковъ. Обратиться да разъяснить Плетневу Гоголь почему-то не хотѣлъ и спросилъ о причинѣ невысылки всей назначенной ему суммы у Смирновой. Та принуждена была, въ свою очередь, адресоваться къ Плетневу на дачу въ Лѣсной. Наконецъ

---

1) «Вѣстн. Европы», 1889, XI, 92.

2) см. «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 95—96 и 99; см. также стр. 102 и 105.

дѣло разъяснилось и на будущее время Гоголь долженъ былъ только присылать въ извѣстные сроки свидѣтельства о жизни.

Въ октябрѣ 1845 г. Смирнова простилась съ Віельгорскими и выѣхала въ Калугу. Съ этихъ поръ начинается новый періодъ ея жизни. Въ Москвѣ она предполагала, по просьбѣ Гоголя, навѣстить его друзей. Но пока возвратимся къ Віельгорскимъ.

LXI.

По отъѣздѣ Смирновой Віельгорскіе переѣхали вскорѣ изъ Павлина на зимній сезонъ въ Петербургъ, гдѣ ихъ снова охватила знакомая сфера придворной жизни. При ихъ близости ко двору они чрезвычайно интересовались личной судьбой каждаго изъ членовъ царской фамиліи. Ихъ огорчала болѣзнь императрицы, оставившая тогда замѣтные слѣды на настроеніи государя, горе котораго Віельгорскіе считали долгомъ своей совѣсти облегчать выраженіемъ искренняго сочувствія, насколько это было для нихъ возможно во время непродолжительныхъ разговоровъ съ нимъ[1]). Любопытно, что Гоголь, какъ это видно изъ содержанія писемъ, поручилъ заботиться объ этомъ между прочимъ и Аннѣ Михайловнѣ, которой около этого же времени совѣтовалъ сблизиться съ женой наслѣдника, Маріей Александровной[2]). Въ послѣднемъ совѣтѣ, при внимательномъ изученіи переписки Гоголя, ясно видны слѣды восторженнаго отзыва о великой княгинѣ А. О. Смирновой, не находившей ей достаточно похвалъ и особенно ставившей ей въ заслугу, что она не была „свѣтская“.

Въ Петербургѣ графиня Луиза Карловна продолжала также тосковать, какъ въ Павлинѣ. Съ первыхъ же дней началась обычная сутолка столичной жизни: пріемы, визиты, вечера. Каждый день многочисленное общество собиралось въ домѣ графовъ Віельгорскихъ на Михайловской площади. Составъ его былъ самый разнообразный, и оно раздѣлялось обыкновенно на двѣ половины, почти не имѣвшія между собой ни-

---

[1]) См. «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, стр. 96 и 99. О болѣзни великой княгини Александры Николаевны см. въ письмѣ Луизы Карловны («Вѣстн. Евр.», 1889, X, 483), а о послѣднихъ минутахъ ея писала Гоголю А. О. Смирнова (См. «Русск. Стар.», 1888, VII, стр. 50—52).

[2]) «Вѣстн. Европы», 1889, XI, 99—100.

чего общаго. На половинѣ Михаила Юрьевича собирались, какъ всегда, литераторы, художники, весь артистическій, по преимуществу музыкальный міръ и вообще интеллигенція всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. На первомъ планѣ было здѣсь тонкое наслажденіе изящнымъ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, такъ какъ хозяинъ, дававшій тонъ всему обществу, его душа и руководитель, былъ по природѣ эстетикъ, и въ старости не утратившій нисколько благороднаго влеченія къ искусству. Цѣня искусство выше всего, графъ ощущалъ настоятельную потребность въ сочувствующемъ ему обществѣ; ему были нужны люди, которые раздѣляли бы его страсть къ прекрасному. Понятно потому, что въ его салонѣ не могло существовать строгаго различія между чистокровными аристократами и интеллигентными разночинцами. У него были избранники иного рода: онъ радушно принималъ всѣхъ, кто могъ способствовать блеску и оживленію собиравшагося у него общества въ смыслѣ чисто интеллектуальномъ. По свидѣтельству В. А. Соллогуба, „всѣ эти господа приходили на собственный Віельгорскаго подъѣздъ, и графиня Віельгорская не только не знала о ихъ присутствіи въ ея домѣ, но даже не вѣдала о существованіи многихъ изъ нихъ“[1]). Въ силу личной общительности графа, который никогда не былъ прочь отъ забавной остроты и веселой шутки, качествъ, о которыхъ съ такимъ сочувствіемъ говоритъ его зять Соллогубъ, вокругъ него царствовали простота и непринужденность обращенія. Половина графини представляла въ этомъ отношеніи самый рѣзкій контрастъ: сюда допускались съ строжайшимъ разборомъ исключительно люди высшаго круга, которыхъ можно было принимать не рискуя скомпрометтировать себя въ какомъ бы то ни было отношеніи, — малѣйшее нарушеніе установившагося тона было бы здѣсь сочтено верхомъ неприличія. Роскошь обстановки и безукоризненное соблюденіе этикета могли бы выдержать критику самаго взыскательнаго судьи. Одного недоставало этимъ собраніямъ — свободы и искренности отношеній, и сама хозяйка, радушная и привѣтливая по обязанности, только механически исполняла обрядъ гостепріимства. Въ душѣ ея, таившей глубокій отпечатокъ возраставшаго съ каждымъ годомъ религіознаго на-

---

[1]) Воспоминанія В. А. Соллогуба.

строенія, ни на минуту не исчезало сознаніе ненужности неизбѣжныхъ модныхъ пріемовъ.

Между тѣмъ молодая графиня, Анна Михайловна, для которой зимнія увеселенія составляли часть обязательной программы, обыкновенно предписываемой требованіями свѣта молодой дѣвушкѣ, не мало тяготилась пустотой окружающаго общества и жалѣла о безплодной тратѣ времени, сопряженной съ постоянными выѣздами, но при всемъ томъ не могла отрицать, что невольно отдавалась захватывающей ее волнѣ со всѣмъ увлеченіемъ юности. Возрастъ ея можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ такого страннаго, повидимому, противорѣчія. Жалобамъ ея Гоголю на деспотическія условія свѣтской жизни мы не рѣшаемся отказать въ искренности, тѣмъ болѣе, что чувство неудовлетворенности хронической язвой безцѣльной суеты кажется намъ довольно естественнымъ для особы не совсѣмъ заурядной и вмѣстѣ съ тѣмъ не настолько тщеславной, чтобы заглушить въ себѣ внѣшними минутными успѣхами болѣе благородныя стремленія[1]). Мы готовы скорѣе допустить, что, не находя по своему положенію въ семьѣ и въ обществѣ болѣе полезнаго примѣненія своихъ силъ, она шла по той колеѣ, которую давно проложила традиція и уклониться отъ которой въ то время почти никто бы не отважился. Да и чѣмъ было бы ей наполнить жизнь? Всѣ ея занятія русскимъ языкомъ, ботаникой, музыкой, рисованьемъ, ея чтеніе богословскихъ и историческихъ сочиненій при данной обстановкѣ не могли получить болѣе серьезнаго значенія, чѣмъ невинныя упражненія дилеттантки, хотя всѣ они ясно указываютъ въ ней натуру далеко не дюжинную. Правда, она является передъ нами, по письмамъ, довольно энергичной помощницей старшей сестры въ воспитаніи ея дѣтей, но было бы странно требовать и ожидать, чтобы она въ самомъ дѣлѣ нашла свое призваніе исключительно въ служеніи хотя близкой, но все же не собственной семьѣ. Она была еще очень молода, передъ ней заманчиво раскрывалась жизнь въ полномъ довольствѣ, жизнь, богатая надеждами на будущее, и, безъ сомнѣнія, внутренній голосъ го-

---

[1]) Анна Михайловна особеннаго успѣха въ свѣтѣ не имѣла, но ее очень цѣнили и она привлекала умной бесѣдой лицъ интеллигентныхъ, напр. своего родственника графа Комаровскаго и др., которые были гораздо старше ея.

ворилъ ей громко о возможности собственнаго личнаго счастья. Роль Анны Михайловны въ петербургскомъ свѣтѣ была временная; это было лишь переходное состояніе, въ нравственномъ отношеніи тягостное и томительное, но при данныхъ условіяхъ неизбѣжное.

Въ противоположность сестрѣ графиня Софья Михайловна, освобожденная судьбой отъ рутины вечеровъ и танцевъ, застрахованная притомъ самымъ характеромъ отъ увлеченій подобнаго рода, какъ всегда, стремилась жить въ семьѣ и, отдавъ неизбѣжную дань свѣту, съ спокойной душой посвящала себя на остальное время всецѣло своимъ дѣтямъ. Семья была, какъ мы говорили, единственнымъ источникомъ ея радостей и огорченій. Всегда погруженная въ заботы о мужѣ и преданная его интересамъ, Софья Михайловна принимала горячее участіе въ судьбѣ его литературныхъ произведеній; каждый успѣхъ ихъ былъ для нея лучшимъ торжествомъ, малѣйшая неудача болѣзненно отзывалась въ ея сердцѣ, и весьма вѣроятно, что она была въ этомъ отношеніи несравненно чувствительнѣе самого автора, относившагося ко всему довольно безпечно. Кроткая во всемъ до послѣднихъ предѣловъ человѣческаго терпѣнія, она не могла воздерживаться отъ жалобъ на несправедливость къ ея мужу общества и критики. Въ письмахъ къ Гоголю она только и говоритъ о мужѣ, объ его повѣстяхъ и комедіяхъ; спрашивая мнѣніе о нихъ своего корреспондента-пріятеля, она, кажется, ждетъ больше сочувствія и теплаго слова расположеннаго къ ней знакомаго, нежели суда опытнаго знатока-литератора. Не беремъ на себя рѣшить, насколько былъ откровененъ Гоголь, лестно отзываясь о „Воспитанницѣ“ и другихъ сочиненіяхъ Соллогуба[1]), — кажется, онъ дѣйствительно признавалъ успѣхи въ развитіи его таланта, судя по письму о немъ Плетневу[2]), гдѣ лишь въ другихъ выраженіяхъ высказано тождественное сужденіе, но если бы онъ имѣлъ даже о нихъ иное мнѣніе, у него, безъ сомнѣнія, недостало бы духа отравить душевный покой Софьи Михайловны малѣйшимъ неблагопріятнымъ замѣчаніемъ.

Но всего трогательнѣе и почтеннѣе любовь Софьи Михайловны къ дѣтямъ: съ какимъ упоеніемъ счастья говоритъ

---

1) «Вѣстн. Европы», 1889, XI, 91—92, 98, 108 и др.

2) Соч. и письма Гоголя, VI, 299; соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 230.

она о своемъ поворожденномъ сынѣ, съ какимъ безусловнымъ довѣріемъ повѣряетъ Гоголю все, что̀ касается ея другихъ дѣтей: она нисколько не сомнѣвается въ его дружескомъ сочувствіи и признательна, какъ мать, къ тому участію, которое онъ выказываетъ, разспрашивая въ письмахъ о членахъ ея сѐмьи. Но она не остается передъ нимъ въ долгу въ изъявленіи дружбы: въ письмахъ ея особенно симпатично именно то, что она говоритъ съ безусловною откровенностью, и насколько ея мысль далека отъ малѣйшаго подозрѣнія въ искренности собесѣдника, настолько же сама она отвѣчаетъ благородною правдивостью въ собственномъ участіи къ нему. Въ ея отношеніяхъ къ людямъ не примѣшивалось никакой натяжки и тѣмъ болѣе фальши. При чтеніи ея писемъ невольно поражаетъ то, что среди бездушной натянутости свѣта она сохранила сердце рѣдкое и въ другихъ слояхъ общества. То же замѣтилъ о Смирновой И. С. Аксаковъ, въ которой онъ вмѣстѣ съ другими признавалъ замѣчательно доброе сердце; но, превосходя Софью Михайловну въ сильной степени дарованіями, она все-таки во многомъ уступала ей. Пушкинъ сказалъ о Смирновой:

„Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
(Она) сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
. . . .
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра".

Смирнова при другихъ привлекательныхъ качествахъ была добра какъ дитя — С. М. Соллогубъ была также *чиста какъ дитя*. Гоголь живо это чувствовалъ и безгранично ее любилъ и уважалъ, и даже не могъ примириться съ тѣмъ, что, по его мнѣнію, многіе не были въ состояніи въ полной мѣрѣ оцѣнить выдающуюся нравственную высоту этой женщины. Этимъ его сочувствіемъ объясняется, почему онъ такъ заботливо поручалъ Александрѣ Осиповнѣ при отъѣздѣ ея изъ за-границы въ Петербургъ устранять отъ Софьи Михайловны малѣйшія невзгоды, давать ей всякія мелочныя наставленія, какъ вести хозяйство, какіе допускать расходы и какъ установить въ домѣ самый строгій порядокъ[1]). Сознавая безмѣр-

[1]) Соч. и письма Гоголя, VI, 96.

ное превосходство Александры Осиповны передъ Софьей Михайловной въ отношеніи жизненнаго опыта, Гоголь ставилъ ей послѣднюю въ примѣръ самой высокой нравственности. Въ обществѣ Софьи Михайловны Гоголь видѣлъ что-то облагораживающее, очищающее душу отъ всякихъ житейскихъ соблазновъ. Онъ писалъ Смирновой: „Если случится вамъ вести разговоръ съ молодымъ вѣтрогономъ или изношеннымъ старичишкой, воображайте всякій разъ, что съ вами тутъ же сидитъ Софья Михайловна, и все будетъ хорошо"[1]).

Намъ остается хотя немного упомянуть объ отношеніи Гоголя къ литературнымъ трудамъ Соллогуба, а Смирновой и Віельгорскихъ къ „Мертвымъ Душамъ".

Г-жа Черницкая, доказывая вредное вліяніе на Гоголя со стороны Смирновой, не безъ основанія приводитъ нѣсколько строкъ, сказанныхъ послѣдней о „Мертвыхъ Душахъ"; но сильно ошибается, полагая, что именно это было причиной появленія „Переписки съ друзьями".[2]) Вообразивъ въ Гоголѣ рыцаря-„однолюба", она не церемонится ни съ фактами, ни особенно съ хронологіей, рѣшаясь безъ оглядокъ утверждать напр., что съ начала сороковыхъ годовъ „Гоголь постоянно ѣздилъ слѣдомъ за Смирновой изъ одного города въ другой"[3]). Отчасти это было такъ, но въ такой же степени, какъ Гоголь ѣздилъ слѣдомъ за Толстымъ, Віельгорскими и Жуковскимъ. Выводить отсюда игривыя заключенія о „страсти нѣжной", конечно, по меньшей мѣрѣ рискованно. Положимъ, что Смирнова въ самомъ дѣлѣ поддерживала въ Гоголѣ его мистическое настроеніе, но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма сложнымъ фактомъ нравственнаго взаимодѣйствія, и во всякомъ случаѣ вліяніе Гоголя было несравненно сильнѣе и возникло притомъ значительно раньше.

Віельгорскіе относились поверхностнѣе къ писательской дѣятельности Гоголя, и не столько интересовались ея содержаніемъ (большинство сочиненій его долго оставалось для

---

[1]) Тамъ же, VI, 95.

[2]) «Сѣв. Вѣстн., 1890, I, 211.

[3]) «Сѣв. Вѣстн.», 1890, I, 207. Хронологія находится въ такомъ пренебреженіи, что въ первыхъ же строкахъ статьи утверждается, будто Смирновой увлекались Пушкинъ, И. С. Аксаковъ и позднѣе (sic?!) Лермонтовъ.

нихъ неизвѣстными), сколько увлекались его литературнымъ значеніемъ и славой: „Vous êtes une de nos gloires modernes: какъ же русскому вами не гордиться?“ писала Гоголю Анна Михайловна: „какъ русская, вы для меня *Гоголь* и я вами горжусь, а какъ Анна Михайловна, вы только для меня Николай Васильевичъ, т.-е. христіанскій, любезнѣйшій, вѣрнѣйшій другъ“ [1]). Такъ же смотрѣла на Гоголя и графиня Луиза Карловна. Что касается Софьи Михайловны, то въ ея глазахъ Гоголь также былъ авторитетъ, какъ критикъ. Съ нетерпѣніемъ она ждала отзыва Гоголя о „Тарантасѣ“. Публика была довольна этимъ прекраснымъ произведеніемъ, критика также; было извѣстно, что доволенъ остался и государь, мнѣніемъ котораго весьма дорожили всѣ Віельгорскіе; но Софьѣ Михайловнѣ этого было мало: она ждала теплаго привѣта отъ Гоголя и была въ большомъ восторгѣ, когда отзывъ былъ полученъ благопріятный. Самъ Соллогубъ, несмотря на давнее знакомство съ Гоголемъ, сознавая его недовольство имъ, какъ писателемъ, зарывающимъ свой талантъ, кажется, не долюбливалъ Гоголя, но наружно выказывалъ ему расположеніе и даже посвятилъ ему свою піесу „Воспитанница“.

LXII.

Въ октябрѣ Гоголь пріѣхалъ на зиму въ Римъ [2]). Тотчасъ его охватило чувство нѣги и глубокаго внутренняго довольства при взглядѣ на храмъ св. Петра, Колизей и проч. Но годы и усиливавшаяся болѣзненность взяли свое: не оправдалась надежда Жуковскаго, что „Римъ угомонитъ его нервы“. „Ему ли бы, кажется, съ ними не сладить“ — шутилъ маститый поэтъ, „ему побѣдителю столькихъ народовъ“ [3]). Прежняго обаянія красоты Италіи уже не производили на Гоголя и страшная зябкость преслѣдовала его даже на этомъ

---

1) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 105.

2) Языковъ однажды писалъ одному изъ братьевъ отъ 24 сентября 1845 г.: «Гоголь былъ у Призница, ѣдетъ въ Римъ на зиму; обѣщалъ написать мнѣ, что ему сдѣлало водолѣченіе». Здѣсь же о Жуковскомъ: «Жуковскій къ будущей веснѣ ѣдетъ въ Москву и ему уже строятъ въ ней домъ».

3) Сборникъ Общества любителей Россійской Словесности на 1891 г., страницы 17—18.

цвѣтущемъ югѣ Европы. Состояніе здоровья его было самое плачевное: „Я зябну, и зябну до такой степени, что долженъ ежеминутно выбѣгать изъ комнаты на воздухъ, чтобы согрѣться. Но какъ-только согрѣюсь и сяду отдыхать, остываю въ нѣсколько минутъ, хотя бы комната была тепла, и вновь принужденъ согрѣваться. Положеніе, тѣмъ болѣе непріятное, что я черезъ это не могу, или, лучше, мнѣ некогда ничѣмъ заняться, тогда какъ чувствую въ себѣ и голову, и мысли болѣе свѣжими и, кажется, могъ бы теперь засѣсть за трудъ, отъ котораго сильно отвлекали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояніе. Скажу только то, что много, много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей, и да будетъ благословенна во вѣки воля Пославшаго скорби и все то, что̀ мы обыкновенно пріемлемъ за горькія непріятности и несчастія! Безъ нихъ не воспиталась бы душа моя для труда моего“[1]).

Въ Римѣ и по дорогѣ туда кромѣ возобновленія прежнихъ дружескихъ отношеній къ Иванову, Моллеру, Іордану и другимъ Гоголь былъ обрадованъ новой встрѣчей съ Анненковымъ[2]) и сдѣлалъ еще нѣсколько новыхъ знакомствъ по рекомендаціи Жуковскаго и Смирновой: по просьбѣ перваго онъ сдѣлалъ визитъ русскому посланнику въ Римѣ Бутеневу, по желанію второй посѣщалъ графиню Нессельроде, современную поэтессу графиню Растопчину, болѣе извѣстную въ тѣсномъ кругу знакомыхъ подъ уменьшительнымъ именемъ Додо[3]), Дашкову[4]), Чернышевыхъ-Кругликовыхъ[5]) и другихъ. Но больше

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 221—222; ср. стр. 228.

[2]) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 235.

[3]) См. «Вѣстн. Европы», 1888, V, стр. 401 и «Русск. Стар.», 1890, VII, 206; «Истор. Вѣстн.», 1881, VI, 303 и «Вѣстн. Европы», 1885, III, 49, примѣчаніе 1-е, также «Русск. Архивъ», 1896, III, 364 и 377, гдѣ между прочимъ приведены слова А. О. Россета о томъ, что при погребеніи «Растопчина должна была надѣть Гоголю лавровый вѣнокъ потому именно, что изо всѣхъ умершихъ Гоголю наиболѣе бы эта продѣлка не понравилась». Лермонтовъ посвятилъ Растопчиной нѣсколько стихотвореній, при чемъ одно называется «Додо» («умѣешь ты сердца тревожить». Изд. Рихтера, т. I стр. 57).

[4]) См. «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 101. Дашкова была другъ А. М. Віельгорской.

[5]) О фамиліи Чернышевыхъ-Кругликовыхъ см. въ запискахъ декабриста барона Розена, стр. 221 и 408. — Впрочемъ мы не имѣемъ въ виду здѣсь назвать всѣхъ короткихъ знакомыхъ Гоголя въ данное время: несмотря на крайне замкнутый и строго уединенный образъ жизни, который онъ велъ обыкновенно, кругъ

всего онъ сошелся теперь съ графиней Софьей Петровной Апраксиной, сестрой графа Александра Петровича Толстого[1]). Послѣдняго и жену его Гоголь также звалъ въ Римъ изъ Парижа, гдѣ Толстые проводили уже не первую зиму, но его просьбы на этотъ разъ не имѣли успѣха.

Вскорѣ по водвореніи въ Римѣ Гоголь перенесъ множество новыхъ огорченій: въ это время до него стали доноситься; слухи, что мать его не получила нѣсколькихъ писемъ, и раскрылось даже, что это обстоятельство было умышленнымъ.

его отношеній расширялся чрезвычайно быстро, какъ между прочимъ показываетъ слѣдующее небольшое письмо, представляющее интересъ, какъ неожиданное доказательство существовавшихъ у Гоголя многочисленныхъ отношеній, иногда даже довольно близкихъ, но совершенно не подозрѣваемыхъ его біографами. «Почтеннѣйшій Николай Васильевичъ! Суворовъ привезъ мнѣ поклонъ отъ васъ и крайне насъ обрадовалъ извѣстіемъ о хорошемъ состояніи вашего здоровья. Мы ужъ пять недѣль въ Неаполѣ, наслаждаемся благорастворенiемъ воздуховъ. Если я вамъ о сію пору не писалъ, то причиной сему непреодолимая лѣнь, которая обуяла меня въ первое время пребыванія здѣсь, а послѣ съ пріѣздомъ государя не было свободной минуты. Зная страсть вашу къ Риму, я не надѣюсь, чтобы вы рѣшились сдѣлать поискъ на Неаполь, хотя короткая поѣздка сюда, по моему мнѣнію, могла бы имѣть полезное вліяніе на ваше здоровье. Мы будемъ въ Римѣ въ концѣ февраля и проживемъ у васъ около четырехъ недѣль, но до этого времени обрадуете меня нѣсколькими строками. Прошу не забывать, что греффенбергскій другъ лучше другихъ двухъ. Отъ души вамъ преданный Мих. Григоровъ. Жена кланяется вамъ». — Изъ другихъ знакомыхъ Гоголя въ это время упомянемъ Дурнову (о которой см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 233, «Русск. Арх.», 1896, III, 361, и «Русск. Стар.», 1890, VI, стр. 656, откуда видно, что Дурнова также съ своей стороны хлопотала объ Ивановѣ) и графиню Нессельроде, съ которой Смирнова хотѣла его познакомить еще въ сент. 1845 (см. «Русск. Стар.», 1890, VI, 650), но въ дѣйствительности это знакомство состоялось позднѣе; 27 янв. слѣдующаго года, Гоголь писалъ: «Графиня Нессельроде мнѣ понравилась съ перваго раза» (Соч. и письма, VI, 233). Послѣ Гоголь давалъ ей даже порученія о своихъ сочиненіяхъ. Наконецъ назовемъ Андрея Карамзина, женившагося на вдовѣ П. Н. Демидова, Аврорѣ Карловнѣ Демидовой, урожденной Шернваль (см. «Русск. Арх.», 1896 г., III, 361, примѣч. 3-е и «Русск. Архивъ», 1895 г., VII, стр. 326, гдѣ читаемъ: «Гоголь очень уважалъ труды Андрея Николаевича Карамзина и говорилъ: «вотъ человѣкъ, который исполнилъ долгъ передъ Богомъ, церковью и своимъ народомъ!»). Далѣе слѣдуетъ указать на мимолетныя встрѣчи Гоголя съ разными лицами за границей: Мещерскимъ, женатымъ на графинѣ Трубецкой, пріятельницѣ Смирновой, Борхъ, урожденной Лаваль, и проч. (Соч. и письма Гоголя; VI, 259). Относительно же Дурновой позволимъ себѣ высказать предположеніе, что это именно та личность, о которой весьма сочувственно отзывается А. О. Смирнова въ «запискахъ» («Русск. Арх.», 1895, VIII, стр. 453). — Гоголь также былъ друженъ съ семьей Мухановыхъ (VI, 261).

[1]) А также его братомъ, Иваномъ Петровичемъ VI, 113.

дѣломъ самой низкой интриги, причемъ недовольство сочиненіями сына и ихъ направленіемъ вымещалось утайкой писемъ на ни въ чемъ неповинной безгранично любящей матери. Еще не успѣла улечься эта тревога, какъ Гоголь былъ раздраженъ и разстроенъ новымъ письмомъ Шевырева, который называлъ „глупымъ" сдѣланное уже болѣе года распоряженіе о раздачѣ части вырученныхъ отъ продажи сочиненій денегъ бѣднымъ студентамъ. Шевыревъ совѣтовалъ прежде расплатиться съ долгами и особенно уплатить заемъ, сдѣланный у Аксакова. Письмо его показалось Гоголю не слишкомъ деликатно, судя по слѣдующимъ строкамъ отвѣта: „Зачѣмъ же думать, что я лгу? Зачѣмъ, потому только, что уму твоему показалось глупымъ, называть глупымъ[1]) дѣло того человѣка, который все же не признанъ тобою за глупаго человѣка"[2]). Въ досадѣ на это письмо Гоголь готовъ былъ передать все дѣло одному Аксакову, хотя постоянно цѣнилъ необыкновенную честность и аккуратность Шевырева, котораго онъ сравнивалъ по точности съ банкиромъ[3]). Онъ даже показалъ на этотъ разъ обиду, говоря: „нужно хоть каплю вѣры, или хоть тѣнь довѣрія имѣть ко мнѣ. Безъ того не можетъ существовать никакихъ отношеній"[4]). Но странно, что, по словамъ Гоголя въ письмѣ его къ Аксакову отъ 25 ноября 1845 г., Шевыревъ насчитывалъ на него какой-то будто бы уже выплаченный долгъ Сергѣю Тимоѳеевичу. Не касался ли этотъ намекъ тѣхъ самыхъ денегъ, о которыхъ Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ, что, къ его крайнему удивленію, съ точностью обозначивъ всѣ мелкіе долги, Гоголь

---

¹) Этого выраженія нѣтъ въ подлинномъ письмѣ Шевырева, напечатанномъ недавно въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 20: вѣроятно, оно пропущено издателями.

²) Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 223. Сходная форма усовѣщиванія въ письмѣ къ Данилевскому въ „Древ. и Нов. Россія", 1879, I, 60.

³) Соч. и пис. Гог., т. VI, стр. 311. Это предпочтеніе Шевырева другимъ друзьямъ за его аккуратность не прошло Гоголю даромъ: и за это ему доставалось потомъ — и отъ кого же! Отъ Погодина. (См. «Русск. Жизнь», 1892, № 79).

⁴) Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 222. Въ письмѣ встрѣчаются также такія выраженія: «*И къ чему эти толки, что тому и тому нужно прежде уплачивать! Будто я уже ребенокъ и не взвѣсилъ ничего прежде...*» «*Ради Самого Христа, съ этихъ поръ мнѣ ни слова объ этомъ дѣлѣ!*» (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 223).

совершенно забылъ о занятыхъ для него у Великопольскаго двухъ тысячахъ рублей[1]).

Къ 1845 г. относится, между прочимъ, прекрасное трогательное письмо о смерти Д. А. Валуева[2]) и въ томъ же году, 3 декабря скончался впрочемъ не очень любимый Гоголемъ А. И. Тургеневъ[3]).

---

1) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 14.

2) Дмитрія Александровича, друга Панова; могила его находится въ Москвѣ въ Даниловомъ монастырѣ, недалеко отъ могилъ Гоголя и Языкова.

В. А. Пановъ — Н. В. Гоголю. 28 ноября 1845 г.

«Дражайшій Николай Васильевичъ,

Всегда хотѣлъ вамъ писать, и не писалъ. И что же? Пришлось мнѣ вамъ теперь сказывать, чтобъ объяснить причину замедленія отправки этого письма. Я его отдалъ... Валуеву, когда онъ, 3 ноября, больной отправился за границу, и теперь я это письмо взялъ обратно въ Новѣгородѣ, гдѣ уже не засталъ моего бѣднаго друга. Онъ здѣсь скончался 23 ноября. Я пріѣхалъ на другой день и имѣлъ одно утѣшеніе впродолженіе четырехъ сутокъ смотрѣть на его бренные останки въ гробу, сохранившіе еще отпечатокъ всей прелести души, обитавшей въ этомъ тѣлѣ. Я здѣсь одинъ его нынче отпѣлъ съ его спутникомъ и человѣкомъ. Но древній Новгородъ, т.-е. народъ его, понялъ, видно, безсознательно все великое достоинство скончавшагося въ немъ юноши. Церковь была набита народомъ. Ему тамъ лучше; но грустно вамъ, тяжко мнѣ, осиротѣвшему. Это былъ мой единственный другъ, съ которымъ я никогда, никогда не расходился. Онъ завѣщалъ мнѣ свой трудъ, предпринятыя имъ изданія. Буду исполнять, сколько силъ моихъ станетъ. Вы его не знали, можетъ быть; но узнаете; ибо (онъ)*) будетъ жить въ Россіи вѣчно. Нынче ночью я ѣду обратно въ Москву, гдѣ живу постоянно. Боюсь я за Языкова: онъ нынѣшней осенью плохъ; часто хворалъ. Ужасное извѣстіе его потрясетъ. Это былъ его родной племянникъ. Я везу съ собой портретъ моего Дмитрія, который успѣлъ здѣсь заказать. Какъ онъ хорошъ еще во гробѣ!..

Что вы, мой добрый и дорогой Николай Васильевичъ? Откликнитесь мнѣ когда-нибудь, хотя въ письмѣ къ кому-нибудь. Если захотите, я буду вамъ писать послѣ. Теперь ни о чемъ говорить (не могу*), какъ объ одномъ чувствѣ скорбномъ и торжественномъ, меня всего обнимающемъ и иногда невыносимо тяжело давящемъ. Прощайте. Будьте здоровы. Да хранитъ васъ Богъ! Обнимаю васъ всею душою, любящею васъ искренно

Новгородъ — Вашъ В. Пановъ.

1845 г., ноября 28-е, вечеръ».

Пановъ собирался потомъ писать біографію Валуева (см. «Русск. Стар.», 1896 г., XII, 641).

3) См. Объ А. И. Тургеневѣ статью И. И. Срезневскаго «Русск. Стар.», 1875 г. III, 555—564 и IV, 739—749. Объ А. И. Тургеневѣ Гоголь отзывался неособенно сочувственно (Соч. и письма Гоголя 163, 168 и 104, гдѣ онъ обозначенъ литерой R).

О смерти Тургенева см. отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1883, стр. 42 и «Русск. Стар.», 1890, VI, 656. Сверхъ того со словъ покойной О. Н. Смирновой намъ извѣстно о знакомствѣ Гоголя съ русскимъ уполномоченнымъ въ Парижѣ Киселевымъ.

*) Эти слова въ подлинникѣ пропущены.

Къ другимъ менѣе значительнымъ непріятностямъ для Гоголя можно отнести еще полученное имъ извѣстіе о переводѣ его сочиненій на нѣмецкій и французскій языки[1]), чѣмъ онъ былъ почему-то недоволенъ[2]). Наконецъ, по его собственному признанію, ему было бы совѣстно, ничего не сдѣлавъ, представиться въ Римѣ государю и онъ избѣгалъ этого, какъ м гъ. Вообще же его жизнь въ Римѣ въ 1846 году, вслѣдствіе постоянной зябкости и болѣзненнаго состоянія, была довольно безцвѣтна, почему мы и обратимся пока къ краткому очерку его дальнѣйшихъ сношеній съ Шереметевой, Жуковскимъ, Смирновой, Віельгорскими и проч.

LXIII.

Возвратимся еще разъ къ обзору отношеній нашего писателя къ Шереметевой.

Для Гоголя переписка съ Шереметевой была, такъ сказать, нравственнымъ убѣжищемъ въ трудныя минуты жизни. Онъ вѣрилъ въ силу ея молитвы, и чѣмъ тяжелѣе было у него на душѣ, тѣмъ сильнѣе онъ чувствовалъ потребность ея освѣжающей бесѣды. Чувствовалъ ли онъ истощеніе силъ или оскудѣніе творчества, онъ умолялъ Шереметеву помолиться о себѣ. Въ концѣ 1844 г. онъ писалъ ей однажды: „васъ прошу, безцѣнный другъ мой, помолиться о мнѣ сильно и слезно, помолиться о томъ, чтобы ниспослалъ Онъ, милосердый Отецъ нашъ, освѣженіе моимъ силамъ, которое мнѣ очень нужно для нынѣшняго труда моего и котораго недостаетъ у меня, и святое вдохновеніе, чтобы совершить его такимъ образомъ, чтобы онъ доставилъ не минутное удовольствіе нѣ-

---

[1]) См. «Русск. Стар.», 1896, XII, 631, 640, и 641; 1890, VII, 196.

[2]) Около этого же времени Гоголя сильно волновало предположеніе художника Бернардскаго купить у него право изданія «Мертвыхъ Душъ» съ политипажами. См. объ этомъ въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ, стр. 34—35, гдѣ читаемъ: «Бернардскій издаетъ 100 рисунковъ къ «Мертвымъ Душамъ». Ты, конечно, объ этомъ слышалъ. Должны выйти на дняхъ». См. о томъ же въ «Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», II, 677, 678, 722 и 942. Отвѣтъ Гоголя см. въ Соч. и письмахъ Гоголя, т. VI, стр. 242, гдѣ особенно любопытно выраженіе, заключающее въ себѣ взглядъ Гоголя на это дѣло: «Товаръ долженъ продаваться лицомъ, и нечего его подслащивать кондитерствомъ». См. также «Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 642.

которымъ, но душевное удовольствіе многимъ"[1]). Въ апрѣлѣ 1844 г., можетъ быть, подъ вліяніемъ приведенныхъ выше словъ Жуковскаго или какихъ-нибудь слуховъ, она писала: „Слышу, что вы располагаете отправиться въ дальній путь. Да благословитъ Господь ваше благое намѣреніе и поможетъ совершить оный для пользы душевной. Вѣроятно, приходитъ къ окончанію трудъ вашъ, какъ вы и говорили, что вамъ нельзя ѣхать въ Іерусалимъ, не докончивъ работу. Помоги вамъ Господи довершить ее для пользы ближняго и собственнаго успокоенія. Очень порадуюсь за васъ, что все это кончено и вы отправитесь въ путь, что ничто васъ ни наружно, ни внутренно не тѣснитъ, а свободно можете вздохнуть къ Тому, Кто вамъ вложилъ, по благости своей, въ сердце это желаніе". Узнавъ напротивъ изъ отвѣта о затрудненіяхъ Гоголя, она не разспрашиваетъ особенно, не выражаетъ удивленія, а ограничивается только пожеланіемъ успѣха: „Подвигается ли вашъ трудъ? довольны ли вы? Да поможетъ вамъ въ семъ Отецъ Небесный!" Всего ярче обнаружилась указанная нами сторона въ продолженіе 1845 года, когда Гоголь положительно изнемогалъ отъ тяжкихъ физическихъ и душевныхъ страданій. Шереметевой онъ свободно повѣрялъ то, о чемъ не рѣшился бы сказать самымъ близкимъ друзьямъ. Медленность работы и разстроенное здоровье побуждали уже Гоголя перемѣнить планъ: теперь единственнымъ условіемъ для отправленія въ Іерусалимъ онъ ставилъ сколько-нибудь сносное здоровье. „Помолитесь прежде всего, другъ мой, о моемъ здоровьѣ, ибо, какъ-только поможетъ Богъ мнѣ дотянуться до будущаго года, то въ началѣ его и не откладывая уже на дальнее время, отправлюсь въ Іерусалимъ"[2]). Онъ собирался съ лѣта поѣхать въ Италію, чтобы къ слѣдующей Пасхѣ сѣсть на корабль и пуститься въ Палестину. О продолженіи своего труда онъ уже не говорилъ ни слова. Въ отвѣтномъ письмѣ Шереметева напоминаетъ ему о прежнемъ намѣреніи: „По отъѣздѣ вашемъ отсюда мы съ вами часто переписывались и именно на сей счетъ часто бесѣдовали. Вы на мой вопросъ, когда отправитесь въ дальній путь, всегда отвѣчали, что вамъ

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 31.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 171; письмо это по ошибкѣ отнесено г. Кулишомъ къ гораздо болѣе раннему времени (см. приложенія).

необходимо прежде кончить свой трудъ: кончена ли эта работа, которая васъ доселѣ удерживала отъ исполненія благого вашего намѣренія? Помоги вамъ Господь совершить сей трудъ для пользы ближняго и собственнаго успокоенія, дабы безпрепятственно могли отправиться, чтобы ничто внутреннимъ образомъ васъ не тѣснило", — и, какъ бы предчувствуя, что трудъ не конченъ, она убѣждаетъ Гоголя не унывать и не падать духомъ. Вслѣдъ затѣмъ Шереметева получила отъ него отчаянное письмо, въ которомъ высказывается мысль, что ему уже нечего ждать отъ медицинской помощи и остается возложить послѣднее упованіе на молитву преданныхъ людей.

На это Шереметева отвѣчала:

„Ваше письмо меня опечалило, видя, какъ сильно томится душа ваша въ безпрерывныхъ страданіяхъ. Сколько разъ умоляла васъ, мой другъ, не предаваться унынію, и теперь именемъ Іисуса Христа о томъ же васъ прошу. Тяжко вамъ, — это я понимаю, раздѣляю съ вами эту невыразимо жестокую болѣзнь души, и понимаю, и чувствую, что̀ вы терпите, но на все даны намъ средства къ облегченію... Умоляю васъ со всею любовью матери, у ногъ вашихъ васъ умоляю, ради Христа ободритесь и съ твердымъ упованіемъ прибѣгните къ Тому, Который во вѣки не отвергнетъ стонъ сердца, нуждающагося въ успокоеніи! Пишете, мой другъ, — молиться: четвертый годъ, какъ васъ узнала, молюсь, мой другъ, и уже теперь ка̀къ молюсь, и что мнѣ за васъ чувствуется, одинъ Богъ только видитъ, какъ мнѣ васъ жаль и какъ больно сердцу знать васъ въ сихъ мученіяхъ".

Это было одно изъ тѣхъ писемъ, которыя, по словамъ Гоголя, утѣшали его въ болѣзненномъ состояніи и вселяли „умѣнье покоряться радостно святой волѣ Создателя[1])". Такія чувства выражены Гоголемъ и въ коротенькомъ письмѣ отъ 30 октября 1845 г.[2]).

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 215.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 497. Годъ здѣсь опять опредѣленъ ошибочно по предположенію. Г. Кулишъ руководился при опредѣленіи его хронологической даты, очевидно, мѣстомъ, откуда оно было написано. Въ Римѣ Гоголь былъ дѣйствительно и въ октябрѣ 1843 г., но здѣсь слѣдуетъ выставить 1845 г., такъ какъ въ отвѣтномъ письмѣ Шереметевой отъ 28 ноября 1845 г. повторено употребленное Гоголемъ выраженіе: «Молитесь о томъ, чтобы вся жизнь моя была Ему служеніе». Кромѣ того въ концѣ письма, опущенномъ у г. Кулиша, копію съ

„Жду полнаго успѣха отъ одной милости Божіей“[1]), писалъ Гоголь Языкову изъ Карлсбада.

Участіе Шереметевой въ литературныхъ заботахъ Гоголя не ограничивалось, однако, пассивнымъ сочувствіемъ и молитвой, но, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ, проявлялось и въ совѣтахъ, которые находили отголосокъ въ душѣ писателя: „Говорите, мой другъ, какъ трудно, будучи писателемъ и стоя на томъ мѣстѣ, на которомъ вы стоите, умѣть сказать такія слова, какія угодно Богу. На это вотъ мое мнѣніе: вы не сами по себѣ сдѣлались писателемъ, вамъ дано дарованіе, и Кто васъ симъ наградилъ, къ Нему прибѣгайте, Его молите, просите, чтобы Онъ васъ наставилъ, что̀ когда сказать, и въ этой молитвѣ отбросьте всѣхъ и все“ и проч.

Въ слѣдующемъ, 1846-мъ году напротивъ пришлось Шереметевой сообщать своему „возлюбленному сыну духовному“ о постигшихъ ее горестяхъ. Это была для нея година испытаній. Едва оправившись отъ горя, причиненнаго ей болѣзнью внука ея Е. И. Якушкина, она простудилась во время говѣнья и занемогла[2]); Гоголю она сообщила объ этомъ уже по выздоровленіи; а въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ ей пришлось уже сообщать о смерти дочери[3]). Но Гоголь былъ поглощенъ собственными заботами и трудомъ; онъ говоритъ больше о себѣ и проситъ молиться, чтобы Богъ сподобилъ его такъ послужить Ему, какъ „стремится и хочетъ“ душа. „Но для такого подвига“, продолжалъ онъ, „увы! надобно быть слишкомъ чисту и слишкомъ прекрасну“. Онъ просилъ также молиться, чтобы Богъ далъ ему силы „великодушно переносить недуги тѣлесные и все побѣждая — всю боль и страданія, возноситься еще выше оттого душой и пріобрѣтать еще больше способностей для совершенія трудовъ[4])“. Утѣ-

---

котораго мы видѣли у покойнаго А. А. Гатцука, приложенъ адресъ: Via de la Croce, гдѣ Гоголь жилъ въ октябрѣ 1845 г., а не 1843 г. Для устраненія послѣднихъ сомнѣній просимъ обратить вниманіе на совпаденіе числа, которымъ помѣчено это письмо къ Шереметевой и письмо къ Языкову (VI, 220—221), оканчивающееся словами: «Надеждѣ Николаевнѣ отдай при семъ прилагаемое письмо». Письмо Шереметевой отъ 6 августа 1843 г. показываетъ, что были и еще письма Гоголя, не напечатанныя до сихъ поръ.

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 203.

[2]) Объ этомъ см. между прочимъ «Русск. Стар.», 1896, XII, 631.

[3]) См. также «Русск. Стар.» 1896 г., XII, стр. 642.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 60.

шенія убитой горемъ матери и въ слѣдующемъ письмѣ также довольно холодны. „Мнѣ скорбно было услышать объ утратѣ вашей, но скоро я утѣшился мыслью, что для христіанина нѣтъ утраты“. Въ этихъ словахъ намъ слышится тотъ же пріемъ и тонъ утѣшенія, который уже останавливалъ на себѣ вниманіе критики въ одномъ изъ отроческихъ писемъ Гоголя (о смерти[1]). О себѣ же онъ говорилъ, что хотя попрежнему не можетъ похвалиться здоровьемъ, но чувствуетъ силы выносить недуги. Онъ желаетъ и надѣется какъ можно больше времени провести въ дорогѣ, чтобы снова получить свѣжесть головы. „Я постараюсь, во время ѣзды и дороги, продолжать доселѣ плохо и лѣниво происходившую работу[2])“. Здѣсь мы встрѣчаемся снова съ признаніемъ Гоголя, что и физическія силы и творчество его оставляютъ.

Въ отвѣтѣ своемъ Шереметева, занятая, въ свою очередь, гораздо больше собственнымъ горемъ, отвѣчаетъ прежде всего на ту часть письма, которая имѣла къ нему отношеніе: „Согласна съ вами, милый другъ, что для христіанина несчастія не существуетъ, но лишеніе близкихъ нашему слабому сердцу чувствительно и не чувствовать горя невозможно, лишь бы печаль была тихая съ безусловной покорностью къ Тому, отъ Кого все ниспосылается и Который знаетъ, кому что̀ нужно“. Затѣмъ уже она, отвѣчая на остальное письмо, повторяетъ обычныя утѣшенія и пожеланія.

Черезъ нѣсколько времени безпокойство ея снова усилилось вслѣдствіе продолжительнаго молчанія Гоголя: въ это самое время Гоголь всей душой погрузился въ изданіе „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Наконецъ 8-го ноября онъ извѣщалъ Шереметеву, что на-дняхъ пришлетъ книгу, которая покажетъ, что онъ „готовится и хочетъ быть готовымъ[3])“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ, что чувствуетъ больше силы, чѣмъ прежде, для путешествія, „но при всемъ томъ“, добавлялъ онъ „покорно буду ждать Его святой воли и не пущусь въ дорогу безъ яснаго указанія отъ Неба[4])“. Если даже допустить, что „Выбранныя мѣста“ были именно

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 368; Ср. т. V, стр. 19.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 369.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 285.

[4]) Тамъ же, стр. 284.

тѣмъ трудомъ, безъ котораго Гоголь не хотѣлъ отправиться въ путь, то все-таки, слѣдуя совѣту Шереметевой ничего не предпринимать безъ воли Божіей и ея увѣреніямъ, что Господь Самъ научитъ, какъ познать Его волю, — Гоголь ждалъ еще стеченія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, благополучное окончаніе которыхъ должно было рѣшить отъѣздъ. Но главнымъ знакомъ своевременности путешествія должно было, по его мнѣнію, служить непреодолимое, страстное желаніе ѣхать, которое заставитъ забыть всѣ недуги и страхи (страхъ смерти, страданій морскою болѣзнью и проч.) и устремитъ его чудеснымъ образомъ въ дорогу, а безъ этого не слѣдуетъ и пускаться въ нее[1]).

LXIV.

Съ Смирновой Гоголь продолжалъ постоянныя письменныя сношенія, но не такъ дѣятельно и оживленно, какъ въ предыдущіе годы. Однажды Смирнова даже жаловалась ему: „Наша переписка шла очень вяло нынѣшній годъ; неужели это знакъ, что наши души устали, что нѣтъ того сильнаго желанія знать, въ какомъ онѣ состояніи?“[2]) Но Гоголю почти нечего было сообщать своему другу: о сожженіи второго тома „Мертвыхъ Душъ“ въ 1845 г. онъ избѣгалъ говорить, какъ и о новыхъ своихъ туго подвигавшихся работахъ, а наставленія относительно губернаторства были уже исчерпаны[3]). Гоголь началъ теперь требовать отъ всѣхъ друзей обстоятельнаго описанія окружающей ихъ среды и, конечно, предъявилъ это требованіе Смирновой; но ни Смирнова, ни Віельгорскіе (какъ впослѣдствіи Ульяна Григорьевна Данилевская)[4]), не были въ со-

[1]) Въ 1846 г. Гоголемъ были написаны три письма къ Ш—вой; они слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: первое письмо (VI, 60) было написано въ мартѣ и заключало въ себѣ извѣщеніе о полученномъ наконецъ образѣ. Это письмо было получено Ш—вой 14 апрѣля 1846 г., 2-е было написано около 11 апр.; оно заключаетъ въ себѣ поздравленіе съ праздникомъ св. Пасхи и напечатано у Кулиша на 368 стр. VI тома. Оно отнесено г. Кулишемъ къ 1847 г., но было написано въ 1846, потому что въ 1846 году умерла Якушкина, о кончинѣ которой здѣсь идетъ рѣчь; письмо это представляло именно отвѣтъ на печальное извѣщеніе. Наконецъ 3-е письмо, помѣщенное въ изданіи Кулиша на 284 стр. VI тома. Это письмо имѣетъ вѣрную дату.

[2]) «Русск. Стар.», 1890, VII, стр. 208.

[3]) Нѣсколько позднѣе впрочемъ Гоголь ихъ сгруппировалъ въ статьѣ: «Что такое губернаторша?» (Соч. Гог. изд. V, т. IV, стр. 104—118 и 522—526).

[4]) Жена А. С. Данилевскаго.

стояніи удовлетворить его желанію составленіемъ яркихъ и живыхъ характеристикъ. Смирнова подробно описывала только то, что̀ ее занимало: она много писала о раскольникахъ, игуменьѣ, архіереѣ, монастырской жизни и проч. Кромѣ того говорила о своихъ отношеніяхъ къ калужскому обществу, о предшественницахъ губернаторшахъ и проч. Гоголь же старался укрѣпить ее въ намѣреніи посвятить себя ближнимъ. „Вся Калуга вашъ лазаретъ“[1]) говорилъ онъ. Смирнова вначалѣ горячо исполняла его совѣты. „Скажу вамъ теперь о себѣ“ — говорила она въ одномъ письмѣ, — „что всякій, кто меня поверхностно знаетъ, думаетъ, что я умираю здѣсь со скуки; но вы легко повѣрите, что именно здѣсь я хочу скучать. Каждый шагъ мой есть исполненіе долга: визитъ, вечеръ, обѣдъ, иногда нарядъ, прогулка, — все это долгъ непреклонный, и что̀ есть лучше покорности и повиновенія, что̀ есть лучше этого!“[2]). Но дѣйствительность оказалась сѣрѣе и неблагодарнѣе, чѣмъ представлялось на первыхъ порахъ. „Въ продолженіе трехъ недѣль“, говоритъ безпристрастный свидѣтель, „она постоянно объѣзжала всѣхъ женатыхъ калужскихъ жителей, а для этого надобно имѣть, Богъ знаетъ, какое терпѣніе!“[3]). Всѣмъ этимъ стараніемъ не было достигнуто почти ровно ничего; тотъ же свидѣтель потомъ передавалъ своему отцу въ интимномъ письмѣ: „Сколько я могъ замѣтить и заключить изъ того, что̀ мнѣ говорили, Александру Осиповну не любятъ здѣсь: мужчины за то, что она ими брезгаетъ, а дамы, вѣроятно, по той же причинѣ, какъ и вездѣ, не могутъ простить ей нравственнаго превосходства. Мнѣ жаль и непріятно было это слышать[4])“. Непріятности росли чрезвычайно быстро: возникло недовольство цѣлой толпы взяточниковъ щепетильнымъ губернаторомъ, и всего почти общества его женой, которая нашла въ дореформенномъ губернскомъ омутѣ всего нѣсколько честныхъ личностей наперечетъ, и въ томъ числѣ, не считая И. С. Аксакова, только высоко цѣнимаго также и Аксаковымъ старика Унковскаго, „умнѣйшаго человѣка въ городѣ“, и мещовскаго судью Кле-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, VI, 218.
[2]) «Русск. Стар.», 1890, VII, стр. 200.
[3]) «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 309.
[4]) Тамъ же, стр. 319.

ментьева[1]). Съ надорванными нервами и въ сильнѣйшемъ недовольствѣ собой, Смирнова въ половинѣ апрѣля неожиданно выѣхала изъ Калуги въ Москву.

Особенно много подробностей о жизни Смирновой въ Калугѣ можно извлечь изъ извѣстной книги: „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ". И. С. Аксаковъ былъ очень наслышанъ о послѣдней и, какъ двадцати трехлѣтній юноша-идеалистъ, изнывавшій въ провинціи и жаждавшій какой-нибудь освѣжающей встрѣчи, ожидавшій отъ нея даже пищи для поэтическаго вдохновенія, наконецъ, какъ молодой поэтъ вообще, составилъ себѣ заранѣе какой-то возвышенный, идеальный образъ, который, какъ вскорѣ оказалось, рѣзко расходился съ дѣйствительными качествами Смирновой. Пожилая, утомленная жизнью женщина не могла отвѣчать его пылкому, юношескому энтузіазму; къ его поэтическимъ опытамъ она относилась свысока и холодно и вообще своимъ обращеніемъ и бесѣдой далеко не льстила молодому, щекотливому самолюбію. Она же крайне недружелюбно и насмѣшливо отнеслась къ увлеченіямъ въ славянофильскомъ духѣ, къ мурмолкѣ и т. под. странному маскараду москвичей, и этимъ навлекла на себя гнѣвъ всей семьи Аксаковыхъ[2]). Ивана Сергѣевича, не

---

[1]) См. объ Унковскомъ и Клементьевѣ въ «Русск. Стар.», 1890, VII, 203, 204, 205 и Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 110, гдѣ Гоголь говорилъ Смирновой: «Вашъ поступокъ, т.-е. нашъ и вашего супруга съ уѣзднымъ судьей Мещовскаго уѣзда сдѣлалъ уже свое дѣйствіе».

[2]) Смирнова вообще плохо ладила съ славянофилами. Съ Константиномъ Сергѣевичемъ она спорила до слезъ. Однажды, по воспоминаніямъ О. Н. Смирновой, Константинъ Сергѣевичъ въ пылу изступленія сталъ стучать кулаками по столу, — Александра Осиповна такъ и покатилась со смѣху. Въ другой разъ Константинъ Сергѣевичъ назвалъ любовь историческимъ чувствомъ. «Ахъ, какъ хорошо!» засмѣялась Александра Осиповна: «всегда такъ буду называть любовь. Мнѣ разсказывалъ Вяземскій, какъ одна старушка просила у него какую-нибудь книжку про любовь. Вяземскій ей принесъ исторію Роллена.— Есть здѣсь про любовь? — Есть, въ послѣднемъ томѣ про любовь Митридата, въ десятомъ — про любовь Кесаря. — Спасибо, родной, прочитаю; хоть и мало про любовь, да и люди какіе все неизвѣстные!» Константинъ Сергѣевичъ былъ возмущенъ и глубоко обиженъ этимъ анекдотомъ. И въ такомъ родѣ были ихъ обыкновенныя размолвки. А. О. Смирнова ѣдко насмѣхалась надъ славянофильствомъ Аксаковыхъ, говоря: «Славяне меня хотятъ окунуть въ свое море, но я не хочу пѣть въ ихъ хороводѣ». Она много глумилась надъ ихъ любимыми выраженіями, вродѣ: «коренное русское платье». Однажды лакей Смирновыхъ не хотѣлъ пускать Хомякова и Конст. Аксакова, принявъ за мужиковъ. Алекс. Осиповна спросила: «зачѣмъ вы ходите въ такомъ костюмѣ»? Константинъ Сергѣевичъ всталъ и провозгласилъ: «сударыня, это не ко-

смотря на негодованіе, возбужденное ею, что-то влекло къ ней неудержимо. Насмѣшливость Смирновой заставляла его бояться ея злого языка, какъ онъ самъ въ этомъ не разъ сознается, но въ то же время онъ снова приходитъ къ ней, опять увлекается и разочаровывается. То кажется Аксакову, что въ Смирновой совсѣмъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, то онъ громитъ свои „прежнія близорукія опредѣленія", говоря: „Я такъ высоко уважаю эту женщину, такъ удивляюсь силѣ ея души, вынесшей ее доброю, *чистою*[1]) сквозь тьму темъ мерзостей, ее окружавшихъ, что невольно перестаешь замѣчать *мелочи* ея недостатковъ"[2]). Впрочемъ всѣ отзывы какъ С. Т. Аксакова, такъ и Ивана Сергѣевича клонятся къ тому, что въ Смирновой преобладающей душевной силой былъ блестящій умъ; это въ ней и цѣнили, а иногда напротивъ возмущались слишкомъ одностороннимъ и непропорціональнымъ преобладаніемъ дѣятельности ума надъ остальной духовной жизнью. Такъ и С. Т. Аксаковъ то отъ души восхищается ею („Что̀ за чудесная женщина Александра Осиповна! Въ нѣсколькихъ строкахъ ея заключается иногда столько глубины ума, тонкости и простоты чувства, что я не одинъ разъ былъ очарованъ ея письмами")[3]); то негодуетъ на то, что „не нашелъ въ ней

стюмъ; вы ходите въ костюмѣ, а рубашка — коренное русское платье!» (Изъ воспоминаній О. Н. Смирновой). Во многихъ недавно напечатанныхъ письмахъ и воспоминаніяхъ снова находимъ свѣдѣнія о насмѣшливомъ отношеніи А. О. Смирновой къ переряживанію славянофиловъ въ старинные костюмы. Такъ Языковъ однажды сообщалъ Гоголю: «Александра Осиповна, какъ слышно, хотѣла уговорить Константина Аксакова перестать носить русскую рубашку и зипунъ, — костюмъ, въ коемъ съ нѣкотораго времени этотъ добрый юноша является вездѣ и всюду, — но не тутъ-то было — не на такого напала!» («Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 639, письмо отъ 21 ноября 1845 г.). Даже люди, близкіе къ Аксаковымъ, пожимали плечами, говоря о переодѣваніи славянофиловъ. Шевыревъ писалъ Гоголю: «Ты знаешь, что К. Аксаковъ рѣшительно бородой и зипуномъ отгородилъ себя отъ общества и рѣшился всѣмъ пожертвовать наряду» (Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 23). Ср. мнѣніе Гоголя объ этомъ увлеченіи въ Соч. и письмахъ, т. VI, стр. 267 и «Библіографич. Записки», 1859, стр. 104, письма къ NN (№ 11); по мнѣнію С. И. Пономарева, NN — К. С. Аксаковъ (см. Извѣстія нѣжинскаго Историко-Филологическаго института за 1882 г., I, стр. 43 и въ статьѣ «Споры» въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» (см. Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 53—55).

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) «И. С. Аксаковъ», т. I, 310.

[3]) Тамъ же, стр. 317, примѣч.

женщины" („это былъ мужчина въ спальномъ капотѣ и чепчикѣ, очень умный, смѣло обо всемъ говорившій, но легкій, холодный"[1]) и проч.) и приходилъ къ заключенію, что онъ „готовъ ее признать Наполеономъ, но лучше согласился бы имѣть своимъ царемъ, чѣмъ женой"[2]). Понятно, что менѣе опытному въ жизни Ивану Сергѣевичу приходилось иногда трудно въ бесѣдахъ съ Смирновой, и онъ самъ сознавался, что „чувствовалъ передъ ней свою скудность и ограниченность" и что это „отравляло ему всѣ пріятныя впечатлѣнія вечеровъ"[3]). Такимъ образомъ сужденія И. С. Аксакова, драгоцѣнныя сами по себѣ, являются недостаточно устойчивыми, чтобы исключительно на нихъ основать характеристику Смирновой, и если пользоваться ими, то не надо забывать и составленнаго имъ въ лучшіе годы его дѣятельности и въ пору полной зрѣлости ума и таланта задушевнаго некролога Александры Осиповны Смирновой[4]).

LXV.

Со времени замужества обстоятельства жизни многое измѣнили въ судьбѣ Александры Осиповны: положеніе жены сановника и лица должностного налагало много такихъ обязанностей, исполненіе которыхъ составляетъ прозаическую сторону жизни, что̀ имѣло мѣсто особенно, когда мужъ ея сдѣлался губернаторомъ въ Калугѣ. Домашнія заботы, многочисленныя семейныя обязанности, — вся эта будничная сторона дѣлала жизнь „дамы блистательнаго свѣта" не похожею на счастливыя времена придворной фрейлины[5]). Правда, бесѣды съ Гоголемъ, графомъ А. К. Толстымъ, И. С. Аксаковымъ и И. С. Тургеневымъ пріятно разнообразили ея время[6]);

---

1) Тамъ же, стр. 287, примѣч.

2) Тамъ же, стр. 299, примѣч.

3) Тамъ же, стр. 290.

4) См. «Русь», 1882, сент., № 37; «Русск. Арх.», 1883, II, стр. 336; также «Сѣв. Вѣстн.», 1893, I, 231—241.

5) Еще за границей, когда мужъ ея служилъ при посольствѣ, она возненавидѣла всей душой политику и дипломатію; но ея нравственныя страданія сдѣлались совершенно невыносимыми, когда ей пришлось переживать въ Калугѣ цѣлый адъ губернскихъ интригъ, вызванныхъ борьбой ея мужа съ самымъ наглымъ взяточничествомъ. Много перенесла эта замѣчательная женщина, другъ Пушкина, Гоголя и Жуковскаго, отъ мелкаго провинціальнаго ничтожества!

6) Мы говоримъ здѣсь о нѣсколькихъ годахъ ея жизни въ Калугѣ.

но это были свѣтлыя минуты, за которыми тянулись безцвѣтные дни и недѣли, когда приходилось отдавать время иному обществу... Впрочемъ, отношенія ея къ свѣтскому кругу были двойственны. Намъ кажется, что въ эпоху сороковыхъ годовъ Александра Осиповна еще отчасти была склонна поддаваться соблазнамъ общества, уступая потребностямъ своего живого, сангвиническаго характера. По своей нервной натурѣ она держала себя очень неровно: въ одномъ кругу и съ одними людьми она была только весела и безпечна, въ другомъ — являлась остроумной и блестящей и въ то же время мыслящей собесѣдницей первостепенныхъ геніевъ. По живости и способности увлекаться, она готова была часто раздѣлять настроеніе собесѣдниковъ, о чемъ послѣ ей приходилось вспоминать съ раскаяніемъ и отвращеніемъ, что̀ ясно видно изъ писемъ. Но это особенно подтверждается мѣткой характеристикой ея, сдѣланной Плетневымъ: „Смирнова, какъ видоизмѣненіе роскоши, приближаетъ въ свой уголъ образы нравственныхъ и умственныхъ совершенствъ, беззаботно отвращаясь отъ нихъ ко всѣмъ земнымъ утѣхамъ"[1]). Въ глубинѣ души она все же томилась въ свѣтѣ, съ ужасомъ представляя себѣ, что то же иго будетъ тяготѣть и надъ ея дѣтьми... Но свѣтъ не только давилъ ее своей пустотой: въ немъ она часто встрѣчала злобу, зависть, недоброжелательство. Свѣтъ не могъ простить ей превосходства и особенно невольнаго пренебреженія; а что Александра Осиповна не находила

---

[1]) Соч. Плетнева, III, 544. Ср. у кн. Вяземскаго: «Профессоръ духовной академіи могъ быть не лишнимъ въ дамскомъ кабинетѣ ея, какъ и дипломатъ, какъ Пушкинъ или Гоголь, какъ гвардейскій любезникъ, молодой левъ петербургскихъ салоновъ» (VIII, 234).

«Она выходила иногда въ пріемную комнату, гдѣ ожидали ее свѣтскіе посѣтители, послѣ урока греческаго языка, на которомъ хотѣла изучить восточное богослуженіе и святыхъ отцовъ. Прямо отъ бесѣды съ Григоріемъ Назіанзиномъ или Іоанномъ Златоустомъ, влетала она въ свой салонъ и говорила о дѣлахъ парижскихъ съ старымъ дипломатомъ, о петербургскихъ сплетняхъ, не безъ нѣкотораго оттѣнка дозволеннаго и всегда остроумнаго «злословія, съ пріятельницей». О.Н.Смирнова припоминаетъ, что именно Гоголь далъ совѣтъ Александрѣ Осиповнѣ во время ея хандры учиться по-гречески, что̀ она и исполняла до конца жизни. (У Ольги Николаевны сохранились ея греческія книги и тетради). Еще недѣли за четыре до кончины она нашла въ лексиконѣ греческое слово для внука, сына своей дочери Надежды Николаевны, которая также училась по-гречески. Любовь къ занятіямъ языками была у Смирновыхъ фамильная: Ольга Николаевна уже въ 1870-хъ годахъ выучилась по-латыни и по-испански.

въ немъ удовлетворенія, это, конечно, не могло оставаться секретомъ. Александру Осиповну нравственная пустота окружавшаго общества удручала еще больше, чѣмъ разница между нимъ и ею въ отношеніи развитія умственнаго, такъ какъ, поддаваясь волнѣ свѣтской жизни, она по временамъ чувствовала на себѣ неизбѣжную печать опутывающаго кругомъ ничтожества. Нерѣдко, оставаясь наединѣ съ собой послѣ свѣтскихъ увлеченій, она переживала горькія минуты презрѣнія къ самой себѣ. Не чувствуя подъ ногами твердой почвы, она въ отчаяніи искала нравственной опоры въ мыслящемъ другѣ. Однимъ словомъ, ея крупная личность не могла удовлетвориться успѣхами въ свѣтѣ, слишкомъ для нея легкими и утратившими скорое обаяніе, но и не могла замкнуться, подобно ея другу, С. М. Соллогубъ, исключительно въ семейной сферѣ. Несчастіе ея состояло въ томъ, что передъ ней не было опредѣленной цѣли, достойной ея недюжинныхъ силъ, и хотя она и имѣла цѣли высшія, отвлеченныя, но этого было недостаточно...

Во всякомъ случаѣ, интересно слѣдить, какъ она чего-то страстно искала, какъ душно и неприютно было ей въ той средѣ, въ которой она вращалась. Повторяемъ, она чувствовала потребность опоры въ искреннемъ другѣ, не чуждомъ нравственныхъ идеаловъ и бесѣда съ которымъ давала бы ей умственную пищу и удовлетвореніе, и такимъ другомъ явился для нея Гоголь[1]), но странны были ихъ отношенія.

Въ 1846 г. Гоголь вспоминаетъ о заучиваніи псалмовъ"[2]) и „во имя Бога" требуетъ, чтобы Смирнова опять отдала себя во власть ему на нѣкоторое время, какъ онъ потребовалъ этого однажды въ Ниццѣ. „Также, какъ прежде, гоня отъ себя всякую мысль, вы занялись послушно ученіемъ наизусть псалмовъ, такимъ же точно образомъ займитесь буквальнымъ исполненіемъ того дѣла, о которомъ я васъ прошу". Смирнова признавала отчасти его вліяніе, говоря: „Вы, милый

---

[1]) Въ прежніе годы источникомъ истиннаго наслажденія для Александры Осиповны служила особенно бесѣда съ Пушкинымъ, о которомъ она сдѣлала замѣтку въ своемъ дневникѣ: «Я называю его искрой, потому что умъ его искрится». По смерти Гоголя та же потребность въ обмѣнѣ мыслей съ человѣкомъ сильнаго ума сблизила ее съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и И. С. Аксаковымъ.

[2]) Объ этомъ заучиваніи наизусть, сопровождавшемся строгой провѣркой, Гоголь не разъ вспоминаетъ въ письмахъ (Соч. и письма Гоголя, VI, 206, 218, 251).

сердцевѣдецъ, угадали мою душу, и какъ бы предвидя ея будущее уныніе, пріучали обращаться къ Тому, Который не оставляетъ никогда горюющихъ и погибающихъ[1])". Но этого бѣглаго указанія, конечно, недостаточно; остается неясною рѣзкая перемѣна, происшедшая въ Смирновой за десять лѣтъ, намъ неизвѣстныхъ, которую притомъ и сама она видѣла въ себѣ. „Молодость! о молодость, гдѣ то прозрачное покрывало, которое ты накидываешь на пустоту и наготу жизни[2])?" Изъ писемъ видно, какъ въ эту вторую пору жизни счастье упорно ускользало отъ Александры Осиповны, и какъ чѣмъ дальше, тѣмъ грустнѣе ей было вспоминать о прошломъ. Въ сороковыхъ годахъ тридцатые были уже окружены какимъ-то ореоломъ въ ея глазахъ. „Что бы я дала теперь за безпечное убѣжденіе въ чемъ бы то ни было! Что бы вы сами дали, любезный другъ Николай Васильевичъ, чтобы воскресить въ своей душѣ тѣ убѣжденія, тѣ вѣрованія, которыя еще тому назадъ двадцать лѣтъ можно было искренно питать въ себѣ!" и даже прибавляетъ: „Что произошло съ тридцатыхъ годовъ съ человѣчествомъ! Оно не вѣритъ ничему, нѣтъ печати святыни ни на чемъ!"[3]) Смирнова уже жалуется иногда на „рыбное состояніе" (оно характерно, какъ бы ни было исключительно), что она „утратила веселость и дѣятельность". „Душа болитъ физически", прибавляетъ она, „даже не плачется и не можется"[4]). Интересно, что подобную перемѣну замѣчаетъ она противъ прежнихъ лѣтъ и въ своемъ другѣ. Въ письмахъ они часто совѣтуютъ другъ другу чтеніе какихъ-либо книгъ духовно-нравственнаго содержанія и проч., имѣя въ виду обоюдно помогать въ томъ же нравственномъ совершенствованіи[5]).

Въ одномъ письмѣ Гоголь въ этомъ смыслѣ объясняетъ самую причину ихъ сближенія: „Любовь, связавшая меня съ вами, высока и свята: она основалась на взаимной душевной

---

[1]) «Сѣв. Вѣстн.,» 1893, I, стр. 261.

[2]) «Сѣв. Вѣстникъ», 1893, I, стр. 261.

[3]) «Русск. Стар.», 1890; но приводимыя здѣсь мѣста при печатаніи были опущены.

[4]) «Русская Старина», 1888, X, стр. 145. По словамъ О. Н. Смирновой, на такое тяжелое настроеніе ея матери, кромѣ естественнаго перехода отъ молодости къ среднему возрасту, имѣла вліяніе и политическая злоба дня.

[5]) Заботы этого рода Гоголь и Смирнова распространяли и на всѣхъ близкихъ.

помощи[1])". Изучая внимательно переписку, можно вывести слѣдующее объясненіе того, какая именно душевная помощь и нужда были основой ихъ дружбы.

Оба корреспондента вели тяжкую борьбу съ жизнью, причины которой хотя и были различны у обѣихъ сторонъ, но сходство положеній заключалось въ томъ, что язвы, мучившія обоихъ, были хроническими и при данныхъ условіяхъ неустранимыми. Какъ въ собственномъ внутреннемъ мірѣ, такъ и извнѣ оба встрѣчали столько удручающаго, гнетущаго, противорѣчащаго идеаламъ и стремленіямъ, что это составляло ихъ крестъ, покорно нести который было необходимо по ихъ религіознымъ убѣжденіямъ.

LXVI.

О сношеніяхъ Гоголя съ А. О. Россетомъ можно судить по слѣдтющему письму послѣдняго, написанному въ отвѣтъ на письмо отъ 6 іюля 1846[2]).

А.О.Россетъ — Н.В.Гоголю. С.-Петербургъ. 1846. Іюля 29.

„Письмо ваше къ сестрѣ я отправилъ вчера въ Калугу; письмо къ Самарину самъ отдалъ. Сестру ожидалъ на-дняхъ сюда; но теперь пишетъ, что въ Калугѣ время стоитъ прекрасное, жить ей тамъ лѣтомъ легче, а потому не знаю, не отложить ли поѣздку до зимы, чего и для нея очень желаю. Здоровье ея, судя по тону писемъ, поправилось. Вы поете ту же пѣсню, но голосомъ болѣе твердымъ и бодрымъ. Твердость и бодрость гонятъ прочь уныніе, а отсутствіе унынія предполагаетъ спокойное настроеніе души. Это главное благо, и я, любя васъ, добрѣйшій Николай Васильевичъ, сердечно за васъ радуюсь. Зимою доходили до меня слухи, что физическія немощи васъ уже слишкомъ одолѣли.

Еслибы вы мнѣ сдѣлали частные вопросы, я бы отвѣтилъ вамъ обстоятельнѣе, но на вопросъ вами заданный en gros: „какъ ворочается все въ вашихъ глазахъ?[3])" я могу вамъ сказать только то, что все, благодаря Бога, ворочается попрежнему, т.-е. такимъ образомъ, что если держать себя въ сто-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 107.

[2]) «Русск. Стар.,» 1884, I, стр. 164.

[3]) Ср. это выраженіе въ соч. Гог. изд. X, т. VI, стр. 249.

ронѣ ото всего и ему не подвертываться, то это все само никого не задѣваетъ и никому не мѣшаетъ, а между тѣмъ представляетъ такія курьезныя и разнообразныя штуки, что человѣкъ, который живетъ почти сложа руки, смотритъ на „ворочаніе“ безъ скуки. Вы спрашиваете также: что̀ такое нынѣшняя моя грѣшная жизнь подъ моимъ нынѣшнимъ угломъ зрѣнія? — Жизнь моя, разумѣется грѣшная, но я стараюсь не унывать, бывъ увѣренъ, что только временемъ и терпѣніемъ мы достигаемъ цѣли всѣмъ намъ общей: быть человѣкомъ благоволенія. Подробности моей жизни и взгляда не могутъ быть для васъ занимательны, да вы объ нихъ и не спрашиваете; а я бы хотѣлъ разспросить о вашей странствующей жизни: куда на зиму направите стопы: въ Римъ, въ Парижъ ли, въ Іерусалимъ, — какъ нѣкоторые здѣсь говорятъ, коснуться какъ будто мимоходомъ, на самомъ дѣлѣ по любви, до (sic) мертвыхъ душъ или чего другого; но знаю, что вы всегда склонны на подобные любопытные вопросы отвѣчать: „всякъ Еремѣй про себя разумѣй“; позволяю вамъ въ ваше удовольствіе не отвѣчать на нихъ. Скажу только, что вы ужъ черезчуръ мало оказываете уваженія къ деньгамъ. Ваши „Мертвыя Души“ продаются по 35 р., да и то случайно, ибо ихъ вовсе нѣтъ въ лавкахъ, а сочиненія доходятъ до 80 р.[1]) Вы бы поручили кому-нибудь сдѣлать имъ какой-нибудь комплиментъ, и они лично васъ бы поблагодарили за эту аттенцію, ибо, привыкнувъ обращаться въ болѣе образованномъ сословіи, они прежде всего дорожатъ вѣжливымъ съ ними обращеніемъ.

„Самаринъ напечаталъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ статью: критика „на Тарантасъ[2])“ графъ Соллогуба. Разумѣется, онъ

---

[1]) Письмо А. О. Россета получаетъ извѣстное біографическое значеніе въ связи съ письмомъ А. О. Смирновой къ Гоголю отъ 30 янв. 1845 г. (см. «Помощь голодающимъ», стр. 471—472): оно показываетъ, что дѣлами Гоголя распоряжались въ его отсутствіи очень небрежно. А. О. Смирнова по ходившимъ тогда толкамъ готова была даже подозрѣвать Прокоповича въ недобросовѣстности, но потомъ дѣло разъяснилось и подозрѣніе было отстранено. Ср. Соч. и письма Гоголя, т. VI, 255 и примѣч. П. А. Кулиша, также Анненкова «Критическіе очерки и воспоминанія», т. I, стр. 236, наконецъ особенно сочиненія Плетнева, т. III, стр. 578. Это же письмо см. въ «Сѣв. Вѣстникѣ», 1893, I, 242—244.

[2]) Ср. мнѣнія о «Тарантасѣ» Шевырева въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 23; Смирновой — въ «Русской Старинѣ», 1890 г., VI, стр. 642 и Плетнева въ «Перепискѣ Грота съ Плетневымъ», II, 515, 519, 523, 526, 527 и 587. Изъ этихъ отзывовъ видно, что сначала даже лучшіе литераторы

забылъ пословицу: „не трогай...“, а впрочемъ статья въ полномъ смыслѣ прекрасная замѣчательно-яснымъ, послѣдовательнымъ изложеніемъ мыслей и вѣрностью взгляда, противоположнаго пошлому и мелкотравчатому взгляду нашихъ петербургскихъ мудрецовъ-литераторовъ (sic!).

„Не могу кончить письма, не выразивъ, что я бы чрезвычайно желалъ васъ видѣть и съ вами побесѣдовать, но Богъ знаетъ, когда и гдѣ свидимся! Покуда обнимаю васъ, Николай Васильевичъ, заочно и желаю здравія и душевной бодрости. Васъ искренно любящій Арк. Россетъ.

„Если столкнетесь гдѣ-нибудь съ Мухановыми, передайте имъ поклонъ; скажите, что боюсь, что они не пріѣдутъ на зиму. Я ихъ вамъ рекомендую; оба очень добрые люди; особенно со вторымъ, мнѣ кажется, вы бы сошлись.“

Отмѣтимъ здѣсь еще, что въ половинѣ 1846 г. Гоголемъ было написано письмо къ К. С. Аксакову, въ которомъ онъ пытался убѣдить своего пріятеля отказаться отъ нѣкоторыхъ крайностей славянофильства въ отношеніи костюма и проч.[1]). Письмо это не осталось безъ вліянія, и вскорѣ А. О. Смирнова, первая сообщившая Гоголю объ увлеченіяхъ Аксаковыхъ, съ удовольствіемъ извѣщала его: „Аксаковъ (И. С.) былъ у меня въ нѣмецкомъ платьѣ; онъ очень мнѣ нравится“ и проч.[2]).

Наконецъ отмѣтимъ заботы ея объ Ивановѣ. Въ письмахъ къ Смирновой отъ 27 января 1846 г. Гоголь сообщалъ: „Государь Иванова очень похвалилъ за картину. Тутъ бы можно было обдѣлать прекрасно его дѣло, но на бѣду здѣшній ихъ директоръ Киль, сѣвшій на мѣсто Кривцова, еще хуже въ этомъ дѣлѣ покойника: всѣ до единаго изъ художниковъ имъ недовольны. Человѣкъ ни то, ни се, и кромѣ того страшно предубѣжденный противъ русскихъ“[3]). Этотъ Киль

и знатоки дѣла все-таки не вполнѣ поняли достоинства этого произведенія, хотя и обратили на него большое вниманіе.

[1]) См. мнѣніе Гоголя о славянофильскихъ увлеченіяхъ въ VI т., стр. 267. Письмо къ Аксакову напечатано въ «Библіографич. Запискахъ», 1859, 104, письмо къ NN (объясненіе этой литеры см. въ «Извѣстіяхъ Нѣжинскаго историко-филологич. института», 1882, VII, 43).

[2]) См. «Русск. Стар.», 1890, VII, 207.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 233; пропускъ дополненъ по подлиннику (см. «Указатель къ письмамъ Гоголя», изд. I, стр. 86).

еще задолго до своего назначенія начальникомъ русскихъ художниковъ въ Римѣ имѣлъ столкновеніе съ Ивановымъ и никогда потомъ не могъ ему этого простить[1]). А. О. Смирнова, принимавшая живое участіе въ Ивановѣ (она вела съ нимъ большую переписку, до сихъ поръ не изданную), на этотъ разъ ничѣмъ не могла ему помочь; она отвѣчала по этому случаю Гоголю: „Меня удивило, что государь, восхищаясь его картиной, не имѣлъ мысли ему помочь; вѣроятно, онъ забылъ его въ хлопотахъ путешествія и никто о немъ не напомнилъ. Зачѣмъ у меня нѣтъ денегъ? Я такъ люблю Иванова и такъ дорожу его картиной“[2]).

LXVII.

Въ концѣ 1846 года между Гоголемъ и Ивановымъ замѣтно открылась пропасть, давно подготовляемая перемѣной въ ихъ взглядахъ и настроеніи. Въ своей статьѣ о нихъ Е. С. Некрасова отрицаетъ вліяніе этой причины на происшедшее между ними охлажденіе, приписывая его исключительно болѣзненному состоянію Гоголя; но односторонность этого взгляда становится несомнѣнной при внимательномъ сличеніи извѣстной статьи Гоголя „Историческій живописецъ Ивановъ“ съ данными ихъ переписки. Напомнимъ прежде всего указанное Н. С. Тихонравовымъ поразительное сходство по содержанію этой статьи *именно съ тѣмъ письмомъ Гоголя къ Иванову* отъ 1 января 1845 г., которое, какъ мы видѣли, было *наименѣе сочувственно принято Ивановымъ*. Е. С. Некрасова справедливо замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что Гоголь бралъ на себя обязанность даже „думать за Иванова“[3]), но, какъ всегда бы-

---

[1]) См. Боткина «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 178.

[2]) «Русск. Стар.», 1890, VII, 211; также VI, 651 и 656. Кромѣ того о ходатайствахъ А. О. Смирновой объ Ивановѣ см. письмо послѣдняго Гоголю отъ 15 марта 1845 г., гдѣ Ивановъ просилъ Гоголя написать Александрѣ Осиповнѣ, чтобы, по пріѣздѣ Тона въ Петербургъ, она тотчасъ поговорила о немъ съ Лейхтенбергскимъ (Боткинъ, «Ивановъ», стр. 183). Въ письмѣ отъ 20 мая онъ говорилъ также: «Прикидываюсь Смирновой, что у меня денегъ совсѣмъ нѣтъ: вѣдь къ тремъ тысячамъ нужно было прикладывать четвертую, чтобы продолжить трудъ, а просить четыре въ годъ — совершенно ужъ руки отваливаются со страха» (Боткинъ, 177).

[3]) «Вѣстникъ Европы», 1883, XII, стр. 616.

ваетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда излишняя попечительность о взросломъ человѣкѣ переходитъ должныя границы, дѣло не ограничивалось желательнымъ содѣйствіемъ въ житейскихъ затрудненіяхъ, но доходило и до совершенно нежелательнаго вмѣшательства въ чужой внутренній міръ. Читая статью Гоголя, постоянно чувствуешь, что онъ безъ всякаго колебанія вкладываетъ въ нее то содержаніе, которое было выработано его собственными размышленіями и опытомъ, но вовсе не принадлежало Иванову. Если предыдущее замѣчаніе показалось бы недостаточнымъ, то мы можемъ прибавить къ нему еще нѣсколько другихъ. Во-первыхъ, въ статьѣ, говоря объ Ивановѣ, Гоголь передаетъ въ значительной степени исторію собственныхъ душевныхъ страданій, иногда *употребляя тѣ же самыя выраженія;* все сказанное о Римѣ, о себѣ представляетъ только литературную переработку мыслей, выраженныхъ въ письмѣ къ Плетневу, въ концѣ 1844 г., напечатанномъ въ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ за 1875 г. (особенно поразительное и несомнѣнное сходство представляетъ повторенное въ обоихъ случаяхъ сравненіе человѣка, находящагося въ положеніи Гоголя, съ тѣмъ, который погруженъ въ летаргическій сонъ[1]). Характеристика невѣжественнаго отношенія непонимающей публики къ задачѣ и потребностямъ художника и того ея безтолковаго нетерпѣнія, съ какимъ она требуетъ отъ писателя немедленнаго продолженія заинтересовавшаго ее труда, очень похожа въ *статьѣ* и въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 28 мая 1843 г. и отчасти въ третьемъ письмѣ по поводу „Мертвыхъ Душъ“. Ср. „Историческій живописецъ Ивановъ“; „Есть люди, которые увѣрены, что великому художнику все доступно: земля, море, человѣкъ и моленіе Богу, словомъ, все можетъ достаться ему легко, будь только онъ талантливый художникъ и поучись въ академіи“. Въ третьемъ письмѣ по поводу „Мертвыхъ Душъ“ читаемъ: „Умный резонъ: потому что въ продолженіе одного года я выдалъ вдругъ слишкомъ много, такъ подавай еще столько же, Поль-де-Кокъ пишетъ по роману въ годъ, то почему жъ и мнѣ не написать: вѣдь это тоже, молъ, романъ, а только для шутки названъ поэмой“[2]). Наконецъ, все

---

[1]) «Русская Старина», 1875, X, 318.

[2]) Сочиненія Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 127—128, «Русское Слово», 1859, I, 130—131 и «Письма Гоголя къ Прокоповичу» Пѣтухова, стр. 48.

мѣсто, гдѣ рѣчь идетъ о душевныхъ „обстоятельствахъ“ Иванова и о его внутренней работѣ надъ собою, не позволявшей ему отрываться отъ главнаго труда для денежнаго заработка, повторяетъ въ весьма сходной варіаціи мысли, выраженныя о самомъ себѣ въ письмѣ Гоголя къ Шевыреву отъ 2 марта 1843 г. Тамъ мы читаемъ: „Какъ тягостно во время внутренней работы удовлетворять отвѣтами приходящихъ, хотя бы близкихъ душѣ! Представь архитектора, строящаго зданіе, которое все загромождено и заставлено у него лѣсомъ; чего стоитъ ему снимать лѣса и показывать неоконченную работу, и какъ будто бы кирпичъ вчернѣ и первое пришедшее въ голову слово въ силахъ разсказать о фасадѣ, который еще въ головѣ архитектора“ [1]) и пр. Подобныя же затрудненія, по словамъ Гоголя, испытывалъ и Ивановъ; вообще онъ видѣлъ полную аналогію между недовѣріемъ къ себѣ друзей и ихъ „подталкиваніями“ съ одной стороны и недовѣріемъ и понуканіями Иванова со стороны оффиціальныхъ сферъ. Позднѣе тѣ же мысли снова были высказаны Гоголемъ въ примѣненіи къ себѣ самому въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 6 марта 1847 г., гдѣ удержано даже сходное сравненіе съ указаннымъ выше сравненіемъ въ письмѣ къ Шевыреву: разница лишь въ томъ, что вмѣсто архитектора для разъясненія мысли здѣсь рѣчь ведется о поварѣ („поваръ сказалъ напередъ, что обѣдъ его будетъ иначе сготовленъ, а потому потребуется много времени. Что слѣдовало дѣлать тѣмъ, которымъ обѣщано угощеніе? Слѣдовало молчать и ожидать терпѣливо. Нѣтъ, давай кричать: „подавай обѣдъ“ [2]) и пр. Мы не отрицаемъ, конечно, существованія дѣйствительно извѣстнаго сходства въ положеніи Гоголя и Иванова; но несомнѣнно изъ предыдущаго, что во всякомъ случаѣ въ статью объ Ивановѣ Гоголь внесъ также много субъективнаго, отчасти взявъ на себя трудъ за него говорить и думать. Съ другой стороны, составивъ за Иванова идеалъ художника по своему образцу, Гоголь приписывалъ ему тѣ мысли и чувства, которыхъ у него совсѣмъ не было, это всего яснѣе можно видѣть при сравненіи слѣдующихъ словъ статьи: „Ивановъ молилъ Бога о ниспосланіи ему полнаго обращенія“; „Ивановъ просилъ у Бога, чтобы

---

[1]) См. «Русская Старина», 1875, X, 297.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 349.

огнемъ благодати испепелилась въ немъ холодность и черствость“ и пр., и этихъ словъ письма: *„вы не почувствовали близкаго намъ участія Бога и всю высоту родственнаго союза,* въ который Онъ вступилъ съ нами“, „на многое смотрите вы остроумными глазами, но не глазами мудреца, просвѣтленнáго разумомъ свыше“[1]) и пр. Особенно же близки по своему внутреннему смыслу слова въ письмѣ отъ 1 января 1845 г.: „Когда напишется картина на душѣ вашей, тогда кисть ваша полетитъ быстрѣе самой мысли“ и въ статьѣ объ Ивановѣ: „Вѣдь пока въ самомъ художникѣ не произошло истиннаго обращенія къ Христу, не изобразить ему того на полотнѣ“. Далѣе слова: „Ивановъ лилъ слезы въ тишинѣ, прося у Бога силъ исполнить Имъ же внушенную мысль“[2]), должны быть прямо отнесены къ Гоголю, а не къ Иванову, которому Гоголь лишь усиленно старался внушить эти чувства и мысли. Наконецъ, размышленіе Гоголя о томъ, что въ случаѣ, если бы правительство и общество допустили голодную смерть художника, то „иной драматическій поэтъ составилъ бы изъ этого чувствительную драму“, и пр. представляютъ очень замѣтную варіацію слѣдующихъ словъ письма къ Прокоповичу отъ 17 апрѣля 1843 г.: „Два раза я могъ бы просто умереть отъ нужды и голода и обо мнѣ составилась бы, можетъ быть, довольно трогательная исторія, какъ о многихъ талантахъ, окоченѣвшихъ во время окружавшихъ призраковъ славы“[3]) и пр. Такія же мысли еще раньше находимъ въ письмѣ къ Погодину отъ 30 марта 1837 г. еще задолго до знакомства съ Ивановымъ: „Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ!“[4]) Въ самыхъ послѣднихъ строкахъ статьи, гдѣ говорится о нищенствѣ, повторяются мысли, высказанныя въ письмѣ къ Иванову отъ 24 іюля 1844 г., гдѣ сказано: „Вы нищій и не имѣть вамъ угла, гдѣ преклонить голову, какъ не имѣлъ его и Тотъ, Котораго пришествіе дерзаете

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 129 и Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 55—56 и «Современникъ» 1858, XI, стр. 145.

[2]) Ср. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 157—158; «Современникъ» 1858, XI, 147 и Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 129.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 132 и «Русское Слово», 1859, I, 126; «Письма Гоголя къ Прокоповичу» Пѣтухова, стр. 43—44.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 288.

вы изобразить кистью“[1]). Неизвѣстно, какъ принялъ тогда Ивановъ только-что приведенныя нами слова Гоголя, ибо отвѣта его на это письмо мы не находимъ въ книгѣ г. Боткина, но кажется[2]), что Гоголь, именно приписывая свой взглядъ Иванову, въ концѣ концовъ перешелъ послѣднія границы умѣренности, такъ что Ивановъ, тронутый всѣмъ содержаніемъ статьи, написалъ ему однако: „Одно мнѣ позвольте возразить противъ слѣдующихъ словъ вашей статьи: „Ивановъ ведетъ жизнь истинно монашескую“. Я очень бы не отказался имѣть женой монахиню, — женщину, занятую преслѣдованіемъ собственныхъ своихъ пороковъ“[3]).

LXVIII.

Мы подробно остановились на разборѣ статьи „Историческій живописецъ Ивановъ“ съ тѣмъ, чтобы показать, какъ Гоголь, искренно и горячо защищая послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ придалъ своей апологіи сильную субъективную окраску, въ силу которой было бы крайне рискованно дѣлать по этой статьѣ какія-либо положительныя заключенія о согласіи ихъ взглядовъ и міросозерцанія въ данный періодъ. Мистическое направленіе усиливалось въ Гоголѣ въ теченіе всѣхъ сороковыхъ годовъ; спрашивается: совершался ли параллельный внутренній процессъ въ душѣ Иванова? Всѣ данныя указываютъ согласно на подготовлявшуюся въ Ивановѣ перемѣну противоположнаго характера, чѣмъ вполнѣ подтверждаются вышеприведенныя слова М. П. Боткина и Сергѣя Иванова, несправедливо оспариваемыя Е. С. Некрасовой. Затѣмъ дальнѣйшія отношенія Гоголя къ Иванову прекрасно и обстоятельно разсмотрѣны въ ея статьѣ, вслѣдствіе чего мы ограничимся здѣсь только краткимъ напоминаніемъ важнѣйшихъ фактовъ, лишь отчасти дополняя ихъ данными, основанными на матеріалахъ, появившихся въ печати позднѣе статьи г-жи Некрасовой[4]). По поводу статьи „Историческій живописецъ

[1]) «Современникъ», 1858, XI, 146.

[2]) По крайней мѣрѣ изъ одного письма Иванова къ Чижову (Боткинъ, стр. 202) видимъ, что Ивановъ жаловался на свое нищенство, которое было для него, очевидно, прискорбнымъ и вынужденнымъ, а вовсе не добровольнымъ.

[3]) Боткинъ, «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 247.

[4]) Изложеніе относящихся къ разсматриваемому недоразумѣнію между Гого-

Ивановъ“ находимъ необходимымъ еще прибавить только, что, написанная въ началѣ 1846 г., она была значительно переработана подъ вліяніемъ суроваго отказа въ субсидіи, полученнаго Ивановымъ отъ Совѣта Академіи Художествъ, за подписью принца Лейхтенбергскаго, — именно въ слѣдующихъ словахъ: „Академія не можетъ ходатайствовать у Государя Императора о назначеніи вамъ содержанія, хотя бы и желала, ибо милости, вамъ много разъ сдѣланныя, *давно должны бы были побудить васъ довершить свое твореніе; но время уходитъ, картина не оканчивается, и вы продолжаете обращаться съ просьбами о пособіи, какъ человѣкъ, не могущій достать трудомъ достаточной суммы для своего содержанія*“ [1]).

Такъ какъ всѣ дальнѣйшія перипетіи отношеній Гоголя къ Иванову сильно перепутаны съ отношеніями ихъ обоихъ къ семейству Апраксиныхъ, то слѣдуетъ, во-первыхъ, отмѣтить, что Апраксины поселились въ Римѣ во время отсутствія Гоголя изъ Италіи въ 1845 г., такъ что, по возвращеніи своемъ въ этотъ городъ въ октябрѣ того же года, Гоголь уже засталъ тамъ графиню Софью Петровну, которую онъ относилъ къ числу „прежнихъ пріятелей“, что, впрочемъ, вначалѣ понятно, принимая въ соображеніе его до интимности близкія отношенія къ брату Апраксиной, графу Александру Петровичу Толстому. Черезъ нѣкоторое время Апраксиной

лемъ и Ивановымъ мелкихъ подробностей мы должны оставить въ сторонѣ въ виду того, что не считаемъ, вопреки Е. С. Некрасовой, болѣзненность и несдержанность Гооля исключительной причиной происшедшаго между ними охлажденія, но отмѣтимъ здѣсь крайне рѣзкія выраженія въ письмахъ Гоголя къ Иванову, по поводу его опрометчиваго проекта замѣщенія разныхъ должностей лейхтенбергскимъ, Чижовымъ и Гоголемъ! «Какой странный, рѣшительный тонъ письма: такой-то долженъ быть тѣмъ-то, Киль долженъ заняться такимъ-то дѣломъ, князь Волконскій такимъ. Наконецъ, мнѣ самому предписаны границы и предѣлы моихъ занятій, такъ что я невольно спросилъ: да чья же здѣсь воля изъявляется? По слогу письма можно бы подумать, что это пишетъ полномочный человѣкъ: герцогъ лейхтенбергскій или князь Петръ Михайловичъ Волконскій по крайней мѣрѣ. И какія странныя выраженія: писать я долженъ отчеты *геніальнымъ* перомъ. Стоятъ *отчеты ни о чемъ* геніальнаго пера?» («Вѣстн. Европы; 1883, XII, 650.) Безъ сомнѣнія, безтактность и неловкій тонъ Иванова окончательно выводили изъ себя уже и безъ того страшно разсерженнаго Гоголя. *Виноватъ былъ также и Ивановъ* своей вѣчной опрометчивостью!

[1]) См. Боткина «А. А. Ивановъ», стр. 392 и относящіяся сюда примѣчанія Тихонравова въ Соч. Гог., изд. X. т. IV, стр. 531.

былъ, безъ сомнѣнія, представленъ и Ивановъ. Графиня обласкала отрекомендованнаго ей художника и лѣтомъ 1846 г. считала уже его въ числѣ своихъ знакомыхъ, хотя и не пригласила на завтракъ, „гдѣ были всѣ званы на день рожденія ея дочери“[1]); зато въ другихъ случаяхъ природная доброта и свѣтская любезность графини, ея бесѣды объ искусствѣ и положеніи русскаго художника сильно восхищали Иванова дружескимъ, непринужденнымъ характеромъ обращенія. Пока мы не видимъ еще сгустившейся тѣни въ отношеніяхъ Гоголя къ Иванову: Ивановъ очарованъ друзьями Гоголя, которые относятся къ нему съ большимъ вниманіемъ, и готовъ ѣхать съ Гоголемъ въ Іерусалимъ, если послѣдній „заблагоразсудитъ взять его съ собой на поклоненіе гробу Господню“[2]); Гоголь же, въ свою очередь, нуждался въ спутникѣ и не могъ нарадоваться согласію Иванова. Между тѣмъ Ивановъ все больше сближался съ Апраксиными и переѣхалъ одновременно съ ними въ Неаполь. Но, привыкнувъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ обращаться за совѣтами и утѣшеніемъ къ Гоголю, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія его въ Римъ, чтобы поговорить съ нимъ о многомъ, и радовался, когда узналъ отъ Апраксиной, что Гоголь обѣщалъ ей вскорѣ пріѣхать въ Неаполь, наконецъ написалъ ему: „*Ждалъ я васъ здѣсь* (въ Неаполѣ), наконецъ рѣшился возвратиться въ Римъ, оставя вамъ это письмо. Со мной случились разныя непріятности съ Зубковымъ[3])“. Въ письмѣ этомъ не было ничего способнаго возбудить раздраженіе, какъ равно не замѣтно никакого особеннаго волненія, вслѣдствіе чего, кажется, слѣдуетъ предположить или утрату какого-нибудь другого письма Иванова, или же приписать разразившуюся бурю крайнему разладу во взглядахъ обоихъ пріятелей. Въ послѣднемъ случаѣ раздраженіе Гоголя всего естественнѣе объяснить его недовольствомъ единственно неспокойнымъ душевнымъ состояніемъ Иванова, безъ сомнѣнія, весьма далекимъ отъ того, которое приписывалось послѣднему въ статьѣ о немъ.

Противъ этого настроенія Гоголь и возражаетъ, находя, что за это настроеніе Иванова „слѣдовало бы крѣпко выбра-

---

1) Боткинъ. «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 227.

2) Тамъ же, стр. 228.

3) Тамъ же, стр. 227.

нить[1])"; онъ возстаетъ противъ охоты Иванова „заниматься всѣми внѣшностями". „Нѣтъ, я вижу слишкомъ хорошо, что у васъ нѣтъ полной любви къ труду своему". „Молитесь, работайте и не думайте ни о чемъ, какъ только о вашей картинѣ"[2]), пишетъ Гоголь Иванову, въ досадѣ на то, что послѣдній не оправдывалъ его надеждъ и мало приближался къ составленному за него идеальному представленію о художникѣ. Чтобы направить Иванова на должный путь, Гоголь посылаетъ ему молитву, которую самъ читаетъ ежедневно. Очевидно, онъ искренно заботится объ Ивановѣ и, надѣясь на впечатлѣніе, которое должна произвести въ Петербургѣ написанная имъ статья (не говоря, впрочемъ, о ней ни слова, чтобы статья эта явилась потомъ для Иванова сюрпризомъ), требуетъ отъ Иванова отрѣшенія отъ мелкихъ житейскихъ заботъ. Но кажется, что больше всего Гоголя раздражала вѣчная и неисправимая безтактность Иванова, и онъ былъ особенно возмущенъ тѣмъ, что, понадѣявшись на любезность Апраксиной, Ивановъ по незнанію свѣтскихъ отношеній адресовался къ ней съ просьбой написать о чемъ-то Бутеневу, такъ что Апраксина безъ стѣсненія спросила потомъ у Гоголя, чтобы онъ „сказалъ ей откровенно и чистосердечно, точно ли Ивановъ уменъ[3])". Итакъ вотъ что̀ разсердило Гоголя, а не одно только то, что Ивановъ возлагалъ надежды не на Гоголя, а на молодого Апраксина, какъ полагаетъ Е. С. Некрасова. Самолюбіе Гоголя было оскорблено прежде всего неловкостью рекомендованнаго имъ пріятеля, поставившаго его самого въ непріятное положеніе. Изъ раздражительнаго письма ясно, что при проѣздѣ черезъ Римъ въ Неаполь Гоголь отговаривалъ Иванова отъ его намѣренія безпокоить Апраксину, но Ивановъ не послушался, произвелъ своимъ письмомъ непріятное впечатлѣніе и еще разъ написалъ запросъ о своемъ дѣлѣ. Ивановъ жаждалъ извѣстій отъ Апраксиной о рѣшеніи своего дѣла и съ нетерпѣніемъ ждалъ собиравшагося въ Римъ молодого графа съ пріятными извѣстіями, тогда какъ Гоголю нельзя было даже заикнуться о его дѣлѣ. („Пріѣхавши сюда,

---

[1]) Мы думаемъ, однако, что это всего вѣроятнѣе предположить здѣсь въ виду слѣдующихъ словъ Гоголя: «въ каждой строкѣ письма вашего слышно, что нервы ваши шалятъ и бунтуютъ».

[2]) «Современникъ», 1858, XI, 157—158.

[3]) «Вѣстникъ Европы», 1883, XII, 648—649.

я даже ни разу не заводилъ о васъ разговора"[1]). Вотъ въ какомъ смыслѣ мы понимаемъ дальнѣйшія слова Гоголя: „вамъ чудится и представляется, что о васъ должны всѣ хлопотать и метаться, какъ угорѣлыя кошки" и дальше: „сидите смирно, не каверзничайте по вашему дѣлу" и пр. Здѣсь вполнѣ оправдались слова Иванова въ одномъ письмѣ къ Чижову: „неопытность моя въ обращеніи съ людьми срамитъ меня на каждомъ шагу[2])". Слова эти, сказанныя въ началѣ 1847 г. почти тотчасъ за выговоромъ Гоголя, чуть ли не написаны даже подъ этимъ впечатлѣніемъ[3]). Но Гоголь, очевидно, подъ вліяніемъ досады хватилъ черезъ край, говоря: „Вы всѣмъ надоѣли, и я не удивляюсь, почему даже Чижовъ пересталъ къ вамъ писать"[4]), тогда какъ Чижовъ именно въ то же самое время, сообщая о болѣзни Языкова, писалъ: „Александръ Андреевичъ грустить со мною, онъ даетъ мнѣ надежду здѣсь видѣть васъ, но не такъ ясно"[5]). Впрочемъ главное соображеніе Е. С. Некрасовой, что Гоголь оскорбился тѣмъ, что довѣряютъ кому-то помимо его, остается въ полной силѣ; мы возражаемъ только противъ исключительности такого толкованія.

Между тѣмъ, еще не получивъ отвѣта отъ Гоголя, Ивановъ написалъ самое опрометчивое изъ своихъ писемъ, въ которомъ составилъ фантастическій проектъ замѣщенія разныхъ должностей и обязанностей княземъ Лейхтенбергскимъ, Килемъ, Чижовымъ, а Гоголю предназначалъ то самое мѣсто секретаря при начальникѣ русскихъ художниковъ, котораго онъ неуспѣшно добивался нѣсколько лѣтъ назадъ. Все это, по справедливому замѣчанію г-жи Некрасовой, только „подкладывало порохъ въ огонь"[6]). Въ письмѣ Гоголя, послѣ многихъ рѣзкостей и слишкомъ безцеремоннаго сравненія

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1883, XII, 648.

[2]) Боткинъ, стр. 232.

[3]) Что̀ касается выраженія Гоголя: «Вы больше повѣрите какимъ-нибудь розсказнямъ какой-нибудь Жеребцовой или какимъ-нибудь краснобайнымъ обѣщаніямъ перваго говоруна, нежели словамъ человѣка, еще не уличеннаго во лжи», — то ни въ какомъ случаѣ здѣсь подъ краснобайнымъ говоруномъ нельзя разумѣть Виктора Владиміровича Апраксина, по чувствамъ искренняго уваженія Гоголя къ этому семейству.

[4]) «Вѣстникъ Европы», 1883, XII, 649.

[5]) «Русская Старина», 1889, VIII, 364.

[6]) «Вѣстникъ Европы», 1883, XII, 623.

мыслей Иванова съ бредомъ человѣка въ горячкѣ, заключался, между прочимъ, слѣдующій совѣтъ: „Запритесь въ свою студію и предоставьте всякія ходатайства по дѣламъ художества Чижову: онъ, не вступая въ оффиціальныя сношенія съ вашимъ начальствомъ, сумѣетъ, какъ человѣкъ, болѣе васъ покойный и хладнокровный, уладить многое миролюбно безъ бумагъ и канцелярій" [1]). Письмо это было написано 4 февраля 1847 г. и одновременно съ нимъ Гоголь послалъ другое къ Чижову, на которое послѣдній отвѣчалъ ему почти немедленно. Судя по отвѣтному письму, Гоголь поручилъ Чижову предварительно прочесть и письмо къ Иванову, вложенное въ общій конвертъ. Кромѣ того, Гоголь рекомендовалъ Чижову сблизиться съ Моллеромъ, — можетъ быть съ тою же цѣлью, чтобы вмѣстѣ заботиться, насколько можно, о дѣлахъ Иванова [2]). Но случай распорядился иначе, нежели предполагалъ Гоголь: въ первыхъ же строкахъ своего отвѣта Чижовъ сообщалъ ему: „Порученія вашего я не могъ исполнить такъ, какъ вы желали, и очень жаль мнѣ, что не удалось исполнить. Ваше письмо Моллеръ отдалъ мнѣ въ трактирѣ у Фальконе, подлѣ меня сидѣлъ Ивановъ; едва я распечаталъ, тотчасъ же прочелъ надпись на его письмѣ, не читая еще своего, и отдалъ ему" [3]). Отсюда ясно, что г-жа Некрасова ошибается, предполагая, будто именно это громовое письмо было получено Ивановымъ черезъ графиню Толстую, и что послѣ полученія его Ивановъ написалъ Гоголю письмо, въ которомъ говорилъ: „Такъ какъ письма ваши изъ Неаполя превышали всѣ непріятности, какія мнѣ случалось претерпѣть эту зиму, то я рѣшился оставить это ваше письмо не распечатаннымъ, дабы не пострадать снова" [4]). Слова наши подтверждаются также тѣмъ, что ниже въ томъ же письмѣ читаемъ: „Чижовъ уѣхалъ. Трудно, чтобы состоялся его журналъ" [5]). Между тѣмъ, какъ видно изъ письма Чижова къ Гоголю отъ 12 апрѣля, только въ этомъ послѣднемъ письмѣ Гоголь получилъ *первое извѣстіе* отъ Чижова о предполагаемомъ журналѣ, а уѣхалъ Чижовъ изъ Италіи *уже*

---

1) Тамъ же, стр. 651.

2) «Русская Старина», 1889, VIII, 367 и 371.

3) Тамъ же, стр. 366.

4) Боткинъ. «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 234.

5) Тамъ же, стр. 234.

въ маѣ[1]). Изъ переписки Гоголя съ Чижовымъ вообще открывается, что Гоголь возлагалъ большія надежды на Чижова въ смыслѣ успокоенія Иванова и устройства его дѣлъ. Надежды эти были, казалось бы, весьма основательными, ибо трудно представить себѣ человѣка болѣе расположеннаго къ Иванову и полезнаго ему, нежели Чижовъ; но на бѣду Иванова, Чижова призывало въ Россію задуманное имъ предпріятіе о журналѣ славянофильскаго направленія, впослѣдствіи, впрочемъ, не осуществившееся. Именно въ данную роковую минуту Чижовъ и не могъ помочь Иванову, и съ грустью долженъ былъ разочаровать Гоголя: „Писавши объ Ивановѣ и вообще о художникахъ, вы предполагали меня выше и сильнѣе, чѣмъ каковъ я въ самомъ дѣлѣ; въ настоящую минуту не только дѣйствовать на другихъ, а дай Богъ, чтобы и самому сколько-нибудь съ собой управиться“[2]). Въ этомъ же письмѣ Чижова, не разъ высказывавшаго надежду на свиданіе съ Гоголемъ въ Римѣ, послѣдняго должна была поразить неожиданность извѣстія о предполагаемомъ возвращеніи Чижова въ Россію. Еще яснѣе свое предположеніе внезапно оставить Римъ Чижовъ высказалъ Гоголю въ не дошедшемъ до насъ письмѣ отъ 20 марта 1847 г. Свое впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, онъ высказалъ какъ въ отвѣтѣ Чижову, такъ и въ письмѣ къ Иванову, написанномъ также около 25 марта (судя по словамъ этого письма: „передайте Чижову при семъ слѣдуемое письмо“), и уже это-то письмо, начинающееся словами: „пишу къ вамъ нѣсколько строчекъ съ графомъ Иваномъ Петровичемъ Толстымъ“[3]), было передано Гоголю графиней Толстой и пр. Въ этомъ письмѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на неожиданную просьбу Гоголя показать родственникамъ Толстыхъ и Апраксиныхъ, Строгановымъ, студію Иванова. Зная, насколько Ивановъ всегда тяготился посѣщеніями постороннихъ людей и особенно незнакомыхъ ему, мы поймемъ, какъ щекотливо было со стороны Гоголя обращаться къ нему съ подобной просьбой, особенно послѣ предшествующихъ писемъ. Но въ такое непріятное положеніе неизбѣжно ставилъ его самый характеръ

[1]) «Русская Старина», 1889, VIII, 371, 373; «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 363, 364.

[2]) «Русск. Стар.», 1889, VIII, 368.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 362—363.

отношеній къ Апраксинымъ, Строгановымъ и другимъ, которымъ Гоголю неловко было отказать въ просьбѣ, а въ силу злого стеченія обстоятельствъ ихъ просьба, казавшаяся какъ нельзя больше легкой, естественной и законной, пришлась здѣсь не въ пору. Желаніе Гоголя Ивановъ, конечно, исполнилъ, отчасти и для обласкавшихъ его Апраксиныхъ, но письмо его прочесть отказался и отвѣтилъ ему сухо. При этомъ мы узнаемъ изъ того же письма, что и Чижовымъ въ то время Ивановъ тоже былъ какъ будто за что-то недоволенъ. (Ивановъ довольно сухо говоритъ здѣсь о немъ: „Чижовъ уѣхалъ. Трудно, чтобы состоялся его журналъ. Онъ очень, очень не готовъ къ принятію должности, ни къ журналу“.) Замѣтимъ, что это совершенно согласно съ заявленіемъ самого Чижова, что Ивановъ сдѣлался для него „совершенно посторонній“ [1]).

LXIX.

Драма, разыгравшаяся между Гоголемъ и Ивановымъ и стоившая обоимъ много мукъ, волненій и горя, является сложнымъ актомъ, въ которомъ цѣлая сѣть мелкихъ недоразумѣній и тревогъ и густой осадокъ горькихъ впечатлѣній отъ безпрерывныхъ житейскихъ испытаній привели обоихъ пріятелей къ прискорбному столкновенію, навсегда оставившему послѣ себя тяжелые слѣды. Надо сознаться, что со стороны Гоголя обиды сыпались съ неосмотрительностью сильнаго гнѣва, и все это разразилось на почвѣ крайняго нервнаго потрясенія. Оба пріятеля, неожиданно сдѣлавшіеся, повидимому, противниками, глубоко страдали отъ разныхъ безпощадныхъ невзгодъ и, вмѣсто того, чтобы подать, какъ прежде, другъ другу руку, вмѣсто взаимнаго нравственнаго ободренія, вдругъ, въ самую критическую для обоихъ минуту, обратились другъ къ другу бокомъ, неразсчетливо подбавляя лишнюю отраву въ выпавшую на ихъ долю и безъ того горькую чашу. Но осуждать ихъ, думаемъ, могъ бы рѣшиться только тотъ, кому совершенно непонятны чужія душевныя раны. Замѣтимъ, впрочемъ, что ни съ той, ни съ другой стороны, по нашему мнѣнію, не было настоящей

---

1) Ср. Боткинъ. «А. А. Боткинъ. Его жизнь и переписка», стр. 234 и «Русская Старина», 1889, VIII, 368.

ссоры — и что, отдаляясь другъ отъ друга, какъ Гоголь, такъ и Ивановъ отнюдь не дошли до взаимнаго равнодушія: напротивъ, отъ обострившихся, натянутыхъ отношеній тяжело стонала душа каждаго изъ нихъ. И странно: ихъ взаимное расположеніе, не смотря на всѣ происшедшіе между ними прискорбные эпизоды, не исчезло, какъ это случилось напр. въ отношеніяхъ Гоголя съ Погодинымъ. Ивановъ даже въ то самое время, когда давалъ понять Гоголю, что не допуститъ покушенія на свою независимость, отъ души говорилъ ему: „Въ бесѣдахъ съ вами, и только съ одними вами, духъ мой не утомляется. Вы знаете, что́ мнѣ сказать и что́ не говорить. Вы меня любите глубоко мудрымъ образомъ, но васъ нѣтъ налицо, а я поставленъ все въ какое-то столкновеніе съ людьми, и, никогда не имѣя случая изучать ихъ, мучаюсь въ этой каторжной работѣ“ [1]). Все это признаніе, вырвавшееся изъ груди измученнаго непосильной борьбой человѣка, не рожденнаго для трудной житейской сцены и вынужденнаго играть на ней далеко не легкую роль, кажется намъ трогательнымъ. Особенно же заслуживаетъ сочувствія незлобливое обращеніе къ сердцу Гоголя, только-что жестоко оскорблявшаго Иванова. Г-жа Некрасова приписываетъ послѣдовавшую затѣмъ болѣзнь Иванова именно этому огорченію отъ Гоголевскихъ писемъ; обстоятельство это остается пока неразъясненнымъ; но намъ кажется, что если Ивановъ былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, то въ причинахъ для этого не было недостатка въ данное время. На Гоголя же Ивановъ сначала посердился немного, но неудовольствіе его было непродолжительно. Въ сохранившемся письмѣ къ Гоголю Моллера, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанномъ, читаемъ между прочимъ слѣдующія строки: „На вопросъ, будетъ ли онъ писать къ вамъ, Ивановъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ полагаетъ, что вы сами бы должны знать, до какой степени ваши письма его могли огорчить; впрочемъ, онъ *теперь гораздо спокойнѣе* и я его часто вижу даже въ *весьма веселомъ расположеніи духа*“ [2]). А въ то же самое время Чижовъ не уставалъ повторять Гоголю совѣты дѣйствовать на него

---

[1]) Боткинъ «А. А. Ивановъ», стр. 235.

[2]) Это сказано было по полученіи Ивановымъ еще не самаго непріятнаго отъ Гоголя письма; онъ вообще, кажется, долго не сердился.

ободряющимъ образомъ, такъ какъ „душа его нуждается въ подпорѣ". По словамъ Чижова, душа Иванова была „въ сильномъ борениі"[1]) и онъ совершенно изнемогалъ въ потокѣ всевозможныхъ огорченій и заботъ. Намъ кажется, что опасеніе новыхъ сюрпризовъ отъ Гоголя, ожиданіе отъ него „гостинцевъ" и такое заявленіе, какъ напр.: „Писать о дѣлахъ моихъ я къ вамъ больше не буду, а было бы слишкомъ безразсудно изъ-за какого-нибудь неудавшагося одного выраженія терять, что̀ досталось не легко, драгоцѣнное знакомство съ вами", — все это было слишкомъ естественно, да иначе даже не могло быть послѣ всего, что̀ этому предшествовало, такъ что мы не рѣшаемся видѣть здѣсь даже особенной раздражительности со стороны Иванова, какъ вполнѣ понятно и то, что теперь онъ неохотно отвѣчаетъ Гоголю на множество писемъ, которыми снова забрасывалъ его раскаявшійся въ своей жестокости Гоголь[2]). Какъ бы ни оскорблялъ онъ прежде Иванова, но внезапное молчаніе послѣдняго отозвалось въ его больной душѣ новымъ тяжелымъ горемъ. Теперь онъ всячески старается вызвать Иванова на переписку, почти готовъ извиниться. „Отъ васъ я давно не имѣю никакихъ вѣстей, добрѣйшій Александръ Андреевичъ, напишите хоть два словечка, я все хворалъ и былъ боленъ, и теперь боленъ, и даже очень боленъ", пишетъ онъ 18 іюня 1847 г. „Давно ужъ я о васъ не имѣю никакихъ вѣстей, Александръ Андреевичъ", повторяетъ онъ въ письмѣ отъ 5 декабря и прибавляетъ: „Не опасайтесь отъ меня жесткихъ писемъ: я ихъ теперь даже и не сумѣю написать, ибо вижу, что если и нужно кого попрекать, то больше себя, а не другого"[3]).

Только-что Гоголь получилъ наконецъ отвѣтъ, какъ почти тотчасъ спѣшитъ снова откликнуться, говоря: „Благодарю васъ за письмецо, не смотря на то, что въ немъ и немного говорите о себѣ самомъ", и продолжаетъ затѣмъ въ самомъ дружескомъ тонѣ. Наконецъ, въ письмѣ 18 января 1848 г. Гоголь такъ исповѣдовался передъ Ивановымъ: „Скажу вамъ

---

1) «Русская Старина», 1889, VIII, стр. 368.

2) Боткинъ «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка», «Вѣстникъ Европы», 1883, XII, 625.

3) «Современникъ» 1858, XI, 165, 166 также «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 432, 440.

истинно и откровенно, что я никогда въ васъ не подозрѣвалъ никакой хитрости; но было время, когда я нарочно хотѣлъ кольнуть васъ, попрекнуть нѣкоторыми письмами, желая васъ заставить взять нѣкоторую власть надъ самимъ собой и устыдиться своего малодушія. Это было сдѣлано неловко. *Пожалуйста сожгите всѣ мои письма*. Я теперь вижу, какъ разны человѣческія природы и какъ нельзя судить по себѣ о другомъ“[1]). Здѣсь, конечно, выставлены на видъ лучшія побужденія, руководившія Гоголемъ въ его отношеніяхъ къ Иванову, тогда какъ были и другія; но это настолько свойственно человѣческой природѣ, что осуждать за умолчаніе о послѣднихъ значило бы требовать почти невозможнаго.

Извѣстное письмо объ Ивановѣ къ Віельгорскому, озаглавленное „Историческій живописецъ Ивановъ“, значительно примирило послѣдняго съ его доброжелательнымъ, но глубоко несчастнымъ и потому невольно ожесточавшимся временами другомъ, подъ вліяніемъ тяжкихъ ударовъ судьбы, такъ часто превышавшихъ его истощенныя нравственныя силы. Тонъ примиренія ясно слышится уже въ слѣдующихъ строкахъ письма Иванова къ Гоголю: „Радуюсь, что вы совершили благополучно путешествіе ко Святому Гробу.

Чѣмъ-то вы насъ порадуете! Вѣдь отъ васъ всѣ ждутъ чудесъ. Я тоже думаю, что, можетъ быть, въ этой вашей будущей книгѣ и художникъ изъ ничтожества и несчастной колкой насмѣшки вознесется въ дѣятели общественнаго образованія, и тогда мы съ вами съ міромъ изыдемъ, чтобы *приготовить миръ* міру“[2]).

Въ послѣдніе годы Гоголь слишкомъ отдалился отъ всѣхъ захватывавшихъ его когда-то интересовъ въ жизни и прежде всегда оживленная его переписка становится теперь безсодержательной и вялой; такою же, конечно, она является и въ той части своей, которая касается Иванова. Послѣдній, въ свою очередь, былъ сильно отвлеченъ новыми заботами и интересами, и волна жизни неудержимо уносила обоихъ на неизмѣримое другъ отъ друга разстояніе. На приведенныя выше въ нашей статьѣ задушевныя строки Гоголя Ивановъ отвѣчалъ дружески и искренно, но не въ духѣ тѣхъ изліяній,

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 447 и «Современникъ», 1858, XI, 167.
2) «Современникъ» 1858, XI, 169 и Боткинъ «А. А. Ивановъ», стр. 25..

которыя вырывались когда-то у Гоголя, пока наконецъ, неожиданная смерть Гоголя положила естественный конецъ и этимъ уже пошатнувшимся отношеніямъ съ единственнымъ изъ русскихъ пенсіонеровъ въ Римѣ, къ которому онъ дѣйствительно былъ долго и сердечно привязанъ.

LXX.

Объ отношеніяхъ Гоголя къ Языкову въ 1846 г. слѣдуетъ отмѣтить лишь очень немногое: во второй половинѣ этого года, надѣясь на дружеское расположеніе къ нему автора „Мертвыхъ Душъ“ и поощренный его сочувствіемъ своимъ стихотвореніямъ „Землетрясеніе“ и „Къ не нашимъ“[1]), Языковъ рѣшился передать Гоголю просьбу ихъ общаго пріятеля Панова объ участіи въ редактированномъ имъ „Московскомъ Сборникѣ“[2]). Этотъ инцидентъ представляетъ большой интересъ, показывая, какъ жадно стремились представители славянофильской партіи и издатели журналовъ этого направленія заманить Гоголя въ свои ряды[3]). Подобное желаніе обнаруживалось, разумѣется, въ равной мѣрѣ, какъ мы уже знаемъ, и „Отечественными Записками“ и другими органами противоположнаго лагеря, но для послѣднихъ было естественнѣе и извинительнѣе, такъ какъ имъ не могло быть извѣстно предубѣжденіе Гоголя противъ журнальнаго труда, хорошо знакомое славянофиламъ. Надо помнить, что взглядъ Гоголя на журнальную литературу *постепенно* становился высокомѣрнымъ и *почти враждебнымъ,* по мѣрѣ того какъ выростало въ его глазахъ значеніе его призванія и любимыхъ произведеній, и что въ 1836 году въ статьѣ „О движеніи журнальной литературы“ Гоголь называлъ еще ея голосъ „вѣрнымъ представителемъ мнѣній цѣлой эпохи и вѣка“, находя, что „она во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать самаго при-

---

[1]) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 117, 149, 164, 166, 178, 181, 246, 255, но Гоголь не одобрялъ стихотвореній: «Къ плѣшаку» (VI, 180) и его посланій къ «Каролинамъ», т.-е. къ Каролинѣ Карловнѣ Павловой, урожденной Янишъ (VI, 268). Стихотвореніе «Къ не нашимъ» было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1879, III, стр. 399—400. См. также въ письмахъ Языкова къ Гоголю о «Землетрясеніи» «Русская Старина», 1896, XII, стр. 629—630.

[2]) См. «Русск. Стар.», 1889, I, 151—152.

[3]) Ср. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки, за 1893 г., стр. 34.

стальнаго вниманія"[1]). Впослѣдствіи, напротивъ, онъ доходилъ до такой крайности, что, допуская умѣстность споровъ о взглядахъ славянофиловъ и западниковъ въ журналахъ и гостиныхъ, онъ возмущался тѣмъ, что они переходятъ въ головы должностныхъ людей[2])!!

Просьбы Панова оказать вліяніе на Гоголя были, конечно, очень убѣдительны, если Языковъ рѣшился передать ихъ Гоголю, отлично зная его отвращеніе къ журнальной дѣятельности. Не смотря на самую искреннюю и задушевную дружбу Гоголя къ Языкову и на расположеніе его къ Панову[2]), своему прежнему сожителю въ Римѣ, переписывавшему его „Мертвыя Души"[3]) и теперь крѣпко надѣявшемуся на силу дружескаго слова Языкова, — отвѣтъ былъ полученъ неблагопріятный и даже раздражительный: И ты противъ меня! не грѣхъ ли и тебѣ склонять меня на писаніе журнальныхъ статей, — дѣло, за которое уже со мной поссорились нѣкоторые пріятели[4])?!" Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ безучастности Гоголя къ новому журналу и представляемому имъ направленію, тогда какъ прежде восторженныя похвалы славянофильскимъ стихотвореніямъ Языкова позволяли надѣяться на болѣе теплое отношеніе Гоголь же, какъ эстетикъ, увлекался ихъ силой и изяществомъ, не одобряя, однако, звучавшей въ иныхъ изъ нихъ политической ноты и утверждая, что „поэту слѣдуетъ болѣе *углублять* самую истину, чѣмъ *препираться* объ истинѣ[5]"), наконецъ прямо отзываясь о противной партіи, что „нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ и что, къ несчастію, не совсѣмъ безъ основанія ихъ нѣкоторые взгляды"[6]). Вмѣсто полемики Гоголь рекомендовалъ Языкову „перетряхнуть русскую старину и выставить русскія стихіи и славянскія струи нашей природы въ живыхъ и говорливыхъ образахъ"[7]).

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 486; т. VI, стр. 327.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 54.

[3]) Объ отношеніяхъ Гоголя къ Панову см. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 424—427 и VI, 498, гдѣ Гоголь прямо причисляетъ его къ людямъ близкимъ сердцу.

[4]) Тамъ же, т. VI, стр. 267.

[5]) Тамъ же, т. VI, стр. 178.

[6]) Тамъ же, стр. 179.

[7]) См. т. VI, стр. 117 и 181.

Еще меньше опредѣленныхъ данныхъ можно указать объ отношеніяхъ Гоголя къ Толстымъ, хотя, несомнѣнно, что отношенія эти были чрезвычайно интимны. Чтобы нѣсколько пополнить пробѣлъ, приводимъ здѣсь живой, характерный разсказъ о Толстыхъ въ „Запискахъ“ А. О. Смирновой. „35 лѣтъ“ — разсказываетъ А. О. Смирнова — „княжна[1]) вышла замужъ за графа Александра Петровича Толстого, святого человѣка. Онъ подчинился своей чудачкѣ и жилъ съ нею какъ братъ. Вся ея забота состояла въ томъ, чтобъ графу устроить комнаты, вентиляцію и обѣдъ по его вкусу. Она видѣла только тѣхъ людей, которыхъ ея мужъ любилъ; брезгливая, она сама стояла въ буфетѣ, когда люди мыли стекло и фарфоръ; полотенцамъ не было конца: перемѣняли ихъ нѣсколько разъ“. Далѣе А. О. Смирнова сообщаетъ преимущественно о позднѣйшей московской жизни Толстыхъ, о чемъ скажемъ ниже, и снова продолжаетъ характеристику графа: „Его называли Еремой, потому что онъ огорчался безнравственностью и пьянствомъ народа и развратомъ модной молодежи; онъ нарочно ѣздилъ къ Оверу, который ему сказалъ, что Діогенъ, встрѣтивъ идіота, сказалъ ему: „несчастное дитя, отецъ твой былъ пьянъ, когда мать зачала тебя!“ Графъ возился съ монахами греческаго подворья, бѣгло читалъ и говорилъ по-гречески; акаѳисты и каноны приводили его въ восторгъ; они писаны стихами, и эта поэзія ни съ чѣмъ не можетъ сравниться.

Графиня принимала по вечерамъ съ семи часовъ. Софира Голицына[2]) имъ читала вслухъ какую-нибудь духовную книжку, а черезъ день приходилъ греческій монахъ и читалъ также. Графиня засыпала. „Какъ я люблю греческій звукъ“ — сказала она, — „потому что графъ его любитъ; и васъ люблю, потому что онъ васъ любитъ. Мы благодарны Гоголю за ваше знакомство“. Всѣ эти Толстые оригиналы! За границей они меня смѣшили. — Разъ въ Люцернѣ погода стояла премерзѣйшая, Mont Pilate утонулъ въ густомъ сѣромъ туманѣ, дождь лилъ ливмя. Порталисъ приходитъ и говоритъ мнѣ:

---

[1]) Ольга Егоровна Толстая была урожденная княжна Грузинская, дочь князя Грузинскаго, владѣльца Лыскова, извѣстнаго подъ именемъ «Le roi de Volga» («Указ. къ письмамъ Гоголя», изд. I, стр. 70).

[2]) Голицыны были очень дружны съ Толстыми и также отличались набожностью.

„Александра Осиповна, знаете ли кто здѣсь?“ — „Нѣтъ“. — „Графъ Толстой съ Иваномъ[1]); они обѣдаютъ въ table d'hôte“. Толстой прибѣжалъ на минуту и сказалъ, что спѣшитъ показать Ивану ce lion de Lucerne. Иванъ остался недоволенъ: „Дураки не хотятъ признаться, что Богъ ихъ спасъ, а не ихъ львиная храбрость“. „Меня“, говорилъ Толстой, „жена послала сюда, потому что я не былъ на Пилатѣ, гдѣ Суворовъ отличился. А что̀ вы скажете о новомъ догмѣ?“ — „Нахальство!“ отвѣчала я. „Въ Москвѣ славянофилы разсуждали о бракѣ и чистотѣ, которой требовалъ этотъ юнецъ“. — „Да, надобно быть дѣвственникомъ, чтобы удостоиться быть хорошимъ супругомъ; гдѣ тутъ дѣвственникъ! Нѣтъ ни одного!“ — „Я“, отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. — „Ну, позвольте же мнѣ стать передъ вами на колѣни, низко поклонился, перекрестился, а потомъ сказалъ: „А теперь позвольте васъ поцѣловать!“ — Братъ Левъ Арнольди разсказывалъ всѣ его проказы, которыя онъ дѣлалъ, бывши губернаторомъ[2]). Разъ онъ пріѣхалъ въ уѣздный городъ, пошелъ въ уѣздный судъ, вошелъ туда, помолился передъ образомъ и сказалъ испуганнымъ чиновникамъ, что у нихъ страшный безпорядокъ: образъ весь загаженъ мухами. „Подайте мнѣ: я вамъ покажу, какъ чистятъ ризу!“ Онъ вычистилъ его, перекрестился и поставилъ его въ углу. „Я вамъ перемѣню кіоту, за стекломъ мухи не заберутся, и вы молитесь; все у васъ будетъ въ порядкѣ!“ Онъ ничего не смотрѣлъ, къ великой радости оторопѣлыхъ чиновниковъ; съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ и, возвратившись, разсказалъ *женѣ*, что все тамъ въ порядкѣ“[3]).

Къ этимъ краснорѣчивымъ строкамъ прибавлять нечего; развѣ упомянемъ о томъ, что покойная Анна Васильевна Гоголь разсказывала намъ со словъ брата, что А. П. Толстой носилъ тайно вериги[4]).

---

[1]) Иванъ Петровичъ Толстой, братъ Александра Петровича; см. Соч. и письма Гоголя, VI, 362.

[2]) А. П. Толстой былъ губернаторомъ въ Одессѣ и Твери; А. О. Смирнова говоритъ впрочемъ, что онъ былъ губернаторомъ и въ Калугѣ; см. «Русскій Арх.». 1895, VIII, 460, примѣчаніе.

[3]) «Русскій Архивъ», 1895, VIII, 459—461.

[4]) Объ А. П. Толстомъ см. статью Т. И. Филиппова въ «Гражданинѣ». 1874, № 4, стр. 112.

Жуковскій въ разсматриваемое время колебался между страстнымъ желаніемъ возвратиться въ Россію и привязанностью къ своему изящному и мирному франкфуртскому уголку. Въ его года привычка къ извѣстному кругу друзей и знакомыхъ и къ опредѣленной обстановкѣ становится обыкновенно очень сильна. Справедливость этого замѣчанія можно видѣть и на Гоголѣ, который сдѣлался теперь желаннымъ и почти необходимымъ членомъ его семьи. Еще во второй половинѣ 1845 г. Жуковскій, соскучившись по немъ, самымъ радушнѣйшимъ образомъ приглашалъ къ себѣ во Франкфуртъ, говоря: „А отъ насъ“ (т.-е. отъ него и его жены) „вотъ какое предложеніе: возвращайтесь прямо къ намъ и поселитесь опять у насъ въ домѣ; вамъ съ вашей теперешней слабостью разъѣзжать по свѣту не можно. Подлѣ насъ Коппъ; да и въ моемъ домѣ, хотя вамъ часто бываетъ и пусто, вы будете посреди своихъ; о васъ будетъ дружеское сердечное попеченіе. Жена этого требуетъ отъ васъ съ величайшею о васъ заботой и вы не должны отказать въ ея просьбѣ. Прошу васъ скорѣе рѣшиться и къ намъ пріѣхать на житье. Не хотите ли, чтобы я къ вамъ прислалъ Даніила, чтобы онъ препроводилъ изъ Грефенберга во Франкфуртъ? Однимъ словомъ, пріѣзжайте непремѣнно; у насъ ждетъ васъ пріютъ родной и вамъ у насъ будетъ спокойно и беззаботно“ [1]). Гоголь былъ очень растроганъ этимъ задушевнымъ тономъ приглашенія, но воспользоваться имъ не могъ по своему постоянному влеченію въ Римъ, куда онъ отправлялся каждый разъ, когда обстоятельства складывались благопріятнымъ для того образомъ.

Содержаніе переписки Гоголя съ Віельгорскими въ первой половинѣ 1846 г. было такъ же безцвѣтно, какъ и переписка съ Смирновой. Единственно, что̀ нѣсколько разнообразило ее въ данное время, были вопросы Віельгорскихъ и отзывы Гоголя о романѣ Достоевскаго, о піесахъ Соллогуба. При всемъ своемъ отчужденіи отъ текущей русской литературы

---

[1]) Сборникъ Общества Любител. Россійской Слов., 1891, 17 стр. Жуковскому въ это время самому долго не удавалось жить въ семьѣ вслѣдствіе продолжительваго пребыванія въ Нюренбергѣ, гдѣ онъ ожидалъ пріѣзда императрицы. См. Соч. Жук., изд. 7-е, т. VI, стр. 526—527 и «Русск. Стар.», 1890, VI, стр. 649.

Гоголь не переставалъ на ряду съ духовно-религіознымъ чтеніемъ отъ времени до времени обращаться и къ чтенію „бѣсовскому“, по оригинальной терминологіи Жуковскаго, т.-е. къ свѣтскому. Очень часто Гоголь убѣдительно просилъ прислать ему нѣсколько новыхъ книгъ и особенно интересовался дѣятельностью молодыхъ беллетристовъ, о которыхъ онъ высказалъ потомъ свое мнѣніе въ обширномъ письмѣ къ Плетневу по поводу „Современника“. „Бѣдные Люди“ Достоевскаго, при самомъ бѣгломъ ознакомленіи съ ними, вызвали у Гоголя нѣсколько очень мѣткихъ и дѣльныхъ замѣчаній[1]). Про-

---

[1]) Появленіе въ печати «Бѣдныхъ Людей», обративъ общее вниманіе на повѣсть, заставило многихъ видѣть въ молодомъ авторѣ подражателя Гоголя. Такъ Плетневъ писалъ Гроту отъ 30 января 1846 г.: «Я купилъ «Петербургскій Сборникъ», чтобы сказать о немъ слова два въ № 2 «Современника». Это альманахъ, изданный Некрасовымъ, гдѣ вся шайка Соллогуба, Краевскаго и Бѣлинскаго. Тамъ и хваленый романъ Достоевскаго «Бѣдные Люди». Онъ мнѣ почти не понравился, кромѣ одного мѣста. Все на тонъ Гоголя и Квитки» (см. «Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 663). Извѣстно также, что, когда Некрасовъ принесъ ему экземпляръ «Бѣдныхъ Людей» и провозгласилъ: Новый Гоголь явился», то Бѣлинскій возразилъ ему: «У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ!» (см. Соч. Достоевскаго, изд. посмертное (1883 г.), т. 1, стр. 59; Пыпина, «Бѣлинскій. Его жизнь и переписка», т. II, стр. 246.) Изъ отзывовъ людей совершенно противоположныхъ взглядовъ см. напр. «Сѣв. Пчелу», 1847, № 81, стр. 332. «С.-Петербургскій Вѣстникъ» вышелъ 15 января 1846 г. (см. Соч. Достоевскаго, изд. 1883 г., т. I, письма, стр. 43; тамъ Достоевскій пишетъ (стр. 44) брату: «Представь себѣ, что наши всѣ и даже Бѣлинскій нашли, что я далеко ушелъ отъ Гоголя». «Во мнѣ находятъ новую оригинальную струю (Бѣлинскій и проч.), состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезомъ, т.-е. иду въ глубину и, разбирая по атомамъ, отыскиваю цѣлое, Гоголь же беретъ прямо цѣлое и оттого не такъ глубокъ, какъ я. Прочтешь и самъ увидишь. А у меня будущность преблистательная, братъ!» Затѣмъ онъ прибавляетъ о «Двойникѣ»: «Голядкинъ въ десять разъ выше «Бѣдныхъ Людей». Наши говорятъ, что послѣ «Мертвыхъ Душъ» на Руси не было ничего подобнаго, что произведеніе геніальное и проч.»). Гоголь же такъ отозвался о «Бѣдныхъ Людяхъ» въ письмѣ къ А. М. Віельгорской: «Бѣдные Люди» (sic) я только начало прочелъ, страницы три и заглянулъ въ середину, чтобы видѣть складъ и замашку рѣчи новаго писателя. Въ авторѣ «Бѣдныхъ Людей» виденъ талантъ; выборъ предметовъ говоритъ въ пользу его качествъ душевныхъ; но видно также, что онъ молодъ. Много еще говорливости, а мало сосредоточенности въ себѣ; все бы сказалось гораздо живѣе и сильнѣе, если бы было болѣе сжато. Впрочемъ, я это говорю не прочитавши, а перелистнувши» («Вѣстн. Европы», 1889 г., XI, стр. 106). О «Двойникѣ» мы не имѣемъ отзывовъ Гоголя; но изъ слѣдующихъ строкъ письма Плетнева Гроту (отъ 9 февраля 1846 г.) видимъ, что сравненіе съ Гоголемъ опять напрашивалось на языкъ даже людямъ, ставившимъ автора значительно ниже Гоголя: «Мы читали новый романъ Достоевскаго изъ 2 № «Отечественныхъ Записокъ» — пишетъ Плетневъ: «И это мнѣ не понравилось, хоть та-

должались въ письмахъ Віельгорскихъ и сообщенія объ ихъ обыденной жизни, при чемъ Анна Михайловна жаловалась на пустоту петербургскаго beau mond'а, жалѣла о Павлинѣ

лантъ виденъ. *Онъ гоняется за Гоголемъ*. Тутъ онъ вывелъ сумасшедшаго и видно, что хотѣлъ уничтожить Гоголя «Записки Сумасшедшаго» («Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 671). Языковъ, въ свою очередь, спрашивалъ у Гоголя: «Въ Питерѣ, по мнѣнію «Отечеств. Записокъ», явился новый геній — какой-то Достоевскій; повѣсть его найдешь ты въ сборникѣ Некрасова» (См. «Русск. Стар.», 1896, XII, 640 и 644).

Изъ другихъ новыхъ писателей подражателемъ Гоголя считали Соллогуба (см. напр. «Переписку Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 327, 441, 716 и проч.).

Укажемъ здѣсь, что, кромѣ Достоевскаго, Гоголь познакомился также и съ другими молодыми литераторами, напр. съ Тургеневымъ (см. воспоминанія о Гоголѣ Тургенева въ собраніи сочиненій; (посмертное изданіе 1883 г., т. I, стр. 68—76). О произведеніи Тургенева «Нахлѣбникъ» Гоголь отозвался однажды, что это «пьеса съ причиной» (см. Соч. Ап. Григорьева, т. I, стр. 350). Однажды также Гоголь писалъ Анненкову: «Изобразите мнѣ портретъ этого молодого Тургенева, чтобы я получилъ о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ; какъ писателя я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что̀ я прочелъ, талантъ въ немъ замѣчательный, который обѣщаетъ большую дѣятельность въ будущемъ» («Анненковъ и его друзья», 508—509).

О восхищеніи Гоголя извѣстнымъ стихотвореніемъ Майкова «Ахъ, чудное небо, ей Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!» см. въ разсказѣ Г. П. Данилевскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1886 г., т. XII, стр. 478).

Любопытенъ также отзывъ Н. М. Языкова въ одномъ изъ писемъ къ Гоголю о только-что начавшейся литературной дѣятельности Я. П. Полонскаго: «Я послалъ къ тебѣ и стихотворенія Хомякова и гимны Полонскаго. Полонскій — малый съ талантомъ; жаль только, что у него направленіе новомодное, отчаянное; но это, вѣроятно, пройдетъ съ лѣтами» («Русск. Стар.», 1896 г., XI, стр. 629). Къ сожалѣнію, Гоголь въ отвѣтныхъ письмахъ нигдѣ не высказываетъ мнѣнія своего о талантѣ Полонскаго, но онъ считалъ образцовымъ его стихотвореніе «Пришли и стали тѣни ночи» (Соч. Гог., изд. X, т. VI, стр. 762), а равно и «Лучшій перлъ таится» Жадовской и нѣкоторыя другія стихотворенія молодыхъ тогда поэтовъ (тамъ же). Съ мнѣніемъ его о талантѣ И. С. Аксакова мы уже знакомы (см. выше, стр. 175, примѣч. 1 и «Русск. Стар.», 1896 г., XII, 630—631 и 639). Наконецъ Гоголь интересовался повѣстью П. А. Кулиша и драмой Гедеонова (см. «Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 640 и 647 и Соч. и письма Гоголя, т. VI, 301).

О нашемъ предположеніи, что «Ученая книга словесности» была написана въ промежуткѣ отъ 1844 до 1846 г., см. соч. Гог. изд. X, т. VI, стр. 761—766.

О Лермонтовѣ Гоголь какъ извѣстно, отзывался, что въ немъ «готовился будущій великій живописецъ русскаго быта» (Соч. Гог. изд. X, т. IV, стр. 205).

Кстати отмѣтимъ, что въ 35 № «Порядка» (1881) есть свѣдѣніе о знакомствѣ Гоголя съ С. Бёвомъ, знаменитымъ французскимъ критикомъ; тамъ же приводится и отзывъ послѣдняго о Гоголѣ на основаніи «Premiers Lundis», III, 24. Paris 1878. Это знакомство произошло уже послѣ перевода его сочиненій Віардо и его критич. статьи о Гоголѣ; замѣтка относится къ 1 декабря 1845 г. (О критической

и проч. Наконецъ переписка коснулась болѣе серіозныхъ вопросовъ, но это находится уже въ связи съ дальнѣйшими событіями жизни Гоголя.

LXXI.

Въ концѣ 1846 года Гоголь былъ занятъ постановкой на сцену „Ревизора" въ исправленномъ видѣ съ присоединеніемъ „Развязки Ревизора". Послѣдняя, подобно „Перепискѣ съ друзьями", заключала въ себѣ отраженіе тогдашняго его

статьѣ С. Бёва на сочиненія Гоголя см. отзывъ А. О. Смирновой въ «Перепискѣ Я. К. Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 931). Приводимъ изъ газеты «Порядокъ» переводъ названнаго мѣста изъ «Premiers Lundis» и замѣчанія по этому поводу: «При разборѣ перевода повѣстей Ник. Гоголя, Сентъ-Бёвъ (1 декабря 1845 г.) говоритъ объ упадкѣ первостепенныхъ литературныхъ силъ въ Англіи, Германіи и Италіи. «Съ Россіею же», продолжаетъ онъ, «даже въ то время, когда въ ней были такіе поэты, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, мы, за недосугомъ, никогда не ознакомливались хорошенько и въ этомъ мы не правы. Нынѣ рѣчь идетъ о романистѣ, повѣствователѣ, имя котораго весьма уважаемо на родинѣ, во Франціи же вовсе неизвѣстно. До перевода г. Віардо едва ли какой-нибудь французъ прочелъ оригинальныя произведенія Гоголя. Въ такомъ же положеніи былъ и я. Однако, на моей сторонѣ есть преимущество, на которомъ я настаиваю. Я нѣсколько времени тому назадъ» (здѣсь примѣчаніе газеты «Порядокъ»: «Не въ 1843 ли году, когда Гоголь пробылъ въ Римѣ съ января по мартъ, а лѣто — на водахъ въ Германіи?») «на пароходѣ, во время переѣзда изъ Рима въ Марсель, встрѣтилъ автора. При этомъ случаѣ, разговоръ его, полный силы (доводовъ), отличающійся тонкостью и богатствомъ наблюденій надъ нравами и фактами дѣйствительной жизни, — далъ мнѣ возможность схватить на лету (saisir un avant-goût), предвкусить, такъ сказать, всю оригинальность и реализмъ его сочиненій. Г. Гоголь, какъ видно, прежде всего заботится о вѣрности въ изображеніи нравовъ, о правдивости въ воспроизведеніи жизни, о естественности — будь это въ настоящемъ или въ историческомъ прошедшемъ; его интересуетъ народный геній, и куда бы ни устремлялся взоръ, онъ любитъ открывать присутствіе этого генія и изучать его. Такъ г. Гоголь сообщилъ мнѣ, что онъ отыскалъ въ Римѣ истиннаго поэта, по имени Белли, который пишетъ сонеты на транстеверинскомъ нарѣчіи, но сонеты, связанные содержаніемъ и составляющіе поэмы. Г. Гоголь говоритъ, *обнаруживая такое основательное знаніе предмета,* что убѣдилъ меня въ оригинальномъ и крупномъ дарованіи этого Белли, котораго всѣ путешественники совершенно игнорировали... Мнѣ приводилось слышать, что умные люди сравнивали г. Гоголя съ Мериме и находили между ними сходство. Сравненія эти всегда рискованны и даютъ лишь отдаленное и приблизительное понятіе. Но вѣрно то, что г. Гоголь менѣе озабоченъ идеализаціей, что онъ не отступаетъ передъ грубыми и нагими сторонами дѣйствительности, и, ни мало не робѣя, рѣзко и глубоко проникаетъ въ ея нутро («ne fait nulle difficulté d'enfoncer le trait»); онъ больше всего интересуется природою и, вѣроятно, много читалъ Шекспира».

нравственнаго состоянія и должна была имѣть значеніе задушевной рѣчи, обращенной ко всему обществу[1]). Въ изданіи въ свѣтъ обоихъ трудовъ Гоголь видѣлъ исполненіе таинственной миссіи, къ которой считалъ себя предназначеннымъ свыше. Чтобы лучше осуществить свою мысль, онъ привлекъ къ участію въ дѣлѣ всѣхъ близкихъ и преданныхъ людей, въ число которыхъ были включены, разумѣется, и Віельгорскіе. Цѣлый длинный рядъ дѣловыхъ писемъ, относившихся къ „Развязкѣ Ревизора", начался съ письма его къ М. С. Щепкину, которому было подробно разъяснено, какую цѣль имѣлъ въ виду авторъ. Гоголь хотѣлъ, чтобы каждое слово его пьесы было понято и прочувствовано артистами, чтобы не пропало даромъ ни малѣйшаго художественнаго штриха, и сильно боялся искаженій. „Прежде чѣмъ давать пьесу разучивать актерамъ", — писалъ онъ Щепкину, — „вчитайтесь въ нее хорошенько сами и войдите въ значеніе и крѣпость всякаго слова, всякой роли, такъ, какъ бы вамъ пришлось всѣ эти роли сыграть самому, и когда всѣ войдутъ онѣ вамъ въ голову, соберите актеровъ, прочитайте имъ, и прочитайте раза три, четыре или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькія и по нѣскольку строчекъ. Строчки эти должны быть сказаны твердо, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ истинѣ"[2]). На Щепкина возложено было, кромѣ того, ходатайство передъ театральной цензурой о пропускѣ пьесы, для чего Гоголь поручалъ ему нарочно съѣздить въ Петербургъ. Въ то же время заботы о раздачѣ вырученныхъ отъ продажи денегъ нуждающимся, согласно желанію Гоголя, кромѣ опять-таки Щепкина, взяли на себя Михаилъ Юрьевичъ и Анна Михайловна Віельгорскіе. При этомъ въ письмѣ Щепкину Гоголь ясно высказалъ, какія надежды возлагалъ онъ на содѣйствіе послѣдней: „У графа Віельгорскаго, Михаила Юрьевича, побывайте, повидайтесь также съ меньшой дочерью его, графиней Анной Михайловной. Скажите ей, что я непремѣнно приказалъ вамъ къ ней явиться, и разскажите ей обо всемъ относительно постановки „Ревизора". Она будетъ хлопотать о многомъ лучше мужчинъ"[3]). Послѣ, когда дѣло разстроилось,

---

[1]) См. примѣч. Тихонравова (Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 690 и 692).

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 276.

[3]) Тамъ же, стр. 278.

Гоголь все-таки говорилъ: „Этого дѣла никто бы умнѣе ея не могъ произвесть“[1]). Анна Михайловна выразила полную готовность исполнить желаніе Гоголя, но остановка была сначала за ея сотрудниками; Вяземскимъ, Россетомъ и Мухановымъ, изъ которыхъ ни одного не оказалось въ данный моментъ въ Петербургѣ; затѣмъ только-что она приготовилась дѣйствовать, какъ вдругъ получила новое распоряженіе, заключавшее въ себѣ отмѣну предыдущаго: Гоголь откладывалъ печатаніе и постановку на сцену „Ревизора“. Причинами новаго рѣшенія Гоголя были доводы Шевырева, что пьесу ставить рано, и внезапная болѣзнь Щепкина, принятая за ясное указаніе воли Божіей, чтобы пьеса была отложена. Теперь Гоголь писалъ Щепкину: „Дѣло будетъ не понято публикой нашей въ надлежащемъ смыслѣ, оно выйдетъ просто дрянь, отъ дурной постановки піесы и плохой игры нашихъ актеровъ“[2]).

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Распоряженія Гоголя всюду произвели самое невыгодное впечатлѣніе, всѣхъ затруднили и удивили. Прежде всего „Развязка“ произвела самое неблагопріятное впечатлѣніе въ Москвѣ, гдѣ къ участію въ хлопотахъ объ этой пьесѣ былъ привлеченъ Шевыревъ, подобно тому, какъ въ Петербургѣ привлекался Плетневъ. С. Т. Аксаковъ въ ноябрѣ 1846 года извѣщалъ своего сына, Ивана Сергѣевича: „Я написалъ и послалъ сильный протестъ къ Плетневу, чтобы не выпускалъ въ свѣтъ новой книги Гоголя[3]), которая состоитъ изъ отрывковъ писемъ его къ друзьямъ... *Требую также, чтобы не печатать „Предувѣдомленія“ къ пятому изданію „Ревизора“; ибо все это съ начала до конца ложь, дичь и нелѣпость, и, если будетъ обнародовано, сдѣлаетъ Гоголя посмѣшищемъ всей Россіи.* То же самое объявилъ я Шевыреву. Не обязывая ихъ къ полному согласію со мною, я убѣждаю ихъ написать Гоголю, съ совершенною откровенностью, что̀ они думаютъ. Самъ я началъ диктовать большое письмо къ Гоголю, гдѣ я высказываю ему безпощадную правду... Если Гоголь не послушаетъ насъ, то я предлагаю Плетневу и Шевыреву отка-

[1]) Тамъ же, стр. 322.

[2]) Тамъ же, VI, 313.

[3]) Разумѣется «Переписка съ друзьями».

заться отъ исполненія его порученія: пусть онъ находитъ себѣ другихъ палачей“ [1]). Дѣйствительно, всѣ были поражены и прежде всѣхъ былъ поставленъ въ немалое затрудненіе самъ Щепкинъ, апоѳеозомъ которому должна была явиться „Развязка“. Письмо къ нему было вложено въ одинъ конвертъ съ письмомъ къ Шевы еву, отъ котораго оно и было имъ получено. Тамъ Щепкинъ прочелъ между прочимъ слѣдующія строки: „вы должны взять въ свой бенефисъ „Ревизора“ въ его полномъ видѣ, то-есть слѣдуя тому изданію, которое напечатано въ полномъ собраніи моихъ сочиненій, *съ прибавленіемъ хвоста, посылаемаго мною теперъ*“... „Развязку“ нужно будетъ переписать, потому что, кромѣ экземпляра, нужнаго для театральной цензуры, другой будетъ нуженъ для подписанія цензору Никитенкѣ[2]), которому отдастъ Плетневъ, ибо „Ревизоръ“ долженъ напечататься отдѣльно съ „Развязкой“[3]), ко дню представленія и продаваться въ пользу бѣдныхъ, о чемъ вы *при вашемъ вызовѣ*, по окончаніи всего, должны возвѣстить публикѣ, что не благоугодно ли ей, ради такой богоугодной цѣли, *сей же часъ по выходѣ изъ театра* купить „Ревизора“ *въ театральной же лавкѣ*; а кто разохотится дать больше означенной цѣны, тотъ бы *покупалъ ее прямо изъ вашихъ рукъ для бо́льшей вѣрности*“. Все это не могло не быть крайне стѣснительно и неловко для Щепкина; артисту поручалось притомъ взять на себя исполненіе совершенно невѣроятной роли, въ которой онъ долженъ былъ выступить передъ публикой уже не какъ художникъ, но какъ проповѣдникъ, и въ добавокъ здѣсь же долженъ былъ *по пьесѣ* получить трофей отъ артистовъ и публики. Все это было не только неприлично, но и въ высшей степени рискованно какъ для автора, такъ и для артиста,

---

1) «Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 403—404.

2) Какъ видимъ изъ недавно вышедшихъ книгъ «Переписки Грота съ Плетневымъ», послѣдній и раньше бывалъ посредникомъ въ сношеніяхъ Гоголя съ Никитенкомъ. См. «Переписку Грота съ Плетневымъ», т. I, стр. 474, 489, 634 и 640. Въ послѣднемъ изъ названныхъ писемъ между прочимъ читаемъ: «Пришелъ ко мнѣ Никитенко и показалъ письмо изъ Рима отъ Гоголя въ которомъ разсыпается передъ нимъ въ комплементахъ, потому что Никитенко цензируетъ его сочиненія. Я краснѣлъ за униженіе, до котораго въ нынѣшнее время доведены цензурою авторы. Что если нѣкогда это письма Никитенко напечатаетъ въ своихъ мемуарахъ?“.

3) Въ недавнее время письма Гоголя къ Никитенку напечатаны въ «Русской Старинѣ» (1896, XII, стр. 950—957; послѣднее письмо относится къ 1846 г.).

такъ какъ, безъ сомнѣнія, могло быть встрѣчено публикой съ величайшимъ замѣшательствомъ и недоумѣніемъ, что̀ совершенно убило бы заранѣе подготовленный эффектъ. Гоголь даже самъ предчувствовалъ трудность навязываемой Щепкину неловкой роли[1]), но предполагалъ совершенно другія опасности и смотрѣлъ совершенно съ другой точки зрѣнія: ему казалось, что Щепкинъ можетъ испортить дѣло развѣ въ томъ случаѣ, если расчувствуется раньше, чѣмъ успѣетъ тронуть зрителей. „Старайтесь произносить всѣ ваши слова какъ можно тверже и покойнѣе, какъ бы вы говорили о самомъ простомъ, но весьма нужномъ дѣлѣ. Храни васъ Богъ слишкомъ расчувствоваться. *Вы расхныкаетесь, и выйдетъ у васъ чортъ знаетъ что̀.* Лучше старайтесь такъ произнести слова, самыя близкія къ вашему собственному состоянію душевному, чтобы зритель видѣлъ, что вы стараетесь удержать себя отъ того, чтобы не заплакать, а не въ самомъ дѣлѣ заплакать. Впечатлѣніе будетъ оттого нѣсколько разъ сильнѣй“[2]).

Съ обычной своей осторожностью и мягкостью въ выраженіяхъ Шевыревъ, на котораго письмо Гоголя произвело впечатлѣніе, сходное съ впечатлѣніями Аксакова и Щепкина, хотя въ гораздо меньшей степени, такъ какъ онъ находилъ въ ней и глубокія мѣста, возражалъ Гоголю по поводу полученнаго порученія: „Если бы даже пьеса и не была сыграна, то напечатанная она будетъ памятникомъ, тобою воздвигнутымъ въ честь нашего истиннаго перваго комическаго актера. *Но предлагая ему эту пьесу въ бенефисъ не подвергаешь ли ты его скромность искушенію?* Самъ хозяинъ бенефиса предложитъ актерамъ и публикѣ пьесу, въ которой будутъ вѣнчать его?!“[3]).

Тѣмъ не менѣе Шевыревъ 31 октября обратился къ Плетневу съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

Милостивый государь
Петръ Александровичъ,

Передъ вами два экземпляра „Развязки Ревизора“. Гоголь желаетъ, чтобы Щепкинъ далъ въ свой бенефисъ „Ревизора“

[1]) Въ Петербургѣ эту роль Гоголь возлагалъ на И. И. Сосницкаго („Русск. Стар.“, 1872, VIII, стр. 443).
[2]) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 274—276.
[3]) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893, стр. 30.

въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ его сочиненіяхъ съ „Развязкою", которая передъ вами. Васъ и графа М. Ю. Віельгорскаго поручаетъ онъ ему просить о томъ, чтобы вы похлопотали о томъ, гдѣ слѣдуетъ. Проситъ онъ и самъ Гедеонова *отъ своего имени крѣпко*[1]), если тотъ Гедеоновъ цензоруетъ піесы для театра, который былъ въ Петербургѣ[2]) съ графомъ Васильевымъ; передайте ему эту просьбу, если вы съ нимъ знакомы. О графѣ Віельгорскомъ я пишу къ Веневитинову[3]); но вы, вѣроятно, и сами съ нимъ знакомы. Одинъ экземпляръ „Развязки" назначается для сценической цензуры, другой — для типографской. Гоголь просилъ о сей послѣдней Никитенко. Щепкинъ самъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, но не можетъ: онъ боленъ, по возвращеніи своемъ изъ Крыма и просилъ меня распорядиться всѣмъ этимъ. Гоголь желаетъ, чтобы все это оставалось между нами въ совершенной тайнѣ. Итакъ, просимъ васъ сберечь эту тайну, сколько она отъ васъ зависитъ; но, конечно, за двѣ цензуры вамъ поручиться трудно.

---

1) Курсивъ Шевырева. Выраженіе это *въ точности приведено* изъ письма Гоголя къ Щепкину, гдѣ между прочимъ читаемъ: «Вы сами непремѣнно должны съѣздить въ Петербургъ, чтобы ускорить *личнымъ присутствіемъ* ускореніе (sic.) цензурнаго разрѣшенія. Не знаю, кто театральный цензоръ. Если тотъ самый Гедеоновъ, который былъ въ Римѣ съ графомъ Васильевымъ и съ которымъ я тамъ познакомился, то *попросите его отъ моего имени крѣпко*. Во всякомъ случаѣ обратитесь по этому дѣлу къ Плетневу и графу М. Ю. Віельгорскому, которымъ все объясните и которыхъ участіе можетъ оказаться нужнымъ» (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 275). Любопытно здѣсь, какъ отнеслись къ просьбѣ Гоголя Щепкинъ и Шевыревъ и какъ измѣнились отношенія Гоголя къ Гедеонову. Щепкинъ, не поѣхавъ по болѣзни, согласно просьбѣ Гоголя, въ Петербургъ, чтобы хлопотать лично, по нелюбви къ письменнымъ сношеніямъ съ мало знакомыми лицами, поручилъ Шевыреву написать за себя Плетневу; Шевыревъ, въ свою очередь, не вполнѣ сочувствуя порученію и отговаривая Гоголя отъ его намѣреній въ собственномъ письмѣ, по обыкновенію оказывается точнымъ и исполнительнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ Плетневымъ, какъ во всякихъ другихъ, не позволяя себѣ поступить такъ прямо и рѣшительно, какъ совѣтовалъ ему Аксаковъ. Гоголь же въ своемъ порученіи къ Гедеонову послѣ сдѣланнаго въ Римѣ личнаго знакомства и въ минуту нужды въ немъ сильно измѣняетъ тонъ противъ того, какимъ онъ говорилъ о немъ нѣсколько лѣтъ назадъ, когда требовалъ отъ Щепкина, чтобы послѣдній объяснилъ Гедеонову, что авторъ «не давалъ никакого позволенія *этому корсару* (перетаскивать его сочиненія на сцену), котораго даже никто не знаетъ» (Соч. и письма Гог., т. V, стр. 501).

2) Здѣсь Шевыревъ дѣлаетъ ошибку; слѣдовало написать: въ Римѣ; см. выше.

3) Алексѣю Владиміровичу, мужу старшей дочери Віельгорскаго.

Третьяго дня я отправилъ къ вамъ экземпляръ „Мертвыхъ Душъ". „Развязку" надобно прочесть нѣсколько разъ, чтобы вникнуть въ смыслъ ея. Въ ней много глубокаго"[1]).

Между тѣмъ С. Т. Аксаковъ исполнилъ свое предположеніе написать отповѣдь Гоголю по поводу „Развязки Ревизора:" „Другъ мой, гдѣ же то христіанское смиреніе, которое велитъ дѣлать такъ, чтобы шуйца не вѣдала, что̀ творитъ десница? Вы всенародно, въ услышаніе всей Россіи, устраиваете свое благотворительное общество, назначаете поименно[2]) членовъ онаго и съ подробностью предписываете ихъ образъ дѣйствій, невозможный въ исполненіи, несообразный ни съ чѣмъ до послѣдней крайности. Какъ вы могли подумать, что лица, назначаемыя вами, особенно женщины, могли быть такъ неразборчивы, такъ нескромны, что согласились бы принять публичныя обязанности благотворенія, вами на нихъ возлагаемыя?... Разумѣется, никто не согласится, и ваше „Предувѣдомленіе" уничтожается само собою. Но гдѣ же вашъ прежній, ясный и здравый взглядъ на публичность, гласность въ дѣлѣ благотворенія? Давно ли вы сами поручали такія дѣла Шевыреву и мнѣ подъ условіемъ глубокой тайны?[3]) Этой тайны не знаютъ даже наши семейства. Наконецъ обращаюсь къ послѣднему вашему дѣйствію къ новой развязкѣ „Ревизора". Не говорю о томъ, что тутъ нѣтъ никакой развязки, да и нѣтъ въ ней никакой надобности; но подумали ли вы о томъ, какимъ образомъ Щепкинъ, давая себѣ въ бенефисъ „Ревизора", увѣнчаетъ самъ себя какимъ-то вѣнцомъ, поднесеннымъ ему актерами. Вы позабыли всякую человѣческую скромность. Вы позабыли, вы уже не знаете, какъ приняла бы все это русская образованная публика. Вы позабыли, что мы не французы, которые готовы безсмысленно восторгаться отъ всякой эффектной церемоніи. Но мало этого. Скажите мнѣ, ради Бога, положа руку на сердце: неужели ваши объясненія „Ревизора" искренни? Неужели вы, испугавшись нелѣпыхъ толкованій невѣждъ и дураковъ, сами святотатственно посягаете на искаженіе своихъ живыхъ, творческихъ созданій, называя ихъ аллегорическими лицами? Неужели вы не

---

1) См. «Переписку Грота съ Плетневымъ», т. II, 960—961.

2) См. Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 340.

3) См. Соч. и письма Гоголя, т. VI. стр. 123.

видите, что аллегорія внутренняго города не льнетъ къ нимъ, какъ горохъ къ стѣнѣ, что названіе Хлестакова „свѣтскою совѣстью“ не имѣетъ смысла, ибо принятіе Хлестакова за ревизора есть случайность?“ [1]) и проч.

Письмо это было написано 9 декабря 1846 г., а 22 мая 1847 г. собрался наконецъ написать Гоголю отвѣтъ и Щепкинъ. Изъ этого замѣчательнаго письма приведемъ слѣдующія строки: „По выздоровленіи, прочтя ваше окончаніе „Ревизора“, я бѣсился на самого себя, на свой близорукій взглядъ, потому что до сихъ поръ я изучалъ всѣхъ героевъ „Ревизора“, какъ живыхъ людей; я такъ много видѣлъ знакомаго, такъ родного, и такъ свыкся съ городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіе десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще, это было бы дѣйствіе безсовѣстное. Чѣмъ вы ихъ мнѣ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ и вообще всѣхъ людей. Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это де не чиновники, а наши страсти; нѣтъ, я не хочу этой передѣлки; это люди настоящіе, живые люди, между которыми я возросъ и почти состарѣлся. Видите ли, какое давнее знакомство? Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человѣкъ въ одно сборное мѣсто, въ одну группу, съ этими въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую! Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ; а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ“ [2]).

Все въ совокупности наконецъ подѣйствовало на Гоголя. С. Т. Аксаковъ впослѣдствіи писалъ: „Если мое письмо и поколебало Гоголя, то онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться; а что онъ поколебался, это доказывается отмѣненіемъ нѣкоторыхъ распоряженій его, связанныхъ съ изданіемъ „Развязки Ревизора“ [3]).

Въ немалое изумленіе былъ затѣмъ повергнутъ просьбами

---

[1]) См. «Русск. Архивъ», 1890, VIII, стр. 159—160.

[2]) «Записки и письма М. С. Щепкина», стр. 190—191.

[3]) См. «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 156—157; «Записки о жизни Гоголя», т. II, стр. 96—97 и Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 690; см. также «Дополненіе къ «Развязкѣ Ревизора» Соч. Гог., изд. X, т. VI, стр. 259—264 и примѣчанія къ нему — т. VI, 677—680.

Гоголя и А. О. Россетъ, котораго также предполагалось привлечь къ дѣлу о раздачѣ денегъ бѣднымъ. Онъ писалъ 30 ноября А. О. Смирновой: „Прилагаю письмецо отъ Гоголя; жалуется на твое молчаніе. Онъ прислалъ сюда прибавленіе къ „Ревизору“. Вырученныя деньги продажею новаго „Ревизора“ пожертвовалъ въ пользу бѣдныхъ, но какъ-то страннымъ образомъ: устроилъ подъ предсѣдательствомъ графини Нози“ (т.-е. Анны или Анолины Михаиловны Віельгорской) „комитетъ, въ который включилъ меня и Самарина; мы должны непремѣнно собираться въ 11 часовъ и разсуждать объ употребленіи суммы. Это всѣхъ здѣсь немного удивило; не знаю, какъ отвѣчать ему на это, тѣмъ болѣе, что Гедеоновъ не взялъ на сцену прибавленія, а сумма, вѣроятно, будетъ ничтожная“[1]). — Такимъ образомъ повторилось опять почти то же, что года два назадъ поразило Плетнева по поводу такого же на половину фантастическаго проекта относительно вспомоществованія бѣднымъ студентамъ черезъ инспектора студентовъ Фицтума,[2]) когда на вопросъ Грота: „Какое же Гоголю нужно вспоможеніе, когда онъ безпрестанно назначаетъ пожертвованія въ пользу студентовъ?“[3]) Плетневъ отвѣтилъ: *„Гоголя пожертвованіе есть фантазія. Оказалось, что денегъ въ сборѣ никакихъ нѣтъ“*[4]).

LXXII.

Между тѣмъ Гоголь возлагалъ на Шевырева и переизданіе „Мертвыхъ Душъ“[5]), которыя должны были выдти вновь

---

1) «Русскій Архивъ», 1896, III, стр. 363.

2) Объ участіи Фицтума въ раздачѣ денегъ студентамъ см. «Историч. Вѣстникъ», 1886, XII, 486.

3) «Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 412.

4) Тамъ же, стр. 413. — Объ прежнемъ участіи Плетнева въ книжныхъ дѣлахъ Гоголя, см. «Переписку», т. I, стр. 629, 650 и проч.

5) Еще гораздо раньше ходили слухи о томъ, что Гоголь хочетъ приступить ко второму изданію своей поэмы. Такъ въ 1842 г. В. П. Боткинъ писалъ А. А. Краевскому: «Не забудьте сказать Бѣлинскому, что я, положась на слова Грановскаго, навралъ ему насчетъ второго изданія «Мертвыхъ Душъ». Все это вздоръ, и мнѣ очень досадно, что я было повѣрилъ ему». (Отчетъ Импер. Публич. Библіотеки за 1889 г., стр. 52). Можетъ быть, въ основаніи этого слуха была ошибка, заключавшаяся въ томъ, что новое изданіе «Мертвыхъ Душъ» смѣшали съ первымъ полнымъ собраніемъ сочиненій Гоголя, такъ какъ вскорѣ Боткинъ

одновременно съ „Выбранными мѣстами“. 5 октября 1846 г. онъ писалъ ему: „*Печатать* „Переписку“ *я долженъ былъ въ Петербургѣ* по причинамъ, которыя можешь смекнуть и самъ, по причинѣ близости цензурныхъ непосредственныхъ и высшихъ разрѣшеній. Въ это дѣло, кромѣ Плетнева и цензора, не введенъ никто, а поэтому ты и не сообщай о немъ никому, кромѣ развѣ Языкова, который имѣетъ одинъ объ этомъ свѣдѣніе, и то потому, что нѣчто изъ писемъ, мною къ нему писанныхъ, поступило на выборъ. Изъ этой книги ты увидишь, что жизнь моя была дѣятельна даже и въ болѣзненномъ моемъ состояніи, хотя на другомъ поприщѣ, которое есть, впрочемъ, мое законное поприще, и что великъ Богъ въ своихъ небесныхъ милостяхъ. Но обо всемъ этомъ послѣ. Можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, то есть, если не въ концѣ октября, то въ началѣ ноября, должна выдти книга, а потому до того времени не выпускай „Мертвыя Души“ [1]). Шевыревъ отнесся къ планамъ Гоголя и къ его предисловію ко второму изданію съ большимъ сочувствіемъ, но съ своей особой точки зрѣнія. Отзываясь съ похвалой о первой части „Мертвыхъ Душъ“, онъ, согласно своему давнему взгляду, еще большія надежды возлагаетъ на второй и видитъ въ предисловіи одно изъ средствъ къ осуществленію этой надежды. „Вглядѣлся ты глубоко въ неразумную сторону Россіи, съ полною любовью къ другой, еще невидимой, еще неслыханной сторонѣ, открытія которой въ художественномъ мірѣ мы всѣ отъ тебя ожидаемъ. Твое предисловіе мнѣ пришлось по сердцу: мнѣ кажется изъ него, что ты растешь духовно. Я желаю, чтобы оно ввело тебя въ сношенія со всѣми возможными русскими людьми изъ всѣхъ сословій. *Но можно ли узнавать Россію, живучи такъ далеко отъ нея?* Неужели не чувствуешь потребности побывать опять въ ней, чтобы освѣжить впечатлѣнія и собрать новыя?“ [2]). Изъ слѣдующаго письма видно, что часть надеждъ Шевырева не оправдывалась: „Что̀ касается до вну-

---

писалъ Краевскому же: «Отъ вашей милости письмо имѣлъ честь получить, да получилъ еще соч(иненія) Гоголя, за которыя не знаю кому я долженъ: вамъ или Прокоповичу?» (тамъ же, стр. 58). Въ той же перепискѣ см. отзывы о повѣсти «Римъ», стр. 46, 47, 52 и пр.

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 266.

[2]) Отчетъ Императ. Публичной Библіи за 1893 г., стр. 27.

тренняго содержанія „Развязки Ревизора“, то горячій споръ веденъ мастерски и какъ будто списанъ съ нашихъ преній; но *нужно необыкновенное искусство актеровъ,* чтобы передать высокую простоту этого спора, *а если этого искусства не будетъ, то все охладитъ зрителя, который сочтетъ все это однимъ разсужденьемъ.* а не драмою живою, — слѣдствіемъ драмы сценической. Замѣчу еще одно: зрителю не покажется ли, что ты самъ слишкомъ заботишься о толкованіи своей пьесы? Въ заключеніи сравненіе города съ душевнымъ городомъ, Хлестакова съ внѣшней свѣтской совѣстью, а настоящаго ревизора съ внутреннею не покажется ли аллегоріею? Это будутъ слушать какъ проповѣдь. Комикъ и безъ того родъ проповѣдника въ своей комедіи, но зачѣмъ же прибавлять къ комедіи проповѣдь? Это опасно. Много глубокаго и сильнаго сказалъ ты въ послѣднемъ словѣ актера, *но со сцены такъ ли онъ подѣйствуетъ, какъ въ чтеніи?*“ [1]) и проч.

Съ другой стороны Шевыревъ не переставалъ повторять о необходимости скорѣйшаго выпуска второго тома „Мертвыхъ Душъ[2])“.

Отправивъ Гоголю это письмо съ осторожными замѣчаніями, Шевыревъ посылаетъ другое, въ которомъ готовъ отречься отъ своихъ словъ, говоря между прочимъ такъ: „Извини меня: я въ письмѣ своемъ сказалъ, можетъ быть, не то, что̀ слѣдовало. Чѣмъ болѣе вчитываюсь, тѣмъ глубже и глубже она мнѣ кажется. Я посудилъ объ ней, какъ будетъ, можетъ быть, судить публика, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя приметъ она за нравоученіе и отъ которыхъ еще кислѣе сдѣлаетъ рожу, чѣмъ отъ „Ревизора“. Но чѣмъ болѣе и болѣе я самъ, уже не отъ лица публики, вникаю въ это произведеніе, тѣмъ глубже оно мнѣ является, тѣмъ болѣе вижу, какъ ты духовно выросъ и *доросъ до второй части „Мертвыхъ Душъ,* въ которой, какъ надѣемся, представишь такое добро, гдѣ ужъ будетъ точно добро. Не понимаютъ, что надобно до этого дорости и что ты растешь къ этому“ [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 30.

[2]) См. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г. стр. 26, 27, 34 и проч.

[3]) Тамъ же, стр. 34.

Какое же изъ этихъ писемъ было искреннее, или Шевыревъ въ самомъ дѣлѣ колебался? Какъ бы то ни было, первое письмо заключало въ себѣ нѣсколько весьма вѣрныхъ замѣчаній, что̀ не могло укрыться отъ Гоголя и въ связи со многимъ другимъ подѣйствовало на него настолько сильно, что онъ отказался отъ своихъ прежнихъ мечтаній. 8 декабря онъ писалъ Шевыреву изъ Неаполя: „Оба письма твои, писанныя одно за другимъ, получилъ. Благодарю за совѣты и мысли относительно „Развязки Ревизора". Я соглашаюсь, однакоже, больше съ тѣми, которыя въ твоемъ первомъ письмѣ. Въ предстоящемъ обстоятельствѣ я особенно руководствуюсь первыми впечатлѣніями; они для меня уже и тѣмъ важны, что мнѣнье публики, даже и добродѣтельной, и просвѣщенной, будетъ ближе къ нимъ, нежели къ тѣмъ, которыя изложены въ твоемъ второмъ письмѣ и которыя принадлежатъ, можетъ быть, одному тебѣ, или двумъ-тремъ, глядящимъ на вещи съ точки повыше. „Ревизора" нужно отложить, какъ игру, такъ и печатанье"[1]).

Послѣ этого Шевыреву не нужно было уже обращаться къ рѣчи о „Развязкѣ Ревизора" и говорить о глубинѣ ея содержанія, но онъ не перестаетъ повторять Гоголю совѣты о возвращеніи на родину и въ первый разъ рѣшается указать ему странности его міросозерцанія, въ которомъ, можетъ быть не безъ основанія, усматриваетъ невольное вліяніе незамѣтно усвоенныхъ католическихъ взглядовъ. „Изъ письма твоего къ Языкову" — пишетъ онъ — „я вижу, что ты еще хочешь отложить свое путешествіе на Востокъ и возвращеніе въ Россію на годъ. Это напрасно. Деньги будутъ. У меня есть же твоя лежащая сумма. Хотя есть ей другое назначеніе, но не вдругъ же она употребится. Послѣ можно будетъ выручить ее изъ распродажи „Мертвыхъ Душъ" и употребить, какъ ты предписалъ. А между тѣмъ зачѣмъ же откладывать доброе дѣло? Возвратиться въ Россію тебѣ пора. Даже отсюда ты могъ бы предпринять это путешествіе. Что̀ ни говори, а живя въ чужомъ народѣ и чужой землѣ — набираешь въ себя чужую жизнь, чужой духъ, чужія мысли. Вотъ это замѣтили многіе и въ твоихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ. Мнѣ кажется тоже, что *ты слиш-*

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 307—308.

комъ вводишь личное начало въ религію и въ этомъ увлекаешься тѣмъ, что̀ тебя окружаетъ. Римское католичество ведетъ къ тому, что человѣкъ не Бога начинаетъ любить, а себя въ Богѣ. Даже молитва въ немъ переходитъ въ какое-то самоуслажденіе. Я замѣтилъ въ письмѣ твоемъ, что ты въ побочныхъ обстоятельствахъ видишь себѣ указанія (такъ, напримѣръ, болѣзнь Щепкина). Это мнѣ напомнило княгиню З(инаиду)[1], которая также во всякомъ обстоятельствѣ жизни видитъ Бога, ей указующаго. Да вѣдь надобно заслужить это высокое состояніе пророка. Есть, конечно, во всемъ воля Божія. И волосъ не падетъ съ головы безъ нея. Но видѣть во всякомъ постороннемъ обстоятельствѣ личное отношеніе Бога ко мнѣ значитъ какъ бы хотѣть пріобрѣсть милость Божію въ свою собственность и *самозванно назваться избранникомъ Божіимъ и любимцемъ.* Это все продолженіе motu proprio римскаго владыки. Берегись этой заразы" и проч.[2]).

Гоголь мало-по-малу сталъ склоняться къ тому, чтобы отложить все дѣло о „Развязкѣ Ревизора" на годъ[3]), о чемъ въ началѣ декабря поспѣшилъ извѣстить Щепкина, А. М. Віельгорскую и Россета[4]), тогда какъ А. М. Віельгорская успѣла было уже значительно подвинуть дѣло. „Вы хорошо отгадали, писавши мнѣ", — отвѣчала она Гоголю, — „что дѣятельность мнѣ непремѣнно нужна и что одна дѣятельность мнѣ непремѣнно нужна и что дѣятельная жизнь можетъ спасти меня отъ обычной моей хандры. Я вамъ также очень благодарна, что вы вспомнили обо мнѣ въ этомъ случаѣ, и что, поручивши мнѣ исполнить часть вашего проекта, вы оказали мнѣ довѣріе, которое возвышаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ. Но теперь не объ этомъ дѣло! Плетнева до сихъ поръ я не могла видѣть. Онъ живетъ на Васильевскомъ острову, съ которымъ очень долго не было сообщенія. Но я уже давно ему послала ваше предувѣдомленіе черезъ княгини Одоевской (sic), растолковавши ей прежде хорошенько ваши намѣренія. Она также готова исполнить ихъ, но до сихъ поръ „Ревизоръ" еще не вышелъ, такъ что намъ по-

---

[1]) Т.-е. княгиню Зинаиду Александровну Волконскую.

[2]) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 40.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 296.

[4]) «Русская Старина», 1884, I, 165; «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 111—112; Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 313 и Соч. Гог., изд. X. т. II, 688 и 692—693.

камѣстъ нельзя ничего предпринять. Я слышала, какъ будто цензура театра не пропустила вашу новую „Развязку Ревизора“, но вы ужъ, вѣрно, получили объ этомъ рѣшительныя извѣстія. Россетъ, Самаринъ и Мухановъ, о которыхъ вы мнѣ пишете, всѣ три въ отсутствіи, и я не знаю, на сколько времени.

Между тѣмъ вы, вѣрно, услышите съ удовольствіемъ, что учредилось здѣсь общество подъ начальствомъ Соллогуба (онъ былъ первый основатель сего общества), Вяземскаго, папеньки и нѣсколькихъ другихъ, которое скоро развилось и уже сдѣлало много добра. Считаютъ теперь въ немъ болѣе ста членовъ, многіе изъ которыхъ люди со способностями и съ искреннимъ желаніемъ помогать бѣднымъ и оказать имъ не только тѣлесную, но душевную помощь. Князь Одоевскій хотѣлъ, кажется, самъ вамъ подробнѣе писать объ этомъ обществѣ и хотѣлъ вамъ даже послать его статуты“ [1]).

Между тѣмъ Плетневъ вступилъ по этому дѣлу въ переписку съ директоромъ театровъ Гедеоновымъ, сущность окончательнаго отвѣта котораго заключается въ слѣдующихъ строкахъ: „Что касается собственно до піесы, то долженъ сказать, что по принятымъ правиламъ при Императорскихъ театрахъ, исключающихъ всякаго рода одобренія артистовъ — самими артистами, а тѣмъ болѣе вѣнчанія на сценѣ, она въ этомъ отношеніи не можетъ быть допущена къ представленію“ [2]).

Такимъ образомъ оффиціальное ходатайство Плетнева передъ Гедеоновымъ не имѣло успѣха, причемъ два письма Гедеонова къ Плетневу сильно различаются между собою по тону: первое какъ бы выражаетъ готовность сдѣлать все возможное для исполненія просьбы Плетнева, второе же, написанное очень сухо, выражаетъ явное недовольство тѣмъ, что Плетневъ, „къ искреннему сожалѣнію“, не такъ отнесся къ первому письму, какъ ожидалъ Гедеоновъ. Между тѣмъ въ промежутокъ между обоими этими письмами Плетневъ „заѣхалъ къ Вяземскому посовѣтоваться насчетъ комиссіи, данной Шевыревымъ, чтобы выхлопотать дозволеніе Щепкину разыграть въ его бенефисъ одну новую сцену Гоголя, которую прислалъ

---

1) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 110—112.

2) «Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 961—962.

онъ подъ названіемъ: „Развязки Ревизора“[1]). Въ чемъ состояло совѣщаніе, намъ неизвѣстно; но несомнѣнно, что Плетневъ съ своей стороны не усмотрѣлъ ничего страннаго въ „Развязкѣ“, такъ какъ иначе непремѣнно выразилъ бы свое впечатлѣніе Гроту, съ которымъ былъ безусловно откровененъ; притомъ къ такому же заключенію должно привести и послѣдующее его крайне сочувственное отношеніе къ „Перепискѣ съ друзьями“[2]).

LXXIII.

Во все время жизни своей въ Римѣ Гоголь продолжалъ болѣть и страдать, утѣшая себя мыслью, что испытанія необходимы и „безъ этого не будутъ „Мертвыя Души“ тѣмъ, чѣмъ имъ быть должно“[3]). Онъ все не терялъ надежды, что „душа его обратится въ однѣ согласно настроенныя струны и въ нихъ будетъ бряцать самъ Духъ Божій“. Укрѣпляясь въ такомъ убѣжденіи съ каждымъ новымъ потеряннымъ для русской литературы годомъ, Гоголь составлялъ планы будущихъ трудовъ и поѣздокъ. „Приходитъ такое время“ — говорилъ онъ — „когда появленье моей поэмы есть существенная необходимость для теперешняго положенія дѣлъ и мыслей“[4]). Слова эти высказывались въ торжественномъ тонѣ въ письмѣ къ Жуковскому и вполнѣ подтверждаютъ догадку С. Т. Аксакова, что Жуковскій оказывалъ вредное вліяніе на Гоголя, если не активно, то по крайней мѣрѣ совершеннымъ согласіемъ съ мистическимъ настроеніемъ пріятеля.

По примѣру предшествующаго года Гоголь предполагалъ держаться слѣдующаго распредѣленія времени до поѣздки въ Іерусалимъ: лѣтомъ онъ снова хотѣлъ постранствовать по курортамъ, причемъ помышлялъ даже о поѣздкѣ въ Англію, подумывалъ заѣхать и въ Грефенбергъ, осенью предназначалъ себѣ путешествія по Италіи и наконецъ къ веснѣ мечталъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 852. См. обо всемъ также Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 686 и 692.

[2]) Вообще новѣйшіе панегиристы «Переписки съ друзьями», готовые, кажется, относить чуть не къ революціонерамъ даже такихъ людей, какъ Щепкинъ, Аксаковъ и Шевыревъ, могли бы отдохнуть на одномъ Плетневѣ.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 239.

[4]) Тамъ же, стр. 241.

по Средиземному морю направить путь въ Іерусалимъ. Въ этотъ планъ включалось также купанье гдѣ-нибудь въ морѣ, но непремѣнно въ одномъ изъ сѣверныхъ, такъ какъ вліяніе южнаго моря на Гоголя не было такъ благотворно. На самомъ дѣлѣ Гоголь въ продолженіе лѣта побывалъ только во Франкфуртѣ, Карлсбадѣ, Греффенбергѣ, Швальбахѣ и Остенде[1]). Дорога и купанье въ морѣ въ самомъ дѣлѣ сильно помогли ему и даже на нѣкоторое время въ значительной мѣрѣ возвратили способность работать. Это случайное обстоятельство снова обратилось во вредъ Гоголю, заставивъ его думать, что онъ правильно понимаетъ волю и таинственныя указанія Провидѣнія и будто даже пользуется особымъ благословеніемъ свыше.

Въ одномъ письмѣ къ Плетневу онъ даже высказалъ это: „Отпечатаніе книги нужно и для меня и для другихъ; словомъ, нужно для общаго добра. Мнѣ говоритъ это мое сердце и необыкновенная милость Божія, давшая мнѣ силы потрудиться тогда, когда я не смѣлъ уже и думать о томъ, не смѣлъ и ожидать потребной для того свѣжести душевной. И все мнѣ далось вдругъ на то время: вдругъ остановились самые тяжкіе недуги, вдругъ отклонились всѣ помѣшательства въ работѣ, и продолжалось все это до тѣхъ поръ, покуда не кончилась послѣдняя строка. Это просто чудо и милость Божія, и мнѣ будетъ грѣхъ тяжкій, если стану жаловаться на возвращеніе трудныхъ болѣзненныхъ моихъ припадковъ“[2]).

Вся вторая половина 1846 г. была посвящена Гоголемъ на приготовленіе къ печати „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки“. На это сочиненіе онъ возлагалъ такія обширныя надежды, что былъ совершенно убѣжденъ въ ихъ скорой распродажѣ въ могущественномъ вліяніи на читателей. Онъ не только поручилъ Плетневу заказать сразу два завода въ типографію

---

[1]) Маршруты Гоголя съ 20 апрѣля (2 мая) 1846 г. были слѣдующіе: 9 мая онъ былъ во Флоренціи, 14 — въ Генуѣ, 16 — въ Ниццѣ; затѣмъ черезъ Францію онъ проѣхалъ во Франкфуртъ на Майнѣ, потомъ былъ въ Дрезденѣ, опять во Франкфуртѣ и наконецъ въ началѣ іюля прибылъ въ Карлсбадъ («Русск. Мысль», 1896, V, стр. 179), откуда въ половинѣ іюля отправился въ Швальбахъ, а въ концѣ — въ Остенде; затѣмъ въ октябрѣ прибылъ въ Остенде; въ октябрѣ — снова во Франкфуртъ — 24 октября былъ въ Страсбургѣ, 2 ноября — въ Ниццѣ, 4 — въ Генуѣ, потомъ — въ первыхъ же числахъ ноября — во Флоренціи, въ половинѣ того же мѣсяца въ Римѣ, а немного позднѣе, не позже 19 ноября, онъ былъ уже въ Неаполѣ, гдѣ провелъ всю зиму.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 271.

(2400 экз.), но даже немедленно заготовить бумагу для второго изданія[1]). „Переписка съ друзьями“, по его убѣжденію, должна была сразу разъяснить всѣмъ его многолѣтнюю сосредоточенную въ себѣ внутреннюю жизнь; тогда его уже не будутъ подозрѣвать въ неискренности, упрекать въ пренебреженіи къ требованіямъ мелочной житейской аккуратности, въ беззаботности относительно прозаическихъ сторонъ жизни; всѣмъ будетъ ясно его великое призваніе и для всѣхъ онъ станетъ роднымъ.

Все это должно воспослѣдовать такъ скоро и все настолько непреложно, что неумѣстно болѣе разыгрывать передъ близкими людьми роль обыкновеннаго человѣка. По крайней мѣрѣ нерѣдко Гоголь сталъ проговариваться и бросать мимоходомъ знаменательные намеки. „Чудны дѣйствія Божіи“ — писалъ онъ Жуковскому, правда по поводу случившейся съ кѣмъ-то „замѣчательной внутренней исторіи“, — „и никогда еще не были они такъ явны, какъ въ послѣднее время“[2]). Плетневу же онъ писалъ безъ всякаго стѣсненія: „Другъ мой, у нѣкоторыхъ людей составилось обо мнѣ мнѣніе, какъ о какомъ-то вѣтреникѣ, или человѣкѣ, пребывающемъ гдѣ-то въ пустыхъ мечтахъ“ (Плетневъ былъ недоволенъ крайней неисправностью и небрежностью Гоголя въ такихъ дѣлахъ, какъ сношенія по пересылкѣ пожалованныхъ ему правительствомъ денегъ, и жаловался, что съ этими деньгами „пока однѣ хлопоты, а удовольствія никакого“[3]). „Не стыдно ли и тебѣ туда же? Одинъ, можетъ быть, человѣкъ нашелся на всей Руси, который именно подумалъ болѣе всѣхъ о самомъ *существенномъ,* заставилъ себя серьезно подумать о томъ, чѣмъ прежде всего слѣдовало бы заняться каждому изъ насъ, и этому человѣку не хотятъ простить мелкой оплошности и пропуска въ пустякахъ, человѣку притомъ еще больному и страждущему“[4]). До какой степени простиралъ наконецъ Гоголь свою увѣренность въ томъ, что „Переписка съ друзьями“, какъ вообще всѣмъ и во всемъ раскроетъ глаза и откроетъ новые горизонты, такъ между прочимъ разъяснитъ загадочныя стороны

---

1) Тамъ же, стр. 257.
2) Тамъ же, стр. 259.
3) Соч. Плетнева, т. III, стр. 568.
4) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 253.

его личности и сниметъ съ него подозрѣнія, видно изъ продолженія только-что цитированнаго письма, въ которомъ онъ уже предсказывалъ горькое раскаяніе Плетнева въ недовѣріи къ его словамъ и даже великодушно прощалъ его и начиналъ заранѣе утѣшать[1]). Теперь онъ съ спокойнымъ взоромъ человѣка, въ значительной мѣрѣ уже исполнившаго свое предназначеніе и, такъ сказать, съ гордо поднятой головой напоминалъ о томъ, какъ просилъ друзей подождать очень недолго, пока все разъяснится и проч. Занимавшее его дѣло онъ называлъ душевнымъ и, въ свою очередь, позволялъ себѣ дѣлать Плетневу откровенныя внушенія. Гоголь приготовилъ для него обширную статью о „Современникѣ", въ которой подробно развивалъ мысли, уже давно намѣченныя имъ въ письмѣ къ А. О. Смирновой, пропущенныя мѣста изъ котораго, всего болѣе относящіяся къ занимающему насъ вопросу, недавно были напечатаны въ „Русской Старинѣ". Эти мысли, общія обоимъ письмамъ, можетъ быть даже одновременно писаннымъ, составляютъ критическую часть статьи, и были обдуманы еще по поводу огорчившаго Гоголя письма къ нему Плетнева отъ 27 октября 1844 г.[2]). Наиболѣе замѣтнымъ образомъ проявляется сходство между письмомъ къ Смирновой и статьей о „Современникѣ" тамъ, гдѣ Гоголь утверждаетъ, что журналъ не имѣлъ опредѣленной цѣли еще при Пушкинѣ и что идею Плетнева всякій понимаетъ по-своему. Смирновой Гоголь писалъ: „всѣхъ, кто не помѣщаетъ статей въ „Современникѣ", Плетневъ считаетъ людьми оттолкнувшимися и чуть не врагами тѣни Пушкина. Я это видѣлъ и потому избѣгалъ всякаго литературнаго разговора съ нимъ въ бытность мою въ Петербургѣ, ибо мнѣ предстояло или сказать: „идея твоя совершенно справедлива, великодушна и благородна, я твой помощникъ и сотрудникъ", или сказать: „любезный другъ, ты

---

[1]) Такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что авторъ статей о Гоголѣ въ «Русской Жизни» дѣлаетъ большую ошибку, говоря, будто «Гоголь былъ вполнѣ готовъ къ осужденію своей книги». Также невѣрно, что будто *всѣ безъ исключенія* друзья Гоголя, еще только узнавъ о намѣреніи выпустить книгу, стали буквально умолять его отложить это намѣреніе. См. оба эти мнѣнія въ № 71 «Русской Жизни» за 1892 г. Невѣрно также, будто Гоголь «энергически протестовалъ» противъ похвалъ какого-то «противнаго лагеря» (тамъ-же).

[2]) Ср. «Русск. Стар.», 1889, I, стр. 157—158 и Соч. Гог., изд. X, т. IV, 227—238. Большое письмо Гоголя къ Смирновой (т. VI, стр. 127—134) писалось долго и, повидимому, упоминается даже въ письмѣ отъ 5 іюля 1846 г. (т. VI, 251).

гоняешься за тѣнью". Но нѣкогда Гоголя останавливало соображеніе, что высказать это мнѣніе откровенно Плетневу значило рисковать испортить отношенія съ нимъ навсегда, — теперь онъ рѣшается это сдѣлать, въ полномъ убѣжденіи. что его слова будутъ поняты и оцѣнены; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ совѣты и указанія и, настаивая на обращеніи ежемѣсячнаго журнала въ четвертныя обозрѣнія, предлагаетъ вмѣсто объясненія новой программы изданія просто напечатать его письмо въ журналѣ.

Послѣднее обстоятельство показываетъ, какое значеніе онъ сталъ придавать своимъ словамъ; то же выразилось и въ статьѣ его объ „Одиссеѣ" Жуковскаго, по поводу которой Гоголь такъ же смѣло утверждалъ, что „Жуковскому нужно, чтобы публика была нѣсколько приготовлена къ принятію „Одиссеи"[1]).

Въ томъ же письмѣ къ Смирновой Гоголемъ было высказано мнѣніе, повторенное въ письмѣ къ А. М. Віельгорской въ декабрѣ 1846 г. Смирновой Гоголь писалъ о немъ: „О Плетневѣ вообще вотъ что̀ можно сказать: душа у него точно чистая и прекрасная, и онъ не сдѣлалъ никакого тяжкаго проступка, но не былъ потрясенъ сокрушающей силой несчастья. Богъ не призвалъ его къ тому, чтобы быть ближе къ Нему, а потому онъ гордъ своею чистотою. Богу лучше кающійся грѣшникъ, чѣмъ гордый праведникъ". Ср. въ письмѣ къ Аннѣ Михайловнѣ Віельгорской: „Въ существѣ своемъ Плетневъ добрѣйшая душа. Одинъ порокъ за нимъ былъ только тотъ, что онъ, не сдѣлавши такого дѣла, которое-бы упрекало въ чемъ-либо, имѣлъ нѣкоторую гордость чистотой своей"[2]). Самому Плетневу Гоголь начиналъ понемногу высказывать надежду, что если имъ будетъ суждено встрѣтиться въ Петербургѣ послѣ изданія книги, то Плетневъ возблагоговѣетъ передъ его долей и что тогда Гоголь наконецъ покажетъ, какъ онъ сумѣетъ распорядиться съ ничтожными прозаическими заботами, когда главная задача его жизни будетъ достаточно обозначена[3]). Плетневъ и раньше могъ бы узнать его съ настоящей стороны, но лишь въ томъ

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 252.

[2]) Ср. «Русск. Старина», 1889, I, 158 и «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 115.

[3]) Соч. и письма Гоголя, VI, 318—319. Ср. сходныя мысли въ письмѣ къ Погодину («Р. Жизнь», 1892, 78).

случаѣ, если бы ему были посланы Провидѣніемъ скорби, такъ какъ Гоголю „не безъ воли Промысла высшаго опредѣлено было сталкиваться съ человѣкомъ въ его трудныя минуты и въ самыя тяжелыя состоянія душевныя, въ какія только и обнажается душа человѣка“. Если бы при такихъ обстоятельствахъ состоялось первоначальное сближеніе съ Плетневымъ, то никогда не было бы никакихъ недоразумѣній[1]).

LXXIV.

Наконецъ 30 іюля 1846 года Н. В. Гоголь обратился къ П. А. Плетневу съ просьбой бросить всѣ свои дѣла въ сторону и заняться печатаніемъ его книги, подъ названіемъ: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями[2])“. Объ этой книгѣ онъ говорилъ: „Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ что̀, покамѣстъ, могу сказать; все прочее объяснитъ самая книга“. Просьбу Гоголя Плетневъ долженъ былъ выполнить, какъ „наивѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга[3])“.

Давно уже всецѣло поглощала Гоголя мысль объ этомъ его литературномъ дѣтищѣ, которое, при всемъ сознаваемомъ несовершенствѣ формы, — казалось автору, — имѣло вполнѣ исключительное, недосягаемо-высокое значеніе, являя собою разрѣшеніе трудной задачи, налагаемой на него заботами „о душѣ и дѣлѣ душевномъ[4])“. По собственному признанію Гоголя, мысль эта созрѣла во время перенесенной имъ тяжкой болѣзни, когда страданія были „до такой степени невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось похожимъ на какое-то лѣкарство или облегченіе“[5]). Въ это время самое существованіе Гоголя было „въ сомнительномъ состояніи“ и онъ „едва не откланялся“. Но недуги, непріятности и испытанія были приняты имъ какъ особое выраженіе „воли Пославшаго“

---

[1]) Стр. 319.

[2]) Около того же времени Шевыреву было поручено затянувшееся потомъ второе изданіе «Мертвыхъ Душъ (см. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 27). — Для лучшаго знакомства съ настроеніемъ Гоголя въ это время см. предисловіе его къ этому изданію.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 256.

[4]) Тамъ же, стр. 237.

[5]) См. Соч. и письма Гоголя, изданіе Кулиша, VI, 236.

ихъ, чтобы „разрѣшилась скорѣе та трудная задача, которая безъ того не разрѣшилась бы во вѣки“. — „Много, много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей![1])“ писалъ Гоголь тому же Плетневу.

На изданіе переписки Гоголь смотрѣлъ, какъ на какую-то миссію, какъ на исполненіе указанія свыше. Въ этихъ мысляхъ поддерживалъ его, вѣроятно, и В. А. Жуковскій, съ которымъ онъ жилъ тогда въ Остенде... Выходъ книги долженъ былъ составить событіе; печатаніе ея было обставлено строжайшей тайной, такъ какъ нарушеніе неожиданности и торжественности было бы въ глазахъ автора непростительной профанаціей его душевной святыни. Плетневъ былъ избранъ на этотъ разъ довѣреннымъ лицомъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ друзей, жившихъ въ Петербургѣ, и какъ человѣкъ, уже прежде исполнявшій не разъ порученія, такъ сказать, литературнаго характера. Съ этихъ поръ устанавливается непрерывная и усиленная переписка между Гоголемъ и Плетневымъ, тогда какъ до того они переписывались довольно рѣдко[2]). По содержанію же писемъ 1846 года мы видимъ, что съ самаго возобновленія переписки Гоголь уже имѣлъ въ виду постепенное подготовленіе Плетнева къ возлагаемому на него порученію. Разумѣется, слово „подготовленіе“ не слѣдуетъ здѣсь принимать въ пошломъ, чисто практическомъ или житейскомъ его значеніи, но въ болѣе высокомъ, отвлеченномъ. Извѣстно, что неудачу „Выбранныхъ мѣстъ“ Гоголь объяснялъ впослѣдствіи (въ „Авторской исповѣди“) „темнотой и неумѣньемъ выражаться“. Гоголь ошибался, конечно, когда писалъ Н. Н. Шереметевой, что „главной виной множества упрековъ, которымъ подвергнулась книга, была *незрѣлость*[3]) ея“ и что если бы „тѣ самыя вещи можно было сказать гораздо обдуманнѣе, точнѣе, опредѣлительнѣе, проще, скромнѣе и искреннѣе, то книга имѣла бы больше защитниковъ[4])“. Но онъ былъ, безъ сомнѣнія, правъ въ томъ, что неподготовленность общества и самихъ корреспондентовъ къ выразившемуся въ ней настроенію была одной изъ главнѣйшихъ причинъ поднявшейся

---

[1]) Тамъ же, стр. 221—222.

[2]) Въ изданіи писемъ Гоголя у г. Кулиша мы находимъ всего десять писемъ Гоголя къ Плетневу въ V томѣ и въ VI до ноября 1845 г. — *только одно*.

[3]) Курсивъ въ подлинномъ письмѣ.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 365.

противъ него бури и ожесточенія[1]). Сочувственная отзывчивость на затрогиваемыя струны представляетъ необходимое условіе нравственнаго воздѣйствія на людей: иначе слишкомъ высоко взятая нота, слишкомъ восторженный тонъ, теряя свой прочувствованный, иногда глубоко трагическій характеръ, окажется пошлымъ, напыщеннымъ или низведеннымъ на степень комизма. Гоголь себя и сравнивалъ потомъ съ несозрѣвшимъ юношей, который всегда хватитъ нотой ниже или выше того, чѣмъ нужно; но онъ все-таки, кажется, до самаго конца не подозрѣвалъ ложной постановки вопроса въ публичной исповѣди по самому существу (по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой она у него вылилась). Притомъ Гоголь слишкомъ широкія надежды возлагалъ на издаваемую имъ переписку, и не только въ смыслѣ ожиданія отъ нея огромной пользы для общества, но и въ смыслѣ успѣха ея вообще. Придавая своей книгѣ значеніе какъ бы откровенія, онъ говорилъ о ней Плетневу сначала намеками, довольно неясными, значительно прибавляя въ заключеніе: „вотъ все, что̀ могу тебѣ сказать впередъ; остальное договоритъ тебѣ мое же *твореніе*, если угодно будетъ Святой Волѣ устроить его", или: „приходитъ уже то время, въ которое все объяснится[2])". И наконецъ, въ указанномъ выше письмѣ тайна была открыта...

Съ этихъ поръ содержаніе переписки между Гоголемъ и Плетневымъ становится прозаически однообразнымъ, въ строгомъ смыслѣ дѣловымъ: всѣ письма наполняются указаніями, какъ слѣдуетъ печатать книгу, въ какой срокъ, въ какомъ форматѣ и даже какимъ шрифтомъ. Въ каждомъ письмѣ повторяются подробныя инструкціи, какія слова и выраженія надо перемѣнить, прибавить, исключить. При этомъ онъ упрашивалъ Плетнева не терять энергіи: „Молю тебя не уставать и не пренебрегать наидобросовѣстнѣйшимъ исполненіемъ

---

[1]) Отмѣтимъ между прочимъ, что года за два до появленія «Переписки» усердно распространялись слухи о томъ, что Гоголь продолжаетъ писать въ юмористическомъ духѣ и написалъ дневникъ русскаго генерала, веденный въ Италіи, и что это самое комическое изъ его произведеній (см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, 106, подстрочное примѣчаніе П. А. Кулиша и «Русск. Стар.», 1896, XII, 626).

[2]) Тамъ же, стр. 237 и 253.

[3]) На стр. 237 см. также слѣдующія слова: «Вотъ тебѣ мое честное слово, что ты былъ во многомъ заблужденіи насчетъ многаго во мнѣ и многое принято тобою въ превратномъ смыслѣ и въ другомъ значеніи».

этого дѣла"[1]). Видно, что дѣло интересовало Гоголя въ высокой степени: если „Евгеній Онѣгинъ", по выраженію Бѣлинскаго, былъ „любимое дитя фантазіи" Пушкина, то Гоголь навѣрное ни объ одномъ изъ своихъ произведеній, кромѣ „Мертвыхъ Душъ", не заботился и не хлопоталъ столько, какъ о „Развязкѣ Ревизора" и „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки". Но не такъ скоро дѣло дѣлается, и изъ письма отъ 1 января 1847 г. Гоголь долженъ былъ увидѣть, что Плетневъ не менѣе упорно держится своихъ взглядовъ на „Современникъ" и задачи литературной дѣятельности, какъ онъ самъ за свои мистическія теоріи. Такимъ образомъ, у каждаго изъ нихъ сидѣлъ въ головѣ свой гвоздь, по выраженію самого же Гоголя[2]), и убѣдить одному другого никакъ не удавалось. Еще разъ постигло Гоголя горькое разочарованіе, когда Плетневъ въ отвѣтъ на просьбу отправиться по его порученію къ графинѣ Нессельроде и возложить на нее часть хлопотъ по изданію „Переписки", возразилъ, что знатные русскіе люди совершенно иначе держатъ себя за-границей и дома, что, вернувшись въ Петербургъ, они дѣлаются холодны и неприступны. Свою мысль Плетневъ выразилъ въ очень энергической формѣ и въ заключеніе совѣтовалъ записать его слова и проч. Обиженный этимъ, Гоголь замѣтилъ между прочимъ: „Я думалъ, что многое объяснитъ тебѣ моя книга; но, кажется, ты считаешь ее за маску, которую я только надѣлъ для публики: иначе ты не сдѣлалъ бы напоминанія во второй разъ, въ концѣ письма твоего, о томъ, „что нужно быть осторожнымъ въ обращеніи съ знатными русскими людьми" и пр.[3]) Наконецъ изъ Остенде Гоголь послалъ для напечатанія въ типографію департамента внѣшней торговли (точнѣе, онъ поручалъ только напечатать въ наименѣе посѣщаемой типографіи, а названная типографія была выбрана Плетневымъ) первую тетрадь Переписки съ друзьями". Только-что получилъ ее Плетневъ, какъ уже привѣтствовалъ восторжен-

[1]) Соч. Гоголя, изд. Кулиша, VI, 260.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. VI, стр. 257.

[3]) См. «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 41 и «Русск. Стар.», 1888, VI, 577.— Такіе же упреки за сношенія съ русскими аристократическими семействами заграницей сыпались на Гоголя и со стороны Погодина (см. «Русск. Арх.», 1890, VIII, 164 и «Русск. Жизнь», 1892, № 78); «Ты угождаешь однимъ знатнымъ», «Тебѣ дороги одни знатные».

ными панегириками вступленіе Гоголя на настоящую дорогу, поступивъ и на этотъ разъ такъ же недальновидно, какъ прежде въ своемъ обширномъ обличительномъ письмѣ къ Гоголю, и взглядъ его опять оказался діаметрально противоположнымъ свѣтлому и проницательному взгляду С. Т. Аксакова. „Вчера совершено великое дѣло: книга твоихъ писемъ пущена въ свѣтъ“, извѣщалъ Гоголя Плетневъ: „но это дѣло совершитъ вліяніе свое только надъ избранными“ — продолжалъ онъ; — „прочіе не найдутъ себѣ пищи въ книги твоей“[1]). Слова эти были тѣмъ болѣе безтактны и несвоевременны, что Гоголь только-что узналъ о большихъ урѣзкахъ, произведенныхъ въ его книгѣ цензурой. „Я получилъ твое письмо съ извѣстіемъ о выходѣ моей книги“ отвѣчалъ онъ. „Зачѣмъ ты называешь великимъ дѣломъ появленіе моей книги? Это и неумѣренно, и несправедливо. Появленіе моей книги было бы дѣломъ не великимъ, но точно полезнымъ, еслибы все уладилось и устроилось, какъ слѣдуетъ. Теперь же[2]), сколько могу судить по числу страницъ, тобою объявленныхъ въ письмѣ, не пропущено болѣе половины, и притомъ той существенной половины, для которой была предпринята вся книга, да къ тому, (какъ ты замѣчаешь глухо) вымарано даже и въ пропущенномъ множество мѣстъ. Въ такомъ случаѣ ужъ лучше было бы придержать книгу“.

LXXV.

Съ Смирновой Гоголь почти не переписывался въ это время тревогъ и волненій: печатаніе „Ревизора съ Развязкой“

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1890, XI, 42.

[2]) «Зап. о ж. Гог.», т. II, 85—87, дополнено по копіи г. Кулиша, приводимъ также слѣдующія пропущенныя строки; послѣ словъ: «Странны тебѣ покажутся и самыя слова эти» слѣдуетъ читать: «Съ меня сдираютъ не только рубашку, но и самую кожу, но это пока слышу только одинъ я, а тебѣ кажется, что съ меня просто снимаютъ шинель, безъ которой, конечно, холодно, но все же не такъ, чтобы нельзя безъ нея обойтись. Въ безтолковщинѣ этого дѣла по части цензуры, конечно, я виноватъ» и проч.; послѣ словъ: «проходить въ моемъ путешествіи» слѣдуетъ дополнить: «и чтобы этотъ самый Государь отказался бросить милостиво-благосклонный взглядъ на статьи мои, не хочу я и вѣрить этому. Перепиши все набѣло, что̀ не пропущено цензурой, вставь всѣ тѣ мѣста, которыя замараны красными чернилами Никитенка, и подай все, не пропуская ничего, Михаилу Юрьевичу. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока это дѣло не будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Иначе оно у меня не сдѣлано». Выше, послѣ словъ: «попробуй перенести равнодушно это» надо читать: «уничтоженіе писемъ».

и „Переписки съ друзьями“ поглотило надолго все его вниманіе и обратило его мистическую корреспонденцію въ самую озабоченную и лихорадочную, вполнѣ дѣловую. Только Плетневъ и позднѣе Шевыревъ привлекались къ участію въ дѣлѣ, приглашались къ исправленію слога[1]) и проч., причемъ Гоголь уже самоувѣреннѣе, чѣмъ прежде, извѣщалъ каждаго изъ нихъ объ участіи въ дѣлѣ другого и смѣло рѣшалъ напередъ, что „бѣдные получатъ“ его книгу „отъ великодушныхъ раздачъ“ богачей. Смирновой же въ это время было сообщено по особенному довѣрію о печатаніи книги и Гоголь даже нашелъ необходимымъ просить ее съѣздить похлопотать о пропускѣ книги въ Петербургѣ, но все же ему было, несомнѣнно, не до частой переписки съ нею. Впрочемъ, здѣсь говорило въ немъ отчасти и недовольство Смирновой, которая слишкомъ мало приводила въ исполненіе изъ даваемыхъ ей совѣтовъ. „Я уже хотѣлъ было на полгода по крайней мѣрѣ

---

1) Извѣстно, что Гоголь сознавалъ несовершенства своей рѣчи въ отношеніи грамматической правильности, вслѣдствіе чего и просилъ исправлять неправильности въ слогѣ сначала Прокоповича, позднѣе — Плетнева и Шевырева. См. также Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893, стр. 29.— Въ обширной перепискѣ Гоголя весьма любопытны между прочимъ два мѣста, въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на будущее значеніе его произведеній для школы. Въ подлинномъ письмѣ къ Плетневу объ изданіи «Современника» онъ дѣлаетъ слѣдующее признаніе: «Мнѣ доставалось трудно все то, что̀ достается легко природному писателю. Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой — первыя необходимыя орудія всякаго писателя. Они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мною имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно никакъ не можетъ быть образцомъ словесности, и тотъ наставникъ поступитъ неосторожно, кто посовѣтуетъ учиться у меня искусству писать, или подобно мнѣ, живописать природу: онъ заставитъ ихъ производить каррикатуры» (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 233 и Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 303). Въ этихъ строкахъ Гоголь подвергаетъ безпощадной критикѣ свои лучшія произведенія, возлагая огромныя надежды на будущее, а въ чемъ онѣ заключались, узнаемъ изъ извѣстнаго письма литературнаго содержанія къ В. А. Жуковскому. Гоголь полагалъ, что въ немъ уже совершилась благодатная перемѣна и недалеко время такого вдохновеннаго и возвышеннаго творчества, передъ которымъ должно исчезнуть его литературное прошлое. Онъ говорилъ уже о себѣ: «способность творить стала пробуждаться, также образы начинаютъ выходить ясно изъ мглы; чувствую, что работа пойдетъ, что *даже и языкъ будетъ правиленъ и звученъ,* а слогъ окрѣпнетъ. И, можетъ быть будущій уѣздный учитель словесности прочтетъ ученикамъ своимъ страницу *будущей моей прозы* непосредственно во слѣдъ за твоей, промолвивши: «оба писателя правильно писали, хотя и не похожи другъ на друга» (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 281—282).

прекратить нашу переписку", досадовалъ онъ, „потому что она стала вовсе безполезна". Да и сама Смирнова, видя, что ей не въ мочь исполнять совѣты своего друга, уже на половину отказывалась отъ нихъ, говоря: „всякій день убѣждаюсь въ великолѣпіи разума евангелическихъ словъ: „не осуждай ближняго твоего". Не осуждай — значитъ вмѣстѣ не давай ему совѣта и не думай его передѣлать, потому что не знаешь, чего требуетъ его внутренній человѣкъ"[1]). Смирнова продолжала сравнивать жизнь въ Калугѣ съ жизнью въ Петербургѣ и отдавать преимущество то той, то другой, продолжала то жаловаться на калужское общество, то мириться съ нимъ. Но просьбы Гоголя съѣздить похлопотать по его дѣлу въ Петербургѣ она не исполнила, хотя сначала и выказала полную готовность; помѣхой въ данномъ случаѣ послужило то самое мистически-настроенное религіозное чувство, которое такъ усердно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ старался вдохнуть въ нее Гоголь. Привыкнувъ всюду дѣлать распоряженія и обращаться съ просьбами, которыя должны быть непремѣнно исполнены во имя дружбы, Гоголь уже назначилъ Смирновой съѣздить въ Петербургъ, остановиться у Віельгорскихъ, сказать даже, что такъ она поступаетъ по его приказанію и проч. Смирнова была на все согласна, но — писала она — „по первому же пути я сперва съѣзжу въ Воронежъ, по обѣщанію, а тамъ прямо въ Петербургъ"[2]). На самомъ дѣлѣ поѣздка въ Воронежъ взяла, вѣроятно вмѣстѣ съ продолжительными сборами изнѣженной великосвѣтской дамы, черезчуръ много времени, а послѣ нельзя было ѣхать, потому что Александра Осиповна почувствовала себя беременной. „Я не въ Петербургѣ потому",—извинялась она,—„что по обѣщанію должна была, при возвращеніи первыхъ силъ и установленіи пути, ѣхать къ Святителю. Вчера вечеромъ обдумывала, какъ совершить поѣздку въ Питеръ, потому что по всѣмъ признакамъ я беременна, а ухабы вредны въ этомъ положеніи". Смирнова утѣшала себя далѣе мыслью, что Плетневъ сумѣетъ все сдѣлать и безъ нея, и потому ей „совершенно не нужно ѣхать въ Петербургъ"[3]). Между тѣмъ Гоголь вы-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 251 и «Русск. Стар.», 1890, VII, 210 и VIII, 280—281.

[2]) «Русск. Стар.», 1890, VIII, 280.

[3]) Тамъ же, стр. 281.

носилъ страшную пытку напряженнаго ожиданія, смѣнявшагося по временамъ тоской полнѣйшаго разочарованія. Особенно онъ былъ огорченъ и подавленъ, когда относительно нѣкоторыхъ пропусковъ въ его книгѣ, предположенныхъ цензоромъ, въ неблагопріятномъ для Гоголя смыслѣ высказался самъ наслѣдникъ, нарочно призвавшій къ себѣ Плетнева для личныхъ объясненій.

Послѣ этого столь непріятнаго инцидента всѣ заботы Гоголя были устремлены уже исключительно на изданіе „Переписки съ друзьями". Въ связи съ этимъ откладывалась и давно предположенная поѣздка въ Іерусалимъ... Но дѣловыя сношенія Гоголя съ семействомъ Віельгорскихъ не прекращались. При выходѣ „Переписки" ему снова пришлось возложить бремя хлопотъ по части цензурныхъ затрудненій на тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя хлопотали пять лѣтъ тому назадъ о первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ", къ которымъ теперь были прибавлены еще нѣкоторые другіе (Плетневъ, А. О. Россетъ). М. Ю. Віельгорскій снова долженъ былъ передать нѣсколько только-что отпечатанныхъ экземпляровъ всѣмъ членамъ царской фамиліи и ходатайствовать о снятіи запрещенія съ исключенныхъ цензурою статей. „Это добрая, великодушная душа (sic)", — отзывался о немъ Гоголь, — „не говоря уже о томъ, что онъ мнѣ родственно близокъ по душевнымъ отношеніямъ ко мнѣ всего семейства своего"[1]). Въ самомъ дѣлѣ Віельгорскій оказалъ Гоголю большую услугу, выхлопотавъ ему отъ государя особую милость: канцлеру приказано было написать во всѣ посольства за границей, чтобы оказывать ему всюду чрезвычайное покровительство. Разговаривая съ государемъ, Віельгорскій успѣлъ сильно заинтересовать его судьбой Гоголя, что̀ обнаружилось со стороны перваго рядомъ разспросовъ, исполненныхъ теплаго участія. Все это подавало Гоголю надежду на безпрепятственный пропускъ „Переписки съ друзьями". Поэтому онъ особенно настаивалъ, чтобы книга была доведена до государя и послѣдній могъ непосредственно удостовѣриться въ ея совершенной благонадежности. Но, какъ мы сказали, ожиданія Гоголя не сбылись: книга была показана наслѣднику, который вполнѣ согласился съ мнѣніемъ цензора.

---

[1]) «Русская Стар.», 1888, VI, 579, въ статьѣ: письма къ П. А. Плетневу (пропущенныя мѣста въ изд. Кулиша).

Въ это трудное время у Гоголя оживилась замѣтно переписка съ его родной матерью, принимавшей въ немъ всегда самое горячее участіе, и съ „духовной матерью“, Н. Н. Шереметевой. Суровый тонъ упрековъ и наставленій, который, впрочемъ, въ сущности не противорѣчилъ, по нашему мнѣнію, любви Гоголя къ роднымъ, замѣнился теперь кроткими просьбами молиться за него. Впрочемъ, крайнее аскетическое настроеніе, усвоенное Гоголемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, давало и теперь и позднѣе чувствовать себя, напр., въ томъ, что Гоголь желалъ, чтобы его сестры принимали къ себѣ убогихъ и странниковъ, ко всякому пріѣзжему относились съ самой теплой предупредительностью, не помышляли бы о выходѣ замужъ, но, расположивъ въ своемъ домѣ устройство комнатъ на подобіе монастырскаго общежитія, оставались всегда вмѣстѣ и проч.

LXXVI.

Мы сказали, что печатаніе „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, составлявшее строжайшую тайну для самихъ этихъ друзей Гоголя, было поручено Плетневу подъ величайшимъ секретомъ и нарочно была выбрана для этого наименѣе посѣщаемая типографія и одна только Смирнова узнала о печатаніи отъ самого Гоголя[1]). Правда такое извѣщеніе было дѣломъ необходимости, такъ какъ на Александру Осиповну возлагалась надежда, что она будетъ въ силахъ устранить цензурныя затрудненія[2]), но Гоголь придавалъ большое значеніе ея помощи и въ болѣе широкомъ смыслѣ[3]). Часть письма къ Плетневу, касающаяся этого предмета, пропущена въ изданіи г. Кулиша; возстановляемъ его по подлиннику: „Если Ни-

---

[1]) И нѣсколько позднѣе любимый братъ ея, Аркадій Осиповичъ Россетъ, который въ 1846 г. уже писалъ Гоголю о печатаніи писемъ («Русск.Ст.», 1884 г., № 1, 165 и пр.).

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 272.

[3]) Александра Осиповна не могла, однако, на этотъ разъ исполнить просьбу своего друга: въ 1846 г. и въ 1847 г., до рожденія своего сына Михаила и вскорѣ послѣ родовъ, она болѣла почти въ продолженіе двухъ лѣтъ и даже была при смерти и два раза соборовалась.

китенко будетъ затрудняться или одолѣется робостью, то мое мнѣніе — печатать книгу и въ корректурныхъ листахъ поднести все на прочтеніе государя. Дѣло мое правда и польза, и я вѣрую, что моя книга вся будетъ пропущена. Въ послѣднемъ [1]) случаѣ переговори объ этомъ хорошенько съ Александрой Осиповной, если только она уже въ Петербургѣ; она сумѣетъ это устроить". Смирновой же Гоголь писалъ по тому же поводу:

„Отъ Плетнева узнаете все и съ нимъ обдумаете, какъ и чѣмъ можно быть лучше мнѣ полезнымъ. Приходитъ время, когда должна объясниться, хотя отчасти, свѣту причина долгаго моего молчанія и моей внутренней жизни. Другъ мой, если Богъ милостивъ, то можно собрать прекрасную жатву во славу святаго имени Его" [2]).

Никому Гоголь не говорилъ до выхода своей книги о ней съ такой самоувѣренностью и съ такой безусловной надеждой на сочувствіе, и это представляется тѣмъ болѣе любопытнымъ, что въ другихъ вопросахъ (относительно раздачи денегъ бѣднымъ студентамъ) Гоголь неохотно примирялся даже съ тѣмъ, что тайна противъ его воли была передана другими Смирновой.

Мы можемъ привести и другія доказательства того, что Смирнова была наиболѣе посвящена въ литературную жизнь Гоголя. Не останавливаясь на общеизвѣстномъ фактѣ чтенія Гоголемъ у Смирновой второго тома „Мертвыхъ Душъ", по поводу котораго въ ихъ перепискѣ являются шутливые поклоны и разспросы о Тентетниковѣ, Муразовѣ и Костанжогло, а также совѣты А. О. Смирновой свести Уленьку съ пьедестала, — укажемъ на слѣдующій фактъ.

Гоголь не пощадилъ однажды своего самолюбія, признаваясь ей, въ отвѣтъ на приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ: „съ вами хотѣлось бы подчасъ сильно увидѣться. Но пріѣздъ мой былъ бы мнѣ не въ радость: одинъ упрекъ только себѣ видѣлъ бы я на всемъ, какъ человѣкъ, посланный за дѣломъ и возвратившійся съ пустыми руками, которому стыдно даже и заговорить, стыдно и лицо показать" [3]). Любопытно, что такого же рода подозрѣнія носились въ Россіи и дошли до

---

[1]) Т.-е. въ крайнемъ случаѣ.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 269.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 175—176.

ушей его матери, которая, какъ всегда, совершенно простодушно, безъ всякой мысли о томъ, какое дѣйствіе будутъ имѣть слова ея на сына, передала ихъ ему. Гоголя это задѣло за живое и онъ открещивается отъ такого мнѣнія: „Слухи, которые до васъ дошли, что я будто потому не ѣду въ Россію, что совѣстно съ пустыми руками показаться, не совсѣмъ справедливы“ [1]).

Смирнова, въ свою очередь, не задумывалась сообщать Гоголю то, что̀ не могло быть пріятно ея самолюбію; такъ, она не скрывала отъ него нѣкоторыхъ ударовъ ея свѣтскому реномэ.

Гоголь же, разумѣется, также нуждался въ нравственной опорѣ, что̀ несомнѣннымъ образомъ доказывается содержаніемъ его писемъ къ матери, ржевскому священнику Матвѣю и набожной старушкѣ Шереметевой [2]). Извѣстно, что для продолженія „Мертвыхъ Душъ“ онъ считалъ необходимымъ перевоспитать себя [3]). Въ „Авторской Исповѣди“ онъ смотритъ на литературную дѣятельность, какъ на долгъ, для котораго писатель призванъ на землю, исполняя который, онъ „служитъ также государству своему, какъ бы находился на государственной службѣ“. Взглядъ его на свое призваніе постепенно становился возвышеннѣе. Сначала онъ „выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры“ потому только, что „молодость подталкивала. Но“, продолжаетъ онъ, „Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно“. И вотъ въ произведеніяхъ Гоголя является высокая общественная цѣль: въ „Ревизорѣ“ онъ рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, чтобы за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ“ [4]). По своей натурѣ и по критическому свойству таланта, Гоголь, конечно, и долженъ былъ идти въ этомъ направленіи; по послѣ огромнаго успѣха перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, онъ захотѣлъ бо̀льшаго, ему представилась, по его взгляду,

---

[1]) Тамъ же, стр. 194.

[2]) Но они не удовлетворяли умъ Гоголя, тогда какъ въ А. О. Смирновой онъ нашелъ соединеніе замѣчательнаго ума съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ.

[3]) См. Соч. Гоголя, VI, 76 и 319. Въ сороковыхъ годахъ Гоголь смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность съ точки зрѣнія религіозно-аскетической: «Способность созданія», — говоритъ онъ, — «есть способность великая, если только она оживотворена благословеніемъ высшимъ Бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, какъ слѣдуетъ, въ дѣло». (Соч. Гоголя, VI, 346).

[4]) Соч. Гог. изд. X, т. IV, стр. 248—250.

еще болѣе серьезная и глубокая цѣль, въ сущности же фантастическая. Желая принести еще больше пользы обществу, онъ думаетъ создать нѣчто грандіозное и надѣется, что „настанетъ время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей"[1]). Но для этого онъ находитъ, что ему самому „нужно состроиться и создаться прежде, чѣмъ думать о томъ, чтобы состроились и создались другіе", такъ какъ „нельзя изглашать святыни, не освятивъ прежде собственную душу[2])". Какая страшная противоположность между великимъ замысломъ и духовной пищей, получаемой отъ Матвѣя и отъ умной и симпатичной, но простодушной старушки Шереметевой! Во всякомъ случаѣ, Гоголь искренно стремился къ усовершенствованію нравственному и искалъ въ себѣ недостатковъ. У всѣхъ близкихъ и наиболѣе любимыхъ людей онъ молилъ упрековъ, создавая изъ нихъ какой-то своеобразный культъ. Онъ жалуется Смирновой: „Вы было порадовали меня, что будете бранить и упрекать меня во многомъ, и дѣло кончилось ничѣмъ. Въ нынѣшнемъ письмѣ даже и намека нѣтъ на это[3])". Самъ онъ расточаетъ упреки всѣмъ близкимъ и говоритъ однажды матери, что „хотѣлъ ей прислужиться упреками!" Но упрековъ легче просить, нежели слушать ихъ, и А. О. Смирнова была права, замѣчая довольно тонко: „Вы меня бранили — я слушала; вздумала васъ разбранить — вы меня вдвойнѣ разбранили, потому что мы уже не можемъ ни сердиться, ни считаться"[4]). Въ этотъ періодъ Гоголь просилъ молиться за него, возвеличивалъ значеніе болѣзней и страданій и идеаломъ его были святые молчальники[5]).

---

[1]) «Мертвыя Души», VII глава. (Соч. Гоголя, 3-е изданіе наслѣдниковъ, т. 3, стр. 141; изд. X, т. III, стр. 132).

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 175.

[3]) Тамъ же, стр. 109.

[4]) См. соч. и письма Гоголя т. VI, стр. 387 и «Сѣв. Вѣстн.» 1893, I, стр. 252. Гоголь, желая быть послѣдовательнымъ, старался, однако, увѣрять себя и другихъ въ томъ, что упреки ему пріятны, что они составляютъ, такъ сказать, кладъ для него: получивъ ихъ въ изобиліи и со всѣхъ сторонъ по поводу «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», онъ писалъ Россету (Аркадію Осиповичу): «Обстоятельствами нужно пользоваться: Богъ высыпалъ вдругъ цѣлую груду сокровищъ, ихъ нужно подбирать обѣими руками» («Русск. Старина», 1884, I, стр. 169).

[5]) Письмо къ Языкову, т. VI, 33.

Александра Осиповна, воодушевленная самыми лучшими желаніями по отношенію къ Гоголю, едва ли не наиболѣе изъ всѣхъ друзей помогла вступленію его на этотъ скользкій путь[1])... Невольно задаешь вопросъ: чего же недоставало Гоголю, чтобы достигнуть въ жизни и дѣятельности результатовъ, болѣе достойныхъ нравственнаго подвига, которымъ онъ задался, и почему ему и людямъ, съ любовью и надеждой ожидавшимъ величественнаго плода, досталась горькая чаша разочарованія и даже глумленія со стороны современниковъ и потомства. Но не всегда благія стремленія увѣнчиваются успѣхомъ и не всякая неудача можетъ быть объясняема виной другихъ людей или обстоятельствъ; въ данномъ случаѣ была роковая ошибка. Цѣль, которою задавался Гоголь, требовала трезваго отношенія къ дѣйствительности и строгаго упражненія критической мысли, тогда какъ средства, избранныя имъ для достиженія ея, вели его совершенно въ другую сторону и по другой дорогѣ. Если они и способствовали нравственному его совершенствованію, то, во всякомъ случаѣ, отвлекая его отъ дѣйствительной жизни, удаляли и отъ желаемаго результата, который, какъ миражъ, носился цѣлое десятилѣтіе передъ его глазами и часто казался близкимъ, но всегда упорно отъ него ускользалъ...

LXXVII.

Зиму 1846 года Гоголь провелъ въ Неаполѣ. Предпочтеніе, оказанное въ данномъ случаѣ этому городу передъ Римомъ, объясняется намѣреніемъ Гоголя при первой возможности отправиться въ Іерусалимъ, и отчасти также тѣмъ, что постоянно усиливающаяся зябкость вынуждала его къ дальнѣйшему движенію на югъ. Даже въ Италіи онъ съ трудомъ могъ выносить зиму, а воспоминаніе о послѣдней зимѣ, проведенной въ Россіи, возбуждало въ немъ непріятное чувство даже по прошествіи почти семи лѣтъ. „Натура моя“ — признавался Гоголь — „сдѣлалась нѣсколько похожею на стариковскую, требующую юга: крови мало, и та движется ме-

[1]) Однажды напр. А. О. Смирнова писала Гоголю: «мнѣ какъ-то дѣлается за васъ иногда страшно: смотрите, не скройте своего таланта, то есть, того, *настоящаго*, вамъ Богомъ даннаго не *даромъ*. Не оставь намъ только *первые плоды незрѣлые* или выходки сатирическія огорченнаго ума. (Сѣв. Вѣстникъ, 1893, I, 218). Ср. Русск. Стар., 1888, X, стр. 144.

дленно, а нервы въ то же время такъ чувствительны, что малѣйшая сѣверная мгла дѣйствуетъ сильно, отъ морознаго же дня у меня захватываетъ духъ въ груди"[1]).

Въ Неаполѣ Гоголь нашелъ дружескій пріютъ и квартиру у графини Апраксиной, гдѣ онъ былъ окруженъ заботливымъ уходомъ и полнѣйшимъ комфортомъ. Расположеніе духа было у него теперь покойное и свѣтлое, въ той мѣрѣ, въ какой онъ уже давно имъ не пользовался, и это происходило, главнымъ образомъ, благодаря пріятному сознанію честно исполненнаго долга и пользы, принесенной изданіемъ „Переписки" чуть ли не всѣмъ соотечественникамъ. Самый Неаполь, никогда прежде не привлекавшій его, вдругъ показался ему прекраснымъ и заслонилъ собою въ его представленіи дивное величіе Рима. Сюда тянуло Гоголя въ слѣдующемъ году и все по той же причинѣ, которая дѣлала для него Неаполь пріятнѣйшимъ городомъ въ мірѣ. Вернувшись туда черезъ годъ, Гоголь такъ объяснялъ свое тяготѣніе къ Неаполю: „Я теперь въ Неаполѣ, затѣмъ что здѣсь мнѣ какъ-то покойнѣе и отсюда я ближе къ выгрузкѣ на корабль"[2]). Точно также зимой 1846 года Гоголю казалось, что ему осталось только дождаться выхода въ свѣтъ своей книги и убѣдиться въ ея благотворномъ вліяніи на массу читателей и потомъ съ облегченной совѣстью искать указаній воли Божіей для путешествія въ Палестину, откуда уже онъ предполагалъ навсегда возвратиться въ Россію. Необходимыми условіями для отправленія въ путь, по убѣжденію Гоголя, должны быть неудержимое желаніе ѣхать, устраненіе по волѣ Божіей всѣхъ препятствій и какой-нибудь дорогой его сердцу попутчикъ. Когда пробьетъ часъ, все явится непремѣнно и само собой. Обстоятельнѣе всего эта мысль была высказана въ одномъ письмѣ къ Н. Н. Шереметевой, въ которомъ читаемъ между прочимъ слѣдующія строки: „Покорно буду ждать Его святой воли и не пущусь въ дорогу безъ яснаго указанія отъ Неба. Есть еще много обстоятельствъ, отъ попутнаго устроенія которыхъ зависитъ мой отъѣздъ, надъ которыми властенъ Богъ и которыя всѣ въ рукахъ Его. Благоволитъ Онъ все устроить къ тому времени, какъ слѣдуетъ — это будетъ знакъ, что

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 422.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 428.

мнѣ смѣло можно пускаться въ дорогу. Но знакомъ будетъ уже и то, когда все, что ни есть во мнѣ — и сердце, и душа, и мысли, и весь составъ мой — загорится въ такой силѣ желаніемъ летѣть въ обѣтованную святую эту землю, что уже ничто не въ силахъ будетъ удержать, и, покорный попутному вѣтру небесной воли Его, понесусь, какъ корабль, не отъ себя несущійся"[1]). Изъ людей болѣе или менѣе близкихъ Гоголь разсчитывалъ на Погодина, о желаніи котораго ѣхать въ Іерусалимъ слышалъ давно[2]), и хотя не получилъ отъ него ни строки въ отвѣтъ на сдѣланный ему запросъ, а въ „Перепискѣ съ друзьями" сильно оскорбилъ его, но не придавалъ всему этому значенія вслѣдствіе крайне своеобразнаго взгляда на вещи, съ каждымъ днемъ усвоиваемаго все сильнѣе и сильнѣе. Иногда кромѣ того у него мелькала надежда раздѣлить путешествіе съ А. О. Смирновой.

Но настатъ грозный для Гоголя 1847 годъ, когда вмѣсто ожидаемыхъ тріумфовъ и какого-то коренного переворота, который должна была сдѣлать во всѣхъ сердцахъ его книга, Гоголь замѣтилъ свое заблужденіе и увидѣлъ себя со всѣхъ сторонъ осыпаемымъ упреками и насмѣшками. Все это разразилось и обрушилось такъ неожиданно, что онъ почувствовалъ себя разбитымъ и уничтоженнымъ. Упрековъ онъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ желалъ всѣмъ сердцемъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эти упреки выходили изъ одинаковаго съ нимъ и теперь единственно доступнаго ему міросозерцанія. Вышло совсѣмъ иное: Гоголя не поняли и онъ никого не понялъ и въ сущности только разстроилось его внутреннее довольство безъ пользы для кого бы то ни было, такъ что онъ уже не счелъ себя готовымъ къ путешествію и отложилъ его еще на годъ. Внимательное изученіе писемъ Гоголя достаточно выясняетъ то, что онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ міросозерцаніи, чтобы его могли образумить отовсюду получаемыя письма и проникнутыя негодованіемъ печатныя критическія статьи. Все это пришло слишкомъ поздно, когда въ душѣ Гоголя создалось цѣлое фантастическое царство и жестоко наносимые удары

---

[1]) Тамъ же, стр. 284—285; также VI, 293, откуда видно, что Гоголь не раньше хотѣлъ ѣхать въ Іерусалимъ, какъ получилъ бы указанія Божіи «въ попутномъ ходѣ всѣхъ къ тому споспѣшествующихъ обстоятельствъ и въ отстраненіе всѣхъ препятствій».

[2]) См. также «Переписку Грота съ Плетневымъ», II, стр. 427.

могли только надломить его душевную бодрость, или точнѣе, остатки ея, но никакъ не направить на новый путь. Привычное теченіе мыслей, порожденное напряженной работой многихъ лѣтъ, не могло уже измѣниться, и при всемъ желаніи выслушивать безпощадную правду, Гоголь былъ въ состояніи понять и усвоить только то, что не расходилось замѣтно съ его основными убѣжденіями; все остальное казалось ему дикимъ, невѣроятнымъ и даже просто не идущимъ къ дѣлу. Онъ въ этомъ и самъ проговорился однажды, сказавъ: „я слишкомъ твердъ въ главныхъ моихъ убѣжденіяхъ; но у меня правило: всѣхъ выслушай, а сдѣлай по своему“[1]). Главное заблужденіе Гоголя, — что онъ призванъ силой свыше освященнаго дара обратить всѣхъ къ добру —, послѣ всѣхъ критикъ и писемъ осталось въ полной силѣ. Чѣмъ больше старались Гоголю раскрыть глаза, тѣмъ онъ становился упорнѣе. „Будь покоенъ на мой счетъ“ — утѣшалъ онъ Плетнева: „меня не смутятъ критики и ни въ чемъ не заставятъ меня пошатнуться, что здраво и крѣпко во мнѣ. Изъ всѣхъ писателей, которыхъ мнѣ ни случалось читать біографіи, я еще не встрѣтилъ ни одного, кто бы такъ упрямо преслѣдовалъ разъ избранный предметъ. Эту твердость мою я чту знакомъ Божіей милости къ себѣ“[2]). Въ сущности мы видимъ, что онъ остается на старой точкѣ зрѣнія, когда онъ, безцеремонно толкуя по своему волю Провидѣнія, доходилъ до убѣжденія, что „Богъ воздвигнетъ его духъ до надлежащей свѣжести совершить работу всюду на всякомъ мѣстѣ и въ какомъ бы то ни было тяжеломъ состояніи тѣла: *лежа, сидя или даже не двигая руками (!!)*“[3]). Эти слова вырвались у него въ письмѣ къ Плетневу, въ письмахъ къ которому было сравнительно удобнѣе излагать мистическіе взгляды, и матери Гоголь писалъ, ничто же сумняся, съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ въ Россіи „начнетъ службу истинную отечеству, къ которой его *готовитъ самъ Богъ*“[4]). При такомъ безумномъ убѣжденіи Гоголь не могъ ни въ чемъ существенномъ отступить на йоту отъ своихъ иллюзій и подъ вліяніемъ возраженій сталъ только приходить къ заключенію, что вся бѣда

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 390.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, стр. 250.

4) Стр. 330.

въ томъ, что онъ еще не привыкъ и не умѣетъ говорить просто, что до простоты ему нужно возвыситься, воспитать себя; что ему предстоитъ много работы для этого надъ самимъ собой и, конечно, все въ томъ же направленіи, которое вело его *не къ цѣли*, а *отъ цѣли*; что если тѣ же, какъ ему казалось, несомнѣнныя истины изложить инымъ, болѣе удачнымъ и доступнымъ образомъ, то онѣ будутъ имѣть неотразимое дѣйствіе; что наконецъ печальное появленіе книги было необходимо, чтобы заставить всѣхъ высказаться, безъ чего будто бы нельзя было продолжать „Мертвыя Души". Гоголь утѣшалъ себя даже тѣмъ, что Богъ не попуститъ его книгѣ пройти неоцѣненной, что слышанные толки еще ничего не значатъ, что вѣдь его книга принадлежитъ къ числу такихъ, которыя становятся понятны не скоро, что ее необходимо перечитать много разъ и воспринимать ея содержаніе въ душевныя минуты. Однимъ словомъ, онъ вращался все въ томъ же заколдованномъ кругѣ.

Но особенно не въ силахъ былъ Гоголь разстаться съ миражемъ необъятной пользы, которую должна была принести его книга, и находилъ успокоеніе въ мечтахъ о томъ, что по поводу ея могутъ другіе написать много полезнаго, какъ между прочимъ и обѣщалъ ему Жуковскій. Самая мысль сразу все поправить „Авторской Исповѣдью" и разъяснить то, чего не разъяснила будто бы „Переписка", какъ и все дальнѣйшее содержаніе писемъ Гоголя, какъ нельзя яснѣе доказываетъ, что онъ былъ уже неспособенъ вступить въ новую сферу представленій. Этимъ же объясняется, что, какъ онъ ни вынуждалъ себя къ смиренію, степень его расположенія или непріязни къ разнымъ лицамъ въ значительной мѣрѣ опредѣлялась уже степенью ихъ сочувствія или снисходительности къ дорогимъ для него идеямъ. Какъ мистикъ до мозга костей, онъ не задумался приписать неуспѣхъ своей книги „демону излишества", о которомъ такъ много говорится въ его письмахъ 1847 года[1]). Если кому-нибудь показалось бы смѣлымъ утвержденіе, что въ данномъ случаѣ мы лишь на половину имѣемъ дѣло съ метафорой, тѣмъ мы предлагаемъ перечитать его письма къ Смирновой, письмо къ Аксакову отъ 16 мая

---

1) См. Соч. Гог., изд. Кул., т. VI, стр. 442; стр. 376, 420 и проч.; „Сборникъ въ память Юрьева", стр. 262.

1844 и проч. Въ письмѣ къ отцу Матвѣю Гоголь особенно подробно развивалъ эту мысль о „демонѣ излишества“, гдѣ онъ такъ оправдывалъ себя: „Я опрометчиво поспѣшилъ съ этой неразсудительной книгой и нечувствительно забрелъ туда, гдѣ мнѣ неприлично. А діаволъ, который какъ тутъ, раздулъ до чудовищной преувеличенности даже и то, что было даже и безъ умысла учительствовать, что случается всегда съ тѣми, которые понадѣются нѣсколько на свои силы и на свою *значительность* у Бога“[1]). Слѣдовательно все сваливалось на наважденіе дьявола, на раннее появленіе книги и проч.; но, очевидно, Гоголь не думалъ хоть на будущее время провѣрить основательность своихъ взглядовъ и только искалъ для нихъ болѣе цѣлесообразную и убѣдительную форму выраженія. Наконецъ онъ рѣшилъ, что все, что такъ долго занимало его мысли, необходимо вложить въ слѣдующіе томы „Мертвыхъ Душъ“. Нужно только еще лучше воспитать себя для этого труда. „Другъ мой“, — писалъ онъ Смирновой — „не позабывайте, что у меня есть постоянный трудъ: эти самыя „Мертвыя Души“, которыхъ начало явилось въ такомъ неприглядномъ видѣ“[2]). Шевыреву онъ писалъ: „Если и нынѣшняя моя книга, „Переписка“ (по мнѣнію даже неглупыхъ людей и пріятелей моихъ) способна распространить ложь и имѣетъ свойство увлечь; то самъ посуди, во сколько разъ больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену съ моими живыми образами. Тутъ вѣдь я буду посильнѣе, чѣмъ въ „Перепискѣ“. Тамъ можно было разбить меня въ пухъ и Павлову и барону Розену, а здѣсь врядъ ли и Павловымъ и всякимъ прочимъ литературнымъ рыцарямъ и наѣздникамъ будетъ подъ силу тягаться“[3]). Стоитъ значитъ снова возвратиться къ художественному творчеству, и истина идей „Переписки“ возсіяетъ во всемъ блескѣ; вся ошибка, такъ сказать, въ неудачномъ выборѣ оружія.

LXXVIII.

Сначала заботы Гоголя были обращены исключительно на изданіе „Переписки“ въ полномъ видѣ, безъ цензурныхъ урѣ-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 442.

[2]) Стр. 345.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 431. Ср. въ «Авторской Исповѣди» (Соч. Гог., изд. X, т. IV, 268).

зокъ. Надъ этимъ онъ долго и сосредоточенно хлопоталъ. Поручивъ печатанье книги Плетневу, онъ назначилъ ему нѣсколько сотрудниковъ. Не вполнѣ довѣряя себѣ въ вопросахъ стиля, онъ по обыкновенію обратился съ просьбой къ Плетневу, какъ въ другихъ случаяхъ къ Шевыреву и Прокоповичу; свои сомнѣнія относительно рѣзкости тона и смѣлости высказываемыхъ мыслей онъ поручалъ разрѣшить князю Вяземскому и графу Віельгорскому. Корректура, присылка рецензій и газетныхъ статей и другія мелочи были возложены на А.О. Россета. Въ своихъ сношеніяхъ съ цензурой Гоголь былъ очень настойчивъ и не хотѣлъ поступиться ничѣмъ кромѣ двухъ статей. Онъ былъ крайне недоволенъ колебаніями Никитенка и съ досадой припоминалъ его письмо, написанное по поводу перваго тома „Мертвыхъ Душъ". „Все, что для иныхъ людей трудно переносить", — писалъ онъ Смирновой — „я переношу съ Божіей помощью, и не умѣю только переносить боли отъ цензурнаго ножа, который безчувственно отрѣзываетъ цѣликомъ страницы, написанныя отъ чувствовавшей души и отъ доброжеланія. Весь слабый составъ мой потрясается въ такія минуты. Точно какъ бы передъ глазами матери зарѣзали ея любимѣйшее дитя, такъ мнѣ тяжело бываетъ это цензурное убійство, и сдѣлалъ тотъ самый цензоръ, который благоволилъ къ моимъ произведеніямъ, боясь по его собственному выраженію произвести царапину на нихъ"[1]). Въ послѣднихъ словахъ Гоголь имѣлъ въ виду, безъ сомнѣнія, слова Никитенка: „цензура всячески изгадила прекрасное твореніе" („Мертвыя Души"); но „путь ея узокъ и тѣсенъ, и потому не удивительно, что на немъ осталось нѣсколько царапинъ, и его нѣжная и роскошная кожа кое-гдѣ поистерлась"[2]).

Лихорадочное нетерпѣніе, съ которымъ Гоголь слѣдилъ за судьбой своего литературнаго дѣтища, сильно истощило и потрясло его слабый организмъ[3]). Въ продолженіе нѣсколь-

---

1) «Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 87—88.

2) «Русск. Стар.», 1889, VIII, 384.

3) Гоголь скоро узналъ на опытѣ, насколько невѣрны и рискованны были основныя положенія его статьи о Карамзинѣ (т.-е. размышленія относительно свободы печати). Шевыревъ также писалъ ему: «Странно говоришь ты, что въ наше время можно сказать вслухъ всякую правду, и въ доказательство приводишь Карамзина, котораго «Записка о древней Руси» до сихъ поръ не напечатана, и когда я вздумалъ изъ нея немногое (*не самое важное*) привести на лекціи, то

кихъ мѣсяцевъ онъ находился въ состояніи самаго напряженнаго ожиданія, переживая попеременно надежду и отчаяніе, слѣды борьбы которыхъ ясно отражаются въ перепискѣ. Гоголь то получаетъ ложное извѣстіе о пропускѣ цензоромъ Никитенкомъ всей книги въ полномъ объемѣ и при своей нервной впечатлительности, доходившей въ то время до очень высокаго градуса, приходитъ въ умиленіе отъ мнимаго безпримѣрнаго по благородству его поступка и проситъ графиню Луизу Карловну оказать покровительство цензору, „обнаружившему довѣріе къ высокому благородству души государя“[1]); то вдругъ въ слѣдующемъ почти письмѣ Гоголь сѣтуетъ на то, что цензоръ оставилъ отъ книги какой-то „оглодышъ“, и разражается на него негодованіемъ. „Во всемъ этомъ дѣлѣ былъ какой-то необъяснимый ковъ“, говорилъ онъ. „Цензоръ былъ въ рукахъ какихъ-то дурныхъ людей, употребившихъ все, чтобы произвести безсмыслицу въ книгѣ вымаркой многихъ мѣстъ, связывающихъ и объясняющихъ обстоятельства предшествующія и послѣдующія“[2]), и проч.

Очень естественно, что вслѣдствіе такихъ тревогъ Гоголь страдалъ страшнымъ нервнымъ разстройствомъ и безсонницей, отъ которыхъ ему вскорѣ пришлось ѣхать лѣчиться въ Остендс. Каждое извѣстіе, достигавшее до него изъ Россіи, производило удручающее дѣйствіе. Настоятельная его просьба, обращенная къ друзьямъ, сообщать всѣ толки о „Перепискѣ съ друзьями“ исполнялась, но отъ этого ему было не легче. Отовсюду слышались только упреки и порицанія. Софья Михайловна съ своей стороны правдиво изложила передъ Гоголемъ и собственный взглядъ на книгу, и отношенія къ ней публики и печати. На этотъ разъ она почти не говоритъ о своихъ и занята исключительно участіемъ къ судьбѣ Гоголевой книги. Но и ея письмо заключало въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки: „критики столь язвительны, разборы вашихъ писемъ такъ немилосердно строги и насмѣшливы, что я считаю лишнимъ упоминать о нихъ, руководствуясь правиломъ: „плетью обуха не перешибешь“. Оканчивая письмо, она даже сочла нужнымъ прибавить: „повторяю

получилъ за это выговоръ отъ попечителя» (Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893 г., стр. 43).

[1]) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 116.

[2]) Тамъ же, стр. 118; ср. «Русск. Архивъ», 1896, III, стр. 365.

вамъ ваши собственныя слова: „не унывайте", — сказанныя вами мнѣ столь часто"[1]). Подробнѣе и отчетливѣе передала впечатлѣнія, произведенныя на нее толками о „Перепискѣ съ друзьями", Анна Михайловна, что впрочемъ едва ли могло способствовать успокоенію автора[2]).

Вспомнимъ, что по пословицѣ: „На кого Богъ, на того и люди", послѣ рѣшительнаго и полнѣйшаго фіаско „Выбранныхъ мѣстъ", на Гоголя отовсюду посыпались градомъ вожделѣнные имъ прежде упреки; „надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ"[3]). Гоголь былъ подавленъ, потрясенъ, опозоренъ. За всякое теплое слово, исполненное участія, онъ былъ тогда благодаренъ. Даже Жуковскому онъ писалъ съ признательностью: „ты кротко, безъ негодованія подаешь мнѣ братскую руку свою"[4]). Со страхомъ распечатывалъ и читалъ онъ письмо самой Шереметевой, его „духовной матери", пока не убѣдился, что „въ немъ та же любовь и тѣ же молитвы"[5]). И въ это-то тяжелое время и получилъ Гоголь роковое письмо отъ Бѣлинскаго, отвѣтъ на которое имъ не былъ посланъ, вслѣдствіе крайней подавленности духа.

Обращаясь къ пересмотру многочисленныхъ статей и частныхъ писемъ, полученныхъ Гоголемъ, по поводу „Переписки съ друзьями", остановимся сперва на обзорѣ печатныхъ критикъ, но о письмѣ къ нему Аксакова, отразившемся на нѣкоторыхъ личныхъ отношеніяхъ Гоголя и его друзей, скажемъ прежде всего.

---

[1]) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 117.

[2]) Тамъ же, стр. 119—121.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 241.

[4]) Кулишъ, VI, 351.

[5]) Для полной оцѣнки тяжести цѣлаго ряда сильнѣйшихъ ударовъ, сыпавшихся въ то время на голову Гоголя, не имѣвшаго въ продолженіе многихъ лѣтъ отдыха отъ жестокихъ несчастій, слѣдуетъ, кромѣ извѣстной намъ размолвки съ Аксаковымъ, имѣть въ виду также потрясеніе, испытанное имъ вслѣдствіе смерти Н. М. Языкова, извѣстіе о которой онъ получилъ отъ С. П. Шевырева (см. Отчетъ Импер. Публ. Библіотеки, за 1893 г., стр. 35—37; см. также «Русск. Архивъ», 1896, XII, стр. 637—638 и «Русскую Старину», 1890, VIII, стр. 286).

Первый ударъ со стороны критики содержанія „Переписки“ былъ нанесенъ С. Т. Аксаковымъ. Аксаковъ не могъ удержаться, чтобы не напомнить Гоголю всѣ прежнія проявленія его мистицизма, и строго обличалъ рѣзко обозначившіеся признаки его въ послѣднемъ сочиненіи. Письмо раздражило Гоголя, что̀ видно уже изъ первыхъ строкъ отвѣта. Гоголь сухо обѣщается принять къ свѣдѣнію сообщенное и находитъ нужнымъ говорить о письмѣ только потому, что въ немъ обнаружилось безпокойство писавшаго. Подозрѣніе въ мистицизмѣ онъ рѣшительно отклоняетъ отъ себя и объясняетъ, что въ его ошибкѣ виноваты сами его друзья своими „неблагоразумными подталкиваніями“. Гоголь впадаетъ даже въ нѣсколько высокомѣрный тонъ сильно раздраженнаго человѣка: „На книгу мою нападутъ со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ, и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Эти нападенія мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ мнѣ въ то же время *васъ*, т.-е. моихъ читателей“ [1]). С. Т. Аксаковъ отвѣчалъ на это: „увы! нельзя мнѣ обмануть себя: вы искренно подумали, что призваніе ваше состоитъ въ возвѣщеніи людямъ высокихъ нравственныхъ истинъ въ формѣ разсужденій и поученій, которыхъ образчикъ содержится въ вашей книгѣ... Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противорѣчите сами себѣ безпрестанно, и, думая служить небу и человѣчеству, оскорбляете и Бога, и человѣка“ [2]). Любопытно, что далѣе Аксаковъ совершенно такъ же упрекаетъ Гоголя въ томъ, что онъ позволилъ себя отуманить похвалами знатныхъ Маниловыхъ и слѣпыхъ фанатиковъ (разумѣя, вѣроятно, Смирновыхъ, Толстыхъ и Віельгорскихъ), какъ его упрекалъ когда-то въ томъ же Плетневъ, намекая, въ свою очередь, на московскихъ друзей Гоголя.

Гоголь, ставившій дружбу съ Смирновой особенно высоко уже потому, что онъ отличалъ въ числѣ своихъ друзей тѣхъ, которые знали его по однимъ сочиненіямъ, отъ болѣе близкихъ, посвященныхъ въ его интимную жизнь, всегда причислялъ Смирнову, Данилевскаго и Вьельгорскихъ къ числу послѣд-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI. стр. 325

[2]) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 164.

нихъ[1]). Напротивъ, дружбѣ перваго рода онъ не придавалъ большого значенія и говорилъ о такихъ литературныхъ пріятеляхъ: „они меня не знаютъ вовсе, любятъ меня по моимъ сочиненіямъ, а не меня самого“[2]). Особенное значеніе получило въ его глазахъ это различіе по выходѣ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Итакъ, когда С. Т. Аксаковъ сталъ упрекать Гоголя за то, что онъ любитъ угожденія знатныхъ Маниловыхъ, и къ числу послѣднихъ отнесъ и Александру Осиповну, то письмо это показалось Гоголю, уже прежде недовольному Аксаковымъ за осужденіе его книги, до того обиднымъ, что онъ рѣзко перемѣняетъ тонъ и не безъ колкостей отстаиваетъ своего друга: „Не сердитесь на Александру Осиповну; не называйте ее безразсудною женщиной. Женщина эта почтена была короткой дружбой Пушкина и Жуковскаго, которые любили ее именно за здравый разсудокъ и за добрую душу. Она знала меня еще прежде, чѣмъ вы меня знали, знала какъ человѣка, а не какъ писателя, видѣла меня въ тѣ душевныя состоянія мои, въ которыя вы меня не видѣли. Съ ней мы были издавна, какъ братъ и сестра“ и проч.[3]). Объ Аксаковѣ, напротивъ, онъ говоритъ, что всегда удивлялся излишеству его любви, на которую не имѣлъ никакого права: „Я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами; вы скорѣе могли узнать меня, какъ писателя, а не какъ человѣка“.

Между тѣмъ такое знакомство казалось ему слишкомъ поверхностнымъ и недостаточнымъ: „На сочиненіяхъ моихъ не основывайтесь и не выводите оттуда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ. Они всѣ писаны давно, во времена глупой молодости... Въ нихъ точно есть кое-гдѣ хвостики душевнаго состоянія моего тогдашняго, но безъ моего собственнаго признанія ихъ никто не замѣтитъ и не увидитъ“. Такой же взглядъ онъ высказываетъ, въ одномъ изъ писемъ, къ особенно уважаемому имъ отцу Матвѣю Константиновскому (ржевскому священнику): „Я бы не подумалъ о писа-

---

1) Полагаясь на тактъ и проницательность Александры Осиповны, Гоголь просилъ ее сообщать ему, какъ матеріалъ для своихъ сочиненій, ея наблюденія въ обществѣ, но по своей природной скрытности долго не объяснялъ прямо, зачѣмъ ему это было нужно. А. О. въ нѣкоторыхъ письмахъ отчасти исполняла его просьбу.

2) Соч. и письма Гоголя, стр. 132.

3) Тамъ же, стр. 419.

тельствѣ, если бы не было теперь такой повсемѣстной охоты къ чтенію всякаго рода романовъ и повѣстей, большею частью соблазнительныхъ и безнравственныхъ, но которые читаются потому только, что написаны не безъ таланта. А я, имѣя талантъ, умѣя изобразить живо людей и природу, развѣ я не обязанъ изобразить съ равной увлекательностью людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ Законѣ Божіемъ?"[1])

Когда Сергѣй Тимоѳеевичъ получилъ отвѣтъ на свое первое письмо о „Перепискѣ съ друзьями", онъ былъ оскорбленъ и разсерженъ. Онъ не ожидалъ еще тогда другихъ, болѣе рѣзкихъ писемъ, послѣдовавшихъ вскорѣ. Съ обѣихъ сторонъ было обнаружено мало спокойствія, а такая несдержанная посредница, какъ Смирнова, своимъ горячимъ заступничествомъ за Гоголя, еще больше обострила ссору. По словамъ дочери Аксакова, „послѣ книги отецъ, видя, что для Гоголя не существуетъ болѣе никакихъ (?!) частныхъ дружескихъ отношеній, показалъ свое письмо и потомъ отвѣтъ Гоголя. Не осталось человѣка, который бы болѣе или менѣе не былъ оскорбленъ имъ, и приговоръ былъ общій, что письмо хуже книги"[2]). Потерявъ хладнокровіе, С. Т. Аксаковъ прочиталъ между строкъ письма мысль Гоголя о томъ, что общество не доросло до его книги, и пожелалъ, чтобы его отношеніе къ книгѣ сдѣлалось извѣстно А. О. Смирновой. Передать содержаніе своего письма или даже прочесть его вполнѣ Аксаковъ поручалъ своему сыну Ивану Сергѣевичу. Но въ письмѣ были такія мысли, какъ напр., что Гоголь погибаетъ отъ ложнаго мудрствованія, что съ его стороны „ужасная ошибка и даже дерзость мѣшать имя Бога во всѣ свои дѣла[3]). Горячо преданная Гоголю, Смирнова въ ссорѣ съ молодымъ Аксаковымъ потеряла всякое самообладаніе; произошла бурная сцена. И. С. Аксаковъ такъ передавалъ объ этомъ отцу: „У меня въ карманѣ было ваше письмо, и я ей хотѣлъ сообщить извѣстіе о письмѣ Гоголя къ Щепкину и, добираясь до этого мѣста, прочитывалъ про себя, однакоже, вслухъ, ваши, правда, жесткія разсужденія о сумасшествіи Гоголя и о плутовствѣ въ его сумасшествіи. Поднявъ случайно глаза,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 425; также 147, 107, 130 и 132.

[2]) «Русск. Арх.», 1890. VIII, 165.

[3]) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 166.

я ужаснулся: Александра Осиповна вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, потомъ затряслась, потомъ подняла руки кверху, и пошла потѣха"[1]). Позабывшись отъ гнѣва, Смирнова наговорила кучу дерзостей своему гостю, разбранила все семейство Аксаковыхъ, назвала ихъ надувателями, и, повторивъ сгоряча мнѣніе о нихъ Гоголя, какъ о людяхъ, дорожащихъ только его талантомъ, расходилась до того, что отъ нея досталось всей Москвѣ, и „дамы, сидѣвшія подлѣ нея, были ни живы, ни мертвы". Женская натура вдругъ сказалась въ Смирновой въ полной силѣ: она возненавидѣла Аксаковыхъ, почувствовала глубокое сочувствіе къ обруганному ими заочно Плетневу и обо всемъ поспѣшила написать Гоголю. Кромѣ того, чѣмъ больше нападали на „Переписку", тѣмъ яростнѣе была ея защита, и притомъ въ защитѣ этой видно было гораздо больше дружеской горячности, чѣмъ настоящаго убѣжденія. Смирнова то утверждала, что „все, что̀ писалъ Гоголь доселѣ, даже „Мертвыя Души", — все поблѣднѣло въ ея глазахъ, при прочтеніи послѣдняго томика" (т.-е. „Переписки"); то запальчиво доказывала, что сумасшествіе не стыдъ, а испытаніе Божіе; то наконецъ говорила: „если Гоголь не будетъ писать, видно, Богу такъ угодно, а за его душу я не боюсь, она будетъ спасена". Однимъ словомъ, относясь къ Гоголю, какъ къ дорогому для нея человѣку, совершенно независимо отъ его таланта, она была возмущена раздраженіемъ противъ него Аксаковыхъ, и съ своей точки зрѣнія была права не менѣе ихъ. Но странно, что С. Т. Аксаковъ, передавая о ссорѣ своего сына съ Смирновой, не рѣшается сознаться въ своемъ негодованіи на него и въ своемъ недовѣріи. Вотъ что̀ онъ говорилъ: „спѣшу увѣрить васъ, что я *никогда (?!) на васъ не сердился* и что я никогда не переставалъ вѣрить искренности вашей (??). Грѣхъ тому опрометчивому человѣку, который внушилъ вамъ такія мысли. Я подозрѣваю, что это сдѣлала Смирнова: она случайно (?!) услыхала нѣсколько строкъ изъ письма моего къ сыну

---

[1]) «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», I, 422—423. Такъ же горячо А. О. Смирнова спорила съ Бѣлинскимъ, но, по воспоминаніямъ О. Н. Смирновой, это не произвело на него невыгоднаго впечатлѣнія, такъ какъ онъ послѣ говорилъ Щепкину: «Александра Осиповна меня увѣрила своимъ гнѣвомъ, что она умѣетъ защищать друзей и что она честная личность. Она говоритъ, что̀ думаетъ, прямо въ глаза. Это такая рѣдкая черта въ женщинѣ!»

объ васъ, не поняла ихъ (??) и не могла понять хорошо. Смирнова сдѣлала горячую схватку съ моимъ сыномъ, наговорила ему, мнѣ и всему моему семейству много грубостей, сама получила ихъ столько же, и грозилась открыть вамъ глаза. Я вижу, что она это исполнила; но безразсудная женщина, въ которой многія достоинства я цѣню высоко и которую, именно за эту вспышку (?!), я полюбилъ больше, вмѣсто открытія глазъ вашихъ, нѣсколько отуманила ихъ, разумѣется, на время"[1]). Но при извѣстной литературной проницательности Аксаковъ не понималъ, однако, что болѣзнь погубила Гоголя навсегда и безвозвратно и усиленно приглашалъ его вернуться въ Россію, говоря: „полное выздоровленіе вы получите только на родной почвѣ, подышавъ роднымъ воздухомъ своей земли"[2]). Вторая половина желанія Аксакова исполнилась, но увы! родина не могла уже возвратить себѣ Гоголя. Отвѣтъ отъ Гоголя былъ полученъ суровый и раздражительный; онъ сталъ совершенно на сторону Смирновой и не поскупился на колкости по адресу Аксакова: здѣсь были упреки въ несдержанности и проч. За Аксакова вступился Шевыревъ. Дѣло кончилось примиреніемъ и обѣщаніемъ Гоголя любить во Христѣ Аксаковыхъ, какъ и всѣхъ прочихъ друзей и знакомыхъ.

Обращаясь къ характеристикѣ отношеній Гоголя къ Віельгорскимъ въ послѣдніе годы его жизни, въ теченіе 1847 г. мы должны прежде всего отмѣтить слѣдующій любопытный эпизодъ.

Сближаясь все болѣе съ графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ, Гоголь сильно полюбилъ его племянника Виктора Владиміровича Апраксина (роднаго сына сестры Толстого, Софьи Петровны Апраксиной), о которомъ онъ тогда отзывался, что „это весьма дѣльный молодой человѣкъ, не похожій на юношей-щелкоперовъ"[3]). „Онъ", — продол-

---

1) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 170—171.
2) Стр. 172.
3) Соч. и письма Гоголя, VI, 315.

жаетъ Гоголь, — „глядитъ на вещи съ дѣльной стороны, и, будучи владѣльцемъ огромнаго имѣнія, намѣренъ заняться благосостояніемъ его серьезно“. Въ этихъ выраженіяхъ Гоголь рекомендовалъ молодого Апраксина Плетневу.

При такомъ взглядѣ на Апраксина неудивительно, что, желая добра и симпатизируя Аннѣ Михайловнѣ, Гоголь увлекся мыслью, что юноша могъ бы быть для нея хорошимъ мужемъ. Вскорѣ случайно возникшая идея созрѣла до того, что она была высказана въ письмѣ къ А. П. Толстому (въ августѣ того же года): „Я узналъ, что Викторъ Владиміровичъ въ Нордернеу, гдѣ беретъ морскія ванны. Я написалъ ему письмо, въ которомъ прошу его заглянуть въ Остенде, гдѣ, можетъ быть, онъ встрѣтитъ васъ, что̀, безъ сомнѣнія, и вамъ, и ему будетъ пріятно, и, признаюсь, въ то же время подумалъ: хорошо если бы онъ познакомился и узналъ Анну Михайловну. Почему знать? можетъ быть, они бы понравились другъ другу“[1]).

Поводомъ къ такимъ предположеніямъ послужила неожиданная для Гоголя поѣздка всей семьи Віельгорскихъ (кромѣ Михаила Юрьевича) въ Висбаденъ, куда Луиза Карловна отправилась лѣчиться отъ болѣзни глазъ, а Михаилъ Михайловичъ отъ раны въ ногѣ. Затѣмъ къ Гоголю не разъ возвращалась эта мысль, и онъ даже спрашивалъ въ письмѣ у Анны Михайловны, какое впечатлѣніе произвелъ на нее молодой Апраксинъ. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что молодые люди не думали другъ о другѣ: Апраксинъ не надолго заѣхалъ къ Віельгорскимъ, и Анна Михайловна не имѣла даже случая его замѣтить[2]). Но въ жизни Гоголя этотъ эпизодъ остался не безъ значенія: разъ запавшая мысль о пристройствѣ Анны Михайловны, незамѣтно для него самого, развилась въ особую привязанность къ ней, которую онъ принялъ было впослѣдствіи за любовь. Вотъ чѣмъ объясняются слова В. А. Соллогуба въ „Воспоминаніяхъ“, что Гоголь будто бы былъ влюбленъ въ Анну Михайловну[3]).

---

[1]) Тамъ же, VI, 414.

[2]) Впослѣдствіи Апраксинъ женился на Пашковой.

[3]) «Историч. Вѣстн.», 1886, IV, 84 (ср. Русск. Арх., 1896, III, стр. 363, 2-е примѣч.); но покойная О. Н. Смирнова утверждала съ своей стороны, что здѣсь «романовъ не было» (см. «Указатель къ письмамъ Гоголя», изд. 1-е, стр. 5).

LXXIX.

Такъ какъ въ продолженіе всего промежутка отъ начала 1847 г. до отправленія Гоголя въ Іерусалимъ онъ былъ исключительно занятъ злосчастной судьбой своей „Переписки“, то намъ всего удобнѣе для болѣе подробнаго ознакомленія съ его настроеніемъ и взглядами разсмотрѣть рядъ критическихъ статей и письма къ нему разныхъ лицъ въ связи съ отвѣтами на нихъ и вызванными ими впечатлѣніями и привести наиболѣе важныя изъ не напечатанныхъ писемъ. Но прежде чѣмъ обратиться къ частностямъ, сдѣлаемъ нѣсколько краткихъ предварительныхъ замѣчаній.

Не будучи въ состояніи примирить убійственныя для него принципіальныя возраженія, съ которыми невозможно было считаться, оставаясь упорно на прежней точкѣ зрѣнія, Гоголь находилъ исходъ въ апелляціи къ авторитету самого Бога. Иногда это дѣлалось осторожно, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ корреспондентѣ подозрѣвался скептицизмъ; такъ Аксакову Гоголь писалъ: „Глядѣть на меня какъ на блуднаго сына, и ожидать моего возвращенія на путь истинный можетъ только тотъ, кто самъ уже стоитъ на этомъ истинномъ пути. *А это одинъ только Богъ вѣдаетъ, кто изъ насъ на какомъ именно мѣстѣ стоитъ*“ [1]). Или: „Вывести вполнѣ вѣрнаго заключенія о всей книгѣ вообще никто не могъ, и не мудрено. Осудить меня за нее справедливо можетъ одинъ Тотъ, Кто вѣдаетъ помышленія и мысли наши въ ихъ полнотѣ. Изъ насъ же, грѣшныхъ людей, можетъ справедливѣе другихъ произнесть ея окончательный судъ только тотъ, кто имѣетъ полный умъ, способный обнимать всѣ стороны дѣла, и не влюбился еще ни въ какую собственную мысль“ (колкій намекъ по адресу не только Аксакова, но и прочихъ литературныхъ друзей Гоголя); „потому что, какъ бы то ни было, не смотря на ребячество и незрѣлость книги, въ ней видны слѣды взгляда болѣе полнаго, чѣмъ у тѣхъ, которые дѣлаютъ на нее замѣчанія и критики, не смотря на то, что въ авторѣ ея и нѣтъ тѣхъ знаній, какія могутъ быть по частямъ у всякаго критика“ [2]). Гораздо смѣлѣе высказывался Гоголь въ письмахъ къ Смирновой: тамъ прямо призывался въ свидѣтели справедливости

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 421.

[2]) Т. VI, стр. 420.

его мнѣній самъ Богъ: „Не Онъ ли самъ внушилъ стремленье поработать и послужить Ему? Кто же другой можетъ внушить намъ это стремленіе, кромѣ Его самого? Или я не долженъ ничего дѣлать на прославленіе имени Его, когда всякая тварь Его прославляетъ, когда и безсловесныя слышатъ силу Его? Мнѣ ставятъ въ вину, что я заговорилъ о Богѣ, что я не имѣю права на это, будучи зараженъ самолюбіемъ и гордостью, доселѣ неслыханною. Что жъ дѣлать, если и при этихъ порокахъ все-таки говорится о Богѣ? Что жъ дѣлать, если наступаетъ такое время, что невольно говорится о Богѣ? Какъ молчать, когда и камни готовы завопить о Богѣ? Нѣтъ, умники не смутятъ меня“ и проч. Въ приведенныхъ строкахъ нельзя пропустить безъ вниманія выраженіе: „наступаетъ такое время“[1]). Это также одна изъ весьма характерныхъ чертъ Гоголева мистицизма, что ему казалось, будто наступаютъ какія-то особенныя времена. При внимательномъ и неоднократномъ чтеніи переписки это становится замѣтно; но чтобы не приводить здѣсь многихъ мелкихъ примѣровъ, для указанія которыхъ ограничимся цитатой въ подстрочномъ примѣчаніи, укажемъ здѣсь одинъ болѣе ясный. Въ письмѣ къ матери отъ 21 апрѣля 1848 г. Гоголь писалъ: „Времена наступили такія, въ которыя нельзя думать о собственныхъ удовольствіяхъ и мирномъ провожденіи времени; нужно покрѣпче молиться“, или: „не такое теперь время, чтобы кому-либо теперь радоваться“[2]).

Забывъ о своей мнимой готовности выслушивать безпристрастно самые суровые отзывы, Гоголь незамѣтно ставилъ себя въ роль безапелляціоннаго судьи своихъ критиковъ, и смѣло утверждалъ въ письмѣ къ Плетневу: „вездѣ сказана часть какой-нибудь правды, не смотря на то, что главная и важная часть моей книги *едва ли, кромѣ тебя да двухъ-трехъ человѣкъ, кѣмъ-нибудь понята*“[3]). Въ числѣ этихъ двухъ-трехъ человѣкъ были, должно быть, Александра Осиповна Смирнова, А. О. Ишимова и еще, вѣроятно, Вигель. Проф. О. Ѳ. Миллеръ въ своихъ примѣчаніяхъ къ письмамъ Гоголя

[1]) Стр. 373.

[2]) «Русская Жизнь», 1892, № 71; Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 457, 458, 445; см. также стр. 318, 421, 482 и «Русск. Стар.», 1875, XII, 674; Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 265 и 33.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 417.

къ Шевыреву, по нашему мнѣнію ошибочно, предполагаетъ, что Гоголь въ отвѣтномъ письмѣ къ Бѣлинскому съ намѣреніемъ умолчалъ о сочувствіи къ нему Вигеля, вспомнивъ, можетъ быть, извѣстный стихъ:

„Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ“[1]).

Гоголь былъ напротивъ очень лестнаго мнѣнія о Вигелѣ послѣ полученнаго отъ него отзыва о своей книгѣ и просилъ А. О. Смирнову непремѣнно побывать у него во время проѣзда черезъ Москву, — если только онъ и здѣсь не соображался съ личностями корреспондентовъ. — „Рѣдко кто могъ понять“ — продолжалъ далѣе Гоголь, — „что мнѣ нужно было также вовсе оставить поприще литературное, заняться душой и внутренней своей жизнью, чтобы потомъ возвратиться къ литературѣ создавшимся человѣкомъ и не вышли бы мои сочиненія блестящая побрякушка“[2]).

Изъ послѣднихъ словъ ясно, что Гоголь рѣшительно ни за что ни въ чемъ не сдавался, и нисколько не терялъ увѣренности въ будущемъ торжествѣ своемъ на литературномъ поприщѣ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, какъ творецъ „Мертвыхъ Душъ“, которая, казалось бы, поневолѣ должна была поколебаться, когда до него отовсюду доносились зловѣщіе толки о паденіи его таланта. Чувствуя въ себѣ ослабленіе творческой силы, какъ могъ онъ не смущаться постояннымъ подтвержденіемъ своихъ неизбѣжныхъ опасеній въ общемъ говорѣ! Что Гоголь замѣчалъ упадокъ таланта, несомнѣнно изъ слѣдующихъ словъ его письма къ пользовавшейся его особеннымъ довѣріемъ корреспонденткѣ А. О. Смирновой: „Богъ недаромъ отнялъ у меня на время силу и способность производить произведенія (sic) искусства, чтобы я не сталъ произвольно выдумывать отъ себя, не отвлекался бы въ идеальности, а держался бы самой существенной правды“[3]). Лично Гоголь, вѣроятно, не разъ дѣлалъ Смирновой подобныя же признанія, чѣмъ поселилъ въ ней, въ свою очередь, недовѣріе къ его будущей литературной дѣятельности, хотя это недовѣріе смѣнялось иногда, какъ и у самого Гоголя, пре-

---

[1]) «Русск. Стар.,» 1875, XII, 662.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 408—409 и 417.

[3]) Тамъ же, стр. 372.

увеличенной вѣрой въ его силы. Мы имѣемъ теперь свидѣтельство С. Т. Аксакова, что близкіе люди, наиболѣе дышавшіе любовью къ Гоголю, пришли къ страшному заключенію, что, можетъ быть, его художественный талантъ уже угасъ. „Мы сходимся въ одномъ съ Александрой Осиповной Смирновой“ — писалъ Аксаковъ своему сыну Ивану Сергѣевичу — „что Гоголь не въ состояніи кончить „Мертвыя Души“ [1]). Кромѣ того въ числѣ слуховъ, съ разныхъ сторонъ доносившихся до Сергѣя Тимоѳеевича, были такіе, которые чрезвычайно близко подходили къ дѣйствительному положенію дѣла. „Я буду знать“, сокрушался почтенный старикъ, — „что мнѣ возразить тому человѣку, который скажетъ: „это хохлацкая штука; широко замахнулся, не совладѣлъ съ громадностью художественнаго исполненія второго тома, да и прикинулся проповѣдникомъ христіанства“ [2]). Здѣсь несправедливо было въ сущности только одно, — что Гоголь вовсе не „прикинулся“, а дѣйствительно вообразилъ себя такимъ проповѣдникомъ. Въ этомъ именно самъ Гоголь нѣсколько позднѣе ясно сознался Сергѣю Тимоѳеевичу, разумѣется далеко не подозрѣвая, что подтверждаетъ доходившіе до него толки и его собственное тайное опасеніе. „Видя, что еще не скоро я совладаю съ моими „Мертвыми Душами“, и скорбя истинно о безхарактерности направленія и совершенной анархіи въ литературѣ, проводящей время въ пустыхъ спорахъ, я поспѣшилъ заговорить о тѣхъ вопросахъ, которые меня занимали и которые готовился развить, или создать въ живыхъ образахъ и лицахъ“ [3]).

Остановимся еще на выясненіи наиболѣе яркихъ примѣровъ неумѣнія Гоголя отрѣшиться отъ давно усвоенныхъ взглядовъ. Такъ чрезвычайно любопытно, что онъ проговаривался о своей значительности у Бога, о томъ, что онъ живетъ во Христѣ и только живущихъ во Христѣ можетъ считать своими друзьями и близкими людьми. Это открывалось уже только матери, которой можно было говорить свободно обо всемъ

[1]) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 166. Ср. въ письмѣ И. С. Аксакова къ И. С. Тургеневу такое же мнѣніе: «Онъ изнемогъ подъ тяжестью неразрѣшимой задачи, отъ тщетныхъ усилій найти примиреніе и свѣтлыя стороны тамъ, гдѣ ни то, ни другое невозможно,—въ обществѣ» («Русск. Обозр», 1894, VIII, стр. 461). Ср. «Рус. Стар.», 1890, XII, 658.

[2]) «Русскій Архивъ», 1890, т. VIII, стр. 163.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 420.

и безъ оглядокъ высказывать самыя рискованныя мистическія убѣжденія. Такъ по поводу смерти Языкова, котораго Жуковскій и Гоголь считали чуть не святымъ и о которомъ не сомнѣвались, что онъ „удостоенъ небеснаго блаженства", Гоголь писалъ матери: „Я лишился наилучшаго моего друга, съ которымъ я жилъ душа въ душу, Н. М. Языкова, къ которому я питалъ истинно-родственную любовь, потому что питать истинно-родственную любовь я могу только къ тѣмъ, которые понимаютъ мою душу и живутъ сколько-нибудь во Христѣ дѣлами жизни своей". Также, когда Гоголь узналъ, что его завѣщаніе огорчило и разстроило мать и сестеръ, онъ не могъ удержаться отъ самоувѣреннаго заявленія, что изумился тому, какъ могутъ упасть духомъ тѣ, которые только молятся Богу, а не живутъ въ Немъ, какъ Богъ наказываетъ ихъ помраченіями разсудка", причемъ, безъ всякаго сомнѣнія, причислялъ себя къ числу людей, уже живущихъ въ Богѣ. Но въ болѣе осмотрительной формѣ сходныя мысли были однажды высказаны въ досадѣ и С. Т. Аксакову: „Другъ мой, вы не взвѣсили, какъ слѣдуетъ вещи, и слова ваши вздумали подкрѣплять словами самого Христа". (Спрашивается: не дѣлалъ ли этого на каждомъ шагу самъ Гоголь?) „Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во всѣ дѣла свои, помышленія и начинанія, Имъ осмыслилъ всю жизнь свою, и весь исполнился духа Христова. А иначе — во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано"[1]). Но отчего же Гоголь былъ такъ увѣренъ за себя, что онъ принадлежитъ къ числу первыхъ, а не послѣднихъ? Увы! онъ не допускалъ и минутнаго сомнѣнія въ этомъ, а результаты показали съ поразительной очевидностью, что онъ вовсе не былъ такимъ избранникомъ Бога, какимъ надѣялся быть.

Переходимъ теперь къ обзору обширной литературы по поводу „Переписки съ друзьями".

LXXX.

Обзоръ журнальныхъ и газетныхъ статей[2]), вызванныхъ „Перепиской", мы начнемъ съ замѣтки барона Розена въ „Сѣ-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 332 и 326

[2]) Ими Гоголь чрезвычайно интересовался; такъ онъ поручилъ Арк. Ос. Рос-

верной Пчелѣ“: „Поэма Н. В. Гоголя объ Одиссеѣ“, — на томъ основаніи, что разбираемое здѣсь письмо Гоголя „объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“, хотя и появилось годомъ раньше „Переписки“, но потомъ самимъ авторомъ было включено въ его новую книгу. Собственно говоря, по этой статьѣ публика отчасти какъ бы заранѣе познакомилась съ „Выбранными мѣстами“. Извѣстно, что въ ней Гоголь уже слишкомъ поддался какому-то болѣзненному увлеченію и съ необыкновенной отвагой позволилъ себѣ нѣкоторыя не основанныя на фактахъ заключенія и даже мечты, причемъ крайне увѣренный тонъ автора поражалъ чрезвычайно рѣзкимъ диссонансомъ съ дѣйствительными правами его на смѣлое публичное поученіе, касающееся вопросовъ, ему недостаточно извѣстныхъ. Въ данномъ случаѣ крайностями необузданнаго энтузіазма Гоголь могъ бы невольно напомнить К. С. Аксакова, такъ смѣло поставившаго его, нѣсколькими годами раньше, на недосягаемой высотѣ рядомъ только съ Гомеромъ и Шекспиромъ; возражать въ томъ и въ другомъ случаѣ было, конечно, вовсе не трудно. Баронъ Розенъ, лично знавшій Гоголя въ серединѣ тридцатыхъ годовъ и уже тогда враждебно относившійся къ нему и къ его созданіямъ, не могъ пропустить благопріятнаго случая, чтобы не поглумиться надъ только-что напечатаннымъ письмомъ и объявить его въ насмѣшку небывалымъ произведеніемъ и даже „поэмой“, язвительно намекая послѣднимъ словомъ на странный, по его мнѣнію, титулъ, присвоенный Гоголемъ „Мертвымъ Душамъ“.

Критикъ „Сѣверной Пчелы“ съ лукавымъ злорадствомъ предается ликованію по поводу предполагаемаго имъ жалкаго и рѣшительнаго фіаско либеральной критики, открыто провозгласившей геніальность Гоголя. Еще не приступая къ разбору письма, онъ пародируетъ извѣстныя слова о Гете, что „природа, разумѣется, изящная, хотѣла знать, какова она собою — т.-е. пожелала посмотрѣться въ зеркалѣ, — и создала Гете“ — такимъ образомъ: „неизящная, не чистая при-

---

сету высылать ему «всѣ толстые и тонкіе литературные журналы, какіе ни издаются въ Петербургѣ» («Русск. Стар.», 1884, I, 166). Позднѣе онъ объяснялъ овладѣвшее имъ передъ поѣздкой въ Палестину смущеніе духа дѣйствіемъ на него отзывовъ о «Перепискѣ». (См. письма его къ А. О. Смирновой, «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 409, и въ письмѣ къ Шереметевой, стр. 412, также соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 550).

рода захотѣла смотрѣться въ кривомъ зеркалѣ — и создала Гоголя"[1]). Затѣмъ слѣдуетъ заявленіе критика о томъ, что паденіе таланта Гоголя, котораго естественно было и даже слѣдовало ожидать, превзошло теперь всѣ опасенія, въ доказательство чего и разбирается письмо объ „Одиссеѣ".

На слова Гоголя, что „Одиссея есть рѣшительно совершеннѣйшее поэтическое произведеніе всѣхъ вѣковъ", что „Иліада передъ нею эпизодъ, что въ Европѣ ея не оцѣнили" и наконецъ, что „глупы нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ миѳъ"[2]), баронъ Розенъ, опровергая крайнее увлеченіе Гоголя, отвѣчаетъ указаніемъ отчасти несомнѣнныхъ фактовъ, но неизвѣстныхъ Гоголю, и настаиваетъ на недостаточной компетентности его въ вопросахъ, о которыхъ онъ взялся говорить; отчасти же предается пустому и недостойному глумленію надъ своимъ противникомъ, напр.: „Одиссея не оцѣнена въ Европѣ! Она, можетъ быть, не оцѣнена на хуторѣ близъ Диканьки!" Баронъ Розенъ указываетъ Гоголю извѣстныхъ переводчиковъ и цѣнителей Гомера въ ученой нѣмецкой литературѣ и наконецъ злобно насмѣхается надъ парадоксомъ Гоголя, что „нужно было сдѣлаться христіаниномъ[3]), дабы пріобрѣсть прозирающій взглядъ, глубоко вонзающійся въ жизнь, который никто не можетъ имѣть, кромѣ христіанина, уже постигнувшаго значеніе жизни". „Чудо!" смѣется критикъ: „для того, чтобы лучше передавать язычника, надобно быть христіаниномъ!" Шевыревъ сообщалъ Гоголю объ этомъ отзывѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Розенъ возсталъ на него" (на письмо) „такими словами: если „Иліаду" и „Одиссею" язычникъ могъ сочинить, что̀ гораздо труднѣе, то, спрашивается, зачѣмъ же нужно быть христіаниномъ, чтобы ихъ перевести, что̀ гораздо легче. Многіе находили это замѣчаніе чрезвычайно вѣрнымъ, глубокомысленнымъ и остроумнымъ. Болѣе снисходительные судьи о тебѣ сожалѣютъ о томъ (sic), что ты впалъ въ мистицизмъ"[4]). — Въ концѣ статьи Розена высказывается сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы

---

[1]) «Сѣверная Пчела», 1846 г., № 181, стр. 729.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 31.

[3]) Тамъ же, стр. 27.

[4]) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 31.

„Одиссея“, хотя бы переведенная и Жуковскимъ, могла оказать такое могущественное дѣйствіе на все русское общество, какое предсказывалъ ей Гоголь.

LXXXI.

Баронъ Розенъ на этотъ разъ оказался если не застрѣльщикомъ, то, по крайней мѣрѣ, первымъ по времени бойцомъ, за которымъ вскорѣ, по выходѣ уже самой „Переписки“, посыпались со всѣхъ сторонъ ярыя нападенія на Гоголя, какъ справедливыя и внушенныя сожалѣніемъ объ упадкѣ его таланта, такъ еще болѣе — злорадныя и возмутительно наглыя. Какъ много появилось по поводу „Переписки съ друзьями“ статей и какой шумъ она произвела уже въ самомъ началѣ, можно судить по слѣдующимъ начальнымъ строкамъ одной изъ рецензій, именно въ „Финскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ сказано: „Ни одна книга, въ послѣднее время, не возбуждала такого шумнаго движенія въ литературѣ и обществѣ, ни одна не послужила поводомъ къ столь многочисленнымъ и разнообразнымъ толкамъ, какъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, — а между тѣмъ этотъ отзывъ напечатанъ уже въ февральской книжкѣ журнала, вышедшей, судя по цензурной помѣткѣ, 15 февраля 1847 г.[1]).

Въ числѣ злобныхъ рецензій на „Переписку“ на первомъ планѣ ставимъ „Библіотеку для Чтенія“. Досаднѣе всего то, что старые недоброжелатели Гоголя теперь высоко подняли голову и еще громче закричали, что „господинъ Гоголь долго начиналъ, долго обѣщалъ — и вдругъ среди началъ и обѣ-

[1]) Въ этой коротенькой рецензіи отдается полная справедливость дарованію Гоголя и значенію его въ русской литературѣ; онъ прямо поставленъ здѣсь рядомъ съ Пушкинымъ, а въ отраженіе извѣстныхъ нелѣпыхъ толковъ о захваливаніи Гоголя друзьями «Финскій Вѣстникъ» заявляетъ: «Нѣтъ, милостивые государи, публику нельзя морочить словами: какъ вы ни кричите, какъ ни возвеличивайте въ своихъ похвалахъ писателя, но если факты не подтвердятъ вашихъ сужденій, громкія фразы ваши останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». («Финскій Вѣстникъ», 1847, 2, стр. 33). По поводу толковъ объ отреченіи Гоголя отъ своего таланта, «Финскій Вѣстникъ» судитъ очень дѣльно и основательно: «Какъ странно вѣрить на слово писателю о достоинствѣ его произведеній, такъ точно право судить о неудовлетворительности или безполезности прежнихъ созданій Гоголя принадлежитъ публикѣ, а никакъ не самому писателю». Въ «Перепискѣ» рецензентъ находитъ множество парадоксовъ и противорѣчій.

щаній заключилъ поприще свое рѣшительной мѣрой"[1]) (sic), и что „интересный образъ поэта теряется въ густомъ облакѣ усерднаго ему воскуренія"[2]). Сенковскій потиралъ руки отъ удовольствія, что похвалы, которыми осыпали Гоголя, онъ „попираетъ ногами; онѣ ему не нужны: потомство узнаетъ его величіе"[3]). Между прочимъ, онъ затрогиваетъ мимоходомъ даже Жуковскаго, шутливо называя его предтечей Гоголя, въ насмѣшку надъ похвалами ему въ статьѣ объ „Одиссеѣ"[4]). Далѣе осмѣивается преувеличенное смиреніе Гоголя рядомъ съ необычайной гордостью, признаніе самимъ Гоголемъ, что онъ „поэтъ пошлости", и наконецъ бѣдность общаго содержанія „Переписки". Приведя длинную выписку изъ второго письма по поводу „Мертвыхъ Душъ", отличающагося осо-

1) «Библіотека для Чтенія», 1847, т. 80, отд. 6, стр. 42.

2) «Сѣверная Пчела», 1846, № 181.

3) «Библіотека для Чтенія», 1847, т. 80, стр. 43.

4) Сенковскій съ особенной злобой задѣлъ Гоголя въ разборѣ стихотвореній Александры Бѣдаревой; вотъ что̀ онъ тамъ писалъ: «Я держусь той теоріи, что женщина — разумѣется, молодая: старыхъ женщинъ нѣтъ въ природѣ, какъ нѣтъ старыхъ цвѣтовъ, или старыхъ радугъ, — что женщина не что̀ иное, какъ воображеніе въ вырѣзномъ платьѣ. Вмѣсто сердца въ ней бьются «Мертвыя Души», — я хотѣлъ сказать: въ ней бьется поэма... Простите, что я такъ странно обмолвился; я печаленъ — Гомеръ, знаете, боленъ! О, самолюбіе, самолюбіе книжное! Сколько ты убиваешь умовъ и талантовъ!.. Самолюбіе! Лютое самолюбіе! Посмотри, что̀ ты сдѣлало изъ Гомера. Гомеръ боленъ! Гомеръ захворалъ на томъ, что онъ не въ шутку Гомеръ. Гомеръ возгордился неизлѣчимо!.. Типунъ вамъ на языкъ! — въ томъ числѣ и мнѣ — намъ, которые, когда явилась въ свѣтъ незабвенная поэма, предсказывали..., что это тѣмъ кончится, что тутъ уже есть начало болѣзни. Гомеръ отрекается отъ безсмертія, отъ удивленія народовъ, потому что народы не понимаютъ его» и проч. («Библіотека для Чтенія», 1846, LXXVIII, «Литературная Лѣтопись», стр. 17—18). И. С. Аксаковъ, внѣ себя отъ справедливаго негодованія на Сенковскаго, писалъ Сергѣю Тимоѳеевичу: «Вообразите: Сенковскій объявляетъ публично, что Гоголь боленъ, вдался въ мистицизмъ, не хочетъ продолжать «Мертвыхъ Душъ» и такъ самолюбиво замечтался, что всѣхъ учитъ, даетъ наставленія. Все это сказано съ ругательствами и насмѣшками. Онъ не называетъ его Гоголемъ, но Гомеромъ, написавшимъ «Мертвыя Души». Названіе Гомеръ повторилъ онъ разъ двадцать на одной страничкѣ. Какой мерзавецъ!». («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 390—391). Шевыревъ, въ свою очередь, передавая Гоголю по просьбѣ ходившіе о немъ невыгодные слухи, прибавлялъ: «Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія» даже напечаталъ, что «нашъ Гомеръ», какъ онъ тебя называетъ, впалъ въ мистицизмъ». (См. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893, стр. 31 и «Переписку Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 958). О черновомъ оригиналѣ написанныхъ Сенковскимъ разборовъ см. Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1889 г., стр. 196.

бенной рѣзкостью выраженій, рецензентъ восклицаетъ: „Изъ этого явствуетъ, что не легко было жить съ геніями, заслужившими монументы и торгующимися объ нихъ заранѣе съ потомствомъ; что даже опасно восхищаться ихъ произведеніями по своему разумѣнію. Малѣйшая неосторожность въ восторгѣ можетъ имѣть самыя непріятныя послѣдствія, несмотря на преданность и на дружбу: геній какъ разъ напомнитъ своимъ обожателямъ, что они „не въ свои сани садятся“[1]). Вся книга, по словамъ рецензента, состоитъ изъ безсвязныхъ статей и въ ней нечего читать, хотя и попадаются мѣстами прекрасныя страницы о святости религіи и обязанностяхъ христіанина.

LXXXII.

Критикъ „Сѣверной Пчелы“, нѣкто Л. Брандтъ, подписавшійся псевдонимомъ Я. Я. Я., не ограничился уже однимъ злобнымъ ликованіемъ по поводу предполагаемыхъ имъ горькихъ плодовъ неумѣреннаго литературнаго захваливанія, но позволилъ себѣ нѣсколько положительно дерзкихъ выходокъ по адресу какъ Гоголя, такъ и всегда высоко цѣнившихъ его произведенія „Отечественныхъ Записокъ“. Послѣднія онъ называетъ „муравейникомъ“, насмѣхаясь надъ тѣмъ, что появившійся съ 1839 года журналъ пріютилъ у себя подвижниковъ новой школы, распространилъ ея странныя воззрѣнія на искусство, и ровно восемь лѣтъ оглашалъ литературный міръ русскій славою имени „литературныхъ заслугъ“ Гоголя, а литературную славу его объясняетъ стеченіемъ благопріятныхъ для него случайностей. По словамъ рецензента, все дѣло было будто бы въ томъ, что Гоголь появился именно тогда, когда „Московскій Телеграфъ“ „высшими взглядами подготовилъ почву къ блужданію по верхушкамъ предметовъ“, а публика была утомлена однообразіемъ формъ текущей литературы, которая была переполнена подражаніями нравоописательнымъ и историческимъ романамъ, и цѣлымъ потокомъ альманаховъ, отъ которыхъ некуда было дѣваться, такъ что чуть не приходилось кричать караулъ, — вообще литература была наводнена тогда высокопарными трагедіями и торжественными одами и „вслѣдствіе такого расположенія изъ бельэтажа

---

1) Тамъ же, стр. 50.

театральнаго готова (была) перешагнуть на грубыя скамьи масляничнаго балагана“ — и вотъ ей понравился неподдѣльный комизмъ и замысловатый малороссійскій юморъ Гоголя, понравился и „импровизированный самозванецъ Хлестаковъ, который изъ пустяковъ, по недоразумѣнію, надѣлалъ шуму въ безвѣстномъ городкѣ и въ журналистикѣ“ — и Гоголь былъ провозглашенъ учителемъ и отцомъ натуральной школы. Послѣ этого отъ Гоголя много ждали, но онъ разрѣшился *яко бы ничтожными* „Мертвыми Душами“, и наконецъ, подобно Наполеону послѣ Аустерлица и Фридланда, пожелалъ за границей отдохнуть на лаврахъ, особенно когда его объявили Гомеромъ и торжественно обѣщали цѣлый рядъ статей о его старыхъ произведеніяхъ[1]). Послѣ этого, по словамъ непризваннаго критика, высокомѣріе и самомнѣніе Гоголя дошло до того, что онъ заживо заговорилъ о памятникѣ самому себѣ, нескромно отклоняя отъ себя эту честь, которой, по мнѣнію „Сѣверной Пчелы“, онъ не имѣлъ никакого права ожидать, такъ какъ „памятники остаются удѣломъ людей, или совершившихъ громкіе подвиги, или водворившихъ между соотечественниками своими высокія истины, или по крайней мѣрѣ принесшихъ человѣчеству какую-нибудь существенную пользу“, и изъ русскихъ писателей ихъ удостоены только Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ и Крыловъ, съ которыми, по мнѣнію критика, никакъ нельзя сравниваться Гоголю. По поводу же извѣстнаго его завѣщанія о портретѣ Брандтъ даже имѣлъ дерзость сказать, что удѣлъ живыхъ литературныхъ извѣстностей однѣ лишь гипсовыя карикатуры Степанова, да забавныя изображенія въ листкахъ веселой „Ералаши“ Неваховича. Еще подлѣе въ серединѣ статьи неосновательный намекъ на то, что къ Гоголю „прицѣпилась цѣлая фаланга юношей, *съ дарованіями весьма сомнительными,* но вооруженныхъ непомѣрными притязаніями и страшной жаждой пріобрѣтенія славы и вещественныхъ благъ земныхъ, весьма привлекательныхъ, но, къ сожалѣнію, не добываемыхъ даромъ“[2]).

Во второй части своей рецензіи Брандтъ переходитъ къ разбору отдѣльныхъ статей „Переписки“, но на самомъ дѣлѣ онъ не столько разбираетъ книгу, сколько приводитъ выдержки

---

[1]) Очевидный намекъ на Бѣлинскаго.

[2]) «Сѣверная Пчела», 1847, № 74, стр. 294.

часто дѣйствительно неудачныхъ мнѣній и отдѣльныхъ мыслей, встрѣчающихся въ „Перепискѣ“. Приведемъ два-три примѣра. Авторъ говоритъ: „нѣкоторые изъ нынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди свѣта, чтобы узнать его. Это просто вздоръ“[1]). „Дѣйствительно, говоря словами автора, это „вздоръ“ думать наоборотъ, что познаніе свѣта пріобрѣтается въ отчужденіи отъ него, взаперти. Или: въ статейкѣ „Совѣты“ авторъ объявляетъ публикѣ, что онъ, „хотя ничуть не умнѣе никого“[2]), но мастеръ давать превосходные совѣты, за которыми къ нему обращаются и люди незнакомые, и всѣхъ онъ, по крайнему разумѣнію своему, надѣляетъ добрыми наставленіями“. Послѣ этихъ и подобныхъ выдержекъ слѣдуетъ исчисленіе догадокъ о причинѣ, побудившей Гоголя издать свое послѣднее произведеніе. „Одни считаютъ новую книгу Гоголя плодомъ разстроеннаго болѣзненнаго воображенія; другіе видятъ здѣсь крайнія выходки непомѣрнаго самолюбія, избалованнаго безусловными восторженными похвалами нѣкоторыхъ критиковъ, и въ то же время раздраженнаго рѣзкими, хотя, по собственному сознанію автора, и справедливыми замѣчаніями его противниковъ[3]); теперь и думаютъ, что онъ имѣлъ въ виду обезоруживать послѣднихъ мнимою скромностью и строгимъ осужденіемъ написаннаго имъ; наконецъ, четвертые полагаютъ, что все это не что̀ иное, какъ новый замысловатый *жартъ* малороссійскій, которымъ авторъ надѣялся

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 38.

[2]) Тамъ же, стр. 75.

[3]) Кромѣ этой статьи, въ «Сѣверной Пчелѣ» продолжались мелкія выходки противъ Гоголя; напр., въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, Булгаринъ глумился надъ тѣмъ, что «почтеннаго господина Гоголя, который никогда не возвышался надъ Поль де-Кокомъ и Пиго-Лебреномъ, провозгласили Гомеромъ. Послѣ господина Гоголя выдвинули изъ толпы другого молодого человѣка, господина Достоевскаго, и назвали его геніемъ равнымъ Гоголю» («Сѣверная Пчела», 1847, № 81, стр. 332). По поводу этого фельетона, мы находимъ нѣсколько страницъ въ «Современникѣ» (1847, т. V, смѣсь, стр. 122—225), гдѣ въ отпоръ злорадству Булгарина обращено вниманіе на то, что напрасно «Сѣверная Пчела» поспѣшила обольстить себя надеждой, будто бы литературное значеніе Гоголя пошатнулось, хотя своими необыкновенными признаніями Гоголь произвелъ странное и не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе на свой собственный счетъ (стр. 124), и что несправедливо, будто Гоголь изображаетъ одно мелкое и ничтожное, доказательствомъ чему служитъ «Тарасъ Бульба», лицо художника Пискарева, наконецъ трагическій элементъ есть въ «Шинели» и «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ». Затѣмъ дается обѣщаніе, что въ «Современникѣ» будетъ еще статья о Гоголѣ.

озадачить публику и критику, запутать ихъ въ вопросахъ, надѣялся во всякомъ случаѣ заставить заговорить о немъ именно въ то время, когда продолжительное молчаніе его и разные слухи, приносившіеся изъ-за границы, давали поводъ думать, что литературное поприще его уже кончилось". Впрочемъ, въ доказательство своего безпристрастія авторъ критики указываетъ съ похвалой на статью „О существѣ русской поэзіи и ея особенности", дѣйствительно одну изъ лучшихъ въ книгѣ. Наконецъ онъ даетъ обѣщаніе возвратиться къ обстоятельному разбору произведеній Гоголя, начиная съ „Мертвыхъ Душъ".

Въ статьѣ Брандта необходимо отмѣтить еще слѣдующую дикую выходку противъ почитателей Гоголя: „Забавно видѣть, какъ эти недавніе восторженные хвалители Гоголя мгновенно поворотили противъ него артиллерію своей критики, и вотъ еще вчерашній ихъ идеалъ литературнаго величія вдругъ сталъ для нихъ предметомъ ядовитыхъ насмѣшекъ и мишенью журнальной стрѣльбы" [1]).

LXXXIII.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появились письма къ Гоголю по поводу „Переписки съ друзьями" извѣстнаго Н. Ф. Павлова. Всѣхъ писемъ было четыре, но одно изъ нихъ почему-то осталось ненапечатаннымъ, а равно и въ копіи, находящейся въ архивѣ наслѣдниковъ Гоголя, его не имѣется, изъ чего можно заключить, что оно осталось тайной для самого адресата [2]). Письмамъ посчастливилось въ нашей литературѣ; они были перепечатаны дважды: въ первый разъ въ томъ же, 1847 году, въ „Современникѣ" (1847 г., т. III, № 5, Смѣсь, стр. 1—16; т. IV, № 8, стр. 88—93) и въ 1890 г. — въ „Русскомъ Архивѣ". О нихъ далъ уже въ 1848 г. хорошій и, кажется, не совсѣмъ заслуженный отзывъ Бѣлинскій. Приводимъ

---

[1]) «Сѣверная Пчела», 1847, № 75, стр. 299.

[2]) О третьемъ письмѣ Павлова мы имѣемъ только одно упоминаніе вскользь въ слѣдующемъ письмѣ Боткина къ Краевскому: «Вы, конечно, замѣтили въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» письма къ Гоголю Н. Ф. Павлова. Вотъ образцовая критика, критика, напоминающая манерой своей Вольтера: Павловъ бьетъ Гоголя его же оружіемъ, и я не знаю, каково-то будетъ чувствовать себя онъ, читая эти письма! Ихъ будетъ нѣсколько; *третье* письмо превосходно» (Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889, стр. 78, — письмо отъ 3 апр. 1847 г.). Напротивъ Шевыревъ сообщалъ Гоголю, что третье письмо будто бы не было и написано (Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893 г., стр. 50).

здѣсь весь этотъ коротенькій отзывъ: „Въ прошломъ году вниманіе критики было преимущественно занято „Перепиской Гоголя съ друзьями“. Можно сказать, что память объ этой книгѣ и теперь поддерживается только статьями о ней. Лучшая изъ статей противъ нея принадлежитъ Н. Ф. Павлову. Въ своихъ письмахъ Гоголю онъ сталъ на его точку зрѣнія, чтобъ показать его невѣрность собственнымъ своимъ началамъ. Точность мысли, ловкость діалектики, при изложеніи въ высшей степени изящномъ, дѣлаютъ письма Н. Ф. Павлова явленіемъ образцовымъ и совершенно особымъ въ нашей литературѣ. Жаль, если все дѣло кончится тремя письмами!“[1]) Такой взглядъ Бѣлинскаго на письма и былъ, конечно, причиной перепечатки ихъ вскорѣ потомъ въ „Современникѣ“. Но главное основаніе, по которому они были поставлены высоко Бѣлинскимъ, заключалось именно въ томъ, что письма стремились поразить Гоголя *его же оружіемъ,* и съ этой-то точки зрѣнія они, повидимому, непремѣнно должны были озадачить его, но на самомъ дѣлѣ, кажется, совсѣмъ не озадачили.

Въ началѣ своей первой статьи Н. Ф. Павловъ намѣренно противопоставляетъ убѣжденію Гоголя въ томъ, что его книга написана по внушенію свыше, другое, неутѣшительное предположеніе, — что, напротивъ, дьяволъ напиталъ его слова духомъ неслыханной гордости[2]), и, кажется, это была единственная мысль, которая, будучи родственна мистическимъ воззрѣніямъ Гоголя, проникла въ душу послѣдняго, наполняя ее по временамъ мученіями религіознаго страха, получившаго широкій доступъ въ нее вскорѣ благодаря суровымъ обличеніямъ о. Матвѣя. Безъ вліянія послѣднихъ, конечно, слегка возникшее сомнѣніе могло бы скоро заглохнуть. Во всякомъ случаѣ, подъ указанными или иными впечатлѣніями Гоголь сталъ приписывать самый неуспѣхъ „Переписки“ и неудачныя въ ней мысли дьявольскому внушенію.

Затѣмъ, разбирая „завѣщаніе“, Н. Ф. Павловъ намекаетъ на нѣсколько нескромное побужденіе, руководившее Гоголемъ, когда онъ писалъ его; такое завѣщаніе онъ считалъ умѣстнымъ гдѣ-нибудь въ романѣ или повѣсти: „пусть принадлежитъ лицу, *страдающему, безъ всякой надобности, въ полномъ развитіи*

---

[1]) «Современникъ», 1847, № 2; Соч. Бѣлинскаго, т. XI, стр. 440.

[2]) «Русскій Архивъ», 1890, т. II, стр. 286.

здоровья, однимъ недугомъ — произвесть небывалый эффектъ!" Затѣмъ все содержаніе „завѣщанія" Н. Ф. Павловъ признаетъ ложнымъ и неосновательнымъ. Онъ указываетъ на странность печатныхъ завѣщаній и говоритъ, что для того, чтобы „вступить въ бесѣду съ Россіей по случаю своихъ домашнихъ распоряженій, когда они могутъ исполниться безъ ея участія, на эту публичность надо имѣть право"[1]). Право это могло бы основываться на прежнихъ капитальныхъ трудахъ Гоголя, но онъ самъ уничтожилъ его своимъ отъ нихъ отреченіемъ. Если же принять его собственное объясненіе, что завѣщаніе написано на случай внезапной смерти вдали отъ родины „въ надеждѣ, что, можетъ быть, посмертный голосъ напомнитъ вообще объ осмотрительности" и удержитъ отъ „неразумной торопливости въ такомъ дѣлѣ, какъ погребеніе", — то и это предостереженіе не можетъ достигнуть цѣли, такъ какъ соотечественники, отдѣленные огромнымъ разстояніемъ, при всемъ желаніи не были бы въ состояніи помочь дѣлу.

Затѣмъ Павловъ много дѣлаетъ возраженій по поводу обѣщаемой Гоголемъ „Прощальной повѣсти", напр.: „конечно, вамъ не слѣдовало бы упоминать, что вы плакали надъ нею, будучи еще дитятей: назначая ее на великое дѣло поученія людей взрослыхъ, вы даете имъ право требовать, чтобы она была задумана и оплакана въ менѣе нѣжномъ возрастѣ". Въ доводахъ Павлова вообще много справедливаго и остроумнаго, но нѣтъ рѣшительно никакого желанія войти въ мысли и настроеніе автора. Павловъ старается отчасти, какъ это было тотчасъ же замѣчено Бѣлинскимъ, разбить Гоголя его же оружіемъ, но, по нашему мнѣнію, дѣлу сильно вредитъ въ его письмахъ тонъ глумленія, совершенно исключающій возможность сколько-нибудь серіознаго дѣйствія писемъ на душу Гоголя. Такъ Павловъ заявляетъ по поводу словъ Гоголя: „сердце наше услышитъ хотя отчасти строгую тайну жизни и сокровеннѣйшую небесную музыку этой тайны", — что пока въ письмахъ „собственно таинственнаго ничего нѣтъ и обѣщанной музыки еще не слышно". Для человѣка, у котораго хотя бы и полныя мистицизма строки вырвались изъ глубины души, такой пріемъ убѣжденія могъ казаться только возмутительнымъ, вслѣдствіе чего пропадали или могли про-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, II, стр. 288.

пасть для него и такіе удачные и вѣскіе доводы, какъ напр.: „Одиссея“ чрезъ три тысячи лѣтъ еще жива, благодаря автору, что онъ вздумалъ написать (sic) ее и не вступалъ въ духовную переписку съ друзьями; „Одиссея“ еще заставляетъ насъ *высказывать мечтательныя мнѣнія и дѣлать несбыточныя предсказанія,* а множество такъ называемыхъ поученій лежитъ въ библіотекахъ неразвернутыми съ справедливо забытыми именами ихъ сочинителей“. И здѣсь, къ сожалѣнію, неумѣстная колкость ослабляетъ значеніе довода для того, по чьему адресу онъ направленъ.

Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ всѣ подробности писемъ Павлова, изложенныя въ недавней апологіи „Выбранныхъ мѣстъ“ П. А. Матвѣева, отмѣтимъ только, что эти письма были доставлены Гоголю Шевыревымъ вмѣстѣ со множествомъ печатныхъ отзывовъ о „Мертвыхъ Душахъ“, при чемъ второе письмо Павлова сопровождалось слѣдующими собственноручными приписками С. П. Шевырева:

„Вотъ тебѣ и второе письмо Павлова, любезный другъ. Извини, что не пишу къ тебѣ, какъ бы хотѣлъ. Дай срокъ, окончу свой публичный курсъ. Тогда буду свободнѣе. Покамѣстъ посылаю тебѣ все здѣсь о тебѣ напечатанное. Обнимаю тебя. Твой С. Шевыревъ“.

Далѣе слѣдуетъ новая приписка.

Апрѣля 16-го 1847 г. Москва.

„У великаго князя наслѣдника родился сынъ Владиміръ и вчера Москва праздновала новорожденнаго.

„Книга твоя — тамъ, что̀ ни пиши, — говорятъ, вся разошлась[1]). Выхлопоталъ ли ты новое изданіе въ томъ видѣ, какъ хотѣлъ?

„Второе письмо Павлова произвело менѣе дѣйствія. Говорятъ, что онъ тебя разбираетъ юридически, какъ стряпчій. Нравится это такъ называемой ультра-западной партіи, которая на тебя сильнѣе всѣхъ разсердилась за книгу“.

---

[1]) Гоголь еще прежде полученія этого письма получалъ подобныя же несправедливыя сообщенія о баснословномъ будто бы успѣхѣ книги. Такъ 6 марта 1847 г. онъ писалъ Жуковскому изъ Неаполя: «въ одну недѣлю исчезнули всѣ экземпляры моей книги, хотя печатано было два завода» (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 350). По поводу этихъ словъ г. Кулишъ дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе: «Неизвѣстно, кто сообщилъ Гоголю такое извѣстіе. Книга пошла тупо». Мы видимъ, что такое извѣстіе сообщилъ Гоголю въ апрѣлѣ 1847 г. Шевыревъ, но, очевидно, еще раньше Гоголь получилъ сходныя свѣдѣнія отъ кого-нибудь изъ Россіи.

Другая статья о „Перепискѣ съ друзьями“, сильно нравившаяся Бѣлинскому, принадлежала Эдуарду Губеру и была напечатана въ № 35 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1847 г.[1]). Приводимъ ее здѣсь вполнѣ: „Литераторъ съ огромнымъ дарованіемъ, съ мѣткимъ наблюдательнымъ взглядомъ, съ рѣшительнымъ направленіемъ и съ твердыми убѣжденіями шелъ по дорогѣ, на которую ему указывало внутреннее призваніе: знаніе жизни и людей, умѣніе находить смѣшную сторону въ самыхъ мелочныхъ вещахъ, неровный, неправильный, но оригинальный языкъ и рѣзкое, неожиданное остроуміе наложили на всѣ его произведенія особенный, странный, но самостоятельный характеръ. Нѣсколько книгъ, написанныхъ этимъ человѣкомъ, дали ему громкое имя, вѣрныхъ друзей, пламенныхъ поклонниковъ и неумолимыхъ враговъ: его хвалили до нелѣпости, его бранили съ ожесточеніемъ; вся Россія читала его повѣсти; цѣлая школа пошла по его направленію и подражала его пріемамъ: каждое новое произведеніе, неконченный отрывокъ, маленькая повѣсть дѣлались событіемъ въ литературѣ, возбуждали общее вниманіе и порождали споры. Кажется, все, что̀ только можетъ требовать самое взыскательное самолюбіе, было удовлетворено; всѣ почести и волненія, которыя иногда выпадаютъ на долю литератора, были и его удѣломъ. Но вдругъ этотъ человѣкъ издаетъ новую книгу, печатаетъ нѣсколько писемъ и нѣсколько отдѣльныхъ статей, въ которыхъ онъ съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ собственнаго направленія, уничтожаетъ свои произведенія и ругается надъ самимъ собой. Въ этой странной, удивительной книгѣ, литераторъ съ огромнымъ и признаннымъ дарованіемъ отрекается отъ самого себя, казнитъ съ непостижимымъ самоотверженіемъ всю свою прежнюю дѣятельность, опровергаетъ и осмѣиваетъ все то, чѣмъ восхищались его поклонники, что̀ съ удовольствіемъ читала вся Россія. Послѣ этого литературнаго ауто-да-фе слѣдуютъ великолѣпныя обѣщанія на будущее время: новыя великія созданія замѣнятъ старыя, ничтожныя произведенія; гордое, зрѣлое, испытанное дарованіе развернется съ новыми силами, поднимется и пойдетъ по новому пути. Россія услышитъ великія слова своего учителя, который, при самомъ непостижимомъ сми-

[1]) Перепечатана въ сочиненіяхъ Губера, Спб., 1860 г., III, стр. 213—220.

реніи, все-таки признаетъ себя орудіемъ судьбы, призваннымъ для исполненія ея таинственныхъ велѣній. Но пока исполнятся всѣ эти великолѣпныя обѣщанія, пока явятся эти новыя безсмертныя созданія, литераторъ, въ задатокъ будущихъ благъ и въ искупленіе грѣховъ своей молодости, издаетъ нѣсколько ничтожныхъ писемъ и нѣсколько странныхъ, замысловатыхъ статей. Гоголь поступилъ весьма невѣжливо съ публикой и критикой, нападая на вкусъ читателей и судъ литераторовъ, но, какъ бы то ни было, приговоръ надъ произведеніемъ принадлежитъ не писателю, а публикѣ. Гоголь отрицаетъ свои прежнія произведенія и объявляетъ, что отнынѣ его сочиненія получаютъ иное направленіе, что вся Россія услышитъ въ нихъ плодотворное слово мудрости; но хотя было много поэтовъ и литераторовъ, которые открыто говорили о своемъ литературномъ значеніи, какъ напр. Державинъ въ „Памятникѣ", подобныхъ высокомѣрныхъ и самонадѣянныхъ заявленій еще никогда не было. Случалось также, что писатель, постигнутый болѣзнями и у дверей гроба, съ ужасомъ оглядывался на прошедшее и искалъ утѣшенія въ религіи; но тогда уже видно было искреннее смиреніе и не было хвастовства будущими подвигами. Гоголь же бесѣдуетъ съ русской публикой, какъ съ малолѣтними учениками, и оставляетъ имъ свое духовное завѣщаніе; онъ велитъ покупать только тотъ портретъ его, который гравировалъ Іорданъ; онъ проситъ не воздвигать монумента, а лучше во имя его „вырости духомъ" — во всемъ этомъ много самолюбивыхъ странностей. Если Пушкинъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ „Переписки", указалъ ему на характерную особенность его призванія, чтобы въ художественной формѣ изображать пошлость, то теперь, отказываясь отъ своей литературной дѣятельности, Гоголь измѣнилъ своему призванію"[1]).

---

[1]) Въ дополненіе къ обзору отзывовъ либеральной печати о «Перепискѣ съ друзьями» отмѣтимъ, что несочувствіе ея новому направленію Гоголя выразилось еще въ 1846 г. Такъ въ рецензіи «Отеч. Записокъ», по поводу 2-го изданія I т. «Мертвыхъ Душъ», выписываются всѣ строки предисловія, въ которыхъ Гоголь проситъ у своихъ читателей замѣчаній на поэму, и по поводу словъ: «всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другіе не знаютъ», сдѣлано такое возраженіе: «несмотря на очевидность этой мысли, мы полагаемъ, что величайшее достоинство второго изданія «Мертвыхъ Душъ» заключается въ тожествѣ его текста съ текстомъ перваго изданія» («Отечественныя Записки», 1846, XII, отд. 6, стр. 57).

LXXXIV.

Въ числѣ рецензій, сочувственныхъ и благопріятныхъ для Гоголя, заслуживаетъ вниманія статья Аполлона Григорьева въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“[1]) подъ заглавіемъ: „Гоголь и его послѣдняя книга“ — по тому взгляду, который положенъ въ ея основаніе. Григорьевъ обращаетъ особенное вниманіе на кажущееся ему недоразумѣніе противоположнаго литературнаго лагеря, поспѣшившаго сдѣлать Гоголя своимъ кумиромъ и тотчасъ же разочаровавшагося въ своемъ любимцѣ, лишь только появилась „Переписка съ друзьями“, и даже еще раньше, когда была напечатана статья объ „Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“. По мнѣнію критика, безъ сомнѣнія ошибочному, самая непріязненность встрѣчи журналистикой предисловія къ второму тому „Мертвыхъ Душъ“ объясняется только послѣднею книгою Гоголя, о которой давно уже ходили темные слухи въ обществѣ“ (?)[2]); такъ же странно его предположеніе, что причиной высокой оцѣнки автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ было то, что „умственное отчаяніе заставило уцѣпиться, какъ за доску спасенія, за истину личную или вообще за личность“.

Главная мысль всей статьи — та, что въ „Перепискѣ съ друзьями“ дѣйствительно болѣзненный моментъ развитія автора, но что будто бы эта болѣзненность „не личная, гоголевская“, а общая болѣзнь вѣка. Критикъ приводитъ слѣдующее объясненіе самого Гоголя: „духъ гордости пересталъ уже являться въ разныхъ образахъ и пугать суевѣрныхъ людей: онъ явился въ собственномъ своемъ видѣ. Почуя, что признаютъ его господство, онъ пересталъ уже и чиниться съ людьми. Съ дерзкимъ безстыдствомъ смѣется въ глаза имъ же, его признающимъ; глупѣйшіе законы даетъ міру, какіе доселѣ еще никогда не давались — и міръ это видитъ и не смѣетъ ослушаться! Что̀ значитъ эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустилъ вначалѣ человѣкъ, какъ мелочь, какъ невинное дѣло, и которая теперь, какъ полная хозяйка, уже стала распоряжаться въ домахъ нашихъ, выгоняя все, что̀ есть главнѣй-

---

[1]) Довольный статьей Григорьева, Гоголь хотѣлъ ему помочь матеріально въ виду чрезвычайно бѣдственнаго положенія будущаго славнаго критика (см. Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893, стр. 55).

[2]) «Московскій Городской Листокъ», 1847, № 56, стр. 225.

шаго и лучшаго въ человѣкѣ? Никто не боится преступать нѣсколько разъ въ день первѣйшіе и священнѣйшіе законы Христа, и между тѣмъ боится не исполнить ея малѣйшаго приказанія, дрожа передъ нею, какъ робкій мальчишка. Что̀ значитъ, что даже и тѣ, которые сами надъ нею смѣются, пляшутъ, какъ легкіе вѣтренники, подъ ея дудку? Что̀ значатъ эти такъ называемыя безчисленныя приличія, которыя стали сильнѣе всякихъ коренныхъ постановленій? Что̀ значатъ эти странныя власти, образовавшіяся мимо законныхъ — постороннія, побочныя вліянія? Что̀ значитъ, что уже правятъ міромъ швеи, портные и ремесленники всякаго рода, а Божіи помазанники остались въ сторонѣ? Люди темные, никому неизвѣстные, не имѣющіе мыслей и чистосердечныхъ убѣжденій, правятъ мнѣніями и мыслями умныхъ людей, и газетный листокъ, признаваемый лживымъ всѣми, становится нечувствительнымъ законодателемъ его неуважающаго человѣка! Что̀ значатъ всѣ незаконные эти законы, которые видимо, въ виду всѣхъ, чертитъ исходящая снизу нечистая сила — и міръ это видитъ весь, и, какъ очарованный, не смѣетъ шевельнуться?"[1])

Критикъ приводитъ въ параллель этимъ словамъ сходныя по своей безотрадности размышленія кн. Одоевскаго, съ тѣмъ, впрочемъ, существеннымъ различіемъ, что „о чемъ Одоевскій говоритъ съ полунасмѣшливой улыбкой мистика, — то самое Гоголь высказываетъ со всею энергіею, со всей безпощадною послѣдовательностью стоика"[2]). Это общая болѣзнь — недугъ безволія. „Дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ". Это сказано рѣзко, но это — безпощадная правда, и въ этомъ заслуга книги Гоголя. Если у Гоголя встрѣчаются странные совѣты, напр. одной дамѣ раздѣлить всѣ расходы на семь кучекъ, то здѣсь „странна только форма, а самое начало сосредоточенія силъ проведено вполнѣ, даже съ какой-то стоической жестокостью".

Переходя къ разбору отдѣльныхъ писемъ, Аполлонъ Григорьевъ высказываетъ часто и вполнѣ вѣрныя мысли, но онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на лучшія стороны статьи и слѣдовательно смотритъ на дѣло съ благопріятной

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 218—219.

[2]) «Москов. Городск. Лист.», 1847 г., № 64, стр. 254.

для автора точки зрѣнія. Такъ, по поводу „Одиссеи, переводимой Жуковскимъ“, онъ говоритъ, что это письмо „страждетъ одной только излишней вѣрой Гоголя въ силу искусства и воспріемлемость массы“. Это было бы почти справедливо, если бы не приходилось прибавить и недостаточное знакомство съ нѣкоторыми предметами, которыхъ касается Гоголь въ своей статьѣ (напримѣръ о недостаточномъ изученіи Гомера въ Европѣ и проч.). Также защищаетъ критикъ письма по поводу „Мертвыхъ Душъ“, замѣчая, что о нихъ „говорено слишкомъ много всѣми, но всѣ, болѣе или менѣе, обращаютъ вниманіе на странности выраженій, на нецеремонность тона Гоголя, когда онъ говоритъ о самомъ себѣ, но собственно говоря, это — простодушная, безъискусственная, честная исповѣдь человѣка, который дорожитъ своимъ дѣломъ“. Аполлонъ Григорьевъ признаетъ и нѣкоторыя излишества въ тонѣ Гоголя, напр. — „припадки односторонняго патріотизма“ въ его пятнадцатомъ письмѣ („Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время“), но такихъ излишествъ можно найти гораздо больше, нежели какъ это кажется критику (онъ также опровергаетъ замѣчаніе Гоголя, что будто слово просвѣщеніе ни въ какомъ языкѣ не имѣетъ соотвѣтствующаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ему вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣмецкое „Aufklärung“).

Во второй статьѣ Аполлонъ Григорьевъ слѣдитъ за всей предшествующей дѣятельностью Гоголя, показывая, какъ постепенно отъ свѣтлаго и безпечнаго настроенія Гоголь переходитъ къ грустному и задумчивому и какъ совершился этотъ переходъ отъ менѣе глубокаго и важнаго къ такому великому произведенію, какъ „Мертвыя Души“, написавъ которое, Гоголь, будто бы ошибочно, былъ провозглашенъ главой натуральной школы, и привелъ современемъ къ печальной претензіи Достоевскаго дать гражданство созерцанію личности въ Макарѣ Алексѣевичѣ Дѣвушкинѣ и Варварѣ Алексѣевнѣ въ „Бѣдныхъ Людяхъ“...

Что касается „Письма къ Гоголю“ Сто Одного, то мы при всемъ уваженіи къ почтенному автору не можемъ не признать его незначительнымъ и досадно-придирчивымъ; страннѣе же всего то, что письмо это написано человѣкомъ, который въ продолженіе всей своей достаточно извѣстной ученой и литературной дѣятельности никогда не заявлялъ себя такимъ

непріятнымъ образомъ и вообще не заявлялъ себя съ несимпатичной стороны. Не удивительно, что Гоголь не удостоилъ отвѣта именно *такое* письмо. Какъ бы ни ошибался онъ, какія бы странныя мысли ни заключались въ его предисловіи ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ", но его обращеніе къ публикѣ съ просьбой о замѣчаніяхъ и поправкахъ выходило прямо изъ души и ни въ какомъ случаѣ не заслуживало глумленія. Тонъ и характеръ обращенія А. Д. Галахова къ Гоголю въ этомъ письмѣ могутъ быть объяснены и оправданы только недовѣріемъ къ искренности Гоголя, въ данномъ случаѣ теперь совершенно доказанной. Прежде всего бросается въ глаза слѣдующее предупрежденіе: „Я заранѣе долженъ объявить вамъ, что замѣчанія мои должны принести только мнѣ пользу, не принеся вамъ ни малѣйшей" [1]).

Авторъ письма проситъ быть къ нему снисходительнымъ и не оставить его безъ отвѣта; а между тѣмъ какое же онъ имѣлъ право ожидать послѣдняго, когда сдѣланная имъ постановка вопроса безусловно несогласна съ смысломъ предисловія къ „Перепискѣ съ друзьями", которое имѣло цѣлью вызвать искренній и задушевный отвѣтъ, а вовсе не предполагало язвительнаго словопренія. Къ чему нужны были затѣмъ эти колкости, которыми нашпиговано все письмо, не имѣвшее, конечно, ни малѣйшихъ шансовъ на отвѣтъ и потому въ сущности совершенно безцѣльное. А. Д. Галаховъ нѣсколько разъ позволяетъ себѣ въ письмѣ такія выраженія, какъ напр., что его замѣчанія не должны быть тайной, такъ какъ „и безъ этого много тайнъ на землѣ и на небѣ — отъ судьбы человѣка *до нѣкоторыхъ предисловій*" или „будьте ко мнѣ снисходительны: разоблачите передо мною *мистеріи предисловія, объясните то, что̀ обыкновенному уму непонятно*". Выписавъ извѣстныя строки предисловія, заключающія въ себѣ просьбу исправлять невольные промахи автора, Сто Одинъ фамильярно восклицаетъ: „Похвальное признаніе, рѣдкое въ лѣтописяхъ нашей литературы!" и затѣмъ безбожно придирается: „но меня интересуетъ не признаніе, а *непонятное* въ этомъ признаніи. Если вы сами утверждаете, что многое изображено въ вашей книгѣ не такъ, какъ есть: слѣдовательно, вы знаете, какъ оно есть. Сознавая противорѣчіе

---

[1]) «Отечественныя Записки», 1847, № 2, отд. V, стр. 77.

между тѣмъ, что̀ вы написали о русской землѣ, и тѣмъ, что̀, дѣйствительно, въ ней происходитъ, вы, слѣдовательно, сознали, въ чемъ ваша ошибка и какова дѣйствительность; другими словами, вы уже поправили свою ошибку. Что̀ же дѣлать здѣсь другимъ? зачѣмъ поправлять поправленное?“. Не говоря о томъ, что здѣсь каждая строка, каждое слово просится на возраженія, вездѣ сквозитъ желаніе обидѣть и дать первостепенному свѣтилу литературы уже совершенно не прошенный урокъ, потому что совсѣмъ не такихъ уроковъ просилъ и ждалъ Гоголь. Къ чему далѣе укоризненное сравненіе ложнаго смиренія Гоголя съ истиннымъ смиреніемъ Сократа? Но совершенно ужъ неумѣстно такое глумленіе: „Я пойду дальше вашего смиренія: „мало жизни человѣка, чтобъ узнать одному и двухсотую часть того, что̀ дѣлается въ нашей землѣ“. Остановимся на этой цифрѣ. Двѣсти человѣкъ нужны для того, чтобы узнать всю Русь! Отъ двухсотъ человѣкъ надобно вамъ получить письма. Съ ужасомъ представляю себѣ ваше положеніе, когда вы принуждены будете читать столько мнѣній, сколько головъ трудилось надъ ними. Вы на опытѣ узнаете сущность вавилонскаго столпотворенія!“ и проч.

Вообще, чѣмъ дальше читаешь письмо, тѣмъ грустнѣе становится за то, что оно писано такой почтенной личностью, какъ покойный А. Д. Галаховъ, и невольно вспоминаются слова Гоголя: „какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣткости и, Боже! даже въ такомъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ“[1]). И еще ужаснѣе, что въ данномъ случаѣ нужно даже отбросить послѣднюю оговорку въ виду несомнѣнныхъ и всѣми признанныхъ качествъ благородства и честности у автора разбираемаго письма. Вѣдь безпримѣрная суровость къ Гоголю Бѣлинскаго искупается не только святостью убѣжденія, но и тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, которое съ другой стороны больше всего способно было вдохнуть чудную неувядаемую жизнь въ каждую строку геніальнаго критика!

Конечно, главной причиной того тона и характера письма, о которомъ мы говоримъ, было недовольство Галахова Гоголемъ

---

[1]) «Соч. Гоголя», изд. X, т. II, стр. 58.

за предполагаемую въ немъ измѣну прежнему направленію и отреченіе отъ своего литературнаго прошлаго; но есть разница между горячимъ негодованіемъ и холодной, оскорбительной придирчивостью. Правда, въ самомъ концѣ письмо Галахова касается весьма существеннаго и важнаго именно для Гоголя вопроса, объясняя, что слѣдуетъ всего болѣе бояться на свѣтѣ увлеченія гипотезами и неосновательными доктринами; это дѣйствительно доброе слово совершенно теряется среди такихъ выходокъ, какъ напр.: „Вы ничему почти не учились: я вдвойнѣ ничему не учился. Я меньше, чѣмъ дикарь: я кандидатъ въ дикари. Я даже не ребенокъ, а только претендую на ребенка. Не смѣю думать, чтобы я не родился“[1]) и проч. Единственнымъ дѣльнымъ замѣчаніемъ въ письмѣ мы считаемъ слѣдующее: „Припомните разнохарактерныя сужденія по случаю перваго представленія „Ревизора“, подслушанныя вами при разъѣздѣ театральномъ; что̀ вы поняли въ этой сумятицѣ одобреній и порицаній? что̀ вы изъ нея вынесли?—ничего, кромѣ критической статьи, въ которой судящіе были осмѣяны, и вѣдь ихъ было очень немного, несравненно меньше двухъ сотенъ, нужныхъ для совершеннаго познанія Россіи“[2]). Но и здѣсь есть портящая дѣло безцѣльная колкость въ язвительномъ упоминаніи о двухъ сотняхъ и ошибочное мнѣніе, что сужденія, воспроизведенныя въ „Театральномъ Разъѣздѣ“, были въ самомъ дѣлѣ подслушанныя, а не извлеченныя изъ журнальныхъ критикъ.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ на читателя горькое раздумье Бѣлинскаго по поводу предисловія ко второму тому „Мертвыхъ Душъ“ въ его замѣткѣ о второмъ изданіи поэмы: критикъ глубоко скорбитъ, находя въ немъ оправданіе своему опасенію за талантъ Гоголя, и его шутки проникнуты грустной ироніей: искреннее сожалѣніе обнаруживается также въ его сѣтованіяхъ на парадоксы статьи „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“, подавшей поводъ къ грубымъ насмѣшкамъ со стороны одного бездарнаго писателя (барона Розена)[3]).

———————

1) «Отеч. Записки», 1847, II, стр. 82.

2) Тамъ же, стр. 78—79.

3) Соч. Бѣлинскаго, т. XI, стр. 73

LXXXV.

Самой курьезной статьей, вызванной „Перепиской съ друзьями“, была статья барона Розена „Ссылка на мертвыхъ“[1]), авторъ которой нѣкогда былъ лично знакомъ съ Пушкинымъ и выражалъ удивленіе по поводу частыхъ ссылокъ на него въ книгѣ Гоголя; такія посмертныя ссылки представляются ему сомнительными и недостовѣрными. „Въ иныхъ мѣстахъ“ — говоритъ баронъ Розенъ — „такъ и кажется, что мертвый Леонидъ сбрасываетъ съ себя вретища пѣвца „Мертвыхъ Душъ“, осыпаннаго пепломъ. Въ другихъ же мѣстахъ фригіецъ говоритъ на могилѣ Аякса: „Меня не выразумѣлъ никто кромѣ Аякса, который нарекъ меня *единственнымъ пѣвцомъ русскихъ пошлостей* — и онъ правъ: я дѣйствительно Гомеръ Терситовъ!“ — И мертвый Аяксъ вскакиваетъ отъ ужаса, что подобное прозвище можно считать за почетный титулъ“[2]). По словамъ барона Розена, послѣдній часто бесѣдовалъ съ Пушкинымъ о Гоголѣ и въ словахъ, приводимыхъ о Пушкинѣ въ „Перепискѣ“, совершенно не узнаетъ его сужденій. Чтобы доказать и разъяснить свою мысль, авторъ статейки разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, которое состоялось въ 1829 г. благодаря посредничеству Шевырева, а затѣмъ сближеніе между ними основывалось на благосклонномъ отношеніи Пушкина къ критическому таланту барона. Пушкинъ высоко цѣнилъ его отзывъ о „Борисѣ Годуновѣ“, остался однажды чрезвычайно доволенъ его поправкой въ третьемъ стихѣ его извѣстнаго четверостишья „Загадка“, относящагося къ барону Дельвигу вмѣсто: „Кто, славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ“ — „Кто, славянинъ молодой, духомъ грекъ, родомъ германецъ“, — напечатаннаго въ альманахѣ барона Розена „Царское Село“, и вообще любилъ бесѣдовать съ нимъ о литературѣ, цѣня его будто бы вѣрныя замѣчанія, при чемъ часто высказывалъ и самъ много остроумнаго и замѣчательнаго. Когда на вечерахъ у Жуковскаго Гоголь нерѣдко читалъ „Ревизора“ въ присутствіи признанныхъ литераторовъ и избранной публики и всѣ слушали съ восхищеніемъ, одинъ только баронъ не находилъ

---

1) «Сынъ Отечества», 1847, № 6.

2) Тамъ же, стр. 6.

въ пьесѣ никакихъ достоинствъ и слушалъ до того невнимательно, что это не укрылось отъ тонкаго, проницательнаго взгляда автора. Это обстоятельство, обратившее на себя вниманіе Гоголя, сдѣлалось извѣстно и Пушкину, который и спросилъ у Розена наединѣ о причинѣ такой странной холодности къ пьесѣ. Узнавъ мнѣніе барона, которое онъ выслушалъ внимательно, Пушкинъ ничего не возразилъ ему и только при прощаньи, по словамъ Розена, „обратился съ неожиданной, но меня уже нисколько ни поразившей просьбой“[1]). Когда Пушкинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ „Носъ“ Гоголя съ извѣстной оговоркой, то, по мнѣнію барона, будто бы „самая форма рекомендаціи была проникнута какимъ-то *мефистофельски сатирическимъ духомъ*, а на вопросъ барона объ этой оговоркѣ Пушкинъ будто бы отвѣтилъ, что ея требовала странность фарса, и увѣрялъ, что онъ отъ души смѣялся при чтеніи „Носа“.

„Стало быть, достовѣрно, что этотъ „Носъ“ смѣшилъ Пушкина“, говоритъ Розенъ: „но какимъ чудомъ“ — продолжаетъ онъ — „отвратительная безсмыслица могла смѣшить Пушкина?“[2]). Затѣмъ Пушкинъ будто бы говаривалъ: „le public a du bon sens!“ и однажды промолвилъ: „mais en fait de goût assez souvent — ни гу-гу“; правда, у самого пересказчика недостало духу сказать, будто эти слова были сказаны именно по поводу „Носа“, но онъ весьма прозрачно намекаетъ на то, что Пушкинъ могъ тоже думать и объ этой повѣсти. Вообще, по мнѣнію барона, Пушкинъ „относительно произведеній Гоголя мистифицировалъ публику и своихъ друзей, да и самого себя желалъ бы обмануть, если бы это было возможно при чистотѣ его вкуса, при неподкупности его критическаго чувства“[3]). Въ виду всего этого, авторъ статьи и полагаетъ, что Пушкинъ не безъ задней мысли произвелъ Гоголя въ „пѣвцы пошлости“. „Есть чѣмъ хвалиться! Кому охота развѣдывать пошлость пошлаго человѣка“, продолжаетъ подсмѣиваться Розенъ.

Кстати позволимъ себѣ передать разсказъ Розена о встрѣчѣ съ Гоголемъ за-границей, именно въ Римѣ, о чемъ сообщаетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.
[2]) Стр. 27.
[3]) Стр. 28.

въ той же статьѣ „Ссылка на мертвыхъ". Баронъ Розенъ утверждаетъ, что встрѣча была случайная и что онъ не искалъ ея, будучи увѣренъ, что Гоголю были переданы его рѣзкія сужденія о „Ревизорѣ"; но когда они увидѣлись, то Гоголь, къ великому его удовольствію, ни однимъ словомъ не обмолвился о своей комедіи, а „далъ бесѣдѣ такую геніальную форму и такое глубокое содержаніе, изъ которыхъ посторонній наблюдатель могъ бы вывести заключеніе, что. послѣ Пушкина, изъ писателей новаго поколѣнія осталось въ Россіи только двое выспренныхъ геніевъ, по своему объему едва ли могущихъ помѣститься въ обширной Россіи— Гоголь и я", но — продолжаетъ баронъ Розенъ — „природа дала мнѣ здравый, трезвый умъ (??), который никогда не философствовалъ о моихъ достоинствахъ и умственныхъ способностяхъ, а скорѣе видѣлъ всегда то, чего мнѣ еще недостаетъ и что́ мнѣ надо пріобрѣсть"[1]). Когда появилась потомъ критическая статья барона Розена на письмо Гоголя объ „Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ", то, по словамъ его, его всюду и вездѣ благодарили, такъ что онъ даже удивился, что „въ публикѣ было столько безгласно недовольныхъ Гоголемъ"[2]). Курьезно, что въ одномъ мѣстѣ своей статьи баронъ Розенъ неловко показываетъ свои карты, выражая досаду на Гоголя за то, что онъ не говоритъ о немъ въ статьѣ о лирическихъ поэтахъ, какъ равно о Бенедиктовѣ и Подолинскомъ, тогда какъ напротивъ Пушкинъ имѣлъ высокое мнѣніе объ его талантѣ. Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ однажды, въ „Отрывкахъ дневника", сказавши о томъ, что ни Кукольникъ, ни Хомяковъ не напишутъ хорошей трагедіи, прибавляетъ: „баронъ Розенъ имѣетъ больше таланта"[3]).

Возражая на эту статью, „Отечественныя Записки" ядовито и мѣтко насмѣхаются надъ необыкновеннымъ самомнѣніемъ барона Розена, такъ дерзко хвастающагося своей небывалой или во всякомъ случаѣ безбожно преувеличенной „дружбой" съ Пушкинымъ и комически восклицающаго: „гоме-

---

[1]) «Сынъ Отечества», 1847, № 6, стр. 31.

[2]) Тамъ же, стр. 9.

[3]) Соч. Пушк., изд. литературнаго фонда, т. V, стр. 204. О томъ же баронѣ Розенѣ, какъ о драматургѣ, см. нелестный отзывъ Ѳ. В. Булгарина въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», 1840, I, «Панорамическій взглядъ на современное состояніе театра въ С.-Петербургѣ», стр. 20.

рическій Гоголь, мой римскій меценатъ, — обо мнѣ промолчалъ![1]) „Отечественныя Записки“ впрочемъ, впадаютъ въ другую крайность, когда, возражая Розену, что будто ничего не стоитъ изображать пошлость пошлаго человѣка, утверждаютъ напротивъ, что для этого Гоголю необходимо было умѣть „ясно понимать жизнь, зоркимъ глазомъ проникать въ малѣйшіе ея изгибы, видѣть отчетливо каждое ея проявленіе и *хорошо знать внутреннюю связь этихъ проявленій*“[2]). Истина по серединѣ: Гоголь, конечно, не могъ писать безсознательно и наоборотъ, но и „Отеч. Записки“ вмѣстѣ съ другими представителями тогдашней натуральной школы впали въ невольное преувеличеніе, признавая въ немъ вполнѣ сознательное творчество и „умѣнье *понимать* и выставлять жизнь, какъ она есть“, и это тѣмъ болѣе странно, что тутъ же рядомъ „Отеч. Записки“ высказываютъ убѣжденіе въ томъ, что „если Пушкинъ замѣтилъ въ Гоголѣ только талантъ *выставлять ярко пошлость жизни*, то это потому, что онъ, Пушкинъ, еще не успѣлъ совершенно *избавиться* отъ тяготѣвшаго надъ его временемъ романтизма и *вполнѣ сознавалъ* принципъ естественности или, если угодно, натуральности въ литературѣ“[3]).

Нестерпимое самомнѣніе барона Розена и его буржуазное, тупое самодовольство не напрасно были осмѣяны „Отеч. Записками“: эти качества такъ и бьютъ ключомъ, такъ и обдаютъ противно-удушливой волной, какъ только онъ берется за перо, для придирчиваго глумленія надъ другими и безстыднаго прославленія самого себя. Такъ, по поводу направленной противъ него статьи Шевырева въ 4 № „Москвитянина“ за 1848 годъ[4]), баронъ Розенъ отклоняетъ защиту послѣднимъ Гоголя, основанную на искаженіи одного мѣста въ статьѣ „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“, которая послужила предметомъ спора, на томъ основаніи, что въ № „Мо-

---

1) «Отеч. Записки», 1847 г., LIII, отд. 8, стр. 66.

2) Тамъ же, стр. 66.

3) Въ «Библіографіи литературы о Гоголѣ», напечатанной С. И. Пономаревымъ, въ № VII «Извѣстій Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ», вкралась небольшая неточность: указывая въ числѣ другихъ эту статью «Отеч. Записокъ», С. И. Пономаревъ ошибочно называетъ ее: «Новое возраженіе Гоголю», тогда какъ статья представляетъ возраженіе не Гоголю, а барону Розену.

4) Отд. критики, стр. 110.

сковскихъ Вѣдомостей", гдѣ была напечатана статья, пропущено слово *глубже* въ выраженіи Гоголя: „нужно было наконецъ *сдѣлаться глубже* христіаниномъ, дабы пріобрѣсть тотъ прозирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть кромѣ христіанина"[1]). Слово это *глубже* было, однако, на своемъ мѣстѣ, въ той же статьѣ, перепечатанной въ „Современникѣ". Остальное содержаніе статьи касается или столь же неважныхъ препирательствъ, которыя воспроизводить здѣсь было бы неумѣстно, или прямо вопросовъ, не имѣющихъ отношенія къ Гоголю. Похвальбы же барона Розена таковы: „вы взвели грѣшную небылицу на человѣка, жизнь котораго — *чиста*[2]), такъ чиста, что никто къ ней не придерется".

Особенно характерны слѣдующія слова барона Розена: „Несогласно съ моими правилами искажать приводимые мною тексты; а въ этомъ случаѣ я подавно не пропустилъ бы драгоцѣннаго слова: *глубже!* Я ухватился за него, какъ за находку, потому что это слово подало бы еще большій поводъ къ насмѣшкѣ надъ Одиссеевской поэмой Гоголя".

LXXXVI.

Гораздо болѣе содержательна и любопытна критическая статья кн. Вяземскаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", озаглавленная: „Языковъ и Гоголь". Она отличается обычными литературными достоинствами автора и привлекаетъ своей искренностью; но далеко не свободна отъ ошибокъ. Больше десяти лѣтъ передъ тѣмъ, какъ извѣстно, изъ-подъ пера того же автора вышла одна изъ лучшихъ критическихъ статей о „Ревизорѣ", но время шло и обстоятельства измѣнялись, и это невольно оставило свой отпечатокъ на нынѣшней статьѣ Вяземскаго. Прежде критикъ защищалъ Гоголя отъ нелѣпыхъ придирокъ „Библіотеки для Чтенія" и „Сѣверной Пчелы" — и онъ былъ не только остроуменъ и краснорѣчивъ, но и во всемъ безусловно правъ. Теперь же для Вяземскаго вопросъ о Гоголѣ и его „Перепискѣ" тѣсно связанъ прежде всего съ вопросомъ о порожденной послѣд-

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 27.

2) Курсивъ подлинника.

нимъ натуральной школѣ и съ „непризванными и непризнанными“ его журнальными поклонниками. Извѣстно, что, несмотря на то, что Вяземскій былъ, несомнѣнно, личность весьма живая и умная, онъ рано остановился въ своемъ движеніи впередъ и какъ бы застылъ навсегда на дорогихъ для него воспоминаніяхъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Критическая дѣятельность Бѣлинскаго была ему уже непонятна и противна. Съ Гоголемъ же князь Вяземскій былъ хорошъ и близокъ въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, но, простившись съ нимъ въ 1836 году, онъ не велъ съ своимъ прежнимъ знакомымъ никакой переписки, и мы даже не знаемъ, встрѣчались ли они хотя не надолго, во время неоднократныхъ проѣздовъ Гоголя черезъ Петербургъ. Какъ складывалось потомъ міросозерцаніе Гоголя и какія въ немъ произошли перемѣны, и отчего — все это оставалось для Вяземскаго совершенною тайною. Между тѣмъ все это получаетъ въ данномъ случаѣ важное значеніе, потому что критикъ говоритъ не только о самой книгѣ и не ограничивается ея разборомъ, но судитъ также и о внутреннемъ переломѣ въ Гоголѣ, о его отношеніи къ возникшей натуральной школѣ и проч. „Переломъ былъ нуженъ“ — говоритъ Вяземскій, — „но, можетъ быть, не такой внезапный, крутой“. Уже въ этихъ словахъ сказался человѣкъ, слишкомъ отдалившійся отъ Гоголя и вмѣстѣ съ другими поддерживавшій въ литературѣ ложное представленіе о ходѣ личнаго развитія нашего писателя. Гораздо ближе зналъ положеніе дѣла Шевыревъ, справедливо говорившій, что „мысли и начала, которыя Гоголь развиваетъ въ своей книгѣ, конечно, явились въ немъ не со вчерашняго дня, начались не съ его болѣзни, а безсознательно всегда накоплялись въ его душѣ и служили тайнымъ источникомъ для его вдохновеній. Теперь только сильнѣе они поднялись со дна души его, сильнѣе имъ восчувствованы и сознаны“ и проч.[1]).

Ошибался также Вяземскій, когда, возмущаясь послѣдователями Гоголя, говорилъ, что „отдѣльный голосъ Гоголя имѣлъ прекрасное и полезное значеніе, но на бѣду сто голосовъ подтянули ему, и все дѣло испортили“[2]). Въ нѣко-

---

[1]) «Москвитянинъ», 1848, т. I, стр. 10.

[2]) Соч. Вяземскаго, т. II, стр. 313.

торыхъ журналахъ имя Гоголя сдѣлалось альфой и омегой всякаго литературнаго разсужденія. „Въ духовной нищетѣ своей, многіе непризванные писатели кормились этимъ именемъ, какъ единымъ насущнымъ хлѣбомъ своимъ“. Но что же дурнаго въ томъ, что „имя Гоголя сдѣлалось альфой и омегой всякаго литературнаго разсужденія“: развѣ это не естественно и не законно? Вообще во всемъ началѣ статьи о Гоголѣ мы встрѣчаемъ у Вяземскаго больше всего нападки по адресу Бѣлинскаго и его послѣдователей, причемъ авторъ упустилъ изъ виду, что едва ли было послѣдовательно съ его стороны радоваться тому, что Гоголь „торжественно разорвалъ съ частью своего прошлаго“[1]), тогда какъ даже нельзя сказать, чтобы это прошлое не нравилось теперь критику, но онъ поддался искушенію излить свое раздраженіе противъ непонравившейся ему литературной партіи, и, замѣчая самъ нѣкоторую неловкость своихъ словъ, тутъ же дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „то-есть не столько своего собственнаго прошедшаго, сколько того, которое ему придали съ одной стороны безусловные и чрезмѣрные поклонники, а съ другой — многочисленные и неудачные подражатели“[2]). Но вѣдь здѣсь не было же заговора, и, слѣдовательно, существовала какая-то тѣсная внутренняя связь между писательскою дѣятельностью Гоголя и тѣмъ, что она породила и произвела въ литературѣ. „Я былъ всегда того мнѣнія“ — продолжаетъ Вяземскій, — „что Гоголь самъ по себѣ и самъ за себя дарованіе необыкновенное, что онъ занимаетъ свѣтлое и высокое мѣсто въ литературѣ нашей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ родоначальникъ школы, во что хотѣли возвести его, онъ былъ не только не у мѣста, но даже вреденъ“. Говорить объ этомъ мнѣніи нѣтъ нужды, такъ какъ теперь никто, конечно, не рѣшился бы вычеркнуть изъ исторіи нашей литературы созданную Гоголемъ натуральную школу.

Произвольно и по-своему толкуетъ Вяземскій и охлажденіе Гоголя къ своимъ прежнимъ созданіямъ: тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно происходило отъ новыхъ плановъ и надеждъ, князь Вяземскій, вспомнивъ свой конекъ, восклицалъ: „Я очень понимаю, что наконецъ Гоголю должны были опроти-

---

[1]) Тамъ же, стр. 319.

[2]) Тамъ же, стр. 313.

вѣть и самое имя его, и творенія, имъ написанныя"[1]). У Вяземскаго не выходитъ изъ головы, что Гоголя „хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то черное литературное знамя"[2]), и онъ слишкомъ смѣло объясняетъ появленіе „Переписки" тѣмъ побужденіемъ, что, когда „идолопоклонство, котораго онъ сдѣлался цѣлью, показалось ему смѣшно, то съ благородной рѣшимостью и откровенностью онъ тутъ же круто своротилъ съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ"[3]). Но факты біографіи этого вовсе не подтверждаютъ, и ни изъ чего не видно, чтобы Гоголь когда-либо тяготился расточаемыми ему похвалами. Напротивъ, въ своемъ письмѣ къ Вяземскому Гоголь упрекнулъ его именно за то, что онъ „выразился сурово о нѣкоторыхъ *нападателяхъ,* особенно о тѣхъ, которые прежде его выхваляли"[4]). Г-нъ Барсуковъ, расхваливая книгу Гоголя, довольно послѣдователенъ, осуждая приведенныя строки письма Гоголя къ Вяземскому[5]).

Между тѣмъ всѣми указанными выше соображеніями опредѣляется отношеніе князя Вяземскаго къ книгѣ Гоголя: ему досадно на „шарлатановъ", которымъ Гоголь попалъ въ руки, потому что имъ нужны „блестящіе ярлыки", и онъ больше всего радъ, что новая книга своимъ содержаніемъ и тономъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ литературы.

Мы сказали, что кн. Вяземскій недостаточно былъ знакомъ съ предшествовавшимъ появленію „Переписки" настроеніемъ Гоголя[6]); но несомнѣнно, что если онъ такимъ образомъ выходилъ въ своей критикѣ совершенно изъ произвольныхъ соображеній и смотрѣлъ на дѣло съ иной точки зрѣнія, то

---

[1]) Тамъ же, стр. 314.

[2]) Стр. 315.

[3]) Тамъ же.

[4]) См. «Русскій Архивъ», 1866.

[5]) Біогр. Погодина, VIII, 588.

[6]) Кн. Вяземскій по слухамъ также зналъ заранѣе о какихъ-то происходящихъ въ Гоголѣ перемѣнахъ, но слишкомъ недостаточно и не изъ первыхъ источниковъ. Онъ говорилъ: „Уже за нѣсколько лѣтъ началось въ немъ духовное преображеніе. Объ этомъ знали только нѣкоторые пріятели, повѣренные его сердечныхъ исповѣдей. Для нихъ и появленіе книги Гоголя совершеніе ожиданнаго событія" (т. II, стр. 320).

съ другой стороны многія изъ его словъ пришлись потомъ Гоголю по душѣ и даже имѣли значительное вліяніе на позднѣйшій складъ его мыслей. Такъ именно глубоко запали Гоголю въ душу слова Вяземскаго о томъ, что „самая истина, если хочетъ доходить до насъ, должна подчинять себя нѣкоторымъ условіямъ, соразмѣрять дѣйствіе свое съ ограниченностью нашей воспріимчивости, щадить наше упрямство, наши слабости и дурныя привычки“ и что „въ картинахъ есть тайны оптики, перспективы; соблюденіе этихъ тайнъ приводитъ въ стройность предметы и оттѣнки ихъ, уравновѣшиваетъ впечатлѣнія, тогда какъ въ твореніяхъ Гоголя, какъ, впрочемъ, ни сильно и ни глубоко въ немъ художественное начало, вообще замѣтенъ недостатокъ въ хозяйственной распорядительности, въ размѣщеніи, въ домостроительствѣ книжнаго зданія. Не лукавствуя передъ собою, прямо и смѣло вглядываясь въ душу свою и въ душу ближняго, онъ не довольно лукавствуетъ передъ зрителемъ, т.-е. передъ читателемъ“ [1]). Вотъ это-то убѣжденіе и стало теперь какъ бы программой мнѣній Гоголя, ни за что не желавшаго разстаться съ завѣтными убѣжденіями, съ которыми онъ сжился, безъ которыхъ уже не могъ себя представить; теперь въ словахъ Вяземскаго онъ услышалъ отвѣтъ на затаенныя и, можетъ быть, не совсѣмъ выяснившіяся для него самого мысли, а одно выраженіе Вяземскаго: „Страшно присвоить себѣ право дѣлать надъ живымъ тѣломъ анатомическіе опыты“ [2]) *въ весьма близкой варіаціи было воспроизведено въ первыхъ строкахъ „Авторской Исповѣди“*.

Переходя къ самому разбору книги, кн. Вяземскій совершенно справедливо защищаетъ ея искренность и высоту нравственныхъ побужденій автора. Въ наши дни тѣ же мысли вновь развивалъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ [3]) г. Волынскій: но, во-первыхъ, дѣло далеко не состоитъ въ одномъ вопросѣ о чистотѣ намѣреній Гоголя, которая дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію, а во-вторыхъ, кн. Вяземскій и тутъ постоянно сбивается съ настоящей дороги, признавая Гоголя правымъ въ томъ, что онъ, повинуясь свойствамъ своего таланта, рисовалъ пошлыхъ людей, но въ то же время прибавлялъ, что дурно

---

[1]) Соч. Вяземскаго, т. II, стр. 318.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, IV, стр. 241.

[3]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1893, т. I.

дѣлали послѣдователи и подражатели Гоголя, что пошли по той же дорогѣ. Это движенiе князю-критику хотѣлось бы во что бы то ни стало остановить, и онъ спѣшитъ увѣрить, что послѣ Гоголя „не осталось ни одного живаго зерна“ на этомъ полѣ, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ такъ негодуетъ, чего боится, о чемъ безпокоится? Между тѣмъ кн. Вяземскiй единственный грѣхъ Гоголя видитъ вѣдь въ томъ, что „онъ первый „Мертвыми Душами“ далъ осѣдлость у насъ литературѣ укорительной, желчной и, между тѣмъ, мелко-придирчивой“[1]). Весьма характерно здѣсь, что кн. Вяземскiй косился на „Мертвыя Души“ и воскурялъ ѳимiамъ „Перепискѣ“! Вообще же кн. Вяземскiй, а за нимъ и г. Волынскiй говорятъ очень много справедливаго въ оправданiе Гоголя съ нравственной стороны, но оба они забываютъ, что это совсѣмъ не возраженiе противной сторонѣ. Такъ, кн. Вяземскiй соглашается, что Гоголь сказалъ много лишняго въ статьѣ объ „Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“, что „авторъ слишкомъ далеко заносится въ область благонамѣренныхъ мечтанiй, и что тутъ воображенiе критика строитъ воздушные замки и срываетъ золотыя яблоки съ небывалыхъ деревъ“. Но вѣдь это-то именно и говорили другiе, и то обстоятельство, что увлеченiе вышло изъ добраго источника, ни на iоту не мѣняетъ сущности дѣла. То же самое можно повторить о сужденiяхъ Вяземскаго въ другихъ случаяхъ: о „Русскомъ помѣщикѣ“, „Сельскомъ судѣ и расправѣ“, о „Женщинѣ въ свѣтѣ“. Такiя мнѣнiя не нужно опровергать: достаточно только сказать, что не въ этомъ дѣло. А съ этими словами Вяземскаго противной сторонѣ: „Гоголь только тѣмъ передъ вами и виноватъ, что вы не такъ мыслите, какъ онъ“, можно даже совершенно согласиться, ибо искренность Гоголя была дѣйствительно заподозрѣна напрасно, но вѣдь и Чернышевскiй только немного иначе формулировалъ ту же мысль, что Гоголь „читалъ не тѣ книги, какiя нужно“.

Прибавимъ, что кн. Вяземскiй во всякомъ случаѣ оказался на сторонѣ Гоголя въ значительной степени въ виду полемическихъ соображенiй, но онъ самъ говорилъ: „если спросятъ меня: хочу ли, чтобы Гоголь оставилъ навсегда прежнiе пути свои и шелъ исключительно по новому, который онъ

---

[1]) „Соч. Вяземскаго“, т. II, стр. 329.

проложилъ послѣднею книгою своей? скажу, не запинаясь: нѣтъ, я увѣренъ, что между прежнимъ Гоголемъ и нынѣшнимъ можетъ послѣдовать и послѣдуетъ прекрасная сдѣлка, полезная, мировая. Онъ умѣрилъ и умирилъ въ себѣ человѣка; теперь умѣритъ и умиритъ въ себѣ автора" [1]). Прекрасное желаніе, но, къ сожалѣнію, показывающее, что взаимное пониманіе и сочувствіе Гоголя и кн. Вяземскаго было теперь только мнимое, что Вяземскій не имѣлъ вѣрнаго и яснаго представленія о томъ, что̀ совершалось тогда въ душѣ Гоголя, и что онъ невольно наталкивалъ его своими словами совсѣмъ не на тотъ путь, на какой желалъ натолкнуть. Есть еще и другое доказательство этого: кн. Вяземскій совершенно въ разрѣзъ съ убѣжденіями Гоголя утверждаетъ, „что въ „Мертвыхъ Душахъ" казалось Гоголю очень натурально сложить въ одну часть всю домашнюю черноту человѣка, весь хламъ и нечистоту общества, предоставляя себѣ въ послѣдующихъ частяхъ ввести читателя въ свѣтлые и праздничные покои. Подобное распредѣленіе грѣшитъ и противъ художественности, и противъ нравственной истины" [2]). Здѣсь, защищая Гоголя, кн. Вяземскій нападаетъ именно на самую задушевную его мысль. Оттого и самъ Гоголь остался недоволенъ статьей кн. Вяземскаго [3]).

LXXXVII.

Что̀ касается позднѣйшей критики Вяземскаго, то въ ней много справедливаго, и особенно любопытно замѣчаніе объ отношеніяхъ къ Гоголю Жуковскаго и Пушкина, которыя здѣсь обрисованы очень вѣрно и замѣчательно согласно съ недавно напечатанными „Записками А. О. Смирновой" [4]); но Вяземскій, говоря, что Гоголь самъ не думалъ стать во главѣ писателей, которые возбуждаютъ соціальные и политическіе вопросы, и что его на это положеніе *натолкнули*, безусловно не правъ: на это положеніе натолкнули его *не извнѣ*, а именно *особенности его таланта* и призванія, и вотъ это-то именно и осталось непонятнымъ Вяземскому до конца. Въ виду этого

---

1) Соч. Вяземскаго, т. II, стр. 328.
2) Тамъ же, стр. 318.
3) Тамъ же, стр. 334.
4) См. „Сѣв. Вѣстникъ", 1893 г.

нельзя не признать безусловно справедливой слѣдующую поправку, сдѣланную къ статьѣ его г. Вр. Иск. въ 107 № „Сѣверной Пчелы“ за 1847 г.; вотъ что̀ замѣчаетъ этотъ критикъ: „Книга ваша нужна“, говоритъ кн. Вяземскій, „потому что Гоголь былъ обязанъ *разорвать* съ частью того прошедшаго, которое придали ему его поклонники и подражатели. Но Гоголь нигдѣ этого не сдѣлалъ. Онъ просто признаетъ *безполезность* и плохую отдѣлку прежнихъ сочиненій. Почему онъ писалъ безполезныя книги? Этого онъ нигдѣ не объясняетъ. Почему плохо отдѣлывалъ ихъ? Въ этомъ винитъ друзей своихъ, но не поклонниковъ и подражателей“. „Какая странная мода завелась теперь на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на боку, къ дѣлу настоящему лѣнивъ, а торопитъ... Чуть замѣтятъ, что хоть одинъ человѣкъ занялся серіозно какимъ-нибудь дѣломъ, ужъ его торопятъ со всѣхъ сторонъ. („Переписка“, стр. 148 и 149). Кажется ясно? Хвалители и подражатели Гоголя нимало не торопили его“ [1]). Затѣмъ столь же справедливо указывается, что Гоголь приписывалъ совершившійся въ немъ крутой поворотъ тому, что онъ видѣлъ передъ собою смерть, и поклонники тутъ ни въ чемъ не виноваты [2]).

Но затѣмъ авторъ статьи въ „Сѣверной Пчелѣ“ повторяетъ грубыя ошибки своей газеты; такъ, соглашаясь съ кн. Вяземскимъ въ томъ, что будто бы справедливо все сказанное имъ о натуральной школѣ, онъ придаетъ совершенно иной смыслъ извѣстнымъ словамъ Пушкина, что никто не умѣетъ такъ ярко выставлять пошлаго человѣка, какъ Гоголь, придавая этому отзыву искаженный и далеко нелестный для Гоголя смыслъ и настаивая на излюбленномъ газетой сравненіи Гоголя съ Поль-де-Кокомъ. На замѣчаніе кн. Вяземскаго, что Гоголь ничему не научился у своихъ хулителей, г. Вр. Иск., злоупотребляя аскетическимъ смиреніемъ нашего писателя, приводитъ собственныя его слова: „въ критикахъ Булгарина,

---

[1]) «Сѣверная Пчела», 1847, № 107, стр, 427.

[2]) Также, возражая кн. Вяземскому, что о духовномъ преобразованіи Гоголя до выхода его книги знали только немногіе изъ его пріятелей, «Сѣверная Пчела» возражаетъ: «Нѣтъ, тутъ искажено дѣло: перемѣну въ Гоголѣ знала читающая публика, и появленіе книги никого не удивило. Не знали, какія именно статьи въ ней будутъ, но подозрѣвали уже ихъ духъ, ихъ направленіе. Статья объ «Одиссеѣ» измѣнила тайнѣ Гоголя и друзей его» («Сѣверная Пчела», 1847, № 107, стр. 427).

Сенковскаго и Полевого есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ“. Затѣмъ критикъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія объ отдѣльныхъ письмахъ Гоголя, которые сводятся большею частію къ тому, что многое въ нихъ не ново, а другое не справедливо.

LXXXVIII.

Замѣчательно также письмо къ Вяземскому П. Я. Чаадаева, все по поводу той же статьи: „Языковъ и Гоголь“. Письмо это можетъ быть раздѣлено на двѣ части: первая была написана раньше, — а вторая послѣ прочтенія „Переписки“. Сначала Чаадаевъ говоритъ о всеобщемъ бурномъ негодованіи, которое возбудилъ противъ себя своей книгой Гоголь. Все зло приписываетъ необдуманнымъ и неумѣреннымъ похваламъ, сбившимъ писателя съ его настоящей дороги и заставившимъ его вообразить себя чуть не пророкомъ. Вообще въ паденіи Гоголя онъ видитъ слѣдствіе печальной ошибки славянофиловъ: „Какъ вы хотите, чтобы въ наше надменное время, напыщенное народною спѣсью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобы голова у него не закружилась. Это просто не возможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ, роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Коли народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то, само собою разумѣется, что и каждый даровитый русскій человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ“ [1]). Нашелся крошечный наставникъ — и вотъ его значеніе раздуто до невѣроятія. — Замѣтимъ, что по недоразумѣнію К. Аксаковъ ту же ошибку Гоголя приписывалъ вліянію на него Запада, тѣмъ странамъ, въ которыхъ Гоголь прожилъ столько лѣтъ. Та же мысль проводится и въ письмахъ Н. Ф. Павлова, первоначально напечатанныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1847 г.

Такова основная мысль первой половины письма; во второй высказывается напротивъ согласіе съ кн. Вяземскимъ,

---

[1]) «Московскій Благородный Пансіонъ» Сушкова, 2 отд., прилож., стр. 26.

что переворотъ въ Гоголѣ былъ необходимъ, и выражается чувство искренняго и горькаго сожалѣнія по поводу тѣхъ упрековъ и порицаній, которые со всѣхъ сторонъ сыпались на Гоголя. „Ему какъ будто не хотятъ простить, что, веселивши насъ столько времени своей умной шуткой, ему разъ вздумалось поговорить съ нами не смѣясь, что съ нимъ случилось то, что̀ ежедневно случается въ кругу обыкновенной жизни съ людьми, менѣе извѣстными, и онъ осмѣлился намъ про это разсказать по вѣковѣчному обычаю писателей, питающихъ сознаніе своего значенія…“ [1]). И далѣе: „Вы одни относитесь съ любовью къ книгѣ и къ автору: спасибо вамъ! День ото дня источникъ любви у насъ болѣе и болѣе изсякаетъ, по крайней мѣрѣ, въ мірѣ печатномъ! И такъ, спасибо вамъ еще разъ! На меня находитъ невыразимая грусть, когда я вижу всю эту злобу, возникшую на любимаго писателя, доставившаго намъ столько слезныхъ радостей, за то только, что пересталъ насъ тѣшить и, съ чувствомъ скорби и убѣжденія, исповѣдуется передъ нами и старается, по силамъ, сказать намъ доброе и поучительное слово“ [2]). Здѣсь, очевидно, въ Чаадаевѣ говорило прежде всего чувство хорошаго и благороднаго человѣка, откликнувшагося всей душой на такое же чувство, обнаруженное, по поводу толковъ о „Перепискѣ“, другимъ, не менѣе благороднымъ и хорошимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе это письмо не имѣетъ, по нашему мнѣнію, никакого серіознаго критическаго значенія.

LXXXIX.

Такимъ образомъ почти всѣ не только крупные, но и мелкіе органы періодической печати такъ или иначе успѣли высказаться о „Перепискѣ съ друзьями“, а нѣкоторые даже не однажды — и только одинъ „Москвитянинъ“, нѣкогда спѣшившій обыкновенно заранѣе объявлять о каждой литературной новинкѣ, только-что вышедшей изъ-подъ пера Гоголя, а часто даже и не приготовленной еще къ печати, занялъ теперь выжидательную позицію и хранилъ упорное молчаніе. Хотя по возобновленіи „Москвитянина“ въ 1847 г.

---

1) Тамъ же, стр. 29.

2) Тамъ же.

началси уже второй періодъ существованія этого журнала, но въ послѣдніе сороковые годы ничего еще почти не измѣнилось въ немъ и изданіемъ попрежнему продолжали пока завѣдывать Погодинъ и Шевыревъ, какъ извѣстно, принужденные вскорѣ теченіемъ обстоятельствъ передать дѣло „молодой редакціи“.

Чѣмъ же объяснить молчаніе людей, считавшихся въ литературѣ наиболѣе близкими къ Гоголю и, безъ сомнѣнія, вдвойнѣ заинтересованныхъ его книгой? Мы знаемъ изъ косвенныхъ источниковъ, какъ напр. изъ сочиненія Аксакова: „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, — что въ кругахъ близкихъ къ издателямъ „Москвитянина“ книга Гоголя возбудила такое же сильное волненіе, какъ и вообще во всей литературѣ и обществѣ, а самъ С. Т. Аксаковъ кипѣлъ бурнымъ негодованіемъ противъ гоголевскаго мистицизма и предчувствовалъ паденіе такъ горячо цѣнимаго могущественнаго таланта; наконецъ онъ именно одинъ изъ первыхъ вывелъ несправедливое заключеніе о томъ, что будто бы Гоголь отрекается отъ искусства и прежней своей литературной дѣятельности[1]). Аксаковъ даже подыскалъ, но неудачно, причину гибели Гоголя: „О, недобрый былъ тотъ часъ и день“, — говорилъ онъ, — „когда вы вздумали ѣхать въ чужіе края, въ этотъ Римъ, губитель русскихъ умовъ и дарованій“ (?). „Дадутъ Богу отвѣтъ эти *друзья ваши,* слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе. Горько убѣждаюсь я, что никому не проходитъ безнаказанно бѣгство изъ отечества: ибо продолжительное отсутствіе есть уже бѣгство, измѣна ему“ [2]). Въ этихъ строкахъ Аксаковъ очень наивно проговорился, что не онъ и, конечно, не Шевыревъ и вся вообще ихъ клика

---

1) Подробное изложеніе мнѣній о «Перепискѣ» семейства Аксаковыхъ см. въ книгѣ Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. VIII. Мнѣніе Ю. Ѳ. Самарина извѣстно намъ лишь по слѣд. строкамъ письма И. С. Аксакова отцу отъ 1 февр. 1847 г.: «Осторожный Самаринъ, не имѣя еще свѣдѣній, какого мнѣнія о книгѣ Гоголя Александра Осиповна (Смирнова), пишетъ о книгѣ чрезвычайно легко и загадачно, не произнося никакого рѣшительнаго приговора, однакоже видно, что онъ ею недоволенъ» («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 417).

2) «Русск. Архивъ», 1890, VIII, 164.

принадлежали къ числу настоящихъ друзей Гоголя, а кто-то еще, о комъ въ кружкѣ такъ называемыхъ московскихъ „друзей“ говорили и вспоминали съ желчью и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ зависти. Кто же были эти другіе друзья, эти Маниловы, — это мы узнаемъ какъ изъ дальнѣйшей переписки самого С. Т. Аксакова съ Гоголемъ, такъ и изъ раздражительныхъ словъ К. С. Аксакова: „знакомство съ Смирновой, *воспитанницей вашей,* еще болѣе объяснило и васъ, и вашъ взглядъ, и состояніе души вашей, и ученіе ваше ложное, лживое, совершенно противоположное искренности и простотѣ“ [1]). Въ серединѣ письма К. С. Аксаковъ повторяетъ мысли, уже годомъ раньше, какъ мы видѣли, высказанныя Гоголю его отцомъ: „Какъ могло случиться, что вы, Николай Васильевичъ, человѣкъ русскій, такъ не понимаете, такъ не предполагаете русскаго народа; что вы, столько искренній въ своихъ произведеніяхъ, стали такъ глубоко не искренни? Отвѣтъ на это простъ. Не вы ли, въ ложномъ мудрованіи, бросили свою землю, бѣжали изъ Россіи и шесть лѣтъ были внѣ ея, не дышали ея святымъ, нравственнымъ воздухомъ? Не вы ли, бѣглецъ родной земли, жили на западѣ и вдыхали въ себя его тлетворныя испаренія? Или вы думаете, что ничего не значитъ для человѣка то окруженіе, въ которомъ онъ находится?“... „Книгу вашу“, торжественно провозглашаетъ нашъ энтузіастъ свою анаѳему,— „считаю полнымъ выраженіемъ всего зла, охватившаго васъ на западѣ(?) Вы имѣли дѣло съ западомъ, съ этимъ воплощеннымъ лгуномъ, и ложь его проникла въ васъ“ [2]).

Все это очень комично особенно въ виду совершенной неповинности Гоголя не только въ чрезмѣрномъ зараженіи западомъ, но даже и въ сколько-нибудь достаточномъ усвоеніи западныхъ идей; но для насъ важно собственно потому, что эти и подобныя имъ сужденія и толки *не могли быть* неизвѣстны издателямъ „Москвитянина“, которые хорошо знали, что въ „Москвѣ не было вечерней бесѣды, разумѣется въ тѣхъ кругахъ, куда проникаетъ мысль и литература, гдѣ бы не толковали о „Перепискѣ“, не раздавались бы жаркіе споры, не читались бы изъ нея отрывки“ [3]). Равно

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, I, стр. 135.

[2]) Тамъ же, стр. 135.

[3]) «Москвитянинъ», 1848, № I, отдѣлъ критики, стр 1.

и въ семействѣ Аксаковыхъ не могли не вѣдать о сужденіяхъ Погодина и Шевырева. Положимъ, что Погодинъ былъ задѣтъ и оскорбленъ „Перепиской“, такъ что Шевыревъ о немъ разсказывалъ С. Т. Аксакову, что онъ даже горько плакалъ[1]); но странно и очень жаль, что о мнѣніяхъ Шевырева нигдѣ не упоминается въ разсказѣ С. Т. Аксакова, а въ перепискѣ Гоголя съ Шевыревымъ, главнымъ образомъ, идетъ рѣчь объ оскорбленіи Погодина и о необходимости передъ нимъ извиниться. Итакъ, повидимому, прямо относящихся къ дѣлу для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса данныхъ немного. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи открываются весьма любопытныя соображенія.

Вѣроятно, читатели согласятся съ нами, что нельзя же считать исключительной причиной молчанія „Москвитянина“ о книгѣ Гоголя обиду, причиненную имъ одному изъ издателей[2]). Кажется, необходимо признать также, что многое изъ того, чтò составило потомъ содержаніе статьи Шевырева, далеко не сразу выяснилось для самого автора, а такъ какъ весь главный матеріалъ для нея могъ возникнуть лишь постепенно и не скоро, какъ это мы сейчасъ увидимъ, то и нельзя сомнѣваться, что критикъ чувствовалъ себя въ данномъ случаѣ просто не совсѣмъ готовымъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе всей первой половины 1847 г. Были ли у Шевырева совершенно опредѣленные взгляды на „Переписку“ съ самаго начала, какъ напримѣръ у Аксаковыхъ, мы этого ни изъ чего не видимъ, но имѣемъ наоборотъ явныя доказательства противнаго. „Можетъ быть, и я скажу слово, *когда переслушаю всѣхъ,* писалъ онъ Гоголю“[3]). Изъ отвѣтнаго письма Гоголя къ Шевыреву отъ 10 марта 1847 г. (изъ напечатанныхъ до сихъ поръ писемъ Шевырева этого не видно) мы узнаемъ, что, во-первыхъ, Шевыревъ сердился на Гоголя за темноту многихъ

---

1) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 163.

2) Въ «Перепискѣ Грота къ Плетневымъ» есть, впрочемъ, упоминаніе о какой-то статьѣ, о которой Шевыревъ, не соглашаясь съ выраженными въ ней взглядами, писалъ Плетневу 27 марта 1846 г.: «Я самъ не раздѣляю мнѣній г. Студитскаго въ отношеніи къ Гоголю; но «Москвитянинъ» хочетъ отличаться терпимостью своихъ мнѣній. Впрочемъ я отвѣчаю только за то, чтò подписано моимъ именемъ» («Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 913).

3) Отчетъ Импер. Публичн. Библ. за 1893 г., стр. 48.

его словъ и выраженій[1]) и что онѣ нашелъ въ „Перепискѣ" слѣды состоянія переходнаго[2]); наконецъ, — что Шевыревъ также принадлежалъ къ числу людей, принявшихъ, по выраженію Гоголя, книгу его себѣ за оплеуху, — потому, конечно, что имъ близка была честь друга. Шевыревъ, какъ видно, также не особенно одобрялъ появленіе книги, такъ что Гоголь долженъ былъ оправдываться: „Повѣрь, что безъ этой книги мнѣ бы не узнать всего того, что̀ мнѣ необходимо знать для того, чтобы мои „Мертвыя Души" вышли то, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть"[3]). Слѣдующее письмо къ Шевыреву во многомъ представляетъ только повтореніе прежняго, но любопытно одно замѣчаніе, доказывающее, что Шевыревъ (это видно впрочемъ изъ обоихъ писемъ Гоголя), дѣлая своему другу кое-какіе упреки, въ то же время иногда попадаетъ ему отчасти и въ тонъ („Слова твои о томъ, какъ чорта выставить дуракомъ, совершенно попали въ тактъ съ моими мыслями")[4]). Но особенно важно, что Гоголь назидаетъ здѣсь Шевырева: „Я не могу понять, отчего поселилась эта нелѣпая мысль объ отреченіи моемъ отъ своего таланта и отъ искусства, тогда какъ изъ моей же книги можно бы, кажется, было увидѣть хотя нѣкоторыя страданія, какія я долженъ былъ выносить изъ любви къ искусству, желая себя приневолить и принудить писать и создавать тогда, когда я не въ силахъ былъ, — когда изъ самаго предисловія моего къ второму изданію „Мертвыхъ Душъ" видно, какъ я занятъ одною и тою же мыслію и какъ хочу забрать тѣхъ свѣдѣній, которыя мнѣ нужны для моего труда"[5]). Эти строки вдохновили Шевырева, который, подсмѣиваясь надъ недогадливостью „Отеч. Записокъ", теперь развязно заявляетъ: „Первый важный вопросъ при разборѣ „Переписки" касается того: имѣетъ ли она связь со всѣмъ предъидущимъ поприщемъ его (Гоголя), или представляетъ совершенный разрывъ съ нимъ? Не даетъ ли она ключа къ разгадкѣ предшествовавшихъ его произведеній, или, напротивъ, отрицаетъ ихъ вовсе?" А затѣмъ слѣдуетъ развязное объясненіе: „Нѣкоторыя слова самого Гоголя по-

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 353.

2) Т. VI, стр. 351—352.

3) Стр. 353.

4) Т. VI, стр. 376; ср. Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1893 г., стр. 49.

5) Т. VI, стр. 375.

дали поводъ не только недоброжелателямъ, но даже одному достойному приверженцу его таланта и новой книги увлечься слишкомъ въ пользу послѣдняго мнѣнія. *Иные даже* сочли Гоголя совершенно погибшимъ для искусства и видятъ въ его книгѣ полное отреченіе отъ него"[1]). Но еще увѣреннѣе говоритъ теперь Шевыревъ на слѣдующей страницѣ: „Что касается до того, что Гоголь будто бы отказывается отъ искусства, то подобная мысль могла возникнуть только у тѣхъ, которые слегка прочли его книгу и не обняли всего ея содержанія"[2]).

Итакъ Шевыревъ именно обнялъ содержаніе книги! Къ сожалѣнію, намъ извѣстно документально, что если онъ и *обнялъ* содержаніе „Переписки съ друзьями", то, во-первыхъ, не сразу и, что еще важнѣе, не самостоятельно, а уже послѣ того, какъ на него оказали замѣтное вліяніе взгляды другихъ лицъ. Такимъ образомъ похвальба Шевырева оказывается крайне комическою. Любопытно, напр., что С. Т. Аксаковъ 16 января 1847 г. писалъ своему сыну Ивану Сергѣевичу: „*Мы* не можемъ молчать о Гоголѣ, *мы* должны публично порицать его. Шевыревъ даже хочетъ напечатать *безпощадный разборъ его книги*"[3]). Между тѣмъ кн. П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Наши критики смотрятъ на Гоголя, какъ смотрѣлъ бы баринъ на крѣпостного человѣка, который въ домѣ его занималъ мѣсто сказочника и потѣшника и вдругъ сбѣжалъ изъ дома и постригся въ монахи... Сказываютъ, что и *вы строго судите новую книгу Гоголя*. Я всегда былъ того мнѣнія, что вы, Хомяковъ и другіе слишкомъ преувеличивали достоинство Гоголя (?!!), придавали ему произвольное значеніе, которое было ему не въ мѣру (?!!), и такимъ образомъ производило вредное дѣйствіе и на общее мнѣніе, и на него самого. Равно и теперь полагаю, что вы не правы, если не сочувствуете книгѣ его. Разумѣется, въ ней много странностей, излишествъ, натяжекъ; но все это было и въ прежнихъ твореніяхъ (?!!) его, въ которыхъ вы видѣли преобразованіе, возрожденіе, преображеніе литературы нашей. Въ Гоголѣ много истиннаго,

---

1) «Москвитянинъ», 1848, т. I, стр. 1.

2) «Русск. Архивъ», 1890 г., II, 286; ср. Отчетъ Публ. Библ. за 1893 г., стр. 49.

3) «Русск. Архивъ», 1890, VIII, 163.

но онъ самъ не истиненъ; много натуры, но онъ самъ болѣзненъ: былъ таковымъ прежде, каковъ нынѣ" [1]). Такой отзывъ критика не нуждается въ подробномъ разборѣ: кто же теперь согласится, что въ „Перепискѣ съ друзьями" столько же „странностей, излишествъ и натяжекъ", какъ и въ прежнихъ, т.-е. лучшихъ созданіяхъ Гоголя. Но слѣды вліянія словъ Вяземскаго на будущую статью Шевырева не подлежатъ сомнѣнію.

Любопытно, что только послѣ извѣстныхъ намъ писемъ Шевыревъ рѣшился писать критику, и Гоголь даетъ ему дальнѣйшія указанія, между прочимъ, что̀ сказать въ насмѣшку надъ придирчивой и враждебной ему критикой Н. Ф. Павлова. Послѣдній писалъ Гоголю: „Не беру на себя обязанности наставника и просвѣтителя; пишу затѣмъ, чтобы придти опять въ нормальное положеніе, въ какомъ находился я до изданія вашей книги". И вотъ по поводу этихъ словъ Гоголь пишетъ Шевыреву: „Для меня въ этой статьѣ замѣчательно то, что самъ же критикъ говоритъ, что пишетъ письма свои затѣмъ, чтобы привести себя въ то самое чувство, въ какомъ онъ былъ передъ чтеніемъ моей книги, и сознается самъ невинно, что эта книга (въ которой, по его мнѣнію, ничего нѣтъ новаго, а что̀ и есть новаго, то ложь) сбила, однакоже, его совершенно съ прежняго его положенія (какъ онъ называетъ) *нормальнаго*. Хорошо же было это нормальное положеніе! Онъ, разумѣется, еще не видитъ теперь, что этотъ возвратъ уже для него не возможенъ и что даже въ этомъ первомъ своемъ письмѣ онъ сталъ уже лучше того Павлова, какимъ является въ своихъ „Трехъ послѣднихъ повѣстяхъ": пожалуйста этого явленія не пропусти изъ виду, когда восчувствуешь желаніе сказать также нѣсколько словъ по поводу моей книги" [2]).

Но Шевыревъ этого вопроса не коснулся въ своей критикѣ. Зато онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду вполнѣ, конечно, законную просьбу Гоголя: „Когда будешь писать критику, то обрати вниманіе на *главные предметы* книги, о которыхъ разсужденія только и могутъ доставить пользу обществу" [3]).

---

1) «Русск. Арх.», 1884, № 6, стр. 311.
2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 401.
3) Тамъ же, стр. 401—402.

Прежде всего здѣсь разумѣется, конечно, вопросъ, который Гоголь въ другомъ своемъ письмѣ признаетъ „всеобщимъ“[1]), о томъ, оставилъ ли онъ поприще писателя и измѣнилъ ли направленіе. Этотъ вопросъ и разсматривается прежде всего Шевыревымъ, тогда какъ остальное содержаніе статьи его, кромѣ полемической части, посвящено вопросу о томъ, насколько Гоголь успѣлъ изобразить въ своихъ произведеніяхъ русскаго человѣка и какіе у него идеалы. Шевыревъ доказываетъ, — и на этотъ разъ онъ правъ, — что рѣшительно заблуждались нѣкоторые изъ представителей критики, полагавшіе, что Гоголь смотрѣлъ тѣми же глазами на искусство, какъ и они. Въ этомъ авторъ рецензіи видитъ „наказаніе школѣ, которую Гоголь произвелъ самъ, конечно, не воображая, что она родится и выведетъ отъ него свою родословную“[2]). Справедливо также, но только отчасти, и другое замѣчаніе, сдѣланное по тому же поводу, именно, что указанное обстоятельство было причиной того, что „Гоголь *поторопился* открыть поскорѣе тайну своихъ внутреннихъ убѣжденій въ коренныхъ началахъ жизни русскаго народа, чтобы навсегда разорвать свои связи съ тѣми, которые добровольно навязывали ему себя, вовсе того не понимая“[3]). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ Шевыревъ высказывается въ томъ же смыслѣ чрезвычайно удачно и вѣрно, но, повидимому, какъ это ни странно, не желая придавать своимъ словамъ того значенія, которое они нечаянно у него получаютъ; такъ, онъ говоритъ: „Новая книга Гоголя разоблачила намъ тайну его убѣжденій, *которыя онъ прежде питалъ безсознательно и которыя теперь высказываетъ искренно*“[4]).

Изъ другихъ мыслей, высказанныхъ Гоголю Шевыревымъ и повторенныхъ послѣднимъ въ его критикѣ, укажемъ слѣдующую. Въ письмѣ отъ 2 декабря 1847 г. Гоголь говоритъ: „Если нынѣшняя моя книга „Переписка“ (по мнѣнію даже неглупыхъ людей и пріятелей моихъ) способна распространить *ложъ* и *безнравственность*, и имѣетъ свойство увлечь, то самъ посуди, во сколько разъ больше я могу

[1]) Стр. 411.

[2]) «Москвитянинъ», 1848, I. стр. 28.

[3]) Тамъ же, стр. 29.

[4]) Тамъ же, стр. 12.

увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену съ моими живыми образами. Тутъ вѣдь я буду посильнѣе, чѣмъ въ „Перепискѣ“. Тамъ можно было разбирать меня въ пухъ и Павлову, и барону Розену, а здѣсь врядъ ли и Павловымъ, и всякимъ прочимъ литературнымъ рыцарямъ и наѣздникамъ будетъ подъ силу со мной потягаться“ [1]). Итакъ теперь Гоголь главную ошибку свою видѣлъ въ томъ, что онъ для проведенія въ общество своихъ мыслей не воспользовался столь привычной и послушной ему формой литературнаго изложенія. Это же передаетъ и Шевыревъ: „Великій недостатокъ въ томъ, что все это“ (т.-е. существенное содержаніе „Переписки“) „выразилось не въ художественной формѣ, а въ видѣ поучительныхъ писемъ и размышленій: должно предположить, что сила творческая стала втупикъ передъ величіемъ задачи, или, лучше, задача искусства столкнулась съ задачей дѣйствительной жизни, передъ которой первая должна была поникнуть. Вотъ почему вѣроятно, и второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ полетѣлъ въ огонь“ [2]).

Важнѣйшую часть статьи, какъ мы упоминали, составляютъ доказательства Шевырева, что Гоголь посвятилъ свое творчество преимущественно выясненію высокаго назначенія русскаго народа. Развивая эту мысль, критикъ утверждаетъ, что такова же была цѣль его прежде, но что этого не поняли его поклонники. Въ виду того, что къ послѣднимъ принадлежали преимущественно западники, Шевыревъ старается поставить на видъ, что Гоголь потому именно и смѣялся надъ пошлостями русскаго человѣка, что глубоко чувствовалъ его особое, высокое назначеніе. Въ доказательство Шевыревъ приводитъ слова Гоголя, что сатирическіе писатели „носили въ своей душѣ идеалъ лучшаго русскаго человѣка, а носить въ себѣ идеалъ лучшаго русскаго человѣка“ — продолжаетъ онъ — „нельзя, не признавая въ немъ тѣхъ данныхъ, въ которыхъ заключается условіе возможности олицетворить этотъ идеалъ“ [3]). Въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ при передачѣ мыслей, надо, впрочемъ, думать, Шевыревъ прибѣгаетъ къ натяжкамъ и притомъ едва-ли не навязываетъ

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 431.
2) «Москвитянинъ», 1848, I, стр. 12.
3) Тамъ же, стр. 13.

Гоголю просто свои собственныя сужденія, а однажды даже прямо и ясно старается дополнить отъ себя недостающее, по его мнѣнію, у Гоголя. Согласно съ Аксаковыми, онъ полагаетъ, что Гоголь сдѣлалъ упущеніе, живя за-границей; иначе онъ бы замѣтилъ, конечно, какъ развилось у насъ хвастовство совершенно иного рода, нежели желаніе поставить свои достоинства напоказъ и сказать Европѣ: „смотрите, нѣмцы, мы лучше васъ"; „хвастовство своей отдѣльной личностью на счетъ всего народа, который ни въ грошъ ставятъ" [1]). Но здѣсь уже явно подмѣнивается мысль, ограничивающая крайности славянофильства, другою, направленною напротивъ, — на западниковъ.

Въ другомъ мѣстѣ статьи Шевыревъ, въ упрекъ западникамъ, говоритъ вообще объ ихъ преклоненіи передъ личностью и замѣчаетъ, что они хотя „вопіютъ о личности, всего менѣе сознаютъ ее на дѣлѣ" и что „Гоголь ошибся въ своемъ разсчетѣ и въ этомъ случаѣ поступилъ подъ вліяніемъ слишкомъ западнаго образа мыслей" [2]), т.-е. Гоголь разсчитывалъ пользоваться тѣми правами, которыя безусловно признаны за пользующимся славой писателемъ на Западѣ, и не ожидалъ, что его лишатъ этого неотъемлемо принадлежащаго ему права. Все это, конечно, показываетъ, что, исполняя завѣтъ Гоголя обратить вниманіе на главные предметы *книги*, Шевыревъ понялъ его по-своему и то-и-дѣло упускалъ изъ виду значеніе послѣдняго слова, вмѣсто того пуская въ ходъ свои собственные коньки. Зато Шевыревъ говорилъ совершенно въ духѣ и цѣляхъ Гоголя, когда указывалъ на то, что „нѣсколько разъ упоминаетъ авторъ о своихъ „Мертвыхъ Душахъ" — и изъ этихъ подробностей мы можемъ видѣть, какъ планъ ихъ ясенъ въ его воображеніи и что даже готовы слова нѣкоторыхъ лицъ и въ третьемъ томѣ. Шевыревъ, очевидно, имѣлъ въ виду здѣсь какія-то предполагаемыя слова Плюшкина въ 3-мъ томѣ [3]), а также — что до сихъ поръ Гоголь переносилъ въ искусство одну только пошлую, или, назовемъ точнѣе, одну неразумную сторону русской жизни и представлялъ намъ русскаго человѣка" въ полъ-обхвата, и то сни-

---

1) «Москвитянинъ», 1848, I, стр. 16.

2) Тамъ же, стр. 6.

3) Соч. Гоголя, изд. X, т, IV, стр. 73.

ною или изнанкою“ [1]), но что теперь ему предстоятъ иныя задачи[2]). Неудачу Гоголя относительно второго тома онъ не брался объяснить и вмѣсто того предлагалъ рядъ вопросовъ, напр. „какъ объяснить, почему послѣ Пушкина суждено было комику быть представителемъ нашей поэзіи? Почему онъ доходитъ до увѣренности, что опошлѣлъ въ искусствѣ добродѣтельный человѣкъ? Почему думаетъ, что и въ жизни сталъ „дрянь и тряпка всякъ человѣкъ“. Почему, когда пришлось художнику вывести нѣсколько благородныхъ характеровъ, обнаруживающихъ высокое благородство нашей породы, то художникъ оставался тѣмъ недоволенъ, нашелъ это натянутымъ, — и вотъ летитъ въ огонь второй томъ „Мертвыхъ Душъ“? Отчего же въ извѣстное время поэтъ выпускаетъ охотнѣе въ свѣтъ Собакевичей, Ноздревыхъ, Маниловыхъ и Плюшкиныхъ и такъ далѣе, а изображеніе благородныхъ характеровъ летитъ въ огонь?“ [3]). Тѣмъ не менѣе послѣднюю задачу Шевыревъ считаетъ настолько важной, что, признавая наконецъ нѣкоторые немногіе недостатки въ „Мертвыхъ Душахъ“, говоритъ: „Виноватъ и ты самъ, художникъ. Будь увѣренъ, что мы сумѣемъ оправдать тебя сами въ твоемъ комизмѣ и въ твоемъ хохотѣ, насколько ты достоинъ и заслуживаешь оправданія, насколько ты самъ остаешься невволенъ въ своемъ смѣхѣ, и насколько въ немъ виновна жизнь, тебя окружающая. Но сознайся въ томъ, что ты часто находилъ самоуслажденіе въ этомъ хохотѣ, черезъ мѣру заливался своимъ смѣхомъ, *въ чемъ мы тебя и прежде попрекали*, слишкомъ тѣшился своимъ даромъ смѣшить другихъ, и забывалъ иногда о тѣхъ глубокихъ слезахъ, которыя тяготѣли у тебя на душѣ и забвеніе которыхъ отнимало у твоего смѣха глубину и силу, и отзывался онъ тогда чѣмъ-то пустымъ и даже приторнымъ“ [4]) (т.-е. вѣроятно, въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился

---

[1]) «Москвитянинъ», 1848, т. I, стр. 10.

[2]) Что эти задачи по силамъ Гоголю, Шевыревъ доказывалъ малороссійскими повѣстями (изъ которыхъ, впрочемъ, слѣдовало указать лишь на «Тараса Бульбу» и на нѣкоторые типы молодыхъ украинскихъ дѣвушекъ, но кромѣ того на «Римъ» и «Портретъ») и наконецъ ссылался на то обстоятельство, что Гоголь «*обѣщаетъ* раскрыть другія высшія стороны въ русскомъ человѣкѣ, стало-быть, самъ сознаетъ въ себѣ эту силу» («Москвитянинъ», 1848, т. I, стр. 10).

[3]) «Москвитянинъ», 1848, I, стр. 11.

[4]) Тамъ же, стр. 27.

Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ", которую очень не любилъ Шевыревъ). „Мы не обвинили бы тебя, если бы ты самъ не обвинилъ себя въ этомъ своими же словами, которыя невольно сорвались съ пера твоего, какъ бы въ собственное твое обличеніе: „*Мнѣ хотѣлось попробовать*", говоришь ты, „что́ скажетъ вообще русскій человѣкъ, если его попотчуешь его же собственною пошлостью".

„Въ искусствѣ никогда не должно хотѣться пробовать; искусство должно быть свободно отъ всякихъ преднамѣреній личности. Стало быть, ты всегда смѣялся свободно и искреннее по призыву вдохновенія? и чѣмъ же захотѣлось тебѣ попотчивать русскаго человѣка? его же пошлостью! Хорошо потчиваніе, хорошо гостепріимство художника". Итакъ Шевыревъ здѣсь самъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ вліялъ на Гоголя въ смыслѣ того направленія, которое погубило нашего писателя.

Мы разсмотрѣли все главное содержаніе статьи Шевырева, но кромѣ переданнаго нами въ ней есть любопытные полемическіе намеки на Бѣлинскаго, Галахова, на редакцію „Отечественныхъ Записокъ", затѣмъ возраженія барону Розену и Н. Ф. Павлову, о которыхъ скажемъ ниже.

Укажемъ лишь еще нѣкоторыя натяжки, допущенныя Шевыревымъ въ его статьѣ, частью въ оправданіе Гоголя. Во-первыхъ, онъ, желая отразить упреки, сдѣланные Гоголю за совѣтъ помѣщику бранить крестьянъ словами: „ахъ ты невымытое рыло", приписываетъ ихъ „западной чопорности" (sic) и утверждаетъ, что, напротивъ, будто бы критики сами упрекаютъ народъ „или глубоко презираютъ его, или позорятъ клеветами, или передразниваютъ (sic) для своей собственной потѣхи и другихъ", но что „гораздо важнѣе то высокое мнѣніе, которое писатель въ своихъ письмахъ обнаруживаетъ о русскомъ крестьянинѣ"[1]). По поводу „Одиссеи, переводимой Жуковскимъ", Шевыревъ нѣсколько уклончиво говоритъ, что эта статья „любопытна для насъ не столько эстетическими воззрѣніями Гоголя, сколько мнѣніемъ его о критическихъ способностяхъ русскаго народа, которое онъ, какъ художникъ, представилъ читающимъ „Одиссею" и разсуждающимъ о ней, и затѣмъ, намекая на мнимую близорукость либеральныхъ

---

[1]) «Москвитянинъ», 1848, I, стр. 16—17.

критиковъ, прибавляетъ, что „Гоголь въ грамотномъ народѣ признаетъ существованіе не однихъ Петрушекъ", гдѣ подразумѣваются, очевидно, люди противоположнаго ему взгляда. Но вѣдь дѣло въ фактѣ, а не въ томъ, что̀ представляется писателю! Кромѣ того Шевыревъ основательно приводитъ въ оправданіе Гоголя то, что его книгу сильно исказила цензура[1]), вслѣдствіе чего на нее пали также многіе лишніе упреки. О томъ же, почему Гоголь, будучи сильнѣе въ сферѣ творчества, избралъ иную форму изложенія своихъ идей, Шевыревъ приводитъ въ оправданіе необыкновенность явленія, что̀ представляетъ какой-то странный кругъ въ доказательствѣ, такъ какъ онъ же говоритъ, что въ особенностяхъ времени надо было искать объясненіе причины, почему „художникъ, покрытый всеобщей славой въ своемъ отечествѣ, художникъ, котораго всякая книга разлеталась волшебно по всѣмъ концамъ Россіи, бросаетъ искусство, покидаетъ треножникъ вдохновенія и бѣжитъ въ учители, хочетъ быть проповѣдникомъ"[2]); что виновата въ этомъ жизнь, „въ которой слишкомъ оцѣнены наши начала; виновато искусство, что стало втупикъ передъ такими задачами, что пошлецы въ жизни идутъ у него въ герои, а герои жизни становятся пошлы въ искусствѣ; виновато оно неблагоразумнымъ усердіемъ людей, впрочемъ, благонамѣренныхъ, которые, создавая карточныхъ героевъ добродѣтели, тѣмъ опошлили самую добродѣтель; виноватъ и художникъ, слишкомъ долго безцѣльно смѣявшійся и нескоро возвратившійся къ истиннымъ задачамъ искусства"[3]). Послѣдняя мысль опять оправдываетъ слова Чернышевскаго, что, по мнѣнію Шевырева, „первый томъ „Мертвыхъ Душъ" только прощается Гоголю ради слѣдующихъ".

XC.

Заканчиваемъ нашъ обзоръ печатныхъ статей, вызванныхъ „Перепиской съ друзьями", разборомъ писемъ къ Гоголю Ф. Ф. Вигеля, который, какъ извѣстно, сталъ на сторону Гоголя именно тогда, когда отъ него всѣ отшатнулись. (Ему

---

1) «Москвитянинъ», 1848, I, стр. 7.

2) Стр. 5.

3) Стр. 26—27.

понравилась „Переписка“, тогда какъ лучшія созданія Гоголя онъ никогда не цѣнилъ высоко). Степень критическаго пониманія Вигеля видна уже изъ первыхъ строкъ его статьи: „сочинитель этихъ писемъ также высоко стоитъ надъ авторомъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, какъ сей послѣдній отстоялъ отъ Шаликова“. Вигель привѣтствуетъ Гоголя съ возрожденіемъ къ лучшей литературной будущности и поздравляетъ съ всеобщей возбужденной имъ ненавистью „глупцовъ“. Неожиданный будто бы благотворный переворотъ въ Гоголѣ авторъ письма объясняетъ себѣ тѣмъ, что Гоголь покаялся и обратился на истинный путь. Его все болѣе радуетъ, что Гоголь отказался отъ своихъ поклонниковъ, которые считали его на своей сторонѣ, тогда какъ ему вдругъ „вздумалось швырнуть въ нихъ небольшимъ, но для нихъ не менѣе тяжелымъ томомъ, на которомъ какъ бы написано „не нашимъ“ [1]) (намекъ на извѣстное стихотвореніе Языкова). Впрочемъ, вѣроятно, желая угодить Гоголю, онъ пишетъ далѣе: когда, въ первой молодости, *создали вы себѣ идеалъ совершенства* и начали искать его между вашими соотчичами, когда, вмѣсто того, встрѣчали вы множество гнусныхъ пороковъ — и, вооруживъ руку огромнымъ хлыстомъ, перевитымъ колючимъ терніемъ, съ ожесточеніемъ безъ милосердія, стали стегать въ нихъ: тогда съ остервенѣніемъ вамъ рукоплескали“. Эти рукоплесканія происходили будто бы отъ руссофобства поклонниковъ Гоголя, отъ недостатка патріотическаго чувства въ обществѣ. И теперь съ досады Гоголя объявили сумасшедшимъ!...

По поводу замѣчанія Гоголя о спорахъ между славянофилами и западниками Вигель показываетъ свое полнѣйшее равнодушіе и несочувствіе къ обѣимъ партіямъ, и даже какъ будто бы непониманіе, въ чемъ было дѣло. „Давно, давно, лѣтъ семь тому назадъ, случилось мнѣ быть въ одномъ изъ многочисленныхъ сборищъ; оглушенный, выходилъ я изъ него и ничего въ памяти моей не оставалось, кромѣ какихъ-то невнятныхъ звуковъ, неясныхъ ликовъ, полузабытыхъ именъ. Кто несетъ католицизмъ, кто гегелизмъ, кто коммунизмъ, кто во что гораздъ“ [2]). Характерное признаніе! Но за статью

[1]) «Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ», 2 отд., прилож., стр. 22; «Русскій Архивъ», 1893, VIII, стр. 561—562.

[2]) Тамъ же, стр. 24; «Русск. Арх.», 1893, VIII, стр. 564.

„Споры“ критикъ дѣлаетъ упрекъ Гоголю, который любопытенъ между прочимъ по заключающемуся въ немъ намеку на то, что личность, къ которой обращена здѣсь рѣчь Гоголя, была имъ будто бы отгадана. Такъ онъ говоритъ: „какъ можно въ глаза, или въ письмѣ (что̀ все равно) грозить почтенному старцу, вами уважаемому, вами же вездѣ достойно прославляемому, названіемъ *гадкаго старичишки*, если онъ не воздержится отъ негодованія. Не хорошо, какою бы короткостью ни почтилъ онъ васъ, сей незлобивый, безобидный, великій поэтъ“ [1]). Здѣсь, кажется, намекъ на Жуковскаго [въ „Сѣверной Пчелѣ“ по поводу той же статьи замѣчено: „загадкой говорится о какомъ-то сочиненіи, которое намѣревается писать какой-то авторъ, въ лѣтахъ“] [2]). Также не одобряетъ Вигель печатныхъ упрековъ Погодину и, пользуясь выраженіемъ самого Гоголя, сравниваетъ такія мѣста „съ засаленными бумажками“, которыя валяются въ гостиной, гдѣ все блеститъ позолотой, зеркалами и лакомъ портретовъ“. Въ заключеніи статьи заслуживаютъ упоминанія слѣдующія строки: „вы весьма справедливо замѣтили, что Пушкинъ красотою своего стихотворнаго слога увлекъ и обратилъ въ подражатели другихъ отличныхъ поэтовъ, гораздо прежде его на поприще выступившихъ. Такъ точно и вы красотой своихъ мыслей сильно подѣйствовали на человѣка, далеко васъ въ жизни опередившаго“ [3]).

XCI.

Послѣднимъ современнымъ отголоскомъ литературнаго міра на „Переписку съ друзьями“ были написанныя спустя два-три года по выходѣ ея въ свѣтъ, но напечатанныя лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Русскомъ Архивѣ“, три письма К. С. Аксакова къ Гоголю. Никакихъ датъ на нихъ нѣтъ, но два первыхъ письма не безъ основанія отнесены редакціей журнала къ 1848 г., потому что въ ихъ содержаніи есть ясныя указанія на то, что они принадлежатъ ко времени возвращенія Гоголя въ Россію изъ Іерусалима. Въ первомъ изъ этихъ

---

1) Стр. 22; «Русск. Арх.», 1893, VIII, стр. 562.
2) «Сѣверная Пчела», 1847, 107, 427.
3) Стр. 24; «Русск. Арх.», 1893, VIII, стр. 564–565.

писемъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ поражаетъ своего корреспондента въ самое сердце уже восклицаніемъ: „о, зеркало, зеркало внутреннее, о, внутреннее кокетство! Хуже оно наружнаго. Знаю я этотъ грѣхъ!“ [1]) и проч. Затѣмъ онъ, сходясь въ сужденіи съ Бѣлинскимъ, а равно и со многими другими критиками, указываетъ на странность такихъ писемъ, какъ напр. письма о семи кучкахъ, и съ особеннымъ негодованіемъ отзывается о презрѣніи Гоголя къ простому народу: „недостаетъ“, — говоритъ онъ, — „чтобы вы сказали, что тотъ, у кого больше душъ, выше въ нравственномъ отношеніи. Вотъ великая вина: *поклоненіе передъ публикою и презрѣніе къ народу*. Знаете вы знаменитое восклицаніе полицеймейстера: *публика впередъ, народъ назадъ*“? [2]). Весьма справедливо упрекаетъ также Аксаковъ Гоголя въ томъ, „что онъ погрѣшилъ своимъ достоинствомъ, даромъ, *художничествомъ*“ [3]). Не ошибается онъ наконецъ и насчетъ искренности Гоголя, усматривая въ книгѣ ложь, хотя не въ смыслѣ обмана, но въ „смыслѣ внутренней неправды“ (послѣднее, конечно, справедливо). Зато Аксаковъ безусловно неправъ, когда пытается свалить всю бѣду на западъ... Гоголя особенно оскорбило въ этомъ письмѣ употребленное авторомъ слово *ложь*, такъ какъ нѣсколько туманное объясненіе Аксакова сперва было понято имъ невѣрно.

Второе письмо К. С. Аксакова къ Гоголю касается написанной въ то время первымъ драмы съ сюжетомъ изъ народной жизни, чрезвычайно слабой и не имѣвшей успѣха на

---

[1]) «Русск. Арх.», 1890 г., стр. 154.

[2]) Здѣсь Аксаковъ напоминаетъ Гоголю анекдотъ, происхожденіе котораго связываютъ обыкновенно съ его именемъ. Такъ Н. П. Лыжинъ разсказывалъ въ «Лѣтописяхъ Русской Литературы»: «Когда (за границей, гостя у Жуковскаго) Гоголь вышелъ въ садъ, Жуковскій замѣтилъ, что за чудакъ сталъ этотъ Гоголь, все молчитъ; прежде бывало разсказамъ его конца нѣтъ. Вотъ вамъ для образчика анекдотъ, слышанный мною отъ него. Во время какого-то праздника въ кремлевскихъ воротахъ столпился народъ; надзиратель, командуя городовыми, грозно кричалъ: «публика, проходи, проходи, а народъ пошелъ назадъ!» Позвольте васъ спросить, замѣтилъ Гоголь, какая же разница между народомъ и публикою? — «А вотъ какая, отвѣчалъ надзиратель, схвативъ за бороду одного изъ мужиковъ, тыкая его довольно нецеремонно въ зубы: «это вотъ народъ; куда лѣзешь, пошелъ назадъ! а вы-съ, публика, пожалуйте-съ». Надо было послушать, какъ разсказывалъ Гоголь этотъ простой случай, замѣтилъ Жуковскій». («Лѣтописи Русск. Литературы и Древности», изд. Н. С. Тихонравовъ, 1859 г., кн. вторая, стр. 78).

[3]) «Русск. Арх.», 1890, I, стр. 155.

сценѣ, но заранѣе сильно заинтересовавшей Гоголя по непосредственному отношенію ея сюжета къ тѣмъ именно вопросамъ, которые его самого тогда мучительно занимали.

XCII.

Съ мнѣніями и толками о „Перепискѣ", распространенными въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ, но не проникавшими въ печать, мы можемъ познакомиться, и то только отчасти, единственно изъ одного письма Шевырева къ Гоголю и недавно напечатанныхъ нами въ „Русской Старинѣ" писемъ къ Гоголю Ишимовой и Извединовой, о которыхъ считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ [1]).

Уже черезъ нѣсколько дней по выходѣ въ свѣтъ „Письма объ Одиссеѣ", напечатаннаго впервые въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", Шевыревъ, едва ознакомившись съ нимъ, писалъ: „Я прочелъ его съ величайшею радостью. Оно освѣжило меня. Съ нетерпѣніемъ жду „Одиссеи". Дай Богъ силъ Жуковскому скорѣе ее окончить. Письмо твое произвело сильное впечатлѣніе на тѣхъ людей, съ которыми случилось мнѣ объ немъ говорить. Были такіе, которые плакали отъ него", — но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлялъ: *„Тебѣ бы слѣдовало написать предисловіе къ „Одиссеѣ", когда она выйдетъ"* [2]). Собственнаго своего впечатлѣнія Шевыревъ пока не высказываетъ, ограничиваясь только подтвержденіемъ словъ Гоголя о томъ, что на него „вся Россія устремила полныя ожиданія очи", едва ли не разумѣя здѣсь попрежнему именно вожделѣнный второй томъ „Мертвыхъ Душъ", а вовсе не „Переписку съ друзьями". Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ, сообщалъ Гоголю о слышанныхъ имъ въ публикѣ отзывахъ и, опять умалчивая о собственныхъ впечатлѣніяхъ, начинаетъ свой отчетъ съ уклончивой оговорки. „Ты хочешь отъ меня вѣстей о томъ, чтò здѣсь говорятъ о тебѣ. Когда я слушаю эти вѣсти, всегда вспоминаю городъ NN въ „Мертвыхъ Душахъ" и толки его о Чичиковѣ. Глубоко ты вынулъ все это изъ нашей жизни, которая чужда публичности. Если желаешь, — пожалуй, я

---

[1]) Свѣдѣнія объ отзывахъ разныхъ духовныхъ лицъ о книгѣ Гоголя читатель можетъ найти въ трудѣ г. Барсукова о Погодинѣ (т. VIII, стр. 561—563).

[2]) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 26.

тебѣ все это передамъ. *Ты, кажется, такъ духовно выросъ, что стоишь выше всего этого.* Начну съ самыхъ невыгодныхъ слуховъ. Говорятъ иные, что ты съ ума сошелъ. Меня встрѣчали даже добрые знакомые твои такими вопросами: „Скажите, пожалуйста, правда ли это, что Гоголь съ ума сошелъ?“ — „Скажите, сдѣлайте милость, точно ли это правда, что Гоголь съ ума сошелъ?“ — Прошлымъ лѣтомъ тебя ужъ было и уморили, и даже сидѣлецъ у банкира, черезъ котораго я къ тебѣ отправлялъ иногда деньги, спрашивалъ у меня съ печальнымъ видомъ: правда ли это, что тебя нѣтъ уже на свѣтѣ? — Письмо твое къ Жуковскому было напечатано кстати и увѣрило всѣхъ, что ты здравствуешь. Письмо твое вызвало многіе толки“ [1]).

Къ числу искреннѣйшихъ почитателей Гоголя, не только какъ писателя, но и какъ человѣка, принадлежала, между прочимъ, Александра Осиповна Ишимова, прославившаяся педагогическими трудами и изданіями, изъ которыхъ, кромѣ ея „Русской исторіи для дѣтей“, наибольшею извѣстностью пользовался очень распространенный въ свое время дѣтскій журналъ „Звѣздочка“. Мы не можемъ опредѣлить точно, когда именно началось знакомство Ишимовой съ Гоголемъ, но, вѣроятно, не позже 1840—1841 годовъ, такъ какъ въ 1842 году Гоголь всего на нѣсколько дней заѣзжалъ въ Петербургъ, а между тѣмъ во время изданія „Переписки съ друзьями“ Ишимова уже относилась къ нему, какъ къ старому знакомому. Впрочемъ, можно почти съ увѣренностью сказать, что Гоголь зналъ Ишимову еще въ срединѣ тридцатыхъ годовъ — какъ въ виду давнихъ хорошихъ отношеній его къ семейству Плетнева, такъ особенно на основаніи слѣдующихъ словъ письма Ишимовой отъ 31 декабря 1846 г.:

„Воспитанница моя Оленька, которую вы знали *еще очень маленькой*, проситъ меня поклониться вамъ и попросить васъ привезти ей отъ Святого Гроба хотя нѣсколько песчинокъ“ [2]). Изъ этихъ словъ очевидно, что Гоголь ласково и внимательно относился къ маленькой дѣвочкѣ, которая теперь, выросши, рѣшается передать ему свою почтительную просьбу.

---

[1]) Тамъ же, стр. 31.

[2]) «Русская Старина», 1893 г., кн. 6, стр. 555.

Посредникомъ въ письмахъ и иныхъ сношеніяхъ Гоголя съ Ишимовой былъ всегда Плетневъ, почему надо думать, что у него-то они именно и познакомились и встрѣчались. Знакомство было, впрочемъ, довольно поверхностное и во всякомъ случаѣ не короткое.

Когда печаталась „Переписка съ друзьями", Плетневъ, несмотря на строжайшее запрещеніе автора, показывалъ многимъ знакомымъ корректурные листы книги, и въ томъ числѣ не только Ишимовой, что̀ и не скрывалось отъ Гоголя, но и совершенно незнакомому ему пока П. А. Кулишу[1]). Шевыревъ также еще въ 1846 г. сообщалъ Гоголю: „Содержаніе книги твоей, которую цензуровалъ Никитенко, оглашено было какъ-то странно и достигло сюда"[2]). Вслѣдствіе такой нескромности Плетнева и Никитенка, смутные слухи о предстоящемъ выходѣ книги не замедлили облетѣть литературные круги обѣихъ столицъ, переходя изъ устъ въ уста, разумѣется, въ сильно искаженномъ видѣ. Такъ мы читаемъ въ статьѣ Аполлона Григорьева въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ", что о „Перепискѣ" давно уже ходили темные слухи въ обществѣ[3]). Иначе впрочемъ и быть не могло при сильнѣйшемъ интересѣ публики ко всему, что̀ ни выходило изъ-подъ пера Гоголя. Въ Москву молва о новой книгѣ проникла уже въ такомъ видѣ: „О Гоголѣ слухи все не лучше", писала В. С. Аксакова М. Г. Карташевской: „Говорятъ, онъ еще хочетъ издать книгу о русскомъ духовенствѣ[4]), не знаю, правда ли. Отецъ писалъ письмо къ Плетневу, съ тѣмъ, чтобы остановить печатаніе всѣхъ этихъ странностей, но Плетневъ не согласенъ: намъ порукой Жуковскій, который одобрилъ всѣ намѣренія Гоголя. Отецъ письма своего къ Гоголю никому почти не показывалъ, для того, чтобы Гоголь не обидѣлся... Что̀-то онъ будетъ отвѣчать! Мы мало имѣемъ надежды на успѣхъ, т.-е. чтобы онъ взглянулъ здравыми глазами на всѣ свои дѣйствія. Говорятъ даже, будто онъ цѣлые дни проводитъ съ монахами"[5]). Къ счастью, о преждевременномъ рас-

---

[1]) Извѣстно также, что Плетневъ писалъ о перепискѣ И. М. Коптеву («Русскій Архивъ», 1877, кн. 12, стр. 372).

[2]) Отчетъ Импер. Публич. Библіотеки за 1893, стр. 32.

[3]) «Московскій Городской Листокъ», 1847, № 56, стр. 225.

[4]) Эти слова напоминаютъ предположеніе барона Розена, будто Гоголь рѣшился сдѣлаться духовнымъ писателемъ. («Сынъ Отеч.», 1847 г., № 6, стр. 50).

[5]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 155.

пространеніи слуховъ на счетъ его книги Гоголь почти ничего не узналъ, и дѣло обошлось благополучно.

Г. Кулишъ въ своихъ „Запискахъ о жизни Гоголя“ говоритъ по поводу прочтенія „Переписки“, что книга „произвела на всѣхъ, кому показалъ ее повѣренный поэта, такое впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда его ведутъ на огромную фабрику, гдѣ отливаются изъ чугуна или бронзы колоссальныя созданія скульптуры. Множество народа мечется туда и сюда посреди таинственныхъ закоулковъ, дышащихъ жаромъ геенны: пламя хлещетъ въ гортань печей, утоляя неутолимую ихъ жажду пламени; металлы, подобно ломкому льду, превращаются въ жидкость и грозятъ огненнымъ, всепожигающимъ потокомъ. И вездѣ необъяснимый, незнакомый для слуха шумъ, клокотанье, свистъ и шипѣнье; вездѣ загадочное, повидимому безпорядочное, и зловѣщее движеніе. Кажется, что искусство ваятеля выступило изъ своихъ предѣловъ, потеряло свои правила и гибнетъ вмѣстѣ со всею его спутавшеюся фабрикой. Такъ именно, по крайней мѣрѣ, на пишущаго эти строки подѣйствовала „Переписка съ друзьями“[1]). Иное впечатлѣніе произвела книга на самого Плетнева и на А. О. Ишимову, хотя правъ былъ г. Кулишъ, полагавшій, что за автора „сжалось сердце у каждаго истиннаго цѣнителя его таланта“. Ишимова написала Гоголю восторженное письмо, на которое получила вскорѣ отвѣтъ, остающійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ. О томъ, что отвѣтъ былъ, мы узнаемъ изъ переписки Ишимовой съ Гоголемъ и изъ слѣдующихъ словъ письма послѣдняго къ Плетневу: „Прости меня, если у меня вырвалось какое-нибудь слово, тебя оскорбившее, въ томъ письмѣ моемъ, въ которомъ вложено было письмо къ доброй А. О. Ишимовой“[2]). Намекъ здѣсь сдѣланъ на предыдущее письмо отъ 11-го февраля 1847 года, когда Гоголь между прочимъ сказалъ (въ концѣ письма): „Не благодарю тебя, покамѣстъ еще ни за что,— ни за дружбу, ни за аккуратность, ни за хлопоты по дѣламъ моимъ“[3]). Еще разъ Гоголь приписываетъ въ концѣ письма къ Плетневу: „А. О. Ишимову поблагодари за книжечку „Розенштраухъ“. Я нашелъ, что она очень хороша.

---

[1]) «Записки о жизни Гоголя», II, 61—62.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 338.

[3]) Тамъ же, стр. 337.

Письмо же о легкости ига Христова — сущій перлъ"[1]). Замѣчательно, что А. О. Ишимова послала свое письмо какъ будто тайкомъ отъ Плетнева, изъ опасенія, что „можетъ быть ему показалось бы письмо мое страннымъ, и онъ отговорилъ бы меня отправить его къ вамъ, а мнѣ не хотѣлось бы этого"[2]). Дѣйствительно, Плетневъ, безъ всякаго сомнѣнія, сталъ бы отговаривать ее — уже по той причинѣ, что письмо о не вышедшей книгѣ было бы получено Гоголемъ прежде ея напечатанія, и это могло бы его разсердить и огорчить. Между тѣмъ Александра Осиповна не хотѣла сказать Петру Александровичу, отчего я вздумала писать къ Гоголю, и сказала только, какъ она сама призналась въ письмѣ, „что посылаетъ небольшую брошюрку о человѣкѣ, достойномъ памяти"; „хочу", прибавляла она, „при этомъ случаѣ поблагодарить васъ за книгу вашу"[3]). (Но это не значитъ — за присланный экземпляръ, а просто поблагодарить какъ автора даннаго сочиненія, потому что Ишимова прочла уже первые отпечатанные листы книги въ корректурѣ у Плетнева).

Александра Осиповна, однакоже, долго не рѣшалась отправить письмо и позволила себѣ это уже послѣ того, какъ „спросила у Петра Александровича, можно ли обременить Гоголя чтеніемъ какого-нибудь письма, и онъ сказалъ, что можно". Вообще она преисполнена глубочайшаго благоговѣнія къ Гоголю, что̀ видно особенно изъ послѣдующихъ словъ: „Простите пожалуйста, если я неумѣренно воспользовалась этимъ дозволеніемъ и заставила васъ потерять много драгоцѣнныхъ минутъ на это чтеніе" — и безъ убѣдительной просьбы не отвѣчать, пока „не будетъ у васъ совершенно лишняго времени". Подобно Плетневу[4]), и Ишимова была увѣрена въ томъ, что „Переписка" произведетъ рѣшительный переворотъ въ русской литературѣ; она называла ее

---

1) «Записки о жизни Гоголя», т. II, стр. 131, и «Переписка Грота съ Плетневымъ», II, 932; Соч. и письма Гоголя, VI, стр. 406.

2) «Русск. Стар.», 1893, VI, стр. 346.

3) Тамъ же, стр. 354.

4) Его отзывъ о «Перепискѣ» см. въ «Соч. Плетнева», т. III, стр. 582, «Русск. Арх.», 1877, кн. 12, стр. 371—73, гдѣ Плетневъ защищаетъ между прочимъ Гоголя отъ обвиненія въ напыщенномъ тонѣ статьи объ «Одиссеѣ», которая, по мнѣнію Плетнева, «вылилась отъ полноты убѣжденія».

даже „святой“ книгой. Въ порывѣ сильнаго восторга, она поспѣшила подѣлиться своими впечатлѣніями съ Павскимъ и прочла ему нѣсколько главъ. На Павскаго, въ свою очередь, книга произвела весьма благопріятное впечатлѣніе. Удивительно послѣ этого, почему у Гоголя не завязались потомъ въ числѣ другихъ духовныхъ лицъ также сношенія съ Павскимъ. Пріѣхавъ въ Москву въ 1848 г., едва ли Гоголь могъ не посѣтить Павскаго, но, можетъ быть, они не сошлись или случай помѣшалъ имъ видѣться... Съ Ишимовой же Гоголь не разъ встрѣчался въ это время въ Петербургѣ, но случайныя и слишкомъ отрывочныя бесѣды съ нимъ не удовлетворяли ея преувеличенныхъ надеждъ на свиданіе, и послѣ она писала: „При порядкѣ нашей общественной жизни ужъ лучше не жить вблизи съ тѣми, съ кѣмъ хочешь говорить иногда о чемъ-нибудь дѣльномъ: въ письмахъ мы еще какъ-то способнѣе на вещи серьезныя, нежели въ обществѣ, и если бы вы были здѣсь, мнѣ и въ голову не пришло бы, что я могу сообщить вамъ нѣсколько словъ объ одномъ необыкновенномъ вечерѣ, который посланъ былъ Богомъ на мою долю“ [1]). Далѣе слѣдуетъ самый разсказъ объ этомъ...

Совершенную противоположность письмамъ Ишимовой по отношенію къ Гоголю представляютъ письма знакомой ея Извединовой, не лишенныя интереса, какъ одинъ изъ отголосковъ мнѣній о „Перепискѣ съ друзьями“ не литературной толпы, а также потому, что самый фактъ сбереженія этихъ писемъ Гоголемъ, несмотря на рѣзкія осужденія и дерзкія фразы по адресу его, ясно доказываетъ, что Гоголь не лицемѣрно дорожилъ упреками и невыгодными о себѣ отзывами даже людей вполнѣ дюжинныхъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что эти письма были пересланы Гоголю съ одобренія Плетнева, такъ какъ грубая брань противъ Гоголя и невѣжественныя понятія, выраженныя въ письмѣ, сначала удерживали Ишимову отъ мысли послать ихъ, но Плетневъ былъ безусловно увѣренъ, что искреннее желаніе слышать о себѣ самые несдержанные отзывы не допуститъ Гоголя до чувства мелкой досады, хотя, по словамъ письма Ишимовой, ея корреспондентка „принадлежитъ къ довольно большому

---

[1]) Тамъ же, стр. 557.

кругу въ Москвѣ и, вѣроятно, имѣетъ нѣкоторое вліяніе на знающихъ ее: о ней говорятъ, какъ о самой благочестивой, умной и доброй женщинѣ“ [1]). Плетневъ не ошибся: Гоголь сохранилъ до смерти эти нелѣпыя письма Изведиповой, доказавъ на дѣлѣ полнѣйшую искренность жгучей жажды упрековъ. Но что это за письма! Если можно еще допустить мнѣніе о томъ, что сатира никого исправить не можетъ, — подобный взглядъ высказалъ и московскій митрополитъ Филаретъ по поводу первыхъ сочиненій Щедрина, — то вѣдь Изведипова идетъ гораздо дальше: она жестоко осуждаетъ не только Гоголя, какъ представителя отрицательнаго направленія литературы, но и Пушкина, такъ какъ „сей послѣдній могъ бы сдѣлать много хорошаго, если бы не употреблялъ умъ свой во зло“ [2]). Особенно отзываются неподражаемой патріархальностью и наивностью взгляда слѣдующія строки замоскворѣцкой дамы, пользовавшейся извѣстнымъ авторитетомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ Москвы: „Облагородьте ваше перо, пишите примѣры добродѣтели, и порочные устыдятся, и станутъ жить добродѣтельно“ [3]). Такъ, безъ сомнѣнія, судило въ то время многое множество не литературныхъ людей, и вотъ почему они представляютъ не малый интересъ. „Да, Гоголь всѣхъ смѣшилъ! Жалко! употребить всю жизнь и такую краткую на то, чтобы служить обезьяной публикѣ“ — такъ судили о литературной дѣятельности Гоголя не однѣ замоскворѣцкія дамы, съ Средней Донской. Еще забавнѣе ужасъ этой почтенной дамы по поводу рекомендаціи Ишимовой юношеству сочиненій Гоголя: „я не хочу думать, чтобы вы, одаренная нѣжными чувствами къ всему истинно хорошему, были согласны возрастить въ юныхъ сердцахъ отвращеніе отъ нашего отечества, отъ уваженія къ святителямъ православной церкви, отъ святыхъ обителей, — словомъ, отъ всего святого и бросить ихъ въ объятія непонятной Гоголевской поэзіи“ [4]). Можно себѣ вообразить, какое удручающее дѣйствіе производили послѣднія слова на Гоголя, когда, подъ вліяніемъ словъ о. Матвѣя, онъ все болѣе начиналъ сомнѣ-

---

1) Тамъ же, стр. 555.
2) Тамъ же, стр. 563.
3) Тамъ же, стр. та же.
4) Тамъ же, стр. 567.

ваться въ пользѣ своихъ литературныхъ трудовъ и, быть можетъ, не разъ перечитывалъ эти строки[1]).

Между тѣмъ несочувствіе новому направленію Гоголя, выразившемуся въ „Перепискѣ съ друзьями“, встрѣчались вообще весьма часто даже среди людей, отъ которыхъ по складу ихъ убѣжденій можно было ожидать самаго сочувственнаго къ ней отношенія. Въ извѣстной книгѣ Н. Барсукова „Жизнь и труды Погодина“ мы между прочимъ читаемъ: „Дмитрій Григорьевичъ Бѣлавинъ сообщилъ намъ, что Дмитрій Дмитріевичъ Облеуховъ († 1889), женатый на его родной сестрѣ Екатеринѣ Григорьевнѣ Бѣлавиной, зналъ лично Н. В. Гоголя по дому графа А. П. Толстого. Облеуховъ, будучи человѣкомъ религіознымъ, кажется, долженъ былъ бы душевно радоваться душевному перерожденію Гоголя, выразившемуся въ „Перепискѣ съ друзьями“, но онъ не разъ говаривалъ, что это не призваніе Н. В. Гоголя писать въ подобномъ направленіи, и притомъ выражалъ свое сожалѣніе, что великій авторъ „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“ съ появленіемъ „Переписки съ друзьями“ — умеръ навсегда какъ писатель Россіи“[2]).

Приведемъ здѣсь нѣсколько писемъ къ Гоголю разныхъ лицъ по поводу „Переписки съ друзьями“.

Д. Н. Свербеевъ — Н. В. Гоголю (черезъ С. Т. Аксакова)[3]).

„Нѣтъ, не рѣшаюсь я, Сергѣй Тимоѳеевичъ, по вызову вашему, писать прямо Гоголю замѣчанія мои на его новую книгу. Меня удерживаетъ чувство приличія, всегда мною уважаемое, всегда мною хранимое. Въ приличіяхъ вижу я не пустую форму, а принятыя обществомъ условія, въ силу которыхъ оно существуетъ и въ которыхъ всегда скрывается вѣрная, часто глубокая мысль или полезная въ общественной жизни истина. Не довольно друженъ, не довольно даже знакомъ я съ Гоголемъ, чтобы писать ему откровенно, а одно уваженіе мое къ его геніальному таланту, какъ бы велико

---

1) О письмахъ Извединовой см. замѣтки г. В. В—ва въ «Русск. Вѣд.» 1893 г., іюнь.

2) «Жизнь и труды Погодина» Н. Барсукова, т. VIII, стр. 525.

3) Объ этомъ письмѣ С. Т. Аксаковъ писалъ сыну Ивану Сергѣевичу: «Свербеевъ написалъ письмо ко мнѣ, въ которомъ очень умно и очень зло разбираетъ книгу Гоголя; уже четыре дня я держу его въ своихъ рукахъ, не имѣя духу послать: боюсь, не оскорбится ли онъ?» («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», I, 409; см. также тамъ же, стр. 414).

оно ни было, не даетъ еще мнѣ никакого права на такую откровенность. Я боюсь оскорбить его; признаюсь вамъ, боюсь еще болѣе увидѣть въ печати отвѣтъ *его ко мнѣ,* а этотъ отвѣтъ невольно пристегнетъ и меня къ его знаменитости, тогда какъ я рѣшительно не хочу быть прихвостникомъ ни у какой знаменитости. Письменныя же сношенія съ Гоголемъ — вы сами это видите — опаснѣе, нежели съ кѣмъ бы то ни было. Онъ какъ-то и почему-то поставилъ себя внѣ всѣхъ приличій, и доказательствомъ этому самая та книга, на которую требуете вы моихъ замѣчаній. Ну, какъ ему вздумается и меня, пребывающаго внѣ службы семьянина, отсылать по утрамъ въ дѣтскую или на гумно, какъ онъ велитъ посылать въ департаментъ одного служащаго своего пріятеля; ну, какъ заставитъ и меня дѣлить на семь кучекъ мои скромные доходы, да еще запретитъ, не взирая ни на какую крайнюю нужду, занимать изъ одной кучи для другой; ну, какъ онъ всѣ эти строгіе указы, данные на мое имя, еще обнародуетъ для примѣра другимъ. Виноватъ, я тоже человѣкъ; можетъ быть, и разсержусь на такія печатныя предписанія. Слѣдовательно, лучше на нихъ и не напрашиваться.

Вы возразите мнѣ: „все это внушаетъ вамъ ваше самолюбіе, а на васъ лежитъ нравственная обязанность исполнить волю великаго писателя". Но что̀ же дѣлать, если въ наше время для каждаго, положимъ обыкновеннаго, человѣка „charité bien ordonée commense par soi", и то еще слава Богу, когда совѣсть не подсказываетъ qu'elle commense *et finit* par soi".

Иное дѣло, если вы возьмете на свою отвѣтственность передать ему на бумагѣ все, что̀ я говорилъ вамъ прежде о его книгѣ, если вы сверхъ того оградите меня вашимъ словомъ отъ всякаго печатнаго и даже письменнаго поученія. На этихъ условіяхъ вотъ вамъ мои замѣчанія: располагайте ими какъ вамъ угодно, но не иначе, какъ подъ вышесказанной съ вашей стороны отвѣтственностью.

Сперва повторю я чужія мнѣнія о книгѣ, которыя удалось мнѣ выслушать справа и слѣва отъ прочитавшихъ *Избранныя письма Гоголя,* а можетъ быть, и отъ тѣхъ, которымъ совѣстно было бы признаться, что они ихъ еще не читали.

Были такіе читатели, — ихъ не много, — которые обливали слезами умиленія и предисловіе и завѣщаніе Гоголя, и особ-

ливо два письма его о нашей церкви. Въ простотѣ сердца они *сознали* своимъ плачемъ не только его великій геній, но и его великое смиреніе. Другіе, напротивъ, робко выражали свои сомнѣнія насчетъ этого смиренія. Третьи, посмѣлѣе, называли уже книгу первымъ неудачнымъ опытомъ автора въ этомъ великомъ подвигѣ христіанина. Но поразилъ меня отчаянный смѣльчакъ, который — видно, сердитъ онъ былъ на Гоголя за Поздрева — во всеуслышаніе объявилъ, что авторъ писемъ отнынѣ долженъ называться не Николаемъ, а Тартюфомъ Васильевичемъ.

Еще страннѣе, что у нѣкоторыхъ читателей было заготовлено по нѣскольку мнѣній на эту книгу: въ своемъ кабинетѣ и въ короткой бесѣдѣ они говорили одно, въ гостиныхъ — другое. Потомъ нашелся даже одинъ такой читатель, который восхищался многимъ, всего болѣе восхищался въ Гоголѣ его рѣзкимъ, выходящимъ изъ предѣловъ приличія тономъ, съ которымъ онъ говоритъ всему русскому обществу, и его дерзкой откровенностью съ друзьями, на которыхъ онъ прямо указываетъ всѣмъ своимъ грознымъ, карающимъ перстомъ, и его требованіемъ вымѣнять дурной портретъ его на изящный образъ Преображенія и его проповѣдью всѣмъ и каждому обратиться къ добру, а не ставить ему памятника и его волею обнародовать свое завѣщаніе во всѣхъ журналахъ и вѣдомостяхъ Россійской имперіи и пр. и пр. Выражая этими именно выраженіями свое удивленіе, свое сочувствіе къ Гоголю, этотъ читатель сказалъ мнѣ: „русская публика, русское общество — нуль. Ему все сказать возможно, и чѣмъ смѣлѣе, чѣмъ дерзновеннѣе писатель, чѣмъ выше ставитъ онъ себя передъ русскимъ обществомъ, чѣмъ откровеннѣе выражаетъ свое гордое къ нему презрѣніе, тѣмъ болѣе и болѣе благоговѣетъ передъ нимъ это общество, тѣмъ ниже преклоняетъ оно свою голову". Такой грозной выходки не могъ уже оставить я безъ возраженія непрошенному защитнику великаго писателя, отъ котораго, я увѣренъ, самъ Гоголь отскочилъ бы съ ужасомъ. „Нѣтъ!" отвѣчалъ я ему: „русское общество не такъ пошло, какъ вы осмѣливаетесь о немъ думать, не такъ ничтожно, какъ вы дерзаете о немъ произносить. Оно умѣетъ замѣчать странности своихъ знаменитостей, скорбитъ о толкѣ, когда эти странности нисходятъ до маніи, но хранитъ еще къ нимъ свое уваженіе, терпѣливо ожидая благодѣтельнаго для нихъ

кризиса и въ этомъ своемъ ожиданіи всѣ странности замѣчательнаго писателя, всякую манію достойнаго по высокому характеру человѣка, долго, можетъ быть слишкомъ долго, прикрываетъ своимъ благодушнымъ снисхожденіемъ".

Послѣ всѣхъ этихъ разнообразныхъ мнѣній можно, кажется, сказать, что книга надѣлала много шуму и, какъ нѣкогда „*Мертвыя Души*", стала камнемъ преткновенія, о который спотыкаются многіе, получая порядочные синяки отъ этого паденія. А какихъ бы еще диковинныхъ мнѣній наслушались мы, если бы наши московскіе торгаши книгами не отсылали отъ себя покупателей за неимѣніемъ книги. Послѣ будетъ поздно; первая вспышка пройдетъ. Привилегированные умники, уже давно прочитавшіе книгу, наложатъ на общество свое собственное мнѣніе, ему обрадуется большинство и приметъ съ голоса. Есть люди осторожные, слишкомъ къ себѣ недовѣрчивые, которые этого именно и ждутъ.

Еще одно мнѣніе слышалъ я отъ умнаго, скромнаго и религіознаго читателя, который былъ удивленъ непонятнымъ примѣненіемъ стиховъ Пушкина къ идеалу царя, изображенному Гоголемъ. Самый идеалъ казался ему не совсѣмъ вѣрнымъ выводомъ изъ христіанскаго ученія. Я началъ было защищать мысль Гоголя; онъ со мною спорилъ и вдругъ отъ меня вышелъ, сказавъ: „не приходится".

Мое собственное мнѣніе о книгѣ могу выразить тремя на ней подписями: 1) уничиженіе паче гордости, 2) гордость смиренія, 3) надувательство. По мѣрѣ чтенія приходили мнѣ въ голову двѣ первыхъ подписи. Не знаю, яснымъ ли покажется вамъ ясное для меня ихъ различіе. По прочтеніи всей книги — „просто надувательство!" сказалъ я громко, одинъ въ своей комнатѣ, и тутъ же съ грустью закрылъ и положилъ ее на столъ. Потомъ я какъ будто испугался: такое слово показалось мнѣ дикимъ, страшнымъ, и вотъ я началъ доискиваться въ себѣ, откуда оно у меня вылетѣло. Случалось ли вамъ запутываться даже тогда, когда вы даете самому себѣ отчетъ въ какой-нибудь рѣзко представившейся вамъ мысли. Со мной это случалось не разъ и я часто не довѣряю себѣ въ своихъ объясненіяхъ, особливо когда выражаю ихъ письменно. Съ одной стороны усиливается во мнѣ какое-то упорство защитить самому себѣ мою первую мысль, мое рѣшительное опредѣленіе; съ другой, въ то же время

проявляются сомнѣнія: добросовѣстны ли мои объясненія, мои доказательства; полно, не насилую ли я моего мышленія; оправдываю передъ собою мою главную мысль и развиваю ее въ систему.

У древнихъ риторовъ была, помнится, поговорка: „*docendo docemus*". У насъ можно перемѣнить ее на другую; для однихъ: надувая надуваемся, для другихъ, болѣе добросовѣстныхъ: *надуваясь надуваемъ:* „Видно, ужъ у насъ такая надувательная сторона"[1]), сказалъ Гоголь. И это слово со всѣми его грамматическими видоизмѣненіями глубоко въ меня запало. Имъ только могу я объяснить для себя и тѣ многія различныя системы для разныхъ нашихъ партій, которыя до того насилуютъ свое мышленіе, что сами наконецъ получаютъ вѣру въ свою систему. *Почему же не могло случиться этого и съ Гоголемъ въ отношеніи къ его главной системѣ, которую, кажется, онъ составилъ о себѣ самомъ?* Только одного не берусь я рѣшить ни вамъ, ни для себя: надуваетъ ли онъ (отъ чего Боже сохрани), прежде чѣмъ самъ надувается, или же надувается прежде самъ, а потомъ уже надуваетъ своихъ читателей.

Еще два слова. Послѣ такого тяжелаго, такого горькаго урока, который далъ намъ великій поэтъ своимъ паденіемъ, мы еще въ немъ не отчаиваемся, мы ожидаемъ отъ него вѣщаго, утѣшительнаго голоса о его бодромъ, побѣдномъ надъ собою возстаніи. Весь вашъ Свербеевъ. 16 января 1847 года. Москва".

Какъ письмо С. Т. Аксакова и его сына, Константина Сергѣевича 1848 г., такъ и Свербеева, въ высшей степени мѣтко попадаютъ въ цѣль, и даже послѣдній болѣе Аксаковыхъ, потому что онъ говоритъ совершенно безпристрастно и ни однимъ словомъ не подаетъ повода упрекнуть въ увлеченіи какой-либо любимой идеей, какъ Аксаковы, повторившіе и на этотъ разъ свое обычное порицаніе Гоголя за продолжительное удаленіе изъ Россіи.

Вмѣстѣ съ письмомъ Д. Н. Свербеева Гоголь получилъ небольшое письмо и отъ его жены, но адресованное уже прямо къ нему.

---

[1]) См. Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 447.

Е. А. Свербеева[1]) — *Н. В. Гоголю.*

Съ грустнымъ впечатлѣніемъ оставила меня ваша книга, Николай Васильевичъ! Всѣ кричатъ о ней, всѣ удивляются этому ученію христіанскому, вашему призыву всѣмъ обратиться къ Богу, и все это ученіе облекается самою страшною гордынею. Вы призываете на молитву за васъ святителей и всю Россію: не есть ли это увѣренность въ заслугѣ всемірной? Многіе радуются, что вы разбиваете вашу славу писателя, а мнѣ грустно не за талантъ, мнѣ грустно состояніе души вашей: въ немъ видно увлеченіе, добросовѣстное увлеченіе, но нѣтъ смиренія, а дышитъ духъ превозносящійся. Молю Господа, да придетъ на помощь къ вамъ и утвердитъ вашу душу на должной степени того христіанскаго смиренія, котораго вы имѣете только обманчивый отблескъ. Вы какъ будто впали въ прелесть, — таково впечатлѣніе, которое производитъ на меня ваша книга. Я не могу не выразить вамъ моего чувства, не высказать моей мысли о ней, и не перестану молиться о васъ.

Смерть нашего добраго Языкова, вѣрно, поразила васъ[2]). Я часто думаю о васъ; знаю, что вы любите его и что эта утрата вамъ падетъ тяжело на сердце. Его чистая, прекрасная душа непремѣнно своей гармоніей приносила и въ вашу ту святую тишину, которой обладала она вполнѣ. Не отражалась ли она на всѣхъ, кто былъ близокъ къ нему? Мы тоскуемъ теперь; мы лишились лучшей нашей драгоцѣнности[3]). Теперь осталась одна память о немъ и она даже приводитъ все существо въ гармонію. Языковъ послѣднее время жизни много думалъ о васъ и сердечная тревога о вашемъ душевномъ состояніи не оставляла его[4]). Не дожилъ

---

1) Екатерина Александровна Свербеева, скончавшаяся 25 октября 1892 г. въ селѣ Сольнитковѣ, Серпуховского уѣзда Московской губерніи.

2) Гоголь былъ дѣйствительно сильно огорченъ смертью Языкова; сообщенію же Шевырева въ письмѣ къ Шереметевой, что эта потеря была перенесена имъ легко, едва ли можно придавать серьезное значеніе (см. Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 549), ибо Шевыревъ могъ судить лишь по письмамъ.

3) Все это показываетъ, какъ любили Языкова его знакомые. О немъ же см. письмо Жуковскаго къ Гоголю въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки» за 1887 г., стр. 49—50, приложеніе.

4) Языковъ былъ съ дѣтства хорошо знакомъ съ Д. Н. Свербеевымъ и черезъ него съ его супругой, которой онъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній (См. Соч.

онъ до вашей книги, но преждевременно заботился о ней и боялся ея появленія[1]).

„Прочтите эти строчки и признайте въ нихъ глубокое чувство сердечнаго почтенія къ вамъ, какъ къ человѣку, котораго люблю я истинно.

„Да будетъ надъ вами благодать. Екатерина Свербеева. Москва, 20 янв. 1847 г."

Въ письмѣ Свербеевой Гоголя сильно задѣло за живое выраженіе: „вы впали въ прелесть". Ни ей, ни мужу ея онъ не отвѣтилъ, такъ какъ отвѣтъ былъ устраненъ заранѣе; но, отвѣчая Аксакову, Гоголь подтверждалъ мысль Свербеева, что со стороны послѣдняго было бы неприлично обратиться къ нему съ такимъ жестокимъ письмомъ, и хотя благодарилъ за письма и признавалъ ихъ для себя полезными, но возражалъ противъ самаго существеннаго, — что онъ находится въ ослѣпленіи, и въ письмѣ къ В. В. Львову высказался яснѣе и откровеннѣе, такъ какъ ему не могло быть извѣстно, чьи именно мнѣнія опровергаются. „Нѣтъ", — замѣчалъ Гоголь, „не допуститъ Богъ впасть меня въ ту *прелесть,* въ которую подозрѣваютъ меня впадшимъ. Ради молитвъ тѣхъ праведниковъ, которые обо мнѣ молятся, Онъ спасетъ меня"[2]). Позднѣе въ письмѣ къ о. Матвѣю, возражая на другіе упреки въ томъ же родѣ, Гоголь говорилъ точнѣе, что „Богъ отклонитъ отъ него такую страшную участь, если не ради его безсильныхъ молитвъ, то ради молитвъ тѣхъ, которые Ему молятся о немъ и умѣютъ угождать Ему, — *ради молитвъ матери, которая изъ-за него вся превратилась въ молитву*"[3]). Сравнивать эти два письма мы считаемъ себя въ правѣ потому, что мысли, высказанныя князю Львову и составившія главное содержаніе отвѣта ему, потомъ были лишь подробнѣе развиты въ письмѣ къ о. Матвѣю, что̀ даетъ намъ основаніе заключить, что отвѣтъ Аксакову, написанный вскорѣ и подъ первымъ впе-

---

Языкова, изд. Перевлѣсскаго, т. II, стр. 36, гдѣ поэтъ выражаетъ чувство глубокаго сердечнаго почтенія къ Е. А. Свербеевой).

[1]) Вотъ новое доказательство, что близкіе люди еще въ 1843 г. стали что-то замѣчать въ Гоголѣ. Любопытно также, какъ ошибался Гоголь, надѣясь на сочувствіе его книгѣ со стороны Языкова (Соч. и письма Гоголя, VI, 326 и 332).

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 362

[3]) Стр. 394.

чатлѣніемъ оскорбившаго Гоголя предостереженія, не вполнѣ знакомитъ насъ съ впечатлѣніями, вызванными письмами Свербеева и его жены. Ср. въ письмѣ къ кн. Львову: „Ничего не происходитъ въ мірѣ безъ воли Божіей“ (отвѣтъ на вопросъ Львова: „зачѣмъ вышла „Переписка съ друзьями“). „Есть святая сила въ мірѣ, которая все обращаетъ въ доброе, даже и то, что̀ отъ дурного умысла. Но книга моя была не отъ дурного умысла: на ней только лежитъ печать неразумія человѣческаго, лучше — моего, и потому я вѣрю въ Божію милость, что не допуститъ Онъ, дабы изъ книги моей почерпнули вредъ“; въ письмѣ къ о. Матвѣю: „Нѣтъ, есть хранящая сила, которая не дремлетъ въ мірѣ, которая направляетъ къ хорошему даже и то, что̀ отъ дурного умысла произвелъ человѣкъ. А книга моя не отъ дурного умысла: мое неразуміе всему причиною; зато Богъ и наказалъ меня, — наказалъ меня тѣмъ, что всѣ до единаго вопіютъ противъ моей книги, хотя и разнообразны до безконечности причины этихъ криковъ. Но какъ милостиво и самое наказаніе Его. Въ наказаніе Онъ далъ мнѣ почувствовать смиреніе — лучшее, что̀ только можно дать мнѣ“ [1]).

Письмо Львова такимъ образомъ продолжало дѣйствовать на Гоголя въ такомъ же направленіи, какъ и предшествующія письма; такъ какъ содержаніе каждаго изъ нихъ было сильно принято имъ къ свѣдѣнію и долго переработывалось въ его душѣ, создавая въ ней новые ряды представленій, приводимъ и это письмо ниже.

Князь В. В. Львовъ — Н. В. Гоголю. Москва 13/25 февраля 1847 г. [2]).

„Милостивый Государь, Николай Васильевичъ! Зачѣмъ напечатали вы „Выбранныя мѣста изъ Переписки“ вашей съ друзьями? — Я прочелъ ихъ со вниманіемъ, съ душевнымъ наслажденіемъ и съ прискорбіемъ! Вы, конечно, имѣете полное право сдѣлать вопросъ: „а кто даетъ вамъ право писать ко мнѣ, спрашивать меня такъ нагло о томъ, въ чемъ я никому не обязанъ отчетомъ?“ — Извините! теперь обязаны вы сказать все, отдать отчетъ во всемъ: вы, въ дѣлѣ обращенія вашего, поставили судьею всю читающую публику.

---

[1]) Стр. 361 и 393.

[2]) Отвѣтъ Гоголя см. въ Соч. и письмахъ Гоголя, т. VI, 361—362.

Не хочу ни спорить, ни браниться съ вами, а спрашиваю такъ просто: „зачѣмъ напечатали вы переписку вашу?“ „Уча другихъ, также учимся“ (стр. 120, „Совѣты“), отвѣчаете вы мнѣ. — Это такъ, но развѣ каѳедра дается такъ легко? а мнѣ кажется, что вотъ эти слова ваши дѣльны и прикладны: „Нѣтъ, храни Богъ, въ эти минуты переходнаго состоянія душевнаго пробовать объяснить себя какому-нибудь человѣку: нужно (надобно) бѣжать къ одному Богу и ни къ кому болѣе“ (стр. 157, „Историческій живописецъ Ивановъ“). Судя по словамъ вашимъ, вы, кажется, готовы отвѣчать: „и я *испробовалъ* почти то же состояніе,“ т.-е. что время это уже миновало для васъ. Но кто же сказалъ вамъ, что вы можете уже положить оружіе и, научившись побѣдѣ въ битвахъ, способны быть не только полководцемъ, но еще возвышать голосъ и учить стратегіи? — Ахъ, какъ хорошъ конецъ въ введеніи вашемъ: „прошу всѣхъ въ Россіи помолиться обо мнѣ!“ (стр. 6, предисловіе).

Вотъ мысль моя, о которой хочу я поговорить съ вами и на которую можете вы отвѣчать и не отвѣчать мнѣ, — это зависитъ отъ васъ: „изданіе писемъ вашихъ есть ошибка, есть шагъ назадъ на пути избранномъ вами, есть дань духу гордости; оно показываетъ, что ежели вы побѣдили многое, то не видите еще самаго сильнаго врага, *духа прелести*, который стоитъ всегда настражѣ у послѣднихъ вратъ, ведущихъ отъ тьмы къ свѣту.“ — Узнайте врага этого и вооружитесь противъ него во-время. Васъ ожидаютъ безконечные соблазны, которые возбудили вы сами, напечатавъ письма. Толки ужъ начались: „что сдѣлалось съ Гоголемъ?“[1]) пр. и пр. Не хочу стать въ ряду тѣхъ, которымъ поручено окружать васъ соблазнами. Что теряетъ публика въ старомъ Гоголѣ? — любимаго автора. Что пріобрѣтаетъ она въ обращенномъ? — ничего! Вы взялись за умъ не для себя и не для публики. Не льстите ей обѣщаніемъ дать взамѣнъ литератора — проповѣдника. Даръ проповѣди обѣщать нельзя: онъ дается *лицу* безъ обѣщанія, и всѣмъ обѣщанъ, какъ награда. — Вы будете ожидать критики на послѣднее произ-

---

[1]) До чего доходили московскіе слухи, видно изъ того, что Н. Н. Шереметева была такъ перепугана ими, что «бѣгала къ Иверской не разъ». («Русск. Стар.», 1890, VIII, 283).

веденіе ваше? — не дождетесь! Состояніе души вашей, высказанное въ письмахъ, не дѣлаетъ изъ этихъ писемъ достоянія критики литературной, а тѣ, которые поймутъ дѣло, исполнятъ желаніе ваше и будутъ „молиться о васъ“, и только! Вмѣсто критики прочтете вы и услышите отовсюду панегирики прежней дѣятельности вашей, сожалѣнія о погибели *еще одной знаменитости* нашей! Сильное испытаніе для васъ! Смотрите, не накликали ли вы на себя враговъ болѣе, нежели въ состояніи вы принять на щитъ? по силѣ ли они вамъ?

Не знаю, много ли получите вы писемъ такихъ, какъ это, да мнѣ до этого и дѣла нѣтъ, а пишу я потому, что если человѣкъ идетъ по доскѣ и не видитъ, что она легко можетъ подвернуться, а я вижу, то не сказать: „берегись, подвернется!“ — нельзя. „Отчего же“, спросите вы: „я вижу, а вы нѣтъ?“ — Не знаю, и думаю — оттого, что по русской пословицѣ: „чужую бѣду на бобахъ разведу, а къ своей — ума не приложу“. Да! къ своей ума не приложу! я хуже васъ, гораздо и гораздо хуже! Вамъ предстоитъ борьба, вы облекаетесь въ оружіе, а я такъ слабъ, что лежу отъ немощи и не думаю еще подняться на ноги; но надѣюсь на милосердіе Божіе!

Хотите отвѣчать мнѣ — отвѣчайте! — адресуя въ Москву, на Новую Басманную, въ домъ ген. А. Перовскаго; но не думаю, чтобы продолженіе переписки было полезно вамъ, а мнѣ и подавно: боюсь, чтобы не вкралось самолюбіе, а это страшно. А хорошо бы выбрать вамъ совѣтчика. Дай Богъ вамъ силу и крѣпость! Князь Владиміръ Владиміровичъ Львовъ“.

Всѣ эти письма изъ Москвы не оказали никакого серьезнаго вліянія на Гоголя, и онъ какъ будто ничего не вынесъ изъ нихъ. „Я думаю“ — писалъ Гоголь Жуковскому, — „что появленіе Писемъ въ свѣтъ можетъ быть теперь самымъ приличнымъ и *нужнымъ* у насъ явленіемъ, потому что послѣ моей книги все какъ-то напряжено, всѣ болѣе или менѣе, какъ противники, такъ и защитники, находятся въ положеніи неспокойномъ, а многіе недоумѣваютъ просто куда пристать, не умѣя согласить многихъ, повидимому противоположныхъ вещей, отъ той рѣзкости, съ какой онѣ выражены[1])“.

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 351.

XCIV.

Кромѣ общаго содержанія книги московскіе знакомые Гоголя были имъ недовольны за рѣзкія мѣста, направленныя въ ней противъ Погодина, на котораго они подѣйствовали такъ сильно, что, прочитавъ ихъ, онъ зарыдалъ[1]). С. Т. Аксаковъ былъ также сильно возмущенъ поступкомъ Гоголя. Главнымъ же защитникомъ Погодина явился Шевыревъ. Намъ теперь извѣстно содержаніе его письма къ Гоголю по поводу „Переписки съ друзьями"; но, даже судя по отвѣту Гоголя, видно, что Шевыревъ отнесся въ письмѣ не такъ строго къ разбираемой книгѣ, какъ можно было ожидать по письму С. Т. Аксакова къ Ивану Сергѣевичу[2]). Онъ находилъ только нравственное состояніе Гоголя переходнымъ, съ чѣмъ былъ согласенъ и послѣдній, и что̀ его слѣдовательно оскорбить не могло. Гоголь даже легко успокоился и самъ сталъ утѣшать своего пріятеля тѣмъ, что „состояніе это миновалось" [3]). Но Шевыреву такъ же, какъ прежде Аксакову, было поставлено на видъ, сколько вреда причинило ихъ подталкиваніе, хотя главная вина попрежнему возлагалась на Погодина. („О если бы Погодинъ съ самаго начала повѣрилъ мнѣ на честное слово! не произошло бы между нами этихъ загадочныхъ явленій" [4]). Въ нанесеніи же обиды Погодину Гоголь долженъ былъ принести, можетъ быть, вынужденное покаяніе. Странно читать оправданія, подкрѣпляемыя честнымъ словомъ; наконецъ особенно странно невыполненное обѣщаніе въ противовѣсъ невыгоднымъ отзывамъ о немъ написать другую статью: „О достоинствѣ сочиненій П. и литературныхъ отзывахъ", — лучше сказать, Гоголь показывалъ видъ, что все произошло самымъ невиннымъ образомъ. Но если и допустить пристрастіе къ Погодину Шевырева и Аксакова, то выходками противъ Погодина возмутилась совершенно благодушная и расположенная больше всего къ Гоголю старушка Шереметева...

---

[1]) См. между прочимъ «Русск. Ж.» 1892, №№ 71 и 78; изъ отвѣтовъ Гоголя, помѣщенныхъ въ этихъ №№, можно отчасти ознакомиться и съ содержаніемъ утерянныхъ писемъ къ нему Погодина о «Перепискѣ съ друзьями»; см. также «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 165.

[2]) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 163.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 352.

[4]) Тамъ же.

Какъ бы то ни было, Шевыревъ не столько нападалъ за мистицизмъ, сколько за оскорбленіе, нанесенное Погодину, и Гоголь здѣсь не могъ въ душѣ, а отчасти и явно не сознавать свою вину. Поэтому онъ легко примирился съ Шевыревымъ и, будучи сердитъ на Аксакова, находилъ, что Шевыревъ знаетъ его лучше другихъ, а не встрѣчая слишкомъ сильнаго отпора своимъ идеямъ, сталъ иногда выражать ихъ въ довольно рѣшительной формѣ. Такъ онъ писалъ ему: „Я чувствовалъ всегда, что я буду участникъ сильный въ дѣлѣ общаго добра и что безъ меня не обойдется примиренье многаго, между собой враждующаго. Объ этомъ слѣдовало бы молчать, — тѣмъ болѣе, что я всегда чувствовалъ, что это послѣдуетъ только тогда, если я воспитаю себя такъ, какъ слѣдуетъ; но что̀ жъ если у молодыхъ силъ (sic) нѣтъ столько благоразумія, чтобы умѣть до времени не похвастаться“ [1]). Въ этомъ-то смыслѣ, конечно, Гоголь назвалъ себя Хлестаковымъ въ письмѣ къ Жуковскому, и было бы совершенно ошибочно думать, вмѣстѣ съ покойнымъ. О. Ѳ. Миллеромъ, что эти слова слѣдуетъ понимать буквально, или, примѣняя выраженіе Свербеева, что онъ „надувая, надувалъ себя“ [2]).

Слѣдуетъ отмѣтить далѣе, что Шевыревъ энергически требовалъ исключенія обидныхъ отзывовъ о Погодинѣ, говоря: „Второе изданіе твоей книги я приму на себя на томъ только условіи, чтобы уничтожено было то, что̀ ты сказалъ о Погодинѣ. *Въ противномъ случаѣ отказываюсь*“... „Неряшество въ слогѣ и въ изданіяхъ простительнѣе, чѣмъ неряшество душевное, происходящее отъ неограниченнаго самолюбія“ [3]).

За это же самое упрекала и Шереметева; оставивъ свою обычную робкую осторожность, она твердо высказала свое мнѣніе: „Хочу сказать свое мнѣніе для васъ, мой другъ; о другихъ не знаю, кого это касается. Все относится къ тому, кто поступилъ самопроизвольно и нанесъ, можетъ, симъ вамъ оскорбленіе, — то мнѣ кажется, мой другъ, — такъ, какъ я въ душѣ моей ощущаю, — что самую эту несправедливость, съ какою въ семъ случаѣ относительно васъ поступлено,

---

[1]) Тамъ же, стр. 402.

[2]) См. слова Миллера въ «Русск. Стар.» 1875, IX, 99.

[3]) См. Отчетъ Императ. Публич. Библіот. за 1893, стр. 44, 46, 47 и проч.

изложить прямо къ тому лицу, чтобы онъ да вы знали. Я сама чувствую и понимаю, что поступлено въ семъ случаѣ относительно васъ нехорошо, и дивлюсь, какъ смѣть себѣ позволить безъ вѣдома располагать чужимъ портретомъ. Но уже оно сдѣлано — остается пожалѣть и помолиться о человѣкѣ, который позволилъ себѣ подобныя вещи, а самому принять это происшествіе со смиреніемъ. Завѣщаніе — это значитъ предсмертная воля и желаніе: писавъ, должны чувствовать, что сіе на землѣ будетъ производиться въ дѣйствіе въ то время, когда мы будемъ передъ судомъ Божіимъ, то писавъ, перейдя эту минуту, уже ничего другого не увидимъ, какъ собственную передъ кѣмъ вину, если кого когда чѣмъ оскорбили, а ужъ никакъ не вспомнится, если относительно насъ были и есть какія непріятности". Передъ Шереметевой Гоголь также вынужденъ былъ оправдываться, и онъ также сталъ ей выставлять достоинства Погодина и увѣрять въ своемъ будущемъ примиреніи съ нимъ [1]). Въ своемъ неловкомъ положеніи онъ искалъ оправданій въ томъ, что не имѣлъ въ рукахъ корректуры, что иначе онъ непремѣнно уничтожилъ бы все, что̀ такъ возмущало его пріятелей въ выходкахъ относительно Погодина [2]).

Не одобрила также Шереметева публичнаго осужденія Погодина въ статьѣ „О томъ, что̀ такое слово?" хотя имя его отчасти было скрыто иниціаломъ. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ Шереметева была вполнѣ довольна книгою и, оставляя безъ вниманія недоброжелательные отзывы, сообщала: „книгу хвалитъ тотъ, котораго я чту высоко, который отлично-хорошій человѣкъ и высокой духовности".

---

1) Гоголю приходилось оправдываться въ своихъ нападеніяхъ на Погодина и передъ самимъ обиженнымъ (См. «Русск. Жизнь», 1892 г., № 78) и подвергаться справедливымъ упрекамъ С. Т. Аксакова; первый однажды хотѣлъ прямо написать ему: «Другъ мой, Іисусъ Христосъ учитъ насъ подставлять правую ланиту, получивъ пощечину въ лѣвую; но гдѣ же онъ учитъ давать публичныя оплеухи?» («Русск. Арх.», 1890, VIII, 163). Другіе упреки, сдѣланные Гоголю Аксаковымъ, см. тамъ же 162, 164, 165. См. также упреки Шевырева въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 42.) Погодину Гоголь обѣщалъ, такъ же какъ и Шереметевой, написать другую статью, о его достоинствахъ (см. «Русск. Жизнь», 1892, № 71) но обѣщанія не исполнилъ. По возобновленіи переписки съ Погодинымъ Гоголь вскорѣ раскаялся, и чувство давней вражды взяло верхъ (см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 407).

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 366.

Въ заключительныхъ строкахъ „Авторской Исповѣди“ Гоголь, какъ извѣстно, приноситъ благодарность тѣмъ, которые могли бы, подобно большинству, осыпать его упреками, но, которые, „почувствовавъ, что ихъ уже слишкомъ много для немощной натуры человѣка, рукой скорбящаго брата приподнимали его, повелѣвая ободриться“ [1]). Къ числу такихъ людей онъ не могъ не относить Н. Н. Шереметеву, особенно въ тѣ минуты, когда изнемогалъ духомъ отъ всеобщихъ нападеній. Хотя не избѣгнулъ онъ упрековъ и отъ этой прекрасной, любящей женщины, но то были упреки кроткіе: Шереметева грустила о томъ противорѣчіи, въ какое впалъ ея возлюбленный сынъ; собираясь очистить совѣстью передъ поѣздкой въ Палестину и приготовившись къ смерти и страшному суду, онъ не только не захотѣлъ простить обиду бывшему другу, но жаловался на нее публично.

Письмо Шереметевой, по словамъ Гоголя, освѣжило его, „какъ благодатная роса“; онъ назвалъ его голосомъ ангела, сострадающаго о человѣкѣ, сознаваясь, что послѣ многихъ полученныхъ отовсюду упрековъ онъ даже „распечатывалъ его со страхомъ“ [2]).

Шевыревымъ Гоголь былъ тоже доволенъ въ годину выхода „Переписки“ и ихъ отношенія уже больше не измѣнялись, хотя однажды, не смотря на всѣ предшествующія просьбы и пререканія, Шевыревъ напомнилъ ему о необходимости продолжать второй томъ; но по пріѣздѣ Гоголя въ Москву всѣ уже поняли, что торопить его напрасно и оставили въ покоѣ.

XCV.

Въ то время, какъ Гоголь получилъ уже изъ Москвы нѣсколько непріятныхъ писемъ, которыя вмѣстѣ съ цензурными затрудненіями совершенно разстроили и потрясли его нервы, онъ не переставалъ страдать и отъ другихъ тревогъ. Каждое письмо, даже и пріятное для него вообще, заключало въ себѣ что-нибудь досадное въ частности. Такъ, что̀ могло быть пріятнѣе восторженнаго привѣтствія Плетнева, въ которомъ „Переписка“ признавалась капитальнымъ событіемъ, должен-

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 278.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 365.

ствующимъ составить эпоху не только въ русской, но и всемірной литературѣ. (Плетневъ прямо утверждалъ, что эта книга есть „*начало* собственно русской литературы“, что „все, до сихъ поръ бывшее,“ представляется какъ ученическій опытъ на темы, выбранныя изъ хрестоматіи“ [1]), но и въ его письмѣ Гоголя покоробило извѣстное замѣчаніе о знатныхъ русскихъ людяхъ и кромѣ того крайне благодушное отношеніе къ цензурнымъ урѣзкамъ. Гоголь былъ этимъ обиженъ и жаловался, что „Плетневъ объявляетъ весьма хладнокровно, что̀ не принято цензурой“ [2]). Въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ Плетневъ былъ весьма исполнителенъ и не переставалъ быть вполнѣ на сторонѣ автора, за что даже заслужилъ много нареканій, а Аксаковыми названъ просто „старымъ колпакомъ“. Но и это не спасло его отъ досады Гоголя, который, среди безпрерывныхъ мученій и безсонницъ, дошелъ до такого нервнаго состоянія, что, ничего не взвѣшивая, написалъ ему: „Не благодарю тебя, покамѣстъ, еще ни за что̀, — ни за дружбу, ни за аккуратность, ни за хлопоты по дѣламъ моимъ“ [3]). Впрочемъ Гоголь самъ почувствовалъ свою несправедливость и, не дожидаясь отвѣта, просилъ извиненія.

Итакъ возбужденное „Выбранными мѣстами“ негодованіе противъ ихъ автора коснулось и Плетнева. Слухи объ этомъ дошли до Гоголя и еще болѣе укрѣпили все возраставшее ихъ взаимное расположеніе. Если черезъ Аксакова Гоголь получалъ исключительно непріятныя для него извѣстія (отъ Свербеевыхъ, кн. Львова) [4]), то отъ Смирновой и Плетнева до него доходили также и пріятныя вѣсти. Плетневъ, напр. сообщилъ ему какъ утѣшительныя фактическія данныя, напр. будто „все изданіе сошло съ рукъ почти въ одну недѣлю“ [5]), такъ и лестные слухи, напр. „въ томъ маленькомъ обществѣ, въ которомъ уже шесть лѣтъ живу

---

[1]) «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 42.

[2]) Указатель къ письмамъ Гоголя, 1 изд., стр. 87.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 337.

[4]) Аксаковъ писалъ потомъ Гоголю: «письмо ваше къ князю Львову обрадовало насъ еще больше». («Русск. Арх.», 1890, VIII, 171). Считая главнымъ источникомъ заблужденій Гоголя гордость, Аксаковъ радовался выразившемуся въ этомъ письмѣ смиренію, хотя оно такъ же строго и послѣдовательно вытекало изъ общаго міросозерцанія Гоголя, какъ и все остальное.

[5]) «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 47.

я, ты сталъ теперь геніемъ помысловъ и дѣйствій"[1]), что его знакомые (Корфъ, Н. П. Надеждинъ и Николаевскій) провели безъ сна ночь за „Перепиской"[2]). Кромѣ того, Плетневымъ были пересланы болѣе или менѣе благосклонныя къ Гоголю письма Ишимовой, архимандрита Брянчанинова и Вигеля. Отзывы эти понравились Гоголю и о Брянчаниновѣ онъ выразился такъ: „письмо это подало мнѣ доброе мнѣніе о Брянчаниновѣ. Я считалъ его, основываясь на слухахъ, просто дамскимъ угодникомъ и пустымъ попомъ"[3]). Да и собственныя отношенія Плетнева къ Гоголю и его „Перепискѣ" было такое, которымъ никакъ не могло бы оскорбиться самое щекотливое самолюбіе. Такъ Плетневъ писалъ: „Она" (эта книга) „должна возвѣстить истину о насъ и за предѣлами Россіи. Оттуда (?!) научатъ насъ цѣнить собственное сокровище наше, какъ это совершается и надъ всѣмъ въ мірѣ искусствъ" или: „Съ 1847 года литература и безъ меня повернется: твоя книга вызоветъ все новое въ кругъ умственной дѣятельности"; или: потому „я вѣрую въ святость дѣлъ и помысловъ твоихъ, что самъ давно стремлюсь подняться сердцемъ и помыслами жизнью на эту высоту, единственную цѣль теперешней моей жизни"; „пока ты не открывалъ мнѣ сердца своего, я могъ считать подобныя отъ тебя требованія неумѣстными, но съ тѣхъ поръ какъ ты душою слился со мною" (со времени печатанія „Переписки"?), „я тебя не отдѣляю отъ себя", „если я досадую отъ глупыхъ толковъ про книгу твою, это происходитъ отъ сожалѣнія, въ какомъ жалкомъ состояніи очутилась безъ пастыря бѣдная литература наша"[4]). Плетневъ извинялся передъ Гоголемъ въ непріятномъ для послѣдняго отзывѣ своемъ о знакомыхъ ему русскихъ аристократахъ, охотно готовъ былъ хлопотать о второмъ изданіи „Переписки" и „Повѣсти моего писательства", какъ первоначально предполагалось назвать „Авторскую Исповѣдь". Даже нѣсколько неосторожное упоминаніе о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ"

---

1) Стр. 42.

2) Тамъ же, стр. 48.

3) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 339; послѣднія слова добавлены по копіи съ подлиннаго письма.

4) «Русск. Вѣстн.», 1890, IX, стр. 42, 46, 48, 50, 53, 55. Если въ послѣдней цитатѣ Плетневъ разумѣлъ Пушкина, то онъ много бралъ на себя, рѣшая за покойнаго, каково должно быть его отношеніе къ Гоголевой «Перепискѣ».

было такъ благодушно, что не могло уязвить Гоголя: „вотъ пройдетъ лѣто — опять явится въ книгѣ потребность, а мы тутъ и со вторымъ изданіемъ, либо со вторымъ томомъ“ [1]). Наконецъ Анненковъ, а за нимъ Плетневъ, разъяснили Гоголю путаницу съ векселемъ, посланнымъ Прокоповичемъ изъ Петербурга къ нему за-границу и попавшимъ въ чьи-то чужія руки [2]). Плетневъ же совѣтовалъ Гоголю вспомнить извѣстныя слова Пушкина, повидимому подходившія теперь къ Гоголю:

„Ты — царь: живи одинъ!“

Приглашая въ Петербургъ отпраздновать юбилей Жуковскаго, Плетневъ желалъ бы чествованія семейнаго, въ тѣсномъ кружкѣ: „Вѣдь ужъ насъ немного и осталось. Кромѣ Вяземскаго, дома Віельгорскихъ и Карамзиныхъ да Смирновой, я даже не знаю“, — говорилъ онъ — „съ кѣмъ дѣлить намъ эту радость, дѣлить не шумно, а семейно“ [3]).

Гоголь высоко цѣнилъ эту трогательную привязанность, вспыхнувшую тогда именно, когда онъ былъ оставленъ всѣми. Когда онъ собирался лѣтомъ въ Остенде, онъ зазывалъ къ себѣ самыхъ близкихъ и пріятныхъ людей, какъ напр. Смирнову, Віельгорскихъ и наконецъ Плетнева. Этихъ же наиболѣе дорогихъ ему людей онъ началъ просить доставлять ему характеристики, нужныя для „Мертвыхъ Душъ“, причемъ составилъ даже, такъ сказать, руководящую программу, совершенно въ сходной редакціи сообщенную Смирновой и Данилевскому [4]). „Не будутъ живы мои образы“ — писалъ онъ Смирновой, — „если я не сострою ихъ изъ нашего матеріала, изъ нашей земли, такъ что всякій почувствуетъ, что это изъ его же тѣла взято“ [5]). По объясненію Гоголя, задача его остается все та же — созданіе „Мертвыхъ Душъ“. Это онъ не уставалъ повторять Аксакову, Шевыреву, Львову и, наконецъ своему лучшему другу, А. С. Данилевскому, которому онъ писалъ: „Покуда скажу тебѣ вотъ что̀, мой добрый Александръ. Ты никакъ не смущайся обо̀ мнѣ по поводу

---

1) Тамъ же, стр. 52.

2) См. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 340, 341, 355; «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 49 (и ниже, стр. 559).

3) Стр. 56.

4) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 347 и 360.

5) Тамъ же, стр. 346; ср. стр. 360 и 339 и соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 263

моей книги и не думай, что я избралъ другую дорогу писаній"[1]) и проч. Но и „Выбранныя мѣста" не были забыты: Гоголь думалъ о второмъ изданіи ихъ и идеи, высказанныя въ нихъ, собирался вложить во второй и третій томъ „Мертвыхъ Душъ", надѣясь нравоучительнымъ и душеполезнымъ чтеніемъ замѣнить для публики пустые французскіе романы и возбудить во львицахъ „желаніе попасть въ другія львицы". Уговаривая Смирнову доставлять ему матеріалы для осуществленія этой цѣли, Гоголь писалъ ей: „Послѣ вы увидите, если только милость Божія будетъ сопровождать меня въ трудѣ моемъ, какое христіански доброе дѣло можно будетъ сдѣлать мнѣ, наглядѣвшись на портреты ваши, и виновницей этого будете вы"[2]). Наконецъ Гоголь возлагалъ и иныя надежды на пользу, которую должна принести „Переписка", особенно послѣ того какъ Жуковскій обѣщалъ писать на нее свои замѣчанія. „Не смотря на то" — писалъ ему Гоголь, — „что сама по себѣ она не составляетъ капитальнаго произведенія нашей литературы, она можетъ породить многія капитальныя произведенія"[3]). Въ другой разъ онъ высказывалъ сходную мысль въ письмѣ къ Плетневу: „Богъ вѣсть, можетъ, по прочтеніи моей книги сплошь, придетъ князю Вяземскому благая мысль подарить и русскую литературу, и меня такими письмами, которыя, разумѣется, въ нѣсколько разъ будутъ лучше моихъ, прямѣе и ближе къ дѣлу, и могутъ быть напечатаны отдѣльной книгой"[4]).

Не малую неловкость вскорѣ сдѣлалъ Гоголь передъ Віельгорскими. Въ цѣломъ рядѣ писемъ къ Плетневу онъ безцеремонно забрасывалъ Віельгорскаго порученіями, а потомъ, не получая отвѣта, вдругъ началъ безпокоиться и жалѣть о своемъ нетерпѣніи. „Я не знаю, какъ передъ нимъ извиняться" — совѣтовался онъ съ Плетневымъ, „не смѣю даже и писать къ нему. Я думаю, что я слишкомъ огорчилъ его моими всѣми докуками. Покажи имъ лучше это письмо, и ему, и князю Вяземскому. Можетъ быть, они, прочитавши его, сколько-нибудь извинятъ меня и простятъ меня. Мнѣ кажется,

---

1) Стр. 358.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 347.

3) Тамъ же, стр. 350.

4) Стр. 339.

что все семейство его“ (т.-е. графа Віельгорскаго), „мною нѣжно любимое, мною недовольно, потому что, съ появленія моей книги, никто изъ нихъ не писалъ мнѣ“ [1]). Опасеніе было преувеличенное, хотя отзывы Віельгорскихъ о книгѣ Гоголя и передача слуховъ о ней (особенно въ письмѣ Анны Михайловны) были нѣсколько уклончивые. Такъ Анна Михайловна деликатно высказывала недовольство завѣщаніемъ и однимъ письмомъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“, и обѣ сестры говорятъ преимущественно о высокомъ направленіи автора, о томъ, что онѣ узнаютъ его въ новомъ сочиненіи. Какъ-то загадочно выраженіе: „мы прочли письма съ необыкновеннымъ интересомъ, но съ различными впечатлѣніями“. Свѣтская неискренность проглядываетъ и въ подслащенныхъ пилюляхъ: „У Софьи Михайловны собираются по середамъ знакомые ея мужа, почти всѣ русскіе, люди умные, нѣкоторые изъ нихъ литераторы: такъ я слышала, что иные полагаютъ васъ потеряннымъ для литературы. Вообще всѣ хвалятъ ваши письма“... [2]) Еще мягче и деликатнѣе было письмо Софьи Михайловны, сильно огорчившейся за Гоголя. Но все это было, конечно, разгадано Гоголемъ и въ слѣдующемъ письмѣ онъ просилъ уже передавать ему слухи точнѣе и не въ такомъ обширномъ (т.-е. общемъ?) смыслѣ и не бояться огорчить его, такъ какъ упреки составляютъ „чудный бальзамъ“ для эго души [3]). Въ этомъ же письмѣ Гоголя нельзя пропустить безъ вниманія его словъ, доказывающихъ еще разъ, что онъ самъ нисколько не считалъ себя потеряннымъ для литературы. „Повѣрьте мнѣ“ — говорилъ онъ, — „что мои послѣдующія сочиненія произведутъ столько *согласія* во взглядахъ, сколько нынѣшняя моя книга произвела разноголосицы, но для этого надобно *поумнѣть*“ [4]).

Извѣстіе, полученное Гоголемъ отъ Плетнева и Анны Мих. Віельгорской, о согласіи наслѣдника съ мнѣніемъ цензора и ея рѣшительная уклончивость относительно сообщенія отзывовъ должны были еще сильнѣе отозваться на его нервахъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 339.

[2]) «Вѣстн. Евр.» 1889, XI, 119—120.

[3]) стр. 122.

[4]) Тамъ же.

CXVI.

Въ числѣ полученныхъ Гоголемъ отовсюду частныхъ писемъ по поводу „Переписки съ друзьями“ самымъ замѣчательнымъ и наиболѣе потрясшимъ его было, разумѣется, письмо Бѣлинскаго [1]). Но содержаніе этого письма, насколько это было возможно, столько разъ обсуждалось въ нашей печати, что мы ограничимся здѣсь немногими замѣчаніями. Во-первыхъ, нельзя не замѣтить, что это было единственное письмо, сильно подѣйствовавшее на Гоголя [2]), хотя все-таки не оставившее особенно глубокихъ слѣдовъ. Въ своемъ отвѣтѣ Гоголь признавалъ, что онъ не знаетъ Россіи и что не можетъ выпустить двухъ строкъ, не побывавъ на родинѣ. Хотя въ письмѣ Гоголя были и невыгодныя для Бѣлинскаго замѣчанія, напр. „какъ я слишкомъ усредоточился въ себѣ, такъ вы слишкомъ разбросались“ [3]), но именно съ этихъ поръ у него явилась неосуществленная впрочемъ мысль объѣздить разныя губерніи и почему-то преимущественно сѣверо восточную Россію [4]). Во-вторыхъ, письмо, начинающееся словами: „Я прочелъ съ прискорбіемъ статью вашу въ „Современникѣ“ [5]), слѣдуетъ считать предшествующимъ по отношенію къ первоначальному наброску отвѣта на черновое письмо, начинающееся словами:

---

1) Бѣлинскій съ этихъ поръ сталъ больше интересовать Гоголя; о немъ онъ узнаетъ и разспрашиваетъ въ письмахъ Анненкова и, вѣроятно, другихъ. (См. «П. В. Анненковъ и его друзья», 500, 508 и 513). Во время написанія письма Бѣлинскій былъ въ Остенде вмѣстѣ съ Тургеневымъ (См. напр. «Міръ Божій», 1896, II, стр. 163, и «И. С. Тургеневъ» И. И. Иванова. стр. 94). Курьезную выдумку Головачевой-Панаевой о личномъ разговорѣ Бѣлинскаго съ Гоголемъ въ Петербургѣ до ихъ обмѣна письмами см. въ «Историч. Вѣстникѣ», 1889, IV, 54—55; тамъ же мое опроверженіе, 1889, V, стр. 477—478.

2) Оно напечатано въ книгѣ Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. VIII.

3) «Русск. Стар.», 1888, VII, 48. Бѣлинскій видѣлъ одну сторону дѣла («Сбор. въ память Юрьева», стр. 263). Любопытно, что въ черновомъ письмѣ къ Бѣлинскому Гоголь запальчиво спрашивалъ: «Позвольте сказать, что я болѣе передъ вами имѣю право заговорить о русскомъ народѣ. Всѣ мои сочиненія, по единодушному убѣжденію, показываютъ знаніе природы русскаго человѣка. А что же *вы* представите въ доказательство вашего знанія. «природы русскаго народа?» (т. VI, стр. 384). Въ отправленномъ къ Бѣлинскому письмѣ не только смягченъ тонъ, но ясно, что Гоголь созналъ справедливость и мѣткость даннаго указанія. («Русск. Стар.», 1888, VII, 47).

4) См. т. VI, стр. 418, 421 и «Вѣстн. Европы», 1889, XI, 135.

5) Соч. и письма Гоголя, VI, 377.

„Съ чего начать мой отвѣтъ на ваше письмо, если не съ вашихъ же словъ: „Опомнитесь, вы стоите на краю бездны[1]) и, вѣроятно, замѣнившимъ его, начинающимся словами: „Я не могъ отвѣчать скоро на письмо ваше“[2]). Можетъ быть, вліяніе письма Бѣлинскаго было бы даже дѣйствительнѣе, если бы Гоголь не получилъ сильно затронувшаго его отвѣта отъ о. Матвѣя Константиновскаго. Но къ перепискѣ съ Иннокентіемъ, о. Матвѣемъ и другими духовными лицами мы обратимся послѣ; теперь же приведемъ здѣсь письма къ Гоголю Россета и Прокоповича.

Письма Россета Гоголь долго ждалъ съ нетерпѣніемъ. „Удивляетъ меня то“ — говорилъ онъ Плетневу, — „что ни отъ Россета, ни отъ всѣхъ тѣхъ людей и друзей, которые обѣщали мнѣ сообщать все, что̀ ни услышатъ изъ толковъ о моей книгѣ, не получилъ ни строчки“[3]). Это было писано въ мартѣ 1847 г., но въ это время было уже написано письмо Россета, единственное, отвѣтъ на которое помѣщается обыкновенно вмѣстѣ съ другими статьями въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки“.

А. О. Россетъ — Н. В. Гоголю. С.-Петербургъ. 12 марта 1847 г.

„Благодарю васъ, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, за книгу, присланную мнѣ Плетневымъ. Я прочелъ ее, какъ вы желали, два раза, останавливаясь на многихъ мѣстахъ съ восхищеннымъ вниманіемъ. Вы просите сообщить вамъ откровенно мое мнѣніе; не думаю, чтобы мое мнѣніе вамъ было нужно. Я червь; принадлежу къ очень маленькому числу вашихъ личныхъ знакомыхъ и къ малому числу людей болѣе или менѣе одинаковыхъ съ вами мнѣній о дѣлахъ міра сего. Вы могли писать къ друзьямъ, но книгу издавали не для знакомыхъ и не для единомышленниковъ, а для всѣхъ и, повидимому, болѣе для тѣхъ, кои любятъ помудрствовать лукаво. Поэтому скажу вамъ откровенно, какое впечатлѣніе произвела книга на публику, и постараюсь объяснить, почему она произвела впечатлѣніе такое, а не этакое.

---

[1]) Тамъ же, 379.

[2]) «Русская Старина», 1888, VII, 47.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 357.

Прекрасна страница въ вашемъ завѣщаніи, гдѣ вы такъ трогательно, съ такой любовью обращаетесь къ вашимъ соотечественникамъ; прекрасно пцсьмо о лиризмѣ нашихъ поэтовъ; прекрасны два письма къ покойному Языкову; прекрасно „Просвѣщеніе", Живописецъ Ивановъ, Свѣтлое Воскресеніе; прекрасны наконецъ нѣсколько страницъ и много строкъ другихъ писемъ. Жаль мнѣ, невыразимо жаль, что все это прекрасное, если не пропало, то много утратило силы. Да, Николай Васильевичъ, вы угадали — на сцену выступила не книга, а вы[1]), едва ли не одни вы; лучшимъ сему доказательствомъ служатъ толки: всѣ разсуждаютъ о васъ и никто или мало говорятъ о томъ, о чемъ вы говорите. Вы приписывате сіе цензурѣ, васъ обкорнавшей[2]) — я не согласенъ; но объ этомъ послѣ. Дѣло покуда въ томъ, что личность ваша задавила книгу; впечатлѣніе собственно книги было ничтожно, тогда какъ въ настоящее время у насъ оно дѣйствительно могло быть важно.

На-дняхъ вышлю вамъ журналы съ бранными отзывами[3]); вы назвали журналистовъ козлами[4]); они невѣжи, — говоря

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 241. Ср. въ письмѣ А. О. Россета сестрѣ: «Толки о Гоголѣ мнѣ до смерти надоѣли. Мнѣ кажется, что одно можно сказать ему положительно: письма его не должны были поступать въ печать, а оставаться въ рукахъ тѣхъ, кому были писаны. Доказательствомъ этого служитъ то, что его соотечественники, о которыхъ онъ такъ трогательно заботится въ предисловіи, на любовь его посылаютъ ему на прощаніе кто — сумасшедшаго, кто подлеца, или лжеца, или гордеца. Такъ выразились единогласно журналы и почти единогласно масса. Сверхъ сего, прислушиваясь къ толкамъ, слышишь, что всѣ говорятъ о Гоголѣ, а никто о томъ, что́ онъ написалъ; всѣ разбираютъ, что̀ съ нимъ случилось, а содержаніе книги осталось въ сторонѣ» и проч. («Русск. Арх.», 1896, III, стр. 364).

[2]) О цензурныхъ урѣзкахъ книги Гоголя А. О. Россетъ сообщалъ еще 1 ноября 1846 г. своей сестрѣ, А. О. Смирновой слѣдующій казусъ: «Мнѣ говорилъ Плетневъ, что въ двухъ письмахъ Гоголь говоритъ о нашемъ черномъ и бѣломъ духовенствѣ, отдавая ему предпочтеніе передъ западнымъ. Цензоръ духовный ихъ не пропустилъ, надписавъ: «Нельзя, потому что идеи автора о нашемъ духовенствѣ конфузны». Плетневъ, нашедъ самую резолюцію конфузною, обратился къ графу Протасову, и онъ разрѣшилъ съ малыми поправками» («Русск. Архивъ», 1896, III, 362—363).

[3]) О выполненіи этого обѣщанія см. «Русск. Архивъ», 1896, III, 364.

[4]) Такъ назвалъ Гоголь журналистовъ въ статьѣ объ «Одиссеѣ» въ «Перепискѣ съ друзьями». (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр 27). Послѣ онъ подозрѣвалъ, что именно за это Бѣлинскій обидѣлся на него и даже будто бы мстилъ ему. (См. «П. В. Анненковъ его друзья», стр. 513 и ниже, стр. 558).

не по-французски, просто скоты. Публика вообще добрѣе и снисходительнѣе: она бы посовѣстилась на голосъ любви, присланный ей издалека соотечественникамъ, отвѣчать[1]) ему сумасшедшимъ, іезуитомъ, гордецомъ или лжецомъ; но читая отзывы журналовъ съ очень уменьшительнымъ стекломъ, вы узнаете и отзывъ публики, для которой предназначена книга. Знаю, что вы ее предназначали всѣмъ, ожидали, что ее прочтутъ и лакеи и дворники[2]), но эти ожиданія — мечтательныя ожиданія и принадлежатъ къ числу тѣхъ странностей, которыя выставили такъ ярко васъ, ужасно повредили книгѣ и о которыхъ скажу послѣ.

Говоря о публикѣ, долженъ по примѣру извѣстнаго московскаго полицеймейстера, опредѣлить, кого называю публикой[3]). Высшее наше общество не читаетъ[4]), а развѣ прочтетъ только ту русскую книгу, которая, по какому-нибудь случаю, обратитъ всеобщее вниманіе; оно живетъ, хотя менѣе чѣмъ прежде, чужими интересами, питаетъ свою любознательность (или убиваетъ время) иностранными книгами; вліянію русской книги не поддается и сужденія о ней никогда не произноситъ. Его надо оставить въ покоѣ и не безпокоиться о томъ, что̀ оно дѣлаетъ и говоритъ. Интересы этого общества слишкомъ связаны съ интересами Россіи, чтобъ рано или поздно, указами или силою обстоятельствъ, оно не вернулось изъ-чужа во-свояси. За симъ идутъ помѣщики. Живя уединенно, вдали отъ шумовъ, внутри земли и своего народа, все, что̀ говорится о русскихъ коренныхъ началахъ, о русскомъ бытѣ, о нуждахъ и потребностяхъ Россіи, ея страданіяхъ и радостяхъ, находитъ болѣе сильный отголосокъ, и ваша книга, которой главная тема *душа и прочное дѣло жизни,* христіанство, царь и Россія, — помѣщиками, какъ я надѣюсь, будетъ оцѣнена.

---

1) Обзывать.

2) Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 337.

3) Любопытно, что вскорѣ въ своемъ гнѣвномъ письмѣ къ Гоголю К. С. Аксаковъ, конечно случайно, привелъ тотъ же примѣръ («Русск. Арх.», 1890, II, 154).

4) 22 марта 1847 г. А. О. Россетъ писалъ сестрѣ: «Я написалъ Гоголю довольно подробно и откровенно, какое впечатлѣніе призвела вообще его книга на публику. Въ письмѣ этомъ я не столько боялся, что передалъ впечатлѣніе невѣрно, сколько того, чтобы оно не показалось ему черствымъ. Я читалъ его Вяземскому и Плетневу: они уговорили меня послать его. Лѣтомъ буду въ Калугѣ и прочту, ибо оставилъ у себя копію» (см. «Русск. Архивъ», 1896, III, 366).

По ихъ прямому дѣйствію на народъ обстоятельство это весьма утѣшительно. О нашемъ братѣ военномъ нечего хлопотать: у военнаго на умѣ, ей Богу, служба; онъ дѣйствительно живетъ по командѣ и, не мудрствуя лукаво, исполняетъ свое дѣло прочно, т.-е. усердно служитъ и усердно будетъ служить царю и Россіи. Потомъ выступаетъ публика — это среднее с.-петербургское и московское выслужившееся дворянство, огромный классъ чиновниковъ (53000), мелкихъ писакъ (ихъ у насъ уже много), артистовъ всякаго рода и иныхъ и прочихъ, всякаго сброда, которые выслушали университетскій или гимназическій курсы; одни читаютъ жадно, читаютъ русскія книги и пребываютъ, бѣдные, подъ сильнымъ гнетомъ русской литературы. По мѣрѣ увеличенія университетовъ и гимназій и облегченія правительствомъ способовъ къ образованію классъ этотъ или сословіе, пожалуй хоть tiers état, увеличивается непомѣрно и начинаетъ выступать съ тѣми же атрибутами, съ какими вездѣ существуетъ. Повсюду онъ служилъ и служитъ камнемъ преткновенія, не принадлежа ни къ какому самостоятельному сословію, онъ сидитъ entre deux chaises, le cul par terre; имѣя полуобразованную голову и тощій желудокъ, его наитруднѣе убѣдить думать о душѣ и прочномъ дѣлѣ жизни; онъ заносчивъ, раздражителенъ, требуетъ исполненнаго христіанской любви обращенія съ нимъ, потому что истинно несчастный склоненъ къ ненависти ко всѣмъ и ко всему, и если онъ собьется съ пути, занесется бреднями протестантскими, гегелевскими, не знаю ужъ какими, его не поставишь скоро на прямую дорогу. Это-то именно публика, для которой существуютъ серьезныя русскія книги; она же и ваша публика; она васъ читала, теперь прочла; она васъ любила и превозносила; теперь же не знаю, любитъ ли, но ни въ какомъ случаѣ не превозноситъ, а или бранитъ, или сожалѣетъ, или подшучиваетъ, смотря по характеру и темпераменту каждаго. Многіе думаютъ, что нынѣ литературой немного возьмешь, и журналы, особенно у насъ, цензурованные — вздоръ. Оно, быть можетъ, и правда, но не у насъ. Въ Европѣ вылгалась литература и ей ужъ не вѣрятъ[1]):

---

[1]) Настоящее письмо Россета чрезвычайно любопытно своимъ замѣчательнымъ совпаденіемъ съ мнѣніями теперешней реакціонной прессы, впрочемъ несравненно менѣе удачно и складно выражаемыми, нежели въ письмѣ Россета.

теперь лгутъ проповѣдники и авторы, скоро и имъ перестанутъ вѣрить, если еще вѣрятъ, исключая старыхъ бабъ изъ Faubourg 51, Germain; кому тамъ будутъ вѣрить, одинъ Богъ знаетъ. У насъ не то; у насъ литература только начала чепуху молоть и лгать; ей еще вѣрятъ, и она еще дѣйствуетъ; иначе не объяснить себѣ, почему, при совершенномъ отсутствіи талантовъ, публика такъ добродушно приняла на себя роль дойной коровы — кормить своихъ козловъ тысячами и тысячами подписчиковъ. Прочтите одну страничку главнаго представителя „Отеч. Записокъ" — и вы вмигъ смекнете о духѣ господствующей нашей литературы. Вонь эта — разумѣется, въ предѣлахъ и очень въ предѣлахъ, ибо боится,—вселила, однако, уже порядочную долю той гордости ума, о которой вы говорите въ одномъ письмѣ. Вотъ первая причина, почему самое ваше направленіе, ваши начала не одобрены были вашею же публикою. Она прочла вашу книгу, вспомнила прочитанную ею наканунѣ трескотню и сказала: „нѣтъ, Гоголь не нашъ братъ, онъ отсталый и запоздалый, не слѣдуетъ ни идеямъ вѣка, ни успѣхамъ просвѣщенія, ни современному состоянію науки и прочимъ пустымъ и пошлымъ фразамъ, которыя примѣняются ко всему, не объясняютъ ровно ничего, но въ головахъ публики молодой и школьной оставляютъ гордый сумбуръ ума. Впрочемъ это относится собственно къ направленію; всякое, тѣмъ болѣе ваше, должно было встрѣтить противниковъ. Дѣло въ томъ, почему впечатлѣніе настоящей книги было *ничтожно* (на публику, а не на лица), тогда какъ прежнихъ сочиненій было значительно и такъ значительно, что если поразобрать хорошенько, не въ васъ ли (хотя невольно и Богъ знаетъ какъ случилось) надо искать и начальную разгадку современнаго духа нашей литературы. Вы первый пустили въ литературу сатиру надъ всѣмъ, что̀ Русью пахнетъ, — и увлекли. Случилось событіе безпримѣрное въ литературѣ, и у насъ ни къ селу, ни къ городу: сатира стала господствовать; все бросилось смѣяться надъ всѣмъ, а осмѣяніе прямой проводникъ къ неуваженію, къ утратѣ святого чувства — признавать святое смѣшнымъ и къ пренебреженію всего. Никто изъ нашихъ писателей не высказывался вполнѣ; духовная его сторона, религіозныя убѣжденія, оставались тайной, исключая развѣ Карамзина, который не проповѣдывалъ прямо христіанство, не говорилъ о церквахъ, о

нашей церкви, но выразился православнымъ, т.-е. просто христіаниномъ безъ примѣси, хоть бы даже и очень умной, и безъ фанатизма. Вы первый свѣтскій писатель выступили съ рѣшительнымъ религіознымъ направленіемъ и должны были тѣмъ сильнѣе поразить всѣхъ, что ваше прошлое не позволяло предполагать такого направленія Что̀ ни говори, а перейти прямо съ Хлестакова и Чичикова на Христа и душу — озадачитъ хоть кого. Вы пренебрегли и прошлымъ нашихъ писателей и вашимъ прошлымъ, и тѣмъ, что у насъ привыкли видѣть человѣка говорящаго о Христѣ въ рясѣ, а не во фракѣ, и выступили прямо учителемъ, да какимъ учителемъ! прямымъ проповѣдникомъ съ самымъ доктринернымъ тономъ, почти безъ апелляцій, котораго совѣтовъ всѣ спрашиваютъ и, получивъ, только слушаютъ и благодарятъ. Тонъ этотъ иныхъ удивилъ, другихъ оскорбилъ, третьи надъ нимъ посмѣялись и причислили къ числу тѣхъ странностей и причудъ, о которыхъ скажу послѣ. Вотъ вторая причина, почему вліяніе книги было ничтожно. Вяземскій, которому вообще ваша книга понравилась, первое что̀ сказалъ мнѣ: „о Гоголѣ надо сказать то, что̀ сказалъ Суворовъ о Екатеринѣ: „Суворовъ можетъ всегда говорить о Екатеринѣ, Репнинъ — иногда, Курисъ — никогда“. Говоря о Христѣ, свѣтскому писателю — мѣсто Репнина.

Въ книгѣ вашей вы выступаете прежде всего христіаниномъ. Какимъ путемъ пришли вы къ Христу? — путемъ болѣзни. Путь очень дѣйствительный для насъ съ вами, слабый для другихъ. Убѣждать человѣку больному человѣка, который, слава Богу, здоровъ [1]), самое ненадежное средство. Каждый знаетъ, что болѣзнь и старость прибѣгаетъ часто къ Христу и имъ утѣшаются; каждый говоритъ, что они хорошо дѣлаютъ, и каждый остается въ ожиданіи, когда его постигнетъ то или другое. Чѣмъ увлекали вы публику въ прошлыхъ сочиненіяхъ? Обиліемъ жизни и внутренней силы; до мелочи касались, а читатель былъ весь вашъ. — Какой господствующій тонъ настоящей книги? Тонъ болѣзненной слабости тѣлесной, разстройства нервическаго, напуганнаго воображенія, душевной скорби, какого-то унынія, тяжелаго для читателя, когда оно

---

1) Слова эти любопытны, такъ какъ въ нихъ Россетъ приписываетъ новое направленіе Гоголя вліянію его болѣзненнаго состоянія.

длится почти безъ отдыха отъ первой страницы до послѣдней. Мнѣ кажется, что, представляя христіанство въ настоящемъ его духѣ, въ духѣ свѣта, крѣпости и силы, нынѣ скорѣе обратишь человѣка ко Христу. Когда выступитъ наша церковь, просвѣтлитъ или высвѣтлитъ всего насквозь намъ человѣка (эта страница ваша просто прелесть), человѣкъ этотъ выразится намъ въ противоположной вамъ формѣ. Онъ покажетъ намъ примѣромъ, что человѣкъ можетъ жить въ мірѣ Христомъ и для Христа, и потому именно, что сумѣетъ жить для одного Христа, будетъ жить съ всегда свѣжими, добрыми силами, безъ унынія и безъ страха, ибо любовь, по словамъ Павла, „изгоняетъ страхъ". Никто изъ св. отцовъ такъ много и такъ прекрасно не говорилъ о покаяніи, какъ Ефремъ Сиринъ и Іоаннъ Лѣствичникъ. Прочтите у Іоанна самый плачъ, начинающійся словами: „плачъ есть златое жало нашей души"; онъ умилитъ васъ, но подыметъ, дастъ вамъ силы не пугаться страшнымъ разстояніемъ отъ земли до неба, покажетъ, что сладко быть христіаниномъ, и тѣмъ дѣйствительнѣе возбудитъ желаніе приблизиться къ Христу. Избави насъ, Боже, отъ проповѣди духовной и свѣтской, если она сама только стонетъ, а другихъ только пугаетъ; такая проповѣдь дѣйствуетъ только на воображеніе и производитъ лишь религіозныхъ католическихъ дамъ, которымъ если бы сказалъ кто-нибудь навѣрное: „все будущее вздоръ — нѣтъ Бога!" — онѣ едва ли не сказали бы: „и слава Богу!" Мѣста, которыя наиболѣе въ вашей книгѣ нравились, суть мѣста, гдѣ вы выказывали силу и вызывали другихъ бодро дѣйствовать на поприщѣ каждаго; напротивъ того говорите о себѣ, о страданіяхъ, скорбите, жалуетесь, — тамъ вниманіе читателя обращалось на васъ и возбуждало безплодное чувство соболѣзнованія къ вамъ, вовсе для васъ не нужнаго. Къ сожалѣнію, первыхъ мѣстъ менѣе; общій тонъ — слабость, уныніе — и вотъ третья причина, почему впечатлѣніе книги было ничтожно. Наконецъ причуды и странности. Онѣ ужъ слишкомъ ярко васъ выставили и убили книгу. Вы могли пренебречь приличіями, литературными обычаями, презрѣть общимъ мнѣніемъ, но не должны были, ради пользы самой книги, пренебречь слабостью человѣка. — Какъ быть, а человѣкъ ужъ такъ созданъ, что, посмотрѣвъ на солнце, заговоритъ объ этихъ пятнахъ. Что дѣлаютъ съ солнцемъ, то дѣлаютъ и съ вашей

книгой. На вопросъ: „читалъ ли Гоголя?“ — каждый помимо всего заговоритъ о завѣщаніи, публичной исповѣди, портретѣ, посмертныхъ памятникахъ, просьбѣ раскупать книгу, раздавать ее всѣмъ и проч. и проч. Каждый или жалѣетъ, если добръ, что въ книгу прекрасную попали странности, или подшучиваетъ, если веселаго нрава, или задаетъ себѣ вопросъ: „неужели свѣтскій писатель, если заговоритъ о Христѣ, не дѣлается весь христіаниномъ, не можетъ быть просто христіаниномъ, а вмѣстѣ чудакомъ и оригиналомъ?“ Не знаю никого даже изъ вашихъ почитателей самыхъ снисходительныхъ, которые бы не желали, чтобы этихъ странностей не было въ книгѣ. Мало, очень мало людей, которые бы не только на книгу, даже на картину, смотрѣли съ чувствомъ предубѣжденія къ хорошему, умѣли бы пользоваться ея красотами, забывая о ея недостаткахъ, которые бы примѣнили съ пользою при чтеніи совѣтъ Жуковскаго при воспоминаніи объ утраченныхъ людяхъ: „не говори съ тоской ихъ нѣтъ, а съ благодарностію — были“. По-моему, писатель долженъ знать эту слабость и не пренебрегать ею.

Вотъ вамъ, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, описаніе рѣчей мною слышанныхъ или лучше выводъ изъ слышаннаго. Прошу васъ думать, что̀ мнѣ это стоило: мнѣ было бы гораздо пріятнѣе написать то, что̀ вамъ пріятно бы было читать. Я могъ бы написать, назвать поименно, какъ нѣкоторые были въ истинномъ восторгѣ, не зная васъ вовсе, полюбили и не промѣняли бы настоящую вашу книгу на все ваше прежнее. Но это лица, отдѣльныя лица; впечатлѣніе, на нихъ произведенное, можно было предугадать, зная ихъ образъ мыслей, ихъ любящую душу и сердце, откликающееся на все, что̀ выражено искренно, прямо отъ сердца. Кстати объ искренности; но тутъ ужъ я не отвѣчаю, а, въ свою очередь, задаю вамъ вопросъ. Скажите, отчего многіе и очень многіе въ васъ сомнѣваются, не вѣрятъ, упрекаютъ въ самолюбіи, и въ смиреніи видятъ не смиреніе, а развивающуюся гордость, и едва ли не самую ужасную гордость — гордость монаха-отшельника. Людей легко обмануть молча или не тратя словъ, а не странно ли, что, читая книгу въ триста страницъ, они составляютъ понятіе объ авторѣ совсѣмъ другое, чѣмъ есть авторъ[1]). Внутреннее ли ихъ чувство всѣхъ обма-

[1]) Новое любопытное свидѣтельство полной искренности Гоголя въ «Перепискѣ съ друзьями».

нуло, или виноватъ авторъ, дурно выразившись въ книгѣ? Этого я ужъ не понимаю и объяснить не могу.

Теперь буду отвѣчать на письмо ваше отъ 11 февраля[1]). На другой же день его полученія я съ Плетневымъ былъ у Вяземскаго, нашелъ у него Тютчева; мы прочли непозволенныя письма и положили ожидать отвѣта вашего на предложеніе Плетнева[2]) помѣстить письма въ другомъ томѣ, представилъ весь томъ Г.[3]) Онъ васъ знаетъ и вамъ дозволитъ то, чего бы не дозволилъ другому. Два письма къ графу Толстому: „нужно любить Россію“ и „проѣздиться по Россіи“, не понимаю, почему не пропущены; что̀ же касается до остальныхъ трехъ, это можно было предвидѣть. Въ письмѣ къ графинѣ В.[4]) „Страхи и ужасы Россіи“ самое заглавіе странно. Нѣтъ сомнѣнія, что на Руси много злоупотребленій сильно вопіющихъ, всѣ мы это знаемъ, и болѣе всѣхъ насъ едва ли не само Правительство, но опять видѣть страхи и ужасы — это преувеличено. Правительству же дозволять распространяться слухамъ объ ужасахъ и страхахъ едва ли, смотря на вещи съ практической стороны, было бы благоразумно. Въ письмахъ: „Что̀ такое губернаторша?“ и важнымъ лицамъ содержатся совѣты. По принятому у насъ порядку каждое служебное лицо получаетъ наставленіе отъ лица выше его стоящаго въ служебной іерархіи. Позволять частному лицу публично говорить, что генералъ-губернаторъ долженъ то дѣлать, а министръ то и то, у насъ не принято, едва ли можетъ быть допущено и даже одобрено общимъ мнѣніемъ. Но повторяю, что если вы непремѣнно желаете ихъ печатанія, отвѣчайте Плетневу: вы лучшаго и дѣятельнѣйшаго помощника не найдете; все, что̀ можно сдѣлать, онъ сдѣлаетъ, во-первыхъ потому, что изъ кожи лѣзетъ, чтобъ быть вамъ пріятнымъ (я это самъ вижу), а во-вторыхъ, имѣетъ доступъ къ лицамъ власть имѣющимъ. Я очень люблю и уважаю Віельгорскихъ, но надо знать тоже, во сколько и на что̀ ихъ хватитъ. Вы обращайтесь къ Плетневу.

---

[1]) Должно быть $^{16}/_{28}$ февраля (см. «Русск. Стар.», 1884, I, 166). Одно письмо Россета къ Гоголю напечатано въ «Русск. Обозр.», 1897, I, 1—6.

[2]) Ср. «Русск. Вѣстникъ», 1889, XI, 50

[3]) Государю.

[4]) Віельгорской; ср. «Вѣстн. Европы», 1889, XI, 110, подстрочное примѣчаніе, ср. «Русск. Арх.», 1896, III, 365.

Обращаюсь къ содержанію этихъ писемъ. Вы полагаете, что отъ того выступили въ книгѣ вы, что ихъ не напечатали, что книга вышла оглодокъ изъ общихъ мѣстъ и, главное, примѣненія общихъ мѣстъ къ дѣлу не видно и цѣль книги не достигнута. Скажу вамъ откровенно мое уже о нихъ мнѣніе, такъ какъ публика ихъ еще не знаетъ. Тутъ же кстати скажу и о впечатлѣніи вашей книги собственно на меня. Нѣтъ, не могу, никакъ не могу, тысячу разъ не могу съ вами согласиться. Въ этихъ письмахъ вы, собственно лицо ваше, выступаете еще ярче; по новости и оригинальности, съ какими вы выступаете, и по новости самыхъ предметовъ, публика еще болѣе будетъ разсуждать о васъ, а не говорить о томъ, о чемъ вы говорите. Вы претендуете въ нихъ на званіе практиканта, являясь учителемъ-знатокомъ жизни во всѣхъ ея подробностяхъ и мелочахъ, который каждаго на его поприщѣ научитъ жить, что̀ называется, благоразумно, т.-е. примѣнять общія мѣста къ дѣлу съ пользой для себя и для другихъ. Наука примѣненія не дана поэтамъ; едва ли какая истина была доказана такъ дружно, какъ доказали эту истину поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ. Вы, любезный Николай Васильевичъ, поэтъ, поэтъ прекрасный, за котораго благодарю Бога, что онъ явился въ Россіи и говоритъ роднымъ, мнѣ любезнымъ языкомъ; поэтъ, единственный другъ мой, который никогда въ жизни со мной не разлучается; онъ преобразился въ книгу и сидитъ всегда при мнѣ, у меня на полкѣ, раздѣленный только Пушкинымъ отъ той великой книги, которая всѣхъ насъ учитъ, всѣхъ попрекаетъ, всѣмъ грозитъ, всѣхъ умиляетъ, всѣхъ утѣшаетъ, но все это дѣлаетъ общими мѣстами, предоставляя волѣ и уму-разуму каждаго примѣнять общія мѣста къ дѣлу. Будьте и вы вѣрны вашему призванію, оставайтесь на вышинѣ вамъ подобающей, выставляйте намъ наши мелочи и пошлости, осмѣивайте ихъ, упрекайте насъ ими, но сами будьте въ сторонѣ, не показывайте въ ученіи вашемъ, какъ бы вы съ ними справились. Читатель можетъ найти, что и вы бы запутались и не вышли бы сухи изъ воды, и тогда онъ потеряетъ довѣріе къ общимъ мѣстамъ; словомъ, питайте, какъ слѣдуетъ поэту, въ душѣ моей добрыя чувства; вы сами окажете или оказали уже самую большую услугу, какую можетъ оказать человѣкъ человѣку. За симъ будьте спокойны; примѣнить ихъ къ дѣлу, сладить съ мело-

чами сумѣю лучше васъ потому, что, возившись съ ними всю жизнь, лучше ихъ знаю. Положимъ, что донынѣ дѣйствовалъ я дурно; это потому, что въ душѣ не было добраго чувства; теперь умудренный и улучшенный вами, буду дѣйствовать лучше, останусь ли въ званіи артиллеріи полковника или перейду на мѣсто предсѣдателя, губернатора[1]) и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе отъ души поблагодарятъ васъ за книгу; впрочемъ сами получите письма хвалебныя и благодарственныя.

Прилагаю отрывокъ изъ письма сына Вяземскаго изъ Константинополя къ отцу. Онъ просилъ вамъ переслать его и сказать, что отзывъ сына о вашей книгѣ ему очень пріятенъ. Вяземскій въ день чтенія у него заболѣлъ, очень и очень заболѣлъ и только-что сталъ оправляться. Онъ извиняется передъ вами, непремѣнно вамъ напишетъ и напишетъ печатно[2]).

Слово о Плетневѣ. Его я знаю за честнѣйшую душу[3]) въ полномъ смыслѣ слова, и чѣмъ болѣе вижу (благодаря вамъ вижу его чаще), тѣмъ болѣе его люблю и уважаю. Жалобы объясняю одиночествомъ[4]): онъ имѣлъ друзей — ихъ не стало; искалъ другихъ — они его не отталкивали, но сблизиться съ ними — не могъ[5]), потому что, не зная французскаго языка, — нѣмъ. Жизнь многихъ людей въ Россіи объяснимъ себѣ только тѣмъ, что они не воспитаны на русско-французскій манеръ. Странно это, жалко, — но справедливо. Повторяю, что Плетневъ, особенно для васъ, — золото: много онъ выстрадалъ, слушая толки о васъ послѣднее время; оскорбить вамъ его будетъ грѣхъ.

---

[1]) А. О. Россетъ былъ въ самомъ дѣлѣ впослѣдствіи губернаторомъ въ Вильнѣ.

[2]) Было напечатано въ «С.-Пб. Вѣдомостяхъ», №№ 90 и 91, перепечатано въ соч. Вяземскаго, 1879 г., т. II, стр. 313—330, съ припиской 1876 г., тамъ же стр. 330—334; см. еще отзывъ кн. Вяземскаго о «Перепискѣ» «Русск. Арх.», 1872, стр. 1328—1329.

[3]) Это единодушный отзывъ о Плетневѣ.

[4]) См. «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 42—48.

[5]) Россетъ ошибался: Плетневъ имѣлъ друга въ лицѣ Я. К. Грота, котораго онъ часто ставилъ Гоголю въ образецъ («Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 35, 62 и проч.). Сходныя мысли о своемъ одиночествѣ Плетневъ высказывалъ въ письмѣ отъ 23 марта 1851 г., при чемъ, вспоминая объ отшедшихъ друзьяхъ, сравнивалъ съ ними Гоголя и говорилъ: «у нихъ правда не было по цѣлому свѣту другихъ друзей, какъ у тебя» («Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 65).

Въ заключеніи прошу васъ именемъ искреннѣйшей любви моей къ вамъ и преданности простить меня, если за наслажденіе, вами мнѣ доставленное, отплачиваю вамъ письмомъ черствымъ и вздоромъ. Вполнѣ допускаю, что, быть можетъ, я ошибся. Божусь вамъ, я бы этого желалъ, а торжество вашего направленія въ Россіи, вашихъ началъ, вашего взгляда для меня столь же дорого, сколько и вамъ, ибо люблю Россію не менѣе васъ, а въ нихъ счастье Россіи".

Примѣч. А. О. Россета. „Сверхъ сего Плетневъ продалъ журналъ Никитенкѣ; Пушкина затѣяла съ нимъ родъ процесса за право продажи. Случилась непріятная исторія; его это оскорбило и было причиной жалобъ и намековъ на людей, на коихъ онъ вамъ намекалъ. Обнимаю васъ. Ар. Россетъ".

Въ числѣ другихъ любопытны также два письма къ Гоголю неизвѣстнаго намъ К. Маркова, изъ которыхъ въ одномъ онъ предостерегалъ Гоголя отъ ложной идеализаціи героевъ послѣднихъ томовъ „Мертвыхъ Душъ", а въ другомъ — отъ лишней идеализаціи о. Матвѣя. Къ какому времени относится первое письмо — намъ въ точности неизвѣстно [1]); второе же, несомнѣнно, къ концу 1847 г. Приводимъ здѣсь оба эти письма.

Первое письмо К. Маркова Н. В. Гоголю (1847).

„Милостивый Государь, Николай Васильевичъ! Искренность, которою дышатъ мысли ваши въ предисловіи ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ", ободряетъ меня воспользоваться вызовомъ вашимъ сказать вамъ мое мнѣніе о вашемъ твореньѣ.

„Странно было бы, если бы вы сочли мнѣніе двухъ-трехъ журналистовъ мнѣніемъ обыкновеннымъ; да и на послѣднее нельзя еще положиться теперь, ибо поэма ваша застала публику, привыкшую смотрѣть на литературныя произведенія съ *стереотипной* точки зрѣнія; поэма ваша, говорю, застала ее врасплохъ и она сама еще не можетъ себѣ дать отчета, что̀ это такое. Что-то недурно, думаетъ она, но какъ-то странно, прибавляетъ она тутъ же и вмѣстѣ съ тѣмъ съ жадностью подстерегаетъ выходъ всякаго новаго произведенія

---

1) Такъ какъ въ этомъ письмѣ упоминается о предисловіи ко 2 изданію «М. Д.», вышедшему одновременно съ «Выбранными мѣстами». (Соч. Гог., изд. X, т. III, 503), то мы и относимъ его къ 1847 г.

вашего. Однимъ словомъ, вся наша литература сосредоточена въ Гоголѣ для публики.

„Но скорѣе къ дѣлу: такъ какъ поэма ваша еще не кончена, то собственно нельзя почти и сказать о ней своего мнѣнія; однакоже я скажу, и вотъ почему: при разборѣ всякаго произведенія я смотрю на двѣ вещи — первое на характеры, второе — на сюжетъ. Послѣднее для меня есть статья второстепенная. Чтò значитъ сюжетъ — исключительный случай! Онъ можетъ быть занимателенъ или нѣтъ, но человѣка изъ него не узнаешь. Иное дѣло — характеры: въ нихъ вся заслуга писателя. Дайте мнѣ хотя одинъ глубоко задуманный характеръ, и я придумаю десять поступковъ (или романовъ), на которое это лицо будетъ способно. Безъ него же всякій романъ не выше водевиля. Большинство публики, взращенное въ старыхъ понятіяхъ о литературныхъ произведеніяхъ, во всѣхъ вашихъ сочиненіяхъ смотритъ главнѣйше на содержаніе ихъ, пропуская характеры, и находитъ во многихъ, напр. „Ревизорѣ“ и даже „Мертвыхъ Душахъ“, несообразности, неправдоподобіе, преувеличенье, забывая, что сама же эта публика превозноситъ Мольера въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ сюжетъ основанъ на нелѣпыхъ переодѣваньяхъ и самыхъ неестественныхъ столкновеніяхъ. Это происходитъ отъ того, что съ дѣтства намъ натолковали, что Мольеръ — геній. Надо сказать правду, публика наша разсуждать много не любитъ, а напротивъ любитъ пожить чужимъ умомъ.

„Въ вашихъ сочиненіяхъ первое условіе, т.-е. изображеніе характеровъ, имѣетъ для насъ, русскихъ, двойную цѣну, ибо вы изображаете характеръ *русскаго человѣка*. Съ этой главной стороны вашу поэму я считаю уже оконченною, и вотъ причина, почему я рѣшаюсь сказать о ней свое мнѣніе теперь же, но не въ частностяхъ, а въ цѣломъ. Первая часть „Мертвыхъ Душъ“ изображаетъ темную сторону русскаго общества — такъ полагаютъ всѣ, читавшіе поэму; иные же напротивъ думаютъ, что это картина не худой стороны, но вообще русскаго общества, и крайне этимъ недовольны. Справедливо ли это мнѣніе или нѣтъ — еще рѣшить нельзя, ибо мы не знаемъ, чтò будетъ дальше, хотя въ предисловіи намекается на зрѣлище болѣе утѣшительное въ продолженіе поэмы. Но, признаюсь вамъ, *вы задумали планъ громадный и опасный*. Изъ превосходнаго творенія можетъ выйти

избитая исторія, а, можетъ быть, еще болѣе превосходное твореніе.

„Если вы хотите представить общество русское, *какъ оно есть,* то хорошая сторона его существуетъ и изображеніе его въ вашемъ романѣ неизбѣжно; но если вы выставите *героя добродѣтели,* то романъ вашъ станетъ на ряду съ произведеніями старой школы. Не пересолите добродѣтели Изобразите намъ русскаго человѣка, но въ каждодневномъ его быту, а не исключительное лицо, которыя встрѣчаются у всѣхъ народовъ. Изобразите намъ хорошаго русскаго человѣка, такъ, какъ вы изобразили *пошлаго* въ первой части, т.-е. безъ преувеличенія, а такого, какимъ мы его встрѣчаемъ на каждомъ шагу, *не героя пошлостей,* а просто пошлаго человѣка, ибо вы согласитесь, что ни Маниловъ, ни Собакевичъ и др. не суть исключенія, но представители массъ. Кто знаетъ Россію только по столичнымъ гостинымъ, тотъ найдетъ ихъ уродами, а кто жилъ въ Россіи, тотъ назоветъ ихъ русскими.

„Однимъ словомъ, хорошая сторона нашего общества должна быть въ вашей поэмѣ для полноты картины, но отнюдь не для утѣшенія читателя, какъ дѣлалось въ старину, или какъ даютъ въ театрѣ дивертисменты послѣ трагедіи, чтобы отвести душу. Спрашиваю, для чего мнѣ утѣшительныя лица въ романѣ. Развѣ для меня не утѣшеніе уже то, что, видя передъ собою презрѣнныя существа, я говорю себѣ: „слава Богу, что я не такой!“ Вотъ лучшее впечатлѣніе, которое можетъ произвесть писатель въ читателѣ — и неужели это неутѣшительно?

„Писатель долженъ изображать свой предметъ, *какъ онъ есть*, и не думать о впечатлѣніи на читателя, ибо оно зависитъ совершенно отъ самого читателя. Случалось ли вамъ присутствовать при торговой казни какого-нибудь отъявленнаго мошенника? Мнѣ случалось, и я прислушивался къ народнымъ толкамъ. Исправникъ читаетъ описаніе злодѣйства подсудимаго. Иной крестится, когда чтецъ скажетъ: „обокралъ церковь“; другой говоритъ: „эка, мошенникъ, хорошенько бы его!“ третій думаетъ: „эка, молодецъ! и рожа-то какая хватская; жаль, что попался!“ иная баба и поплачетъ, да вмѣстѣ подниметъ трехлѣтняго ребенка, чтобы посмотрѣлъ — для курьезу или для примѣра, неизвѣстно; у иного пропадетъ охота самому пуститься на дурное дѣло, которое, можетъ быть, уже и замышлялъ; а у десятаго по непостижимому свойству

натуры человѣческой, можетъ быть, возгорится тутъ же желаніе пойти по слѣдамъ преступника. Точно то же совершается и въ душѣ читателя. Можетъ быть, найдутся люди, которые назовутъ Плюшкина человѣкомъ положительнымъ[1]) и основательнымъ. Иной подумаетъ: „да смѣйтесь надъ нимъ, а у него денегъ до чорта!“ „Кому-нибудь и Ноздревъ покажется славнымъ малымъ, а про Чичикова не одинъ скажетъ: „уменъ бестія!“ Старайтесь же послѣ этого дѣйствовать благодѣтельно на общество вѣрнымъ его изображеніемъ. Мнѣ кажется, мораль никогда не должна быть цѣлью писателя, а главное — онъ никогда не долженъ выставлять на видъ свою мораль. Взявъ изъ жизни характеры, онъ долженъ ихъ заставить дѣйствовать такъ, чтобы вовсе не было замѣтно участіе писателя. Лица должны какъ бы совершенно отдѣлиться отъ него и поступать не зависимо, но въ смыслѣ своихъ характеровъ; точно такъ, какъ будто бы писатель былъ самъ невиноватъ, что они такъ дѣйствуютъ. Иначе произведеніе будетъ походить на кукольную комедію, и такъ и подмываетъ сказать писателю: „спрячьте руки; зрителямъ видно. какъ вы передвигаете куклы“. Въ этомъ отношеніи „Мертвыя Души“ суть совершенство. У обыкновенныхъ писателей характеры поясняются сюжетомъ; для сюжета придуманы характеры. У васъ напротивъ; можно сказать, что всѣ дѣйствующія лица еще почти не сдѣлали шагу для развитія сюжета, но уже обрисованы самымъ полнымъ образомъ, и прочитавъ первую только часть, думаешь, что роману конецъ. Остается только развязка анекдота. Для иныхъ это главное“.

Второе письмо К. Маркова — Н. В. Гоголю. 20 ноября (1847 г.). Москва.

„Милостивый государь, Николай Васильевичъ! Въ 1846 г. вы препроводили къ ржевскому протоіерею отцу Матвѣю экземпляръ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ при письмѣ, въ которомъ просили его разрѣшить нѣкоторые вопросы изъ богословія, но, сколько мнѣ извѣстно, отвѣта не получили. Не желая, чтобы вы безвинно укорили достойнаго священника въ невѣжливости, я взялъ намѣреніе объяснить причину его молчанія. Въ то время, какъ онъ получилъ

---

[1]) Авторъ письма, очевидно, смѣшиваетъ здѣсь выраженія: положительный типъ и положительный человѣкъ.

ваше письмо, я находился въ Ржевѣ. Такъ какъ увѣдомленіе ваше, куда адресовать вамъ отвѣтъ, было написано по-французски, а отецъ Матвѣй не знаетъ этого языка, то онъ просилъ одного изъ своихъ знакомыхъ перевести ему адресъ вашъ. Знакомый его, увидѣвъ вашъ автографъ, упросилъ его взять письмо къ себѣ на домъ подъ предлогомъ трудности перевести адресъ безъ помощи словаря и ученыхъ справокъ (sic). Когда письмо ваше вышло такимъ образомъ изъ рукъ отца Матвѣя, то смѣтливый переводчикъ разгласилъ его по всему уѣзду и на запросъ владѣтеля его отвѣчалъ, что его *зачитали*. Изъ этого вы ясно видите, что причина молчанія отца Матвѣя заключалась въ незнаніи вашего адреса. Онъ очень соболѣзновалъ объ этомъ случаѣ, и мнѣ извѣстно, что онъ намѣревался отвѣчать на ваши вопросы пространно и съ особенною ревностью. Не лишнимъ считаю сказать вамъ мое мнѣніе о немъ. Сколько мнѣ извѣстно — вамъ рекомендовалъ его графъ Толстой, но, вѣроятно, преувеличилъ его достоинства. Какъ человѣкъ, онъ дѣйствительно заслуживаетъ уваженія; какъ проповѣдникъ, онъ замѣчателенъ — и весьма; но какъ богословъ — онъ слабъ, ибо не получилъ никакого образованія. Съ этой стороны я не думаю, чтобы онъ могъ разрѣшить сколько-нибудь удовлетворительно ваши вопросы, если они имѣютъ предметомъ не чистую философію, а богословскія тонкости.

„По моему мнѣнію, религія есть наука, и я не признаю возможности существованія слѣпой, неразсудительной вѣры въ здравомыслящемъ человѣкѣ. Всѣ наши христіанскія вѣрованія основаны на историческихъ доводахъ; они *доказаны*, слѣдовательно мы вѣримъ *не на слово*, а вслѣдствіе или, лучше сказать, помощью науки. Всѣ великіе богословы были не фанатики, но глубоко-ученые люди, и можно сказать, что только помощью науки церковь до сихъ поръ разрушала заблужденія софистовъ. Подъ словомъ наука я разумѣю не разгадку непостижимыхъ истинъ, а только достовѣрность христіанскихъ фактовъ. Но въ этомъ все и состоитъ.

„Человѣкъ идетъ ложнымъ путемъ, если условіемъ вѣры поставляетъ — постижимость, а за невозможность *постичь* фактъ — отвергаетъ и самый фактъ. Къ тому же въ ежедневной жизни нашей мы вѣримъ на каждомъ шагу, не понимая причины, а видя фактъ. Развѣ мы понимаемъ зачатіе

младенца, жизнь утробную и самый процессъ родовъ? Это такъ чудесно, такъ непостижимо, что если бы мы не видѣли этого явленія ежедневно, то почли бы это нелѣпостью и самою чудовищною. Итакъ повторяю — докажите истину факта — и вѣра явится сама собою; но для этого нужна наука, а безъ нея всякое разсужденіе будетъ одно пустословіе, могущее удовлетворить женщинъ и суевѣрный умъ, а не истиннаго христіанина.

„Отецъ Матвѣй можетъ говорить о важности постовъ, необходимости покаянія, давно извѣстныхъ предметахъ, но тщательно избѣгаетъ трактовать о сюжетахъ чисто богословскихъ и не можетъ даже объяснить двѣнадцати догматовъ нашихъ, т.-е. членовъ Символа вѣры, а въ истинномъ понятіи ихъ и заключается христіанство, ибо добродѣтель была проповѣдуема всѣми народами“ [1]).

Наконецъ приведемъ письма къ Гоголю Прокоповича. Н. Я. Прокоповичъ — Н. В. Гоголю. С.-Петербургъ. 12 мая 1847 г. [2]).

„Я получилъ твое письмо изъ Неаполя, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, и не отлагая въ долгій ящикъ, принимаюсь за отвѣтъ. Напрасно ты приписываешь молчаніе мое предполагаемой будто бы мною перемѣнѣ въ тебѣ. Совсѣмъ нѣтъ; я не писалъ тебѣ просто потому, что не получалъ отъ тебя отвѣтовъ и не зналъ, куда адресовать къ тебѣ. Что̀ касается до перемѣнъ, то какія бы онѣ ни были, онѣ не властны измѣнить моихъ чувствъ къ тебѣ. Есть лица, которыя такъ много значатъ въ жизни нашей, что даже самыя, повидимому, коренныя измѣненія въ нихъ не могутъ имѣть на насъ никакого вліянія. Что̀ намъ за дѣло до того, что они измѣнились? Пусть объ этомъ судятъ тѣ, до кого это касается; мы остаемся къ нимъ всегда одними и тѣми же. Ты одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, къ которымъ жизнь и обстоятельства поставили меня именно въ такія отношенія,

---

[1]) Было еще письмо къ Гоголю отъ Малиновскаго, о которомъ упоминаетъ Шевыревъ въ п. отъ $^{14}/_{26}$ іюня 1847 г. (См. Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893 г., стр. 50). Изъ этого же письма видно, что Гоголю собирался отвѣтить и Щепкинъ, но онъ «находился подъ разными вліяніями издателей «Современника».

[2]) Отвѣтъ на письмо Гоголя отъ 28 апрѣля 1847 г. («Русск. Слово», 1859, I, 134); другое письмо Прокоповича къ Гоголю, относящееся къ этому году, уже было напечатано въ «Русск. Стар.», 1889, I, 145; см. ниже, стр. 558—559.

и перемѣны въ тебѣ, хотя бы онѣ и были, не могутъ перемѣнить моихъ чувствъ къ тебѣ[1]).

„Ты просишь меня сообщить тебѣ изустные толки о твоей послѣдней книгѣ между чиновниками средней руки и всѣми сортами учителей. Признаюсь, теперь всего менѣе ожидалъ я подобной просьбы отъ тебя: что̀ имѣло смыслъ и значеніе въ отношеніи прежнихъ твоихъ сочиненій, то въ настоящемъ случаѣ похоже, по моему мнѣнію, на какое-то безполезное любопытство. Вѣдь подобнаго рода книга можетъ быть написана или вслѣдствіе убѣжденія, или вслѣдствіе неубѣжденія. Въ первомъ случаѣ, что̀ тебѣ за дѣло до толковъ чиновниковъ всѣхъ рукъ и учителей всѣхъ сортовъ?[2]). Дѣло твое сдѣлано, слово сказано; слово сказано не для одного доставленія пріятнаго занятія уму и вкусу — слово сказано для распространенія пользы душѣ и для поученія людямъ, для прочнаго дѣла жизни, чтобы снять съ души хоть часть суровой отвѣтственности за безполезность прежде написаннаго...

„На что̀ же тебѣ знать невинную болтовню чиновниковъ за преферансомъ или мимоходомъ сказанное слово бѣднымъ труженикомъ науки? Что̀ въ нихъ тебѣ? Имъ не ускорить созрѣванія плодовъ посѣяннаго тобою слова, да и не замедлить его! Не эти толки важны для творенія, имѣющаго значеніе, какое ты самъ указалъ ему, для творенія, вылившагося изъ глубоко убѣжденной души въ минуты ея просвѣтлѣнія. Для него важны не толки, а безпристрастный судъ и правдивый приговоръ будущей исторіи литературы русской. Во-второмъ случаѣ, т.-е. если книга твоя написана вслѣдствіе неубѣжденія, опять-таки не могу понять, къ чему тебѣ знать различные

---

[1]) Это благородное убѣжденіе Прокоповича раздѣляли не всѣ школьные товарищи Гоголя: одинъ изъ нихъ, какъ мы слышали, не принялъ Гоголя, когда послѣдній заѣхалъ къ нему по старой памяти въ Петербургѣ вскорѣ по выходѣ «Переписки съ друзьями» въ 1848 г. По слухамъ Гоголь, пораженный отказомъ, не могъ сдержать себя и зарыдалъ тутъ же у двери. Этотъ случай потомъ разсказывался будто бы съ каѳедры студентамъ этимъ товарищемъ Гоголя. Надѣемся, что слухъ не вѣренъ.

[2]) Отвѣтъ на эти строки находимъ въ письмѣ Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу отъ 20 іюня 1847 г. «Тебя удивляетъ, зачѣмъ я очень жаденъ слышать о моей книгѣ. Затѣмъ, что я очень жаденъ знать людей, а въ толкахъ только о моей книгѣ все-таки болѣе или менѣе обрисовывается передо мною человѣкъ» и проч. («См. П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 512).

толки: книга, говорятъ, раскуплена, а такое извѣстіе удовлетворительнѣе всѣхъ толковъ.

Но все это я сказалъ такъ, между прочимъ, а желаніе твое исполню; и чтò знаю, то сообщу безъ утайки; повторяю только, что это ни къ чему не поведетъ и не послужитъ, развѣ только для удовлетворенья любопытства. Ни одна изъ книгъ, выходившихъ на русскомъ языкѣ, не производила такихъ разнообразныхъ и противоположныхъ другъ другу толковъ въ той части публики, мнѣніемъ которой ты интересуешься, какъ твоя „Переписка". Но все это разнообразіе можно раздѣлить на три категоріи, имѣющія, въ свою очередь, различныя подраздѣленія.

Одни считаютъ тебя ни больше, ни меньше, какъ святымъ человѣкомъ, для котораго такъ и распахнулись двери рая въ будущей жизни, покупаютъ твою книгу и, слѣдуя твоему совѣту, дарятъ ее нуждающимся въ благодати или въ хлѣбѣ насущномъ. Другіе приписываютъ изданіе твоихъ писемъ разсчету. Въ этомъ классѣ встрѣчается болѣе всего подраздѣленій, и догадки о цѣляхъ, руководящихъ тобою, идутъ отъ простой денежной выгоды до такихъ соображеній и плановъ, какіе тебѣ, конечно, и въ голову не могли прійти[1]). Третьи относятъ все къ разстройству твоего здоровья и оплакиваютъ въ тебѣ потерю геніальнаго писателя. Я слышалъ даже, что кто-то изъ этихъ переплелъ твою книгу съ чаромутіемъ нашего чудака Лукашевича, вышедшимъ будто нарочно одновременно съ твоею „Перепискою"[2]). Вотъ все, чтò могу сообщить тебѣ о различныхъ мнѣніяхъ и толкахъ, которые доводилось мнѣ слышать.

Ты пишешь, что Данилевскій спрашиваетъ тебя обо мнѣ, не имѣя отъ меня никакого извѣстія[3]). И тутъ та же причина моего молчанія: я не знаю, гдѣ онъ; онъ не отвѣчалъ на послѣднее письмо мое: куда же я буду писать? И дурно, что ты не написалъ мнѣ его адреса. А между тѣмъ я все

---

[1]) Была даже молва о томъ, будто Гоголь «Перепиской с друзьями» хотѣлъ пробраться въ воспитатели великихъ князей.

[2]) «Чаромутіе, или священный языкъ маговъ, волхвовъ и жрецовъ, открытый Платономъ Лукашевичемъ, съ прибавленіемъ обращенныхъ имъ же въ первую исторію (sic) чаромутія и черной исторіи языковъ русскаго и другихъ славянскихъ и части латинскаго». Петрьгородъ 1846. (См. «Лицей кн. Безбородко», изд. 2, LVI).

[3]) Данилевскій былъ очень неисправенъ въ перепискѣ.

тамъ же, на томъ же мѣстѣ, въ томъ же уголкѣ, который нѣкогда радушно принималъ тебя и готовъ всегда принять, если только ты не побрезгаешь въ немъ пріютиться.

Благодарю тебя за вопросъ твой о моемъ житьѣ-бытьѣ и о моихъ домашнихъ. Живемъ понемногу, по крайней мѣрѣ здоровы. Число дѣтей не превышаетъ, слава Богу, полдюжины; нужды кое-что и превышаютъ, ну, да что̀ объ этомъ! Весь твой Прокоповичъ".

Н. Я. Прокоповичъ — Н. В. Гоголю 27 іюня 1847 г.

„Я нѣсколько виноватъ передъ тобою, что не извѣстилъ тебя въ прошломъ письмѣ объ отъѣздѣ Бѣлинскаго за границу; тогда письмо твое къ нему не прогулялось бы понапрасну сюда. Но все равно, оно отправилось по первой же почтѣ къ нему въ Силезію въ Зальцбрунъ, откуда ты, вѣроятно, и получишь отъ него отвѣтъ.

„Эта поѣздка была необходима для Бѣлинскаго: только отъ нея одной зависитъ спасеніе жизни его, бывшей, въ продолженіе послѣдней зимы, не одинъ разъ на волоскѣ и сохранившейся въ противность всѣхъ правилъ и приговоровъ медицины.

„Пользуясь твоимъ названіемъ, я прочиталъ письмо твое къ нему. Мнѣ кажется, ты очень ошибаешься, воображая, что статью свою Б. написалъ, принявъ на свой счетъ нѣкоторыя выходки твои вообще противъ журналистовъ. Зная Бѣлинскаго давно, я не могу не быть увѣреннымъ, что ниодна строчка его не назначалась мщенію за личное оскорбленіе. Почему не судить проще и не принимать всего сказаннаго имъ встрѣчѣ совершенно противоположныхъ другъ другу убѣжденій, искреннихъ въ немъ, и, конечно, не притворныхъ и въ твоей книгѣ? Бѣлинскій не говорилъ хладнокровно о прежнихъ твоихъ сочиненіяхъ: могъ ли онъ говорить хладнокровно и о послѣднихъ? Впрочемъ, онъ самъ, вѣроятно, въ отвѣтѣ своемъ выскажетъ тебѣ всѣ свои побужденія.

„Порученіе твое о появившемся здѣсь, по словамъ твоимъ, твоемъ однофамильцѣ я выполнилъ; но никакихъ слѣдовъ его здѣсь не отыскалось, никто ни о чемъ подобномъ въ Петербургѣ не слыхалъ, и не знаю, откуда къ тебѣ дошли эти вѣсти. Впрочемъ, на всякій случай я просилъ управляющаго

конторою агентства Языкова предупредить всѣхъ книгопродавцевъ, съ которыми со всѣми она имѣетъ сношенія. Весь твой Прокоповичъ".

XCVII.

Оставляя въ сторонѣ разборъ позднѣйшихъ статей о „Перепискѣ съ друзьями" и ограничиваясь ихъ перечнемъ[1]), перейдемъ къ извлеченію изъ этого произведенія данныхъ для біографическихъ цѣлей и ближайшаго знакомства съ взглядами Гоголя.

Въ ряду безсмертныхъ созданій Гоголя совершенно исключительное мѣсто занимаетъ „Переписка съ друзьями", рѣзко отличающаяся отъ остальныхъ произведеній нашего писателя въ отношеніи литературныхъ достоинствъ, — почти вовсе лишенная художественныхъ красотъ, но весьма замѣчательная съ психологической точки зрѣнія и важная для біографіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе „Переписки" должно пролить свѣтъ на многое въ литературной исторіи второго тома „Мертвыхъ Душъ". Книга стоила тяжкихъ душевныхъ страданій автору, какъ раньше, такъ особенно послѣ появленія въ свѣтъ; въ ней ярко, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся душевная жизнь его въ серединѣ сороковыхъ годовъ; на ней, поставивъ на карту свое литературное прошлое, потерпѣлъ онъ роковое пораженіе; наконецъ и до сихъ поръ она продолжаетъ по временамъ возбуждать противорѣчивые толки и даже служить нерѣдко, особенно въ послѣднее время, цѣлямъ публицистическаго свойства. Затрогивая, какъ бы то ни было, множество вопросовъ религіознаго, философскаго и общественнаго характера, она съ самаго начала принята была далеко не

---

[1]) А. Волынскій. «Литературныя замѣтки» (въ «Сѣверн. Вѣстникѣ», 1893, I, 127—170).

«Николай Васильевичъ Гоголь и его переписка съ друзьями» («Русскій Вѣстникъ», 1893, X, XI, XII, 1894, I и отдѣльное изданіе. С.-Петербургъ 1894)

«Переписка съ друзьями» — статья В. Е. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго) «Новое Слово», 1894, X, 74—114. («Загадочная книга»).

«Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», статья П. П. Полевого («Историческій Вѣстникъ», 1887 г., IV, 169—186).

«Критическіе этюды») В. Буренина, 1—47).

Н. П. Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. VIII, стр. 593—607.

спокойно и затѣмъ постоянно ускользала отъ точнаго фактическаго изученія въ безбрежную область отвлеченныхъ умозрѣній и принципіальной полемики. Признавая законное право публицистики обсуждать установленные литературные факты, мы полагаемъ, однако, небезполезнымъ и своевременнымъ устранить неизбѣжную прежде вѣроятность нѣкоторыхъ произвольныхъ толкованій и ставимъ своей задачей[1]) по возможности ввести изученіе даннаго крупнаго литературнаго явленія до извѣстной степени въ рамки осторожнаго и безпристрастнаго изслѣдованія положительныхъ данныхъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ то время, какъ оцѣнка всей предыдущей литературной дѣятельности Гоголя установилась настолько, что не допускаетъ уже никакихъ существенныхъ разнорѣчій, „Переписка“ все еще настоятельно требуетъ безпристрастнаго и разносторонняго анализа.

„Всѣ согласны въ томъ, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразныхъ толковъ, какъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ — такими словами начинаетъ Гоголь свою извѣстную „Авторскую Исповѣдь“. — *Подозрительно и недовѣрчиво* разобрано было въ ней всякое слово, и всякъ наперерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло“[2]) прибавляетъ онъ вслѣдъ за тѣмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Гоголь имѣлъ нѣкоторое основаніе жаловаться на почти единодушные и большею частью безпощадные, но при всемъ томъ совершенно несправедливые упреки въ лицемѣріи. „Къ этой „Перепискѣ съ друзьями“ — говоритъ г. Волынскій — „подходишь, смущенный сомнѣніемъ, робкимъ шагомъ, какъ къ могилѣ человѣка, котораго потрясенная, разгнѣванная толпа, въ минуту мстительнаго аффекта, яростно заклеймила именемъ изувѣра и сумасшедшаго. Подъ печальнымъ могильнымъ холмомъ покоится прахъ страстотерпца, великомученика слова, который раскрылъ когда-то передъ людьми свои мысли, чувства, всю тайну души, раскрылъ свою могучую, вдохновенную любовь къ родинѣ то въ без-

---

[1]) Говоря здѣсь въ отдѣльности о статьяхъ «Переписки съ друзьями», опускаемъ разобранное выше письмо «Историческій живописецъ Ивановъ», отмѣтивъ лишь тотъ курьезъ, что, когда Гоголь прислалъ Иванову эту статью, вырванную имъ имъ книги, Ивановъ вообразилъ, что этотъ сюрпризъ былъ ему сдѣланъ гр. Апраксиной, вовсе не заботившейся о немъ такъ много.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 241.

смертныхъ выраженіяхъ откровенной исповѣди, въ безутѣшномъ рыданіи, въ мучительныхъ крикахъ отчаянія, то въ немногихъ, простыхъ и скромныхъ словахъ — въ тихомъ шопотѣ молитвы, на колѣняхъ передъ зажженною въ углу лампадою... Въ этой книгѣ авторъ прямо глядитъ вамъ въ душу воспаленнымъ взглядомъ религіознаго страдальца, говоритъ къ вашей совѣсти языкомъ пророческаго вдохновенія и поэтическаго энтузіазма"[1]). Въ эффектной характеристикѣ г. Волынскаго слишкомъ много преувеличенія и идеализаціи; еще болѣе удаляется отъ спокойнаго, безпристрастнаго анализа г. Матвѣевъ[2]).

Роковая книга дѣйствительно возбудила горячіе и оживленные толки и вызвала яростную разноголосицу, но въ потопѣ криковъ громче всего раздавалось несправедливое негодованіе на будто бы притворное смиреніе, неискренность и фарисейство автора. Но есть одно обстоятельство, которое нельзя упускать изъ виду, потому что оно имѣетъ чрезвычайно существенное значеніе при оцѣнкѣ отношеній современной журналистики къ „Перепискѣ". Дѣло въ томъ, что появленіе въ свѣтъ „Переписки" было разсчитано на исключительное вліяніе и было намѣренно обставлено особой торжественностью, такъ что она почти до самаго выхода изъ типографіи была окружена строжайшей тайной, а затѣмъ своимъ необыкновеннымъ содержаніемъ и тономъ особенно такихъ статей, какъ предисловіе и завѣшаніе, неизбѣжно должна была поразить — и въ самомъ дѣлѣ поразила общество. Громкій трубный гласъ не могъ не обратить на себя всеобщаго вниманія, а какъ онъ былъ встрѣченъ — это совершенно зависѣло отъ общаго направленія умовъ въ данный моментъ и представляло собою естественное и неизбѣжное заключеніе изъ тѣхъ посылокъ, которыя должны бы быть из-

---

[1]) «Сѣв. Вѣстникъ», 1893 I, 142.

[2]) Въ этой характеристикѣ г. Матвѣева въ сущности съ большой аффектаціей повторено то же, что̀ проще и безъ преувеличенной апологіи было высказано еще въ 1862 г. Л. И. Арнольди: «Я видѣлъ», говоритъ послѣдній, «что Гоголь ошибся въ своихъ силахъ, ошибся въ томъ, что хотѣлъ невозможнаго, хотѣлъ разрѣшить неразрѣшимое, *хотѣлъ намъ добра и пользы,* и не зналъ, какъ за это взяться, съ чего начать и какъ кончить. И вотъ вровень *этой сильной любви, какъ плодъ долгаго мучительнаго страданія, является сперва «Переписка съ друзьями»,* а потомъ отысканные уже послѣ смерти Гоголя — 5 главъ съ непонятнымъ Муразовымъ, съ неудачнымъ Костанжогло и идеальнымъ генералъ-губернаторомъ». («Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 58—59).

вѣстны автору, если бы онъ захотѣлъ на нихъ обратить вниманіе. Книга, являясь цѣлой системой мнѣній, смѣло провозгласила извѣстное ученіе и призывала всѣхъ къ покаянію и исправленію жизни. Если бы она ограничилась спокойными теоретическими разсужденіями, если бы авторъ не имѣлъ самонадѣяннаго притязанія пересоздать весь жизненный строй, то, конечно, его „Переписка" не возбудила бы такой бури. Стоитъ только припомнить, что вѣдь Жуковскій и Гоголь во многомъ сходились и были вполнѣ солидарны въ основныхъ устояхъ своего міросозерцанія, но при всемъ томъ весьма сродныя „Перепискѣ" по духу статьи Жуковскаго вовсе не возбудили негодованія и не разожгли страстей. Именно самая постановка дѣла заставляла ожидать чего-нибудь необычайнаго, „Переписка" намѣрена была раскатами грома пронестись надъ головами современниковъ, и понятно, что на дѣлѣ она, отчасти нарушивъ ровное теченіе тогдашней литературы, вызвала сильный отпоръ.

Но главный и оскорбительнѣйшій упрекъ Гоголю въ лицемѣріи въ настоящее время долженъ быть безусловно снятъ съ памяти великаго писателя въ виду какъ строжайшаго согласія каждой мысли „Переписки" со всѣмъ, что̀ вообще выходило изъ-подъ пера Гоголя въ послѣдніе годы, такъ особенно цѣлаго ряда краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Только-что познакомившись съ содержаніемъ „Переписки" изъ присланнаго ей экземпляра, короткая знакомая Гоголя А. М. Віельгорская въ письмѣ, безъ сомнѣнія, ни въ какомъ случаѣ не разсчитывавшемъ на появленіе въ печати, говорила ему: „*Я васъ совершенно узнаю въ вашихъ письмахъ*[1]); для меня въ нихъ все просто, понятно; мнѣ кажется, что, читая ихъ, я васъ слышу, *какъ вы часто съ нами говорили,* и я вхожу въ ваше чувство, вижу вашими глазами и мыслю вашими мыслями". Такое отношеніе къ вновь вышедшей книгѣ было тѣмъ естественнѣе для А. М. Віельгорской, что она постоянно встрѣчалась съ Гоголемъ въ разныхъ городахъ за-границей въ 1844 и 1845 годахъ и много съ нимъ бесѣдовала, тогда какъ съ его сочиненіями она была знакома слишкомъ поверхностно. То же самое, только въ другихъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, стр. 119.

выраженіяхъ, писала Гоголю и сестра ея, С. М. Соллогубъ: „*Я узнала во всѣхъ вашихъ письмахъ знакомаго мнѣ милаго друга,* нѣсколько дикаго въ Баденѣ, веселаго и любезнѣйшаго въ Ниццѣ, добраго, необходимаго, но немного грустнаго посѣтителя въ Остенде. *Вы высказали вашу душу,* и мы васъ поняли, и вашъ голосъ раздался по всему любимому вами краю и нашелъ сочувствіе во многихъ сердцахъ. Но, къ несчастію, многіе васъ совершенно не поняли, и вашъ трудъ останется для нихъ безполезнымъ“[1]). Достаточно затѣмъ самаго бѣглаго знакомства съ перепиской Смирновой съ Гоголемъ, чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ несомнѣнное право распространить сдѣланное выше заключеніе и на эту искреннюю пріятельницу нашего писателя, гораздо глубже и основательнѣе введенную имъ въ свой внутренній міръ[2]). Жуковскій же, на глазахъ котораго въ значительной степени происходила предварительная работа надъ „Перепиской“, прямо говорилъ: „Когда ты мнѣ читалъ и то и другое, имѣя тебя самого передъ глазами, я былъ занятъ твоей личностью, *зная, какъ все слышанное мною, было искреннимъ выраженіемъ тебя самого*, зная, какъ ты далекъ отъ всякаго самохвальства, отъ всякаго смѣшного боготворенія“[3]) и проч.

Однимъ словомъ, если почти вся русская читающая публика, не подозрѣвавшая того, что таилось въ душѣ ея недавняго кумира, могла быть непріятно ошеломлена заподозрѣннымъ въ Гоголѣ лицемѣріемъ[4]) или, въ лучшемъ случаѣ, внезапнымъ и крутымъ нравственнымъ переворотомъ, къ которому слишкомъ неподготовленными оказались даже многіе изъ давно не видавшихъ его друзей[5]) — то съ другой сто-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 117.

[2]) Доказательствомъ этого могутъ служить также слова своднаго брата А. О. Смирновой, Л. И. Арнольди, что онъ «былъ бы пораженъ не менѣе другихъ появленіемъ въ свѣтъ «Переписки», если бы не узналъ Гоголя незадолго передъ тѣмъ изъ разсказовъ сестры». (Русскій Вѣстникъ», 1862 г., I, 54 и 57).

[3]) Соч. Жуковскаго, изд. 7, т. VI, стр. 81.

[4]) Есть, впрочемъ, извѣстіе о томъ, что публика была заранѣе приготовлена слухами къ обнаружившейся въ Гоголѣ перемѣнѣ (см. выше, стр. 477 и др.).

[5]) Недаромъ Гоголь говорилъ: «Мнѣ нужно знать, съ кѣмъ я имѣю дѣло; мнѣ нужно чувствовать и слышать тѣхъ, кому говорю; мнѣ нужно видѣть личность публики» и проч. (Соч. и письма Гоголя, VI, 311). Слова эти были сказаны еще до выхода «Переписки съ друзьями», а сходное мнѣніе Гоголь высказывалъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову въ декабрѣ 1844 г. (См. «Русская Старина», 1890, II, 419 и

роны книга показалась какъ нельзя больше понятной и совершенно согласной со всѣми завѣтными убѣжденіями автора рѣшительно всѣмъ наиболѣе интимнымъ и частымъ собесѣдникамъ Гоголя во время странствованій его за границей[1]). Между тѣмъ до какой степени было важно для спокойной и вѣрной оцѣнки настроенія писателя въ его „Перепискѣ" личное предварительное знакомство съ его взглядами и убѣжденіями, можно видѣть уже изъ того, что, передавая собственныя впечатлѣнія отъ книги, А. М. Віельгорская тотчасъ же прибавляетъ: „вы можете себѣ вообразить, какъ люди, знавшіе васъ до сихъ поръ только какъ комическаго или, по крайней мѣрѣ, какъ свѣтскаго автора, какъ они должны, читая вашу книгу, удивляться, теряться и, можетъ быть, смущаться вашей для нихъ внезапной и непонятной перемѣной"[2]). Но всего убѣдительнѣе доказывается это примѣромъ извѣстнаго піэтиста Стурдзы, который, передъ самымъ появленіемъ въ печати „Выбранныхъ мѣстъ", поразился крайнимъ несоотвѣтствіемъ между общимъ характеромъ прежнихъ произведеній Гоголя и тѣмъ изумительно-неожиданнымъ впечатлѣніемъ, которое было имъ вынесено изъ непосредственнаго знакомства съ самимъ писателемъ. Вездѣ такимъ образомъ мы встрѣчаемъ — это недоразумѣніе, являвшееся не единичнымъ и случайнымъ, а напротивъ весьма типическимъ фактомъ. Надо замѣтить, что Стурдза только однажды видѣлъ передъ тѣмъ Гоголя лѣтъ за десять, и въ самомъ дѣлѣ тогдашній Гоголь слишкомъ мало походилъ на позднѣйшаго. Но вотъ какъ самъ Стурдза разсказываетъ объ этомъ[3]): „Въ 1836 году, у подошвы Швейцарскихъ горъ и въ окрестностяхъ Берна, я увидѣлъ впервые

«Русскій Архивъ», 1890, VIII, 139). Замѣчательно также, что около времени появленія «Переписки съ друзьями» Гоголь намѣревался познакомиться съ современными повѣстями, такъ какъ въ нихъ проглядываетъ вещественная и духовная статистика Руси» (соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 245); онъ просилъ также А. О. Россета высылать ему изъ Петербурга всѣ журналы. («Русская Старина», 1884, I, 166).

[1]) Хуже понимали Гоголя, какъ видно изъ собственныхъ словъ, другіе его друзья и знакомые: напр. о Плетневѣ онъ говоритъ, что тотъ «далъ изряднаго маху, основавшись на моихъ сочиненіяхъ», (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 130 и 132), тѣмъ болѣе — о Самаринѣ: «онъ можетъ судить обо мнѣ *только предположительно*, по моимъ сочиненіямъ». (См. т. VI, 107).

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, стр. 120.

[3]) «Москвитянинъ», 1852 г., т. V, № 20, стр. 222—223.

нашего умнаго и своеобразнаго наблюдателя и живописца русскихъ нравовъ. Это было въ гостяхъ у нашего посланника Д. П. Сѣверина. Я былъ только нѣмымъ свидѣтелемъ пріятной, но мимолетной бесѣды, послѣ которой суждено было мнѣ встрѣтить опять Гоголя ровно черезъ десять лѣтъ, и гдѣ же? въ Римѣ, въ посольской православной церкви, среди умилительныхъ и возвышенныхъ молитвословій великаго пятка. По окончаніи службы, мы подошли другъ къ другу, возобновили минутное знакомство, и оно въ Римѣ же утвердилось взаимными посѣщеніями и бесѣдами лицомъ къ лицу. Тогда-то, къ моему изумленію, я нашелъ въ Гоголѣ не колкаго сатирика, не изобрѣтательнаго разсказчика и автора умныхъ повѣстей, а человѣка, стоявшаго выше собственныхъ твореній, искушеннаго огнемъ страданій душевныхъ и тѣлесныхъ, стремившагося къ Богу всѣми способностями и силами ума и сердца. Я долженъ сказать здѣсь, *что бесѣды наши въ Римѣ отразились потомъ, какъ въ зеркалѣ,* въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“.

Всего приведеннаго, безъ сомнѣнія, достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что одно изъ главныхъ осужденій Гоголя въ ханжествѣ, лицемѣріи и притворствѣ, хотя и было весьма естественно для тѣхъ, кто не зналъ его лично, тѣмъ не менѣе глубоко ошибочно. Развѣ не могъ бы тотъ же самый Стурдза также заподозрѣть въ немъ неискренность по прежнимъ впечатлѣніямъ, если бы слѣпой случай не показалъ ему Гоголя съ настоящей стороны какъ разъ передъ самымъ выходомъ книги. Кромѣ того, новое міросозерцаніе автора было такъ своеобразно и необычно, что вникать въ него во всѣхъ перипетіяхъ не поспѣвали даже близкіе Гоголю люди, но отдѣленные разстояніемъ и почему-нибудь не поддерживавшіе съ нимъ безпрерывнаго общенія.

Очень понятно послѣ этого, что въ критическихъ статьяхъ, вызванныхъ „Перепиской“, остался неразгаданнымъ внутренній міръ писателя и напротивъ ясно отразилось міросозерцаніе и субъективные взгляды авторовъ, разсматривавшихъ книгу съ разныхъ точекъ зрѣнія, привнесенныхъ извнѣ и на нихъ основавшихъ ея общую оцѣнку. Мнѣнія высказывались въ большинствѣ случаевъ хотя и вѣрныя, но односторонния. Такъ даже Бѣлинскій, отказывая книгѣ въ серьезномъ значеніи, не хотѣлъ поэтому посвятить ей подробнаго разбора,

но ограничился указаніемъ немногихъ соображеній, казавшихся ему наиболѣе важными и бросающимися въ глаза. Онъ обратилъ сначала вниманіе на самый коренной и существенный недостатокъ книги, заключающійся въ томъ, что авторъ судилъ о вещахъ не по разуму, не по знанію и практическому опыту, а по вдохновенію; затѣмъ отмѣтилъ особенно поразительное увлеченіе Гоголя значеніемъ „Одиссеи" и невѣроятную опрометчивость сдѣланныхъ имъ по этому поводу смѣлыхъ пророчествъ о будущемъ огромномъ вліяніи перевода поэмы на судьбу русскаго народа; наконецъ коснулся самаго интереснаго для себя вопроса — объ отношеніяхъ Гоголя къ своимъ прежнимъ произведеніямъ и къ ихъ оцѣнкѣ современной критикой. Что̀ же касается общественныхъ и политическихъ убѣжденій Гоголя, то Бѣлинскій слегка затронулъ въ своей краткой рецензіи единственно вопросъ объ отношеніи его къ народной грамотности, оставивъ въ сторонѣ все остальное, и затѣмъ подробно изложилъ свои взгляды въ знаменитомъ частномъ письмѣ своемъ къ Гоголю. Всѣ другія статьи и письма, вызванныя „Перепиской", отличались въ большей или меньшей степени запальчивостью и желчью, но непремѣнно устремляли главное вниманіе на частности или разсматривали книгу подъ какимъ-нибудь исключительнымъ и слишкомъ произвольнымъ угломъ зрѣнія, что̀ особенно поражаетъ въ письмахъ К. С. Аксакова[1]). Наконецъ въ своей остроумной статьѣ князь Вяземскій весьма вѣрно очертилъ общія отношенія современной критики къ книгѣ Гоголя, но онъ писалъ уже, главнымъ образомъ, апологію и впалъ въ противоположную крайность. „Между критиками" — говорилъ онъ — „нѣкоторые погрѣшили недостаткомъ доброжелательства, терпимости, братской любви, даже свѣтскаго общежительства, на которыя имѣетъ полное право писатель, каковъ Гоголь, погрѣшили и недостаткомъ законной, необходимой справедливости, на которую имѣетъ право каждый изъ насъ. Русскій человѣкъ даже и обидѣвшему его говоритъ: Богъ проститъ! А Гоголь только тѣмъ передъ вами и виноватъ, что вы не мыслите, какъ онъ". Все это совершенно справедливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не относится къ самому дѣлу и

---

1) См. «Русскій Архивъ», 1890. I.

не представляетъ никакого возраженія по существу. То же самое слѣдуетъ повторить и о недавнихъ статьяхъ гг. Волынскаго и Матвѣева[1]).

XCVIII.

Въ предисловіи къ „Перепискѣ“ Гоголь говоритъ, во-первыхъ, что въ „письмахъ, по признанію тѣхъ, къ которымъ они были писаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ сочиненіяхъ[2]). Въ виду такого заявленія особенную важность получаетъ разъясненіе вопроса, къ какимъ же именно друзьямъ были адресованы письма и кто и при какихъ обстоятельствахъ совѣтовалъ ихъ издать. Прежде всего несомнѣнно одно, — что слова эти должны быть приняты съ значительнымъ ограниченіемъ, такъ какъ приписывать названное мнѣніе всѣмъ или даже большинству друзей Гоголя рѣшительно невозможно. Мы имѣемъ лишь одно положительное и совершенно ясное свидѣтельство, отчасти подтверждающее слова Гоголя, а именно въ письмѣ къ нему Языкова отъ 17 января 1845 г.: „Твои два письма, писанныя тобою, какъ ты самъ говоришь, подъ вліяніемъ моего стихотворенія „Землетрясеніе“, доставили мнѣ много удовольствія, услажденія и пользы. Жаль, что ихъ нельзя напечатать: я бы сдѣлалъ это непремѣнно, не спросившись тебя и взявъ отвѣтственность на свою совѣсть и свой страхъ“[3]). Такимъ образомъ Языковъ въ самомъ дѣлѣ могъ подать Гоголю этимъ письмомъ мысль объ изданіи писемъ, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что адресованныя ему письма принадлежатъ почти къ числу самыхъ раннихъ изъ помѣщенныхъ въ книгѣ. Но мы имѣемъ также другое свидѣтельство, показывающее, что позднѣе Языковъ боялся за Гоголя и рѣшительно не хотѣлъ изданія книги, хотя, можетъ быть, и возвратилъ ему для этой цѣли нѣсколько писемъ, вслѣдствіе чего именно письма къ нему оказываются воспроизведенными наиболѣе точно, особенно то изъ нихъ, которое было озаглавлено „Карамзинъ“. Вскорѣ послѣ смерти Языкова Е. А. Свер-

---

1) См. «Сѣв. Вѣстн.», 1893, I и книгу П. А. Матвѣева «Гоголь и Переписка съ друзьями».

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 3.

3) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 517: «Русск. Стар.», 1896, XII, 629—630.

беева писала о немъ Гоголю: „Онъ въ послѣднее время много думалъ о васъ и сердечная тревога о вашемъ душевномъ состояніи не оставляла его. Не дожилъ онъ до вашей книги, но преждевременно заботился о ней и *боялся ея появленія*"[1]). Затѣмъ о намѣреніи Гоголя выпустить книгу зналъ несомнѣнно Жуковскій, съ которымъ Гоголь жилъ вмѣстѣ во Франкфуртѣ и съ которымъ часто совѣтовался и обсуждалъ многое сообща. Жуковскій иногда останавливалъ Гоголя и возражалъ ему, кое-что прося уничтожить или измѣнить; но это касалось частностей; вообще же онъ вполнѣ раздѣлялъ его мысли и не предвидѣлъ надвигавшейся грозы, да и по выходѣ книги успокоивалъ своего друга, говоря: „Слишкомъ взыскательная критика относительно твоей книги совсѣмъ неумѣстна: ты напечаталъ отрывки изъ писемъ (которыхъ не имѣлъ намѣренія печатать). Характеръ писемъ есть свобода, какъ въ ходѣ мыслей, такъ и въ ихъ выраженіи; кто выдаетъ письма въ печать, тотъ необходимо долженъ сохранить имъ этотъ характеръ свободной неприготовленности; здѣсь сама небрежность имѣетъ свою прелесть: она есть даже достоинство"[2]). Жуковскій, проживая за границей и не слѣдя за русской журналистикой, конечно, не могъ знать, что̀ именно осуждалось въ „Перепискѣ", но приведенныя слова показываютъ, что обо многомъ онъ не могъ и догадываться, и вообще былъ слишкомъ далекъ отъ той точки зрѣнія, съ которой большинство голосовъ осудило книгу. Наконецъ третьимъ лицомъ, несомнѣнно посвященнымъ заранѣе въ тайну изданія „Переписки", могъ быть, какъ увидимъ далѣе, только гр. А. П. Толстой. Напротивъ остальные друзья Гоголя даже *вовсе не знали* о „Перепискѣ" почти до самаго выхода книги. Конечно, было бы нелѣпо упрекать писателя за неточность приведеннаго выше выраженія въ предисловіи; нельзя же думать, что авторъ долженъ былъ, говоря о друзьяхъ, посовѣтовавшихъ ему издать книгу, назвать ихъ по именамъ. Тѣмъ не менѣе намъ положительно извѣстно, что напримѣръ Аксаковы *безусловно не сочувствовали* появленію „Переписки" и что они болѣе или

---

1) См. выше, стр. 525. Но Языковъ не понималъ того, что̀ происходило съ Гоголемъ; ему казалось, какъ и К. С. Аксакову, что все горе въ томъ, что Гоголь долго жилъ за границей.

2) Соч. Жуковскаго, изд. X, т. VI, стр. 80.

менѣе были непріятно поражены ея общимъ содержаніемъ кромѣ Ивана Сергѣевича, который во всякомъ случаѣ по своей юности не могъ быть повиненъ во вліяніи на Гоголя[1]). Далѣе для Плетнева „Переписка" была совершенной новостью до самой присылки ему рукописи[2]), доставленной притомъ по частямъ и черезъ нѣкоторые промежутки времени, такъ что по этому поводу покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ справедливо и мѣтко сдѣлалъ слѣдующее отчасти ироническое замѣчаніе: „Другъ приступилъ къ печатанію книги, не зная ея дальнѣйшаго содержанія"[3]). Съ Прокоповичемъ и съ Максимовичемъ переписка была тогда совсѣмъ прекращена. Данилевскій тоже ничего не вѣдалъ объ изданіи писемъ вплоть до полученія подареннаго ему экземпляра, какъ я отъ него лично слышалъ, и даже часто встрѣчавшійся и подолгу жившій съ Гоголемъ за границей Ивановъ, а равно и преданные ему Смирновы и Віельгорскіе не были вовсе посвящены въ тайну, если не считать неясныхъ намековъ и нѣкоторыхъ относящихся къ книгѣ заблаговременныхъ практическихъ распоряженій[4]). На А. А. Иванова „Переписка" не произвела впослѣдствіи неблагопріятнаго впечатлѣнія, но замѣчаніями Гоголя лично о себѣ онъ остался недоволенъ. „Не знаю, за что̀ это на него такъ нападаютъ тамъ", (въ „Перепискѣ") „есть превосходныя мѣста. Жаль, однакожъ, что онъ тамъ написалъ обо мнѣ и Іорданѣ: эти мѣста невѣрны"[5]). Еще менѣе могъ быть повиненъ въ идеяхъ „Переписки", конечно, Щепкинъ, который

---

[1]) И. С. Аксаковъ былъ въ большомъ восторгѣ отъ «Переписки» и онъ одинъ изъ немногихъ почувствовалъ ея искренность. «Слышите», — говорилъ онъ, — «иногда истинный, пронзительный голосъ душевной муки; право, слышатся иногда слезы! Что̀ если «Мертвыя Души» явятся, если просвѣтленный художникъ уразумѣетъ всю жизнь, какъ она есть, со всѣми ея особенностями, но еще глубже, еще дальше проникнетъ въ ея тайны, не односторонне, не увлекаясь досадой или насмѣшкой, — вѣдь это должно быть что-то исполински-страшное. Второй томъ долженъ разрѣшить задачу, которой не разрѣшили всѣ 1847 лѣтъ христіанства» (И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, ч. I, т. I, 143. Ср. также взгляды И. С. Аксакова, тамъ же II, 266—267).

[2]) Впрочемъ на Плетнева и его знакомую, извѣстную А. О. Ишимову «Переписка» произвела потомъ благопріятное впечатлѣніе. (См. «Русская Старина», 1893. VI, 551—567).

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 470.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 169, 176 и проч.

[5]) Боткинъ «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 251.

послѣ ея выхода смотрѣлъ на Гоголя, какъ на человѣка „необыкновенно геніальнаго“, но „у котораго что-то тронулось въ головѣ“ [1]). Едва лишь зналъ о ней и Шевыревъ и тѣмъ болѣе находившійся съ Гоголемъ въ натянутыхъ отношеніяхъ Погодинъ. Наконецъ Шереметевой Гоголь прямо писалъ уже въ ноябрѣ 1846 г.: „Вы получите отъ меня въ подарокъ книгу, которая *покажетъ вамъ,* что я готовлюсь и хочу быть готовымъ“ [2]). Не больше друзей знали, безъ сомнѣнія, о намѣреніи Гоголя издать книгу его родные; стоитъ только припомнить, что мать его была какъ громомъ поражена завѣщаніемъ [3]). Итакъ, оставляя въ сторонѣ нѣкоторое преувеличеніе, заключающееся въ приведенныхъ строкахъ предисловія, намекающаго какъ будто на нравственное участіе въ изданіи „Переписки“ по крайней мѣрѣ большинства друзей Гоголя, посмотримъ, какъ развивалась дальше мысль, поданная первоначально Языковымъ.

Изъ перечня лицъ, которымъ были адресованы письма въ изданіи Тихонравова, мы убѣждаемся, что дѣйствительно въ книгу попали, главнымъ образомъ, письма къ тремъ названнымъ друзьямъ Гоголя, знавшимъ заранѣе о „Перепискѣ“, т.-е. къ Толстому, Жуковскому и Языкову, хотя есть кромѣ того и нѣсколько писемъ къ Шевыреву и А. О. Смирновой; затѣмъ слѣдуетъ рядъ писемъ *будто бы* писанныхъ къ лицамъ, почти незнакомымъ автору. Такъ, Гоголь говоритъ въ статьѣ, озаглавленной „Совѣты“: „Въ послѣднее время мнѣ случалось даже получать письма *отъ людей, мнѣ почти вовсе не знакомыхъ*, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не сумѣлъ дать прежде“ [4]). Весьма вѣроятно однако, что позднѣйшее объясненіе Гоголя въ „Авторской Исповѣди“ было гораздо ближе къ истинѣ, когда онъ говорилъ [5]), что помѣстилъ въ книгѣ „Переписка съ друзьями“ нѣсколько писемъ къ помѣщикамъ и къ разнымъ должностнымъ лицамъ, вовсе не затѣмъ, чтобы безусловно согласились, но чтобы опровергнули приведеніемъ анекдотическихъ фактовъ, а нѣ-

---

1) Соч. Тургенева, посмертное изданіе, т. I, стр. 70.
2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 285.
3) Тамъ же, т. VI, стр. 331.
4) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 75.
5) Тамъ же, стр. 257.

сколько выше замѣтилъ, что онъ *„старался завести переписку* съ такими людьми, которые могли что-нибудь сообщить“ [1]). Изъ этого ясно, что къ предыдущему показанію Гоголя слѣдуетъ отнестись весьма и весьма критически, въ чемъ мы потомъ еще *больше убѣждаемся.*

Когда же Гоголь сталъ думать объ изданіи книги? Если этотъ планъ не зародился у него самостоятельно, но возникъ, какъ и онъ говоритъ, по внушенію друзей, то надо предположить, что мысль, поданная Языковымъ (въ письмѣ отъ 15 января 1845 г.), тотчасъ же принесла плоды. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ, (если принять въ разсчетъ разницу стилей), Гоголь уже писалъ Смирновой: „Здоровье мое слабѣетъ и не хватаетъ силъ для занятій. Молитесь, чтобы помогъ Богъ мнѣ въ трудѣ, уже не для славы и не для чего-либо другого предпринятаго, но въ Его святое имя и въ *утишеніе душевное брату, а не въ увеселеніе его*“ [2]). Въ виду яснаго смысла послѣднихъ словъ мы рѣшаемся уже въ нихъ видѣть указаніе на возникавшій трудъ надъ „Перепиской“, къ которому Гоголь готовилъ себя ежедневнымъ посѣщеніемъ литургіи и постомъ („я три недѣли провелъ совершеннымъ монастыремъ“ [3]), а также просьбой о молитвѣ за него, обращенной къ Смирновой и Шереметевой и, вѣроятно, еще ко многимъ другимъ — при личномъ свиданіи. Еще очевиднѣе это приготовленіе въ письмѣ къ Смирновой отъ 2 апрѣля, гдѣ Гоголь пишетъ уже прямо: „Я *долженъ* изготовить до моего отъѣзда (въ Іерусалимъ) и послать въ Петербургъ не большое произведеніе и не шумное въ отношеніи къ нынѣшнему свѣту, но *нужное для многихъ* и которое доставитъ мнѣ въ избыткѣ деньги, потребныя для пути“ [4]).

На послѣднихъ словахъ слѣдуетъ остановиться подольше.

Надо замѣтить, во-первыхъ, что въ томъ же письмѣ къ Смирновой Гоголь съ отчаяннымъ воплемъ умоляетъ ее: „Другъ мой добрый и прекрасный, помолитесь обо мнѣ, помолитесь сильно и крѣпко, чтобы воздвигнулъ Господь во мнѣ творящую силу. Благодатью Духа Святого она можетъ только

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 256.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 169.
[3]) Тамъ же, стр. 168.
[4]) Тамъ же, стр. 176.

быть воздвигнута, и безъ сей благодати пребываетъ она, какъ мертвый трупъ[1]) во мнѣ, и нѣтъ ей оживотворенія. Слышу въ себѣ силу и слышу, что она не можетъ двинуться безъ воли Божіей. Молитесь же, другъ мой, крѣпко и крѣпко; какъ только можете молиться, такъ молитесь обо мнѣ“[2]).

Эти строки слѣдуетъ читать въ связи съ признаніемъ Гоголя въ „Авторской Исповѣди“: „все меня приводило къ изслѣдованію общихъ законовъ души нашей: *мои собственныя душевныя обстоятельства,* наконецъ *обстоятельства внѣшнія,* надъ которыми мы не властны и которыя всякій разъ обращали меня противовольно вновь къ тому же предмету, какъ только я отъ него отдалялся. Нѣсколько разъ, упрекаемый въ недѣятельности, я принимался за перо, хотѣлъ насильно заставить себя написать хоть что-нибудь въ родѣ небольшой повѣсти или какого-нибудь литературнаго сочиненія, и не могъ произвести ничего. Усилія мои оканчивались почти всегда болѣзнію, страданіями и наконецъ такими припадками, вслѣдствіе которыхъ нужно было надолго отложить всякое занятіе. Чтò мнѣ было дѣлать? Виноватъ я развѣ былъ въ томъ, что не въ силахъ былъ повторять то же, чтò писалъ въ мои юношескіе годы? Какъ будто двѣ весны бываютъ въ возрастѣ человѣческомъ!“[3]).

Изъ всего предыдущаго ясно, что новый трудъ предпринимался подъ совокупнымъ вліяніемъ ослабленія творчества, „душевныхъ обстоятельствъ“ и „обстоятельствъ внѣшнихъ“ и съ двоякой цѣлью: такъ сказать съ идеально-нравственной, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и съ чисто-матеріальной, чтò подтверждается также предисловіемъ.

Чтобы разобраться во всемъ этомъ, минуя упадокъ творчества, какъ фактъ совершенно ясный и засвидѣтельствованный самимъ Гоголемъ, остановимся немного на томъ, чтò, по нашему мнѣнію, можно здѣсь разумѣть подъ „душевными обстоятельствами“, которыя, кромѣ общаго смысла, заключаютъ въ себѣ указаніе и на болѣе частные факты. Такъ

---

1) Подобный плеоназмъ встрѣчается у Гоголя также въ статьѣ «Просвѣщеніе», гдѣ сказано, что западная церковь осмѣлилась уже называть восточную «мертвымъ трупомъ» (Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 78).

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 175.

3) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 255.

гораздо болѣе важной побудительной причиной для изданія „Переписки", чѣмъ совѣты друзей, чуть ли не было собственное болѣзненное состояніе автора и его боязнь не довершить начатаго труда, а также цѣлая совокупность крайне тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, немилосердно обрушившихся почти на всѣхъ друзей его, при чемъ, напр. С. Т. Аксакова постигла внезапная слѣпота. Еще съ 1843 г. пришлось Гоголю отозваться словомъ утѣшенія и дружескаго участія на жестокія страданія Языкова, и съ тѣхъ поръ не было недостатка въ поводахъ кого-нибудь ободрять или успокоивать. Такимъ образомъ цѣпью случайныхъ обстоятельствъ Гоголь былъ приведенъ къ систематической *проповѣди* терпѣнія и покорности Провидѣнію. Постепенно онъ выработалъ убѣжденіе, что „страданіями и горемъ опредѣлено намъ добывать крупицы мудрости, не пріобрѣтаемыя въ книгахъ". „Но кто уже пріобрѣлъ одну изъ этихъ крупицъ", — продолжаетъ онъ, — „тотъ уже не имѣетъ права скрывать ее въ себѣ отъ другихъ. Она не твое, но Божіе достояніе. Богъ ее выработалъ въ тебѣ, всѣ же дары Божіи даются намъ затѣмъ, чтобы мы служили ими собратьямъ нашимъ: Онъ повелѣлъ, чтобы мы ежеминутно учили другъ друга"[1]. На этомъ основаніи Гоголь сталъ дѣлать „душевныя открытія" и другихъ просилъ дѣлиться съ нимъ такими же открытіями, наконецъ искалъ упрековъ, совѣтуя то же и Шевыреву: „Ни въ какомъ случаѣ не своди глазъ съ самого себя. Имѣй всегда въ предметѣ себя прежде всѣхъ. Будь эгоистъ въ этомъ случаѣ. Эгоизмъ тоже не дурное свойство; вольно было людямъ дать ему такое скверное толкованіе, а въ основаніе эгоизма легла сущая правда. Позаботься прежде о себѣ, а потомъ уже старайся, чтобы другіе были чище"[2]. Итакъ, стараясь выводить другихъ изъ унынія, Гоголь въ то же время заботился и о спасеніи своей души. „Велико въ нашей жизни значеніе слова *другой*", — говорилъ онъ, — и „любовь къ другому. Эгоистовъ не было бы вовсе, если бы они были поумнѣе и догадались сами, что стоятъ только на нижней ступенькѣ своего эгоизма, и что только съ тѣхъ поръ, когда человѣкъ перестаетъ думать о себѣ, и становится такимъ

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 75.

[2]) Тамъ же, стр. 76.

образомъ самымъ разсчетливѣйшимъ изъ эгоистовъ"[1]). То же высказывалъ онъ еще раньше въ письмахъ къ Смирновой[2]).

Чтò касается „внѣшнихъ обстоятельствъ" и матеріальныхъ соображеній, то они не могли также не играть весьма важной роли въ исторіи возникновенія „Переписки съ друзьями", чего впрочемъ не скрывалъ и самъ авторъ. Для поѣздки въ Іерусалимъ Гоголю необходимо было во что бы ни стало добыть средства, такъ какъ, пустившись въ путь совершенно одинъ и отдалившись на цѣлыя тысячи верстъ отъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, онъ не могъ бы уже пользоваться обыкновенно широко для него открытымъ при другихъ обстоятельствахъ кредитомъ и такъ или иначе былъ вынужденъ приготовить на дорогу достаточный запасъ денегъ. Вѣдь до сихъ поръ онъ большей частью жилъ почти на всемъ готовомъ у кого-нибудь изъ знакомыхъ и все-таки терпѣлъ крайнюю нужду, ограничиваясь тѣмъ скуднымъ достояніемъ, которое умѣщалось въ его „чемоданчикѣ". Въ одномъ письмѣ къ Прокоповичу Гоголь писалъ о своемъ житьѣ въ Римѣ: „Кому, напримѣръ, придетъ въ голову сдѣлать вопросъ: этотъ человѣкъ ни откуда не получаетъ ни копѣйки дохода, ничего не печатаетъ въ теченіе шести лѣтъ, чѣмъ онъ живетъ въ это время, при разстроенномъ здоровьѣ, при частыхъ и необходимыхъ для него переѣздахъ изъ климата въ климатъ, изъ земли въ землю?"[3]). Теперь же, въ 1845 г., Гоголь хотѣлъ непремѣнно „съ началомъ новаго, будущаго года изготовиться къ отъѣзду и пріѣхать въ Іерусалимъ къ Пасхѣ"[4]), слѣдовательно онъ вынужденъ былъ такъ или иначе наскоро заработать деньги литературнымъ трудомъ, въ весьма короткій сравнительно промежутокъ времени, а слишкомъ затягивать и безъ того продолжительные сборы ему не хотѣлось. Фактъ трехлѣтней отсрочки съ тѣхъ поръ путешествія до его дѣйствительнаго осуществленія объясняется вполнѣ болѣзнью и разными задержками и препятствіями. Ускорить же для совершенія поѣздки выходъ второго тома Гоголь считалъ противнымъ совѣсти и, отчаянно защищаясь отъ настойчивыхъ

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 152.
[2]) Тамъ же, стр. 107 и друг.
[3]) «Русское Слово», 1859, I, стр. 126.
[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 176.

понужденій московскихъ друзей, говорилъ: „Я могу умереть, но не выдать безразсуднаго, необдуманнаго творенія“[1]). Ко всему этому въ 1845 г. присоединилась тяжкая, опасная болѣзнь, заставившая его подумать о томъ, чтобы „искупить безполезность всего доселѣ написаннаго“, при чемъ „болѣзненныя состоянія до такой степени были невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лѣкарство или облегченіе“[2]). Откладывать исполненіе задуманнаго плана, при такихъ условіяхъ было страшно, чтобы не остался онъ навсегда пустой мечтой, и вотъ Гоголь рѣшилъ какъ можно больше ускорить отъѣздъ въ силу вновь присоединившейся весьма важной причины. Мысль объ изданіи „Переписки“ должна была нравиться Гоголю, помимо соображеній болѣе серьезнаго и высокаго характера, еще также потому, что она представляла для него единственный выходъ изъ названныхъ практическихъ затрудненій. Вѣдь легко сказать: поѣздка въ Іерусалимъ была безусловно рѣшена еще въ первой половинѣ 1842 г. и притомъ предполагалась въ весьма непродолжительномъ времени, но все откладывалась, такъ какъ вслѣдствіе медленной работы вдохновенія разсчетъ Гоголя на выручку денегъ отъ продажи второго тома не оправдался. „Съ половины 1843 года“ — разсказываетъ Анненковъ — „путешествіе въ Іерусалимъ становится уже не признакомъ окончанія романа, а представляется какъ необходимое условіе самаго творчества, какъ поощреніе и возбужденіе его. Вмѣстѣ съ тѣмъ романъ уходитъ вдаль, вглубь и въ ширь, а на первый планъ выступаетъ нравственное развитіе автора“[3]), тогда какъ, по выходѣ перваго тома, Гоголь въ пылу самонадѣянности писалъ Шереметевой: „только по совершенномъ окончаніи[4]) труда моего, могу я предпринять этотъ путь“ (въ Іерусалимъ).

Теперь, послѣ выясненія всѣхъ условій, благодаря которымъ увидала свѣтъ „Переписка съ друзьями“, мы можемъ повторить, но въ совершенно измѣненномъ значеніи, слѣдующее замѣчаніе г. Волынскаго: „Гоголь пробовалъ нѣсколько

---

1) «Русская Старина», 1875, IX, стр. 127.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 236.

3) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 231.

4) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 506.

разъ писать попрежнему, какъ писалось въ молодости какъ попало, куда ни поведетъ перо, но мысли и образы не выливались на бумагу. Обрадовавшись, что расписался кое-какъ въ письмахъ къ знакомымъ и друзьямъ, Гоголь захотѣлъ тотчасъ же сдѣлать изъ этого употребленіе, и едва только оправившись отъ тяжелой болѣзни, онъ составилъ изъ этихъ писемъ одну цѣльную книгу, придавъ ей возможный порядокъ и послѣдовательность"[1]).

XCIX.

Изъ предыдущаго ясно, что, разъ возникнувъ, мысль объ изданіи „Переписки" получила поддержку въ самыхъ разнообразныхъ побужденіяхъ и созрѣла весьма скоро. Если же допустить, что Гоголь утвердился окончательно въ своемъ намѣреніи благодаря именно „друзьямъ", то мы уже говорили, что подъ ними здѣсь можно подразумѣвать только Жуковскаго и гр. Толстого, которые, конечно, энергическимъ поощреніемъ или простымъ согласіемъ не могли не принять нравственнаго участія въ этомъ дѣлѣ. Но совѣтъ издать книгу съ ихъ стороны могъ быть данъ, по всей вѣроятности, только въ изустной бесѣдѣ, во время обычныхъ разсужденій на излюбленныя темы, такъ какъ во всей перепискѣ Гоголя, кромѣ выше приведенныхъ словъ Языкова, не имѣется рѣшительно никакихъ слѣдовъ того, чтобы объ этомъ вопросѣ шли какіе-нибудь письменные переговоры.

Затѣмъ Гоголь упоминаетъ въ предисловіи, что онъ къ письмамъ „прибавилъ" (нарочно для этого сочиненныя) „*двѣ три статьи* литературныя", а статья „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ", хотя, по словамъ автора, и была передѣлана изъ письма къ Языкову, но въ письмахъ послѣдняго къ Гоголю на это нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній, да и самъ Языковъ въ письмѣ отъ 24 іюля 1846 г. прямо называетъ ее уже не письмомъ, а *статьей*[2]). Къ тому же другія письма къ Языкову, воспроизведенныя въ „Перепискѣ", сохранились у его наслѣдниковъ, тогда какъ этого письма нѣтъ. Кромѣ того, есть основаніе думать, что даже изъ подписанныхъ и

---

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ", 1893, I, 147.

[2]) «Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 644.

адресованныхъ статей нѣкоторыя могли имѣть въ виду людей совершенно не знакомыхъ Гоголю, или же иныя обозначенія, быть можетъ, были даже просто фиктивныя. Упомянутыя раньше литературныя статьи суть: „О томъ, что̀ такое слово“, — статья, несомнѣнно набросанная первоначально подъ вліяніемъ досады на Погодина, издавшаго противъ желанія Гоголя его портретъ[1]), а также подъ впечатлѣніемъ приставаній къ Гоголю со стороны московскихъ друзей, чтобы онъ поскорѣе писалъ „Мертвыя Души“, — и „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?“ Кромѣ того были и еще *статьи, написанныя прямо для включенія въ книгу,* какъ напр. „Свѣтлое Воскресеніе“ и нѣкоторыя другія. Иныя изъ статей могли быть набросаны подъ впечатлѣніемъ внезапнаго наплыва мыслей отъ какихъ-нибудь заинтересовавшихъ автора извѣстій. Сюда мы отнесли бы напр. и статью „О чтеніи русскихъ поэтовъ передъ публикой“. Если эта статья вырабатывалась даже изъ какого-нибудь письма, то послѣднее, какъ и другія, подвергалось предварительно такимъ передѣлкамъ и выдерживало столько редакцій[2]) (при чемъ нерѣдко мысли изъ писемъ къ другимъ лицамъ переносились свободно туда, гдѣ онѣ могли прійтись кстати), что, за исключеніемъ двухъ писемъ къ Языкову, остальныя основательнѣе называть никакъ не письмами, а именно *статьями.* Это особенно важно замѣтить въ виду того, что даже капитальными изслѣдованіями Н. С. Тихонравова только ослаблено и поколеблено, но еще не окончательно устранено естественное, но невѣрное представленіе о томъ, что будто бы „Переписка съ друзьями“ являетъ собою въ самомъ дѣлѣ своего рода якобы хрестоматію изъ писемъ[3]). Между тѣмъ, кромѣ всѣхъ раньше высказанныхъ

---

[1]) См. примѣчаніе Тихонравова (т. IV, стр. 481).

[2]) Не въ томъ смыслѣ, что авторъ передѣлывалъ по нѣскольку разъ каждую статью «Переписки» («Переписка» всего меньше перерабатывалась изъ всѣхъ сочиненій Гоголя), но еще *до внесенія* какого-либо письма въ «Переписку».

[3]) См. примѣчанія Н. С. Тихонравова на стр. 535, 536 четвертаго тома, на стр. 526 и къ статьѣ «О помощи бѣднымъ». (Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 486), гдѣ справедливо замѣчено, что нападеній на петербургскую молодежь въ письмахъ А. О. Смирновой 1844 г. нѣтъ, хотя Гоголь здѣсь какъ будто отвѣчаетъ именно на эти нападенія или, точнѣе, эти нападенія мы встрѣчаемъ лишь въ письмахъ отъ 30 декабря 1844 («Русская Старина», 1888, X, 146), но тогда нельзя признать указанную Гоголемъ дату.

соображенiй и многихъ другихъ, которыя намъ еще предстоитъ указывать ниже, весьма знаменательно, что самыя близкiя къ Гоголю лица, начиная съ недавно скончавшейся сестры его Анны Васильевны и покойныхъ А. С. Данилевскаго и О. Н. Смирновой, рѣшительно не въ состоянiи были раскрыть фамилiи корреспондентовъ Гоголя въ „Перепискѣ" по обозначеннымъ въ ней инициаламъ. Причина ясная: собравъ всѣ внѣшнiе признаки, по которымъ, казалось бы, можно было судить, кого именно имѣлъ въ виду авторъ въ данномъ письмѣ, каждое изъ знавшихъ его лицъ встрѣчало непримиримыя противорѣчiя и въ концѣ концовъ чувствовало себя вынужденнымъ отозваться незнанiемъ. Покойный Н. С. Тихонравовъ также не раскрылъ этихъ инициаловъ. Наконецъ лично намъ при опредѣленiи ихъ бросалась въ глаза слѣдующая неожиданность: въ то время, какъ въ остальной перепискѣ Гоголя даже до неузнаваемости замаскированныя имена и обозначенныя произвольными французскими литерами, удалось постепенно раскрыть почти всѣ (въ „Указателѣ къ письмамъ Гоголя"), — напротивъ въ „Перепискѣ" постоянно встрѣчалось все больше и больше непреодолимыхъ затрудненiй. Наконецъ мы даже имѣемъ въ одномъ мѣстѣ ясное свидѣтельство самого Гоголя о такомъ происхожденiи его писемъ, о которомъ мы говорили; именно въ письмѣ къ Смирновой отъ 28 февраля 1847 г. Гоголь говоритъ: „Письма эти были къ помѣщикамъ, къ должностнымъ людямъ; письмо къ вамъ о томъ, что̀ можетъ дѣлать губернаторша, попало тоже туда, а потому вы не удивляйтесь, что оно пришлось вамъ не совсѣмъ кстати: я написалъ его вамъ, *уже имѣя въ виду многихъ другихъ*" [1]). Еще знаменательнѣе слѣдующiя любопытныя строки одного письма Жуковскаго къ Гоголю: „Я нашелъ въ твоей книгѣ два письма ко мнѣ, которыя *сдѣлали большой крюкъ въ Петербургъ*, *дабы* изъ типографiи департамента внѣшней торговли *дойти до меня въ печатномъ образѣ*" [2]).

Любопытно между прочимъ, что самыя главныя, по мнѣнiю Гоголя, письма, имѣвшiя одновременно характеръ наставительный и въ широкомъ смыслѣ публицистическiй, оказываются несомнѣнно именно *не письмами*, а *статьями*, что̀

---

[1]) См. «Указат. къ письмамъ Гоголя», изд. I, стр. 88.

[2]) Отч. Импер. Публ. Библ. за 1889 г., стр. 53.

выяснилось совершенно случайно, по поводу вызванныхъ ими цензурныхъ затрудненій. Такъ въ письмѣ къ А. О. Смирновой отъ 30 января 1847 г. читаемъ: „Самыя важныя письма, которыя должны были составить *существенную часть книги,* не вошли въ нее, — письма, которыя были направлены именно къ тому, чтобы получше познакомить съ бѣдами, происходящими внутри Россіи, и о способахъ исправить весьма многое“ [1]). Также въ письмѣ къ Плетневу отъ 6 февраля Гоголь сѣтуетъ на непропускъ цензурой „большой половины, и притомъ болѣе существенной половины, *для которой была предпринята вся книга*“ [2]). Итакъ не письма были включены въ книгу, а книга „предпринята“ ради нѣкоторыхъ писемъ. Наконецъ то же самое повторено въ отправленномъ съ той же почтой письмѣ къ А. М. Віельгорской: „всѣ должностныя и чиновныя лица, *для которыхъ были писаны лучшія статьи,* исчезнули *вмѣстѣ съ статьями* изъ вида читателей“ [3]). Въ послѣднихъ строкахъ письма уже прямо называются статьями. Но перейдемъ къ дальнѣйшимъ доказательствамъ. Къ числу этихъ статей, самыхъ важныхъ и притомъ не пропущенныхъ цензурою, принадлежали: „Нужно любить Россію“, „Нужно проѣздиться по Россіи“, „Занимающему важное мѣсто“ и „Страхи и ужасы Россіи“, изъ которыхъ три первыя, какъ значительное большинство другихъ писемъ, были адресованы графу А. П. Толстому, при чемъ, между прочимъ, конецъ письма, озаглавленнаго „Занимающему важное мѣсто“, находится, какъ указалъ Н. С. Тихонравовъ, *въ слишкомъ очевидной связи съ послѣдней главой второго тома „Мертвыхъ Душъ“*. Но Н. С. Тихонравовъ основательно доказываетъ, что статья въ сущности обращена не къ *занимающему* важное мѣсто, а къ имѣвшему занять таковое, *если предложатъ*“ [4]), и заключаетъ, что она сложилась на основаніи бесѣдъ Гоголя съ графомъ А. П. Толстымъ, изъ чего, въ свою очередь, вытекаетъ несомнѣнное, на нашъ взглядъ, заключеніе, что форма письма употреблена была здѣсь *позднѣе,* какъ, конечно,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 335 и «Указатель къ письмамъ Гоголя», изд. I, стр. 87.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 540—541.

[3]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 118.

[4]) Соч. и письма Гоголя, изд. X, т. IV, 540 и выше, 326—327.

и во многихъ другихъ случаяхъ, только *ради извѣстныхъ литературныхъ соображеній*, но никакъ нельзя считать его *дѣйствительнымъ* письмомъ *къ кому бы то ни было*. Мы можемъ даже утверждать, что это было именно воспроизведеніе бесѣдъ Гоголя съ Толстымъ по поводу извѣстія въ письмѣ Смирновой о предполагаемомъ назначеніи графа Воронцова намѣстникомъ на Кавказъ. Въ письмѣ отъ 30 января 1845 г. Смирнова между прочимъ сообщаетъ Гоголю: „Въ Петербургѣ много говорятъ о назначеніи графа Воронцова на Кавказъ намѣстникомъ. Воронцовъ писалъ государю, что ему 64 года, что онъ уже слабъ, а особенно глазами, что ему трудно рѣшиться принять такую огромную отвѣтственность“ [1]). Между тѣмъ статья „Занимающему важное мѣсто“ начинается словами: „Во имя Бога берите всякую должность, какая бъ ни была вамъ предложена, и не смущайтесь ничѣмъ. Придется ли вамъ ѣхать къ черкесамъ на Кавказъ или попрежнему занять мѣсто генералъ-губернатора — вы теперь нужны повсюду. Чтò же до затруднительностей, о которыхъ вы говорите, то все теперь затруднительно“ и проч. [2]). Но мы знаемъ, что Толстой былъ прежде губернаторомъ, и даже два раза: въ Твери и въ Одессѣ, но никогда не былъ *генералъ-губернаторомъ*; начиная статью, Гоголь, вѣроятно, и имѣлъ въ мысляхъ Воронцова, хотя, повидимому, не зналъ его лично и никогда съ нимъ не переписывался [3]). Изложить же мысли, пришедшія въ голову по поводу Воронцова и тутъ же говорить о многомъ другомъ, къ чему подавалъ поводъ уже не Воронцовъ, а гр. Толстой, было вполнѣ возможно для Гоголя, если онъ писалъ не *письмо*, а *статью*, для которой нужно было взять изъ дѣйствительной жизни только *предлогъ* къ бесѣдѣ. Позднѣе въ письмѣ къ о. Матвѣю Гоголь утверждалъ, что „старался *подвигнутъ* Толстого на дѣятельность и взятіе

---

1) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, I, стр. 243—244 и сборникъ «Помощь голодающимъ», стр. 472.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 147.

3) Былъ ли Гоголь знакомъ съ М. С. Воронцовымъ, навѣрное сказать не можемъ; но встрѣча между ними могла произойти развѣ въ началѣ 1844 г., когда послѣдній былъ въ Римѣ: «Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ» — писалъ однажды Ивановъ Миллеру: «здѣсь, но ни у кого изъ насъ не былъ. Патріоты, выкрашенные образованностью европейскою!». (Боткинъ, «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 362).

должности внутри Россіи“ [1]) (въ письмѣ также: „придется ли вамъ попрежнему быть *генералъ-губернаторомъ* гдѣ-нибудь внутри Россіи — та же христіанская мудрость осѣнитъ васъ“ [2]) и прибавлялъ: „Объ этомъ я писалъ къ нему, дѣйствительно, письма, которыя, не знаю почему, не попали въ мою книгу и не пропущены, тогда какъ, по моему убѣжденію, они гораздо *полезнѣе и нужнѣе* всѣхъ помѣщенныхъ“, но въ томъ же письмѣ къ о. Матвѣю дальше сказано: „во время нашего пребыванія вмѣстѣ“ (съ Толстымъ) „разговоры у насъ были совсѣмъ не о тѣхъ предметахъ, о которыхъ помѣщены письма“. Н. С. Тихонравовъ предположилъ, что письма эти должны быть отнесены къ промежутку отъ конца октября 1845 г. до августа 1846 г.; но теперь, послѣ напечатанія писемъ Гоголя къ Толстому въ сборникѣ „Въ память Юрьева“, необходимо оставить это предположеніе и признать *статьями*, а не письмами отрывки „Нужно любить Россію“ и другіе. Въ письмѣ Гоголя къ самому А. П. Толстому отъ 6 февраля 1847 г. сказано такъ: „всѣ *статьи* и письма къ разнымъ чиновнымъ и должностнымъ лицамъ, *по моему мнѣнію, нужнѣйшія*, не пропущены“, и затѣмъ: „хотя сюда и не попали *статьи, направленныя собственно къ вамъ,* но вы все-таки прочитайте (книгу) нѣсколько разъ, и что́ вамъ ни придетъ *новое* по поводу ея на мысли, мнѣ передайте“ [3]). Если теперь мы обратимъ вниманіе на то, что въ трехъ письмахъ, написанныхъ въ тотъ же день и одно за другимъ, Гоголь называетъ упомянутыя статьи то статьями, то письмами, то надо полагать, что даже друзьямъ онъ не хотѣлъ передавать лишнія подробности, касающіяся „Переписки“, и почти только въ одномъ письмѣ къ Толстому, гдѣ никакая мистификація была уже совершенно невозможна, называетъ мнимыя письма къ нему прямо *статьями.* Очевидно, форма писемъ казалась Гоголю болѣе цѣлесообразной въ данномъ случаѣ и менѣе отвѣтственной. Въ послѣдней цитатѣ слѣдуетъ кстати обратить вниманіе на слово *новое,* очевидно, указывающее на то, что Толстой уже достаточно знакомъ

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 493 и Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 396.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 149.

3) Сборникъ «Въ память Юрьева», стр. 259.

былъ заранѣе съ содержаніемъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Теперь уже нельзя сомнѣваться, во-первыхъ, что нѣкоторыя статьи прямо сочинялись для книги, а вовсе не вырабатывались изъ писемъ, а во-вторыхъ, что бесѣды или вообще сношенія съ гр. Толстымъ по поводу писемъ несомнѣнно *происходили*, но что Гоголь имѣлъ какія-то причины впослѣдствіи скрывать это отъ о. Матвѣя, — всего вѣроятнѣе, въ виду какихъ-либо деликатныхъ соображеній, такъ какъ извѣстно, что о. Матвѣй остался крайне недоволенъ книгой, и именно больше всего адресованной къ Толстому статьей о театрѣ. Послѣ этого мы имѣемъ полное право распространить сдѣланное заключеніе на множество другихъ случаевъ, приводя, разумѣется, для этого каждый разъ достаточныя основанія.

C.

Выше мы старались доказать предположеніе о томъ, что едва ли кто-нибудь изъ друзей могъ поддерживать въ Гоголѣ мысль объ изданіи „Переписки съ друзьями“, кромѣ Жуковскаго и графа Толстого; но это предположеніе подтверждается еще косвенно и слѣдующими словами „Завѣщанія“: „*возлагаю обязанность* на друзей моихъ *собрать* всѣ мои письма, писанныя къ кому-либо, начиная съ конца 1844 года, и, сдѣлавши изъ него строгій выборъ того, что̀ можетъ доставить какую-нибудь пользу душѣ, издать отдѣльною книгою. Въ этихъ письмахъ было кое-что, послужившее въ пользу тѣмъ, къ которымъ они были писаны“[1]). По соображеніямъ, высказаннымъ Н. С. Тихонравовымъ, завѣщаніе было написано во время лѣтнихъ мѣсяцевъ 1845 года, т.-е. когда Гоголь еще только принимался за выполненіе своего задуманнаго плана. Дѣлая приведенное нами распоряженіе о собираніи писемъ, Гоголь, конечно, долженъ былъ опираться на извѣстныя уже друзьямъ изустныя просьбы, а такъ какъ передъ тѣмъ, опасаясь за исходъ болѣзни, только-что вторично говѣлъ и пріобщался святыхъ таинъ въ Веймарѣ съ графомъ Толстымъ[2]), то можно смѣло заключить, что, если

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 3.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 197.

такое желаніе было выражено Гоголемъ изустно (письменно оно до завѣщанія *нигдѣ* не было высказано), то вѣроятнѣе всего, конечно, Толстому. Но еще въ Веймаръ Гоголь выѣхалъ въ состояніи совершенно нерѣшительномъ насчетъ болѣзни“ [1]) и, слѣдовательно, также несомнѣнно говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ Жуковскимъ. Ясно впрочемъ, что приведенныя слова изъ завѣщанія не совсѣмъ согласны съ тѣмъ мѣстомъ предисловія, гдѣ, какъ мы видѣли, инціатива въ изданіи писемъ приписывается какъ будто друзьямъ, тогда какъ завѣщаніе было написано *прежде* предисловія, слѣдовательно, если относиться съ безусловной вѣрой къ обоимъ показаніямъ, то окажется, что друзья могли развѣ своимъ сочувствіемъ и одобреніемъ къ письменной и изустной проповѣди Гоголя утвердить его въ мысли, предварительно созрѣвшей у самого автора. Они могли при этомъ иногда и не знать опредѣленно о замыслѣ Гоголя, но своимъ высокимъ мнѣніемъ о достоинствахъ его, какъ моралиста, невольно отвѣчать на его тайную мысль. Въ этомъ послѣднемъ значеніи число друзей, имѣвшихъ вліяніе на изданіе „Переписки“, дѣйствительно чрезвычайно расширяется и можетъ быть смѣло опредѣляемо почти всѣмъ тѣмъ количествомъ лицъ, съ которыми Гоголь находился въ наиболѣе тѣсныхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ во время, ближайшее изданію книги. Сообразивъ при этомъ, что, запрещая ставить по себѣ какой-либо вещественный памятникъ [2]), Гоголь требовалъ отъ всѣхъ своихъ почитателей „непоколебимой твердости въ жизненномъ дѣлѣ“ и припомнивъ его слова, что и самъ онъ, „какъ бы ни былъ слабъ и ничтоженъ, всегда ободрялъ друзей“ и что „изъ тѣхъ, кто сходился ближе“ съ нимъ „въ послѣднее время — никто въ минуту своей тоски и печали, не видѣлъ на немъ унылаго вида“ [3]) и проч. — мы убѣдимся, что сплошь все

---

[1]) Г. Матвѣевъ по забавному недоразумѣнію, основанному на опечаткѣ въ изданіи г. Кулиша, относитъ эти факты къ 1846 г.

[2]) По этому поводу Шевыревъ писалъ Гоголю: «Разумъ твой убѣжденъ въ истинѣ нашей церкви и православія, но воля твоя заражена современною болѣзнью, болѣзнію личности, и ты дѣйствуешь скорѣе, какъ римскій католикъ, а не какъ православный»... «*Въ тебѣ есть самообожаніе*». (Отч. Импер. Публичн. Библ. за 1893 г., стр. 43). Въ свою очередь, Гоголь любилъ отъ того же предостерегать А. О. Смирнову.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 7.

содержаніе переписки Гоголя съ Смирновой и Віельгорскими, съ Языковымъ и другими, является подтвержденіемъ высказанной нами мысли: всѣхъ названныхъ лицъ Гоголь не уставалъ, ободрять, наставлять и всѣ они отвѣчали ему на это признательностью. Между тѣмъ такого рода письма начинаются у Гоголя гораздо раньше 1844 г., напримѣръ, совершенно такимъ характеромъ проникнуто не только письмо къ Языкову отъ 8 іюля 1843 г., но и письма къ Данилевскому отъ 4 августа 1841 г. и особенно письма отъ $^{26}/_{14}$ февраля 1843 г. и 20 іюня 1843 г.[1]). Но отъ Данилевскаго Гоголь получилъ стойкій отпоръ, тогда какъ другіе напротивъ отнеслись съ полнымъ благоговѣніемъ къ его проповѣди и тѣмъ помогли ему вступить на путь нравственнаго руководительства своихъ ближнихъ. Затѣмъ этотъ фазисъ его духовнаго развитія, тѣсно связанный съ ходомъ его упорной работы надъ самоусовершенствованіемъ, опредѣлился постепенно, будучи въ значительной степени облегченъ готовностью друзей выслушивать и принимать его наставленія. Итакъ постепенное развитіе въ Гоголѣ потребности дѣлиться своими результатами внутренняго воспитанія и „духовными открытіями“ можно обозначить слѣдующимъ образомъ: сперва онъ высказывался въ духѣ и тонѣ поученій въ болѣе или менѣе исключительныхъ случаяхъ, напр. въ напутственномъ письмѣ Языкову, въ письмахъ Данилевскому по поводу предстоявшаго ему выбора карьеры и перемѣны привычнаго образа жизни; затѣмъ, благодаря благопріятному стеченію обстоятельствъ и особенно дружбѣ съ Смирновыми и Віельгорскими, наставленія и духовное руководительство стало для Гоголя дѣломъ вполнѣ естественнымъ и привычнымъ при его искреннемъ желаніи приносить пользу душамъ ближнихъ; наконецъ, подъ впечатлѣніемъ письма Языкова, но особенно подъ вліяніемъ пережитыхъ имъ ужасныхъ угрозъ ожидаемой смерти и внѣшней необходимости достать средства для поѣздки въ Іерусалимъ, у него зародилась и сформировалась мысль о великомъ нравственномъ подвигѣ передачи всего перечувствованнаго и передуманнаго на поученіе родины. Послѣднимъ и

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, 429, 446—447 и «Древняя и Новая Россія», 1879, I, 59—63. Письмо къ Данилевскому отъ $^{26}/_{14}$ февраля ошибочно отнесено въ изданіи Кулиша къ 1841 г. вмѣсто 1843 г.

сильнѣйшимъ толчкомъ была, конечно, страшная перенесенная имъ болѣзнь, выздоровленіе отъ которой внушило вторично мысль объ его исключительно-высокомъ призпаніи, для исполненія котораго Богъ чудеснымъ образомъ хранитъ его дни. Во время болѣзни Гоголь пережилъ такъ много, перестрадалъ такіе ужасы, что безъ преувеличенія никакія слова не въ состояніи были бы передать всю глубину охватившаго все его существо невыразимаго трепета, когда онъ чувствовалъ себя уже добычею смерти, — трепета, замѣнившагося потомъ жгучимъ восторгомъ напряженнаго религіознаго чувства, горячаго чувства благодарности Творцу и благоговѣнія передъ Нимъ. Такіе часы могъ пережить только человѣкъ, стоявшій на краю гроба и какъ бы чудомъ возвращенный къ жизни. Это цѣлое душевное событіе, не передаваемое и не поддающееся описанію. Это впечатлѣнія неизгладимыя и навсегда врѣзывающіяся въ душу. Гоголь захотѣлъ все это передать печатно, надѣясь, что „Прощальная повѣсть" выпоется сама собой изъ души; онъ чувствовалъ желаніе и обязанность высказать многое, но на бездушной бумагѣ это многое обращалось въ какія-то мертвыя слова, и только изрѣдка у него вырывались восклицанія, дающія возможность хоть нѣсколько заглянуть въ его истерзанную ужасомъ и страданіями душу, какъ напр.: „Страшна душевная чернота, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоитъ передъ глазами" или: „замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія" и „стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся"[1]). Такая задушевная, горячо прочувствованная исповѣдь, такая неудержимая потребность подѣлиться своими чувствами со всѣми и, такъ сказать, публично излить свою душу, соединенная съ пламенной любовью къ ближнимъ, представляютъ поразительный контрастъ съ тѣмъ, чтò на самомъ дѣлѣ сказалось у Гоголя на другихъ страницахъ его книги и чтò вообще выходило въ послѣдніе годы изъ-подъ его пера. Для того, чтобы перелить свои чувства въ другихъ, чтобы потрясти ихъ до глубины души, Гоголю не то чтобы недо-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 7 и 8.

ставало въ данномъ случаѣ его лучшаго и дѣйствительнѣйшаго орудія — яркихъ художественныхъ образовъ, которые бы способны были навсегда запечатлѣться въ душѣ, но по самой сущности представленій даннаго порядка, они, будучи, подобно другимъ, безконечно ярки и жизненны въ душѣ автора, уже видѣвшаго передъ собой почти съ осязательной очевидностью „загробное величіе и тѣ духовныя высшія творенія Бога, передъ которыми пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ“ — эти представленія, не укладываясь, однако, въ рамки конечныхъ образовъ, при передачѣ другимъ людямъ, не достаточно приготовленнымъ къ ихъ воспріятію, отзывались одной напыщенной и мертвой аффектаціей. Изобразить въ яркой, потрясающей поэтической картинѣ тоску умирающаго и адскія муки предсмертнаго ужаса Гоголь, конечно, не отказался бы и въ книгѣ правоучительнаго содержанія, чтобы сильнѣе подѣйствовать на чувства читателей, но это было недостижимо уже потому, что въ художественной формѣ можно передать сколько-нибудь отчетливыя и разнообразныя впечатлѣнія, а не въ высшей степени однообразный и томительно напряженный почти до безпамятства и безпредметнаго ужаса душевный пароксизмъ, отъ котораго осталось послѣ какое-то смутное, хотя и сильное, болѣзненно-ноющее воспоминаніе. Подобное состояніе души Гоголь слегка изображаетъ однажды во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, говоря о Чичиковѣ. „Онъ былъ блѣдный, убитый въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собой черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему“[1]). Намъ кажется, впрочемъ, что вопли, вырвавшіеся изъ глубины души Гоголя и теряющіе значительную долю силы на бумагѣ, при извѣстныхъ условіяхъ во время интимной изустной бесѣды могли доходить до сердца внимательныхъ слушателей, болѣзненно пронизывая ихъ душу и отзываясь какимъ-то особеннымъ нервнымъ отголоскомъ; но и тутъ прежде всего необходимо глубокое нравственное сочувствіе къ говорящему, основанное или на беззавѣтной преданности ему, или на собственномъ когда-либо пережитомъ соотвѣтствующемъ психологическомъ состояніи. Во всякомъ случаѣ общимъ достоя-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 395.

віемъ такое исключительное настроеніе сдѣлаться не можетъ, и въ этомъ капитальная ошибка автора, въ которую онъ впалъ въ то же почти время въ „Развязкѣ Ревизора“, ошибка, повторенная потомъ и въ „Авторской Исповѣди“. Въ первой Гоголь заставляетъ съ такой же прочувствованной исповѣдью обратиться къ публикѣ главнаго комическаго автора. Въ статьѣ „О театрѣ“, онъ говоритъ: „нѣтъ выше того потрясенія, которое производитъ на человѣка совершенно согласованное согласіе (sic) всѣхъ частей между собою, которое доселѣ могъ только слышать онъ въ одномъ музыкальномъ оркестрѣ и которое въ силахъ сдѣлать то, что драматическое произведеніе можетъ быть дано болѣе разовъ сряду, нежели наплюбимѣйшая опера. Что̀ ни говори, а звуки души и сердца, выражаемые словомъ, въ нѣсколько разъ разнообразнѣе музыкальныхъ звуковъ“[1]) На этотъ разъ Гоголь разсчитывалъ на совершенно необычайное потрясеніе, подобно тому, какъ разсчитывалъ на это въ „Перепискѣ съ друзьями“ и какъ ждалъ его отъ будущихъ стихотвореній Языкова. Сравнивая рѣчь перваго комическаго актера съ завѣщаніемъ въ „Перепискѣ съ друзьями“, мы находимъ не только поразительное внутреннее сходство, но и совершенно такое же необычное публичное обращеніе въ тонѣ проповѣдника къ сердцамъ всѣхъ присутствующихъ въ театрѣ, которыхъ первый комическій актеръ также называетъ здѣсь торжественно „соотечественниками“ и которымъ говоритъ со сцены: „клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ“[2]). Тамъ есть наконецъ замѣчательно сходное предупрежденіе о томъ, чтобы „наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедію, да не кончилась бы такою трагедіей, какою не кончилась эта комедія, которую только-что сыграли мы“. „Что̀ ни говори, но страшенъ тотъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба“[3]). Задушевное обращеніе съ прочувствованнымъ словомъ къ цѣлой массѣ людей встрѣчалось въ произведеніяхъ Гоголя и раньше, представляя собою несомнѣнный зародышъ разсматриваемаго здѣсь его

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 62.
[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 351.
[3]) См. Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 350.

позднѣйшаго настроенія, но прежде это вполнѣ объяснялось и оправдывалось исключительными обстоятельствами и исключительной обстановкой. Мы говоримъ здѣсь объ извѣстной рѣчи Тараса Бульбы къ войску, такъ какъ торжественное слово самого Гоголя ко всему русскому народу въ „Завѣщаніи" и въ „Развязкѣ Ревизора" является несомнѣннымъ отраженіемъ того же самаго душевнаго настроенія. Сходство это доказывается особенно сличеніемъ заключительныхъ строкъ „Развязки Ревизора" („Дружно докажемъ всему свѣту, что въ русской землѣ все, что̀ ни есть, отъ мала до велика, стремится служить Тому же, Кому все должно служить на землѣ, несется туда же кверху, къ верховной вѣчной красотѣ") и содержаніемъ всей рѣчи Тараса Бульсы къ войску и особенно также заключительными строками этой рѣчи[1]). Такъ постепенно и еще очень давно зарождалось у Гоголя настроеніе, сильно замѣчаемое въ его послѣднихъ произвеніяхъ.

Но если невозможно заподозрѣвать искренность всѣхъ этихъ горячихъ лирическихъ порывовъ у Гоголя, то нельзя съ другой стороны отрицать безусловную справедливость замѣчанія покойнаго Чернышевскаго, находившаго, что Гоголь, „изображая съ поразительной вѣрностью правду нашей жизни, недостаточно вникалъ въ причины и взаимное отношеніе этихъ фактовъ". Только этимъ заблужденіемъ и можно объяснить приведенныя нами заключительныя строки „Развязки Ревизора", имѣвшія, очевидно, своимъ назначеніемъ содѣйствовать нравственному возрожденію зрителей. Гоголь ошибался, преувеличивая значеніе личныхъ добрыхъ намѣреній безъ связи ихъ съ внѣшними условіями и ходомъ общественной жизни[2]); но въ оправданіе его необходимо сказать, что съ другой стороны отрицать вообще ихъ значеніе нельзя, а провести болѣе или менѣе вѣрно черту между обоими факторами дѣятельности каждаго, дѣло очень нелегкое, что̀ доказывается уже существованіемъ едва ли разрѣшимыхъ когда-либо философскихъ споровъ на подобныя темы. Гоголь безспорно былъ слишкомъ мало знакомъ съ научными теоріями по дан-

---

[1]) Тамъ же, стр. 352 и т. I, стр. 329; ср. также, т. III, стр. 386—387.

[2]) Ср. въ рѣчи генералъ-губернатора во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». (Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 409—410).

нымъ вопросамъ и вообще съ результатами отвлеченной мысли и оставался всецѣло эмпирикомъ на почвѣ патріархальной, исключительно личной морали, вслѣдствіе чего и не могъ предвидѣть и особенно предугадать вѣскость сдѣланныхъ ему вскорѣ возраженій, изъ которыхъ самое убійственное своею неожиданностью было предполагаемое Чернышевскимъ: „ты читалъ не тѣ книги, какія тебѣ нужно было читать“. Справедливо съ другой стороны, что наставленія Гоголя, проистекавшія изъ чистаго источника, несмотря на непримѣнимость и ошибочность нѣкоторыхъ изъ нихъ, основательно вызвавъ противъ себя возраженія со стороны современной печати, не заслуживали, однако, того безпощаднаго и желчнаго пріема, которымъ была встрѣчена книга. Схватка Гоголя на литературной аренѣ съ его лучшимъ критикомъ могла быть въ высшей степени полезна и поучительна для общественнаго развитія, но самимъ противникамъ она не принесла ничего кромѣ вредныхъ страданій и глубокаго нравственнаго потрясенія; на глазахъ читающей публики разыгралась кровавая драма, актерами и жертвами которой были люди, страстно искавшіе каждый по своему истины и свѣта, но съ безповоротно опредѣлившимися міросозерцаніями, люди способные нанести жестокія раны, но никакъ уже не поддержать и направить другъ друга.

CI.

Слѣдующимъ вопросомъ, важнымъ при опредѣленіи условій, при которыхъ создавалась „Переписка съ друзьями“, является провѣрка другого заявленія Гоголя въ предисловіи: „выбираю самъ“ — говоритъ онъ — „изъ моихъ послѣднихъ писемъ, *которыя мнѣ удалось получить назадъ*, все, что болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество“ и проч. Безъ всякаго сомнѣнія, слова эти далеки отъ буквальной точности уже по одному тому, что объ этомъ мы нигдѣ не находимъ ни слова во всей напечатанной перепискѣ какъ Гоголя, такъ и его друзей, а безусловное и намѣренное устраненіе всѣхъ относящихся сюда слѣдовъ и притомъ *каждый разъ съ обѣихъ сторонъ* едва ли кто рѣшится допустить. Во-вторыхъ, самъ Гоголь въ извѣстномъ намъ письмѣ къ о. Матвѣю категорически отрицаетъ какую-либо точку соприкосновенія

между своими изустными бесѣдами и вообще сношеніями съ гр. А. П. Толстымъ и съ содержаніемъ адресованныхъ къ нему писемъ въ „Выбранныхъ Мѣстахъ“; слѣдовательно, какое бы значеніе ни придавали мы этимъ строкамъ, но во всякомъ случаѣ между двумя указанными утвержденіями Гоголя существуетъ нѣкоторое несоотвѣтствіе, не позволяющее ихъ оба принимать безъ дальнѣйшей критики. По всему сказанному нами раньше мы склоняемся къ тому предположенію, что фактъ возвращенія писемъ автору имъ сильно преувеличенъ и что, если письма и возвращались, то поступали въ печать послѣ такой существенной переработки, что обыкновенно содержаніе статьи составлялось не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ писемъ или еще чаще изъ общаго содержанія переписки съ какимъ-либо однимъ или нѣсколькими лицами; основныя мысли являлись въ новыхъ комбинаціяхъ, при чемъ передъ умственнымъ взоромъ автора могли въ одной и той же статьѣ даже мѣняться лица, къ которымъ онъ обращался мысленно съ рѣчью. Отъ первоначальныхъ источниковъ оставались только намеки или въ нѣкоторыхъ случаяхъ общая канва. Подтвержденіе этому мы видимъ прежде всего на статьѣ: „Женщина въ свѣтѣ“.

По нашему мнѣнію, статья „Женщина въ свѣтѣ“ составлена первоначально именно по указаннымъ Н. С. Тихонравовымъ письмамъ Гоголя къ А. О. Смирновой, но такъ какъ Гоголю было неудобно удержать безъ перемѣнъ всякія щекотливыя подробности, касающіяся семейнаго положенія, возраста и вообще личныхъ особенностей корреспондентки, то все это слегка видоизмѣнено и вмѣсто нѣкоторыхъ откровенныхъ упрековъ данной особѣ, мы встрѣчаемъ въ статьѣ напротивъ изображеніе ея нравственныхъ достоинствъ, заимствованныхъ у другой личности — С. М. Соллогубъ, поставленной въ подлинномъ письмѣ напротивъ въ примѣръ Смирновой. Право на такое предположеніе мы имѣемъ въ виду замѣчанія самого Гоголя въ его письмѣ къ Щепкину по поводу Н. М. Загоскина, изображеннаго въ „Развязкѣ Ревизора“ въ лицѣ Семена Семеновича: „Семену Семеновичу нужно дать болѣе благородную замашку, чтобы не сказали, что онъ взятъ съ Мих. Ник. Загоскина“ [1]). Тѣми же самыми соображеніями

---

[1]) Въ подлинномъ письмѣ по ошибкѣ стоитъ: Ник. Мих. Загоскина.

деликатности, очевидно, и еще въ гораздо большей степени руководился Гоголь и въ статьяхъ, касающихся А. О. Смирновой: „Женщина въ свѣтѣ“, „Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту, при нынѣшнемъ положеніи вещей въ Россіи“ [1]). Кромѣ того на такую переработку первоначальнаго текста писемъ, быть можетъ по памяти, указываетъ выше приведенное мѣсто одного письма къ Смирновой: „Письма эти были къ помѣщикамъ, должностнымъ людямъ; письмо къ вамъ о томъ, что̀ можетъ дѣлать губернаторша, попало тоже туда, а потому вы не удивляйтесь, что оно пришлось вамъ не совсѣмъ кстати: я написалъ его вамъ, уже имѣя въ виду многихъ другихъ“ [2]).

Въ этихъ строкахъ важно также то, что Гоголь въ нихъ указываетъ на только что упомянутое письмо, какъ на *единственное,* которое написано было къ Смирновой, слѣдовательно другія, уже сильно измѣненныя, весьма мало и отрывочно воспроизводили подлинныя письма къ ней же. Любопытно далѣе, что Гоголь не разъ, уже затронувъ какую-нибудь мысль въ одной изъ своихъ статей въ примѣненіи къ опредѣленнымъ обстоятельствамъ, въ другихъ случаяхъ развивалъ ее глубже и подробнѣе и придавалъ ей болѣе общее значеніе, вслѣдствіе чего у него могутъ быть замѣчены частыя повторенія, обычныя вообще у людей, привыкшихъ часто и открыто излагать свои взгляды на жизнь. Примѣры мы не разъ встрѣтимъ ниже; теперь же отмѣтимъ въ статьѣ „Женщина въ свѣтѣ“ слѣдующія строки: „всякому теперь кажется, что онъ могъ бы надѣлать много добра на мѣстѣ и въ должности другого, и только не можетъ сдѣлать его въ своей должности. Это причина всѣхъ золъ“. Ту же мысль встрѣчаемъ въ статьѣ „Русскій помѣщикъ“: „всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ“ [3]). Наконецъ, очевидно, та же самая мысль положена въ основаніе статьи: „Чей удѣлъ на землѣ выше?“ Послѣдняя коротенькая статейка, являющаяся какъ будто бы отвѣтомъ на запросъ ка-

---

[1]) Поэтому мы остаемся при оспариваемомъ Н. С. Тихонравовымъ мнѣніи, что послѣднее письмо относится въ сущности къ Смирновой, но, разумѣется, не въ томъ безусловномъ значеніи, какъ мы это высказали прежде въ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя», изд. I. стр. 70. (См. Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 536).

[2]) «Указатель къ письмамъ Гоголя», изд. I, стр. 85.

[3]) Соч. Гоголя, изд X, т. IV, стр. 118.

кого-то У—скаго, въ сущности просто повторяетъ одно изъ тѣхъ же убѣжденій Гоголя, съ разными варіаціями, которое онъ излагалъ въ бесѣдахъ и письмахъ Языкову [1]), Данилевскому, Смирновой, Віельгорскимъ, наконецъ во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ [2]). Такъ въ письмѣ къ Данилевскому (1844 г.) изъ Франкфурта Гоголь говоритъ: „вопросъ въ томъ, для чего взята нами должность? Если взята для себя, она будетъ скучна; если взята для другихъ, вслѣдствіе загорѣвшагося въ душѣ желанія служить другому, а не себѣ, она не будетъ скучна. Всѣ наслажденія наши заключены въ пожертвованіяхъ“ [3]) Въ этой же статьѣ Гоголь замѣчаетъ, что участь получившаго одинъ талантъ лучше, нежели получившаго пять, „именно оттого, что онъ не пользовался извѣстностью и не вкушалъ очаровательнаго напитка земной славы“ [4]), подобно тому, какъ въ одномъ письмѣ къ графинѣ Л. К. Віельгорской онъ называетъ извѣстность худымъ паспортомъ на тотъ свѣтъ [5]).

Возвращаясь къ разбираемой статьѣ, замѣтимъ, что Гоголь задался въ ней цѣлью объяснить своей предполагаемой знакомой, что̀ можетъ полезнаго сдѣлать женщина въ своей скромной сферѣ. Въ этомъ отношеніи статья „Женщина въ свѣтѣ“ преслѣдуетъ ту же цѣль, что̀ и статья: „Чѣмъ можетъ быть жена для мужа“. Первая статья служитъ, повидимому, отвѣтомъ на жалобы и недоумѣнія какой-то уважаемой авторомъ молодой особы, неудовлетворенной безполезностью своей роли въ обществѣ и неимѣніемъ случая оказать помощь мужу, не занимающему никакой отвѣтственной должности, быть полезной дѣтямъ, которыхъ у нея еще нѣтъ, заниматься хозяйствомъ въ помѣстьѣ и вообще посвятить себя какой-нибудь опредѣленной и плодотворной дѣятельности. Предполагаемая молодая особа представлена прекрасно сознающей сущность каждой изъ названныхъ обязанностей, которыя она съ радостью готова была бы взять на себя, но не имѣетъ къ тому случая; свое пониманіе этихъ обязанностей она выразила,

---

1) См. примѣч. Н. С. Тихонравова въ третьемъ томѣ X изданія сочиненій Гоголя, стр. 471—472.

2) См. Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 399; т. IV, стр. 396.

3) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 64.

4) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 167.

5) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 94.

по словамъ статьи, „такъ хорошо, какъ до сихъ поръ еще никогда не выражались *никакія женскія строки*"[1]. Н. С. Тихонравовъ полагалъ, что этимъ лицомъ могла быть С. М. Соллогубъ, что въ самомъ дѣлѣ представляется весьма вѣроятнымъ въ виду совпаденія многихъ довольно существенныхъ признаковъ: С. М. Соллогубъ дѣйствительно всегда тяготилась пустой свѣтской жизнью и по скромности не играла въ свѣтѣ той роли, на которую имѣла всѣ права по рожденію, уму и воспитанію; она же, какъ справедливо указалъ академикъ Тихонравовъ, обладала приписываемой ей „высшей красотой — чистой прелестью какой-то особенной, одной ей свойственной невинности". „Эту невинность", говорилъ ей Гоголь, „я не умѣю опредѣлить словомъ, но въ ней такъ и свѣтится всѣмъ ваша голубиная душа. Знаете ли", продолжаетъ онъ, — „что мнѣ признавались наиразвратнѣйшіе изъ нашей молодежи, что передъ вами ничто дурное не приходило имъ въ голову" и проч. Далѣе „небесное безпокойство о людяхъ", „ангельская тоска о нихъ" и проч. — все это изъ всѣхъ знакомыхъ Гоголю дамъ дѣйствительно больше всего подходило именно къ С. М. Соллогубъ, личности въ высшей степени свѣтлой и привлекательной, съ чистой, такъ сказать, кристальной душой и гораздо болѣе способной влiять нравственнымъ авторитетомъ высокоцѣломудренной и честной натуры, нежели блистать въ обществѣ тѣми внѣшними преимуществами, которыя особенно цѣнятся въ свѣтѣ. О С. М. Соллогубъ Гоголь прямо выражался въ письмѣ къ Смирновой, что „душа ея какъ будто еще небеснѣе прежняго, и ангельства въ ней еще больше"[2] и совѣтовалъ всякій разъ, когда случится „вести разговоръ съ молодымъ вѣтрогономъ или изношеннымъ старичишкой, воображать, что тутъ же сидитъ Софья Михайловна, и все будетъ хорошо"[3]. Все это вполнѣ основательно указано Тихонравовымъ. Но дѣло въ томъ, что письмо написано: графинѣ ...ой, а не Соллогубъ, и отнесено къ 1846 г., когда С. М. не могла уже жаловаться, что не можетъ быть полезной дѣтямъ, такъ какъ у нея былъ уже тогда сынъ Александръ и дочь Софья, прозванная Беби[4].

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 13.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 96.

[3]) Тамъ же, стр. 95.

[4]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 95.

и, какъ видно изъ напечатанной нами переписки Віельгорскихъ съ Гоголемъ, она была напротивъ уже совершенно погружена въ свои семейныя обязанности, въ которыхъ находила высшее наслажденіе жизни. Кромѣ того, Гоголь, затрогивая тѣ же самые вопросы, что̀ и въ статьѣ, писалъ еще прежде Смирновой, что ему „иногда случалось быть свидѣтелемъ, какъ женщина овладѣвала всеобщимъ разговоромъ; разговоръ вовсе не былъ какой-нибудь нравоучительный, но однакожъ много было сказано такого, которое какъ-то невольно дошло до души, а между разговаривавшими были, однакожъ, очень развратные, но никому не было скучно. И послѣ разговора, какъ будто невольно почувствовалось какое-то благоуханіе, точно какъ бы въ комнатѣ покурили чѣмъ-то пріятнымъ“[1]). Здѣсь слѣдовательно имѣлись въ виду наблюденія болѣе общаго характера. Наконецъ, что статья „Женщина въ свѣтѣ“ безусловно *не могла быть* первоначально письмомъ къ С. М. Соллогубъ, доказывается ея собственнымъ вопросомъ къ Гоголю по выходѣ книги: „сестра и я, мы очень любопытны знать, кому вы пишете первое ваше письмо, которое намъ такъ понравилось, т.-е. „Женщина въ свѣтѣ“[2]). Затѣмъ Гоголь говоритъ въ статьѣ: „едва вышли вы замужъ за человѣка благороднаго, умнаго, имѣющаго всѣ качества, чтобы сдѣлать счастливою жену свою, какъ уже, намѣсто того, чтобы сокрыться въ глубину вашего домашняго счастья, мучитесь мыслью, что вы недостойны такого счастья“ — выраженіе, опять какъ будто отвѣчающее на слова С. М. Соллогубъ, послѣ описанія ея семейнаго счастья, что она чувствуетъ, „что всего этого недостойна“[3]). Слова: „не убѣгайте свѣта, среди котораго вамъ назначено быть; не спорьте съ Провидѣньемъ“, также могли бы относиться не только къ А. О. Смирновой, но и къ С. М. Соллогубъ. Далѣе жалоба на „выдохшееся свѣтское общество, которое безлюднѣе самаго безлюдья“ въ разныхъ варіаціяхъ встрѣчается постоянно въ письмахъ Смирновой отъ 24 октября 1844, а отчасти и въ письмѣ отъ 24 декабря того же года. Изъ всѣхъ этихъ справокъ и сличеній общее заключеніе

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 77.
2) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 117.
3) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 92.

является такое: статья „Женщина въ свѣтѣ“ написана подъ впечатлѣніями отъ переписки Смирновой, но всѣ упреки и осужденія, неприличныя въ печатномъ воспроизведеніи писемъ, замѣнены наставленіями болѣе деликатнаго и смягченнаго характера, при чемъ въ корреспонденткѣ признаются именно тѣ идеальныя черты, въ которыхъ Гоголь отказывалъ Смирновой и какія приписывалъ С. М. Соллогубъ. Не знаемъ только, на какомъ основаніи С. Т. Аксаковъ *положительно* утверждалъ, что будто бы письмо это обращено не къ С. М. Соллогубъ, а къ ея старшей сестрѣ, Аполлинѣ Михайловнѣ Веневитиновой [1]).

Отмѣтимъ въ заключеніе, что въ эту же статью „Женщина въ свѣтѣ“ Гоголь включилъ одну мысль, уже выраженную имъ въ первой части „Мертвыхъ Душъ“: все мѣсто, касающееся обременительной для чиновниковъ страсти ихъ женъ къ нарядамъ, вовлекающей ихъ въ лишніе расходы и заставляющей брать взятки, представляетъ переработку и дальнѣйшее развитіе мысли, высказанной отъ лица Чичикова въ VIII главѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ [2]): „вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль или на разные роброны, провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? чтобы не сказала какая-нибудь подстега Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье, да изъ-за нея бухъ тысячу рублей“ [3]).

CII.

Отъ писемъ, адресованныхъ въ книгѣ А. О. Смирновой, переходимъ къ еще болѣе любопытнымъ и важнымъ письмамъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 162.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 173—174.

[3]) Всѣ эти письма Гоголя къ А. О. Смирновой много разъ подвергались обсужденію въ печати. Особенно извѣстны возраженія на нихъ Н. Ф. Павлова. Но любопытно также мало извѣстное возраженіе Гоголю кн. Дмитрія Оболенскаго, издателя Архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго подъ заглавіемъ: «Хроника недавней старины», замѣтившаго, что Н. В. Гоголь никогда не видалъ и не зналъ княгини Оболенской и судилъ о ней по разсказамъ; но что если бы онъ зналъ княгиню, то «объяснилъ бы тайну вліянія ея на общество и понялъ бы, что предложенный имъ рецептъ, какъ сдѣлаться хорошей губернаторшей, никуда не годится», такъ какъ вся тайна вліянія женщины на общество заключается именно въ безыскусственной правдѣ и сердечной теплотѣ отношеній къ людямъ, а этой правды, этой теплоты, любви по заказу пріобрѣсти нельзя, всякая же подделка подъ эти чувства скорѣе отталкиваетъ, нежели привлекаетъ людей» (стр. 291).

къ графу А. П. Толстому. Познакомившись на разборѣ первыхъ, съ внѣшними пріемами, которымъ слѣдовалъ авторъ при составленіи „Переписки съ друзьями“, попытаемся заглянуть въ духовный процессъ, совершавшійся въ его душѣ во время этого труда. Письма къ гр. Толстому въ данномъ случаѣ являются особенно поучительными въ виду явнаго вліянія послѣдняго на усиленіе религіознаго настроенія въ Гоголѣ. Въ своихъ сношеніяхъ съ Смирновой Гоголь игралъ преимущественно роль руководителя, тогда какъ сближеніе его съ гр. Толстымъ, возникшее на почвѣ сходныхъ въ общихъ чертахъ настроеній и взглядовъ обоихъ, благодаря разногласію въ нѣкоторыхъ пунктахъ, способствовало дальнѣйшей разработкѣ міросозерцанія Гоголя и несомнѣнно отражалось на его направленіи. Въ бесѣдахъ съ Смирновой Гоголь преслѣдовалъ исключительно цѣль практическую — передавать своему другу выработанныя убѣжденія и открыть ему возможность слѣдовать по пути душевнаго спасенія; напротивъ при всемъ взаимномъ сочувствіи Гоголя и Толстого ни одинъ изъ нихъ не пользовался монополіей рѣшительнаго вліянія на другого, но между ними происходила постоянно напряженная борьба мнѣній. Дружба Гоголя съ Толстымъ принадлежитъ къ числу наиболѣе интимныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она до такой степени замкнулась въ тѣсномъ кругѣ вопросовъ, касающихся здоровья физическаго и духовнаго, и окружена такой тайной, что трудно представить себѣ, насколько она могла имѣть роковое значеніе для нашего писателя. Несомнѣнно одно, что въ серединѣ сороковыхъ годовъ сближеніе между ними совершилось быстро и потомъ пошло крупными шагами впередъ, замѣтно отражаясь на Гоголѣ. Дѣло началось тѣмъ, что Толстой поразилъ Гоголя своей глубокой религіозностью и тѣмъ, что онъ не „съ европейской заносчивой высоты, а прямо съ русской здравой середины видитъ вещь[1]). Гоголь считалъ Толстого образцовымъ администраторомъ[2]), но человѣкомъ не вполнѣ отрѣшившимся отъ

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 113.

[2]) Между прочимъ Гоголя приписывалъ Толстому способность видѣть вещи «съ русской здравой середины», «умѣть видѣть ошибки другого и даже свои собственныя» и «стать на такую точку, что можетъ, не распекая и не разгоняя людей, сдѣлать существенное добро, т.-е. умирить тамъ, гдѣ иной съ благороднымъ намѣреніемъ добра, можетъ произвести кутерьму и раздоръ» (Соч. и письма

мелочныхъ житейскихъ интересовъ, напр. излишне заботящимся о тѣлесномъ здоровьѣ и такимъ образомъ убивающимъ въ себѣ эгоистическими заботами богатые дары ума и сердца. „Онъ много видѣлъ, былъ два раза губернаторомъ“, — писалъ Гоголь Языкову о Толстомъ, — „умѣлъ видѣть ошибки другого и даже свои собственныя, и теперь сталъ на такую точку, что можетъ, не распекая и не разгоняя людей, сдѣлать существенное добро, т.-е. умирить тамъ, гдѣ иной, съ благороднымъ намѣреніемъ добра, можетъ произвести кутерьму и раздоръ, но который боленъ своею болѣзнью, т.-е. болѣетъ оттого, что боленъ, и думаетъ, что прежде нужно вылѣчиться и потомъ дѣлать[1])“ и проч.

Чтобы повліять въ желательномъ смыслѣ на Толстого, Гоголь иногда дѣлалъ ему рѣзкія замѣчанія, напр.: „Оставьте въ сторону дрянные ваши зубы, которые не стоятъ гроша даже и тогда, если бы были хороши; душа лучше зубовъ и всего на свѣтѣ“[2]). Но въ то же время и самъ онъ много писалъ о собственныхъ недугахъ, только не жалуясь на нихъ, а напротивъ благословляя за нихъ свою судьбу. Такъ въ письмѣ отъ 2 января 1846 г. Гоголь писалъ: „я худѣю, вяну, слабѣю и съ тѣмъ вмѣстѣ слышу, что есть во мнѣ что-то, которое по одному мановенію высшей воли выброситъ изъ меня недуги всѣ вдругъ, хотя бы и смерть летала надо мной. Да будетъ же во всемъ святая воля надъ нами Создавшаго насъ! да обратится въ насъ все на вѣчную хвалу Ему, и болѣзни, и недуги, и все существованіе наше, да обратится въ неумолкаемую пѣснь Ему“[3]). Эти-то мысли письма и послужили поводомъ къ составленію статьи „Значеніе болѣзней“, хотя она въ сущности воспроизводитъ, конечно, приблизительно,

---

Гоголя, т. VI, стр. 113). Впрочемъ, не смотря на эту увѣренность Гоголя въ искусствѣ Толстого умирять, въ статьѣ «Занимающему важное мѣсто» онъ учитъ его, какъ попрекнуть ближняго имъ же самимъ такъ, что онъ «не найдетъ себѣ мѣста, куда ему укрыться отъ самого же себя» (Соч. Гог. изд. X, т. IV, стр. 150). Ср. съ проповѣдью Муразова Чичикову во II томѣ «Мертвыхъ Душъ» (тамъ же, стр. 392—393) и съ письмомъ къ Языкову (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 35—36). См. также замѣчанія Тихонравова (Соч. Гог., изданіе X, т. IV, стр. 481 и 518). Увлеченіе Гоголя Толстымъ ясно уже изъ вышеприведеннаго отзыва о послѣднемъ А. О. Смирновой.

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 113.

[2]) «Сборникъ въ память С. А. Юрьева», стр. 260.

[3]) Тамъ же, стр. 255.

мысли, высказанныя еще Языкову въ письмѣ отъ 4 ноября 1843 г. и особенно отъ 15 февраля 1844 г., гдѣ Гоголь прямо доказываетъ пользу болѣзней и говоритъ, что „если бы не было моря и волнъ, тогда бы и плыть было невозможно, и что тогда сильнѣе и упорнѣе слѣдуетъ грести обоими веслами, когда сильнѣе и упорнѣе противящіяся волны. Все ведетъ къ тому, чтобы мы крѣпче, чѣмъ когда-либо прежде, ухватясь за крестъ, плыли вопerекъ скорбей“ [1]) и затѣмъ: „Часто мы должны бы просить не объ отвращеніи отъ насъ несчастій, но о прозрѣніи, о проразумѣніи тайнаго ихъ промысла и просвѣтленіи очей нашихъ“ или: „состояніе души страждущей есть уже святыня“ [2]). Другія сходныя мѣста уже указаны Н. С. Тихонравовымъ.

Но Толстой, въ свою очередь, *имѣлъ вліяніе* на Гоголя, какъ это видимъ между прочимъ изъ основательныхъ упрековъ ему со стороны Гоголя въ крайней односторонности и узкости его аскетическаго міросозерцанія, тогда какъ впослѣдствіи *рѣшительная побѣда* осталась не на сторонѣ болѣе умѣреннаго Гоголя, а на сторонѣ крайняго аскета Толстого. „Вы помышляете только объ одномъ душевномъ спасеніи вашемъ“ — пишетъ ему Гоголь въ статьѣ „О театрѣ“ — „и, не найдя еще той именно дороги, которою вамъ предназначено достигнуть его, почитаете все, что̀ ни есть въ мірѣ, соблазномъ и препятствіемъ къ спасенію. Монахъ не строже васъ“ [3]). Но, не смотря на этотъ рѣшительный тонъ, смущенная совѣсть Гоголя внушала ему сомнѣнія въ прежнихъ убѣжденіяхъ, и достаточно было ему потомъ неудачной апелляціи на взгляды Толстого къ о. Матвѣю, чтобы рѣшиться вытравить изъ своей души многое, съ чѣмъ она сжилась и что̀ было для нея прежде святыней. Такимъ образомъ и статья „О театрѣ“ явилась слѣдствіемъ потребности отстоять отъ фанатическаго изувѣрства Толстого любовь къ драматическому искусству, но уже самая мысль о защитѣ театра служитъ доказательствомъ того, что возраженія получили въ его глазахъ довольно серьезное значеніе. Напрасно Гоголь ссылался на то, что „театръ такая каѳедра, съ которой можно много сказать міру добра“ и приводилъ

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 47.
2) Тамъ же, стр. 49—50.
3) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 59.

въ примѣръ св. Дмитрія Ростовскаго; напрасно объяснялъ разницу между значеніемъ серьезныхъ драматическихъ пьесъ и какого-нибудь балета [1]), — онъ обращалъ свои доводы къ человѣку, аскетизмъ котораго даже *ему* казался чрезмѣрнымъ и который былъ вовсе не расположенъ къ какимъ бы то ни было уступкамъ. Въ подобныхъ случаяхъ крайніе аскеты бываютъ убійственны тѣмъ, что, признавъ всѣ посылки (такъ какъ не могъ же онъ логически отрицать святость Дмитрія Ростовскаго), объ измѣненіи вывода не хотятъ и слышать. Убѣждая Толстого, Гоголь напротивъ замѣтно склоняется къ его точкѣ зрѣнія и согласенъ признать за театромъ значеніе „ступени къ христіанству" и самъ въ „Развязкѣ Ревизора" дѣлаетъ попытку дать своей мысли воплощеніе. Гоголь говоритъ, что „развлеченный милліонами блестящихъ предметовъ, раскидывающихъ мысли на всѣ стороны, свѣтъ не въ силахъ встрѣтиться прямо съ Христомъ. Ему далеко до небесныхъ истинъ христіанства. Онъ ихъ испугается, какъ мрачнаго монастыря, если не подставишь ему незримыя ступени къ христіанству, если не возведешь его на нѣкоторое высшее мѣсто, откуда ему станетъ виднѣе весь необъятный кругозоръ христіанства, и понятнѣе то же самое, что̀ прежде было вовсе недоступно. Среди свѣта есть много такого, что̀ для всѣхъ отдалившихся отъ христіанства служитъ незримою ступенью къ христіанству. Въ томъ числѣ можетъ быть и театръ" [2]). Если мы вспомнимъ, что еще въ 1842 г., когда Гоголь приготовлялъ къ печати свои драматическія произведенія и отрывки, онъ вовсе еще не имѣлъ этого взгляда и теперь боролся съ объявленіемъ анаѳемы театру, то намъ станетъ ясно, что всей неестественностью и фальшью „Развязки Ревизора", а затѣмъ совершеннымъ отреченіемъ отъ драматическихъ произведеній Гоголь обязанъ именно Толстому и косвеннымъ образомъ о. Матвѣю [3]) Вѣдь не мѣшала же ему прежде работа надъ „Мертвыми Душами" писать одновременно комедію съ содержаніемъ изъ украинской жизни или въ 1840 г. перевесть съ итальян-

---

[1]) Отношеніе Гоголя къ этому вопросу въ «Петербургскихъ замѣткахъ» уже разсмотрѣно Н. С. Тихонравовымъ.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 61.

[3]) Но *не прямо*, такъ какъ непосредственныя сношенія его съ о. Матвѣемъ начались позднѣе.

скаго пьесу „L'ajo nell'imbarazzo“ [1]). Впрочемъ статья „О театрѣ“ является не однимъ только возраженіемъ гр. Толстому, но излагаетъ и выработанные Гоголемъ въ данный моментъ взгляды на драматическое искусство, при чемъ мысль объ особой роли и отвѣтственности въ трагедіи перваго трагическаго актера, а въ комедіи перваго комическаго актера имѣетъ самое ближайшее отношеніе опять таки къ „Развязкѣ Ревизора“. Далѣе въ статьѣ идетъ рѣчь о необходимости устранить вмѣшательство въ театральныя дѣла посредниковъ и „секретарей“ [2]), которые могутъ только вредить дѣлу, и предоставить завѣдываніе репертуарной частью самимъ артистамъ и проч. Здѣсь высказываются мысли, къ которымъ Гоголь имѣлъ случай прійти и на основаніи наблюденій въ Римѣ надъ администраціей, завѣдывавшей дѣлами художниковъ, пенсіонеровъ петербургской академіи художествъ. Наконецъ, возвращаясь къ рѣчи объ аскетическомъ фанатизмѣ, Гоголь отражаетъ обвиненія Толстого къ Пушкину въ нехристіанствѣ. Здѣсь онъ говоритъ, что Пушкинъ не былъ „обязанъ непремѣнно въ стихахъ своихъ говоритъ о высшихъ догматахъ христіанскихъ“) [3], но уже дѣлаетъ натяжку подъ давленіемъ противоположныхъ взглядовъ и рѣшается утверждать въ защиту Пушкина, что онъ „предпочиталъ остаться *нечувствительной* ступенью въ высшему для всѣхъ тѣхъ, которые слишкомъ отдалились отъ Христа“ и что „*не дерзалъ* переносить въ стихи того, чѣмъ еще не проникласъ вся *насквозь его душа*“. Кажется, въ этихъ словахъ Гоголь слишкомъ много взялъ на себя, приписывая Пушкину то, что больше подходило къ его взглядамъ да еще послѣ вліянія Толстого, но такъ или иначе всего любопытнѣе здѣсь совершенно одинаковые пріемы въ защитѣ отъ упрековъ въ нехристіанствѣ любимаго имъ искусства и любимаго поэта, и эта тождественность лучше всего свидѣтельствуетъ объ источникѣ такихъ оправданій, имѣвшихъ, очевидно, въ виду опредѣленное направленіе мысли противника. Мы, конечно,. нисколько не утверждаемъ при-

---

1) Это замѣчаніе не противорѣчитъ обычной самостоятельности взглядовъ Гоголя на поэзію и искусство, такъ какъ касается радикальной перемѣны его міросозерцанія, отъ которыхъ уже зависѣли частныя перемѣны.

2) «Выходитъ инструкція для художника, писанная не художникомъ» (т. IV, стр. 64).

3) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 67.

надлежность Толстому отрицаемыхъ Гоголемъ взглядовъ на Пушкина; взгляды эти принадлежали Бурачку;[1]) но довольно уже того, что эти обвиненія показались ему близко напоминающими взгляды Толстого на театръ. Наконецъ любопытно въ статьѣ отчаянное нападеніе на односторонность Толстого: „Односторонніе люди, притомъ фанатики — язва для общества; бѣда той землѣ и государству, гдѣ въ рукахъ такихъ людей очутится какая-либо власть. У нихъ *нѣтъ никакого смиренія христіанскаго и сомнѣнія въ себѣ*; *они увѣрены, что весь свѣтъ вретъ, и одни они только говорятъ правду*. Другъ мой, смотрите за собой покрѣпче: вы теперь именно находитесь въ этомъ опасномъ состояніи. *Хорошо, что вы покуда внѣ всякой должности и что вамъ не ввѣрено никакого управленія*; иначе вы, котораго я знаю, какъ наиспособнѣйшаго къ отправленію самыхъ трудныхъ и сложныхъ должностей, могли бы надѣлать болѣе зла и безпорядковъ, *нежели самый неспособный изъ неспособнѣйшихъ*"[2]). Сопоставивъ эти слова съ самымъ началомъ письма: „вы очень односторонни, и стали *недавно* (?) такъ односторонни"[3]), мы убѣждаемся, что Гоголь готовъ былъ совершенно перемѣнить недавно составленный взглядъ на гр. Толстого и даже, можетъ быть, изъ одной крайности перейти въ противоположную: до такой степени художникъ еще протестовалъ въ немъ противъ гробового аскетизма его друга. „Не будьте похожи на тѣхъ святошей", пишетъ онъ, „которые желали бы разомъ уничтожить все, что̀ ни есть на свѣтѣ, видя во всемъ одно бѣсовское"[4]). За всѣми приведенными строками самымъ несомнѣннымъ образомъ скрывается глубокая драма, происходившая въ душѣ Гоголя. Если онъ нашелъ въ себѣ рѣшимость заговорить такъ съ Толстымъ, то это не могло быть безъ серьезной причины: вѣдь передъ этими упреками ничто его рѣзкій тонъ въ приведенныхъ выше строкахъ о дрянныхъ зубахъ; здѣсь споръ принималъ угрожающее положеніе. Но восторжествовали все таки Толстой и о. Матвѣй, и притомъ до того, что Гоголь, какъ это подробно показано академикомъ Тихонравовымъ, кончилъ даже

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 504—515.
[2]) Тамъ же, стр. 66—67.
[3]) Тамъ же, стр. 59.
[4]) Стр. 67.

похвалами проклинавшему Пушкина Бурачку. Послѣ этого надо смотрѣть на „Переписку“ какъ на выраженіе *не установившихся*, но *устанавливавшихся* взглядовъ автора, и, кажется, достаточно понять это, чтобы отдать свои симпатіи автору постольку, поскольку онъ отстаивалъ въ себѣ *прежняго* Гоголя, но никакъ не одобрять побѣду Бурачка и о. Матвѣя. Это указаніе кажется намъ особенно важнымъ потому, что оно должно прекратить всѣ принципіальные споры о „Перепискѣ“, потому что никто, вѣроятно, въ настоящее время *не пожелаетъ открыто статъ подъ знамя Бурачка*. Что же касается утвержденія Гоголя въ письмѣ къ о. Матвѣю, что „во время пребыванія вмѣстѣ, разговоры“ (у него съ Толстымъ) „были будто бы совсѣмъ не о тѣхъ предметахъ, о которыхъ помѣщены письма“, то мы считаемъ это совершенно невѣроятнымъ, но особенно изумительнымъ находимъ опасеніе Гоголя, чтобы о. Матвѣй не усмотрѣлъ въ этихъ письмахъ вліянія Толстого, тогда какъ о. Матвѣй былъ именно всего больше недоволенъ статьей „О театрѣ“, въ которой обнаружилось несогласіе Гоголя съ Толстымъ[1]). Полагаемъ, что въ цѣломъ рядѣ жестокихъ ударовъ, нанесенныхъ Гоголю по выходѣ „Переписки“, не было при его тогдашнемъ настроеніи ни одного столь ужаснаго для него, не исключая даже извѣстнаго письма Бѣлинскаго, какъ тотъ, который нанесъ ему о. Матвѣй убійственнымъ упрекомъ въ томъ, что книга была вредна и могла соблазнить многихъ. Едва ли не состояніемъ крайней душевной растерянности объясняется у Гоголя въ отвѣтѣ о. Матвѣю и унизительная просьба объ исходатайствованіи ему прощенія у Бурачка, котораго Гоголь признаетъ теперь „истинно-почтеннымъ“ человѣкомъ, и выгораживаніе Толстого отъ гнѣва его грознаго духовника.

Намъ остается сказать, что статья „О театрѣ“ все-таки сохраняетъ еще отголоски тѣхъ мнѣній, которыя были уже высказаны Гоголемъ въ „Театральномъ Разъѣздѣ“, какъ въ общемъ, такъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. (Ср. въ статьѣ: (У великихъ писателей) „если и попадаются насмѣшки, то надъ лицемѣріемъ, надъ кощунствомъ, надъ кривымъ толко-

---

[1]) «Вы подкрѣпляете себя тѣмъ, что нѣкоторыя вамъ извѣстныя духовныя лица возстаютъ противъ театра; но они правы, а вы неправы». (IV, 59).

ваніемъ праваго, а никогда надъ тѣмъ, что̀ составляетъ корень человѣческихъ добродѣтелей"[1]); въ „Театральномъ Разъѣздѣ": „Да развѣ пороки хвалятся? Вѣдь они же выведены на осмѣяніе"[2]).

CIII.

Разобранная выше статья „О театрѣ" была написана подъ впечатлѣніями временныхъ несогласій Гоголя съ Толстымъ; но эти несогласія никакъ не могли поколебать ихъ дружбы, которая была уже настолько сильна, что требовала компромиссовъ, а не разрыва. Основаніемъ ихъ дружбы, какъ это легко понять уже a priori, служило общее обоимъ сильное религіозное чувство, а также болѣзненное состояніе здоровья обоихъ. Однажды во время разлуки съ Толстымъ Гоголь писалъ ему: „Болѣзненныя мои минуты бываютъ теперь труднѣе, чѣмъ прежде, и трудно-трудно бываетъ противостать противу тоски и унынія. Часто желалось бы имѣть подъ бокомъ васъ или подобно вамъ думающаго только о спасеніи души человѣка, тѣмъ болѣе, что братски союзно согласованное чтеніе книгъ, полезныхъ душѣ моей, много помогало всегда"[3]), и далѣе: „тоскующій долженъ искать тоскующаго и, братски подавъ одинъ другому руку, молиться отъ всѣхъ силъ ко Христу" и пр. Съ этихъ поръ внутренняя жизнь Толстого была открыта Гоголю, считавшему своимъ нравственнымъ долгомъ направить дарованія и дѣятельность своего пріятеля на благо Россіи и удержать его отъ монастыря. Какъ видно изъ писемъ, гр. Толстой горячо принималъ къ сердцу все, касающееся родины, волновался по поводу непріятныхъ слуховъ и отзывовъ относительно ея, и въ унынін роталъ на себя и собственную душевную черствость. Гоголь отвѣчалъ ему такъ: „не трудно веселиться и свѣтлѣть духомъ, когда съ нами пребываетъ благодать Божія и Богъ не оставляетъ насъ ни на минуту; но зато въ нѣсколько разъ выше подвигъ того, кто, не получая благодати, не отстаетъ отъ Бога и выноситъ крестъ, тягчайшій всѣхъ крестовъ,—крестъ черствости душевной. Искать, желать, просить и молить о благодати есть

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 61.
[2]) Т. II, стр. 495.
[3]) «Сборникъ въ память Юрьева», стр. 247.

уже дѣйствіе и подвигъ“ [1]). Мы говорили выше о томъ, что Гоголь высказывалъ Толстому, какъ раньше Языкову и многимъ другимъ, свое убѣжденіе въ спасительности болѣзней; въ статьѣ „Нужно любить Россію“, согласно мысли только-что приведенныхъ строкъ письма, говорится также и о пользѣ страданій [2]); здѣсь Гоголь приводитъ мысль о необходимости послѣднихъ для пробужденія въ людяхъ чувства любви къ ближнимъ, которая можетъ быть единственнымъ путемъ для того, чтобы полюбить Бога. Толстого онъ прямо упрекаетъ въ недостаткѣ любви къ Богу: „Безъ любви къ Богу никому не спастись, а любви къ Богу у васъ нѣтъ“... [3]) „Вы еще не любите Россію“ — говоритъ онъ дальше: — „вы умѣете только печалиться да раздражаться слухами обо всемъ дурномъ, что̀ въ ней ни дѣлается; въ васъ все это производитъ только одну черствую досаду и уныніе“ [4]). Статья Гоголя помѣчена 1845 годомъ, эту же дату принимаетъ Н. С. Тихонравовъ; но мы склонны и здѣсь предполагать позднѣйшія передѣлки; такъ намъ кажется, что слова въ началѣ статьи: „Смотрите, сколько есть теперь на свѣтѣ добрыхъ и прекрасныхъ людей, которые добиваются жарко любви къ Богу и слышатъ только одну черствость да холодную пустоту въ душахъ“ [5]), представляютъ какъ будто бы отвѣтъ на указанныя выше жалобы Толстого на самого себя. Затѣмъ въ статьѣ высказывается мысль, что истинная любовь къ Россіи должна побудить Толстого взять мѣсто не губернатора, но капитанъ исправника и даже самое послѣднее мѣсто въ ней, что̀ снова напоминаетъ мысль статьи „Чей удѣлъ на землѣ выше?“

Позднѣе Гоголь перемѣнилъ нѣкоторые изъ высказанныхъ здѣсь взглядовъ, хотя тѣ и другіе одинаково заняли мѣсто на страницахъ „Переписки съ друзьями“. Такъ въ слѣдующей же статьѣ: „Нужно проѣздиться по Россіи“ Гоголь уже, какъ бы въ виду сдѣланнаго ему возраженія, замѣчаетъ: „Положимъ, вамъ теперь неприлично то же самое мѣсто, какое занимали назадъ тому десять лѣтъ, не потому, чтобы оно было нужно для васъ, — слава Богу, честолюбія вы не

---

1) Тамъ же, стр. 246.

2) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 95.

3) Тамъ же, стр. 94.

4) Тамъ же, стр. 95.

5) Стр. 94.

имѣете и въ вашихъ глазахъ никакая служба не низка; — но потому, что ваши способности, развившись, требуютъ уже для собственной пищи другого, просторнѣйшаго поприща“ [1]). Въ приведенной фразѣ видно желаніе согласить свои взгляды со взглядами корреспондента, въ чемъ и обнаруживается уже нѣкоторое вліяніе Толстого. Если мы затѣмъ прочтемъ внимательно вторую изъ статей, озаглавленныхъ: „Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ“, то убѣдимся, что существенный смыслъ ея заключается въ слѣдующемъ возраженіи Толстому: „нѣтъ, это даже хорошо, что духовенство наше находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ“ [2]). Толстой былъ взволнованъ нападеніями въ западной Европѣ на православную церковь и возмущался молчаніемъ нашего духовенства. Гоголь взглянулъ на дѣло иначе, полагая всякія пререканія унизительными для церкви. Затѣмъ, отрицая убѣжденіе Толстого, что нашему духовенству недостаетъ умѣнья держать себя въ обществѣ вслѣдствіе крайней его отчужденности, Гоголь признаетъ полезнымъ сохранить установившійся обычай духовныхъ лицъ встрѣчаться съ мірянами на двухъ поприщахъ: исповѣди и проповѣди. Эти два средства достаточны были для того, чтобы вліять на паству. Всѣ эти споры относились къ 1844 г., въ 1845 г. въ статьѣ: „Нужно проѣздиться по Россіи“ Гоголь, склоняя Толстого ознакомиться ближе съ Россіей при помощи поѣздокъ, говоритъ уже: „вы можете оказать большую услугу духовенству тѣхъ городовъ, черезъ которые будете проѣзжать, *познакомивъ ихъ лучше съ обществомъ,* среди котораго они живутъ, введя ихъ въ познаніе тѣхъ вещей и продѣлокъ, о которыхъ не говоритъ вовсе на исповѣди нынѣшній человѣкъ“ [3]). Послѣднее, впрочемъ, можетъ быть объяснено другимъ замѣчаніемъ Гоголя, что священнику „можно входить въ бесѣду только съ мудрѣйшими и опытнѣйшими, которые могли бы познакомить его съ душою и сердцемъ человѣка“ [4]), а къ такимъ мудрѣйшимъ и опытнѣйшимъ Гоголь несомнѣнно относилъ гр. Толстого: „Но тогда какъ прежде сила проповѣди признавалась совершенно достаточной для вліянія на мірянъ, здѣсь напротивъ высказана

[1]) Стр. 98.

[2]) Тамъ же, стр. 37—38.

[3]) Тамъ же, стр. 100—101.

[4]) Стр. 35.

мысль, что „многіе изъ духовныхъ уныли отъ множества безчинствъ, возникнувшихъ въ послѣднее время, почти увѣрились, что ихъ никто не слушаетъ и что слова и проповѣдь *роняются на воздухъ*“ [1]). Далѣе въ статьѣ: „Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ“, Гоголь доказываетъ, что священнику прежде всего необходимо внутреннее самовоспитаніе вдали отъ свѣта и что частныя сношенія съ послѣднимъ ведутъ къ мелочности и пустотѣ; въ статьѣ: „Нужно проѣздиться по Россіи“, это сужденіе распространяется на всѣхъ людей вообще: „Жизнь нужно показать человѣку, — жизнь, взятую подъ угломъ ея нынѣшнихъ запутанностей, а не прежнихъ, — жизнь, оглянутую не поверхностнымъ взглядомъ свѣтскаго человѣка, но взвѣшанную и оцѣненную такимъ оцѣнщикомъ, который взглянулъ на нее высшимъ взглядомъ христіанина“ [2]). Такъ подъ вліяніемъ обмѣна мыслей развивались и видоизмѣнялись многіе взгляды Гоголя. Недостатокъ данныхъ не позволяетъ намъ прослѣдить это подробнѣе и представить въ вполнѣ убѣдительномъ видѣ; но мы считали небезполезнымъ отмѣтить сказанное, имѣя въ виду показать на письмахъ и статьяхъ Гоголя къ Толстому слѣды вліянія другой стороны, тогда какъ въ остальной „Перепискѣ“ ничего подобнаго замѣтить невозможно. Такъ, иногда Гоголь, доказывая ту же мысль, пользуется разными доводами; напр. въ статьѣ: „Нужно любить Россію“, Гоголь признаетъ Толстого не готовымъ къ монастырской жизни, на томъ основаніи, что не находитъ въ немъ любви къ Богу, и предупреждаетъ его, что „въ монастырѣ ея не найдется; въ монастырь идутъ одни тѣ, которыхъ уже позвалъ туда самъ Богъ“ [3]); въ статьѣ „Нужно проѣздиться по Россіи“ приводится другой аргументъ: „чтобы имѣть право удалиться отъ міра, нужно умѣть распроститься съ міромъ“; раньше рѣчь шла только о предположеніи Толстого постричься, здѣсь уже о предположеніи его раздѣлить это намѣреніе съ Гоголемъ, на что послѣдній отвѣчалъ: „у васъ есть богатство, вы его можете раздать нищимъ; но что̀ же мнѣ раздать?“ [4]) и проч. Конечно, всѣ

---

1) Стр. 101.
2) Стр. 103.
3) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 94.
4) Тамъ же, стр. 96.

такія бесѣды Гоголя съ Толстымъ должны были носить совершенно интимный характеръ и отголоски ихъ въ письмахъ слишкомъ отрывочны и неясны; поэтому всему только-что указанному мы придаемъ лишь значеніе предположеній, но однако предположеній, основанныхъ на обмолвкахъ и намекахъ писемъ. Мы не можемъ напр. рѣшительно утверждать, чтобы у гр. А. П. Толстого явилась серіозная мысль о постриженіи, но считаемъ себя въ правѣ предполагать это по совершенно категорическимъ выраженіямъ Гоголя о монастырѣ, рясѣ чернеца и проч. Отъ покойной Анны Васильевны Гоголь мы слышали, будто братъ или кто-нибудь другой передавалъ ей, что Толстой одно время носилъ даже тайно вериги и проч. Но вѣрны или нѣтъ высказанныя нами предположенія, а не подлежитъ сомнѣнію, что сначала роль Гоголя въ отношеніи къ Толстому была совершенно иная, нежели въ отношеніи къ большинству другихъ друзей: послѣднихъ Гоголь старался направить на путь аскетизма, Толстого же хотѣлъ напротивъ удержать отъ его крайностей, признавая въ немъ, между прочимъ, полезныя для Россіи, выдающіяся административныя способности. Особенно казалось важнымъ Гоголю умѣнье Толстого выбирать людей и заставлять работать. У васъ чиновники рвались изо всѣхъ силъ, и одинъ записался до того, что нажилъ чахотку и умеръ, какъ ни старались вы оттащить его отъ дѣла. Чего не сдѣлаетъ русскій человѣкъ, если станетъ хорошо поступать съ нимъ начальникъ!"[1]).

Основная идея статьи „Нужно проѣздиться по Россіи" важна и потому, что впослѣдствіи Гоголь лелѣялъ въ мысляхъ самому совершить такое же путешествіе и также старался обо всемъ разузнавать[2]).

Но самой любопытной и важной изъ статей, обращенныхъ къ гр. Толстому, является несомнѣнно носящая заглавіе: „Занимающему важное мѣсто". Н. С. Тихонравовъ обстоятельно разъяснилъ, что статья эта имѣетъ въ виду лицо не занимавшее, но только способное и готовое занять важное мѣсто, и это согласно со всѣмъ ея содержаніемъ, но особенно доказывается слѣдующими возраженіями: „объ этомъ когда-нибудь мы съ вами поговоримъ послѣ, *когда вы дѣйствительно возь-*

---

[1]) Тамъ же, стр. 97.

[2]) См. «Вѣстн. Евр.», 1889. XI и пр.

мете должность“[1]), или: „вы взошли именно на ту степень состоянія душевнаго, на которой нужно быть тому, кто захотѣлъ бы сдѣлать теперь пользу Россіи“[2]), „хотя бы *пришлось* вамъ *занять* и другую должность, руководствуйтесь тѣми же правилами“[3]) и пр. Очевидно, рисуя здѣсь свой идеалъ генералъ-губернатора и раскрывая свои взгляды на значеніе его власти и на отношенія къ представителямъ разныхъ сословій и должностей, Гоголь вкладывалъ въ статью, какъ позднѣе въ послѣднюю главу второго тома „Мертвыхъ Душъ“, выработанныя имъ, самостоятельно или въ бесѣдахъ съ Толстымъ, убѣжденія, воспроизведеніе которыхъ получило форму, болѣе соотвѣтствующую дѣйствительности, нежели заглавіе. Въ послѣднемъ больше по необходимости пришлось допустить необходимую мистификацію, чтобы придать ему серіозности и значенія перенесеніемъ теоріи и отдаленныхъ проектовъ на почву живой практической жизни.

Основная мысль статьи, какъ и всей „Переписки“, заключается въ убѣжденіи, что всего цѣлесообразнѣе дѣйствовать на людей искреннимъ словомъ, идущимъ прямо къ сердцу и что именно этотъ способъ долженъ имѣть особое значеніе и вѣрный успѣхъ въ примѣненіи къ русскому человѣку. Гоголь не идеализировалъ современную русскую жизнь, но возлагалъ совершенно фантастическія надежды съ одной стороны на существующія государственныя учрежденія и съ другой на возможность всеобщаго исправленія прочувствованнымъ душеполезнымъ словомъ. Бѣлинскій, державшійся убѣжденій, діаметрально противоположныхъ всѣмъ взглядамъ, выраженнымъ въ „Перепискѣ“, разошелся съ Гоголемъ не по существу, а только въ опредѣленіи степени и размѣровъ зла, когда энергически называлъ Россію страной, „гдѣ нѣтъ не только никакихъ ручательствъ для чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей“. О такихъ же служебныхъ порядкахъ неустанно сообщала Гоголю Смирнова, и не знать объ этомъ онъ не могъ, и въ самомъ дѣлѣ

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 164.

2) Тамъ же, стр. 148.

3) Стр. 165.

онъ постоянно возстаетъ противъ взяточничества въ „Перепискѣ“ такъ же, какъ нѣкогда обличилъ его въ своей безсмертной комедіи; но Гоголь совсѣмъ не тамъ искалъ средствъ къ искорененію зла, гдѣ видѣлъ его Бѣлинскій. Ему представлялись возможнымъ два пути къ этому: собственный примѣръ представителей губерніи, что̀ онъ уже высказывалъ въ статьѣ: „Что̀ такое губернаторша“, и нравственный авторитетъ слова, идущаго прямо изъ души. „Душу и душу надо знать теперь, а безъ того не сдѣлать ничего“, говоритъ онъ Толстому. „А узнать душу можетъ одинъ только тотъ, кто началъ уже работать надъ собственной душой своей, какъ начали это дѣлать теперь вы“[1]). Въ чемъ именно заключалось это познаніе чужой души и власть надъ нею у Толстого, Гоголь уже указалъ въ статьѣ „Нужно проѣздиться по Россіи“, которую отчасти повторяетъ и разбираемая статья: „Чего не сдѣлаетъ русскій человѣкъ, если станетъ хорошо поступать съ нимъ начальникъ“[2]). Здѣсь она только развивается полнѣе: „Всякъ скажетъ вамъ все и съ вами разговорится, потому что въ лицѣ вашемъ есть уже что-то такое, что̀ внушаетъ къ вамъ довѣрчивость всѣхъ“; „вы сумѣете такъ попрекнуть плута имъ же самимъ, что онъ не найдетъ себѣ мѣста, куда ему укрыться отъ самого же себя“[3]) и „вы почувствуете, какъ благородна наша русская порода даже и въ плутѣ“[4]). Но принимать въ буквальномъ смыслѣ всѣ приписываемыя здѣсь Толстому качества нельзя уже потому, что у Гоголя слишкомъ трудно провести въ данномъ случаѣ черту между дѣйствительностью и идеаломъ; Гоголь какъ-будто видитъ въ своемъ пріятелѣ еще только задатки тѣхъ великихъ достоинствъ, которыя ему приписываются, вслѣдствіе чего, то признаетъ въ немъ главную основу ихъ, заключающуюся въ христіанскомъ смиреніи, то нѣсколько ослабляетъ это признаніе, говоря напр.: „не скажу вамъ, чтобы вы сдѣлались вполнѣ христіаниномъ, но вы близки къ тому“[5]) или „устроить дороги, мосты и всякія сообщенія, и устроить ихъ такъ умно, какъ устроили ихъ вы, есть дѣло истинно нужное; но ула-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 150.
[2]) Тамъ же, стр. 97.
[3]) Стр. 150.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же, стр. 148.

дить многія внутреннія дороги, которыя до сихъ поръ задерживаютъ русскаго человѣка въ стремленьи къ полному развитію силъ его, есть дѣло нужнѣйшее"[1]). Для того, чтобы познакомиться обстоятельнѣе съ тѣмъ, что̀ разумѣетъ здѣсь авторъ подъ выраженіемъ „внутреннія дороги", мы отсылаемъ читателей къ большому письму его къ А. С. Данилевскому, напечатанному въ „Древней и новой Россіи" (1879 г., январь, стр. 59—63), такъ какъ разъясненію этого посвящена тамъ цѣлая страница, изъ которой выпишемъ только заключительныя строки: „всѣ сойдемся мы на одной дорогѣ. Дорога эта слишкомъ широка и замѣтна для того, чтобы не попасть на нее. Въ концѣ дороги этой Богъ, а Богъ есть истина; а истина тѣмъ и глубока, что она всѣмъ равно понятна: и мудрѣйшему и младенцу". До какой степени, увлекаясь своими идеальными надеждами, Гоголь упускалъ изъ виду дѣйствительность и какія призрачно-неисполнимыя требованія предъявлялъ къ воображаемому генералъ-губернатору, видно напр. изъ его словъ: „Устройте такъ дѣла, чтобы они шли не только при васъ хорошо, но и послѣ васъ; чтобы не могъ ничего сдвинуть вашъ преемникъ, но вступилъ бы невольно уже самъ въ утвержденныя вами границы, держась вами даннаго законнаго направленія. Христосъ научитъ васъ, какъ закалять дѣло крѣпко и навѣки. Имѣйте на всѣхъ вліяніе, но вліяніе единственно затѣмъ, чтобы заставить каждаго имѣть на самого себя вліяніе"[3]). Все это можно выразить такимъ образомъ: узнайте въ чемъ истина и добро, и поступайте сами и побуждайте другихъ поступать согласно съ ними; но какъ это сдѣлать и возможно ли, этого вопроса авторъ не задаетъ себѣ, именно потому, что не разсматриваетъ дѣятельность отдѣльнаго должностного лица въ связи съ жизнью всего общества. Какъ найти ключъ къ душѣ каждаго человѣка, какъ того требуетъ Гоголь? Гоголю казалось, что генералъ-губернаторъ „патріархальностью жизни своей и простымъ образомъ обращенія со всѣми можетъ вывести вонъ моду съ ея пустыми этикетами"[4]) и проч. Для него вообще не существовало труд-

---

1) Стр. 151.

2) «Древняя и новая Россія», 1879, I, стр. 61.

3) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 165.

4) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 164 и т. VII, стр. 445—451.

ностей въ перемѣнѣ условій жизни, сложившихся подъ вліяніемъ историческихъ и соціальныхъ причинъ, такъ что его неудачный воображаемый генералъ-губернаторъ напоминаетъ отчасти боярина въ сказкѣ Карамзина, которому для того, чтобы разобрать самую сложную тяжбу и удовлетворить правосудіе, достаточно было положить чистую руку на чистое сердце. Вмѣстѣ съ тѣмъ увлеченіе мечтой у него такъ велико, что онъ относится съ презрѣніемъ къ устройству мостовъ и дорогъ, говоря: „были бы города, а они сами собой прибѣгутъ. Въ Европѣ о нихъ немного (?) хлопотали, но какъ-только явились города, сами собой явились дороги". Коренная ошибка Гоголя была въ томъ, что онъ признавалъ мимо изученія практической жизни необходимымъ и достаточнымъ для будущаго администратора погрузиться въ самоуглубленіе; какъ относился къ его разсужденіямъ его корреспондентъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ, но, кажется, весьма сочувственно.

CIV.

Обращаясь къ разсмотрѣнію писемъ, адресованныхъ другому лицу, несомнѣнно знавшему о „Перепискѣ съ друзьями", прежде ея напечатанія, т.-е. къ Жуковскому, мы должны во-первыхъ, обратить вниманіе на весьма знаменательныя строки: „Поведемъ рѣчь о статьѣ, надъ которой произнесенъ смертный приговоръ, т.-е. о статьѣ подъ названіемъ: „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ". Прежде всего благодарность за смертный приговоръ! Вотъ уже во второй разъ я спасенъ тобою, о мой истинный наставникъ и учитель! Прошлый годъ твоя же рука остановила меня, когда я уже было хотѣлъ послать Плетневу въ „Современникъ" мои сказанія о русскихъ поэтахъ; теперь ты вновь предалъ уничтоженію новый плодъ моего неразумія. Только одинъ ты меня еще останавливаешь, тогда какъ всѣ другіе торопятъ неизвѣстно зачѣмъ. Сколько глупостей успѣлъ бы я уже надѣлать, если бы только послушался другихъ моихъ пріятелей" [1]). Слова эти даютъ намъ много любопытныхъ указаній: во-первыхъ, ими опредѣляется

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 39.

до нѣкоторой степени отношеніе Жуковскаго къ „Перепискѣ"; во-вторыхъ, это отношеніе характеризуется совершенно противоположными чертами сравнительно съ отношеніемъ другихъ друзей Гоголя. Остановимся на этомъ подробнѣе.

Если мы не имѣемъ положительныхъ доказательствъ, чтобы установить непосредственное участіе въ обсужденіи статей, вошедшихъ въ „Переписку", со стороны гр. Толстого, то предварительная цензура нѣкоторыхъ изъ нихъ Жуковскимъ подтверждается несомнѣнными указаніями съ обѣихъ сторонъ. Любопытно, что Гоголь благодарилъ Жуковскаго за совѣты уничтожить или передѣлать нѣкоторыя статьи, но впослѣдствіи его умѣряющее вліяніе оказалось черезчуръ недостаточнымъ. При этомъ открывается, что иное не пришлось по вкусу уже самому Жуковскому, тогда какъ нѣкоторыя статьи свободно прошли черезъ его цензуру и даже понравились ему, хотя уже по отпечатаніи книги онъ сталъ и въ нихъ находить недостатки. Въ своихъ собственныхъ статьяхъ Жуковскій высказывалъ часто мысли, близко подходящія къ общему направленію „Переписки", но онѣ являются большей частью настолько умѣренными и непритязательными и настолько перемѣшаны съ общепризнанными положеніями, что, въ противоположность „Перепискѣ", не вызвали и, конечно, никогда не вызовутъ никакой бурной игры страстей. Жуковскій не чувствовалъ въ себѣ призванія къ энергической проповѣди и обладалъ такимъ тактомъ и характеромъ, которые не позволяли ему, не осмотрѣвъ дѣло со всѣхъ сторонъ, ринуться противъ теченія. Это какъ нельзя лучше видно изъ его словъ: „тебѣ крѣпко досталось отъ нашихъ строгихъ критиковъ, и я, признаться, попенялъ самому себѣ за то, что въ одномъ случаѣ не предохранилъ тебя отъ ихъ ударовъ, тѣмъ болѣе чувствительныхъ, что они *подѣломъ* тебѣ достались; виню себя въ томъ, что не присовѣтовалъ тебѣ уничтожить твое завѣщаніе и многое *переправить* въ твоемъ предисловіи. Когда ты мнѣ читалъ и то и другое, имѣя тебя самого передъ глазами, я былъ занятъ твоей личностью; но когда вмѣсто самого автора явилась передо мною мертвая печатная книга и воображенію моему представилась наша читающая публика и въ арьергардѣ фаланга журналистовъ, вооруженныхъ дреколіемъ порицанія и крючьями придирки, то *многое, мнѣ прежде показавшееся столь привлекательно-оригинальнымъ, представилось*

страннымъ и неприличнымъ“. [1]) Мы говорили во второмъ томѣ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ отношенія Жуковскаго къ Гоголю являются нѣсколько поверхностными и что это могло принести вредъ Гоголю [2]). Здѣсь мы находимъ этому новое подтвержденіе. При всемъ расположеніи къ Гоголю и искреннемъ участіи къ его труду Жуковскій пишетъ ему о серьезномъ дѣлѣ безъ плана и порядка, безъ строгаго напряженія мысли, „какъ перо велитъ“, вслѣдствіе чего, послѣ самой обстоятельной дружеской цензуры книги Гоголя, вмѣстѣ прочитанной и подробно обсужденной и, быть можетъ не разъ, Жуковскій вдругъ заявляетъ: „Твой смиренный вызовъ: простить тебѣ твои грѣхи вольные и невольные и съ тобой христіански примириться, возбудилъ въ твоихъ пишущихъ собратьяхъ одну нехристіанскую насмѣшку и весьма языческое злоязычіе. Да и самъ я, вспомнивъ о твоемъ предисловіи, *намѣренъ (?!) пристать на минуту къ твоимъ порицателямъ*“ [3]). При всемъ вполнѣ искреннемъ и глубокомъ благоговѣніи къ памяти Жуковскаго мы по совѣсти находимъ всѣ эти слова болѣе чѣмъ странными: что̀ же это значитъ наконецъ? Какъ объяснить послѣднюю фразу: „намѣренъ пристать *на минуту* къ твоимъ порицателямъ?“ Какое странное колебаніе: если правъ Гоголь и виноваты журналисты, то зачѣмъ же приставать къ послѣднимъ, хотя бы и на минуту; въ противномъ случаѣ, зачѣмъ оставаться на ихъ сторонѣ такое до карикатурности непродолжительное время? Еще лучше слѣдующія затѣмъ строки: „Это послужитъ тебѣ доказательствомъ, что я пишу, какъ перо велитъ: взявъ его въ руки, я еще не зналъ, какое будетъ содержаніе письма моего“. Гоголь слушалъ въ чтеніи Жуковскаго „Одиссею“ и восторгался ею искренно и серьезно, выражая свое впечатлѣніе не только на словахъ, но и *печатно*; Жуковскому нравилась „Переписка съ друзьями“, но отношеніе его къ этой книгѣ было недостаточно внимательное, и то, что̀ ему пришлось по вкусу при бесѣдѣ съ авторомъ съ глазу на глазъ, — при измѣнившихся обстоятельствахъ показалось уже „на минуту неприличнымъ“. Виною этого была нѣкоторая неустойчивость взглядовъ, слѣдствіе недостаточнаго углубленія во всѣ

---

[1]) Соч. Жук., изд. VII, т. VI, стр. 81—82.

[2]) «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. II, стр. 281.

[3]) Соч. Жук., т. VI, стр. 82.

тѣ вопросы, неудачное рѣшеніе которыхъ навлекало такую бурю упрековъ на голову Гоголя. Во всякомъ случаѣ вліяніе Жуковскаго на Гоголя было сдерживающее и отрезвляющее (хотя и не въ достаточной степени), что̀ не слѣдуетъ упускать изъ виду новѣйшимъ панегиристамъ „Переписки“.

Мы обратили выше вниманіе на то, что Гоголь противополагаетъ отношеніе къ своей книгѣ Жуковскаго отношенію другихъ друзей: вліяніе Жуковскаго было сдерживающее, вліяніе другихъ — поощряющее: „Сколько глупостей успѣлъ бы я надѣлать, если бы только послушался другихъ моихъ пріятелей!“ Но мы видѣли, что, кромѣ Толстого и Жуковскаго, не могло быть друзей Гоголя, не только ободрявшихъ, но даже просто знавшихъ объ его намѣреніи издать „Переписку“. Такимъ образомъ необходимо сдѣлать небольшую поправку: указаніе на „подталкиванія“ друзей должны быть отнесены на счетъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“. Въ такомъ случаѣ подъ „пріятелями“ слѣдуетъ разумѣть: Погодина, Прокоповича и Аксаковыхъ. Въ статьѣ „О томъ, что̀ такое слово“ Гоголь говоритъ: „Потомству нѣтъ дѣла до того, кто былъ виною, что писатель сказалъ глупость или нелѣпость, или же выразился вообще необдуманно и незрѣло. Оно не станетъ разбирать: кто толкалъ его подъ руку: близорукій ли пріятель, подстрекавшій его на рановременную дѣятельность, журналистъ ли, хлопотавшій только о выгодѣ своего журнала“. Совершенно тѣ же мысли Гоголь развиваетъ также во второмъ письмѣ по поводу „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ прямо говоритъ между прочимъ даже въ примѣненіи къ первому тому этого произведенія: „Своихъ же собственныхъ мыслей, простыхъ, не головоломныхъ мыслей я не сумѣлъ передать, и самъ же подалъ поводъ къ истолкованію ихъ въ превратную и скорѣе вредную, нежели полезную сторону. Кто виноватъ? Неужели мнѣ говорить, что меня подталкивали просьбы пріятелей“ [2]). То же онъ писалъ Прокоповичу отъ 28 мая 1843 г. [3]) и еще раньше Шевыреву отъ 28 февраля 1843 г. [4]); въ послѣднемъ письмѣ онъ отстаивалъ себя отъ настоятельныхъ требованій

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 18.

2) Тамъ же, стр. 85.

3) «Русское Слово», 1859, I, стр., 129—132.

4) «Русская Старина», 1875, IX, 123—130.

друзей въ такихъ выраженіяхъ: „вслѣдствіе устройства головы моей я могу работать вслѣдствіе только глубокихъ обдумываній и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести, а тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ; я могу умереть съ голода, но не выдать безразсуднаго, необдуманнаго творенія"[1]). С. Т. Аксаковъ подъ давленіемъ Погодина не разъ напоминалъ Гоголю объ его обязанности сдѣлать вкладъ въ „Москвитянинъ" и, получивъ однажды въ письмѣ на новый годъ вмѣстѣ съ поздравленіемъ обѣщаніе прислать средство отъ душевныхъ тревогъ въ видѣ подарка книги „Подражаніе Христу", показалъ видъ, что онъ ждалъ второго тома „Мертвыхъ Душъ"[2]), а самъ Погодинъ находилъ, что онъ въ правѣ за долги Гоголя его произведенія „изрѣзать въ куски и разсовать по угламъ своего журнала"[3]). Итакъ подъ близорукими пріятелями, по нашему предположенію, Гоголь разумѣлъ Прокоповича и Аксакова, а подъ журналистами Погодина и Шевырева (Плетневъ никогда не относился къ нему съ грубой безпощадностью). Ко всѣмъ имъ Гоголь былъ въ правѣ примѣнить свои слова о томъ, что его „умъ видѣлъ подальше, пошире и поглубже дѣла, нежели тѣ, которые подталкивали"[4]). Вся статья „О томъ, что̀ такое слово" была, конечно, написана подъ впечатлѣніемъ и въ защиту отъ этихъ „подталкиваній", равно какъ вторая часть ея, гдѣ рѣчь идетъ о Погодинѣ, является воспроизведеніемъ письма къ Языкову отъ 12 ноября 1844 г., при чемъ особенно очевидно сходство между концомъ письма и второй половиной статьи (выпущенную у Кулиша часть статьи см. въ „Русской Старинѣ"[5]). Нѣтъ сомнѣнія, что статья „О томъ, что̀ такое слово" и написана была подъ вліяніемъ гнѣва на Погодина, почему упрекъ ему и составлялъ въ ней главное содержаніе, а стихи Державина имѣли значеніе повода къ разсужденію или даже значеніе почти только эпиграфа[6]).

---

1) Тамъ же, стр. 126—127.

2) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 125—126.

3) Тамъ же, стр. 117.

4) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 19.

5) «Рус. Старина», 1889, I, стр. 156.

6) Нельзя не замѣтить, что чрезвычайно странно слышать отъ Гоголя упрекъ Погодину въ томъ, что онъ позволялъ себѣ говорить печатно подъ вліяніемъ раздра-

Жуковскаго Гоголь благодаритъ напротивъ за то, что онъ его не торопилъ, а останавливалъ и не разъ совѣтовалъ уничтожить написанное. Такъ, благодаря Жуковскому, была истреблена пьеса изъ малороссійскаго быта и первоначальная редакція статей „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ" и другая статья, вѣроятно соотвѣтствующая озаглавленной въ „Перепискѣ": „Въ чемъ наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?" По поводу уничтоженныхъ статей, между обоими поэтами несомнѣнно происходили жаркіе споры, и Гоголь не сразу отказывался отъ высказанныхъ мнѣній, а нѣкоторыя изъ нихъ, вопреки всѣмъ доводамъ Жуковскаго, даже удержалъ и въ переработанной редакціи. Можно догадываться, что Жуковскій не разъ протестовалъ противъ слишкомъ смѣлыхъ и произвольныхъ выводовъ Гоголя, особенно когда онъ заходилъ такъ далеко въ своеобразномъ пониманіи религіозности и патріотизма и до такой степени увлекался, что согласиться съ нимъ было невозможно. Доводы Гоголя основывались часто на непоколебимомъ убѣжденіи въ близкомъ универсальномъ торжествѣ православія и русской народности и въ необходимости скорѣйшаго возрожденія всего общества къ лучшей, глубоко-нравственной жизни; они были проникнуты такими чудовищно-преувеличенными надеждами, что человѣку болѣе спокойнаго темперамента должны были казаться явными парадоксами. Возраженія, впрочемъ, могли только побудить его измѣнить статью, но не сдѣлать какія-либо существенныя уступки въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. „Слышитъ душа многое", говоритъ Гоголь, „а пересказать или написать ничего не умѣю. Основаніе статьи моей справедливо, а между тѣмъ объяснился я такъ, что *всякимъ выраженіемъ вызвалъ на противорѣчіе*". Въ виду строжайшаго секрета, подъ какимъ Гоголь держалъ свою книгу почти до самаго выхода ея изъ типографіи, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эти слова, обращенныя къ Жуковскому, и указывали на возраженія именно съ его стороны. Впрочемъ слѣды этихъ возраженій очевидны и въ самой статьѣ, изъ которой ясно, что Жуковскій, будучи самымъ несомнѣннымъ патріо-

---

женія, именно въ то время, когда эти самыя строки являлись слѣдствіемъ совершенно такого же раздраженія. «Бѣда произносить слово писателю въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа» (Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 20), говоритъ Гоголь, не отрѣшившійся отъ раздраженія на Погодина.

томъ и вполнѣ религіознымъ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе не могъ по складу своего ума и характера принимать на вѣру восторженныя увлеченія какой-нибудь невѣроятной мечтой. Это обнаружилось, во-первыхъ, въ отношеніяхъ обоихъ къ славянофильству. Хотя Гоголь отнюдь не былъ славянофиломъ, какъ и всѣ наиболѣе близкіе къ нему люди и особенно Смирнова; хотя онъ прямо осуждалъ славянофиловъ, говоря: „воспитай себя прежде для общаго дѣла, чтобы умѣть точно говорить, какъ слѣдуетъ. А они — надѣлъ кафтанъ да запустилъ бороду, да и воображаютъ, что распространяютъ этимъ русскій духъ по русской землѣ[1])“; но въ сущности онъ во многомъ сочувствовалъ имъ и негодовалъ на нихъ собственно только за профанацію мелочами великой идеи: „они просто охаиваютъ этимъ всякую вещь, о которой дѣйствительно слѣдуетъ поговорить и о которой становится теперь стыдно говорить, потому что они обратили ее въ смѣшную сторону[2])“. Въ статьѣ „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ онъ выражается объ этомъ еще рѣзче: „послѣ ихъ похвалъ, впрочемъ довольно чистосердечныхъ, только плюнешь на Россію“[3]). Въ другомъ мѣстѣ Гоголь писалъ Языкову о западникахъ: „ты самъ знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ и что, къ несчастью, не совсѣмъ безъ основанія ихъ нѣкоторые взгляды“[4]). (Кстати это письмо къ Языкову многими своими мыслями послужило базисомъ для статьи: „Споры“. Есть даже сходныя выраженія; напримѣръ: „Другъ мой, не увлекайся ничѣмъ гнѣвнымъ, особливо, если въ немъ хоть что-нибудь противоположное той любви, которая вѣчно должна пребывать въ нихъ. *Слово наше должно быть благостно*“[5]) и проч. и въ статьѣ „Споры“: „изъ устъ должно исходить слово *благостное*, а не шумное и спорное“. Правда, въ послѣдней статьѣ предполагаемый корреспондентъ Гоголя, обозначенный иниціаломъ Л, представленъ „человѣкомъ немощнымъ и даже весьма въ лѣтахъ“, а потомъ названъ „старикомъ“ и о будущемъ сочиненіи его сказано по поводу ожидаемаго отъ него сочиненія, что онъ исполнитъ это дѣло

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 267.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 267.
[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 40.
[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 179.
[5]) Тамъ же, стр. 178.

лучше всякаго литератора"[1]), но, не говоря объ обычномъ стараніи Гоголя въ своей печатной „Перепискѣ" замаскировать личности корреспондентовъ, кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, гдѣ ихъ, напротивъ, надо было выставить, мы имѣемъ косвенное указаніе въ статьѣ Вигеля о „Перепискѣ", что нѣкоторымъ изъ современниковъ было извѣстно, что письмо это было адресовано поэту[2]). Далѣе въ письмѣ и въ статьѣ высказываются мысли о томъ, что ни одну изъ противоположныхъ партій, т.-е. славянофиловъ и западниковъ, нельзя признать вполнѣ вѣрною, выражается негодованіе на то, что споры съ журнальныхъ страницъ переносятся въ гостиныя и канцеляріи, на излишнія волненія въ этихъ спорахъ и проч. Но сравнительно съ Жуковскимъ, Гоголь шелъ дальше въ своемъ сочувствіи славянофиламъ и такъ возражалъ ему: „Тебѣ напрасно кажется, что нынѣшняя молодежь, бредя славянскими началами и пророча о будущемъ Россіи, слѣдуетъ какому-то модному повѣтрію"[3]). Не признавалъ Жуковскій также, что источникъ лиризма русскихъ поэтовъ есть самъ Богъ и что лиризмъ этотъ не уступаетъ библейскому. Всѣ эти положенія были основаны у Гоголя на такихъ мечтательныхъ началахъ, что человѣку, свободному отъ увлеченій, все его разсужденіе представлялось бездоказательнымъ. „Наши поэты" — говоритъ Гоголь — „видѣли всякій высокій предметъ въ его законномъ соприкосновеніи съ верховнымъ источникомъ лиризма — Богомъ, одни сознательно, другіе безсознательно, потому что русская душа вслѣдствіе своей русской природы, *уже слышитъ это какъ-то сама собой (?), неизвѣстно почему*"[4]). Слѣды споровъ съ Жуковскимъ по этому поводу находимъ въ слѣдующихъ словахъ: „Нѣтъ, есть что-то крѣпкое, слишкомъ крѣпкое у нашихъ поэтовъ, чего нѣтъ у поэтовъ другихъ націй. *Если тебѣ этого не видится, то еще не доказываетъ, чтобы его вовсе не было. Вспомни самъ, что въ тебѣ не всѣ стороны русской природы*", прибавляетъ затѣмъ Гоголь, и тотчасъ, чтобы смягчить свой намекъ на полутурецкое происхожденіе Жуковскаго, прибавляетъ: „напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ взо-

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 54.

2) См. выше, стр. 510.

3) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 41.

4) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 40.

шли въ тебѣ на такую высокую степень и такъ развились просторно, что черезъ это не дали мѣста другимъ, и ты уже сталъ исключеніемъ изъ общерусскихъ характеровъ. Въ тебѣ заключились вполнѣ всѣ мягкія и нѣжныя струны нашей славянской природы; но тѣ густыя и крѣпкія ея струны, отъ которыхъ проходитъ тайный ужасъ и содроганіе по всему составу человѣка, тебѣ не такъ извѣстны. А они-то и есть родники того лиризма, о которомъ идетъ рѣчь"[1]). Другими словами здѣсь въ болѣе деликатной формѣ намекается Жуковскому, что въ данномъ вопросѣ онъ не можетъ быть вполнѣ судьей и что потому онъ не долженъ слишкомъ отстаивать свои возраженія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи Гоголь доходитъ наконецъ до такого восторженнаго настроенія, что, подобно славянофиламъ, говоритъ о пророчествахъ и заканчиваетъ свою рѣчь словами: „и въ этомъ *не спорь со мной (!)*, прекрасный другъ мой"[2]). „Зачѣмъ же ни Франція, ни Англія, ни Германія, не пророчествуютъ о себѣ", — говоритъ Гоголь, — „а пророчествуетъ только одна Россія?" Хотя изъ этого, конечно, ровно ничего не слѣдуетъ, такъ какъ и человѣкъ и народъ могутъ предаваться самообольщенію, но Гоголь даетъ на этотъ вопросъ такой рискованный отвѣтъ: „затѣмъ, что она сильнѣе другихъ слышитъ Божію руку на всемъ, — что̀ ни сбывается въ ней, и чуетъ приближеніе иного царствія"[3]). Точно такъ же въ статьѣ „Свѣтлое Воскресеніе" Гоголь говоритъ: „Отчего же одному русскому кажется, что праздникъ этотъ празднуется, какъ слѣдуетъ, и празднуется такъ въ одной его землѣ? Мечта ли это? Но зачѣмъ же эта мечта не приходитъ ни къ кому другому, кромѣ русскаго? Что̀ значитъ въ самомъ дѣлѣ, что самый праздникъ исчезъ, а видимые признаки такъ явно носятся по лицу земли нашей? Гдѣ носятся такъ очевидно призраки, тамъ недаромъ носятся"[4]) и проч. Все это самый неубѣдительный софизмъ, не выдерживающій одного только трезваго вопроса: такъ ли это? Но содержаніе статьи „Свѣтлое Воскресеніе" и указанныя увлеченія Гоголя не могли быть неизвѣстны гр. Толстому, и, можетъ быть, раздѣлялись имъ, какъ это отчасти можно

---

[1]) Стр. 49.

[2]) Тамъ же, стр. 42.

[3]) Тамъ же, стр. 41.

[4]) Тамъ же, стр. 220.

заключить изъ начала одного письма къ гр. А. П. Толстому: „Христосъ Воскресе! Дай Богъ сказать намъ когда-нибудь на Руси и радостнѣй и торжественнѣй это свѣтлое привѣтствіе другъ другу въ пору Свѣтлаго Воскресенія, въ такомъ видѣ, въ какомъ должно праздноваться оно на Руси“ [1]).

CV.

Другой статьей, подвергавшейся *передѣлкѣ по совѣту Жуковскаго,* былъ обширный трактатъ подъ заглавіемъ: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?“ Это въ сущности самая главная статья во всей книгѣ въ томъ смыслѣ, что въ ней именно заключается profession de foi Гоголя, его взглядъ на значеніе предшествующей литературы и и на тѣ задачи, которыя она должна намѣтить въ будущемъ. Цѣль и значеніе статьи сдѣлаются ясными, если обратимъ вниманіе на ея заключительные выводы. Весьма важны въ ней, по нашему мнѣнію, слѣдующія строки: „Другія дѣла наступаютъ для поэзіи. Какъ во время младенчества народовъ служила она къ тому, чтобы вызывать на битвы народы, возбуждая въ нихъ братолюбивый духъ, такъ придется ей теперь вызывать на другую, высшую битву человѣка — на битву уже не за временную нашу свободу права и привилегіи, но за нашу душу, которую самъ небесный Творецъ нашъ считаетъ перломъ своихъ созданій“ [2]). Вся статья должна была привести къ этому заключенію, выведенному изъ нея нѣсколько искусственнымъ путемъ; истинными посылками послужили здѣсь для Гоголя выработанные имъ изъ чтенія и размышленій всей жизни взгляды и убѣжденія, къ которымъ насильно подгоняется все содержаніе данной статьи, извлеченное изъ давнихъ критическихъ набросковъ, имѣвшихъ первоначально совершенно самостоятельное значеніе. По собственному свидѣтельству Гоголя, надъ статьей этой онъ работалъ въ три разныхъ періода своей жизни, и есть основаніе предполагать вслѣдъ за Н. С. Тихонравовымъ, что Гоголь сталъ писать ее еще въ началѣ и серединѣ тридцатыхъ годовъ, когда изъ-подъ его пера вышли статьи о Пушкинѣ, о стихотвореніяхъ

---

1) «Русская Старина», 1891, 3, стр. 570.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 211.

Козлова и о Борисѣ Годуновѣ. Статья возникала тогда отчасти, вѣроятно, даже по инициативѣ Пушкина, совѣтовавшаго Гоголю приняться за исторію русской критики.

Для нашихъ цѣлей всего важнѣе здѣсь опредѣлить, что̀ было высказано Гоголемъ подъ вліяніемъ его позднѣйшихъ воззрѣній времени появленія „Переписки". Для этого надо обратить вниманіе на конецъ статьи, гдѣ авторъ задается вопросомъ: „что̀ такое наша поэзія вообще, зачѣмъ она была, къ чему служила, и что̀ сдѣлала для всей русской земли нашей? Имѣла ли она вліяніе на духъ современнаго ей общества, воспитавши и облагородивши каждаго, сообразно его мѣсту, и возвысивши понятія всѣхъ вообще, сообразно духу земли и кореннымъ силамъ народа"[1]). Отвѣтъ на это данъ слѣдующій: „Поэзія наша не выразила намъ нигдѣ русскаго человѣка вполнѣ, ни *въ томъ* идеалѣ, въ какомъ онъ долженъ быть, ни въ той *дѣйствительности,* въ какой онъ и нынѣ есть"[2]). Такой выводъ, по мнѣнію Гоголя, указывающій на задачи литературы, и вполнѣ согласный съ тѣмъ, что̀ онъ въ разныхъ мѣстахъ говоритъ о своемъ творчествѣ, является несомнѣнно теоретически обоснованнымъ оправданіемъ давно сложившихся его убѣжденій. По мнѣнію Гоголя, „когда поэтъ показывалъ намъ наши лучшія стороны, намъ это казалось преувеличеннымъ, и мы почти готовы не вѣрить тому, что̀ говоритъ намъ о насъ же Державинъ. Когда же выставляетъ писатель наши низкія стороны, мы опять не вѣримъ, и намъ это кажется карикатурой". Въ частности, въ отношеніи къ тому роду литературы, который избралъ своимъ призваніемъ Гоголь, слѣдуетъ замѣтить, что лучшимъ образцомъ романа онъ признавалъ „Капитанскую Дочку", особенно высоко цѣня въ ней правдивость и безыскусственность разсказа; въ ней „выступала не только самая правда, но еще какъ бы лучше ея. Такъ оно и должно быть: на то и призваніе поэта, чтобы изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратить намъ въ очищенномъ и лучшемъ видѣ"[3]). Подобныя мысли не разъ высказывалъ Гоголь и въ „Перепискѣ"; такъ онъ объяснялъ свои просьбы доставлять ему подробныя свѣдѣнія о самыхъ разнородныхъ вопросахъ, тѣмъ, что „не

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 205.

[2]) Тамъ же, стр. 207.

[3]) Т. IV, стр. 186.

будутъ живыми образы, если я не сострою ихъ изъ нашего матеріала, изъ нашей земли, такъ что всякій почувствуетъ, что это изъ его же тѣла взято. Тогда только онъ проснется и тогда только можетъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ"[1]).

Подробное изученіе статьи можетъ показать, какъ постепенно проведена Гоголемъ его основная мысль, которая должна бы проходить красной нитью черезъ все разсужденіе, если бы въ послѣднее не вошло много мыслей, явившихся у автора гораздо раньше, до ея выясненія и все-таки удержанныхъ въ окончательной редакціи, вслѣдствіе чего мѣткія частныя характеристики, набросанныя кистью опытнаго мастера, своею яркостью въ значительной степени заслоняютъ сущность дѣла въ томъ видѣ, какъ понималъ это Гоголь. Въ статьѣ во многихъ мѣстахъ замѣтна такая же наклонность къ обобщеніямъ и къ живымъ, сжатымъ характеристикамъ, которыя такъ знакомы намъ по „Арабескамъ". Такимъ образомъ даже канва работы остается прежняя. Такъ же, какъ въ „Арабескахъ", здѣсь могутъ быть указаны любимые гоголевскіе пріемы, которыми онъ обыкновенно пользовался въ своихъ статьяхъ научнаго характера: такіе же переходы отъ одной мысли или картины къ другой, та же наклонность отмѣчать вездѣ что-нибудь исполинское или колоссальное, то же мистическое направленіе мысли, тотъ же способъ представленія и оцѣнки разсматриваемыхъ фактовъ. Такъ въ статьѣ „О среднихъ вѣкахъ" Гоголь говоритъ: „невольно преклонишь колѣна, слѣдя чудные пути Провидѣнія: власть папамъ *какъ будто нарочно дана была* для того, чтобы въ продолженіе этого времени юныя государства окрѣпли и возмужали, чтобы они повиновались прежде, нежели достигнутъ возраста повелѣвать другими. И какъ только народы достигли состоянія управлять собою, власть папы, какъ исполнившая уже свое предназначеніе, какъ болѣе уже ненужная, вдругъ поколебалась и стала разрушаться"[2]). Очень сходный пріемъ разсужденія замѣчаемъ и въ разбираемой статьѣ, несмотря на различіе предметовъ рѣчи, въ словахъ о Батюшковѣ: „*казалось*, какъ бы такая-то внутренняя сила, пребывающая въ лонѣ поэзіи нашей, храня ее отъ крайности какого бы то ни было

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 346 и друг.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 122 и 123.

увлеченія, создала этого поэта именно затѣмъ, *чтобы въ то время, какъ одинъ станетъ приносить звуки сѣверныхъ пѣвцовъ Европы, другой обвѣялъ бы ее ароматическими звуками полудня*"[1]). Вообще, чѣмъ больше изучаешь Гоголя, особенно въ его письмахъ и статьяхъ, не имѣющихъ чисто художественнаго характера, тѣмъ больше убѣждаешься въ замѣчательной послѣдовательности его внутренняго развитія; но раньше, чѣмъ привести еще нѣкоторые другіе примѣры, прослѣдимъ общій ходъ мыслей въ статьѣ, напомнивъ предварительно, что не даромъ Бѣлинскій долженъ былъ осудить „Арабески", въ которыхъ уже чувствуются отдаленные задатки будущей „Переписки съ друзьями", и если онъ потомъ оправдывался передъ Гоголемъ подъ сильнымъ обаяніямъ лучшихъ созданій его творческаго генія, что онъ „во время оно съ жестокой запальчивостью изрыгнулъ хулу на статьи въ „Арабескахъ" ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгаетъ хулу на духа"[2]), то, конечно, потому, что не подозрѣвалъ всей живучести въ Гоголѣ несимпатичнаго ему направленія.

Обозрѣвая ходъ развитія русской поэзіи съ Ломоносова, Гоголь объясняетъ появленіе его въ связи съ дѣйствіемъ на Россію реформъ Петра Великаго, когда „Россія *вдругъ* облеклась въ государственное величіе, заговорила громами и блеснула отблескомъ европейскихъ наукъ. Все въ молодомъ государствѣ пришло въ восторгъ, издавало тотъ крикъ изумленія, который издаетъ дикарь при видѣ навезенныхъ блестящихъ сокровищъ. Восторгъ этотъ отразился въ нашей поэзіи, или лучше онъ создалъ ее"[3]). Отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ это слово *вдругъ* въ предложеніи: „Россія облеклась вдругъ въ государственное величіе"; характерно здѣсь то, что, въ противоположность *естественному* объясненію историческихъ событій, Гоголь старался въ нихъ всегда самымъ ненаучнымъ образомъ выдвигать именно *элементъ неожиданнаго и чудеснаго*. Такъ, не говоря уже о любимой Гоголемъ восклицательной формѣ рѣчи въ его ученыхъ статьяхъ и часто встрѣчающихся у него выраженій въ родѣ: „не въ правѣ ли мы изумляться?" мы находимъ у него напр. такое представленіе о магометанствѣ: „возьмемъ блестящее время, когда появи-

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 180—181.

2) «Русская Старина», 1889, I, 143—144.

3) Соч. письма Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 170—171.

лись аравитяне — краса народовъ восточныхъ. *И одному только человѣку и созданной имъ религіи,* — роскошной, какъ ночи и вечера востока, пламенной, какъ природа близкая къ Индѣйскому морю, важной и размышляющей, какую только могли внушить великія пустыни Азіи, — обязаны они всѣмъ своимъ блестящимъ, радужнымъ существованіемъ!“ [1]) или „*колоссальныя завоеванія* и распространенія монголовъ *были также дѣломъ почти сверхъестественнымъ*“ [2]). Вездѣ мы встрѣчаемъ стремленіе поэта дать поразительную картину и нигдѣ нѣтъ трезваго историческаго анализа (мы привели лишь нѣсколько примѣровъ, но пріемы вездѣ одни; такъ, возьмемъ одинъ хоть изъ статьи: „О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка“, гдѣ сказано о Средней Азіи: „*казалось*, сама природа опредѣлила эту землю народамъ пастушескимъ, чтобы по нимъ имѣли мы понятіе о первобытной жизни первоначальныхъ людей“ [3]). Вездѣ та же любовь къ эффектамъ и искренняя надежда сильнымъ дѣйствіемъ на сердце замѣнить холодные доводы отвлеченнаго разума, надежда гораздо болѣе умѣстная въ поэзіи, нежели въ ученыхъ статьяхъ или вообще разсужденіяхъ отвлеченнаго характера, вслѣдствіе чего неудачи Гоголя на профессорской каѳедрѣ и впослѣдствіи въ роли моралиста отчасти могутъ быть объяснены сходными причинами: Гоголь упускалъ изъ виду, что не всегда глубокое чувство можетъ въ отвлеченныхъ вопросахъ замѣнить доказательства, а тѣмъ болѣе, когда доказываются сомнительныя положенія. А онъ именно и любилъ послѣднія подтверждать восклицаніями. Между тѣмъ таковъ былъ основной способъ представленія фактовъ у Гоголя, который и въ „Арабескахъ“ и въ „Перепискѣ“ любилъ выражаться напр. такимъ образомъ: „Огонь излетѣлъ *вдругъ* изъ народа. Огонь этотъ былъ восторгъ, восторгъ отъ пробужденія, восторгъ въ началѣ безотчетный“ [4]). Во взглядѣ на историческія событія мы вездѣ видимъ у Гоголя увлеченія художественной натуры и полное отсутствіе научнаго анализа. Н. С. Тихонравовъ глубоко правъ, когда въ своихъ примѣчаніяхъ редактора показываетъ внутреннее соотношеніе между рѣчью Тараса Бульбы, словами

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 123.

2) Тамъ же, стр. 124.

3) Тамъ же, стр. 318.

4) Тамъ же, т. IV, стр. 170.

Гоголя въ „Мертвыхъ Душахъ“: „Косясь посторанниваются и даютъ ей (Руси) дорогу другіе народы и государства“, а наполовину поэтическое размышленіе о Петрѣ Великомъ и его реформахъ въ статьѣ „Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время“ (см. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 673—674)[1]. Общее заключеніе о Ломоносовѣ у Гоголя такое: „Его поэзія — начинающійся разсвѣтъ. Онъ какъ бы заботился только о томъ, чтобы набросать одинъ очеркъ громаднаго государства, намѣтить точками и линіями его границы, предоставивъ другимъ наложить краски; онъ самъ какъ бы первоначальный, пророческій набросокъ того, что̀ впереди“[2]. Но до какой степени всѣ выводы Гоголя въ значительной мѣрѣ отражали его внутреннее состояніе и являлись крайне субъективными, можно убѣдиться уже изъ того, что въ сущности онъ былъ расположенъ въ очень многомъ видѣть что-нибудь пророческое, чудесное или исполинское. Раскроемъ для примѣра его лекцію о „Среднихъ вѣкахъ“ и прочтемъ тамъ слѣдующія строки: „съ мыслію о среднихъ вѣкахъ невольно сливается мысль о крестовыхъ походахъ, *необыкновенномъ* событіи, которое стоитъ, какъ *исполинъ,* въ срединѣ другихъ тоже *чудесныхъ и необыкновенныхъ*“[3]; въ статьѣ „О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка“ также читаемъ: „*непостижимой* волей Провидѣнія *величественный* хаосъ опустился на Европу, *колоссально* совершались мрачныя событія“[4]. Трудно впрочемъ рѣшить, насколько въ юношескихъ статьяхъ Гоголя въ подобныхъ случаяхъ отражалось исключительное настроеніе автора и насколько было въ нихъ злоупотребленія блескомъ литературнаго таланта[5]. Говоря далѣе о Державинѣ, Гоголь замѣчаетъ, что у него „глубокія истины изглашаются голосомъ, который далеко выше обыкновеннаго, возвращается святое,

---

1) Вѣроятно, въ виду подробно указанной нами особенности гоголевскаго изображенія историческихъ событій, университетскіе слушатели его и шутили надъ его «маленько-сказочнымъ языкомъ».

2) Тамъ же, т. IV, стр. 172.

3) Т. V, стр. 122.

4) Т. V, стр. 344.

5) Послѣднее также не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ иначе напр. ничѣмъ нельзя объяснить совершенныя совпаденія одинаковыхъ выраженій; напр. въ статьѣ «О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка»: «Не имѣй Европа южной границей Средиземнаго моря, Европа еще бы нѣсколько лѣтъ не устоялась, хаосъ бы продолжился надолго» (V, 319) и въ лекціи «О среднихъ вѣкахъ».

высокое значеніе тому, что̀ привыкли называть мы общими мѣстами, и, какъ изъ устъ самой церкви, внимаешь вѣчнымъ словамъ его"[1]). Переходя отъ Державина къ слѣдующей эпохѣ, онъ выражается весьма образно и картинно: „послѣдніе звуки Державина умолкнули, какъ умолкаютъ послѣдніе звуки органа, и поэзія наша, по выходѣ изъ церкви, очутилась вдругъ на балѣ"[2]). Значеніе Жуковскаго въ русской литературѣ очерчено такъ: „появленіе такого поэта могло произойти только среди русскаго народа, въ которомъ такъ силенъ геній воспріимчивости, *данный ему, можетъ быть, на то,* чтобы оправить въ лучшую оправу, все, что̀ не оцѣнено, не воздѣлано и пренебрежено другими народами"[3]). О Пушкинѣ Гоголь говоритъ, что онъ „былъ *данъ міру на то, чтобы доказать собою, что̀ такое самъ поэтъ,* и ничего больше, чтобы, если захочетъ потомъ какой-нибудь высшій душевный анатомикъ разъяснить и объяснить себѣ, что̀ такое въ существѣ своемъ поэтъ, то чтобы удовлетворенъ онъ былъ, увидѣвъ это въ Пушкинѣ"[4]). Но на вопросъ: „что̀ сказалъ онъ нужное своему вѣку" Гоголь отвѣчаетъ отрицательно. „Какъ ему говорить было о чемъ-нибудь потребномъ современному обществу, въ его современную минуту, когда хотѣлось откликнуться на все, что̀ ни есть въ мірѣ"[5]). И вотъ эту-то, не исполненную Пушкинымъ задачу и считалъ себя призваннымъ рѣшить Гоголь, при чемъ онъ считалъ себя прямымъ преемникомъ и послѣдователемъ Пушкина, у котораго также многое „строилось внутри самой души его"[6]). Такимъ образомъ отъ начала до конца статьи во всѣхъ ея выводахъ и заключеніяхъ, въ самыхъ пріемахъ рѣчи мы видимъ сильное преобладаніе лиризма и мистическихъ порывовъ надъ спокойнымъ изслѣдованіемъ.

Итакъ, если мы не находимъ въ данной статьѣ такихъ явныхъ слѣдовъ разногласія Гоголя съ Жуковскимъ, какъ въ предыдущей, и не можемъ объ этомъ сдѣлать никакихъ новыхъ заключеній, то, несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что въ общей точкѣ зрѣнія Гоголя замѣтна такая же или еще

---

1) Т. IV, стр. 174.
2) Тамъ же, стр. 176.
3) Т. IV, стр. 180.
4) Стр. 182—183.
5) Стр. 184.
6) Стр. 186.

большая степень крайне рискованнаго мистицизма (въ русской поэзіи Гоголь видитъ напр. особое величіе и „другимъ народамъ невѣдомое, своеобразное и самобытное развитіе"), а подробнѣе разбирая статью, можно убѣдиться, что многіе позднѣйшіе его взгляды имѣли корень еще въ весьма отдаленныхъ впечатлѣніяхъ юности или даже дѣтства. Вообще Гоголь, за исключеніемъ книгъ, вліявшихъ на его религіозное настроеніе, былъ всегда свободенъ отъ какихъ бы то ни было теоретическихъ вліяній, и всѣ приведенные взгляды произошли изъ источника, не имѣющаго ничего общаго съ славянофильствомъ. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о томъ, какъ еще въ отрочествѣ Гоголь не могъ равнодушно слушать звуки родныхъ украинскихъ пѣсенъ и приходилъ въ восторгъ при видѣ разудалыхъ казацкихъ танцевъ[1]). Съ тѣхъ поръ, со времени этого очень ранняго проявленія въ немъ поэтической натуры, Гоголь никогда не переставалъ благоговѣть передъ широкой русской удалью и страстнымъ, пламеннымъ воодушевленіемъ русскаго веселья, полюбившагося ему на всю жизнь. И вотъ онъ вспоминаетъ о пѣсняхъ въ самомъ началѣ статьи, посвященной русской поэзіи: „Самородный ключъ ея" — говоритъ онъ — „уже билъ въ груди народа тогда, какъ самое имя ея еще не было ни на чьихъ устахъ. Струи его пробиваются въ нашихъ пѣсняхъ, въ которыхъ мало привязанности къ жизни и къ ея предметамъ, но много привязанности къ какому-то безграничному разгулу, къ стремленію, какъ бы унестись куда-то вмѣстѣ съ звуками"[2]). Ср. въ статьѣ о „Малороссійскихъ пѣсняхъ": „Пѣсни сочиняются не съ перомъ въ рукѣ, не на бумагѣ, не съ строгимъ разсчетомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ, и всѣ члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положеніе, становятся свободнѣе, руки вольно вскидываются на воздухъ и дикія волны восторга уносятъ его отъ всего"[3]). Изъ дальнѣйшаго содержанія статьи мы узнаемъ, что именно та же вольная стихія необъятнаго, мощнаго чувства плѣняла большею частью Гоголя и въ нашихъ поэтахъ, начиная съ Ломоносова и Державина, лучшія произведенія которыхъ были тщательно спи-

---

[1]) «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. II, стр. 38—39.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 169.

[3]) Т. V, стр. 292.

саны у Гоголя въ особыхъ тетрадкахъ, вѣроятно для большаго удобства пользованія при заграничныхъ переѣздахъ. „Полный звукъ, ослѣпительный поэтическій образъ, мощное громкое слово, все, исполненное силы и блеска, потрясало его до глубины души“ разсказываетъ о Гоголѣ-юношѣ Анненковъ и въ связи съ этимъ *сообщаетъ,* что въ петербургскій періодъ своей жизни „онъ заставлялъ другихъ читать и самъ зачитывался Державина“ [1]). Не даромъ глубокое впечатлѣніе, оставляемое въ душѣ чтеніемъ этихъ одъ, поэтъ сравнилъ въ разбираемой статьѣ съ звуками церковнаго органа, заимствуя послѣдній образъ изъ своихъ заграничныхъ впечатлѣній, гдѣ онъ охотно заслушивался величественныхъ мелодій католическаго богослуженія. Давая теперь исключительный просторъ патріотическому чувству, Гоголь забываетъ свои прежнія слова о томъ, что молодому князю (въ повѣсти „Римъ“) „зрѣлись во всемъ (въ Италіи) зародыши вѣчной жизни, вѣчно лучшаго будущаго, которое готовитъ міру его вѣчный Творецъ“ [2]). Вѣдь было же время и не очень давно, когда Гоголь отъ лица того же молодого князя говорилъ: „чуялъ онъ другимъ, внѣшнимъ чутьемъ, чтъ не умерла Италія, что слышится ея неотразимо вѣчное владычество надъ всѣмъ міромъ, что вѣчно вѣетъ надъ нею ея вѣчный геній“ и проч. Если бы Гоголь вспомнилъ эти восторженныя рѣчи своего былого увлеченія Италіей и свои пророчества о ней, свои прежнія убѣжденія въ какомъ-то особенномъ великомъ призваніи этой страны — и сравнилъ съ своими нынѣшними увлеченіями, то, быть можетъ, замѣтилъ бы, на какой шаткой основѣ покоились его многія убѣжденія, вытекавшія не изъ доводовъ разсудка, а изъ *увлеченія* разгоряченнаго чувства. Такъ, говоря о Державинѣ, Гоголь замѣчаетъ: „у него есть что-то еще болѣе исполинское и парящее, нежели у Ломоносова. Недоумѣваетъ умъ рѣшить, откуда взялся въ немъ гиперболическій размахъ его рѣчи. *Остатокъ ли это нашего сказочнаго русскаго богатырства, которое въ видѣ какого-то темнаго пророчества носится до сихъ поръ надъ нашею землею, прообразуя что-то высшее, насъ ожидающее?*“ [3]) и

---

[1]) «Критическіе очерки и воспоминанія», т. I, стр. 187.
[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 155.
[3]) Т. IV, стр. 173.

проч. Но несомнѣнно уже подъ вліяніемъ своихъ позднѣйшихъ идей Гоголь обратилъ особое вниманіе на то, что „оды Державина обращаются къ людямъ всѣхъ сословій и должностей и слышно въ нихъ стремленіе начертать законы правильныхъ дѣйствій человѣка во всемъ, даже въ самыхъ его наслажденіяхъ“ [1]). Также слышится отголосокъ новаго строенія Гоголя въ его характеристикѣ державинскаго „крѣпкаго мужа, закаленнаго въ дѣлѣ жизни“, котораго Державинъ хотѣлъ „изобразить такимъ, какимъ онъ долженъ былъ возникнуть, по его мнѣнію, изъ крѣпкихъ началъ нашей русской породы, воспитавшись на непотрясаемомъ камнѣ нашей церкви“ [2]).

CVI.

Въ литературныхъ мнѣніяхъ Гоголя временъ „Переписки съ друзьями“ необходимо остановить вниманіе еще на одной подробности, легко ускользающей при чтеніи по своей неопредѣленности, но особенности, чрезвычайно важной для оцѣнки его тогдашняго міросозерцанія. Стараясь дать себѣ отчетъ въ истинномъ отношеніи своего творчества къ дѣятельности предшественниковъ, Гоголь, какъ мы видѣли, не ограничивается характеристиками прежнихъ поэтовъ, но, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду рѣшеніе теоретическаго вопроса о томъ, каково собственно было высшее предназначеніе каждаго изъ нихъ и что̀ призванъ сказать своей поэтической дѣятельностью онъ самъ. Въ связи съ этимъ вопросомъ Гоголю предстояло уяснить себѣ главныя особенности настоящаго момента и его практическія требованія. И вотъ рѣшеніе этого вопроса, какъ и слѣдовало ожидать, получило совершенно мистическую окраску. Въ письмѣ къ Языкову отъ 9 декабря 1844 г. Гоголь высказываетъ мысль, что наступило „время, когда раздаются уже дѣйствія гнѣва Божія, и невидимая рука, какъ на пиру Вальтазара, чертитъ огнемъ горящія буквы“; онъ называетъ его также „святыми минутами Божьяго посѣщенія“ [3]). Въ такую годину естественно должны

---

1) Тамъ же.

2) Тамъ же стр. 174.

3) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 150

были раздаться звуки торжественной лиры, проникнутые возвышеннымъ чувствомъ и исполненные библейскаго величія. Поэтъ долженъ былъ явиться съ воодушевляющимъ или гнѣвнымъ, карающимъ словомъ среди толпы народной, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ; онъ долженъ былъ прежде общественнаго служенія позаботиться о внутреннемъ самовоспитаніи, много пережить и перестрадать ниспосланныя ему свыше физическія и душевныя страданія. Всѣ эти убѣжденія вырабатывались въ душѣ Гоголя еще задолго до выхода его книги и были уже не разъ высказаны имъ въ письмахъ къ Языкову въ теченіе 1843 г. Особенную увѣренность въ справедливости его взглядовъ внушило Гоголю также одно случайное обстоятельство: расходясь, какъ мы знаемъ, съ Жуковскимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ своего міросозерцанія, и въ томъ числѣ по вопросу о библейскомъ характерѣ нашей поэзіи, Гоголь не встрѣчалъ въ немъ также сочувствія и поддержки своимъ крайне преувеличеннымъ ожиданіямъ отъ поэзіи Языкова; въ то время какъ ему самому Языковъ казался чуть ли не способнымъ совершить цѣлый переворотъ въ поэзіи, и притомъ именно въ томъ духѣ, какой, по его мнѣнію, былъ единственно желательнымъ въ то время, — Жуковскій относился къ музѣ послѣдняго довольно равнодушно и дивился только необыкновенному увлеченію Гоголя. Вдругъ появляется въ печати „Землетрясеніе“ — и Жуковскій самъ увлекается до того, что въ пылу восторга признаетъ его самымъ лучшимъ стихотвореніемъ на русскомъ языкѣ. Взглядъ Гоголя одержалъ полную и блестящую побѣду. И вотъ Гоголь съ новой силой восторженнаго порыва пишетъ Языкову: „Да послужитъ это тебѣ проспектомъ впередъ! Какое величіе, простота и какая прелесть внушенной самимъ Богомъ мысли! Оно, вѣрно, произвело у насъ впечатлѣніе па всѣхъ, не смотря на разность вкусовъ и мнѣній. Скажу тебѣ также, что Жуковскій, подобно мнѣ, былъ пораженъ имъ и призналъ его рѣшительно лучшимъ русскимъ стихотвореніемъ. Это слишкомъ много, потому, что онъ вообще былъ строгъ къ тебѣ и, умѣя отдавать должное стихамъ твоимъ, нападалъ на главное, что послѣ нихъ, какъ послѣ прекрасной музыки, все вслѣдъ за очаровавшими звуками унеслось, и никакого опредѣленнаго вида не имѣетъ оставшееся впечатлѣніе. Онъ говорилъ часто, въ чемъ отчасти и я былъ съ нимъ со-

гласенъ, что вездѣ у тебя есть восторгъ, который никакъ не идетъ впередъ, но стоитъ на одномъ мѣстѣ, именно потому, что не получилъ опредѣленнаго стремленія" [1]). Мы видимъ здѣсь, что, радуясь торжеству своего мнѣнія о Языковѣ, Гоголь рѣшается передать послѣднему менѣе лестный и пріятный для поэта отзывъ Жуковскаго обо всей его поэзіи, рѣшается на это, конечно, потому, что былъ вполнѣ убѣжденъ, что лира Языкова еще воспрянетъ и ей предстоитъ совершить чудеса. Быть можетъ, Гоголь имѣлъ въ виду здѣсь и не одно только намѣреніе подѣлиться съ другомъ собственнымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ отъ словъ Жуковскаго, но желалъ сообщеніемъ какъ прежняго мнѣнія Жуковскаго, такъ и нынѣшняго — сильнѣе побудить Языкова вступить на давно указываемый путь. „Жуковскій" — продолжаетъ Гоголь — „никакъ не думалъ, чтобы у тебя могло когда-нибудь это возникнуть *(онъ не мастеръ прорицать)* и на мои замѣчанія, что все произойти можетъ отъ душевныхъ внутреннихъ событій, *слегка покачивалъ головой,* и потому ты можешь себѣ представить, какъ мнѣ радостно было его восхищеніе" [2]). Но все это, высказанное здѣсь Гоголемъ, представляетъ все-таки только половину дѣла, такъ какъ самое главное не могло не заключаться въ томъ, что теперь казалась оправданной на дѣлѣ и доказанной та гоголевская аксіома, по которой обращеніе мысли поэта подъ *вліяніемъ жестокихъ, тѣлесныхъ страданій и „внутреннихъ душевныхъ событій"* могло дать ему чуть ли не значеніе ветхозавѣтнаго пророка. Выгодное для Языкова рѣшеніе вопроса не могло не быть весьма благопріятнымъ и для самого Гоголя. Какъ видно изъ статьи: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность", Гоголь, выработавъ уже себѣ извѣстныя намъ убѣжденія, не могъ удовлетвориться значеніемъ сатирическаго писателя; страницы, посвященныя имъ Фонвизину

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 117.

[2]) Языковъ напротивъ былъ съ своей стороны весьма высокаго мнѣнія о поэзіи Жуковскаго; однажды онъ писалъ Гоголю, «будто (въ Москвѣ) ходитъ слухъ, что у Василія Андреевича уже готово 10 пѣсней «Одиссеи» и что онъ написалъ еще сказку. Наша «Одиссея» перешибетъ всѣ возможные переводы: это будетъ памятникъ, про который можно сказать, что металловъ крѣпче онъ и лучше (sic) пирамидъ»! (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 487 и «Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 629).

и Грибоѣдову, краснорѣчиво говорятъ о томъ, что роль сатирика въ его глазахъ становилась уже менѣе почетной, чѣмъ прежде; назначеніе сатирика опредѣлялось не слишкомъ заманчивыми признаками въ сравненіи съ тѣми, которыми напр. характеризуется въ письмахъ Языкова святость призванія лирическаго поэта. Недавно Гоголь ставилъ писателя, изображающаго темныя стороны жизни, наравнѣ съ писателемъ, изображающимъ свѣтлыя стороны, — теперь онъ также называетъ сатириковъ „ратниками свѣта", но изображаетъ ихъ уже преимущественно очистителями сора. „Нужно было много накопиться сору и дрязгу внутри земли нашей, чтобы явились они почти сами собою, въ видѣ какого-то *грознаго очищенія*" [1]). Дѣятельность сатиры есть, по убѣжденію Гоголя, дѣятельность только подготовительная. „Наши лирическіе поэты", — говоритъ онъ, „владѣя тайной прозрѣвать въ зернѣ, почти непримѣтномъ для простыхъ глазъ, будущій великолѣпный плодъ его, выставляли очищеннѣе всякое свойство наше. Сатирическіе наши писатели, нося въ душѣ своей, хотя еще и не ясно, идеалъ уже лучшаго русскаго человѣка, видѣли яснѣе все дурное и низкое дѣйствительно русскаго человѣка. Итакъ, поэзія наша не выразила намъ нигдѣ русскаго человѣка *вполнѣ*" [2]), а эту-то именно задачу и считалъ теперь себя призваннымъ выполнить Гоголь. Нынѣшняя задача поэзіи Гоголя — приблизиться къ той идеальной высотѣ, когда „скорбію ангела загорится наша поэзія, и, ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ, вызоветъ намъ нашу Россію, нашу русскую Россію, и скажутъ всѣ въ одинъ голосъ: „Это наша Россія; намъ въ ней пріятно и тепло, и мы теперь дѣйствительно у себя дома, подъ своей родной крышей, а не на чужбинѣ" [3]). Существенная разница недавняго и нынѣшняго взглядовъ на собственное творчество заключается въ томъ, что Гоголь вдругъ, не болѣе какъ черезъ два года по выходѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ", извѣрился въ значеніе сатиры и полагалъ ее уже недостаточной

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 203.

[2]) Тамъ же, стр. 207.

[3]) Тамъ же, стр. 212.

и безполезной въ данный моментъ. „Тайна твоей музы теперь открывается“ — пишетъ онъ Языкову: — „нынѣшнее время есть именно поприще для лирическаго поэта. Сатирою ничего не возьмешь; простою картиною дѣйствительности, оглянутой глазомъ современнаго свѣтскаго человѣка, никого не разбудишь: богатырски задремалъ нынѣшній вѣкъ“ [1]). На этихъ словахъ мы особенно убѣждаемся въ томъ, что, говоря объ Языковѣ, Гоголь часто, по поводу его страданій и его поэзіи, думалъ также и о себѣ, ибо Языковъ никогда *не былъ и не собирался сдѣлаться сатирическимъ писателемъ,* и высказывать собственно ему эти мысли было, пожалуй, не зачѣмъ. Странно только, что здѣсь Гоголь упоминаетъ о сатирикѣ, какъ о „современномъ свѣтскомъ человѣкѣ“, какъ будто онъ нынѣ, „ставши на высоту внутренняго самоуглубленія“, признавалъ и себя въ недавнемъ прошломъ такимъ же „свѣтскимъ человѣкомъ“, а вѣдь этотъ титулъ въ его устахъ уже съ начала сороковыхъ годовъ получаетъ очень и очень не лестный смыслъ.

Чрезвычайно важно, однако, то, что и новые, измѣнившіеся взгляды Гоголя вездѣ выдаютъ свое первопачальное происхожденіе изъ того обильнаго источника прежнихъ впечатлѣній и взглядовъ, который, повидимому, долженъ быть теперь совершенно отвергнутъ. Гоголь ищетъ въ душѣ поэта тѣхъ самыхъ могущественныхъ струнъ, которыхъ силу онъ уже не разъ успѣлъ испытать: самыя широкія надежды возлагаются имъ на обаяніе лирическаго порыва, на указаніе людямъ ихъ недостатковъ; разница же въ томъ, что теперь Гоголь не вѣритъ больше въ цѣлесообразность собственно сатирическихъ картинъ, но надѣется потрясти душу читателя непосредственно обращеннымъ къ нему словомъ. „Другъ“, — говоритъ онъ Языкову, — „собери въ себѣ всю силу поэта, ибо *нынѣ наступаетъ его время.* Бей въ прошедшемъ настоящее — и тройною силою облечется твое слово; прошедшее выступитъ живѣе, настоящее объяснится яснѣе, а самъ поэтъ, проникнутый значительностію своего дѣла, возлетитъ выше къ тому источнику, откуда почерпается духъ поэзіи. *Сатира теперь не подѣйствуетъ, не будетъ мѣтка, но высокій упрекъ лирическаго поэта, уже опирающагося на вѣчный*

[1]) Тамъ же, стр. 71.

законъ, попираемый отъ слѣпоты людьми, будетъ много значитъ"[1]). Такое убѣжденіе является выраженнымъ въ зародышѣ въ сущности уже въ тѣхъ строкахъ „Мертвыхъ Душъ", гдѣ Гоголь выражалъ надежду, что современемъ „инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей"[2]).

Въ статьѣ „Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время" на каждомъ шагу встрѣчаемся съ новыми взглядами Гоголя, хотя и выросшими на почвѣ прежнихъ, повидимому имъ противоположныхъ. Такъ даже повторяются нѣкоторыя прежнія мысли и слова, но имъ предполагается придать новое, нѣсколько измѣненное и расширенное значеніе, напр. „завопи воплемъ и выставь дремлющему человѣку вѣдьму старость, къ нему идущую, которая вся изъ желѣза, передъ которой желѣзо есть милосердіе, которая ни крохи чувства не отдаетъ *назадъ и обратно*. И, если бы ты могъ сказать ему то, что̀ долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома „Мертвыхъ Душъ"[3]). Если справедлива догадка А. Н. Веселовскаго, что Гоголь предполагалъ въ третьемъ томѣ заставить Плюшкина произносить покаянныя рѣчи и „съ увлеченіемъ безсребренника раздать безплодно накопленныя богатства неимущимъ"[4]), то, конечно, сила лирическаго воодушевленія должна была подняться многими градусами выше сравнительно съ такъ называемыми „лирическими мѣстами" перваго тома, и, слѣдовательно, проницательность Бѣлинскаго должна была вполнѣ оправдаться, хотя впрочемъ она совершенно достаточно оправдалась и теперь. Затѣмъ обратимъ вниманіе на слова: „Ублажи гимномъ того исполина, какой выходитъ только изъ русскаго, который вдругъ пробуждается отъ позорнаго сна и становится первымъ ратникомъ добра" (читатель помнитъ, что совершенно такое выраженіе Гоголь употребилъ въ статьѣ „Чѣмъ наконецъ должна быть русская поэзія", говоря преимущественно о сатирикахъ) „Покажи, какъ совершается это богатырское дѣло въ истинно-

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 149.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 132.

3) Тамъ же, т. IV, стр. 73.

4) «Вѣстникъ Европы», 1891, III, стр. 97 и «Этюды и характеристики» Веселовскаго, стр. 602.

русской душѣ; но покажи такъ, чтобы все, даже въ грубомъ и низшемъ сословіи, вскрикнуло: „Эхъ молодецъ!“ почувствовавши, что и для него самого возможно такое дѣло“[1]). Въ этихъ словахъ не слышится ли отголосокъ чувствъ и мыслей, выраженныхъ Тарасомъ Бульбой (въ исправленной редакціи повѣсти этого названія), въ его рѣчи къ войску? Затѣмъ въ словахъ: „Опозорь, въ гнѣвномъ диѳирамбѣ, новѣйшаго лихоимца нынѣшнихъ временъ и его скверную жену, погубившую щеголяньями и тряпками и себя и мужа“[2]), мы замѣчаемъ такой же явный отголосокъ слѣдующихъ словъ, взятыхъ изъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“: „вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душой“[3]) и пр. Точно такъ же въ статьѣ „Предметы для лирическаго поэта“ найдутся такія же наставленія противъ унынія, какъ тѣ, которые Гоголь не разъ изустно и письменно предлагалъ Смирновой и каждому изъ членовъ семьи Віельгорскихъ. Тѣмъ естественнѣе и понятнѣе встрѣтить въ ней повторенія лишь въ слегка измѣненномъ видѣ такихъ мыслей, высказанныхъ впервые въ письмахъ къ Языкову, какъ напр, „лиризмъ, стремящій впередъ не только однихъ поэтовъ, но и не поэтовъ, возводя ихъ въ состояніе, доступное однимъ поэтамъ, и дѣлая такимъ образомъ и не поэтовъ поэтами: вещь слишкомъ важная, ибо изъ-за нея работаетъ весь міръ и совершаются всѣ событія. Все стремится къ тому, чтобы привести человѣка въ то свѣтлое состояніе, о которомъ заранѣе *предслышатъ* поэты“[4]) или: „голосъ изъ глубины страждущей души есть уже помощь великая другому страждущему“[5]) или: „состояніе души страждущей есть уже святыня, и все, что̀ ни исходитъ оттуда, драгоцѣнно, и поэзія, изникшая изъ такого лона выше всѣхъ поэзій“[6]).

Всѣ эти чаянія и надежды Гоголя, обратившись въ несокрушимую увѣренность, и придавали его взглядамъ мистическій оттѣнокъ; то, во что̀ хотѣлось вѣрить, представлялось

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 74. Затѣмъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ сравненій читатель можетъ найти въ обстоятельномъ изслѣдованіи Н. С. Тихонравова. (Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 670—673).

2) Тамъ же, стр. 73.

3) Т. III, стр. 173—174.

4) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 53.

5) Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 48—49.

6) Тамъ же, стр. 50.

уже не воплощеніемъ идеала, а самой подлинной и несомнѣнной дѣйствительностью. То же можно замѣтить въ примѣненіи къ другимъ капитальнымъ вопросамъ, интересовавшимъ Гоголя, напр. о царской власти. Во всякомъ случаѣ возвышенное идеалистическое представленіе его о величіи послѣдней не подлежитъ сомнѣнію: совершенно такъ же, какъ Гоголь окружалъ необыкновеннымъ ореоломъ величія поэта и признавалъ его избранникомъ неба, такое же точно представленіе составилъ онъ и о царской власти.

„Высшее значеніе монархіи" — говоритъ Гоголь — „прозрѣли у насъ поэты, они услышали съ трепетомъ волю Бога создать ее въ Россіи въ законномъ видѣ; оттого и звуки ихъ становятся библейскими всякій разъ, какъ только излетаетъ изъ устъ ихъ слово *царь*. Это слышатъ у насъ и не поэты, потому что страницы нашей исторіи слишкомъ явно говорятъ о волѣ Промысла. Всѣ событія въ нашемъ отечествѣ видимо клонятся къ тому, чтобы собрать могущество въ руки одного, дабы одинъ былъ въ силахъ произвесть переворотъ въ государствѣ"[1]) и проч.

CVII.

Главная ошибка Гоголя въ „Перепискѣ съ друзьями" заключается, по нашему мнѣнію, именно въ крайней отрѣшенности ея отъ дѣйствительной жизни и въ необыкновенно преувеличенныхъ надеждахъ на возможность всеобщаго обращенія на путь совершенства подъ вліяніемъ прочувствованнаго „душеспасительнаго" слова. Гоголю казалось въ высшей степени доступнымъ преобразованіе цѣлаго общества путемъ проповѣди: „Будто бы дорогою любви трудно достигнуть къ сердцу"[2]), говорилъ онъ, нисколько не подозрѣвая, что его собственная, преисполненная горячей любви и искренняго чувства книга прежде всего докажетъ всю несбыточность такихъ широкихъ надеждъ. Вездѣ видно у Гоголя сильное недовольство современнымъ состояніемъ европейскаго просвѣщенія, основаннаго на успѣхахъ разума, тогда какъ „человѣкъ нынѣшняго вѣка позабылъ даже, что умъ идетъ

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 47.
2) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 217.

впередъ, когда идутъ впередъ всѣ нравственныя силы въ человѣкѣ, и стоитъ безъ движенія и даже идетъ назадъ, когда не возвышаются нравственныя силы"[1]). Подробнѣе эта мысль объ отношеніи ума къ другимъ силамъ души развита въ статьѣ: „Христіанинъ идетъ впередъ"; тамъ представленъ идеалъ Гоголя. Въ статьѣ же „Свѣтлое Воскресеніе" кромѣ того весьма видное мѣсто занимаютъ указанія на уклоненія отъ идеала, въ числѣ которыхъ всего больше поражало Гоголя крайнее противорѣчіе между идеальными стремленіями вѣка и печальной дѣйствительностью. „Какъ бы этотъ день", — говоритъ онъ, — „пришелся, казалось, кстати нашему девятнадцатому вѣку, когда мысли о счастьѣ человѣчества сдѣлались почти любимыми мыслями всѣхъ; когда обнять все человѣчество, какъ братьевъ, сдѣлалось любимой мечтой молодого человѣка, когда многіе только и грезятъ о томъ, какъ преобразовать, какъ возвысить внутреннее достоинство человѣка. Какъ бы, казалось, девятнадцатый вѣкъ долженъ былъ радостно воспраздновать этотъ день, который такъ по сердцу всѣмъ великодушнымъ и человѣколюбивымъ движеніямъ. Но на этомъ-то самомъ днѣ, какъ на пробномъ камнѣ, видишь, какъ блѣдны всѣ его христіанскія стремленія и какъ всѣ они въ однѣхъ только мечтахъ и мысляхъ, а не на дѣлѣ. И если, въ самомъ дѣлѣ, придется ему обнять въ этотъ день своего брата, какъ брата, — онъ его не обниметъ"[2]). Устранить этотъ позорный разладъ между дѣломъ и словомъ, между мечтой и исполненіемъ, и представлялось Гоголю существенной задачей поэзіи и его собственнаго творчества, и онъ до того твердо вѣрилъ въ могущественное дѣйствіе слова, что совершенно забывалъ о безконечной цѣпи всевозможныхъ препятствій, какія на каждомъ шагу встрѣчаются человѣку на пути къ поставленной себѣ цѣли. Возрожденіе общества однимъ энергичнымъ призывомъ къ добру казалось ему не легкой, но все-таки выполнимой задачей: „Много предстоитъ теперь для поэзіи — возвращать въ общество то, что̀ есть истинно-прекраснаго, и что̀ изгнано изъ него нынѣшней безсмысленной жизнью"[3]). Гоголю всюду видѣлись тайны, которыми только надо сумѣть воспользоваться, чтобы онѣ дали

[1]) Тамъ же.
[2]) Стр. 214—215.
[3]) Тамъ же, стр. 211.

необыкновенные результаты, и весь онъ былъ проникнутъ глубочайшей вѣрой въ душу русскаго человѣка и въ его способность отозваться на все доброе. Вѣра прекрасная, благородная, но не подтверждаемая дѣломъ, въ той степени, въ какой питалъ ее Гоголь. Несомнѣнно, что онъ между прочимъ думалъ о себѣ, когда представлялъ себѣ прочувствованное слово архимедовымъ рычагомъ, способнымъ перевернуть русскую землю, и когда говорилъ о будущихъ поэтахъ: „нѣтъ, не напомнятъ они уже никого изъ нашихъ прежнихъ поэтовъ. Самая рѣчь ихъ будетъ другая; она будетъ ближе и родственнѣе нашей русской душѣ: еще въ ней слышнѣе выступятъ наши народныя начала. Еще не бьетъ всей силой къ верху тотъ самородный ключъ нашей поэзіи, который уже кипѣлъ и билъ въ груди нашей природы, когда и самое слово *поэзія* не было ни на чьихъ устахъ. Еще доселѣ загадка — этотъ необъяснимый разгулъ, который слышится въ нашихъ пѣсняхъ, несется куда-то мимо жизни и самой пѣсни, какъ бы сгорая желаніемъ лучшей отчизны, по которой тоскуетъ со дня созданія своего человѣкъ“[1]) и проч. Здѣсь получило себѣ прекрасное выраженіе глубокое, чистое чувство Гоголя, его необыкновенная чуткость ко всему прекрасному и возвышенному, но какое-то безсознательное внутреннее побужденіе устремляло его далеко за предѣлы возможнаго закрѣпленія этого чувства словомъ и воплощенія его желаній въ дѣло, и онъ впадалъ въ странное противорѣчіе съ самимъ собой, ища реальнаго объясненія тому, что̀, по его же словамъ, есть смутное порожденіе тоски по лучшей, т.-е. конечно *недостижимой на землѣ*, отчизнѣ. Также въ статьѣ „Свѣтлое Воскресеніе“ Гоголь въ началѣ изображаетъ идеальное празднованіе этого великаго праздника въ Россіи; затѣмъ, остановивъ свою мечту, съ грустью представляетъ себѣ дѣло такъ, какъ оно есть, и потомъ снова, какъ будто забывъ о существованіи только-что указаннаго разлада между идеаломъ и дѣйствительностью, продолжаетъ уже рисовать идеалъ, какъ дѣйствительность. Вотъ это-то постоянное господство у него вѣры въ идеалъ и самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее при крайней непрактичности его мечтаній и представляется съ одной стороны высокимъ и трогательнымъ, но съ другой

---

[1]) Тамъ же.

это же вовлекло его въ крайне безплодныя и совершенно невѣроятныя заблужденія. Статья, до такой степени горячо прочувствованная, способная поселить въ душѣ щемящее чувство и навести глубокое раздумье, какъ „Свѣтлое Воскресенье“, является въ сущности только прекрасной поэтической вспышкой, сильно дѣйствующей на чувство, но быстро остывающей при спокойномъ размышленіи. Какая потрясающая сила заключена въ вылившихся прямо изъ души восклицаніяхъ: „Христіанинъ! выгнали на улицу Христа, въ лазаретъ и больницы, вамѣсто того, чтобы призвать его въ домы“ или: „все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!“[1]) и сколько невозможно мечтательнаго, особенно во всемъ концѣ разсужденія. Вездѣ говоритъ чувство, дышитъ живая, горячая вѣра, сильная любовь къ родинѣ, въ каждомъ словѣ чувствуется благородство автора, но какъ все это далеко отъ дѣйствительности, какъ бездоказательно, а иногда и положительно и завѣдомо невѣрно! какъ много увлеченія напр. въ словахъ: „приготовленная земля сердецъ нашихъ призвала сама собою слово Христово“[2]), что̀ прямо противорѣчитъ общеизвѣстнымъ историческимъ даннымъ.

Точно такое же крайнее преобладаніе увлеченія надъ спокойнымъ обсужденіемъ чувствуется въ статьяхъ Гоголя „Просвѣщеніе“ и „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“. Въ первой Гоголь писалъ Жуковскому: „какъ патріархъ ты будешь въ Москвѣ и на вѣсъ золота примутъ отъ тебя юноши старческія слова твои. Твоя „Одиссея“ принесетъ много общаго добра. *Это тебѣ предрекаю*. Она возвратитъ къ свѣжести современнаго человѣка, усталаго отъ безпорядка жизни и мыслей; она обновитъ въ глазахъ его много того, что̀ брошено имъ какъ ветхое и ненужное для быта; она возвратитъ его къ простотѣ“[3]). Во второй читаемъ: „По моему всѣ нынѣшнія обстоятельства какъ бы нарочно обстановились такъ, чтобы сдѣлать появленіе Одиссеи почти необходимымъ въ настоящее время: въ литературѣ, какъ и во всемъ, охлажденіе“[4]). Надежды, возлагаемыя Гоголемъ на „Одиссею“,

---

[1]) Тамъ же, стр. 215 и 220.
[2]) Стр. 221.
[3]) Стр. 77.
[4]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 27.

какъ и всѣ остальныя, гдѣ онъ бралъ на себя что-нибудь предсказывать, оказались крайне преувеличенными или безусловно невѣрными. Къ такимъ неосновательнымъ предсказаніямъ принадлежитъ напр. то, что въ „Одиссеѣ“ услышитъ сильный упрекъ себѣ нашъ девятнадцатый вѣкъ, и упрекамъ не будетъ конца, по мѣрѣ того, какъ станетъ онъ наиболѣе всматриваться въ нее и вчитываться“[1]). Но особенно ошибался Гоголь, признавая нѣкоторую патріархальность современнаго ему русскаго быта кореннымъ свойствомъ русскаго народа, вслѣдствіе чего ему представлялось, что Россія стонетъ и страждетъ подъ ярмомъ европейскаго просвѣщенія. Онъ былъ совершенно убѣжденъ, что именно „на страждущихъ и болѣющихъ отъ своего европейскаго совершенства Одиссея подѣйствуетъ. Много напомнитъ она имъ младенчески-прекраснаго, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратить себѣ человѣчество, какъ свое законное наслѣдство“[2]). Въ связи съ этимъ Гоголь, вмѣстѣ съ славянофилами, — хотя исходныя точки у нихъ были разныя, — готовъ былъ служить панихиду по Европѣ. „Скоро“ — предрекаетъ онъ — „поднимутся такіе крики, именно въ тѣхъ съ виду благоустроенныхъ государствахъ, которыхъ наружнымъ блескомъ мы такъ восхищаемся, стремясь отъ нихъ все перенимать и приспособлять къ себѣ, что закружится въ головѣ у самыхъ тѣхъ знаменитыхъ государственныхъ людей, которыми такъ любуются въ палатахъ и камерахъ“[3]). Послѣднія строки находятся въ статьѣ „Страхи и ужасы Россіи“, и крайне жаль, что нельзя опредѣлить теперь съ безусловной достовѣрностью, было ли это письмо дѣйствительно адресовано графинѣ N, или же оно было просто сочинено Гоголемъ для его книги. Впрочемъ, если даже это былъ въ самомъ дѣлѣ отвѣтъ на письмо, полученное отъ графини, то чувства страха и ужаса послѣдней напрасно были обобщены и приняты за нѣчто типическое, общее чуть ли не всѣмъ русскимъ. Кто же была эта графиня? изъ знакомыхъ Гоголю графинь здѣсь можно разумѣть единственно графиню Л. К. Віельгорскую[4]), судя особенно по слѣдующимъ строкамъ письма:

---

1) Тамъ же, стр. 33.
2) Тамъ же, стр. 34.
3) Стр. 142.
4) См. «Русскій Архивъ», 1896, III, стр. 365

„цѣлое жемчужное ожерелье женщинъ хранитъ моя память. Всѣ онѣ, *начиная съ вашихъ дочерей*, которыя такъ живо напомнили мнѣ, во сколько разъ родство по душѣ выше всякаго кровнаго родства, не похожи одна на другую, и каждая есть сама по себѣ явленье необыкновенное“ [1]). Объ этихъ же именно дочеряхъ графини Гоголь говоритъ также: „дай Богъ, чтобъ наилучшая сестра съ такой готовностью исполняла просьбу своего брата, съ какою онѣ исполняли малѣйшее желаніе души моей“. Ни по семейному положенію, ни по личнымъ отношеніямъ къ Гоголю — подъ этими дочерьми графини —ой нельзя никого больше подразумѣвать, кромѣ дочерей графини Віельгорской. Съ другой стороны въ одномъ письмѣ къ Плетневу Гоголь говорилъ, что статьи „Къ близорукому пріятелю“ и „Страхи и ужасы Россіи“ „совсѣмъ не для печати“ [2]); но это было сказано послѣ цензурнаго запрещенія статьи, тогда какъ первыя же строки ея совершенно уничтожаютъ эти слова. Итакъ мы не рѣшились бы на основаніи послѣдняго ненадежнаго признака считать это письмо написаннымъ дѣйствительно въ отвѣтъ на запросъ графини, если бы не указанное выше соображеніе и съ другой стороны если бы въ статьѣ не были приведены подлинныя строки изъ ея письма. Въ перепискѣ Віельгорскихъ этого письма не оказалось; но въ виду просьбы графини тотчасъ же по прочтеніи уничтожить письмо, какъ объ этомъ говорится въ началѣ статьи, отрицать возможность такого письма въ перепискѣ Гоголя съ Віельгорскими нѣтъ вѣскаго основанія. „Побудило меня печатать письмо“ — говоритъ Гоголь — „то, что, можетъ быть, оно послужитъ въ то же время отвѣтомъ и прочимъ, которые, подобно вамъ, смущаются страхами“ [3]). Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что какъ ни смотрѣть на это письмо, какое бы ни допустить изъ двухъ высказанныхъ предположеній, но статья эта обрабатывалась непосредственно *для книги* и не была только исправленной редакціей *письма*. Вопросъ, поставленный нами выше, не такъ безплоденъ и мелоченъ, какъ это можетъ казаться. Дѣло въ томъ, что въ приведенныхъ у Гоголя строкахъ графини мы встрѣчаемъ

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 144.
2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 316 и 339.
3) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 141.

уже энергическое обобщеніе замѣченнаго ею, что̀, въ свою очередь, должно было отразиться на характерѣ отвѣта. Что Гоголь иногда могъ нарочно придавать своимъ статьямъ форму отвѣтовъ на вопросы, поставленные наиболѣе желательнымъ для него образомъ, объ этомъ мы скоро будемъ говорить. Но здѣсь намъ особенно важно его увѣреніе, что „самая затруднительность обстоятельствъ, предоставивши новые извороты уму, разбудила дремавшія способности многихъ, и въ то же время, когда на однихъ концахъ Россіи еще доплясываютъ польку и доигрываютъ преферансъ, уже незримо образовываются на разныхъ поприщахъ истинные мудрецы жизненнаго дѣла. Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ“. До сихъ поръ мы этого не видимъ.

CVIII.

Письма, адресованныя случайнымъ корреспондентамъ, какъ напр. „Русскій помѣщикъ“, „Сельскій судъ и расправа“ и проч., принадлежатъ несомнѣнно къ самымъ неудачнымъ въ книгѣ и они-то наиболѣе способствовали произведенному ею невыгодному впечатлѣнію. Прежде всего, крайне непріятно видѣть, какъ, признавъ все европейское вреднымъ, Гоголь, не останавливаясь на полдорогѣ, готовъ былъ возвести въ апоѳеозъ установившіяся формы русскаго быта вплоть до крѣпостныхъ порядковъ. Затѣмъ, только-что онъ начиналъ отъ отвлеченной проповѣди переходить къ указаніямъ болѣе практическимъ и близкимъ къ жизни, какъ тотчасъ же обнаруживалась вся несостоятельность его мечтаній: вмѣсто живого, огненнаго слова человѣка, облеченнаго особымъ призваніемъ свыше, слышались совѣты слишкомъ избитые, жалкіе и совсѣмъ не идеальные. Всего лучше можно видѣть, какая неизмѣримая бездна отдѣляла добрыя желанія Гоголя отъ ихъ исполненія, конечно, на статьѣ „Русскій помѣщикъ“. Не такъ легко „глаголомъ жечь сердца людей“, какъ легко это совѣтовать, и какъ бы въ насмѣшку надъ добрымъ намѣреніемъ автора, съ языка его сорвались здѣсь слова, выдающія его собственную неумѣлость въ томъ, чему онъ хочетъ пока-

зать примѣръ: вмѣсто слова, идущаго къ сердцу, авторъ рекомендуетъ здѣсь нѣчто иное, или, лучше сказать, начавъ за здравіе, онъ нечаянно свелъ за упокой: „Умѣй пронять мужика хорошенько словомъ; ты же на мѣткія слова мастеръ. *Ругни его* при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ“ [1]). Крайности сходятся — и вотъ отъ самаго идеальнаго намѣренія потрясти чувства горячимъ словомъ убѣжденія, вдохновенной рѣчью, идущей прямо изъ сердца, — Гоголь вдругъ, совершенно не замѣчая перескакиваемой имъ пропасти, даетъ опошленные совѣты: „держи у себя въ запасѣ всѣ синонимы *молодца* для того, кого нужно подстрекнуть, и всѣ синонимы *бабы* для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лѣнтяй и пьяница есть баба и дрянь. Выкопай слово еще похуже, — словомъ — назови всѣмъ, чѣмъ только не хочетъ быть русскій человѣкъ“ [2]).

Собственно говоря, мы не вѣримъ, чтобы статья эта была прежде письмомъ, и особенно такое недовѣріе внушается тѣмъ мѣстомъ ея, гдѣ Гоголь называетъ какихъ-то лицъ, фамиліи которыхъ обозначены инициалами: едва ли, во-первыхъ, онъ могъ получить письмо такого содержанія, какъ то, на которое будто бы отвѣчаетъ статья, отъ человѣка ему мало знакомаго и не состоявшаго съ нимъ въ постоянной перепискѣ, и между тѣмъ лицъ съ подобными инициалами мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчаемъ во всей его перепискѣ и вообще во всей обширной литературѣ о Гоголѣ, да ихъ не могли узнать ни Данилевскій, ни сестры Гоголя; во-вторыхъ, слишкомъ отзываются вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“, а не дѣйствительной жизнью, слѣдующія строки: „У К. К. священникъ такъ пройметъ всякаго мужика на исповѣди, что онъ какъ изъ бани выходитъ изъ церкви. З. послалъ къ нему нарочно исповѣдовать 30 человѣкъ рабочихъ съ своей фабрики, пьяницъ и мошенниковъ первѣйшаго разбора, а самъ сталъ на паперти церковной, чтобы посмотрѣть имъ въ лица въ то время, какъ они будутъ выходить изъ церкви. Всѣ вышли красные, какъ раки. А кажется, и немного держалъ ихъ на исповѣди; по 4 и по 5 человѣкъ исповѣдывалъ вдругъ (sic). И послѣ того, по сказанію самого З., въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не

---

[1]) Т. IV, стр. 121.

[2]) Тамъ же.

показывался ни одинъ изъ нихъ въ кабакъ, такъ что окружные цѣловальники не могли приложить ума, отчего это случилось". Сомнительнымъ кажется намъ и то, что Гоголь заставляетъ своего корреспондента разспрашивать именно о всемъ томъ, что̀ должно составить цѣльное содержаніе его статьи, написанной, по мнѣнію Н. С. Тихонравова, „въ антрактѣ между посылкой третьей и приготовленіемъ четвертой тетради"[1]). Такое скопленіе случайностей слишкомъ подозрительно. Кромѣ того Гоголь, самъ того не замѣчая, вообще явно противорѣчитъ себѣ, такъ какъ послѣ его словъ въ статьѣ „Совѣты" о томъ, что ему „случалось получать письма отъ людей, почти вовсе незнакомыхъ, и давать на нихъ отвѣты" мы никакъ не можемъ ожидать встрѣтить въ этихъ письмахъ такой дружескій тонъ и явныя указанія на давнюю или, во всякомъ случаѣ, короткую пріязнь, какую мы встрѣчаемъ несомнѣнно во всѣхъ загадочно адресованныхъ письмахъ, изъ которыхъ одно названо даже „Близорукому пріятелю" и въ которыхъ вездѣ почти употребляется дружеское *ты*. Наконецъ Н. С. Тихонравовъ указалъ уже близкое отношеніе конца этой статьи со вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ", а намъ кажется также, что несомнѣнно отзывается предчувствіемъ Костанжогло и замѣчаніе о томъ, что „богатый хозяинъ и хорошій человѣкъ синонимы" и что „въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро"[2]). Впрочемъ мы находимъ нѣкоторое сходство въ содержаніи разобранной статьи съ письмомъ А. С. Данилевскому отъ 4 августа 1841 года и не можемъ сомнѣваться въ томъ, что сходство содержанія здѣсь не случайное и что впослѣдствіи Гоголь развилъ подробнѣе мысли, уже давно у него зародившіяся. Сходство обнаруживается даже и въ одной частности; напр. въ письмѣ къ Данилевскому онъ говоритъ: „Покорись и займись годъ, одинъ только годъ, своей деревней, одинъ годъ, и этотъ годъ будетъ вѣчно памятенъ въ твоей жизни. Клянусь, съ него начнется заря твоего счастья"[3]); въ статьѣ: „такъ поступи въ теченіе одного года и увидишь самъ, какъ все пойдетъ на ладъ"[4]).

---

1) Тамъ же, стр. 528.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 120.

3) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 447.

4) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 120.

Статья „Русскій помѣщикъ“ замѣчательна между прочимъ тѣмъ, что Гоголь въ ней высказывается противъ народнаго образованія, хотя въ письмѣ къ Бѣлинскому и „Авторской Исповѣди“ объясняетъ уже свои слова иначе и съ негодованіемъ отвергаетъ сдѣланный ему упрекъ.

Совершенно такую же непослѣдовательность, какъ въ „Русскомъ помѣщикѣ“, находимъ также въ статьѣ „Сельскій судъ и расправа“. „Судъ — Божье дѣло“, говоритъ Гоголь и основательно ставитъ весьма высоко правильное отправленіе правосудія. „Правосудіе“ — говоритъ онъ — „у насъ могло бы исполняться лучше, нежели во всѣхъ другихъ государствахъ, потому что изъ всѣхъ народовъ только въ одномъ русскомъ заронилась эта вѣчная мысль, что нѣтъ человѣка праваго и что правъ только одинъ Богъ. Эта мысль, какъ непреложное вѣрованіе, разнеслось повсюду въ нашемъ народѣ“ [1]). Но лишь-только онъ переходитъ отъ возвышенной идеальной теоріи къ практическимъ указаніямъ ея примѣненія, какъ неожиданно начинаетъ рекомендовать извѣстное распоряженіе Василисы Егоровны въ „Капитанской Дочкѣ“, на которое Пушкинъ, конечно, никогда не смотрѣлъ и не могъ смотрѣть, какъ на образецъ здравомыслія, а между тѣмъ такого рода патріархальная расправа, по мнѣнію Гоголя, даетъ человѣку „въ народѣ власть и прекращаетъ ссоры“ [2]), а объ этой власти Гоголь говоритъ далѣе: „Мы только, люди высшіе, не слышимъ ея, потому что набрались пустыхъ рыцарски-европейскихъ понятій о правдѣ“.

Въ заключеніе надо отмѣтить въ „Перепискѣ съ друзьями“ крайнюю нетерпимость Гоголя къ взглядамъ, несогласнымъ съ его теоріями, и тотъ крайне рѣзкій, размашистый тонъ, который проявлялся у него еще въ юности и уже не разъ указывался нами. Такъ статью: „Близорукому пріятелю“ Гоголь начинаетъ словами „вооружился взглядами современной близорукости и думаешь, что вѣрно судишь о событіяхъ! Выводы твои — гнилы: они сдѣланы безъ Бога. Что̀ ссылаешься ты на исторію? Исторія для тебя мертва, — только закрытая книга. Безъ Бога не выведешь изъ нея великихъ выводовъ, выведешь одни только ничтожные и мелкіе... Мысли твои осно-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 140—141.

[2]) Стр. 141.

ваны на чтеніи иностранныхъ книгъ да на англійскихъ журналахъ, а потому суть мертвыя мысли“ [1]). Читателя „Переписки“ Гоголь не считаетъ нужнымъ познакомить съ этими выводами и ввести его въ кругъ спорныхъ вопросовъ; онъ ограничивается одной рекомендаціей имъ „войти въ собственный умъ свой“ и дать ему „свободно развиваться, а не захломостить его чужеземнымъ навозомъ“ [2]). Рядомъ съ этой бранью мы видимъ у Гоголя необыкновенную самоувѣренность въ сужденіяхъ: „кто съ Богомъ, тотъ глядитъ свѣтло впередъ и есть уже въ настоящемъ творецъ блистающаго будущаго“ [3]). Подобнаго тона мы не встрѣчаемъ нигдѣ даже въ письмахъ Гоголя, не предназначавшихся для печати [4]).

Изъ всего предыдущаго мы должны сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) При оцѣнкѣ „Выбранныхъ мѣстъ“ напрасно смѣшиваютъ статьи болѣе отвлеченнаго и идеальнаго характера съ тѣми крайне неудачными искаженіями идей, которыя такъ непріятно поражаютъ насъ въ такихъ статьяхъ, какъ „Русскій помѣщикъ“, представляя какъ бы намѣренное доведеніе до абсурда всего остального содержанія книги.

2) Оставляя въ сторонѣ статьи въ родѣ „Русскаго помѣщика“, являющіяся неопрятнымъ пятномъ въ книгѣ, какъ бы ни относились мы къ ней въ цѣломъ, все остальное ея содержаніе отличается крайней отрѣшенностью отъ жизни и совершенно отвлеченнымъ характеромъ, такъ что и точное исполненіе совѣтовъ автора вовсе не могло бы быть принято ручательствомъ за достиженіе тѣхъ результатовъ, которые онъ обѣщаетъ.

3) Исправленіе указываемыхъ авторомъ недостатковъ въ современной ему русской жизни также не могло быть достигнуто рекомендуемыми имъ средствами, потому что, желая дѣйство-

---

[1]) Стр. 145.

[2]) Стр. 146.

[3]) Тамъ же.

[4]) О «Выбранныхъ Мѣстахъ», кромѣ отмѣченнаго въ разныхъ мѣстахъ выше, см. также въ «Перепискѣ Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 812, 814, 815, 849 и проч.

вать исключительно словомъ убѣжденія, авторъ не принималъ въ соображеніе всѣхъ тѣхъ весьма обыкновенныхъ случаевъ, когда поступки людей опредѣляются не столько ихъ личной волей, сколько обусловливаются давленіемъ внѣшнихъ условій. Соціальныя и историческія данныя безусловно не принимались авторомъ въ разсчетъ, и притомъ не по недостатку только знакомства съ ними, но кромѣ того и въ силу полнѣйшаго и сознательнаго къ нимъ пренебреженія.

4) Авторъ впалъ особенно въ крупную ошибку, предположивъ, что современная ему эпоха должна явиться великимъ поворотомъ отъ суетныхъ мірскихъ заблужденій къ свѣту вѣчной истины, отъ жалкаго будто бы усвоенія европейской цивилизаціи къ торжеству патріархальности и коренныхъ народныхъ русскихъ началъ, и что въ самомъ недалекомъ будущемъ готовилось чуть ли не чудесное перерожденіе міра.

5) Поддаваясь вполнѣ почтенному увлеченію горячаго патріотическаго и сильнаго религіознаго чувства, авторъ слишкомъ склоненъ былъ пренебрегать данными опыта и дѣйствительной жизни и притомъ не по незнанію, а скорѣе подъ вліяніемъ мистическихъ представленій о будущемъ, которымъ онъ позволялъ заслонять передъ собою картины настоящаго.

6) Авторъ, давая просторъ своему поэтическому чувству, совершенно подчинялъ ему дѣятельность разсудка и принималъ за непреложныя аксіомы все то, во что̀ хотѣлъ вѣрить.

Но 7) честность и искренность его убѣжденій безусловно не могутъ подлежать сомнѣнію, а особенно заслуживаетъ сочувствія его воодушевленіе, сила лирическихъ порывовъ и въ высшей степени благородное стремленіе быть истинно полезнымъ людямъ, а въ нѣкоторыхъ письмахъ нельзя отрицать вѣрныхъ и рѣзкихъ сужденій (преимущественно въ обсужденіи литературныхъ вопросовъ), мѣткихъ указаній на язвы вѣка и мѣстами художественныхъ образовъ и картинъ. Въ заключеніе мы должны замѣтить, что недавнія статьи г. Волынскаго въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и Матвѣева въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ справедливо берутъ подъ свою защиту память Гоголя и представляютъ весьма справедливую апологію его какъ человѣка, излившаго въ своей роковой книгѣ всѣ завѣтныя убѣжденія; но все это однако же ни на іоту не смягчаетъ приговора, сдѣланнаго нашею печатью о самой книгѣ.

Намъ остается сказать въ заключеніе, что во всѣхъ но-

вѣйшихъ попыткахъ реабилитировать значеніе „Переписки съ друзьями“ мы не даромъ встрѣчаемъ одну общую имъ черту, заключающуюся въ совершенномъ отсутствіи сдержанности и спокойствія при обсужденіи вопроса; обыкновенно принимая на себя въ данномъ случаѣ личину защитниковъ Гоголя, апологеты втайнѣ ратуютъ pro domo sua: поэтому тотчасъ является исполненный угрозы вызывающій тонъ, восторженное восхваленіе именно всего того, что̀ наиболѣе подвергалось порицанію, и разнаго рода гнѣвныя выходки противъ людей, не умѣвшихъ и не умѣющихъ, по ихъ мнѣнію, оцѣнить главныя достоинства сочиненія.

Обыкновенно все это высказывается, какъ новое слово и съ разсчетомъ произвести извѣстное впечатлѣніе, но цѣль не достигается, и именно потому, что по существу такая защита не представляетъ ровно ничего ни новаго, ни убѣдительнаго. А всего проще, казалось бы, задать себѣ вопросъ: почему же проповѣдь Гоголя не имѣла успѣха какъ при своемъ появленіи, такъ и въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія, миновавшаго послѣ нея? Не ясно ли, что причины слѣдуетъ искать прежде всего въ свойствахъ самой проповѣди? Нельзя сказать, чтобы аскетическая мораль сама по себѣ неспособна была воодушевлять людей и зажигать сердца, или что она вообще не въ силахъ бороться съ противоположными теченіями болѣе земного и потому доступнаго массѣ характера? Исторія показываетъ намъ довольно чрезвычайно яркихъ примѣровъ, доказывающихъ противное. Если Гоголю не суждено было увлечь, захватить своей проповѣдью современниковъ, то это зависѣло не столько даже отъ внутренней несостоятельности ея, потому что, къ сожалѣнію, послѣднее условіе, какъ показываютъ факты, не можетъ служить рѣшительнымъ тормазомъ успѣху, и не отъ настроенія даннаго историческаго момента, такъ какъ послѣ того не разъ наступали уже иные, совершенно не сходные историческіе моменты, а обаянія „Переписка съ друзьями“ все-таки никогда не производила и, конечно, уже не будетъ производить; но зависѣло это отъ отсутствія тѣхъ необходимыхъ рычаговъ, безъ которыхъ нельзя надѣяться направить общество въ какую бы то ни было сторону. Обязательными условіями успѣха всякой пропаганды нельзя не считать восторженное и убѣжденное провозглашеніе новаго знамени и заманчивость воодушевляющей

перспективы. Если объявляется и старый принципъ, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ получить привлекательность новаго, много обѣщающаго разрѣшенія вѣчныхъ задачъ примѣнительно къ потребностямъ даннаго времени. Необходимо однимъ словомъ, чтобы воодушевленная рѣчь рисовала широкіе горизонты и будила бодрость и энергію. Такая рѣчь внушается не страхомъ смерти и исходитъ обыкновенно не отъ утомленнаго и отжившаго человѣка, но отъ человѣка полнаго жизни и энергіи, хотя бы она проповѣдывала и аскетизмъ. На массы можно сильно дѣйствовать только искреннимъ, несокрушимымъ и здоровымъ энтузіазмомъ.

Но какимъ же образомъ это примѣнимо къ Гоголю? Вѣдь онъ проповѣдовалъ не временное, а вѣчное? Но въ томъ-то и дѣло, что во-первыхъ проповѣдь Гоголя имѣла въ виду поученія, главнымъ образомъ, примѣнительно къ данной обстановкѣ и данному моменту, слѣдовательно и должны были удовлетворять всѣмъ требованіямъ времени, а во-вторыхъ, вѣдь это были не скромныя и непритязательныя статейки нравоучительнаго содержанія, какія мы находимъ у Жуковскаго, но трактаты, поставившіе своей цѣлью кореннымъ образомъ преобразовать общество. И вотъ отъ этихъ-то трактатовъ не вѣяло жизнью; они не освобождали душу отъ гнета обыденщины, не поднимали въ сущности и изъ пропасти будничнаго существованія; все лучшее было въ нихъ не ново, а все новое было сомнительно или до-нельзя прозаично. Въ самой сферѣ религіознаго чувства Гоголь выразительнѣе всего передаетъ чувство ужаса передъ неизвѣстностью загробной жизни, какъ въ „Перепискѣ съ друзьями", такъ и въ „Развязкѣ Ревизора".

Самъ испытавъ не разъ даже еще въ дѣтствѣ это чувство, когда слушалъ безыскусственный разсказъ своей матери о страшномъ судѣ, Гоголь невольно и на другихъ стремился дѣйствовать тѣмъ же средствомъ; но не на паникѣ, а на свѣтлой надеждѣ можетъ быть основано могущественное вліяніе на сердца. Иначе въ мертвомъ печатномъ словѣ застываютъ горячіе вопли, и если поэтъ беретъ на себя дѣйствовать не образами, а убѣжденіемъ, трудно и великому поэту подыскать самые образы для передачи гнетущей, но неопредѣленной и почти безпредметной паники. Можетъ ли теперь или современемъ дѣйствовать на сердца „Переписка съ друзьями?"

Очевидно, чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ дальше отодвигаются всѣ тѣ случайныя условія момента, съ которыми было все-таки такъ или иначе связано сочиненіе Гоголя, тѣмъ меньше возможности возбудить нравственное потрясеніе, на которое разсчитывала книга. Если „Переписка“ не имѣла никакого существеннаго вліянія въ продолженіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, то нельзя ожидать этого вліянія и въ будущемъ, и апологеты „Переписки“ трудятся совершенно напрасно, когда берутъ на себя задачу оправдать ее какъ по существу, такъ и во всѣхъ подробностяхъ. Они могутъ тѣшить себя только невиннымъ полемическимъ турниромъ, но и тутъ безъ надежды на сколько-нибудь продолжительное дѣйствіе своихъ словъ даже въ смыслѣ простого вниманія къ нимъ.

CIX.

Обращаемся къ обзору той части переписки Гоголя въ 1847, которая касается уже не „Выбранныхъ мѣстъ“, но его частныхъ отношеній.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на отношеніяхъ къ родственникамъ. Натянутое состояніе нервовъ не замедлило отразиться и въ весьма сильной степени именно въ этой сферѣ. Ни Гоголь, ни родные его никакъ не могли понять другъ друга, и это сдѣлалось для нихъ обильнымъ источникомъ взаимно причиняемыхъ мученій. Было бы напрасно обвинять какую-либо изъ сторонъ, потому что каждая изъ нихъ никакъ не могла войти въ чуждый имъ кругъ представленій. Пославъ матери и сестрамъ свое извѣстное завѣщаніе, Гоголь не сомнѣвался, что оно будетъ принято ими совершенно спокойно, какъ истинными христіанками, для которыхъ не существуетъ утраты. Отвѣтъ, полученный отъ нихъ, оскорбилъ его своимъ несоотвѣтствіемъ съ создавшимся у него идеаломъ людей, живущихъ во Христѣ, и вотъ полились нравоученія: „Какъ мнѣ прискорбно, что вы всѣ не въ мѣру опечалились! Вотъ какъ дурно не думать о смерти и не помышлять о будущей жизни!“[1]). Только-что отправивши письмо, Гоголь вдругъ спохватился и растолковалъ себѣ, что заблужденіе матери и сестеръ посланы

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 329.

нарочно, чтобы онъ понялъ, на какомъ уровнѣ христіанскаго міросозерцанія онѣ находятся. Въ тотъ же день, встревоженный и возбужденный, онъ пишетъ своимъ вдогонку огромное письмо, хотя предыдущее письмо состояло лишь изъ немногихъ строкъ, — въ которомъ на разные лады старается разъяснить значеніе жизни во Христѣ, смертной памяти, входитъ въ подробности ихъ обыденной жизни, говоритъ о хозяйствѣ[1]), расходахъ и проч. Очевидно, это было вовсе не равнодушіе и не раздражительность грубаго эгоиста, но поступки человѣка, совершенно оригинально мыслящаго. Въ слѣдующемъ письмѣ Гоголь посылаетъ деньги въ количествѣ двухъ тысячъ рублей и дѣлаетъ указанія, какъ распорядиться[2]). Но суровый тонъ обличенія звучалъ неугомонно въ каждомъ письмѣ; напр.: „Я думалъ, что вы все-таки хоть сколько-нибудь понимаете существо христіанства. А вы, какъ видно, мастерицы только исполнять наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свѣчку да ударить лишній поклонъ въ землю. А на практикѣ и въ дѣлѣ, гдѣ нужно именно показать человѣку, что онъ живетъ точно во Христѣ, вы, какъ говорится, на попятный дворъ“[3]). Гоголь боялся притомъ быть въ отвѣтѣ за

---

[1]) Изъ этихъ писемъ одно должно быть признано весьма замѣчательнымъ и любопытнымъ по глубинѣ многихъ отдѣльныхъ мыслей и чрезвычайной дѣльности всего содержанія. Это письмо см. въ «Русской Мысли», 1896, т. V, стр. 151—161. Особенно замѣчательны мысли Гоголя о трудѣ, о назначеніи человѣка, о причинахъ скуки при неисполненіи этого назначенія, объ обязанностяхъ въ отношеніи къ крѣпостнымъ и т. д. Мысли о трудѣ ср. въ «Русской Мысли», 1896, т. V, стр. 153 и далѣе и соч. Гог., изд. X, т. VI, стр. 452—453, статья «Трудъ» и тамъ же, стр. 802. Объ отношеніяхъ къ крестьянамъ ср. также «Русск. Мысль», 1896, т. V, стр. 153 и «Вѣстн. Евр.», 1889, т. XI, стр. 153.

[2]) См. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 341 и «Вѣстникъ Европы», 1896, т. VII, стр. 5. Неизвѣстно, были ли эти деньги дѣйствительно высланы; повидимому, Гоголь ошибался въ разсчетахъ. Плетневъ писалъ ему: «у меня не осталось ни копѣйки. Просмотри хорошенько общій отчетъ по изданію. Такимъ образомъ, отсылка денегъ въ Малороссію не можетъ имѣть мѣста». («Русскій Вѣстн.», 1890, т. XI, стр. 52). Но можетъ быть, Гоголь нашелъ деньги изъ другого источника. «Денегъ мнѣ теперь не нужно: я богатъ», писалъ онъ около этого времени Шевыреву (Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 355); то же подтверждается письмами къ Гоголю Плетнева, предупреждавшаго его, чтобы онъ сумѣлъ ими хорошо распорядиться. Не знаемъ, къ сожалѣнію, имѣла ли эта присылка какое-нибудь отношеніе къ опасеніямъ Гоголя о предполагавшейся не разъ продажѣ Васильевки съ аукціона (см. напр. «Переписку Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 945).

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 344, «Вѣстн. Евр.», 1896, т. VII, стр. 8.

сестеръ передъ Богомъ и рѣзко выговаривалъ имъ за ихъ промахи и ошибки, иногда только существовавшіе въ его воображеніи, или за излишнія опасенія за него, напр. однажды онъ упрекалъ мать за то, что послѣдняя страшилась, чтобы не случилось съ нимъ чего-нибудь на пути въ Іерусалимъ. На ея слова: „Умоляю тебя, безцѣнный сынъ, беречь себя, не рискуя въ опасныхъ мѣстахъ", Гоголь отвѣчалъ: „Богу угодно — и я сей же часъ мертвъ въ своей комнатѣ, не пускаясь ни въ какую опасную дорогу; Богу угодно — и я невредимъ среди всѣхъ ужасовъ" и проч.[1]). А любящая мать въ это время все мучилась за сына. „Сынъ мой" — пишетъ она своему двоюродному брату П. П. Косяровскому — „напугалъ меня своей болѣзнью, такъ что я доходила до отчаянія, но опять милосердый Творецъ сжалился надо мной и успокоилъ меня на счетъ его выздоровленія. Многіе увѣряютъ меня, что онъ здоровъ, и онъ не пишетъ болѣе о болѣзни, увидя, какъ онъ напугалъ меня. Ему предстоитъ путешествіе въ Палестину. Да донесетъ его Господь благополучно и возвратитъ здороваго и счастливаго въ Россію къ намъ! Помолитесь и вы, мой добрый братецъ, объ исполненіи этого... Сынъ мой все время былъ въ Неаполѣ, а теперь во Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ половинѣ января полагаетъ уѣхать въ Іерусалимъ. Когда я писала ему, почему онъ такъ долго не былъ у насъ, то онъ отвѣчалъ мнѣ: „Я рвусь васъ видѣть, но не имѣю права явиться къ вамъ, покуда не поклонюсь Гробу Господню и тѣмъ исполню свое обѣщаніе и потребность души моей"[2]).

Всякое сильное проявленіе любви матери и сестеръ выводило Гоголя изъ себя, заставляя его подозрѣвать не христіанскую, но земную, распаленную любовь къ нему. Примѣниться къ Гоголю не было рѣшительно никакой возможности: мать, очевидно съ его словъ, надѣялась, что послѣ „Переписки" всѣ будутъ примирены съ Гоголемъ; но онъ же самъ потомъ опровергалъ эту мысль[3]). Смотря по состоянію духа Гоголь то жестоко обличалъ своихъ, то превозносилъ ихъ и говорилъ, что гордится ими. Иногда случайно какая-либо изъ

---

[1]) «Русск. Мысль», 1896, т. V, стр. 151.

[2]) «Указатель къ письмамъ Гоголя», изд. I, стр. 79.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 367.

сестеръ попадала въ тонъ его міросозерцанія и тогда онъ становился къ ней внимательнѣй и ласковѣе и ставилъ ее въ примѣръ прочимъ. Такъ ему очень понравилось однажды письмо сестры его Ольги Васильевны; ей онъ прислалъ въ знакъ отличія отъ другихъ высоко цѣнимыя имъ проповѣди преосвященнаго Иннокентія [1]).

Отвѣтное письмо Гоголя Ольгѣ Васильевнѣ отличается большой сердечностью, и это, конечно, объясняется внутреннимъ духовнымъ сочувствіемъ, возбужденнымъ въ немъ ея письмомъ. Письмо это написано было 20 января 1847 г. Въ письмѣ къ матери отъ 25 января Гоголя, жалуясь на то, что вся семья его плохо поняла смыслъ „Завѣщанія", перепугавшаго ее, прибавляетъ: „Только одна сестра моя Ольга показала высокое спокойствіе духа и твердую вѣру въ Бога. Она одна не смутилась и приняла дѣло въ настоящемъ видѣ, а не въ томъ, въ какомъ представляетъ человѣку напуганное воображеніе" [2]) и повторяетъ снова въ слѣдующемъ письмѣ: „Это распоряженіе сдѣлало такое впечатлѣніе на всѣхъ васъ, кромѣ одной сестры Ольги, какъ бы я уже умеръ, и меня нѣтъ на свѣтѣ" [3]). Любопытно, что въ длинномъ письмѣ къ Ольгѣ Васильевнѣ братъ совѣтовалъ ей заботиться о лѣченіи больныхъ крестьянъ, — и этотъ завѣтъ остался священнымъ для нея, такъ что и нынѣ помощь крестьянамъ въ этомъ отношеніи въ предѣлахъ познаній составляетъ любимѣйшее занятіе Ольги Васильевны. Въ послѣдніе годы Гоголь всегда относился съ особенной любовью къ этой своей сестрѣ, считая ее болѣе религіозной [4]).

Но ужасно мучился Гоголь, видя, что самые близкіе ему люди такъ далеки отъ идеальнаго совершества, что они не могутъ понять той истины, что „кто любитъ кого во Христѣ, тотъ не скучаетъ и разлукой, да врядъ ли есть для того человѣка слово *разлука:* во Христѣ всѣ вмѣстѣ, всѣ живы, всѣ неразлучны" [5]). Не удивительно, что одна изъ сестеръ ска-

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 351.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 330.

3) Тамъ же, стр. 331.

4) Тамъ же, стр. 331, 445, 532; см. также „Русск. Мысль", 1896, V, 163—168.

5) Тамъ же, стр. 410. Для лучшаго уясненія трагизма взаимнаго непониманія Гоголя и его семьи мы указали бы на письмо его къ матери къ А. А. Трощинскому отъ 1 янв. 1847 г. («Русск. Стар.», 1882, т. VI, стр. 679) и ниже помѣщаемый дневникъ его сестры.

зала ему однажды, что „совѣты нужны, но чтобы онъ подавалъ ихъ, какъ братъ и другъ, *щадя немощь человѣческую*“ [1]).

Впрочемъ по выходѣ „Переписки съ друзьями“, когда успѣло достаточно выясниться произведенное ею впечатлѣніе, Гоголь чистосердечно каялся: „Упреки, равно какъ и совѣты мои, я прекратилъ, потому что увидѣлъ свое собственное безобразіе, и почувствовалъ, что мнѣ необходимѣй дѣлать самому себѣ упреки и давать себѣ совѣты“ [2]).

Въ такомъ же родѣ были отношенія Гоголя къ семьѣ Жуковскаго, съ той впрочемъ разницей, что Жуковскій и Гоголь, оба мистики, прекрасно понимали другъ друга и совѣты Гоголя относительно семьи Жуковскаго принимались охотно. Ихъ взаимная привязанность росла съ каждымъ днемъ и становилась глубже и сердечнѣе. Они сходились на почвѣ отвлеченно-мистическихъ размышленій и взаимно подстрекали свою мысль работать въ излюбленномъ направленіи. Несчастія и болѣзни еще больше сближали ихъ. Гоголь отъ души сочувствовалъ горю Жуковскаго, когда у него тяжко заболѣла жена и умерла свояченица и въ теченіе двухъ лѣтъ туго подвигалась „Одиссея“. Его утѣшенія и присылаемыя выписки изъ Тертулліана и другихъ духовныхъ лицъ были очень по душѣ Жуковскому. Послѣдній, въ свою очередь, принималъ сердечное участіе въ судьбѣ „Переписки съ друзьями“. Жуковскій раскаивался, что „не присовѣтовалъ уничтожить завѣщаніе и многое переправить въ предисловіи“ [3]).

Переписка, возникшая между Гоголемъ и Жуковскимъ о вопросахъ искусства и содержаніи „Выбранныхъ мѣстъ“, заключаетъ въ себѣ вѣрное отраженіе ихъ взаимныхъ бесѣдъ, при чемъ каждый высказывалъ, насколько къ тому представлялся поводъ, подробности своего міросозерцанія. Извѣстныя „Три письма къ Гоголю“, какъ показываетъ сличеніе, являются лишь повтореніемъ въ исправленномъ видѣ тѣхъ писемъ Жуковскаго къ Гоголю, которыя напечатаны въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1887 г. Такъ статья о смерти есть передѣлка письма отъ $\frac{\text{20 февраля}}{\text{4 марта 1847 г.}}$

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 410; «Вѣстн. Евр.», 1896, т. VII, стр. 9.

2) «Вѣстникъ Европы», 1896, т. VII, стр. 3.

3) Соч. Жуковскаго, изд. 7, т. VI, стр. 81.

Съ Жуковскимъ Гоголь имѣлъ также возможность бесѣдовать лично во время пріѣзда своего въ Франкфуртъ, куда онъ прибылъ изъ Неаполя въ іюнѣ 1847 г. и гдѣ пробылъ два мѣсяца. Но еще до выѣзда изъ Неаполя онъ получилъ суровый отвѣтъ о. Матвѣя на свое письмо о „Перепискѣ". Отецъ Матвѣй былъ извѣстенъ съ хорошей стороны графу А. П. Толстому. Послѣдній рекомендовалъ его заочно Гоголю. О. Матвѣй съ перваго же письма сталъ вредно дѣйствовать на Гоголя, поддерживая и усиливая въ немъ мистицизмъ. Въ своихъ спорахъ съ Гоголемъ графъ А. П. Толстой высказалъ себя ожесточеннымъ врагомъ театра, на который онъ смотрѣлъ безусловно отрицательно, во имя религіи по принципу вооружаясь противъ всякихъ увеселеній. Защищая свое воззрѣніе, онъ ссылался на авторитетъ о. Матвѣя. Не подозрѣвая въ послѣднемъ такой изувѣрской и фанатической узости взгляда, Гоголь сталъ было доказывать, что, вѣроятно, уважаемый пастырь вооружается только противъ злоупотребленій театромъ. Отвѣтъ о. Матвѣя былъ крайне суровый: онъ не только осудилъ, по его мнѣнію, легкомысленный взглядъ Гоголя на театръ, но и вообще призналъ его книгу вредною и грозилъ автору тяжкимъ отвѣтомъ на страшномъ судѣ. Подлинное письмо намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно; но мы можемъ о немъ судить по отвѣту Гоголя и по приведеннымъ въ немъ сужденіямъ о. Матвѣя. Такъ Гоголь оправдывался въ обвиненіи за то, что онъ посылаетъ людей не въ церковь, а въ театръ[1]). Передъ тѣмъ же о. Матвѣемъ Гоголь счелъ потомъ приличнымъ и нужнымъ оправдываться въ привязанности къ литературнымъ занятіямъ, опираясь на то, что и они могутъ принести пользу. „Развѣ не можетъ и писатель, въ занимательной повѣсти, изобразить живые примѣры людей лучшихъ, чѣмъ какихъ изображаютъ другіе писатели, — представить ихъ такъ живо, какъ живописецъ"?[2]) Наконецъ вліяніе о. Матвѣя сказалось въ томъ, что Гоголь „положилъ себѣ удвоить ежедневныя молитвы, отдать больше времени на чтеніе книгъ духовнаго содержанія"[3]).

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 392.

[2]) Стр. 425.

[3]) Стр. 426. Подробности содержанія письма къ Гоголю о. Матвѣя см. «Сборникъ въ память Юрьева», стр. 261—262. О самой личности о. Матвѣя см. «Странникъ», 1860, № 12, стр. 245 и слѣд.

CX.

Исторія внутренняго развитія Гоголя подробно разсказана имъ въ „Авторской Исповѣди“. Извѣстно, что самые объективные художники иногда оставляютъ на время, преимущественно на склонѣ литературной дѣятельности, обычный способъ выраженія своихъ идей, убѣжденій и чувствъ — въ поэтическихъ образахъ, для того чтобы стать лицомъ къ лицу къ читателямъ и излить передъ ними прочувствованное или пережитое. Въ ряду примѣровъ подобнаго непосредственнаго обращенія къ публикѣ исповѣдь Гоголя существенно отличается явными слѣдами свѣжихъ душевныхъ ранъ и крайней подавленности духа. Жестокій ударъ, нанесенный суровымъ общественнымъ приговоромъ самымъ завѣтнымъ мечтамъ писателя, возбудилъ въ томъ, кто думалъ недавно поучать общество, жгучую потребность высказаться, оправдаться, раскрыть свои неудавшіяся надежды и стремленія. Такимъ образомъ „Авторская Исповѣдь“ есть во всякомъ случаѣ не продуктъ спокойнаго и яснаго анализа, а, напротивъ, отраженіе смутнаго душевнаго состоянія Гоголя послѣ понесеннаго имъ пораженія. Не такъ давно напечатанное письмо литературнаго содержанія Гоголя къ Жуковскому [1]), найденное въ бумагахъ послѣдняго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, явилось новымъ вѣскимъ доказательствомъ искренности „Исповѣди“, въ которой несомнѣнно сказалось не только временное настроеніе автора, но всего ярче и нагляднѣе отразился весь умственный и нравственный складъ его личности въ данный моментъ. Еще прежде „Авторской Исповѣди“, — какъ въ извѣстномъ „Завѣщаніи“, такъ и въ лирическихъ мѣстахъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, — Гоголь, всегда скрытный передъ самыми близкими людьми, торжественно и всенародно возглашалъ то̀, что̀ захватывало и переполняло его душу, и если мы плѣняемся въ лирическихъ мѣстахъ глубиной чувства, искренность котораго никѣмъ не была заподозрѣна, то было бы, безъ сомнѣнія, непослѣдовательно отрицать ее и въ „Авторской Исповѣди“, этомъ воплѣ измученной и наболѣвшей души.

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1888, XI; см. соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 279—284.

Но какъ бы мы, въ сущности, ни судили объ искренности Гоголя въ „Авторской Исповѣди“, не могутъ подлежать никакому сомнѣнію нѣкоторыя драгоцѣнныя признанія Гоголя, свидѣтельствующія отчасти противъ него, и притомъ именно въ томъ отношеніи, о которомъ онъ, очевидно, думалъ всего меньше. Отражая упреки и нареканія, вызвавшія появленіе „Исповѣди“, онъ незамѣтно обнаруживаетъ другія свои слабыя стороны, никѣмъ до сихъ поръ не указанныя, но, по нашему мнѣнію, далеко не лишенныя значенія при изученіи Гоголя. Въ его признаніяхъ мы находимъ данныя, получающія цѣну, особенно вслѣдствіе невозможности для самого автора вполнѣ сознательно и объективно въ нихъ разобраться, такъ что во всякомъ случаѣ *въ этихъ признаніяхъ* намъ слышится голосъ сердца, а не холодное слово разсчета. Всего труднѣе судить самого себя всегда и безусловно, а въ подавленномъ и неспокойномъ состояніи — тѣмъ болѣе. Между признаніями Гоголя есть вольныя и невольныя; послѣднія, пожалуй, еще важнѣе первыхъ. И вотъ, въ числѣ этихъ невольныхъ признаній мы находимъ у Гоголя указаніе на постоянный и безусловный перевѣсъ у него живой поэтической наблюдательности и лирической силы надъ критической мыслью и строгимъ анализомъ, — перевѣсъ, ясно засвидѣтельствованный Гоголемъ передъ современниками и потомствомъ. Въ сущности, въ этомъ нѣтъ ничего обиднаго и предосудительнаго для художника, — напротивъ, такое явленіе совершенно въ порядкѣ вещей. Разбирая первыя произведенія Гоголя, Бѣлинскій говорилъ: „Я нимало не удивляюсь, подобно нѣкоторымъ, что г. Гоголь мастеръ дѣлать все изъ ничего, что онъ умѣетъ заинтересовать читателя пустыми, ничтожными подробностями, ибо не вижу тутъ никакого умѣнья: умѣнье предполагаетъ разсчетъ и работу, а гдѣ разсчетъ и работа, тамъ нѣтъ творчества, тамъ все ложно и невѣрно при самой тщательной и вѣрной копировкѣ дѣйствительности“ [1]). По словамъ Бѣлинскаго, главный отличительный признакъ творчества состоитъ въ „таинственномъ ясновидѣніи, въ поэтическомъ сомнамбулизмѣ“ [2]).

---

[1]) Соч. Бѣл., I, 209—210.

[2]) I, 206.

Въ „Авторской Исповѣди“ мы находимъ убѣдительное подтвержденіе справедливости словъ нашего критика. Чтобы провѣрить это, достаточно внимательно перечитать „Исповѣдь“. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя выраженія изъ нея:

„*Я не могу сказать утвердительно,* точно ли поприще писателя мое поприще“ (этими словами Гоголь начинаетъ чистосердечную повѣсть своего писательства, и такому началу совершенно соотвѣтствуетъ дальнѣйшее изложеніе). „*Знаю только то,* что въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ, *мысль о писательствѣ никогда не всходила на умъ*[1]), хотя мнѣ всегда *казалось,* что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, и что я сдѣлаю даже *что-то* для общаго добра“... „Ни я самъ, ни сотоварищи мои *не думали,* что мнѣ *придется* быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ“... „Говорили, что я умѣю *угадать* человѣка... Но все это не переносилось на бумагу, *и я даже вовсе не думалъ,* что сдѣлаю современемъ изъ этого *употребленіе*“. Но особенно знаменательны слова: „Пушкинъ *заставилъ* меня взглянуть на дѣло серьезно“. Наконецъ, говоря о передачѣ Пушкинымъ сюжета „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь прибавляетъ: „*На этотъ разъ я уже и самъ задумался серьезно*“[2]). Но именно вскорѣ послѣ того времени, когда Гоголь захотѣлъ подчинить своимъ теоретическимъ взглядамъ вопросъ о призваніи и задачахъ своей литературной дѣятельности, съ этихъ-то поръ почти и замѣчается упадокъ его таланта. Конечно, тутъ не было полнаго совпаденія, и пока Гоголь еще не насиловалъ свой талантъ, ради предвзятыхъ идей, его творчество подвигалось и даже выигрывало въ глубинѣ и содержательности, пока онъ стоялъ еще на надежной почвѣ; но, увлекшись неисполнимыми, фантастическими планами, онъ вступилъ на ложную дорогу.

Откуда же у Гоголя склонность къ фантастическимъ планамъ? Не одинъ недостатокъ основательнаго образованія былъ причиной ихъ; этотъ вопросъ не можетъ быть такъ скоро исчерпанъ; но можно смѣло сказать, что въ жизни Гоголя

---

[1]) Ср. въ недавно изданномъ письмѣ Гоголя къ Жуковскому: «Никогда я не думалъ, что мнѣ придется быть сатирическимъ писателемъ», и проч. (т. IV, стр. 280).

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 247—249.

вообще имѣло огромное значеніе то, что присущее каждой геніальной натурѣ инстинктивное сознаніе необъятныхъ силъ *никогда не уравновѣшивалось въ немъ критическимъ анализомъ.*

Прослѣдимъ въ немногихъ словахъ проявленіе указанной черты въ главнѣйшихъ событіяхъ жизни нашего писателя, останавливаясь преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, гдѣ она *отразилась наиболѣе ярко.*

Прежде всего Гоголю еще въ дѣтствѣ казалось, что онъ призванъ совершить *что-то для общаго добра.* Замѣчательно, что при этомъ у него не было никакого *сознательнаго* влеченія къ извѣстному *опредѣленному* поприщу, и когда ему пришлось выбирать по окончаніи школьнаго ученія родъ будущей дѣятельности, то онъ былъ застигнутъ врасплохъ. Въ его головѣ проходили самые разнообразные планы, одинаково смутные и неустойчивые, на что указываютъ слѣдующія строки его письма къ одному изъ родственниковъ: „*Я перебралъ въ умѣ всѣ состоянія,* всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ — на юстиціи“ [1]); но, какъ показало будущее, и этотъ планъ былъ вскорѣ навсегда оставленъ. Очутившись въ Петербургѣ, онъ переходитъ отъ одного занятія къ другому: пробуетъ поступить на государственную службу, на сцену, принимается за литературные опыты, наконецъ, ѣдетъ за границу, все потому, что призваніе его не выяснилось, и онъ не находилъ приложенія непочатымъ силамъ. Изъ Нѣжина его неудержимо влекло въ Петербургъ: онъ рисовалъ себѣ какую-то волшебную, фантастическую картину, онъ мечталъ о чемъ-то необычайномъ, величественномъ; но когда дѣйствительность предстала передъ нимъ въ своей прозаической наготѣ, она показалась ему возмутительной, и помириться съ нею онъ былъ не въ состояніи. Въ Петербургѣ Гоголя оттолкнула будничная толкотня безцѣльно убивающей жизнь толпы, въ которой онъ тотчасъ же увидѣлъ много родственнаго съ прозябаньемъ, въ иной только формѣ, нѣжинскихъ „существователей“... „Тишина здѣсь необыкновенная“, говорилъ онъ: „никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, все погрязло въ низменныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ“ [2]). Но благородный внутренній го-

[1]) «Русск. Стар.», 1876, I, стр. 41.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 79.

лосъ запрещалъ таланту итти по пошлой, избитой колеѣ. Его манило впередъ что-то призрачное, необыкновенное; страстный юношескій пылъ требовалъ идеаловъ, и вдали мелькала надежда осуществить ихъ на чужбинѣ. Бѣдный юноша не догадывался или знать не хотѣлъ, что обыденная жизнь вездѣ одинакова, и что никуда нельзя уйти отъ житейской прозы. Съ него было довольно, что въ душѣ его существовалъ запросъ на что-то призрачно-грандіозное, хотя бы дѣйствительность и не могла дать на него отвѣта. Его начинаетъ тянуть въ какую-то фантастическую страну счастья и разумнаго производительнаго труда, гдѣ онъ мечталъ „передѣлать себя, переродиться, оживиться новой жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности“. Нечего и говорить, что все это было только продолженіемъ прежнихъ фантазій и что, говоря, напримѣръ, о „вѣчномъ трудѣ въ будущемъ“, Гоголь и не думалъ сдѣлаться труженикомъ въ настоящую минуту. Но онъ былъ еще въ полномъ смыслѣ „зеленый“ юноша. Никто даже изъ товарищей его не вѣрилъ, чтобы постоянно мѣнявшіяся мечты могли быть близки къ осуществленію, да и денегъ на большую поѣздку у него недостало бы. Между тѣмъ вотъ какая перспектива рисовалась его поэтическому воображенію: „Пресмыкаться — другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута — богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить вѣкъ, гдѣ не представляется впереди совершенно ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ, — это убійственно!“ [1]) Въ значительной степени всѣ эти планы могутъ быть объяснены и неудовлетворенностью настоящимъ, потому что они мигомъ исчезли, когда Гоголь вошелъ въ кругъ Пушкина, Жуковскаго и Плетнева и могъ считать свою жизнь достаточно наполненною.

Но, пустившись въ путь съ безотчетной отвагой, Гоголь тотчасъ же содрогнулся передъ дѣйствительностью, оказавшейся на этотъ разъ слишкомъ грозною. Если всѣ здоровые юноши рисуютъ будущность въ заманчивыхъ краскахъ, то отъ этихъ мечтаній грезы Гоголя отличались колоссальностью иллюзіи. Его поѣздка была безумнымъ порывомъ. Его, чувствовавшаго избытокъ жизни и силъ, на зло пошлымъ со-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 85.

ображеніямъ грошеваго благоразумія и всяческой житейской прозы, манитъ чудная даль, магическая неизвѣстность, чуждые, далекіе края.

Такую же гигантскую отвагу, при совершенномъ неимѣніи масштаба для правильной оцѣнки собственныхъ силъ и порывовъ, перенесъ Гоголь изъ юности и въ зрѣлые годы, потому что таковъ былъ органическій недостатокъ богато одаренной, но неуравновѣшенной его натуры. Въ первые годы по пріѣздѣ Гоголя въ Петербургъ нельзя не отмѣтить въ его развитіи крупнаго и рѣшительнаго успѣха: душевныя силы его крѣпнутъ и формируются съ замѣчательной быстротой; изъ отрока-мечтателя, какимъ онъ былъ въ Нѣжинѣ, въ незначительный промежутокъ времени онъ выростаетъ въ даровитаго писателя съ самостоятельно сложившимися взглядами на многіе вопросы жизни и искусства (послѣднее видимъ въ „Арабескахъ“). Самъ собою напрашивается вопросъ: чѣмъ объяснить эти быстрые успѣхи? Недавній школьникъ, года за два передъ тѣмъ вынужденный приносить матери жалкія сознанія въ напрасно потерянномъ времени въ стѣнахъ воспитавшаго его заведенія, не пользовавшійся лестной репутаціей даже въ глазахъ сверстниковъ, съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ, которое Гоголь пока не считалъ даже своимъ призваніемъ, онъ сразу заставилъ лучшихъ представителей литературы взглянуть на себя, какъ на крупное восходящее свѣтило. Первыя же произведенія, написанныя имъ въ Петербургѣ, ввели его въ кругъ Жуковскаго, Пушкина, Плетнева. Любопытно видѣть, какъ измѣнившаяся среда, вслѣдствіе новаго, самостоятельнаго положенія, и расширившійся жизненный опытъ заставили развернуться и хлынуть потокомъ силы, долго сдерживаемыя гнетущимъ однообразіемъ жизни въ четырехъ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія. Такъ какъ Гоголь открыто сознавался, что получилъ въ школѣ воспитаніе крайне скудное, и что когда ему въ зрѣломъ возрастѣ пришла мысль объ ученьѣ, — онъ „былъ принужденъ начать съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія“ [1]), то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ его быстромъ развитіи первенствующую роль играла личная даровитость.

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 253.

Сознаніе недостаточности своего образованія, о которой говорилъ Гоголь въ приведенныхъ строкахъ, явилось, однако, едва ли ранѣе половины тридцатыхъ годовъ, такъ какъ въ первое время жизни въ Петербургѣ, перенесенный какъ бы чарами волшебства со школьной скамьи въ тѣсную семью лучшихъ представителей литературы, упоенный неимовѣрнымъ успѣхомъ, едва ли, при своей природной самонадѣянности [1]), Гоголь скоро началъ думать о пробѣлахъ образованія, которые ему не могли дать почувствовать ни добродушная снисходительность Пушкина, ни беззавѣтная доброта и мягкость Жуковскаго и Плетнева. Всѣмъ этимъ кружкомъ Гоголь былъ принятъ, въ качествѣ блестящаго молодого таланта, съ распростертыми объятіями, какъ новый дорогой товарищъ, а богатый природный умъ давалъ Гоголю въ жизни такія преимущества, передъ которыми почтительно отступаетъ самое основательное образованіе. Такимъ образомъ, соединеніе практической смѣтливости и оригинальности сильнаго ума съ крайней самонадѣянностью и привычкой опираться во всемъ на собственныя силы, не благоговѣя особенно передъ вычитаннымъ изъ книгъ чужимъ умомъ, навсегда осталось характерной особенностью Гоголя, несмотря даже на являвшуюся временами потребность пополнять поздно замѣченные пробѣлы, о которыхъ онъ, впрочемъ, еще очень мало помышлялъ, когда выступилъ претендентомъ на каѳедру всеобщей исторіи сначала въ кіевскомъ, потомъ въ петербургскомъ университетѣ.

Сдѣлавшись на короткое время профессоромъ, Гоголь во всякомъ случаѣ не ожидалъ той убійственной неудачи, которая заставила его такъ скоро оставить избранное поприще. Рискованное притязаніе его возбуждало не разъ строгія порицанія и обвиненія въ недобросовѣстности, но намъ кажется, что и въ данномъ случаѣ немаловажную роль играли обычныя грандіозныя иллюзіи Гоголя, не сдѣлавшаго строгой оцѣнки себѣ подъ вліяніемъ того почетнаго положенія, которое ему удалось слишкомъ скоро и безъ особеннаго труда занять среди людей, составлявшихъ цвѣтъ современной литературы. Какъ самоучка, Гоголь и не сознавалъ вовсе

---

[1]) См. «Русск. Вѣстн.», 1862, I, стр. 69, «Воспоминанія о Гоголѣ», Л. И. Арнольди.

той бездны, которая отдѣляла его отъ истинныхъ представителей знанія. Исторія всю жизнь была любимой наукой Гоголя, и неудивительно, что онъ счелъ своимъ призваніемъ посвященіе себя ея разработкѣ. Мы видимъ, по крайней мѣрѣ, въ объявленіи замышляемой Гоголемъ обширной исторіи Малороссіи не непростительную опрометчивость недальновиднаго, дюжиннаго человѣка, а скорѣе неспособность щедро одаренной натуры ставить себѣ тѣсныя рамки. По свидѣтельству друга Гоголя, покойнаго А. С. Данилевскаго, еще изъ школы вынесъ Гоголь не мало свѣдѣній по исторіи; но эти свѣдѣнія ему удалось пріобрѣсти помимо правильныхъ занятій и усидчиваго труда; они были схвачены имъ, такъ сказать, на-лету, при чемъ богатое воображеніе даровитаго отрока тотчасъ облекало пріобрѣтаемыя разрозненныя познанія въ яркіе, живые образы. Онъ могъ знать, впрочемъ, и сравнительно немного, но несомнѣнно, что все то, что̀ онъ узнавалъ, рисовалось ему въ характерныхъ своихъ признакахъ. Приведемъ, въ подтвержденіе этихъ словъ, отрывокъ изъ его лекціи о среднихъ вѣкахъ, объ алхимикѣ: „Представьте себѣ какой-нибудь германскій городъ въ средніе вѣка, эти узенькія, неправильныя улицы, высокіе, пестрые готическіе домики и среди ихъ какой-нибудь ветхій, почти валящійся, считаемый необитаемымъ, по растреснувшимся стѣнамъ котораго лѣпится мохъ и старость, окна глухо заколочены — это жилище алхимика. Ничто не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубоватый дымъ, вылетая изъ трубы, докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи старца, уже посѣдѣвшаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждой, — и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, духи основали пріютъ свой[1])“. При этихъ одушевленныхъ строкахъ въ нашемъ воображеніи живо возстаетъ цѣлая картина, нарисованная замѣчательнымъ художникомъ, передъ которой блѣднѣютъ и уничтожаются описанія большинства нашихъ романистовъ-историковъ. И во всемъ, что̀ нѣкогда слышалъ Гоголь на урокахъ исторіи и о чемъ читалъ впослѣдствіи, должны были дышать тѣ же полныя жизни и красокъ картины. Съ этой дивной способностью онъ могъ бы,

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 127.

конечно, написать не одного „Тараса Бульбу“, но, по собственнымъ его словамъ, у него никогда „не было влеченія къ прошедшему“, и умъ его „былъ всегда наклоненъ къ существенности и къ пользѣ болѣе осязательной“[1]). Но вѣдь самый обширный залогъ художественныхъ образовъ, которымъ въ душѣ позавидовалъ бы любой ученый профессоръ, не исключаетъ необходимости для чтенія лекцій усидчиваго, напряженнаго труда, проникнутаго любовью къ наукѣ. Послѣднимъ условіямъ Гоголь удовлетворялъ далеко не въ достаточной степени, да и самая надежда на помощь творческаго воображенія была, можетъ быть, преувеличенная.

Всю жизнь переходилъ Гоголь отъ увлеченія къ увлеченію, и какъ нелѣпо было бы отождествлять его вѣчный рискъ съ легкомысліемъ дюжинной натуры, такъ странно было бы видѣть одну простую безпечность эгоиста въ страстномъ обожаніи Гоголемъ Рима и его готовности войти въ долги, ради возможности жить въ немъ. Если часто самые заурядные сыны сѣвера стремятся при первой возможности урвать мигъ наслажденій ничѣмъ не замѣнимой поэзіей южнаго неба и солнца и тѣми чудными красотами, которыя тамъ расточаетъ природа, эта прекраснѣйшая изъ матерей, немногимъ любимцамъ-избранникамъ; если они уносятъ потомъ навсегда съ собой на родину свѣтлыя воспоминанія, соединенныя съ грустью и очарованіемъ, подобно однимъ только воспоминаніямъ о счастливѣйшихъ дняхъ юности, то что̀ же долженъ былъ чувствовать въ Римѣ, при видѣ этой роскоши, поэтъ, въ этомъ величавомъ городѣ-патріархѣ, достойной главѣ прекраснѣйшей въ мірѣ страны? Что̀ переживалъ Гоголь, наслаждаясь этимъ блескомъ флоры, этими обвитыми плющомъ величественными развалинами, помнящими времена республики и императоровъ и свидѣтелями другого великаго всемірнаго владычества, что̀ чувствовалъ онъ, наконецъ, во время созерцанія чудныхъ созданій итальянскаго искусства? Да и самый языкъ Италіи, изящнѣйшій и звучнѣйшій въ мірѣ, Гоголь называлъ своимъ вторымъ роднымъ языкомъ (въ одномъ изъ писемъ къ А. С. Данилевскому)[2]) и писалъ на немъ письма своей пріятельницѣ и бывшей ученицѣ, М. П. Балабиной.

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 259.

[2]) См. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 230.

CXI.

Итакъ, присутствіе въ характерѣ Гоголя склонности къ увлеченіямъ и часто мѣняющимся планамъ въ той или другой формѣ проходитъ черезъ всю жизнь его. Если же нѣкоторые изъ этихъ плановъ онъ лелѣялъ десятками лѣтъ, какъ, напр., поѣздку въ Іерусалимъ, мысль о которой возникла у него въ началѣ, а осуществилась въ концѣ сороковыхъ годовъ, или наконецъ, созданную его воображеніемъ колоссальную утопію предполагаемаго содержанія послѣднихъ томовъ „Мертвыхъ Душъ“, то въ этихъ случаяхъ такъ или иначе играли видную роль свойственные его натурѣ широкіе замыслы. Назначеніемъ „Мертвыхъ Душъ“ было, какъ извѣстно, исчерпать въ яркой и полной картинѣ всѣ хорошія и дурныя стороны русскаго человѣка. Даже когда Гоголь изнемогалъ подъ бременемъ неосуществимыхъ идеаловъ послѣ наивно-самоувѣреннаго изданія „Переписки съ друзьями“, онъ все-таки не оставлялъ своей мечты, которую хранилъ такъ свято, что писать что-нибудь въ журналахъ для славы и денегъ былъ рѣшительно не въ состояніи. Издавая „Переписку“, Гоголь опять-таки шелъ ощупью, увлекаемый своими задушевными стремленіями и инстинктивно отвращаясь отъ досаднаго анализа, и это доказывается сознаніемъ его въ „Авторской Исповѣди“, что при всемъ высокомъ мнѣніи о достоинствѣ своей книги временами онъ смутно угадывалъ свой отчаянный рискъ, но, питая мистическую увѣренность, что Богъ своимъ всемогуществомъ можетъ и слабымъ строкамъ дать чудесную силу, гналъ отъ себя всякое сомнѣніе. „Я боялся самъ разсматривать недостатки моей книги“, говорилъ онъ, „*и почти закрылъ глаза на нее,* зная, что если разсмотрю построже мою книгу, можетъ быть, она будетъ такъ же уничтожена, какъ я уничтожилъ и „Мертвыя Души“, и какъ уничтожалъ все, что̀ ни писалъ въ послѣднее время“ [1]). Въ напечатанномъ теперь письмѣ къ Жуковскому въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Гоголь также сознается, что поспѣшилъ выпускомъ „Переписки съ друзьями“. Но подъ вліяніемъ глубокаго религіознаго настроенія Гоголь въ самую тяжелую минуту разочарованія въ своей давней

[1]) Соч. Гоголя, изд X, т. IV, стр. 265.

мечтѣ не палъ окончательно духомъ. Напротивъ, онъ старался найти себѣ утѣшеніе въ той мысли, что испытаніе было необходимо и было ему же на пользу. „Могъ ли бы я безъ этого большого крюку сдѣлаться достойнымъ производителемъ искусства? могъ ли бы я выставить жизнь въ ея глубинѣ такъ, чтобы она пошла въ поученье“ [1]), писалъ онъ Жуковскому.

Вообще поразительное совпаденіе содержанія „Исповѣди“ съ извѣстнымъ литературнаго содержанія письмомъ Жуковскому въ отдѣльныхъ мысляхъ и въ общемъ содержаніи много говоритъ за ея искренность. „Мы ни въ одной литературѣ не знаемъ такого искренняго и полнаго изложенія внутренней исторіи личнаго творчества, какое видимъ въ „Авторской Исповѣди“ Гоголя“ [2]), — писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ П. Н. Полевой [3]). Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, съ своей стороны, считаемъ не лишнимъ въ подтвержденіе его показать, что общее содержаніе „Авторской Исповѣди“ назрѣвало постепенно и слагалось въ головѣ Гоголя въ продолженіе рокового для него 1847 года. Тѣ же точно мысли, почти въ тождественной формѣ, были высказываемы имъ въ письмахъ къ друзьямъ. Сдѣлаемъ сличеніе:

„*Книга эта*“ (т.-е. „Переписка съ друзьями“) „будетъ лежать на столѣ моемъ, какъ *вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться*, для того, чтобы видѣть все свое неряшество“ (VI, 350; письмо къ В. А. Жуковскому).

„*Не безъ стыда и краски въ лицѣ я перечитываю самъ многое въ моей книгѣ*, но при всемъ томъ благодарю Бога, давшаго мнѣ силы издать ее въ свѣтъ. *Мнѣ нужно было имѣть зеркало, въ которое я могъ бы гля-*

„Справедливѣе всего *слѣдовало бы назвать эту книгу вѣрнымъ зеркаломъ человѣка*“ („Авторская Исповѣдь“, IV, 242).

„Моя книга есть точная мнѣ оплеуха. Я не имѣлъ духа заглянуть въ нее, когда получилъ ее отпечатанную; *я краснѣлъ отъ стыда и закрывалъ себѣ лицо руками*, при одной мысли о томъ, какъ неприлично и какъ дерзко выразился о многомъ“... „*Мнѣ нужно зеркало, въ которое я долженъ глядѣться всякій день, чтобы*

---

1) «Русск. Вѣстн.», 1888, т. XI, стр. 67; Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр 282.

2) Изъ этихъ словъ ясно, что никакъ не къ «Перепискѣ съ друзьями», а развѣ ко второму тому «Мертвыхъ Душъ» слѣдуетъ отнести извѣстную жалобу Гоголя на неблагоразумныя подталкиванія друзей въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, первому ударившему въ набатъ по поводу неожиданно явившагося для другихъ, но имъ давно предполагаемаго мистицизма (см. письмо къ С. Т. Аксакову, т. VI, 325).

3) См. статью его «Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій» («Историч. Вѣстн.», 1887, IV).

дѣться и видѣть получше себя, а безъ этой книги я врядъ ли имѣлъ бы это зеркало" (Соч. Гог., изд. X, т. IV, 275).

„Одно помышленіе о томъ, съ какимъ неприличіемъ и самоувѣренностью сказано многое въ моей книгѣ, *заставляетъ меня горѣть отъ стыда"* (VI, 361; письмо къ кн. В. В. Львову).

„*Торжественный тонъ книги и необыкновенный слогъ ея сбилъ болѣе или менѣе всѣхъ* и не поставилъ никого на надлежащую точку воззрѣнія" (Соч. Гог., изд. X, IV, 242).

„*Темнота выраженія во многихъ мѣстахъ сбиваетъ только читателя,* но еслибы пояснѣе выразить ту же самую мысль, со мною бы многіе перестали спорить" (IV, 269). „Я всегда имѣлъ право сказать о томъ, о чемъ говорилъ въ моей книгѣ, *если бы только* выразился попроще и поприличнѣе" (IV, 276).

„Большая часть упрековъ родилась отъ всякихъ недоразумѣній, къ которымъ *я подалъ самъ поводъ неясностью словъ моихъ"* (Кул., VI, 365; письмо къ Н. Н. Шереметевой).

видѣть мое неряшество" (VI, 394; письмо къ отцу Матвѣю).

„На этой книгѣ я увидѣлъ, гдѣ и въ чемъ я перешелъ въ то излишество, въ которое, въ эпоху нынѣшняго переходнаго состоянія общества, попадаетъ почти всякій идущій впередъ человѣкъ. Несмотря на пристрастіе сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогѣ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыя я, какъ писатель, не долженъ преступать" („Рус. Вѣст.", 1888, XI, 66; письмо къ Жуковскому; Соч. Гог., изд. X, т. IV, 282).

„Много было причинъ къ изданію книги, а между прочимъ и та, чтобы увидали, наконецъ, читатели и почитатели мои (увы! и самые друзья), что не слѣдуетъ торопить меня къ печатанію, когда я самъ еще чувствую, что *не пришелъ еще въ силы выражаться ясно и просто.* До простоты надобно вырости". (Соч. и письма Гог., VI, 352; письмо къ Шевыреву).

„Въ „Выбранныхъ мѣстахъ" есть нѣкоторыя душевныя тайны, которыя не вдругъ постигаются и которыя, покуда, приняты (можетъ быть, отъ *неумѣнія моего ясно и просто выражаться)* совсѣмъ въ другомъ смыслѣ" (Кул., VI. 362; письмо къ кн. В. В. Львову).

„Скажу вамъ нелицемѣрно и откровенно, что виной множества недостатковъ моей книги *не столько гордость и самоослѣпленіе, сколько незрѣлость моя"* (VI, 392; письмо къ о. Матвѣю).

„*Словомъ — все въ этой книгѣ обличаетъ невоспитаніе мое"* (VI, 393; ему же).

Замѣчательны далѣе слова Гоголя, что тѣ же мысли слѣдовало бы ему доказать въ художественныхъ образахъ, „въ лицѣ выведенныхъ героевъ повѣствовательнаго сочиненія". Гоголь могъ быть отчасти правъ: далеко не одинаковое впечатлѣніе,

напримѣръ, производитъ осмѣяніе пансіонскаго воспитанія женщинъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ по поводу Маниловой и извѣстное размышленіе его о Коробочкѣ, и, съ другой стороны, совѣты, касающіеся воспитанія женщинъ въ его перепискѣ. Художественное изображеніе темныхъ сторонъ жизни еще не можетъ быть ручательствомъ вѣрнаго теоретическаго ея пониманія, но тактъ художника не позволилъ бы Гоголю въ поэтическихъ созданіяхъ высказывать тò, чтò мы читаемъ въ „Выбранныхъ Мѣстахъ“. Въ письмѣ къ Жуковскому [1]) Гоголь также говорилъ: „Не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже поученье. Мое дѣло говорить *живыми образами,* а не разсужденіями“.

Много разсѣяно въ письмахъ Гоголя и замѣчаній о значеніи упрековъ и увѣреній въ томъ, что ему напрасно приписывали отреченіе отъ литературной дѣятельности:

„Письма были писаны, когда я, *воспитываясь самъ упреками,* прося и требуя ихъ отъ другихъ, считалъ въ то же время надобностью раздавать ихъ и другимъ“ (IV, 243).

„*Страннымъ показалось мнѣ,* когда изъ одного мѣста моей книги, гдѣ я говорю, что въ критикахъ, на меня нападавшихъ, есть много справедливаго, вывели заключеніе, что я отвергаю *всѣ* достоинства моихъ сочиненій и не согласенъ съ тѣми критиками, которые говорили въ мою пользу“ (IV, 244—245).

„Я употреблялъ *всѣ силы* держаться на своемъ поприщѣ *и придумывалъ всѣ средства* [2]), которыя могли двинуть мою работу, *не имѣя и въ мысляхъ оставлять званіе писателя*“ (IV, 259).

„Упреки мнѣ нужны, упреками воспитывается моя душа, и упреки составляютъ теперь мою книгу, которою питаюсь“ (VI, 365; письмо къ Н. Н. Шереметевой).

„Покуда скажу тебѣ вотъ чтò, мой добрый Александръ“ (письмо къ А. С. Данилевскому, VI, 358). „Ты никакъ не смущайся обо мнѣ по поводу моей книги и *не думай, чтобы я избралъ другую дорогу писать*“, и проч. Но особенно со всѣми этими выдержками слѣдуетъ сопоставить общее содержаніе письма къ о. Матвѣю, въ которомъ Гоголь старается оправдать передъ уважаемымъ имъ пастыремъ свою страсть къ литературнымъ занятіямъ. О томъ же см. въ „Авт. Исповѣди“ (IV, стр. 265).

---

[1]) «Русск. Вѣстн.», 1888, XI, 66. Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 282.

[2]) Здѣсь Гоголь имѣлъ въ виду, конечно, и извѣстныя свои просьбы къ разнымъ лицамъ сообщать для „Мертвыхъ Душъ“ наблюденія надъ обществомъ и знакомыми. Кромѣ того, необходимо сравнить все письмо Гоголя къ о. Матвѣю, на 420—424 стр. VI тома, о необходимости лучше узнать русскаго человѣка для дальнѣйшихъ литературныхъ трудовъ, — и мысли, высказанныя имъ въ „Авт. Исповѣди“ (VI, 251, 252, 271).

„Мнѣ, вѣрно, потяжелѣе, *чѣмъ кому-либо другому, отказаться отъ писательства,* когда это составляло единственный предметъ моихъ помышленій“... „*Не писать для меня совершенно бы значило то же, что не жить*“ (IV, 269).

„На завѣщанье не слѣдовало опираться: въ немъ судишь себя строго, потому что готовишься предстать на судъ передъ Того, передъ Которымъ ни одинъ человѣкъ не бываетъ правъ“ (IV, 245, примѣч. внизу).

„Что касается до мнѣнія, что книга моя должна произвести вредъ, съ этимъ не могу согласиться ни въ какомъ случаѣ. Въ книгѣ, несмотря на всѣ ея недостатки, слишкомъ явно выступило желаніе добра“ (IV, 277).

Въ письмѣ къ кн. В. В. Львову Гоголь также говоритъ: „Такъ какъ вы питаете такое искренно-доброе участіе ко мнѣ и къ сочиненіямъ моимъ, то считаю долгомъ извѣстить васъ, что *я отнюдь не перемѣнялъ направленія моего*“ (VI, 362).

„Многое выразилось заносчиво, получило торжественный тонъ отъ мысли приближенія къ такой великой минутѣ, какова смерть“ (VI. 420; письмо къ С. Т. Аксакову.)

Мнѣніе это было въ особенно рѣзкой формѣ высказано въ извѣстномъ письмѣ Бѣлинскаго Гоголю, а изъ лицъ противоположнаго направленія о. Матвѣемъ, которому Гоголь отвѣчалъ: „Не могу скрыть отъ васъ, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное дѣйствіе, и что я дамъ за нее отвѣтъ Богу“ (VI, 393).

При такомъ постоянномъ, почти буквальномъ, совпаденіи въ выраженіи особенно занимавшихъ Гоголя мыслей въ эпоху появленія „Переписки съ друзьями“ и „Авторской Исповѣди“, не можетъ быть, очевидно, ни малѣйшаго основанія заподозрѣвать послѣднюю въ неискренности. Намъ особенно важно, что внутреннее сознаніе Гоголя громко протестовало противъ навязываемой ему перемѣны въ убѣжденіяхъ, — до такой степени онъ сжился съ своимъ міросозерцаніемъ, что не въ силахъ былъ даже стать на точку зрѣнія противниковъ, и неуспѣхъ „Переписки“ объяснялъ единственно ея внѣшними недостатками, но оставался твердъ при убѣжденіи (условную справедливость котораго нельзя отвергать, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ думалъ Гоголь), что для того, чтобы мысли его были приняты такъ, какъ онъ желалъ, ихъ стоило только облечь въ поэтическую форму. Но всего замѣчательнѣе, что однимъ изъ капитальныхъ, вопіющихъ недоразумѣній было убѣжденіе современнаго Гоголю общества въ совершенномъ отреченіи его отъ литературы. Такой взглядъ явился вслѣдствіе немногихъ словъ въ „Завѣщаніи“, бывшихъ, въ сущности, скорѣе плодомъ аскетическаго самобичеванія, нежели измѣны призванію. Если Гоголь заявлялъ о неоднократномъ

сожженіи „Мертвыхъ Душъ“, то вѣдь онъ ясно говорилъ, что имъ руководило недовольство написаннымъ и желаніе создать лучшее, но никогда онъ и не думалъ прекращать свою литературную дѣятельность. Плетневу Гоголь писалъ объ „Авт. Исповѣди“: „Я готовлю теперь небольшую книжечку, въ которой хочу, сколько возможно яснѣе, изобразить повѣсть моего писательства, т.-е. *въ видѣ отвѣта на утвердившееся, неизвѣстно почему, мнѣніе, что я возгнушался искусствомъ, почелъ его низкимъ, безполезнымъ и тому подобное*“[1]). Эти слова убѣдительно доказываютъ, насколько ошибочны и вмѣстѣ съ тѣмъ упорны бываютъ иногда взгляды большинства[2]).

Предлагая „чистосердечную повѣсть своего авторства“, Гоголь не терялъ надежды, что она можетъ послужить объясненіемъ нѣкоторой части того, что̀ кажется „необъяснимой загадкой“. Словамъ этимъ и слѣдующимъ за нимъ авторскимъ признаніямъ, по нашему мнѣнію, еще не придано надлежащаго значенія. Невыгодное впечатлѣніе, произведенное на общество и критику оригинальностью трубнаго гласа въ „Выбранныхъ Мѣстахъ“, сразу и прочно повліяло на репутацію Гоголя, какъ человѣка. Гордыня, ханжество и лицемѣріе Гоголя стали немедленно единодушно признаннымъ фактомъ. Обличеніе автора самимъ собой, торжествующими противниками и раздраженными поклонниками — все это слилось въ стройный хоръ рѣшительнаго осужденія, получившаго вдругъ авторитетъ непогрѣшимой математической аксіомы. Гоголь собственнымъ почином погубилъ обаяніе, которое производило на лучшую часть публики и особенно на восторженную молодежь самое его имя. Но общепризнанное ходя-

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 405.

2) Далѣе можно указать почти дословное сходство въ слѣдующихъ мѣстахъ „Авт. Исповѣди“ съ письмами Гоголя къ разнымъ лицамъ: „Говорили, что я умѣю не то что передразнить, а угадать человѣка“, и проч. (IV, 248) и въ письмѣ къ о. Матвѣю: „Я имѣлъ всегда свойство замѣчать всѣ особенности каждаго человѣка“ и т. д. (VI, 442—443) и слѣдующія далѣе строки съ письмомъ П. А. Плетневу (VI, 302), о просьбѣ сообщать и присылать наблюденія, какъ матеріалъ для „М. Д.“ (IV, 257—258) и письмо къ С. П. Шевыреву (VI, 375). Слова: „Меня изумило, когда люди умные стали дѣлать придирки къ словамъ. *Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне-земледѣльцы, озабоченные круглый годъ работой, вывели заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенія народнаго*“ (IV, 244). Подъ умнымъ человѣкомъ разумѣется Бѣлинскій, см. письмо къ нему (Кулишъ, VI, 386—387).

чее мнѣніе въ глазахъ большинства всегда получаетъ значеніе „гласа Божія“, и притомъ, чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ болѣе считается непререкаемымъ, въ силу могущественнаго дѣйствія привычки. Достаточно разъ установиться общественному мнѣнію, самому опрометчивому и апріорному, и оно будетъ упрямо держаться, нерѣдко заслоняя собою даже объясненія, основанныя на фактахъ и изученіи, — не только слова̀ заинтересованнаго лица. Гоголю не надо было особенныхъ усилій, чтобы публично обличить себя, но онъ былъ уже не въ силахъ возвратить къ себѣ довѣріе и напрасно надѣялся, что голосъ его будетъ выслушанъ вторично. „Я еще не признанъ публично безчестнымъ человѣкомъ, которому бы никакого довѣрія нельзя было оказывать“ [1]), — жаловался онъ въ „Авторской Исповѣди“; аскетизмъ и многія другія особенности, ясно обнаруженныя въ „Выбранныхъ Мѣстахъ“, заставляли не безъ основанія увидѣть въ немъ мистика съ оригинальными взглядами на себя и на жизнь. Съ тѣхъ поръ противъ него создалось прочное предубѣжденіе, дожившее до нашихъ дней, несмотря на то, что внимательное изученіе писемъ, дающее возможность болѣе основательно познакомиться съ постепеннымъ внутреннимъ развитіемъ Гоголя, уже *тридцать лѣтъ назадъ,* наглядно доказало опрометчивость толковъ о происшедшемъ будто бы въ Гоголѣ пресловутомъ переломѣ („Современникъ“, 1857—8). Послѣ этой статьи въ „Современникѣ“ и извѣстной статьи А. Н. Пыпина („Вѣстникъ Европы“, 1873—4) [2]) не можетъ уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что если въ Гоголѣ произошелъ переломъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, то исключительно въ смыслѣ болѣзненнаго измѣненія его характера и усиленія въ немъ религіозности.

Намъ кажется, что изученію Гоголя въ высшей степени вредитъ то странное обстоятельство, что оба указанные взгляда — въ сущности, противоположные — уживаются рядомъ. Одно изъ двухъ: или въ Гоголѣ дѣйствительно произошелъ переломъ, — онъ вдругъ, неизвѣстно, какъ и почему, сдѣлался

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 246.

[2]) См. первую главу книги Н. Г. Чернышевскаго: «Очерки гоголевскаго періода русской литературы», и А. Н. Пыпина «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ годовъ до пятидесятыхъ», 2 изд., стр. 349—424.

ханжой и лицемѣромъ (объясненіе апріорное, сложившееся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Выбранныхъ Мѣстъ“ и естественное со стороны большой публики, не знавшей Гоголя, какъ человѣка), или никакой подобной внезапной перемѣны и никакого отступничества отъ прежнихъ идей въ Гоголѣ не было, но просто онъ неудачно рискнулъ высказать вслухъ то, что̀ думалъ давно про себя (заключеніе, прямо вытекающее изъ названныхъ выше статей). Полагаемъ достаточнымъ выставить и подчеркнуть указанное недоразумѣніе для рѣшенія вопроса въ пользу второго изъ этихъ объясненій, имѣющаго за себя всѣ письма Гоголя и воспоминанія лицъ, близко его знавшихъ.

Зато несомнѣнно, что характеръ Гоголя въ послѣдніе годы сильно измѣнился подъ вліяніемъ жестокой болѣзни, перенесенной имъ въ Римѣ (malaria), отъ которой онъ не могъ никогда совершенно оправиться. Недугъ замѣтно подѣйствовалъ на его душевный строй. Уже знакомый Гоголя, В. А. Пановъ, сопровождавшій его въ заграничной поѣздкѣ въ 1840 г. и заботливо ухаживавшій за нимъ во время болѣзни, писалъ С. Т. Аксакову: „Его физическое состояніе дѣйствуетъ, конечно, на силы душевныя; поэтому онъ ими чрезвычайно дорожитъ, и поэтому онъ ужасно мнителенъ. Всѣ эти причины, дѣйствуя совокупно, приводятъ его въ такое состояніе, въ которомъ онъ истинно несчастнѣйшій человѣкъ“ [1]). Очевидно, что уже тогда, въ самомъ началѣ [2]), болѣзненное состояніе стало рѣзко отзываться на самомъ складѣ характера Гоголя. Прежній дружелюбно-искренній и веселый тонъ его писемъ уступаетъ мѣсто сдержанному тону отвлеченныхъ нравоученій. Послѣ болѣзни Гоголь переродился, за нимъ начали замѣчать неровное настроеніе духа, усиленную мнительность и нѣкоторыя странности. Убѣжденный на опытѣ въ спасительномъ дѣйствіи дороги на свой организмъ, онъ вдругъ сталъ приписывать этому средству исцѣленія неимовѣрную силу: „Уже медики махнули было рукою“, — говорилъ онъ, — „но одно лѣкарство спасло меня“. Ему даже серьезно приходила оригинальная мысль ѣхать фельдъегеремъ въ Камчатку

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 424.

[2]) Мы здѣсь не говоримъ уже о болѣе или менѣе явныхъ признакахъ неблагопріятнаго вліянія на Гоголя его болѣзненности еще ранѣе (въ 1837—1839 годахъ).

для того, чтобы поправить разстроившееся здоровье. Мы могли бы еще принять за шутку выраженіе этого страннаго желанія, читая его въ письмѣ къ Погодину, отъ 17 октября 1840 г., но повтореніе его въ дѣловомъ письмѣ Панова къ С. Т. Аксакову и изумленіе послѣдняго по поводу того, чѣмъ „тѣшилъ себя" Гоголь, восхищавшійся, что, благодаря дорогѣ, у него „свѣжость, бодрость взялась такая, какой никогда не чувствовалъ", явно свидѣтельствуютъ о ненормальномъ состояніи организма и душевнаго настроенія выздоравливающаго. Съ той поры болѣзненное состояніе, поддерживавшее какое-то лихорадочное возбужденіе въ Гоголѣ, заставляло его въ недугахъ видѣть не тормозъ, а подспорье для умственной дѣятельности. Извѣстны его увѣренія себя и другихъ въ томъ, что болѣзни посылаются для блага страждущаго, для духовнаго его просвѣтлѣнія (см. въ „Выбранныхъ Мѣстахъ" — „Значеніе болѣзней" и въ статьѣ: „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенности"? — замѣчаніе по поводу Языкова: „болѣзнь дается только къ ускоренію дѣла, если человѣкъ проникнетъ смыслъ ея"). Гоголь, замѣчая въ себѣ угасаніе силъ физическихъ и душевныхъ, почувствовалъ сильнѣйшую потребность въ утѣшеніяхъ религіи. Во время болѣзни въ Римѣ его ужасомъ поразило внезапное сознаніе возможности не выполнить того, что̀ составляло завѣтную цѣль его жизни. Но онъ не покидалъ надежды, что должно, наконецъ, наступить время, „когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистаніе главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей" (VII глава I тома „Мертвыхъ Душъ")[1]). Теперь онъ восклицалъ: „Боже! я не боюсь малаго срока жизни, но я былъ увѣренъ, что мнѣ два года будетъ дано плодотворной жизни, — и теперь отъ меня скрылась эта сладкая увѣренность". Причина болѣзни, по его мнѣнію, была въ томъ, что, замѣтивъ приливъ вдохновенія, онъ не воздержался и неумѣренно предался творчеству въ ущербъ здоровью; лихорадочное напряженіе нервовъ и положило его въ постель. „Сюжетъ, который въ послѣднее время лѣниво держалъ я въ головѣ своей", — писалъ онъ, — „не осмѣливаясь даже приниматься за

[1]) Т. III, стр. 132.

него, развернулся передо мною въ величіи такомъ, что все во мнѣ почувствовало сладкій трепетъ, и я, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не былъ"[1]). „Я думалъ: можетъ быть, это только мгновеніе, можетъ, это опять скроется отъ меня, и я буду потомъ вѣчно жалѣть, что не воспользовался временемъ пробужденія силъ моихъ". Такъ говорилъ Гоголь въ октябрѣ 1840 г. Уже тогда болѣзненное состояніе его организма то повергало его въ „летаргическое умственное бездѣйствіе", то обусловливало неестественное нервное напряженіе, которое носило на себѣ всѣ признаки нездоровыхъ психическихъ отправленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могло быть сдерживаемо вслѣдствіе сознанія его капризной непрочности. С. Т. Аксаковъ въ то же самое время отмѣтилъ бросившуюся ему въ глаза перемѣну въ Гоголѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, сказанныхъ по поводу письма его отъ 28 дек. этого года: „Очевидно, что это письмо уже написано совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предыдущія. Этотъ тонъ сохранился уже навсегда. Должно повѣрить, что много чуднаго совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. *Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде;* внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка"[2]). Съ этимъ горячечно-напряженнымъ состояніемъ совпадало усиленіе обычной потребности широкихъ плановъ. „Я теперь приготовляю", — писалъ онъ С. Т. Аксакову, — „къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ". Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, *со временемъ выйдетъ кое-что колоссальное,* если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ, котораго первыя, невинныя и скромныя главы вы уже знаете. Болѣзнь моя много отняла у меня времени, но теперь, слава Богу, чувствую даже по временамъ свѣжесть, мнѣ очень нужную"[3]). Съ этого времени на первый томъ „Мертвыхъ Душъ"

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 417.

2) «Зап. о жизни Гог.», т. I, стр. 272, «Русс. Арх.», 1890, VIII, 45.

3) Изд. Кул., т. V, стр. 426.

онъ началъ уже смотрѣть какъ только на „крыльцо ко дворцу“, который въ немъ „строился“ [1]), и воспиталъ въ себѣ мистическое убѣжденіе, что предпринятый имъ великій трудъ долженъ быть исполненъ по волѣ самого Бога и во славу Божію. То, что̀ сначала высказывалось только какъ робкое предположеніе, вскорѣ по привычной ассоціаціи идей обратилось для Гоголя въ не подлежащую никакому сомнѣнію увѣренность. Черезъ два мѣсяца Гоголь уже писалъ своему „ближайшему“, А. С. Данилевскому, что въ своихъ сужденіяхъ о немъ онъ основывался на „небесномъ познаніи природы человѣческой, познаніи, которое мудростью Небесъ вложено ему въ душу“. Трудъ свой онъ называетъ прямо „святымъ“ и на предложеніе Аксакова принять участіе въ журналѣ („Моск. Сборникъ“) отвѣчаетъ съ нескрываемымъ негодованіемъ: „Я умеръ для всего мелочного, — для *презрѣннаго* ли журнальнаго пошлаго занятія ежедневнымъ дрязгомъ я долженъ совершать непрощаемыя преступленія!“

Постепенно явилось такимъ образомъ у Гоголя убѣжденіе, что для достойнаго выполненія его высокой цѣли онъ долженъ заняться самовоспитаніемъ и устроеніемъ самого себя. Извѣстно, что прежде мастерство свое изображать пошлыхъ и порочныхъ людей Гоголь объяснялъ тѣмъ, что въ немъ самомъ таились крупицы тѣхъ же наклонностей; теперь онъ пришелъ къ послѣдовательному заключенію, что для изображенія людей добродѣтельныхъ прежде всего необходимо возвысить и очистить собственную душу. Задавшись цѣлью изобразить „съ увлекательностью людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ“, Гоголь незамѣтно отказался отъ своего прежняго убѣжденія, что „пора припречь плутоватаго человѣка“, такъ какъ „обратили въ лошадь добродѣтельнаго“. Но чѣмъ больше, чѣмъ грандіознѣе становились его планы, тѣмъ убійственнѣе оказывалось разстояніе между идеаломъ и достиженіемъ, и передъ Гоголемъ все шире раскрывалась та бездна, изъ которой ему не суждено было выбраться.

CXII.

Всѣ разнообразные толки и впечатлѣнія, полученные и пережитые въ продолженіе грознаго 1847 г., Гоголь переработалъ

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 465; письмо къ Плетневу.

неоднократно въ душѣ своей и передалъ результатъ этой работы въ извѣстномъ письмѣ къ Жуковскому объ искусствѣ и „Авторской Исповѣди“. Мысль о послѣдней была высказана имъ въ письмѣ къ Плетневу отъ 10 іюня. Объ этихъ произведеніяхъ мы уже говорили и раньше [1]); теперь отмѣтимъ только слѣды мнѣній, высказанныхъ разными лицами въ печатныхъ статьяхъ и частныхъ письмахъ о „Перепискѣ съ друзьями“ и повторенныхъ въ сокращеніи въ „Авторской Исповѣди“.

Въ первыхъ строкахъ „Авторской Исповѣди“ повторяется мнѣніе Гоголя, что „предметомъ толковъ и критикъ стала не книга, а авторъ“ [2]). Сходную мысль нерѣдко высказывалъ раньше Гоголь, какъ мы видѣли уже изъ письма А. О. Россета. Нѣсколько далѣе всѣ толки подводятся подъ три главныя категоріи: „первое мнѣніе, что эта книга есть произведеніе неслыханной гордости человѣка“ — мнѣніе Иннокентія, Бѣлинскаго и Аксакова; *второе* — что книга эта есть твореніе добраго, но впавшаго въ *прелесть* человѣка (мнѣніе Львова, Свербеевыхъ); „*третье* — что книга есть произведеніе христіанина, глядящаго съ вѣрной точки на вещи“ [3]) (мнѣніе Плетнева, Ишимовой, Смирновой, Вигеля).

Начиная со словъ: „Меня изумило, когда люди умные стали дѣлать придирки къ словамъ“ [4]), цѣлый отдѣлъ относится къ мнѣніямъ Бѣлинскаго. Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, слѣдуетъ сравнить слѣдующія слова: „Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне-земледѣльцы, озабоченные круглый годъ работой, вывести заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенія народнаго“ и проч. съ цѣлымъ отрывкомъ письма къ Бѣлинскому, напечатаннаго въ изданіи писемъ Гоголя Кулиша и начинающагося такъ: „Слова мои о грамотности вы приняли въ буквальномъ тѣсномъ смыслѣ“ и проч. [5]). Вѣроятно, Бѣлинскаго же имѣлъ въ виду Гоголь, когда говорилъ далѣе: „Я очень помню

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1890, т. XII, стр. 594—613.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 241; ср. письмо Россета отъ 12 марта 1847 (выше, стр. 540).

[3]) Тамъ же, стр. 241—242.

[4]) Стр. 244.

[5]) Ср. Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 244 и соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 386.

и совсѣмъ не позабылъ, что по поводу небольшихъ моихъ достоинствъ явились у насъ очень замѣчательныя критики". Также по адресу Бѣлинскаго было сказано: „Странно дѣлать выводъ, будто я отвергаю потребность просвѣщенія европейскаго", хотя въ первоначальномъ отвѣтѣ на письмо Бѣлинскаго положеніе это отчасти оспаривается [1]). Окончивъ разборъ мнѣній Бѣлинскаго, Гоголь причисляетъ его къ числу людей умныхъ, но одностороннихъ, высказывая на него совершенно тотъ же взглядъ, который былъ прямѣе и откровеннѣе высказанъ въ письмѣ къ гр. А. П. Толстому [2]). Къ Бѣлинскому же относятся и слова: „Словомъ, въ этой рѣшительности, съ какой былъ произнесенъ этотъ приговоръ, мнѣ показалась большая собственная самоувѣренность судившаго" [3]). Отрицаніе молвы объ отреченіи Гоголя отъ литературы направлено прежде всего противъ мнѣнія С. Т. Аксакова и также весьма многихъ другихъ. Далѣе слова: „въ отвѣтъ тѣмъ, которые попрекаютъ мнѣ, зачѣмъ я выставилъ свою внутреннюю клѣть, могу сказать то, что все-таки я еще не монахъ, а писатель" заключаютъ въ себѣ краткое резюме отвѣта Гоголя преосв. Иннокентію, какъ въ этомъ особенно можно убѣдиться, кромѣ всего содержанія письма, особенно изъ словъ: „внутреннюю клѣть свою я вовсе выставляю не для того, чтобы себя выставлять, но думалъ, что это послужитъ въ добро тѣмъ, которые, подобно мнѣ, не получивши надлежащаго воспитанія въ юности и въ школѣ, спохватились потомъ" и проч. [4]). Далѣе слова: „Я питалъ втайнѣ надежду, что чтенье „Мертвыхъ Душъ" наведетъ нѣкоторыхъ на мысль писать свои собственныя записки. Я думалъ, что тотъ, кто уже находится на склонѣ дней своихъ" и проч., напоминаютъ намъ веденіе по совѣту или съ одобренія Гоголя записокъ Щепкина и Аксакова. Мысли объ отреченіи отъ литературы въ случаѣ неумѣнія воспользоваться своимъ даромъ на благо ближняго и оправданіе собственной прошедшей литературной дѣятельности [5]),

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 245 и соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 382.

[2]) «Сборникъ въ память С. А. Юрьева», стр. 263.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 246.

[4]) Ср. Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 254 и «Духовн. Вѣстн.», 1864, т. IV, стр. 583.

[5]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 258. Ср. Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 269 и 277 и Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 394, 425 и проч.

какъ мы знаемъ, внушены перепиской съ о. Матвѣемъ, какъ и доводы въ пользу того, что Богъ не могъ бы допустить, чтобы книга Гоголя принесла вредъ. Оправданіе своего стремленія въ Палестину Гоголь высказывалъ и раньше, и прежде всего С. Т. Аксакову. Слова: „знаю, что наипрезрѣннѣйшій изъ насъ можетъ завтра же сдѣлаться лучше всѣхъ насъ и его молитва будетъ ближе къ Богу“ [1]), представляютъ возраженіе на противоположное мнѣніе Жуковскаго, — что напрасно просить молиться о себѣ людей, не вѣрящихъ въ молитву [2]).

Въ концѣ „Авторской Исповѣди“ замѣчаніе: „учить общество въ томъ смыслѣ, какъ нѣкоторые мнѣ приписали, я вовсе не думалъ“, намекаетъ на письмо Львова, при чемъ далѣе находимъ прямое возраженіе на слова послѣдняго: „развѣ легко дается каѳедра?“ Гоголь такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ „Авторской Исповѣди“: „Я не всходилъ съ моей книгой на каѳедру, требуя, чтобы всѣ по ней учились. Я пришелъ къ своимъ собратьямъ, соученикамъ, какъ равный имъ соученикъ“ [3]). Слѣдующій отдѣлъ, начиная отъ словъ: „что̀ касается до мнѣнія, будто книга моя должна произвести вредъ“ и проч. весь относится, какъ мы упомянули выше, къ перепискѣ съ о. Матвѣемъ и представляетъ развитіе однѣхъ и тѣхъ же мыслей [4]). Ср. особенно: „во всякомъ случаѣ послѣ книги моей читатель обратится къ церкви, а въ церкви встрѣтитъ и учителей церкви и онъ оставитъ мою книгу, какъ ученикъ бросаетъ склады, когда вы̊учится читать по верхамъ“; въ письмѣ къ о. Матвѣю: „въ церкви они найдутъ лучшихъ учителей. Достаточно, что занесли уже ногу на порогъ дверей ея. О книгѣ моей они позабудутъ, какъ позабываетъ о складахъ ученикъ, выучившійся читать по верхамъ“. Слова о чрезмѣрномъ довѣріи критиковъ къ своему мнѣнію въ заключеніи статьи слѣдуетъ сравнить съ мнѣніемъ, высказаннымъ Данилевскому въ письмѣ отъ 20 іюня 1843 г. и Аксакову

---

1) Ср. Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 274 и Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 485—491.

2) Ср. Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 274; Соч. Жук., изд. 7, т. VI, стр. 82.

3) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 276; ср. также въ письмѣ къ о. Матвѣю, Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 442.

4) Тамъ же, 277, ср. и Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 395.

въ письмѣ отъ 6 марта 1847 г.[1]). Наконецъ выраженіе: „Я думалъ, что въ книгѣ моей скорѣе зерно примиренія, а не раздора“ встрѣчается также и въ письмѣ къ Бѣлинскому[2]).

Отмѣтимъ еще двѣ менѣе важныя подробности. Въ словахъ Гоголя: „Я увидалъ, что со смѣхомъ нужно быть очень осторожнымъ, что стоитъ только тому, кто поостроумнѣе, посмѣяться надъ одной стороной дѣла, какъ уже въ слѣдъ за нимъ тотъ, кто потупѣй и поглупѣй, будетъ смѣяться надъ всѣми сторонами дѣла“ есть нѣкоторое соотвѣтствіе съ отрывкомъ письма (уничтоженнаго и потомъ собраннаго Кулишомъ по кускамъ) къ Бѣлинскому: „Нигдѣ у меня не было насмѣшки надъ тѣмъ, что̀ составляетъ основаніе русскаго характера и его великія силы. Насмѣшка была только надъ мелочью, несвойственной его характеру“[3]).

Такое же лишь косвенное соотношеніе замѣчается между словами: „Если бы и съ Карамзинымъ случилась эта внутренняя исторія во время его писательства, онъ бы такъ же ее выразилъ“ и въ письмѣ къ Плетневу: „Мнѣ нужно знать душу, ея *нынѣшнее состояніе*. Ни Карамзинъ, ни Жуковскій, ни Пушкинъ не избрали этого въ предметъ своего искусства“ и проч.[4]) Есть также нѣкоторое сходство въ слѣдующихъ словахъ „Авторской Исповѣди“: „все, что̀ ни есть въ душѣ, ударилось ярче всѣмъ въ глаза, какъ въ человѣкѣ, получившемъ на долю больше способностей сравнительно съ другимъ человѣкомъ“, и въ письмѣ къ Шевыреву отъ 12 декабря 1847 г., гдѣ Гоголь называетъ себя „оригинальнымъ уже вслѣдствіе оригинальныхъ даровъ и способностей, ему данныхъ“[5]). Наконецъ заключительныя строки „Авторской Исповѣди“ имѣютъ въ виду преимущественно благодушную и добрѣйшую старушку Н. Н. Шереметеву[6]).

---

1) Ср. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 395, соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 278 и «Древняя и Новая Россія», 1879, т. I, стр. 61 и письмо къ Погодину «Русск. Стар.», 1890, т. II, 414.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 378

3) Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 380 и Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 252.

4) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 390 и соч. Гог., изд. X, т. IV, 254.

5) Ср. соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 242 и соч. и письма Гог., т. VI, 434.

6) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 365 и соч. Гоголя, изд. X, IV, стр. 278. Кромѣ того есть замѣтное сходство въ началѣ «Авторской Исповѣди» именно въ признаніи полезными всѣхъ упрековъ и обличеній, посыпавшихся на Гоголя

CXIII.

Проживъ лѣто 1847 г. съ Жуковскимъ во Франкфуртѣ, Гоголь поѣхалъ въ Остенде. Еще задолго Гоголь подыскивалъ себѣ попутчиковъ для путешествія и особенно разсчитывалъ на встрѣчу тамъ съ гр. А. П. Толстымъ. На выѣздѣ изъ Неаполя Гоголь хотѣлъ нарочно заѣхать къ нему въ Парижъ, но исполнилъ ли эту мысль, — не знаемъ. Лѣтомъ онъ видѣлся съ Толстымъ, но въ Остенде Толстой не поѣхалъ, и Гоголь пользовался тамъ только обществомъ сына С. П. Апраксиной, графа Виктора Владиміровича, и Хомякова[1]); позднѣе

по выходѣ «Переписки съ друзьями» и въ письмѣ П. В. Анненкову отъ 12 августа 1847 г. изъ Остенде. (См. «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 500—501 и особенно 504 и 505).

[1]) Съ женой Хомякова, Екатериной Михайловной, Гоголь подружился вскорѣ послѣ своей первой встрѣчи и начала дружбы съ ея братомъ, Н. М. Языковымъ: съ Языковымъ онъ видѣлся впервые 30 іюня 1839 года, а по пріѣздѣ въ Россію осенью этого года онъ уже часто бывалъ у Хомяковыхъ (см. выше, стр. 167).

Н. В. Гоголь особенно сблизился съ семействами Хомяковыхъ и Свербеевыхъ чрезъ Аксаковыхъ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Иногда онъ пересылалъ черезъ послѣднихъ имъ поклоны (см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 59). Въ одномъ письмѣ Языкова къ Гоголю (отъ 2 декабря 1844 г.) читаемъ также: «Тебѣ кланяются Свербеевы: они тебя помнятъ и любятъ, какъ подобаетъ, и чтутъ воспоминаніе о твоемъ быванія на ихъ вечерахъ» (см. «Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 628 и стр. 632, 636 и 647, гдѣ Д. Н. С. — Дмитрій Ник. Свербеевъ). Также познакомился Гоголь въ бытность въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ и съ супругами Павловыми (Николаемъ Филипповичемъ и Каролиной Карловной, урожденной Янишъ) «Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 640 и М. Д. Ховриной (см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 14, «Русск. Стар.», 1896, XII, стр. 632 и 640, гдѣ Х. — Ховрина и «Русск. Стар.», 1890, II, стр. 420 и «Русск. Арх.», 1890, VIII, 139). М. Д. Ховрина и Каролина Карловна Павлова пользовались репутаціей прекрасно образованныхъ женщинъ и имѣли притязаніе слыть передовыми. Обѣ были хорошо знакомы съ К. С. Аксаковымъ. О нихъ упоминаетъ и покойная Т. П. Пассекъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ «Изъ дальнихъ лѣтъ». — Въ недавней статьѣ о Хомяковѣ В. Н. Лясковскій разсказываетъ: «Хомяковъ принадлежалъ къ немногимъ людямъ, сразу оцѣнившимъ Гоголя. Но и помимо отношенія къ нему, какъ художнику, Алексѣй Степановичъ полюбилъ его какъ человѣка и остался ему вѣрнымъ другомъ до конца». («Русск. Арх.», 1896, XI, стр. 377—378). Отмѣтимъ здѣсь также одно мелочное, но не лишенное интереса свѣдѣніе объ отношеніяхъ Гоголя къ Хомякову: «Когда Хомяковъ писалъ записки о всемірной исторіи, разъ какъ-то Гоголь засталъ его за писаніемъ, и заглянувъ въ тетрадь, увидѣлъ въ ней имя Семирамиды; онъ сказалъ кому-то, что Хомяковъ пишетъ «Семирамиду». Такъ это названіе и осталось за этой работой и впослѣдствіи самъ Хомяковъ ее иначе не называлъ» («Русск. Арх.», 1896, XI, стр. 372).

пріѣхали Мухановы. Но этого общества ему было мало, хотя Хомяковъ ему очень понравился и они собрались даже отправиться вмѣстѣ въ Лондонъ. Но въ то же время ожидался пріѣздъ въ Остенде Віельгорскихъ: Луизы Карловны, Михаила Михайловича и Анны Михайловны. Михаилъ Юрьевичъ былъ также въ это лѣто за границей; но онъ ѣздилъ только въ Берлинъ на свиданіе съ сыномъ, и съ Гоголемъ не встрѣтился. Отъ Віельгорскихъ Гоголь получилъ извѣстіе о предполагаемой поѣздкѣ на одно изъ сѣверныхъ морей еще въ началѣ мая; въ августѣ ему писала сама графиня изъ Висбадена. Гоголь хотѣлъ было поѣхать къ ней навстрѣчу въ Висбаденъ, но потомъ рѣшилъ дожидаться въ Остенде, вслѣдствіе чего поѣздка съ Хомяковымъ въ Лондонъ не состоялась. Впродолженіе этого времени Гоголь видѣлся наконецъ, хотя только на одинъ день, съ гр. А. П. Толстымъ, о чемъ онъ извѣщалъ потомъ о. Матвѣя: „Графа Александра Петровича я видѣлъ на одинъ день во время проѣзда его въ Англію для совѣщанія съ зубными докторами. Онъ лишился ихъ и долженъ былъ вставить другіе". Все это, а равно и полученіе письма отъ о. Матвѣя (впрочемъ уже второго) и отъ Бѣлинскаго произошло во время пребыванія Гоголя въ Остенде въ августѣ 1847 г.[1]) Затѣмъ Гоголь отдохнулъ душой и развлекся въ обществѣ Віельгорскихъ. Затѣмъ онъ вернулся въ концѣ осени въ Неаполь по той же причинѣ, по какой и въ предыдущемъ году.

Лѣтомъ же 1847 г. Чижовъ, мечтая объ основаніи славянофильскаго органа въ Москвѣ, искалъ сотрудничества Го-

---

Тѣснѣе сблизился Гоголь съ Хомяковымъ въ Остенде. См. «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 128. Время, проведенное Гоголемъ съ Хомяковымъ въ Остенде можетъ быть приблизительно опредѣлено такъ. «Черезъ недѣлю или полторы пріѣдетъ сюда Хомяковъ», писалъ Гоголь 28 іюля («Въ память Юрьева», 257—258). Далѣе есть извѣстіе о его прибытіи и объ отъѣздѣ въ письмѣ отъ 14 августа къ графинѣ Віельгорской («Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 128). Эта новая встрѣча въ силу сходства нѣкоторыхъ взглядовъ сблизила ихъ еще болѣе, какъ это мы видимъ изъ слѣдующихъ словъ: «Конечно, жалко, что я не поѣхалъ съ Хомяковымъ въ Лондонъ, но такъ какъ оно уже прошло, и *какъ безъ Хомякова мнѣ не хочется быть тамъ*, а Хомякову уже время возвратиться назадъ, то я попеченіе объ этомъ отложилъ» («Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 128—129).

1) См. соч. и письма Гоголя, т. VI, 426; также сборникъ «Въ память Юрьева» и «Русск. Стар.» 1891, 3.

голя, для чего возобновилъ съ нимъ оживленную переписку[1]). Цѣль Чижова, если не ошибаемся, была привлечь Гоголя къ участію въ журналѣ. Правда, онъ предупреждалъ недовѣрчивость Гоголя, увѣряя, что онъ далекъ отъ этой мысли, но его постоянные толки про журналъ и его направленіе, его желаніе заинтересовать имъ Гоголя и, сохраняя въ неприкосновенности собственные излюбленные взгляды, попасть въ тонъ Гоголя, — все заставляетъ подозрѣвать противное, не говоря уже о постоянномъ обращеніи къ дорогой для послѣдняго памяти Языкова. Поэтому мы считаемъ себя въ правѣ отнестись съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ слѣдующимъ словамъ Чижова: „Читая это письмо, пожалуйста смотрите постороннимъ взглядомъ, — т.-е. не думайте, что это предисловіе къ просьбѣ о вашемъ участіи. Языковъ повѣрялъ мнѣ ваши понятія объ участіи въ журналѣ, говорилъ, какъ вы упорно не хотѣли участвовать у Кирѣевскаго; послѣ этого, разумѣется, я никогда бы не сталъ и пытаться, потому что не имѣю ни малѣйшаго права“ [2]). Между тѣмъ эти же слова разъясняютъ намъ тактику Чижова: не имѣя возможности обратиться къ Гоголю прямо и сознавая необходимость искусно преодолѣть въ немъ отвращеніе къ журнальной дѣятельности, онъ подходитъ къ дѣлу издалека, спекулируетъ памятью Языкова и хочетъ втянуть Гоголя въ борьбу за идею служенія родинѣ и православію, опираясь на предполагаемое въ немъ сочувствіе или возможность сочувствія основной славянофильской идеѣ журнала. Но Гоголь былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи избѣгать журнальной дѣятельности, такъ что старанія Чижова не могли привести ни къ чему [3]).

CXIV.

Осенью Гоголь снова переселился въ Неаполь[4]), куда звалъ къ себѣ изъ Парижа гр. А. П. Толстого. Но онъ сильно

---

[1]) «Русск. Стар.», 1889, VIII, стр. 373—380.

[2]) Стр. 370.

[3]) Вскорѣ Гоголь получилъ извѣстіе отъ Шевырева, что журналъ Чижова не состоялся; «Чижовъ журнала не предприметъ, потому что позволеніе на «Русскій Вѣстникъ» взято министерствомъ назадъ» (Отчетъ Импер. Публ. Библ. за 1893 г., 54—55).

[4]) Лѣтніе маршруты Гоголя въ его Jtinerarium'ѣ значатся слѣдующіе: 18 (30) апр. изъ Неаполя въ Римъ, 1 (13) мая въ Римъ черезъ Флоренцію, Генуэ и Ниццу.

колебался относительно поѣздки въ Іерусалимъ, не замѣчая въ себѣ той готовности, которая казалась ему обязательной для путешествія. Его устрашали и внѣшнія препятствія, и черствость души. „Какъ бы то ни было“ — писалъ Гоголь А. П. Толстому — „но обстоятельства такъ устраиваются, что можетъ быть, поѣздъ мой точно на нѣсколько времени отдалится. Еще страннѣе, что почти со всѣми людьми, которые, подобно мнѣ, хотѣли ѣхать въ этомъ году, случились непредвидѣнныя задержки, иные даже возвратились съ дороги. Во всякомъ случаѣ я никакъ не руководствуюсь въ этомъ дѣлѣ собственной волей и не иду упрямо наперекоръ всему, но жду указаній Божіихъ, которыя мнѣ проявятся въ попутномъ ходѣ всѣхъ споспѣшествующихъ къ моему путешествію обстоятельствъ“[1]). Но для этого недоставало слишкомъ многихъ условій и между прочимъ самаго главнаго и существеннаго условія. „Признаюсь вамъ“ — писалъ онъ въ тѣхъ же числахъ А. О. Смирновой, — „молитвы мои такъ черствы! Я прежде думалъ, что я лучше молюсь, что я почти умѣю молиться временами. Но теперь вижу, что если не захочетъ Самъ Тотъ, Которому молишься, никакъ нельзя помолиться“[2]). До чего мучительно должно было быть такое положеніе, можно судить уже по крайнему несоотвѣтствію надеждъ съ ихъ исполненіемъ. Въ началѣ 1847 г., Гоголь писалъ однажды Жуковскому: „какъ я радъ, что отъѣздъ мой на Востокъ немного отодвинулся! для этого путешествія нужно хоть сколько-нибудь лучше приготовиться, не говоря уже о томъ, чтобы и самому нѣсколько поопрятнѣе принарядиться“[3]) (очевидно, въ духовномъ смыслѣ). Нѣсколько позже, онъ съ увѣренностью говорилъ Смирновой: „У гроба Господня укрѣплюсь и духомъ, и тѣломъ, да и можетъ ли быть иначе? Богъ милостивъ“[4]). Но чѣмъ ближе подходилъ срокъ отъѣзда, тѣмъ сильнѣе говорилъ въ Гоголѣ голосъ сомнѣнія и страха. Такъ

---

22 мая Pont du Vai (?). См. «Рус. Мысль», 1896, V, 180. Но здѣсь возникаютъ недоумѣнія: по датамъ писемъ Гоголь оставался почти весь май въ Неаполѣ и только 20 мая былъ въ Генуѣ, откуда черезъ Марсель проѣхалъ во Франкфуртъ, а изъ Франкфурта въ началѣ августа прибылъ въ Остенде.

1) «Сборникъ въ память Юрьева», стр. 265.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 428.

3) Тамъ же, стр. 356.

4) Стр. 373.

онъ писалъ Шевыреву: „Не будетъ ли оскорбленіемъ святыни мой пріѣздъ и поклоненіе мое? Если бы Богу было угодно мое путешествіе, возгорѣлось бы въ груди моей желаніе сильнѣе и все бы меня тянуло туда, и не посмотрѣлъ бы я на трудности пути. Но въ груди моей равнодушно и черство, и меня устрашаетъ мысль о затрудненіяхъ“ [1]). Замѣтимъ мимоходомъ, что въ числѣ послѣднихъ особенно страшна была морская болѣзнь, потому что Гоголь не переносилъ моря съ его качками и мертвой зыбью. Наконецъ Гоголь сталъ просить напутствій у лучшихъ друзей (онъ писалъ Плетневу: „мнѣ теперь такъ нужны письма близкихъ, самыхъ близкихъ друзей! Если я не получу, до времени моего отъѣзда, отъ тебя письма и дружескаго напутствія въ дорогу, мнѣ будетъ очень грустно“ [2]) и старался отъ души помириться съ остальными). Онъ сталъ разузнавать о всѣхъ подробностяхъ путешествія и съ этой цѣлью вступилъ въ сношеніе съ своимъ школьнымъ товарищемъ Базили, консуломъ въ Сиріи, и съ ѣздившимъ въ Палестину — Бейне. Въ письмѣ къ Иванову отъ 28 декабря 1847 г. онъ писалъ Иванову: „Поклонитесь отъ меня Бейне и разспросите его, какъ онъ ѣхалъ изъ Байрута въ Яффу, а изъ Яффы въ Іерусалимъ?“ [3]) и проч. Письма самого Гоголя къ Базили пока неизвѣстны, за исключеніемъ еще двухъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ „Помощь голодающимъ“, и приводимаго здѣсь, письма же Базили всѣ сохранились и помѣщаются ниже.

К. М. Базили — Н. В. Гоголю. Бейрутъ $\frac{\text{25 дек. 1847.}}{\text{6 янв. 1848.}}$

„Какимъ же это образомъ еще въ ноябрѣ не получилъ ты, милый другъ Николай Васильевичъ, письмо мое, писанное въ іюнѣ или въ іюлѣ (не помню, только знаю, что это было въ ту пору большихъ жаровъ, когда я былъ въ горахъ [4]), въ отвѣтъ на твое письмо изъ Остенде? А жаль, если письмо затерялось, не столько потому, что оно было исполнено нѣжности къ тебѣ и воспоминаній школьныхъ, дорогихъ болѣе и болѣе сердцу моему, по мѣрѣ того, какъ голова сѣдѣетъ, сколько потому, что тѣмъ письмомъ я усердно приглашалъ тебя, если возможно скорѣе, въ Бейрутъ, чтобы доставить мнѣ удовольствіе, а тебѣ случай и, можетъ быть, также нѣкое удовольствіе совершить благочестивый твой походъ въ Іерусалимъ вмѣстѣ со мною. Если

---

1) Тамъ же; стр. 432.

2) Тамъ же, стр. 438.

3) «Вѣстн. Европы», 1883, XII, 654.

4) Въ Ливанскихъ.

въ теченіе января (по-нашему) можешь сюда поспѣть, это сбудется; если позже, т.-е. въ февралѣ или въ мартѣ, то только свидимся; если еще позже. то я скажу, что именно ты ждалъ моего отъѣзда изъ Сиріи, чтобы сюда заѣхать, ибо въ апрѣлѣ непремѣнно отправляюсь въ Россію съ семействомъ. Не будь страха отъ наступающихъ лѣтнихъ жаровъ, страха за дѣтей, въ особенности за необходимость ихъ отправить въ маѣ, то клянусь тебѣ Аллахомъ, пожалуй, я бы еще прождалъ мѣсяцъ, чтобы только свидѣться съ тобою. Но вѣдь женатому, семейному человѣку предстоитъ много соображеній, тебѣ непостижимыхъ. Какъ бы то ни было, а если пріѣдешь позже и не застанешь меня ты здѣсь, въ Бейрутѣ, въ Яффѣ и въ Іерусалимѣ найдешь пріемъ отличный и радушный — въ томъ тебѣ ручаюсь. Если бы ты совершилъ путешествіе со мною, то расходовъ тебѣ бы не стоило никакихъ отъ твоего пріѣзда до твоего выѣзда изъ Сиріи, потому что лишняя лошадь у меня есть, а разумѣется жилъ бы ты у меня и здѣсь и въ Іерусалимѣ. Если пріѣдешь безъ меня, то сдѣлай милость не хлопочи о конвояхъ и прочихъ вздорахъ, о коихъ толкуютъ свѣтскіе путешественники — шарлатаны въ подражаніе Ламартину. Пріѣзжай по разсчету пароходовъ какъ найдешь удобнѣе и кратче, черезъ Александрію или Смирну, въ Бейрутъ. Замѣть только, что, отправившись изъ Александріи сюда, надо здѣсь просидѣть 12 дней въ карантинѣ, а изъ Смирны сюда карантина нѣтъ. Изъ Бейрута на лодкѣ переѣдешь въ Яффу — это стоитъ бездѣлицу. Изъ Яффы нужна лошадь для тебя и развѣ лошадь для поклажи, буде есть поклажа, чтобы въ одинъ день переѣхать въ Іерусалимъ. А я хоть и буду въ отсутствіи, а ручаюсь головой — никто тебя не обидитъ. Въ Іерусалимѣ поживешь у патріарха, сколько захочешь, и тѣмъ же церемоніаломъ поѣдешь назадъ. Насчетъ расходовъ видишь, что необходимыхъ весьма немного, а что̀, какъ и почему захочешь дать потомъ и прочимъ въ Іерусалимѣ, объ этомъ подробно объяснишься съ домашнимъ вицеканцлеромъ въ Яффѣ, человѣкомъ дѣйствительно почтеннымъ, коему уже ты рекомендованъ.

Хотѣлось бы еще присовокупить подробности о себѣ самомъ и о своемъ семействѣ, да уже объ этомъ я писалъ тебѣ, и помнится, что и жена моя присовокупляла приглашеніе тебѣ поспѣшить сюда поскорѣе. Если самъ ты по обычной разсѣянности получилъ письмо и не прочиталъ (со мною это случается съ того времени, какъ получаю письма пронумерованныя), то, братъ, не пріѣзжай, а то готова висѣлица ради толикаго преступленія. Вѣдь и я и добрая моя жена по-братски, запросто тебя просили погостить всю зиму здѣсь: здѣсь климатъ лучше вашего неапольскаго.

Прощай же еще разъ, милый другъ. Спѣши къ намъ и не безпокойся ни о чемъ: я озабочусь о твоемъ отправленіи и обо всемъ, а если меня не застанешь, то мои чиновники все исполнятъ какъ слѣдуетъ. Твой навсегда А. Базили".

Бейне — Н. В. Гоголю. Флоренція. $^{1}/_{13}$ января 1848 г.

„Милостивый Государь Николай Васильевичъ! Едва получилъ изъ Рима отъ Александра Андреевича Иванова[1]) письмо, въ которомъ онъ мнѣ го-

---

[1]) См. «Вѣстн. Евр.», 1883, XII, 654.

воритъ, что вы желаете имѣть свѣдѣнія о дорогѣ въ Іерусалимъ черезъ Бейрутъ и Яффу, спѣшу писать къ вамъ и предложить вамъ отъ всей души небольшую мою опытность. Сожалѣю только, что не могу вамъ сообщить подробнѣйшихъ свѣдѣній именно этой дороги (sic). Вотъ почему: путешествіе мое въ Сирію было сопряжено съ художественною цѣлью и потому мнѣ было весьма любопытно побывать въ Бальбекѣ и Дамаскѣ. Въ горахъ Ливана было тогда смирно; снѣгу немного,— однимъ словомъ, ничего не мѣшало моимъ предположеніямъ. Въ Дамаскѣ я засталъ караванъ армянскихъ поклонниковъ, идущихъ въ Іерусалимъ въ числѣ трехсотъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, присоединился къ нимъ, и мы, черезъ Сасу, Кнайтру, мостъ Якова, Назаретъ, прибыли преблагополучно въ Іерусалимъ. Изъ этого вы видите, что я знаю дорогу изъ Бейрута въ Яффу только по разсказамъ; но эта дорога впрочемъ не есть кратчайшая развѣ только морскимъ путемъ. На парусномъ суднѣ можно пріѣхать изъ Бейрута въ Яффу въ 24 часа, и то съ попутнымъ вѣтромъ, но это рискъ. Самая же прямая дорога идетъ черезъ Сидонъ, Тиръ, Кармель, Дженнинъ и Наплусъ. Но будучи на Кармелѣ, неужто вы не заѣдете въ Назаретъ, который только въ разстояніи семи часовъ оттуда? Можно также ѣхать съ Кармеля на Кесарію и Яффу, но это дальше и въ бытность мою было и опасно. Если и васъ интересуютъ Бальбекъ и Дамаскъ, то вотъ вамъ маршуртъ: Изъ Бейрута первый ночлегъ па вершинѣ Ливана въ Ханѣ, второй въ Захлѣ (христіанскій городокъ) и на третій день въ Бальбекѣ, оттуда въ Дамаскъ два дня ѣзды и ночлегъ въ третій день. Весьма вѣроятно, что тамъ еще застанете караванъ армянъ, иначе лучше воротиться прямымъ путемъ въ Бейрутъ, чтò возьметъ три дня пути.

Отъ стариннаго вашего пріятеля, г. Базили, получите вѣрнѣйшія свѣдѣнія о состояніи этихъ дорогъ. Я съ моимъ товарищемъ также къ нему обратился, и онъ намъ рекомендовалъ надежнаго драгомана, которому мы платили по 30 піастровъ ($7^1/_2$ франковъ) въ день — за его услуги и за подержаніе кантины (?), кухонной посуды, постелей и проч. Намъ нужно было для вояжа пять лошадей, за которыя платили по 60 піастровъ въ день. Обыкновенно, предпринимая путешествіе большое, какъ напр. въ Египетъ, путешественники иначе устраиваются, покупаютъ сами все нужное: кастрюли, тарелки, ножи, вилки, постели, палатку, однимъ словомъ, цѣлое хозяйство, также съѣстные припасы и напитки, потому что по дорогѣ кромѣ курицъ и молока ничего нельзя достать, а изъ овощей только можно считать (разсчитывать?) на лукъ. Такъ и мы дѣлали въ Іерусалимѣ. Въ Бейрутѣ же есть чудесная европейская лавка, гдѣ вы найдете въ жестянкахъ сардинки, consommé, purée всѣхъ видовъ, англійскіе консервы говядины, грибовъ, сою, ветчину, всякую всячину.

Обходится день въ пути отъ 15 до 20 фр., все включая.

Ночевали мы обыкновенно въ ханахъ; это кое-какъ выстроенные хлѣвы, гдѣ блохи и всевозможныя гадости терзали насъ до крайности. Хотя изъ Дамаска въ Назаретъ мы ѣхали въ январѣ мѣсяцѣ, часто приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ. Въ Дамаскѣ есть прекрасный hôtel, а на Кармелѣ и въ Назаретѣ католическіе монахи принимаютъ всѣхъ путешественниковъ преласково и прекрасно, — въ греческихъ же монастыряхъ, въ Рамлѣ, въ Виѳлеемѣ не такъ. Въ Яффѣ всѣмъ бы хорошо, только нѣтъ евро-

пейскихъ постелей, а укладываютъ на диванахъ, блошки мучатъ, а, кажется, что бы стоило завести три-четыре кровати на европейскій ладъ? У Константина Васильевича[1]), безъ сомнѣнія, есть знакомые въ Тирѣ и Сидонѣ, и тамъ вамъ можно будетъ переночевать сносно, а придется потерпѣть, можетъ быть, въ Дженинѣ и Наплусѣ; оттуда 15 часовъ ѣзды до Іерусалима и дорога страшная, убійственная; поэтому обыкновенно путешественники почуютъ въ Бирѣ, въ 4-хъ часахъ отъ Іерусалима. Вотъ вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя въ сію минуту припоминаю. Я еще остаюсь нѣсколько времени во Флоренціи, и если вамъ нужны еще другія, напишите. Не забудьте освѣдомиться въ австрійскомъ посольствѣ въ Неаполѣ объ отходѣ парохода изъ Смирны въ Бейрутъ, что бываетъ только одинъ разъ въ мѣсяцъ, чтобы вамъ не разойтись. Есть еще компанія Ростандъ, постановленія которой вамъ не трудно будетъ узнать въ Неаполѣ. Въ Іерусалимѣ познакомьтесь съ прусскимъ консуломъ; онъ препріятный молодой человѣкъ, а главное — археологъ. Позвольте мнѣ также вамъ рекомендовать увражъ: „La Palestine“ par Mank, faisant partie de *l'Univers Pittoresque*“, publié par Fermin Dielot“.

CXV.

Поѣздка въ Іерусалимъ была для Гоголя „началомъ конца“[2]). Съ этихъ поръ онъ вступаетъ въ послѣдній періодъ своей жизни, отличительной чертой котораго является медленное угасаніе безъ прежней свѣтлой надежды на возрожденіе; хотя въ немъ оставалась упорная и смутная вѣра въ какое-то чудо, которое могло совершиться надъ нимъ, но это было уже нѣчто патологическое. Постоянные недуги, упадокъ силъ и потеря творчества съ каждымъ днемъ выяснялись очевиднѣе. Конечно, до самыхъ послѣднихъ дней Гоголь, продолжая свой трудъ, по временамъ снова оживая и воодушевляясь любимыми мечтами, всегда готовъ былъ ждать чуда и пробужденія въ небываломъ блескѣ прежняго таланта; но съ другой стороны въ душу его уже начинали закрадываться сомнѣнія,

---

[1]) Ошибка; вмѣсто: Константина Михайловича.

[2]) Въ Jtinerarium'ѣ Гоголя за это время значится: «2-ой рапортъ. Января 15 1847: «Находящійся въ Неаполѣ чиновникъ VIII класса Николай Гоголь отправляется въ путешествіе къ святымъ мѣстамъ, срокомъ на полтора года. Марсель, Ницца октябрь 1847». (Объ отпускѣ Гоголя къ святымъ мѣстамъ см. «Русскую Стар.», 1880, IX, стр. 196).

Генуя, Флоренція, Римъ, Неаполь».

(«Русская Мысль», 1896, V, стр. 180).

Маршруты Гоголя въ началѣ 1848 г. такъ указаны въ Jtinerarium'ѣ («Русская Мысль», 1896, V, 180): «Мессина» (Мальтѣ) 14 (25) января Константинополь 13 апрѣля. Одесса 30 апрѣля.

недовѣріе къ себѣ, предчувствіе преждевременной старости и, что̀ всего важнѣе, его оставило прежнее, почти несокрушимое убѣжденіе, что каждый шагъ его направляется Богомъ. Такимъ образомъ намъ остается прослѣдить, за послѣдніе. четыре года его жизни, намѣченныя нами въ нѣсколькихъ словахъ перипетіи, что̀ мы и постараемся сдѣлать съ возможною краткостью.

Передъ отъѣздомъ въ Іерусалимъ, Гоголь оставилъ на время всѣ волновавшія его заботы, старался забыть и о неудачѣ „Переписки“ и всѣ силы души употребилъ на подготовленіе къ предпринимаемому подвигу. Въ короткій срокъ въ немъ произошла существенная перемѣна: онъ пересталъ горячо отстаивать свой неудачный трудъ и призналъ его окончательно плодомъ искушенія. Вся сущность недавняго міровоззрѣнія потеряла въ его глазахъ свою кажущуюся несомнѣнность, и хотя оно не было замѣнимо какимъ-либо другимъ, но это вело только къ усиленію мистицизма, принявшаго теперь болѣе мрачный оттѣнокъ. Теперь онъ исповѣдовался о. Матвѣю: „увы! молиться не легко! Какъ молиться, если Богъ не захочетъ? Вижу такъ много въ себѣ дурного, такую бездну *себялюбія* и неумѣнія пожертвовать земнымъ небесному! Прежде мнѣ казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно сталъ лучше прежняго, въ минуты слезъ и умиленій, которыя я ощущалъ во время чтенія святыхъ книгъ. Мнѣ казалось, что я удостоивался уже милостей Божіихъ, — что эти сладкія ощущенія есть уже свидѣтельство, что я сталъ ближе къ небу. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, какъ Богъ не поразилъ меня и не стеръ съ лица земли...“ „Мнѣ кажется даже, что во мнѣ нѣтъ и вѣры вовсе“[1]). Когда полгода спустя Гоголь получилъ нѣсколько запоздалое письмо о „Выбранныхъ Мѣстахъ“ отъ К. С. Аксакова, то его уже не сердили больше рѣзкія порицанія, а скорѣе возбуждали въ немъ горечь и грусть, растравляя жестокія раны. Гоголь уже не защищается, а только предостерегаетъ отъ ложныхъ увлеченій. Какимъ истиннымъ смиреніемъ проникнуты теперь его слова, въ которыхъ уже не звучатъ ноты раздраженія. „Нѣтъ, Константинъ Сергѣевичъ“, — писалъ Гоголь, — „есть духъ обольщенія,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 444.

духъ-искуситель, который не дремлетъ и который такъ же хлопочетъ и около васъ, какъ около меня, и, увы! чаще всего бываетъ онъ возлѣ насъ въ то время, когда думаемъ, что онъ далеко, что мы освободились отъ него и отъ лжи и самая истина говоритъ нашими устами". Такимъ образомъ, если годъ тому назадъ нашъ писатель приписывалъ свой неуспѣхъ на поприщѣ проповѣдника неумѣренному тону, внушенному искусителемъ, то теперь это безотрадное убѣжденіе распространяется въ значительной степени и на самое содержаніе книги, о которой авторъ „думалъ, что о ней уже всѣ толки кончились и она предана забвенію". То, чтò недавно показалось бы Гоголю самымъ великимъ несчастіемъ, было теперь его искреннимъ вожделѣніемъ. Если Гоголь все-таки сильно возражаетъ молодому Аксакову, то потому конечно, что ему все таки не могли не казаться убійственно-жестокими слова: „главный недостатокъ книги есть тотъ, что она ложь"[1]).

2 декабря 1847 года Гоголь писалъ Шевыреву: „Я еще остаюсь въ Неаполѣ до половины февраля, а въ февралѣ думаю сѣсть на корабль, хотя, признаюсь, по малодушію своему сильно боюсь моря. Я страдаю ужасно отъ морской болѣзни, а пути почти одиннадцать дней, включая туда остановки по одному дню въ Мальтѣ, Александріи и Аѳинахъ. Со мной ни души: все, чтò и собиралось прежде въ Іерусалимъ, отложило поѣздку. Погодинъ даже не отвѣчалъ мнѣ на мой запросъ, ѣдетъ ли онъ, или нѣтъ въ этомъ году, а потому я думаю, что онъ не ѣдетъ[2]). Признаюсь, часто даже находитъ на меня мысль: „Зачѣмъ я поѣду теперь въ Іерусалимъ? Прежде я былъ по крайней мѣрѣ въ заблужденіи насчетъ самого себя. Я думалъ, что я хоть немного лучше того, чтò я есть. *Я думалъ, что я подвинулся ближе къ тому дѣлу, за которымъ ѣхалъ въ Іерусалимъ*" и пр. Письмо это Гоголь просилъ никому не показывать кромѣ Шереметевой: „она обо мнѣ помолится въ простотѣ сердца!"[3]).

---

[1]) Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 464—465 и «Русск. Арх.», 1891, II, 153.

[2]) О намѣреніи Погодина ѣхать въ Іерусалимъ Гоголь узналъ отъ Шереметевой.

[3]) Соч. Гог., изд. Кул., VI, 431—432. «Малодушный тонъ» Гоголя нашелъ обличителя въ лицѣ проф. О. Ѳ. Миллера, но мы не рѣшаемся присоединиться къ его высокомѣрно суровому суду (см. «Русск. Стар.», 1875, 12, 669).

Передъ отъѣздомъ въ Палестину Гоголь написалъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ молилъ о прощеніи и о томъ, чтобы во время его путешествія служились молебны. Онъ самъ сочинилъ напутственную молитву, которая оканчивалась трогательными словами: „И сподоби его, Боже, возстать отъ святого Гроба съ обновленными силами, бодростью и рвеніемъ возвратиться къ дѣлу и труду своему *на добро землѣ своей* и на устремленіе сердецъ къ прославленію святого имени Твоего“ [1]). Гоголь чувствовалъ теперь сильнѣйшую потребность въ прощеніи оскорбленныхъ имъ людей, особенно Иванова и Погодина. Послѣднему онъ впрочемъ, кажется, не рѣшился писать самъ, но нарочно написалъ большое письмо къ Шевыреву, въ которомъ выражалъ желаніе убѣдиться, „не осталось ли у кого чего-нибудь въ душѣ противъ меня“. Содержаніе письма относится, конечно, отчасти и къ Аксакову, но высокій и благородный характеръ послѣдняго внушалъ Гоголю меньше опасеній. Шевырева, съ которымъ Гоголь находился въ послѣднее время въ искреннихъ, ничѣмъ не омраченныхъ отношеніяхъ, онъ просилъ передать другимъ, „что любви у него прибавилось скорѣе, чѣмъ убавилось, что, наконецъ, обвинять онъ не можетъ никого, даже и тѣхъ, которыхъ бы, можетъ быть, прежде въ чемъ-нибудь обвинялъ, потому что виной всему самъ и самъ подалъ поводъ быть въ грѣхѣ другимъ людямъ“ [2]). Въ добротѣ и великодушіи Сергѣя Тимоѳеевича Гоголь какъ-то не сомнѣвался, и это обстоятельство является еще однимъ прекраснымъ свидѣтельствомъ въ пользу достоинствъ личнаго характера Аксакова. Но отъ Погодина Гоголь страстно желалъ получить письмо въ знакъ примиренія съ нимъ[3]).

Любопытно отмѣтить здѣсь, что, отправляясь въ путь, Гоголь въ своихъ письмахъ руководился истинно-христіанскими побужденіями. Онъ не писалъ на этотъ разъ ни Жуковскому, ни Смирновой, ни Плетневу, даже не писалъ и Аксакову, вообще ни къ кому, въ чьемъ истинномъ расположеніи къ себѣ и въ чьемъ прощеніи не сомнѣвался, но написалъ Шевыреву, имѣя въ виду, какъ мы видѣли, Погодина, и незло-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 446.

[2]) Стр. 450.

[3]) См. письмо его къ Погодину отъ 7 декабря 1847 г., на которое онъ, повидимому, не получилъ отвѣта («Русск. Жизнь», 1892, № 84).

бивому, но жестоко оскорбленному Иванову, передъ которымъ, при всемъ его великодушіи, чувствовалъ себя настолько виноватымъ, что умолялъ его: „пожалуйста сожгите всѣ мои письма“ [1]). Замѣтимъ, что подобной просьбы онъ не обращалъ ни къ кому другому: вѣроятно, образъ кроткаго и когда-то безгранично преданнаго ему художника особенно тревожилъ его смущенную совѣсть.

Кромѣ названныхъ лицъ Гоголь написалъ также матери родной и своей „духовной матери“, Н. Н. Шереметевой, въ силу молитвъ которыхъ онъ особенно вѣрилъ. Матери Гоголь писалъ: „За все, что̀ я вамъ когда либо нанесъ непріятнаго, какъ вамъ, такъ и сестрамъ, прошу простить меня. Хотя я и знаю, что вы, по добротѣ душъ вашихъ, простили, но все объ этомъ прилично въ такую минуту напомнить еще разъ“ [2]). Шереметевой Гоголь исповѣдовалъ свое горе: „Собираюсь въ путь, готовлюсь сѣсть на корабль ѣхать въ Святую землю, а между тѣмъ, какъ мало похожу на человѣка, собирающагося въ путь! какъ много въ душѣ мелочныхъ земныхъ привязанностей, земныхъ опасеній! какъ малодушна моя душа! Другъ мой, молитесь обо мнѣ, молитесь крѣпче, чѣмъ когда-либо молились! Молитесь о томъ, чтобы Богъ далъ силы помолиться такъ, какъ долженъ молиться Ему на землѣ человѣкъ“ [3]).

Погодину же Гоголь въ сокрушеніи сердечномъ говорилъ: „Малодушнѣе меня, я думаю, нѣтъ въ мірѣ человѣка“ [4]).

Мы знаемъ, что къ этому же времени относится начало рокового знакомства Гоголя съ о. Матвѣемъ, котораго, пользуясь рекомендаціею его главнаго начальника А. П. Толстого, бывшаго оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, Гоголь умолялъ дать откровенный отзывъ объ его книгѣ, прося упрековъ и молитвъ о совершеніи вожделѣннаго путешествія, и что здѣсь начинается пагубное вліяніе на Гоголя о. Матвѣя, справедливо, впрочемъ, пользовавшагося высокою репутаціею благо-

1) Соч. и письма Гоголя, VI, 447; «Вѣстн. Евр.», 1883, XII, 643 и Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 533.

2) Тамъ же, стр. 445.

3) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 448.

4) «Русск. Жизнь», 1892, № 84.

честія и особеннымъ уваженіемъ оберъ-прокурора. Нельзя не пожалѣть, что не сохранились письма къ Гоголю о. Матвѣя, письма, съ которыми онъ никогда не разставался, нося ихъ всегда при себѣ. Тонъ этихъ писемъ былъ сурово-обличительный. Такимъ характеромъ несомнѣнно отличалось его первое письмо, сущность котораго была въ томъ, что почтенный пастырь, поддерживая принципіальное предубѣжденіе своего начальника противъ театра, утверждалъ, что книга Гоголя, потворствуя суетнымъ удовольствіямъ, принесетъ большой вредъ обществу, за который авторъ дастъ отвѣтъ на страшномъ судѣ.

Но дѣйствіе на Гоголя писемъ отца Матвѣя было удручающее: они вызывали въ немъ потребность „удвоить ежедневныя молитвы и отдать больше времени на чтеніе книгъ духовныхъ"; случалось даже, что онъ не могъ удержаться отъ признанія, что не ожидалъ такихъ суровыхъ обличеній, какія получалъ. Шереметева получала противоположные упреки: „Говорите, я мало позволила себѣ упрековъ; зато другіе, мой другъ, не скупились!" — „Нужно слишкомъ много любви, чтобы умѣть сдѣлать полезнымъ упрекъ къ намъ, и притомъ какой любви? нѣжной, сострадательной, полной снисхожденія къ бѣдной и слабой нашей природѣ, ничего неумѣющей переносить, какъ нужно!" отвѣчалъ потомъ Гоголь, высоко цѣня золотое сердце этой простодушной, но прекрасной старушки, этой истинной христіанки, такъ выгодно отличающейся отъ жестокаго фанатика о. Матвѣя, передъ которымъ Гоголь преклонялся настолько, что писалъ о немъ А. П. Толстому: „По моему, это умнѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ, какихъ я доселѣ зналъ, и если я спасусь, такъ это, вѣрно, вслѣдствіе его наставленій, если только, нося ихъ передъ собой, буду больше входить въ ихъ силу" [1]).

Кому же изъ двухъ духовныхъ опекуновъ Гоголя отдать преимущество? По нашему мнѣнію, характеръ ихъ вліянія былъ далеко не одинаковый, если не противоположный. Если Гоголь въ отвѣтѣ на первое письмо о. Матвѣя, при всемъ благоговѣніи передъ нимъ и несмотря на усиленно воздаваемую благодарность, не могъ въ первыхъ же строкахъ удержаться отъ восклицанія, что не ожидалъ такого письма, то можно

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 461.

представить, каково оно было. Никому изъ суровыхъ обличителей Гоголя не приходило на умъ, что они способствовали ускоренію патологическаго процесса, имѣвшаго глубокіе корни въ его физической организаціи. Напротивъ, при гуманномъ и бережномъ отношеніи къ нему, его надломленныя силы могли бы на нѣкоторое время притти въ нормальное равновѣсіе. Такое сердечное отношеніе онъ нашелъ въ Шереметевой, о которой онъ писалъ о. Матвѣю: „она меня любила какъ сына, хотя я не сдѣлалъ ничего достойнаго любви ея и не былъ къ ней даже въ половину такъ внимателенъ, какъ она ко мнѣ"[1]), а самой Шереметевой говоритъ: „письма ваши всегда приходятся кстати, всегда говорятъ моему состоянію душевному, сердце слышитъ освѣженіе, и я только благодарю Бога за то, что Онъ внушилъ вамъ мысль полюбить меня и обо мнѣ молиться"[2]).

CXVI.

Наконецъ Гоголь рѣшился послѣ многихъ отсрочекъ ѣхать въ Іерусалимъ къ пасхѣ 1848 года. Передъ отъѣздомъ принеся Шереметевой и къ матери послѣднюю просьбу отслужить молебенъ о благополучномъ путешествіи раба Божія Николая и приложивъ молитву, которую просилъ читать какъ можно чаще[3]), въ концѣ января или началѣ февраля онъ выбрался изъ Неаполя.

Съ трудомъ Гоголь двинулся въ путь. Онъ страшно страдалъ отъ морской болѣзни и принужденъ былъ на нѣсколько дней остаться отдохнуть въ Мальтѣ. Доѣхавъ до Мальты, онъ тотчасъ же извѣщалъ Шереметеву: „Спѣшу написать къ вамъ нѣсколько строчекъ изъ Мальты. Вы видите, я уже въ дорогѣ. Хотя и не таково состояніе души моей, какого бы мнѣ хотѣлось, хотя случалось страдать немало моимъ слабымъ тѣломъ даже и во время этого небольшого морского пути (въ сравненіи съ предыдущимъ большимъ); но, слава Богу, *я еще живъ*, могу надѣяться,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 509.

[2]) Тамъ же, стр. 415.

[3]) Эту же молитву послалъ онъ и родной своей матери (VI, 445—446; ср. VI, 448—449).

что Богъ приведетъ состояніе души моей въ болѣе благодатное состояніе"[1]). 17 февраля 1848 г. Гоголь былъ въ Іерусалимѣ. Его первой мыслью было извѣстить о. Матвѣя, а черезъ два дня уже онъ одновременно написалъ письма матери и Н. Н. Шереметевой[2]). Нечего, конечно, прибавлять, что почтенная старушка была въ восторгѣ, узнавъ объ исполненіи своей задушевной мечты.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на Гоголя Іерусалимъ. Онъ очень неохотно говорилъ объ этомъ. На вопросъ одной хорошо знавшей его особы онъ однажды съ неудовольствіемъ возразилъ: „вы, кажется, добираетесь до моей души!" Когда у него спрашивали, почему онъ не опишетъ свою поѣздку, онъ отвѣчалъ, что не иначе хотѣлъ бы изобразить святой городъ, какъ въ такой яркой картинѣ, чтобы читатель слышалъ, что онъ былъ въ Іерусалимѣ. Впрочемъ, онъ сдался на просьбу Жуковскаго, желавшаго получить отъ него краски для описанія Палестины въ „Вѣчномъ Жидѣ". Онъ не безъ воодушевленія представилъ Жуковскому впечатлѣніе первой прослушанной имъ литургіи у Гроба Господня, которая „неслась такъ быстро, что самыя крылатыя моленія не въ силахъ были угнаться за нею". Но неохотно согласился онъ изобразить Іудею, говоря: „что̀ могутъ сказать нынѣ мѣста, по которымъ прошелъ скорбный путь Спаситель ко кресту, которыя теперь собраны подъ одну крышу храма" и проч. У Гоголя и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, составившіяся предварительно представленія оказались несоизмѣримыми съ дѣйствительностью: будничный видъ Іерусалима мало соотвѣтствовалъ тѣмъ величавымъ о̀бразамъ и картинамъ, которые съ дѣтства жили и роились въ его воображеніи[3]). То же можно сказать и о внутреннихъ его впечатлѣніяхъ: съ ужасомъ и изумленіемъ онъ долженъ былъ убѣдиться, что впечатлѣнія его въ Палестинѣ были далеки

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. Кулиша, VI, 449.

[2]) VI, 451 и 452.

[3]) Не удовлетворившись своимъ путешествіемъ въ Іерусалимъ, Гоголь собирался, однако, предпринять со временемъ другое путешествіе туда. Н. Н. Соренъ, урожденная Смирнова, дочь Александры Осиповны, припоминаетъ, что онъ часто го-

отъ тѣхъ, которыхъ онъ пламенно жаждалъ. Оказалось, что впечатлѣнія его въ Палестинѣ безъ сравненія больше приближались къ обыденнымъ, чѣмъ къ тѣмъ чрезвычайнымъ, которыхъ онъ такъ страстно ожидалъ. Не замѣчая въ себѣ того горячаго религіознаго энтузіазма, который представлялся ему естественнымъ и неизбѣжнымъ передъ святыней Гроба Господня, онъ упрекалъ себя въ черствости сердца, о чемъ писалъ Жуковскому, Шереметевой и о. Матвѣю[1]).

CXVII.

Мы говорили выше, что Гоголь въ половинѣ февраля прибылъ въ Іерусалимъ, гдѣ говѣлъ и причащался, но „узналъ лично и какъ бы узрѣлъ собственными глазами, какъ велика *черствость* сердца“[2]). Изъ Іерусалима онъ написалъ только о. Матвѣю, матери, Шереметевой и Жуковскому. Послѣ этого Гоголь совершилъ путешествіе съ генеральнымъ консуломъ Базили по Палестинѣ, описанное со словъ послѣдняго Кулишемъ; но до настоящаго времени не прибавилось никакихъ новыхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы, какъ надѣялся нѣкогда Кулишъ, „проводить Гоголя мыслью по всѣмъ посѣщеннымъ имъ мѣстамъ въ Палестинѣ“[3]). Отказываясь за недостаткомъ данныхъ отъ этого труда, не можемъ не пожелать скорѣйшаго появленія ихъ въ печати, хотя надѣяться на это едва ли можно, если покойный Базили не велъ въ свое время дневника. Краткій же перечень посѣщенныхъ мѣстъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ самъ Гоголь въ письмѣ къ Шевыреву изъ Байрута. („Съ помощью генеральнаго нашего консула Базили, моего стараго товарища по школѣ, путь въ Іерусалимъ, черезъ Сидонъ и древній Тиръ и Акру, а оттуда черезъ Назаретъ, совершилъ“[4]). Изъ Байрута Гоголь написалъ письма остальнымъ друзьямъ

ворилъ уже въ 1850 году о новой поѣздкѣ въ Іерусалимъ, при чемъ она, тогда еще маленькая дѣвочка, спросила его: «а меня возьмете въ Іерусалимъ?» Гоголь отвѣтилъ задумчиво: «я не скоро поѣду; мнѣ нужно прежде кончить дѣло!»

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 462, 474 и 478.

[2]) Стр. 478.

[3]) «Записки о жизни Гоголя», т. II, стр. 164—165.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 453.

кромѣ А. П. Толстого, адресъ котораго былъ ему неизвѣстенъ, и А. М. Віельгорской, которую Гоголь вспомнилъ въ началѣ своего пути, написавъ ей изъ Мальты. О совмѣстномъ путешествіи Гоголя съ К. М. Базили покойный П. А. Кулишъ, со словъ послѣдняго, сообщалъ слѣдующее:

„Гоголь совершилъ переѣздъ черезъ пустыни Сиріи въ сообществѣ своего соученика по гимназіи, Базили, — того самаго, съ которымъ онъ хотѣлъ стрѣляться на пистолетахъ безъ курковъ. Базили занималъ значительный постъ въ Сиріи[1]), пользовался особеннымъ вліяніемъ на умы туземцевъ. Для поддержанія этого вліянія онъ долженъ былъ играть роль полномочнаго вельможи, который признаетъ надъ собой только власть „великаго падишаха“. Каково же было удивленіе арабовъ, когда они увидѣли его въ явной зависимости отъ его тщедушнаго и невзрачнаго спутника! Гоголь, изнуряемый зноемъ песчаной пустыни и выходя изъ терпѣнія отъ разныхъ дорожныхъ неудобствъ, которыя, ему казалось, легко было бы устранить, — не разъ увлекался за предѣлы обыкновенныхъ жалобъ и сопровождалъ свои жалобы такими жестами, которые, въ глазахъ туземцевъ, были доказательствомъ ничтожности грознаго сатрапа. Это не нравилось его другу; мало того: это было даже опасно въ ихъ странствованіи черезъ пустыни, такъ какъ ихъ охраняло больше всего только высокое мнѣніе арабовъ о значеніи Базили въ русскомъ государствѣ. Онъ упрашиваетъ поэта говорить ему наединѣ что̀ угодно, но при свидѣтеляхъ быть осторожнымъ. Гоголь соглашался съ нимъ въ необходимости такого поведенія, но при первой досадѣ позабылъ дружескія условія и обратился въ избалованнаго ребенка. Тогда Базили рѣшился вразумить пріятеля самимъ дѣломъ и принялъ съ нимъ такой тонъ, какъ съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Это заставило поэта молчать, а мусульманамъ дало почувствовать, что Базили все-таки полновластный визирь великаго падишаха, и что выше его нѣтъ визиря въ имперіи“[2]).

Затѣмъ Гоголь черезъ Константинополь прибылъ въ Одессу во второй половинѣ апрѣля 1848 г.

---

[1]) Генеральнаго консула.

[2]) «Записки о жизни Гоголя», т. II, стр. 164—165.

CXVIII.

Первыя двѣ недѣли по возвращеніи на родину Гоголь былъ вынужденъ провести въ карантинѣ въ Одессѣ. Въ это время онъ часто видѣлся со своимъ дядей А. А. Трощинскимъ, съ извѣстнымъ авторомъ духовно-нравственныхъ сочиненій А. С. Стурдзой, съ которымъ когда-то познакомился во время проѣзда черезъ Швейцарію, встрѣтилъ своихъ школьныхъ товарищей, братьевъ Орлай, и завязалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ. При крайней скудости источниковъ для изученія занимающаго насъ періода, когда, вслѣдствіе повсемѣстныхъ карантиновъ, всюду былъ затрудненъ обмѣнъ мыслей и переписка Гоголя почти прекратилась, воспользуемся здѣсь нѣсколькими находящимися въ нашемъ распоряженіи письмами разныхъ лицъ къ Гоголю.

Слѣдующія письма покажутъ намъ, что въ числѣ одесскихъ знакомыхъ Гоголя были люди совершенно различнаго настроенія, въ обществѣ которыхъ Гоголь, по всей вѣроятности, искалъ отдыха и разсѣянія отъ карантиннаго однообразія.

А. С. Стурдза — Н. В. Гоголю. Одесса. — Пріютъ. Мая 3 1848 г.

„Какъ угодно, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ, а книгу мою *Письма о должностяхъ* св. Сава, при семъ посылаемую, вамъ надобно будетъ взять съ собой. Она пригодится кому-нибудь и въ рукахъ вашихъ пусть остается лучшій трудъ мой залогомъ моей братской любви къ вамъ и надежды на васъ!

„Прилагаю здѣсь и письмо моего добраго Неводчикова, котораго я посылалъ къ вамъ съ привѣтомъ въ карантинѣ. Онъ изъ деревни, гдѣ проживаетъ теперь съ моими дѣтьми, прислалъ мнѣ эту грамотку, прося вручить по надписи, что̀ сегодня при свиданіи нашемъ забыто мной.

„Простите! Благодать Христова да осѣняетъ васъ присно и всюду!“

Н. Неводчиковъ — Н. В. Гоголю. 23 апрѣля 1848 г.

„Милостивый государь, Николай Васильевичъ! Въ карантинѣ я говорилъ съ вами отъ лица Александра Скарлатовича (Стурдзы), а изъ деревни пишу вамъ отъ себя. Можетъ быть, молодая заносчивость увлекаетъ меня, а быть можетъ, и нѣтъ: мало обманчиво сердечное движеніе. Во всякомъ случаѣ простите меня.

„Для васъ у меня въ душѣ созрѣла крѣпкая, къ какой только я способенъ, благодарность. Вы не разъ тѣшили меня и не малому наставили. Помню задушевную веселость, съ какою я читалъ „Вечера на Хуторѣ“; помню живую увлекательность „Миргорода“; помню и первое впечатлѣніе „Мертвыхъ Душъ“. „Мертвыя Души“ читалъ я многажды. Я всматривался въ характеры Чичикова, Манилова, Ноздрева, и въ нихъ, какъ въ зеркалахъ, повѣрялъ душевныя движенія. Не безъ стыда и досады, но призналъ же я въ себѣ иныя черты чичиковскія, маниловскія и даже ноздревскія, и съ того времени

жажда къ самоисправленію показалась во мнѣ. А „Выбранныя Мѣста“ стали у меня почти настольной книгой. Послѣднее изъ „Мѣстъ“, „Свѣтлое Христово Воскресеніе“, особенно пришлось по сердцу моему: съ радостью перечиталъ я эту статью въ первый день Пасхи.

„Не безплоденъ былъ для меня и нашъ короткій карантинный разговоръ. Въ послѣднее время соблазняла меня мысль, что должность наставника не по силамъ: меня одолѣвали лѣнь и лжесмиреніе[1]). Добрая ваша мысль о пользѣ воспитанія для самого воспитателя запала въ мою душу и освѣжила ее. За все вамъ русское спасибо!

„И путь новый ждетъ васъ, путь далекій и трудный, но прямой, отъ Господа Бога назначенный. Съ Богомъ идите! Скажу вамъ въ напутствіе слова псалма: „не дождь во смятеніе ночи твоея, ниже воздремлетъ храняй тя. Господь сохранитъ тя, Господь покровъ твой на руку десную твою. Во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна нощію. Господь сохранитъ тя отъ всякаго зла, сохранитъ душу твою Господь!“

„Господь съ вами, возлюбленный! Николай Неводчиковъ“.

8 мая 1848 г. Одесса. (Письмо неизвѣстнаго лица Гоголю).

„Сегодня уже третій день, какъ вы[2]) въ дорогѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что, если вамъ что-нибудь не помѣшало, сегодня же ты пріѣдешь въ Полтаву. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ довели до моего свѣдѣнія, что они васъ встрѣчали на пути въ порядкѣ и въ добромъ здоровьѣ, что̀ намъ было пріятно узнать. Вчера я получилъ изъ конторы транспортовъ расписку въ полученіи отъ тебя вещей, которую и посылаю тебѣ. Я очень радъ, что ты теперь у меня состоишь въ долгу 80 р. сер., которыя контора взыскала съ моей особы за какія-то цыновки. Люди съ людьми сходятся, слѣдовательно нѣтъ причинъ, чтобы пословица эта не оправдалась на насъ, пока же ты не забывай долга и меня, искренно тебѣ приверженнаго душою чистою.

Въ Петербургѣ, если будешь видѣть Государя Императора, то скажи ему, что *я живу въ Одессѣ*, разскажи ему о моемъ семейномъ бытѣ и что есть ему надежда со мной повидаться въ Петербургѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Исполненіемъ этой моей просьбы ты задушевно меня обяжешь. Весь твой Авр—въ.

P. S. Я очень радъ съ одной стороны, что ты уѣхалъ изъ Одессы, ибо я замѣчалъ нѣкоторую слабость къ тебѣ въ моей женѣ, которая въ настоящую минуту разрѣшается только нижайшимъ поклономъ.

Еще P. S. Вчера прибѣжала изъ Рима эстафета, которою мы приведены въ извѣстность, что тамъ была революція, вслѣдствіе которой папа заключенъ въ тюрьму и объявлена республика![3])“

---

[1]) Судя по приводимымъ письмамъ, Неводчиковъ былъ въ пріютѣ учителемъ подъ начальствомъ Стурдзы; кромѣ того, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ домашнимъ учителемъ внука Стурдзы. («Библіограф. Зап.», 1859, IX, 263—268).

[2]) Вѣроятно, Гоголь и его спутникъ.

[3]) Въ Одессѣ Гоголь познакомился и болѣе или менѣе сошелся также съ профессорами Мурзакевичемъ (Мурзакевичъ былъ пріятелемъ Погодина — см. «Жизнь и труды Погодина», т. X, стр. 390), Павловскимъ, Михневичемъ, также съ А. И. Казначеевымъ, бывшимъ правителемъ канцеляріи Воронцова, къ которому

Какъ видно изъ этого письма, Гоголь выѣхалъ изъ Одессы 6 мая, а 16 онъ былъ уже въ родной Васильевкѣ. Въ этотъ печальный годъ соединилось множество причинъ, которыя разстраивали Гоголя; въ числѣ ихъ были запущенность домашняго хозяйства, страхъ холеры, почти совершенное прекращеніе переписки, причины политическія и пр. Но всего больше сокрушало Гоголя убѣжденіе въ собственной душевной черствости, такъ неожиданно вынесенное имъ изъ приготовленій къ поѣздкѣ въ Палестину и изъ самой поѣздки. Теперь Гоголь больше всего сосредоточился на вопросѣ душевнаго спасенія. Съ сокрушеннымъ сердцемъ онъ писалъ

любопытныя письма Пушкина см. въ изд. соч. литер. фонда, т. VII, 77—78. Послѣдняго онъ узналъ, вѣроятно черезъ С. Т. Аксакова, который познакомился съ Казначеевымъ около 1808 г. (Соч. Аксак., изд. 1886, т. III, стр. 171, 175—176). Черезъ Аксакова же Гоголь познакомился и сблизился на югѣ также съ Д. М. Княжевичемъ, котораго, какъ и все семейство его отца, Сергѣй Тимоѳеевичъ зналъ еще въ дѣтствѣ. Княжевичъ, въ свою очередь, случалось, освѣдомлялся о Гоголѣ въ письмахъ къ Аксаковымъ еще задолго до начала знакомства съ нимъ: такъ 27 февр. 1843 г. онъ спрашивалъ изъ Одессы: «Гдѣ теперь Гоголь? у васъ ли еще? или опять улетѣлъ въ Римъ? Охъ, этотъ Римъ! Многихъ онъ съ ума сводитъ!» (см. Соч. и письма Гоголя, VI, 540; «Историч. Вѣст.» 1886, XII, 477; «Русск. Стар.» 1887, III, 755; «Русск. Стар.» 1887, VI, 655; также «Русск. Архивъ», 1890, VIII, 55 и соч. Аксакова, т. I, стр. 310, 323, 325, 384; т. II, стр. 149, 150 и проч.). Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ этихъ знакомствахъ намъ неизвѣстно. Въ Одессѣ же Гоголь встрѣчался съ Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Тамъ же встрѣчала его и извѣстная артистка А. И. Шубертъ, на которую, по ея словамъ, Гоголь произвелъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Гоголь обыкновенно обѣдалъ въ ресторанѣ Оттона, гдѣ его собесѣдниками бывали: Л. С. Богданова (сестра М. С. Щепкина), П. И. Орлова (сестра А. И. Шубертъ), Н. П. Ильинъ, Соколовъ, Н. Мурзакевичъ, М. А. Маричанскій и А. Ф. Богдановъ. Изъ нихъ П. И. Орлова приглашала его къ себѣ, на масляницѣ радушно угощала блинами (см. мелкія воспоминанія о Гоголѣ въ «Иллюстрированной Газетѣ» 1866, № 34 и 35). При отъѣздѣ Гоголя изъ Одессы кружокъ пріятелей, человѣкъ изъ 25—30, давалъ ему дружескій обѣдъ въ ресторанѣ Маттео, при чемъ въ числѣ участниковъ были: Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, Ильинъ и Н. Г. Тройницкій. Рѣчей не было («Одесск. Вѣстн.», 1869, № 67). Кстати отмѣтимъ отрывочныя указанія на другія, большею частью московскія, знакомства Гоголя за послѣдніе годы его жизни: съ Перевощиковымъ («Русск. Обозр.», 1896, III, 389); съ отцомъ М. Ѳ. Каменской и Григоровымъ («Ист. Вѣст.», 1894, IX, 629): объ отношеніяхъ его къ бар. Розену (тамъ же, 643). См. также нѣкоторыя новыя подробности объ отношеніяхъ къ Смирновой и Віельгорскимъ («Русск. Стар.», 1896, I, 117—124, о вечерѣ у княгини Волконской. «Р. Арх.», 1894, VII, 130).

Шереметевой: „Благодаря Бога, достигнулъ я земной родины благополучно; достигну ли благополучно небесной?“ [1]) Главнѣйшимъ якоремъ спасенія является теперь въ его глазахъ любовь и всепрощеніе, какъ онъ это высказываетъ не разъ, но особенно въ слѣдующихъ выраженіяхъ письма къ о. Матвѣю: „Духъ обольститель такъ близокъ отъ меня и такъ часто обманывалъ, заставляя меня думать, что я уже владѣю тѣмъ, къ чему еще только стремлюсь, и что̀ покуда пребываетъ только въ головѣ, а не въ сердцѣ! Скажу вамъ, что еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и подлѣ Іерусалима. Только развѣ что больше увидѣлъ черствость свою и свое себялюбіе, — вотъ весь результатъ! Была одна минута... но какъ смѣть предаваться какой бы то ни было минутѣ, испытавши уже на дѣлѣ, какъ близко отъ насъ искуситель. Страшусь всего, видя ежеминутно, какъ хожу опасно. Блеститъ вдали какой-то лучъ спасенія — святое слово *любовь*. Мнѣ кажется, какъ будто теперь становятся мнѣ милѣе образы людей, чѣмъ когда-либо прежде, какъ будто я гораздо больше способенъ теперь любить, чѣмъ когда-либо прежде. Но Богъ знаетъ, можетъ быть, и это такъ только кажется; можетъ быть, и здѣсь играетъ роль искуситель...“ [2]) Такимъ образомъ изъ этой выдержки мы можемъ ясно видѣть, что мистицизмъ Гоголя вступилъ въ новую мучительную стадію, которая такъ же ярко окрашена сомнѣніемъ въ себѣ и въ своихъ силахъ, какъ предыдущая поражала увѣренностью въ каждомъ фантастическомъ истолкованіи судебъ провидѣнія. Въ этомъ отношеніи противоположность полная. Но внѣшніе ужасы поддерживаютъ въ Гоголѣ его прежнее убѣжденіе, что „всѣ нервически-неспокойны въ нынѣшнюю эпоху“ [3]).

Относительно продолженія литературной дѣятельности у Гоголя оставалась неизмѣнной цѣль довершить свой великій трудъ на пользу общую, но опять и здѣсь его покинула прежняя самоувѣренность и надежда вспыхивала въ немъ только временами, уступая чаще мѣсто страху и отчаянію. Намъ достаточно привести нѣсколько примѣровъ, чтобы разъ-

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 462.
2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 460.
3) Стр. 458.

яснить, какое направленіе принимало дѣло. Н. Н. Шереметевой Гоголь откровенно писалъ: „*Далеко* отъ меня то, что̀ я полагалъ чуть не *близко*. При всемъ томъ меня живитъ еще лучъ надежды. Я и доселѣ лепечу холодными устами и черствымъ сердцемъ ту же самую молитву, которую лепеталъ и прежде. Мысль о моемъ давнемъ трудѣ, о сочиненіи моемъ, меня не оставляетъ. Все мнѣ такъ же, какъ и прежде, хочется такъ произвести его, чтобъ оно имѣло доброе вліяніе, чтобъ образумились многіе и обратились бы къ тому, что̀ должно быть вѣчно и незыблемо“ [1]). Но увы! дѣло подвигалось туго. 8 іюля Гоголь писалъ Плетневу: „Я еще ни за что не принимался. Покуда отдыхаю отъ дороги. Брался было за перо, но — или жаръ утомляетъ меня, или я все еще не готовъ; а между тѣмъ я чувствую, что, можетъ, еще никогда не былъ такъ нуженъ трудъ, составляющій предметъ давнихъ обдумываній моихъ и помышленій, какъ въ нынѣшнее время“ [2]). Черезъ недѣлю онъ снова повторяетъ въ письмѣ къ Шевыреву: „ничего не мыслится и не пишется; голова тупа“ [3]). Отказываясь передать свое откровенное мнѣніе о драмѣ К. С. Аксакова сколько-нибудь въ обстоятельномъ видѣ, въ отвѣтъ на просьбу отца, относившагося съ живѣйшимъ участіемъ и гордостью къ этому произведенію любимаго сына, Гоголь не скрылъ своего разочарованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавался: „Можетъ быть, все это, что̀ я вамъ теперь говорю, есть плодъ нынѣшняго мутнаго состоянія моей головы, неспособной разсуждать отчетливо и ясно“ [4]). Ко всему этому присоединялись случайныя и временныя болѣзни, изъ которыхъ были такія, которыя своими проявленіями напоминали холеру и наводили большой страхъ. Только въ концѣ ноября Гоголь говорилъ: „принимаюсь серьезно обдумывать тотъ трудъ, для котораго Богъ далъ средства и силы, чтобы смерть по крайней мѣрѣ застала за дѣломъ, а не за праздными бездѣльемъ“ [5]). Можетъ быть, въ этихъ строкахъ Гоголь высказывалъ страхъ смерти отъ холеры, хотя она

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 463.
[2]) Стр. 466.
[3]) Стр. 467.
[4]) Стр. 471.
[5]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 475.

уже утихала, но скорѣе у него вырвалась горькая мысль, уже не разъ отравлявшая его спокойствіе. По крайней мѣрѣ сходныя признанія повторяются у него нерѣдко, а однажды онъ прямо высказалъ уже по миновaніи всякихъ слуховъ о холерѣ: „Мертвыя Души“ тянутся лѣниво: можетъ быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобъ имъ не выходить“ [1]). Слова эти были написаны уже въ самомъ исходѣ 1849 года и показываютъ ясно, что и въ предыдущемъ случаѣ слѣдуетъ видѣть такое же признаніе, но высказанное при болѣе извинительныхъ и безразличныхъ для самолюбія условіяхъ. Разныя причины подавали поводъ Гоголю приходить въ подобное настроеніе, и это уже заставляетъ думать, что мысль его съ радостью старалась ухватиться за нихъ. Не только опасность отъ холеры внушала ему подобныя идеи, но и политическія неурядицы и равнодушіе общества къ такимъ высоко художественнымъ произведеніямъ, какъ „Одиссея“. Такъ Аннѣ Михайловнѣ Віельгорской Гоголь писалъ во время самаго разгара ужасовъ холеры, что онъ желалъ бы „посреди потрясающей безтолковщины времени, удержаться на мирномъ поприщѣ литературномъ и быть пѣвцомъ мира и тишины посреди брани“ [2]). Но ей онъ не вполнѣ откровенно высказалъ затаенное чувство; яснѣе оно выразилось въ слѣдующихъ строкахъ письма къ Жуковскому, сказанныхъ по поводу современныхъ политическихъ событій: „что̀ намъ до того, производятъ ли вліяніе слова наши, слушаютъ ли насъ! Дѣло въ томъ, остались ли мы сами вѣрны прекрасному до конца дней нашихъ, умѣли ли возлюбить его такъ, чтобы не смутиться ничѣмъ, вокругъ насъ происходящимъ, и чтобы пѣть ему безустанно пѣснь и въ ту минуту, когда бы валился міръ и все земное разрушалось. Умереть съ пѣньемъ на устахъ — едва ли не таковъ неотразимый долгъ для поэта, какъ для воина умереть съ оружіемъ въ рукахъ“ [3]). Такъ самыя отчаянныя и убійственныя мысли, украшенныя цвѣтами поэзіи, получали какой-то ложно-заманчивый колоритъ. По поводу непониманія публикой „Одиссеи“ Гоголь опять повторяетъ любимую мысль: „Я ничего не издалъ въ свѣтъ, и

---

[1]) Стр. 497.

[2]) Стр. 462.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 468.

ничего не готовлю; что̀ и пріуготовляю, то идетъ медленно и не можетъ никакъ выйти скоро и Богъ одинъ знаетъ, когда выйдетъ. Отчего, зачѣмъ нашло такое оцѣпенѣніе, этого не могу понять. Чувствуется только, что не безъ смысла. Время настало сумасшедшее"[1]). „Теперь люди негодятся какъ будто въ читатели", утѣшалъ себя Гоголь въ письмѣ къ Плетневу: „не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по пріему „Одиссеи"[2]).

CXIX.

Познакомившись съ новымъ настроеніемъ Гоголя, сообщимъ нѣкоторыя новыя данныя о его жизни въ Васильевкѣ по не напечатаннымъ отрывкамъ изъ дневника покойной сестры поэта Елизаветы Васильевны Быковой[3]).

1848 г. 9 мая именины брата. Сегодня рано уѣхала К. М. Трахимовская въ Полтаву; къ обѣду пріѣхали сосѣди. Въ 4 часа получаемъ письмо изъ Полтавы отъ С. В. Скалонъ съ нарочнымъ, что братъ будетъ сегодня или завтра. Это очень насъ обрадовало; я плакала отъ радости. Послѣ человѣкъ открылъ, что онъ уже ѣдетъ и сейчасъ будетъ.

Какъ онъ перемѣнился! Такой серьезный сдѣлался; ничто, кажется, его не веселитъ, и такой холодный и равнодушный къ намъ! Какъ мнѣ это было больно!

10-е. Все утро мы не видѣли брата! Грустно: не видѣлись шесть лѣтъ и не сидитъ съ нами. Послѣ обѣда были гости.

11. Утромъ созвали людей изъ деревни; угощали, пили за здоровье брата. Меня очень тронуло, что они были такъ рады его видѣть! Пѣли и танцовали во дворѣ и были всѣ пьяны. На другой день братъ уѣхалъ въ Полтаву, и мнѣ хотѣлось ѣхать съ нимъ, но я просила, чтобъ онъ пригласилъ Annette.

13. Вчера наши вернулись изъ Полтавы и привезли Колю Трушковскаго[4]). У насъ каждый день гости. Братъ все такой же холодный, серьезный, рѣдко когда улыбнется; однако сегодня больше разговаривалъ.

20. Гости у насъ каждый день. Вчера пріѣхала изъ Полтавы С. В. Скалонъ съ мужемъ и Сашей. До ихъ пріѣзда мы катались на плотикѣ и пристали къ саду, на ту сторону. Вдругъ пошелъ сильнѣйшій дождь; мы всѣ промокли, молнія и громъ сопровождали насъ до самаго дома. На бѣду еще нельзя было причалить къ берегу и мы стали на мели, и удары грома были страшные, такъ что мы встрѣтили гостей всѣ промокшіе. Сегодня пріѣзжалъ разносчикъ за долгомъ (200 р.), и братъ, не говоря ни слова, заплатилъ ему съ тѣмъ, чтобы онъ никогда намъ не продавалъ въ долгъ[5]). И маменьку просилъ никогда этого не

---

[1]) Стр. 482.

[2]) Стр. 497.

[3]) Дневникъ этотъ былъ сообщенъ намъ покойной Анной Васильевной Гоголь.

[4]) Н. П. Трушковскаго, впослѣдствіи извѣстнаго издателя соч. Гоголя.

[5]) См. „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. I, стр. 58.

дѣлать! Сегодня у меня сильное раздраженіе нервовъ, и я все плачу. У маменьки была слабость вѣрить въ критическіе дни, и С. В. Скалонъ[1]) всегда ее уговаривала не вѣрить; вдругъ слышу — шумъ въ спальнѣ: Софья Васильевна разорвала бумагу, гдѣ были критическіе дни, чему мы были очень рады (но она скоро опять ихъ списала гдѣ-то).

21. Сегодня уѣхали Скалоновы (sic). Весь день почти братъ сидѣлъ съ нами. Я просила, чтобъ онъ взялъ меня съ собой въ Кіевъ[2]), но онъ отказалъ. У насъ съ нимъ были маленькія непріятности, но сегодня все забыто: онъ мнѣ далъ крестики изъ Іерусалима.

25. Братъ уѣхалъ въ Кіевъ. Такъ было грустно; все что-то тревожитъ.

7, 8, 9 іюля. Братъ пріѣхалъ. Сегодня уѣхала отъ насъ N. Луш. (?). Ужасная тоска! У насъ холера; пять человѣкъ умерло. Дай Богъ, чтобъ этимъ кончилось.

18. Грустное время: холера все продолжается!

22. Сегодня мы съ братомъ ѣздили за 12 верстъ въ м . . . . . и вернулись очень поздно.

23. Пріѣхалъ А. С. Данилевскій съ женой къ обѣду; они начали говѣть у насъ. Александръ Семеновичъ очень похудѣлъ, измѣнился, нѣтъ прежняго красавца! У насъ все гости и много лошадей, а неурожай на сѣно!

26. Сегодня гости разъѣхались. Братъ хочетъ ѣхать въ Сорочинцы. Ужасно тревожное время! Говорятъ, что видѣли подозрительнаго человѣка въ саду, и это навело на меня такой страхъ. Завтра ѣдемъ въ Будище и въ Полтаву, и не знаю, кто останется: всѣ хотятъ ѣхать. Мы съ братомъ много гуляли. Я была въ веселомъ расположеніи духа, но вечеромъ мы поспорили о поѣздкѣ, и я рѣшила не ѣхать, за что меня назвали капризной.

13. Братъ, Аннета и я ѣздили въ Будище на обѣдъ, а послѣ въ Диканькѣ молебенъ къ отъѣзду брата, потомъ въ Полтаву къ Скалонъ: она квартируетъ въ домѣ Яновской. Прелестный видъ оттуда. Въ Полтавѣ боятся пожаровъ: вездѣ сторожа, кадки съ водой на крышахъ.

22. Сегодня братъ хотѣлъ уѣхать, но слава Богу, отсрочилъ еще до понедѣльника. Вчера мы всѣ плакали. Тоска ужасная! Какъ я его сильно люблю, хотя часто и непріятности дѣлаетъ, но все же я его люблю, какъ отца: онъ много для насъ сдѣлалъ. Братъ уже уложился и принесъ намъ много вещей.

24. Мы встали очень рано. Грустный день: братъ уѣзжаетъ! Я пошла къ нему и помогала ему укладываться. Въ 8 часовъ пошли въ церковь слушать молебенъ; поѣхали въ Сорочинцы въ двухъ экипажахъ: полдороги Аннета съ братомъ, а потомъ я съ нимъ. Здѣсь я просила его остаться до завтра. Я встала рано и пошла къ нему, и онъ меня обнялъ и крѣпко поцѣловалъ. Въ 9 часовъ мы распрощались... Ахъ, какъ грустно!... Онъ уѣхалъ съ Данилевскими въ ихъ деревню и оттуда въ Москву. Всѣ плакали, — у Трахимовскихъ даже дѣти[3]).

27. Мы дома. Какое ужасное пробужденіе: первый день безъ брата!"

Приведемъ здѣсь же нѣсколько строкъ изъ дневника Елиз. Вас. Быковой, относящихся къ дальнѣйшимъ ея встрѣчамъ съ братомъ.

---

[1]) Записки С. В. Скалонъ были напечатаны въ „Истор. Вѣстн." (1891, V, VI, VII).

[2]) Гоголь ѣздилъ въ Кіевъ къ А. С. Данилевскому.

[3]) Одинъ изъ числа этихъ сыновей Трахимовскихъ впослѣдствіи составилъ прекрасный очеркъ „Марья Ивановна Гоголь", напечатанный въ іюльской книгѣ „Русской Старины" за 1888 г., VII, 25—48.

Декабря 1848 г. Братъ намъ прислалъ обѣщанные корсеты и черныя шелковыя платья совсѣмъ готовыя: Аннетъ и мнѣ.

Въ 1849 г. онъ не пріѣзжалъ.

Въ 1850 году братъ пріѣхалъ въ іюлѣ съ тѣмъ, чтобы осенью ѣхать на зиму въ Одессу. Нашъ родственникъ, кузенъ матери, старикъ больной, А. А. Трощинскій, просилъ насъ провести у него зиму въ его имѣніи Кагорлыкъ (Кіевской губерніи). Такъ рѣшили всѣмъ вмѣстѣ въ двухъ экипажахъ ѣхать прежде къ нему, въ сентябрѣ, а потомъ братъ въ одномъ экипажѣ поѣдетъ въ Одессу и весной опять заѣдетъ за нами.

1 октября, именины матери. Братъ вмѣсто подарка читалъ намъ изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ".

Мы провели зиму довольно скучно съ больнымъ подагрикомъ. Въ его имѣніи былъ ротный дворъ саперовъ и капитанъ Быковъ (приписка А. В. Гоголь: „тотъ, который потомъ женатъ былъ на сестрѣ").

Весной братъ возвратился и мы опять вмѣстѣ пожили. Онъ пробылъ у насъ до іюня 1851 года и это было послѣднее наше свиданіе"[1]).

CXX.

Возвратимся теперь къ Данилевскому.

Въ концѣ 1843 года А. С. Данилевскій получилъ мѣсто инспектора второго благороднаго пансіона при кіевской первой гимназіи (тамъ было три пансіона, называвшіеся конвиктами) и оставался въ этой должности до іюля 1848 года. О своей новой дѣятельности онъ извѣстилъ Гоголя въ письмѣ отъ 8 марта 1844 г., отвѣтомъ на которое было письмо Гоголя, напечатанное на 64—66 стр. VI тома изд. Кулиша. Прежде Гоголь отклонялъ его отъ педагогической дѣятельности, говоря: „только, пожалуйста, не вздумай еще испытать себя на педагогическомъ поприщѣ: это, право, не идетъ тебѣ къ лицу"[2]); теперь, когда вопросъ былъ уже рѣшенъ, онъ высказывалъ Данилевскому свои взгляды на общественную дѣятельность вообще и въ частности на педагогическую[3]). Во второй половинѣ 1844 г. Александръ Семеновичъ женился на Ульянѣ Григорьевнѣ Похвисневой, о чемъ Гоголь получилъ почти одновременно письмо отъ него и отъ матери[4]).

---

[1]) Любопытно эти страницы, проникнутыя грустью о происшедшей въ Гоголѣ перемѣнѣ, сравнить съ разсказомъ той же Елизаветы Васильевны [въ „Руси", 1885, № 26.

[2]) V, 328.

[3]) См. VI, 65.

[4]) Въ этомъ письмѣ отмѣчаемъ пропускъ — послѣ словъ: «О Прокоповичѣ я самъ не имѣю никакихъ извѣстій», слѣдуетъ:

Въ своемъ поздравительномъ привѣтствіи Гоголь, желая другу счастія въ новой жизни, убѣдительно просилъ дать обстоятельныя свѣдѣнія о его женѣ и ихъ домашнемъ бытѣ. Письмо было написано 1 декабря 1844 г., но отвѣта на него пришлось ждать очень долго[1]).

«Я сдѣлалъ глупость, поручивъ ему изданіе, но я торопился ѣхать; на ту пору въ Петербургѣ не случилось никого; притомъ я думалъ его этимъ расшевелить и подстрекнуть на какое-нибудь литературное дѣло. Вышло все вверхъ ногами: изданіе напечатано плохо; вмѣсто заемн. 30 тысячъ я до сихъ поръ не получилъ и одной тысячи, а между тѣмъ изданіе, какъ вижу изъ газетъ и журналовъ, продается не совсѣмъ дурно. Я бѣдствовалъ почти два года, перебиваясь кое-какъ новыми займами, и не получалъ никакого отвѣта ни на одно изъ моихъ писемъ; одно писалъ даже укорительное, обвиняя его въ безчувственности къ положенію другого, но и на него не было отвѣта; просилъ у другихъ развѣдать объ этомъ дѣлѣ, развѣдывалъ самъ всячески, желая хоть стороною добиться, и никто даже изъ обѣщавшихъ написать ко мнѣ не написалъ. Наконецъ, я махнулъ рукою и бросилъ это дѣло».

[1]) Приводимъ здѣсь письмо къ Гоголю А. С. Данилевскаго изъ Кіева отъ 22 іюня, повидимому, 1844 г., хотя годъ написанъ крайне неразборчиво.

«Я много виноватъ предъ тобой, промедливъ такъ долго отвѣтомъ на твое милое и доброе письмо, но на этотъ разъ я такъ былъ занятъ, что не чувствую ни малѣйшаго укора на душѣ въ этой маленькой неисправности.

«Недавно былъ, но весьма на короткое время, въ Миргородскомъ уѣздѣ, въ благословенныхъ мѣстахъ, орошаемыхъ Пселомъ. Не успѣлъ даже побывать въ Толстомъ, ни у твоей маменьки. Если будетъ возможность, въ чемъ немножко сомнѣваюсь, въ іюлѣ загляну опять въ нашъ родной уголокъ. Не знаю, но теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, я люблю наше захолустье. Я возвратился почти къ тѣмъ временамъ, когда самое сладостное чувство рождали одни слова: «поѣдемъ домой!» Совѣстно сознаться, но, право, боюсь цѣлую жизнь остаться дитей.

«Благодарю тебя за цѣлый коробъ морали, которую я нашелъ въ письмѣ твоемъ; она мнѣ пригодится.

«Сегодня у насъ былъ публичный актъ. Воспитанники мои одинъ за другимъ уѣзжаютъ по домамъ. Завтра мнѣ придется глядѣть едва ли не на пустыя стѣны пансіона, а между тѣмъ ѣхать самому, покамѣстъ, нельзя: много починокъ и передѣлокъ — говорятъ, мое присутствіе необходимо; можетъ быть и такъ, да мнѣ что-то этому не вѣрится. Подожду еще нѣсколько дней, а тамъ употреблю всѣ усилія, чтобы дать отпускъ хоть на двѣ недѣли.

«Что́ увижу, какъ найду твоихъ, не премину увѣдомить тебя. Да скоро ли я дождусь свиданія съ тобою? Неужели чувство любви къ родинѣ у тебя высохло? Какъ не совѣстно въ продолженіе столькихъ лѣтъ не заглянуть въ нашъ Миргородъ? Чѣмъ, бѣдный, виноватъ онъ, что ты совсѣмъ забылъ его!...

«Недѣли двѣ тому назадъ я имѣлъ два визита нашихъ нѣжинцевъ: въ одно утро здоровый и толстый Забѣлло ввалился ко мнѣ въ комнату и день спустя послѣ — кто бы ты думалъ? — Гриша Иваненко. Съ послѣднимъ я не видался восемнадцать лѣтъ; я все-таки узналъ его. Сегодня ожидаю Трахимовскаго изъ

Такимъ образомъ переписка пріостановилась. „Стыдно тебѣ позабывать меня и ни строчки не написать въ продолженіе какого-нибудь цѣлаго года“, упрекалъ Данилевскаго Гоголь[1]). Между тѣмъ Гоголь обратился къ Данилевскимъ съ новымъ порученіемъ, которое они также не исполнили.

Собирая матеріалы для „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь обращался ко всѣмъ друзьямъ и знакомымъ съ убѣдительной просьбой оказать ему содѣйствіе въ собираніи матеріала сообщеніемъ своихъ замѣтокъ и наблюденій надъ обществомъ. Но друзья и знакомые какъ будто сговорились не внимать его усердной мольбѣ, очевидно, не обладая даромъ схватывать характерныя черты, какъ это легко удавалось всегда Гоголю. Ульяна Григорьевна Данилевская разсказывала мнѣ, какъ долго она спорила при свиданіи съ Гоголемъ, чистосердечно объясняя свое уклоненіе отъ предложенной ей задачи не нежеланіемъ, а неумѣніемъ, неискусствомъ. Гоголь сначала ни за что не хотѣлъ и слушать и не принималъ никакихъ резоновъ; казалось, онъ не допускалъ и мысли, чтобы для кого бы то ни было просьба его могла быть затруднительна; онъ упорно стоялъ на своемъ, что вся помѣха заключается если не въ нежеланіи, то въ излишней скромности, преувеличенномъ недовѣріи къ своимъ силамъ: стоитъ только приняться, и дѣло будетъ исполнено. Гораздо позднѣе, получая отовсюду однѣ и тѣ же ссылки на неисполнимость его желанія, Гоголь, повидимому, уже понялъ и согласился, что записываніе впечатлѣній и особенно составленіе живыхъ характеристикъ — дѣло легкое для него — было для огром-

---

Житомира; съ нимъ-то вмѣстѣ имѣю маленькую надежду отправиться въ Сорочинцы.

«Благоволи меня извѣстить, гдѣ ты, каково твое здоровье, что̀ дѣлаешь и что̀ намѣреваешься? Весьма серьезно спрашиваю у тебя: скоро ли ты въ Россію?

«Отъ Прокоповича вотъ уже цѣлый годъ не имѣю вѣсти. Въ нашихъ мѣстахъ все по-старому: свадьбы да похороны, тѣмъ и ограничиваются всѣ новости.

«Прощай же, до свиданія. Цѣлую тебя, да ради Бога напиши о себѣ подробнѣе: мнѣ грустно читать въ твоихъ письмахъ только обо мнѣ. Весь твой А. Данилевскій».

Это письмо считаемъ интереснымъ въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, какъ скоро установились вновь дружескія отношенія у Гоголя съ Данилевскимъ, и какъ скоро изгладилось впечатлѣніе размолвки, которая могла казаться довольно серьезною.

[1]) Соч. и письма Гоголя, VI, 287; письмо отъ 8 ноября 1846 г., изъ Флоренціи.

наго большинства смертныхъ непосильнымъ бременемъ, требуя особой наблюдательности и недюжиннаго таланта.

Приводимъ слѣдующее по порядку письмо Гоголя къ Данилевскому и его женѣ.

Флоренція. Мая 18-го (1847).

„Хотя слѣдовало бы мнѣ по примѣру благоразумныхъ людей прежде дождаться отъ васъ отвѣта, добрые друзья мои (на мое письмо, отъ 18-го марта[1]), а потомъ уже писать къ вамъ, но такъ какъ желаніе знать о васъ велико, такъ какъ въ то же время страхъ за исправное полученіе вышеозначеннаго письма прокрадывается тоже въ мои помышленія, то рѣшаюсь лучше бросить лишній разъ съ дороги записочку вамъ съ повтореніемъ въ другой разъ моего адреса.

„До іюля послѣднихъ чиселъ я во Франкфуртѣ (то-есть, въ окружностяхъ его), а потомъ весь августъ новаго стиля и бо̀льшую половину сентября въ Остенде, оттуда — въ Италію, а потому адресуйте во Франкфуртъ-на-Майнѣ, на имя посольства; съ октября же мѣсяца по-прежнему въ Неаполь, и какъ будетъ дальше, увѣдомлю васъ потомъ.

„Не забывайте же меня, милые и добрые друзья мои. Увѣдомляйте о себѣ какъ можно чаще и побольше. Всякая строчка о васъ будетъ мнѣ драгоцѣнна. Обнимаю васъ. Весь вашъ Гоголь“[2]).

Остенде. Августа 15-го (1847). *Гоголь—Данилевскому.*

„Письмо твое, хотя оно было и коротенькое, принесло мнѣ большое удовольствіе. Удовольствіе мнѣ принесло оно двумя сказанными вскользь словами, именно, что ты чувствуешь почти юношескую живость при одной мысли ѣхать на каникулы домой, какъ было во время о̀но, и божишься, чтобы не остаться всю жизнь дитятей. Но это и есть самое лучшее состояніе души, какого только можно желать! Изъ-за этого мы всѣ бьемся! Но только не всѣ равно достигаемъ: одному удается оно, какъ знакъ небесной милости и, повидимому, безъ большихъ съ его стороны исканій; другому дается только за тяжкіе и долгіе труды и безпрерывныя боренья съ препятствіями. То и другое премудро, и не намъ рѣшить, кто имѣетъ болѣе права на достиженіе такого состоянія. Дѣло въ томъ, что за такое состояніе должно благодарить человѣку, какъ за лучшее, что̀ есть въ жизни.

„О себѣ скажу покамѣстъ, что я на морскомъ купаньѣ въ Остенде, куда меня

---

[1]) См. изд. Кул. VI, 358. По всѣмъ даннымъ, письмо относится къ 1847 году.

[2]) Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 20-го ноября изъ Неаполя (Кул. VI, 427) есть пропускъ въ концѣ. „Твое намѣреніе перебраться въ Одессу, вѣроятно, не безъ основанія, иначе ты не сталъ бы такъ хлопотать о томъ. Но это дѣло такое, о которомъ, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ потолковать лично. Писать же теперь въ Петербургъ (къ кому? о чемъ?) — это будетъ трата времени и ничего больше. Мнѣ кажется, прежде слѣдовало бы тебѣ списаться съ кѣмъ-нибудь въ Одессѣ, выглядѣть себѣ мѣсто, узнать, хорошо ли оно и не занято ли уже кѣмъ-нибудь, — и потомъ уже хлопотать. Покамѣстъ совѣтую тебѣ написать самому въ Петербургъ къ Плетневу, если только мѣсто по ученой части. Онъ лучше другихъ можетъ помочь здѣсь, тѣмъ болѣе, что онъ и тебя самого знаетъ, да и по дружбѣ ко мнѣ о тебѣ особенно похлопочетъ, а я, пожалуй, прибавлю и отъ себя слово.

„Милую Ульяну Григорьевну благодарю много за приписочку и вѣсти. Затѣмъ обнимаю мысленно васъ обоихъ и Богъ да хранитъ васъ. Вашъ Н. Г. Адресуй въ Неаполь, poste restante“.

Это письмо было, очевидно, отвѣтомъ на письмо Данилевскаго, отъ 4-го октября 1847 года изъ Кіева.

послали доктора по поводу сильныхъ нервическихъ припадковъ, которые сдѣлались невыносимы, изволновали и измучили меня всего. Послѣ нѣсколькихъ взятыхъ ваннъ еще не могу сказать ничего положительнаго, — кажется, какъ будто нѣсколько лучше. Успѣхъ обыкновенно чувствуется только по окончаніи.

„На вопросъ твой, когда именно въ Россію, ничего не могу сказать утвердительнаго. Это знаетъ одинъ только Богъ. Если будетъ ему угодно дать мнѣ здоровье и силы для того, чтобы совершить и кончить трудъ мой, я пріѣду скоро, какъ возможно, потому что мнѣ Россія и все русское стало милѣе, чѣмъ когда-либо прежде; но съ пустыми руками я не могу ѣхать: мнѣ будетъ и родина не въ родину, и радостное свиданіе со всѣми близкими не въ радостное свиданіе".

Данилевскій — Гоголю. 4-го октября 1847 года. Кіевъ.

„Послѣднее письмо твое получилъ я передъ отъѣздомъ моимъ въ Малороссію[1]). Винюсь, что не отвѣчалъ тебѣ немедленно въ надеждѣ, что по возвращеніи буду имѣть возможность сообщить тебѣ бездну новостей касательно нашего мирнаго уголка. Не тутъ-то было!

„Я располагалъ, уѣзжая изъ Кіева, быть вездѣ и повидаться со всѣми, а кончилось тѣмъ, что просидѣлъ въ нашей деревушкѣ гадячскаго уѣзда во время моего отпуска, исключая двухъ дней, пожертвованныхъ Семеренькамъ и Сорочинцамъ. До Толстаго не доѣхалъ; стало, и у твоихъ не былъ. Дурная осенняя погода заставила меня, изъ опасенія простудъ, которымъ подвержено мое семейство, и разныхъ другихъ обстоятельствъ, направить поскорѣе лыжи въ Кіевъ.

„Изъ всего этого осталось только то, что я не знаю теперь, какъ адресовать къ тебѣ письмо мое. Пошлю его на удачу во Франкфуртъ: вѣроятно, Жуковскій знаетъ твой адресъ.

„Письмо твое меня истинно повеселило: я вижу, что хандра, твоя неотвязчивая спутница въ послѣднее время, употребляетъ всѣ усилія разстаться съ тобой, несмотря на то, что ты придерживаешь ее за полу.

„Какъ тебѣ не стыдно такъ кратко и такъ неопредѣленно говорить о себѣ, когда ты знаешь, сколько твоя персона близка моему сердцу, сколько интересна. „Поѣду въ Италію, оттуда на Востокъ, а тамъ обниму тебя и денька два-три побесѣдуемъ съ тобой"[2]). Какъ! мы только на два дня увидимся съ тобой, и вслѣдствіе какихъ новыхъ плановъ? Хоть бы ты сказалъ слово, мой таинственный другъ! А я съ такимъ нетерпѣніемъ, съ такою радостью ожидалъ твоего окончательнаго возврата въ Россію, что, признаюсь, эти два-три дня меня совершенно ошеломили.

„Что до меня, я все тамъ же, все такъ же инспекторствую. Не знаю, долго ли это еще продлится, но знаю то, что желалъ бы очень перемѣнить родъ службы, а потому прошу тебя, когда будешь въ Одессѣ[3]), повидайся съ Александромъ Орлаемъ[4]) и поговори съ нимъ на мой счетъ: можетъ быть, онъ найдетъ воз-

---

[1]) Письмо это, очевидно, пропало; оно было написано изъ Франкфурта или изъ Остенде во второй половинѣ 1847 г., судя по словамъ Гоголя: „поѣду въ Италію", гдѣ онъ былъ до іюня 1847 г. и куда возвратился въ ноябрѣ.

[2]) Сходныя выраженія есть въ концѣ письма отъ 18-го марта 1847 г., но тамъ не сказано, что Гоголь предполагалъ пробыть въ Кіевѣ два дня.

[3]) Гоголь долженъ былъ черезъ Одессу возвратиться изъ Іерусалима въ Россію.

[4]) Александръ Орлай сынъ Ивана Семеновича Орлая, бывшаго при Гоголѣ директоромъ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ.

можность и средства доставить мнѣ какое-нибудь мѣсто въ Одессѣ. Теперь это единственное мое желаніе. Бога ради, не поперечь ему. При свиданіи ты самъ убѣдишься, что это не капризъ; можетъ быть, пожалѣешь, что не исполнилъ моей просьбы. Ты можешь даже, если твоя добрая воля, начать дѣло о перемѣщеніи моемъ теперь, не откладывая его въ долгій ящикъ и написавъ къ твоимъ друзьямъ въ Петербургъ, чтобы сколько-нибудь приготовить ихъ заранѣе и уладить напередъ мой путь въ Одессу.

„Ты непремѣнно хочешь знать имя моей жены: именуется она Ульяной Григорьевной[1]) и намѣрена присоединить къ моему письму нѣсколько словъ, относящихся до нашего житья-бытья.

„До свиданія, мой милый и добрый другъ. Обнимаю тебя отъ всей души. Пиши и, ради Бога, не забывай насъ. А. Данилевскій“.

Приписка Ульяны Григорьевны Данилевской:

„Александръ всегда возлагаетъ на меня сообщить вамъ, добрый Николай Васильевичъ, подробности нашего житья-бытья, какъ онъ говоритъ, но жизнь наша такъ однообразна, что, право, нечего и говорить о ней. Все, что̀ сказала я вамъ въ моемъ первомъ письмѣ, повторяется всякій день съ кое-какими перемѣнами, о которыхъ не стоитъ упоминать.

„Бывши въ Соро̀чинцахъ (Александръ отправилъ меня туда двумя мѣсяцами прежде себя), я видѣлась съ родными вашими. Je suis toujours heureuse, quand je puis passer quelques heures avec votre excellente et respectable mère; elle est toujours si bonne pour moi, elle aime tant mon Alexandre! Онѣ, вѣроятно, пишутъ къ вамъ и извѣщаютъ подробно о себѣ. Всѣхъ ихъ я видѣла совершенно веселыхъ и здоровыхъ.

„Марья Ивановна ждетъ-не-дождется вашего пріѣзда въ Россію. Не обманите же ея и наши ожиданія, доставьте мнѣ случай скорѣе познакомиться съ вами лично.

„Въ Соро̀чинцахъ я видѣла также вашего давнишняго и постояннаго обожателя Ивана Григорьевича Пащенка; онъ пріѣзжалъ въ Соро̀чинцы купаться въ Пслѣ для поправленія здоровья. Псёлъ опять входитъ въ моду, и Сорочинцы сдѣлались notre Baden-Baden, notre Ostende et cetera. Туда съѣзжаются на сезонъ помѣщики окрестныхъ уѣздовъ пользоваться цѣлительными водами Псла. Въ числѣ прочихъ страждущихъ была тамъ ваша же знакомая m-lle Minotri, которая воспитывалась вмѣстѣ съ вашими сестрами, — очень милая дѣвушка!

„Вотъ все, что̀ нашла сказать вамъ хотя нѣсколько интереснаго. Теперь мы опять въ нашемъ скучномъ Кіевѣ, боимся холеры, не употребляемъ никакихъ фруктовъ, пьемъ мяту, и такъ далѣе.

„Александръ имѣетъ намѣреніе перемѣнить службу. Какъ бы я была рада, еслибы это удалось ему!

„Пишите къ намъ; мы всѣ васъ такъ искренно любимъ. Да хранитъ васъ Господь во все время странствованія вашего. Помолитесь и за насъ у Гроба Господня. *У. Данилевская*[2]).

---

[1]) Въ письмѣ изъ Неаполя отъ 18-го марта 1847 года Гоголь уже называлъ по имени жену Данилевскаго, но, прочитавъ, вѣроятно, его сообщеннымъ въ уменьшительной формѣ, принялъ послѣднее за сокращеніе имени Юліи (Кул., VI, 359.

[2]) Г. П. Данилевскій, въ „Воспоминаніяхъ о Гоголѣ“ („Историч. Вѣстн.“, 1876, 12), утверждаетъ, что Уленька во 2-й части „Мертвыхъ Душъ“ есть именно Ульяна Григорьевна Данилевская. Не знаемъ, справедливо ли это.

11-го мая 1848. Кіевъ. *Данилевскій—Гоголю.*

„Вчера такъ неожиданно получилъ письмо твое изъ Одессы[1]). Въ первую минуту оно такъ сильно обрадовало меня, что я не замѣтилъ, что въ немъ скрывается большое для меня горе. Мнѣ невозможно пріѣхать къ тебѣ въ Васильевку: до 15-го іюня я прикованъ къ Кіеву, а послѣ отправляюсь съ семействомъ въ Одессу, гдѣ останусь, вѣроятно, до сентября. Жена моя, по совѣту медиковъ, должна пользоваться этимъ лѣтомъ морскими купаньями. Неужели мы и не увидимся съ тобой! А вѣдь вина-то твоя. Я полагалъ, что на пути твоемъ изъ Одессы ты не объѣдешь Кіева. Вышло не такъ. Отъ тебя, однакожъ, зависитъ поправить свою ошибку. Пріѣзжай на нѣсколько дней въ Кіевъ. Здѣсь у тебя много друзей! Послѣ столькихъ бсзчисленныхъ и безконечныхъ вояжей, что́ стоитъ тебѣ перешагнуть въ Кіевъ? Жена моя не можетъ простить твоему равнодушію къ намъ, не можетъ утѣшиться, что, можетъ быть, никогда не увидитъ тебя.

„И ты въ Васильевкѣ! Воображаю, сколько тамъ радости и слезъ! Зачѣмъ я не могу пріѣхать изъ Толстаго на бѣговыхъ дрожкахъ, чтобы обнять тебя! И Толстое опустѣло! Побывай, пожалуйста, у моего отчима. Онъ теперь одинъ, и старъ, и дряхлъ.

„Какъ жаль, что ты не видѣлся съ братомъ моимъ Ваней въ Одессѣ, а можетъ и видѣлся, да по своей новой методѣ ничего не пишешь объ этомъ.

„Поцѣлуй за меня ручки твоей почтеннѣйшей маменьки и скажи мой дружескій поклонъ всему твоему милому семейству.

„Какъ бы я желалъ знать твой пріѣздъ въ Васильевку! Напиши мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ это случилось, когда, въ какое время дня, чтобы я могъ сколько-нибудь представить себѣ эту интересную картину“.

Мая 4. Одесса (1848). *Гоголь—Данилевскому.*

„Пишу къ тебѣ, улуча свободную минуту, изъ Одессы. Пріѣхалъ я сюда благополучно вмѣстѣ съ Базили, котораго попалъ[2]) на дорогѣ въ Россію. Полагаю завтра пуститься въ Полтаву, а оттуда въ деревню Васильевку, гдѣ располагаю пробыть съ мѣсяцъ, а можетъ быть, и болѣе. Увѣдоми меня двумя словами, будешь ли ты въ Полтаву и когда.

„Меня очень поразила вѣсть о смерти Пащенка. Кромѣ того, что это была добрѣйшая душа, онъ мнѣ могъ сообщить свѣдѣнія, которыя мнѣ теперь особенно нужны относительно многаго, что́ дѣлается въ нашихъ околоткахъ[3]). Онъ былъ уменъ и имѣлъ способность замѣчать. И ты, и я лишились въ немъ товарища закадычнаго. Я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ мысли, что его уже нѣтъ.

„Здѣсь я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ и нашихъ соучениковъ. Орлаи оба, Александръ и Андрей, прекрасные люди и будутъ отъ души хлопотать о тебѣ. Но обо всемъ этомъ мы переговоримъ лично.

---

[1]) Это письмо не сохранилось.

[2]) Малороссіанизмъ.

[3]) Слѣдуетъ припомнить, что Гоголь въ это время изъ всѣхъ возможныхъ источниковъ собиралъ свѣдѣнія для 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“.

„Прощай, обнимаю тебя крѣпко вмѣстѣ съ супругой и малюткой. Если Максимовичъ въ Кіевѣ, то обними его. *Твой Н. Г.*".

Въ слѣдующемъ письмѣ Гоголя къ Данилевскому (отъ 16 мая 1848 года, изъ Васильевки) у Кулиша отмѣтимъ слѣдующій пропускъ въ концѣ:

„Василія Ивановича[1]) я, однакоже, видѣлъ, и у него плотнаго ремонтера среднихъ лѣтъ, Николая Васильевича, котораго прежде видѣлъ дѣлающимъ микроскопическія дрожечки вмѣстѣ съ братьями. Василій Васильевичъ нашелъ меня въ Одессѣ; изумилъ, разумѣется, своимъ ростомъ.

„Жаль очень, что не случилось тебѣ провести это лѣто здѣсь. Дай Богъ, чтобы поѣздка въ Одессу и купанье было спасительно для Ульяны Григорьевны. Еслибъ я умѣлъ хорошо молиться, я бы помолился объ этомъ такъ же, какъ она молилась о благополучномъ моемъ пріѣздѣ.

„Черезъ нѣсколько времени думаю пуститься въ Кіевъ — поглядѣть на васъ. Я слышалъ, что вы помѣщаетесь нѣсколько тѣсненько, какъ всегда бываетъ на казенныхъ квартирахъ. Если это правда, то устрой мнѣ помѣщеніе у когонибудь изъ знакомыхъ, хотя, признаюсь, и не знаю, кто изъ моихъ знакомыхъ теперь въ Кіевѣ. Затѣмъ обнимаю васъ обоихъ. До свиданія. Весь вашъ Н. Гоголь".

Гоголь сдержалъ свое слово и притомъ не позже, какъ черезъ двѣ недѣли. Въ началѣ іюня или, можетъ быть, даже въ концѣ мая, онъ пробылъ короткое время въ Кіевѣ у Данилевскихъ; но на бѣду наступили такіе сильные жары, что онъ былъ не въ духѣ, жаловался, что не можетъ ничѣмъ заниматься и поспѣшилъ уѣхать обратно въ Васильевку[2]). Въ этотъ-то пріѣздъ его къ Данилевскому и случился разсказанный ниже неловкій эпизодъ внезапнаго и слишкомъ скораго исчезновенія Гоголя съ вечера, на который собрались многіе профессора и другіе представители кіевской интеллигенціи съ исключительной цѣлью видѣть автора „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ".

15-го іюня, по порученію мужа, Ульяна Григорьевна Данилевская писала Гоголю:

„Посылаю вамъ листокъ изъ письма моего дяди, который больше относится къ вамъ, нежели ко мнѣ, и на который я не могу отвѣчать, не спросивши у васъ, что̀ мнѣ сказать ему.

„У насъ въ Кіевѣ такъ часто говорятъ о васъ, что мнѣ все кажется, что вы еще здѣсь, а вы такъ и забыли насъ: до сихъ поръ не извѣстили о своемъ пріѣздѣ, недобрый Николай Васильевичъ!

„Холера въ Кіевѣ до сихъ поръ не прекратилась, но уменьшается по милости Божіей. Доктора утѣшаютъ насъ, что послѣ вчерашняго проливного дождя она должна совсѣмъ уничтожиться. Дай Богъ! Эта страшная гостья такъ было принялась за кіевлянъ, что и самыхъ храбрыхъ перепугала. Александръ и я заплатили дань чему-то въ родѣ холерины. Я и до сихъ поръ не совсѣмъ здорова; не больше недѣли, какъ прекратила употребленіе минеральной воды. Время отъѣзда нашего въ Одессу до сихъ поръ неизвѣстно; докторъ ничего не говоритъ положительнаго: одинъ день то, другой день другое, такъ что не знаешь, что̀ и дѣлать. Мнѣ кажется, что онъ такъ занятъ своей женитьбой, что пере-

---

[1]) Рѣчь идетъ о В. И. Чернышѣ и его семействѣ.

[2]) Всего неудачнѣе было-то, что, по случаю экзаменовъ въ пансіонѣ, А. С. Данилевскаго по цѣлымъ днямъ не было дома, и Гоголь страшно скучалъ.

мѣшалъ всѣ болѣзни своихъ паціентовъ, и говоритъ не по собственному убѣжденію, а такъ, что́ на умъ взбредетъ.

„Вы поспѣшили пріѣхать въ Кіевъ, добрый Николай Васильевичъ! Еслибъ вы были теперь у насъ, то не страдали бы отъ жаровъ: всякую почти ночь идетъ дождь и днемъ прохладно, такъ что легко можно заниматься дѣломъ.

„На дняхъ въ Кіевѣ была интересная свадьба: невѣста сорока пяти лѣтъ, женихъ — двадцати пяти. Свадьба эта такъ заняла всѣ умы, что на время прекратила толки о холерѣ.

„Прощайте! Дай Богъ, чтобы это письмо застало васъ и всѣхъ вашихъ совершенно здоровыми.

„Александръ опять не могъ писать вамъ: такъ занятъ экзаменами. Онъ обнимаетъ васъ. Передайте нашъ поклонъ вашей маменькѣ и сестрамъ.

„Ольга[1]) часто васъ вспоминаетъ. Недавно кто-то ее спросилъ: „гдѣ Гого?“— „Нѣту Гого, а палька туто“ — и пошла показывать вашу палку.

„Не надоѣла ли я вамъ своей болтовней?... Впрочемъ, я бы такъ скоро не писала къ вамъ, еслибы не письмо дяди[2])“.

9 іюня 1848. Село Дубровное. *Данилевскій — Гоголю.*

„Все это время я было думалъ обнять тебя въ Васильевкѣ, но не такъ случилось.

„Пріѣхавъ въ Лубны въ воскресенье, мы располагали пуститься въ Соро́чинцы; но, узнавъ, что тамъ холера во всемъ разгарѣ, направили лыжи въ Дубровное.

„Пишу къ тебѣ изъ этого пустыннаго уголка, который въ насмѣшку, кажется мнѣ, носитъ названіе, обѣщающее тѣнь и прохладу; на дѣлѣ же это степная деревенька, не лишенная однакожъ, особливо по мнѣнію моей жены, своего рода прелести. Чистый воздухъ, поле съ золотыми колосьями — для горожанъ это рай!

„Но дѣло не въ томъ. Какимъ бы образомъ намъ съ тобой увидѣться? Я не могу оставить пока моего добровольнаго заточенія... Жена, которая съ пріѣздомъ вздумала еще прихворнуть, красавица-дочь?— все это существа, съ которыми разставаться не легко, а особливо въ такое смутное время; а путешествовать съ ними, т.-е. перевозить ихъ — охъ, весьма затруднительно! Остается одно — ты угадываешь — остается тебѣ пріѣхать къ намъ. Ты — неутомимый путешественникъ и холостой, а я — домосѣдъ и семьянинъ. Сдѣлай еще маленькую жертву и поспѣши навѣстить насъ. Я послѣ отплачу тебѣ и съ семьей

---

[1]) Ольга Александровна Баних, урожденная Данилевская, въ настоящее время живетъ въ Варшавѣ, гдѣ мужъ ея, Ѳ. К. Банихъ, служитъ товарищемъ предсѣдателя судебной палаты.

[2]) Дядя, упоминаемый въ этомъ письмѣ, несомнѣнно, Александръ Михайловичъ Марковичъ, воспитавшій своихъ сиротъ-племянницъ (Ульяну Григорьевну, Марью Григорьевну и Варвару Григорьевну). Гоголь съ нимъ познакомился и сошелся еще въ это свиданіе въ Кіевѣ лѣтомъ 1848 года; позднѣе онъ вступилъ съ нимъ въ переписку и очень любилъ и цѣнилъ его дружбу. А. М. Марковичъ самъ принималъ участіе въ литературѣ и былъ во многихъ отношеніяхъ личностью замѣчательною и отличался высокою нравственностью. Въ семействѣ Данилевскихъ сохранилась благоговѣйная память о немъ, и большой старинный портретъ его сберегается, какъ одно изъ драгоцѣнныхъ воспоминаній о покойномъ. См. о немъ въ статьѣ Уманца: „Неизданныя письма Н. В. Гоголя“ („Древняя и Новая Россія“, 1879, 1, 53—66).

пріѣду къ тебѣ въ Васильевку. Дай только Богъ, чтобы эта гнусная холера сколько-нибудь угомонилась.

„Вотъ твой маршрутъ, если доброе твое сердце послушаетъ твоего призыва: ты выѣзжаешь на ночь въ Сорóчинцы и кормишь съ Березовой-Луки на Коновалы, да по Ромадану на Ветколовку (имѣнія Устиновича), на Ортополошь и въ Дубровное. Отъ Березовой-Луки всего 25 верстъ. Въ одинъ день изъ Сорóчинецъ въ Дубровное! Какъ ты думаешь? Ожидать ли тебя? У меня есть предчувствіе, что и на сей разъ ты не откажешь моему дружескому призыву.

„Хоть у насъ здѣсь и пустынно, и сосѣдей мало, но въ пяти верстахъ есть твой знакомый, князь Репнинъ[1]), который теперь проживаетъ въ нашемъ сосѣдствѣ въ помѣстьѣ своемъ Андреевкѣ. Да притомъ же и Ромны отъ меня недалеко (всего 35 верстъ): можетъ быть, захочешь навѣстить Рѣдкина.

„Я раздѣлался, наконецъ, съ Кіевомъ. Казалось, нечего было жалѣть, нечего терять, но, оставивъ его навсегда, откуда-то взялись и сожалѣніе, и грусть, и мысль, буду ли, Богъ вѣсть, въ другомъ мѣстѣ столько счастливъ, какъ былъ счастливъ въ Кіевѣ".

Недѣлю спустя, вѣроятно освободившись отъ экзаменовъ, А. С. Данилевскій уже самъ отвѣчалъ на какое-то не дошедшее до насъ письмо Гоголя:

22 іюня 1848. Кіевъ. *Данилевскій — Гоголю.*

„Вчера только я получилъ твое письмо. Оно шло болѣе недѣли. Мнѣ было пріятно, наконецъ, узнать, что ты прибылъ въ Васильевку благополучно.

„Съ отъѣздомъ твоимъ въ Кіевѣ открылась холера и навела ужасъ на самыхъ безстрашныхъ. Нѣкоторые изъ круга нашихъ знакомыхъ или извѣстныхъ намъ мгновенно пали ея жертвой. Извѣстія изъ полтавской губерніи далеко не утѣшительны: и тамъ эта нестерпимая холера почти во всѣхъ уѣздахъ. Каково у васъ? Намѣреніе наше ѣхать теперь въ Одессу не состоялось[2]). Эпидемія вездѣ: и по дорогѣ, и въ Одессѣ. Мы отправляемся въ ваши мѣста. Отъѣздъ предположенъ 27-го или, чтó всего позже, 29-го нынѣшняго мѣсяца. Итакъ, нѣтъ худа безъ добра: дастъ Богъ — увидимся!

„Благодарю тебя отъ души, что, писавши къ Орлаю, ты не позабылъ меня. Когда эти печальныя обстоятельства измѣнятся, мы все-таки думаемъ ѣхать въ Одессу. Отставка моя напечатана давно; о ней изъ министерства пришло письмо на этихъ дняхъ. До сихъ поръ не сдавалъ я своей должности; это довольно непріятная исторія".

Нѣсколько разъ въ продолженіе лѣта 1848 года видѣлся Гоголь съ Данилевскимъ, но по причинѣ продолжавшей свирѣпствовать холеры и другихъ обстоятельствъ имъ не всегда удавалось видѣть другъ друга, когда они предполагали, чтó видно изъ нижеслѣдующаго письма Данилевскаго:

22 іюля 1848 г. Дубровное[3]).

„Бога ради, гдѣ ты и чтò съ тобою дѣлается? Пріѣхавши въ нашу деревню, я писалъ къ тебѣ по почтѣ и просилъ пріѣхать ко мнѣ, поелику жена моя была

---

[1]) Николай Васильевичъ Репнинъ, отецъ княжны Варвары Николаевны, хорошій знакомый Гоголя.

[2]) По совѣту Гоголя, Данилевскій собирался съѣздить въ Одессу, чтобы самому похлопотать о мѣстѣ.

[3]) Одно изъ помѣстій Данилевскаго.

въ это время нездорова, и я уже не могъ ни взять ее съ собой, чтобы навѣстить тебя, ни оставить дома. Вотъ уже недѣли двѣ прошло съ тѣхъ поръ, какъ странствуетъ мое письмо, — и ни тебя, ни отвѣта! Шлю нарочнаго освѣдомиться, въ Малороссіи ли ты, или уѣхалъ въ Москву, не простясь съ нами. Напиши, какъ намъ свидѣться. Жена моя начала понемногу поправляться, а потому мы можемъ пуститься въ путь въ Васильевку, если только у васъ все благополучно.

„Въ Соро́чинцахъ и Семер礼кахъ холера страшно свирѣпствовала, но теперь прекращается и, можетъ быть, въ эту минуту и вовсе прекратилась.

„Каково у васъ? всѣ ли здоровы? Если ты захочешь прежде навѣстить меня, то податель сего проводитъ тебя до самаго крыльца нашей избушки. Было бы это хорошо!... А отсюда вмѣстѣ поѣдемъ въ ваши мѣста. Дѣлай какъ хочешь, только бы намъ поскорѣе увидѣться“.

Въ эту пору, т.-е. въ концѣ іюля, Гоголь собирался уже ѣхать въ Москву и на короткое время въ Петербургъ. Въ концѣ августа онъ погостилъ немного у своего знакомаго и пріятеля А. М. Марковича въ имѣніи послѣдняго Сварковѣ.

А. С. Данилевскій разсказывалъ по этому поводу слѣдующее:

„Въ 1848 г. мы пріѣзжали лѣтомъ лѣчиться въ Пслѣ. Въ двадцатыхъ числахъ августа пріѣхалъ къ намъ и Гоголь. Потомъ въ нашемъ экипажѣ поѣхали мы въ черниговскую губернію въ село Сварковъ, имѣніе дяди. Мы пріѣхали прямо ко дню его именинъ (30 августа). Было много гостей, и Гоголь былъ страшно не въ духѣ. Ему очень полюбился дядя Ульяны Григорьевны[1]). Онъ провелъ у него нѣсколько дней и, наконецъ, простился съ нимъ. Ему нужно было ѣхать отъ Глухова въ Москву, и онъ взялъ у дяди Ульяны Григорьевны тарантасъ, а у меня моего человѣка, повара Прокофія, который ему очень нравился. Гоголь взялъ Прокофія съ тѣмъ, чтобы возвратить тарантасъ и бричку. Этотъ Прокофій потомъ явился, когда потеряли ужъ надежду. Гоголь бывалъ потомъ у Марковича въ Москвѣ. Онъ занималъ цѣлый домъ въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Гагарина, au fond de la cour“.

Съ дороги Гоголь написалъ нѣсколько писемъ Данилевскому, которыя, какъ не бывшія въ печати, приводимъ здѣсь вполнѣ:

Гоголь — Данилевскому. Орелъ. Воскресенье (5 сентября).

„Добрался я до Орла благополучно. Но здѣсь, къ величайшему моему изумленію, дилижанса не нашелъ. Они уничтожены такъ же, какъ въ Харьковѣ. Какъ жалѣю теперь, что не взялъ изъ дому человѣка! Уже хотѣлъ отправляться одинъ на такъ-называемыхъ вольныхъ и на перекладныхъ, но раздумалъ, вспомня хворость свою и недостаточную храбрость, и рѣшился нахальнымъ образомъ взять у тебя человѣка, а у добрѣйшаго Александра Михайловича бричку до Москвы. Въ Москвѣ же нанимаю надежнаго извозчика, который отвезетъ къ вамъ и Прокофія, и бричку въ исправности. Разница будетъ въ лишней недѣлѣ.

„Прощай! Обними за меня Ульяну Григорьевну и передай душевный мой поклонъ ея милымъ сестрицамъ. Александру Михайловичу засвидѣтельствуй мою признательность и любовь. Не забывай и пиши.

„Еще разъ выставляю тебѣ адресъ: Его Высокородію Степану Петровичу

[1]) А. М. Марковичъ.

Шевыреву, близъ Тверской въ Дегтярномъ переулкѣ въ собственномъ домѣ. *Твой Н. Гоголь.*

„Это письмо тебѣ вручитъ извозчикъ мой Захаръ Москаренко, которому ты вручи за меня одинъ цѣлковый, за который я тебѣ пришлю изъ Москвы фунтъ конфектъ“.

Распоряженіе Гоголя потомъ поставило его въ затруднительное положеніе: онъ долго не могъ успокоиться, пока все дѣло не разъяснилось.

Черезъ недѣлю Гоголь написалъ Данилевскому изъ Москвы небольшую записку:

Сентября 12. Воскресенье. *Гоголь — Данилевскому.*

„Посылаю тебѣ булавку, четыре куска казанскаго мыла и конфектъ, съ желаньемъ, чтобы все пришлось по вкусу.

„Въ Москвѣ, кромѣ немногихъ знакомыхъ, нѣтъ почти никого; все еще сидитъ по дачамъ и деревнямъ. Россета[1]) также нѣтъ; онъ, какъ сказываютъ, находится гдѣ-то въ путешествіяхъ по харьковской губерніи. Теперь я ѣду въ Петербургъ. Первыхъ чиселъ октября полагаю возвратиться въ Москву. Адресъ остается попрежнему.

„Увѣдоми, въ исправности ли все пришло вмѣстѣ съ Прокофіемъ, равно какъ и то, доставлена ли извозчикомъ (прежнимъ) бричка.

„Ульянѣ Григорьевнѣ душевный и братскій поклонъ. Александру Михайловичу также.

„Извозчику, который везетъ Прокофія, все заплачено и ничего еще не слѣдуетъ, даже на водку“.

Гоголь — Данилевскому. Москва. Октября 29.

„По пріѣздѣ изъ Петербурга я нашелъ твое письмо. Не отвѣчалъ на него вдругъ потому, что хотѣлъ собрать для тебя какія-нибудь удовлетворительныя свѣдѣнія насчетъ службы въ Москвѣ. Но до сихъ поръ ничего утѣшительнаго не могъ сказать. Изъ того, что передъ моими глазами, вижу я только то, что тѣ благодатныя мѣста членовъ, которыя приходятъ на умъ тебѣ, подхвачены повсюду; притомъ жалованье бездѣльное, даже нѣтъ и такихъ, чтобы доходили до трехъ тысячъ ассигнаціями. Всѣ прочія мѣста, какія ни поглядишь, сопряжены съ отвѣтственностью и тревогами, способными вывести изъ терпѣнія даже постояннаго человѣка, не только тебя.

„Жизнь въ Москвѣ стала теперь гораздо дороже. Съ какими-нибудь тремя тысячами едва холостой человѣкъ теперь въ силахъ прожить; женатому безъ восьми тысячъ трудно обойтись, — я разумѣю — такому женатому, который бы велъ самую умѣренную жизнь и наблюдалъ бы во всемъ строжайшую экономію. Почти всѣ мои пріятели сидятъ на безденежьѣ, въ разстроенныхъ обстоятельствахъ, и не придумаютъ, какъ ихъ поправить. При деньгахъ одни только кулаки, пройдохи и всякаго рода хапуги. Отъ этого и общество, и жизнь въ Москвѣ стали какъ-то замѣтно скучнѣе.

„Я теперь серьезно задумался о томъ, служить ли тебѣ, добиваться ли мѣста

---

[1]) Клементія Осиповича.

въ нынѣшнее время, когда все такъ невѣрно, когда завтра же не знаешь, что̀ будетъ. Въ деревнѣ можно, по крайней мѣрѣ, хоть не умереть съ голоду. Скучно, можетъ быть, пусто; но вѣдь это крестъ, который должно несть, а крестъ никогда не бываетъ легокъ. Ты очутился противъ желанья, можетъ быть, противъ воли помѣщикъ. Нужно принять это какъ данную Провидѣніемъ обязанность, глядѣть на нее какъ на должность, размѣтить день свой, отдать часъ или два всякое утро на хозяйство.

„Покуда не примиримся мы съ мыслью, что жизнь есть *горечь*, а не *наслажденье*, и не почувствуемъ значенія словъ: „*иго Мое благо и бремя Мое легко есть*“, — скука будетъ тебя преслѣдовать еще болѣе, чѣмъ въ деревнѣ, потому что многое теперь стало тамъ грустно, какъ никогда доселѣ не бывало. Подумай обо всемъ этомъ хорошенько, не позабывъ принять въ соображенье свои наклонности, свой характеръ и т. д., а я покуда буду собирать еще свѣдѣнія, хотя и не предвижу ничего утѣшительнаго. Ты же сдѣлалъ дурно, что не заставилъ Алексѣя Васильевича Капниста написать о тебѣ подробно Ивану Васильевичу[1]; онъ все-таки болѣе другихъ можетъ быть тебѣ полезенъ. Прощай, обнимаю тебя крѣпко. Передай душевный дружескій поклонъ Ульянѣ Григорьевнѣ. Поцѣлуй крошку-дочь и кланяйся отъ меня всѣмъ. Адресъ остается по прежнему. Твой *Г.*“

21 декабря 1848. *Данилевскій — Гоголю.*

„Послѣднее письмо твое, признаюсь, меня нѣсколько огорчило, не потому, что до сихъ поръ ты не успѣлъ ничего сдѣлать касательно помѣщенія моего въ Москвѣ, — нѣтъ; неудачи я не могу тебѣ ставить въ вину. Но досадно мнѣ, что ты перемѣнилъ точку и теперь съ другой стороны смотришь на мое положеніе. Вдругъ показалось тебѣ, что въ Дубровномъ, а не въ Москвѣ, я долженъ нести крестъ свой, потому что я помѣщикъ, какъ будто это случилось вчерашняго дня, какъ будто при свиданіи твоемъ со мною Дубровно и я были другъ другу чужды. Повѣрь мнѣ, что все остается въ томъ же положеніи, съ тою только разницей, что съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь все болѣе и болѣе въ необходимости, покамѣстъ еще есть желаніе и воля, разстаться съ деревней, гдѣ я не устрою, а скорѣе разстрою дѣла мои; да и не одно это заставляетъ меня думать о службѣ; есть причины и поважнѣе... Ну, да что̀ объ нихъ! на этотъ разъ умолчу.

„Откуда ты вообразилъ себѣ, что мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, восемь тысячъ, чтобы содержать себя въ Москвѣ; я полагаю, шести тысячъ будетъ достаточно. Если мѣсто будетъ съ жалованьемъ въ тысячу руб. серебромъ, то, прибавивъ 2500 руб. ассигнаціями, которыя я могу имѣть съ Дубровнаго, я надѣюсь свести концы съ концами. Притомъ же, служа, я все-таки буду имѣть что-нибудь впереди — надежда чего-нибудь да стоитъ! — тогда какъ въ деревнѣ перспектива самая неутѣшительная, чтобы не сказать — печальная. Ну, да что̀ объ этомъ говорить. Ты будешь увѣрять меня въ противномъ и подчасъ приводить въ доказательства и дѣльные резоны и тексты, и я все останусь при своемъ. Вслѣдствіе этого дѣлай какъ хочешь. Что̀ же новаго въ Москвѣ? На дняхъ тетенька жены моей, которая провела нѣсколько времени въ Москвѣ, обрадовала насъ неожиданнымъ своимъ пріѣздомъ. Мнѣ пріятно было узнать,

[1]) И. В. Капнистъ былъ московскимъ губернаторомъ.

что она видѣла тебя и что ты навѣщаешь Александра Михайловича, что ты здоровъ и веселъ, что московскіе морозы тебѣ по́-сердцу и проч.“.

Послѣ этого на нѣкоторое время переписка становится менѣе оживленною: отъ 1849 года почти совсѣмъ не сохранилось писемъ Гоголя къ Данилевскому, но, кажется, къ этому году слѣдуетъ отнести помѣщаемое ниже, не помѣченное никакой датой письмо, въ которомъ Гоголь говоритъ о своемъ пошатнувшемся здоровьѣ: онъ имѣлъ обыкновеніе говорить своимъ роднымъ и близкимъ знакомымъ, что не можетъ выносить суровой русской зимы, и дѣйствительно, въ первую же зиму почувствовалъ себя нехорошо.

Вотъ это письмо:

„Много, много васъ благодарю, милые, добрые кумъ и кума[1]), за ваши строчки. Душевно бы радъ былъ обнять васъ обоихъ лично, но не знаю, какъ это сдѣлать, позволятъ ли всякія обстоятельства пріѣхать въ Малороссію: съ одной стороны, здоровье (которое опять стало плохо) требуетъ переѣзда хоть въ Крымъ, съ другой — есть много причинъ, не дающихъ сдѣлать этотъ путь.

„Душевно сожалѣю, другъ и кумъ Александръ Семеновичъ, что и твое также здоровье, говорятъ, не въ большомъ порядкѣ. Но, видно, ужъ такъ слѣдуетъ, нужно терпѣть да молиться. *„Денегъ нѣтъ передъ деньгами“*, говоритъ пословица: такъ, можетъ быть, и здоровье. По крайней мѣрѣ, отъ всей души прошу его тебѣ и себѣ, чтобы на старости лѣтъ распить когда-нибудь бутылку стараго вина, и вспомнить все пройденное время, и благодарно, признательно поблагодарить Бога за жизнь“.

Затѣмъ одно письмо Гоголя (а можетъ быть и нѣсколько) утрачено, на что̀ указываетъ содержаніе слѣдующаго письма Данилевскаго отъ 16 февраля, изъ Анненскаго:

„Письмо твое чрезъ посредство Александра Михайловича я получилъ давно, но не отвѣчалъ потому, что ровно не зналъ ничего сказать тебѣ въ отвѣтъ на твои проповѣди. Я вижу, тебя не урезонишь, ты все поешь одну пѣснь. Кто просилъ тебя искать для меня мѣсто, на которомъ бы можно было сидѣть сложа руки и ничего не дѣлать! Ну, да Богъ съ тобой! Мнѣ кажется, что мы переливаемъ изъ пустого въ порожнее, изъ этого ничего не выйдетъ. Ты — плохой ходатай, я — плохой искатель. Lasciamo la politica, ove ella sta, e parliamo d'altro.

„Хочу подѣлиться съ тобой моей радостью: на прошедшей недѣлѣ, послѣ тяжкой беременности, приводившей меня по временамъ до отчаянія, жена моя родила богатыря въ $^3/_4$ аршина, котораго предполагаемъ назвать Григоріемъ въ честь его дѣда. Здоровье и матери, и ребенка удовлетворительно.

„Къ Россету я писалъ, но не получалъ отвѣта. Вѣроятно, письмо мое не нашло его въ Харьковѣ. На Рѣдкина и Кукольника мало имѣю надежды, и потому не затрудняю ихъ; если достанется быть въ Петербургѣ, то, ухвативши ихъ за бока, можетъ быть, и можно выжать изъ нихъ какую-нибудь пользу; переписка же ни къ чему не поведетъ.

„Ты такъ аккуратенъ, что, писавши ко мнѣ, и не означилъ своего адреса. Буду адресовать на имя Шевырева; это, кажется, всего вѣрнѣе. Чтобы не поставить и тебя въ затрудненіе насчетъ моего жительства, сейчасъ скажу тебѣ,

---

[1]) Гоголь крестилъ у Данилевскихъ сына, названнаго въ честь его Николаемъ.

что я проживаю въ деревнѣ сестеръ жены въ сумскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи, и останусь здѣсь до мая, а потому адресуй ко мнѣ свои письма или свое письмо на мое имя въ *Сумы*, харьковской губерніи. Въ маѣ же и послѣ мая всегда пиши ко мнѣ въ Ромнѣ, полтавской губерніи. Ясно? ну, то-то же! бери примѣръ съ меня!

„У насъ тутъ много слуховъ на твой счетъ: говорятъ, что ты уже напечаталъ вторую часть „Мертвыхъ Душъ", чему я не вѣрю, пока не буду имѣть экземпляра въ собственныхъ рукахъ.

„О Миргородѣ и его любезныхъ обитателяхъ рѣдко получаю извѣстія; все въ тѣхъ мѣстахъ обстоитъ, кажется, благополучно, только винокуренный акцизъ многихъ помѣщиковъ заставилъ почесать въ затылкѣ.

„Поклонись отъ меня Боткину и Гинтовту[1]), да напиши, ради Бога, что-нибудь о своей персонѣ. Все мораль да мораль — это хоть какому святому надоѣстъ! Что̀ предполагаешь дѣлать лѣтомъ? не заглянешь ли въ Малороссію?

„До свиданія, мой добрый другъ! не гнѣвайся на меня за мое молчаніе, не измѣняй своему великодушію".

CXXI.

На вопросъ мой: съ какого времени А. С. Данилевскій сталъ ясно замѣчать задатки будущаго мрачнаго настроенія Гоголя, овладѣвшаго имъ въ послѣдніе годы, онъ указалъ на осень 1849 г. „Въ 1848 г., — говорилъ А. С. Данилевскій, — „я еще рѣшительно ничего не замѣчалъ, никакой перемѣны; въ 1851 году перемѣна стала сказываться очевиднѣе; такъ особенно можно было видѣть Гоголя, проводящимъ по нѣскольку часовъ сряду за какими-то книгами въ кожаномъ переплетѣ съ застежками, которыя онъ тщательно пряталъ". Изъ чувства деликатности А. С. Данилевскій никогда не разспрашивалъ ни объ этихъ книгахъ, ни о сочиненіяхъ Гоголя[2]). О послѣднихъ Гоголь иногда самъ

---

[1]) Гинтовтъ, Александръ Людвиговичъ, былъ дежурный штабный офицеръ при Тимоѳеевѣ; учился вмѣстѣ съ Гоголемъ въ Нѣжинѣ (см. „Лицей кн. Безбородко", отд. 2, стр. CXXXII), изъ черниговской губ. (отецъ его командовалъ полкомъ въ Глуховѣ).

[2]) А. С. Данилевскій называлъ мнѣ нѣсколько лицъ, послужившихъ, по его предположенію, прототипами нѣкоторыхъ произведеній Гоголя: Акакій Акакіевичъ — Юдинъ, о которомъ онъ часто разсказывалъ Гоголю. Юдинъ заходилъ къ нимъ. Это было несчастнѣйшее созданіе. Маниловъ — Юрьевъ, Василій Ивановичъ, былъ женатъ на двоюродной сестрѣ А. С. Данилевскаго. Чичиковъ — общій знакомый въ началѣ 30-хъ годовъ. П. П. Пѣтухъ — Ѳедоръ Акимовичъ Данилевскій. Онъ былъ полковникъ. Въ 1812 году ему оторвало обѣ ноги. Императоръ Александръ Павловичъ заказалъ ему деревянныя ноги, которыя были сдѣланы такъ искусно, что онъ могъ ходить совершенно свободно, безъ костылей. Государь, узнавъ объ его тяжеломъ положеніи, принялъ подъ свое покровительство; прибавилъ ему столовыхъ. Онъ считался на службѣ, получалъ чины.

говорилъ, но не выносилъ, чтобы кто-нибудь начиналъ съ нимъ рѣчь объ этомъ предметѣ.

Многіе не мало упрекали Гоголя въ эгоизмѣ, черствости характера, неспособности любить и внушать къ себѣ любовь. Тутъ есть очевидное недоразумѣніе, которое устраняется уже извѣстными данными о теплой привязанности его къ сотоварищамъ-нѣжинцамъ. Нельзя не обратить вниманіе на то, что всѣ нареканія на личный характеръ Гоголя исключительно исходятъ отъ людей, знавшихъ его весьма поверхностно, тогда какъ друзья вспоминали и вспоминаютъ о немъ не иначе, какъ съ самымъ теплымъ, искреннимъ чувствомъ, рѣшительно протестуя противъ почти установившагося взгляда на его характеръ. Это обстоятельство само по себѣ представляетъ фактъ, заслуживающій болѣе внимательнаго къ нему отношенія, нежели то, которое нерѣдко встрѣчалось въ нашей печати. Необходимо прежде всего установить различіе между тѣми источниками, изъ которыхъ мы получаемъ свѣдѣнія о характерѣ Гоголя — и тогда ясно обнаружится бросающееся въ глаза различіе между источниками двухъ разрядовъ: между воспоминаніями людей, дѣйствительно знавшихъ Гоголя, и тѣхъ, которые были ему чужды, и которымъ онъ, съ своей стороны, былъ также чуждъ. Послѣднимъ дѣйствительно Гоголь представлялся всегда и безусловно въ несимпатичномъ свѣтѣ. Причина заключалась, очевидно, въ томъ, во-первыхъ, что люди, мало знавшіе Гоголя и притомъ лишь въ послѣдніе годы его жизни, имѣли случай соприкасаться исключительно съ тяжелыми сторонами его характера — высокомѣріемъ, заносчивостью, раздражительностью, болѣзненной капризностью, наконецъ, съ непрощаемымъ обыкновенно отчужденіемъ отъ общества, — и, конечно, всѣ эти стороны легко могли производить на многихъ отталкивающее впечатлѣніе. Во-вторыхъ, здѣсь не мало виновата была и врожденная скрытность Гоголя и какая-то холодная необщительность въ обращеніи съ мало знакомыми ему людьми, — черта, въ единогласномъ признаніи которой сходятся всѣ, кто знали его.

Мы укажемъ въ частности на интересныя воспоминанія о Гоголѣ Н. В. Берга[1]), какъ на такія, изъ которыхъ очевидно, что авторъ зналъ Гоголя исключительно съ внѣшней

---

[1]) «Русская Старина», 1882, 1, 118—128.

стороны. Воспоминанія такого рода должны быть весьма интересны и цѣнны, но только какъ свидѣтельство о томъ, какимъ *обыкновенно казался* Гоголь людямъ, знавшимъ его не особенно близко. Такъ, мы читаемъ у него такія строки о Гоголѣ: „Даже близкіе знакомые хозяина, у кого жилъ Гоголь, должны были знать, какъ вести себя, если неравно съ нимъ встрѣтятся и заговорятъ. Имъ сообщалось, между прочимъ, что Гоголь терпѣть не можетъ говорить о литературѣ, въ особенности о своихъ произведеніяхъ, а потому никоимъ образомъ нельзя обременять его вопросами: „что̀ онъ теперь пишетъ?“ и проч. Но вѣдь надо вспомнить, что все это Бергъ передаетъ о томъ времени, когда такъ туго работало вдохновеніе Гоголя, и когда второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ подвигался до крайности медленно: въ это время подобные вопросы жестоко растравляли его душевныя раны, и друзья Гоголя поступали очень умно и деликатно, заботливо ихъ отъ него отстраняя. Кромѣ того, Гоголь всегда сильно раздражался празднымъ любопытствомъ людей толпы, желавшихъ видѣть его, познакомиться и поговорить съ нимъ, для того, чтобы имѣть потомъ случай разсказывать о своей бесѣдѣ съ замѣчательнымъ человѣкомъ. Въ одномъ письмѣ къ С. Т. Аксакову (еще до такъ-называемаго перелома) Гоголь съ отвращеніемъ жаловался на опротивѣвшіе ему въ Маріенбадѣ вопросы: „чѣмъ вы подарите насъ новенькимъ?“ и „который стаканъ пьете?“ [1]) Вопросы эти такъ допекли его, что, по его словамъ, онъ отъ нихъ „улепетывалъ по проселочнымъ дорожкамъ“. Какъ Пушкина выводило изъ себя то, что на него стекаются смотрѣть, какъ на собаку Мунито, такъ еще несравненно сильнѣе должно было стѣснять наивно допрашивающее любопытство поклонниковъ застѣнчиваго отъ природы и избѣгавшаго незнакомаго общества Гоголя. Его болѣзненная, исполненная причудъ натура тѣмъ легче могла казаться непривлекательною холодному, праздно-любопытствующему взгляду посторонняго наблюдателя. Едва ли нужно говорить, что для насъ важно выяснить внутренній міръ Гоголя, а разсказы о внѣшнихъ проявленіяхъ его характера могутъ имѣть только значеніе болѣе или менѣе интереснаго матеріала. Если Гоголь былъ натура сложная, въ чемъ никто,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 408.

кажется, не сомнѣвается, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, какъ далеки отъ истинной характеристики летучія замѣчанія о немъ современниковъ, столкнувшихся съ нимъ разъ-другой въ обществѣ. Вотъ, напр., какъ Бергъ изображаетъ Гоголя во время чтенія Щепкинымъ одного изъ его сочиненій. „Просидѣвъ *совершеннымъ истуканомъ*, въ углу, рядомъ съ читавшимъ, часъ или полтора, со взглядомъ, устремленнымъ въ неопредѣленное пространство, — онъ всталъ и скрылся". Слова эти краснорѣчиво говорятъ намъ, что въ обществѣ незнакомыхъ людей Гоголь терялъ иногда очень много, не оправдывая тѣхъ ожиданій, съ которыми приступали его экспериментировать, но кто же рѣшится предположить серьезно, что Гоголь не казался, но и былъ дѣйствительно „истуканомъ".

Итакъ, для людей, мало знавшихъ Гоголя, была видна только его внѣшность, оболочка. Судить о его характерѣ по ихъ разсказамъ такъ же невозможно, какъ странно было бы искать разъясненія существенныхъ сторонъ личности Лермонтова въ анекдотахъ о томъ, какъ онъ гнулъ шомпола. Вотъ почему, намъ кажется, прежде окончательнаго приговора о характерѣ Гоголя, необходимо ознакомиться съ его отношеніями къ друзьямъ, которымъ, безъ сомнѣнія, Гоголь былъ лучше извѣстенъ. Невозможно допустить, конечно, чтобы такіе друзья его, какъ Плетневъ, Жуковскій, Репнины, Смирнова, ограничивались въ своихъ отношеніяхъ къ Гоголю только будто бы безсмысленно раболѣпнымъ куреніемъ ѳиміама, который Гоголь принималъ съ какой-то нелѣпой и противной важностью. Нельзя забывать, что друзья Гоголя были люди избранные, которыхъ никто, конечно, не рѣшится смѣшать съ толпой, а нѣкоторые изъ нихъ были, несомнѣнно, людьми замѣчательными. Думать, что всѣ они только „пересаливали", восхваляя и прославляя Гоголя паче мѣры и безъ разсужденія, какъ полагали нѣкоторые, представляется намъ, по меньшей мѣрѣ, рискованнымъ.

Изученіе отношеній Гоголя къ Данилевскому особенно интересно и поучительно именно потому, что оно не можетъ не убѣдить каждаго безпристрастнаго человѣка, что въ сущности Гоголь имѣлъ доброе сердце и былъ способенъ любить горячо. Еслибы привести изъ писемъ сплошь цѣлый рядъ мѣстъ, въ которыхъ высказалась его сильная привязанность

къ Данилевскому, то ихъ отношенія, быть можетъ, вызвали бы съ чьей-нибудь стороны упреки въ нѣкоторой сентиментальности. Въ этихъ интимныхъ письмахъ Гоголь любилъ выражать свои чувства съ свойственнымъ ему лиризмомъ. „Пусть мы встрѣтимъ нашу юность, наши живыя, молодыя лѣта, наши прежнія чувства, нашу прежнюю жизнь, — пусть же все это мы встрѣтимъ въ нашихъ письмахъ! Пусть хотя тамъ мы предадимся лирическому сердечному изліянію, котораго бѣднаго гонятъ, которому заклятые враги — пошлость глупѣйшаго провожденія времени“ и проч. [1]) И дѣйствительно, иногда у него вырываются восклицанія, полныя лиризма, показывающія, какъ сильно любилъ онъ Данилевскаго (а Бергъ сказалъ: „дѣйствительнаго друга у Гоголя, кажется, не было во всю жизнь“ [2]), забывая не только о Данилевскомъ, но и о Прокоповичѣ и другихъ). Не говоря о безкорыстныхъ попеченіяхъ Гоголя о Данилевскомъ за границей и о его истинно дружеской преданности послѣднему, о которой Данилевскій не могъ вспоминать безъ глубокаго и отраднаго чувства, отмѣтимъ лишь нѣкоторыя болѣе яркія проявленія любви къ Данилевскому въ письмахъ Гоголя. Когда Гоголю предстояла продолжительная разлука съ Данилевскимъ, онъ получилъ отъ послѣдняго неожиданное письмо, въ которомъ ему вновь блеснула надежда увидѣть своего друга, и онъ тотчасъ написалъ ему: „Я уже было-простился съ тобою, уже, холодно сжавши сердце, *приготовилъ на одиночество остатокъ своей жизни*. Теперь опять виденъ мнѣ лучъ надежды тебя увидѣть“ [3]). Въ другой разъ онъ говорилъ: „Боже мой! еслибы я былъ богатъ, я бы желалъ, чтобы остальные дни мои я провелъ съ тобою вмѣстѣ“ [4]). Въ тяжелую годину для Данилевскаго, когда онъ потерялъ нѣжно любившую его мать, Гоголь обнаружилъ самое задушевное участіе къ его горю. Утѣшая

[1]) Соч. Гоголя, изд. Кул., V, 358. Нельзя также согласиться и съ мнѣніемъ Ѳ. Уманца въ его, впрочемъ, дѣльномъ и безпристрастномъ предисловіи къ «Неизданнымъ письмамъ Гоголя» («Древняя и Новая Россія», 1875, I, 58), что «скука и пустота общественной жизни» (русской, 40-хъ годовъ) «дѣйствовали на впечатлительную натуру Гоголя отупляющимъ образомъ»: Уманецъ забываетъ, что Гоголь, живя за границей, мало вращался въ тогдашнемъ нашемъ обществѣ, и если вращался, то въ кругу Жуковскаго, Смирновыхъ и Віельгорскихъ.

[2]) «Русск. Стар.», 1872 г., I, 118.

[3]) V, 334.

[4]) V, 353.

его, онъ говорилъ между прочимъ: „Письмо твое пахнетъ унынiемъ, даже чтобы не сказать отчаянiемъ и припадками рѣшительной безнадежности. Мнѣ кажется только, что послѣднимъ двумъ слишкомъ рано предаваться. Неужели тебѣ ужъ рѣшительно ничего не остается на свѣтѣ, которое бы тебя привязывало? Погоди, по крайней мѣрѣ, покамѣстъ я умру, тогда ужъ можешь предаться имъ"[1]). Въ другомъ письмѣ, увѣряя друга, что для него полезенъ „страшный переломъ, который почли нужнымъ высшiя силы", и что „можетъ быть, исполненныя сильной горести слезы были для оживленiя души", — „во всякомъ случаѣ" — прибавляетъ Гоголь, — „твой старый, вѣрный, неразлучный съ тобою другъ временъ первой молодости, другъ, съ которымъ, можетъ быть, ты не увидишься больше, заклинаетъ тебя такъ думать и такъ поступать согласно съ этой мыслью. Эти слова мои должны быть для тебя священными и имѣть силу завѣщанiя. По крайней мѣрѣ знай, что, если мнѣ придется разстаться съ этимъ мiромъ, *гдѣ такъ много привелось вкуситъ прекрасныхъ, божественныхъ минутъ*, и болѣе половины съ тобою вмѣстѣ, то это будутъ послѣднiя мои слова къ тебѣ"[2]). По поводу приведенныхъ словъ можно предвидѣть упрекъ въ аффектацiи, хотя едва ли рѣшится сдѣлать его тотъ, кто возьметъ на себя трудъ припомнить прочувствованныя лирическiя мѣста въ произведенiяхъ Гоголя и даже въ „Перепискѣ съ друзьями". Выставляя на общественный судъ дошедшiя до насъ строки нашихъ писателей, мы не должны подвергать ихъ профанацiи сужденiя на свой аршинъ или циническому и ни на чемъ не основанному заподозриванiю въ искренности чувствъ, вылившихся въ интимныхъ письмахъ. Мы можемъ и должны обсуждать ихъ безпристрастно, но съ ними необходимо обращаться съ извѣстной осторожностью и деликатностью, которыхъ требуетъ уваженiе не только къ личности ихъ, какъ выдающихся писателей, но и просто какъ людей.

Впрочемъ мы будемъ еще имѣть случай постепенно разъяснить данный вопросъ, а пока, слѣдуя хронологическому порядку, передадимъ записанныя Кулишомъ воспоминанiя о встрѣчѣ Гоголя въ 1848 г. съ Чижовымъ.

---

1) V, 377.
2) V, 327.

„Вотъ что̀ говоритъ о послѣднихъ встрѣчахъ съ нимъ его университетскій товарищъ, Ѳ. В. Чижовъ:

„Послѣ Италіи мы встрѣтились съ нимъ въ 1848 году въ Кіевѣ, и встрѣтились истинными друзьями. Мы говорили мало, но разбитой тогда и сильно больной душѣ моей стала понятна болѣзнь души Гоголя... Мы встрѣтились у А. С. Данилевскаго, у котораго остановился Гоголь и очень искалъ меня; потомъ провели вечеръ у М. В. Юзефовича. Гоголь былъ молчаливъ, только при разставаніи онъ спросилъ меня, не можемъ ли мы сойтись на другой день рано утромъ въ саду. Я пришелъ въ общественный садъ рано, часовъ въ 6 утра; тотчасъ же пришелъ и Гоголь. Мы много ходили по Кіеву, но много молчали; несмотря на то, не знаю, какъ ему, а мнѣ было пріятно ходить съ нимъ молча. Онъ спросилъ меня, гдѣ я думаю жить? — Не знаю, говорю я: вѣроятно, въ Москвѣ.

— „Да“, отвѣчалъ мнѣ Гоголь: — „кто сильно вжился въ жизнь римскую, тому послѣ Рима только Москва и можетъ нравиться.

„Тутъ, не помню, въ какихъ словахъ, онъ передалъ мнѣ, что любитъ Москву и желалъ бы жить въ ней, если позволитъ здоровье. Мы назначили вечеромъ сойтись въ Лаврѣ, но тамъ видѣлись только на нѣсколько минутъ: онъ торопился.

„Въ Москвѣ — помнится мнѣ, въ 1849 году — мы встрѣчались часто у Хомякова, гдѣ я бывалъ всякій день, и у Смирновыхъ. Онъ тоже былъ всегда молчаливъ, и тогда уже видно было, что онъ страдалъ. Однажды мы сошлись съ нимъ подъ вечеръ на Тверскомъ бульварѣ.

— „Если вы не торопитесь“, говорилъ онъ: — „проводите меня до конца бульвара“.

Заговорили мы съ нимъ объ его болѣзни.

— „У меня все разстроено внутри“, сказалъ онъ: — „Я, напримѣръ, вижу, что кто-нибудь споткнулся; тотчасъ же воображеніе за это ухватится, начнетъ развивать — и все въ самыхъ страшныхъ призракахъ. Они до того меня мучатъ, что не даютъ мнѣ спать и совершенно истощаютъ мои силы“ [1]).

---

1) «Записки о жизни Гоголя», т. II, стр. 240—241.

CXXII.

Мы говорили, что все лѣто 1848 г. до глубокой осени провелъ Гоголь частью у себя въ Васильевкѣ, частью у Данилевскаго и Марковича (въ Дубровномъ у Данилевскаго и въ Сварковѣ у Марковича). Совершенно отрѣзанный отъ сношеній съ остальнымъ міромъ и пріятно забываясь въ родственной сферѣ, посреди мѣстъ, напоминавшихъ о дѣтствѣ, Гоголь почти не велъ переписки и отдыхалъ отъ всякихъ заботъ и волненій. Но еще въ серединѣ лѣта у него была постоянная мысль о свиданіи съ Смирновой и Віельгорскими, которые находились въ Петербургѣ. Въ половинѣ іюня онъ извѣщаетъ Прокоповича и Анну Михайловну Віельгорскую о предполагаемомъ пріѣздѣ въ концѣ августа. Планы его на будущее опредѣлялись попрежнему желаніемъ увидѣться съ друзьями и пожить съ ними вмѣстѣ. Сначала онъ ждалъ въ Москву Жуковскаго, съ которымъ хотѣлъ поселиться и котораго уговаривалъ даже купить подмосковную; но предположенія Жуковскаго измѣнились и Гоголь уже не такъ жадно, какъ прежде, стремился въ древнюю столицу. Впрочемъ его все же сильно привлекало туда семейство Аксаковыхъ и можетъ быть, пріятная перспектива свиданія съ Шевыревымъ, отношенія къ которому Гоголя съ нѣкоторыхъ поръ стали искреннѣе и теплѣе. Во всякомъ случаѣ его тянуло преимущественно въ Петербургъ, но раньше онъ хотѣлъ заѣхать въ Москву[1]). До него доносились тревожные слухи и объ Смирновой, а равно и собственное письмо ея было полно обычной хандры. Годъ тому назадъ Гоголь старался уяснить себѣ причину немилости Провидѣнія къ Смирновой и задавалъ себѣ и ей наивный вопросъ: „не могу объяснить себѣ причинъ вашей болѣзни, не могу понять, зачѣмъ вы такъ долго болѣете"?[2])
Когда у Александры Осиповны родился сынъ Михаилъ, то

---

[1]) Въ Москву Гоголя усиленно и вполнѣ дружески звалъ Шевыревъ, обрадованный его возвращеніемъ въ Россію (см. Отчетъ Имп. Пуб. Библ. за 1893, 58 и 60). Онъ между прочимъ писалъ, что пока онъ будетъ на дачѣ въ Сокольникахъ, къ услугамъ Гоголя будетъ весь домъ съ садомъ. «Здѣсь, (т.-е. въ Москвѣ) мы живемъ тѣсно. Можетъ быть, ты найдешь дачу возлѣ насъ. Въ концѣ августа мы переѣдемъ въ Москву, тогда наша дача къ твоимъ услугамъ, пожалуй, ибо мы наняли ее до нельзя, т.-е. до самой поздней осени».

[2]) Соч. и письма Гог. т. VI, стр. 397.

на этотъ вопросъ явился тотчасъ же своеобразный отвѣтъ въ мистическомъ вкусѣ: „вѣроятно, онъ родился затѣмъ, чтобы доказать самымъ рожденіемъ своимъ, какъ Богу все возможно и какъ онъ не выдаетъ того, кто обратится къ нему". Продолжая свое мистическое разсужденіе, Гоголь пояснялъ Смирновой: „помните, какъ всегда вы боялись родовъ, какъ самое ваше болѣзненное состояніе говорило вамъ, что вы никакимъ образомъ не въ силахъ будете родить, и вотъ теперь у васъ сынъ, и вы сами, слава Богу, едва ли стали еще не крѣпче. Итакъ кто равенъ Богу?" [1]) Но теперь подобныя утѣшенія не могли сойти съ языка Гоголя, и онъ ограничивается простымъ, безхитростнымъ и непритязательнымъ стараніемъ успокоить своего страдающаго друга: „бодритесь и крѣпитесь духомъ, или лучше — сложите руки крестомъ и произносите: „да будетъ воля Твоя, Господи!"" [2]). Не менѣе, чѣмъ съ Смирновой, хотѣлъ Гоголь повидаться и съ Віельгорскими; объ его встрѣчахъ съ Толстыми въ данное время мы, къ сожалѣнію, ничего не можемъ сказать. Кромѣ того онъ хотѣлъ видѣть Плетнева и Прокоповича.

Выѣхавъ изъ Малороссіи въ первыхъ числахъ сентября, Гоголь вскорѣ очутился въ Москвѣ и тотчасъ же выѣхалъ въ Петербургъ. Въ письмахъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой сохранилась замѣтка о его проѣздѣ черезъ Москву отъ 30 сентября: „Гоголь теперь въ Петербургѣ. Онъ былъ въ Москвѣ, мы его видѣли; онъ мало наружно перемѣнился, но кажется такъ, какъ будто не тотъ Гоголь". По свидѣтельству В. С. Аксаковой, отъ прежнихъ неудовольствій при первыхъ же встрѣчахъ не осталось и тѣни [3]).

Въ „безпутномъ Петербургѣ", какъ называетъ его Гоголь, среди столичной суеты и благодаря разнымъ помѣхамъ, онъ едва успѣлъ ненадолго видѣть Смирнову и не могъ съ ней наговориться по душѣ. Зато гораздо счастливѣе повезло ему у Віельгорскихъ. Въ продолженіе короткаго, приблизительно двухнедѣльнаго срока онъ долженъ былъ часто бывать у нихъ, судя по вынесеннымъ имъ наблюденіямъ и по продолжительнымъ его бесѣдамъ съ Анной Михайловной о сущности

---

1) Тамъ же, стр. 411.
2) Стр. 461.
3) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 184.

истинно-русскаго характера, о желаніи Анны Михайловны сдѣлаться русской въ лучшемъ смыслѣ слова и проч. Бесѣды были настолько живы и увлекательны для всего семейства, что возникла мысль о „русскихъ занятіяхъ“ подъ руководствомъ Соллогуба и Гоголя, который обѣщалъ начать ихъ въ слѣдующій пріѣздъ и даже замышлялъ какія-то лекціи или бесѣды по поводу второго тома „Мертвыхъ Душъ“. Много новыхъ и чрезвычайно привлекательныхъ сторонъ открылось Гоголю въ Аннѣ Михайловнѣ. Такъ онъ писалъ Смирновой: „у Анны Михайловны было такъ много прекрасныхъ матеріаловъ! Ея нынѣшнее состояніе душевное, мнѣ кажется, должно болѣе преклонить къ участію въ ней, чѣмъ къ порицанію. Отъ долговременной борьбы съ собой, или лучше сказать — съ хандрой своей, она утомилась и устала. Чувствуя это временное безсиліе свое, она не борется, не дѣйствуетъ и покорилась, дала увлекать себя этому минутному развлеченью свѣта, какъ покорились вы невиннымъ временнымъ развлеченіямъ, въ родѣ игры въ карты и (тому) подобное. Тѣмъ не менѣе ея положеніе опасно. Она дѣвица, надѣлена большимъ избыткомъ воображенія. Ея слова меня испугали, когда она сказала мнѣ: „Я хотѣла бы, чтобы меня что-нибудь схватило и увлекло: я не имѣю собственныхъ силъ“. Старайтесь быть съ ней какъ можно чаще“. Тотчасъ послѣ этихъ словъ вылилась и сильно запавшая въ душу Гоголя мысль: „говорите съ ней больше всего о томъ, что̀ ближе всего должно быть сердцу русскаго человѣка“[1]). Но Гоголь упустилъ изъ виду въ своемъ увлеченіи, что Александрѣ Осиповнѣ въ то время было совсѣмъ не до чужихъ дѣлъ и даже, пожалуй, не до него: она вся была поглощена непріятностями, возникшими по поводу слѣдственнаго дѣла надъ ея мужемъ. Обыкновенно равнодушная къ дѣламъ мужа и охладѣвшая давно ко всему на свѣтѣ, она встрепенулась подъ вліяніемъ несчастія. Ее не могла не возмущать безсовѣстная клевета на мужа со стороны предводителя подольскаго дворянства Ершова, впослѣдствіи раскрытая судебнымъ слѣдствіемъ. Вся семья Смирновыхъ жила тогда интересами настоящей минуты и съ волненіемъ слѣдила за ходомъ дѣла, такъ что даже теперь, по прошествіи почти полустолѣтія, дочь Александры Осиповны,

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 473.

Ольга Николаевна, посвятила не мало мѣста разъясненію относящихся сюда подробностей въ примѣчаніяхъ къ печатавшимся въ „Русской Старинѣ" письмамъ ея матери[1]). Съ самаго начала слѣдственнаго дѣла письма Смирновой совершенно чужды прежняго мистицизма, который естественно не устоялъ передъ реальными интересами и заботами и становился теперь едва ли не досаднымъ воспоминаніемъ. Смирнова теперь не въ состояніи ни о чемъ думать и говорить, какъ только о своемъ горѣ. Она почти насильно заставляетъ себя поддерживать сколько-нибудь прежнія благочестивыя упражненія, но это ей не удается и она тотчасъ возвращается къ обычной темѣ. Какъ будто изъ приличія и нехотя она отрывается отъ волнующихъ мыслей, и только на одинъ мигъ; такъ въ серединѣ одного длиннаго письма она говоритъ: „я, по вашей рекомендаціи, читаю „Христіанское Чтеніе" и съ большимъ наслажденіемъ. Странное существо человѣкъ! *Читаю и скучаю тѣмъ, что не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ,* а писать не умѣю. Вы, можетъ быть, не испытали, что̀ такое такъ быть одной, какъ я въ моемъ положеніи, гдѣ всякое слово, мною сказанное, принимается какъ оскорбленіе, какъ желаніе выказать себя, отличить себя. Мои сношенія съ вами, мой греческій языкъ мнѣ ставятъ въ укоръ. Приправляютъ всѣ рѣчи такъ: „какъ же вамъ заниматься дрязгами хозяйства? съ вашимъ ли умомъ?" [2]) Вотъ что̀ затрогивало ее теперь за живое: слѣдствіе, интриги, сплетни, охватившія ее со всѣхъ сторонъ. Понятно, что въ настоящую минуту Гоголь со своей бесѣдой и съ своими интересами былъ ей уже достаточно чуждъ, и ихъ отношенія держались на воспоминаніяхъ о прежней дружбѣ. Стоитъ только припомнить, какъ прежде принимались ею его наставленія и совѣты, и какъ теперь, въ годину дѣйствительнаго, а не воображаемаго горя приходились некстати такія утѣшенія, какъ напр.: „гадостей, какъ видно, около васъ не мало: но какъ же быть? не будь ихъ, не достигнуть намъ и царствія небеснаго. Какъ разъ забудетъ человѣкъ, что онъ здѣсь затѣмъ, чтобы нести крестъ. Что̀ же касается до сплетней, то не позабывайте, что ихъ распу-

---

[1]) См. эти письма Смирновой къ Гоголю въ «Русской Старинѣ», 1890, XI—XII.

[2]) «Русск. Стар.», 1890, XI, 360.

скаетъ чортъ, а не люди"[1]). Но едва ли это могло успокоить Смирнову и поставить ее превыше всего земного, и недаромъ подобныя разсужденія не только не встрѣчаютъ въ ней былого сочувствія, но совершенно позабываются и игнорируются въ отвѣтныхъ письмахъ. Конечно, не безъ причины Гоголь жаловался на то, что Смирнова съ нимъ мало видѣлась во время его пріѣзда въ Петербургъ: просто ее не то тогда занимало[2]). По той же причинѣ она почти не видалась и съ Віельгорскими и относилась къ нимъ очень формально. На просьбу Гоголя заботиться объ Аннѣ Михайловнѣ Смирнова только могла отвѣтить: „У Віельгорскихъ я была однажды, графиня была въ постели и не приняла, и съ тѣхъ поръ не выѣзжаю болѣе. Постараюсь исполнить ваше порученіе касательно Нози[3]), но едва ли это мнѣ удастся; надобно бы очень часто видѣться съ ней для этого, а графиня ее одну не пуститъ ко мнѣ, сама же всегда пріѣзжаетъ на минуту"[4]).

Такимъ образомъ соединилось много обстоятельствъ, отвлекавшихъ Гоголя отъ Смирновой и напротивъ сосредоточивавшихъ его на отношеніяхъ къ Аннѣ Михайловнѣ Віельгорской, которая теперь такъ сильно привлекла его вниманіе, что переписка Гоголя съ остальными лицами почти прекращается, но дѣятельно поддерживается только съ нею. Письма Гоголя въ 1849 г. занимаютъ въ изданіи Кулиша менѣе двадцати страницъ, если исключить нѣсколько страницъ письма къ Жуковскому о Палестинѣ, неправильно отнесеннаго къ этому году, тогда какъ простое сопоставленіе съ отвѣтомъ Жуковскаго, недавно напечатанномъ въ „Сборникѣ Общества любителей россійской словесности на 1891 г.", ясно показываетъ, что это письмо неправильно отнесено *по предположенію* г. Кулишомъ къ 1849 и на самомъ дѣлѣ относится къ 1850[5]). Правда изъ письма Жуковскаго видно, что онъ долго

---

[1]) Соч. и письма Гог. т. VI, 494—495. Ср. подобныя мнѣнія въ VI, т. стр. 511 и въ воспоминаніяхъ Д. К. Малиновскаго, «Нѣчто о Гоголѣ» («Русскій», газета М. П. Погодина, 1868 г. № 22, фельетонъ).

[2]) См. относящійся къ этому времени отзывъ ея о Гоголѣ въ воспоминаніяхъ Колмакова («Русск. Стар.», 1891, VII, 144—145).

[3]) Такъ называли въ семьѣ Анну Михайловну.

[4]) «Русск. Стар.», 1890, XI, 355—356.

[5]) Ср. соч. и письма Гог. VI, 477—481 и Сборникъ Общества любит. россійской словесн. на 1891 г., 22.

не отвѣчалъ Гоголю, но въ письмѣ, напечатанномъ въ январской книгѣ „Русской Старины“[1]) и относящемся къ 1849 г. читаемъ: „Милый Гоголекъ! я не отвѣчалъ на послѣднія письма твои, потому что не люблю мистификацій. Изъ этихъ трехъ письменныхъ инфузорій, которыя я получилъ отъ тебя со времени нашей разлуки, я, какъ ни силился не могъ склеить и половины порядочной записки. Не знаю, найдешь ли способъ себя оправдать передъ собою и передо мною“[2]) Напротивъ послѣ письма Гоголя о Палестинѣ Жуковскій долго не отвѣчалъ ему и извинялся, говоря: „вотъ ужъ теперь моя очередь передъ тобой винится“ и проч.[3]).

Но независимо отъ этого, самое содержаніе переписки Гоголя въ 1849 г. было совершенно незначительное и безцвѣтное, тогда какъ напротивъ его переписка съ Анной Михайловной Віельгорской была въ то время наиболѣе оживленной и письма были содержательныя и обширныя. Поэтому, отложивъ на нѣкоторое время краткій обзоръ остальной переписки Гоголя въ 1849 г. со включеніемъ еще не бывшей въ печати корреспонденціи къ нему разныхъ лицъ, остановимся подробнѣе на отношеніяхъ его къ графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Віельгорской.

CXXIII.

Поѣздка въ Іерусалимъ въ первой половинѣ 1848 годъ надолго отвлекла Гоголя отъ всѣхъ земныхъ помысловъ, но зато по возвращеніи на родину лѣтомъ того же года онъ тотчасъ же возобновилъ прежнія отношенія съ Віельгорскими. Анна Михайловна въ это время предавалась съ увлеченіемъ занятіямъ русскимъ языкомъ и литературой. Живо сознавая недостатокъ національнаго элемента въ своемъ образованіи, она хотѣла во что бы то ни стало пополнить его хотя въ среднихъ годахъ[4]). Ей неловко и совѣстно было за промахи

---

1) 1889 года.

2) «Русск. Стар.» 1889, I, 147. Три письма, упоминаемыя здѣсь, не отъ февраля 28/16 1848 г. ибо это письмо большое и на него былъ отвѣтъ Жуковскаго (см. Отчетъ Импер. Публич. Библ. за 1887 г., прилож. стр. 64), но отъ 6 апр. 15 іюня и 3 апр. 1849. Притомъ см. извиненіе Гог. отъ 14 мая 1849 г. (Соч. и письма Гог. VI, 487).

3) Сборн. Общ. любителей россійск. слов. на 1891, 22 и «Русск. Стар»., 18°9, I, 147.

4) Въ 1848 году Аннѣ Михайловнѣ было около 25 лѣтъ.

въ своихъ письмахъ противъ правилъ русскаго языка и правописанія, и она рѣшилась преодолѣть всѣ трудности, чтобы избѣгнуть этихъ практическихъ неудобствъ. Но стремленія ея шли глубже: подъ вліяніемъ отчасти Гоголя она задумала сдѣлаться русской душою. Къ этому намѣренію, узнавъ о немъ, Гоголь отнесся съ горячимъ сочувствіемъ: самыя интересныя письма его къ Віельгорскимъ относятся къ этому глубоко интересовавшему его вопросу. Видно, что Гоголь много думалъ о немъ и теперь для него представился случай высказать свои убѣжденія. Обстоятельства, повидимому, благопріятствовали плану Анны Михайловны: Соллогубъ, воодушевленный желаніемъ помочь ей, принялъ на себя руководство „русскими занятіями“ жены и свояченицы. Какъ всегда и во всемъ, онъ сначала горячо взялся за дѣло и добросовѣстно приготовлялся къ лекціямъ, предполагая даже со временемъ обработать ихъ и составить полный курсъ. Съ своей стороны Гоголь собирался пріѣхать изъ Москвы и начать лекціи съ бесѣды о „Мертвыхъ Душахъ“. „Напишите“, — просилъ онъ, — „какъ распоряжается мой адъюнктъ-профессоръ“ (т.-е., конечно, Соллогубъ) „и въ какомъ порядкѣ подаетъ вамъ блюда. Я очень увѣренъ, что онъ вамъ скажетъ очень много хорошаго и нужнаго, и въ то же время увѣренъ, что и мнѣ останется мѣсто вставить въ свою рѣчь и прибавить что-нибудь такого, что̀ онъ позабудетъ сказать. Это зависитъ не отъ того, чтобы я больше его былъ начитанъ и уменъ, но отъ того, что всякій сколько-нибудь талантливый человѣкъ имѣетъ свое оригинальное, собственно ему принадлежащее чутье, вслѣдствіе котораго онъ видитъ цѣлую сторону, другимъ не примѣченную“[1]).

Заботы Гоголя объ Аннѣ Михайловнѣ были весьма разносторонни, начиная съ попеченій объ ея здоровьѣ. („Ради Бога, не сидите на мѣстѣ болѣе полутора часа, не наклоняйтесь на столъ: ваша грудь слаба. Не танцуйте вовсе, особенно бѣшеныхъ танцевъ“[2]). Зная, что Анна Михайловна любитъ рисовать, Гоголь совѣтуетъ ей употребить свою кисть на прославленіе Божіе и изображеніе ликовъ святыхъ угодниковъ. Услышавъ о желаніи Віельгорскихъ заняться ботаникой, Гоголь собираетъ сочиненія по флорѣ и высылаетъ

---

[1]) «Вѣстн. Европы», 1889, XI, стр. 133.

[2]) Стр. 134.

ихъ въ видѣ подарка. Онъ же рекомендуетъ книги для чтенія и изученія, причемъ особенно указываетъ на произведенія нашей старинной литературы и совѣтуетъ для пониманія ихъ приняться за изученіе церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, высказывая при этомъ довольно узкіе руководящіе взгляды. Мысли Гоголя о „Домостроѣ" чрезвычайно любопытны въ томъ отношеніи, что онѣ показываютъ, въ какомъ направленіи онъ сталъ бы работать, подготовляя матеріалы для „Мертвыхъ Душъ", если бы его жизнь продлилась. Г. Чижовъ основательно охарактеризовалъ міросозерцаніе Гоголя во время его работы надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ", и нельзя не видѣть, что оно было довольно согласно съ наставленіями „Домостроя". Г. Чижовъ утверждалъ, что Гоголь проповѣдовалъ „утилитаризмъ, очерченный заколдованнымъ кругомъ матеріальнаго довольства": „Гоголь" — говорилъ онъ — „училъ помѣщика наполнять свой день физическимъ трудомъ, подавая въ этомъ примѣръ окружавшему его населенію. Какъ бы ни было подъ часъ трудно ихъ положеніе, но послѣ трудового дня, и помѣщикъ, и крестьяне разойдутся успокоенные и умиротворенные, заглушивъ въ себѣ безплодную тревогу ума. Отреченія отъ собственной мысли и воли и подчиненіе ихъ внѣшнему авторитету возводилось въ принципъ. Пускай всѣ добровольно несутъ на себѣ свое ярмо, не помышляя объ его тяжести, — и будетъ на землѣ тишь, да гладь, да Божія благодать. Люди будутъ плодиться, множиться и населять землю"[1]). Въ такомъ духѣ, конечно, и дописывались бы „Мертвыя Души" (мы не принимаемъ здѣсь въ соображеніе извѣстныхъ позднѣйшихъ поддѣлокъ). Идеалы „Домостроя" пришлись Гоголю по душѣ: въ нихъ, по его мнѣнію, „слышна возможность основанья гражданскаго на чистѣйшихъ законахъ христіанскихъ"[2]).

Любопытно, что, не удовлетворившись изображеніемъ Костанжогло и желая найти для поэмы болѣе яркія краски, Гоголь сталъ заботиться о томъ, чтобы лучше узнать бытъ русскихъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Однажды напр. Гоголь пишетъ: „Помните, что вы должны сдѣлаться русскою по душѣ, а не по имени. Кстати: *не*

---

1) «Вѣстн. Европы», 1872, VII, 435—436.

2) «Вѣстн. Европы», 1889, XI, 140.

позабудьте же, что вы мнѣ обѣщали всякій разъ, когда встрѣтите Даля, заставить его разсказывать о бытѣ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи. Когда случится вамъ видѣть Плетнева, не забывайте его разспрашивать о всѣхъ русскихъ литераторахъ, съ которыми онъ въ сношеніяхъ. Это люди болѣе русскіе, нежели люди другихъ сословій, и потому вы необходимо узнаете важное такое, что̀ объяснитъ вамъ еще удовлетворительнѣе русскаго человѣка"[1]). Особенно замѣчательно въ данномъ отношеніи письмо къ А. М. Віельгорской отъ 30 марта 1849 г. Письмо это служитъ между прочимъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что взгляды Гоголя послѣ изданія „Переписки“ ни въ чемъ существенно не измѣнились, и вмѣстѣ съ тѣмъ явно указываетъ на отношенія Гоголя къ славянофильству. Несомнѣнная внутренняя связь между идеями писемъ къ А. М. Віельгорской въ концѣ сороковыхъ годовъ и вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“ раскрывается съ полной очевидностью при сколько-нибудь внимательномъ вниканіи, но особенно доказывается высказаннымъ въ одномъ изъ этихъ писемъ предложеніемъ своей корреспонденткѣ читать ей русскія лекціи, сопровождая объясненіемъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“. Лекціи обѣщали быть оригинальными и должны были представлять огромный интересъ, такъ какъ въ нихъ непремѣнно отразилось бы полнѣе и ярче все, что̀ занимало тогда мысли Гоголя. Эти бесѣды могли бы навести на новый обмѣнъ мыслей и во всякомъ случаѣ сохранились бы, хотя въ общихъ чертахъ, въ памяти А. М. Віельгорской, которая, вѣроятно, передала бы о нихъ своимъ домашнимъ, и такимъ образомъ такъ или иначе мы имѣли бы богатый, навсегда утраченный матеріалъ для болѣе глубокаго и обстоятельнаго изученія второго тома. Въ виду чрезвычайной важности этого обстоятельства напомнимъ слѣдующія строки изъ переписки Гоголя съ А. М. Віельгорской: „Послѣ (этихъ лекцій) легче и свободнѣе было бы душѣ моей говорить о многомъ. Много сторонъ русской жизни еще доселѣ не обнаружено ни однимъ писателемъ. Хотѣлъ бы я, чтобы по прочтеніи моей книги люди всѣхъ партій и мнѣній сказали: „онъ знаетъ точно русскаго человѣка; не скрывши ни одного нашего недостатка, онъ глубже всѣхъ почувствовалъ наше

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 135.

достоинство". Хотѣлось бы также заговорить о томъ, о чемъ еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чемъ неясные звуки и намеки были уже разсѣяны въ самыхъ первоначальныхъ моихъ сочиненіяхъ. Ихъ не всякій замѣтилъ"[1]). Такимъ образомъ Гоголь оставался при тѣхъ же самыхъ мечтахъ и надеждахъ, которыя онъ питалъ еще задолго до выхода въ свѣтъ „Переписки"; онъ почти ничего не забылъ и ничему не научился и продолжалъ питать несокрушимую увѣренность, что своимъ вторымъ томомъ и въ томъ числѣ, конечно, изображеніями Муразова и Костанжогло, какъ бы какимъ-то волшебнымъ смычкомъ, ударитъ по самымъ завѣтнымъ струнамъ русскихъ сердецъ и примиритъ всѣ партіи и направленія. Хотя намѣреніе Гоголя комментировать въ своихъ лекціяхъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ" осталось безъ исполненія, но мы можемъ отчасти составить себѣ представленіе о томъ, чѣмъ бы могли быть эти лекціи, по слѣдующему отголоску, представляющему какъ бы резюме или, по крайней мѣрѣ, основной фонъ тогдашнихъ воззрѣній Гоголя. Вотъ что̀ писалъ онъ 30 марта 1849 г. „Что̀ такое сдѣлаться *русскимъ на самомъ дѣлѣ?* Въ чемъ состоитъ привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать на перерывъ, сбрасывая все ей чужое, неприличное и несвойственное. Въ чемъ они состоятъ? Это нужно разсмотрѣть внимательно! Высокое достоинство русской породы состоитъ въ томъ, что она способна глубже, чѣмъ другія, принять въ себя высокое слово евангельское, возводящее къ совершенству человѣка. Сѣмена небеснаго Сѣятеля съ равной щедростью были разбросаны повсюду, но одни попали на проѣзжую дорогу при пути и были расхищены налетавшими птицами; другія попали на камни—взошли, но усохли; третьи—въ терніи—взошли, но скоро были заглушены дурными травами; *четвертыя только* попавшія на добрую почву принесли плоды. Эта добрая почва русская воспріимчивая природа: хорошо взлелѣянныя въ сердцѣ сѣмена Христовы дали все лучшее, что̀ ни есть въ русскомъ характерѣ. Итакъ для того, чтобы сдѣлаться русскими, нужно обратиться къ источнику, прибѣгнуть къ средству, безъ котораго русскій не станетъ въ значеніи высшемъ этого слова. *Можетъ быть*, одному

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1889, XI. 133—134.

русскому суждено почувствовать ближе значеніе жизни" и проч. Все это тѣ же самыя мысли, которыя были высказаны Гоголемъ между прочимъ въ статьѣ „Свѣтлое Воскресеніе" въ „Перепискѣ съ друзьями", точно такъ же, какъ нѣсколько ниже мы встрѣчаемъ уже почти буквальное воспроизведеніе другого мѣста изъ „Переписки", а именно, говоря о „Домостроѣ", Гоголь усматриваетъ въ немъ одно изъ самыхъ отрадныхъ проявленій русскаго духа. „Мы видѣли" — говоритъ онъ — „соединеніе Марѳы и Маріи вмѣстѣ или, лучше, видимъ Марѳу, не ропщущую на Марію, но согласившуюся въ томъ, что она избрала благую часть"[1]) и проч. Но совершенно то же Гоголь говорилъ раньше о нашей церкви въ статьѣ „Просвѣщеніе", гдѣ онъ замѣчаетъ, что „Господь повелѣлъ православной церкви на время какъ бы умереть для міра", католической „на время какъ бы овладѣть всѣмъ міромъ; православной — подобно скромной Маріи, отложивши всѣ попеченія о земномъ помѣститься у ногъ самого Господа, затѣмъ, чтобы послушать словъ его"[2]) и проч.

CXXIV.

Гоголь былъ правдивъ въ своихъ сообщеніяхъ о медленномъ успѣхѣ „Мертвыхъ Душъ", какъ въ остальной перепискѣ, такъ и въ письмахъ къ А. М. Віельгорской. Такъ въ концѣ 1848 г. онъ писалъ ей: „До сихъ поръ какъ-то не устроивалось въ порядокъ ни здоровье, ни жизнь, ни труды и занятія. Впрочемъ говорить такъ — можетъ быть, уже неблагодарность. Все же я не прикованъ къ постели, но хожу и двигаюсь, все же хоть и съ трудомъ, но переношу морозъ и холодъ; все же, хотя и медленно, но движется трудъ и занятія"[3]). Какъ видно, Гоголь доходилъ до нѣкоторой наивности, воображая, что его состояніе чуть не нормальное, и находя естественной такую преждевременную дряхлость. Объясненіе этой черты мы можемъ почерпнуть изъ сопоставленій съ другими письмами. Такъ Гоголь однажды поразилъ и изумилъ Плетнева, нѣкогда считавшаго его юнымъ птенцомъ, сравнивая свой и его возрастъ. „Смѣшно мнѣ" —

---

1) «Вѣст. Евр.» 1889, XI, стр. 140.
2) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 78.
3) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 136.

отвѣчалъ Плетневъ — „что ты свои лѣта равняешь съ моими. Куда же тебѣ соваться тутъ? Вѣдь ты передъ нами молокососъ“ [1]). Также странны были слова Гоголя Смирновой; приглашая Смирнову въ Крымъ зимой 1850 г., Гоголь писалъ: „Вѣдь Крымъ отталкиваетъ только тѣмъ, что нѣтъ людей. Но если соберется человѣка два-три, вы да я, да еще кто-нибудь, право, это будетъ довольно. Мы вѣдь люди уже старые, что̀ намъ за рауты? Вѣдь старики, по настоящему, должны глядѣть другъ на друга да благодарить Бога за все“ [2]). Конечно, такія признанія, повидимому, противорѣчатъ показанію В. А. Соллогуба [3]), что Гоголь былъ влюбленъ въ Анну Михайловну Віельгорскую; то только *повидимому*, потому, что *истинной любви Гоголь не зналъ никогда*, а увлеченіе его могло быть только болѣзненной вспышкой фальшиваго огня.

Вскорѣ Гоголь снова признавался, что „работа шла какъ-то вяло, туго и мало оживлялась благодатнымъ огнемъ вдохновенія“ [4]); „труда своего никакъ не оставляю, и хоть не всегда бываютъ свѣжія минуты, но не унываю. Благодарить нужно Бога за все — и за дождливый, и за солнечный день“ [5]). Иногда до Анны Михайловны доходили слухи объ успѣхахъ, сдѣланныхъ Гоголемъ въ его литературныхъ трудахъ, и тогда она на нихъ осторожно намекала, но обыкновенно слухи оказывались преувеличенными или невѣрными. Также непріятно дѣйствовали на Гоголя извѣстія о продолженіи русскихъ занятій Анны Михайловны не подъ его руководствомъ и не по его программѣ. Не любя Соллогуба и не сочувствуя ему, отзываясь о немъ холодно („вскользь видѣлъ Соллогуба неизмѣннаго и того же“ [6]), Гоголь, однако, радовался продолженію русскихъ занятій Віельгорскихъ подъ его ферулой, но какъ-только онъ услышалъ, что непостоянный Соллогубъ охладѣлъ къ этому дѣлу, за которое вначалѣ онъ принялся

---

1) «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 65.

2) Соч. и письма Гоголя, VI, 520.

3) «Истор. Вѣстн.», 1886, IV, стр. 84.

4) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 141.

5) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, стр. 149.

6) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 492. Холодность и несочувствіе Гоголя къ Соллогубу сказались также въ томъ, что, по словамъ М. П. Погодина, «Гоголь и Загоскинъ даже не поѣхали слушать драму Соллогуба» («Жизнь и труды Погодина», т. X, стр. 215).

горячо, и что занятія направляетъ свойственникъ Віельгорскихъ, графъ Комаровскій, — то Гоголь былъ недоволенъ этимъ и сразу осудилъ систему Комаровскаго. Впрочемъ ему и независимо отъ чуждой иниціативы въ самомъ дѣлѣ не нравились новые пріемы; Комаровскій рекомендовалъ сочиненія, касающіяся до Россіи и до славянства вообще", а Гоголь находилъ, что лучше „Домостроя" нечего и искать и что подобныя книги „гораздо полезнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя пишутся теперь о славянахъ и славянствѣ людьми, находящимися въ броженіяхъ, въ переходныхъ состояніяхъ духа" и проч.[1]).

CXXV.

Находясь въ самомъ печальномъ состояніи, Гоголь иногда вызывалъ упреки въ рѣдкомъ писаніи и со стороны Анны Михайловны Віельгорской, но она была въ правѣ дѣлать ихъ лишь по сравненію съ прежними годами, а отнюдь не въ сравненіи съ другими корреспондентами, которые смѣло могли бы теперь завидовать ей въ этомъ отношеніи.

Притомъ Гоголь какъ бы роднился съ нею душой, затрогивая въ своихъ письмахъ именно тѣ самые вопросы и предметы, которымъ придавалъ первостепенное значеніе и на которые преимущественно была устремлена его мысль. Какъ въ разгарѣ мистицизма онъ искалъ отголоска въ Смирновой, такъ теперь, въ его поискахъ за изученіемъ русскаго человѣка въ оставшихся отъ него старинныхъ памятникахъ и въ его настоящемъ бытѣ, насколько послѣдній можетъ быть изученъ въ толковыхъ путешествіяхъ, — въ этихъ новыхъ изученіяхъ онъ надѣялся найти сочувствующую душу въ молодой Віельгорской. Еще въ концѣ 1848 г. онъ писалъ Плетневу: „Соображаю, думаю и обдумываю второй томъ „Мертвыхъ Душъ". Читаю преимущественно то, гдѣ слышится сильнѣй присутствіе русскаго духа. Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью"[2]). Какъ мы видѣли, этотъ же интересъ къ Россіи и всему русскому Гоголь старался усиленно поддерживать въ своей наиболѣе интимной корреспонденткѣ въ дан-

---

[1]) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 142—143, 140—141.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 476.

ное время. Не смотря на холодность со стороны Смирновой къ его призыву помочь Аннѣ Михайловнѣ въ стремленіи сдѣлаться русской, Гоголь и Віельгорской совѣтовалъ: „если будете видѣться съ Александрой Осиповной, говорите съ ней только о Россіи. Она также можетъ вамъ назвать многихъ замѣчательныхъ людей, съ которыми разговоръ не безполезенъ“ [1]).

Тутъ-то, повидимому, и явилось у Гоголя желаніе видѣть Анну Михайловну своей женой. Давая ей совѣты и наставленія, касающіеся русской литературы, онъ начинаетъ въ то же время затрогивать вопросы, относящіеся къ разнымъ сторонамъ жизни. Онъ совѣтуетъ ей не танцовать, не вести праздныхъ разговоровъ, откровенно высказываетъ ей, что она нехороша собой, что ей не слѣдуетъ искать избранника въ большомъ свѣтѣ посреди пустоты всѣхъ видовъ и проч.; говоритъ ей, что она „искала душу, способную отвѣчать ей, думала найти человѣка, съ которымъ объ руку хотѣла пройти жизнь, и нашла мелочь и пошлость“ [2]). Въ свою очередь, исполненные задушевнаго участія разспросы Анны Михайловны о здоровьѣ Гоголя, объ успѣхѣ его литературныхъ занятій поддерживали въ немъ надежду на взаимность. Въ перепискѣ затрогивался вопросъ о призваніи цѣлой жизни и о томъ, какъ ей воспользоваться и на что себя посвятить. „У васъ цѣль въ жизни, любезный Николай Васильевичъ. Она васъ совершенно удовлетворяетъ и занимаетъ все ваше время, а какую цѣль мнѣ выбрать?“ [3]) спрашивала однажды Анна Михайловна. Однимъ словомъ, отношенія ея къ Гоголю незамѣтно перешли за черту обыкновенной дружбы и сдѣлались чрезвычайно интимными. Но здѣсь-то началась фальшь ихъ положенія. Віельгорскіе, какъ большинство людей титулованныхъ и принадлежащихъ къ высшему кругу, никогда не могли бы допустить мысли о родствѣ съ человѣкомъ, такъ далеко отстоявшимъ отъ нихъ по рожденію. Анна Михайловна, конечно, не думала о возможности связать свою судьбу съ Гоголемъ. Оказалось, что Віельгорскіе, при всемъ расположеніи къ Гоголю, не только были поражены его предложеніемъ, но даже

---

[1]) «Вѣстн. Европы», 1889, XI, 135.

[2]) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 134.

[3]) Тамъ же, стр. 137.

не могли объяснить себѣ, какъ могла явиться такая странная мысль у человѣка съ такимъ необыкновеннымъ умомъ. Особенно непонятно это казалось Луизѣ Карловнѣ, давно уже переставшей переписываться съ Гоголемъ по причинѣ болѣзни глазъ, а теперь рѣшившей и не возобновлять переписку. Впрочемъ мы должны сдѣлать оговорку: собственно говоря, Гоголь только обратился съ запросомъ къ графинѣ черезъ Алексѣя Владиміровича Веневитинова, женатаго на старшей дочери Віельгорскихъ, Аполлинаріи Михайловнѣ. Зная взгляды своихъ родственниковъ, Веневитиновъ понялъ, что предложеніе не можетъ имѣть успѣха, и напрямикъ сказалъ о томъ Гоголю.

Послѣ этого инцидента переписка Гоголя съ Анной Михайловной почти не измѣнилась ни по характеру и тону, ни по содержанію[1]). Гоголь продолжаетъ попрежнему слѣдить съ интересомъ за ея занятіями рисованіемъ, ботаникой, словесностью, даетъ ей совѣты, сообщаетъ ей свое предположеніе о поѣздкѣ по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россіи съ цѣлью лучшаго ознакомленія съ отечествомъ и проч. Предложеніе было сдѣлано, вѣроятно, въ 1850 г. или въ 1848, когда Гоголь ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ[2]). Воспоминаніе о немъ сохранилось въ семейныхъ преданіяхъ родственниковъ Анны Михайловны, а изъ переписки о существованіи его можно догадываться только по единственному письму, начинающемуся словами: „Мнѣ хотѣлось написать вамъ хоть часть моей исповѣди"[3]).

Впослѣдствіи, уже послѣ смерти Гоголя, Анна Михайловна Віельгорская вышла за князя Александра Ивановича Шаховского.

Кромѣ категорическаго сообщенія родственниковъ Віельгорскихъ о сватовствѣ Гоголя къ Аннѣ Михайловнѣ, отмѣтимъ, что довольно знаменательными представляются намъ приведенныя

---

1) О сватовствѣ Гоголя упоминается въ «Русск. Арх.», 1896, III, стр. 363; 2-е примѣч.

2) См. «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, стр. 153.

3) Отношенія Гоголя къ Віельгорскимъ почти прекратились въ 1850 году (отъ 1851 г. нѣтъ ни одного письма ни отъ Гоголя Віельгорскимъ, ни отъ нихъ къ Гоголю), но въ концѣ 1851 г. Гоголь поручалъ Смирновой: «всѣхъ добрѣйшихъ Віельгорскихъ поздравьте отъ меня съ новымъ годомъ» (Соч. и письма Гоголя, VI, 552).

строки письма отъ 29 октября 1848 г. „Бросьте всякіе, даже и малые, выѣзды въ свѣтъ: вы видите, что свѣтъ вамъ ничего не доставилъ. Вы искали въ немъ душу, способную отвѣчать вашей, думали найти человѣка, съ которымъ объ руку хотѣли пройти жизнь, и нашли мелочь да пошлость“ [1]) и все письмо, начинающееся словами: „мнѣ казалось необходимымъ написать вамъ хоть часть моей исповѣди“, гдѣ встрѣчаются, между прочимъ, такія выраженія, какъ напр.: „скажу вамъ изъ этой исповѣди одно только то, (что) я много выстрадался съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ вами въ Петербургѣ“ или „если бы каждый помолился покрѣпче Богу, то мы всѣ стали черезъ нѣсколько времени въ такія отношенія другъ къ другу, въ какихъ слѣдуетъ намъ быть. Тогда бы и мнѣ, и вамъ оказалось видно, чѣмъ я долженъ быть относительно васъ. Можетъ быть, я долженъ быть не что̀ другое въ отношеніи васъ, какъ вѣрный песъ, обязанный беречь въ какомъ-нибудь углу имущество господина своего. Не сердитесь же“ и проч. [2]) — Но когда настала эта критическая минута, на которую здѣсь находимъ столь явные намеки? Прежде мы предполагали, что въ поѣздку 1848 г., теперь склонны отнести, но опять съ той же оговоркой, что это не больше, какъ предположеніе, къ 1850 г., послѣ котораго отношенія Гоголя съ Віельгорскими почти кончились и прекратилась переписка [3]).

Остается отмѣтить по поводу переписки съ Віельгорскими нѣкоторое сходство между размышленіями Гоголя объ осо-

---

1) «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, стр. 134.

2) Стр. 153.

3) Исправимъ здѣсь также другую неточность: письмо А. М. Віельгорской, напечатанное на 137 стр. «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, слѣдуетъ отнести къ 1850 г. по сопоставленіи съ письмомъ Гоголя на 151 стр. Впрочемъ Гоголь могъ быть у Віельгорскихъ и въ 1849 г., какъ показываетъ слѣдующая небольшая записочка къ нему Блудовой: «Если вы не заняты или не приглашены кѣмъ-либо другимъ, сдѣлайте намъ удовольствіе пріѣхать обѣдать къ намъ на дачу завтра, 5 сентября. У васъ будутъ и Віельгорскіе». Антонина Блудова. Но 4 сентября Гоголь не могъ быть въ Петербургѣ въ 1848 г., такъ какъ тогда по дорогѣ въ Москву онъ находился только 5 числа въ Орлѣ, выѣхавъ 1 числа изъ Полтавской губ. (См. Соч. и письма Гоголя, VI, 471 и «Вѣстн. Евр.», 1890, II, 601—602). Это не могло происходить также въ 1851, когда Гоголь не выѣзжалъ въ началѣ сентября въ Петербургъ, судя по датамъ его писемъ (Соч. и письма Гоголя, т. VI, 538—540).

бенностяхъ и преимуществахъ характера русскаго человѣка въ письмѣ отъ 30 марта 1849 г. и разными мѣстами въ сочиненіяхъ Гоголя, начиная съ „Тараса Бульбы“ и кончая „Мертвыми Душами“.

CXXVI.

Но возвратимся къ хронологическому порядку въ разсказѣ.

Вернувшись изъ Петербурга въ половинѣ октября 1848 г., Гоголь жилъ въ Москвѣ полтора года сряду, не отлучаясь никуда кромѣ поѣздокъ въ Калужскую губернію, въ имѣнье А. О. Смирновой. Въ Москвѣ онъ почувствовалъ себя въ родной и преданной ему сферѣ, такъ какъ здѣсь сгруппировалось большое число его пріятелей, съ которыми онъ тогда совершенно примирился; притомъ ему нравился самый городъ и жизнь въ немъ, и въ матеріальномъ отношеніи онъ могъ здѣсь устроиться удобнѣе. Отчасти этимъ сосредоточеніемъ большинства его друзей въ Москвѣ можно было бы объяснять внезапно наступившее поразительное затишье въ его перепискѣ; но онъ неохотно пишетъ и отсутствующимъ и притомъ самымъ близкимъ друзьямъ и самъ безпрерывно сознается въ лѣни мыслей и отвращеніи къ перу не только въ смыслѣ продолженія своего великаго труда, но и по отношенію къ простой перепискѣ. Въ подтвержденіе этого намъ достаточно привести нѣсколько мѣстъ изъ его тогдашнихъ писемъ, притомъ мѣстъ наиболѣе важныхъ и характерныхъ.

Въ письмѣ отъ 6 декабря 1848 г. Гоголь признавался Марковичу: „попрежнему сижу за дѣломъ, а дѣлается мало[1]). Время летитъ такъ быстро, что нападаетъ страхъ. Поѣздки мои были маловажны. Но все же онѣ оживили начинающую тупѣть память. Многое современное заставило вспомнить съ грустью о *прежнемъ* невозвратно минувшемъ. Покуда я еще ничего не готовлю къ печати, во-первыхъ потому, что самъ не готовъ, а во-вторыхъ потому, что и время не такое: авось отрезвятся сколько-нибудь опьянѣвшія головы“[2]). Въ маѣ

---

[1]) Около этого же времени, именно 24 декабря 1848 г., Погодинъ, полагая, что у Гоголя успѣшно подвигается работа, писалъ Максимовичу: «Гоголь здоровъ, спокоенъ и пишетъ» («Жизнь и труды Погодина», т. X, стр. 317).

[2]) «Древняя и Новая Россія», 1879, 1, 64—65. Ср. въ письмѣ къ о. Матвѣю: «въ теперешнее время, когда отовсюду грозятъ бѣды человѣку, можетъ быть, только и нужно дѣлать, что молиться» (Соч. и письма Гог., т. VI, стр. 474).

Гоголь писалъ матери: „я скорблю и болѣю не только тѣломъ, но и душой". Причиной этого были какія-то новыя непріятности съ друзьями, судя по слѣдующимъ затѣмъ строкамъ: „много нанесъ я оскорбленій. Ради Бога, помолитесь обо мнѣ. О, помолитесь также о примиреніи со мною тѣхъ, которыхъ наиболѣе любитъ душа моя" [1]). Черезъ нѣсколько дней онъ объясняетъ это состояніе Плетневу: „все это время былъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ желалъ быть. Я не снесъ покорно и безропотно безплоднаго, черстваго состоянія, послѣдовавшаго скоро за минутами *нѣкоторой* свѣжести, пророчившими вдохновенную работу, и самъ произвелъ въ себѣ тяжелое разстройство нервическое, которое еще болѣе увеличилось и отъ нѣкоторыхъ душевныхъ огорченій" [2]). Впрочемъ онъ все-таки хотѣлъ слышать судъ надъ своей работой наиболѣе преданныхъ людей и писалъ Жуковскому: „Я много изстрадался въ это время. Жду нетерпѣливо прочесть тебѣ все, что̀ среди колебаній и тревогъ удалось создать" [3]). Но при всемъ томъ состояніе здоровья Гоголя зимой было сравнительно хорошо, даже гораздо лучше, нежели можно было ожидать, а съ наступленіемъ весны возобновились недуги. Осенью Гоголь писалъ Смирновой: „время летитъ въ занятіяхъ, такъ что некогда подумать о болѣзни" и „работа движется медленно, а неумолимое, невозвратное время летитъ и летитъ такъ быстро, что иногда страхъ врывается въ сонную душу" [4]). Наконецъ зима 1849 года дала уже сильно знать себя Гоголю и вновь привела его къ убѣжденію, безъ сомнѣнія безусловно вѣрному, что сѣверный климатъ былъ для него слишкомъ суровъ и невыносимъ и что ему необходимо какъ можно больше пользоваться ненатопленнымъ тепломъ. У него теперь снова мелькала мечта о путешествіи въ Іерусалимъ и онъ жилъ надеждой на болѣе усердную и горячую молитву. Въ декабрѣ 1849 г. онъ писалъ Жуковскому: „всѣ на меня жалуются, что мои письма стали неудовлетворительны и что въ нихъ видно одно *нехотѣніе писать*. Это правда: мнѣ нужно большое усиліе, чтобы

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 485.

2) Стр. 486.

3) Стр. 487.

4) Тамъ же, стр. 492—493.

написать не только письмо, но даже короткую записку. Что̀ это? старость, или временное оцѣпенѣніе силъ? Полтора года моего пребыванія въ Россіи пронеслось, какъ быстрый мигъ. Творчество мое лѣниво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу отъ стола, не отодвигаю бумаги, не выпускаю пера; но строки лѣпятся вяло, а время летитъ невозвратно. Или въ самомъ дѣлѣ сорокъ два года есть для меня старость, или такъ слѣдуетъ, чтобы мои „Мертвыя Души“ не выходили въ это мутное время (?), когда, не успѣвши отрезвиться, общество еще находится въ чаду и люди еще не пришли въ состояніе читать книгу, какъ слѣдуетъ, т.-е. прилично, не держа ея вверхъ ногами (?!)“ [1]).

CXXVII.

Со времени возвращенія Гоголя въ Россію изъ Палестины наступаетъ послѣдній, крайне однообразный и въ сущности мало занимательный періодъ его жизни. Гоголь перестаетъ теперь стремиться за-границу, въ Италію и, если подумываетъ иногда о новомъ путешествіи, то единственно о вторичной поѣздкѣ въ святую землю. Онъ задается напротивъ цѣлью какъ можно глубже изучить родину, объѣздить ее въ разныхъ направленіяхъ и особенно обозрѣть сѣверовосточныя губерніи [2]).

За послѣдніе годы его жизни мы можемъ слѣдить за нимъ не столько по письмамъ и сочиненіямъ, сколько по разрозненнымъ воспоминаніямъ близкихъ къ нему лицъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ Гоголь того времени рисуется преимущественно съ внѣшней стороны и притомъ крайне отрывочно и неполно; въ нихъ мы то узнаемъ (очень рѣдко) образъ прежняго энтузіаста — художника, то поражаемся въ нашемъ писателѣ новыми чертами фанатическаго аскетизма. Передъ нами въ яркой картинѣ воскресаютъ его привычки, мелкія странности, пріемы обхожденія съ окружающими, даже обычное распредѣленіе дня; но при всемъ несходствѣ нынѣшняго Гоголя съ прежнимъ на каждомъ шагу мелькаютъ тамъ и здѣсь знакомыя черты. Любопытно остановить вниманіе на томъ, что̀ сохранилось въ немъ теперь отъ былыхъ временъ, и что̀

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 496.

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 147.

явилось вновь въ теченіе послѣднихъ годовъ его заграничныхъ скитаній.

Замѣтимъ, впрочемъ, прежде всего, что вообще вести воспоминанія объ обыденной жизни какого-либо лица, хотя бы и въ высшей степени оригинальнаго и замѣчательнаго, дѣло крайне трудное. Часто память сохраняетъ множество такихъ мелкихъ подробностей, которыя, будучи любопытны сами по себѣ, не могутъ представлять особеннаго значенія при передачѣ ихъ въ печати. Мы видѣли примѣры этому еще такъ недавно, даже въ чрезвычайно занимательныхъ и живыхъ запискахъ А. О. Смирновой, гдѣ передъ нами предстали, какъ въ зеркалѣ, мельчайшія и обстоятельнѣйшія подробности изъ жизни всего ея круга отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ. Но даже въ этихъ дѣйствительно любопытнѣйшихъ воспоминаніяхъ попадаются иногда страницы, представляющіяся сравнительно менѣе важными. Но здѣсь многое возбуждаетъ исключительный интересъ по значенію тѣхъ, о комъ идетъ рѣчь, и часто по самому предмету ихъ бесѣдъ и размышленій. Намъ пріятно по прошествіи многихъ десятилѣтій встрѣтиться, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ людьми высокаго общественнаго и литературнаго значенія и, часто самая незначительная подробность, совершенно пустая и, почти ненужная, не портитъ общаго впечатлѣнія. Обрисовать же жизнь какой-либо замѣчательной личности въ ея повседневномъ быту новыми и яркими красками, сообщить о ней неуловленное и не разсказанное другими, передать помимо общей характеристики, еще цѣлый рядъ новыхъ, любопытныхъ и важныхъ данныхъ и свѣдѣній — задача вообще не легкая[1]). Намъ лично извѣстно,

---

[1]) Любопытный образчикъ добросовѣстныхъ, но мало содержательныхъ и крайне безсвязныхъ замѣтокъ о Гоголѣ, представляетъ подобіе дневника, который вела въ 1849 и началѣ 1850 г. одна его одесская знакомая (напечатано въ «Библіографическихъ Запискахъ» за 1860 г.) Приведу изъ сужденій поэта немногія болѣе интересныя. «Стоитъ отцу и матери дома сидѣть и дѣло дѣлать, чтобы ребенокъ рано почувствовалъ, что онъ членъ общества (стр. 327)». Любимый мой святой Василій Великій. О вѣрѣ какъ рельефно онъ писалъ, о такой неосязаемой вещи!» «Объ открытіяхъ: шоссе и дилижансы отъ Москвы до Петербурга,— стеаринъ дагерротипъ» — *Гоголь:* «И на что это все надобно? лучше ли отъ этого люди? — (стр. 329). 20 января (1850) Гоголь читалъ «Одиссею». Я не узнала первой главы: такъ прекрасна она мнѣ показалась, пройдя черезъ его голосъ, языкъ, душу и физіономію» (329). 21 янв. «Я прежде любилъ краски, когда очень молодъ былъ я. Да, вы могли бы быть живописцемъ. А прежде что́ любили? — Гоголь: А прежде

какимъ труднымъ представлялось это дѣло въ наши дни людямъ вполнѣ развитымъ и подготовленнымъ въ отношеніи даже такой оригинальной и богатой внутреннимъ содержаніемъ личности, какъ графъ Л. Н. Толстой. Ежедневная жизнь самаго замѣчательнаго человѣка можетъ быть проста и однообразна; идеи и убѣжденія въ наиболѣе стройномъ видѣ извѣстны изъ произведеній, а въ обыкновенныхъ разговорахъ отражаются лишь въ блѣдной и слабой копіи; отдѣльные проблески геніальной мысли, даже при условіи остроумнаго и мѣткаго выраженія бываютъ обыкновенно неожиданны и мимолетны, а главное — неуловимы вслѣдствіе ихъ тѣсной связи съ общей нитью бесѣды, не всегда заслуживающей подробнаго воспроизведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно необходимой для пониманія и оцѣнки внезапно промелькнувшаго перла геніальной мысли. Огромное затрудненіе представляетъ также неизбѣжное въ значительномъ большинствѣ случаевъ близкое соотношеніе предмета и характера бесѣды съ тѣми неизвѣстными и никому не нужными, часто совершенно случайными лицами, которыя окружаютъ въ данный моментъ извѣстную геніальную личность. Такъ и въ бесѣдахъ корифеевъ литературы, безъ сомнѣнія, невольно пробивается сплошь и рядомъ складъ ихъ оригинальной мысли, сверкаютъ искры геніальнаго остроумія, но все это, заключенное въ рамки протокольнаго пересказа, легко теряетъ свою силу и прелесть.

Въ личности Гоголя, въ его пріемахъ и манерахъ, въ его разговорахъ и шуткахъ также было много такого, что съ трудомъ поддавалось передачѣ въ формѣ воспоминаній; послѣднія могли схватывать только общій характеръ, по необходимости слишкомъ отвлеченный, но множество самыхъ жизненныхъ и чрезвычайно типическихъ мелочей не столько ускользали изъ памяти мемуаристовъ, сколько теряли свое значеніе, будучи выхвачены изъ естественной связи со всѣми обстоятельствами, ихъ вызвавшими, внѣ которой они явятся безцвѣтными и пустыми. Люди, очень близко знавшіе Гоголя, какъ напр. Да-

маленькимъ еще — карты. *Я.* Это означаетъ дѣятельность духа. Гоголь. Какая дѣятельность духа! Половина Россіи только и дѣлаетъ. Это бездѣйствіе духа».— M-me Г. выѣхала съ вопросомъ: скоро ли выйдетъ окончаніе «Мертвыхъ Душъ». Гоголь. «Я думаю — черезъ годъ». — «Такъ онѣ не сожжены? — Г. Да-а-а. Вѣдь это только нача-ало было!» — Онъ былъ сонный въ этотъ день отъ русскаго обѣда» (стр. 330).

нилевскій, княжна Репнина, наконецъ родныя его сестры, такъ живо его помнившія и такъ много о немъ говорившія, могли, за исключеніемъ перваго, сравнительно весьма мало сообщить въ своихъ воспоминаніяхъ въ дополненіе къ тому, что было извѣстно уже изъ другихъ источниковъ. А. С. Данилевскій весьма часто вспоминалъ въ своей семьѣ о Гоголѣ и разсказывалъ о немъ чрезвычайно много любопытнаго, но значительная доля его воспоминаній являлась результатомъ неожиданной ассоціаціи представленій и имѣла случайный, отрывочный характеръ. Данилевскому случалось припоминать о томъ, какъ Гоголь неподражаемо передавалъ въ лицахъ какую-нибудь интересную, иногда даже не совсѣмъ скромную сцену, какъ находчиво отпускалъ онъ забавную остроту въ театрѣ, въ какой-нибудь тавернѣ или лавкѣ, какъ однажды напримѣръ вслѣдъ за такой остротой съ невыразимымъ, полнымъ комизма нетерпѣніемъ и съ необыкновенной живостью обратился къ переводчику со словами: „переводчикъ, переводи!“. Также живо припоминалъ Данилевскій и передавалъ свое смущеніе отъ непобѣдимаго упорства Гоголя, ни за что не согласившагося однажды показаться въ гостиную, чтобы удовлетворить нетерпѣливому любопытству одного изъ горячихъ своихъ почитателей нѣкоего О'рурга, нарочно проѣхавшаго сотни верстъ въ надеждѣ увидѣть Гоголя[1]). Разсказывать обо всемъ этомъ съ искреннимъ воодушевленіемъ очевидца и въ интимномъ кружкѣ съ удержаніемъ неважныхъ, но жи-

---

[1]) А. С. Данилевскій также разсказывалъ мнѣ одинъ случай, какъ къ нему въ деревню нарочно пріѣхали однажды довольно высоко поставленныя въ губернскомъ городѣ лица, единственно съ той цѣлью, чтобы видѣть Гоголя, и въ какое мучительно-неловкое положеніе онъ поставилъ себя, опрометчиво сказавъ, что Гоголь дома, тогда какъ тотъ ни за что не хотѣлъ показываться любопытствующимъ гостямъ, а когда, наконецъ, вышелъ къ нимъ послѣ его настоятельныхъ просьбъ, то почти не былъ въ состояніи принудить себя говорить съ ними. Въ другой разъ, когда Данилевскій былъ инспекторомъ пансіона въ Кіевѣ и къ нему также пріѣхалъ Гоголь, неожиданно собралось большое общество, желавшее съ нимъ познакомиться, но на Гоголя опять напала такая хандра, что онъ просидѣлъ въ этомъ обществѣ не болѣе получаса. Такихъ примѣровъ было много. А. В. Гоголь припоминаетъ также одинъ случай, когда братъ ея, приглашенный однажды на обѣдъ, увидавъ на дворѣ дома множество экипажей, понадѣялся на то, что отсутствіе его не будетъ замѣчено, и уѣхалъ домой. Потомъ оказалось, что весь неожиданный съѣздъ многочисленныхъ гостей произошелъ именно ради его, причемъ были нарочно приготовлены его любимыя блюда.

выхъ подробностей, вполнѣ умѣстныхъ въ непритязательной застольной бесѣдѣ, и передавать такія воспоминанія въ печати — огромная разница.

Въ безыскусственномъ, согрѣтомъ горячей любовью къ дорогому поэту, разсказѣ объ немъ его сестеръ точно также больше всего дышала живая прелесть искренняго, исходившаго прямо изъ сердца воодушевленія, теряющая свое главное значеніе въ пересказѣ. „Здѣсь братъ любилъ сидѣть съ нами послѣ обѣда и отдыхать отъ работы, а иногда погружался въ размышленія“ говорили мнѣ, показывая въ одной изъ комнатъ стараго дома въ Васильевкѣ его любимое мѣсто въ углу дивана, мѣсто, которое показывали также и Кулишу еще въ пятидесятыхъ годахъ. „Вотъ портреты бабушки Анны Матвѣевны, Агаѳьи Матвѣевны, которыхъ онъ очень любилъ, когда былъ ребенкомъ! Здѣсь онъ встрѣтился намъ съ маменькой, когда въ послѣдній разъ пріѣзжалъ въ деревню! Эту аллею братъ особенно любилъ, а вотъ и деревья, посаженныя имъ“. Въ такомъ родѣ были чрезвычайно живыя воспоминанія покойной сестры Гоголя, Анны Васильевны, горячо любившей брата и много о немъ разсказывавшей, но рисовавшей его исключительно какъ дорогого, обожаемаго человѣка, въ свою очередь горячо и искренно любившаго сестеръ и мать. „Братъ много читалъ и работалъ во флигелѣ, но никогда не занимался усидчиво“—разсказывала намъ покойная Анна Васильевна, вспоминая о послѣднихъ его пріѣздахъ въ деревню: — „мы старались ему ничѣмъ не мѣшать, когда онъ былъ занятъ, а потомъ вдругъ видимъ—онъ идетъ по саду, или примется сажать деревья, а черезъ нѣсколько времени снова трудится“. Все это живо переносило слушателя въ домашній обиходъ Гоголя, за тѣ короткіе промежутки времени, которые онъ проводилъ въ деревнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ трудно изъ этого матеріала составить цѣльную, законченную картину! Сама разсказчица начинала обыкновенно съ предупрежденія, что она ничего не помнитъ, что ничего важнаго не могла разсказать даже и прежде, и прибавляла при этомъ откровенное сознаніе въ неловкости своего положенія лица, отъ котораго много ждутъ и такъ мало могутъ узнать заслуживающаго вниманія. Казалось, при всемъ сочувствіи къ разспросамъ о братѣ, Анна Васильевна тяготилась ими и скоро отъ нихъ уставала, да и какъ было ей собрать въ порядкѣ

свои воспоминанія, въ которыхъ вся сущность заключалась не столько во внѣшнихъ фактахъ, сколько въ горячемъ и искреннемъ чувствѣ. Если же воспоминанія принимали болѣе опредѣленный характеръ, то они были неразлучны съ разсказами о другихъ лицахъ, притомъ иногда даже совершенно неизвѣстныхъ и неважныхъ. Такъ Анна Васильевна говаривала: „Братъ часто безпокоился за маменьку и не любилъ, когда ей приходили въ голову невозможныя фантазіи или подозрѣнія! Братъ всегда былъ доволенъ и веселъ, когда къ нему пріѣзжалъ Данилевскій, а какъ красивъ былъ Данилевскій въ молодости, какой былъ пріятный и добрый; онъ всегда былъ у насъ запросто, точно въ своемъ домѣ. Маменька его тоже любила". „Изъ сосѣдей братъ особенно любилъ Александру Ѳедоровну Тимченко и прежде всегда называлъ ее сестрой, также очень любилъ Черныша" и проч. Затѣмъ Анна Васильевна припоминала, кто изъ знакомыхъ больше интересовался братомъ, кто пріѣзжалъ въ Васильевку къ нему или послѣ его смерти къ его семьѣ, живо припоминала доброту и сентиментальную восторженность Шевырева, особенно, какъ у него навертывались слезы на глазахъ, когда онъ любовался природой, съ удовольствіемъ припоминала всегдашнюю доброту и вниманіе ко всей ихъ семьѣ со стороны Аксаковыхъ, съ неохотой вспоминала о Погодинѣ, съ снисходительнымъ сочувствіемъ о старушкѣ Шереметевой; много разсказывала о мнительности матери и брата и т. п. Анна Васильевна припоминала намъ съ глубокимъ умиленіемъ нѣсколько случаевъ трогательной братской любви и сыновней заботливости Гоголя, особенно о томъ, какъ однажды, во время дороги, доставая изъ экипажа для матери пластырь, онъ боялся шерохомъ обезпокоить ее. Иногда она при этомъ прибавляла съ негодованіемъ: „какъ могутъ говорить о немъ въ печати дурно, какъ о братѣ и сынѣ, когда, какъ вы видите, напротивъ, *мы ему всѣ благодарны!*" Напомнимъ здѣсь кстати также отзывъ о Гоголѣ, какъ братѣ, другой его сестры, Елизаветы Васильевны въ ея воспоминаніяхъ: „Рѣдкій былъ у насъ братъ; онъ заботился и пекся о насъ, какъ мать" [1]).

---

[1]) См. «Русь», 1885, № 26 и «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. II, стр. 163.

CXXVIII.

Къ тремъ послѣднимъ годамъ жизни Гоголя, начиная съ лѣта 1849 г., относятся между прочимъ любопытныя воспоминанія Л. И. Арнольди, своднаго брата А. О. Россетъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ мы встрѣчаемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ небольшія невѣрности, въ его литературныхъ сужденіяхъ, которыя могутъ быть легко исправлены и вовсе не подрываютъ убѣжденія въ фактической цѣнности разсказа о личности самого писателя. Арнольди впадаетъ, напримѣръ, въ явную ошибку, когда утверждаетъ, будто личность Кошкарева не заключаетъ въ себѣ ничего преувеличеннаго, никакой карикатуры, или когда высказываетъ мнѣніе, что герои второго тома „Мертвыхъ Душъ“ еще понятнѣе и естественнѣе, чѣмъ герои перваго тома. Но разсказъ Арнольди, отличающійся всюду основательностью и большимъ тактомъ, невольно внушаетъ довѣріе читателю и изъ него обыкновенно почерпаются драгоцѣнныя свѣдѣнія о недостающихъ главахъ второго тома. Намъ кажется, что Арнольди, если только онъ не судилъ о Гоголѣ отчасти подъ вліяніемъ своей сестры, — чего мы не думаемъ, видя въ немъ достаточно самостоятельнаго человѣка, — по крайней мѣрѣ по соображеніямъ личныхъ отношеній или въ противодѣйствіе ошибкамъ враждебныхъ Гоголю взглядовъ при всей свойственной ему осторожности и обдуманности допускалъ нѣкоторыя преувеличенія. Въ сущности онъ противорѣчитъ себѣ, высказывая, напр., убѣжденіе въ преимуществахъ обрисовки дѣйствующихъ лицъ второго тома передъ первымъ, на томъ основаніи, что извѣстныя намъ главы являются неотдѣланными, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ онъ же признаетъ ихъ обработанными и доведенными до совершенства въ томъ видѣ, въ какомъ слышалъ чтеніе ихъ Гоголемъ въ домѣ сестры. Казалось бы, что это противорѣчіе можетъ быть объяснено разницей между извѣстной публикѣ и слышанной имъ редакціей; но это было не такъ, иначе Арнольди не выразился бы только предположительно: „что̀ бы сдѣлалъ изъ нихъ Гоголь, если бы онѣ явились въ совершенно *оконченномъ* видѣ“[1]). Эта маленькая придирка нужна намъ не для опроверженія словъ Арнольди, которымъ мы вполнѣ

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 58.

довѣряемъ въ томъ и другомъ случаѣ, но просто какъ указаніе естественной неустойчивости сужденій о вопросѣ не вполнѣ разъясненномъ и допускающемъ только приблизительное разрѣшеніе. Арнольди былъ приведенъ въ восторгъ главами 2 т. „М. Д.“, прочитанными ему Гоголемъ, и почувствовалъ еще разъ неотразимое могущество его таланта, уже въ то время, когда многіе были склонны считать его безнадежно загубленнымъ — и вотъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ распространяетъ свое заключеніе на остальное, неизвѣстное ему содержаніе второго тома. Но вѣдь онъ же говоритъ, что былъ недоволенъ появленіемъ въ свѣтъ „Переписки“, и выражалъ справедливое недовольство характерами Уленьки, Констанжогло, Муразова, генералъ-губернатора. Мы дѣлаемъ эту оговорку, приступая къ передачѣ воспоминаній Арнольди, для того, чтобы заранѣе освободить ихъ отъ того элемента субъективнаго предубѣжденія, который иногда заставляетъ повторять какъ достовѣрное вслѣдъ за источниками нѣкоторыя данныя, сильно нуждающіяся въ провѣркѣ.

Но фактическая сторона воспоминаній Арнольди не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, а также чрезвычайно и даже больше всего драгоцѣнны въ нихъ личныя наблюденія Арнольди надъ характеромъ Гоголя.

Прежде всего, подобно другимъ мемуаристамъ, Арнольди отмѣчаетъ въ Гоголѣ въ послѣдніе годы его жизни совершенно различныя, даже рѣзко противоположныя настроенія, такъ часто ставившія въ затрудненіе изслѣдователей, желавшихъ во что бы то ни стало найти опредѣленную окраску всѣхъ его поступковъ и дѣйствій за послѣдніе годы. Странное недоразумѣніе заставляло часто выдвигать однѣ черты характера Гоголя въ ущербъ другимъ и тѣмъ болѣе запутывать дѣло. Такъ докторъ Тарасенковъ, говоря о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Гоголя, замѣчаетъ, что онъ былъ тогда „погруженъ въ себя, задумчивъ, неразговорчивъ, какъ и прежде; однако, близкимъ къ нему казалось, что онъ былъ веселѣе обыкновеннаго; притомъ онъ нерѣдко выходилъ со двора, навѣщалъ знакомыхъ, даже бывалъ иногда на обѣдахъ. Дѣятельность въ немъ въ это время обнаруживалась дольше, нежели прежде“[1]). Гоголь разговаривалъ, шутилъ и даже

---

[1]) «Отеч. Записки», 1856, XII, 399—400.

пѣлъ пѣсни въ веселые часы во всѣ послѣдніе годы своей жизни, какъ дѣлывалъ это прежде; но что же въ томъ удивительнаго и зачѣмъ искать непремѣнно безусловно рѣзко выраженныхъ перемѣнъ въ его духовномъ складѣ?[1]) Были, конечно, и эти рѣзкія, даже крайне рѣзкія перемѣны, но не всегда же бросались онѣ въ глаза съ первыхъ словъ, мало знакомымъ людямъ. Душевная гангрена прогрессировала въ Гоголѣ, пока не дошла до своего крайняго предѣла въ послѣдніе дни жизни писателя[2]), но до конца въ немъ сохранялись также и черты характера, напоминавшія прежняго геніальнаго юмориста. И Аксаковъ, и Анненковъ, и Арнольди, наконецъ докторъ Тарасенковъ, видали его то веселымъ и остроумнымъ, то мрачнымъ и раздражительнымъ; то замѣчали упадокъ, то возстановленіе его силъ. Иначе и быть не могло. Такъ Арнольди разсказываетъ любопытныя, дорожныя приключенія Гоголя во время ихъ совмѣстной поѣздки въ Бегичево (имѣніе Смирновой), вспоминаетъ, какъ Гоголь шутилъ надъ комическимъ негодованіемъ его слуги, француза, проклинавшаго русскій тарантасъ и неровную дорогу, какъ затѣмъ Гоголь всю дорогу съ воодушевленіемъ говорилъ съ нимъ, Арнольди, о русской литературѣ, о Пушкинѣ, и наконецъ о Малороссіи; какъ разсказывалъ забавные анекдоты и отъ души смѣялся; наконецъ о томъ, какъ онъ наслаждался теплымъ и тихимъ іюньскимъ вечеромъ. Онъ разсказываетъ дальше о внезапной порчѣ и починкѣ экипажа, объ ожида-

[1]) Совершенно нелѣпо было бы также представлять себѣ Гоголя въ послѣдніе годы исключительно мрачнымъ, суровымъ аскетомъ. А. С. Данилевскій, а также В. Н. Репнина, разсказывали намъ, что даже въ послѣдній годъ жизни онъ иногда очень оживлялся, бывалъ веселъ, шутилъ. Въ Одессѣ у Репниныхъ (за годъ до смерти; изъ Одессы онъ уѣхалъ въ мартѣ 1851 года) онъ съ увлеченіемъ пѣлъ и слушалъ малороссійскія пѣсни. Смерть Гоголя была совершенною неожиданностью и для своихъ, и Данилевскаго и кн. Репниной. О такъ-называемомъ «умственномъ разстройствѣ» не можетъ быть и рѣчи.

[2]) Это обстоятельство бросилось въ глаза между прочимъ К. С. Аксакову, который въ одномъ изъ неизданныхъ пока писемъ къ брату Григорію Сергѣевичу говоритъ: «Пріѣхалъ Гоголь. Его письма къ Отесенькѣ и ко мнѣ были совсѣмъ не то, что́ прежнія: тѣ гораздо лучше; да увидѣвъ его, я помнилъ только то, что шесть лѣтъ слишкомъ не видѣлъ его. Поэтому крѣпко его обнялъ, такъ что онъ долго послѣ этого кряхтѣлъ. Онъ какъ будто смущенъ, уступаетъ, и еще не знаетъ, какъ ему быть, неувѣренность видна въ немъ, такъ я замѣтилъ». — Ср. о томъ же горячемъ объятіи разсказъ его сестры, Вѣры Сергѣевны («Русск. Арх.», 1890, VIII, 184).

ніи на станціяхъ лошадей и о разговорѣ Гоголя съ случайно встрѣтившимся нашимъ путникамъ городничимъ. Въ этомъ разговорѣ съ разными лицами, начиная отъ городничаго до будочника и полового, мы узнаемъ давнія привычки Гоголя, извѣстныя намъ изъ воспоминаній Данилевскаго, С. Т. Аксакова (разсказъ о поѣздкѣ съ Гоголемъ въ Петербургъ) и проч., припоминаемъ и неоднократныя увѣренія самого Гоголя въ томъ, что дорога всегда его освѣжала и оживляла. Въ воспоминаніяхъ Арнольди любопытно также указаніе на страсть Гоголя къ ботаникѣ, о которой также неоднократно разсказывали намъ многія лица, какъ напр. сестры Гоголя, О. Н. Смирнова и сестра ея Н. Н. Соренъ и проч. „Мы ѣхали довольно тихо“ — говоритъ Арнольди, — „а онъ безпрестанно останавливалъ кучера, выскакивалъ изъ тарантаса, бѣжалъ черезъ дорогу въ поле и срывалъ какой-нибудь цвѣтокъ, потомъ садился, разсказывалъ мнѣ довольно подробно, какого онъ класса, рода, какое его лѣчебное свойство, какъ называется онъ по-латыни, и какъ называютъ его наши крестьяне. Окончивъ трактатъ о цвѣткѣ, онъ втыкалъ его передъ собой за козлами тарантаса, и черезъ пять минутъ опять бѣжалъ за другимъ цвѣткомъ, опять объяснялъ мнѣ его качества, происхожденіе и ставилъ на то же мѣсто. Такимъ образомъ, черезъ часъ съ небольшимъ, образовался у насъ въ тарантасѣ цѣлый цвѣтникъ желтыхъ, лиловыхъ, розовыхъ цвѣтовъ“ [1]). Въ сущности ботаника была самой любимой наукой Гоголя, можетъ быть даже не меньше, чѣмъ когда-то исторія; но, какъ разсказываетъ Арнольди, онъ самъ признавался, что не любилъ новыхъ руководствъ и сочиненій по этому предмету, а предпочиталъ старинныя и болѣе популярныя. Въ томъ же родѣ были, по словамъ того же Арнольди, и отношенія Гоголя къ историческимъ знаніямъ, которыя были у него весьма разрозненны и случайны, хотя это не мѣшало ему давать яркія и занимательныя, а иногда и замѣчательно мѣткія характеристики лицъ и событій. Вотъ подлинныя слова Арнольди: „Онъ не читалъ никакихъ новыхъ сочиненій, новыхъ критикъ и разныхъ взглядовъ на историческія личности, или цѣлыя историческія эпохи, а между тѣмъ съ необыкновенною геніальностью угадывалъ ихъ міровое значеніе, и вы-

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 68.

ражалъ это, какъ истинный художникъ, въ прекрасныхъ, свѣтлыхъ и поэтическихъ формахъ“ [1]). Во всемъ этомъ Гоголь оставался такимъ, какимъ былъ прежде, какимъ былъ всегда. Наконецъ попрежнему Гоголь поражалъ то изысканностью костюма и довольно впрочемъ безвкуснымъ франтовствомъ, то напротивъ показывалъ какое-то пренебреженіе къ одеждѣ, какъ и вообще, къ внѣшности.

Но въ немъ явились теперь новыя черты, сильно имѣвшія значеніе не только въ его внутреннемъ мірѣ, но и во внѣшнихъ пріемахъ и привычкахъ. Прежде всего съ развитіемъ въ немъ аскетизма Гоголь вмѣсто смиренія все болѣе усвоивалъ себѣ необыкновенную гордость и самомнѣніе, повидимому, противорѣчившія его заботамъ о самосовершенствованіи, но въ сущности естественно вытекавшія изъ убѣжденія въ своемъ исключительномъ призваніи быть наставникомъ человѣчества. Гоголь уже давно говорилъ о себѣ, какъ о сосудѣ истины и драгоцѣнной вазѣ, которую нужно тщательно беречь [2]). Для него, казалось, все было рѣшено, и если онъ мучился сомнѣніями, то они касались вопроса о спасеніи души, тогда какъ въ остальномъ своемъ міросозерцаніи онъ былъ весьма твердъ и упоренъ. Допуская въ послѣднемъ даже временныя колебанія, мы все-таки необходимо должны признать естественность высокомѣрнаго взгляда Гоголя на окружающихъ. Онъ, еще съ дѣтства считавшій себя особеннымъ существомъ, когда задумалъ явиться всеобщимъ учителемъ нравовъ, долженъ былъ особенно утвердиться въ самомнѣніи. Арнольди разсказываетъ, что ему стало досадно на Гоголя, когда послѣдній началъ рѣзко возражать его зятю объ охотѣ, о которой не имѣлъ никакого понятія. То же проявлялось въ его разговорѣ о сельскомъ хозяйствѣ. Гоголь рѣшительно не признавалъ не только мнѣній, но и чужого опыта и серьезнаго изученія какого-нибудь дѣла; онъ тотчасъ принималъ невыносимый докторальный тонъ, не слушалъ возраженій и выказывалъ упрямство, совершенно недостойное не только геніальнаго, но иногда даже просто умнаго человѣка. Ограниченность заносчиваго самоучки просто рѣзала глаза, такъ что, какъ говоритъ Арнольди, въ иныя минуты Гоголь „казался само-

---

1) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 71.

2) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 437.

любивымъ, самонадѣяннымъ, гордымъ и даже не умнымъ человѣкомъ"[1]). „Я не боюсь нисколько сказать здѣсь откровенно мое мнѣніе", — продолжаетъ онъ — „но и тогда, и послѣ, также какъ и въ этотъ разъ я замѣчалъ въ Гоголѣ странную претензію знать все лучше другихъ". Претензія эта имѣетъ огромную важность при объясненіи позднѣйшаго гоголевскаго самомнѣнія; она выросла изъ тѣхъ зародышей, которые указывалъ еще Никитенко въ годы его профессорства. Этой претензіей объясняется, конечно, и исканіе Гоголемъ университетской каѳедры и его незаслуженно-пренебрежительныя отношенія къ товарищамъ-профессорамъ. Самое пагубное зло заключалось здѣсь въ неспособности Гоголя признавать, даже въ спорахъ, хотя бы только мысленно, правоту противниковъ, вслѣдствіе крайняго ослѣпленія своимъ превосходствомъ. Усвоивъ себѣ съ раннихъ лѣтъ убѣжденіе въ безграничныхъ преимуществахъ генія надъ толпой обыкновенныхъ людей, Гоголь, по словамъ Арнольди, учиться у другихъ не любилъ. „Онъ, правда", говоритъ Арнольди, „иногда разспрашивалъ спеціалистовъ", но разспрашивалъ ихъ такимъ образомъ, что клонилъ всѣ подробности и объясненія въ ту сторону, куда ему хотѣлось, чтобы набрать еще болѣе подтвержденій той мысли, или тому понятію, которыя онъ составилъ себѣ уже ранѣе о предметахъ. Если разсказывали ему что-нибудь для него новое, бросающее новый свѣтъ на отдѣльнаго человѣка, или даже на цѣлое сословіе, онъ никогда не старался вникнуть внимательно въ вашъ разсказъ, замѣтить, насколько онъ былъ справедливъ, и усвоить его себѣ или взять изъ него что-нибудь, какъ бы слѣдовало писателю съ такимъ громаднымъ талантомъ, задумавшему описать всю Россію въ одной поэмѣ". Поэтому „вещи самыя простыя, извѣстныя послѣднему гимназисту, были для него новостью"[2]). Понятно послѣ этого, какимъ онъ могъ быть профессоромъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, если такое впечатлѣніе производилъ въ концѣ сороковыхъ. Притомъ Гоголь не любилъ черпать мудрость изъ книгъ, — не безъ основанія, но чрезмѣрно — надѣясь на свой необыкновенный природный умъ; онъ не имѣлъ настолько образованія, чтобы

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, стр. 69.

[1]) Тамъ же, стр. 69—70.

прійти къ убѣжденію, что нельзя рѣшать вопросы, важные для жизни цѣлаго общества, средствами только своего генія. Арнольди справедливо указываетъ цѣлый рядъ, правда, мелочныхъ промаховъ въ сочиненіяхъ Гоголя въ отношеніи фактически вѣрнаго изображенія русской жизни и самъ не придаетъ имъ почти никакого значенія, но справедливо замѣчаетъ, что устранить ихъ Гоголю ничего бы не стоило, если бы тому не мѣшала указанная черта его характера. „Сколько разъ“ — говоритъ Арнольди — „приходилось мнѣ удивляться громадности его способностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣть, что въ немъ таится такъ много гордости. Вдругъ заговоритъ Гоголь о какой-нибудь картинѣ и выскажетъ при этомъ свои понятія объ искусствѣ, и выскажетъ прекрасно, думая, что для васъ это новость, а между тѣмъ эта мысль уже была высказана прежде гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь сочиненіи, о которомъ Гоголь не имѣлъ никакого понятія! Онъ дѣйствительно дошелъ до этой мысли самъ, выработалъ ее въ головѣ своей, вслѣдствіе долгихъ разсужденій объ искусствѣ, а не взялъ ее изъ книги совсѣмъ готовою“ [1]). Таковъ Гоголь былъ рѣшительно во всемъ и только къ мнѣніямъ о своихъ сочиненіяхъ прислушивался чутко и внимательно. Самый образъ жизни Гоголя, особенно въ послѣднія десятилѣтія, совершенно не благопріятствовалъ серьезнымъ занятіямъ, кромѣ его главнаго литературнаго труда. Переѣзжая изъ одного мѣста въ другое съ небольшимъ чемоданомъ и портфелемъ, въ которомъ хранились рукописи „Мертвыхъ Душъ“, не имѣя опредѣленнаго пристанища, постоянно подвергаясь всѣмъ случайностямъ бивуачнаго устройства, не имѣя даже возможности доставать по выбору русскія книги, которыя пересылались ему крайне неисправно, съ полугодовыми задержками, и въ самомъ ограниченномъ количествѣ, Гоголь, если бы даже пользовался лучшимъ здоровьемъ и не отвлекался ознакомленіемъ съ новыми городами и ихъ окрестностями, во всякомъ случаѣ не могъ бы успѣвать не только слѣдить за движеніемъ науки и литературы, но даже просто читать болѣе или менѣе систематически и правильно. Въ послѣдніе же годы, когда Гоголь уже вернулся въ Россію, привычка почти всей жизни измѣниться не могла, такъ что пробѣлы у Гоголя во всѣхъ сферахъ зна-

---

[1]) Тамъ же, стр. 70—71.

нія, быть можетъ, отчасти кромѣ ботаники, были весьма чувствительны. Всѣ эти черты, замѣчавшіяся въ Гоголѣ еще съ дѣтства, подъ конецъ его жизни дошли до поразительныхъ размѣровъ. По словамъ Арнольди, безцеремонность Гоголя бросалась всякому въ глаза"[1]). Какъ мы слышали оть П. И. Бартенева, Гоголь такъ всегда держалъ себя у Хомяковыхъ: онъ капризничалъ неимовѣрно, приказывая по нѣскольку разъ то приносить, то уносить какой-нибудь стаканъ чая, который никакъ не могли ему налить по вкусу: чай оказывался то слишкомъ горячимъ, то крѣпкимъ, то черезчуръ разбавленнымъ; то стаканъ былъ слишкомъ полонъ, то напротивъ Гоголя сердило, что налито слишкомъ мало[2]). Однимъ словомъ, присутствующимъ становилось неловко; имъ только оставалось дивиться терпѣнію хозяевъ и крайней неделикатности гостя. Въ разговорахъ, какъ мы слышали изъ разныхъ источниковъ, Гоголь часто не принималъ участія, молча и презрительно поглядывая на собесѣдниковъ; у иныхъ зарождалась даже мысль, что этотъ пріемъ употреблялся имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нарочно для прикрытія своего невольнаго смущенія. Однажды въ гостяхъ у московскаго губернатора И. В. Капниста, переселившагося на лѣтнее время въ Сокольники, былъ парадный обѣдъ и собралось большое общество. На обѣдъ Гоголь опоздалъ и, когда подлѣ него образовался кружокъ почитателей его таланта, онъ развалился въ креслѣ и забавлялся зубочисткой. „Я сидѣлъ" — разсказываетъ Арнольди, „возлѣ зеленаго стола, за которымъ играли въ ералашъ три сенатора и военный генералъ. Одинъ изъ сенаторовъ, въ военномъ же мундирѣ, съ негодованіемъ посматривалъ на Гоголя. „Не могу видѣть этого человѣка!" сказалъ онъ наконецъ, обращаясь къ другому сенатору во фракѣ. „Посмотрите на этого гуся, какъ важничаетъ, какъ за нимъ ухаживаютъ! Что̀ за аттитюда! что̀ за аплонъ!" и всѣ четверо взглянули на Гоголя съ презрѣніемъ и пожали плечами". Дальше послѣдовали крайне вздорныя разсужденія сенатора

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 83.

[2]) У Хомяковыхъ Гоголь бывалъ очень часто; онъ близко сошелся не только съ самимъ Алексѣемъ Степановичемъ, но и съ женой его, Екатериной Михайловной, съ которой познакомился еще въ 1841 г., а въ началѣ 1850 г. крестилъ у нихъ сына, названнаго по его имени Николаемъ (см. «Жизнь и труды Погодина», XI, 117, «Русск. Арх.», 1896, XI, стр. 378).

о томъ, что будто бы Гоголь революціонеръ, и о непріятностяхъ, причиненныхъ ему во время оно его сочиненіями; но, разумѣется, Гоголь во всякомъ случаѣ является въ этомъ разсказѣ въ не совсѣмъ выгодномъ освѣщеніи.

Подобный же случай необыкновенной рѣзкости и невѣжливости Гоголя передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. А. Арсеньевъ[1]). Вотъ что̀ онъ разсказываетъ о Гоголѣ: „У И. В. Капниста, гр. Зотовъ, А. Я. Булгаковъ (бывшій московскій почтъ-директоръ) и я собирались часто, по вечерамъ, играть на бильярдѣ, до котораго всѣ мы были большіе охотники, хотя я никогда не могъ научиться хорошо играть на немъ. Нѣсколько разъ, у Капниста, мнѣ довелось видѣть геніальнаго Гоголя, который рѣдко пускался въ разговоръ и всегда выглядывалъ „букой“.

Одинъ только разъ удалось мнѣ видѣть Гоголя въ хорошемъ расположеніи духа и вздумавшаго представлять въ лицахъ разныхъ животныхъ изъ басенъ Крылова. Всѣ мы были въ восхищеніи отъ этого дѣйствительно замѣчательнаго impromptu, которое окончилось внезапно вслѣдствіе случайнаго пріѣзда къ Капнисту Михаила Николаевича Муравьева, который не былъ знакомъ съ Гоголемъ.

Капнистъ, знакомя Гоголя съ Муравьевымъ, сказалъ: „Рекомендую вамъ моего добраго знакомаго, хохла, какъ и я, Гоголя“. Эта рекомендація, видимо, не пришлась по вкусу геніальному писателю, и на слова Муравьева: „Мнѣ не случалось, кажется, сталкиваться съ вами“, Гоголь очень рѣзко отвѣтилъ: „Быть можетъ, ваше превосходительство, это для меня большое счастье, потому что я человѣкъ больной и слабый, которому вредно всякое столкновеніе“.

Муравьевъ, выслушавъ эту желчную тираду, отвернулся отъ Гоголя, который, ни съ кѣмъ не простившись, тотчасъ же уѣхалъ. Впослѣдствіи я слышалъ отъ Ивана Васильевича, что Гоголь не на шутку разсердился за „непрошенную“ (какъ онъ выразился) „рекомендацію“[2]).

„Наружность Гоголя была очень непривлекательна“, прибавляетъ разсказчикъ, „а костюмъ его (венгерка съ бранден-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1887, III, 569—570.

[2]) Ср. разсказъ Н. Ф. Павлова о томъ, какъ «немножко гримасничалъ» Гоголь еще на представленіи «Ревизора» въ 1839 г. («Русск. Арх.», 1897, IV, стр. 557).

бургами) придавалъ ему крайне невзрачный видъ. Кто не зналъ Гоголя, тотъ никогда бы не догадался, что подъ этой некрасивой оболочкой кроется личность геніальнаго писателя, которымъ гордится Россія“ [1]).

Впрочемъ Гоголь являлся совершенно другимъ человѣкомъ вообще, когда вращался въ обществѣ нецеремонномъ и болѣе для него пріятномъ. Вотъ любопытный разсказъ въ юбилейной недавно вышедшей книгѣ „Изъ прошлаго Одессы“: „Я лично“, — говоритъ разсказчикъ, — „при встрѣчѣ съ Гоголемъ не замѣтилъ въ немъ ни проявленія колоссальной гордости, ни самообожанія, — скорѣе въ немъ замѣчалась *робость, неувѣренность*, какая-то нерѣшительность какъ въ сужденіяхъ о какомъ-нибудь предметѣ, такъ и въ сношеніяхъ съ людьми... Слабости къ аристократическимъ знакомствамъ въ это время въ немъ тоже не было... Сколько мнѣ случалось видѣть, съ людьми наименѣе значительными Гоголь сходился гораздо скорѣе, проще, былъ самъ собой, а съ людьми, власть имѣющими, застегивался на всѣ пуговицы“ [2]).

Все это, конечно, нисколько не мѣшало Гоголю быть задушевнымъ и желаннымъ гостемъ у Смирновыхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ аристократическихъ домахъ, — но отнюдь не у его друзей-литераторовъ, — въ домахъ, гдѣ его любили отъ души и гдѣ онъ держалъ себя гораздо проще. Такъ при первыхъ встрѣчахъ съ Арнольди Гоголь обнялъ его, обошелся съ нимъ весьма привѣтливо и нисколько не чинился, разсказывая ему анекдоты и припоминая случаи изъ своихъ странствій по Палестинѣ, высказывалъ свои завѣтные взгляды и убѣжденія. Такъ же держалъ себя онъ въ обществѣ поэта графа А. К. Толстого, пріѣхавшаго въ одно время съ нимъ къ Смирновымъ въ Калугу.

Но всѣхъ онъ въ большей или меньшей мѣрѣ изумлялъ множествомъ уживавшихся въ немъ противорѣчій.

Преимущественно Гоголь чувствовалъ себя въ своей сферѣ тамъ, гдѣ находилъ сердечный откликъ своему религіозному настроенію. Особенно любилъ онъ бесѣдовать съ духовными особами, причемъ предпочиталъ такихъ священниковъ и монаховъ, которые наиболѣе сурово обличали его

---

1) «Историч. Вѣстникъ», 1887, III, 569—570.

2) «Изъ прошлаго Одессы», стр. 123; «Музыкальный Свѣтъ», 1876, стр. 29—33.

жизнь и сочиненія. Когда же ему случалось видѣть передъ собой живой примѣръ строгаго исполненія христіанскихъ обязанностей и слышать напоминанія о грѣхахъ и объ отвѣтѣ за нихъ на страшномъ судѣ, Гоголь весь проникался ужасомъ и страстнымъ желаніемъ исправить свою жизнь. Также съ Смирновой, Толстыми и княжной Репниной Гоголь любилъ предаваться религіознымъ размышленіямъ и проводилъ съ ними въ бесѣдѣ цѣлые часы. Разумѣется, эти разговоры были разнообразнѣе, нежели съ духовными лицами; здѣсь воспоминались также прежнія заграничныя впечатлѣнія, подвергались обсужденію вопросы литературы и практической жизни. По воспоминаніямъ нынѣ здравствующей дочери А. О. Смирновой (Н. Н. Соренъ), Гоголь часто приходилъ къ нимъ и держалъ себя совершенно своимъ человѣкомъ; онъ всегда разговаривалъ съ ея матерью, лѣтомъ подолгу сидя съ нею въ саду на скамейкѣ въ ея подмосковномъ имѣньи Спасскомъ, и былъ весьма ласковъ и привѣтливъ со всѣми. По утрамъ онъ былъ обыкновенно занятъ работой, которой отдавался съ увлеченіемъ, а послѣ усиленнаго напряженія чувствовалъ потребность въ отдыхѣ среди дорогихъ людей. Здѣсь Гоголь сбрасывалъ съ себя кору черствой замкнутости, въ кругу весьма немногихъ, самыхъ избранныхъ, гдѣ онъ являлся естественнымъ и задушевнымъ собесѣдникомъ, тогда какъ для большинства считавшихся его друзьями, интимный міръ былъ почти совсѣмъ закрытъ. Такимъ же угрюмымъ и непривѣтливымъ являлся Гоголь и въ литературныхъ кружкахъ.

CXXIX.

Мы считаемъ особенно характернымъ и важнымъ для изслѣдователя то, что достовѣрнаго о Гоголѣ въ сущности ничего почти не было извѣстно даже Аксаковымъ и что такимъ образомъ одинъ изъ ближайшихъ его пріятелей былъ вовсе не посвященъ именно въ тѣ тайны внутренней жизни и творчества поэта, которыя естественно возбуждаютъ наибольшій интересъ. Вообще друзья Гоголя были въ самомъ фальшивомъ положеніи относительно него: онъ такъ поставилъ себя съ ними, что, при всемъ предполагаемомъ близкомъ общеніи, держалъ ихъ очень далеко отъ себя, и потому въ обществѣ было распространено совершенно невѣрное убѣ-

жденіе, что они будто бы знали о немъ всю подноготную, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они знали лишь весьма немногое. Послѣ этого можно себѣ представить затрудненіе И. С. Аксакова, къ которому за нѣсколько дней до смерти Гоголя одинъ изъ почитателей послѣдняго, Г. П. Данилевскій, обратился съ почтительнымъ запросомъ о томъ, чтò „сталось съ его дальнѣйшей работой надъ „Мертвыми Душами“ [1]), какъ будто Аксаковы много о томъ знали! А между тѣмъ люди, имѣвшіе случай наблюдать ближе дѣйствительныя отношенія Гоголя къ друзьямъ, какъ напр. Н. В. Бергъ, поражались тѣмъ, что „посѣщенія друзей, повидимому, болѣе отягощали его, чѣмъ приносили ему какое-либо утѣшеніе“. „Шевыревъ жаловался мнѣ“, — говоритъ Бергъ, — „что онъ принимаетъ самыхъ ближайшихъ къ нему *черезчуръ ужъ по-царски*; что свиданія ихъ стали похожи на аудіенціи. Черезъ минуту, послѣ двухъ-трехъ словъ, ужъ онъ дремлетъ и протягиваетъ руку: „извини! дремлется что-то!“ А когда гость уѣзжалъ, Гоголь тутъ же вскакивалъ съ дивана и начиналъ ходить по комнатѣ“ [2]). Легко понять, что при такихъ отношеніяхъ лица, такъ сказать, оффиціально признаваемыя его друзьями, должны были играть какую-то двусмысленную роль, чтò и заставило Н. В. Берга сдѣлать несправедливое заключеніе, будто у Гоголя и не было вовсе друзей... Но онъ не зналъ его настоящихъ друзей, тогда какъ такъ называемые „друзья“, московскіе литераторы, были всегда въ самыхъ неестественныхъ и оригинальныхъ отношеніяхъ къ Гоголю: они заочно держали его въ черномъ тѣлѣ, не разъ сурово давая ему чувствовать своего рода экономическую зависимость отъ себя, а въ присутствіи его, благодаря установленному преимущественно въ средѣ Толстыхъ и другихъ аристократовъ какому-то своеобразному культу Гоголя, обходились съ нимъ почтительно и подобострастно. Само собой разумѣется, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ извѣстное направленіе дѣлу давали обстоятельства, а еще болѣе причудливый личный характеръ Гоголя и что московскіе друзья попали въ нѣсколько унизительныя отношенія къ Гоголю — въ значительной мѣрѣ не

---

1) «Историческій Вѣстникъ», 1886, XII, стр. 487.

2) «Русская Старина», 1872, I, стр. 127.

по своей винѣ; но все-таки *такъ выходило на дѣлѣ*. Всего удивительнѣе между прочимъ, что въ нелѣпомъ положеніи относительно Гоголя является безусловно честное и благородное семейство Аксаковыхъ.

Такъ было еще въ 1842 г.[1]), слѣдовательно какъ же странно было поведеніе Гоголя съ своими „друзьями" въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда всѣ подобныя выходки поэта сдѣлались почти совершенно невыносимыми, и когда Н. В. Бергъ уже счелъ возможнымъ назвать друзей его только „приближенными"[2]). Гоголь дошелъ наконецъ до того, что небрежность его обращенія не знала уже никакихъ границъ: „появленіе его на вечерѣ, иной разъ нарочно для него устроенномъ, было почти всегда минутное. Пробѣжитъ по комнатамъ, взглянетъ; посидитъ гдѣ-нибудь на диванѣ, большею частью совершенно одинъ; скажетъ съ инымъ пріятелемъ два-три слова, изъ благоприличія, небрежно, Богъ вѣсть гдѣ летая, въ то время своими мыслями, и былъ таковъ"[3]).

Извѣстно намъ, что онъ сумѣлъ оцѣнить по достоинству первое же произведеніе Островскаго „Семейная Картина"[4]), но это не помѣшало ему весьма сдержанно отозваться о пьесѣ „Свои люди — сочтемся" (первоначально — „Банкротъ"), прослушавъ которую изъ устъ самаго автора на вечерѣ Погодина, онъ на вопросъ Растопчиной: „Чтò вы скажете, Николай Васильевичъ?" отвѣтилъ: „Хорошо, но видна нѣкоторая неопытность въ пріемахъ. Вотъ этотъ актъ нужно бы подлиннѣе, а этотъ покороче. Эти законы узнаются послѣ и въ непреложность ихъ не сейчасъ начинаешь вѣрить"[5]). Зная заранѣе о чтеніи, Гоголь пріѣхалъ поздно, тихо подошелъ къ двери и все время простоялъ у притолки[6]). Къ Островскому ни разу не подошелъ. Разсказъ этотъ находимъ въ воспоминаніяхъ Н. В. Берга, который, однако,

---

1) Это было еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ; см. любопытный разсказъ въ «Литер. воспоминаніяхъ» Панаева, 229—233.

2) «Русская Старина», 1872, I, 118.

3) Тамъ же, стр. 121.

4) См. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», т. XI, стр. 65.

5) См. «Русск. Стар.», 1872, I, стр. 121—122. Кромѣ того, Гоголь написалъ на клочкѣ бумаги отзывъ, переданный Погодинымъ самому Островскому («Русск. Мысль», 1897, I, стр. 55).

6) Ср. «Русск. Мысль», 1897, III, стр. 75.

прибавляетъ, что Гоголь „цѣнилъ его талантъ[1]) и считалъ его, между московскими литераторами, самымъ талантливымъ" и упоминаетъ только о любезномъ приглашеніи его и Островскаго на свои именины, которыя онъ всегда справлялъ въ саду Погодина. Тотъ же Н. В. Бергъ сообщаетъ, что не смотря на давнее знакомство, Гоголь ни разу не заглянулъ на субботніе литературные вечера къ Растопчиной. „Ему первому" — продолжаетъ Бергъ, — „прочла она своего „Барона". Гоголь выслушалъ очень внимательно и просилъ повторить. Послѣ того сказалъ: „пошлите безъ имени въ Петербургъ: не поймутъ и напечатаютъ"[2]). Гоголь бывалъ и въ молодой редакціи „Москвитянина", но, замѣчаетъ Н. П. Барсуковъ — „великій писатель до того уже былъ сосредоточенъ въ самомъ себѣ и до того погруженъ въ свою внутреннюю работу, что никакое сближеніе съ нимъ новыхъ людей не могло уже въ то время воспослѣдовать" („Жизнь и труды Погодина", XI, 92). Особенно замѣчательно невольное сознаніе въ этомъ С. Т. Аксакова въ его письмѣ послѣ смерти Гоголя, озаглавленномъ „Однимъ сыновьямъ"; Аксаковъ говоритъ тамъ: „Я не знаю, любилъ ли кто-нибудь Гоголя исключительно какъ человѣка. Я думаю, нѣтъ, да это и невозможно. У Гоголя было два состоянія: творчество и отдохновеніе. Первое давно уже, вѣроятно, вскорѣ послѣ выхода „Мертвыхъ Душъ", перешло въ мученичество, мо-

---

[1]) Н. П. Барсуковъ также передаетъ слова Погодина: «Бѣляевъ сказывалъ, что онъ хочетъ печатать статьи историческія. Онъ тоже подвинетъ все-таки меня, какъ Островскій Гоголя» (Барсуковъ, т. XI, стр. 71).

[2]) Здѣсь мы должны отмѣтить слѣдующее разногласіе: Н. В. Бергъ относитъ чтеніе Островскимъ «Банкрота» у Погодина къ 1848 г., а приглашеніе его и Островскаго къ Гоголю на свои именины къ 1849 г., тогда какъ Н. П. Барсуковъ по имѣющимся у него даннымъ утверждаетъ, что чтеніе комедіи происходило 3 дек. 1849 г. (см. «Жизнь и труды Погодина», т. XI, стр. 69), а упомянутый именинный обѣдъ у Погодина, на которомъ были Бергъ и Островскій, вопреки указанію самого Берга, относящаго его къ 9 мая 1849 г., однако справедливо пріурочиваетъ къ 1850 г. Вѣрность его соображенія выясняется между прочимъ на основаніи сопоставленія словъ Берга съ приведеннымъ имъ отрывкомъ изъ дневника О. М. Бодянскаго, изъ котораго видно, что Гоголь затащилъ на этотъ обѣдъ К. С. Аксакова, о присутствіи котораго на обѣдѣ у Погодина говоритъ и Бергъ. Вообще сопоставленіе всѣхъ данныхъ заставляетъ принять эту дату (См. «Жизнь и труды Погодина», XI, 136—137; «Русск. Стар.», 1888, XI, 405 и 1872, I, стр. 122).

жетъ быть, сначала благотворное, но потомъ перешедшее въ безполезную пытку. Какъ можно было полюбить человѣка, тѣло и духъ котораго отдыхаютъ послѣ пытки? Всякому было очевидно, что Гоголю ни до кого нѣтъ никакого дѣла; конечно, бывали исключительныя мгновенія, но весьма рѣдкія и весьма для немногихъ. Я думаю, женщины любили его больше, и особенно тѣ, въ которыхъ наименѣе было художественнаго чувства, какъ напримѣръ Смирнова". Эти слова нуждаются въ небольшой поправкѣ, именно тамъ, гдѣ Аксаковъ невольно говоритъ за другихъ. Что Гоголя никто не любилъ, а также, что самъ Гоголь не любилъ никого, эти мнѣнія намъ случалось слышать и читать не разъ; но это вопіющая неправда, и всего досаднѣе, что это утверждалось и утверждается на основаніи искренняго убѣжденія. Мы лично знали напротивъ людей, горячо любившихъ его и нисколько не заслуживавшихъ подозрѣнія въ притворствѣ, какъ напр. кромѣ его сестеръ, А. С. Данилевскій и княжна В. Н. Репнина, а послѣдняя намъ категорически объяснила по поводу печатнаго заявленія Аксакова, — что онъ въ данномъ случаѣ ошибался. Кромѣ того замѣчательны слова Аксакова: „конечно, бывали исключительныя мгновенія, но весьма рѣдкія и *весьма для немногихъ*" [1]). И тотчасъ послѣ этого его упоминаніе о Смирновой. Рѣдки ли были эти мгновенія — объ этомъ судить могли только „немногіе", а насколько извѣстно отъ послѣднихъ, эти мгновенія во всякомъ случаѣ не были ужъ такъ рѣдки, какъ думалъ Аксаковъ, да это были и не мгновенія, а цѣлые долгіе часы интимной, дружеской бесѣды; но что все это существовало только для „немногихъ", въ число которыхъ даже С. Т. Аксаковъ по совѣсти не могъ бы себя включить, это чрезвычайно важно. Во всякомъ случаѣ признаніе Аксакова, какъ человѣка вполнѣ правдиваго и искренняго, особенно сдѣланное имъ тотчасъ послѣ смерти Гоголя, когда невозможно предположить и не въ такой свѣтлой и благородной личности мелкаго враждебнаго пристрастія, рядомъ съ вырвавшимся изъ души восклицаніемъ: „я признаю Гоголя святымъ и истиннымъ мученикомъ высокой мысли", это признаніе весьма драгоцѣнно.

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 199.

CXXX.

Надо признать, что Гоголь, какъ ни странно смотрѣлъ на особенности своей натуры, удивляя своими сужденіями объ этомъ предметѣ всѣхъ знавшихъ его (начиная отъ Аксакова и Погодина, которыхъ онъ еще въ юности увѣрялъ, что боленъ неизлѣчимо и что его организмъ устроенъ какъ-то необыкновенно, — до доктора Тарасенкова); но въ сущности онъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что ему необходимо „непатопленное тепло“ [1]) и что сѣверныя зимы для него убійственны. Въ самомъ дѣлѣ, по пріѣздѣ въ Одессу творчество Гоголя сравнительно оживилось и самъ онъ сдѣлался веселъ и бодръ. „Какъ нарочно“ — замѣчаетъ Стурдза — умѣренная зима ласково встрѣтила и покоила невзыскательнаго любителя тишины, нешумныхъ бесѣдъ и уединенныхъ кабинетныхъ занятій“ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, достаточно просмотрѣть въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова тѣ страницы, гдѣ почтенный изслѣдователь слѣдитъ за ходомъ работы Гоголя надъ вторымъ томомъ, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Зиму съ 1848 г. на 1849 годъ, первую изъ проведенныхъ въ Россіи, Гоголь прожилъ въ Москвѣ и трудъ его подвигался крайне медленно и вяло. Надо впрочемъ замѣтить, что здѣсь я нѣсколько расхожусь съ мнѣніемъ Н. С. Тихонравова, оспаривавшаго слова Аксакова, будто онъ ошибался, судя по бодрому виду Гоголя, что онъ работалъ въ то время успѣшно, тогда какъ изъ писемъ его къ друзьямъ видно противное. „Жалобы начинаются позднѣе“ — говоритъ Н. С. Тихонравовъ, — „въ концѣ 1849 г.“ [3]). Но развѣ это не жалобы въ письмѣ къ Жуковскому отъ 3 апрѣля, гдѣ Гоголь говоритъ: „Отчего, зачѣмъ нашло на меня такое оцѣпенѣніе, этого не могу понять“ [4]). Къ тому же надо видѣть здѣсь не

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 422 и 513.

[2]) «Москвитянинъ», 1852, 20, VI, стр. 227.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 554; ср. «Вѣстн. Евр.», 1896, VII, стр. 11. Отмѣтимъ здѣсь, что около этого времени Гоголь сильно огорчался разстройствомъ дѣлъ своего родственника А. А. Трощинскаго (о которомъ см. въ I томѣ настоящаго труда и «Вѣстн. Евр.», 1896, VII, 14 и слѣд.) и былъ сильно озабоченъ участью какой-то сироты, по имени Эмиліи (см. «Вѣстн. Евр.», 1896, VII, 16 и «Русск. Мысль», 1896, V, стр. 162).

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 482.

одно только указаніе на настоящій моментъ, но и на итоги болѣе или менѣе продолжительнаго срока, а выраженіе въ письмѣ къ Смирновой отъ 27 мая: „зиму я провелъ хорошо“ [1]), по связи съ остальнымъ содержаніемъ письма, никакъ нельзя, по нашему мнѣнію, принять за ослабленіе словъ Аксакова, но напротивъ за прямое ихъ подтвержденіе, такъ какъ рѣчь здѣсь касается лишь *физическаго здоровья, а вовсе не бодрости и свѣжести творчества* [2]). Поэтому мы отказываемся признать, что въ это время „работы Гоголя получили болѣе правильный и непрерывный ходъ“ [3]). Затѣмъ въ 1849 г. Гоголь вращался по близости отъ Москвы: ѣздилъ въ Калугу, на гончаровскій полотняный заводъ, въ Оптину пустынь и проч. Главы второго тома, прочитанныя въ это время Смирновой и Арнольди, по всей вѣроятности, были написаны и обработаны гораздо раньше и Гоголь дѣлился съ друзьями не новымъ, а уже давно заготовленнымъ матеріаломъ.

С. Т. Аксаковъ такъ сообщалъ о чтеніи „Мертвыхъ Душъ“ своему сыну, Ивану Сергѣевичу: „До сихъ поръ не могу еще придти въ себя: Гоголь прочелъ намъ съ Константиномъ вторую главу. Вотъ какъ было дѣло. Пришелъ онъ къ намъ вчера обѣдать. Зная, что онъ неохотно сидитъ за столомъ безъ меня, я велѣлъ накрыть въ маленькой гостиной и Гоголь былъ очень доволенъ. Послѣ обѣда напала на меня дремота. Гоголь употребилъ разныя шутки, чтобы меня разгулять, въ чемъ и успѣлъ. Часу въ седьмомъ вдругъ говоритъ: „а что̀ бы „Куличка“ прочесть?“ Я отвѣчалъ, что если онъ хочетъ, то Константинъ принесетъ всѣ мои записки и прочтетъ ихъ въ гостиной. Гоголь сказалъ, что лучше пойти наверхъ. Я, ничего́ не подозрѣвая, согласился; но Вѣра догадалась и, провожая меня, сказала: „онъ будетъ вамъ непремѣнно читать“. Мы пошли наверхъ. Я выбралъ маленькаго Куличка и заставилъ Костю читать. Гоголь рѣшительно ничего не слушалъ, и едва Константинъ дочиталъ, какъ онъ выхватилъ тетрадь изъ кармана, которую давно держалъ въ рукѣ, и сказалъ: „ну, а теперь *я* вамъ прочту“. — Что̀ тебѣ сказать? Скажу одно: вторая глава несравненно выше

[1]) Тамъ же, стр. 490.

[2]) См. Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 555 и Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 490.

[3]) Стр. 554—555.

и глубже первой. Раза три я не могъ удержаться отъ слезъ. Такого высокаго искусства показывать въ человѣкѣ пошломъ высокую человѣческую сторону нигдѣ нельзя найти, кромѣ Гомера" и проч.[1]). Но необходимо имѣть въ виду, что къ отзывамъ о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" С. Т. Аксакова и Арнольди слѣдуетъ относиться осторожно, во-первыхъ потому, что Гоголь читалъ имъ начальныя наиболѣе удачныя главы, и затѣмъ особенно въ виду явныхъ противорѣчій, встрѣчающихся въ показаніяхъ С. Т. Аксакова[2]). Наконецъ надо имѣть въ виду особенно слѣдующія слова С. Т. Аксакова: „*Въ самое послѣднее свиданіе* съ моей женой Гоголь сказалъ, что онъ не будетъ печатать второго тома, что въ немъ *все никуда не годится* и что надо все передѣлать", а свиданіе это происходило уже *въ октябрѣ 1851 г* „О впечатлѣніи, которое произвели на него третья и четвертая глава" — вѣрно и многознаменательно замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ, — „С. Т. Аксаковъ *умалчиваетъ*"[3]).

---

1) См. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», II, 271—273.

2) Ср. «И. С. Аксаковъ», т. II, стр. 272 и письмо С. Т. Аксакова, озаглавленное: «Однимъ сыновьямъ» («Русск. Арх.», 1890, VIII, 200).

3) См. «Русск. Арх.», 1878, II, 54 и Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 576; см. также т. III, стр. 555.

Вотъ нѣкоторыя мелочи для характеристики отношеній Гоголя къ Аксаковымъ и нѣкоторымъ другимъ московскимъ литераторамъ.

«Мнѣ сладко было твое увлеченіе» — писалъ 18 марта 1849 г. С. Т. Аксаковъ своему сыну Ивану Сергѣевичу по поводу его восторженнаго воспоминанія о южномъ небѣ Малороссіи, — «Константинъ взбѣсился отъ него, а Хомяковъ и Гоголь умерли было со смѣху подъ гнѣвомъ Константина» («Жизнь и труды Погодина», т. X, стр. 213). Иванъ Сергѣевичъ вообще, сильно интересуясь Гоголемъ, часто разспрашивалъ о немъ и, случалось, самъ сообщалъ о немъ свѣдѣнія общимъ друзьямъ; такъ однажды онъ въ томъ же 1849 г. писалъ А. О. Смирновой: «Я нашелъ Гоголя хуже здоровымъ, чѣмъ оставилъ: онъ опять разстроился было нервами, похудѣлъ очень; но теперь сталъ нѣсколько вновь бодрѣе. Я полагалъ, что мистицизмъ А. П. Толстого съ супругою въ состояніи навести невыносимую хандру и разстроить всякіе нервы» («Русск. Арх.», 1895, XII, стр. 432).

Зато братъ его, Григорій Сергѣевичъ, вообще меньше цѣнилъ Гоголя. Еще по выходѣ «Ревизора» онъ юношей писалъ братьямъ: «О Ревизорѣ» слышалъ, что эта пьеса была принята отлично; авторъ былъ вызванъ; но также слышалъ, что въ ней много простонародныхъ бранныхъ словъ, что не совсѣмъ пріятно». Позднѣе онъ писалъ: «О Гоголѣ спорить не будемъ: мы и прежде были съ такими же неодинаковыми мнѣніями о его литературныхъ произведеніяхъ».

Въ дневникѣ Погодина подъ 4 мая 1849 г. по поводу его собственнаго чтенія отмѣчено: «Во время чтенія пришелъ Гоголь, прослушалъ, и ни слова. Не досадно ли

CXXXI.

Отношенія Гоголя къ Аксаковымъ въ разсматриваемое время подробно изложены въ недавно изданныхъ воспоминаніяхъ Сергѣя Тимоѳеевича. Подробности же отношеній къ Иванову отчасти раскрываются изъ нижеслѣдующихъ писемъ Моллера. (Помѣщаемъ здѣсь и письмо 1847 г., которое было опущено нами при пересказѣ совершившагося въ этомъ году, какъ не имѣющее ни малѣйшаго отношенія къ „Перепискѣ съ друзьями“, на которой были сосредоточены тогда всѣ помыслы и интересы Гоголя).

Ѳ. А. Моллеръ — Н. В. Гоголю. Римъ, 20 января 1847 г.

„Поздравляю васъ также съ новымъ годомъ, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ, и желаю вамъ отъ души исполненія всего того, что вы сами себѣ пожелаете. Благодарю васъ за милое ваше письмецо, которое принесло мнѣ много удовольствія. Я совершенно согласенъ съ вами въ томъ, что Провидѣніе все устраиваетъ къ лучшему и что самыя препятствія и остановки часто бываютъ причиной успѣха въ нашихъ предпріятіяхъ. Я слишкомъ часто испыталъ это на себѣ самомъ, чтобы унывать теперь отъ того, что столь долгое время не могу приступить къ исполненію моей давно затѣянной картины. Что за гадость вышла бы, если бы я началъ ее въ прошлую осень. Композиція ея съ тѣхъ поръ во сто кратъ выиграла, и даже въ послѣднее время, послѣ вашего отъѣзда въ Неаполь многое въ ней устроилось и обработалось гораздо удачнѣе, и что страннѣе всего, что послѣ столькихъ перемѣнъ я наконецъ возвратился опять къ самой первоначальной идеѣ, разумѣется нѣсколько развитой и положенной. Дѣла мои по мастерской также, слава Богу, устроились довольно хорошо. На будущей недѣлѣ, наконецъ, надѣюсь перебраться въ новую мастерскую и съ Божіей помощью принимаюсь за картонъ.

Иванова встрѣчаю по вечерамъ у Фальконе; письмецо ваше вручилъ ему въ тотъ же день. Письмо ваше, адресованное въ Café Greco, онъ также получилъ[1]). На мой вопросъ, будетъ ли онъ къ вамъ писать, отвѣтилъ мнѣ, что онъ полагаетъ, что было бы весьма неблагоразумно съ его стороны отвѣчать на ваши послѣднія три письма. Когда я ему сказалъ, что вы съ участіемъ меня спрашиваете, то онъ отвѣтилъ, что его этотъ вашъ вопросъ очень удивляетъ,

---

ему, что онъ теряетъ свое первенство? Чего добраго!» («Жизнь и труды Погодина», X, 406). Въ другихъ мѣстахъ того же дневника за 1849 г. встрѣчаемъ также любопытныя данныя напр. 15 октября 1849 г.: «Вечеръ, князь Енгалычевъ, Кирѣевскій, Григорьевъ (вѣроятно — Аполлонъ). Духовная бесѣда, и Гоголь скучалъ и улизнулъ» (тамъ же, стр. 326). Въ другомъ мѣстѣ отмѣчено: «А какъ сухъ Гоголь!» (тамъ же, стр. 335). Слова эти имѣютъ какое-то отношеніе къ чтенію гр. Ростопчиной ея комедіи «Нелюдимки».

[1]) Это, вѣроятно, тѣ два письма, которыя напечатаны въ „Современникѣ“ (1858, XI, 158-159)

ибо онъ полагаетъ, что вы сами бы должны были знать, до какой степени ваши письма могли огорчить; впрочемъ онъ теперь гораздо спокойнѣе и я его часто вижу даже въ весьма веселомъ расположеніи духа.

Чернышевы-Крутиковы кланяются вамъ отъ души и поздравляютъ съ новымъ годомъ; также и Тепловы и Анна Гавриловна, которая желаетъ вамъ всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ. Графъ было нѣсколько времени сталъ чувствовать себя очень хорошо, какъ вдругъ опять отъ неизвѣстныхъ причинъ получилъ новую простуду съ кашлемъ и проч., отчего теперь опять здоровье его нѣсколько порасклеилось. Онъ, однакожъ, неопасно боленъ и одышка съ нимъ бываетъ теперь весьма рѣдко и не такъ сильна, какъ прежде. Здоровье графини, которое также довольно долгое время было въ наилучшемъ состояніи, теперь опять нѣсколько разстроилось вслѣдствіе простуды; теперь ужъ третій день лихорадка.

Насъ всѣхъ очень обрадовало, что вы отложили до будущаго года ваше путешествіе на востокъ; это подаетъ намъ надежду еще въ нынѣшнемъ году увидѣться съ вами въ Римѣ.

Насчетъ слуховъ о васъ я теперь еще пока ничего узнать не могъ, ибо кромѣ Чернышевыхъ и Тепловыхъ ни съ кѣмъ изъ русскихъ не видаюсь. Но будьте увѣрены, что коль скоро мнѣ удастся узнать что-нибудь на вашъ счетъ, я не премину немедленно же вамъ сообщить.

Братья мои свидѣтельствуютъ вамъ почтеніе свое; они прибыли сюда наканунѣ нашего новаго года. Обнимаетъ васъ мысленно душевно преданный вамъ Ѳедоръ Моллеръ".

Ѳ. А. Моллеръ — Н. В. Гоголю. С.-Петербургъ, 6 апрѣля 1849 г.

„Поздравляю васъ съ праздникомъ, добрѣйшій Николай Васильевичъ! Христосъ Воскресе!

Очень пріятно было мнѣ узнать отъ брата моего, видѣвшаго васъ въ бытность свою въ Москвѣ, что вы, слава Богу, здоровы. Жалѣю только, что онъ не могъ повѣдать мнѣ ничего подробнаго о васъ и о томъ, каково вы совершили ваше путешествіе къ Святому Гробу. Братъ сказалъ мнѣ, что вы съ великимъ участіемъ разспрашивали его объ Ивановѣ и о его картинѣ и объ Іорданѣ. При всемъ моемъ желаніи удовлетворить вашему любопытству на этотъ счетъ, могу сказать вамъ объ Ивановѣ только то, что я оставилъ его въ Римѣ совершенно здороваго, бодраго духомъ; теперь же отъ времени до времени получаю отъ него письма, изъ коихъ видно, что онъ здоровъ и что вообще въ положеніи его ничего не измѣнилось. Впрочемъ въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ ограничивается только говорить (sic) о своихъ дѣлахъ по наслѣдству, оставшемуся по смерти отца его, котораго онъ имѣлъ несчастіе лишиться въ исходѣ прошлаго лѣта. О себѣ же говоритъ онъ очень мало; о картинѣ же подавно ни слова. Въ бытность мою въ Римѣ онъ еще все продолжалъ никого не пускать въ свою мастерскую и даже избѣгать всякаго разговора о картинѣ. Одно только мнѣ извѣстно, что онъ работаетъ ее постоянно, и что она сильно подвигается у него къ концу. Объ Іорданѣ мнѣ также извѣстно, что онъ оканчиваетъ свою доску, съ которою въ концѣ нынѣшняго года намѣревается возвратиться въ Россію[1]. Онъ порядочно посѣдѣлъ; впрочемъ попрежнему здоровъ и веселъ. Надняхъ

---

[1]) Объ окончаніи картины Іорданомъ Гоголю писалъ нѣсколько позднѣе также Ивановъ (см „Современникъ", 1858, XI, 170 и А. А. Ивановъ, 262, 263, 264).

узналъ я отъ одного художника, которому писали изъ Рима, что Іордана опять заставили вступить въ Чивику (національную гвардію) и что его будто бы видали съ ружьемъ. Вообразите себѣ Іордана съ ружьемъ! я думаю, ему никогда и во снѣ не снилось, что подъ старость придется нести солдатскую службу. Вотъ все, что̀ могу сообщить вамъ о нашихъ общихъ пріятеляхъ, и то даже не ручаюсь за достовѣрность послѣдняго извѣстія.

Братъ мой кланяется вамъ и съ благодарностью возвращаетъ вамъ при этомъ письмѣ *семьдесятъ пять рублей серебромъ,* которые вы ему столь обязательно одолжили въ бытность его въ Москвѣ".

Затѣмъ прощайте, добрый мой Николай Васильевичъ! Отъ души желаю вамъ здоровья, бодрости и дѣятельности и всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ. Если вамъ это не въ тягость, то порадуйте меня нѣсколькими строками, чѣмъ премного обяжете искренно преданнаго вамъ Ѳ. Моллера.

Приводимъ далѣе письма къ Гоголю Прокоповича и М. Базили, супруги Константина Михайловича.

М. Базили — Н. В. Гоголю. Москва, 14 іюня 1848 г.[1]).

„Давно хочу писать къ вамъ, Николай Васильевичъ, но мнѣ какъ-то трудно приниматься за письмо — къ Гоголю, я же давно по-русски не писала. Есть и другая причина. Я была занята, но занята очень, очень пріятно; читала „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями"! Тронутая до слезъ „Завѣщаніемъ", наполненнымъ чувствами истиннаго христіанина, тронутая до слезъ прекрасными страницами о „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ", я возрадовалась, видя, что есть еще на свѣтѣ человѣкъ, употребляющій данный ему Богомъ великій талантъ къ приведенію на добрый путь молодыхъ соотечественниковъ. Извините! знаю, что вы не любите, чтобы вамъ говорили о вашихъ сочиненіяхъ, но и вы меня знаете: я говорю, что придетъ мнѣ въ голову — но всегда правду.

Мужъ мой все еще въ Петербургѣ, занимается своею книгою, заставляетъ переписывать и проч. Не знаю сама, гдѣ намъ придется жить: ожидаю письма; но могу дать пріятное для васъ извѣстіе, что̀ Константина Михайловича приняли въ Петербургѣ какъ нельзя лучше, и что, надѣюсь, утрата здоровья и ревность его въ пользу службы не останутся безъ награды.

Здѣсь ужасно свирѣпствуетъ холера: гнѣвъ Божій напалъ на всю Европу. Смерть, угрожающая ежеминутно всякому, да наведетъ москвитянъ на благую дорогу. А, кажется, христіане, ходятъ въ церковь и постятся!

Еще скажу вамъ, что̀ здѣсь очень холодно: 5 или 6 градусовъ утромъ, я же отвыкла отъ холода и непогоды".

Н. Я. Прокоповичъ — Н. В. Гоголю. С.-Петербургъ, 16 іюля 1848 г.[2]).

„Благодарю тебя, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, за твою память обо мнѣ и за письмо твое. Ни въ какое другое время не можетъ быть такъ интересно получить извѣстія отъ друзей нашихъ, какъ въ настоящее, когда нельзя быть увѣреннымъ въ жизни и того, съ кѣмъ видѣлся вчера. Да, насъ посѣтилъ страш-

---

[1]) Приводимъ это письмо для связи съ нѣкоторыми изъ слѣдующихъ, гдѣ рѣчь касается, главнымъ образомъ, автора его, жены К. М. Базили, которая очень полюбила Гоголя и которую Гоголь также любилъ. Объ отвѣтномъ письмѣ Гоголя см. въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1893, стр. 59.

[2]) Это письмо служитъ отвѣтомъ на письмо отъ 20 іюня 1848 г. („Русск. Слово", 1859, I, 135).

ный бичъ: по свидѣтельству медиковъ, эпидемія 1831 г. противъ нынѣшней кажется игрушкой какъ по количеству случаевъ, такъ и по злокачественности. Петербургъ, судя по оффиціальнымъ извѣстіямъ, потерялъ отъ нея до 11 тысячъ жителей, а она все еще продолжается, хотя и въ несравненно меньшей степени. Что̀ касается до насъ, то мы всѣ со всѣми чадами и домочадцами пребываемъ по сію минуту благополучны и не тронуты никакими лихими болѣстями. Изъ общихъ знакомыхъ нашихъ тоже, кажется, никто не отправился къ отцамъ; только одинъ Бѣлинскій, что̀, вѣроятно, ты уже знаешь, умеръ, но еще прежде холеры — отъ продолжительной чахотки.

Базили здѣсь, и я иногда съ нимъ вижусь. Онъ сѣтуетъ на тебя за забвеніе, и я тоже на тебя въ претензіи за то, что ты ни словечка не упоминаешь мнѣ о Данилевскомъ, съ которымъ ты, вѣрно, видѣлся и который, Господь его знаетъ за что̀ — наказываетъ меня нѣскольколѣтнимъ молчаніемъ, такъ что я только отъ Базили узналъ о его существованіи и женитьбѣ. Поклонитесь же ему отъ меня, да и супругѣ его, если увидишь ихъ.

Я долженъ просить у тебя извиненія: ты поручаешь мнѣ подписаться на „Иллюстрацію", и я съ удовольствіемъ исполнилъ бы твое порученіе, но нахожусь въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, что, право, не могу: денегъ у меня и всегда бываетъ немного, а теперь лѣто и холера лишила насъ всѣхъ частныхъ занятій, довела до того, что я долженъ разсчитывать каждую копѣйку, если не хочу заставлять поститься семейство мое; въ такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, признаюсь тебѣ, я еще никогда не находился. Прими же мои увѣренія, что только одни они не позволяютъ мнѣ оказать тебѣ эту ничтожную услугу.

Будь здоровъ и счастливъ и да хранитъ тебя небо отъ всякихъ невзгодъ! Увѣдоми меня до личнаго нашего свиданія хотя строчкой о себѣ и Данилевскомъ. Письмо твое дошло до меня очень поздно; причиною то, что ты не написалъ на немъ: въ *9 линію,* и оно валялось у почтальона, пока другое письмо на имя мое не показало дороги ему.

Жена и дѣти тебѣ кланяются и съ нетерпѣніемъ ждутъ тебя. Пріѣзжай! авось судьба и пощадитъ насъ, какъ щадила до сихъ поръ".

Къ 1849 году относятся также ниже помѣщаемыя письма Гоголя къ Базили и Базили къ Гоголю.

Н. В. Гоголь — К. М. Базили. 5 іюня 1849 года[1]).

„Милый другъ Константинъ Михайловичъ. Все собирался писать къ тебѣ, какъ вдругъ поразила меня вѣсть о горѣ, тебя поразившемъ (sic). Мысль писать въ безсиліи остановилась. Я измѣрялъ передъ собою великость твоей утраты и видѣлъ, что никакое слово мое, никакое участіе кого бы то ни было, кромѣ развѣ Того, Кто посѣтилъ тебя, не въ силахъ было принести утѣшенія. Близость твоя отъ святыхъ мѣстъ меня успокоивала много. Теперь, какъ-только представился случай къ отправленію письма въ Константинополь, пишу къ тебѣ. Теперь горе твое немного утихло. Теперь ты больше расположенъ внимать словамъ участья, но и теперь ничего не умѣю сказать, кромѣ того, что утрата твоя велика, и что по этой-то самой причинѣ вѣчно слѣдуетъ благодарить Бога за мгновенное

---

[1]) За сообщеніе этого письма приносимъ искреннюю признательность искренноуважаемому сыну покойнаго К. М. Базили, Александру Константиновичу Базили. — Горе, о которомъ ниже идетъ рѣчь, состояло въ смерти жены Базили, одно письмо коей къ Гоголю приведено выше.

владѣніе утраченнымъ даяніемъ. Воспоминанія о немъ остается намъ въ украшенье всей послѣдующей жизни. Въ немногіе дни нашего пребыванія въ Байрутѣ я искренно полюбилъ покойницу. И мнѣ казалось, что лучшей подруги тебѣ нельзя было избрать въ мірѣ. Никто, кромѣ ея, не могъ быть тебѣ такъ нуженъ и необходимъ въ этомъ краю, гдѣ не всякой европейской обитательницѣ захотѣлось бы жить.

Милый другъ! Вся жизнь наша должна быть благодарность. Благодарность, а не другое что. Тогда вся жизнь наша будетъ прекрасна. Ты меня много, много обяжешь, если напишешь о себѣ, о состояніи души своей. Хотѣлъ бы я еще просить тебя, просить описать мнѣ послѣднія минуты *ея*. Но не знаю, будетъ ли это удобно, не наполнитъ ли это тебя грустью, не опечалитъ ли сердца! О себѣ особенно замѣчательнаго не могу покуда ничего сказать, кромѣ того что зиму провелъ довольно хорошо. Весной заболѣлъ, но теперь опять поправляюсь. Голова еще не въ такомъ состояніи, чтобъ свѣжо заняться дѣломъ, но времени не пропускалъ, отъ дѣла не бѣгаю и запасаюсь матеріалами для будущей работы. Теперь нужно быть очень умнымъ и осмотрительнымъ, чтобы быть въ состояніи сказать даже и не весьма умное слово. Время безпутное и сумасшедшее. То и дѣло, щупаешь голову, не рехнулся ли самъ. Дѣлаются такія вещи, что кружится голова, особенно когда видишь, какъ законныя власти сами стараются себя подорвать и подкапываются подъ собственный свой фундаментъ. Разномысліе и несогласіе во всей силѣ. Соединяются только проповѣдники *разрушенія;* гдѣ только дѣло касается созданья и устройства, тамъ раздоръ, нерѣшительность, опрометчивость. И до сихъ поръ еще не догадались, что слѣдуетъ призвать, призвать Того, Кто Одинъ строитель порядка.

Прощай! Обнимаю тебя крѣпко твой весь Н. Гоголь".

К. М. Базили — Н. В. Гоголю. Ливанскія горы, 25 іюля 1849 г.

„Благодарю тебя, добрый другъ мой Николай Васильевичъ, за твое участіе — не скажу въ навѣстившемъ меня горѣ, но въ разрушеніи судьбы моей. Горе — доля наша. Много горя знавали мы и прежде. Ты знаешь, что я уже былъ испытанъ смертью перваго моего сына. Горе наше нужно человѣку для моральнаго его воспитанія. Оно дѣлаетъ насъ добрѣе, терпѣливѣе, снисходительнѣе. Но въ положеніи моемъ горе — послѣдняя вещь. Въ горѣ найдешь опору въ самомъ себѣ и въ религіи; это что-то внутреннее, индивидуальное и кромѣ себя да Бога никому отчета не дашь въ своемъ горѣ. Вспомни и сообрази мое положеніе и сравни съ тѣмъ, что оно было прежде. Чѣмъ же оно было, по человѣчески говоря, чѣмъ оно было такъ важнымъ, что однимъ дыханіемъ оно рушилось? Недовольно того, что я осужденъ дикому одиночеству (sic), да еще на чужбинѣ, но на мнѣ же лежитъ забота о трехъ ребенкахъ и отвѣтственность за нихъ передъ Богомъ. Сыну моему старшему, любимцу твоему Сашѣ, не было и трехъ лѣтъ, когда онъ остался сиротою[1]). Машѣ было полтора года, а новорожденной дочери, которой впослѣдствіи дано имя матери, было 14 дней. Это было въ первыхъ числахъ ноября, именно въ Михайловъ день, въ тотъ день и въ тотъ часъ, когда за три года передъ тѣмъ отходилъ въ моихъ рукахъ мой сынъ Михаилъ. Мы прибыли сюда благополучно черезъ все холерное простран-

---

[1]) Александръ Константиновичъ Базили, нѣсколько лѣтъ состоявшій русскимъ консуломъ въ Вѣнѣ (до того времени въ Пештѣ), нынѣ онъ занимаетъ высокій постъ въ Петербургѣ.

ство отъ сѣвера до Сиріи. Мѣсяцъ спустя она родила такъ же благополучно, какъ и въ прежнихъ родахъ. Затѣмъ, нѣсколько дней спустя, обнаружились первые симптомы, которые всѣхъ насъ и доктора нашего безпокоили, а ее только одну обманывали и радовали обиліемъ молока. Полна материнскаго чувства, коимъ такъ благоразвивается характеръ женщины, она гордилась тѣмъ, что могла сама кормить своего ребенка и не понимала сопротивленія моего и доктора нашего, и слышать не хотѣла о кормилицѣ. Въ этихъ разговорахъ провели мы вечеръ 7-го числа. Все это было обманомъ нервнымъ и обиліе молока было гибельнымъ. Послѣ обѣда она призвала къ себѣ старшихъ ребенковъ, порадовалась ихъ лепету, поиграла съ ними, затѣмъ перекрестила ихъ и послала ложиться. Затѣмъ насильно заставила меня идти въ свою комнату ложиться, а я отъ безпокойства уже былъ въ лихорадкѣ нѣсколько дней. Забылъ я тебѣ замѣтить, что дѣти страдали страшнымъ коклюшемъ и что все было мрачно кругомъ. Когда я вышелъ, простившись съ нею, она стала раздѣваться, стала, какъ всегда, на колѣни передъ изголовьемъ, перекрестилась, и когда совсѣмъ хотѣла лечь, видно затемнѣло въ глазахъ: при ней были нянька и горничная; она сказала имъ по-гречески: „поддержите; не вижу" — это было послѣднее слово. Я прибѣжалъ, принялъ послѣднія ея дыханья, думая, что только былъ обморокъ. И всѣ такъ думали. Прибѣжали доктора, дамы знакомыя. Мы дѣлали всякіе опыты, а она, вѣроятно, жалѣла о насъ. Вотъ точь въ точь ея послѣднія минуты, о чемъ ты такъ добродушно спрашиваешь. Ты зналъ ее, какъ немногіе только знавали и какъ немногихъ самъ ты знавалъ. Вотъ уже, кажется, девять мѣсяцевъ прошло. Подумаешь ли, что я хоть сколько-нибудь — не скажу утѣшился, но отдохнулъ ли и собрался ли съ силами послѣ того? — Нѣтъ, другъ мой Николай Васильевичъ! Каждый день горше и горше чувствую свою утрату. Указываешь на Того, Кто испытуетъ, караетъ и милуетъ по премудрости своей. Знаешь ли, заслуживаю ли я поднять око слѣпое на Него? Знаешь ли, что въ ту ночь, послѣ полуночи, когда всѣ кромѣ меня думали, что то былъ не обморокъ, а смерть, когда жена сардинскаго консула стала ее одѣвать и когда убѣдили меня въ истинѣ, знаешь ли, чтò было первой моей мыслью, которую я съ хохотомъ тогда же объявилъ всѣмъ во всеуслышанье. А вотъ чтó было: до сихъ поръ я былъ такъ глупъ, что вѣрилъ въ безсмертіе души, будто безсмертная частица Бога такъ мгновенно, такъ неожиданно отходитъ. Я самъ хоронилъ ее и, повѣрь, во все это время, среди всѣхъ обрядовъ и вѣрить не хотѣлъ въ безсмертіе души и все объ этомъ грезилось мнѣ. Ужели такъ строго еще въ этой жизни наказанъ за слабовѣріе. Если дано мнѣ направить хоть первые годы моральнаго воспитанія дѣтей, то непремѣнно сдѣлаю ихъ вѣрующими до суевѣрія, слѣпо, сколько отъ меня будетъ зависѣть. Уже сынъ лепечетъ молитвы и постоянно слушаетъ обѣдни, а живемъ, знаешь, въ монастырѣ, лѣтомъ — на Ливанѣ.

Тѣмъ ли, думаешь, кончились мои испытанія? Богъ ея ради только даровалъ семейству моему радости. Когда ея не стало, вотъ чтò случилось: дѣти были больны коклюшемъ; это — мучительная болѣзнь, но не слишкомъ опасна; нужны только заботы. Затѣмъ ровно 1-го января, т.-е. съ 31-го на 1-е, когда полміра пируетъ, въ Александрѣ обнаружилось воспаленіе легкихъ. Семь дней сряду держалъ я его въ своихъ рукахъ, чтобы усладить послѣднія его минуты, ибо надежды не было никакой. Богъ, однако, его спасъ. Но болѣзнь продолжалась всю зиму и еще до сихъ поръ онъ не оправился. Такъ провелъ я это время. Съ дочерьми я принужденъ былъ разстаться во все время болѣзни сына. Добрыя

знакомыя наши дамы силою взяли ихъ изъ дома моего. Весною съѣздилъ я на покаяніе, въ Іерусалимъ, моремъ, ибо сухопутно было некогда, и болѣе недѣли отлучаться отъ дѣтей я не смѣлъ. Затѣмъ поспѣла ко мнѣ младшая сестра, чтобы кое-какъ устроить меня и дѣтей. Теперь все обстоитъ благополучно. Родственники и мои и ея непремѣнно хотятъ, чтобы я покинулъ этотъ край. Но мною овладѣла лѣнь такая и такая нерѣшительность, что я совсѣмъ лишенъ способности сочинять новые планы въ будущемъ. Куда мнѣ теперь переводиться съ тремя ребенками, да какое вліяніе возымѣетъ на нихъ перемѣна климата? Да мнѣ самому куда тащиться? Если что-нибудь еще можетъ быть для меня пріятнымъ, такъ это лѣнь и совершенное бездѣйствіе по цѣлымъ суткамъ. Можетъ быть, усовершенствуюсь современемъ тѣмъ, что пріучу и самый умъ къ бездѣйствію, т.-е. его-то вонъ (sic), всякую мысль и тѣмъ дамъ отдыхъ мозгу Оставимъ это, братъ Гоголь, и поговоримъ о другомъ. Соберись, братъ, съ духомъ да пріѣзжай сюда, поживи годикъ у меня. Не похвалюсь пріятностью моего дома; но дамъ тебѣ жизнь въ покоѣ, какъ медвѣдю въ берлогѣ, пожалуй если пожелаешь одиночества, нигдѣ такого не вкусишь, да все-таки по нѣскольку часовъ въ сутки проведемъ вмѣстѣ, говоря или молча. Вскорѣ перебираюсь въ новопостроенный великолѣпный домъ. Два года планъ этого дома готовилъ я съ тою, которая теперь живетъ въ другомъ мірѣ, не въ каменныхъ палатахъ. Тьфу, братъ, какъ пошлы всѣ романы и всѣ трагедіи, гдѣ плаксы оплакиваютъ своихъ возлюбленныхъ. То ли смерть матери моихъ дѣтей, того существа, съ которымъ пять лѣтъ сряду я привыкъ жить и мыслить и чувствовать заодно?

Въ ея бумагахъ нашелъ я два твои письма: они хранились съ письмами моими, матери и сестры ея. Да кстати, куда я адресую это письмо. Ты отмѣтилъ въ своемъ письмѣ 4 іюня, а откуда оно писано, Богъ знаетъ. Все тотъ же ты и счастливъ ты.

Поручу Халчинскому отыскать тебя, но если письмо это опоздаетъ, не гнѣвайся на твоего Базили".

CXXXII.

Объ отношеніяхъ къ Смирновой и подробности недолгаго пребыванія у нея въ деревнѣ Гоголя лѣтомъ 1849 г. должны открыться изъ находящейся подъ спудомъ части дневника Смирновой[1]). Приведемъ пока разсказъ Кулиша о посѣщеніи Гоголемъ Смирновой.

„Въ іюнѣ 1849 года А. О. Смирнова, по дорогѣ въ Калугу, пріѣхала въ Москву и нашла Гоголя въ домѣ графа А. П. Толстого, гдѣ онъ поселился съ самаго своего пріѣзда изъ Малороссіи. Онъ обѣщалъ погостить у нея съ мѣсяцъ и вслѣдъ за нею отправился въ тарантасѣ съ ея братомъ Л. И. Арнольди.

Гоголь пріѣхалъ къ Смирновымъ сперва въ село Бегичево, Ка-

---

1) См. также воспоминанія Л. И. Арнольди («Русск. Вѣстн.», 1862, I, 54—95).

лужской губерніи, Медынскаго уѣзда. Его возили по окрестнымъ деревнямъ, и ему очень понравился домъ и садъ на полотняной фабрикѣ Гончарова. Онъ часто выходилъ на сѣнокосъ любоваться костюмами бегичевскихъ крестьянокъ и заставлялъ гостившаго тогда также у Смирновыхъ живописца Алексѣева рисовать ихъ со всѣми узорами на рубашкахъ. Онъ былъ въ восхищеніи отъ физіономій, костюмовъ и граціозности бегичанокъ и находилъ въ нихъ сходство съ итальянками. Его очень заботило вообще здоровье простого народа и своеобразность его быта. Онъ вспоминалъ, какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича одинъ путешественникъ, посѣтивъ Россію, написалъ, что населеніе ея скудно, народъ измельчалъ и обѣднѣлъ, а другой, пріѣхавши къ намъ черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ перваго, нашелъ города и деревни обильно населенными, нашелъ народъ здоровый, рослый, цвѣтущій и богатый. Гоголь это приписывалъ благочестивой жизни царя, который вездѣ въ государствѣ водворилъ порядокъ, безопасность и спокойствіе.

Черезъ нѣсколько дней семейство Смирновыхъ переѣхало съ Гоголемъ въ Калугу. Дорогою его занимало: какъ ему покажется губернскій городъ, какъ будетъ устроенъ губернаторскій домъ и вообще, каковъ будетъ бытъ губернатора и всего, что̀ его окружаетъ. Подъѣхали къ Калугѣ вечеромъ. Вдали начали мелькать огни загороднаго губернаторскаго дома... Гоголь пришелъ въ восхищеніе.

— „Да это просто воликолѣпіе!“ сказалъ онъ: — „да отсюда бы и не выѣхалъ! Ахъ, да какой здѣсь воздухъ!“

Ему отвели квартиру въ особомъ флигелѣ, въ которомъ жилъ нѣкогда Ю. А. Нелединскій (при губернаторѣ князѣ А. П. Оболенскомъ, женатомъ на дочери Нелединскаго). Флигель не отличался своей красотою, но Гоголю нравился, потому что онъ былъ тамъ совершенно одинъ и видъ изъ оконъ былъ прекрасный. Его особенно восхищали зеленый сосновый боръ и рѣка Яченка, на крутомъ берегу которой стоялъ загородный губернаторскій домъ. Вправо отъ бора ему видны были главы Лаврентьева монастыря. Гоголь самъ пожелалъ, чтобъ ему служилъ человѣкъ Христофоръ, который нравился ему тѣмъ, что у него „настоящая губернская физіономія“. Онъ утверждалъ, что „именно такіе слуги должны быть въ губернскомъ городѣ у губернатора“.

По утрамъ Гоголя не видали; онъ являлся въ домъ только въ три часа, къ обѣду. Онъ очень любилъ видѣть за губернаторскимъ обѣдомъ чиновниковъ и говорилъ, что „это такъ слѣдуетъ“. За столомъ онъ всегда разговаривалъ съ чиновниками и былъ съ ними очень любезенъ, но посѣщалъ только инспектора врачебной управы В. Я. Быковскаго, съ которымъ онъ познакомился, какъ съ землякомъ. Несмотря на то, въ Калугѣ всѣ знали Гоголя и очень имъ интересовались. Однажды вѣтеръ сорвалъ съ него и бросилъ въ лужу бѣлую шляпу. Гоголь тотчасъ купилъ себѣ черную, а бѣлую, запачканную грязью, оставилъ въ лавкѣ. Всѣ „рядовичи“ собрались къ счастливому купцу, которому досталась эта драгоцѣнность, и каждый примѣривалъ шляпу на своей головѣ, удивляясь, что голова-дескать у Гоголя и не очень велика, а сколько-то ума! Былъ въ Калугѣ книгопродавецъ Олимпіевъ, великій почитатель литературныхъ знаменитостей. Онъ былъ знакомъ съ Пушкинымъ, съ Жуковскимъ и хаживалъ къ Гоголю. Узнавъ о томъ, что шляпа Гоголя находится въ рукахъ гостиннодворцевъ, онъ убѣдилъ ихъ поднесть эту драгоцѣнность А. О. Смирновой, что̀ и было исполнено съ подобающею церемоніею. Но, разумѣется, А. О., наслаждаясь присутствіемъ у себя въ домѣ самого Гоголя, отказалась принять его запачканную шляпу, и шляпа осталась во владѣніи рядовичей.

Гоголя возили по окрестностямъ губернскаго города и, между прочимъ, въ село Ромоданово, откуда, по его словамъ, видъ Калуги напоминалъ ему Константинополь. Бывши тамъ у всенощной въ праздникъ Рождества Богородицы, онъ восхищался тѣмъ, что церковь убрана была зеленью.

Костюмъ Гоголя въ это время раздѣлялся на буднишній и праздничный. По воскресеньямъ и праздникамъ, онъ являлся обыкновенно къ обѣду въ бланжевыхъ нанковыхъ панталонахъ и голубомъ, небеснаго цвѣта, короткомъ жилетѣ. Онъ находилъ, что „это производитъ впечатлѣніе торжественности, и говорилъ, что въ праздники все должно отличаться отъ буднишняго: сливки къ кофе должны быть особенно густы, обѣдъ очень хорошій, за обѣдомъ должны быть предсѣдатели, прокуроры и всякіе этакіе важные люди, и самое выраженіе лицъ должно быть особенно торжественно“.

Еще до переѣзда съ дачи въ городъ, Гоголь предложилъ А. О. Смирновой прочесть ей нѣсколько главъ изъ второго

тома „Мертвыхъ Душъ“, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ никого при этомъ чтеніи не было и чтобъ объ этомъ не было никому ни писано, ни говорено. Онъ приходилъ къ ней по утрамъ въ 12 часовъ и читалъ почти до 2-хъ. Одинъ разъ былъ допущенъ къ слушанію братъ ея Л. И. Арнольди.

Уцѣлѣвшій отъ сожженія обрывокъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“ давно ужъ напечатанъ и извѣстенъ каждому. То, что̀ читалъ Гоголь А. О. Смирновой, начиналось не такъ, какъ въ печати. Такъ, напримѣръ, анекдотъ о черненькихъ и бѣленькихъ разсказывается генералу во время шахматной игры, въ которой Чичиковъ овладѣваетъ совершенно благосклонностью Бетрищева; въ домашнемъ быту генерала пропущены лица — плѣнный французскій капитанъ Эскадронъ и гувернантка англичанка. Въ дальнѣйшемъ развитіи поэмы не достаетъ описанія деревни Вороного-Дрянного, изъ которой Чичиковъ переѣзжаетъ къ Костанжогло. Потомъ нѣтъ ни слова объ имѣніи Чегранова, управляемомъ молодымъ человѣкомъ, недавно выпущеннымъ изъ университета. Тутъ Платоновъ, спутникъ Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портретъ, а потомъ они встрѣчаютъ, у брата генерала Бетрищева, живой подлинникъ этого портрета, и начинается романъ, изъ котораго Чичиковъ, какъ и изъ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, каковы бъ они ни были, извлекаетъ свои выгоды. Первый томъ, по словамъ А. О. Смирновой, совершенно поблѣднѣлъ въ ея воображеніи передъ вторымъ: здѣсь юморъ возведенъ былъ въ высшую степень художественности и соединялся съ паѳосомъ, отъ котораго захватывало духъ. Когда слушательница спрашивала: „неужели будутъ въ поэмѣ еще поразительнѣйшія явленія?“ Гоголь отвѣчалъ:

— Я очень радъ, что это вамъ такъ нравится, но погодите: будутъ у меня еще лучшія вещи: будетъ у меня священникъ, будетъ откупщикъ, будетъ генералъ-губернаторъ“ [1]).

Никто не умѣлъ такъ ободрять Смирнову и разгонять ея хандру, какъ Гоголь. Недаромъ она съ отрадой вспоминала свою жизнь въ одно время съ нимъ въ Ниццѣ и, сравнивая съ нею свою жизнь въ Петербургѣ, говорила: „умъ и сердце мое ищутъ другой потребности и все еще переносятся съ

---

[1]) «Записки о жизни Гоголя». II, 224—227.

радостію и успокоеніемъ къ Ниццѣ“. Съ своей стороны, приглашая Гоголя въ Петербургъ, Смирнова убѣждала его, что онъ могъ бы у нея отдохнуть душой, если бы пожилъ въ ея семействѣ такъ же свободно и привольно, какъ въ Ниццѣ“[1]).

Гоголь также нерѣдко дружески ободрялъ и успокаивалъ Н. М. Смирнова, когда онъ утомленный борьбой со взяточничествомъ и другими злоупотребленіями, въ горькія минуты падалъ духомъ и поддавался отчаянію. Сознавая, что борьба непосильна, онъ пробовалъ отдавать бо̀льшую часть жалованья и наконецъ все жалованье чиновникамъ своей канцеляріи, но и это не много помогало. Гоголь уговаривалъ его не оставлять службу словами; „Николай Михайловичъ, вы уже тѣмъ дѣлаете полезное дѣло, что, пока вы не оставите мѣста, его не можетъ занять какой-нибудь взяточникъ“.

Дѣти Смирновыхъ, видя въ Гоголѣ простоту и полное отсутствіе желанія имъ импонировать, боготворили его. Въ письмахъ матери они передаютъ ему поклоны, спрашиваютъ о немъ. Въ Бегичевѣ (калужской деревнѣ Смирновыхъ) Гоголь любилъ ихъ поразвлечь и позабавить: раскрашивалъ имъ афиши разноцвѣтными чернилами, ходилъ съ ними гулять, удить рыбу, собирать грибы; жарилъ часто грибы и караси въ сметанѣ, приготовлялъ въ совершенствѣ макароны. Онъ съ любовью наблюдалъ за развитіемъ дѣтей, а одну изъ нихъ (Ольгу Николаевну) даже училъ ботаникѣ. А. О. Смирнова однажды внесла въ свой дневникъ слѣдующее: „Гоголь замѣтилъ, что дѣти мои драматизируютъ все, что̀ ихъ занимаетъ. Когда имъ прочитали о мексиканцахъ Купера, они три дня сряду играли въ мексиканцевъ, кутались въ одѣяла и надѣвали перья на голову. Надя „представляетъ комедіи“ съ куклами и передаетъ имъ все, что̀ m-lle Овербекъ говоритъ въ классѣ Ольгѣ и Сонѣ; на дняхъ передала даже урокъ физики, закончивъ словами: „физика — крыса въ молокѣ!“ Гоголь спросилъ, что̀ это значитъ? Она отвѣчала: „Это значитъ, что физика дрянь“.— „Отчего у васъ такое презрѣніе къ

---

[1]) И дѣйствительно, время, проведенное въ Ниццѣ, было свѣтлымъ лучомъ въ ихъ прошломъ, тѣмъ болѣе, что Гоголь, Смирновы и Віельгорскіе жили тамъ, что называется «душа въ душу», какъ бы составляя одну тѣсную семью. Въ Римѣ у нихъ также были devoirs de société, при чемъ они часто собирались у вел. кн. Маріи Николаевны.

физикѣ?“ спрашивалъ Гоголь. „Отстаньте, Накавайка“,—такъ она его называла,— „много будете знать — скоро состаритесь“. Однажды Гоголь хорошо „выдумалъ“ для дѣтей луну: досталъ пустой круглый ящикъ, въ которомъ были привезенныя имъ изъ Константинополя лакомства (халва и рахатъ-лукумъ), вынулъ дно ящика, наклеилъ бумагу, намазалъ ее масломъ и приклеилъ огарокъ. Дѣти были внѣ себя отъ восторга: повѣсили ящикъ на дерево и говорили, что это луна для склепа весталки. Въ разговорѣ съ дѣтьми Гоголь часто шутилъ, былъ веселъ; они, въ свою очередь, слѣдуя примѣру матери, обходились съ нимъ, какъ съ домашнимъ, повѣряли ему свои тайны, шалости, выпрашивали черезъ него льготы. Ему особенно нравился ихъ вкусъ къ театру и живымъ картинамъ[1]), въ которыхъ сами принимали участіе. Однажды онъ очень интересовался, почему дѣти любятъ представлять Улисса, весталокъ, Бахуса и Аріадну. Наконецъ, онъ отгадалъ эту тайну. Для Улисса они выпрашивали изъ конюшни любимую собаку, а для весталокъ зажигали на блюдечкѣ о-де-колонъ и приносили изъ кухни черный хлѣбъ (для весталки, приговоренной къ смерти), для Бахуса и Аріадны имъ давали виноградъ, который, конечно, очень скоро исчезалъ. Дѣти также любили вспоминать и о жизни въ Ниццѣ и въ Римѣ, который любили до того, что, увидавъ его послѣ долгой отлучки, бросились цѣловать землю.

Изъ другихъ лицъ, въ дружбѣ которыхъ Смирнова находила истинную отраду въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, слѣдуетъ назвать особенно И. С. Аксакова, П. А. Вяземскаго и графа А. К. Толстаго[5]).

Она страдала болѣзненной мнительностью и, опасаясь смерти и даже помѣшательства, хандрила и унывала. Эти припадки хандры на нее нападали особенно, когда она страдала коклюшемъ въ 1845 г.

Однажды кн. П. А. Вяземскій по этому поводу написалъ ей стихи. Онъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее въ своемъ

---

[1]) О любви дѣтей и всей семьи къ живымъ картинамъ см. соч. и письма Гоголя, VI, 80.

[5]) Она была также въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ слѣдующими представителями литературы и мысли: Тургеневымъ, Писемскимъ, Хомяковымъ, Тютчевымъ, кн. Черкасскимъ, Милютинымъ и проч. и была знакома съ гр. Л. Н. Толстымъ.

дневникѣ: „Смирнушка ужасно кашляетъ и я на дняхъ писалъ ей:

„Что дѣлаетъ вашъ скучный кашель?
Его на сердцѣ я ношу,
И какъ у сердца ни спрошу:
„О чемъ грустишь ты? Не о Сашѣ ль?“
Оно въ отвѣтъ мнѣ: „точно такъ!“
И зарыдаешь, какъ дуракъ“[1]).

Эти строки ее ужасно растрогали, и она просила продолженія. Но я отказался за неспособностью и обѣщалъ ей просить Омера Андреевича (т.-е. Жуковскаго) докончить начатое мною“. И. С. Аксакова, въ сущности Смирнова чрезвычайно любила, хотя, какъ и Гоголь, не сочувствовала славянофильству, особенно въ крайнихъ его проявленіяхъ. (См. мнѣніе Гоголя о славянофилахъ въ VI т., 267: „Воспитай прежде себя для общаго дѣла, чтобы умѣть точно говорить о немъ, какъ слѣдуетъ. А они, надѣлъ кафтанъ да запустилъ бороду, да и воображаетъ, что распространяетъ русскій духъ на русской землѣ!“) Гоголь и Смирнова выразили также свое одобреніе, когда это увлеченіе кончилось. — Съ А. К. Толстымъ Гоголь познакомился еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ[2]). Впослѣдствіи они часто встрѣчались у Смирновой въ Калугѣ.

CXXXIII.

Слѣдующая зима, снова проведенная въ Москвѣ, оказалась опять убійственной для Гоголя и его творчества, что доказывается кромѣ цѣлаго ряда приведенныхъ Н. С. Тихонравовымъ признаній Гоголя, разбросанныхъ въ его тогдашнихъ письмахъ, еще пропущеннымъ Н. С. Тихонравовымъ письмомъ Гоголя къ Стурдзѣ, въ которомъ онъ прямо говоритъ: „послѣдняя зима въ Москвѣ у меня *почти пропала вся даромъ*“[4]), но и вообще пребываніе въ любимой Гоголемъ Москвѣ въ зимнее время Гоголь признаетъ для себя „вредоноснымъ“.

---

[1]) Соч. IV т., 273, и «Русск. Арх.», 1884, 4, 433.

[2]) См. «Зап. о жизни Гоголя» I, 231—233. Тамъ же см. любопытный разсказъ о томъ, какъ въ присутствіи Толстого Гоголь снялъ въ кабинетѣ Жуковскаго со стѣны принадлежавшіе послѣднему карманные часы съ золотой цѣпочкой и сказалъ: «Ахъ, часы Жуковскаго! Никогда съ ними не разстанусь!“

[4]) «Москвитянинъ», 1852, т. V, стр. 226.

слѣдовательно то же самое ясно должно быть отнесено и къ зимѣ предшествующей, и то обстоятельство, что Гоголь избралъ слушателями „Мертвыхъ Душъ“, только Сергѣя Тимоѳеевича и Константина Сергѣевича, позволяетъ предположить, что новыя восторженныя вспышки послѣдняго отразились, какъ и прежде, на сужденіяхъ его отца. Да и въ письмѣ къ Плетневу отъ 12 дек. 1850 г. Гоголь прямо говоритъ: „зима третьяго года кое-какъ перекочкалась, но прошлаго едва-едва вынеслась“[1]). Такъ сбивчивы показанія Гоголя, касающіяся даже вопроса объ его здоровьѣ, относительно котораго можно предполагать теперь у него только временное и сравнительное, а никакъ не серьезное улучшеніе. Зато и необходимо обратить особенное вниманіе на слова Гоголя въ письмѣ къ А. О. Смирновой отъ 20 авг. 1850 г.: „Мнѣ нужно непремѣнно эту зиму хорошенько поработать въ ненатопленномъ теплѣ, съ благодатными прогулками на воздухѣ благорастворениаго юга, и если только милосердный Богъ приведетъ мои силы въ состоянье полнаго выздоровленія, то второй томъ эту же зиму будетъ готовъ“. Изъ непосредственно слѣдующихъ затѣмъ словъ: „вы сами знаете, что бываютъ времена, когда въ одинъ день больше дѣлается, чѣмъ въ цѣлые мѣсяцы“[2]), очевидно, что и въ предыдущихъ словахъ рѣчь идетъ не о достигнутомъ, но, главнымъ образомъ, о надеждахъ и чаяніяхъ, и мы не увѣрены, что заключительныя слова этого письма: „я тѣломъ не очень здоровъ, но голова, слава Богу, вся сидитъ во второмъ томѣ“ могутъ служить доказательствомъ новыхъ успѣховъ въ трудѣ: вѣдь Гоголь постоянно упорно работалъ и отвлекался отъ дѣла только, когда наступала полная немощность, и все-таки трудъ его подвигался съ необыкновенной медленностью.

Силы и творчество Гоголя продолжали ослабѣвать. Иногда впрочемъ наступали свѣтлыя минуты и вдохновеніе пробуждалось, но это становилось все рѣже и рѣже. Какъ ни медленно подвигалось созданіе второго тома, Гоголь считалъ его близкимъ къ окончанію и, какъ извѣстно, читалъ изъ него отрывки Смирновой, Аксакову и Шевыреву. Вскорѣ стали ему и въ письмахъ намекать или даже открыто говорить объ опа-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 516.

[2]) Тамъ же, стр. 513.

сеніяхъ за его талантъ. С. Т. Аксаковъ писалъ ему: „мнѣ показалось несовмѣстнымъ ваше духовное направленіе съ искусствомъ. Я ошибся. Слава Богу! Благодарю васъ, что вы наконецъ рѣшились разсѣять мое заблужденіе. Вы знали его; но не знали, какъ тяжело было мнѣ смотрѣть на васъ, на мнимаго страдальца, утратившаго плодотворную силу своего творчества, но не потерявшаго стремленія, необходимости творить. Много вытерпѣлъ я сердечной скорби отъ моей грубой ошибки"[1]). Плетневъ также не остерегся коснуться больного пункта: „Жуковскій счастливѣе тебя на работу. У него многое прибавляется въ изданіе полныхъ сочиненій его"[2]). Самъ Гоголь то предавался надеждѣ[3]), то падалъ духомъ. Такъ Жуковскому онъ писалъ: „Милосердый Богъ меня еще хранитъ, силы еще не ослабѣваютъ, несмотря на слабость здоровья; работа идетъ съ прежнимъ постоянствомъ, и хоть еще не кончена, но уже близка къ окончанію" и далѣе прибавляетъ: „нужно добывать съ боя всякую черту"[4]). Плетневу онъ повторялъ то же: „не могу понять, что̀ со мною дѣлается. Отъ преклоннаго ли возраста (?), дѣйствующаго на насъ вяло и лѣниво, отъ изнурительнаго ли болѣзненнаго состоянія, отъ климата ли, производящаго его, но я просто ничего не успѣваю дѣлать. Время летитъ такъ, какъ еще никогда не помню. Встаю рано, съ утра принимаюсь за перо, никого къ себѣ не впускаю, — и при всемъ томъ немного изъ меня выходитъ строкъ! Кажется, просидѣлъ за работой не больше, какъ часъ, смотрю на часы — уже время обѣдать. Некогда даже пройтись и прогуляться"[5]). Послѣднія строки любопытны между прочимъ потому, что рисуютъ намъ печальное угасаніе Гоголя въ борьбѣ съ сдѣлавшимся давно непосиль-

---

1) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 187.

2) «Русск. Вѣстн.», 1890, XI, 61. Ср. въ письмѣ Смирновой: «Пожалуйста кончайте 2-й томъ, ожиданіе томительно и наконецъ дѣлается безнадежно" («Русск. Стар.», 1890, XII, 658).

3) Въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ моментовъ онъ казался даже успѣшно работающимъ; такъ Хомяковъ однажды (въ концѣ 1849 г.) писалъ А. Н. Попову: «Ученость дремлетъ, словесность пишетъ дребедень, за исключеніемъ комедіи Островскаго, которая, говорятъ, превосходное твореніе, и продолженія «*Бродяги*», не уступающаго началу, да Гоголя, который очень веселъ и слѣдовательно трудится" («Жизнь и труды Погодина», XI, 73).

4) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 498—499.

5) Стр. 499—500.

нымъ трудомъ и его однообразное времяпровожденіе. Здѣсь краткость нашего разсказа объясняется уже не столько недостаткомъ данныхъ, сколько отсутствіемъ всякихъ фактовъ и значительныхъ происшествій въ жизни мученика угасающаго вдохновенія[1]). Когда Гоголь говорилъ: „если Гомера встрѣтили равнодушно, то чего же ожидать мнѣ?“ — это былъ уже полусознательный и горькій самообманъ. Гоголь мучился отъ поэтическаго безсилія и страдалъ отъ множества разныхъ недуговъ — вотъ его печальное существованіе въ самые послѣдніе годы. „Такъ много есть о чемъ сказать, а примешься за перо — не подымается! Жду, какъ манны, орошающаго освѣженія свыше. И все, кажется, обдумано и готово, но — перо не подымается[2])“.

Такъ томился Гоголь въ своемъ полумонастырскомъ уединеніи, на Никитской улицѣ, у графа А. П. Толстого.

Иногда онъ гостилъ у Смирновой, заѣзжалъ въ Оптину пустынь, начиналъ мечтать о новой поѣздкѣ въ Іерусалимъ. Дни уходили, страхъ за будущее наполнялъ душу и даже въ родной Васильевкѣ Гоголя видѣли угрюмымъ и вѣчно сосредоточеннымъ. Тамъ онъ гостилъ лѣтомъ 1850 г., собираясь съ наступленіемъ осени въ Одессу, въ Крымъ, въ Константинополь, — однимъ словомъ, на югъ, гдѣ можно было бы снова ожить и пользоваться ненатопленнымъ тепломъ. А между тѣмъ опять изсякли средства къ существованію, и не оставалось ничего больше, какъ снова пользоваться милостями двора. Положеніе Гоголя было ужасное. А. О. Смирнова и познакомившійся у нея съ Гоголемъ гр. А. К. Толстой приняли въ немъ горячее участіе, но онъ самъ теперь почти потерялъ надежду на возможность оправдать и вознаградить благодѣянія и заранѣе чувствовалъ угрызенія совѣсти. „Я нахожусь въ какомъ-то нравственномъ безсиліи“, съ ужасомъ и довѣріемъ выбивающагося изъ силъ передаетъ онъ свое душевное состояніе Смирновой: — „пробовалъ писать къ наслѣднику[3]), но такъ стало совѣстно все просить и просить, все забирать впередъ, не сдѣлавши ничего, что перо не под-

---

[1]) Стр. 502.

[2]) Печальное физическое и нравственное состояніе Гоголя въ это время подробно изображено въ воспоминаніяхъ Н. В. Берга, находившаго по наблюденіямъ, что отъ прежняго Гоголя тогда оставались однѣ развалины и что его взоръ потерялъ прежній огонь и быстроту» («Русск. Стар.», 1872, I, 126).

[3]) «Указатель къ письмамъ Гоголя», I изд., стр. 88—89.

нималось"[1]). У Гоголя уже недостаетъ духа просить на основаніи обѣщанія будущей дѣятельности; онъ ссылается только на свое искреннее желаніе[2]). Онъ думаетъ въ прошеніи выразить увѣренность, что „истинно благородной души люди, любящіе добро земли своей, не откажутъ въ покровительствѣ тому, который также отъ всей души *хотѣлъ бы принести ей даже и отъ себя по мѣрѣ небольшихъ силъ своихъ*"[3]). Но Гоголь *впрочемъ ободрялъ себя тѣмъ, что* „*если только* милосердный Богъ приведетъ мои силы въ состояніе полнаго вдохновенія то второй томъ эту же зиму будетъ готовъ. Вы сами знаете", успокоивалъ онъ Смирнову, — „что бываютъ времена, когда въ одинъ день больше дѣлается, чѣмъ въ мѣсяцы"[4]).

Наконецъ изъ Васильевки, опасаясь скораго наступленія зимы Гоголь поспѣшилъ къ октябрю уѣхать въ Одессу. По этому поводу онъ снова списался со Стурдзой, который напечаталъ письмо его и свои воспоминанія въ „Москвитянинѣ"[5]).

CXXXIV.

Приведемъ теперь нѣкоторые эпизоды изъ жизни Гоголя, разсказанные со словъ очевидцевъ П. А. Кулишомъ въ его „Запискахъ о жизни Гоголя" и прежде всего — о его путешествіи въ 1850 г. съ Максимовичемъ въ Малороссію[6]).

„Гоголь чувствовалъ, что суровая сѣверная зима дѣйствуетъ вредно на его здоровье, но въ его планы не входили уже поѣздки за границу, и потому онъ избралъ своимъ зимовьемъ Одессу, откуда намѣревался проѣхать въ Грецію или въ Константинополь. Для этого онъ началъ заниматься новогреческимъ языкомъ по молитвеннику, который, во время переѣзда въ Малороссію составлялъ единственное его чтеніе. Онъ читалъ его по утрамъ вмѣсто молитвы, стараясь, однакожъ, дѣлать это тайкомъ отъ своего спутника.

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 512.

[2]) Тамъ же.

[3]) Стурдзѣ напр. онъ прямо признавался: «Послѣдняя зима въ Москвѣ у меня почти пропала вся даромъ» («Москвит.», 1852, т. V, XX, стр. 226).

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 513.

[5]) 1852 г. № 10, 224—228. А. О. Смирнова также поддерживала намѣреніе Гоголя ѣхать къ Стурдзѣ въ Одессу («Русс. к Стар.», 1890, XII, 656).

[6]) „Записки о жизни Гоголя", II, 230—238.

·Спутникомъ его былъ М. А. Максимовичъ[1]), съ которымъ онъ договорилъ заѣзжаго изъ Василькова (Кіевской губ.) еврея, съ извѣстною будкою на колесахъ, называющеюся, неизвѣстно почему, брикою, или шарабаномъ. Въ нее предполагалось положить вещи, а сами путешественники намѣревались сѣсть въ рессорную бричку, принадлежавшую Максимовичу. Но еврей, порядившійся вести Гоголя, надулъ его самымъ плутовскимъ образомъ. Ему нужно было только остаться подъ этимъ предлогомъ въ Москвѣ до полученія паспорта, а потомъ онъ начисто отперся отъ своего словеснаго обязательства.

Гоголь былъ въ страшной досадѣ, но дѣлать было нечего. И вотъ путешественники пріискиваютъ себѣ другого „долгаго" извозчика, уже изъ православныхъ; тотъ закладываетъ въ свою громадную телѣгу тройку коренастыхъ, но тупыхъ на ногу лошадей; укладываются въ нее пожитки обоихъ литераторовъ; впрягается такая же тройка въ бричку Максимовича, и 13 іюня (1850) они выѣзжаютъ изъ Москвы въ безконечную дорогу черезъ нѣсколько губерній.

По разсказу Максимовича, они оставили Москву въ пятомъ часу пополудни, или, говоря точнѣе, въ это время они выѣхали изъ дому Аксаковыхъ, у которыхъ они на прощаньи обѣдали. Первую ночь провели въ Подольскѣ, гдѣ въ то же время ночевали Хомяковы, съ которыми Гоголь и его спутникъ провели вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. На 15-е іюня ночевали въ Маломъ Ярославцѣ; утромъ служили въ тамошнемъ монастырѣ молебенъ; напились у игумена чаю и получили отъ него по образу св. Николая. На 16 число ночевали въ Калугѣ, и 16 обѣдали у А. О. Смирновой. 19 іюня путники наши провели у П. В. Кирѣевскаго въ Долбинѣ, гдѣ нѣкогда проживалъ Жуковскій и написалъ лучшія свои баллады; а 20 у А. П. Елагиной, въ Петрищевѣ. Наконецъ, 25 іюня, разстались въ Глуховѣ, откуда Гоголь уѣхалъ въ Васильевку, въ коляскѣ А. М. Марковича.

Страннымъ иному покажется, что Гоголь не былъ въ состояніи ѣхать на почтовыхъ; но таковы именно были тогдашнія его обстоятельства. По крайней мѣрѣ онъ считалъ

---

[1]) Осенью 1849 г., чтобы видѣться съ Гоголемъ, Максимовичъ пріѣзжалъ въ Москву.

необходимымъ отказать себѣ въ этомъ удобствѣ и предпочесть медленную и дешевую ѣзду быстрой и дорогой. Между тѣмъ мнѣ извѣстно, что онъ везъ матери рублей полтораста серебромъ въ подарокъ. Онъ былъ „все тотъ же пламенный, признательный, никогда не загашавшій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ". Между прочимъ, путешествіе на долгихъ было для него уже какъ бы началомъ плана, который онъ предполагалъ осуществить впослѣдствіи. Ему хотѣлось совершить путешествіе по всей Россіи, отъ монастыря къ монастырю, ѣздя по проселочнымъ дорогамъ и останавливаясь отдыхать у помѣщиковъ. Это ему было нужно, во-первыхъ, для того, чтобы видѣть живописнѣйшія мѣста въ государствѣ, которыя бо́льшею частію были избираемы старинными русскими людьми для основанія монастырей; во-вторыхъ, для того, чтобы изучить проселки русскаго царства и жизнь крестьянъ и помѣщиковъ во всемъ ея разнообразіи; въ третьихъ, наконецъ, для того, чтобы написать географическое сочиненіе о Россіи самымъ увлекательнымъ образомъ. Онъ хотѣлъ написать его такъ, „чтобъ была слышна связь человѣка съ той почвой, на которой онъ родился". Обо всемъ этомъ говорилъ Гоголь у А. О. Смирновой въ присутствіи графа А. К. Толстого, который былъ знакомъ съ нимъ издавна, но потомъ не видалъ его лѣтъ шесть, или болѣе. Онъ нашелъ въ Гоголѣ большую перемѣну. Прежде Гоголь, въ бесѣдѣ съ близкими знакомыми, выражалъ много добродушія и охотно вдавался во всѣ капризы своего юмора и воображенія; теперь онъ былъ очень скупъ на слова, и все, что̀ ни говорилъ, говорилъ, какъ человѣкъ, у котораго неотступно пребывала въ головѣ мысль, что „съ словомъ надобно обращаться честно", или который исполненъ самъ къ себѣ глубокаго почтенія. Въ тонѣ его рѣчи отзывалось что-то догматическое, такъ, какъ-бы онъ говорилъ своимъ собесѣдникамъ: „Слушайте, не пророните ни одного слова." Тѣмъ не менѣе, однакожъ, бесѣда его была исполнена души и эстетическаго чувства. Онъ попотчивалъ графа двумя малороссійскими колыбельными пѣснями, которыми восхищался, какъ рѣдкими самородными перлами[1]).

Вслѣдъ за тѣмъ Гоголь попотчивалъ графа лакомствомъ

---

[1]) Онѣ приведены въ «Зап. о жизни Гоголя», т. II, стр. 232—233.

другого сорта: онъ продекламировалъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, великорусскую пѣсню, выражая голосомъ и мимикою патріархальную величавость русскаго характера, которой исполнена эта пѣсня.

„Пантелей государь ходитъ по двору,
Кузьмичъ гуляетъ по широкому;
Кунья на немъ шуба до́ земли.
Соболья на немъ шапка до́ верху,
Божья на немъ милость до́ вѣку.
Бояре-то смотрятъ изъ города,
Боярыни-то смотрятъ изъ терема.
Сужена-то смотритъ изъ-подъ пологу.
Бояре-то молвятъ: „Чей то такой?“
Боярыни-то молвятъ: „Чей то господинъ?“
А сужена молвитъ: „Мой дорогой!“

Изъ чиселъ выставленныхъ въ дневникѣ, видно, что путешественники наши подвигались впередъ довольно медленно: но Гоголь не чувствовалъ, повидимому, никакой скуки и постоянно обнаруживалъ самое спокойное состояніе души, какъ во время ѣзды, такъ и на постоялыхъ дворахъ. Его все занимало въ дорогѣ, какъ ребенка, и онъ часто, для выраженія своихъ желаній, употреблялъ языкъ, какимъ любятъ объясняться между собою школьники. Такъ, напримѣръ, ложась спать, онъ „отправлялся къ Храповицкому“, а когда желалъ только отдохнуть, то говорилъ своему спутнику: „Не пойти ли намъ къ Полежаеву?“ Хаживалъ онъ также къ „Обѣдову“ и къ другимъ господамъ по разнымъ надобностямъ, и все это безъ малѣйшаго вида шутки. Когда надоѣдало ему сидѣть и лежать въ бричкѣ, онъ предлагалъ товарищу „пройти пѣхандачка“ и мимоходомъ собиралъ разные цвѣты, вкладывалъ ихъ тщательно въ книжку и записывалъ ихъ латинскія и русскія названія, которыя говорилъ ему Максимовичъ. Это онъ дѣлалъ для одной изъ своихъ сестеръ, страстной любительницы ботаники. У него было очень тонкое обоняніе. Иногда, въѣзжая въ лѣсъ, онъ говорилъ: „Тутъ сосна должна быть: такъ и пахнетъ сосной“, и дѣйствительно путешественники открывали между березъ и дубовъ сосновыя деревья. На станціяхъ онъ покупалъ молоко, снималъ сливки и очень искусно дѣлалъ изъ нихъ масло, съ помощью деревянной ложки. Въ этомъ занятіи онъ находилъ столько же удовольствія, какъ и въ собираніи цвѣтовъ, и никто бы не

узналъ въ немъ того, что̀ мы привыкли разумѣть подъ названіемъ поэта. Онъ былъ простой путешественникъ, немножко разсѣянный, немножко прихотливый, порой дѣтски затѣйливый, порой какъ-будто грустный, но постоянно спокойный, какъ бываетъ спокоенъ старикъ, переиспытавшій много на вѣку своемъ и убѣдившійся окончательно, что все въ мірѣ совершается по строгимъ законамъ необходимости и что причина каждаго непріятнаго для насъ явленія можетъ скрываться внѣ границъ не только нашего вліянія, но и нашего вѣдѣнія. По дорогѣ онъ любилъ заѣзжать въ монастыри и молиться въ нихъ Богу. Особенно понравилась ему Оптина пустынь, на рѣкѣ Жиздрѣ, за Калугою. Гоголь, приближаясь къ ней, прошелъ съ своимъ спутникомъ до самой обители, версты двѣ, пѣшкомъ. На дорогѣ встрѣтили они дѣвочку съ мисочкой земляники и хотѣли купить у нея землянику; но дѣвочка, видя, что они люди дорожные, не захотѣла взять отъ нихъ денегъ и отдала имъ свои ягоды даромъ, отговариваясь тѣмъ, что „какъ можно брать съ странныхъ людей деньги".

— „Пустынь эта распространяетъ благочестіе въ народѣ", замѣтилъ Гоголь, умиленный этимъ, конечно рѣдкимъ, явленіемъ. — „И я не разъ замѣчалъ подобное вліяніе такихъ обителей".

Во время дороги Гоголь, кромѣ обычныхъ своихъ шуточекъ, вообще говорилъ мало, и въ этомъ маломъ мысли его обращались преимущественно къ предметамъ практической жизни. Такъ, напримѣръ, онъ разсуждалъ о современной страсти къ комфорту и роскоши и приходилъ къ такому заключенію, что намъ „необходимо пріучать себя къ суровости жизни, а то комфортъ и роскошь заводятъ насъ такъ далеко, что мы проматываемся часъ отъ часу болѣе, и наконецъ намъ нечѣмъ жить". На этомъ основаніи онъ отвергалъ употребленіе въ сельскомъ быту рессорныхъ экипажей, особенно для людей его состоянія, и придумывалъ, какъ бы взять въ этомъ случаѣ средину между дорогимъ комфортомъ и грубою дешевизною.

Всего замѣчательнѣе въ его сужденіяхъ о жизни было то, что онъ всякую идею примѣривалъ сперва на себѣ и потомъ уже пускалъ ее въ ходъ для служенія ближнимъ.

Прихотливость Гоголя въ дорогѣ обнаруживалась въ томъ,

что онъ вмѣсто чаю пилъ кофе, который варилъ собственноручно на самоварѣ, и если могъ остановиться въ гостинницѣ, то всегда предпочиталъ ее постоялому двору. Впрочемъ, онъ дѣлалъ эту уступку своимъ строгимъ правиламъ жизни, вѣроятно, только для поддержанія своего хилаго здоровья, о которомъ онъ выражался съ трогательною наивностью въ своихъ письмахъ, что оно ему *нужно*[1]).

Максимовичъ, пріѣхавъ въ Москву на собственныхъ лошадяхъ, нашелъ для себя удобнымъ сбыть ихъ тамъ; однакожъ не могъ разстаться съ старымъ конемъ, который служилъ ему усердно нѣсколько лѣтъ. Конь этотъ шелъ сзади телѣги на свободѣ и былъ во всю дорогу предметомъ наблюденій Гоголя.

— „Да твой старикъ просто жуируетъ!“ говорилъ онъ, замѣтивъ, что сзади повозки придѣланъ былъ для него рептухъ съ овсомъ и сѣномъ.

Потомъ онъ дивился, что лишь-только извозчикъ двигался въ путь, ветеранъ Максимовича покидалъ свое стойло или зеленую лужайку и слѣдовалъ за кибиткою всегда въ одномъ и томъ же разстояніи отъ нея, какъ-будто привязанный къ ней. Гоголь подмѣчалъ, не увлечетъ ли его какая-нибудь конская страстишка съ прямого пути его обязанностей: нѣтъ, конь былъ истинный стоикъ и оставался вѣренъ своимъ правиламъ до конца путешествія. Впрочемъ, Гоголь разстался съ Максимовичемъ въ Глуховѣ и не могъ ужъ слѣдить за поведеніемъ его буцефала. Но когда Максимовичъ въ томъ же году посѣтилъ поэта на его родинѣ, онъ тотчасъ узналъ своего знакомца и освѣдомился о благосостояніи его ногъ.

Въ дорогѣ одинъ только случай явственно задѣлъ поэтическія струны въ душѣ Гоголя. Это было въ Сѣвскѣ, на Ивана Купалу. Проснувшись на зарѣ, наши путешественники услышали неподалеку отъ постоялаго двора какой-то странный напѣвъ, звонко раздававшійся въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

— Поди послушай, что̀ это такое“, просилъ Гоголь своего друга: — „не купаловыя ли пѣсни? Я бы и самъ пошелъ, но ты знаешь, что я немножко изъ подъ-Глухова“.

---

[1]) Онъ говорилъ своему спутнику, что полчашки чаю дѣйствуетъ на его нервы сильнѣе, нежели большой стаканъ кофе.

Максимовичъ подошелъ къ сосѣднему дому и узналъ, что тамъ умерла старушка, которую оплакиваютъ поочередно три дочери.. Дѣвушки причитывали ей импровизированныя жалобы съ рѣдкимъ искусствомъ и вдохновлялись собственнымъ своимъ плачемъ. Все служило имъ темою для горестнаго речитатива: добродѣтельная жизнь покойницы, ихъ неопытность въ обхожденіи съ людьми, ихъ беззащитное сиротское состояніе и даже разныя случайныя обстоятельства. Напримѣръ, въ то время, какъ плакальщица голосила, на лицо покойницы сѣла муха, и та, схвативъ этотъ случай съ быстротою вдохновенія, тотчасъ вставила въ свою рѣчь два стиха:

„Вотъ и мушенька тебѣ на личенько сѣла,
Не можешь ты мушеньку отогнати!“

Проплакавъ всю ночь, дѣвушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выраженіями своихъ чувствъ, что начали думать въ слухъ тоническими стихами. Раза два появлялись онѣ, то та, то другая, на галерейкѣ второго этажа и, опершись на перила, продолжали свои вопли и жалобы, а иногда обращались къ утреннему солнцу, говоря: „Солнышко ты мое красное!“ и тѣмъ „живо напоминали мнѣ (говорилъ Максимовичъ) Ярославну, плакавшую рано, Путивлю городу на заборолѣ....“

Когда онъ разсказалъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ поэту изъ-подъ Глухова, тотъ былъ пораженъ поэтичностью этого явленія и выразилъ намѣреніе воспользоваться имъ, при случаѣ, въ „Мертвыхъ Душахъ“ [1]).

Когда Гоголь ѣхалъ зимовать въ Одессу, одинъ изъ знакомыхъ Кулиша[2]), А. М. Марковичъ, встрѣтилъ его у В. А. Лукашевича, въ селѣ Мехедовкѣ, Золотоношскаго уѣзда. Это было въ октябрѣ 1850 года. Вотъ что̀ замѣчено Марко-

---

[1]) Изъ Сорочинецъ Гоголь писалъ своей сестрѣ Елизаветѣ Васильевнѣ: „Я пріѣхалъ въ Сорочинцы благополучно, но въ чужомъ экипажѣ. Пожалуйста не сказывай матушкѣ; вели заложить коляску, и завтра же пораньше, прежде чѣмъ станетъ свѣтать выѣхать за мною. Матушкѣ можешь сказать на другой день поутру, иначе она не будетъ спать“ (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 509—510). О пріѣздѣ М. А. Максимовича къ Гоголю см. въ сочиненіяхъ Максимовича, II, 356—358 (о неожиданной встрѣчѣ съ Гоголемъ въ Сорочинцахъ, о томъ, какъ они вмѣстѣ весело провели день у А. С. Данилевскаго и пріѣздѣ въ Васильевку).

[2]) См. «Записки о жизни Гоголя», II, 240—241.

вичемъ достойнаго памяти изъ тогдашнихъ разговоровъ Гоголя:

Когда въ гостиную внесли узоры для шитья по канвѣ, онъ сказалъ, что наши старинныя женщины оставили въ работахъ своихъ образцы изящества и свободнаго творчества, и шили безъ узоровъ; а нынѣшнія не удивятъ потомства, которое, пожалуй, назоветъ ихъ безтолковыми.

О святыхъ мѣстахъ онъ не сказалъ своего ничего, а только замѣтилъ, что Пужула, Ламартинъ и подобные имъ лирическіе писатели не даютъ понятія о странѣ, а только о своихъ чувствахъ, и что съ Палестиной дѣльнѣе знакомятъ ученые прошлаго вѣка, сенсуалисты, изъ которыхъ онъ и назвалъ двухъ или трехъ.

Осматривалъ разныя хозяйственныя заведенія и, когда легавая собака погналась за овцами и произвела между ними суматоху, онъ замѣтилъ, что такъ дѣлаютъ и многіе добрые люди, если ихъ не выводятъ на ихъ истинное поле дѣятельности.

Кто-то наступилъ на лапку болонкѣ, и она сильно завизжала. „А, не хорошо быть малымъ!" сказалъ Гоголь.

По поводу разносчика, забросавшаго комнату товарами, онъ сказалъ: „Такъ и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаемъ, куда дѣвать".

За столомъ судилъ о винахъ съ большими подробностями, хотя не обнаруживалъ никакого пристрастія къ нимъ.

Когда ему читали переведенные на малороссійскій языкъ псалмы Давида, онъ останавливался на лучшихъ стихахъ по языку и вѣрности переложенія. Онъ слушалъ съ видимымъ наслажденіемъ малороссійскія пѣсни, которыя для него пѣли, и ему особенно понравилась:

«Да вже третій вечиръ, якъ дивчыну бачывъ;
Хожу коло хаты — іи не выдаты»....

CXXXV.

Изъ знакомыхъ Кулиша, видѣвшихъ Гоголя въ Одессѣ, онъ имѣлъ случай разспросить только одного, именно Н. Д. Мизко. Онъ сообщилъ на словахъ и потомъ на бумагѣ исторію своего знакомства съ Гоголемъ. Представляю извлеченія изъ его записки[1]).

---

[1]) «Записки о жизни Гоголя». II, 245—248.

„Въ первый разъ „(говоритъ онъ)“ я увидалъ Гоголя января 9-го 1851 года у одного стараго его знакомаго, А. И. Орлая. Хозяинъ представилъ меня Гоголю въ своемъ кабинетѣ, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ. Разговоръ былъ, между тремя, или четырьмя лицами, общій — о разныхъ предметахъ, не касавшихся литературы. Меня собственно, какъ уроженца и жителя Екатеринославской губерніи, Гоголь разспрашивалъ о Екатеринославлѣ, о каменномъ углѣ въ нашей губерніи, о Святогорскомъ монастырѣ на мѣловыхъ горахъ (Харьковской губерніи, на границѣ Екатеринославской), въ которомъ я былъ; узнавъ же о намѣреніи моемъ побывать за границею, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о планѣ и удобствахъ заграничнаго путешествія.

„Черезъ день я сдѣлалъ визитъ Гоголю, въ квартирѣ его, въ домѣ Трощинскаго. Это было около двухъ часовъ дня. Онъ стоялъ у конторки и, когда я вошелъ, встрѣтилъ меня привѣтливо. Я представилъ ему экземпляръ моего сочиненія: „Столѣтіе русской словесности“, сказавъ, что для меня очень лестно, если книга моя будетъ находиться въ его библіотекѣ. Онъ благодарилъ меня пожатіемъ руки и потомъ спросилъ:

— „Вы, кажется, еще что-то издали въ Одессѣ?“

Я отвѣчалъ, что напечаталъ „Памятную Записку“ о жизни моего отца, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ собственно для родныхъ и друзей, и просилъ его принять отъ меня экземпляръ, такъ какъ по сочувствію его къ человѣчеству, онъ сродни и лучшій другъ каждому человѣку. Онъ благодарилъ меня и сказалъ:

— „Я описываю жизнь людскую, поэтому меня всегда интересуетъ живой человѣкъ болѣе, чѣмъ созданный чьимъ-нибудь воображеніемъ, и оттого мнѣ любопытнѣе всякихъ романовъ и повѣстей біографіи и записки дѣйствительно жившаго человѣка.

„Перелиставъ мою книгу: „Столѣтіе русской словесности“, которую держалъ въ рукахъ, Гоголь замѣтилъ:

— „А, у васъ вездѣ приведены образцы изъ нашихъ писателей! Это очень полезно. А то вообще господа преподаватели словесности сами лишь перечитываютъ сочиненія нашихъ писателей за своихъ слушателей, а имъ навязываютъ свои взгляды, чаще же и не свои, а заимствованные. Лучше, если бы учащіеся сами читали сочиненія отечественныхъ писа-

телей; тогда въ понятіяхъ о литературѣ нашей было бы болѣе самостоятельности".

„Затѣмъ Гоголь спросилъ:

— „Это вы писали статью о „Мертвыхъ Душахъ" изъ провинціи?

„Я отвѣчалъ утвердительно и самъ спросилъ: читалъ ли онъ ее?

„Онъ отвѣчалъ, что читалъ за границей, не скоро послѣ того, какъ она была напечатана.

— „А я думалъ, что она не попалась вамъ въ руки", отвѣчалъ я: — „судя по предисловію ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ", въ которомъ вы жалуетесь, что изъ провинціи не было подано ни одного голоса"[1]).

— „Кажется", сказалъ Гоголь: — „я читалъ статью вашу, написавши уже предисловіе. Я тогда же получилъ письмо изъ провинціи. Оно не было напечатано. Меня интересовали мнѣнія провинціальныя. Истинно русская жизнь сосредоточена преимущественно въ провинціи.

„Отъ этого разговоръ перешелъ къ жизни въ Одессѣ, къ итальянской оперѣ. Гоголь сталъ разсказывать объ итальянскихъ театрахъ, объ Италіи, жаловался на вѣтеръ съ моря и что онъ не можетъ довольно согрѣться. Наконецъ я раскланялся.

„Онъ просилъ посѣщать его, примолвивъ:

— „Я буду разсказывать вамъ про Италію прежде, чѣмъ вы ее сами увидите.

„Черезъ нѣсколько дней Гоголь заплатилъ мнѣ визитъ въ квартирѣ моей, въ гостинницѣ Каруты, на бульварѣ. Онъ вошелъ въ залу, не будучи встрѣченъ слугою, и началъ ходить взадъ и впередъ, въ ожиданіи, что кто-нибудь появится. Слыша его шаги и полагая, что это кто-нибудь изъ домашнихъ, его окликнули изъ гостиной вопросомъ: „Кто тамъ?" на который онъ отвѣчалъ громко:

---

[1]) „Заглавіе статьи моей: „Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя Мертвыя Души". Она была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1843 года, № 4".

Примѣчаніе Николая М. Въ письмахъ къ Языкову, отъ 10-го іюня (кажется) 1843 года: Гоголь упоминаетъ объ этой статьѣ, а именно:

„Мнѣ прислали нѣсколько выдранныхъ изъ журналовъ критикъ на „Мертвыя Души". Замѣчательнаго, впрочемъ, немного. Лучшія критики большею частію изъ провинцій. Одна изъ Екатеринослава замѣчательнѣе другихъ".

— Николай Гоголь.

„Посидѣвъ немного, онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ комнатѣ тепло, несмотря на то, что окнами на море. Разговоръ незамѣтно склонился къ Италіи. Гоголь, между прочимъ, разсказывая объ умѣньи англичанъ путешествовать, хвалилъ дорожный костюмъ англичанокъ, отличающійся простотой, при всемъ удобствѣ“.

CXXXVI.

„Гоголь скучалъ въ Москвѣ лѣтомъ[1]), тѣмъ болѣе, что всѣ его знакомые жили по дачамъ; наконецъ, получивъ извѣстіе о выходѣ замужъ одной изъ своихъ сестеръ, рѣшился ѣхать къ ней на свадьбу. Вышло, однакожъ, не такъ. Миновавъ Калугу, онъ почувствовалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ грусти, которые помрачали для него всѣ радости жизни и лишили его власти надъ его силами. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно прибѣгалъ къ молитвѣ, и молитва всегда укрѣпляла его. Такъ поступилъ онъ и теперь: заѣхавъ въ Оптину пустынь, онъ провелъ въ ней нѣсколько дней посреди смиренной братіи, и уже не поѣхалъ на свадьбу, а воротился въ Москву. Первый визитъ онъ сдѣлалъ О. М. Бодянскому, который не выѣзжалъ на дачу, и на вопросъ его: „зачѣмъ онъ воротился? „отвѣчалъ: „Такъ: мнѣ сдѣлалось какъ-то грустно“, и больше ни слова. Между тѣмъ онъ писалъ къ матери (отъ 3-го октября 1851):

„Добравшись до Калуги, я заболѣлъ и долженъ былъ возвратиться. Нервы мои отъ всякихъ тревогъ и колебаній дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна“.

Собираясь къ сестрѣ на свадьбу, Гоголь хотѣлъ, видно, обрадовать ее неожиданно, потому что въ письмѣ домой по этому случаю онъ не говоритъ ничего о своемъ намѣреніи.

Кажется, во время его отсутствія изъ Москвы, по случаю несостоявшейся поѣздки въ Малороссію, — проѣхала черезъ Москву А. О. Смирнова въ свою подмосковную, именно въ село Спасское, Бронницкаго уѣзда. Не заставъ его въ Москвѣ, она написала къ нему письмо и просила его къ себѣ въ деревню. Гоголь пріѣхалъ въ село Спасское и прожилъ тамъ,

---

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, II, 250—254.

съ мѣсяцъ. Ему отведены были во флигелѣ двѣ небольшія комнаты, обращенныя окнами въ садъ. Въ одной онъ спалъ, въ другой работалъ стоя. Онъ вставалъ обыкновенно въ 5 часовъ утра, умывался и одѣвался безъ помощи слуги и выходилъ въ садъ съ молитвенникомъ въ рукѣ. Къ 8 часамъ онъ возвращался, и тогда подавали ему кофе. Послѣ этого онъ работалъ часа два и потомъ приходилъ къ хозяйкѣ дома, или она къ нему приходила. Она видала передъ нимъ мелко исписанную тетрадь въ листъ, на которую онъ всякій разъ набрасывалъ платокъ; но однажды ей удалось прочитать, что дѣло идетъ о генералъ-губернаторѣ и о Никитѣ. Гоголь каждый день читалъ изъ Чети-Минеи житіе святого, который на тотъ день приходился, и предлагалъ это чтеніе хозяйкѣ. Но она страдала тогда разстройствомъ нервовъ и не могла читать ничего подобнаго. Тогда Гоголь хотѣлъ повеселить ее и предложилъ прочитать ей первую главу второго тома „Мертвыхъ Душъ". Онъ думалъ, что Тѣнтѣтниковъ живо займетъ ее. Но болѣзненное состояніе не позволило ей увлечься и этимъ чтеніемъ. Она почувствовала скуку и призналась въ этомъ автору „Мертвыхъ Душъ".

— Да, вы правы, „сказалъ онъ: — „это все-таки дребедень, а вашей душѣ не того нужно".

Но послѣ этого онъ казался очень печальнымъ.

Такъ какъ его комнатки были очень малы, то онъ, въ жары, любилъ приходить въ домъ и садился на диванъ, въ глубинѣ гостиной. Однажды хозяйка нашла его тамъ въ необыкновенномъ состояніи. Онъ держалъ въ рукѣ Чети-Минеи и смотрѣлъ сквозь отворенное окно въ поле. Глаза его были какіе-то восторженные, лицо оживлено чувствомъ высокаго удовольствія: онъ какъ-будто видѣлъ передъ собой что-то восхитительное. Когда А. О. заговорила съ нимъ, онъ какъ-будто изумился, что слышитъ ея голосъ, и съ какимъ-то смущеніемъ отвѣчалъ ей, что читаетъ житіе такого-то святого.

По вечерамъ Гоголь купался въ рѣкѣ, пилъ воду съ краснымъ виномъ, бродилъ по берегу рѣки и всегда съ удовольствіемъ наблюдалъ какъ возвращались стада съ поля въ деревню: это напоминало ему Малороссію. Онъ уже тогда былъ нездоровъ, жаловался на разстройство нервовъ, на медленность пульса, на недѣятельность желудка и не разговаривалъ ни съ домашними слугами, ни съ крестьянами. Шутливость

его и затѣйливость въ словахъ исчезла. Онъ весь былъ погруженъ въ себя.

Наступила осень; съѣхались въ городъ разсѣянные вокругъ Москвы обитатели дачъ. Жизнь Гоголя потекла тѣмъ же порядкомъ, что̀ и въ прошломъ году. Онъ уже не чувствовалъ себя одинокимъ во время своихъ отдыховъ. Въ Москвѣ зимою проживали два-три семейства, въ которыхъ онъ былъ принятъ какъ родной. Тамъ каждый былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ нему, каждый зналъ его привычки, его любимыя удовольствія, и всѣ старались угодить ему. Отправляясь туда на обѣдъ, или на вечеръ, онъ не имѣлъ надобности надѣвать ненавистный для него фракъ [1]) или совѣтоваться съ модою касательно цвѣта и покроя своего жилета, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ вообще меньше, нежели въ Петербургѣ, соблюдаются уставы своенравнаго comme il faut. За столомъ въ пріятельскихъ домахъ онъ находилъ любимыя свои кушанья, и между прочимъ вареники, которые онъ очень любилъ и за которыми не разъ разсказывалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ, на родинѣ, всякій разъ, какъ подавались на столъ вареники, непремѣнно произносилъ къ нимъ слѣдующее воззваніе: „Вареныки-побиде́ныки! сыромъ бо́ки позапы́ханы, масломъ очи позалы́ваны — вареники, — —“

Это обстоятельство, между прочимъ, показываетъ, до какой степени Гоголь чувствовалъ себя своимъ въ домахъ московскихъ друзей своихъ. Онъ могъ ребячиться тамъ такъ же, какъ и въ родной Васильевкѣ, могъ распѣвать украинскія пѣсни своимъ, какъ онъ называлъ, „козлинымъ“ голосомъ, могъ молчать, сколько ему угодно, и находилъ всегда не только внимательныхъ слушателей въ тѣ минуты, когда ему приходила охота читать свои произведенія [2]), но и строгихъ критиковъ.

[1]) Живя въ Петербургѣ, еще во времена „Миргорода“ и „Ревизора“, Гоголь былъ принятъ очень радушно въ одномъ домѣ, гдѣ къ обѣду непремѣнно надобно было являться во фракѣ. Чтобъ уклониться отъ соблюденія этой церемоніи, Гоголь подкалывалъ булавками полы своего сюртука и явился такимъ образомъ къ обѣду. Хозяева, по добротѣ своей, старались не замѣчать этой выходки и прощали ее поэту.

[2]) Гоголю не нравилось, когда его упрашивали читать его сочиненія въ то время, когда онъ не чувствовалъ къ тому охоты. Въ одномъ аристократическомъ домѣ, хозяйка, не зная еще, какъ онъ упрямъ, заставила его прочитать что-нибудь изъ „Мертвыхъ Душъ“, несмотря на всѣ его отговорки. Чтобъ помучить ее, въ свою

CXXXVII.

Осенью 1850 г. Гоголь замышлялъ для подъема физическихъ силъ и вдохновенія ѣхать въ Грецію[1]), но остался въ Одессѣ потому, что поздно сталъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ[2]) Въ письмѣ къ Плетневу отъ 2 дек. 1850 г. Гоголь жалуется на то, что „не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что *время пропало даромъ;* а время мнѣ дорого. Работа — моя жизнь; не работается — не живется, хотя, покуда, это и невидно другимъ. *Отнынѣ хочу устроиться такъ,* чтобы три зимніе мѣсяца въ году проводить внѣ Россіи, подъ самымъ благотворнѣйшимъ климатомъ, имѣющимъ свойство весны и осени въ зимнее время, то-есть, свойство благотворное для моей головы во время работы. Я испыталъ, что дѣла идутъ у меня какъ слѣдуетъ только тогда, какъ все утружденіе, нанесенное головѣ поутру, развѣется въ остальное время прогулкой и добрымъ движеніемъ на благорастворенномъ воздухѣ (а здѣсь, въ прошломъ году, мнѣ нельзя было даже выходить изъ комнаты). Если это не дѣлается, голова на другой день тяжела, неспособна къ работѣ и никакія движенія въ комнатѣ (сколько ихъ ни выдумывалъ) не могутъ помочь. Слабая натура моя такъ уже устроилась, что чувствуетъ жизненность только тамъ, гдѣ тепло *ненатопленное.* Слѣдовало бы и теперь выѣхать хоть въ Грецію: затѣмъ, признаюсь, и пріѣхалъ въ Одессу“[3]). Но какія могли быть у Гоголя надежды на поѣздку въ Грецію: заграницей онъ всегда проживалъ у кого-нибудь изъ близкихъ людей, а въ Греціи у него не было, кажется, ни души знакомой и, вѣроятно, именно это, а вовсе не на-

---

очередь, Гоголь развернулъ поэму на первой главѣ и прочиталъ описаніе губернской гостинницы.

[1]) Въ то же время Гоголь чрезвычайно сочувственно отнесся къ совершенному К. С. Аксаковымъ путешествіи въ Кіевъ, о которомъ онъ узналъ отъ А. О. Смирновой (см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 507 и «Русск. Стар.», 1890, XII, 657).

[2]) Въ то же время у Гоголя бродили въ головѣ и другія планы; такъ С. Т. Аксаковъ узналъ изъ письма А. О. Смирновой, что Гоголь предполагалъ для окончанія «Мертвыхъ Душъ» поселиться на Аѳонской горѣ (См. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. II, стр. 334—335).

[3]) Сочиненія и письма Гоголя, т. VI, стр. 517.

дежда на русскій авось, какъ онъ говоритъ, удержала его отъ этой поѣздки. Совершенно то же самое и, конечно, по тѣмъ же причинамъ повторилось слѣдующей зимой относительно поѣздки въ Крымъ. Но во всякомъ случаѣ есть основаніе думать, что Гоголь сравнительно успѣшно работалъ въ 1850 г., если опять не однѣ надежды можно видѣть въ его предположеніи „въ концѣ весны, или въ началѣ лѣта“ (т.-е. спустя приблизительно полгода послѣ того, какъ писалось письмо) „быть въ Петербургѣ, затѣмъ чтобы во-первыхъ повидаться съ Плетневымъ и Жуковскимъ“ (предполагалось, что Жуковскій пріѣдетъ къ веснѣ въ Петербургъ) „и прочесть вмѣстѣ то, что̀ хочется вамъ прочитать, а во-вторыхъ, если будетъ Божья воля, то и приступить къ напечатанью“[1]). Вѣроятнѣе всего, въ зависимости отъ оцѣнки друзей находилось и самое предположеніе о печатаніи. Въ связи съ преувеличенно-восторженными отзывами Смирновой и Аксаковыхъ объ извѣстныхъ имъ отрывкахъ второго тома, все это получаетъ такой видъ, какъ будто именно въ 1850 г. работа шла успѣшнѣе, именно начиная съ осеннихъ мѣсяцевъ, когда Гоголь переѣхалъ въ Одессу. Но этимъ городомъ и вліяніемъ его климата на свое здоровье Гоголь не былъ доволенъ еще почти до самаго исхода 1850 года и не уставалъ повторять въ своихъ письмахъ о томъ, что „климатъ Одессы мало чѣмъ лучше московскаго“[2]). 23 дек. Гоголь уже писалъ Аксакову: „Меня Богъ милуетъ и хранитъ: зима здѣшняя благопріятна мнѣ. Занятія мои *потихоньку* идутъ“ и то же самое въ тотъ же день повторяетъ въ письмѣ къ Смирновой: „О себѣ, покуда, скажу, что Богъ хранитъ, даетъ силу работать и трудиться. Утро постоянно проходитъ въ занятіяхъ, не тороплюсь и осматриваюсь“, а нѣсколькими строками ниже прямо утверждаетъ: „зима здѣсь въ этомъ году особенно благопріятна“, но послѣднія слова, собственно говоря, не относятся къ успѣхамъ художественнаго творчества Гоголя.

CXXXVIII.

Возвратимся къ воспоминаніямъ о Гоголѣ. Какъ мы видѣли, Н. В. Бергъ разсказываетъ о Гоголѣ поразительныя вещи.

---

1) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 517.

2) Тамъ же, 516, также 514 и другія страницы.

Правда, въ его воспоминаніяхъ слишкомъ очевидно звучитъ сильное нерасположеніе къ нашему писателю, но, въ виду согласія его показаній со многими другими, нельзя не признать, что оно было возбуждено исключительно по винѣ Гоголя. Бергу бросалась въ глаза необыкновенная избалованность Гоголя и его совершенно невѣроятные капризы: человѣка, почти не знавшаго автора „Мертвыхъ Душъ“ и готоваго съ волненіемъ взглянуть на него хоть въ щелку, сразу оттолкнула отъ предмета его обожанія вся его манера держать себя, а также и какое-то бьющее въ глаза всеобщее передъ нимъ преклоненіе, доходившее до благоговѣйнаго предупрежденія малѣйшихъ его прихотей. Гоголь высказывался мало и неохотно; его сужденій и разговоровъ Бергъ совсѣмъ почти не слыхалъ, но слишкомъ краснорѣчиво говорила о немъ вся окружающая обстановка и каждый его взглядъ и жестъ. Поэтому Бергъ не столько разсказываетъ, сколько, такъ сказать, рисуетъ Гоголя въ его средѣ, сообщая впрочемъ всей картинѣ извѣстную субъективную окраску, которая замѣтна даже при описаніи физіономіи и выраженія лица Гоголя.

Кромѣ воспоминаній Берга и Арнольди мы можемъ составить себѣ такое же представленіе о Гоголѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни еще по разсказамъ И. С. Тургенева и Г. П. Данилевскаго[1]). Перечитывая эти очерки одинъ послѣ другого,

---

[1]) Вотъ еще нѣсколько случаевъ разсказанныхъ о Гоголѣ въ воспоминаніяхъ Пашкова. «Берегъ», 1880, № 268, декабря, 18-го.

Пріѣзжая на родину, Гоголь, составившій себѣ уже литературную славу, посѣщалъ сосѣдей. Однажды пріѣзжаетъ онъ къ сосѣдкѣ Н. и застаетъ тамъ гостей. У Н. былъ одинъ только семилѣтній сынъ, въ которомъ мать, какъ говорится, души не слышала и давала ему полную свободу. Закуска была на столѣ и подаютъ кофе, въ это время входитъ сынъ хозяйки, бѣгавшій съ мальчиками въ саду. „Чего ты, душечка, хочешь?“ — спрашиваетъ мать. — „Вареныкiвъ хочу“, отвѣчаетъ мальчикъ. „Ахъ, какъ можно такъ говорить! Говори, душечка, по-русски!“ А тотъ еще настойчивѣе: „Вареныкiвъ хочу, дайте мини вареныкiвъ“. Мать сильно сконфузилась и не знала, что̀ дѣлать — давать ли сыну вареников, которые были въ числѣ прочей закуски, или учить сына говорить по-русски. Видитъ Гоголь, слышитъ и говоритъ матери: „Зачѣмъ вы мѣшаете ему, пусть говоритъ онъ на своемъ родномъ нарѣчіи; придетъ время и всему прочему онъ успѣетъ научиться“.

Богатый и пожилой помѣщикъ Т—о пригласилъ Гоголя къ себѣ въ гости. Гоголь обѣщалъ пріѣхать, и въ назначенный день пріѣхалъ. Надо замѣтить, что старикъ Т. сильно интересовался и самимъ Гоголемъ и литературными его произведеніями и потому желалъ и надѣялся узнать что-нибудь новое и необыкно-

можно *съ перваго взгляда* найти въ нихъ противорѣчія и даже существенное несогласіе. Но *на самомъ дѣлѣ* этого нѣтъ: многое въ впечатлѣніяхъ каждаго изъ названныхъ лицъ объясняется однимъ, всѣми замѣченнымъ, но все-таки недостаточно принимаемымъ въ соображеніе, повидимому второстепеннымъ, но въ сущности весьма важнымъ обстоятельствомъ. Дѣло въ томъ, что Гоголь въ дѣйствительно близкой ему средѣ, между людьми, имъ искренно и сердечно любимыми, становился совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Такъ онъ показался бы неузнаваемымъ въ обществѣ Толстыхъ или Смирновыхъ, если бы авторамъ воспоминаній представился случай видѣть его тамъ, а рѣзкую перемѣну во всемъ его обращеніи съ земляками замѣчали всѣ. Бергъ, разумѣется, наблюдая все это и не принадлежа къ людямъ „избраннымъ", смотрѣлъ косо на подобныя исключенія, и потому онъ отзывается объ этомъ враждебнымъ тономъ: „Гоголь измѣнялъ обыкновен-

---

венное изъ творческой дѣятельности Гоголя. Гоголь зналъ это. Вотъ и начинаетъ Т. вести рѣчь о „матеріяхъ важныхъ", а Гоголь заводитъ рѣчь о постройкахъ; Т. о заграничныхъ и столичныхъ дивахъ, а Гоголь объ урожаяхъ и скотскихъ падежахъ. Такъ провели они часа два: Т. старается выпытать, а Гоголь старается уклониться. „Скажите пожалуйста, какая это дверь въ гостиной?". — „Дубовая", отвѣчаетъ Т. „Хорошая дверь. А это какая въ кабинетѣ?" — „Берестовая". — „Прекрасная. А вотъ въ передней какая?" — „Ясеневая". — „Отличная дверь". Выходятъ на крыльцо, рядомъ съ ними пристройка. „Это что̀ у васъ за пристройка?" — „Кладовая". — „Интересно видѣть". Идутъ въ кладовую. Видитъ здѣсь Гоголь разныя хозяйственныя вещи: полотна, пряжу, полсти, кожу, ремни и проч. До всего дотрогивается, разсматриваетъ и похваливаетъ. Видитъ Т., что желаемаго не добивается, понялъ и замолчалъ. Гоголь простился, вышелъ на крыльцо, крикнулъ кучеру; тотъ подалъ лошадей, сѣлъ Гоголь въ тарантасъ и былъ таковъ.

Гоголь былъ скрытенъ, не любилъ высказываться, не любилъ и любопытныхъ. Онъ всегда уединялся. Другой богатый помѣщикъ, А. В. Капнистъ, также пригласилъ Гоголя къ себѣ въ великолѣпное имѣніе Обуховку. Случилось, что къ Капнисту съѣхалось много родныхъ и сосѣдей, душъ тридцать; но навѣрное не знали, пріѣдетъ ли Гоголь въ этотъ день или нѣтъ.

Въ три часа сѣли за столъ, — вдругъ входитъ лакей и говоритъ хозяину, что Н. В. Гоголь, узнавъ, что много гостей, хочетъ уѣзжать... Капнистъ вскочилъ изъ-за стола, бѣжитъ въ переднюю и видитъ, что Гоголь стоитъ на крыльцѣ и ожидаетъ своихъ лошадей. Только съ большимъ трудомъ удалось Капнисту уговорить Гоголя остаться. Остался Гоголь и сѣлъ за столъ, за которымъ сидѣло тридцать человѣкъ дѣвицъ и мужчинъ. Всѣ гости притихли и ожидали слышать, что̀ будетъ говорить Гоголь; но онъ также притихъ и не проронилъ ни одного словечка въ продолженіе всего обѣда... Послѣ обѣда всѣ гости пошли въ гостиную и надѣялись здѣсь слышать Гоголя; но онъ несмотря на убѣдительныя просьбы хозяина остаться, простился съ нимъ и уѣхалъ".

нымъ своимъ порядкамъ, если въ числѣ приглашенныхъ вмѣстѣ съ нимъ оказывался одинъ малороссіянинъ, членъ того же славянофильскаго кружка[1]). Какимъ-то таинственнымъ магнитомъ тянуло ихъ тотчасъ другъ къ другу: они усаживались въ уголъ и нерѣдко говорили между собой цѣлый вечеръ, горячо и одушевленно, тогда какъ Гоголь (при мнѣ по крайней мѣрѣ) ни разу не говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ великороссовъ"[2]). Но Данилевскій, самъ малороссъ, уже въ силу этого заранѣе пользовался въ глазахъ Гоголя такими прерогативами, какихъ ему не могъ бы дать ни Бодянскій и никто другой. Кому неизвѣстны такого рода національныя пристрастія? Вѣдь ужъ съ первыхъ словъ Гоголь обошелся съ Данилевскимъ привѣтливо и ласково и вѣдь къ тому же самъ онъ поручилъ Бодянскому привести къ себѣ послѣдняго[3]). Но кромѣ указанной причины Данилевскій не могъ не привлечь на свою сторону Гоголя своимъ юношескимъ восторженнымъ благоговѣніемъ передъ нимъ, благоговѣніемъ чистымъ и искреннимъ, своей задушевной любовью къ Украйнѣ и малороссійскимъ пѣснямъ — обстоятельство чрезвычайно важное въ глазахъ Гоголя, — далѣе своей близостью къ Плетневу и наконецъ даже искусной декламаціей стиховъ Майкова и проч. Важно то, что съ нимъ Гоголь обходился дружески и тепло, хотя почти не зналъ его, и потому самъ Данилевскій чувствовалъ себя свободнѣе въ обществѣ нашего писателя и держалъ себя съ нимъ просто и непринужденно. Намъ кажется довольно знаменательнымъ уже то, что тотъ

---

[1]) Бодянскій.

[2]) Тамъ же, стр. 120—121.

[3]) О. М. Бодянскій также въ своемъ дневникѣ сообщаетъ о томъ, что онъ познакомилъ Г. П. Данилевскаго съ Гоголемъ и что въ ихъ кружкѣ часто исполнялись хоромъ малороссійскія пѣсни (см. «Русск. Стар.», 1889, X, 133—134). Въ томъ же дневникѣ Бодянскаго отмѣчено подъ 27 октября: «Гр. С. Г. Строгановъ разсказываетъ, что онъ, по просьбѣ Гоголя, черезъ дочь его, графиню Толстую, бывшую замужемъ за границей, написалъ свое мнѣніе о «Перепискѣ съ друзьями», которое заключилъ такъ: «человѣкъ спасенъ, но авторъ погибъ». Послѣ сего Гоголь замолчалъ и былъ мраченъ весь вечеръ. «Это человѣкъ», по словамъ Строганова, «въ высокой степени самолюбивый», что̀ и я подтвердилъ съ своей стороны» («Русск. Стар.», 1889, X, 129). Есть преданіе съ другой стороны о необыкновенномъ восторгѣ, вызванномъ «Перепиской съ друзьями» въ Загоскинѣ, который говорилъ въ 1847 г., что онъ готовъ нарочно поѣхать въ Италію обнять автора. Современные панегиристы «Переписки» согласятся, очевидно, съ Загоскинымъ, а всѣ не предубѣжденные люди съ Строгановымъ.

же самый раздражительный и капризный Гоголь, который не хотѣлъ простить своимъ „друзьямъ“ непредвидѣннаго *минутнаго* появленія въ комнатѣ, гдѣ онъ читалъ свое произведеніе, няньки съ дѣтьми, которыя, по установленному домашнему порядку, должны были передъ сномъ зайти проститься съ родителями (тогда какъ самъ онъ позволилъ же себѣ пріѣхать къ Погодину въ серединѣ чтенія Островскаго), этотъ самый Гоголь нисколько не былъ въ претензіи на троекратный, черезчуръ ужъ безцеремонный обманъ его какимъ-то пѣвцомъ-малороссомъ, который обѣщалъ исполнить у него на дому нѣкоторыя малороссійскія пѣсни. Весьма возможно, что, дружески прохаживаясь по своей комнатѣ съ Бодянскимъ и изрѣдка при этомъ взглядывая на Данилевскаго, и, разговаривая по душѣ, какъ передаетъ послѣдній, Гоголь производилъ совсѣмъ не такое впечатлѣніе, какъ когда нехотя удостоивалъ другихъ своихъ, даже считавшихся близкими, посѣтителей какими-нибудь натянутыми двумя-тремя словами. Вѣдь въ присутствіи Данилевскаго Гоголь позволилъ себѣ даже признаться Бодянскому, что у него „работа не подвигается; иное слово вытягиваешь клещами“[1]). Если мы сравнимъ это простое и откровенное признаніе съ тѣмъ, что̀ намъ разсказываетъ о томъ же предметѣ Бергъ, то можетъ быть только одно заключеніе, — что съ людьми, которыхъ онъ считалъ себѣ чуждыми, ему было непріятно говорить о своей наболѣвшей ранѣ, но что откровенность невольно прорывалась среди своихъ. Надо было бы понять, что всякіе вопросы, касающіеся его литературной дѣятельности, напоминали ему о его неудачной работѣ и растравляли не заживавшую язву. Иногда впрочемъ случалось нечаянно, что кто-нибудь, быть можетъ желая угодить Гоголю и показать близкое знакомство съ его произведеніями, упоминалъ о послѣднихъ и тѣмъ рѣшительно портилъ его настроеніе. Г. П. Данилевскій разсказываетъ, что въ одинъ чрезвычайно рѣдкій и счастливый моментъ, когда „всѣ улыбались, радуясь, что знаменитый гость былъ въ духѣ“[2]), когда онъ отводилъ свою сердечную тоску слушаніемъ всегда магически на него дѣйствовавшихъ родныхъ пѣсенъ, этимъ послѣднимъ оставшимся для него земнымъ на-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1886, XII, стр. 477.

[2]) Тамъ же, стр. 482.

слажденіемъ, — кто-то изъ гостей Аксакова неожиданно вспомнилъ разсказъ о томъ, что „кучеръ Чичикова, Селифанъ, участвующій, по слухамъ, во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, въ сельскомъ хороводѣ, вѣроятно, пѣлъ и только-что исполненную пѣсню“. Въ одно мгновеніе на лицо Гоголя набѣжало какое-то темное облако и все его веселье какъ рукой сняло. Данилевскій не зналъ, чѣмъ объяснить такую внезапную перемѣну въ Гоголѣ, и готовъ былъ даже приписать ее обидной небрежности приглашеннаго и въ третій разъ уже безцеремонно обманувшаго пѣвца, но тутъ же рядомъ высказываетъ и другое, несомнѣнно, вполнѣ справедливое предположеніе, — что причиной грусти Гоголя было неловкое упоминаніе о мучившей его второй части „Мертвыхъ Душъ“. Послѣ этого инцидента Гоголь почувствовалъ себя какъ-то уже не по себѣ и скоро ушелъ, ссылаясь на то, что ему „не здоровится“, „что голова у него какъ въ тискахъ“[1]). Прощаясь, Гоголь даже сказалъ принужденную остроту — доказательство того, что такъ сильно овладѣвшее имъ чувство была щемящая тоска, а совсѣмъ не досада. Разсказъ Данилевскаго въ данномъ случаѣ является по истинѣ драгоцѣннымъ, такъ какъ, безъ вѣдома самого автора, вводитъ насъ въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ тайнъ, лежавшихъ на сердцѣ великаго художника, такъ что, припоминая всѣ другія воспоминанія о Гоголѣ за послѣдніе годы его жизни, нельзя думать о немъ *безъ глубокаго* нравственнаго содроганія.

И. С. Тургеневъ также разсказываетъ о томъ, что, когда онъ ѣхалъ съ Щепкинымъ къ Гоголю, то первый дорогой предупреждалъ его, чтобы отнюдь онъ ничего не упоминалъ о продолженіи „Мертвыхъ Душъ“. Но Гоголь самъ заговорилъ о предметѣ близкомъ къ его литературной дѣятельности, — о статьѣ о немъ Герцена. „Мы съ покойнымъ Щепкинымъ“ — разсказываетъ Тургеневъ — „были свидѣтелями въ день нашего посѣщенія, до какой степени эта рана наболѣла. Гоголь началъ увѣрять насъ — внезапно измѣнившимся, торопливымъ голосомъ, — что не можетъ понять, почему въ прежнихъ его сочиненіяхъ нѣкоторые люди находятъ какую-то оппозицію, что-то такое, чему онъ измѣнилъ впослѣдствіи, — что онъ всегда придерживался однихъ и тѣхъ же религіозныхъ и

---

[1]) Тамъ же.

охранительныхъ началъ — и, въ доказательство того, готовъ намъ указать на нѣкоторыя мѣста въ одной своей, уже давно напечатанной книгѣ... Промолвивъ эти слова, Гоголь съ почти юношеской живостью вскочилъ съ дивана и побѣжалъ въ сосѣднюю комнату. Михаилъ Семеновичъ только брови возвелъ горѣ — и указательный палецъ поднялъ... „Никогда такимъ его не видалъ!“ шепнулъ онъ мнѣ[1]). Но какая потрясающая трагедія совершалась въ эти минуты въ душѣ справедливо оскорбившагося Гоголя (въ самомъ дѣлѣ, отступникомъ, какимъ его считалъ Герценъ, онъ никогда не былъ), — объ этомъ никто не можетъ судить, потому что здѣсь на минуту передъ нами приподнимается завѣса такой тайны, о которой вообще мы получаемъ, только случайно и отрывочно, далеко неудовлетворительное представленіе. Вѣдь и хорошо знавшій Гоголя Щепкинъ „ѣхалъ къ нему какъ къ необыкновенному, геніальному человѣку, у котораго что-то тронулось въ головѣ“. А въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ глубокимъ горемъ, какое, быть можетъ, рѣдко кому приходится переживать, съ горемъ незаслуженнымъ и вѣчнымъ, съ горемъ несправедливаго позора, отъ котораго нѣтъ средствъ и надежды когда-нибудь освободиться!

Съ Тургеневымъ Гоголь обошелся привѣтливо и дружески, что̀ доказываетъ между прочимъ, что замѣчаемыя въ немъ причуды не исключали въ немъ совершенно доброты характера, тѣмъ болѣе, что, по описанію Ивана Сергѣевича, въ обращеніи съ нимъ Гоголя не было ничего принужденнаго, а между тѣмъ Гоголь хорошо зналъ, что Тургеневъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ прежде — съ Бѣлинскимъ, теперь — съ Герценомъ. Мы не можемъ это объяснить и холоднымъ разсчетомъ оправдать себя черезъ Тургенева въ глазахъ Герцена, тѣмъ больше, что Гоголь проявилъ въ данномъ случаѣ много несомнѣнной и неподготовленной откровенности; недаромъ Тургеневъ и обратилъ вниманіе на то, что Гоголь не заикнулся въ разговорѣ съ нимъ о Бѣлинскомъ: „это имя обожгло бы его губы“[2]) — такъ объяснилъ себѣ этотъ фактъ Тургеневъ.

---

[1]) Соч. Тургенева, посмертное изданіе, т. I, стр. 70.
[2]) Тамъ же, 71—72.

Легко убѣдиться однако, что самый предметъ разговора часто имѣлъ, какъ и естественно, большое вліяніе на настроеніе Гоголя и, когда его ничто не тревожило и не смущало, онъ дѣлался совершенно другимъ человѣкомъ.

Въ „Моихъ Досугахъ“ Ѳ. И. Буслаева передается напр. слѣдующій любопытный разсказъ М. С. Щепкина.

„Какъ-то недавно прихожу къ Гоголю“, разсказывалъ Щепкинъ. „Онъ сидитъ, пишетъ что-то. Кругомъ на столѣ разложены книги, все религіознаго содержанія.

— „Неужели все это — вы прочли?“ спрашиваю я.

— „Все это надо читать“, отвѣчалъ онъ.

— „Зачѣмъ же надо?“ говорю я: „такъ много написано всего для спасенія души, а ничего не сказано новаго, чего не было бы въ Евангеліи. А я, признаться, думаю, что всего этого написано слишкомъ много: — запутанно“.

Тутъ Гоголь принужденно улыбнулся, сказавши что-то въ родѣ: — „Какой шутникъ!“ А я продолжалъ: — „Я и заповѣди-то для себя сократилъ, всего на двѣ: люби Бога и люби ближняго, какъ самого себя“.

„Потомъ“, продолжалъ Щепкинъ, „я разсказалъ Гоголю слѣдующій случай:

„Ѣхалъ я изъ Харькова, въ то время, какъ были отправлены мощи Митрофанія. Дай, думаю, заѣду въ Воронежъ, не изъ набожности, а такъ — хотѣлось видѣть, что̀ можетъ сдѣлать вѣра человѣка. Пріѣзжаю въ Воронежъ. Утро было восхитительное. Я пошелъ въ церковь, на дорогѣ попался мнѣ мужикъ съ ведромъ; въ ведрѣ что-то бьется. Смотрю, стерлядь! Думаю себѣ: Митрофаній еще подождетъ! Сторговалъ, купилъ рыбу и снесъ домой. Потомъ пошелъ въ церковь. Дорогою такъ восхищался природой, какъ никогда не запомню. Было чудесное утро. Прихожу въ церковь. Народу множество, и такая преданность, такая вѣра, что я и самъ умилился до слезъ, и самъ сталъ молиться: „Господи, Боже мой! Вотъ этотъ народъ пришелъ Тебя молить о своихъ нуждахъ, бѣдахъ и болѣзняхъ. Только я одинъ ничего у Тебя не прошу, и молюсь слезно! Неужели Тебѣ нужны, Господи, наши лишенія? Ты далъ намъ, Господи, прекрасную природу, и я наслаждаюсь ею, и благодарю Тебя, Господи, отъ всей души“.

„Тогда“, — присовокупилъ Михаилъ Семеновичъ, „Гоголь

вскочилъ и, обнявъ меня, воскликнулъ: — „Оставайтесь всегда такимъ!“[1]).

Это произошло, по словамъ Щепкина, всего за три недѣли до смерти Гоголя.

CXXXIX.

Не задолго до упомянутаго посѣщенія Гоголя Тургеневымъ и Щепкинымъ, первый былъ въ Маломъ театрѣ на представленіи „Ревизора“, причемъ Хлестакова игралъ Шумскій, а городничаго — Щепкинъ. Гоголь, по словамъ Н. В. Берга, сидѣлъ въ первомъ ряду и внимательно слѣдилъ за игрой[2]).

---

1) «Мои Досуги», II, 237—238.

2) Приводимъ относящійся сюда разсказъ доктора Тарасенкова:

„Въ послѣднюю зиму Гоголь былъ постоянно погруженъ въ себя, задумчивъ, неразговорчивъ, какъ всегда, но, казалось, былъ веселѣе обыкновеннаго. Дѣятельность его къ занятіямъ въ это время обнаруживалась бо́льшая, нежели въ прежнее время: онъ смотрѣлъ своего „Ревизора“ на московской сценѣ, читалъ дома, при актерахъ изъ него многія мѣста, чтобы внушить имъ, какъ должно ихъ вронзносить согласно съ его мыслію; потомъ пошелъ посмотрѣть, какъ исполнена была пьеса послѣ его замѣчаній и исполненіемъ ея остался болѣе доволенъ, нежели въ прежнее время, особливо Хлестаковымъ, котораго въ это время игралъ уже Шумскій, пользовавшійся его наставленіями. Собирался также посмотрѣть, какъ идутъ „Игроки“ и „Женитьба“. Однажды слуга гр. Толстого при немъ просился въ театръ. Въ этотъ день было два спектакля: на Большомъ и Маломъ театрѣ. Гоголь, зная, что̀ даютъ въ этотъ день, спросилъ его: „ты въ который театръ идешь?“ „Въ Большой“, отвѣчалъ тотъ, „смотрѣть Аскольдову могилу“. — „Ну и прекрасно“, прибавилъ Гоголь. — „А я пойду посмотрѣть „Женитьбу“, сказалъ я, желая вызвать его на разговоръ литературный: — „Не ходите сегодня, а вотъ я соберусь скоро, посмотрю, какъ она идетъ, и, уладивъ все, извѣщу Васъ“.

„Это не сбылось: онъ не видалъ „Женитьбы“, въ которой ему казался смѣшнѣе всѣхъ морякъ Жевачкинъ, хотя онъ почиталъ вообще эту пьесу пустяками. Въ этотъ день послѣ обѣда, когда происходилъ разговоръ, онъ былъ молчаливѣе обыкновеннаго: передъ обѣдомъ говорилъ, что зябнетъ, не смотря на то, что въ комнатѣ было + 15 Р. — Послѣ обѣда смотрѣлъ на англійскую иллюстрацію и все молчалъ, даже не слушалъ, что̀ говорятъ, хотя разговоръ долженъ былъ его занимать (религія). Однажды онъ немного разговорился про театръ и съ пренебреженіемъ отозвался о „Провинціалкѣ“: „Что̀ это за характеръ: просто кокетка — и больше ничего!“ — Это было за часъ передъ театромъ. Вскорѣ доложили, что пріѣхалъ молодой Живокини, который долженъ былъ въ этотъ вечеръ въ первый разъ исполнять роль офицера. Гоголь вскочилъ и побѣжалъ къ себѣ. Это происходило не болѣе, какъ за мѣсяцъ до смерти.

„Началъ перепечатывать свои прежнія сочиненія подъ собственнымъ наблю-

Онъ всегда высоко цѣнилъ Щепкина, а Шумскаго считалъ лучшимъ изъ видѣнныхъ имъ Хлестаковыхъ; но въ этотъ или предшествующій разъ, когда онъ смотрѣлъ свою комедію, ему бросились въ глаза нѣкоторые недостатки игры артистовъ и потому, бесѣдуя при Тургеневѣ съ Щепкинымъ, онъ высказалъ желаніе прочесть „Ревизора" въ домѣ Шевырева. Въ назначенный вечеръ — по словамъ И. С. Тургенева — 22 октября, а по увѣренію Г. П. Данилевскаго, 5 ноября 1851 года — собрались актеры, участвовавшіе въ пьесѣ, но не всѣ: многіе нашли унизительнымъ для себя, что ихъ собираются учить. На Гоголя такое незаслуженное и особенно для него совершенно уже непривычное невниманіе подѣйствовало крайне непріятно, но онъ по обыкновенію мастерски прочелъ половину перваго акта, какъ вдругъ раздался звонокъ и затѣмъ промчался черезъ всю комнату Г. П. Данилевскій, котораго Тургеневъ называетъ здѣсь „молодымъ, но уже необыкновенно назойливымъ литераторомъ" [1]). Гоголь при вошедшемъ гостѣ рѣзко сдѣлалъ замѣчаніе лакею: „вѣдь я велѣлъ тебѣ никого не впускать!" и затѣмъ сталъ продолжать чтеніе, но уже, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, безъ прежняго искусства и воодушевленія. Впрочемъ дальнѣйшія подробности переданы обоими слушателями Гоголя далеко не согласно: по словамъ И. С. Тургенева, Гоголь попалъ въ свой прежній тонъ только въ серединѣ третьяго акта, тогда какъ

деніемъ, исправлялъ ихъ, кое-что вставлялъ, и самъ держалъ корректуру, заказавъ единовременное печатаніе каждой части въ особой типографіи; отдѣлалъ окончательно завѣтное народное сочиненіе (литургія), обрабатываемое имъ въ продолженіе 20 лѣтъ, оставался имъ доволенъ, придумалъ для него форматъ книги (маленькій), хотѣлъ пустить въ продажу за дешевую цѣну и безъ имени, единственно ради наученія и пользы всѣхъ сословій и славы Божіей. Привелъ къ окончанію второй томъ „Мертвыхъ Душъ" и уже читалъ изъ него многимъ отрывки, обдумалъ комедію, продолженіе „Ревизора", написалъ и отдалъ М. С. Щепкину объясненіе на „Ревизора", собирался наконецъ посвятить себя труду по части русской исторіи. — Не любя раскрывать никому своихъ задушевныхъ мыслей, особливо говорить о себѣ какъ о сочинителѣ, тѣмъ болѣе слушать себѣ похвалы или наводить разговоръ о своихъ твореніяхъ, въ послѣднее время онъ въ тайной, задушевной бесѣдѣ объявилъ, что онъ довольнѣе своими послѣдними приготовленными трудами, въ которыхъ слогъ трезвый, крупный, яркій, не такой, какъ былъ въ прежнихъ уже изданныхъ сочиненіяхъ, когда онъ вовсе не умѣлъ писать".

[1]) Соч. Тургенева, т. I, стр. 75.

Данилевскій ничего не упоминаетъ, разумѣется, о временномъ смущеніи или недовольствѣ Гоголя, но разсказываетъ между прочимъ объ искусствѣ, съ какимъ Гоголь прочелъ сцену между Бобчинскимъ и Добчинскимъ, — слѣдовательно, судя по этому, онъ не такъ уже много опоздалъ, какъ утверждаетъ Тургеневъ, твердо запомнившій только непріятное впечатлѣніе Гоголя. Затѣмъ, по окончаніи чтенія, которое, благодаря неловкости Данилевскаго, было, какъ выражался самъ Гоголь, „не болѣе, какъ намекъ, эскизъ", „непрошенный литераторъ простеръ свою нецеремонность до того, что остался послѣ всѣхъ у поблѣднѣвшаго, усталаго Гоголя и втерся за нимъ въ его кабинетъ"[1]). По разсказу же Данилевскаго, дѣло происходило иначе, и даже самъ Гоголь имѣлъ нужду въ объясненіи съ нимъ, намѣреваясь поручить ему отвезти въ Петербургъ Плетневу для передачи инспектору студентовъ Фицтуму накопившіяся у него деньги, которыя онъ, какъ извѣстно, имѣлъ обыкновеніе жертвовать въ пользу бѣдныхъ студентовъ. (Данилевскому Гоголь сказалъ, что эти деньги будто бы давнишній его долгъ самому П. А. Плетневу). Мы не имѣемъ, конечно, основанія не довѣрять разсказу покойнаго Данилевскаго и объясняемъ себѣ данное противорѣчіе такимъ образомъ: не смотря на приглашеніе Данилевскаго на вечеръ и свое расположеніе къ нему, Гоголь, передъ которымъ обыкновенно все ходило по стрункѣ и держало себя съ подобострастіемъ, особенно при страшной его нервности, не могъ не раздражиться такимъ запоздалымъ появленіемъ своего гостя; но его сравнительное расположеніе къ послѣднему ясно выразилось уже въ томъ, что онъ не прекратилъ чтенія и ласково бесѣдовалъ съ нимъ потомъ нѣсколько минутъ наединѣ. Конечно, здѣсь были и другія причины, какъ напр. желаніе прочесть пьесу артистамъ и дать порученіе Данилевскому; но, судя по множеству другихъ извѣстныхъ намъ сходныхъ фактовъ, мы все-таки считаемъ только-что высказанную нами догадку не лишенной нѣкотораго основанія. Относительно же несходства впечатлѣній Тургенева и Данилевскаго, касающихся наружности и выраженія лица Гоголя, мы положительно склоняемся къ признанію болѣе справедливымъ описанія Тургенева, гораздо

---

[1]) Тамъ же, стр. 76.

болѣе опытнаго наблюдателя, безъ сомнѣнія, чрезвычайно мѣтко схватившаго ту особенность въ нашемъ поэтѣ, что „какая-то затаенная боль и тревога, какое-то грустное безпокойство примѣшивались къ постоянно проницательному выраженію его лица“[1]).

Прибавимъ еще, что въ воспоминаніи Данилевскаго промелькнулъ также довольно важный фактъ внѣшней біографіи Гоголя; такъ, онъ разсказываетъ, что на вопросъ Бодянскаго, что̀ мѣшаетъ его творчеству, Н. Вас. отвѣчалъ: „Погода, убійственный климатъ! Невольно вспоминаешь Италію, Римъ, гдѣ писалось лучше и такъ легко[2]). Хотѣлъ было эту зиму уѣхать въ Крымъ, къ Княжевичу, тамъ писать, думалъ завернуть и на родину, къ своимъ, — туда звали на свадьбу сестры Елизаветы Васильевны, но едва добрался до Калуги и возвратился. Дороги невозможныя, простудился; да и времени пришлось бы столько потратить на одни переѣзды. А тутъ еще затѣялъ новое полное изданіе своихъ сочиненій“[3]). Важно здѣсь, по нашему мнѣнію, то, что Гоголь собирался провести зиму у Княжевича; будучи совершенно необезпеченъ, онъ привыкъ во время своихъ путешествій гостить у кого-либо изъ близкихъ ему людей, причемъ если таковыхъ у него въ какой-либо мѣстности не было, то и самая поѣздка не осуществлялась (какъ въ предшествующемъ году остался безъ исполненія проектъ его пожить въ Греціи)[4]). Быть можетъ, и теперь къ другимъ причинамъ колебаній присоединялось недостаточное знакомство съ Княжевичемъ[5]). Во всякомъ случаѣ причиной неосуществленія этого проекта были именно денежные разсчеты и затрудненія: „Какъ ни экономно разсчитывалъ все“ — писалъ онъ потомъ матери: — „все видѣлъ, что не могу

---

1) Тамъ же, стр. 69.

2) Ср. сходный разсказъ въ воспоминаніяхъ Н. В. Берга («Русск. Стар.», 1872, I, 124). Кстати отмѣтимъ ошибку въ этомъ мѣстѣ его воспоминаній: говоря о пріѣздѣ Гоголя въ Россію въ 1848 г., онъ выражается такъ: «славянофилы были приглашены на обѣдъ для Гоголя, только-что возвратившагося *изъ Италіи*» (sic) — вмѣсто: изъ Палестины.

3) „Историч. Вѣстн.“, 1886, XII, стр. 477.

4) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 513 и 517.

5) Тоже было и раньше — относительно поѣздки въ Грецію (см. выше, стр. 798).

провести съ вами эти дни“ (т.-е. дни свадьбы) „и оттого еще больше расклеился весь мой составъ“[1]).

Мы видѣли выше, что Гоголь крайне неохотно и съ рѣзко выраженнымъ неудовольствіемъ собирался и откладывалъ свою поѣздку въ Россію изъ Италіи въ 1839 г., когда ему приходилось входить въ долги, чтобы взять сестеръ изъ института и устроить ихъ. Можно было бы осуждать Гоголя за эгоизмъ, но такое сужденіе крайне одностороние и поверхностно; отчего же не принять и его сторону, поставивъ въ вину его матери ея колоссальную непрактичность, а сестрамъ, или, лучше сказать, тогдашнему тепличному институтскому воспитанію, то, что онѣ не только не могли самостоятельно шагу ступить въ жизни, но и доѣхать однѣ домой не были въ состояніи. Но во всякомъ случаѣ тогда Гоголю приходилось (по нашему мнѣнію — не совсѣмъ несправедливо) рвать и метать; теперь же онъ далекъ былъ отъ какого бы то ни было неудовольствія и искренно хотѣлъ быть на свадьбѣ сестры.

Въ послѣдніе годы, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе привязывался Гоголь къ своей семьѣ, тѣмъ больше заботился о ней и становился внимательнымъ сыномъ и братомъ, и особенно это выразилось въ его заботахъ о сестрѣ Елизаветѣ Васильевнѣ, лишившейся своего дорогого друга и воспитательницы, П. И. Раевской. Гоголь хотѣлъ найти для сестры поприще, соотвѣтствующее ея силамъ и склонностямъ. Находя воспитаніе, полученное ею въ домѣ Раевской, наиболѣе желательнымъ и цѣлесообразнымъ, онъ старался и ее, въ свою очередь, побудить принять на себя и добросовѣстно исполнить христіанскую обязанность воспитанія ея крестницы. Въ своихъ письмахъ онъ давалъ обильные совѣты и наставленія, требуя преимущественно развитія въ молодыхъ дѣвушкахъ практическихъ способностей и навыковъ. „Дѣвушкѣ бѣдной“ — говорилъ онъ — „вовсе не нужны тѣ таланты, которые пріобрѣтаются для того, чтобы блистать въ обществѣ. Иначе она не сыщетъ мужа, потому что мужчины теперь сдѣлались смѣтливѣе и начинаютъ выбирать себѣ просто добрыхъ хозяекъ“[2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 539.

[2]) Соч. и письма Гог. т. VI, 504—505. Нѣкоторые совѣты въ этомъ письмѣ, касающіеся вопроса объ искусствѣ заинтересовать дѣтей ученіемъ, были даны, кажется, отчасти, подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія отъ письма Жуковскаго («Сбор. Общества Любителей Россійской Словесн. на 1891 г.», стр. 21).

Очень естественно, что тѣ же взгляды были высказаны имъ по поводу вскорѣ послѣдовавшаго замужества самой Елизаветы Васильевны, причемъ Гоголь настаивалъ, главнымъ образомъ, на томъ, чтобы свадьба была отпразднована безъ особыхъ приготовленій, какъ можно проще и скромнѣе, чтобы молодые не забывали о своей бѣдности, избѣгали лишнихъ расходовъ и пріучали себя ко всевозможнымъ ограниченіямъ. Если Гоголь вернулся съ дороги, то, конечно, только вслѣдствіе его необычайной нервности и разбитости, которыя здѣсь только обнаружились съ особенной рельефностью, но часто проявлялись и во многомъ другомъ.

Порой къ нему возвращалась бодрость и онъ предпринималъ новое изданіе сочиненій и усиленно работалъ надъ „Мертвыми Душами". Однажды онъ даже съ вызывающей увѣренностью писалъ С. Т. Аксакову: „продолжаете ли записки? Смотрите, чтобы намъ, какъ увидимся, было не стыдно другъ передъ другомъ и было бы что̀ прочесть"[1]). Но проходитъ годъ и Гоголь говоритъ уже въ другомъ тонѣ: „Готовьте своихъ птицъ, а я приготовлю вамъ душъ; *пожелайте только*, чтобы онѣ были такія же живыя, какъ ваши птицы"[2]).

„Работа — моя жизнь" — говорилъ онъ Плетневу: — „не работается — не живется, хотя покуда это и не видно другимъ". Но съ другой стороны „онъ никакъ не можетъ быть увѣренъ за работой. Если не поможетъ Богъ, ничего не выйдетъ"[3]). Плетневъ совѣтовалъ Гоголю для поддержанія силъ вести самый регулярный образъ жизни, приводя въ образецъ извѣстнаго ученаго Якова Карловича Грота. Но совѣты запоздали. Гоголь чувствовалъ съ каждымъ днемъ, что для него настала ранняя старость и что ему уже нельзя надѣяться на продолжительную жизнь. Съ грустью говорилъ о матери, относясь съ недовѣрчивостью къ ея словамъ: „будемъ жить собственными трудами": „думалъ и я, что буду всегда трудиться, отказалась голова. Бѣдная моя голова! Доктора говорятъ, что надо оставить ее въ покоѣ"[4]). Вотъ въ состояніи полнаго упадка дѣятельности воли и Гоголь не рѣшался ѣхать на свадьбу къ сестрѣ. Онъ дошелъ до трагикомическаго по-

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 516.
[2]) Соч. и письма Гоголя, VI, 540.
[3]) «Сборникъ въ память Юрьева», 267.
[4]) Соч. и письма Гоголя т. VI, 538.

ложенія: по нѣскольку разъ призывалъ къ себѣ духовника, и то ему казалось, что поѣздка на родину согласна съ волей Божіей, то, напротивъ, что это грѣхъ, и наконецъ онъ остался, извиняясь въ такихъ выраженіяхъ: „душа скорбитъ, что не могу провести съ вами эти дни и оттого еще больше расклеился весь мой составъ"[1]). О своей работѣ онъ писалъ Аксакову: „работается крайне туго, и времени не хватаетъ ни на что̀, точно крадетъ его лукавый"[2]). Въ то же самое время, начиная съ конца лѣта 1851 г., Гоголь, усиленно стремясь въ Крымъ для поправленія здоровья, даже поручалъ Аксакову адресовать ему туда письма, именно въ Симферополь (Соч. и письма Гоголя, VI, 540), но ѣхать не рѣшился и остался перезимовать въ Москвѣ. Послѣднія письма его къ матери и къ о. Матвѣю заключали въ себѣ только просьбу молиться за него.

За нѣсколько дней до смерти Гоголь получилъ письмо, показывающее, что, страдая самъ, онъ не пересталъ горячо принимать къ сердцу и чужія немощи[3]).

Многое, какъ мы видѣли, несмотря на неожиданность его кончины, доказывало въ сущности, что его нравственныя мученія были очень велики, а они были, конечно, важнѣе физическихъ.

CXL.

Здѣсь будетъ мѣсто послѣднему листку записокъ С. Т. Аксакова.

„Въ 1851 году Гоголь былъ у насъ въ деревнѣ три раза: въ іюнѣ, въ половинѣ сентября, когда онъ собирался на свадьбу сестры своей въ Васильевку, откуда хотѣлъ проѣхать на зиму опять въ Одессу, и, наконецъ, въ третій разъ 30-го сентября, когда онъ уже воротился съ дороги, изъ Оптиной пустыни. Онъ былъ постоянно грустенъ и говорилъ,

---

1) Стр. 539.

2) Стр. 543. О послѣднихъ дняхъ Гоголя см. въ «Отеч. Зап.» 1856, XII, 397—427, разсказъ доктора Тарасенкова. Относительно сожженія Гоголемъ 2 т. мы раздѣляемъ мнѣніе Н. С. Тихонравова, что оно было сознательнымъ дѣломъ художника, убѣдившагося въ несовершенствѣ всего, что̀ было выработано его многолѣтнимъ мучительнымъ трудомъ См. соч. Гог. изд. X, т. III, 576.

3) См. ниже письмо къ Гоголю Н. Барановскаго.

что въ Оптиной пустынѣ почувствовалъ себя очень дурно и, опасаясь расхвораться, пріѣхать на свадьбу больнымъ и всѣхъ разстроить, рѣшился воротиться. Очень было замѣтно, что его постоянно смущала мысль о томъ, что мать и сестры будутъ огорчены, обманувшись въ надеждѣ его увидѣть. 1-го октября, въ день рожденія своей матери, Гоголь ѣздилъ къ обѣднѣ въ Сергіевскую лавру и, на возвратномъ пути, заѣзжалъ въ Хотьковъ монастырь[1]). За обѣдомъ Гоголь поразвеселился, а вечеромъ былъ очень веселъ. Пѣлись малороссійскія пѣсни, и Гоголь самъ пѣлъ очень забавно. Это было его послѣднее посѣщеніе Абрамцева и послѣднее свиданіе со мною. 3-го октября онъ уѣхалъ въ Москву[2]).

Подробнѣе узнаемъ о томъ же изъ находящейся въ бумагахъ Гоголя (въ Румянцевскомъ музеѣ) выписки изъ краткихъ замѣтокъ С. Т. Аксакова, которую приводимъ, опуская строки тождественныя съ вышеприведенными[3]).

„Въ продолженіе 1851 года, онъ былъ у насъ въ Радонежьѣ три раза: 1) въ іюнѣ и уѣхалъ вмѣстѣ съ Карташевскими. Возвратясь изъ моего путешествія въ Оренбургскую губернію въ Москву 15 августа, я не нашелъ въ ней Гоголя: онъ былъ у Шевырева на дачѣ. Въ половинѣ сентября Гоголь пріѣхалъ къ намъ въ подмосковную; онъ былъ необыкновенно со мною нѣженъ и нѣсколько разъ, взявъ меня за руки, смотрѣлъ на меня съ такимъ выраженіемъ, котораго ни описать, ни забыть невозможно. Онъ хотѣлъ пріѣхать 20 сентября, то есть въ день моего рожденья, но не могъ, потому что далъ обѣщаніе быть на свадьбѣ у сестры своей въ Полтавской губерніи, назначенной 29 сентября или 1 октября. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 21 сентября, написавъ ко мнѣ два письмеца, самыя нѣжныя и дружескія: одно 20 сентября, а другое въ самый день отъѣзда и все очень тревожился, что не провелъ со мною день моего рожденья. Пробывъ осень въ деревнѣ у матери, Гоголь намѣревался уѣхать

---

1) За женой Аксакова, Ольгой Семеновной.

2) Ср. «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 194.

3) Этотъ отрывокъ, на которомъ значится: «Выписка изъ слова въ слово изъ моихъ краткихъ замѣтокъ», не былъ въ рукахъ издателя «Русскаго Архива», (см. 1890, VIII, стр. 194—195) и появляется въ печати впервые.

на зиму въ Одессу, гдѣ провелъ онъ предыдущую зиму очень хорошо, въ отношеніи къ своему здоровью и успѣшной работѣ надъ „Мертвыми Душами". Онъ поѣхалъ очень грустенъ, что не успѣлъ еще повидаться со мною и проститься, какъ слѣдуетъ. По неожиданной надобности, я пріѣхалъ въ Москву 24 сентября и на другой день, къ удивленью моему узналъ, что Гоголь воротился. 30 я увезъ его съ собой въ деревню, гдѣ его появленіе, никѣмъ не ожиданное, всѣхъ изумило и обрадовало. По какимъ причинамъ воротился Гоголь — положительно сказать не могу: онъ говорилъ, что въ Оптиной пустыни почувствовалъ нервное разстройство, прибавилъ смѣясь, что *„къ тому же не хорошо со мной простился"*. Онъ улыбался, но глаза его были влажные и въ смѣхѣ слышалось что-то особенное. Притомъ онъ все надѣялся, что я переѣду на зиму со всѣмъ семействомъ въ Москву, ибо желалъ чрезвычайно провести её вмѣстѣ съ нами. Но обстоятельства не позволили мнѣ исполнить его желаніе. Замѣтно было, что Гоголь смущался своимъ возвращеніемъ безъ достаточной причины повидимому, и еще болѣе тѣмъ, что мать и сестры будутъ огорчены, обманувшись въ надеждѣ его увидѣть. 1 октября, день рожденія своей матери и день назначенной свадьбы сестры, поутру Гоголь былъ невеселъ; онъ поѣхалъ къ обѣднѣ въ Троицкую лавру и на возвратномъ пути заѣхалъ за Ольгой Семеновной въ Хотьковскій монастырь и самъ заходилъ за ней къ игуменьѣ. За обѣдомъ мы пили здоровье его матери и молодыхъ: Гоголь поразвеселился, а вечеромъ сдѣлался очень веселъ. Наденька пѣла малороссійскія пѣсни и онъ самъ пѣлъ съ живостью и очень забавно. Это было послѣднее посѣщеніе Гоголя нашего Абрамцева. 3 октября онъ уѣхалъ въ Москву; онъ взялъ у насъ лошадей до первой почтовой станціи, потому что онъ спѣшилъ въ Москву, къ четыремъ часамъ, къ кому-то или съ кѣмъ-то обѣдать. Къ удивленію моему, лошади воротились уже на другія сутки, и я узналъ, что Гоголь кормилъ лошадей въ Пушкинѣ и доѣхалъ на нихъ до Москвы: наемный кучеръ нашъ былъ нѣсколько грубъ и попивалъ иногда. Я встревожился и писалъ къ Гоголю, спрашивая, не случилось ли чего-нибудь непріятнаго; но получилъ веселый шуточный отвѣтъ: что все напротивъ было очень хорошо, что онъ самъ раздумалъ поспѣть къ обѣду и пріѣхалъ въ Москву въ 7 часовъ

вечера. Гоголь хотѣлъ непремѣнно еще осенью побывать у насъ; но не вдругъ собрался, а потомъ захватила осенняя погода. Между тѣмъ бодрость къ нему воротилась и онъ писалъ ко мнѣ, что работаетъ успѣшно. Въ одномъ письмѣ даже говоритъ, что если бъ Богъ далъ ему еще такихъ денька два-три, то второй томъ былъ бы готовъ. Мы переписывались довольно часто. Я подстрекалъ его тѣмъ, что мои *Записки ружейнаго охотника* скоро будутъ готовы: Гоголь отвѣчалъ весело, что отъ меня не отстанетъ, но это продолжалось недолго".

CXLI.

О послѣднихъ недѣляхъ и дняхъ до роковой болѣзни заимствуемъ разсказъ изъ книги Кулиша.

„Еще незадолго до смерти не думалъ о своей кончинѣ [1]). Онъ былъ совершенно здоровъ и чувствовалъ только слабость физическихъ силъ, которыя надѣялся подкрѣпить весною на родинѣ въ занятіяхъ садоводствомъ. За девять дней до масляной, О. М. Бодянскій видѣлъ его еще полнымъ энергической дѣятельности. Онъ засталъ Гоголя за столомъ, который стоялъ почти посреди комнаты и за которымъ поэтъ обыкновенно работалъ сидя. Столъ былъ покрытъ зеленымъ сукномъ. На столѣ разложены были бумаги и корректурные листы. Бодянскій, обладая прекрасною памятью, запомнилъ отъ слова до слова весь разговоръ свой съ Гоголемъ.

— Чѣмъ это вы занимаетесь, Николай Васильевичъ?" спросилъ онъ, замѣтивъ, что передъ Гоголемъ лежала чистая бумага и два очиненныя пера, изъ которыхъ одно было въ чернильницѣ.

— Да вотъ мараю все свое", отвѣчалъ Гоголь: — „да просматриваю корректуру набѣло своихъ сочиненій, которыя издаю теперь вновь".

— Все ли будетъ издано?

— Ну, нѣтъ; кое-что изъ своихъ юныхъ произведеній выпущу.

— Что̀ же именно?

— Да „Вечера".

— Какъ!" вскричалъ, вскочивъ со стула, гость. — „Вы хотите посягнуть на одно изъ самыхъ свѣжихъ произведеній своихъ?

— Много въ немъ незрѣлаго“, отвѣчалъ спокойно Гоголь. — „Мнѣ бы хотѣлось дать публикѣ такое собраніе своихъ сочиненій, которымъ я былъ бы въ теперешнюю минуту больше всего доволенъ. А послѣ, пожалуй, кто хочетъ, можетъ изъ нихъ (т.-е. „Вечеровъ на Хуторѣ“) составить еще новый томикъ“.

Бодянскій вооружился противъ поэта всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, говоря, что еще не настало время разбирать Гоголя, какъ лицо мертвое для русской литературы, и что публикѣ хотѣлось бы имѣть все то, что̀ онъ написалъ, и притомъ въ порядкѣ хронологическомъ, изъ рукъ самого сочинителя.

Но Гоголь на всѣ убѣжде́нія отвѣчалъ:

— По смерти моей, какъ хотите, такъ и распоряжайтесь.

Слово *смерть* послужило переходомъ къ разговору о Жуковскомъ. Гоголь призадумался на нѣсколько минутъ и вдругъ сказалъ:

— Право, скучно, какъ посмотришь кругомъ на этомъ свѣтѣ. Знаете ли вы? Жуковскій пишетъ ко мнѣ, что онъ ослѣпъ?

— Какъ!“ воскликнулъ г. Бодянскій: — „слѣпой пишетъ къ вамъ, что онъ ослѣпъ?

— Да; нѣмцы ухитрились устроить ему какую-то штучку.... Семе́не!“ закричалъ Гоголь своему слугѣ по-малороссійски: — „ходы́ сюды.“

Онъ велѣлъ спросить у графа А. П. Толстого, въ квартирѣ котораго онъ жилъ, письмо Жуковскаго. Но графа не было дома.

— Ну, да я вамъ послѣ письмо привезу и покажу, потому что — знаете ли? — я распорядился безъ вашего вѣдома. Я въ слѣдующее воскресенье собираюсь угостить васъ двумя-тремя напѣвами нашей Малороссіи, которые очень мило Н. С. Аксакова положила на ноты съ моего козлинаго пѣнья; да при этомъ упьемся и прежними нашими пѣснями. Будете ли вы свободны вечеромъ?

— Ну, не совсѣмъ“, отвѣчалъ гость.

— Какъ хотите, а я ужъ распорядился, и мы соберемся

---

[1]) „За мѣсяцъ до кончины“ — сообщалъ Погодинъ въ „Москвитянинѣ“ — „Гоголь былъ, повидимому, здоровъ, принималъ живое участіе въ изданіи своихъ сочиненій, которыя печатались вдругъ въ трехъ типографіяхъ, занимался корректурами, заботился объ исправленіяхъ въ слогѣ, просилъ примѣчаній“.

у О. Ѳ. Кошелева часовъ въ семь; а впрочемъ, для большей вѣрности, вы не уходите; я самъ къ вамъ заѣду, и мы вмѣстѣ отправимся на Поварскую.

Бодянскій ждалъ его до семи часовъ вечера въ воскресенье, наконецъ, подумавъ, что Гоголь забылъ о своемъ обѣщаніи заѣхать къ нему, отправился на Поварскую одинъ; но никого не засталъ въ домѣ, гдѣ они условились быть, потому что въ это время умеръ одинъ общій другъ всѣхъ московскихъ пріятелей Гоголя — именно жена поэта Хомякова — и это печальное событіе разстроило послѣдній музыкальный вечеръ, о которомъ хлопоталъ онъ.

Е. М. Хомякова была родная сестра поэта Языкова, одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя. Гоголь крестилъ у нея сына и любилъ ее, какъ одну изъ достойнѣйшихъ женщинъ, встрѣченныхъ имъ въ жизни. Смерть ея, послѣдовавшая послѣ кратковременной болѣзни, сильно потрясла его. Она потрясла его не одною горестью, какую каждый изъ насъ чувствуетъ, лишась близкаго сердцу человѣка. Душа поэта, постоянно настроенная на высокій ладъ, постоянно обращенная чуткою своей стороною къ таинственному замогильному міру, исполнилась священнаго ужаса и сокрушительной скорби, заглянувъ въ дверь, которая распахнулась передъ нимъ на мгновеніе и снова закрыла отъ него свои тайны. Эти чувства питалъ онъ въ себѣ съ самаго дѣтства, и они были еще съ того времени „источникомъ слезъ, никому не зримыхъ", но проявлялись въ немъ во всей сокрушительной своей силѣ только въ моменты глубокаго душевнаго страданія. Такимъ моментомъ была для него утрата г-жи Хомяковой. Но онъ разсматривалъ это явленіе съ своей высокой точки зрѣнія и примирился съ нимъ у гроба усопшей.

— Ничто не можетъ быть торжественнѣе смерти", произнесъ онъ, глядя на нее: — „жизнь не была бы такъ прекрасна, еслибы не было смерти".

CXLII.

Прежде чѣмъ говорить о послѣднихъ дняхъ Гоголя, коснемся слегка его матеріальныхъ обстоятельствъ, его послѣднихъ стараній устроить себѣ скудный земной пріютъ и какъ-нибудь отстоять возможность болѣе успѣшнаго хода работы надъ

„Мертвыми Душами". Это намъ кажется необходимымъ для того, чтобы высказать свои соображенія о томъ, какое значеніе слѣдуетъ придавать тому факту, что Гоголь скончался именно въ домѣ А. П. Толстого.

Къ 1850 г. слѣдуетъ отнести также письмо Гоголя къ гр. А. Ѳ. Орлову (или, можетъ быть, къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ Гоголь просилъ „ввести наслѣдника въ его положеніе и исходатайствовать ему вспомоществованіе, чтобы имѣть возможность проводить три зимніе мѣсяца въ году въ Греціи или на островахъ Средиземнаго моря и три лѣтніе гдѣ-нибудь въ „Россіи". Даты на письмѣ нѣтъ, но принадлежность его къ 1850 г. удостовѣряется выраженіемъ: „суровость двухъ сѣверныхъ зимъ разстроила мое слабое здоровье" (разумѣются зимы 1848—1849 и 1849—1850), а также слѣдующимъ упоминаніемъ въ письмѣ къ А. О. Смирновой.[1]) „Пробовалъ писать къ наслѣднику, но такъ стало совѣстно все просить и просить, все забирать впередъ, не сдѣлавши ничего, что перо не поднималось. Писать оффиціальную просьбу къ министру о паспортѣ съ присоединеніемъ свидѣтельства отъ врачебной управы мнѣ неприлично: я человѣкъ не служащій и этимъ формамъ не подлежу. При этомъ я въ Россіи все-таки же извѣстнѣе инспектора врачебной управы, котораго подкупное свидѣтельство большему подвержено сомнѣнію, чѣмъ мое собственное. Дѣло въ томъ, что такъ какъ положеніе мое нѣсколько необыкновенно и не похожее на положеніе другихъ людей, то и поступить я долженъ нѣсколько необыкновеннымъ образомъ. *Я написалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.* Если же къ Орлову, то пусть будетъ къ Орлову. Я выставилъ только „сіятельство". Они всѣ трое (?) „сіятельство!" — Мысль о поѣздкѣ въ Грецію высказана здѣсь въ первый разъ, но осенью и зимой Гоголь не разъ повторялъ ее въ письмахъ къ друзьямъ, а равно и о предполагаемой вторичной поѣздкѣ въ Іерусалимъ, но опредѣленнаго плана здѣсь во всякомъ случаѣ не было, да, вѣроятно, и Греція представлялась Гоголю только станціей по пути въ Іерусалимъ (иначе, стремясь на югъ, онъ, конечно, выбралъ бы снова излюбленную Италію).

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, VI, 513. Тамъ же, стр. 514.

Не получивъ желаемаго пособія, Гоголь былъ вынужденъ ограничиться зимовкой въ Одессѣ. Внѣшнимъ толчкомъ для выбора этой зимней резиденціи послужило приглашеніе Стурдзы, о которомъ Гоголь сообщалъ А. О. Смирновой въ письмѣ отъ 20 августа 1850 г.: „Отъ Стурдзы получилъ на-дняхъ изъ Одессы весьма милое письмо съ дружескимъ зазывомъ въ Одессу“. Но далѣе видно, что Одесса была только замѣной лучшаго, и притомъ въ двойномъ смыслѣ: „Еслибъ Одесса сдѣлалась“ — прибавляетъ Гоголь — „хоть на этотъ годъ Коринѳомъ или Байрутомъ, съ какою бы я радостью остался въ Россіи“ [1]). Въ слѣдующемъ письмѣ къ ней же онъ говоритъ уже: „Авось либо Черное море хоть сколько-нибудь будетъ похоже на Средиземное“. Наконецъ въ письмѣ къ Плетневу отъ 2 дек. 1850 г., не удовлетворенный Одессой, онъ снова повторяетъ: „слабая моя натура такъ уже устроилась, что чувствуетъ жизненность только тамъ, *гдѣ тепло не натопленное*. Слѣдовало бы и теперь выѣхать *хоть* въ Грецію; за тѣмъ, признаюсь, и пріѣхалъ въ Одессу“ [2]). Въ Одессѣ Гоголь имѣлъ одно время въ полномъ распоряженіи домъ отсутствующаго дяди А. А. Трощинскаго, а потомъ переселился къ Репнинымъ, не переставая упорно работать надъ продолженіемъ своего труда, а часы отдыха удѣляя бесѣдѣ съ домашними или иногда принимая участіе въ составлявшемся для него хорѣ малороссійскихъ пѣсенъ. Переписка съ друзьями сдѣлалась теперь очень

---

1) О пребываніи Гоголя въ Одессѣ см. «Музыкальный Свѣтъ», 1876, 29—32 и «Изъ прошлаго Одессы», здѣсь воспоминанія актера Толченова и выдержка изъ брошюры «День памяти Пушкина».

2) Соч. и письма Гоголя, VI, 517. О предполагаемыхъ лѣтнихъ путешествіяхъ по Россіи Гоголь высказывалъ предположеніе еще въ 1849 г. (см. о его намѣреніи проѣздиться по Россіи, особенно по сѣверовосточнымъ губерніямъ «Вѣстн. Евр.», 1889, XI, стр. 147), а еще гораздо раньше онъ давалъ обѣщаніе Языкову пріѣхать къ нему пожить въ Симбирскъ («Русск. Стар.», 1889, I, стр. 149). Всѣ эти планы находились въ связи съ намѣреніемъ Гоголя въ продолженіи «Мертвыхъ Душъ», или можетъ быть, въ особомъ сочиненіи дать такую книгу, которая представила бы яркую картину Россіи, «такъ что вся земля отъ края до края со всей особенностью своихъ мѣстностей, свойствами кряжей и грунтовъ врѣзалась какъ живая въ память даже несовершеннолѣтняго отрока». Гоголь говорилъ, что онъ желалъ бы такъ описать мѣстность, чтобы каждый «слышалъ», что онъ тамъ былъ. Ср. также въ письмѣ къ А. М. Віельгорской отъ 8 іюня 1849 г. («Вѣстн. Евр.», 1889, XI, 146: «Можно и въ отроческое время дать человѣку идею» и т. д. (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 435, въ письмѣ къ С. П. Шевыреву мысли о воспитаніи племянника Трушковскаго).

вялой, но знаки пріязни и вниманія оказывались Гоголю и заочно. Такъ ко времени пребыванія Гоголя въ Одессѣ, 19 марта 1851 г., относится заочное празднованіе дня его рожденія. А. С. Хомяковъ предложилъ выпить за его здоровье, Но Шевыревъ относилъ день рожденія Гоголя къ другому времени. Чтобы кончить споръ, предложено выпить за Гоголя „на Антона и на Онуфрія“[1]). С. Т. Аксаковъ сообщалъ Гоголю: „Нѣсколько любящихъ васъ пріятелей заранѣе согласились сегодня обѣдать у насъ; но, какъ нарочно, что-то угораздило Погодина съ Шевыревымъ устроить сегодня обѣдъ Іордану. Не только всѣ наши гости обѣдаютъ тамъ, но и Константина утащили. Надѣюсь однако, что Бодянскій отобѣдаетъ и придетъ къ намъ, хотя варениковъ ѣсть не будемъ, но послушаемъ: „Ой, на дворѣ мятелица“[2]).

Такимъ образомъ при всѣхъ житейскихъ невзгодахъ и и хроническомъ безденежьѣ у Гоголя всегда было готово убѣжище и ласковый пріемъ, при чемъ ему также представлялся широкій выборъ провести время въ томъ или другомъ пріятельскомъ домѣ. Если бы жизнь Гоголя продлилась, онъ могъ бы такимъ же образомъ гостить у Аксаковыхъ, какъ у Смирновыхъ или Толстыхъ, но, безъ сомнѣнія, подобная неустроенность должна была жестоко грызть его, и кто знаетъ, не потому ли онъ спѣшилъ съ корректурами собранія своихъ сочиненій, что изданіе ихъ должно было вывести его изъ заколдованнаго круга постоянной зависимости отъ гнета матеріальныхъ нуждъ, тогда какъ въ то же время и здѣсь онъ не могъ, подобно многимъ инымъ писателямъ, поставить на первый планъ денежный разсчетъ, помня, что „съ словомъ надо обращаться честно“.

CXLIII.

Приведемъ теперь нигдѣ непечатанныя письма, относящіяся къ тому времени, о которомъ шла рѣчь.

---

1) «Москвитянинъ», 1851, № 7, апрѣль.

2) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 193.

15 августа, Погодинъ былъ приглашенъ на ежегодное торжество на Преображенскомъ кладбищѣ, куда зоветъ съ собой и Гоголя («Жизнь и труды Погодина» т. XI, стр. 520—521).

Я. К. Гротъ — Н. В. Гоголю. Гельзингфорсъ. 26 октября 1849 г.[1]).

„Милостивый государь, Николай Васильевичъ! простившись съ вами, я прожилъ въ Москвѣ еще до конца іюля и все поджидалъ васъ. Мнѣ было весело думать, что, можетъ быть, еще удастся мнѣ побесѣдовать съ вами, и сверхъ того я желалъ представить вамъ Протопопова, у котораго я жилъ. Услышавъ, что вы были у меня, онъ очень жалѣлъ, что я въ то время не доставилъ ему случая познакомиться съ вами. Полагаю, что и для васъ было бы интересно сблизиться съ этимъ человѣкомъ. По характеру, привычкамъ, взгляду на жизнь онъ чистый руссакъ, а по образу мыслей и правиламъ благороднѣйшій человѣкъ, какого я знаю.

Вы желали имѣть финскую флору. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ просилъ я С. П. Шевырева передать вамъ, что по этому предмету ничего цѣльнаго еще не издано. Есть кое-какія диссертаціи на шведскомъ и на латинскомъ языкахъ, но онѣ относятся только къ частностямъ. О скандинавской флорѣ есть сочиненія, но она во многомъ отличается отъ здѣшней. Душевно сожалѣю, что не могу исполнить перваго желанія, которое вы мнѣ изъявили.

При послѣднемъ свиданіи нашемъ вы дружески вызвали меня сообщать вамъ замѣчанія, которыя мнѣ случится сдѣлать во время моего путешествія по Россіи — о русскомъ народѣ. Поѣздка моя была такъ коротка и по времени и по протяженію ея, что я изъ нея не могу представить вамъ ничего, что было бы достойно вашего вниманія. Вмѣсто того вотъ вамъ отрывокъ изъ письма, которое я вчера получилъ отъ стараго друга моего, Дмитрія Степановича Протопопова. Если вы дорожите наблюденіями человѣка, который вотъ уже лѣтъ десять совершенно посвящаетъ себя изученію русскаго крестьянина для того, чтобы сколько можно содѣйствовать къ улучшенію его быта: то позвольте рекомендовать вамъ Протопопова. Прилагаемыя строки набросаны имъ безъ всякаго старанія, единственно потому, что пришлось къ слову; можетъ быть, онѣ для васъ не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, но вы, конечно, найдете, что онѣ написаны съ большимъ убѣжденіемъ и знаніемъ дѣла. Я посылаю вамъ это безъ вѣдома Протопопова. Вѣроятно, онъ не позволилъ бы мнѣ сдѣлать это, но я рѣшился на то, вспомнивъ, какъ вы интересуетесь всякимъ сужденіемъ по этому близкому и для васъ предмету. Протопоповъ занимаетъ должность начальника комиссіи для уравненія податей казенныхъ крестьянъ. Онъ большую часть жизни проводитъ въ деревняхъ и на большой дорогѣ. Онъ изучаетъ сельское хозяйство во всѣхъ отношеніяхъ; теперь принялся за ботанику, въ которой и безъ того ужъ наметался порядочно на практикѣ. Живетъ онъ очень близко отъ васъ: близъ Никитскихъ воротъ, въ Скатертномъ переулкѣ, въ домѣ Степанова.

Съ истиннымъ уваженіемъ искренне вамъ преданный Я. Гротъ“.

Изъ этого письма видно, съ какимъ усердіемъ Гоголь сталъ собирать по возвращеніи въ Россію свѣдѣнія объ отечественной флорѣ, о бытѣ русскаго

---

[1]) Я. К. Гротъ познакомился съ Гоголемъ черезъ Плетнева, который настойчиво рекомендовалъ ему Грота, какъ человѣка весьма почтеннаго и образцовой честности. Настоящее письмо представляетъ отвѣтъ на письмо Гоголя Я. К. Гроту (см. „Русск. Арх.“, 1864, II, 178), тамъ же воспоминаніе Грота о Гоголѣ стр. 177 - 180. Объ отношеніяхъ Гоголя къ Гроту см. также „Жизнь и труды Погодина“, т. X, стр. 319—320.

народа и проч., какъ ради этого онъ завязывалъ новыя знакомства и т. п. Нѣкоторыми добываемыми такимъ путемъ данными онъ дѣлился съ Віельгорскими, преимущественно Анной Михайловной[1]).

И. А. Фонвизинъ — Н. В. Гоголю. Москва 30 октября 1850 г.[2]).

„Много благодарю васъ, почтенный другъ Николай Васильевичъ, за вѣсточку изъ Полтавы и за возвращеніе книги, которую могли бы далѣе удержать у себя. По письму вашему надписываю свое въ г. Одессу, изъ которой желаю скораго возвращенія вашего сюда. Желаю это для себя (эгоистически), а для васъ — того, что̀ можетъ послужить вамъ къ лучшему совершенію пути, вами избраннаго. Ваши слова: *„тѣмъ тѣснѣе должны быть узы остающихся“*, напомнили мнѣ то, что̀ я писалъ, вскорѣ по кончинѣ покойнаго друга нашего Надежды Николаевны, къ зятю покойной, Ивану Дмитріевичу Якушкину. Я ему сказалъ между прочимъ, что *„любовь отшедшихъ въ вѣчность къ оставшимся здѣсь общимъ друзьямъ ихъ должна тѣснѣе связывать послѣднихъ между собою“*. Мы оба въ разное время писали подъ вліяніемъ одной занимавшей насъ мысли. Итакъ, почтенный другъ, будемъ, съ помощію Господа, стараться тѣснѣе связывать эти узы молитвою.

Письмо это поручилъ я вамъ доставить родному племяннику моему Дмитрію Михайловичу Фонвизину[3]), больному и тѣломъ и духомъ, тѣлесный недугъ его должно приписать преждевременному, а потому самому, уже вредному употребленію собственной воли; болѣзнь же духа происходитъ отъ обольщенія нынѣшнихъ лжефилософскихъ системъ послѣдователей германскаго мыслителя Гегеля, какъ-то: Фейербаха и прочихъ, увлекающихъ молодежь и дающихъ большой просторъ страстямъ человѣческимъ. Мнѣ крайне жаль его, ибо не знаю, найдется ли въ кругу знакомыхъ его человѣкъ, который могъ бы благодѣтельно подѣйствовать на него и показать ему страшную бездну, на краю которой онъ безпечно ходитъ. Если Господь позволитъ вамъ пробыть нѣкоторое время въ г. Одессѣ... но нѣтъ! любовь вамъ болѣе скажетъ, нежели что̀ я могу сказать вамъ. Да поможетъ вамъ Господь во всемъ и да сохранитъ васъ.

Простите. Сердечно преданный Иванъ Фонвизинъ.

PS. Подумавъ, я перемѣнилъ намѣреніе послать это письмо черезъ племянника, который можетъ отлучиться изъ г. Одессы; въ этомъ случаѣ вы бы письма моего не получили, почему и посылаю на ваше имя“.

---

[1]) О живомъ интересѣ Гоголя къ ботаникѣ и о всѣхъ подробностяхъ жизни и быта русскаго народа см. въ воспоминаніяхъ Арнольди „Мое знакомство съ Гоголемъ“, „Русскій Вѣстникъ“ 1862, I, 66—69 и „Вѣстн. Евр.“, 1889, XI, 145 и пр. Взгляды Гоголя на этотъ вопросъ любопытно сличить съ высказанными имъ взглядами на путешествія по Россіи и за границей въ письмѣ къ П. В. Анненкову, еще изъ Остенде отъ 12 августа 1847 г. (См. „П. В. Анненковъ и его друзья“, стр. 501—503; тамъ же взгляды Гоголя и на путешествіе Боткина въ Испанію).

[2]) И. А. Фонвизинъ познакомился съ Гоголемъ черезъ Над. Ник. Шереметеву; онъ упоминается однажды въ письмѣ къ послѣдней (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 61), но письмо это должно быть отнесено уже къ 1849 г., какъ указано въ моей статьѣ о Шереметевой („Русск. Стар.“, 1892, X, стр. 162).

[3]) Дмитрій Михайловичъ Фонвизинъ былъ старшій сынъ извѣстнаго декабриста М. А. Фонвизина и жены его Нат. Дм Фонвизинъ, о которой см. въ воспоминаніяхъ М. Д. Францевой („Русск. Стар.“, 1885, XII, и „Истор. Вѣстн.“, 1888, III—V; также нашу статью „Одна изъ женъ декабристовъ“ (Русское Богатство“, 1894, XI—XII).

Н. Н. Шереметева, по возвращеніи Гоголя въ Россію, видѣлась съ нимъ нѣсколько разъ, но вскорѣ, 11 мая 1850 г. отошла въ вѣчность. Смерть ея произвела тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, кто зналъ это добрѣйшее существо. Вотъ, напр., что̀ писалъ Натальѣ Дмитріевнѣ Фонвизиной (женѣ декабриста Михаила Александровича), декабристъ Е. П. Оболенскій: „Надежды Николаевны нѣтъ въ этомъ мірѣ. Это глубоко грустное слово! Оно отозвалось во всѣхъ сердцахъ любившихъ ее! Каждый лишился въ ней не простого знакомого, а друга; она каждаго умѣла любить не просто какъ человѣка, а какъ друга и брата. Каждый былъ увѣренъ, что она готова была на всякое доброе дѣло, на всякую услугу, и что ея радость была въ томъ, чтобы любить. Трудно и невозможно найти другую Надежду Николаевну. Ее Господь создалъ такою, какою она была, а она себя воспитала такою, какою сдѣлалась“.

Письмо Фонвизина представляетъ нѣкоторый интересъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ смотрѣли на Гоголя послѣднее время его знакомые и какія возлагали на него надежды.

Въ 1849—1850 годахъ Гоголь сильно заинтересовался также участью и стремленіями другого молодого человѣка, обратившагося отъ безцѣльной и пустой жизни къ дѣятельной и даже предполагавшаго доставлять Гоголю свѣдѣнія для изученія Россіи и т. п. Имя этого молодого человѣка Д. К. Малиновскій. Письма къ нему Гоголя напечатаны въ „Русск. Арх.“ (1869, IX, 1124 и т. 2 изд. 1278—1282[1]). Въ архивѣ наслѣдниковъ Гоголя сохранились отрывки, повидимому, относящейся сюда переписки, знакомящей съ прошлымъ Малиновскаго, которому его пріятель совѣтовалъ доказать матери, что онъ „теперь совсѣмъ уже не тотъ, что въ нѣкоторомъ смыслѣ отнынѣ сталъ возродившимся фениксомъ“ и не будетъ уже больше огорчать мать.

CXLIV.

Приводимъ далѣе извлеченія изъ переписки Гоголя въ 1850 г. съ монахами Оптинской пустыни, со Стурдзой и другими.

---

[1]) Его воспоминанія о Гоголѣ см. въ газетѣ «Русскій», 1868, 22, фельетонъ.

А. С. Стурдза.—Н. В. Гоголю. Пріютъ близъ Одессы. 1850 г. 21 іюня[1]).

„Почтеннѣйшій Николай Васильевичъ! Дорогой, но нежданный гость, письмо ваше изъ Малороссіи застало меня здѣсь, тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ-за Днѣстра, гдѣ прожилъ я около двухъ мѣсяцевъ въ имѣніи покойной сестры моей и куда думаю опять возвратиться на столько же времени въ августѣ, аще Богъ повелитъ.

Надежда на свиданіе съ вами болѣе досужное радуетъ меня; да какъ бы намъ не разъѣхаться[2]). Больно слышать, что вы опять замышляете долговременную отлучку изъ-подъ родного неба. Здоровью вашему едва ли помогутъ эти частыя странствованія! Недаромъ Горацій гдѣ-то сказалъ:

„Qui patriae exul, se quoque fugit“.

Мы всѣ, болѣе или менѣе, въ этой юдоли хвораемъ тѣмъ же недугомъ: разладомъ, борьбой духа съ плотью. Московская зима напугала васъ, вамъ не даютъ работать, творить въ безмятежіи умственномъ,—такъ пожалуйте къ намъ, милости просимъ; отвѣдайте житья въ южной Россіи, проведите нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ на южномъ берегу Тавриды, остальные съ нами въ Одессѣ. Здѣсь найдете вы цвѣтъ Малороссіи: доброе, привѣтливое семейство Репниныхъ; сердечно благочестивое и умное О. М. Павловскаго, Михневича и другихъ, подобныхъ имъ. Преосвященный Иннокентій останется съ нами на всю зиму. Онъ, узнавъ отъ меня, что вы въ Полтавѣ и намѣрены у насъ побывать, обрадовался и просилъ меня передать вамъ поклонъ и благословеніе. Я не только желаю, но и предчувствую, что край нашъ придется вамъ по сердцу и по здоровью[2]).

А. Н. Муравьевъ въ мартѣ гостилъ у насъ около двухъ недѣль и, кажется, увезъ съ собою пріятныя впечатлѣнія и добрую память о нашемъ уѣздномъ городкѣ. Все зависитъ отъ выбора круга знакомыхъ, въ которомъ гость для всѣхъ замѣчательный, но не всѣмъ милый сумѣетъ поставить себя. Простите, благодарю за память и пребываю искренно уважающимъ васъ А. Стурдза“.

Позднѣе, когда надежда встрѣтиться съ Гоголемъ въ Одессѣ осуществилась[3]), Стурдза описалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Я уже потерялъ было надежду на новую встрѣчу съ Гоголемъ, когда получилъ отъ него письмо съ вѣстью, что онъ опять стремится къ югу“ и проч. И далѣе: „Сколько ни старались тогда заманить одинокаго мыслителя въ кругъ большого свѣта, онъ вѣжливо уклонялся сколько могъ, отъ самыхъ лестныхъ приглашеній, довольствуясь прогулками и частымъ посѣщеніемъ весьма немногихъ, въ томъ числѣ и меня. Истощался ли дружескій разговоръ, Гоголь охотно принимался за чтеніе вслухъ и читалъ, какъ говорилъ, съ пріятною важностью. Когда я бывалъ у него, онъ съ удовольствіемъ увѣрялъ, что умственная работа подвигается у него впередъ и услаждаетъ для него часы уединенія. Даже въ домѣ князя Репнина отвели для Гоголя особую комнату, гдѣ онъ занимался дѣломъ, а потомъ выходилъ въ гостиную, и тамъ отдыхалъ въ дружескомъ собесѣдованіи. Во всѣ воскресные и праздничные дни

[1]) Письмо это уже было напечатано въ „Библіогр. Запискахъ“, 1859.

[2]) Здѣсь оправдываются слова Стурдзы: „Я всячески старался доказать, что Одесса пріютитъ его какъ нельзя лучше и доставитъ ему желанный досугъ“. („Москвит.“ 1852, X, 225). Ср. соч. и письма Гог., VI, 513.

[3]) По пути Гоголь подвергся задержкѣ въ карантинѣ (см. „Библіографич. Записки“, 1859, стр. 263; тамъ же воспоминанія о немъ и о его отношеніяхъ къ Стурдзѣ (263—272), сообщенныя Н. Неводчиковымъ.

можно было встрѣтить Гоголя въ церкви, въ толпѣ молящихся. А во время Великаго поста, Гоголь умѣлъ отторгаться безъ огласки отъ общества людей и посвящать по нѣскольку дней врачеванію души своей и богомыслію"[1]). Кн. В. Н. Репнина говоритъ съ своей стороны: „Гоголь рекомендовалъ моей матери проповѣдь епископа Іакова и, заставъ Глафиру Ивановну Дунину-Барковскую, которая читала вслухъ „Мертвыя Души", сказалъ: „какую чертовщину вы читаете да еще въ Великій постъ!"[2]).

Объ отношеніяхъ Гоголя къ Стурдзѣ см. также „Русск. Стар.", 1896, XII, 656—657, гдѣ А. О. Смирнова говоритъ: „Странно, я Стурдзы не знаю, но точно какъ будто мы родные, мнѣ кажется, что если бы я встрѣтила его, мы были бы тотчасъ въ искреннихъ отношеніяхъ. Я давно уже смотрю на отрадный островокъ, и единственно отъ того, что живетъ тамъ авторъ драгоцѣнныхъ писемъ объ обязанностяхъ священнаго сана".

Къ этому письму приложена была и записочка пріятеля Стурдзы. Неводчикова.

Н. Неводчиковъ — Н. В. Гоголю. Пріютъ. 21 іюня 1850 года[3]).

„Милостивый Государь Николай Васильевичъ! Тому два года вы говорили со мною въ карантинѣ и отозвались потомъ на письмо мое. Немудрено значитъ, если я помню васъ, а вы, вѣрно, забыли меня, опять немудрено: сколько мнѣ подобныхъ встрѣчали вы на вашемъ пути! Слава Богу, я опять могу сказать вамъ: „здравствуйте" и вожелать вамъ добраго пути въ Одессу, гдѣ люди истинно добрые готовы принять милаго гостя. Доброта ихъ мудрая освѣжитъ васъ лучше благораствореннаго климата чужбины и найдете вы въ уединеніи успѣшную работу, а въ обществѣ — привольный отдыхъ. Жалуйте же въ Одессу.

Александръ Скарлатовичъ предчувствуетъ недаромъ. Господь съ вами!"

Въ Одессѣ Гоголь, благодаря Стурдзѣ и Репнинымъ, завязалъ обширныя знакомства, (частью среди духовныхъ лицъ), и смотрѣлъ на этотъ городъ, какъ на удобную зимнюю станцію. О характерѣ новыхъ знакомствъ Гоголя можно судить по слѣдующему письму.

Протоіерей Михаилъ Павловскій — Н. В. Гоголю. 30 окт. 1850 г. Одесса.

„Милостивый Государь, достойнѣйшій Николай Васильевичъ!

Съ душевнымъ утѣшеніемъ спѣшу послать вамъ святую икону. Святая икона останется, въ вашемъ жилищѣ, а святитель и чудотворецъ Николай, вамъ тезоименитый, да пребудетъ своею помощью и покровомъ съ вами — всегда, нынѣ и присно! *А правило Вѣры и образъ кротости* (какъ поетъ святая, православная церковь наша святителю Николаю), пра-

---

[1]) „Москвитянинъ", 1852, V. т. XX, стр. 227.

[2]) „Русск. Архивъ", 1890, X, стр. 227—231.

[3]) Воспоминанія о Гоголѣ Неводчикова см. въ „Библіогр. Зап.", 1859. IX, 263—268 и 1861, IX 324—330, за подписью иниціалами: Н. В. Н—ва

вило Вѣры и образъ кротости да будетъ въ глубинѣ души вашей всегда, а наипаче въ тѣ драгоцѣнныя минуты, когда въ рукѣ вашей будетъ перо ваше! Это мое благословеніе вамъ, объ этомъ будетъ и молитва о васъ душею преданнаго вамъ и чтущаго васъ слуги и богомольца протоіерея Михаила Павловскаго".

Монахъ Порфирій Григоровъ.— Н. В. Гоголю изъ Оптиной пустыни. 29 іюня 1850 г.[1]).

„Любвеобильное письмо ваше (исторія для потомства) получилъ съ удовольствіемъ и признательностью, какъ отъ человѣка, котораго давно привыкъ уважать за талантъ, коимъ славится отечество наше. Природа скупа на такихъ людей, какъ вы, и рождаетъ ихъ вѣками, зато и вѣка помнятъ ихъ! Что̀ значитъ передъ талантами знатность и богатство, минутная слава, которая мелькнетъ какъ метеоръ и погрузится въ Лету... Признательное отечество не забудетъ васъ! Дай Богъ, чтобы таланты ваши не увлекли въ гордыню. Конечно, невозможно не сознавать и не чувствовать ьъ себѣ достоинствъ геніальныхъ; но если они будутъ въ смиренномъ духѣ относиться съ благодареніемъ къ Богу, который даровалъ вамъ духъ премудрости, духъ разума, духъ страха Божія; тогда воистину блаженны и преблаженны, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ!.. награда на небесахъ и вѣчное блаженство ожидаетъ васъ, и эта награда, для которой мы живемъ, есть цѣль нашей жизни. Вы это сами знаете и смиряетесь передъ судьбами Вышняго!

Пишите, пишите и пишите для пользы соотечественниковъ, для славы Россіи, и не уподобляйтесь оному лѣнивому рабу, скрывавшему свой талантъ, оставивши его безъ пріобрѣтенія, да не услышите къ себѣ гласа: *„лѣнивый и лукавый рабе"* и проч. Но подарите насъ своей благочестивою поѣздкою къ св. мѣстамъ и многіе помолятся за васъ. Простите, что увлекся порывами патріотизма и отступилъ отъ настоящаго отвѣта на ваше письмо.

Племянникъ вашъ доставилъ письмо ваше[1]), когда я только былъ постриженъ въ монахи, и облеченный во вся оружія правды, находился неисходно въ храмѣ день и ночь, не раздѣваясь до пяти дней, и потому не могъ лично исполнить возложеннаго на меня пріятнаго порученія, но исполнилъ все, что̀ отъ меня зависѣло, а именно: видя его нужду въ незнакомомъ городѣ, тотчасъ почелъ обязанностью снабдить его рекомендательными письмами въ Казань, послалъ одного монаха просить г-жу Юшкову, урожденную графиню Толстую, дать рекомендательныя письма, коими онъ и снабженъ, къ попечителю, къ одному изъ

---

[1]) Любопытныя свѣдѣнія объ этомъ монахѣ, бывшемъ въ юности артиллерійскимъ офицеромъ и однажды поплатившемся за торжественную встрѣчу Пушкина, въ честь котораго онъ приказалъ солдатамъ палить изъ пушекъ, см. въ воспоминаніяхъ Л. И. Арнольди: „Мое знакомство съ Гоголемъ". („Русск. Вѣстн.", 1862, I, 89—90); тамъ же есть краткія свѣдѣнія о другихъ монахахъ, друзьяхъ Гоголя.

[1]) Рѣчь идетъ объ отправлявшемся въ Казанскій университетъ племянникѣ Гоголя, впослѣдствіи издателѣ его сочиненій, Н. П. Трушковскомъ. По случаю установленія комплекта студентовъ въ университетахъ онъ испытывалъ въ это время массу волненій: во-первыхъ, ему не удалось, согласно желанію, попасть въ Москву, а затѣмъ угрожала такая же опасность и въ Казани (см. Отчетъ Имп. Пуб. Библ. за 1893, стр. 60—61).

профессоровъ и къ ея мужу; а недѣли черезъ двѣ обѣщалъ написать письмо къ одной пріятельницѣ, у которой собирается вся казанская аристократія, и объ этомъ письмѣ я хлопочу. Итакъ видите, что значитъ заѣхать въ св. обитель, гдѣ неожиданно нашлись ему рекомендательныя письма. Впрочемъ дипломъ на входъ во всѣ дома онъ уже имѣетъ; довольно сказать, что Гоголь его дядя — при этомъ магическомъ словѣ двери въ будуары и гостиныя немедленно отворятся, гдѣ лежатъ томы звучнаго пера вашего.

Прилагаемое письмо вашего племянника покажетъ, кому поручилъ показать достопримѣчательности обители.

О. игуменъ благодаритъ усердно за приношеніе ваше святой обители и, согласно желанію вашему, молебствовали путешествующему Николаю, да сохранитъ его Господь цѣла и невредима отъ всѣхъ навѣтъ вражьихъ и спасетъ душу вашу. Благословеніе о. игумена и молитвы братіи да сопутствуютъ всюду[1]).

Когда будете въ Аѳинахъ, прошу васъ въ посольской церкви нашего двора отслужить панихиду по усопшемъ іеромонахѣ отцѣ Аникитѣ (князѣ Шахматовѣ), который, нѣтъ сомнѣнія, не лишенъ милости Божіей, а онъ помолится за насъ.

Прощайте, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ! благочестивое путешествіе ваше и пріязнь къ обители запишется въ лѣтописяхъ сердецъ признательныхъ и останется вѣчно памятнымъ. Простите, я много заболтался, но, право, не хочется окончить съ вами бесѣды; но дѣлать нечего: чтобъ не наскучить, кладу перо и желаю вамъ отъ души всякаго блага въ исполненіи предпріятій вашихъ и, прося святыхъ молитвъ, остаюсь вашъ богомолецъ и слуга монахъ Порфирій Григоровъ".

Святогорецъ — Н. В. Гоголю. Константинополь, 1851 г.[2]) марта 3 дня.

„Возлюбленнѣйшій Николай Васильевичъ! Наскоро пишу вамъ, торопясь на почту и къ отъѣзду сегодня изъ Константинополя въ Солунь на австрійскомъ пароходѣ.

Церквей православныхъ въ Константинополѣ 46. Это передалъ мнѣ о. Софонія, и, вѣрно, потому, что онъ и самъ собиралъ свѣдѣнія подобнаго рода. То же сказали мнѣ о числѣ церквей и другіе, впрочемъ съ исключеніемъ такихъ, что церкви Скутари и Тераніи не входятъ въ это число, потому что онѣ принадлежатъ другимъ епархіямъ.

Прощайте, возлюбленнѣйшій. Недосугъ писать. Преданный вамъ Святогорецъ".

Священникъ Дм. Пономаревъ — Н. В. Гоголю. 16 іюля 1851 г.

„Достоуважаемый Николай Васильевичъ! Проповѣди, присланныя вами „Бесѣды сельскаго священника съ прихожанами", по своей простотѣ и силѣ выраженій, изображенію картинъ въ простомъ быту христіанина самымъ живымъ и натуральнымъ образомъ имѣютъ право считаться въ числѣ самыхъ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ. Я по крайней мѣрѣ не знаю проповѣдей, которыя бы могли

---

[1]) О подобныхъ приношеніяхъ Гоголя въ Оптину пустынь см. „Русск. Арх." 1889, XII, „Домашняя Бесѣда", 1863, вып. 20, стр. 457—460. „Русск. Стар." 1890, III, 856; о милостынѣ черезъ о. Матвѣя упоминается въ большинствѣ писемъ къ послѣднему.

[2]) Помѣщая здѣсь и ниже письма духовныхъ лицъ къ Гоголю, мы имѣемъ въ виду отмѣтить слѣды ихъ вліянія на нашего писателя, дошедшаго до намѣренія совѣтоваться о своихъ сочиненіяхъ съ митр. Филаретомъ передъ сожженіемъ 2 тома „М. Д." см. „Русск. Стар.", 1872.

быть употребляемы съ такою пользою для сельскихъ прихожанъ, какъ эти проповѣди [1]).

Богъ, Отецъ щедротъ и всякія утѣхи да будетъ съ вами. Имѣю честь быть вашего высокоблагородія покорнымъ слугою св. Дмитрій Пономаревъ".

Іеромонахъ Макарій — Н. В. Гоголю. 21 іюля 1851 г. Оптинскій скитъ.

„Милостивый Государь Николай Васильевичъ! Спаси васъ, Господи, за посѣщеніе нашей обители и за то, что вспомнили меня вашими строками, въ коихъ выражаете свои недостатки въ добродѣтельной жизни и намѣреніе составить книгу для пользы юношества; вмѣстѣ съ симъ просите сказать вамъ что-нибудь, если Богъ внушитъ.

Хоть я и не вижу въ себѣ такого достоинства, но по желанію вашему не смѣю отказать, и только тѣмъ могу служить, что, взявъ перо, простираю мою грѣшную руку на сію хартію, а вѣра ваша да будетъ ходатайствомъ у Господа внушить мнѣ слово къ вашему утѣшенію, видя свои недостатки въ добродѣтельной жизни, невольно должны мы смиряться и каяться передъ Господомъ, но не смущаться и не унывать. Господь же призритъ на смиреніе и подастъ свою помощь къ исполненію воли Его, ибо безъ Него не можемъ мы ничто же творити. Въ благомъ вашемъ намѣреніи объ изданіи полезной книги Богъ силенъ даровать вамъ свою помощь, когда будетъ на сіе Его святая воля. Но, какъ пишутъ святые отцы, что всякому святому дѣлу или предыдетъ, или послѣдуетъ искушеніе, то и вамъ предложится въ семъ дѣлѣ искусъ, требующій понужденія.

Желаю вамъ успѣха во всѣхъ вашихъ благихъ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ и съ почтеніемъ остаюсь недостойный богомолецъ многогрѣшный іеромонахъ Макарій" [1]).

Изъ этой переписки Гоголя съ разными духовными лицами узнаемъ такимъ образомъ не только господствующее направленіе его мыслей въ послѣдніе годы, но и нѣкоторыя любопытныя отдѣльныя подробности, напр. о намѣреніи Гоголя, занимавшемъ его незадолго до смерти, составить какую-то назидательную книгу для юношества, о его желаніи узнать число православныхъ церквей въ Константинополѣ и проч. Перейдемъ теперь къ его свѣтской перепискѣ въ 1850—1851 годахъ.

CXLV.

Послѣднее письмо Н. Я. Прокоповича Н. В. Гоголю. Петербургъ 26 апрѣля 1850 г.

„Благодарю тебя, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, за твою память обо мнѣ и за письмо. Полученіе отъ тебя писемъ, какъ бы кратки они ни были, доставляетъ мнѣ самыя свѣтлыя минуты въ моей монотонной и скучной жизни, и повѣрь мнѣ, что это не фраза слилась съ пера у меня.

Я отложилъ отвѣтъ на письмо твое до свободнаго времени, т.-е. до наступленія страстной недѣли, но, какъ нарочно, тутъ захворалъ гигантскимъ флюсомъ,

---

[1]) Гоголь очень заботился о духовномъ просвѣщеніи крѣпостныхъ и о гуманномъ обращеніи съ ними. Въ настоящемъ случаѣ онъ собиралъ свѣдѣнія о книгахъ „Бесѣды сельскаго священника" для чтенія ихъ священникомъ крестьянамъ Васильевки (см. соч. и п. Гог., VI, 545). О взглядѣ его на отношенія къ крѣпостнымъ см. соч. и п. Гог., VI, 528; „бѣдные крестьяне въ потѣ лица работаютъ на насъ" и пр. „Вѣстн. Евр.", 1889, XI, 153.

[1]) Кромѣ того Гоголь находился въ оношеніяхъ съ находившимся въ Оптиной пустынѣ отцомъ П. А. Григоровымъ, письмо къ которому см. въ „Библіогр. Запискахъ", 1859, IV, стр. 117.

и вотъ уже наступила другая недѣля, а я все еще не могу освободиться отъ него и не рѣшаюсь высунуть носъ изъ дому, ни съ кѣмъ не вижусь, ничего не слышу и не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ: читать даже нечего.

Ты жалуешься тоже на болѣзнь отъ климата; да кто же тебѣ, свободному, какъ птица небесная, не велитъ ѣхать на югъ, въ Малороссію? Чего тебѣ лучше? Неужели тебѣ еще до сихъ поръ необходимо постоянное пребываніе хоть въ какой-нибудь да столицѣ? А работать ты можешь и тамъ, да еще какъ! Тамъ бы тебя не сердило и направленіе современныхъ читателей. Извини за неумѣстную, можетъ быть, мою выходку; что дѣлать? желаніе мѣрять всѣхъ и все на свой аршинъ не съ меня началось, да и не мною кончится, а я, кажется, другого блага для себя бы и не пожелалъ, какъ только хоть бы разокъ еще вздохнуть воздухомъ какого-нибудь самаго глухого захолустья Малороссіи. Кажется, послѣ того я бы съ бо̀льшимъ терпѣніемъ могъ протащить до конца все навьюченное на меня житейскими обстоятельствами. Вотъ и все тутъ, что я могу сказать тебѣ въ настоящую минуту и въ письмѣ, и при свиданіи; больше ничего изъ себя не могу выжать. Семейство мое здорово, кланяется тебѣ и благодаритъ за твою память. Напиши же мнѣ, какъ ты намѣреваешься распорядиться собою въ нынѣшнее лѣто: все, до тебя касающееся, меня крайне интересуетъ. Прощай, да хранитъ тебя судьба. Весь твой Прокоповичъ".

Послѣднее письмо К. М. Базили — Н. В. Гоголю. Маръ-Ильясъ на Ливанѣ 24 іюля 1850 г.

„Спасибо за добрую память о плачущихъ и скорбящихъ; да будетъ она заслугою тебѣ передъ Богомъ, добрый другъ мой Николай Васильевичъ. Письмо твое отъ апрѣля изъ Москвы дошло до меня лишь надняхъ. А вотъ, если случится тебѣ еще писать ко мнѣ, даю тебѣ адресъ, по которому скоро и исправно будутъ мнѣ доставлены твои письма: Г-ну Спиридону Ивановичу Мавро въ Одессу для доставленія въ Бейрутъ г-ну Базили.

Провожу лѣто съ дѣтьми на альпийскихъ высотахъ на Ливанѣ. Воздухъ хорошъ; свѣжо, свободно. Нѣтъ скучныхъ посѣтителей; дѣла идутъ все перепискою. Прогулки кругомъ волшебны, а главное не забудь здѣсь въ этомъ монастырѣ одинокомъ провелъ я лучшіе мои годы, т.-е. по нѣскольку свободныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ каждый годъ съ добрымъ спутникомъ моей жизни. Первый годъ насъ было двое, потомъ второй годъ былъ съ нами сынъ, потомъ была дочь. Всѣ тропинки, всѣ ущелья памятны. Что прошло, то прошло. Благодарю Бога, что трое дѣтей моихъ живы и здоровы. При мнѣ еще теперь добрая сестра, пріѣхавшая изъ Италіи, чтобы пріютить мое семейство. Къ зимѣ она, вѣроятно, туда воротится... изъ Бейрута не смѣю ни на шагъ, чтобы перемѣной климата не накликать новой бѣды. А вотъ я воспользовался присутствіемъ здѣсь сестры, чтобы навѣстить мать мою въ Тосканѣ. Дней въ 50 объѣздилъ множество городовъ; былъ и въ Римѣ, и удивлялся тому, какъ ты могъ провести столько лѣтъ въ этомъ скверномъ городѣ. Сирія все-таки лучше Италіи; по крайней мѣрѣ народъ здѣсь гораздо почтеннѣе потомства квиритовъ.

Сколько времени проведу еще здѣсь, не вѣдаю, да ничего и знать не хочу о будущемъ, да и не о чемъ ломать голову. Лишь бы день за днемъ шли себѣ, а вѣдь они идутъ безостановочно.

Коли въ самомъ дѣлѣ хочешь ѣхать за границу, пріѣзжай, братъ, сюда. Скромный уголокъ найдешь и жизнь спокойную и безмятежную. На счетъ расходовъ

на путешествіе неужели не удастся тебѣ выхлопотать изъ отпускаемыхъ на путешествія такъ называемыхъ ученыхъ мужей по Министерству Просвѣщенія? Требуй, братъ, а то, пожалуй, другой истратитъ тѣхъ денегъ еще безтолковѣе. А я хорошо провелъ здѣсь зиму въ Байрутѣ, а...[1]), пожалуй, на Ливанѣ. При мнѣ два чиновника: одинъ порядочный малый изъ Петербурга, другой родственникъ, малый рѣдкихъ правилъ, способностей и познаній. Бьюсь безъ толку и пользы, чтобы мой Александръ научился хоть сколько-нибудь по-русски — нѣтъ средства; кромѣ молитвы ни слова не знаетъ. Гувернантка французженка. Болтаетъ и мой мальчишка по-французски, точно парижанинъ, Господи прости! даже по-гречески и по-арабски говорить пересталъ. Вѣдь главное — время проходитъ. Прости дай вѣсть о себѣ. Твой К. Базили"[2]).

А. М. Марковичъ — А. С. Данилевскому о Н. В. Гоголѣ.

„Мнѣ уже пріятно было прочитать въ газетахъ, что нашъ Гоголь въ Одессѣ, суди же, съ какимъ удовольствіемъ узналъ я изъ твоего письма, что онъ былъ у васъ въ Кіевѣ. Очень бы желалъ имѣть случай съ нимъ увидѣться. Ты мнѣ ничего не сказалъ о его здоровьѣ. Не захочетъ ли онъ, не нужно ли ему въ это время, что онъ пробудетъ въ Малороссіи, проѣздиться по ней? Какъ бы я доволенъ былъ, если бъ онъ завернулъ въ нашу сторону и, разумѣется, въ Сварковъ. Ты можешь увѣрить его, что я нимало его ни въ чемъ не стѣсню и встрѣчу его такъ, какъ давно невиданнаго брата. О рукописи онъ напрасно заботится: все, что́ онъ отъ меня получилъ, было имъ возвращено"[3])...

Кн. Елизавета Петровна Репнина — Н. В. Гоголю. Одесса 16 августа 1850[4]).

„Вы не можете себѣ представить удивленіе мое при чтеніи первыхъ строкъ вашего письма. Я вовсе не подозрѣвала, кто пишетъ мнѣ. Наконецъ съ нетерпѣніемъ повернула листикъ и вижу, къ крайнему моему удовольствію, что это вы, вы, который уже такъ давно пропали для насъ! Вы намѣреваетесь зимовать въ Одессѣ? Хотя я не принадлежу къ числу поклонниковъ ея, не могу, однакожъ, не находить, что васъ посѣтила очень счастливая мысль, тѣмъ болѣе, что княгиня Варвара Алексѣевна, княжна и всѣ мы пробудемъ будущую зиму здѣсь. Такъ пріѣзжайте же скорѣе!

Жа́ры у насъ нестерпимы и, право, непростительны, потому что не итальянское солнце производитъ ихъ. Если гдѣ, такъ здѣсь можно поссориться съ надеждами. Бѣда же тѣмъ, которые и зимой и осенью также не дружно живутъ съ ними.

Прощайте, Николай Васильевичъ, не надолго; ожидаемъ васъ съ нетерпѣніемъ, Елизавета Репнина".

Тоже. Одесса 23 августа 1851 г.

„Вы обрадовали меня своимъ письмомъ, любезный Николай Васильевичъ! Такъ вы все еще въ Москвѣ! а я писала роднымъ, просила ихъ увѣдомить меня о васъ: *гдѣ вы? что̀ вы? какъ вы?*

---

[1]) Вырвано.

[2]) Вѣроятно, это было именно то письмо, о которомъ Шевыревъ писалъ Гоголю, что онъ было затерялъ его (см. Отч. Имп. Публ. Библ., за 1893, стр. 62).

[3]) Послѣднія строки написаны на оборотѣ вырѣзки изъ письма. Если онѣ относятся не къ Гоголю, то письмо слѣдуетъ считать написаннымъ въ 1848 г., что вообще вѣроятнѣе, но безусловно утверждать нельзя.

[4]) Е. П. Репнина, урожденная Балабина.

Я пролежала всю весну. Частые обмороки довели меня до совершеннаго изнеможенія и я съ трудомъ оправилась. Съ нетерпѣніемъ ожидаю васъ и обѣщаннаго вами.

Княгиня В. А. поручила мнѣ передать вамъ адресъ Кривцовой: въ домѣ Репнина, въ Леонтьевскомъ переулкѣ Вы. вѣрно, не знали. что она теперь въ Москвѣ. Прощайте, не забывайте насъ! Елизавета Репнина".

Отъ Е. Н. Кривцовой или отъ В. Н. Репниной записка: „Добрый и милый мой, Николай Васильевичъ, пріѣзжайте къ намъ обѣдать и привезите что-нибудь читать; если можно, опять намъ прочесть *обмокни*[1]). Сестра у меня будетъ и ѣдетъ въ воскресенье домой къ брату. Прощайте. Христосъ съ вами (пятница вечеръ").

Записка отъ Е. Н. Кривцовой: „Благодарю за пріятную неожиданность. Нельзя ли вамъ будетъ обрадовать меня совершенно, пріѣхавши ко мнѣ въ другой разъ сегодня, когда я буду дома, т.-е. ввечеру, Елизавета Кривцова".

26 января 1851 г. Монахъ Порфирій — Н. В. Гоголю. Оптина пустынь.

„Достопочтеннѣйшій Николай Васильевичъ! Съ удовольствіемъ прочиталъ письмо ваше отъ 30 декабря прошлаго года и радуюсь, что нашъ даровитый соловей

„Не улеталъ въ дальнія поля —
Въ теплый край, за сине море!"

но порхаетъ еще на пажитяхъ своихъ... И если бъ вы не отозвались своимъ привлекательнымъ голосомъ изъ Одессы: то я такъ и полагалъ бы васъ видѣть опять поклонникомъ Гроба Господня и на возвратномъ пути попирающаго прахъ гордыхъ фараоновъ въ пирамидахъ. Но вы въ предмѣстьѣ столицы Константина, въ виду почти Святой Софіи и все это устроилось промысломъ Божіимъ, и теплая зима въ роскошномъ югѣ незамѣтна.

За молчаніе ваше сѣтовать нельзя. Кто не хотѣлъ бы получить отъ васъ хоть строчку; но человѣку, обремененному занятіями и заботами житейскими, невозможно отрываться отъ дѣла. Душа поэта паритъ на небесахъ и славитъ звучными струнами Бога всяческихъ Творца. Св. Давидъ показалъ, что́ значитъ поэзія, въ своей псалтыри; а сынъ его Соломонъ, въ „Экклезіастѣ" излилъ душу свою, признательную за данную премудрость.

Вы просите обитель молиться за васъ — это доказываетъ, что не столько довѣряете своимъ силамъ, сколько помощи Божіей! Похвально и пріятно слышать, и Господь устроитъ желаніе ваше въ благое.

У насъ ревизуетъ калужскую губернію сенаторъ Давыдовъ и открылъ злоупотребленіе въ жиздринскомъ уѣздѣ о преміяхъ, кои даются за волчьи хвосты и въ восемь мѣсяцевъ украдено суммы 12000 серебромъ. Въ нашихъ мѣстахъ говорятъ, (что) если бъ этотъ эпизодъ попался подъ перо ваше, то новый „Ревизоръ" явился бы на сцену или родилась бы цѣлая поэма подъ названіемъ: „Волчьи хвосты". Когда будете въ Калугѣ, то у губернатора[2]) легко будетъ узнать подробно исторію волчьихъ хвостовъ.

Прощайте, достопочтеннѣйшій Николай Васильевичъ! Препровождаю къ вамъ обѣщанныя мною книги затворника задонскаго Георгія... Вы увидите, что и онъ

---

[1]) „Тамбу".

[2]) Н. М. Смирновъ, мужъ Александры Осиповны.

былъ поэтъ и душа его стремилась къ небу по глаголу Апостола: „жилище наше на небесахъ“. Я надѣюсь, что и жизнь его прочтете съ удовольствіемъ.

Съ моимъ полнымъ уваженіемъ и душевною преданностью имѣю честь пребыть вашъ богомолецъ и слуга монахъ Порфирій“.

Въ противоположность предыдущему письму и вообще перепискѣ Гоголя съ духовными лицами не лишено интереса письмо Скуридина, исполненное легкомысленнаго глумленія надъ набожнымъ настроеніемъ нашего писателя:

М. С. Скуридинъ — Н. В. Гоголю. С.-Петербургъ. 25 іюля 1850 г.[1]).

„Черкнуть вамъ, Николай Васильевичъ, только стóило о мнѣ словечко доброе, а мнѣ очима своима такую благодать узрѣти и стало на душѣ посвѣтлѣе. Чтò это за диковина! вотъ такъ и тянетъ къ благочестивому, а самъ грѣшникъ окаянный и неисправимый. Будто и раскаиваешься, а все выходитъ на повѣрку лицедѣйство. Тотъ только раскаивается, кто исправляется. Кто же не вылѣзаетъ изъ болота, тотъ никогда чистъ не будетъ. Да отчего же я душой къ вамъ влекусь? Кто объяснитъ эту несообразность? Не я. Развѣ вы? Ученымъ и книги въ руки. Я же пока твержу съ Шекспиромъ: „много есть въ мірѣ такого, чтò и не снилось нашимъ мудрецамъ!“ Вотъ, дыша однимъ воздухомъ съ вами и графомъ[2]), какъ-то отрадно: чисто, ясно, вѣрно. А то сколько кривлякъ, васъ, истинныхъ подвижниковъ, обезьянничающихъ! Посмотришь, согрѣшишь и невольно подумаешь: „се ты еси іудей именуешься, и хвалишься о Бозѣ, и почиваеши на законѣ, — а твориши правду“.

Впрочемъ, кто знаетъ, чего не знаетъ? Можетъ быть, на смертномъ одрѣ, если не разомъ скоситъ, очнусь и я, прозрю и повторю слова умирающаго великаго Петра: „вѣрую, Господи! помози моему невѣрію!“

И чтó за притча такая: вы, вперя взоры горѣ и неохотно низводя ихъ долу, читаете въ небесахъ, какъ по писанному; а я, вылупя глаза, смотрю и мнѣ все „темна вода въ областяхъ (sic) воздушныхъ“. Мнѣ сдается, такъ насъ и судить будутъ: васъ, ясно видящихъ, строго, — меня, слѣпорожденнаго, — милосердно. Вѣдаю ли я, чтò творю? И молилъ, и воздыхалъ, и плакалъ: „не далась мнѣ грамота!“ Чистый деизмъ понимаю. „Богъ есть любовь чистѣйшая!“ И головой и сердцемъ понимаю. „Твори добро врагамъ своимъ“. Такъ бы и поцѣловалъ ручку того, кто это вымолвилъ. Далѣе же хоть тресни, ни зги не вижу. Сказать легко — вѣрую; но будешь лицемѣръ передъ Богомъ, зерцаломъ совѣсти и міромъ. Моя душа не принимаетъ неправды: „отъ юности моея возлюбихъ правду всѣмъ сердцемъ“.

Чтó жъ тутъ дѣлать? какъ быть? Живу день за дѐнь, какъ живется. Конечно, когда бы и всѣ такіе же, какъ я, ночные колпаки были, то не было бы ни лжи, ни обмана, ни ненависти, ни коварства, ни грабежа. Такъ во истину! И въ этомъ сознаюсь безъ запинки, потому, что моей тутъ заслуги нѣтъ: все доброе отъ Бога. Онъ меня создалъ мокрой курицей: я въ томъ не виноватъ. Вотъ въ чемъ виновенъ: люблю любо и прелюбо. Однако, вѣдь не я же самъ вырастилъ такую неугомонную плоть. Проклятые — —, отъ которыхъ избавиться не могу!

---

[1]) М. С. Скуридинъ, судя по письмамъ, знакомый графа А. П. Толстого, въ письмахъ къ которому ему нерѣдко пересылались поклоны („Сборникъ въ память Юрьева“, стр. 258, „Русск. Стар.“, 1891, 577 и 578). Онъ хорошо былъ знакомъ также съ С. Т. Аксаковымъ. См. соч. Аксакова, т. I, passim.

[2]) Съ графомъ А. П. Толстымъ.

Помолитесь, благочестивый праведникъ, чтобы эта треклятая проказа оставила развратнаго, 55-тилѣтняго грѣховодника, хоть издохнуть-то непоганымъ! Смерть за плечами! Бѣда неминучая ждетъ. Въ вашей святой молитвѣ только и вижу лучъ спасенія.

Въ народѣ ходитъ молва, что вы и вторую часть „Мертвыхъ Душъ" кончили. Нетерпѣливо ждутъ выпуска въ свѣтъ, и я равномѣрно. Мнѣ все что-то нынѣ кажется, что и до того не доживешь, и до другого не доживешь. Потѣшьте, душенька, повернитесь попроворнѣе!

Я бы во вѣки не рѣшился васъ затруднять своимъ мараньемъ, да сіятельный приказалъ. А потому въ случаѣ наложенія штрафа, съ графа и взыщите, а я не плательщикъ, а только усердно преданный вамъ почитатель. М. Скуридинъ.

Графиня Марья Васильевна Адлербергъ собирается въ Іерусалимъ. Къ ней намѣревается примкнуть и Кавелина.

Кладбищенскую церковь св. Митрофанія всю кругомъ обокрали. Прибавляютъ, что будто изъ пятерыхъ сторожей четверыхъ убили. Что-то невѣроятно!

Мнѣ нынѣшняя зима очень тяжела. А васъ какъ Господь милуетъ?

Спрощавайте! храни васъ Богъ!

Какъ вы пріѣдете въ Питеръ, по обѣщанію вашему съ „Мертвыми Душами", и окажется, что уже и моя душа мертвая, то помяните меня словами скропанной мною для себя эпитафіи:

„Повѣсой жилъ, повѣсой умеръ;
Онъ изъ повѣсъ былъ первый нумеръ".

На случай, если бы вы вздумали подарить меня вашею дорогою грамоткою, маіоръ Михаилъ, Сергѣевъ сынъ, Скуридинъ, имѣетъ честь вамъ доложить, что онъ жительство имѣетъ на Столярной улицѣ, близъ Кукушкина моста, въ домѣ Скуридина, № 10."

Эта приписка была отправлена отдѣльно, вѣроятно въ письмѣ гр. А. П. Толстого, какъ можно думать по слѣдующимъ строкамъ письма Гоголя, къ гр. А. Г. Толстой отъ 30 авг. 1850 г.:

„Будьте такъ добры; препроводите одно письмо къ графу, а другое къ Скуридину. Я самъ не знаю, какъ адресовать. Тотъ и другой обрадовали меня самыми пріятными письмами, а своихъ адресовъ оба не сказали"[1]).

П. Барановскій — Н. В Гоголю. Одесса 17 января 1852 г.

„Милостивый государь, Николай Васильевичъ! больной, разстроенный, пишу къ вамъ, или, вѣрнѣе сказать, диктую, потому что слѣпъ, слѣдовательно несчастливъ. То, что многіе называютъ участіемъ, безъ укора можно назвать холодностью. Въ васъ я нашелъ истинныя доброжелательства къ людямъ, свѣтлый умъ и доброе сердце Слушая разсужденія ваши, я познакомился съ вами, а чувства мои побуждаютъ меня писать къ вамъ и просить вашего совѣта.

Вы много страдали отъ болѣзни и переносили съ христіанскимъ терпѣніемъ; читая объ этомъ въ вашихъ сочиненіяхъ, я укрѣпился духомъ, чтобы нести и мой крестъ. Медики говорятъ, что болѣзненныя судороги въ ногахъ моихъ происходятъ отъ спины Но не о болѣзни хочу я говорить съ вами, а просить васъ сказать мнѣ, гдѣ и черезъ кого вамъ Провидѣніе послало возможное облегченіе.

---

[1]) „Русск. Стар.", 1891, III, 578.

Истинно уважающій васъ и преданный вамъ, позвольте сказать, истинно любящій васъ Илья Барановскій.

(Илья Ивановичъ Барановскій, капитанъ-лейтенантъ, въ собственномъ домѣ, близъ института)".

В. В. Тарновскій (товарищъ Гоголя по нѣжинской гимназіи) — Н. В. Гоголю. 10 ноября 1851 г [1]).

„Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ я и жена моя твоего пріѣзда, милый другъ Николай Васильевичъ, и надѣемся, что ты заѣдешь къ намъ не на часокъ, а по крайней мѣрѣ на денекъ, если не болѣе. Подорожная для тебя давно взята и ожидаетъ тебя въ Патокѣ. Мы съ женой начинаемъ уже мечтать, что ты раздумалъ ѣхать въ Одессу, проживешь зиму въ здѣшнихъ мѣстахъ и мы будемъ имѣть много наслажденій. Теперь, кажется, наши предположенія разрушились; по крайней мѣрѣ утѣшаюсь мыслью, что наша дружба юности, возобновившись такъ для меня неожиданно въ зрѣлыя лѣта, окрѣпнетъ и мы будемъ жить, какъ братья. Весь твой В. Тарновскій".

Е. Репнина — Н. В. Гоголю. Одесса 23 февраля 1852 г. (послѣ кончины Гоголя).

„Вотъ уже зима, а васъ все-таки нѣтъ. Чтожъ это значитъ, Николай Васильевичъ? неужели вы насъ совершенно забыли? Впрочемъ Одесса ничего не имѣетъ привлекательнаго — странное свойство нашего города; пустота до того одолѣваетъ, что не женщины однѣ достигаютъ высокаго качества сплетничать, но и мужчины туда же, такъ что, право, тошно! Скажите, пожалуйста, люди съ здравымъ смысломъ и свѣтлымъ умомъ на самомъ дѣлѣ рѣдки, или мнѣ одной такъ мало удается встрѣчать ихъ? Страшно говорить на одномъ и томъ же языкѣ и совершенно не понимать другъ друга!

...Уже давно написаны эти строки, но я не докончила моего письма; теперь получила я ваше отъ 2 февраля, и душевно благодарю васъ за доброе расположеніе къ дому нашему: жалѣю, что не удастся намъ увидѣться такъ скоро, какъ бы хотѣлось мнѣ. Такъ и у васъ тамъ дрязги? Несомнѣнно, право, вездѣ являются эти незванные гости. Вы такъ мало пишете о себѣ, что мнѣ неизвѣстно, какъ вы провели зиму и какое было вліяніе мороза на васъ, но я, полагаю, вы такъ горячо были заняты, что вовсе не почувствовали его. Когда же конецъ всѣхъ хлопотъ вашихъ? Я жду васъ и книгу вашу и уже готова слушать васъ. Я не забуду васъ въ молитвахъ моихъ, но, къ стыду моему, такъ слаба молитва моя! Все же я молюсь.

Мужъ въ Петербургѣ, — вы это знаете. Я передала поклонъ вашъ княгинѣ Гагариной; она часто вспоминаетъ о васъ. Князь назначенъ губернаторомъ въ Керчь. Онъ уже переселился туда и Ильинъ поѣхалъ къ нему. Весной все семейство отправится въ Керчь. Я жалѣю объ этомъ ради себя, а за нихъ радуюсь.

Прощайте, Николай Васильевичъ! и вы молитесь о насъ! Елизавета Репнина. Письмо мое наполнено грѣхами: простите великодушно!"

[1]) Къ 1851 г. относится между прочимъ слѣдующая любопытная записка Гоголя къ Погодину: „Павелъ Васильевичъ Анненковъ, занимающійся изданіемъ сочиненій Пушкина и пишущій его біографію, просилъ меня свести его къ тебѣ затѣмъ, чтобы набрать отъ тебя матеріаловъ и новыхъ свѣдѣній по этой части. Если найдешь возможнымъ удовлетворить, то по мѣрѣ силъ удовлетвори, особенно покажи ему старину, авось либо твое собраніе внушитъ уваженіе этимъ господамъ, до излишества живущимъ въ Европѣ" (См. „Жизнь и труды Погодина", т. XI, стр. 311—312).

Настоящее письмо представляетъ большой интересъ въ томъ отношеніи, что на основаніи его мы можемъ исправить неизбѣжную неточность представленій, которая такъ часто встрѣчается въ печати, когда указанія на смерть Гоголя въ домѣ гр. А. П. Толстого считаютъ достаточнымъ, чтобы признать отношенія къ послѣднему Гоголя наиболѣе интимными въ послѣднее время передъ его кончиной. Теперь мы ясно видимъ, что Гоголь отъ Толстого, на зиму 1852 г. предполагалъ уѣхать въ Одессу къ Репнинымъ и что такимъ образомъ онъ продолжалъ бы дѣлить свои остановки между этими двумя домами, если бы жизнь его продлилась, и случайный фактъ кончины въ домѣ Толстого не имѣетъ того значенія, которое нерѣдко ему приписываютъ, неправильно заключая на основаніи его объ особенно сильной привязанности Гоголя преимущественно къ этому семейству.

Наконецъ приводимъ переписку Гоголя съ Данилевскимъ за послѣдніе годы ихъ жизни.

Къ 1850 г., по нашему предположенію, относятся слѣдующія три письма Гоголя, написанныя въ лѣтніе мѣсяцы (отъ половины мая до половины іюля), когда Гоголь жилъ въ Малороссіи; по крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ году, когда онъ жилъ съ Данилевскимъ вмѣстѣ въ Васильевкѣ, они не могли быть написаны, и тѣмъ менѣе можно допустить, чтобы они написаны были ранѣе.

14-го мая (1850). *Гоголь — Данилевскимъ*[2]).

„Милые друзья мои, я не писалъ къ вамъ потому, что мнѣ хотѣлось сказать вамъ что-нибудь доброе и утѣшительное, но покуда его не было. Я не писалъ къ вамъ еще потому, что много скорбѣлъ и страдалъ, какъ душевно, такъ и тѣлесно, и до сихъ поръ не выбрался изъ этого состоянія. Принимаюсь за перо съ тѣмъ только, чтобы сказать вамъ, что теперь не въ силахъ писать. Но если будетъ мнѣ лучше, напишу къ вамъ на будущей недѣлѣ".

Письмо безъ числа (лѣтомъ 1850 г.). *Гоголь — Данилевскому*.

„Сейчасъ пріѣхалъ въ Дубровное. Сижу я у окна и любуюсь видомъ на деревню сосѣда, напрасно желая хоть симъ вознаградить (себя) за неудачный пріѣздъ въ пустой домъ; а подъѣзжая, такъ живо воображалась встрѣча, и вотъ на мѣсто распахнувшихся дверей и объятій — глиняная стѣна и закрытыя окна, запоры и затворы на всемъ.

„Пожалуйста, пришли за мной экипажъ и лошадей въ Березовую-Луку или попроси у Трахимовскаго: я совершенно на безъэкипажьѣ. До тебя доѣхалъ,

---

[2]) Содержаніе этого письма (намеки на ходатайство о Данилевскомъ) и особенно адресъ, доказывающій, что письмо отправлено было изъ Москвы, заставляетъ отнести его къ 1850, а не 1851 (въ 1851 году Гоголь, какъ видно изъ переписки, *не могъ быть* лѣтомъ въ Москвѣ).

взявши бричку и лошадей у дяди твоего Александра Михайловича. Устрой такъ, чтобы, если можно, отправить лошадей вслѣдъ за подателемъ, такъ чтобы я могъ изъ Березовой-Луки выѣхать утромъ же.

„Твой, весь сгорающій нетерпѣніемъ тебя видѣть, *Н. Гоголь*".

По сопоставленіи съ данными, сообщенными Кулишемъ („Записки о жизни Гоголя", II, 321), можно приблизительно отнести это письмо къ концу іюня 1850 г. Слѣдующія строки къ книгѣ Кулиша, повидимому, могутъ дать ключъ къ болѣе или менѣе вѣрному опредѣленію времени его написанія: „25-го іюня, они (Гоголь съ Максимовичемъ, съ которымъ онъ совершилъ вмѣстѣ поѣздку въ Малороссію съ самой Москвы) разстались въ Глуховѣ, откуда Гоголь уѣхалъ въ Васильевку, *въ коляскѣ А. М. Марковича*". Кромѣ того слѣдуетъ припомнить первыя строки письма Н. В. Гоголя къ А. М. Марковичу, напечатанному Уманцемъ въ „Древней и Новой Россіи" (1879, 1, 65 годъ № 5): „Очень благодарю за бричку, коней и доброту души. Александра Семеновича не засталъ въ Дубровной: онъ съ супругой въ Сорочинцахъ", и проч., и письмо Н. В. Гоголя къ сестрѣ Елизаветѣ Васильевнѣ (соч. и письма Гог., изд. Кул., VI, 509): „Я пріѣхалъ въ Сорочинцы благополучно, но въ чужомъ экипажѣ".

Гоголь — Данилевскому. 1-го іюля (1850).

„Извини меня, мой добрый Александръ, передъ собой и передъ Ульяной Григорьевной, что не пишу. Думается о васъ часто, а писать не пишется. Лѣнь ли это, или сознаніе ничтожности писанія, или что другое — право, не знаю. Можетъ быть, это просто притупленіе способностей и силъ. Но отъ этого да избавитъ васъ Богъ — и тебя, и меня, и всѣхъ добрыхъ людей.

„Странное дѣло: я теперь меньше тружусь, чѣмъ когда-либо прежде, меньше занимаюсь, а между тѣмъ все мнѣ мѣшаетъ. Время летитъ такъ, что не успѣваешь оглянуться — и все еще почти ничего не сдѣлано. Меньше, чѣмъ когда-либо прежде, я развлеченъ; болѣе, чѣмъ когда-либо, веду жизнь уединенную, и при всемъ томъ никогда еще такъ мало не дѣлалъ, какъ теперь. И отъ этого находятъ досадныя расположенія духа. Я не въ силахъ бываю писать, отвѣчать на письма, не въ силахъ исполнять всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыхъ исполненіе приносило прежде удовольствіе душѣ моей. Вотъ тебѣ въ короткихъ словахъ вся моя душевная исторія.

„По твоему дѣлу до сихъ поръ не сдѣлалъ ровно ничего, хотя, признаюсь тебѣ искренно, мнѣ часто желалось перетащить васъ обоихъ въ Москву и даже устроить вмѣстѣ хозяйство и жительство.

„Клементія Россети до сихъ поръ здѣсь не было; онъ все еще въ Петербургѣ. Я самъ собираюсь въ дорогу; располагаю посѣтить губерніи въ окружностяхъ Москвы, повидаться съ нѣкоторыми знакомыми и поглядѣть на Русь, сколько можно увидѣть на большой дорогѣ. Гдѣ проведу зиму — не знаю.

„А ты не оставляй меня извѣщеніемъ о себѣ. Я очень желаю знать, какъ у тебя идетъ лѣто. Прошу убѣдительно Ульяну Григорьевну написать объ этомъ также. Какъ здоровье обоихъ васъ и какъ ведетъ себя единородная дщерь, которую мысленно, совокупно съ вами, цѣлую и обнимаю. Твой весь *Н. Г.*".

Эти письма, повидимому, позволяютъ, на основаніи собственнаго откровеннаго сознанія Гоголя, установить объясненіе незначительнаго успѣха его литературной дѣятельности въ послѣдніе годы жизни, когда, подъ вліяніемъ болѣзни,

вдохновеніе его ослабѣвало. Въ „Воспоминаніяхъ Н. В. Берга“ („Русская Старина“, 1882, I, стр. 24) помѣщенъ отвѣтъ его на предложенный ему вопросъ, почему онъ ничего не пишетъ: „Да! какъ странно устроенъ человѣкъ: дай ему все, чего онъ хочетъ, для полнаго удобства жизни и занятій, тутъ-то онъ и станетъ ничего не дѣлать; тутъ-то и не пойдетъ работа!“ Очевидно, болѣзненный процессъ, начинавшійся еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ, достигалъ теперь значительныхъ размѣровъ.

Понятно, почему друзья Гоголя деликатно предупреждали самую возможность вопроса о „Мертвыхъ Душахъ“ или вообще творчествѣ Гоголя со стороны постороннихъ, — вопроса, который начиналъ мучить Гоголя съ начала сороковыхъ годовъ. Не лишнее припомнить по этому поводу письмо Гоголя отъ 28-го мая 1843 г. (изъ Мюнхена: см. „Русское Слово“, 1859, I, 129) къ Прокоповичу, изъ котораго видно, какъ раздражалъ уже тогда его этотъ вопросъ, и письма о „Мертвыхъ Душахъ“ въ „Перепискѣ съ друзьями“ и признаніе его, Александрѣ Осиповнѣ Смирновой: „одинъ упрекъ только себѣ виденъ былъ во всемъ, какъ человѣкъ, посланный за дѣломъ и возвратившійся съ пустыми руками, которому стыдно даже и заговорить, стыдно и лицо показать“ (въ случаѣ пріѣзда въ Россію до окончанія 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“, VI, 176).

Въ слѣдующемъ, 1851 году, Данилевскіе долго гостили у Гоголей въ Васильевкѣ. Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ А. С. Данилевскій:

„Въ 1851 году мы пріѣхали гостить изъ Сорочинецъ въ Васильевку. На другой день хотѣли уѣзжать, но Гоголь ни за что не хотѣлъ насъ отпустить. Въ это время Ульяна Гр. была на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности. Мы уступили настоятельной просьбѣ Гоголя. Черезъ нѣсколько дней (10-го мая) съ Ульяной Григорьевной сдѣлалось дурно. Ни 10-го, ни на слѣдующій день нечего было и думать объ отъѣздѣ. Въ ночь на 12-е она родила, и мы оставались въ Васильевкѣ на шесть недѣль. До шести недѣль Гоголь насъ не выпускалъ, и мы жили у него во флигелѣ. Въ это время мы постоянно были вмѣстѣ. Потомъ я уже, въ свою очередь, удерживалъ его, когда онъ собирался уѣхать въ Москву“.

Данилевскій — Гоголю. 5-го іюля 1851 г. Дубровное.

„Ровно двѣ недѣли, какъ мы простились съ Васильевкой и ея милыми обитателями. Въ Сорочинцахъ пробыли всего два дня.

„Я однажды имѣлъ случай видѣться съ Малинкой, который, къ чести его, имѣлъ довольно такту, чтобы не спросить о послѣдствіяхъ порученій своихъ насчетъ предложенія быть участникомъ въ изданіи 2-й части „Мертвыхъ Душъ“. Если я не писалъ къ тебѣ прежде, то это потому, что не было оказіи въ городъ для отправленія письма, а посылать нарочнаго въ теперешнее время полевыхъ работъ не приходится. Да и что̀ интереснаго могу сказать тебѣ? Ровно ничего.

„Мы, наконецъ, добрались до своихъ пенатовъ благополучно. Теперь понемножку всѣ хвораемъ: у дѣтей насморкъ и кашель, у жены болитъ горло, а меня посѣтили... одинъ усѣлся на ногѣ, а другой...

„Крестникъ твой началъ оживать: чаще кричитъ; а вчера матушка съ восторгомъ прибѣжала объявить мнѣ, что онъ улыбнулся. А сколько ужъ слезъ!...

„Мы пріѣхали сюда, словно въ другой міръ: изъ царства засухи въ царство дождей и грозъ. Всякій день приноситъ свой ливень и свою грозу, а часто и

градъ. Табакъ, наша лучшая надежда на грядущій доходъ, запропастило градомъ, равно и гречиху. Превосходное жито совершенно вылегло отъ дождей, граду и вѣтру. Трàвы, не смотря на непомѣрно влажное лѣто, нехороши. Сѣна мало, да и убирать не улучишь времени.

„На будущей недѣлѣ начинается наша послѣдняя Ильинская ярмарка. Жаль, больно жаль, что насъ лишаютъ единственнаго пункта для сбыта нашихъ несчастныхъ сельскихъ продуктовъ. Съ досадой въ сердцѣ и негодованіемъ въ душѣ поѣду проститься съ нашей родной ярмаркой. Не хочешь ли и ты со мной?

„Я позабылъ сказать тебѣ, что, передъ отъѣздомъ нашимъ отъ васъ, явился туда молодой, влюбленный Владиміръ Ивановичъ Быковъ[1]). Ты, вѣрно, давно уже знаешь о его посѣщеніи. Елизавета Васильевна въ восторгѣ отъ своего будущаго мужа, и этотъ предполагаемый союзъ сулитъ, повидимому, много счастія. Дай Богъ, чтобы общія наши надежды и желанія осуществились вполнѣ“

9-го декабря 1851 г. Сварковъ. *Данилевскій — Гоголю.*

„Писулька твоя нашла меня въ Сварковѣ, гдѣ мы соединились всѣ, и гдѣ, вѣроятно, проведемъ всю зиму.

„Печальное обстоятельство предшествовало этому соединенію. Въ сентябрѣ лишились мы доброй, незабвенной сестры Варвары Григорьевны, а два мѣсяца спустя новою потерею Господь посѣтилъ насъ: Михаилъ Алексѣевичъ Литвиновъ, двоюродный братъ жены, котораго любили мы всѣ какъ родного, отдалъ свою кроткую и незлобную душу Богу. Я былъ при кончинѣ его, я видѣлъ его послѣднія минуты.

„Какъ ни говори о томъ, что —

...Страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка...

много, однакожъ, отраднаго, еще болѣе поучительнаго въ этомъ разставаніи съ жизнью. Въ первый разъ я былъ свидѣтелемъ этихъ торжественныхъ минутъ. Глубокое, неизъяснимое впечатлѣніе оставили онѣ на меня!

„Съ утра — это было послѣднее его утро! — онъ началъ забываться: потерялъ языкъ, не узнавалъ никого; хрипѣнье, этотъ предвѣстникъ смерти, сопровождало каждое его дыханіе. Съ минуты на минуту всѣ мы, собравшіеся вокругъ него, ожидали послѣдняго вздоха — и вдругъ, около полудня, больной привсталъ; голова его просвѣтлѣла, онъ просилъ позвать священника и захотѣлъ пріобщиться Святыхъ Тайнъ. Такъ какъ онъ пріобщался уже дня за три передъ этимъ, то священника не было на этотъ разъ въ домѣ. Надобно было видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какою боязнью ожидалъ онъ его прихода! И священникъ явился. Лицо умирающаго просвѣтлѣло. Торжественно и важно выслушалъ онъ всѣ молитвы; пріобщился. Какимъ величіемъ въ это время озарено было лицо его! И вотъ настала минута послѣдняго *прости*. Каждаго изъ насъ онъ подзывалъ къ себѣ рукою; цѣловалъ, улыбался, кланялся, словно уѣзжая въ дальнюю дорогу... О, ты не можешь себѣ представить, сколько было

---

[1]) Будущій мужъ Елизаветы Васильевны Гоголь.

величественнаго, умилительнаго, страшнаго, раздирающаго сердце въ этомъ послѣднемъ прощаньѣ! Въ седьмомъ часу вечера нашъ добрый, кроткій, искренно любимый братъ лежалъ уже на столѣ!

„Ты нѣсколько зналъ его: онъ былъ прошлую зиму въ Одессѣ и жилъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ. Немного жилъ и много страдалъ онъ на этомъ свѣтѣ! Да утѣшитъ, упокоитъ его Господь въ другомъ, въ лучшемъ!..

„Пишу къ тебѣ и не знаю, получилъ ли ты письмо мое. Право, ты сдѣлался нестерпимымъ въ своихъ письмахъ, ничего не говоришь ни о себѣ, и даже не указываешь мѣста, куда адресовать.

„Вся наша сварковская семья, въ томъ числѣ и Александръ Михайловичъ, всѣ мы интересуемся знать, что̀ съ тобой. Пиши, не лѣнись; да не такъ, какъ ты выдумалъ теперь писать ко мнѣ, точно какъ будто боишься обмолвиться, сказать что̀-нибудь лишнее, а потому ничего не говоришь (и я думаю, окончишь тѣмъ, что будешь присылать лоскутки бѣлой бумаги съ своимъ именемъ), а пиши такъ, какъ ты дѣлывалъ это прежде.

„Когда же 2-я часть „Мертвыхъ Душъ“? *А. Данилевскій*“.

Отвѣтомъ послужило послѣднее письмо Гоголя къ Данилевскому (отъ 16-го декабря 1851 г.), помѣщенное у Кулиша на 547 стр. VI тома.

Возстановляемъ пропускъ въ концѣ письма; послѣ подписи: „Твой весь Н. Гоголь“ слѣдуетъ еще приписка:

„Ульянѣ Григорьевнѣ, Александру Михайловичу и всему дому — душевный поклонъ. А ты пиши и описывай весь свой день. Тебѣ вѣдь не на что̀ сложить вину: чтобы хоть заочно побыть нѣсколько минутъ съ тобою вмѣстѣ!“

Такъ выраженіемъ прочной, задушевной привязанности со стороны Гоголя закончилась переписка его съ Данилевскимъ.

Въ заключеніе обзора писемъ Гоголя нельзя не привести въ примѣръ небольшихъ оставленныхъ имъ записочекъ, свидѣтельствующихъ о его настроеніи, незадолго до смерти.

1) „Какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ моемъ полученный урокъ! И страшная исторія всѣхъ событій Евангеліе.

2) „Мнѣ бы хотѣлось, чтобы деревня наша по смерти моей сдѣлалась пристанищемъ всѣхъ невышедшихъ замужъ дѣвицъ, которыя бы отдали себя на воспитаніе сиротокъ, дочерей бѣдныхъ, неимущихъ родителей. Воспитаніе самое простое: Законъ Божій да безпрерывное упражненіе въ трудѣ на воздухѣ около сада или огорода.

3) „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Отдаю все имущество, какое есть, матери и сестрамъ. Совѣтую имъ жить въ любви совокупно въ деревнѣ, и помня, что, отдавъ себя крестьянамъ и всѣмъ людямъ помнить изреченіе Спасителя: „Паси овцы моя“. Господь да внушитъ все, что̀ должны онѣ сдѣлать (для) служившихъ мнѣ людей награды. Якима отпустить на волю, Семена также, если онъ прослужитъ лѣтъ

десять прежде“ (писано, очевидно, во время болѣзни, но еще довольно твердой рукой, хотя нѣкоторыя слова не дописаны и, какъ видно изъ построенія рѣчи, мысли уже путались).

4) Если не будете малы, не внидете въ царствіе Божіе.

5) Помилуй, Господи, меня грѣшнаго: свяжи сатану вновь“ [1]).

CXLVI.

Одно изъ величайшихъ преимуществъ творческаго генія Гоголя заключалось въ искусствѣ художника вникать въ окружающую жизнь и глубоко заглядывать въ душу изображаемыхъ героевъ. Онъ умѣлъ заставить читателей почувствовать въ пестрой смѣнѣ ежедневныхъ впечатлѣній, съ виду ничтожныхъ и мелкихъ, потрясающую картину повседневной пошлости и глубокаго нравственнаго убожества. Гоголь смотрѣлъ на жизнь серьезно и вдумчиво и былъ одаренъ дивной способностью „вызывать наружу все, что ежеминутно передъ очами“, но чего не зрятъ равнодушныя очи“. Рано началъ онъ задумываться надъ задачей собственной жизни и тайной земного назначенія человѣка, и во всѣ возрасты, начиная съ отрочества, стремился къ самоусовершенствованію. На ту же дорогу онъ старался направить также и другихъ, пока наконецъ не унесъ въ могилу разбитое существованіе, надорванное нечеловѣческими усиліями открыть нужную всѣмъ истину. Каковы бы ни были его ошибки и заблужденія, онъ всегда былъ одушевленъ высокими идеалами и вполнѣ посвятилъ себя благородному служенію родинѣ словомъ убѣжденнаго человѣка. Причудливая канва его жизни была расшита разнообразными узорами; передъ нимъ много разъ мѣнялись на жизненномъ пути преслѣдуемыя имъ задачи и цѣли; какъ вдругъ по вѣчнымъ, непреложнымъ законамъ, весь этотъ чудный калейдоскопъ затянулся навсегда прозаическимъ саваномъ и суровая трагедія жизни завершилась трагически безпощаднымъ концомъ.

---

[1]) Послѣдніе дни Гоголя подробно описаны докторомъ Тарасенковымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и С. Т. Аксаковымъ въ „Исторіи моего знакомства“. Кромѣ того свѣдѣнія о кончинѣ Гоголя сообщены во многихъ некрологахъ. «Отеч. Зап.» 1856, XII, стр. 397—427. «Русск. Арх.», 1890, VIII, 195—198; перечень некрологовъ см. въ Извѣстіяхъ Нѣжинск. Историко-Филолог. Института, т. VIII, изд. II, 14; также о послѣднихъ дняхъ Гоголя въ воспоминаніяхъ Н. В. Берга («Русск. Стар.» 1872, I, 126—128).

Бываютъ такія минуты и положенія, когда какой-то тайный внутренній голосъ напоминаетъ о снисхожденіи къ недостаткамъ ближняго и не позволяетъ кощунственно касаться темныхъ сторонъ его прошлаго. Такъ умолкаютъ обыкновенно житейскіе счеты и осужденія передъ гробомъ покойника. Нелѣпо и странно было бы закрывать глаза на слабыя стороны Гоголя на протяженіи всей его біографіи, но не о нихъ должна быть рѣчь на ея послѣднихъ страницахъ.

Смерть Гоголя не была, какъ въ большинствѣ случаевъ, внезапнымъ и неожиданнымъ пресѣченіемъ будничныхъ заботъ, помысловъ и стремленій, составляющихъ столь обычное содержаніе жизни. Ее нельзя объяснять себѣ слѣдствіемъ какой-нибудь опредѣленной болѣзни, опредѣленнаго физическаго разстройства, и неудивительно, что врачи, лѣчившіе Гоголя, не могли согласиться въ томъ, умеръ ли онъ отъ голода, отъ религіозной маніи, или отъ нервной горячки. Для того, чтобы уяснить себѣ причины его смерти, необходимо не столько углубляться въ спеціальныя изслѣдованія его недуговъ съ медицинской точки зрѣнія, сколько вникнуть въ его нравственное состояніе предъ смертью и въ его отношенія какъ къ ней, такъ и къ самой жизни. Къ смерти Гоголь готовился въ продолженіе многихъ лѣтъ, а въ послѣдніе дни въ одно и то же время боялся и желалъ ея и весь былъ проникнутъ сознаніемъ торжественнаго значенія нетерпѣливо ожидаемаго и все-таки невообразимо страшнаго конца.

„Болѣзнь Гоголя началась очень давно. Еще со времени своего выѣзда изъ Малороссіи онъ почиталъ себя больнымъ“ — такъ говоритъ лѣчившій Гоголя передъ кончиной докторъ Тарасенковъ въ своей статьѣ: „Послѣдніе дни Н. В. Гоголя“. Почтенный докторъ приводитъ въ одномъ примѣчаніи слова Гоголя въ 1839 г., что ему „пришло въ думку“ полѣчиться водами, зане скудельный составъ одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣетъ“ [1]). Но онъ ошибался: если заходить такъ далеко, то еще раньше, въ дѣтствѣ, Гоголь былъ болѣзненнымъ, золотушнымъ ребенкомъ и уже при первомъ пріѣздѣ въ школу поразилъ своихъ сверстниковъ необыкновенной худобой и такой же, вѣроятно, течью изъ уха, которая повторилась за нѣсколько дней до его смерти и которую нѣко-

---

[1]) «Отеч. Записки», 1856, XII, стр. 398.

торые врачи, по словамъ Тарасенкова, „могутъ почитать имѣющею связь съ его послѣднею болѣзнью“ [1]).

Большое значеніе имѣло здѣсь то смутное нравственное состояніе, тотъ страхъ смерти, который началъ преслѣдовать Гоголя послѣ тяжкой болѣзни, перенесенной имъ въ 1840 г. въ Вѣнѣ, вслѣдствіе которой въ его жизнь съ необыкновенной силой врывается новая стихія, томительная и грозная. Къ сильнѣйшему физическому истощенію во время этой болѣзни, присоединилась болѣзненная тоска, которой нѣтъ описанія“ [2]), „та тоска, то ужасное безпокойство, въ какомъ Гоголь видѣлъ Іосифа Віельгорскаго въ послѣднія минуты жизни“. Гоголь уже приготовился, насколько могъ, къ смерти и написалъ духовное завѣщаніе объ уплатѣ мучившихъ его долговъ. Когда онъ выздоровѣлъ, то ухаживавшій за нимъ Н. П. Боткинъ признался ему, что потерялъ уже надежду на его выздоровленіе. Но на этотъ разъ, не смотря на перенесенные страданія и ужасы, Гоголь не утратилъ еще окончательно бодрости и, такъ сказать, вкуса къ жизни, но уже его прежніе горячіе эстетическіе восторги впервые потеряли теперь, правда, пока ненадолго, свое былое невыразимое обаяніе. Вскорѣ послѣ болѣзни онъ уже пишетъ: „ни Римъ, ни небо, ни то, что̀ такъ причаровало меня, ничто не имѣетъ теперь на меня вліянія“ [3]). Но время шло, первое сильное потрясеніе изгладилось, и въ духовномъ строѣ Гоголя появились новыя черты; въ его привычкахъ начали замѣчаться „причуды“, происходившія отъ напряженнаго страха за сохраненіе жизни. Такъ Анненковъ разсказываетъ про него, что въ 1841 г. онъ „проводилъ иногда добрую часть ночи, дремля на диванѣ и не ложась въ постель“. — „Поводомъ къ такому образу жизни“ — объясняетъ онъ, „могла быть, во-первыхъ, опасная болѣзнь, недавно имъ выдержанная и сильно его напугавшая, а во-вторыхъ, боязнь обморока и замиранія, которымъ, какъ говорятъ, онъ дѣйствительно былъ подверженъ“ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь сталъ чаще предаваться задумчивости, а позднѣе — и грусти. Въ 1845 г. его постигла новая тяжкая болѣзнь, послѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 422.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 418.

[3]) Тамъ же, стр. 419.

[4]) «Критическіе очерки и воспоминанія», т. I, стр. 213.

которой, съ перерывами и колебаніями, но все-таки, болѣе или менѣе замѣтно, здоровье его пошло подъ гору. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ извѣстныхъ намъ литературныхъ неудачъ и соединенныхъ съ ними страшныхъ нравственныхъ потрясеній.

Въ послѣдніе годы онъ былъ погруженъ въ себя и становился все болѣе замкнутымъ и угрюмымъ, что̀ впрочемъ не мѣшало ему изрѣдка шутить и оживляться среди близкихъ дорогихъ людей. Въ тѣсномъ кругу послѣднихъ онъ по временамъ совершенно освобождался отъ аскетической летаргіи, много и весело разговаривалъ, шутилъ и даже ребячился; въ обществѣ же постороннихъ людей поражалъ молчаливостью, странными капризами[1]) и невѣжливыми выходками.

На вопросы мои о перемѣнѣ въ Гоголѣ за послѣдній годъ его сестры указывали исключительно на усиленіе въ немъ религіознаго чувства, причемъ покойная Анна Васильевна особенно часто съ грустью вспоминала, что братъ ея не разъ высказывалъ свое убѣжденіе, что ему нужно жить на югѣ и что сѣверной зимы онъ ни за что не вынесетъ. „Все это совершенно сбылось", прибавляла она съ грустью: „онъ умеръ въ первую же зиму, проведенную въ Москвѣ". (Это, впрочемъ, не совсѣмъ точно, такъ какъ Гоголь прожилъ, какъ извѣстно, три послѣднія зимы уже въ отечествѣ).

В. Н. Репнина горячо защищала память Гоголя отъ какихъ бы то ни было нареканій, настаивала на томъ, что все, что̀ казалось въ немъ страннымъ, заслуживало въ сущности глубочайшаго уваженія и что онъ былъ только отчасти грустенъ въ послѣдніе годы. Данилевскій признавался, что для него принадлежало къ драгоцѣннымъ и самымъ свѣтлымъ воспоминаніямъ о Гоголѣ собственно все то, что̀ касалось ихъ дѣтства и молодости, совмѣстной жизни и разъѣздовъ за границей, но что ему былъ отчасти уже чуждъ и непонятенъ, такъ сильно измѣнившійся за послѣдніе годы и замкнутый въ себѣ, бывшій добрый другъ, теперь угрюмый и вялый аскетъ. Дружба ихъ продолжалась до самаго конца, но это была уже далеко не прежняя дружба, — не потому, чтобы они взаимно охладѣли, но потому, что прежняго, настоящаго

---

[1]) Къ капризамъ этимъ нельзя относиться строго, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ человѣкомъ болѣзненнымъ и разбитымъ.

Гоголя не стало уже задолго до его смерти, и что если иногда и можно было въ немъ замѣтить старыя черты, то очень рѣдко. Анненковъ при послѣднихъ встрѣчахъ съ Гоголемъ, на ряду съ этой перемѣной былъ изумленъ его упорнымъ оптимизмомъ, проявлявшимся въ томъ, что онъ все еще не потерялъ надежды кончить „Мертвыя Души". Затрудненій при выводѣ изъ этихъ данныхъ одного строго опредѣленнаго заключенія не можетъ быть, по моему мнѣнію, никакихъ, такъ какъ они всѣ безусловно согласны между собой, но только оттѣняютъ разныя стороны или, скорѣе, разныя проявленія личности Гоголя за послѣдніе годы, и различное отношеніе къ нимъ людей разныхъ характеровъ, и все существующее разногласіе сводится лишь къ субъективной оцѣнкѣ тѣхъ же фактовъ. Мало того, нѣтъ разногласія и въ томъ, что вѣдь никто изъ близкихъ къ Гоголю не вѣрилъ серьезно въ окончаніе имъ второго тома, а для людей сочувствовавшихъ преобладающему настроенію Гоголя, это представлялось дѣломъ второстепеннымъ и почти безразличнымъ. По словамъ Н. В. Берга, Шевыревъ и другіе друзья Гоголя избѣгали говорить о поэмѣ, щадя его нервы и самолюбіе. Борясь между отчаяніемъ и никогда не угасавшей надеждой, живя въ самомъ себѣ и появляясь какой-то печальной тѣнью среди людей, какимъ-то равнодушнымъ и принужденнымъ собесѣдникомъ лишь на самое короткое время, Гоголь оставался для всѣхъ загадкой и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ было ясно, что въ немъ совершается что-то необыкновенное. Видно было, что страдалецъ постоянно и много думалъ о смерти и о будущей жизни, но мысли эти поселяли въ немъ ужасъ и отчаяніе.

Въ послѣдній годъ Гоголь сдѣлался замѣчательно нерѣшителенъ, что̀ особенно проявилось во время сборовъ его въ деревню къ своимъ, въ началѣ зимы 1851 г., и еще болѣе при поѣздкѣ на свадьбу его сестры; во всѣ эти раза онъ предварительно долго совѣтовался съ разными лицами объ отъѣздѣ, наконецъ рѣшался, но возвращался съ дороги, пріѣхалъ однажды вмѣсто Малороссіи въ Оптину пустынь и, вернувшись, уже забывалъ о поѣздкѣ. Вообще велъ себя какъ-то растерянно и крайне ненормально.

Чрезвычайно любопытно сравнить проявленіе религіознаго чувства у Гоголя и у Жуковскаго въ прозаическихъ произведеніяхъ послѣдняго, чтобы нагляднѣе увидать особенности

аскетическаго настроенія нашего писателя. Оба были съ самаго дѣтства истинно и глубоко-вѣрующими людьми, какъ показываютъ факты ихъ біографій, ихъ переписка и сочиненія; оба сохранили во всей чистотѣ силу религіознаго чувства въ продолженіе всей жизни, но у Жуковскаго оно горѣло всегда ровнымъ и одинаковымъ пламенемъ, у Гоголя особенно сильно вспыхнуло въ послѣдніе годы жизни. Оба писателя въ продолженіе цѣлаго десятка лѣтъ на закатѣ ихъ земного поприща были связаны тѣсными дружескими отношеніями, вліяя другъ на друга и взаимно поддерживая въ себѣ религіозное чувство, которое, въ свою очередь, являлось главнымъ основаніемъ и украшеніемъ ихъ дружбы. Ни во время ихъ общей принадлежности къ пушкинскому кружку, ни при встрѣчахъ въ Римѣ и въ Петербургѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, ихъ пріязнь не достигала тѣхъ размѣровъ, которые она приняла въ послѣднее десятилѣтіе жизни обоихъ. Напротивъ въ позднѣйшей перепискѣ ихъ отношенія ярко окрашиваются чувствами взаимной привязанности и уваженія. Въ статьѣ: „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ Гоголь прямо называетъ Жуковскаго: „мой истинный наставникъ и учитель“. Религіозные вопросы глубоко интересовали обоихъ и, какъ видно особенно изъ писемъ Жуковскаго къ Гоголю, напечатанныхъ въ полномъ собраніи сочиненій, Жуковскій съ большою готовностью отзывался на мысли Гоголя и самый способъ ихъ обсужденія ему нравился.

При всемъ оказанномъ духовномъ сродствѣ Жуковскаго и Гоголя, — въ отношеніяхъ къ религіи между обоими писателями замѣчается огромная разница.

Религіозное чувство Жуковскаго выражается, какъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, спеціально посвященныхъ разработкѣ отвлеченныхъ, религіозно-нравственныхъ вопросовъ, такъ и во всѣхъ его письмахъ и стихотвореніяхъ въ способѣ воззрѣній, тонѣ, настроеніи и во многихъ отдѣльныхъ чертахъ, разбросанныхъ во всемъ, что ни вышло изъ его пера. Такъ Жуковскій высоко цѣнилъ и относился съ горячимъ сочувствіемъ къ религіозному чувству другихъ [1]).

Читая прозаическія статьи Жуковскаго, поражаешься особенно его неугасимой свѣтлой надеждой на Бога, Который

---

[1]) Карамзина, поэта Козлова, Каподистріи, Лювиньи, великой княгини Александры Николаевны (Соч. Жуковскаго, изд. VII, т. VI, стр. 235).

всегда представляется писателю благимъ, милосерднымъ Отцомъ. Жуковскій вѣрилъ горячо и радостно: онъ до глубины души былъ проникнутъ такой отрадой религіознаго сознанія, какъ будто чувствовалъ непосредственную близость Творца и, казалось, не сомнѣвался въ вѣчномъ спасеніи. По его убѣжденію, основанному на собственномъ внутреннемъ опытѣ, „праведникъ христіанинъ уже награжденъ въ здѣшней жизни. Его награда въ христіанствѣ. Награда не есть плата по таксѣ за каждое особенное дѣло; награда заключается въ самомъ состояніи души, *въ глубокомъ внутреннемъ мірѣ ея,* заговаривающемъ бѣдствія житейскія. Эту награду можетъ имѣть только христіанинъ“ [1]. Поэтому любимыми словами Жуковскаго, которыя онъ особенно часто повторялъ, были: „да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте“; поэтому же онъ особенно любилъ молитву Господню. „Умѣть во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни произносить смиренно: „да будетъ Твоя воля“, есть *верховная наука жизни*“, — говорилъ онъ: „Блаженъ, кто научился произносить это слово съ глубоко-чувствуемымъ убѣжденіемъ, что Тотъ, къ Кому онъ обращается, соприсутственъ близко, слышитъ и отвѣтствуетъ“ [2]. Жуковскій обыкновенно умилялся передъ „блаженной сладостной смертью праведника, спокойнымъ исходомъ души изъ тѣла для соединенія своего въ жизни возвышеннѣйшей съ Богомъ“ [3]. Такова же была и собственная его мирная кончина. Вездѣ и во всемъ у Жуковскаго чувствуется тихое, спокойное религіозное чувство, теплая вѣра и упованіе на милосердіе Божіе. Въ статьѣ „О внутренней христіанской жизни“ такъ и сквозитъ ясный взглядъ на Бога, какъ на Отца, любящаго и всѣмъ сердцемъ заботящагося о дѣтяхъ. Впечатлѣніе, выносимое изъ его статей, ободряющее, успокоительное, и покорность волѣ Божіей всюду у него совершенно сливается съ увѣренностью въ милосердіи и благости Творца. У Гоголя, напротивъ, къ религіозному настроенію всегда примѣшивалось чувство страха, даже ужаса, хотя и благоговѣйнаго и соединеннаго съ благодарностью Творцу за всѣ посылаемыя въ жизни испытанія; это было часто чувство тяжелое, не-

---

[1]) Тамъ же, стр. 254.

[2]) Стр. 239.

[3]) Стр. 238.

спокойное, иногда мрачное, соединенное съ постояннымъ раскаяніемъ и трепетомъ за грѣхи. Отсюда его смиреніе, наклонность къ самобичеванію и самоуниженію; отсюда же, какъ слѣдствіе болѣзненнаго и напряженнаго нравственнаго состоянія, временами являлась у него раздражительность, нетерпѣливость и грубый, запальчивый тонъ. Подъ вліяніемъ собственнаго напряженнаго страха Гоголь писалъ иногда въ такомъ тонѣ: „дадутъ за меня отвѣтъ и другіе; говорю это не даромъ, видитъ Богъ, говорю не даромъ“ [1]), или въ „Завѣщаніи“ онъ напоминаетъ читателю, что „какъ никто въ такую минуту“ (т.-е. передъ исповѣдью) „*не посмѣетъ не простить* брата своего, такъ и онъ (читатель) *не долженъ посмѣть не простить меня*“ [2]). Могъ ли напр. Жуковскій впасть въ тонъ третьяго письма по поводу „Мертвыхъ Душъ“ и статьи „Близорукому пріятелю“, или выражаться такимъ образомъ: „Очнитесь! Куриная слѣпота на глазахъ вашихъ“ [3]), „только въ тупой свѣтской башкѣ могла образоваться такая глупая мысль“. Самое смиреніе было у Гоголя совсѣмъ иное, чѣмъ у Жуковскаго; извѣстно, что Гоголь былъ исполненъ своеобразной жажды упрековъ, „всякихъ оскорбительныхъ голосовъ“, отъ кого бы они ни исходили, хотя бы даже отъ Сенковскаго или Булгарина, глубоко и справедливо имъ презираемыхъ [4]).

Оставляя въ сторонѣ вопли религіознаго страданія въ „Перепискѣ“ (иначе трудно назвать это), какъ напр. въ извѣстныхъ восклицаніяхъ Гоголя: „Соотечественники, страшно!“, обратимъ вниманіе на то, что страхъ смерти достигалъ у него чрезвычайнаго напряженія особенно въ послѣдніе мѣсяцы жизни и онъ это нѣсколько разъ ясно обнаруживалъ [5]).

Во все время болѣзни Хомяковой Гоголь часто навѣщалъ ее и показывалъ сердечное участіе, а послѣ смерти читалъ по ней псалтырь въ своей квартирѣ, навѣщалъ и убѣждалъ

---

[1]) Стр 82.

[2]) Тамъ же, стр. 5.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 103.

[4]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 80.

[5]) Впрочемъ Арнольди замѣтилъ эту черту въ Гоголѣ еще гораздо раньше: «всѣ знаютъ», говорилъ онъ, «какъ Гоголь боялся смерти и ада, и какъ эта мысль постоянно была для него причиной невыразимыхъ страданій» («Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 82).

ея мужа, уговаривалъ его никому не поручать чтеніе псалтыря, взять эту обязанность на себя и проч. Но на похороны онъ не явился, объясняя это тѣмъ, что былъ слишкомъ разстроенъ. Когда онъ въ первый разъ послѣ этого пришелъ къ Аксаковымъ, то на разспросы отвѣчалъ между прочимъ: „Я отслужилъ самъ одинъ панихиду по Екатеринѣ Михайловнѣ и помянулъ вмѣстѣ всѣхъ близкихъ прежде отшедшихъ; и она, какъ будто въ благодарность, привела ихъ всѣхъ такъ живо передъ меня. Мнѣ стало легче. Но страшна минута смерти“ [1]). На это одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ Гоголю, что если надѣяться на милосердіе Божіе и вполнѣ приготовиться душевно, то кончина не можетъ быть страшна. „Ну, объ этомъ надобно спросить тѣхъ, кто перешелъ черезъ эту минуту“, возразилъ тотчасъ Гоголь. Послѣ того Гоголь то, повидимому, успокоивался, то начиналъ снова тревожиться, но его мысли были уже всецѣло устремлены къ будущей жизни. Однажды онъ выразилъ мысль, что хорошо было бы воспитывать человѣка такъ, чтобы онъ съ самаго дѣтства привыкалъ къ мысли о смерти, которая послѣ никогда не могла бы быть для него неожиданной... Приводимъ нѣсколько соображеній по этому поводу доктора Тарасенкова.

„Это высшее умственное созерцаніе не спасло его сердца отъ рокового потрясенія: онъ почувствовалъ, что боленъ тою самою болѣзнью, отъ которой умеръ отецъ его, — именно, что на него „нашелъ страхъ смерти“, и признался въ этомъ своему духовнику. Духовникъ успокоилъ его, сколько могъ; но Гоголь во вторникъ на масляницѣ явился къ нему, объявилъ, что говѣетъ, и спрашивалъ, когда можетъ пріобщиться. Назначенъ былъ для этого четвергъ. Пріятели Гоголя замѣтили, что онъ болѣе обыкновеннаго былъ блѣденъ и слабъ. Онъ и самъ говорилъ, что чувствуетъ себя худо и что рѣшился попоститься и поговѣть.

— Зачѣмъ же на „масляной?“ спрашивали его.

— „Такъ случилось“, отвѣчалъ онъ: — „вѣдь и теперь Церковь читаетъ: „Господи, владыко живота моего“, и поклоны творятся“.

Занятія корректурою прекращены были имъ еще съ понедѣльника на масляницѣ. Онъ говорилъ, что ему „теперь

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 197.

некогда этимъ заниматься", — но продолжалъ посѣщать нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ и казался спокойнѣе прежняго, хотя видимо былъ изнуренъ какою-то усталостью. Друзья приписывали это посту, и никто не зналъ, что онъ ужъ нѣсколько дней питается одною просфорою, уклоняясь, подъ различными предлогами, отъ употребленія болѣе сытной пищи. Въ четвергъ онъ явился въ церковь св. Саввы Освященнаго, въ отдаленной части города, еще до начатія заутрени, и исповѣдался у своего духовника; передъ принятіемъ святыхъ даровъ, у обѣдни, палъ ницъ и долго плакалъ. Въ движеніяхъ его замѣтна была чрезвычайная слабость; онъ едва держался на ногахъ. Несмотря на то, вечеромъ онъ опять пріѣхалъ къ тому же священнику и просилъ отслужить благодарственный молебенъ, упрекая себя, что забылъ исполнить это поутру.

Во все время говѣнья и прежде того — можетъ быть, со дня смерти г-жи Хомяковой — онъ проводилъ большую часть ночей безъ сна, въ молитвѣ. Въ ночь съ пятницы на субботу, послѣ говѣнья, онъ молился усерднѣе обыкновеннаго, и, стоя на колѣняхъ передъ образомъ, услышалъ голоса, которые говорили ему, что онъ умретъ. Трепеща за спасеніе своей души, которую все еще не считалъ достаточно приготовленною къ переходу въ вѣчность, онъ тотчасъ разбудилъ своего слугу Семена и послалъ его за священникомъ,. съ просьбой соборовать его масломъ. Священникъ, поспѣшивъ на его зовъ, нашелъ его, однакожъ, ужъ въ болѣе спокойномъ состояніи духа. Гоголь просилъ извиненія, что побезпокоилъ его, и отложилъ до другого дня совершеніе таинства".

Вскорѣ пріѣхалъ въ Москву изъ Ржева любимый и уважаемый Гоголемъ священникъ о. Матвѣй [3]). Гоголь обрадовался и старался подолѣе и почаще съ нимъ бесѣдовать. Ему особенно нравилась строгость сужденій священника, не способнаго ни на какія уступки или снисхожденіе. Но здѣсь мы позволимъ себѣ, пользуясь обязательнымъ разрѣшеніемъ Н. А. Тарасенкова, привести отрывки изъ статьи его отца, лѣчившаго Гоголя (съ сохраненіемъ того, что̀ было нѣкогда опущено въ печати и съ полнымъ обозначеніемъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

---

[3]) Для знакомства съ личностью о. Матвѣя Константиновскаго см. статью Гречищева въ «Страникѣ», 1860, XII, стр. 245 и слѣд.

CXLVII.

Мрачная настроенность духа отъ времени до времени въ немъ обнаруживалась. Онъ любилъ слушать разсказы о предчувствіяхъ, о видѣніяхъ, о всемъ сверхъестественномъ и съ любопытствомъ разспрашивалъ подробности, съ кѣмъ и какъ что случилось, желая особенно узнавать проявленія въ нихъ духовной жизни и чудесныхъ явленій Божества. По непонятной причинѣ онъ избѣгалъ встрѣчи съ Ѳ. П. Газомъ[1]); но въ ночь на новый 1852 годъ онъ, выходя изъ своей комнаты наверхъ къ гр. Александру Толстому, неожиданно встрѣтилъ его, выходящаго отъ графа, на порогѣ. Гаазъ ломанымъ русскимъ языкомъ старался ему сказать свое привѣтствіе и между прочимъ, думая выразить извѣстную мысль одного писателя, сказалъ, что онъ желаетъ ему такого новаго года, который бы даровалъ ему вѣчный годъ. — Присутствующій тутъ же замѣтилъ, что эти слова произвели на Гоголя невыгодное впечатлѣніе и какъ бы поселили уныніе; хотя оно и было скоро проходящее, но служило зародышемъ тѣхъ предчувствій, которыя въ послѣдствіи времени при другихъ, болѣе яркихъ впечатлѣніяхъ приняли огромный размѣръ.

Въ февралѣ захворала Хомякова, сестра Языкова, съ которымъ онъ былъ друженъ. Онъ зналъ ее съ дѣтства: ея болѣзнь сильно озабочивала его. Онъ часто навѣщалъ ее, и когда она была уже въ опасности, при немъ спросили у Д. Альфонскаго, въ какомъ положеніи онъ ее находитъ; онъ отвѣчалъ: „надѣюсь, что ей не давали каломель, который можетъ ее погубить?“ Но Гоголю было извѣстно, что каломель уже былъ данъ — онъ вбѣгаетъ къ графу, и бранным голосомъ говоритъ: „все кончено, она погибнетъ, ей дали ядовитое лѣкарство“. — Къ несчастію, больная дѣйствительно въ скоромъ времени умерла. Смерть ея не столько поразила ея мужа и всѣхъ родныхъ, какъ Гоголя. Расположенный къ мрачнымъ мыслямъ, онъ не могъ равнодушно снести потери драгоцѣнной для него особы. Притомъ онъ можетъ быть впервые видѣлъ здѣсь смерть лицемъ къ лицу. Постоянно занимаясь чтеніемъ книгъ духовнаго содержанія,

---

[1]) См. превосходную статью г. Кони объ этой идеальной личности («Вѣстникъ Европы», 1897, I—II).

онъ любилъ помышлять о концѣ жизни; но съ этого времени мысль о смерти сдѣлалась его преобладающей мыслью.— Къ этому же времени пріѣхалъ изъ Ржева Тверской губерніи Матвѣй Александровичъ, священникъ извѣстный образцемъ строгой христіанской православной жизни, котораго онъ уважалъ и съ которымъ такъ любилъ бесѣдовать. Съ особенною охотою онъ разговаривалъ съ нимъ теперь, когда размышленія религіозныя были ему такъ по сердцу. М. А. прямо и рѣзко, не взвѣшивая личности и положенія, поучалъ, съ безпощадною строгостью и рѣзкостію проповѣдывая истины Евангельскія и суровыя наставленія церкви. Онъ объяснялъ, что, если мы охотно дѣлаемъ все для любимаго лица, то чѣмъ мы должны дорожить для Іисуса Христа, Сына Божія, умершаго за насъ. Уставъ церковный написанъ для всѣхъ; всѣ обязаны безпрекословно слѣдовать ему; неужели мы будемъ равняться только со всѣми и не захотимъ исполнить ничего болѣе? Ослабленіе тѣла не можетъ насъ удерживать отъ пощенія; какая у насъ работа? Для чего намъ нужны силы? Много званныхъ, но мало избранныхъ... За всякое слово праздное мы отдадимъ отчетъ... и проч. Такія и подобныя рѣчи, соединенныя съ обличеніемъ въ неправильной жизни, не могли не дѣйствовать на Гоголя, вполнѣ преданнаго религіи, воспріимчиваго, впечатлительнаго и настроеннаго уже на мысль о смерти, о вѣчности, о грѣховности. Притомъ Гоголь видѣлъ, какъ М. А., преданный святымъ помысламъ, на дѣлѣ исполняетъ самыя строгія пустынно-монашескія установленія церкви; напр. много и долго молился за обѣдомъ, почти не ѣлъ, не хотѣлъ благословлять стола въ среду прежде, нежели удостовѣрится, что нѣтъ ничего скоромнаго. Разговоры этого духовнаго лица, объ которомъ онъ имѣлъ самыя высокія понятія, такъ сильно потрясали его, что онъ, не владѣя собою, однажды прервавъ рѣчь, сказалъ ему: „довольно! оставьте, не могу далѣе слушать, слишкомъ страшно“.

Возбужденный ли наставленіями и примѣрами этого священника, или глубоко опечаленный смертію любимаго лица, или вообще имѣя потребность углубиться въ духовныя размышленія, обложилъ себя книгами духовнаго содержанія, говоря, что ихъ нужно перечитывать, потому что нужны толчки въ жизни; и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сталъ ѣсть весьма мало,

хотя, повидимому, не терялъ аппетита и жестоко страдалъ отъ лишеній пищи, къ которой привыкъ и безъ которой всегда чувствовалъ себя дурно. Свое пощеніе онъ не ограничивалъ одною пищею, но и сонъ умѣрилъ, до чрезмѣрности: послѣ ночной продолжительной молитвы онъ рано вставалъ, шелъ къ заутренѣ, тогда какъ до того времени не выходилъ со двора, не напившись крѣпкаго кофе. — Это все не могло не обнаружить на его организмъ сильнаго дѣйствія.

Во вторникъ па масляницѣ онъ проводилъ М. А. на станцію желѣзной дороги, и весьма былъ огорченъ тѣмъ, что тамъ всѣ обращали на него вниманіе и съ ненасытнымъ любопытствомъ его преслѣдовали.

По отъѣздѣ его онъ сталъ подробнѣе изучать церковный уставъ и еще болѣе говорить о смерти. Масляницу онъ посвятилъ говѣнью; ходилъ въ церковь, молился весьма много и необыкновенно тепло, отъ пищи воздерживался до чрезмѣрности: за обѣдомъ употреблялъ только нѣсколько ложекъ овсянаго супа на водѣ или капустнаго разсола. Когда ему предлагали кушать что-либо другое, онъ отказывался болѣзнью, объясняя, что онъ чувствуетъ что-то въ животѣ, что кишки его перевертываются, что это болѣзнь его отца, умершаго въ такія же лѣта, а прибѣгнуть къ лѣченію не хочетъ, потому что эта болѣзнь и у отца сдѣлалась смертельною отъ того, что его лѣчили.

Зная по опыту, какъ причащеніе успокоивало прежде Н. В—ча, гр. Толстой посовѣтовалъ ему причащаться скорѣе, поговоривъ съ духовникомъ, повидимому вовсе не понимавшимъ его[1]), Г. исполнилъ это въ четвергъ на масляницѣ. Однакожъ и причащеніе его не успокоило: онъ остался также мраченъ, не хотѣлъ въ этотъ день ничего ѣсть, и когда послѣ съѣлъ просфору, то назвалъ себя обжорою, окаяннымъ, нетерпѣливцемъ и сокрушался сильно. Вообще болѣзненное изнеможеніе тѣла еще болѣе служило къ мрачному настроенію духа. Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней онъ поѣхалъ на извозчикѣ въ Преображенскую больницу[2]), подъ-

---

[1]) Онъ причастился въ церкви, находящейся на Дѣвичьемъ полѣ, потомъ заѣзжалъ къ М. П. Погодину, гдѣ его нашли очень разстроеннымъ.

[2]) Гдѣ тогда находился извѣстный въ Москвѣ юродивый Иванъ Яковлевичъ Корейша, котораго посѣтилъ прежде и М. П. Погодинъ («Жизнь и труды Погодина» т. X, стр. 319). О Корейшѣ упоминаетъ также докторъ Тарасенковъ («Отеч. Записки», 1856, XII, стр. 423).

ѣхалъ къ воротамъ, подошелъ къ нимъ, воротился, долго ходилъ взадъ и впередъ, долго оставался въ полѣ, на вѣтру, въ снѣгу, стоя на одномъ мѣстѣ, и потомъ, не входя на дворъ, опять сѣлъ на лошадь и возвратился.

Такіе необыкновенные поступки его хотя и бывали съ нимъ прежде, однакоже теперь были такъ продолжительны, что поразили графа; онъ уговорилъ его посовѣтоваться съ врачемъ, для чего и призванъ былъ его давнишній знакомый докторъ Иноземцевъ, который нашелъ, что у него катарръ кишекъ, совѣтовалъ ему спиртныя натиранія живота, лавровишневую воду и ревенныя пилюли (по случаю долго продолжавшагося запора). Не вѣря вообще медицинѣ и медикамъ, онъ не воспользовался и его совѣтами, хотя чувствовалъ уже себя весьма дурно, и пересталъ принимать къ себѣ знакомыхъ, которымъ прежде никогда не отказывалъ. Въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли поста на верху у графа была всенощная; Н. В. едва могъ дойти туда, останавливаясь на ступеняхъ, присаживаясь на стулѣ, однако стоялъ всю всенощную и молился. День оставался почти безъ пищи, ночи проводилъ онъ стоя передъ образами въ теплой молитвѣ со слезами. Графъ, видя, какъ изнуряетъ все это Гоголя, прекратилъ у себя церковное служеніе. Въ одинъ изъ этихъ дней Гоголь изнеможенный уснулъ ночью на диванѣ, безъ постели, и съ нимъ произошло что-то необыкновенное, загадочное: проснувшись вдругъ, послалъ онъ за приходскимъ священникомъ, объяснилъ ему, что онъ недоволенъ недавнимъ причащеніемъ, и просилъ его тотчасъ же опять причащать и соборовать его, потому что онъ видѣлъ себя мертвымъ, слышалъ какіе-то голоса и теперь почитаетъ себя уже умирающимъ. — Священникъ, видя его на ногахъ и не замѣтивъ въ немъ ничего опаснаго, уговорилъ его оставить это до другого времени; но съ тѣхъ поръ навѣщалъ его ежедневно, ѣлъ съ нимъ вмѣстѣ саго, черносливъ, нарочно принесенный, и убѣждалъ его ѣсть вмѣстѣ съ нимъ. Не охотно, не много, но употреблялъ онъ эту пищу ежедневно; и потомъ слушалъ молитвы, читаемыя священникомъ. „Какія молитвы Вамъ читать?“ спрашивалъ тотъ. „Читайте; всѣ хороши“. Такъ провелъ онъ почти всю первую недѣлю поста.

На этой недѣлѣ ночью онъ велѣлъ своему мальчику раскрыть печную трубу и затопить печку; положилъ въ нее

большую кипу своихъ сочиненій и сжегъ ихъ. Мальчикъ возражалъ ему: „Зачѣмъ вы это дѣлаете? можетъ, они пригодятся еще"; но Гоголь его не слушалъ; а когда почти все сгорѣло, онъ долго сидѣлъ задумавшись, потомъ заплакалъ, велѣлъ позвать графа, показалъ ему догорающіе углы бумаги и съ горестію сказалъ: „вотъ что̀ я сдѣлалъ! хотѣлъ было сжечь нѣкоторыя вещи, давно на то приготовленныя, а сжегъ все. Какъ лукавый силенъ, вотъ онъ до чего меня довелъ. — Я было думалъ разослать на память друзьямъ по тетрадкѣ: пусть бы дѣлали, что̀ хотѣли"[1]). (А прежде этого онъ дѣлалъ завѣщаніе графу взять всѣ его сочиненія и послѣ смерти передать м. Филарету — пусть онъ наложитъ на нихъ свою руку: „что̀ ему покажется не нужнымъ, пусть зачеркиваетъ немилосердно")[2]). Графъ, желая отстранить отъ него мрачную мысль о смерти, съ равнодушнымъ видомъ сказалъ: „это хорошій признакъ — и прежде Вы сжигали все, и потомъ писали еще лучше. Значитъ и теперь это не передъ смертью. Вѣдь Вы можете все припомнить?" — „Да", отвѣчалъ Гоголь, положивъ руку на лобъ: „могу, могу, у меня все это въ головѣ" и, повидимому, сдѣлался спокойнѣе, пересталъ плакать". Но, видно, мысль о собственной смерти у него запала глубоко въ душу и не оставляла его. Съ этой ночи онъ сдѣлался еще мрачнѣе прежняго. Сидѣлъ въ креслахъ по цѣлымъ днямъ въ халатѣ, протянувши ноги на другой стулъ, передъ столомъ, не пускалъ къ себѣ почти никого, и еще меньше говорилъ. — Замѣчательны слова, которыя онъ въ это время сказалъ Хомякову: „надобно же умирать, и я уже готовъ и умру". Когда графъ для разсѣянія начиналъ съ нимъ говорить о предметахъ весьма близ-

---

[1]) О неоднократномъ уничтоженіи второго тома «М. Д.» см. выше, а также «Переписку Грота съ Плетневымъ», II, 951 (также вообще о гибели таланта Г., изъ Гоголя ibid., 962—966).

[2]) Очевидно, Гоголю хотѣлось сложить съ себя страшную отвѣтственность за рѣшеніе въ сущности неразрѣшимаго вопроса: внушены ли его сочиненія ему свыше, какъ онъ былъ убѣжденъ до изданія «Переписки съ друзьями», или же они — плодъ губительныхъ внушеній діавола, какъ онъ думалъ иногда подъ вліяніемъ обличеній о. Матвѣя. Самое сожженіе «М. Д.» произошло, конечно, въ моментъ мгновеннаго торжества второго взгляда, тотчасъ же снова уступившаго мѣсто первому убѣжденію. Возможность двухъ противоположныхъ рѣшеній вопроса о значеніи его произведеній, какъ внушенія свыше или дьявольскаго смущенія, должна была невыразимо нравственно угнетать Гоголя. *В. Ш.*

кихъ къ нему и которые не могли не занимать его прежде (о письмѣ Муханова, объ образѣ его матери, который затерялся было — и это также сочтено было за дурное предзнаменованіе, — да нашелся и проч.), онъ возражалъ съ благоговѣйнымъ изумленіемъ: „что̀ это Вы говорите? Можно ли разсуждать объ этихъ вещахъ, когда я готовлюсь къ такой страшной минутѣ?“, потомъ молчалъ и тѣмъ заставлялъ графа умолкать. Впрочемъ въ эти же дни онъ дѣлалъ графу нѣкоторыя неважныя завѣщанія насчетъ своего человѣка и проч. и разсылалъ послѣднія карманныя деньги бѣднымъ и на свѣчку, такъ что по смерти у него не осталось ни копѣйки. (У Шевырева осталось около 2000 р. отъ вырученныхъ за сочиненія денегъ, прочія пошли на воспитаніе сестеръ, на долги матери и въ помощь бѣднымъ студентамъ 3000 р., розданные втайнѣ. Отъ наслѣдства матери онъ уже давно отказался прежде).

Иногда по вечерамъ онъ дремалъ въ креслахъ, а ночью проводилъ въ бдѣніи на молитвѣ; иногда жаловался на то, что у него голова горитъ и руки зябнутъ; одинъ разъ имѣлъ небольшое кровотеченіе изъ носа, мочу имѣлъ густую, темноокрашенную, испражненія на низъ не было во всю недѣлю. Прежде сего за годъ онъ имѣлъ теченіе изъ уха будто бы отъ какой-то вещи туда запавшей; другихъ болѣзней въ немъ не было замѣтно; сношеній съ женщинами онъ давно не имѣлъ, и самъ признавался, что не чувствовалъ въ томъ потребности и никогда не ощущалъ отъ этого особаго удовольствія; онаніи также не былъ подверженъ. Ходилъ немного сгорбившись, руки въ карманы, галстукъ просто подвязанъ, платье поношенное, волосы длинные, зачесанные такъ, что покрывали значительную часть лба и всегда одинаково; усы носилъ постоянно коротенькіе, подстриженные; вообще видно было, что онъ мало заботился о своей внѣшней обстановкѣ. Когда встрѣчался, протягивалъ руку, жалъ довольно крѣпко, улыбался, говорилъ отчетливо, рѣзко и хотя не изыскано-складно, но фразы были правильныя, безъ поправки, слова всегда отчетливо выбранныя.

Давно я не имѣлъ случая быть у графа, но въ это время (въ среду на 1 недѣлѣ) прислалъ онъ за мною, и объяснилъ, что̀ происходитъ съ Гоголемъ. Озабоченный его положеніемъ, онъ желалъ, чтобы я его видѣлъ и сказалъ свое мнѣніе о

его болѣзни. Иноземцевъ же отзывался объ ней неопредѣленно и одинъ день предполагалъ переходъ ея въ тифъ, на другой сказалъ, что ему лучше; однакоже запретилъ ему выѣзжать.

Явившись къ графу, я, по его разсказамъ, наводилъ его на мысль: не нужно ли подумать о томъ, какъ бы заставить его употреблять питательную пищу, какими то ни было способами, если нельзя по убѣжденію, то хотя противъ воли.— Самъ Гоголь не изъявлялъ желанія меня видѣть; надобно было употребить уловку и взойти къ графу, когда онъ тамъ (онъ могъ меня принять у него какъ общаго знакомаго, съ которымъ Гоголь не разъ вмѣстѣ обѣдалъ и бесѣдовалъ); но это не удавалось. — Наконецъ на исходѣ этой недѣли графъ ввелъ меня къ нему, хотя тотъ сказалъ: — „напрасно, но пожалуй“. Тутъ только я въ первый разъ увидѣлъ его въ болѣзни.

Это было въ субботу на первой недѣлѣ поста. Увидавъ его, я ужаснулся. Не прошло мѣсяца, какъ я съ нимъ обѣдалъ вмѣстѣ, — онъ былъ цвѣтущаго здоровья, бодръ, свѣжъ, крѣпокъ, — и теперь передо мною человѣкъ какъ бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный продолжающимся тифомъ до необыкновеннаго изнеможенія. Глаза его тусклы и впалы, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голосъ слабъ, языкъ трудно шевелится отъ сухости во рту, выраженіе лица неопредѣленное, необъяснимое. Мнѣ онъ показался мертвецомъ съ перваго взгляда. Неохотно позволилъ онъ мнѣ пощупать пульсъ и посмотрѣть языкъ: пульсъ былъ довольно полонъ и скоръ, языкъ чистъ, но сухъ; кожа имѣла натуральную теплоту. Онъ сидѣлъ протянувши ноги, не двигаясь и даже не перемѣняя прямого положенія лица; только когда я подошелъ къ нему, онъ приподнялъ голову, и то съ замѣтнымъ трудомъ могъ ее держать прямо. Тогда мнѣ еще не были сообщены предшествовавшія печальныя событія: его непреклонная увѣренность въ близкой смерти и самимъ имъ произведенное истребленіе твореній. Въ это время главное вниманіе заботящихся о немъ было обращено на то, чтобы онъ употребилъ питательную пищу и имѣлъ свободное отправленіе кишекъ. Мнѣ хотѣлось поселить въ немъ довѣріе къ врачеванію и склонить на предложенія медиковъ. Чтобы ободрить его, я показалъ себя равнодушнымъ къ его болѣзни, утверждалъ, что она не важна

и обыкновенна; я говорилъ ему, что подобная болѣзнь теперь господствуетъ между многими и проходитъ скоро при пособіяхъ; я настаивалъ, чтобы онъ, если *не можетъ* принимать плотной пищи, то по крайней мѣрѣ непремѣнно употреблялъ бы поболѣе питья и притомъ питательнаго (бульона, молока и т. п.). „Я употребилъ уже *послѣднее средство* — пилюли: развѣ питье нужно для того, чтобы его прогнать?" сказалъ онъ. — Не обременяя его долгими разговорами, я старался ему объяснить, что питье нужно для смягченія языка и желудка, и питательность питья для укрѣпленія силъ, необходимаго для счастливаго окончанія болѣзни. — Наступило время обѣда. Графъ отправился на верхъ. Гоголь опять склонилъ голову на грудь, какъ при нашемъ входѣ, и я удалился. — Испуганный, встревоженный мыслію, что Гоголь можетъ скоро умереть, я едва могъ говорить, разсуждать, обѣдать не остался; черезъ короткое время удалился съ верха и почелъ обязанностію зайти опять къ больному, чтобы еще сильнѣе сказать ему мои убѣжденія. Я выпросилъ позволеніе его зайти къ нему еще на минуту. Мнѣ почудилось, что онъ колеблется въ своихъ намѣреніяхъ, что онъ, привыкши видѣть мою искренность, послушается моихъ словъ. — Подойдя къ нему, я съ видимымъ хладнокровіемъ, но и съ полною теплотою сердечною употребилъ всѣ усилія, чтобы подѣйствовать на его волю. — Я выразилъ ему мысль, что врачи въ болѣзни прибѣгаютъ къ совѣту собратій и ихъ слушаются; не врачу тѣмъ болѣе надобно слѣдовать врачебнымъ наставленіямъ, особливо преподаваемымъ съ добросовѣстностію и полнымъ убѣжденіемъ; и тотъ, кто поступаетъ иначе, дѣлаетъ преступленіе. Говоря это, я обратилъ вниманіе на его лицо, чтобы подсмотрѣть, что̀ происходитъ въ его душѣ; съ прискорбіемъ замѣтилъ я, что выраженіе его лица нисколько не измѣнилось; оно было такъ же спокойно, какъ прежде: ни досады, ни огорченія, ни удивленія, ни сомнѣнія не показалось и тѣни; онъ смотрѣлъ, какъ человѣкъ, для котораго всѣ задачи разрѣшены, всякое чувство замолкло, всякія слова напрасны. Впрочемъ, когда я пересталъ говорить, онъ въ отвѣтъ произнесъ внятно, довольно рѣдко и хотя вяло, но со всею полнотою увѣренности: „я знаю, врачи добры: они всегда *желаютъ* добра" и вмѣстѣ съ тѣмъ опять наклонилъ голову отъ слабости или въ знакъ проща-

нія — не знаю. Я не смѣлъ его тревожить долѣе, пожелалъ ему поскорѣй поправиться въ здоровьѣ и удалился отъ него.

Вбѣжалъ опять къ графу, чтобы сказать, что дѣло плохо, и я не предвижу ничего хорошаго, если это такъ продолжится. Графъ предложилъ мнѣ зайти дня чрезъ два узнать, что дѣлается. — Неопредѣлительныя отношенія между медиками не дозволяли мнѣ впутываться въ распоряженія врачебныя, тѣмъ болѣе, что онъ былъ на рукахъ у своего пріятеля Иноземцева, съ которымъ былъ коротокъ и который его любилъ искренно.

Какъ сокрушаюсь я теперь, что я, по словамъ графа, пріѣхалъ только спустя два дня — можетъ быть, я бы какъ-нибудь могъ еще подѣйствовать ко спасенію его. Но какъ и чѣмъ? Медицина не даетъ правилъ, какъ дѣйствовать при такихъ неопредѣленныхъ явленіяхъ и для такой исключительной личности. — Графъ разсказалъ тогда же м. Филарету объ опасной болѣзни Гоголя и его упорномъ постѣ. Филаретъ прослезился и съ горестью сообщилъ мысль, что на Гоголя надобно было дѣйствовать иначе; слѣдовало убѣждать его, что его спасеніе не въ постѣ, а послушаніи. Послѣ этого онъ ежедневно призывалъ къ себѣ окружавшихъ больного священниковъ, разспрашивалъ ихъ о ходѣ болѣзни, и о явленіяхъ случающихся въ ней и о поступкахъ больного, и препоручалъ имъ сказать ему отъ себя (онъ самъ былъ боленъ въ это время), что онъ его проситъ непрекословно исполнять назначенія врачебныя во всей полнотѣ.

Какъ видно, силы его падали быстро и невозвратно. Не смотря на то, что онъ былъ убѣжденъ, что когда сляжетъ въ постель, то она будетъ для него смертнымъ одромъ [1]), и для того старался оставаться на креслахъ въ полулежачемъ положеніи, однакоже въ понедѣльникъ онъ улегся и не вставалъ съ постели, хотя былъ еще въ халатѣ и сапогахъ. — Въ воскресенье приходскій священникъ убѣдилъ его принять ложку клещевиннаго масла; онъ проглотилъ, но послѣ этого

---

[1]) Психически вполнѣ объяснимо желаніе поскорѣе подвергнуться опасности именно вслѣдствіе внушаемаго ею безпредѣльнаго ужаса. Кромѣ того, Гоголь хотѣлъ непремѣнно умереть, хорошо приготовившись къ кончинѣ, а не дать ей захватить его врасплохъ. Поэтому-то Гоголь какъ бы *старался умереть на стражѣ душевнаго спасенія* *В. Ш.*

пересталъ вовсе слушаться его и не принималъ ужъ въ послѣднее время никакой пищи. Въ этотъ же день, духовникъ его убѣдилъ было употребить промывательное; хотя онъ согласился, но это было только на словахъ. Когда къ нему стали прикасаться, онъ рѣшительно отказался[1]).

Въ понедѣльникъ на 2 недѣлѣ онъ совершилъ предсмертныя таинства покаянія, причащеніе и елеосвященія. Ив. В. Капнистъ хотѣлъ также подѣйствовать своимъ дружескимъ вліяніемъ на него; но на его слова онъ ничего не отвѣчалъ. Тотъ сказалъ: „вѣрно, ты меня, не узнаешь?“ — „Какъ не знать?“ отвѣчалъ страдалецъ, и назвалъ его по имени, прибавивъ: „я прошу Васъ — не оставьте своимъ вниманіемъ сына моего духовника, который служитъ у Васъ въ канцеляріи“, и опять замолкъ.

Уже разъ спасенъ онъ былъ отъ болѣзни въ Римѣ безъ медицинскихъ пособій; онъ приписывалъ это чуду. И въ настоящее время онъ сказалъ кому-то изъ убѣждавшихъ его лѣчиться: „ежели будетъ угодно Богу, чтобъ я жилъ еще, буду живъ“.... Между тѣмъ все соединилось не къ добру. И Иноземцевъ захворалъ и послѣдніе дни у него не былъ. — А И. Оверъ приглашенъ былъ графинею взойти къ Гоголю въ первый разъ въ этотъ понедѣльникъ. Вѣроятно, изъ медицинской деликатности онъ не посовѣтовалъ ничего другого, какъ не давать ему вина, котораго больной спрашивалъ часто.

Во вторникъ являюсь я и встрѣчаю графа Толстого, встревоженнаго черезъ мѣру и сверхъ моего ожиданія. „Что Гоголь?“ — Плохо; лежитъ. Ступайте къ нему, теперь можно входить“. Я взошелъ въ его комнату; онъ лежалъ на широкомъ диванѣ, на боку, съ закрытыми глазами, отвернувшись къ стѣнѣ; противъ его лица — образъ Богоматери, въ рукахъ четки. Возлѣ него его мальчикъ и другой его служитель. — На тихій мой вопросъ онъ не отвѣчалъ ни слова. Я взялъ его руку, чтобы пощупать пульсъ. Онъ сказалъ: „не трогайте меня, пожалуйста“. Однакоже, когда онъ былъ въ дремотѣ, я успѣлъ испытать, что пульсъ его слабый, ско-

---

1) Духовникъ навѣщалъ его часто; приходскій священникъ являлся къ нему ежедневно. При немъ нарочно подавали кушать саго, черносливъ и проч. Священникъ начиналъ первый и убѣждалъ его ѣсть вмѣстѣ съ нимъ.

рый, мягкій, удобосжимаемый; руки холодноваты; голова также прохладна. Изъ разспросовъ отъ окружающихъ удостовѣрился, что никакихъ важныхъ болѣзненныхъ симптомовъ во все время съ нимъ не было; только очищенія кишекъ не было вовсе въ послѣдніе дни.

Пріѣхалъ Погодинъ съ Альфонскимъ. Этотъ предложилъ магнетизированіе, чтобы покорить его волю и заставить употреблять пищу. Явился и Оверъ, который согласился на то же въ ожиданіи слѣдующаго дня, въ который онъ предположилъ приступить къ дѣятельному лѣченію. Но для этого онъ велѣлъ созвать консиліумъ, извѣстить о немъ Иноземцева.

Цѣлый вторникъ Гоголь лежалъ, ни съ кѣмъ не разговаривая, по временамъ поворачивался на другой бокъ, всегда съ закрытыми глазами, нерѣдко находился какъ бы въ дремотѣ, часто просилъ пить краснаго вина, и всякій разъ смотрѣлъ на свѣтъ, то ли ему подаютъ. Но къ вечеру ему подмѣнили вино сперва краснымъ питьемъ, а потомъ бульономъ. Повидимому, онъ уже не ясно различалъ качество питья, потому что сказалъ только: „зачѣмъ подаешь мнѣ мутное?“ однакоже выпилъ, и съ тѣхъ поръ ему стали подавать для питья бульонъ, когда онъ спрашивалъ пить, говоря: „подай, подай!“ послѣ чего самъ бралъ рюмку и выпивалъ.

Вечеромъ же пришелъ Сокологорскій магнитизировать. Когда онъ положилъ ему руку на голову, потомъ подъ ложку и сталъ дѣлать пассы, Н. В. сдѣлалъ движеніе и сказалъ: „оставьте меня“. — Поздно вечеромъ призванъ Клименковъ и поразилъ меня дерзостью своего обращенія. Онъ сталъ кричать съ нимъ, какъ съ глухимъ и безпамятнымъ, началъ насильно держать его руку, добиваться, что̀ болитъ. — Не болитъ ли голова? — „Нѣтъ“. — Подъ ложкою? „Нѣтъ“ и т. д. Ясно было, что больной терялъ терпѣніе и досадовалъ. Наконецъ онъ умоляющимъ голосомъ сказалъ: — „оставьте меня!“ отвернулся и спряталъ руку. — Клименковъ совѣтовалъ кровь пустить или завертываніе въ мокрыя холодныя простыни; я предложилъ отсрочить эти дѣйствія до завтрашняго консиліума. — Между тѣмъ въ этотъ же вечеръ искуснымъ образомъ, когда больной перевертывался, ему вложили suppositorium изъ мыла, что̀ также не обошлось безъ крика и стона.

Въ среду собрались для консиліума: Оверъ, Эвеніусъ, Клименковъ, Сокологорскій и я. Судьбѣ угодно было, чтобы Вор-

винскій былъ задержанъ и пріѣхалъ позднѣе, послѣ того какъ участь больного уже рѣшена была неумолимымъ совѣтомъ трехъ. Состояніе больного было почти такое же; но слабость пульса такъ усилилась, что мы съ Сокологорскимъ уже утромъ рано думали попробовать moschus.

Въ присутствіи гр. А. П. Толстого, Ив. В. Капниста, Хомякова и довольно многочисленнаго собранія Оверъ разсказалъ Эвеніусу исторію болѣзни. Тутъ взяты въ разсчетъ литераторство, сидячая жизнь, постоянная головная работа, религіозныя убѣжденія морить себя голодомъ, носовое кровотеченіе, ускоренный пульсъ; непривѣтливость пріема, по его мнѣнію, обозначали meniasitis, которая была причиною его упорства не лѣчиться и не ѣсть. Поэтому онъ предложилъ вопросъ: „оставить больного безъ пособій, или поступить съ нимъ какъ съ человѣкомъ, не владѣющимъ собою и не допускать его до умерщвленія себя?“ Отвѣтъ Эвеніуса былъ — „да, надобно его кормить насильно“. — Пошли осматривать больного; стали его спрашивать. Гоголь или не отвѣчалъ, или отвѣчалъ коротко: „нѣтъ“, — не раскрывая глазъ; наконецъ проговорилъ съ напряженіемъ: „не тревожьте меня, ради Бога!“ Стали давить животъ; онъ закричалъ, застоналъ, какъ и отъ всякаго другого прикосновенія къ нему. — Оверъ препоручилъ Клименкову поставить ему двѣ піявки къ носу, сдѣлать холодное обливаніе головы въ теплой ваннѣ. Тогда прибылъ Ворвинскій. Коротко передалъ ему Оверъ тотъ же французскій разсказъ по-русски. По осмотрѣ больного Ворвинскій сказалъ: „gastroenteritis ex inanitione“, піявокъ не знаю, какъ вынесетъ, а ванну развѣ бульонную“. Впрочемъ наврядъ ли что̀ успѣете сдѣлать при такомъ упорствѣ больного“. Но его сужденія никто не хотѣлъ и слушать; всѣ разъѣзжались. Клименковъ взялся самъ устроить все назначенное Оверомъ. Я отправился, чтобы не быть свидѣтелемъ мученій страдальца. Когда я возвратился черезъ три часа послѣ ухода (въ 6 часу вечера), уже ванна была сдѣлана, у ноздрей висѣли шесть крупныхъ піявокъ; къ головѣ приложена примочка. Разсказываютъ, что когда его раздѣвали и сажали въ ванну, онъ сильно стоналъ, кричалъ, говорилъ, что это дѣлаютъ напрасно; послѣ того какъ его положили опять въ постель безъ бѣлья, онъ проговорилъ: „покройте плечо; закройте спину!“ а когда ставили піявки,

онъ повторялъ: „не надо!“ потомъ когда онѣ уже были поставлены, твердилъ: „снимите піявки, поднимите (отъ рта) піявки!“ При мнѣ онѣ висѣли еще долго, его руку держали съ силою, чтобы онъ до нихъ не касался. — Пріѣхалъ въ 7 часу Оверъ и Клименковъ; они велѣли подолѣе поддерживать кровотеченіе, ставить горчичники на конечности, потомъ мушку на затылокъ, ледъ на голову и внутрь отваръ алтейнаго корня съ лавро-вишневой водой. — Обращеніе ихъ было неумолимое; они распоряжались какъ съ сумасшедшимъ, кричали предъ нимъ, какъ передъ трупомъ. Клименковъ приставалъ къ нему, мялъ, ворочалъ, поливалъ на голову какой-то ѣдкій спиртъ, и когда больной отъ этого стоналъ, докторъ спрашивалъ продолжая поливать: „что̀ болитъ, Н. В.? А? Говорите же!“ Но тотъ стоналъ и не отвѣчалъ [1]).

Они уѣхали, я остался во весь вечеръ до 12 часовъ и внимательно наблюдалъ за происходящимъ. — Пульсъ скоро и явственно упалъ, дѣлался еще чаще и слабѣе, дыханіе, уже затрудненное утромъ, становилось еще тяжелѣе; уже больной самъ поворачиваться не могъ, лежалъ смирно на одномъ боку и былъ покоенъ, когда ничего не дѣлали съ нимъ; отъ горчичниковъ стоналъ; по вставленіи новаго suppositorium'а вскрикнулъ громко; по временамъ явственно повторялъ: „давай пить!“ Уже поздно вечеромъ онъ сталъ забываться, терять память. „Давай — боченокъ!“ произносилъ онъ однажды. Ему подали прежнюю рюмку съ бульономъ, но уже онъ не могъ самъ приподнимать головы и держать рюмку, надобно было держать то и другое, однакоже онъ тотчасъ выпилъ поданное. Еще позднѣе онъ по временамъ бормоталъ что-то невнятно, или повторялъ нѣсколько разъ: „давай, давай! ну, что̀ же?“ Часу въ одиннадцатомъ онъ закричалъ громко: — „лѣстницу, поскорѣе, давай лѣстницу!“ [1])

---

[1]) Въ настоящее время, кажется, уже можно сообщить открыто о грубо-доброжелательныхъ насиліяхъ надъ Гоголемъ врачей, собравшихся на консиліумъ. Грустно и страшно думать, что врачи, желая пользы паціенту, по совершенному нежеланію и неумѣнью вникнуть въ его внутреннее настроеніе, истязали его и только напрасно, но безпощадно, отравляли его послѣдніе часы, предназначавшіеся больнымъ для приготовленія къ ожидавшей его великой минутѣ. Обращеніе нѣкоторыхъ врачей было таково, что болѣе деликатный по природѣ Тарасенковъ содрогался отъ жестокаго обращенія товарищей съ паціентомъ.

[1]) Любопытно, что приблизительно тѣ же слова были сказаны передъ смертью св. Тихономъ Задонскимъ.

Его подняли съ постели, посадили на кресло; уже голова его не держалась на плечахъ и падала машинально. Тутъ привязали ему мушку на шею, надѣли рубашку (онъ лежалъ послѣ ванны голый); онъ только стоналъ. Когда его опять клали въ постель, онъ потерялъ всѣ чувства, глаза у него раскрылись безжизненно, пульсъ пересталъ биться, произошло хрипѣніе. Этотъ обморокъ длился нѣсколько минутъ; хотя пульсъ вскорѣ возвратился, но сдѣлался почти непримѣтнымъ и послѣ этого больной уже не просилъ ни поворачиваться, ни пить; лежалъ уже на спинѣ постоянно съ закрытыми глазами, не произнося ни слова. Въ 12 часу стали холодѣть ноги. — Я положилъ кувшинъ съ горячею водою, сталъ почаще давать проглатывать бульонъ, и это, повидимому, его оживляло. Тутъ я могъ ощупать его животъ, который былъ какъ доска, вовсе безъ содержимаго, мягкій, вялый; позвоночникъ чрезъ него ощущался легко. Дыханіе сдѣлалось постоянно хриплое и тяжкое. — Лицо осунулось, какъ у мертвеца, подъ глазами посинѣло, кожа сдѣлалась прохладною и покрылась испариною. — Въ такомъ положеніи оставилъ я страдальца, чтобы опять не столкнуться съ медикомъ-палачемъ, убѣжденнымъ въ томъ, что онъ спасаетъ человѣка, чтобы дать успокоеніе графу, который безъ того не уходилъ въ свою комнату.

Въ 10 часовъ утра въ четвергъ 21 февраля 1852 г. я спѣшу пріѣхать ранѣе консультантовъ, которые назначили быть въ 10 (а Оверъ въ 1 часъ), но уже нашелъ не Гоголя, а трупъ его. Разсказали мнѣ, что Клименковъ пріѣхалъ вскорѣ послѣ меня, пробылъ съ нимъ ночью нѣсколько часовъ: давалъ ему каломель, обкладывалъ все тѣло горячимъ хлѣбомъ по предложенію Назимова(?); при этомъ опять возобновился стонъ и пронзительный крикъ. (Все это, вѣроятно, помогло ему поскорѣе умереть), и около 8 часовъ утра дыханіе совершенно прекратилось. Нельзя вообразить, чтобы кто-нибудь могъ терпѣливѣе его сносить всѣ врачебныя пособія, насильно ему навязываемыя; лицо умершаго выражало не страданіе и спокойствіе, а ясную мысль, унесенную съ собою за гробъ.

Когда я пришелъ, уже успѣли осмотрѣть его шкафы, гдѣ не нашли ни имъ писанныхъ тетрадей, ни денегъ; уже его одѣли въ сюртукъ, въ которомъ онъ ходилъ, уже по-

ложили на столъ по обычному порядку и приготовились къ панихидѣ. Я выслушалъ всю службу, поклонился, поцѣловалъ лобъ и руку и съ сокрушеннымъ сердцемъ отправился на службу, вздыхая и стараясь разувѣрить себя, что не на яву видѣлъ я невозвратную погибель великаго художника вмѣстѣ съ его твореніями!

Что была за болѣзнь Гоголя, отъ которой онъ умеръ?

Судя просто по видимымъ симптомамъ безъ вниманія ко всѣмъ подробностямъ его жизни, его образа мыслей, его убѣжденію, цѣли, всей обстановки, конечно, можно отдѣлаться, назвавъ болѣзнь typhus, gastro-enteritis, menialsitis, mania religiosa, какъ это и сдѣлано было; но зная даже тѣ подробности, которыя только можно собрать у него въ домѣ, трудно рѣшиться произнести такое поверхностное сужденіе. Здѣсь было такое множество условій, какъ бы нарочно сосредоточившихся къ его погибели, что только изъ соображенія всѣхъ ихъ была бы возможность сдѣлать правильное заключеніе. Духовный элементъ былъ преобладающею причиною его болѣзни. Пытливый художникъ не довольствовался воспроизведеніемъ жизни Россіи, но домогался разгадать задачу, какъ посредствомъ поэтическихъ представленій, такъ подѣйствовать на всѣхъ, чтобы все измѣнилось къ лучшему. — Весь существующій порядокъ былъ ему не по сердцу; изучая все встрѣчающееся, онъ скорбѣлъ и надѣялся предугадать лучшій порядокъ вещей, лучшихъ людей, лучшую жизнь.

Эта постоянная религіозная настроенность заставила его безпрерывно помышлять о будущей жизни, пренебрегать настоящею. Въ описаніи пошлости въ жизни онъ весь переносился какъ бы вовсе на время въ описываемое и глубоко страдалъ жизнью своихъ героевъ. Но задача его оставалась не разрѣшимою ни въ дѣйствіяхъ, ни въ его представленіяхъ. Окружаемый религіозными людьми, онъ всегда былъ преданъ религіи, а въ послѣднее время онъ подвергалъ себя почти исключительно ея вліянію, убѣжденный, что она разрѣшитъ и для другихъ и для него всѣ возможныя задачи. — Кажется, онъ началъ съ себя самого, какъ ему жить и дѣйствовать, сообразно религіи? Негодовать даже на себя; стремиться исправлять себя, достигать совершенства. Христіанскія добродѣтели, которыя кажутся обыкновенными, но на

дѣлѣ трудныя для совершенія, онъ сохранилъ всѣ если не отъ юности, по крайней мѣрѣ въ эпоху жизни, когда его узнали, какъ творца, художника-поэта. Вѣроятно, ему показалось, что онъ одного не докончилъ — изможденія плоти, о которомъ такъ высоко отзываются подвигоположники, отшельники міра. Взявъ себѣ въ образецъ и наставленіе Іоанна Лѣствичника, любимую его книгу, онъ старался достигать высшихъ ступеней, и принялся за лишенія, такъ ярко описываемыя у него. Пища сытная и обильная была имъ любима по необходимому требованію организма; онъ рѣшилъ, что ему должно отказать себѣ и въ ней, и вотъ онъ, круто повернувъ отъ французской кухни на пустынный монашескій столъ,ересталъ ѣсть все питательное, все ласкающее вкусъ, и сталъ довольствоваться прохлаждающимъ, невкуснымъ и скуднымъ столомъ. Такой переходъ, особливо быстро произведенный, не могъ остаться безъ важнаго вліянія на его тѣло. — Чтобы не заслужить порицанія другихъ, онъ сталъ лгать, утверждалъ, что ѣсть не хочетъ, не можетъ по болѣзни, отозванъ въ другое мѣсто (М. С. Щепкину онъ обѣщалъ недѣли за три до смерти пріѣхать обѣдать, но явился сказать, что не можетъ, обѣщавъ въ другомъ мѣстѣ). Можетъ быть, это произвело дѣйствительное страданіе брюшныхъ внутренностей (gastroenteritis), особливо присоединившись къ прежнимъ геморроидальнымъ засореніямъ и нервнымъ раздраженіямъ брюшныхъ нервовъ. Впослѣдствіи, вѣроятно, уже онъ и не могъ ѣсть какъ здоровый, и при рѣшимости возвратить его къ прежнему быту надобно было поступать постепенно и долго...“.

Духовное завѣщаніе Н. В. Гоголя.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Отдаю все имущество, какое есть, матери и сестрамъ. Совѣтую имъ жить въ любви совокупно въ деревнѣ, и помня, что, отдавъ себя крестьянамъ и всѣмъ людямъ, помнить (!) изреченіе Спасителя: „Паси овцы моя!“ Господь да внушитъ все, что должны онѣ сдѣлать. Служившихъ мнѣ людей на-

градить. Якима отпустить на волю. Семена также, если онъ прослужитъ лѣтъ десять графу.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы деревня наша по смерти моей сдѣлалась пристанищемъ всѣхъ не вышедшихъ замужъ дѣвицъ, которыя бы отдали себя на воспитаніе сиротокъ, дочерей бѣдныхъ, неимущихъ родителей. Воспитаніе самое простое: Законъ Божій да безпрерывное упражненіе въ трудѣ на воздухѣ около сада или окол..." [1]).

Совѣтъ сестрамъ.

„Во Имя Отца и Сына... Я бы хотѣлъ, чтобы по смерти выстроенъ былъ храмъ, въ которомъ бы производились частыя поминки по грѣшной душѣ. Для того кладу въ основаніе половину моихъ доходовъ съ сочиненій. Если сестры не выйдутъ замужъ, домъ свой да превратятъ въ обитель, выстроивъ посреди двора и открывши у себя пріютъ бѣднымъ, живущимъ безъ мѣста дѣвицамъ. Жизнь должна быть самая простая: довольствоваться тѣмъ, что̀ производитъ деревня, и ничего не покупать. Современемъ обитель можетъ превратиться въ монастырь, если потомъ на старости дней сестры возымѣютъ желаніе принять иноческій чинъ. Одна изъ нихъ можетъ быть игуменьею. Я бы хотѣлъ, чтобы тѣло мое было погребено если не въ церкви, то въ оградѣ церковной, и чтобы панихиды по мнѣ не прекращались".

Друзьямъ моимъ.

„Благодарю васъ много, друзья мои. Вами украсилась много жизнь моя. Считаю долгомъ сказать вамъ теперь напутственное слово. Не смущайтесь никакими событіями, какія ни случаются вокругъ васъ. Дѣлай каждый свое дѣло, молясь въ тишинѣ. Общество тогда только поправится, когда всякій частный человѣкъ займется собою и будетъ жить, какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все придетъ тогда въ порядокъ, сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми,

---

[1]) Приводимъ здѣсь текстъ этого завѣщанія еще разъ по копіи, воспроизведенной въ «Русской Мысли» (1896, V); *лично мы подлинника въ рукахъ не имѣли.*

опредѣлятся предѣлы законные всему. И человѣчество двинется впередъ...

Будьте не мертвыя, а живыя души. Нѣтъ другой двери, кромѣ указанной Іисусомъ Христомъ, и всякъ прелазай иначе есть тать и разбойникъ".

Похороны происходили 24 февраля. Былъ ясный, солнечный, но морозный день. Извѣстно, что послѣ отпѣванія въ университетской церкви гробъ былъ вынесенъ профессорами, а затѣмъ до самаго кладбища Даниловскаго монастыря несли его студенты. Проводить Гоголя стеклась многочисленная толпа; послѣдній почетъ ему отдали высокопоставленныя лица, начиная съ генералъ-губернатора Закревскаго. Но никто изъ родныхъ не успѣлъ прибыть къ этому дню изъ далекой Малороссіи. Одинъ юноша, писатель, горячій поклонникъ Гоголя, почти не знавшій его лично, явился первымъ вѣстникомъ его семьѣ изъ присутствовавшихъ при похоронахъ обо всемъ, происходившемъ въ этотъ памятный день. Юноша съ восторженнымъ воодушевленіемъ разсказывалъ облекшимся въ глубокій трауръ матери и сестрамъ Гоголя, что ихъ незабвенный любимецъ лежалъ въ гробу съ прекраснымъ, спокойнымъ выраженіемъ лица, какъ будто украшенный ореоломъ высокаго идеализма, напоминая собою Шиллера. Разсказъ этого молодого энтузіаста сохранился надолго, на всю жизнь въ благодарной памяти теперь уже покойной сестры Гоголя, Анны Васильевны: она любила вспоминать о немъ, а равно и о пылкомъ юношескомъ увлеченіи самого разсказчика. Впослѣдствіи, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, тотъ же писатель уже на склонѣ лѣтъ посѣтилъ вторично Анну Васильевну и былъ принятъ ею съ самымъ теплымъ радушіемъ[1]).

На могилѣ Гоголя вырѣзаны прекрасныя слова пророка Іереміи: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся". Могила находится почти рядомъ съ кладбищенской церковью.

---

[1]) Этотъ писатель — покойный Г. П. Данилевскій.

Смерть Гоголя поразила и потрясла А. О. Смирнову. Незадолго передъ тѣмъ она перенесла тяжкую болѣзнь и только-что стала оправляться. Она знала о его состояніи физическомъ и нравственномъ и была глубоко опечалена. Когда разнеслась вѣсть о смерти писателя, Плетневъ прежде всего подумалъ о Смирновой. „Ничѣмъ не приготовленный къ такой вѣсти“, пишетъ онъ къ Жуковскому, „можете представить, въ какомъ я былъ положеніи. Первое движеніе у меня было ѣхать къ Смирновой, съ которой не видался я около двухъ недѣль. Тамъ встрѣтилась вторая дочь ея и тотчасъ попросила меня не говорить ея матери о смерти Гоголя... Но она сама, не дождавшись моего вопроса, начала говорить о худыхъ вѣстяхъ о Гоголѣ... Послѣ разсказовъ объ его самоизнуреніи, она, не зная рокового конца, говорила мнѣ: „Я надѣюсь только, что его натура все переработаетъ“.

Легко понять, какимъ ударомъ была смерть Гоголя и для всего ея дома, въ которомъ его любили давно и искренно, начиная съ главы его и кончая дѣтьми и гувернанткой, m-lle Овербекъ.

Память о Гоголѣ Смирнова хранила свято. Когда И. С. Тургеневъ задѣлъ ее и Гоголя въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ (въ словахъ Базарова: „Я препакостно себя чувствую, точно начитался писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ“; см. Соч. Тург., т. IV, стр. 402), она отъ души смѣялась и сказала ему: „Однакожъ, Иванъ Сергѣевичъ, все-таки вы сами вышли, по вашимъ же словамъ, изъ шинели Гоголя, а изъ-подъ каланчи“[1]) по ходатайству губернаторши. Вашъ романъ chef d'oeuvre; ваши же друзья Герцены[2]) и компанія его ругаютъ, а Гоголь и губернаторша одобряютъ, т.-е. Гоголь его бы одобрилъ, а губернаторша еще жива и васъ поздравляетъ“. (Изъ дневника Ольги Ник. Смирновой)[3]).

---

[1]) См. соч. Тург., т. I, 80, воспоминаніе о томъ, какъ за некрологъ Гоголя онъ былъ посаженъ въ «сибирку».

[2]) См. соч. Тургенева, посмертн. изд., т. I, стр. 72. Изъ другихъ друзей Тургенева Боткинъ объяснялъ «Переписку съ друзьями» гордостью и невѣжествомъ автора.

[3]) Мнѣніе свое о «Перепискѣ съ друзьями» И. С. Тургеневъ высказалъ и въ слѣдующихъ строкахъ своихъ воспоминаній о Гоголѣ: «о, какую услугу оказалъ бы ему издатель, если бы выкинулъ изъ нихъ цѣлыя двѣ трети, или, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которыя писаны къ свѣтскимъ дамамъ... болѣе противной смѣси гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона — въ литературѣ не существуетъ». (Соч. Тургенева, посмертн. изд., т. I, стр. 72).

Александра Осиповна скончалась въ 1882 г. По поводу ея смерти въ „Руси“ былъ напечатанъ прекрасный, прочувствованный некрологъ И. С. Аксаковымъ. Въ некрологѣ сказано, между прочимъ: „Имя ея было не только дорого каждому, кто имѣлъ случай лично знать А. О., но вѣдомо и памятно всѣмъ, кому непосредственно близка преданность той блистательной. литературно-общественной эпохѣ, которой Пушкинъ съ цѣлой плеядой поэтовъ былъ законодателемъ и представителемъ, а Смирнова однимъ изъ изящнѣйшихъ украшеній. Цѣлый міръ прошлаго нисшелъ съ нею въ могилу“ [1]).

Смерть окончательно помирила съ Гоголемъ и С. Т. Аксакова, который писалъ сыновьямъ: „Я признаю Гоголя святымъ, это истинный мученикъ высокой мысли, мученикъ нашего времени и въ то же время мученикъ христіанства“ [2]).

Въ семействѣ Аксакова и во всемъ родственномъ ему кругѣ на Гоголя смотрѣли какъ на жертву мистицизма, чтò обнаружилось между прочимъ изъ слѣдующихъ строкъ письма къ первому его племянницы: „Осиротѣли мы совершенно, невозвратно, и послѣднее наше сокровище отнялъ у насъ Толстой своимъ ханжествомъ! Зачѣмъ онъ лишилъ насъ еще одной части „Мертвыхъ Душъ“. Вы одни, милый мой дяденька, имѣете воспоминаніе чудныхъ главъ, которыя остались неизвѣстны никому. Чтò это за странная смерть! Онъ умеръ, мнѣ кажется, только потому, что былъ убѣжденъ, что умираетъ; физическаго разстройства въ немъ не было. Живо представляю я его себѣ, слушающаго „Чайку“ и ходящаго задумчиво по комнатѣ“.

В. Н. Репнина была другого мнѣнія: „Я понимаю, что Гоголь сжегъ свое твореніе и не понимаю плача С. Т. Аксакова и недоумѣнія многихъ по поводу того, что Гоголь подъ конецъ своей жизни не остался прежнимъ Гоголемъ, юмористомъ, а сдѣлался истиннымъ христіаниномъ. Все и вся

---

[1]) Эти прекрасныя слова И. С. Аксакова были повторены въ депешахъ императора Германскаго и королевы Виртембергской, присланныхъ Ольгѣ Николаевнѣ Смирновой по поводу кончины ея матери.

[2]) «Русск. Арх.», 1890, VIII. стр. 200.

должно исчезнуть; въ новомъ, обновленномъ мірѣ тлѣнное не будетъ имѣть мѣста, и Гоголь, обновленный въ царствѣ небесномъ, уже не Гоголь земной, но безсмертная, ликующая душа, славословящая: „Святъ! Святъ! Святъ!“ — Слова эти, правда, сказаны гораздо позднѣе смерти Гоголя, но все же они выражаютъ убѣжденіе покойной Репниной и очень характерны[1]).

Приводимъ далѣе разсказъ А. С. Хомякова о впечатлѣніи, произведенномъ на него смертью Гоголя.

„Только-что ударъ палъ мнѣ на голову — новый ударъ, тяжелый для всѣхъ, послѣдовалъ за нимъ. Николенькинъ крестный отецъ, Гоголь нашъ, умеръ. Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли; онъ говорилъ, что въ ней для него снова умираютъ многіе, которыхъ онъ любилъ всей душою, особенно же Н. М. Языковъ. На панихидѣ онъ сказалъ: „все для меня кончено!“. Съ тѣхъ поръ онъ былъ въ какомъ-то нервномъ разстройствѣ, которое приняло характеръ религіознаго помѣшательства. Онъ говѣлъ и сталъ себя морить голодомъ, попрекая себя въ обжорствѣ. Иноземцевъ не понялъ его болѣзни и тѣмъ довелъ его до совершеннаго изнеможенія. Въ субботу на масляницѣ Гоголь былъ еще у меня и ласкалъ своего крестника. Въ субботу или воскресенье на первой недѣлѣ онъ былъ уже безъ надежды, а въ четвергъ на нынѣшней недѣлѣ кончилъ. Ночью съ понедѣльника на вторникъ первой недѣли онъ сжегъ *въ минуту безумія* все, что̀ написалъ. Ничего не осталось, даже ни одного черноваго лоскутка. Очевидно, судьба. Я бы могъ написать объ этомъ психологическую студію; да кто пойметъ, или кто захочетъ понять? А сверхъ того и печатать будетъ нельзя. Послѣ смерти его вышла распря. Друзья его хотѣли отпѣвать его въ приходѣ, въ церкви, которую онъ очень любилъ и всегда посѣщалъ, Симеона Столпника. Университетъ же спохватился, что когда-то далъ ему дипломъ почетнаго члена, и потребовалъ къ себѣ. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотѣли, рѣшили участь его тѣла

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, X, стр. 231.

противъ воли его друзей и духовныхъ братій, и приходъ, общее всѣхъ достояніе, долженъ былъ уступить домовой церкви, почти салону, куда не входитъ ни нищій, ни простолюдинъ. Многознаменательное дѣло. Эти сожженныя произведенія, эта борьба между пустымъ обществомъ, думающимъ только объ эффектахъ, и серьезнымъ направленіемъ, которому Гоголь, посвящалъ себя, борьба, рѣшенная въ пользу Грановскихъ и Павловыхъ и прочихъ городскимъ начальствомъ, все это какой-то живой символъ. Мягкая душа художника не умѣла быть довольно строгою, строгость свою обратила на себя и убила тѣло. Бѣдный Гоголь! Для его направленія нужны были нервы желѣзные. Ляжетъ онъ все-таки рядомъ съ Валуевымъ, Языковымъ и Катенькой и современемъ со мною въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Славянскою колонною Венелина. Такъ и надобно было“.

Намъ нечего говорить о томъ, что смерть Гоголя была для Данилевскаго такою же страшной неожиданностью, какъ и для другихъ его друзей. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить донесшемуся до него слуху, но вскорѣ убѣдился въ справедливости его изъ письма Прокоповича, которымъ, разумѣется, былъ сильно пораженъ[1]).

Въ заключеніе ко всему сказанному выше считаемъ нелишнимъ прибавить нѣсколько свѣдѣній, касающихся послѣдующей жизни Данилевскаго.

Въ 1856 году онъ получилъ мѣсто директора училищъ Полтавской губерніи, въ которой оставался до 24 іюня 1861 года. Съ 1871 года былъ кандидатомъ на мирового посредника и вышелъ въ отставку въ 1874 году. Съ тѣхъ поръ онъ поселился почти безвыѣздно въ селѣ Аннenскомъ[2]), гдѣ и скончался 3 апрѣля 1888 года[3]).

[1]) Какъ память Гоголя, въ семействѣ дочери А. С. Данилевскаго (г-жи Баннхъ) хранятся многія книги Гоголя на французскомъ и итальянскомъ языкахъ, преимущественно историческаго содержанія (перечень ихъ см. въ VI т. десятаго изд. соч. Гоголя, стр. 689).

[2]) См. т. I, стр. 93.

[3]) Большинство фактическихъ свѣдѣній о самомъ Данилевскомъ удалось мнѣ узнать отъ семьи покойнаго, такъ какъ самъ онъ, по преувеличенной скромности, неохотно сообщалъ лично о себѣ.

За нѣсколько лѣтъ до кончины Александръ Семеновичъ ослѣпъ. Съ молодости онъ часто страдалъ безсонницей, и чѣмъ становился старше, тѣмъ чаще посѣщала его досадная гостья. Мучась ею, онъ бралъ для разогнанія тоски какую-нибудь изъ любимыхъ книгъ, и, лежа въ постели, предавался чтенію по нѣскольку часовъ, а иногда просиживалъ напролетъ цѣлыя ночи за чтеніемъ. Наконецъ, онъ привыкъ засыпать не иначе, какъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго чтенія. Обладая съ дѣтства превосходнымъ зрѣніемъ, онъ былъ далекъ отъ мысли предполагать грозившую ему опасность и замѣтилъ ее только тогда, когда неожиданно почувствовалъ невыносимое нервное разстройство. Этотъ недугъ, какъ оказалось послѣ, былъ близкимъ предвѣстникомъ совершенной потери зрѣнія.

Грустно доживалъ Данилевскій послѣдніе годы. Хотя несчастіе его сильно смягчалось попечительными заботами о немъ всей любящей семьи, но самая необходимость пользоваться постоянно чужою помощью, особенно для чтенія, была въ высшей степени тягостна. Какъ мы упоминали, интересъ къ литературѣ не оставлялъ его и во время болѣзни, буквально до послѣднихъ часовъ жизни. Еще въ день смерти онъ попросилъ одного изъ сыновей прочитать отрывки изъ „Евгенія Онѣгина“, но уже не былъ въ состояніи слушать чтеніе. Наконецъ, послѣ продолжительной и весьма тяжкой болѣзни, онъ тихо скончался, сидя въ креслѣ. Замѣчательно, что эстетическія наклонности покойнаго сказались и въ предсмертныхъ его распоряженіяхъ; такъ, онъ завѣщалъ похоронить себя въ саду, близъ деревенской церкви, желая какъ бы и послѣ смерти быть ближе къ природѣ, по красотамъ которой онъ такъ сильно тосковалъ, лишившись зрѣнія. Такимъ образомъ, Данилевскій, можно сказать, умеръ идеалистомъ, однимъ изъ послѣднихъ представителей вымирающаго поколѣнія, завѣщавшаго намъ, подобно ему, не погашать въ себѣ, посреди заботъ холодной практической жизни, искру любви къ поэзіи и ко всему изящному.

Не можемъ не указать еще на одну замѣчательную и весьма симпатичную черту въ личности Данилевскаго: никогда, до самой смерти, не относился онъ съ недоброжелательствомъ къ новымъ поколѣніямъ и къ новымъ движеніямъ въ литературѣ.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ его автобіографическаго очерка, помѣщеннаго имъ въ одномъ изъ писемъ:

„Ни зависть, ни стяжаніе не входятъ въ элементы моего характера. Страсть къ наживѣ никогда не овладѣвала мною. Я скроменъ и скорѣе робокъ по моей натурѣ. Въ молодости, какъ всѣ мы, я любилъ удовольствія, но никогда не предавался имъ, очертя голову. Никогда не дѣлалъ долговъ: боялся ихъ пуще всего на свѣтѣ. И теперь какой-нибудь незначительный долгъ въ аптеку уже заставляетъ меня безпокоиться. Я не могу себѣ представить, какъ иные[1]), имѣя столько долговъ на шеѣ, могутъ спать спокойно.

„Я безпеченъ и довѣрчивъ, но полагаю, что умѣю различать и цѣнить людей. Несмотря на то, что моя оцѣнка грѣшитъ скорѣе снисхожденіемъ (можетъ быть, потому, что и самъ нуждаюсь въ снисхожденіи), нежели строгостью, не помню, чтобы когда-нибудь сильно обманулся въ ней. Съ удовольствіемъ могу сказать, что, не обладая никакими особенно выдающимися талантами, нерѣдко возбуждающими зависть при среднемъ уровнѣ характера, я никогда не имѣлъ враговъ въ серьезномъ смыслѣ этого слова и недостатка въ людяхъ, искренно расположенныхъ ко мнѣ. Бывши школьникомъ, я былъ любимъ моими товарищами и всю жизнь пользовался дружбою нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я не лицемѣръ, и своихъ симпатій, такъ же какъ и антипатій, скрывать не умѣю. Лесть и мелкое угодничество, играющее такую полезную роль въ практической жизни, были чужды моей натурѣ и никогда не уживались съ ней. Я не лишенъ въ извѣстной дозѣ ни самолюбія, ни эгоизма. Я вспыльчивъ и щекотливъ. Я живо чувствую оскорбленія и долго не забываю ихъ, особенно когда они касаются той святыни, именуемой честью, которую я глубоко храню въ моей душѣ и ревниво оберегаю. Въ этомъ и только въ этомъ я злопамятенъ...“

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ фамилія одного лица.

Изъ другихъ лицъ близкихъ къ Гоголю коснемся дальнѣйшей судьбы только нѣкоторыхъ.

Братъ Александры Осиповны Смирновой, Аркадій Осиповичъ Россетъ, былъ впослѣдствіи виленскимъ губернаторомъ, товарищемъ министра государственныхъ имуществъ и сенаторомъ. Левъ Ивановичъ Арнольди, demi-frère Александры Осиповны, породнился съ другимъ близкимъ Гоголю семействомъ — Свербеевыхъ, женившись въ 1853 г. на дочери тѣхъ корреспондентовъ Гоголя, которымъ принадлежали напечатанныя выше письма по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Изъ дочерей Смирновой, упоминавшихся въ нашемъ разсказѣ, старшая, Ольга Николаевна, жила послѣдніе годы жизни въ Парижѣ, гдѣ и скончалась въ декабрѣ 1893 г.: другая Надежда Николаевна (Соренъ) здравствуетъ и живетъ въ настоящее время въ Москвѣ. Марья Яковлевна Овербекъ, весьма уважаемая и любимая всѣмъ семействомъ гувернантка Смирновыхъ, пользовавшаяся такимъ уваженіемъ Гоголя, что онъ называлъ ее „восьмое чудо свѣта", доживала свой вѣкъ въ Дрезденѣ и въ послѣдніе мѣсяцы, извѣщенная о предположеніи „Русской Старины" напечатать переписку Александры Осиповны съ Гоголемъ, съ нетерпѣніемъ ожидала ея появленія, продолжая живо интересоваться всѣмъ, что̀ касалось какъ близкаго и дорогого для нея семейства Смирновыхъ, такъ и воспоминаній о Гоголѣ; но увидѣть переписку въ печати ей не удалось: она скончалась 4 декабря 1887 г., переписка же стала печататься въ началѣ 1888 г.[1])

Толстые долго жили въ Москвѣ по смерти Гоголя: Александръ Петровичъ скончался въ 1874 г. (см. статью о немъ Т. И. Филиппова въ „Гражданинѣ", 1874, № 4 и пр.), а вдова его, Анна Георгіевна, нѣсколько лѣтъ тому назадъ умерла въ глубокой старости въ Москвѣ, она вела послѣдніе годы совершенно отшельническую жизнь.

---

[1]) Ср. выше, стр. 288.

Затѣмъ желающіе могутъ найти обстоятельныя свѣдѣнія о семействѣ Віельгорскихъ въ замѣткѣ М. А. Веневитинова въ „Русской Старинѣ“ (1888, VI); о Прокоповичѣ — въ извѣстной статьѣ Гербеля въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, о Репниной — въ „Русскомъ Архивѣ“, 1897, VII.

Назовемъ далѣе нѣкоторыхъ изъ лицъ, знавшихъ Гоголя болѣе поверхностно, но упоминаемыхъ въ нашемъ трудѣ и здравствующихъ донынѣ: Ульяна Григорьевна Данилевская, М. П. Балабина, нынѣ г-жа Вагнеръ, по слухамъ проживающая или, по крайней мѣрѣ, жившая недавно въ томъ самомъ Римѣ, которымъ она такъ восхищалась вмѣстѣ съ Гоголемъ, Викторъ Владиміровичъ Апраксинъ, Павелъ Васильевичъ Жуковскій, М. А. Хомякова; также живъ духовникъ Гоголя, состоящій нынѣ настоятелемъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ и пр. О дальнѣйшей судьбѣ такихъ лицъ, какъ Жуковскій, Плетневъ, Аксаковъ, А. С. Хомяковъ, Анненковъ, Шевыревъ, Погодинъ и др., было бы, конечно, говорить совершенно излишне.

Изъ сестеръ Гоголя въ настоящее время осталась въ живыхъ только самая младшая, Ольга Васильевна Головня; живетъ въ Васильевкѣ. О другихъ родственникахъ Гоголя читатель можетъ найти нѣкоторыя свѣдѣнія въ статьѣ покойнаго Г. П. Данилевскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1896, декабрь).

Къ вопросу о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“.

CXLVIII.

Исторія второго тома „Мертвыхъ Душъ“ является самымъ труднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма любопытнымъ вопросомъ при изученіи творчества Гоголя: Трудъ остался недовершеннымъ, и далеко не все сохранилось даже изъ того, что̀ было уже написано и обработано авторомъ; тѣмъ менѣе можно дѣлать увѣренныя заключенія о дальнѣйшемъ, *предположенномъ,* содержаніи конца второго и обо всемъ третьемъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тайной не только автора, но и съ тѣмъ, что̀ было и осталось тайной для него самого. Благодаря всему этому многое въ „Мертвыхъ Душахъ“ будетъ представлять, конечно, вѣчную загадку. Намъ кажется, однако, не лишнимъ указать нѣсколько новыхъ соображеній, на которыя можетъ навести внимательное изученіе дошедшихъ до насъ обломковъ знаменитой поэмы.

Чтобы облегчить себѣ разборъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, бросимъ сперва взглядъ на особенности, отличающія его отъ перваго тома.

Прежде всего, какъ извѣстно, содержанію второго тома даетъ особую окраску проникающая его тенденція въ духѣ позднѣйшихъ взглядовъ Гоголя: тогда какъ въ первомъ томѣ передъ нашими глазами поочередно проходятъ заботливые и безпечные помѣщики-хозяева, опытные и неумѣлые, — во второмъ каждый изъ нихъ изображается сверхъ того искуснымъ или неискуснымъ не только въ хозяйствѣ, но и въ „*наукѣ жизни*“ (при чемъ обыкновенно по мѣрѣ усиленія тенденціи блѣднѣютъ художественныя достоинства и краски произведенія). Эта теорія всецѣло переноситъ насъ въ новую стадію Гоголевскаго творчества; она сильно напоминаетъ „Переписку съ друзьями“, сочиненіе, порожденное, очевидно, болѣзненнымъ настроеніемъ и узкимъ взглядомъ на жизнь, полу-

чившими здѣсь блѣдное выраженіе въ эпизодѣ объ Александрѣ Петровичѣ, который именно и является однимъ изъ „учителей жизни". Г. Чижовъ въ своей статьѣ „Послѣдніе годы Гоголя" справедливо замѣчаетъ: „Эта наука жизни — очевидно, та самая наука, которая преподана Гоголемъ въ его „Перепискѣ" и учила сочетать искусство практической наживы съ бездѣятельностью мысли, подчиняющейся внѣшнему авторитету" [1]). Желая теперь изобразить идеальныхъ людей въ родѣ Костанжогло, Гоголь ставитъ на противоположной сторонѣ уже не распущенныхъ мечтателей или кутилъ, противопоставленныхъ въ первомъ томѣ помѣщикамъ-скопидомамъ, но временно опустившихся, слабовольныхъ людей, способныхъ возродиться къ иной — лучшей жизни. Такимъ образомъ съ матеріальной почвы дѣло переносится на почву нравственную.

Затѣмъ мѣстами проглядываетъ другая тенденція — поставить выше теоретическаго образованія познаніе русскаго человѣка. Для Гоголя всегда огромное значеніе имѣлъ вопросъ о разумномъ и ложномъ воспитаніи, самымъ кореннымъ образомъ связанный, по его убѣжденію, съ правильнымъ руководствомъ національныхъ особенностей воспитанниковъ. Такъ и въ каждомъ изъ изображенныхъ имъ во второмъ томѣ безпутныхъ людей таятся болѣе или менѣе богатыя силы, принадлежащія вообще русскому народу, но часто пропадающія отъ недостатка хорошо направленной воспитаніемъ собственной воли и отсутствія энергичнаго посторонняго вліянія. На Хлобуевѣ Гоголь особенно хотѣлъ дать почувствовать читателямъ, какъ много хорошихъ русскихъ силъ гибнетъ отъ вялаго и соннаго отношенія къ жизни. Хлобуевъ далеко не лишенъ привлекательныхъ нравственныхъ задатковъ, а временами положительно располагаетъ къ себѣ своей честностью и необыкновенной добротой. Онъ превосходно понимаетъ чужіе недостатки, обнаруживаетъ вообще большую остроту и мѣткость сужденія, но становится способнымъ на что-нибудь полезное только послѣ того, какъ Муразовъ отыскалъ и указалъ ему занятіе. На новомъ пути онъ проявитъ уже на дѣлѣ свои недюжинныя способности и чудную душу; пока, въ переходномъ фазисѣ его духовнаго развитія, Гоголь заставляетъ его читать въ тяжелыя минуты „житія страдаль-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1872, VII, стр. 433.

цевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой превыше страданій и несчастія".

Съ другой стороны при изображеніи Костанжогло Гоголь руководился своимъ всегдашнимъ убѣжденіемъ въ преимуществахъ близкой къ природѣ сельской жизни передъ искусственной, городской. Извѣстно, что лично о себѣ Гоголь сознавалъ и не разъ высказывалъ, что онъ не рожденъ быть помѣщикомъ и хозяиномъ[1]); но это не мѣшало ему всегда высоко ставить занятія сельскимъ хозяйствомъ. Еще въ 1829 г. онъ писалъ матери: „Что̀ за счастье дослужиться въ пятьдесятъ лѣтъ до какого-нибудь статскаго совѣтника, пользоваться жалованьемъ, едва стающимъ себя содержать прилично, и не имѣть силы принести на копѣйку добра человѣчеству! Смѣшны мнѣ очень петербургскіе молодые люди: они безпрестанно кричатъ, что они служатъ совершенно не для чиновъ и не для того, чтобы выслужиться. Спросите же только ихъ, для чего они служатъ, — они не будутъ сами въ состояніи сказать: такъ, для того, чтобы не сидѣть дома и не бить баклуши. *Еще глупѣе тѣ, которые оставляютъ отдаленныя провинціи, гдѣ имѣютъ помѣстья, гдѣ могли бы быть хорошими хозяевами и принести несравненно больше пользы*, или, если дворянину непремѣнно нужно служить, служили бы въ своихъ провинціяхъ: такъ нѣтъ! надо потаскаться въ Петербургѣ, гдѣ мало того, что ничего не получатъ, но сколько еще перетаскаютъ денегъ изъ дому, которыя здѣсь истребляются непремѣнно въ большомъ количествѣ"[2]). Косвеннымъ образомъ Гоголь высказалъ или подразумѣвалъ ту же самую мысль о преимуществахъ скромныхъ, но полезныхъ занятій сельскимъ хозяйствомъ передъ пустой свѣтской жизнью, и въ извѣстномъ небольшомъ лирическомъ отступленіи при сравненіи Коробочки съ ея сестрой-аристократкой. Но всего опредѣленнѣе онъ высказалъ этотъ взглядъ однажды въ письмѣ къ матери, гдѣ онъ прямо говорилъ, что умѣть хорошо управлять имѣніемъ „важнѣе всѣхъ прочихъ занятій, которыя обыкновенно служатъ только для гостиныхъ и для наружнаго блеска"[3]). Наконецъ въ 1841 г. Гоголь писалъ своему

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 362—363.

[2]) Отрывокъ изъ письма къ матери отъ 24 іюля 1829 г., еще не бывшій въ печати.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 429.

другу Данилевскому: „Оглянись вокругъ себя и протри глаза. Неужели до сихъ поръ не видишь ты, во сколько разъ кругъ дѣйствія въ Семеренькахъ можетъ быть выше всякой должности и ничтожно-видной жизни, со всѣми удобствами и блестящими комфортами! Неужели до сихъ поръ ни разу не пришло тебѣ въ умъ, что у тебя цѣлая область въ управленіи, что здѣсь, имѣя одну только крупицу, ничтожную крупицу ума и сколько-нибудь занявшись, можно произвести много для себя внѣшняго и еще болѣе для себя внутренняго“[1]). Въ поэмѣ тѣ же мысли приписываются Тентетникову: „Я помѣщикъ; званье это не бездѣльно. Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи ввѣренныхъ мнѣ людей, чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія?“[2]) Но то, что̀ не удалось осуществить неумѣлому Тентетникову, пришлось, какъ извѣстно, по силамъ и составило задачу жизни Костанжогло...

Кажется, женитьба на Уленькѣ и возвращеніе къ дѣятельной жизни должны были произвести въ томъ же благотворномъ направленіи переворотъ и въ Тентетниковѣ. Но уже безъ всякаго сомнѣнія мы замѣчаемъ существенную разницу въ данномъ случаѣ въ отношеніи самого героя поэмы: во второмъ томѣ онъ все больше склоняется къ мысли сдѣлаться уже не фиктивнымъ, а настоящимъ помѣщикомъ, и постепенно начинаетъ входить во вкусъ деревенской жизни. Это проходитъ красной нитью черезъ весь второй томъ. Авторъ какъ будто постепенно подготовляетъ, на протяженіи всего тома, нравственное возрожденіе Чичикова, которое должно было дать содержаніе послѣдней части произведенія, гдѣ бывшему покупщику мертвыхъ душъ предстояло совершенно отрѣшиться отъ ложныхъ приманокъ искусственной жизни и предаться наслажденію уже честнымъ трудомъ въ собственной деревнѣ. Во второмъ томѣ начинаетъ замѣтно обозначаться это новое настроеніе Чичикова, усиленіе котораго каждый разъ сопровождается искреннимъ желаніемъ его исправиться и возродиться къ новой жизни, тогда какъ наоборотъ, во всѣхъ случаяхъ, когда добрые инстинкты снова заглушаются въ немъ дурными, деревня и мирная жизнь начинаютъ рисоваться Чичикову блѣднѣе.

---

[1]) Тамъ же, стр. 446—447.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр: 290; см. также ниже, приложеніе къ стр. 738.

Въ связи съ указаннымъ находится и еще одно важное различіе между первымъ и вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ": въ послѣднемъ изображеніе главнаго героя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, уступая побочнымъ тенденціознымъ цѣлямъ автора, отодвигается уже на менѣе видный планъ, а вмѣстѣ съ нимъ — и мертвыя души, которыя являются здѣсь на сцену значительно рѣже. Въ противоположность первому тому, гдѣ Чичиковъ постоянно находится въ дорогѣ, а жизнь помѣщиковъ и чиновниковъ изображается ровно настолько, насколько она раскрывалась наблюдательному взору героя, — во второмъ — авторъ гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе вводитъ насъ въ сферу внутренней жизни каждаго новаго лица, описывая, независимо отъ впечатлѣній героя, предшествующую жизнь помѣщиковъ, ихъ привычки и знакомства. Мѣсто дѣловыхъ разговоровъ о мертвыхъ душахъ заступаютъ здѣсь простыя застольныя бесѣды, очень живыя и любопытныя, но уже не всегда имѣющія прямое отношеніе къ основной темѣ произведенія. Кромѣ того, вообще говоря, во второмъ томѣ уже не столько изображаются измѣнчивыя дорожныя впечатлѣнія, сколько мирныя и опредѣленныя картины деревенской жизни, выступающія здѣсь впервые на самый видный планъ, тогда какъ въ первомъ томѣ преимущественно описываются или дорога, или торгъ мертвыми душами, или же городъ и его чиновники, его мужское и дамское общество.

Это различіе было замѣчено вскользь еще однимъ критикомъ тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ второго тома. Объ этомъ томѣ, собственно говоря, почти вовсе не было сколько-нибудь обстоятельныхъ критическихъ статей, что̀ и понятно въ виду появленія его въ печати въ незаконченномъ и необработанномъ видѣ. Но заслуживаетъ упоминанія небольшая статейка въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ"[1]), начинающаяся слѣдующими словами: „Какое-то странное, неопредѣленное чувство тѣснится въ грудь, какъ берешься за томъ посмертныхъ сочиненій Гоголя, какъ пересматриваешь эти клочки, эти несвязные отрывки черновой тетради, случайно спасшіеся отъ истребленія и являющіеся теперь въ видѣ продолженія и даже заключенія къ „Мертвымъ Душамъ". — Въ сущности авторъ

---

[1]) 1855 г., № 205.

статьи, ссылаясь на неудобство судить о произведеніи по обрывкамъ, отклоняетъ отъ себя оцѣнку второго тома и даже прямо заявляетъ, что „эстетическая критика здѣсь совершенно невозможна. Разобрать это произведеніе“, продолжаетъ онъ, „можно развѣ только со стороны проявленія индивидуальности автора и судить только по частностямъ о происшедшей перемѣнѣ въ воззрѣніи автора на предметы, къ чему особенно удобны двѣ послѣднихъ главы изъ пяти уцѣлѣвшихъ. Но подробное техническое изслѣдованіе творчества автора, творчества, бывшаго результатомъ скорбныхъ, трудныхъ минутъ его жизни, дѣло скорѣе біографа Гоголя, или того, кто задумалъ бы подробно, въ широкихъ размѣрахъ и приличной рамѣ, очертить всю дѣятельность этого писателя въ русской литературѣ и все значеніе его въ русской жизни“. Тѣмъ не менѣе критикъ дѣлаетъ одно вполнѣ справедливое и существенно важное замѣчаніе, — что во второмъ томѣ Гоголь *съ особенной охотой останавливается на ландшафтныхъ изображеніяхъ, часто оставляя ради этихъ картинъ героевъ повѣсти*, и столь же вѣрно признаетъ широкій размахъ кисти и мастерство Гоголя въ первыхъ главахъ второго тома, особенно въ главѣ о Тентетниковѣ; но по поводу главы о Пѣтухѣ замѣчаетъ, что она „представляетъ рядъ комическихъ сценъ, которыя дышатъ неподдѣльнымъ юморомъ, *хоть, къ сожалѣнію, эти сцены и представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ лучшаго въ книгѣ.* Слѣдующія затѣмъ сцены уже гораздо и гораздо слабѣе. Въ этихъ сценахъ и главахъ авторъ впадаетъ въ какое-то резонерство и, видимо, насилуетъ свой талантъ“ и проч.

CXLIX.

Что̀ касается плана, то, такъ какъ, по словамъ третьяго письма по поводу „Мертвыхъ Душъ“, „по давно принятому авторомъ плану для первой части поэмы требовались люди ничтожные“[1]), несомнѣнно, во-первыхъ, что планъ этотъ выработался далеко *не сразу*, не съ самаго начала, — и если А. О. Смирнова еще въ тридцатыхъ годахъ отмѣтила однажды въ своемъ дневникѣ: „Пушкинъ просилъ моего по-

---

1) Соч. Гоголя, изд. 10, т. IV, стр. 89.

кровительства Чичикову противъ суровости цензуры[1], то здѣсь мы имѣемъ дѣло еще съ отголоскомъ первоначальнаго, такъ сказать, Пушкинскаго плана, состоявшаго сначала впрочемъ почти только въ простомъ предположеніи, что Гоголь воспользуется для поэмы своими замѣтками, сдѣланными во время путешествія, и во-вторыхъ, что до *извѣстной степени*, хотя и весьма немного, измѣненный планъ не могъ не отразиться хотя бы въ концѣ перваго тома, какъ съ другой стороны, что̀ также достовѣрно извѣстно, второй томъ начатъ еще до напечатанія перваго[2]) и начальныя главы его писались, быть можетъ, еще отчасти по прежнему плану. Сохранились даже слѣды позднѣйшихъ вставокъ въ эти главы въ томъ же духѣ, въ какомъ были сдѣланы нѣкоторыя вставки въ концѣ перваго тома, о которомъ Н. С. Тихонравовъ говоритъ, что, читая ихъ, „чувствуешь, какъ мысль автора уже занята работой надъ нѣкоторыми подробностями второго тома „Мертвыхъ Душъ“ [3]). Съ другой стороны, по словамъ Анненкова, вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ была даже окончена въ первоначальномъ очеркѣ въ 1842 году[4]). Наконецъ страницы о воспитаніи Тентетникова, очевидно, были включены позднѣе, чѣмъ написана остальная часть главы. Не безъ основанія, конечно, Анненковъ сказалъ также, что „вдохновенные, лирическіе возгласы, частое провозвѣстіе близкаго и великаго будущаго, до того совпадаютъ съ годами и эпохами окончанія разныхъ частей романа, съ намѣреніями автора въ отношеніи ихъ, что могутъ служить несомнѣнными свидѣтельствами хода его работъ и предпріятій“ [5]). Напечатанныя Н. С. Тихонравовымъ позднѣйшія замѣтки, относящіяся къ первой части и принадлежащія къ 1845—1846 г.[6]), въ свою очередь, указываютъ на предположеніе Гоголя перестроить соотвѣтственно второй части уже конченный и напечатанный первый томъ[7]). *Самое* же начало

---

1) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, т. III, стр. 141.

2) См. примѣч. въ VII т. X изд. сочиненій Гоголя, стр. 485 и проч.

3) Соч. Гоголя, изд. 10, т. III, стр. 417.

4) «Критическіе очерки и воспоминанія» Анненкова, т. I, стр. 231.

5) «Критическіе очерки и воспоминанія» Анненкова, т. I, стр. 218.

6) Соч. Гоголя, изд. 10, т. III; также см. «Страницы, передѣланныя по выходѣ въ свѣтъ первой части «Мертвыхъ Душъ», въ VII томѣ того же изданія.

7) Тамъ же, т. 3, стр. 255.

второго тома въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, думается намъ, было написано еще *до измѣненія* плана, такъ какъ еще заключаетъ въ себѣ оправданіе изображенію темныхъ сторонъ русской жизни. Въ виду этого мы можемъ принять только въ очень условномъ смыслѣ замѣчаніе одного критика, что начало второго тома можно сравнить съ оперной увертюрой, гдѣ уже слышится господствующій мотивъ пьесы". („Отеч. Записки", 1866, отд. 2, стр. 454). Здѣсь особенно важны слѣдующія строки: „чтд жъ дѣлать, если такого свойства сочинитель и такъ ужъ заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, *и такъ ужъ устроенъ талантъ его*"[1]). Тогда, слѣдовательно, Гоголь еще не признавалъ въ себѣ, какъ позднѣе, таланта изображать также и идеальныя лица. Приведенныя строки вытекли, очевидно, изъ того же самаго настроенія, которое намъ хорошо извѣстно по исправленной редакціи повѣсти „Портретъ"[2]), по „Театральному Разъѣзду" и наконецъ по первоначальной редакціи перваго тома „Мертвыхъ Душъ"[3]), гдѣ Гоголь говоритъ: „А развѣ мнѣ всегда весело бороться съ ничтожнымъ грузомъ мелкихъ страстей, итти объ руку съ моими ничтожными героями?"[4]) и проч. Можно догадываться, что если только-что приведенныя строки относятся къ 1840 году, то приблизительно въ то же время, или развѣ лишь немного позднѣе, были написаны и вступительныя строки ко второму тому, которыя какъ по своему характеру и внутреннему содержанію, такъ слѣдовательно и по времени написанія, несомнѣнно далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ строкамъ въ „Авторской Исповѣди", въ которыхъ Гоголь задается цѣлью, чтобы по прочтеніи сочиненія предсталъ, какъ бы невольно, весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю преимущественно передъ другими народами. Чтобы осуществить такую высокую цѣль, Гоголь рѣшился „хорошо взвѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 279.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 82—83 и 589.

[3]) Тамъ же, стр. 59.

[4]) Тамъ же.

Отзывы критиковъ о второмъ томѣ мы разбираемъ здѣсь довольно подробно между прочимъ въ виду слѣдующаго замѣчанія А. Ѳ. Писемскаго: «чѣмъ болѣе припоминаешь и вдумываешься въ судьбу произведеній Гоголя, въ его эстетическія положенія, въ признанія, тѣмъ болѣе начинаешь обвинять не столько его, сколько

сить и оцѣнить (добродѣтели и недостатки), и объяснить себѣ самому ясно, чтобы не возвести въ достоинство того, что̀ есть грѣхъ нашъ, и изобразить смѣхомъ вмѣстѣ съ недостатками нашими и того, что̀ есть въ насъ и достоинство".

Приведя эти строки въ своей статьѣ о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ", покойный А. Ѳ. Писемскій, прекрасно знакомый не по одной только теоріи, но что̀ гораздо важнѣе, по долговременному и блестящему опыту, съ законами художественнаго творчества, находилъ пріемъ Гоголя крайне ненормальнымъ и искусственнымъ; онъ замѣчаетъ, что и Шекспиръ, когда „воспроизводилъ жизнь въ ея многообразной полнотѣ и создавалъ идеалы добра и порока, никогда ни къ одному изъ своихъ произведеній не приступалъ съ подобнымъ напередъ составленнымъ планомъ" и что невозможно воспроизводить въ художественной картинѣ жизнь, извѣданную не по личнымъ впечатлѣніямъ, а узнанную изъ разныхъ источниковъ, изъ писемъ и разсказовъ. Могутъ сказать: но вѣдь Гоголь и въ юности слѣдовалъ тѣмъ же пріемамъ: и тогда онъ для своихъ малороссійскихъ повѣстей просилъ собирать ему анекдоты и пѣсни, и тогда заранѣе составлялъ себѣ извѣстную программу, которой и старался потомъ слѣдовать[1]). Все это, разумѣется, такъ; но вотъ въ чемъ большая, капитальная разница: и прежде главное содержаніе его разсказовъ обыкновенно почерпалось въ сущности изъ личныхъ впечатлѣній, и уже въ эту оправу вкладывались эпизоды, сюжеты которыхъ были заимствованы изъ народной поэзіи; но тогда, какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ, случалось ему оставлять не рѣдко неоконченными повѣсти „по недостатку повѣствовательнаго, но никакъ не описательнаго матеріала"[2]). Прежде Гоголю, какъ это мы тоже указывали раньше, въ случаѣ полученія имъ, вмѣсто ожидаемыхъ, какихъ-нибудь другихъ матеріаловъ, на которые онъ вовсе даже не разсчитывалъ, приходилось иногда измѣнять не только подроб-

---

публику, критику и даже друзей его! всѣ они какъ бы сообща, не давъ себѣ труда подумать объ истинномъ призваніи, значеніи этого призванія и средствахъ поэта, наперерывъ старались повліять на его впечатлительную душу, кто мыслью, кто похвалою, кто осужденіемъ, напустивъ ему въ глаза всякаго книжнаго и житейскаго тумана, оставили на распутьѣ» («Отеч. Записки», 1855, X, отд. III, стр. 60).

1) «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I, стр. 266.

2) Тамъ же, стр. 256.

ности[1]), но, можетъ быть, и сущность разсказа, а еще чаще сюжетъ и содержаніе разсказа опредѣлялись во многомъ полученными матеріалами, повѣсти же, наименѣе отдалившіяся отъ первоначальнаго замысла, оказывались обыкновенно и менѣе удачными[2]). Теперь же у Гоголя была заранѣе строго опредѣленная канва, но не въ смыслѣ общаго плана, а въ смыслѣ заранѣе намѣченныхъ идеаловъ и цѣлей, которыми онъ ни за что уже не согласился бы поступиться. Отсюда А. Ѳ. Писемскій въ самомъ началѣ своей статьи весьма вѣрно отмѣчаетъ у Гоголя какую-то „напряженность“ или стремленіе сказать больше своего пониманія — словомъ, сказать что-то выше своихъ творческихъ силъ“[3]).

Это замѣчалъ Писемскій и прежде въ изображеніи дѣвушекъ въ его малороссійскихъ повѣстяхъ, пылкой полячки въ „Тарасѣ Бульбѣ“, картинной Аннунціаты, а теперь — чуда по сердцу и еще большаго чуда по наружности — Уленьки“[4]), затѣмъ также „въ созданіи нравственно-здоровыхъ мужскихъ типовъ“, государственнаго мужа и забившагося въ глушь чиновника въ „Театральномъ Разъѣздѣ“, которые онъ признаетъ „ученически слабыми по исполненію. Снабдивъ ихъ идеей, онъ не далъ имъ плоти и крови“. Далѣе такую же напряженность труда въ сторону, совершенно несродную таланту Гоголя, Писемскій видитъ въ изображеніи всѣхъ идеальныхъ типовъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“. По словамъ его, онъ еще задолго до появленія второго тома и, вѣроятно, даже „Переписки“, опасался, что Гоголю не удастся выполнить взятую на себя обширную и несвойственную его таланту задачу, но успокоивалъ себя вѣрой въ громадность его таланта и особенно тѣми благопріятными слухами, которые, повидимому, должны были разсѣять опасенія.

CL.

Укажемъ различіе пріемовъ автора въ обоихъ томахъ.

Въ первомъ томѣ маршруты Чичикова опредѣляются обыкновенно заранѣе намѣченной цѣлью и сдѣланными въ городѣ знакомствами, а также отчасти случайными причинами;

---

1) «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I, стр. 262.

2) Тамъ же, стр. 176.

3) «Отеч. Записки», 1855 г., № 10, отд. 3, стр. 58.

4) Тамъ же, стр. 58.

во второмъ — случайныя обстоятельства играютъ уже главную роль, и притомъ разсказъ вездѣ расположенъ такъ, что каждая поѣздка Чичикова раскрываетъ передъ читателемъ взаимныя отношенія нѣсколькихъ лицъ, вводя его постоянно въ новую небольшую группу помѣщиковъ, связанныхъ между собою знакомствомъ, родствомъ или дружбой. Дальнѣйшій путь обыкновенно обусловливается какой-нибудь случайной встрѣчей или неожиданнымъ поводомъ въ разговорѣ къ новой поѣздкѣ. Это мы видимъ съ самаго начала второго тома, который, какъ извѣстно, въ виду естественныхъ художественныхъ соображеній, требовавшихъ разнообразія повѣствовательныхъ пріемовъ, открывается описаніемъ усадьбы Тентетникова, а потомъ уже — отношенія къ Тентетникову вовлекаютъ Чичикова въ цѣлый рядъ новыхъ знакомствъ. Въ предыдущей части разсказъ всюду сопровождалъ Чичикова и постоянно слѣдилъ за его разъѣздами по губерніи; здѣсь сначала изображено новое поприще его дѣятельности, его будущее мѣстопребываніе въ теченіе почти цѣлой весны, и затѣмъ уже является вторично на сцену самый герой.

Если въ первомъ томѣ мы постоянно видимъ Чичикова въ *дорогѣ*, *въ движеніи*, то во второмъ — этотъ пріемъ изображенія удержанъ лишь въ самой ограниченной степени, и притомъ тамъ, гдѣ онъ сохраненъ, повторяются всѣ извѣстныя намъ особенности перваго тома, отчасти даже въ параллельной послѣдовательности: сперва поѣздка къ Тентетникову; затѣмъ, какъ въ первомъ томѣ — къ Манилову, такъ здѣсь отъ Тентетникова къ Бетрищеву; далѣе — по ошибкѣ кучера — Чичиковъ попадаетъ отъ Бетрищева къ Пѣтуху, какъ прежде отъ Манилова — къ Коробочкѣ; потомъ слѣдуетъ случайная встрѣча съ Платоновымъ, какъ прежде съ Ноздревымъ, и проч. Кромѣ того, какъ вѣрно замѣтилъ еще въ пятидесятыхъ годахъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Н. Д. Мизко, дѣйствующія лица второго тома „по творческому замыслу равносильны глубокимъ типамъ первой части, съ которыми имѣютъ даже родство; такъ, Тентетниковъ напоминаетъ Манилова, Платонъ Платоновъ — Мижуева, равно какъ Пѣтухъ — Собакевича, Хлобуевъ — Ноздрева. По сущности же своей, какъ предметы опытной наблюдательности, они составляютъ шагъ впередъ: ибо если въ первой части являются сплошь и рядомъ пошлые люди, которые таковы по-

тому, что иными и быть не могутъ, то во второй мы находимъ людей, въ природѣ которыхъ есть задатки свойствъ лучшихъ, но которые впали въ состояніе нравственной омертвѣлости и стали безполезны себѣ и другимъ".

Наконецъ, какъ мы упомянули, Гоголь вездѣ во второмъ томѣ ставитъ практическую науку жизни выше теоретическаго образованія. Послѣднее клеймится имъ, гдѣ только можно; оно выставляется на позоръ въ извѣстномъ карикатурномъ намекѣ на Грановскаго, но особенно въ совершенно неестественномъ и ярко тенденціозномъ изображеніи Кошкарева. Это можно видѣть особенно въ преднамѣренномъ контрастѣ при изображеніи взглядовъ на народное образованіе и на науку у Костанжогло и Кошкарева; послѣдній полагаетъ напримѣръ, что для того, чтобы „бороться съ невѣжествомъ русскаго мужика, нужно одѣть его въ нѣмецкіе штаны и заставить почувствовать, хотя сколько-нибудь, высшее достоинство человѣка" [1]); онъ жалуется, что бабъ, не смотря на всѣ усилія, онъ до сихъ поръ не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла даже играть на фортепіано, говорила по-французски и дѣлала книксенъ" [2]). Очевидно, изображеніе карикатурныхъ требованій университетскаго образованія отъ простого писаря и особенно нелѣпаго пристрастія Кошкарева къ бумажному производству не достигаютъ цѣли, потому что Кошкаревъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ типъ; это просто психопатъ — и ничего больше. Рисовать такія уродливыя личности можно только ради какой-нибудь задней цѣли. Важно здѣсь, что Гоголь хотѣлъ изобразить Кошкарева человѣкомъ слѣдящимъ, или, по меньшей мѣрѣ, имѣющимъ претензію слѣдить за наукой — и смѣшнымъ выставляется уже не только самъ Кошкаревъ, но даже и тѣ книги въ его библіотекѣ, которыя носятъ такія чудовищныя заглавія, какъ напр. „Предуготовительное вступленіе къ теоріи мышленія въ ихъ общности, совокупности и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ обоюднаго раздвоенья общественной производительности" [3]), — гдѣ встрѣчаются на каждомъ шагу такія слова, какъ развитіе,

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, 341.
2) Тамъ же.
3) Тамъ же, стр. 344.

абстракція, замкнутость, сомкнутость и чортъ знаетъ что̀ такое". Здѣсь ясно проглядываетъ затаенная мысль, что не только книги были выбраны неудачно или что хозяинъ не умѣлъ ими пользоваться, но что и вообще Кошкаревъ хватилъ черезчуръ, выписывая „книги по всѣмъ частямъ: по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, тысячи всякихъ журналовъ, представлявшихъ самыя позднѣйшія развитія и усовершенствованіе по коннозаводству и естественнымъ наукамъ". Напротивъ Костанжогло, учившійся, по собственному сознанію, на мѣдныя деньги, совершаетъ якобы чудеса безъ помощи наукъ и является какимъ-то чудомъ — „всезнаемъ" — лишь по одной рутинной практикѣ. Важно наконецъ, что устами Костанжогло авторъ негодуетъ противъ того, что люди, подобные Кошкареву, „завели конторы и присутствія, и управителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ что̀ такое"[1]). Всѣхъ людей, заботящихся о народномъ образованіи и развитіи фабрикъ и мануфактуръ, Гоголь признаетъ одинаково Донъ-Кихотами. „А вотъ другой Донъ-Кихотъ просвѣщенія: завелъ школы!"[2]) Здѣсь особенно наглядно сказалось вредное вліяніе идей „Переписки съ друзьями" на творчество Гоголя, при чемъ всего прискорбнѣе не ошибочные взгляды его, но пренебреженіе ради нихъ художественной правдой. „Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ"[3]), говоритъ онъ уже прямо отъ своего лица въ „Перепискѣ съ друзьями". Размышленіе же Чичикова о томъ, что у мужика нѣтъ времени для чтенія, вложено имъ въ уста Чичикова: „Ну, врядъ ли выберется такое время. Вотъ я выучился грамотѣ, а графиня Лавальеръ до сихъ поръ еще не прочитана". Гоголь явно иронизируетъ также надъ желаніемъ Кошкарева, чтобы крестьянинъ могъ читать книгу о громовыхъ отводахъ. Итакъ уже съ третьей главы начинаютъ сильно бить въ глаза *фальшивыя тенденціи* и пренебреженіе ради нихъ художественной правдой.

---

1) Тамъ же, стр. 346.
2) Тамъ же, стр. 348.
3) Тамъ же, IV, стр 121.

CLI.

Перейдемъ къ обзору частностей.

Изображеніе прошлой жизни Тентетникова въ первой главѣ вышло у Гоголя несоразмѣрно велико, чтò вовсе не оправдывается ни значеніемъ этой личности въ романѣ, ни общими требованіями плана. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ уже на первыхъ страницахъ тѣ недостатки, въ отношеніи художественнаго распредѣленія частей, которые не могли остаться незамѣченными авторомъ, не безъ основанія признавшимся даже о первомъ томѣ, что „послѣдняя половина книги обработана меньше первой, что въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, что не столько выступаетъ внутренній духъ всего сочиненія, сколько мечется въ глаза пестрота частей и лоскутность его“. Въ виду установленнаго факта позднѣйшаго внесенія въ первую главу всего отдѣла о воспитаніи Тентетникова слѣдуетъ предположить, что новая тенденціозная вставка скорѣе нарушила художественную гармонію цѣлаго и ослабила его достоинства, нежели способствовала болѣе совершенной обработкѣ поэмы. Но проповѣдническія стремленія автора стали брать уже сильный перевѣсъ надъ его художественнымъ тактомъ. Прежде всего чрезвычайно страннымъ представляется то обстоятельство, что Гоголь не связалъ описаніе идеальнаго воспитанія съ изображеніемъ какого-нибудь явившагося у него въ концѣ второго тома положительнаго типа. Зачѣмъ напримѣръ нужно было умереть Александру Петровичу, а Тентетникову — рыдать о томъ, что „не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ“[1]), и почему не пошелъ въ дѣло даръ Александра Петровича „слышать природу русскаго человѣка и его знаніе языка, которымъ нужно говорить съ нимъ?“[2]) Намъ казалось бы, что Гоголю для его

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 296.

[2]) Тамъ же, стр. 283. Г. Чижовъ въ упомянутой статьѣ объясняетъ это такъ: «Такъ какъ Тентетниковъ предназначался не для подвиговъ высокаго промышленнаго борца, а для роли богатаго и лѣниваго помѣщика одной изъ степныхъ губерній Россія, то естественно слѣдовало, что этого ученія не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу» («Вѣстн. Европы», 1872, VII, стр. 131). Самая потребность въ такихъ натянутыхъ объясненіяхъ указываетъ на непослѣдовательность

цѣлей никакъ не слѣдовало упускать случая показать передъ читателями на дѣлѣ, какимъ образомъ „уже въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ *впередъ*" и какъ „изъ этого воспитанія выходили „крѣпыши, обкуренные порохомъ люди", которые были прочны на службѣ и всегда умѣли быть выше непріятностей. Непослѣдовательно было вмѣсто всего этого изобразить Тентетникова *какъ разъ съ противоположными качествами*, благодаря единственно тому, что послѣдній годъ онъ воспитывался при иныхъ, менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Въ виду указанныхъ соображеній мы полагаемъ, что автору предстояло или расширить роль Тентетникова не только въ романѣ вообще, но именно уже *во второмъ томѣ*, или же перенести страницы объ его воспитаніи въ другое мѣсто, измѣнивъ въ значительной степени планъ цѣлаго разсказа. Послѣднее было бы, конечно, не менѣе трудно, чѣмъ первое, потому что тогда пришлось бы нарушить всю послѣдовательность и связь первыхъ главъ.

Еще любопытнѣе, что въ контрастъ Тентетникову, названному авторомъ „увальнемъ" и „лежебокой", далѣе изображенъ именно Костанжогло, учившійся на мѣдныя деньги и не имѣвшій никакого *идеальнаго воспитанія*, но тѣмъ не менѣе постигшій въ совершенствѣ именно *ту самую „науку жизни"*, которую преподавалъ Александръ Петровичъ и „которой не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу" [1]). Во всякомъ случаѣ, если Александру Петровичу приписывалось умѣнье сказать душѣ русскаго человѣка пробуждающее слово *впередъ*, то зачѣмъ же было ему умереть и не передать это именно искусство Тентетникову, которое мы видимъ въ концѣ романа въ Муразовѣ? Не противорѣчитъ ли затѣмъ цѣли, какую имѣлъ въ виду авторъ, изображая Александра Петровича и Муразова, слѣдующее восклицаніе: „вѣка проходятъ за вѣками; полмилліона сидней, увальней и байбаковъ дре-

---

автора. Далѣе Чижовъ прибавляетъ: «Сдѣлавъ кое-какія облегченія для крестьянъ, Тентетниковъ тотчасъ же принимается за хозяйство въ духѣ Костанжогло: показывается на поляхъ, на гумнахъ, на овинахъ, на мельницахъ, у пристани при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ». Онъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ быть живымъ примѣромъ неустаннаго труда для крестьянъ, но это ему не удалось. Все это такъ, но нашъ вопросъ все-таки сохраняетъ полную силу.

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 285.

млетъ непробудно, и *рѣдко рождается* на Руси мужъ, умѣющій произносить его, это всемогущее слово"[1]). Несомнѣнно, затѣмъ, что весь отрывокъ объ Александрѣ Петровичѣ своимъ общимъ содержаніемъ и отдѣльными выраженіями о внутреннемъ воспитаніи и „наукѣ жизни" сильно напоминаетъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями". Такъ, Александръ Петровичъ „высшей степенью ума" называлъ искусство „сохранить посреди какихъ бы то ни было огорченій высокій покой, въ которомъ долженъ пребывать человѣкъ"[2]). Статья „Христіанинъ идетъ впередъ" также признаетъ высшей ступенью ума, или мудростью, умѣнье „возвести душу свою до голубинаго незлобія"[3]). Далѣе Александръ Петровичъ избралъ изъ наукъ „только тѣ, которыя способны образовать человѣка, гражданина земли своей", — и, согласно съ этимъ же убѣжденіемъ, Гоголь временъ „Переписки съ друзьями" просилъ однажды Шевырева купить для своего племянника книгъ, „которыя могли бы отрока, вступающаго въ юношескій возрастъ, познакомить съ Россіей, какъ то: путешествіе по Россіи, исторія Россіи"[4]) и проч. Затѣмъ Александръ Петровичъ знакомилъ своихъ воспитанниковъ со всѣми должностями и ихъ трудностями и училъ ихъ искать труда и быть довольными всякимъ положеніемъ: тѣ же самыя мысли всюду встрѣчаемъ въ „Перепискѣ съ друзьями". Достаточно сходныхъ чертъ!

Изображая въ лицѣ Александра Петровича идеальнаго воспитателя, Гоголь въ сущности имѣлъ въ виду противопоставить его не только карикатурному Ѳедору Ивановичу, который „за столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, а умнымъ оглодки"[5]), но и вообще противополагалъ его методъ „безцвѣтному, холодному, какъ ледъ, общественному обманчивому образованію"[6]). Вообще все это мѣсто представляетъ, несомнѣнно, позднѣйшую вставку, особенно если положиться на слова Анненкова о томъ, что второй

---

1) Тамъ же, стр. 297.
2) Стр. 285.
3) Т. IV, стр. 57.
4) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 435.
5) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 286.
6) Стр. 287.

томъ былъ уже почти готовъ въ первоначальномъ наброскѣ въ 1842 г.: всѣ указанныя идеи сформировались у Гоголя уже *въ половинѣ* сороковыхъ годовъ.

Вторая половина первой главы, начиная съ пріѣзда Чичикова къ Тентетникову, не носитъ уже слѣдовъ позднѣйшихъ вставокъ въ духѣ „Переписки съ друзьями“ и пріемами повѣствованія сильно напоминаетъ первую часть; она, конечно, составляла сперва одно стройное цѣлое съ самымъ началомъ главы. Въ такомъ случаѣ описаніе на первыхъ страницахъ тома прекрасной мѣстности и дивнаго простора, придававшихъ необыкновенную прелесть деревнѣ, имѣло самое тѣсное, непосредственное соотношеніе съ описаніемъ пребыванія въ ней Чичикова и вполнѣ объясняетъ, почему „не разъ, посреди прогулокъ, приходило Чичикову на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому, — т.-е. разумѣется, не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья“[1]). Здѣсь эта первая мечта впервые зарождается въ душѣ Чичикова, но затѣмъ она постоянно и быстро зрѣетъ, что̀ до нѣкоторой степени связано съ дальнѣйшимъ ходомъ разсказа; первоначально же эта связь, не затемняемая посторонними вставками, вѣроятно, должна была выступать еще рельефнѣе; то же должно было, конечно, оказаться и въ окончательной редакціи. Мечта эта присоединяется у Чичикова къ его давнимъ фантазіямъ о „бабенкѣ“ и о будущемъ семействѣ. Далѣе въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первомъ томѣ, изображается, какъ обжились у Тентетникова Чичиковъ, его прислуга и даже лошади. Послѣ этого Гоголь, отступая отъ прежняго плана по требованіямъ дѣла, замѣчаетъ: „Читатель, можетъ быть, изумляется, что Чичиковъ доселѣ не заикнулся по части извѣстныхъ душъ. Какъ бы не такъ! Павелъ Ивановичъ сталъ очень остороженъ на счетъ этого предмета. Если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми, онъ бы и тутъ не вдругъ его началъ“[2]). Мы знаемъ, что такую же осторожность отчасти проявилъ Чичиковъ однажды уже въ первомъ томѣ, когда отъ Ноздрева онъ пріѣхалъ къ Собакевичу и началъ разговоръ съ по-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 306.

[2]) Тамъ же, стр. 307.

слѣднимъ очень издалека. Наконецъ въ первую главу введены отношенія Тентетникова къ генералу Бетрищеву и Уленькѣ отчасти для того, чтобы вмѣшательство Чичикова послужило завязкой дальнѣйшаго разсказа и началомъ новой серіи похожденій героя.

Во второй главѣ узелъ разсказа затягивается сложнѣе и крѣпче: Чичиковъ примиряетъ Тентетникова съ генераломъ Бетрищевымъ и способствуетъ помолвкѣ перваго съ Уленькой. Всѣ имъ довольны; Бетрищевъ считаетъ его другомъ дома, Тентетниковъ называетъ своимъ спасителемъ. Остается узнать, какъ примутъ извѣстіе о предполагаемой свадьбѣ важные родственники генерала, и Чичиковъ вызывается съ этой цѣлью объѣхать ихъ, втайнѣ имѣя въ виду все ту же покупку мертвыхъ душъ[1]). Въ такомъ видѣ была прочитана Гоголемъ вторая глава въ Калугѣ брату А. О. Смирновой, Л. И. Арнольди. На вопросъ о впечатлѣніи послѣдній основательно замѣтилъ Гоголю, что Уленька является у него лицомъ немного идеальнымъ, блѣднымъ, неоконченнымъ[2]) и что такое воплощеніе всевозможнаго совершенства не могло быть результатомъ воспитанія ея отца и глупой англичанки. Любопытно, что, признавъ справедливость этого замѣчанія, Гоголь сказалъ, что въ *послѣдующихъ главахъ Уленька выйдетъ рельефнѣе*". Между тѣмъ, судя по сохранившимся отрывкамъ, разсказъ въ значительной степени принялъ измѣнившееся направленіе, и мы *вовсе не встрѣчаемъ* потомъ ни Уленьки, ни другихъ родственниковъ генерала кромѣ полковника Кошкарева, а вмѣсто нихъ передъ нами является цѣлая группа новыхъ лицъ, при изображеніи которыхъ Гоголь всего больше руководился своими завѣтными тенденціями и намѣреніями. Арнольди приводитъ дальше слова Гоголя о второмъ томѣ: „я вообще не совсѣмъ доволенъ; еще много надо будетъ дополнить, чтобы характеры вышли покрупнѣе", и потомъ прибавляетъ отъ себя: „онъ не былъ доволенъ, а мнѣ казалось, что я не выбросилъ бы ни единаго слова, не прибавилъ ни одной черты: такъ все было обработано и окончено кромѣ одной Уленьки"[3]). Но во-первыхъ, Гоголю

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 71—75.

[2]) Тамъ же, стр. 80—82.

[3]) Тамъ же, стр. 81.

это *кромѣ*, безъ всякаго сомнѣнія, не казалось чѣмъ-то совсѣмъ незначительнымъ, такъ что, услышавъ его, онъ сильно задумался; во-вторыхъ, вѣдь онъ читалъ, разумѣется, наиболѣе обработанныя и удачныя главы, и наконецъ, какъ показываютъ напечатанные фрагменты, между нѣкоторыми изъ нихъ явно недоставало связи и все содержаніе второго тома не было объединено строго проведеннымъ планомъ. Выработкѣ послѣдняго должна была мѣшать между прочимъ неясность нѣкоторыхъ лицъ для самого автора и неполнота матеріала, который зависѣлъ отъ разныхъ случайностей, какъ въ томъ можно убѣдиться уже изъ оставшихся неисполненными просьбъ Гоголя къ Смирновой и Данилевскому присылать ему характеристики замѣченныхъ ими типовъ („городская львица, непонятая женщина, городская добродѣтельная женщина, честный взяточникъ, губернскій левъ, чиновникъ-европеецъ, чиновникъ-староверъ")[1]). Несомнѣнно, что хотя нѣкоторые типы были намѣчены заранѣе, напр. губернскій левъ и непонятая женщина, но во-первыхъ они и намѣчены были только приблизительно, да и случайно Гоголь могъ получать не то, чего просилъ и что̀ назначалъ, и сообразно съ этимъ былъ бы принужденъ измѣнить кое-что въ планѣ, какъ это случалось съ нимъ еще при созданіи „Вечеровъ на хуторѣ". Общій послѣдовательный планъ могъ явиться вообще у Гоголя только послѣ того, *какъ была бы совершенно окончена подготовка матеріаловъ для второго тома, пополнены пробѣлы и пропуски и выяснилась опредѣленная канва*. На самомъ дѣлѣ мы видимъ иное. Такъ напр. разсказъ: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими всякій полюбитъ" въ исправленной редакціи былъ почему-то замѣненъ другимъ, а вмѣстѣ съ нимъ устранено и небольшое размышленіе автора совершенно въ духѣ „Переписки съ друзьями": „Одному была смѣшна неповоротливость нѣмца; другому смѣшно было оттого, что смѣшно изворотились плуты, третьему было грустно, что совершился несправедливый поступокъ. *Не было тамъ четвертаго,* который бы задумался именно надъ этими словами, произведшими смѣхъ въ одномъ и грусть въ другомъ. Что̀ значитъ, однакоже, что и въ паденьи своемъ гибнущій грязный человѣкъ требуетъ любви

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 347 и 360.

къ себѣ. Животный ли инстинктъ это? или слабый крикъ души, заглушенной тяжелымъ гнетомъ подлыхъ страстей, еще вопіющій: „братъ, спаси!“ Не было четвертаго, которому бы тяжелѣе всего была погибающая душа его брата“ [1]).

Другая чрезвычайно важная причина, вслѣдствіе которой Гоголю трудно было измѣнить однажды принятый планъ, заключалась въ томъ, что если напр. Арнольди въ то время, когда онъ указывалъ на безцвѣтность Уленьки, замѣченный недостатокъ могъ казаться и казался дѣйствительно второстепеннымъ и несущественнымъ, — то Гоголю представлялась здѣсь основательная причина для глубокаго и тяжелаго раздумья:

Вѣдь изображеніе Уленьки задумано было давно; оно самымъ существеннымъ образомъ входило въ программу второго тома. Когда Гоголь говорилъ, что, можетъ быть, „въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самопожертвованія“, — то великій мужъ мерещился ему въ будущемъ

---

[1]) Объ этомъ разсказѣ А. Ѳ. Писемскій съ замѣчательной проницательностью, не зная, конечно, объ его происхожденіи, замѣтилъ: «видимо, что анекдотъ этотъ подслушанъ у разсказчика, придавшаго мастерствомъ разсказа самому анекдоту значеніе, котораго въ немъ нѣтъ. Поставленъ онъ съ понятной цѣлью вызвать отъ генерала нѣсколько честныхъ и энергическихъ замѣчаній насчетъ взятокъ». («Отеч. Зап.», 1855, № 10, отд. 3, стр. 69.)

Писемскій, приведя описаніе Уленьки, дѣлаетъ, однакоже, слишкомъ ужъ суровое замѣчаніе: «Описаніе это, по моему мнѣнію, ниже самыхъ напыщенныхъ описаній великосвѣтскихъ героинь Марлинскаго, потому что тамъ по крайней мѣрѣ видно больше знанія дѣла и положено много остроумія. Тонъ рѣчи этой восемнадцатилѣтней дѣвушки превосходитъ своей фальшивостью самое описаніе». Здѣсь сравненіе критикомъ нашего писателя съ Марлинскимъ оказывается не въ пользу перваго, — сравненіе съ тѣмъ самымъ Марлинскимъ, котораго на первыхъ страницахъ своей статьи при общемъ сравненіи таланта Гоголя съ нѣкоторыми современными ему повѣствователями онъ же ставитъ такъ безмѣрно ниже Гоголя. Глубоко далѣе слѣдующее замѣчаніе Писемскаго: «Грустнѣй всего, что эти ошибки великаго мастера *не могутъ быть извинены недоконченностью въ отдѣлкѣ*» (эти слова *чрезвычайно важны*) «или какими-нибудь пропусками, а напротивъ, ясно видно, что все это сдѣлано съ умысломъ, съ цѣлью поразить читателя, и въ то же время безъ всякаго эстетическаго уха».

Припомнивъ эти глубоко вѣрныя строки, мы можемъ еще живѣе представить себѣ степень непріятнаго дѣйствія па Гоголя приведеннаго нами отзыва Арнольди.

Костанжогло или Муразовѣ, а чудная русская дѣвица — въ образѣ Уленьки. Теперь, по прошествіи болѣе, чѣмъ семилѣтняго труда надъ вторымъ томомъ и въ частности надъ характеромъ Уленьки, ему вдругъ говорятъ, что она вышла у него слишкомъ блѣдною. Гоголь, конечно, и самъ не могъ не чувствовать справедливости этого замѣчанія; потому-то, страдая отъ жестокаго нравственнаго раздвоенія, онъ долженъ былъ содрогаться въ глубинѣ души, слыша такой судъ, если отъ пристрастнаго, то развѣ только въ его пользу, Арнольди. Вѣдь оказывалось теперь, что „доселѣ“ (т.-е. въ началѣ сороковыхъ годовъ) „недотронутыя струны“ остались и въ 1849 г. все тѣми же „доселѣ недотронутыми“.

Далѣе вслѣдствіе пропусковъ многихъ страницъ оказывается разорванной связь между второй и третьей главами, и остается неизвѣстнымъ, напр., была ли описана внутренность генеральскаго дома, убранство его комнатъ, какъ должно бы быть согласно плану перваго тома и нѣкоторыхъ главъ втoрого, — напр. той главы, гдѣ изображенъ Костанжогло. Благодаря разсказу Арнольди, можно впрочемъ догадываться, что начальныя строки третьей главы: „нѣтъ, я не такъ распоряжусь: будетъ у меня и поваръ, и домъ, и хозяйственная часть въ порядкѣ“[1]) — представляютъ повтореніе однажды уже выраженнаго Чичиковымъ недовольства запущенностью имѣнія Тентетникова. Это подтверждается и тѣмъ, что, по свѣдѣніямъ того же источника, Чичиковъ выѣхалъ въ путь отъ Тентетникова, лишь только ему была прислана отъ генерала Бетрищева коляска. Такимъ образомъ въ началѣ третьей главы въ не дошедшей до насъ редакціи авторъ вторично указывалъ на все болѣе возраставшее желаніе Чичикова поселиться въ деревнѣ: это желаніе Чичиковъ повторяетъ нѣсколько разъ въ продолженіе одной главы; оно еще сильнѣе разгорается въ немъ подъ впечатлѣніемъ катанья на катерѣ, подъ звуки заунывной русской пѣсни и подъ обаяніемъ чуднаго весенняго вечера.

CLII.

Съ Пѣтухомъ Чичиковъ не говорилъ вовсе о мертвыхъ душахъ, узнавъ, что имѣніе перваго заложено; но Гоголь,

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 321.

заставивъ своего героя пріѣхать къ нему по ошибкѣ кучеровъ вмѣсто полковника Кошкарева, имѣлъ несомнѣнно тонкій художественный разсчетъ, основанный на томъ, чтобы дать возможность Чичикову завязать помощью случайныхъ знакомствъ все новыя и новыя отношенія. Такъ у Пѣтуха Чичиковъ встрѣчается съ Платоновымъ и, узнавъ объ его хронической скукѣ, приглашаетъ его путешествовать вмѣстѣ съ собою. По объясненію Арнольди, скука Платонова происходила оттого, что онъ израсходовалъ всего себя, таскаясь по свѣтскимъ гостинымъ; встрѣча съ эманципированной женщиной, красавицей Чаграновой, на мигъ оживила его, но затѣмъ послѣдовало разочарованіе, и скука окончательно завладѣла своей жертвой. Но почему именно Платоновъ былъ избранъ въ спутники Чичикова и отчего мы окончательно теряемъ его изъ виду въ послѣднихъ главахъ второго тома,— все это представляется совершенно неяснымъ. Затѣмъ остается въ силѣ этотъ вопросъ: разъ въ романѣ выведенъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, то долженъ же былъ онъ имѣть хоть какое-нибудь отношеніе къ мертвымъ душамъ и вообще быть связанъ съ сюжетомъ болѣе существеннымъ образомъ, нежели какъ мы видимъ это въ поэмѣ. Теперь ясно только то, что личность Пѣтуха понадобилась Гоголю для противопоставленія нѣкоторымъ другимъ лицамъ второго тома. „Если у Бетрищева внутренній человѣкъ подчиненъ внѣшнимъ обстоятельствамъ“ — замѣчаетъ одинъ критикъ (Н. Д. Мизко) — „то Пѣтухъ непосредственное олицетвореніе животной натуры, изъ-за которой вовсе даже не видно внутренняго человѣка: хорошо ѣсть и пить, вслѣдствіе этого, покойно спать — вотъ единственная цѣль и проявленіе его жизни“. Это весьма дѣльное и глубокое замѣчаніе можетъ быть намъ полезно; оно подтверждаетъ предположеніе, что у Гоголя во второмъ томѣ выставлены личности, взаимно противополагаемыя авторомъ: съ одной стороны свѣтлыя и добродѣтельныя, съ другой — порочныя и комическія. Здѣсь мы встрѣчаемъ еще самыхъ разнородныхъ представителей добра и зла, тогда какъ въ третьемъ томѣ автору предстояло уже раскрыть нравственное возрожденіе нѣкоторыхъ порочныхъ лицъ двухъ первыхъ томовъ и ярко изобразить высокую духовную красоту людей, живущихъ въ законѣ Божіемъ.

Какимъ образомъ вся эта глава должна была присоединиться

къ внутреннему сюжету поэмы, для автора было дѣломъ окончательной обработки произведенія. Неудивительно, что въ дальнѣйшихъ главахъ мы не встрѣчаемъ Платонова, если уже въ нихъ нѣтъ ни слова даже о Бетрищевѣ, Уленькѣ и Тентетниковѣ, къ которымъ, казалось бы, обязательно долженъ былъ возвратиться авторъ[1]).

Наконецъ значительное совпаденіе дошедшихъ до насъ редакцій второго тома, *ничѣмъ между собой существенно не отличающихся*, признаемся, все болѣе наводитъ на мысль, что очень и очень многое осталось Гоголемъ совершенно не окончено во второмъ томѣ, при чемъ *вторая половина тома рѣшительно ниже первой*. Относительно послѣдняго соображенія намъ кажется не лишнимъ привести авторитетное подтвержденіе А. Ѳ. Писемскаго, отдававшаго явное преимущество лицамъ, изображеннымъ въ первой половинѣ второго тома. Такъ А. Ѳ. Писемскій высоко ставитъ изображеніе генерала Бетрищева, который на него „при каждомъ новомъ чтеніи, производилъ впечатлѣніе совершенно живого человѣка“[2]), также Тентетникова, Пѣтуха (хотя онъ находитъ невозможной и карикатурной сцену, гдѣ Пѣтуха тащатъ неводомъ) и двухъ его сыновей-гимназистовъ, о которыхъ онъ заключаетъ: „при такомъ легкомъ очеркѣ милые мальчики стоятъ передъ вами, какъ живые, и вы знаете ужъ всю ихъ дальнѣйшую карьеру“[3]). О личности Костанжогло напротивъ онъ говоритъ: „до сихъ поръ всѣхъ героевъ „Мертвыхъ Душъ“ (за исключеніемъ неудавшейся Уленьки) художникъ подчинялъ себѣ и своимъ воззрѣніямъ, стоялъ даже выше ихъ, но относительно Костанжогло вы сейчасъ чувствуете, что онъ самъ подчиняется ему, и изъ этого, полагаю, можно заключить, что это лицо одинъ изъ обѣщанныхъ доблестныхъ мужей“[4]). А Ѳ. Писемскій указываетъ между прочимъ на то, что Гоголь, желая употребить все, чтобы выставить въ лучшемъ свѣтѣ Костанжогло, ставитъ рядомъ съ нимъ Кошкарева для болѣе яркаго контраста.

---

[1]) Быть можетъ, впрочемъ, Гоголь, изобразивъ въ недошедшихъ до насъ главахъ любовь Платонова къ Уленькѣ (см. выше, стр. 777), успѣлъ отчасти сгладить указанный недостатокъ.

[2]) «Отеч. Записки», 1855, X, отд. 3, стр. 66.

[3]) «Отеч. Записки», 1855, X. отд. 3, стр. 70.

[4]) Тамъ же, стр. 71.

Противорѣчій, повторяемъ, множество. Такъ относительно Муразова, Мизко справедливо замѣтилъ, что тогда какъ Костанжогло научаетъ Чичикова честному пріобрѣтенію, Муразовъ проповѣдуетъ ему покаяніе, но что какъ-то не гармонируютъ заботы Муразова о благоденствіи народномъ съ откупщичествомъ: вѣдь все-таки нажитые имъ милліоны пріобрѣтены изъ такого источника, гдѣ главную роль играетъ слабость народа. Жаль впрочемъ, что, послѣ этого вѣрнаго замѣчанія, критикъ пытается дать свое натянутое объясненіе указаннаго имъ противорѣчія, говоря: „но, быть можетъ, и въ Муразовѣ можно видѣть человѣка, въ природѣ котораго есть только задатки лучшихъ свойствъ“ и проч. Гораздо основательнѣе мнѣніе Мизко, что на вопросъ: „неужели не бываютъ въ дѣйствительности ни Уленьки, ни Костанжогло и Муразовъ?“ слѣдуетъ отвѣтить: „бываютъ, но не такіе“[1]).

Отмѣтимъ еще слова А. Ѳ. Писемскаго о Хлобуевѣ, что „лицо это по выполненію далеко не окончено и рѣшительно не получило надлежащей отдѣлки; но по тонкости задачи, по правильности къ нему отношеній автора, равняется, если не превосходитъ даже, Тентетникова[2]). „Вы, читатель“, — продолжаетъ Писемскій, — „вѣроятно, имѣете одного или двухъ такихъ знакомыхъ. Никто васъ такъ не сердилъ, и никого вы неспособны такъ скоро и душевно простить, какъ этихъ людей. Никто вамъ столько не надоѣдалъ своими вздорными надеждами и безполезнымъ искреннимъ раскаяніемъ, и въ то же время ни съ кѣмъ вы не желаете такъ встрѣтиться и побесѣдовать, какъ съ ними“[3]). Въ заключеніе своей прекрасной статьи А. Ѳ. Писемскій выражаетъ удивленіе, почему не нашлось никого изъ друзей Гоголя, который бы сказалъ ему, что онъ великій юмористъ, а не лирикъ[4]). Увы! Гоголю или не рѣшались противорѣчить, или даже не разъ направляли его именно не туда, куда слѣдовало, все болѣе отдаляя его отъ прежняго свѣтлаго настроенія. Такое вредное вліяніе имѣлъ на него своими суровыми рѣчами о. Матвѣй.

Въ статьѣ Мизко гораздо болѣе вѣры въ счастливое раз-

---

[1]) «Отеч. Записки», 1856, 6, отд. 2, стр. 54.

[2]) 1855, X, отд. 3, стр. 72.

[3]) Тамъ же, стр. 78.

[4]) Тамъ же, стр. 74.

рѣшеніе Гоголемъ всѣхъ вопросовъ, касающихся второго тома. Такъ онъ говорилъ: „подвигъ остался неисполненнымъ... Передъ нами теперь только печальный слѣдъ того прекраснаго начала, которое мы нѣкогда привѣтствовали, какъ свѣтлую зарю, предвѣщающую блистательный востокъ великаго національнаго дѣла[1]). Цѣль Гоголя пробудить въ послѣднемъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" самосознаніе, и это ему не удалось". Мы бы прибавили: и не могло удаться.

При такихъ данныхъ необходимо допустить одно изъ слѣдующихъ двухъ предположеній: или что, такъ сказать, объемъ предположеннаго повѣствованія долженъ былъ явиться во второмъ томѣ несравненно обширнѣе, нежели какъ можно заключить по предыдущему тому, и что изъ второго тома погибло черезчуръ уже много, или же, что авторъ не успѣлъ составить прочно установившейся программы, оставивъ даже въ послѣдней изъ извѣстныхъ намъ редакцій значительные пробѣлы. Мы напримѣръ остаемся въ полномъ невѣдѣніи, почему Чичиковъ не навѣстилъ княгиню Зюзюкину, которую необходимо было особенно тщательно и осторожно подготовить къ извѣстію о свадьбѣ Уленьки и Тентетникова и почему онъ ни единымъ словомъ не намекнулъ о данномъ ему порученіи полковнику Кошкареву. Наконецъ значительное совпаденіе всѣхъ дошедшихъ до насъ редакцій второго тома, *ничѣмъ между собой существенно не отличающихся,* признаемся, всего болѣе наводитъ на мысль, что очень и очень многое оставлено Гоголемъ недоконченнымъ во второмъ томѣ, причемъ вторая половина его рѣшительно ниже первой.

Противорѣчій въ ней всюду множество, и притомъ противорѣчій непримиримыхъ по существу вслѣдствіе невозможности соединить художественную правду съ предвзятыми тенденціями, не говоря уже о недорисованныхъ фигурахъ вродѣ Лѣницына и Вышнепокромова. Это даже не блѣдныя тѣни, но просто подставныя, неясныя для самого автора, лица, нужныя для механизма разсказа; и не только имя Лѣницына оказывается неустановленнымъ, но и вообще Лѣницынъ конца второй части не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ Лѣницынымъ первой главы. Въ изображеніи Костанжогло вопіющая непослѣдовательность заключается въ томъ, что, вопреки основной

---

[1]) «Отеч. Записки», 1856, 6, отд. 2, стр. 53.

идѣ второго тома, онъ всецѣло погруженъ въ *матеріальную* жизнь. Онъ до того вошелъ во вкусъ пріобрѣтателя, что съ явнымъ сочувствіемъ произноситъ слѣдующія возмутительныя слова: „у кого милліонъ, у того радіусъ великъ: что ни захватитъ, такъ вдвое и втрое противъ себя. Поле-то, поприще слишкомъ просторно. *Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ, съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и останется: некому перебитъ*"[1]). Спрашивается: чѣмъ же послѣ этого Костанжогло выше Чичикова, если не тѣмъ только, что онъ лучше умѣлъ примѣнять искусство наживы? Это тоже „загребистая лапа"[2]) — только въ усовершенствованномъ видѣ. Онъ даже принципіально всей душой сочувствуетъ идеѣ наживы и готовъ давать взаймы деньги каждому желающему разбогатѣть не совсѣмъ безтолковымъ образомъ. Несомнѣнно, что Гоголь въ изображеніи Костанжогло сильно отсталъ даже отъ своихъ идей въ „Перепискѣ съ друзьями". Тамъ въ статьѣ „Русскій Помѣщикъ" онъ говоритъ: „богатый хозяинъ и хорошій человѣкъ синонимы. И въ которую деревню заглянули только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро"[3]). О помѣстьѣ Костанжогло также сказано: „Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой"[4]). Но поэту совершенно не удалось изображеніе христіанской жизни ни Костанжогло, ни его крестьянъ. Есть, правда, одна дѣльная и симпатичная мысль въ статьѣ „Русскій Помѣщикъ", повторенная и въ примѣненіи къ Костанжогло, но эта мысль нисколько не измѣняетъ общаго характера того и другого изъ сравниваемыхъ отрывковъ. Именно Костанжогло разсказываетъ Чичикову: „Я говорю мужику: „кому бы ты ни трудился, мнѣ ли, себѣ ли, сосѣду ли, только трудись"[5]). Та же мысль и въ слѣдующихъ словахъ статьи: „Русскій Помѣщикъ": „Скажи мужикамъ, что ты заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были деньги на удовольствія, и сдѣлай такъ, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль, но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, 7, III, стр. 354.
[2]) Тамъ же, стр. 347.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 120.
[4]) Т. III, 336.
[5]) Тамъ же, стр. 319.

Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискивать себѣ хлѣбъ"[1]). Странно далѣе, что, задавшись въ лицѣ Костанжогло изобразить человѣка проницательнаго и со свѣтлымъ умомъ, Гоголь заставляетъ его грубо ошибиться въ Чичиковѣ и дать ему пошло сочувственную аттестацію: „степененъ въ словахъ и не щелкоперъ"[2]). Какимъ фальшивымъ диссонансомъ отзывается затѣмъ эта неестественная довѣрчивость Костанжогло къ Чичикову и въ какомъ противорѣчіи находится его явная непроницательность съ приписываемыми ему опытностью и мудрымъ познаніемъ жизни! А между тѣмъ ради апоѳеоза излюбленной личности поэтъ призвалъ на помощь рѣшительно все: самыя энергическія выраженія вродѣ того, что въ деревнѣ Костанжогло „каждая свинья глядѣла дворяниномъ" и что „видно было вдругъ, что живетъ тузъ-хозяинъ"[3]), но особенно изображенныя кистью художника волшебныя чары обаятельной ночи съ ея чудной нѣгой и пѣньемъ соловьевъ, наконецъ все мастерское описаніе дивнаго очарованія вечерней домашней бесѣды среди красотъ деревенской вешней природы. Поэтъ какъ будто чувствовалъ, что надо въ пользу своей натянутой мысли подкупить читателей извнѣ, чарами художественнаго изображенія природы. Впрочемъ все это мѣсто въ поэмѣ предназначалось также и для другой цѣли — показать, какъ послѣдовательно созрѣвало благотворное сѣмя любви къ деревнѣ и сельскому хозяйству, впервые заброшенное въ душу Чичикова очаровательными красотами деревни Тентетникова. Духовное возрожденіе, предстоявшее Чичикову въ третьемъ томѣ, должно было произойти такимъ образомъ не отъ одного только сильнаго потрясенія подъ вліяніемъ постигшаго его въ концѣ второго тома несчастія, но оно подготовлялось также цѣлымъ рядомъ предшествующихъ впечатлѣній.

Еще до катастрофы Чичиковъ замѣтно начиналъ склоняться къ повороту на стезю честной и мирной трудовой жизни. „Когда потомъ помѣстились они (съ Костанжогло) въ маленькой уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ большой стеклянной двери въ садъ, Чичикову сдѣлалось такъ пріютно, какъ не бывало давно, точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла его родная крыша и, по совер-

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 119. Ср. также статью «Трудъ» (т. VI, стр. 452—453)

[2]) Т. III, стр. 353.

[3]) Т. III, стр. 336.

шенія всего, получилъ онъ желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: „довольно"!—и далѣе: „Чичиковъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго имѣнія, и рѣшилъ здѣсь же поторопиться покупкой мертвыхъ душъ, чтобы скорѣе кончить дѣло, пока помѣщики не успѣли еще заложить всѣ имѣнья,—и, совершивъ покупку, зажить новой, лучшей жизнью".

Возвращаясь къ разбору личности Костанжогло у Гоголя, нельзя не согласиться съ справедливымъ замѣчаніемъ Мизко, что уже „велерѣчивость Костанжогло противорѣчитъ самой сущности его характера, олицетворяющаго трудъ, дѣятельность, положительность; а желчность его бросаетъ непріятную тѣнь на его характеръ. Такіе люди потому и дѣлаютъ много, что говорятъ мало, и притомъ вовсе не горячатся, ибо хладнокровіе здѣсь первое условіе успѣха"[1]). Далѣе, какъ мы знаемъ, въ личности Костанжогло мы видимъ попытку изобразить фантастическаго русскаго образцоваго хозяина, обходящагося безъ науки и производящаго чудеса силой рутины. Увлеченіе ложными идеями зашло здѣсь у Гоголя такъ далеко, что онъ не замѣтилъ даже существенной непослѣдовательности: если для сельскаго хозяина нужны узкіе практики, учившіеся на мѣдные гроши, то почему же не совсѣмъ безграмотные люди?[2]).

Относительно Муразова, какъ сказано, Мизко справедливо замѣтилъ, что тогда какъ Костанжогло научаетъ Чичикова честному пріобрѣтенію, Муразовъ проповѣдуетъ ему покаяніе, но что это покаяніе и заботы о народномъ благоденствіи совсѣмъ не гармонируютъ съ откупщичествомъ: „вѣдь все-таки нажитые имъ милліоны пріобрѣтены изъ такого источника, гдѣ главную роль играетъ слабость народа"[3]). Можно было бы

---

[1]) Усердно слѣдя за всѣми типами, изображенными во 2 томѣ, Мизко признаетъ чрезвычайно жизненными типы Тентетникова, Пѣтуха, Бетрищева, даже Платонова («Отеч. Зап.», 1856, VI, отд. 2, стр. 56: «Характеръ мѣтко схваченный, но едва набросанный»), старается извинить даже невозможный типъ Кошкарева тѣмъ, что «въ нѣкоторыхъ закоулкахъ нашей многообразной Руси любопытные могутъ видѣть имѣнія съ красивыми постройками, въ которыхъ, однакожъ, не найдутъ того, что гласятъ красующіяся на нихъ надписи, встрѣтятъ и хозяина, оставившаго уложеніе для управленія своей вотчиной, хоть отъ того мало пользы какъ ему самому, такъ и его крестьянамъ» (тамъ же, стр. 58).

[2]) «Отеч. Записки», 1856, VI, отд. 2, стр. 60 и Соч. Гог., т. III, 353.

[3]) Мизко признаетъ Костанжогло и Муразова рѣшительно мертвыми олицетво-

сказать безъ большой натяжки, что и Муразовъ въ сущности тотъ же Павелъ Ивановичъ, но уже насытившійся и проповѣдующій. Такимъ образомъ эти идеалы „Переписки съ друзьями“ становились вездѣ поперекъ творчеству, требуя для себя на каждомъ шагу натяжекъ и фальши; тогда какъ напротивъ на недостающихъ страницахъ второй главы, судя по передачѣ Арнольди, Гоголь, имѣя намѣреніе представить лучшія стороны характера русскихъ людей, блестящимъ образомъ выполнилъ свою задачу. Нельзя особенно не пожалѣть объ утратѣ этого отрывка, исполненнаго высокой поэзіи и такъ выгодно отличающагося отъ ходульной реторики въ изображеніи Костанжогло, Муразова, генералъ-губернатора. Здѣсь Гоголь безъ всякой натяжки показалъ своихъ героевъ съ такой свѣтлой и благородной стороны, что достаточно было ему удержаться въ этихъ предѣлахъ, не запутываясь въ лабиринтѣ своихъ сбивчивыхъ теорій, и онъ, быть можетъ, вышелъ бы хоть отчасти побѣдителемъ въ борьбѣ съ заданной себѣ колоссальной задачей.

CLIII.

Пріѣздомъ Чичикова къ Хлобуеву открывается послѣдняя серія его похожденій, изображенныхъ во второмъ томѣ: желаніе Чичикова въ значительной мѣрѣ осуществляется, когда онъ пріобрѣтаетъ за безцѣнокъ недурное имѣнье у безпечнаго и въ конецъ разорившагося Хлобуева, — не оставляя впрочемъ пока мысли и о покупкѣ мертвыхъ душъ. Мы снова застаемъ его въ этихъ хлопотахъ, у Лѣницына; но о дѣятельности его, какъ помѣщика, нигдѣ потомъ ни слова, и что̀ всего страннѣе, объ имѣньѣ не упоминается даже въ концѣ тома, гдѣ рѣчь идетъ о слѣдствіи надъ Чичиковымъ, объ его продѣлкахъ и вообще объ его прошломъ. Слѣдуя принятой во второмъ томѣ программѣ, по которой каждый дальнѣйшій шагъ Чичикова опредѣляется предшествующими случайными разговорами и встрѣчами, Гоголь заставляетъ Хлобуева разсказать ему о трехмилліонной тетушкѣ, при чемъ у Чичикова необыкновенно быстро создаются все новые и новые замыслы.

ревіями излюбленныхъ идей, а также Василія Платонова, который находится въ такомъ отношеніи къ Костанжогло, какъ и Платонъ Платоновъ и Тентетниковъ (тамъ же, стр. 60).

Въ несохранившихся или ненаписанныхъ главахъ Чичиковъ долженъ былъ отправиться къ этой тетушкѣ, пріѣхать вскорѣ послѣ ея кончины, изготовить заднимъ числомъ фальшивое духовное завѣщаніе, что даетъ содержаніе цѣлому ряду происшествій, описанныхъ въ послѣднихъ главахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ въ чемъ-то попасться, навлечь на себя справедливый гнѣвъ генералъ-губернатора и быть отпущеннымъ на поруки по ходатайству Муразова. Въ сущности мы рѣшительно не имѣемъ твердыхъ основаній, чтобы утверждать, что все это въ самомъ дѣлѣ было выполнено Гоголемъ. Признаемся, мы болѣе склонны предполагать, что, увлекаясь излюбленными идеями, поэтъ спѣшилъ или даже просто чувствовалъ потребность изобразить поскорѣе цѣлый рядъ типовъ добродѣтельныхъ людей и набросать контуры главъ, въ которыхъ они должны были дѣйствовать, вслѣдствіе чего оставались пробѣлы въ серединѣ, не только вовсе не восполненные, но, можетъ быть, и безъ опредѣленно намѣченнаго содержанія. Обращенія къ друзьямъ съ просьбой о матеріалахъ и ко всей публикѣ въ предисловіи ко второму изданію перваго тома, предположенія о поѣздкѣ въ сѣверо-восточныя губерніи[1]),—все указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что автору требовался еще обильный *внѣшній матеріалъ*, которому предстояло подвергнуться значительной переработкѣ, приноровленной къ его идеямъ и тенденціямъ въ набросанныхъ послѣднихъ главахъ. Въ концѣ тома напримѣръ мѣсто дѣйствія переносится въ городъ Тьфуславль[2]), но изображеніе этой новой сферы дѣятельности Чичикова едва очерчено, хотя впрочемъ на утрату кое-какого набросаннаго уже матеріала явно указываетъ выраженіе: „ярмарка въ городѣ Тьфуславлѣ еще не прекращалась". Наше предположеніе основывается на томъ, что именно во второй половинѣ тома Гоголь сгруппировалъ добродѣтельныхъ лицъ романа, тогда какъ въ первой изображаются преимущественно недостатки русскихъ людей, причемъ одинъ изъ самыхъ яркихъ воплощается въ Хлобуевѣ, который говоритъ о себѣ: „нѣтъ силы воли, нѣтъ отваги на постоянство. Хочешь все сдѣлать и ничего не можешь. Все думаешь съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ

---

1) «Вѣстн. Европы», 1889, XI, 145.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 381 и проч.

завтрашняго дня примешься за все какъ слѣдуетъ, съ завтрашняго дня сядешь на діету; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами и языкъ не ворочается — право"[1]). Тентетниковъ, Хлобуевъ люди не безъ способностей, но нуждающіеся въ томъ, чтобы имъ кто-нибудь сумѣлъ сказать магическое слово: впередъ. Для Хлобуева такимъ человѣкомъ является Муразовъ, для Тентетникова, вѣроятно, Уленька. Муразовъ исполнилъ слѣдовательно въ отношеніи къ Хлобуеву именно ту роль, которой не удалось сыграть въ жизни Тентетникова Александру Петровичу; онъ научилъ его той „наукѣ жизни", которая была оставлена запечатанной семью печатями для Тентетникова и Хлобуева университетскими профессорами. „Я и въ университетѣ былъ, и слушалъ лекціи по всѣмъ частямъ" говорилъ Хлобуевъ — „а искусству и порядку жить не только не выучился, а еще какъ бы больше выучился искусству побольше издерживать деньги"[2]). Такое отрицательное отношеніе къ университетскому преподаванію у Гоголя не случайность: оно является естественнымъ слѣдствіемъ противоположенія „холодному какъ ледъ, общественному обманчивому образованію" трезвой „науки жизни". Такой же контрастъ замѣчается и въ описаніи простой обстановки человѣка, отличающагося познаніемъ людей и жизни, и питомца „обманчиваго образованія" Хлобуева, въ комнатахъ котораго Чичикова нѣсколько поразило смѣшенье нищеты съ нѣкоторыми блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Посреди изорванной утвари и мебели новенькія бронзы, какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ стояла какая-то ручка слоновой кости для почесыванія себѣ самому спины"[3]).

CLIV.

Наконецъ мечта Чичикова исполняется и онъ становится „не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ помѣщикомъ". Послѣ покупки имѣнія онъ продолжаетъ свое путешествіе съ Платоновымъ и заѣзжаетъ къ его брату Василію. Послѣдній пред-

---

[1]) Т. III, стр. 362.
[2]) Тамъ же, стр. 361.
[3]) Тамъ же, стр. 363.

ставляетъ еще одинъ типъ хорошаго хозяина; но онъ уже совсѣмъ не обрисованъ и, судя по сохранившимся фрагментамъ, тотчасъ же, или по крайней мѣрѣ, скоро, сходитъ со сцены, да и появляется на ней чуть ли не единственно для того, чтобы дать поводъ Чичикову ѣхать къ Лѣницыну. „Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами шутку Лѣницынъ?" спрашиваетъ Василій Платоновъ у брата. „Оказывается, что онъ успѣлъ въ одинъ-два дня отлучки другого брата Платонова захватить пустошь, гдѣ красная горка"[1]). Чичиковъ вызывается ѣхать, чтобы уладить дѣло, и такимъ образомъ на время разстается съ своимъ спутникомъ. Быть можетъ, при дальнѣйшемъ теченіи обстоятельствъ ему предстояло отклониться отъ взятыхъ на себя порученій и устремить все вниманіе на поддѣлку духовнаго завѣщанія тетки Хлобуева. Но въ такомъ случаѣ, если дороги Чичикова и Платонова раздѣлились, и въ то время какъ послѣдній встрѣчается съ Чаграновой, первый покупаетъ мертвыя души у Лѣницына и вообще вступаетъ *въ дѣловыя* сношенія, запутавшись между прочимъ и въ *дѣло* о подложномъ завѣщаніи тогда же скончавшейся старухи Ханасаровой, тетки Хлобуева, — то, какъ бы то ни было, Чичиковъ явно отвлекается въ сторону отъ порученія Бетрищева навѣстить его родственниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ отклоняется отъ дальнѣйшаго изображенія той сферы, къ которой принадлежатъ Уленька и Тентетниковъ. Далѣе въ пропущенныхъ главахъ недостаетъ разсказа о какой-то крупной провинности Чичикова, напоминая о которой, генералъ-губернаторъ потомъ сказалъ ему: „Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ оставаться въ городѣ, тогда какъ васъ слѣдовало бы въ острогъ"[2]). На это же явный намекъ заключается въ слѣдующихъ словахъ Чичикова въ началѣ главы: „Я теперь могу жить въ городѣ, сколько мнѣ угодно"[3]). Но эта провинность, необходимо помнить, не имѣла *ничего общаго* съ покупкой мертвыхъ душъ, такъ какъ улики, относящіяся къ послѣдней, явились уже *неожиданно вслѣдъ за обвиненіемъ Чичикова* въ составленіи подложнаго завѣщанія[4]). Конечно, все это предста-

---

[1]) Т. III, стр. 373.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 388.

[3]) Тамъ же, стр. 378.

[4]) Тамъ же, стр. 399.

вляется теперь крайне неяснымъ; но всего неожиданнѣе рѣшеніе Чичикова, послѣ всѣхъ перенесенныхъ имъ передрягъ, заложить мертвыя души для того, чтобы на вырученныя деньги *купить* настоящее помѣстье. („Сдѣлаюсь помѣщикомъ, потому что здѣсь можно сдѣлать много хорошаго"), какъ будто глава эта была написана *прежде* главы, въ которой Чичиковъ уже купилъ у Хлобуева имѣнье[1]). Тогда какъ съ другой стороны только въ этой послѣдней главѣ, *послѣ покупки имѣнья*, онъ узнаетъ о богатой теткѣ Хлобуева. Уже это одно противорѣчіе ясно указываетъ не только на неполноту, но и на значительную *неотдѣланность* послѣдней половины второго тома во всѣхъ *сохранившихся редакціяхъ*.

Еще больше неясностей, если перейти къ такимъ лицамъ, какъ генералъ-губернаторъ.

Если справедливо мало вѣроятное, на нашъ взглядъ, предположеніе Н. С. Тихонравова, основанное на сопоставленіи разбросанныхъ указаній Гоголя въ его письмахъ, что „въ исходѣ 1850 года второй томъ „Мертвыхъ Душъ" былъ уже оконченъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ отдѣланъ начисто"[2]), то надо заключить, что или въ погибшей послѣдней редакціи были сглажены и устранены всѣ указанныя нами неровности, — а это заставляетъ предположить довольно капитальную переработку всего тома, или же, чего мы впрочемъ не думаемъ, черновой набросокъ главы, въ которой является генералъ-губернаторъ, долженъ былъ войти уже въ третій томъ. Послѣднее соображеніе получило бы нѣкоторую тѣнь правдоподобія, но надо обратить вниманіе на слѣдующія слова одного письма Гоголя къ Плетневу: „Конецъ дѣлу еще не скоро, т.-е. разумѣю *конецъ* „Мертвыхъ Душъ"[3]). Всѣ почти главы и можетъ быть, не только второго, но и третьяго тома соображены, и даже набросаны, но именно не больше, какъ набро-

---

[1]) Впрочемъ, можетъ быть, Чичиковъ затянулъ отдачу денегъ и именно по этой причинѣ избѣгалъ потомъ встрѣчъ съ Хлобуевымъ (т. III, стр. 383). Это предположеніе получаетъ вѣроятность въ виду слѣдующихъ словъ на стр. 364: „остальныя пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра: т.-е. обѣщано; предполагалось же привезти три; другія потомъ, денька черезъ два или три, а если можно, то и еще нѣсколько отсрочить".

[2]) Такъ думалъ Трушковскій, см. т. III, стр. 586 и «Записки о жизни Гоголя», т. II, стр. 254.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 500; ср. мнѣніе г. Чижова въ «Вѣстникѣ Европы», 1872, VII, стр. 448.

саны". Вотъ сколько соображеній, лишающихъ насъ возможности что-нибудь твердо установить. Въ первомъ случаѣ необходимо допустить, что этотъ черновой набросокъ долженъ былъ подвергнуться совершенной переработкѣ со стороны Гоголя; во второмъ — что, будучи внесенъ въ третій томъ, онъ *долженъ былъ* во многихъ мѣстахъ еще существенно измѣниться. Такъ въ немъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующія строки: „Трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и всѣхъ соблазновъ, которые отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ весь ужасъ своего положенія и, можетъ быть, готовъ былъ возблагодарить Провидѣніе, если только выпустятъ его и отдадутъ хоть часть"[1]). Принимая весьма правдоподобное объясненіе А. Н. Веселовскаго, что Гоголь въ силу художественныхъ соображеній, сознавая невѣроятность внезапнаго нравственнаго перерожденія Чичикова, заставляетъ его нѣкоторое время *колебаться между добромъ и зломъ, пока наконецъ* цѣлымъ *рядомъ* душевныхъ потрясеній онъ *окажется достаточно подготовленнымъ* къ лучшей жизни[2]), — мы все-таки не находимъ отвѣта на выше указанное недоумѣніе: какимъ же образомъ Чичиковъ, уже купивши имѣніе Хлобуева, *еще только* мечтаетъ сдѣлаться помѣщикомъ?

До какой степени трудно вообще разобраться въ хаосѣ мелкихъ замѣтокъ въ перепискѣ Гоголя о ходѣ работъ надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ" и какъ весь вопросъ этотъ является еще недостаточно разработаннымъ, особенно при отсутствіи указанныхъ въ высшей степени настоятельныхъ условій для его разрѣшенія, въ этомъ мы можемъ убѣдиться именно изъ того факта, что въ своемъ прекрасномъ, капитальномъ трудѣ Н. С. Тихонравовъ тщетно старается установить на основаніи крайне сбивчивыхъ и отрывочныхъ свѣдѣній, заключающихся въ перепискѣ Гоголя, чрезвычайно спорное предположеніе, что трудъ Гоголя надъ вторымъ томомъ продолжался успѣшно въ продолженіе зимы 1848 г. и

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 552.

2) Если бы Шевыревъ въ самомъ дѣлѣ познакомился съ содержаніемъ всего второго тома. то С. Т. Аксаковъ не могъ бы сказать съ сомнѣніемъ: „какъ печатать черновую, *впослѣдствіи*, можетъ быть, измѣненную рукопись? (Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 577).

что потомъ весной и осенью 1849 г. творчество его ослабѣваетъ, уже по окончаніи вчернѣ второго тома, когда оставалось только обработать его и дать ему послѣдній ударъ кисти, и наконецъ, что всю зиму 1849—1850 работа Гоголя продолжалась будто бы вполнѣ успѣшно.

Можно думать пожалуй, что Гоголь окончилъ второй томъ уже 1850 г., такъ какъ уже лѣтомъ этого года онъ предлагалъ Смирновой прочесть ей послѣднія главы, только болѣзненное состояніе послѣдней послужило помѣхой этому; но здѣсь могла быть иная причина: мы знаемъ также, что Гоголь обыкновенно не рѣшался, особенно въ послѣдніе годы, издавать свои сочиненія безъ совѣта со многими близкими людьми, причемъ принималъ въ соображеніе каждую мелочную поправку или замѣтку. Такимъ образомъ и второму тому „Мертвыхъ Душъ", хотя бы и совершенно приготовленному къ печати, предстояло подвергнуться или дальнѣйшей, уже окончательной переработкѣ, или же по примѣру предшествовавшихъ редакцій, исчезнуть для того, чтобы возродиться въ новомъ видѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ существующіе пробѣлы въ свѣдѣніяхъ о Гоголѣ останутся навсегда невознаградимыми.

Вообще вопросъ, кончилъ ли Гоголь въ самомъ дѣлѣ второй томъ, представляется намъ въ высшей степени, темнымъ, такъ какъ самъ Гоголь не могъ не колебаться въ рѣшеніи его, хотя и готовился сдать рукопись въ цензуру. Особенно важно, что заключеніе Н. С. Тихонравова, будто просьба Гоголя въ письмѣ къ Жуковскому помолиться, чтобы онъ „хоть *сколько-нибудь* былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной"[1]), написана въ то время, когда уже второй томъ „Мертвыхъ Душъ" былъ приготовленъ набѣло и двѣ послѣднія главы были прочитаны Шевыреву, — встрѣчаетъ нѣкоторое сомнѣніе, вызываемое неясностью коротенькой записочки Гоголя. Вотъ какъ она читается въ изданіи Кулиша: „Убѣдительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанномъ, ни даже называть мелкихъ сценъ, ни лицъ героевъ. Случились исторіи. Очень радъ, что двѣ послѣднія главы, кромѣ тебя, никому не извѣстны"[2]). Но что̀ значитъ это выраженіе: двѣ послѣднія *написанныя* и прочтенныя главы, или же двѣ *заключитель-*

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 553.

[2]) Тамъ же, стр. 551.

ныя главы второго тома? Послѣднее пониманіе этой записки представляется не только недоказаннымъ, но даже и мало вѣроятнымъ, особенно въ виду словъ С. Т. Аксаковъ, что „С. П. Шевыревъ и А. О. Смирнова, какъ говорятъ, слышала семь главъ“[1]). Во всякомъ случаѣ Шевыревъ, будто бы вполнѣ посвященный въ тайну втораго тома, безъ сомнѣнія, не могъ бы считать себя связаннымъ въ отношеніи ея послѣ смерти Гоголя, и хотя что-нибудь, но стало бы извѣстно объ этомъ и его друзьямъ. Наконецъ, даже принимая дѣло такъ, какъ оно представляется намъ на основаніи объясненій Н. С. Тихонравова, мы склонны въ послѣднихъ запискахъ Гоголя видѣть скорѣе подготовленіе всѣмъ извѣстной катастрофы, нежели указаніе именно на законченность труда Гоголя. Важно здѣсь, что Гоголь проситъ не называть даже лицъ героевъ, а это можетъ быть объяснено не тѣмъ, конечно, что авторъ могъ въ печатной переработкѣ перемѣнить фамиліи, но скорѣе, что онъ не рѣшилъ еще, быть или не быть въ его поэмѣ даннымъ лицамъ. С. Т. Аксаковъ однажды послѣ смерти Гоголя писалъ *Шевыреву*: „Въ самое послѣднее свиданіе съ моей женой Гоголь сказалъ, что онъ не будетъ печатать второго тома, что въ немъ все никуда не годится и что надо передѣлать“. Еще больше подтверждаютъ наше предположеніе приведенныя слова его въ предсмертномъ письмѣ къ Жуковскому: „помолись обо мнѣ, чтобы я *хоть сколько-нибудь* былъ удостоенъ, пропѣть гимнъ красотѣ небесной“[2]). Здѣсь слышится уже явная неудовлетворенность автора своимъ трудомъ съ точки зрѣнія именно той задачи, которую онъ себѣ поставилъ, а можетъ быть, также и со стороны художественныхъ требованій[3]). Актъ сожженія былъ во всякомъ случаѣ результатомъ сильной вспышки отчаянія, какъ это безусловно доказывается тотчасъ же послѣдовавшимъ затѣмъ сожалѣніемъ Гоголя о томъ, что̀ уже совершилось. Эта вспышка, однако, *не могла быть моментальной*: она явилась обострившимся кризисомъ долговременной и ужасной душевной борьбы, вслѣд-

---

1) «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 201.

2) Соч. и письма Гоголя, VI, 553.

3) Наше предположеніе, кажется, наконецъ безусловно подтверждается слѣдующими строками письма Шевырева къ Гоголю отъ 27 іюля 1851 г. въ отвѣтъ на приведенныя выше строки письма Гоголя: «Успокойся. Даже и женѣ я ни одного имени не назвалъ, не упомянулъ ни объ одномъ событіи. Только разъ при

ствіе которой онъ и сказалъ уже послѣ совершившейся катастрофы: „А я думалъ разослать друзьямъ на память по тетрадкѣ. Пусть бы дѣлали, что̀ хотѣли. Теперь все пропало"[1]). Гоголя сгубилъ, по нашему убѣжденію, неразрѣшимый вопросъ: согласно ли съ волей Божіей продолженіе, или уничтоженіе труда, и самый трудъ его надъ поэмой былъ ли орудіемъ моленія дѣломъ, или же грѣховный соблазнъ и искушеніе діавола, о чемъ Гоголь началъ опасаться уже по полученіи перваго письма отъ о. Матвѣя. Вѣдь онъ уже тогда писалъ послѣднему по поводу „Переписки съ друзьями": „какъ бы то ни было, но, если вы замѣтите, что книга моя произвела на кого-нибудь вредное вліяніе и соблазнила его, увѣдомьте, ради самого Христа, обстоятельно и отчетливо, не скрывая ничего. Мнѣ нужно знать это. Богъ милостивъ. Если Онъ допустилъ меня сдѣлать мое дѣло, Онъ же поможетъ мнѣ и исправить его"[2]). Какъ видно изъ „Авторской Исповѣди", Гоголь не скоро и не безъ упорной борьбы поддался вліянію этого взгляда, но зерно сомнѣнія въ пользѣ его послѣднихъ сочиненій съ точки зрѣнія религіозно-аскетической было положено уже тогда его суровымъ обличителемъ. Что о. Матвѣй склонялъ Гоголя совершенно оставить эту дѣятельность, можно отчасти догадываться уже по слѣдующимъ строкамъ письма его къ П. А. Плетневу отъ 24 авг. 1847 г.: „Рѣдко кто могъ понять, что мнѣ нужно было вовсе оставить поприще литературное, заняться душой и внутренней своей жизнью для того, чтобы потомъ возвратиться къ литературѣ создавшимся человѣкомъ и не вышли бы мои сочиненія блестящей побрякушкой"[3]). Черезъ два года эта мысль о пріостановкѣ литературной дѣятельности обращается уже въ колебаніе, продолжать или оставить литературную дѣятельность, какъ можно судить по словамъ письма къ о. Матвѣю отъ 24 сент. 1847 г., въ которомъ Гоголь говорилъ: „Не знаю, брошу ли я имя литератора, потому что не знаю, *есть ли на это воля*

тебѣ же назвалъ штабсъ-капитана Ильина, и только. Тайна твоя для меня дорога, повѣрь. Съ нетерпѣніемъ жду 7 и 8 главы». Итакъ послѣднія двѣ главы, очевидно, были 5 и 6. (Отчетъ Императ. Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 68, письмо XXII).

[1]) «Отеч. Записки», 1856, XII, стр. 409.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI. стр. 395—396.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 417.

Божія; но, во всякомъ случаѣ, разсудокъ мой говоритъ мнѣ не выдавать ничего въ свѣтъ въ продолженіе долгаго времени, покуда не созрѣю лучше самъ *внутренно и душевно*" [1]). Но эти слова Гоголя до сихъ поръ не обратили на себя надлежащаго вниманія, а они очень важны.

Заканчивая нашу продолжительную бесѣду о Гоголѣ, считаемъ нужнымъ прибавить еще два слова. Читатель видитъ, что жизнь Гоголя сложилась въ высшей степени несчастливо, причемъ кромѣ тяжкихъ испытаній отъ болѣзней онъ мучительно страдалъ отъ необезпеченности. Чтобы произнести безпристрастное сужденіе о постоянныхъ злоключеніяхъ Гоголя, отнюдь не слѣдуетъ забывать цѣлаго скопленія въ послѣднее десятилѣтіе такихъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ, какъ притѣсненій его книгопродавцемъ (Смирдинымъ, см. выше, стр. 148—149), *цензурой, типографскими контрафакціями* и наконецъ разными осложненіями собственныхъ невзгодъ еще бѣдами родныхъ вслѣдствіе ихъ крайней непрактичности. Все это безъ пощады и безъ отдыха обрушивалось на Гоголя. При всемъ томъ не слѣдуетъ (и мы обращаемъ на это *особое* вниманіе читателей) упускать изъ виду, что тягостная матеріальная зависимость Гоголя отъ друзей была результатомъ цѣлаго стеченія указанныхъ выше убійственныхъ для него неблагопріятныхъ *случайностей.* Передъ кончиной Гоголь предпринялъ второе изданіе своихъ сочиненій. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы это изданіе вышло при немъ въ свѣтъ, то весь складъ его жизни, конечно, съ внѣшней, *матеріальной,* стороны долженъ былъ бы существенно измѣниться. Но судьба, слишкомъ жестокая къ Гоголю, не захотѣла показать его потомкамъ въ лучшемъ свѣтѣ и пресѣкла нить его жизни именно *наканунѣ совершенно заслуженной перемѣны его обстоятельствъ къ лучшему.*

---

[1]) Тамъ же, стр. 424—425.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ стр. 6, прим.

См. все это письмо въ указанномъ № 88 „Русской Жизни".

Къ стр. 43.

Въ память совмѣстной жизни въ Ганау Гоголь и Языковъ заказали себѣ портреты, о которыхъ Н. М. сообщалъ: „Извѣстія о моемъ портретѣ вполнѣ удовлетворительны. Я нарисованъ черезчуръ цвѣтущимъ и молодцоватымъ, а положеніе мнѣ дано вальтерскоттовское", а о портретѣ Гоголя прибавлялъ: „Гоголевъ очеркъ очень хорошъ: Коппъ [1]) узналъ его какъ разъ. Я вклею его въ мой альбомъ".

Къ стр. 51.

В. Г. Бѣлинскій — Н. В. Гоголю.

20-го апрѣля 1842 г. Спб.

«Милостивый государь Николай Васильевичъ! Я очень виноватъ передъ вами, не увѣдомляя васъ давно о ходѣ даннаго мнѣ вами порученія. Главною причиною этого было желаніе — написать вамъ что-нибудь положительное и вѣрное, хотя бы даже и непріятное. Во всякое другое время ваша рукопись прошла бы безъ всякихъ препятствій, особенно тогда, какъ вы были въ Питерѣ. Если бы даже и предположить, что ее не пропустили бы, то все же могли навѣрное сказать, что только въ китайской Москвѣ могли поступить съ вами, какъ поступилъ г. Снѣгиревъ, и что въ П. этого не сдѣлалъ бы даже Петрушка Корсаковъ, хоть онъ и моралистъ, и піэтистъ. Но теперь дѣло кончено, и говорить объ этомъ безполезно.

Очень жалѣю, что «Москвитянинъ» взялъ у васъ все и что для «О. З.» нѣтъ у васъ ничего. Я увѣренъ, что это дѣло судьбы, а не вашей доброй воли, или вашего исключительнаго расположенія въ пользу «Москвитянина» и къ невыгодѣ «О. З.». Судьба же давно играетъ странную роль въ отношеніи ко всему, что́ есть порядочнаго въ русской литературѣ: она лишаетъ ума Батюшкова, жизни Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова — и оставляетъ въ добромъ здоровьи Булгарина, Греча и другихъ подобныхъ имъ негодяевъ въ Петербургѣ и Москвѣ; она украшаетъ «Москвитянинъ» вашими сочиненіями и лишаетъ ихъ О. З. Я не такъ самолюбивъ, чтобы О. З. считать чѣмъ-то соотвѣтствующимъ такимъ великимъ явленіямъ въ русской лит — рѣ, какъ Гр., П. и Лермонтовъ; но я далекъ и отъ ложной скромности бояться сказать, что О. З. теперь единственный журналъ на Руси, въ которомъ находитъ себѣ мѣсто и убѣжище честное, благородное и — смѣю думать —

---

[1]) Докторъ во Франкфуртѣ. — Это письмо отъ 27 ноября 1841 г.

умное мнѣніе, и что О. З. ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть смѣшиваемы съ холопами знаменитаго села Порѣчья [1]). Но потому-то видно имъ тоже счастье: не измѣнить же для О. З. судьбѣ своей роли въ отношеніи къ р. литературѣ.

Съ нетерпѣніемъ жду выхода вашихъ «М. Д.». Я не имѣю о нихъ никакого понятія, мнѣ не удалось слышать ни одного отрывка, чему я, впрочемъ, и очень радъ: знакомые отрывки ослабляютъ впечатлѣніе цѣлаго. Недавно въ «О. З.» была обѣщана статья о «Ревизорѣ». Думаю, по случаю выхода «М. Д.», написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ. Съ особенною любовію хочется мнѣ поговорить о милыхъ мнѣ «Арабескахъ», тѣмъ болѣе, что я виноватъ передъ ними: во время оно, я жестокою запальчивостью изрыгнулъ хулу на ваши въ «Арабескахъ» [2]) статьи ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгаю хулу на духа Онѣ были тогда для меня слишкомъ просты, а потому и неприступно высоки; притомъ же на мутномъ днѣ самолюбія безсознательно шевелилось желаніе блеснуть и безпристрастіемъ. Вообще, мнѣ страхъ какъ хочется написать о вашихъ сочиненіяхъ. Я опрометчивъ и способенъ вдаваться въ дикія нелѣпости; но — слава Богу — я, вмѣстѣ съ этимъ, одаренъ движимостью впередъ и способностью собственные промахи и глупости называть настоящимъ ихъ именемъ и съ такою же откровенностью, какъ и чужіе грѣхи. И потому, подумалось, во мнѣ много новаго съ тѣхъ поръ, какъ, въ 1840 году, въ послѣдній разъ вралъ я о вашихъ повѣстяхъ и «Ревизорѣ». Теперь я понялъ, почему вы Хлестакова считаете героемъ вашей комедіи, и понялъ, что онъ точно герой ея; понялъ, почему «Ст Пом.» считаете вы лучшею повѣстью своею въ «Миргородѣ», также понялъ, почему одни васъ превозносятъ до небесъ, а другіе видятъ въ васъ нѣчто въ родѣ Поль-де-Кока, и почему есть люди, и притомъ не совсѣмъ глупые, которые, зная наизусть ваши сочиненія, не могутъ безъ ужаса слышать, что вы выше Марлинскаго, и что вашъ талантъ — великій талантъ. Объясненіе всего этого даетъ мнѣ возможность сказать дѣло о дѣлѣ, не бросаясь въ отвлеченныя и окольныя разсужденія; а умѣренный тонъ (признакъ, что предметъ понятъ ближе къ истинѣ) даетъ многимъ возможность сознательно полюбить ваши сочиненія. Конечно, критика не сдѣлаетъ дурака умнымъ и толпу мыслящею; но она у однихъ можетъ просвѣтлить сознаніемъ безотчетное чувство, и у другихъ — возбудитъ мыслію спящій инстинктъ. Но величайшею наградою за трудъ для меня можетъ быть только ваше вниманіе и ваше доброе, привѣтливое слово. Я не заношусь слишкомъ высоко, но — признаюсь — и не думаю о себѣ слишкомъ мало; я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и — что̀ еще лестнѣе — имѣлъ счастіе пріобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ: и все-таки больше всего этого меня радуютъ доселѣ и всегда будутъ радовать, какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастію, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ, и я чувствую, что это не мелкое самолюбіе съ моей стороны, а то, что я понимаю, что̀ такое человѣкъ, какъ Пушкинъ, и что̀

---

[1]) Имѣнья С. С. Уварова.

[2]) Бѣлинскій, очевидно, имѣетъ въ виду здѣсь свой рѣзкій отзывъ объ ученыхъ статьяхъ Гоголя въ „Арабескахъ“ (въ концѣ статьи: „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“).

такое одобреніе со стороны такого человѣка, какъ Пушкинъ. Послѣ этого вы поймете, почему для меня такъ дорогъ вашъ человѣческій, привѣтливый отзывъ...

Дай вамъ Богъ здоровья, душевныхъ силъ и душевной ясности. Горячо желаю вамъ этого, какъ писателю и какъ человѣку, ибо одно съ другимъ тѣсно связано. Вы у насъ теперь одинъ, — и мое нравственное существованіе, моя любовь къ творчеству тѣсно связаны съ вашею судьбою; не будь васъ — и прощай для меня настоящее и будущее въ художественной жизни нашего отечества: я буду жить въ одномъ прошедшемъ и, равнодушный къ мелкимъ явленіямъ современности, съ грустной отрадой буду бесѣдовать съ великими тѣнями, перечитывая ихъ неумирающія творенія, гдѣ каждая буква давно мнѣ знакома...

Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ искренно мое мнѣніе о вашемъ «Римѣ», но, не получивъ предварительно позволенія на откровенность, не смѣю этого сдѣлать.

Не знаю, понравится-ли вамъ тонъ моего письма, — даже боюсь, чтобы онъ не показался вамъ болѣе откровеннымъ, нежели сколько допускаютъ то наши съ вами свѣтскія отношенія; но не могу перемѣнить ни слова въ письмѣ моемъ, ибо въ случаѣ, противномъ моему ожиданію, легко утѣшусь, сложивъ всю вину на судьбу, издавна уже неблагопріятствующую русской литературѣ.

Съ искреннимъ желаніемъ вамъ всякаго счастія, остаюсь готовый къ услугамъ вашимъ Виссаріонъ Бѣлинскій“.

Къ стр. 130.

Позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя хронологическія поправки къ изданію Кулиша, въ которомъ именно относительно переписки Гоголя съ Шереметевою не установлено строгаго хронологическаго порядка. Дѣло въ томъ, что на письмахъ къ Шереметевой даты большею частью отсутствуютъ. Но имѣя въ рукахъ отвѣтныя письма, можно легко исправить по необходимости допущенныя издателемъ писемъ неточности.

Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что Кулишъ, пользовавшійся только письмами Гоголя и убѣдившійся изъ самыхъ первыхъ изъ нихъ въ значительной короткости его отношеній съ корреспонденткою, ошибочно отнесъ начало ея переписки съ Гоголемъ къ 1840 г. вмѣсто мая 1842 г., какъ-бы слѣдовало отнести, судя по многимъ даннымъ, находящимся въ письмахъ къ Гоголю Шереметевой. Отсюда цѣлый рядъ невѣрностей въ хронологіи, допущенныхъ въ его изданіи относительно писемъ къ Шереметевой.

Первое по времени письмо Гоголя къ Шереметевой напечатано въ «Библіограф. Запискахъ» 1859 г., стр. 106, 107: («Благодарю васъ, добрый, великодушный другъ мой, за ваши письма». Въ письмѣ этомъ Гоголь передаетъ Ш—вой поклонъ отъ Языкова, съ которымъ въ концѣ 1842 г. жилъ вмѣстѣ въ Римѣ).

Въ этомъ письмѣ Гоголь говоритъ, что, когда «падаетъ духъ» его, онъ всегда находитъ утѣшеніе въ перечитываніи писемъ Шереметевой и проситъ не забывать его въ молитвахъ, а также сообщать о всѣхъ христіанскихъ подвигахъ, какіе ей извѣстны. Это письмо безъ даты по содержанію, очевидно, предшествуетъ письму отъ янв. 5 и декаб. 24 и находится въ связи

съ непосредственно слѣдующимъ за нимъ письмомъ отъ $^{6}/_{18}$ февраля. Въ письмѣ 19 дек. Шереметева убѣждала Гоголя не падать духомъ во время испытаній, приписывая послѣднимъ благодѣтельное дѣйствіе на душу человѣка. Соглашаясь съ нею, Гоголь пишетъ въ отвѣтъ, что отнынѣ «никакія огорченія не въ силахъ сокрушить» его. Въ этихъ трехъ письмахъ степень уваженія его къ Шереметевой проявляется въ слѣдующихъ словахъ: «всякій разъ благодарю Небо за нашу встрѣчу» (Кул. V, 507) и «письма ваши мнѣ также сладки, какъ молитва въ храмѣ» («Библіогр. Зап.», 1856, 106). Чтобы удостовѣриться въ вѣрности предлагаемой нами хронологіи: 1 — верхнее письмо на стр. 106 въ «Библіогр. Зап.» 1859 г., 2-е напечатанное въ изданіи Кулиша V, 507, и 3 — нижнее на 106 стр. »Библіогр. Зап.») слѣдуетъ обратить вниманіе особенно на выраженія: «когда падаетъ духъ мой» и «не забывайте же меня, молитесь обо мнѣ», повторенныя въ письмѣ Ш—вой отъ 19 дек., и на ея благодарность за передачу поклона отъ Н. М. Языкова, очевидно, въ отвѣтъ на слова: «вамъ кланяется знакомый вашъ Языковъ, Ник. Мих.» въ первомъ письмѣ на стр. 106. Кромѣ того письмо отъ $\frac{\text{генв. } 5}{\text{дек. } 24}$ написано было Гоголемъ до полученія отвѣта на первое письмо на стр. 106, а по полученіи его было написано второе письмо на этой страницѣ, именно въ мартѣ 1843 г. изъ Гастейна, какъ видно изъ цѣлаго ряда писемъ, напечатанныхъ въ изданіи Кулиша.

Второе письмо — отъ 5 генв. 1843 г. (24 дек. 1842 г.) изъ Рима (Изд. Кул., V т., 507)

Третье письмо было напечатано въ «Библіограф. Запискахъ» 1859 г., стр. 106, внизу («Я получилъ два письма ваши»...) Письмо это отъ 6 (18) февраля изъ Рима служитъ отвѣтомъ, какъ видно изъ первыхъ строкъ его, на письма отъ 19 дек. (1842 г.) и 6 янв. (1843 г.). Здѣсь также передается поклонъ отъ Языкова, тогдашняго сожителя Гоголя въ Римѣ, на Via Filice, № 126.

4-ое письмо — изд. Кул., V, 394.

5-ое письмо — отъ 15 (3) апрѣля 1843 г. (Кул., V, 441). Въ этомъ письмѣ Гоголь поздравляетъ Шереметеву съ Свѣтлымъ праздникомъ, который въ этомъ году былъ 11 апрѣля. Гоголь говоритъ въ письмѣ, что до праздника остается недѣля, слѣдовательно онъ приходился около 10 апрѣля. Притомъ, это письмо служитъ отвѣтомъ на письмо Шереметевой отъ 13 марта 1843 г. Кулишъ невѣрно отнесъ его къ 1841 г., когда Пасха была 23 марта.

6-ое письмо — въ «Библіограф. Запискахъ» 1859, 107 (изъ Гастейна, отъ 18 мая. Гоголь упоминаетъ въ письмѣ о предстоящей ему разъѣздной жизни, которую онъ велъ именно лѣтомъ 1843 г.).

7-ое — изъ Дюссельдорфа, въ сентябрѣ 1843 г. (изд. Кул., V, 495). Письмо это отнесено Кулишемъ къ 1842 г., но въ немъ, какъ видно изъ дополненія, сдѣланнаго Кулишемъ, пропуска въ «Библіографич. Запискахъ» 1859, стр. 110, рѣчь идетъ о высылаемомъ образѣ, который странствовалъ отъ начала 1844 г. до апрѣля 1846 г.

8-ое — отъ 21 декабря 1843 г. изъ Ниццы (Кул., VI, 38 — 40).

9-ое — Ницца; мартъ 1844 (т. VI, стр. 51).

10-ое — 25 окт. 1844 г. (VI, 30—31). Выставленный въ скобкахъ Кулишемъ, по предположенію, 1843 г. невѣренъ, такъ какъ въ письмѣ прямо

сказано: «образа вашего я не получилъ. Бабарыкинъ его не доставилъ»... тогда какъ отъ 15 февр. 1844 г. Гоголь писалъ Языкову: «благодарю тебя за книги, которыя ты обѣщаешь прислать съ Бабарыкинымъ»).

11-ое — 14 февраля 1845 (VI, 171).

12-ое — 25 іюля 1845 (VI, 203).

13-ое — 1845 г. изъ Грефенберга (VI, 215).

14-ое — 30 окт. 1845 г. (V, 497). Адресъ Гоголя въ Римѣ (Via de la Croce, пропущенный у г. Кулиша, но сообщенный въ «Библіогр. Запискахъ» 1859, 110, доказываетъ, что это письмо относится къ 1845 г., а не къ 1842, какъ полагалъ Кулишъ).

15-ое — въ мартѣ 1846 г. (изд. Кул., VI. 60). Въ этомъ письмѣ Гоголь благодаритъ за присылку полученнаго, наконецъ, образа. Шереметева отвѣчала 14 апрѣля 1846 г., причемъ, какъ и въ другихъ письмахъ, вспоминаетъ, что онъ былъ посланъ въ январѣ 1844 г.

16-ое — 7 апр. 1846 г. (Кул., VI, 368). Въ этомъ письмѣ Гоголь утѣшаетъ Шереметеву въ смерти ея дочери, Якушкиной, скончавшейся въ 1846 г. Шереметева отвѣчала 8 мая 1846 г. Кромѣ того, самъ Кулишъ поставилъ на этомъ письмѣ 1847 г. въ скобкахъ, слѣдовательно опредѣлялъ его по предположенію.

17-ое — ноября 8-го 1846 г. (изд. VI, 284).

18-ое — въ мартѣ 1847 г. («Библіограф. Записки», 1859, 107. «Другъ мой, Надежда Николаевна, вы ко мнѣ ничего не пишете, но я понимаю ваше молчаніе: вы молитесь обо мнѣ»). Въ письмѣ упоминается о смерти Языкова (въ 1846 г.).

19-ое — въ началѣ апрѣля 1847 г. (VI, 365).

20-ое — 20 іюля, изъ Франкфурта. (VI, 412).

21-ое — Отстенде. 1847 г. (Кул., VI, 415).

22 ое — изъ Неаполя, въ ноябрѣ или декабрѣ 1847 г. («Библіографич. Записки», 1859, 108: «Я виноватъ передъ вами, добрый другъ Надежда Николаевна»). Въ этомъ письмѣ поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ.

23-е — въ «Библіограф. Запискахъ», № 17. на стр. 108. «Благодарю васъ, мой добрый другъ». Въ этомъ письмѣ поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ. Впрочемъ, можетъ быть, оно писано въ концѣ 1846 года.

24-е — Неаполь, 22 янв. (изд. Кул., VI, 447). Письмо, несомнѣнно, относится къ 1848 г.; Кулишъ, въ интересахъ точности, заключилъ, впрочемъ, эту дату въ скобки.

25-е — генваря 27-го 1848 г, Мальта. (Кул., VI, 449).

26-е — изъ Іерусалима; 19 февраля 1848 г. (VI, 452).

27-е — изъ деревни Васильевки; мая 16-го 1848 г. (VI. 462).

28-е — 1848 г. сентябрь (Кул., V. 395). Это письмо безъ даты, вопреки мнѣнію Кулиша, относимъ къ самымъ позднимъ письмамъ Гоголя къ Шереметевой, потому что, какъ видно изъ отвѣтныхъ писемъ Шереметевой, Шевыревъ, извѣстившій Гоголя о пріѣздѣ Шереметевой въ Москву. сдѣлался посредникомъ между ними уже послѣ смерти Языкова. въ чемъ можно, впрочемъ, убѣдиться и изъ напечатанныхъ Кулишемъ писемъ Гоголя къ Шереметевой. Во-вторыхъ, Кулишъ, относя это письмо къ 1840 г., основывался. вѣроятно, на начальныхъ словахъ его: «Письмо ваше. добрый другъ мой, Надежда Николаевна, я получилъ уже въ Петербургѣ. Въ Москвѣ я

ожидалъ вашего пріѣзда или отвѣта отъ васъ, потому что Шевыревъ посылалъ вамъ дать знать о моемъ пріѣздѣ. Мнѣ было жалко выѣхать изъ Москвы, васъ не видавши». Въ 1840 г., какъ мы знаемъ уже, Гоголь еще былъ едва знакомъ съ Шереметевою. а къ 1842 г. это письмо не можетъ быть отнесено, потому что тогда Гоголь не только видался съ Ш—вой въ Москвѣ. но она проводила его до заставы и проч Но приведемъ еще въ доказательство нѣсколько строкъ изъ предыдущаго письма Ш—вой: «9-го августа (1848 г.) я къ вамъ въ Полтаву писала; теперь услышала, что вы въ Москвѣ и скоро ѣдете въ Петербургъ. Я-бы тотчасъ поѣхала на васъ взглянуть, не смотря на то, что надняхъ ожидаю изъ-за границы внука» (Евгенія Ивановича Якушкина, отца приватъ-доцента Вячеслава Евгеніевича). Въ это то время, Гоголь дѣйствительно быстро проѣхалъ въ Петербургъ, не повидавшись въ Москвѣ съ Шереметевою. Наконецъ, въ заключеніе письма, Гоголь говоритъ: «душевно благодарю за строки письма вашего, исполненнаго попрежнему любви и участія». Слѣдовательно, это письмо было не изъ первыхъ.

29-е — письмо на 60—61 стр. въ VI т. изд. Кулиша. Здѣсь упоминается новый знакомый Гоголя, Иванъ Александровичъ фонъ-Визинъ, котораго, какъ видно изъ этого-же письма. Шереметева рекомендовала Гоголю, что едва-ли могло случиться въ короткій промежутокъ среднихъ чиселъ мая 1842 года. Кромѣ того, 4-го мая 1849 г. Ш—ва писала: «я васъ, мой другъ, не часто тревожу своими письмами... Прошу Ивана Александровича о доставленіи сихъ строкъ».

Въ нашемъ перечнѣ мы не беремся указать мѣсто, которое должно занимать письмо, напечатанное у Кулиша на 445 стр. V тома, потому что не имѣемъ, подобно Кулишу, для этого рѣшительно никакихъ данныхъ.

Къ стр. 144.

Въ воспоминаніяхъ Аксакова можно найти и другіе примѣры его безхарактерности, когда ему подъ постороннимъ давленіемъ приходилось дѣйствовать противъ собственнаго внутренняго убѣжденія (см. напр. изд. 1886, т. II, стр. 277 и дальше, всю исторію о томъ, какъ, сознавая недостатки своего друга Александра Панаева, какъ актера, и безспорныя преимущества въ этомъ отношеніи студента Балясникова, Аксаковъ поступилъ даже недобросовѣстно, отдавъ роль генерала Панаеву потому, что другъ умѣлъ его хорошо упросить).

Къ стр. 285.

Письма къ Гоголю Балабиной въ 1844 г. пока неизвѣстны, но въ нашемъ распоряженіи находятся ниже приводимые отвѣты на нихъ.

Письмо отъ 12 февр. 1844. Петербургъ.

„Зачѣмъ мнѣ надо *писать*, зачѣмъ не могу я вамъ *сказать* все, что̀ Богу угодно дѣлать для меня? Онъ для меня творитъ чудеса! Какое счастье даетъ онъ мнѣ! Я вамъ буду писать *искренно*, скажу все, что̀ случилось, что̀ чувствовала съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видала. Когда вы въ послѣдній разъ были у насъ, я еще не знала, что̀ такое *истинная*, глубокая любовь; или, лучше, въ душѣ моей существовала любовь, существовала съ самыхъ первыхъ лѣтъ моей жизни, но я еще не могла *дать* ее кому-нибудь, дать, какъ надобно

давать ее, какъ даютъ ее *одинъ разъ!* Часто я думала, что нашла, кого искала; часто одна только встрѣча съ кѣмъ-нибудь заставляла меня думать, что я буду любить его, и я не понимала, что все это былъ одинъ обманъ чувствъ моихъ. Я помню даже, что тогда, когда вы были въ Москвѣ, я вамъ написала длинное письмо, наполненное охами и ахами, потому что показалось вдругъ головѣ (не сердцу), что нашла я одну драгоцѣнность, которую я не знала, но которую я только видала, и этого было довольно, чтобы думать, что она была совершенна; а потомъ все прошло, какъ туманъ, по старинному моему обыкновенію, и тогда я поняла, что я только чувствовала *нужду* любить, но что это не значило *любить.* Вообразите, что я чувствую эту нужду въ душѣ *съ самыхъ первыхъ лѣтъ моей жизни* и только на 22-мъ году моемъ узнала въ первый разъ, что̀ такое любить!

Когда вы насъ оставили весной, мы поѣхали въ Лопухинку (40 верстъ отъ Петербурга, гдѣ находится заведеніе à la Graeffenberg); тутъ и госпиталь для солдатъ. Мы познакомились съ полковымъ докторомъ, который и меня долженъ былъ лѣчить. Три дня послѣ нашего пріѣзда въ Лопухинку я почувствовала, что взошла въ новую сферу и что жена этого доктора будетъ самая счастливая жена! О, какъ я испугалась, когда увидѣла, что онъ становился для меня то̀, что̀ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ до тѣхъ поръ не былъ для меня! Я не примѣчала въ немъ никакой привязанности ко мнѣ, и если бы онъ и любилъ меня, какимъ образомъ можно было бы мнѣ выдти за бѣднаго лѣкаря! Какъ я страдала все лѣто! Я видѣла его почти цѣлый день. Иногда мнѣ казалось, что онъ любилъ меня, но скоро эта надежда исчезала, и я не могла думать, что ожидало меня такое великое счастье. Я совсѣмъ дома не сидѣла: мнѣ надо было безпрестанно ходить; я только тогда дышала, когда находилась одна въ саду. Вы не можете понимать, какъ я страдала; все было для меня страданіе: я не вѣрила въ любовь любезнаго моего Вагнера, а когда на нѣсколько минутъ мнѣ казалось, что онъ меня любитъ, тогда я не знала, какъ намъ не быть всегда разлучены (sic), а потомъ, когда я думала, что Богу все возможно, какъ я ужасно, право ужасно страдала при мысли, что мое счастье будетъ такъ противоположно желанію отца моего.

Вагнеръ не былъ христіаниномъ; онъ совсѣмъ не вѣровалъ и былъ деистъ; я такихъ людей никогда еще не встрѣчала и много молилась за него. Осенью мы разошлись. Я сдѣлалась такъ больна, что не только не могла ходить и все лежала, но даже не могла отвѣчать *да* и *нѣтъ.* Сна совершенно не было; я ничего не ѣла, мнѣ все дѣлалось хуже. Въ январѣ Вагнеръ приходитъ къ мама и проситъ мою руку. Понимаете ли вы положеніе дочери, которая видитъ мать свою въ глубокой горести и знаетъ, что отецъ еще глубже растревоженъ. Я сказала, однакожъ, мое желаніе, но я знала, что это ни къ чему не послужитъ, потому что уже давно, когда я думала, что, можетъ быть, онъ спроситъ мою руку, я предвидѣла, что ему надо будетъ просить не одинъ разъ и даже не два раза, а больше (осенью мнѣ Вагнеръ признался въ свою любовь (sic), и хотя послѣ этого я еще не могла вѣрить въ свое счастье, и думала, что онъ самъ обманываетъ себя, но, однакожъ, мнѣ казалось, что, *можетъ быть,* онъ истинно любилъ меня и, *можетъ быть,* возьметъ меня: короче, я слишкомъ желала быть имъ любимой, чтобъ умѣть вѣровать въ его любовь. Мама сказала мнѣ, что мы скоро поговоримъ опять объ этомъ предметѣ; но въ тотъ же самый день я узнала, что отказали Вагнеру нѣсколько дней прежде, нежели я

узнала, что онъ просилъ мою руку. Это не удивило меня; я хорошо понимала, что долгое испытаніе могло одно заставить отца позволить этотъ странный бракъ: безъ этого какъ имъ можно было бы понять всю силу любви моей! Говорить о ней не было достаточно въ такомъ случаѣ; надо было мнѣ *доказать* это *отцу*. Я читала въ сердцѣ маменьки: она льстила себя надеждой, что скоро любовь моя пройдетъ, когда буду разлучена съ Вагнеромъ. На-дняхъ послѣ предложенія его, добрая, прекрасная жена брата скончалась; я забыла себя и свое горе, чтобъ только думать о братѣ! Весной я рѣшилась поговорить съ маменькой и сказать ей, что сильно люблю добраго моего друга; она отвѣчала, что если мои чувства не перемѣнятся, осенью увидимъ, что̀ можно будетъ сдѣлать. — Я не желала заставить родителей согласиться *насильно*. и хотѣла, чтобъ они сами поняли, какъ я любила его, какъ я была несчастна безъ него, и такимъ образомъ заставить желать то, что̀ я желала.

Лѣтомъ мы были въ Ревелѣ. Я все была очень больна; горесть моя все увеличивалась: я думала, что Вагнеръ, можетъ быть, ужъ забылъ меня, и ничего не знала о немъ. Мнѣ было очень худо; я почти не могла переносить сильное, тяжелое испытаніе. Мама видѣла мою печаль; она поняла, что моя привязанность къ доктору глубока и что она навсегда въ моемъ сердцѣ, и она стала желать, чтобъ Вагнеръ не забылъ меня и просилъ во второй разъ мою руку. Наконецъ онъ снова явился; мама, братья и сестра приняли его, какъ родного сына и брата. Онъ тоже страдалъ и его страданія совершенно перемѣнили образъ мыслей его; печаль научила его понять ничтожность человѣка, который разлученъ съ Богомъ, съ Спасителемъ!

Онъ оставляетъ службу свою и будетъ служить въ департаментѣ желѣзной дороги; его посылаютъ на годъ въ Германію и Бельгію, чтобы набрать свѣдѣнія о полиціи желѣзныхъ дорогъ. Черезъ три недѣли мы оставляемъ Петербургъ: мама, Вагнеръ, братъ Иванъ и я и ѣдемъ въ Берлинъ, гдѣ и будетъ наша свадьба.

Что̀ мнѣ вамъ сказать о характерѣ моего друга! Все сказать подробно, я не скоро кончу, а мнѣ хочется какъ можно скорѣе отправить къ вамъ это письмо. Итакъ я только вамъ скажу, что у него очень, очень добрая, благородная, прямая душа, что она начинаетъ жить религіозною жизнью, что онъ глубоко и жарко любитъ меня, не знаю зачѣмъ (sic! за что?), что для него наружный блескъ ничто, что онъ только понимаетъ сущность хорошихъ вещей, что онъ для меня все; я его люблю, какъ могу любить, и гораздо больше, нежели думала нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что буду любить, потому что тогда я только понимала натуральное чувство души, а теперь, съ тѣхъ поръ какъ знаю Вагнера и такъ ужасно страдала, съ натуральнымъ чувствомъ соединяется во мнѣ и вѣчное чувство христіанской любви. Пишите мнѣ въ Берлинъ, poste restante, на имя мама или à monsieur Wagner.

Если вы лѣтомъ поѣдете въ Германію, мы, можетъ быть, увидимся.

Я еще не могу вѣрить въ моемъ неслыханномъ счастіи (sic).

Извините — склоненія. Никому не читайте мое письмо. Я забыла вамъ сказать, что я совершенно здорова, сильна и толста“.

Въ отвѣтъ на это письмо, заключающее въ себѣ цѣлый романъ въ миніатюрѣ, Гоголь отвѣтилъ прочувствованнымъ напутствіемъ на новую жизнь и совершенно попалъ въ настроеніе своей корреспондентки, какъ показываютъ слѣдующія письма.

Петербургъ 14 апрѣля 1844 г.[1]).

„Вчера я получила ваше письмо. Я была глубоко обрадована, читая его. Вы мнѣ говорите то, что̀ я себѣ безпрестанно говорю и что̀ благодать Божія мнѣ открыла. Давно уже я могла примѣтить, что эта благодать и вамъ многое открыла тогда еще, когда я еще не понимала, что̀ значитъ „второе рожденіе“. Но теперь я вижу, зачѣмъ Богъ послалъ мнѣ эти тяжелыя испытанія, которыя я должна была переносить, когда мнѣ казалось, что я буду всегда жить далеко отъ любезнаго друга. Большая перемѣна сдѣлалась со мною въ теченіе лѣта: въ первый разъ я узнала, что̀ такое ничего не имѣть кромѣ Бога. Я думала, что добрый, прекрасный мой Вагнеръ ужъ забылъ меня, и тогда я получила съ неба несказанныя радости. Однакожъ, во все это время я не могла говорить сердцемъ: „да будетъ воля Твоя!“ И Богъ не позволилъ Вагнеру возвратиться къ намъ, прежде нежели заставитъ меня сказывать эти слова такъ, какъ должно ихъ сказывать. Я говорю — *заставить*, потому что я очень ясно вижу, что моя воля совершенно ничего не содѣйствовала въ томъ дѣлѣ и что я *насильно* должна была принять вліяніе Святого Духа.

Благодарю за ваши совѣты: они истинно христіанскіе. *Вы совѣтуете мнѣ все устроить въ первые дни*[2]): я давно уже это себѣ обѣщала; мнѣ должно беречь и его и себя, какъ берегутъ въ теплицахъ молодыя растенія, которыя не довольно сильны, чтобъ переносить холодъ и вѣтеръ наружнаго міра. Я отопру дверь нашу *въ первые дни* тѣмъ людямъ, между которыми я хочу умереть; и я имѣю великое счастье находить въ женихѣ тѣ же самыя чувства, которыя находятся въ моемъ сердцѣ. Нѣсколько дней тому назадъ Вагнеръ уѣхалъ въ Берлинъ. Мы хотимъ ѣхать 5 мая на пароходѣ, который пойдетъ въ Стетинъ. Свадьба будетъ въ Берлинѣ. Вагнеръ успѣетъ уже прежде нашего пріѣзда много работать и, вѣрно, мы недолго останемся въ Берлинѣ. Потомъ поѣдемъ въ Дрезденъ и желали бы провести нѣсколько времени на берегу Рейна. Вы можете себѣ представить, какъ мысль, что я васъ увижу, обрадуетъ меня: теперь такъ легко путешествовать благодаря желѣзнымъ дорогамъ, что намъ нетрудно будетъ гдѣ-нибудь сойтись. Братъ Иванъ ѣдетъ съ нами. Если бъ вы знали, какое разстояніе между нашимъ семействомъ и столь много другихъ (sic?!). Большой свѣтъ не понимаетъ *мой подвигъ*, но какъ любезные братья и сестра понимаютъ его! О маменькѣ я и не говорю, — это само собой разумѣется.

Откуда вы выписали эти прекрасныя строки о бракѣ? Какъ онѣ полны глубокой, святой правды! Я вчера же писала моему Вагнеру, что получила отъ васъ письмо и что я его принесу вмѣстѣ съ третьей отдѣльной страницей, которая ему будетъ очень симпатична. Его душа все болѣе и болѣе открывается вліянію Бога, и хотя мы такъ счастливы на землѣ, однакожъ съ сладкимъ чувствомъ говоримъ о смерти, которая насъ, мы надѣемся, не разлучитъ, но приведетъ насъ обоихъ, и дай Богъ, всѣхъ близкихъ нашему сердцу, въ томъ числѣ и васъ, къ единственному источнику вѣчнаго блаженства, къ Искупителю нашему. Но какъ трудно на землѣ жить такъ, какъ надобно, чтобъ потомъ вѣчно жить на небѣ! Какъ трудно изъ стараго (?) человѣка и ничего *слишкомъ* не любить, кромѣ Бога!“

---

[1]) Это письмо Гоголь, несомнѣнно, имѣлъ въ виду, когда говорилъ о письмахъ, исполненныхъ свидѣтельствъ любви Божіей (Соч. и письма Гоголя, VI, 70).

[2]) Отвѣты Гоголя въ статьѣ: „Чѣмъ можетъ быть жена для мужа“ и Соч. Гог., т. VI, стр. 97 и 142.

Въ іюнѣ Гоголь искалъ для новобрачныхъ удобной резиденціи на Рейнѣ, но видѣться съ ними ему не удалось, какъ увидимъ изъ слѣдующаго письма.

Шлангенбадъ 15 іюля 1844.

„Извините великодушно, любезный Николай Васильевичъ, за всю тревогу. Правда, что господинъ Зерфуніусъ, секретарь господина Пильпентафеля, долго не отвѣчалъ на мое письмо, однакожъ насилу написалъ, и теперь я знаю все, что̀ хотѣла знать. Когда мы пришли недавно въ Hôtel de Russie, намъ сказали, что вы сію же минуту изволили улизнуть, и такъ какъ и мы сейчасъ послѣ обѣда улизнули прямо въ Майнцъ, мы не могли съ вами увидѣться. Вы ѣдете въ Остандъ: какъ намъ сдѣлать, чтобы встрѣтиться въ Бельгіи? Мы писали штудгартскому священнику такъ, какъ вы совѣтовали, и получили отвѣтъ: онъ, кажется, такъ хорошо знаетъ, что ему нельзя насъ вѣнчать здѣсь, что даже и не понялъ совершенно нашу просьбу; онъ говоритъ, что готовъ пріѣхать къ намъ въ Шлангенбадъ, чтобы съ нами *поговорить* и посмотрѣть, тутъ ли всѣ бумаги, но что, можетъ быть, его пріѣздъ не нуженъ, потому что намъ все-таки надо пріѣхать въ Штудгартъ; потомъ мы гдѣ-нибудь тамъ помѣстимся.

Черезъ полтора мѣсяца, я думаю, что мы отправимся въ Бельгію, но я вамъ навѣрно послѣ напишу въ Ostende, poste restante. Вагнеръ пріѣдетъ къ намъ сегодня. Братъ Иванъ пріѣхалъ поутру. Мы всѣ ѣдемъ вмѣстѣ въ Штудгартъ. Я оттуда вамъ напишу поподробнѣе и скажу вамъ разныя разности: что̀ мы дѣлаемъ, что̀ думаемъ и что̀ чувствуемъ. Если вамъ придетъ охота написать мнѣ кое-что въ теченіе мѣсяца, адресуйте въ Штудгартъ. До свиданія въ Бельгіи

Марія Балабина.“

Послѣ приведенныхъ писемъ Балабиной къ Гоголю считаемъ возможнымъ привести и упоминаемое ею письмо съ охами и ахами, написанное въ минуту хандры и которое безъ предыдущихъ писемъ могло бы показаться вдвойнѣ страннымъ.

Петербургъ 15 октября 1841 г.

„Я не знаю, о чемъ мы можемъ съ вами разговаривать: говорить о пустякахъ — глупо; говорить о литературѣ, о картинкѣ Бруни — скучно для меня; говорить о томъ, что́ дѣлается въ душѣ моей — съ вами не могу. Она носитъ въ себѣ такія чувства, которыя, если бъ я попробовала растолковать вамъ, пріѣхали (бы) къ вамъ подъ формою дыма (sic), т.-е. вы нашли бы слова мои совершенно пустыми, потому что эти чувства такъ тонки, что не могутъ быть написаны (sic). Потомъ я очень рѣдко нахожусь въ такомъ положеніи, въ которомъ могу я писать. Я стала большой эгоисткой, только о себѣ и думаю; да какъ же не обращать вниманія, когда жители сердца такой ужасный шумъ производятъ. Мнѣ очень пріятно получать письма отъ другихъ — это удаляетъ мою мысль на нѣсколько минутъ отъ собственныхъ моихъ занятій; но писать самой очень трудно; надѣюсь, что это не всегда будетъ продолжаться, и что день придетъ, въ которомъ (sic) я опять начну болтать съ вами и даже шутить о томъ, о семъ; я жду этого дня съ нетерпѣніемъ; я философъ въ головѣ, а въ сердцѣ нѣтъ. Но до сихъ поръ онъ еще не насталъ. Къ счастью, я не безъ надежды; увидимъ, ежели, когда и какъ эта надежда исполнится. До того вре-

меня я ни къ чему не буду годиться; особенно сегодня я ни къ чему не гожусь и отъ скуки начала къ вамъ писать. Это по крайней мѣрѣ не слишкомъ учтиво, но вы не бросите меня за это за окошко! Когда мнѣ будетъ веселѣе, я хочу писать вамъ, да право не могу понять, отчего я невесела сегодня; я должна бы быть сегодня гораздо веселѣе, нежели всѣ прошедшіе дни. Когда я объ этомъ думаю, я дѣлаюсь веселой, Николай Васильевичъ! Вотъ я вдругъ сдѣлалась весела, и отъ радости забыла, какъ пишутъ слово *вдругъ*. Я вамъ скажу, что нервы такъ разстроились у меня, что перехожу отъ самой сильной печали до бѣшеной радости. Это, я думаю, еще болѣе ослабляетъ тѣ же самые нервы. И такъ нервы мои дѣлаютъ зло моей душѣ, потомъ душа дѣлаетъ зло моимъ нервамъ, и я часто почти сумасшедшая, — вотъ что! берегитесь! Когда вы мнѣ будете отвѣчать, то ни слова не говорите о томъ, что мое письмо вамъ понесло (sic), — слышите? и не забывайте, Бога ради! Здѣсь и безъ вашихъ замѣчаній иногда темно и грустно въ сердцахъ, а если вы приходили бы съ вашими охами и ахами, то сдѣлалась бы бѣда! Итакъ молчите: это одинъ способъ, съ которымъ (sic) вы можете надѣяться получать мои глупыя письма. Вы спрашивали меня о моихъ занятіяхъ: я довольно мало пишу по тому же резону, по которому и письма писать не хочу и не могу. Я много читаю. Вы знаете, что я выучилась по-нѣмецки и это мнѣ доставляетъ большое наслажденіе. Я нахожу, что французская литература и даже всѣ другія представляютъ намъ дѣла человѣческія, а нѣмецкая представляетъ намъ каждыя, почти незамѣтныя, но очень замѣчательныя чувства души; въ другихъ литературахъ мы знаемъ только тѣ мысли и тѣ движенія души, которыя имѣютъ причины въ наружныхъ дѣйствіяхъ, а въ нѣмецкой мы видимъ тѣ мысли и тѣ движенія сердца, которыя родятся и умираютъ, не узнанныя никѣмъ. Когда мы чувствуемъ такія вещи, которыхъ мы не можемъ говорить другимъ, то мы можемъ открыть книгу нѣмецкую, и часто мы чувствуемъ, что авторъ насъ понимаетъ, и это есть огромное удовольствіе, потому что тяжело нести одному тяжелыя горы, которыя поднимаются внутри сердца. Я очень обязана нѣмецкимъ книгамъ, потому что онѣ по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ позволяютъ мнѣ *иногда* забывать много разныхъ не слишкомъ пріятныхъ вещей. Мнѣ кажется, что я совершенно забыла писать по-русски. Какой стыдъ! Не думайте, однакожъ, что я не буду больше къ вамъ писать: вы теперь въ Москвѣ, а въ Москву писать глупое и короткое письмо гораздо легче, нежели писать такое же въ Римъ, — не такъ совѣстно, и за то, когда у меня будетъ ясная минута, я намѣрена еще вамъ писать, но только ежели вы будете мнѣ отвѣчать (я опять вамъ вспоминаю (sic), что здѣсь всѣ такъ любятъ ваши письма, что ихъ вслухъ читаютъ). Какіе мы, правда, странные или, лучше, какіе мы обыкновенные люди. Мы всѣ очень хорошо знаемъ, что все, что съ нами случается, дѣлается для нашего добра; однакожъ, мы таемъ отъ желанія быть счастливѣе!... Нѣтъ, я навѣрное теперь знаю, что я забыла, какъ по-русски писать.

Я думаю, что если у васъ въ Москвѣ такая же погода, какъ у насъ, то у васъ самый глупый сплинъ. Небо точно старая подкладка сѣрой военной шинели.

Знаете кстати, что есть такая болѣзнь, которая совершенно противоположна сплину. Сплинъ — скука, печаль безъ причины; я эту болѣзнь часто имѣю удовольствіе носить во мнѣ (sic); но другая болѣзнь, которую я также очень хорошо знаю, есть радость, пріятное и непріятное чувство, которое я вамъ рекомендую и не рекомендую, — вотъ какъ!

Прощайте, любезный Николай Васильевичъ. Напишите мнѣ непремѣнно и какъ можно скорѣе. Будьте здоровы такъ, какъ я, потому что я несравненно здоровѣе прежняго.

До свиданія, но прежде пишите и скорѣе, — скорѣе и дипломатически!

Марія Балабина."

Въ поясненіе этого письма прибавимъ только, что въ Петербургѣ и вообще на сѣверѣ юная Балабина долго сильно тосковала по Римѣ и Италіи и вотъ почему это письмо нельзя считать за обыкновенное письмо, знакомящее съ личностью писавшей; напротивъ оно писано въ исключительномъ или по крайней мѣрѣ въ очень неблагопріятномъ настроеніи.

Къ стр. 307.

Л. К. Віельгорская — Н. В. Гоголю.

Рюдесгеймъ. 23 октября 1844 г.

«Имѣю честь донести вашему высокосовершенству, что все состоитъ (sic) благополучно въ городѣ Рюдесгеймѣ. Несмотря, однакожъ, на прекрасную погоду и всѣ прелести Rheingaid, мы наконецъ рѣшились оставить наше мирное и счастливое уединеніе въ субботу 26 октября послѣ второго завтрака, отправиться вверхъ по Рейну на пароходѣ въ Бибрихъ, сѣсть въ омнибусъ, отправляющійся въ Висбаденъ, остановиться въ Nassauerhof на площади противъ Cursaal, возлѣ театра, и ждать съ нетерпѣніемъ Николая Васильевича Гоголя. Воскресенье и понедѣльникъ останемся въ столичномъ городѣ Висбаденѣ, а во вторникъ отправимся по желѣзной дорогѣ (sic) въ Майнцъ, изъ Майнца пароходомъ внизъ по Рейну въ Кёльнъ, желѣзной дорогѣ въ Брюссель и такъ далѣе. Если это не рѣшительнѣе, яснѣе, положительнѣе всѣхъ философскихъ умствованій, то я соглашаюсь слыть д.... не только 3-го, но 1-го класса... Извѣстія изъ Петербурга хороши и утѣшительны. Вы какое-то прекрасное письмо написали Софи, а копію съ онаго не изволили мнѣ прислать. Я думала имѣть нѣкоторое право на всѣ произведенія вашего пера, или, лучше сказать, вашей души. Влад. Алекс.[1]) весьма перемѣнился въ свою пользу, но здоровье его разстроено, вѣроятно вслѣдствіе неправильной жизни и душевнаго безпокойства. Беби прелестна; Софи радуется; Аполлина здравствуетъ; всѣ, я надѣюсь, скоро переѣдутъ въ нашъ домъ, и жить будутъ подъ одной кровлею. Если вѣрить непобѣдимому предчувствію, часто весьма печальному, мнѣ не придется дожить до сего счастья. Нозенька, слава Богу, здорова, несмотря на температуру воздуха, а особливо нашихъ комнатъ. Дружескій поклонъ нашему Жуковскому. Привезите, вопервыхъ самого себя, да кстати и «Мертвыя Души». Надѣюсь, вы все время проведете съ нами въ Майнцѣ и вездѣ, гдѣ мы будемъ.

До свиданія, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Николай Васильевичъ!

Нозенька кланяется сердечно».

Place Vendôme. Парижъ. 23 декабря 1844.

Л. К. Віельгорская — Н. В. Гоголю.

„Любезнѣйшій другъ замолчалъ, забывая данное обѣщаніе писать матери и дочери. Графъ Толстой сказалъ мнѣ, что онъ приглашаетъ васъ въ Парижъ,

---

1) Соллогубъ.

и показалъ мнѣ назначенную для васъ квартиру. Прекрасная комната на улицѣ, въ Rue de la Paix, на солнцѣ съ печкой и особеннымъ выходомъ въ коридоръ, однимъ словомъ, весьма удобная для автора и даже для отшельника. Ради друзей вы никогда не рѣшитесь пріѣхать въ Парижъ, но если представить вамъ всѣ красоты, прелести удовольствій Парижа, если бъ искусное перо могло описать вамъ и голосъ Маріо, и игру Рашель, шумъ, пестроту на бульварахъ, великолѣпные магазины, наполненные всѣми произведеніями роскоши, промышленности и просвѣщенія, у васъ бы ушки на макушкѣ и вы бы сей часъ согласились на наше всенижайшее прошеніе. Мы живемъ въ Вавилонѣ почти, какъ въ Рюдесгеймѣ. Кромѣ итальянской оперы, мы нигдѣ не бываемъ, по той причинѣ, что зима вдругъ воцарилась весьма неожиданно и мы не могли согрѣться въ нашихъ прекрасныхъ чертогахъ. Морозы были жестоки для Парижа; тутъ 10 градусовъ. Такая стужа по причинѣ дурного устройства домовъ почти народное несчастіе. Французы думаютъ, что въ числѣ всѣхъ земныхъ благъ они также наслаждаются прекраснѣйшимъ климатомъ въ свѣтѣ и не берутъ никакихъ предосторожностей противъ стужи и вѣтра. Анна Михайловна простудилась, но теперь уже почти здорова. Переходъ съ мороза на оттепель, какъ и у насъ на сѣверѣ, весьма внезапный и для здоровья вреденъ. Я часто и почти ежедневно имѣю удовольствіе видѣть Тургенева [1], но здоровьемъ его не довольна; онъ хотя и много ходитъ, и даже по моей высокой лѣстницѣ, но все на какую-то тяжесть въ груди и въ желудкѣ жалуется, которая меня пугаетъ. Извѣстія изъ Петербурга на счетъ Софи и Влад. А. весьма утѣшительны. Настоящее по моему чудо, коимъ обязаны мы молитвамъ Бишки [2], вашимъ, любезнѣйшій другъ.

Разстроенное здоровье В. А., вѣроятно, также содѣйствовало въ ней къ счастливой перемѣнѣ.

Провидѣніе употребляетъ всѣ возможныя средства, дабы наставить насъ на истинный путь и болѣзнь одно изъ дѣйствительнѣйшихъ къ отклоненію препятствій, не нарушая права нашей собственной воли. Возрадуются въ семействѣ видно лучшее обращеніе съ Бишкой Влад., который по временамъ, все еще оглядывается назадъ, къ счастью, скоро образумляется. Мудренаго въ этомъ ничего нѣтъ: скоро ли выправишь дерево, принявшее дурное направленіе! Не смѣю еще слѣпо ввѣриться въ В., но борьба его съ собою есть уже прекрасное утѣшительное начало. Фофка, слава Богу, здорова, счастлива и довольна, что явствуетъ изъ всегда веселаго, хорошо расположеннаго духа. Сношенія съ Граф. [3]) — не весьма нѣжны, но весьма пристойны. Бишка часто бываетъ у Смирновой и весьма ее полюбила. Здоровье . . . . . . въ вожделѣнномъ состояніи, а Миши по маленьку развивается. Утѣха всего дома Беби удивительно какъ умна, мила, добра и даже послушна. Двухъ особъ она ненавидитъ: доктора, который прививалъ Мишенькѣ оспу и этотъ закричалъ; другого Никитенко, оттого, что Софи при ней назвала его докторомъ. Едва увидитъ она ихъ носы, какъ со всѣхъ ногъ съ крикомъ бросится бѣжать отъ нихъ; ужъ тутъ никто съ нею не сладитъ. Михаилъ Михайловичъ, слава Богу, здоровъ. Сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ къ намъ пріѣхать, служба задерживаетъ его въ Берлинѣ, а просить отпускъ на мѣсяцъ было бы, по-моему, не очень прилично,

---

[1]) Александра Ивановича.

[2]) Семейное прозваніе С. М. Сологубъ.

[3]) Соллогубъ, урожденной Архаровой.

тѣмъ болѣе, что начальникъ очень ласково съ нимъ обходится. Хотя еще далеко до нашего года, но первая изъ всѣхъ друзей вашихъ, хочу поздравить васъ съ наступающимъ новымъ годомъ, пожелать вамъ все то счастіе, коимъ можетъ только довольствоваться душа возвышенная, щедро одаренная небомъ, благодарить за вашу драгоцѣнную къ намъ дружбу и просить васъ убѣдительно о продолженіи оной. Тѣмъ единственно заслужили мы дружбу вашу, что она сдѣлалась для насъ потребностью сердца, и драгоцѣнное сокровище во всей силѣ слова. Анна Михайловна кланяется вамъ и все семейство также. Что̀ дѣлаетъ дорогой нашъ Жуковскій? Увѣдомьте меня о здоровьи милой его супруги. Прощайте, любезный другъ."

А. М. Віельгорская — Н. В. Гоголю.

„Любезный Николай Васильевичъ!

Я все о васъ думаю и провожаю васъ мысленно по вашей дорогѣ, стараясь вообразить себѣ, какая у васъ теперь физіономія, куда вы смотрите, что̀ думаете, и играете ли усами, или просто сидите съ сложенными руками, съ полузакрытыми глазами, не смотря ни на что, и не думая ни о чемъ? Въ такую погоду, какъ у насъ сегодня, и особливо по такой скучной дорогѣ, какъ та, по которой вы теперь ѣдете, лучшее средство пріятнымъ образомъ провести время, это спать, и я надѣюсь, что вы въ эту самую минуту ни мало ни о Парижѣ, ни о Толстыхъ, ни о насъ не думаете, а просто спите и даже не видите насъ во снѣ. Зато когда во Франкфуртъ пріѣдете, вы хорошенько о насъ подумайте и сейчасъ станете намъ писать, чтобъ извѣстить насъ, какимъ образомъ вы ѣхали, и пріѣхали, и какъ васъ приняли, и какъ вы чувствуете себя проч. и проч. Нынѣшній вечеръ мы проводимъ у Толстыхъ, какъ мы вамъ обѣщали, и будьте увѣрены, что всѣ прочія ваши просьбы будутъ исполнены. Завтра какъ буду у обѣдни, вспомню о васъ и закажу также молебенъ. Лазаревъ очень сожалѣетъ, что васъ не видѣлъ. Я имъ всѣмъ сдѣлала вашу комиссію.

Прощайте, любезный Николай Васильевичъ. Ведите себя хорошо, а то мы васъ не будемъ любить, то-есть будьте здоровы, и мы постараемся со своей стороны удовлетворить васъ.

Маменьки дома нѣтъ. Прощайте. Христосъ съ вами.

Анна Михайловна."

Парижъ, 1-го марта.

Сію минуту получили мы извѣстіе изъ П.: слава Богу, всѣ здоровы и Софья Михайловна сердечно вамъ кланяется. Владиміръ Алек. собирается въ К.

Будьте здоровы и веселы. Всѣмъ прошу отъ меня поклониться."

„Любезный Николай Васильевичъ!

Наконецъ мы получили письмо отъ Софьи Михайловны изъ Петербурга, въ которомъ она говоритъ, что послѣ шестидневнаго весьма непріятнаго путешествія они пріѣхали въ Кронштадтъ въ десять часовъ утра. Тамъ ихъ задержали до пяти часовъ вечера, и Софья пишетъ, что ей много было нужно терпѣнія, чтобъ перенести все это спокойно.

Мужъ ожидалъ ее въ Кронштадтѣ и принялъ ее съ большой нѣжностію. Изъ Кронштадта они отправились въ шесть часовъ на другой день, а въ восемь часовъ были въ Петербургѣ. Софья отправилась съ мужемъ въ церковь, а маленькую послала впередъ къ Аполлинѣ Михайловнѣ. Софья нашла сестру совершенно здоровою, а маленькаго прелестнымъ. Комнаты С. Мих. еще не готовы и она покамѣстъ остановилась у Демута. Графиню она еще не увидѣла, но изъ письма видно, что она весела и довольна. Дорогу она перенесла очень хорошо и чувствуетъ теперь пользу, которую принесли ей морскія купанія. Смирнову она уже успѣла увидѣть. Теперь прощайте, будетъ съ васъ; я вамъ сообщила все нужное, и я нахожу, что мое письмо удивительно длинно по моимъ познаніямъ русскаго языка. Сама маменька не можетъ вамъ писать, по причинѣ головной боли. Если погода не слишкомъ будетъ дурна, мы собираемся въ Висбаденъ къ обѣднѣ и остановимся въ Hôtel.

Погода у насъ довольно подленькая, а я умница.

Маменька сердечно вамъ кланяется и Жуковскому также.

Анна Михайловна."

Къ стр. 591.

Письмо къ Смирновой отъ 28 іюля изъ Карлсбада имѣетъ въ своей первой половинѣ самое несомнѣнное отношеніе къ нѣкоторымъ мыслямъ, высказаннымъ въ статьѣ: „Женщина въ свѣтѣ" (напр. „дамскія общества въ губерніяхъ заражены, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ столицахъ, страстью рядиться: источникъ взиманія взятокъ и всякихъ несправедливостей для ихъ мужей" и проч.), а во второй половинѣ — отчасти къ той же статьѣ (ср. въ статьѣ: „Женщина въ свѣтѣ": „Душа жены — хранитель талисманъ для мужа, оберегающій его отъ нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дорогѣ, и проводникъ, возвращающій его съ кривой на прямую"[1]) и въ письмѣ: „вамъ нужно заниматься дѣлами своего мужа, чтобы умѣть быть полезной ему благоразумнымъ совѣтомъ въ дѣлѣ трудномъ, и вообще во всякомъ дѣлѣ, чтобы исполнить значеніе женщины — быть истинной *помощницей мужа въ трудахъ его*, чтобы исполнить долгъ вѣрной супруги")[2]), отчасти къ статьѣ: „Что̀ такое губернаторша", что̀ впрочемъ уже доказано Н. С. Тихонравовымъ[3]). Наконецъ письма къ Смирновой отъ 24 сентября и отъ декабря[4]) весьма близки по содержанію къ статьѣ: „Чѣмъ можетъ быть жена для мужа" и проч. Все это, очевидно, только еще разъ подтверждаетъ высказанную выше мысль о способѣ переработки Гоголемъ матеріала, извлекаемаго изъ писемъ, слѣд. нельзя видѣть противорѣчія последнему моему указанію въ справедливомъ замѣчаніи Н. С. Тихонравова, что „статья эта не можетъ" (мы прибавили бы для точности слово *столько*) „служить характеристикой отношеній А. О. Смирновой къ мужу", такъ какъ „ей данъ общій характеръ"[5]). Это и есть именно то, что̀ мы надѣемся теперь доказать, но чего не могли обставить подробными доказательствами въ нашемъ „Указателѣ къ письмамъ Гоголя". Такія замѣчанія, какъ: „въ васъ нѣтъ харак-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 12.
[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 209.
[3]) Соч. Гог., изд. X. т. IV, стр. 522—527.
[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI. стр. 96—98 и 131—149.
[5]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 53[illegible].

тера, признавая характеромъ *крѣпость воли*“ и проч. могли быть сдѣланы и неоднократно дѣлались Гоголемъ именно Смирновой, также какъ совѣты молить Бога о крѣпости и предостереженія: „вы оба расплыветесь и распуститесь среди жизни, какъ мыло въ водѣ“[1]), на ряду съ непосредственно слѣдующимъ признаніемъ нравственныхъ достоинствъ и добрыхъ качествъ обоихъ супруговъ. Нельзя не замѣтить только, что ни въ одномъ изъ дѣйствительно посланныхъ Гоголемъ писемъ вовсе нигдѣ нѣтъ тѣхъ непонятныхъ странностей, какъ здѣсь въ его совѣтахъ распредѣлять деньги по кучамъ и въ восклицаніи: „дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ“[2]). Всѣмъ этимъ Гоголь какъ будто нарочно блеснулъ передъ обширной публикой, считая свои совѣты вéрхомъ практической мудрости.

О статьѣ: „Чтò такое губернаторша?“ Н. С. Тихонравовъ дѣлаетъ заключеніе, что большое письмо, приложенное къ письму отъ 4 іюля 1846 г. и упоминаемое въ немъ, представляетъ первоначальную редакцію этой статьи, воспроизводящей наставленія, высказанныя въ письмахъ отъ 25 и 28 іюля 1845 г.[3]); но мы видѣли подлинникъ письма, буквально сходный съ данной статьей, вслѣдствіе чего должны необходимо отождествить съ нею „большое письмо“. Но дѣло въ томъ, что оно писалось прямо въ видѣ *статьи* и неизбѣжно много разъ передѣлывалось, такъ какъ въ началѣ статьи, очевидно, принято въ соображеніе письмо Смирновой отъ 14 мая 1846 г., гдѣ говорится, какъ и въ статьѣ, о возвращеніи Смирновой изъ Москвы въ Калугу (въ статьѣ только не названо имя города, откуда она возвращалась) и наконецъ встрѣчается буквально повторенное выраженіе Смирновой, что калужское общество испорчено въ корнѣ[4]), опровергаемое здѣсь. Между тѣмъ ниже слѣдуетъ отвѣтъ на письмо отъ 14 января 1846 г., въ которомъ называются по именамъ предшествовавшія Смирновой губернаторши Оболенская и Жуковская и сдѣланы ихъ характеристики[5]). Еще далѣе почти буквально воспроизводится, какъ указано и Н. С. Тихонравовымъ, содержаніе письма отъ 28 іюля 1845 г.[6]), такъ что не только нѣкоторыя мысли, но и цѣлыя выраженія Гоголя корреспонденткѣ пришлось прочитать уже вторично въ „большомъ письмѣ“ (напр. слѣдующее выраженіе о страсти женщинъ рядиться, что она „источница взятокъ, несправедливостей и всѣхъ мерзостей“ и проч.)[7]), но опять рядомъ съ этимъ выраженіемъ находимъ упоминаніе о княжнѣ Оболенской, о существованіи которой Гоголь узналъ только уже изъ письма Смирновой отъ 14 января 1846 г.[8]). При такихъ условіяхъ опредѣлить сразу постепенность въ редакціяхъ письма дѣло крайне трудное, вслѣдствіе чего и неудивительна встрѣтившаяся у Н. С. Тихонравова неточность, а равно и приводимое имъ безусловно ошибочное предположеніе И. С. Аксакова, полагавшаго, будто „Самаринъ, который въ перепискѣ съ Гоголемъ, сообщаетъ ему еженедѣльныя письма Александры Осиповны, въ которыхъ она подробно описываетъ ему и всякое новое лицо, и всякое новое калужское событіе; да къ

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 136.
[2]) Тамъ же, стр. 139.
[3]) Тамъ же, стр. 524.
[4]) „Русская Старина“, 1890, VII, 209 и Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 104.
[5]) „Русская Старина“, 1890, VI, стр. 197.
[6]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 207.
[7]) Ср. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 207 и Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 105 и 102.
[8]) „Русск. Стар.“, 1890, VI, 195.

тому же Самаринъ жилъ съ Оболенскимъ"[1]). Все это сплошь невѣрно: какъ имя Оболенской, такъ и многое изъ того, что̀ происходило въ Калугѣ, Гоголь узналъ просто отъ самой Смирновой, что̀ становится совершенно очевиднымъ при перечитываніи ихъ переписки, а съ Самаринымъ онъ почти вовсе не состоялъ въ перепискѣ и, уже конечно, послѣдній не пересылалъ ему писемъ Смирновой. Далѣе Гоголь настойчиво повторяетъ сдѣланное имъ сравненіе Калуги съ лазаретомъ[2]) и отвѣчаетъ на жалобы Смирновой о губернскихъ мерзостяхъ, о которыхъ рѣчь идетъ еще въ письмѣ отъ 14 января 1846 г.[3]); также, какъ и тамъ, Смирнова говоритъ о томъ, „сколько ею узнано, сознано, перечувствовано, испытано въ теченіе трехъ мѣсяцевъ" въ Калугѣ, на что Гоголь *уже въ серединѣ своей статьи* отвѣчаетъ словами: „вы сами говорите, что въ небольшое время пребыванія вашего въ Калугѣ узнали Россію больше, чѣмъ во всю прежнюю жизнь"[4]). Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ указаній мы, кажется, имѣемъ право заключить, что и эта статья, переписываясь и перерабатываясь Гоголемъ нѣсколько разъ, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно измѣняла порядокъ и связь мыслей.

Наконецъ любопытно, что многіе изъ прежнихъ совѣтовъ Гоголя были уже отстранены Смирновой, которой казалось труднымъ исполнить ихъ, тогда какъ статья „Что̀ такое губернаторша" совершенно игнорируетъ это и настаиваетъ на не разъ уже высказанныхъ мысляхъ: „Вы напрасно начинаете думать вновь, что ваше присутствіе относительно дѣятельности" и проч.

Къ стр. 646.

Кромѣ названныхъ статей о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» слѣдуетъ отмѣтить довольно извѣстную статейку Дудышкина[5]), также Бестужева-Рюмина и др. въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдом.» (1847 г.)[6]). Наконецъ еще была небольшая статья въ «Отеч. Запискахъ» (1846, XII), откуда приводимъ слѣдующее. Послѣ нѣсколькихъ выписанныхъ строкъ изъ предисловія къ «Перепискѣ съ друзьями», въ которыхъ Гоголь проситъ у своихъ читателей замѣчаній на поэму, по поводу словъ: «всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другой не замѣтилъ, и узналъ что-нибудь такое, чего другіе не знаютъ» — очень удачно замѣчено: «не смотря на очевидность этой истины, мы полагаемъ, что величайшее достоинство второго изданія «Мертвыхъ Душъ» заключается въ тождествѣ его текста съ текстомъ перваго изданія».

Къ стр. 738.

Во всякомъ случаѣ въ письмахъ къ А. М. Віельгорской разсѣяно много намековъ на внутреннюю жизнь Гоголя въ послѣдніе годы, и многія мѣста въ нихъ даютъ отрывочныя указанія на его взгляды, отразившіеся во второмъ томѣ, хотя бы напр. слѣдующее: «Можно и въ отроческое время дать человѣку идею о томъ, какъ должны быть святы отношенія между людьми. И тогда онъ счастливъ на всю жизнь, потому что въ остальное время жизни

---

[1]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ", ч. 1, т. I, стр. 356.
[2]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 105 и „Русск. Стар.", 1890, VII, 198.
[3]) Также Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 218.
[4]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 106—107.
[5]) „Отеч. Зап.", 1847, № 9, отд. 5, стр. 34—36 (статьи о „Ревизорѣ").
[6]) „Ниж. Губ. Вѣд.", 1847, №№ 14, 18, 27, 30 и 31.

будетъ уже самъ заботиться о дальнѣйшемъ своемъ теченьѣ на указанномъ пути, о приведеніи себя въ бо́льшую и бо́льшую возможность приносить пользу и благодѣтельствовать. О! какъ бы мы теперь всѣ были подвижны, во сколько меньше было бы у насъ лѣни, бездѣйствія и спячки, еслибъ мы пріобрѣли то въ юности, что̀ принуждены пріобрѣтать теперь» [1]). Такіе или подобные комментаріи Гоголь, безъ сомнѣнія, далъ бы во время своихъ предполагаемыхъ лекцій А. М. Віельгорской при объясненіи первой главы второго тома «Мертвыхъ Душъ». «Какъ на бѣду первое наше воспитаніе отдаляетъ насъ вдругъ отъ того, что вдругъ съ первыхъ же дней набиваютъ насъ предметами, переносящими насъ въ другія земли, а не въ свою. Оттого мы и не годимся для земли своей» — продолжаетъ Гоголь высказывать взгляды, имѣющіе явное отношеніе къ изображенію Тентетникова, Кошкарева и Хлобуева. Но всего важнѣе любопытные въ перепискѣ Гоголя съ А. М. Віельгорской слѣдующія строки, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, выразилось отношеніе Гоголя къ его «Перепискѣ» и второму тому уже незадолго до смерти: «Мы должны честно, прилежно трудиться, работать тѣми способностями, которыя намъ далъ Богъ, работать Ему, ожидая платы не здѣсь, а тамъ. А какое именно вліяніе произведетъ нашъ трудъ на людей, какъ велико или обширно это вліяніе — это совершенно во власти Того, Кто располагаетъ дѣлами міра. Часто тотъ, кто задумаетъ принести добро, производитъ зло. Иногда бываетъ и то, что не блестящій трудъ труженика, никѣмъ не оцѣненнаго, всѣми позабытаго, вдругъ черезъ нѣсколько вѣковъ, попавшись въ руки какому-нибудь не совсѣмъ обыкновенному человѣку, наводитъ его на геніальную мысль, на великое благодѣтельное дѣло. Дѣло изумляетъ міръ, а первоначальный творецъ его не изумилъ имъ даже небольшой кругъ людей его знавшихъ. Нельзя, чтобы постоянная усердная молитва, сопровождаемая слезами, не ударила, наконецъ, въ двери небесныя и умъ нашъ не озарился бы вразумленіемъ свыше, какъ намъ быть и что̀ дѣлать» [2]). Наконецъ намъ остается отмѣтить еще не разъ повторяемую Гоголемъ въ письмахъ къ А. М. Віельгорской мысль о часто забываемыхъ помѣщиками своихъ обязанностей къ крестьянамъ: «Зачѣмъ не поживете вы въ подмосковной вашей? Вы уже болѣе двадцати лѣтъ не видали вашихъ крестьянъ. Будто это бездѣлица! Они насъ кормятъ, называя насъ же своими кормильцами, а намъ никогда даже черезъ двадцать лѣтъ взглянуть на нихъ» [3]). Эти строки, очевидно, вытекали изъ того же настроенія, которое было уже однажды высказано словами Тентетникова, тронутаго радушной, отъ чистаго сердца идущей встрѣчей его крестьянами при возвращеніи въ родную деревню. Столько любви и за что?» думалъ онъ въ себѣ. За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими! Отнынѣ же даю слово раздѣлить съ вами труды и занятія ваши! Употреблю все, чтобы помочь вамъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, чѣмъ вамъ назначила быть ваша добрая, внутри васъ же самихъ заключенная природа ваша, чтобы не даромъ была любовь ваша ко мнѣ, чтобы я точно былъ кормилецъ вашъ» [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 146.

[2]) Тамъ же, стр. 151—152.

[3]) Тамъ же, стр. 153.

[4]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 262. Въ одномъ письмѣ Гоголь также совѣ-

Къ стр. 747, примѣч. Фамилія этого высокопоставленнаго лица — Дараганъ. Позднѣе онъ былъ тульскимъ губернаторомъ.

Къ стр. 767 отзывъ о Гоголѣ, начинающійся словами: «О Гоголѣ спорить нечего», принадлежатъ не Г. С. Аксакову, а Д. К. Княжевичу.

Къ стр. 809. Первое знакомство Гоголя съ Дм. Макс. Княжевичемъ (о которомъ см. въ соч. Аксакова, т. I, стр. 310 и т. II, passim) было не совсѣмъ пріятное (см. разсказъ С. Т. Аксакова въ «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 55—56).

Къ стр. 832. О Скуридинѣ см. у Аксакова т. II, стр. 221; т. III, стр. 167 и 176.

Къ стр. 840.

Намъ кажется, что Гоголь можетъ быть признанъ рѣшительнымъ антиподомъ такъ часто сравниваемаго съ нимъ графа Л. Н. Толстого, чрезвычайно похожаго на Гоголя безграничнымъ довѣріемъ къ силамъ собственнаго могучаго ума, но кореннымъ образомъ отличающагося отъ автора „Мертвыхъ Душъ“ страстью къ анализу и самостоятельному рѣшенію міровыхъ вопросовъ. Въ подтвержденіе напомнимъ слова Гоголя о жизни: „Какъ бы то ни было, но жизнь для насъ уже не загадка. Она была тогда загадка, когда умнѣйшіе изъ людей, отъ мыслителей до поэтовъ, надъ ней задумывались и приходили только къ сознанію, что не знаютъ, что̀ такое жизнь. Но когда Одинъ, всѣхъ наиумнѣйшій, сказалъ твердо, не колеблясь никакимъ сомнѣніемъ, что Онъ знаетъ, что̀ такое жизнь, когда этотъ Одинъ признанъ всѣми за величайшаго изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ, даже и тѣми, которые не признаютъ въ Немъ Его божественности, тогда слѣдуетъ Ему *повѣрить на слово*, даже и въ такомъ случаѣ, если бъ Онъ былъ просто человѣкъ. Стало быть, вопросъ рѣшенъ: что̀ такое жизнь“. Послѣднія слова являются какъ бы пророческимъ отвѣтомъ на нынѣшнюю попытку Л. Н. Толстого рѣшить именно этотъ вопросъ. Гоголь былъ консерваторъ по природному складу ума и по воспитанію; онъ былъ человѣкъ преданія. Поэтому ошибался Бѣлинскій, не довѣряя искренности его политическихъ взглядовъ и его преданности престолу.

Къ стр. 867.

Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени Шевыревъ принялъ на себя хлопоты по освобожденію отъ запрета сочиненій Гоголя и приготовленію посмертнаго изданія. Удобнымъ поводомъ къ возбужденію ходатайства послужила просьба министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, къ матери Гоголя о доставленіи ему на короткое время портрета ея сына, исполненнаго Моллеромъ.

товалъ А. М. Віельгорской заглянуть въ ея имѣніе зарайскаго уѣзда рязанской губерніи Сѣнцы, (Віельгорскіе живали тамъ въ началѣ 50 годахъ, какъ я заключаю изъ долго сохранявшихся писемъ Л. К. Віельгорской на нѣмецкомъ языкѣ къ моему отцу, Ивану Христіановичу, лѣчившему ее отъ болѣзни глазъ).

Шевыревъ писалъ Марьѣ Ивановнѣ:

„На-дняхъ получите отъ г. министра народнаго просвѣщенія, Абрама Сергѣевича Норова, письмо, въ которомъ онъ намѣренъ просить васъ о доставленіи ему на время моллеровскаго портрета съ Николая Васильевича. Г. министръ хочетъ снять съ него копію для того, чтобы поставить этотъ портретъ вмѣстѣ съ другими портретами русскихъ писателей въ библіотекѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Хотя многія попытки наши объ исходатайствованіи позволенія напечатать сочиненія Н. В. кончались неудачами, но, мнѣ кажется, здѣсь представляется удобный случай возобновить прерванное дѣло. А потому я желалъ бы, чтобы вы не отказали просьбѣ министра и съ тѣмъ вмѣстѣ въ отвѣтномъ письмѣ вашемъ возобновили просьбу. Если онъ хочетъ портретомъ Н. В. украсить библіотеку своего министерства, то, конечно, употребитъ и власть свою, чтобы возвратить сочиненія покойнаго публикѣ и семейству. На всякій случай прилагаю вамъ черновой образчикъ письма; но, можетъ быть, материнское ваше сердце внушитъ вамъ письмо сильнѣе и краснорѣчивѣе.

Прошу васъ передать мое душевное почтеніе Аннѣ и Ольгѣ Васильевнамъ и проч.“

Черновое письмо А. С. Норову.

„Исполняя желаніе вашего высокопревосходительства, я разстаюсь на время съ портретомъ сына моего, который остался мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ послѣ его кончины. Пріятно мнѣ знать, что вы, представитель и двигатель русскаго просвѣщенія, такъ чтите его память и вносите его черты въ рядъ тѣхъ писателей русскихъ, которые должны украсить библіотеку министерства, вами управляемаго. Благоволите же докончить начатое вами доброе дѣло, касающееся гражданской и литературной памяти сына моего: возвратите его сочиненія публикѣ, которая лишена ихъ, и семейству — не мнѣ (мнѣ, всего въ немъ лишившейся, ничего уже не надо), — а моимъ дѣтямъ и внукамъ, которымъ онъ завѣщалъ ихъ, какъ единственное наслѣдство, вмѣстѣ съ бѣдными, съ которыми приказалъ имъ молиться посмертнымъ добрымъ своимъ. Письмо ваше возобновляетъ надежды, которыхъ я было совершенно лишилась“.

По обыкновенію дѣло затянулось. Почти черезъ два года Шевыревъ извинялся передъ М. И. Гоголь, что ничего не успѣлъ сдѣлать.

„Я много виноватъ передъ вами, что такъ давно не писалъ вамъ. Кстати мнѣ попросить у васъ прощенія въ тотъ прощенный день, который пришелся въ день второй годовщины по вашемъ незабвенномъ сынѣ. Въ Даниловѣ монастырѣ отслужена была панихида самимъ архимандритомъ съ братьею и пропѣта на могилѣ: вѣчная память! — Памятникъ скоро будетъ готовъ. На Крестопоклонной будетъ водруженъ бронзовый золоченый крестъ на дикомъ камнѣ, который уже поставленъ; я надѣюсь, что это совершится въ день его рожденія, 19 марта, на крестопоклонной, въ пятницу. А самый памятникъ большой зеленаго гранита камень съ надписями поспѣетъ, какъ надѣюсь, ко дню его ангела. Тогда надѣюсь, обсадимъ могилу плакучими березами; вся она будетъ уже устроена. Промедленіе произошло отъ того, что главные вкладчики не согласились на первый рисунокъ, но долго не давали другого и дали потомъ одинъ только очеркъ, по которому исполнить надобно было художнику, знающему дѣло.

Не писалъ я къ вамъ и по той еще причинѣ, что до сихъ поръ не могу вамъ сказать ничего утѣшительнаго касательно изданія сочиненій вашего сына. Попечитель возилъ ихъ въ Петербургъ и привезъ оттуда рѣшеніе пересмотрѣть ихъ снова въ московскомъ, а потомъ въ петербургскомъ комитетѣ, гдѣ находятся сильные люди, противящіеся изданію. Размышленія о литургіи до сихъ поръ находятся у митрополита, который обѣщалъ пропустить ихъ и самъ хочетъ исправить. Но до сей минуты дѣло длится — и конца ему я еще не предвижу. Портретъ давно уже свободенъ; письма также переписаны. Но г. Аксаковъ ко мнѣ не являлся за ними передъ отъѣздомъ своимъ. Всего лучше будетъ, если Николай Павловичъ[1]) лѣтомъ возьметъ все это съ собою и доставитъ вамъ. Будьте увѣрены, что всѣ эти сокровища у меня берегутся въ совершенной цѣлости[2]). Съ портрета списано копій безчисленное множество...[3]) февраля 22 1854 г. Москва“.

[1]) Трушковскій, племянникъ Гоголя и издатель его сочиненій.

[2]) Впослѣдствіи письма Гоголя были возвращены обратно ихъ владѣльцамъ и нѣкоторыя изъ нихъ затеряны. («Русск. Стар.», 1887 г., III, 709, подстр. примѣч.; «Русск. Обозр.», 1897, III, 201—204).

[3]) Остальное письмо не имѣетъ общаго интереса.

Наконецъ 29 іюня Шевыревъ извѣщалъ Марью Ивановну: „Кулишъ мнѣ прислалъ прекрасный подарокъ — сочиненія Николая Васильевича, имъ изданныя, но я еще не успѣлъ получить ихъ". Въ началѣ того же письма онъ доводитъ до свѣдѣнія своей корреспондентки объ исполненіи одного изъ предсмертныхъ желаній Гоголя, „лишь только я собирался къ вамъ писать, какъ получилъ ваше письмо и отпускную Семену" [1]).

Любопытно еще одно письмо Шевырева къ Аннѣ Васильевнѣ Гоголь о біографіи ея брата; приводимъ отрывокъ изъ него. „Примите мою душевную благодарность за письмо ваше и за всѣ подробности, которыя вы сообщаете о біографіи Николая Васильевича, въ опроверженіе напечатаннымъ. Лучшимъ опроверженіемъ всѣмъ клеветамъ, постигшимъ его память чистую и свѣтлую, и всѣмъ невѣрностямъ, можетъ быть его полная и вѣрная біографія, извлеченная изъ его писемъ: „Да пошлетъ Всевышній вашей матушкѣ и всѣмъ вамъ силъ на перенесеніе вашего горя и сладостныхъ утѣшеній въ мысли о его загробномъ блаженствѣ. Когда я въ первый разъ читалъ его размышленія о литургіи, мнѣ казалось, душа его носилась около меня, свѣтлая, небесная, та, которая на землѣ много страдала, любила глубоко, хотя и не высказывала этой любви, молилась пламенно и въ пламени чистой молитвы покинула бренное, изнемогшее тѣло".

Къ стр. 881.

См. объ этомъ особенно слѣдующія страницы въ редакторскихъ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова: соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 415, 439—440, 510—511, 531, 540, 584 (замѣчаніе о первыхъ главахъ второго тома).

Къ стр. 889.

Впослѣдствіи А. Ѳ. Писемскаго поражали въ этомъ типѣ чрезвычайно тонко схваченныя черты: когда Тентетниковъ послѣ первыхъ своихъ неудачъ въ деревнѣ погрузился въ спячку и бездѣйствіе, то «при всей видимой недѣятельности, въ душѣ Тентетникова чутко жили всѣ нравственныя потребности хорошей и развитой натуры. Въ своей апатіи онъ обдумываетъ еще великое сочиненіе о Россіи, въ немъ не угасло еще честолюбіе — этотъ рычагъ-двигатель большей части великихъ человѣческихъ дѣлъ» [2]). Но особенно пора-

[1]) Впослѣдствіи этотъ бывшій мальчикъ-слуга Гоголя спился и рано умеръ.

[2]) «Отечественныя Записки», 1855, X, отд. III, стр. 63—64.

зила Писемскаго сцена взаимнаго непониманія Тентетникова, человѣка съ тонко развитыми чувствами и деликатной организаціей съ одной стороны и готоваго на самое грубое самоуниженіе Чичикова: «Можетъ ли что-нибудь быть съ болѣе живымъ юморомъ по содержанію и художественнѣе выполнено, какъ эта сцена?»[1]) спрашиваетъ Писемскій. На это можно бы, кажется намъ, отвѣтить развѣ указаніемъ такой же превосходной гоголевской сцены, принадлежащей болѣе свѣтлому періоду его творчества, между жидомъ Янкелемъ и Тарасомъ Бульбой, когда Янкель сообщаетъ послѣднему объ измѣнѣ Андрея, весь этотъ чудный діалогъ, начиная со слѣдующаго мѣста:

«И ты не убилъ тутъ же на мѣстѣ его, чортова сына?» вскрикнулъ Бульба.

«За что же убить? Онъ перешелъ по доброй волѣ. Чѣмъ человѣкъ виноватъ? Тамъ ему лучше, туда и перешелъ».

Очевидно, Бульба и Янкель говорятъ на разныхъ языкахъ и никогда не поймутъ другъ друга; то же самое мы видимъ теперь въ сценѣ между Чичиковымъ и Тентетниковымъ, доходящей до кульминаціоннаго пункта при извѣстныхъ восклицаніяхъ Чичикова и Тентетникова другъ о другѣ: «престранный, однако, человѣкъ этотъ Чичиковъ!» и «какой, однако же, чудакъ этотъ Тентетниковъ!»[2]).

Къ стр. 907.

Такая же исторія была у М. И. Гоголь съ кн. Кочубеемъ (см. настоящаго труда т. II, стр. 147).

Къ стр. 908.

Рѣчь Муразова къ Чичикову въ концѣ II тома «Мертвыхъ Душъ» сходна по мысли съ статьей: «Занимающему важное мѣсто» (см. соч. Гог., изд. IV, стр. 150). Съ другой стороны ср. рѣчь генералъ-губернатора съ «Вновь найденными страницами изъ второй части «Мертвыхъ Душъ» (изд. X, т. VII, стр. 446—451).

Къ стр. 913.

См. въ воспоминаніяхъ Е. В. Быковой, сестры Гоголя, о томъ, какъ по выходѣ изъ института, будучи помѣщены до отъѣзда изъ Петербурга, на короткій срокъ къ Балабинымъ, онѣ изъ странной застѣнчивости отказывались отъ хорошаго обѣда, а потомъ украдкой доставали изъ печки уголья

---

[1]) Тамъ же, стр. 68.

[2]) Въ общемъ вся первая половина главы о Тентетниковѣ всѣми своими подробностями до оживившей его на время любви къ Уленькѣ и новаго погруженія въ спячку, особенно описаніе его празднаго дня и проч., дала, какъ извѣстно, богатый матеріалъ и совершенно опредѣленную канву для романа Гончарова «Обломовъ», такъ же, какъ и «Шинель», и «Записки Сумасшедшаго» дали много Достоевскому, а «Женитьба» и Лакейская» и проч. Островскому. Въ виду общеизвѣстности подобныхъ фактовъ укажемъ еще только на явное подражаніе сценѣ между Подколесинымъ и Агаѳьей Тихоновной въ третьей картинѣ комедіи Островскаго «Праздничный сонъ до обѣда» и дальнѣйшее развитіе типа Ноздрева въ «Нашихъ безобразникахъ» Потѣхина.

и глодали ихъ, чтобы утолить голодъ. Это ихъ достаточно характеризуетъ въ ту пору («Русь», 1885, № 26, стр. 7, 3 столбецъ).

Если бы собрать немногочисленныя данныя о сестрахъ Гоголя, разсѣянныя въ нашихъ старыхъ періодическихъ изданіяхъ, то можно было бы даже составить о ихъ непрактичности или преувеличенное понятіе, но не слѣдуетъ забывать, что, такъ какъ онѣ могли интересовать лицъ, оставившихъ о нихъ летучіе отзывы, лишь въ годы ранней юности, когда Гоголю приходилось ухаживать за недавно выпущенными институтками, то на основаніи этихъ отзывовъ составилось бы сужденіе справедливое лишь въ отношеніи къ этой порѣ почти дѣтства.

ОТДѢЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

«Гоголь говаривалъ, что писатель долженъ, какъ художникъ, постоянно имѣть при себѣ карандашъ и бумагу. Плохо, если пройдетъ день — и художникъ ничего не набросаетъ. Плохо и для писателя, если онъ пропуститъ день, не записавъ ни одной мысли, ни одной черты, — надо въ себѣ поддерживать умѣнье выливать въ форму мысли свои» («Русск. Мысль», 1882, II, стр. 171).

Бутеневъ — Н. В. Гоголю.

Понедѣльникъ 15/27 окт.

«Не заставъ уже васъ, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ, въ Hotel Cesari, гдѣ никто не умѣлъ означить мнѣ новую вашу квартиру, спѣшу письменно бить челомъ и просить у васъ прощенія въ непонятной для меня самого разсѣянности моей, которая допустила меня два дня задержать прилагаемое при семъ письмо къ вамъ отъ Василія Андреевича, мною еще до прибытія вашего полученное. Надѣюсь, что вы держитесь старинной нашей пословицы: «повинную голову и мечъ не сѣчетъ». Прошу васъ примѣнить и къ невольному промаху васъ искренно уважающаго

покорнѣйшаго слуги

А. Бутенева».

Н. В. Гоголь въ Гадячской ратушѣ.

«Прочитавъ эти слова, не подумайте, читатель, что знаменитый нашъ писатель былъ при какихъ-либо занятіяхъ въ гадячской ратушѣ, или имѣлъ въ ней какое-либо дѣло. Нѣтъ, я хочу передать вамъ одинъ лишь фактъ случайнаго посѣщенія Н. В. Гоголя гадячской управы, на которую также случайно пришлось мнѣ натолкнуться въ недавнее время. Гадячъ — ранговое гетманское имѣніе — городъ прекрасный: отличается благорастворенiемъ воздуховъ и вслѣдствіе того долговѣчностью живущихъ въ немъ. Хотите Маѳусаиловъ вѣкъ прожить — поѣзжайте въ Гадячъ. Представьте себѣ, тамъ живутъ и доселѣ бывшіе члены ратуши, видѣвшіе Гоголя еще въ тридцатыхъ годахъ.

Сидѣли мы какъ-то съ моимъ гадячскимъ пріятелемъ въ домѣ его дѣда, глубокаго старика, и за чашкой чаю толковали о памятникѣ великому нашему писателю. У насъ даже возникъ споръ о томъ, какой пунктъ предпочтительнѣе слѣдовало бы избрать для постановки памятника: Полтаву или

Миргородъ, Миргородъ или Сорочинцы. Вслушавшись въ нашъ споръ, старикъ неожиданно обратился къ намъ съ вопросомъ: «Та про якого се Гоголя вы говорите?» Мы обстоятельно объяснили ему, кто такой Гоголь, зная, что старикъ никогда никакихъ книгъ, кромѣ развѣ божественныхъ, не читалъ и о Гоголѣ-писателѣ ничего не слыхалъ. Къ удивленію нашему, оказалось, что старикъ зналъ Гоголя, хотя и не по книгамъ, видѣлъ его лично и сохранилъ о немъ понятіе, какое имѣли о немъ многіе изъ его современниковъ, даже не изъ гадячскаго круга.

— Це, значиця, той, що прыиздывъ до насъ на ревизію зъ губернаторомъ, — замѣтилъ на наше объясненіе старикъ.

Я поспѣшилъ увѣрить его, что Гоголь въ провинціи на гражданской службѣ не состоялъ и съ губернаторомъ на ревизію пріѣзжать не могъ.

— Та якъ же звали того Гоголя, що отъ вы про ёго говорите? спросилъ меня старикъ.

— «Это Николай Васильевичъ, а вы вѣрно какого-нибудь другого видѣли», отвѣчалъ я.

— Такъ, такъ; такъ и казали тоди, що Николай Василёвичъ. Це винъ самый и есть.

Мы попросили старика разсказать, какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ видѣлъ Николая Васильевича Гоголя съ губернаторомъ на ревизіи, и онъ передалъ намъ слѣдующее.

«Було се въ 1833 чи въ 1834 годи, — гараздъ не памятую. Насталъ у насъ новый губернаторъ, а якъ на прозвище, тако же не памятую, — богато ихъ перевернулось на моимъ вику. Пишла чутка, якось литомъ, що буде йздити по ґуберніи, а мы въ ратуши служили. Отъ прыйшла бумага така; прыбигъ засидатель и написавъ докладчикови рапортъ якійсь и намъ всимъ членамъ росказавъ, якъ одягчтись, якъ стоять и що казать. Струсъ великій бувъ; сказано: губернаторъ. Коли прыиздить, входитъ до ратуши. а за нимъ слидкомъ якійсь чиновникъ такъ худенькій, трошки довгобразый, русявый и очима все такъ зыркъ, зыркъ. Стоимо мы въ паради, а И. П., нашъ докладчикъ, выступивъ передъ губернатора, одставивъ трохи ногу для поваги, та якъ риже той рапортъ на память: самъ ажъ трусиця, а все риже та риже. Губернаторъ щось трошки насупивсь, а той, що позадъ его стоявъ, хмыхавъ-хмыкавъ, та якъ зарегочеця на всю ратушу, ажъ мы здивувались. Тутъ струсъ, присутствіе, начальство, а винъ регочеця. Губернаторъ трохи озырнувся, щось стиха промовивъ до того, а дали каже: довольно, довольно. А потомъ спитавъ щось голову, повивъ очима по ратуши, та заразъ посыпихомъ зъ ратуши, а той за нимъ. Отъ мы й стали тоди роспитувать, що вино за блазенъ; що регочеця при всихъ; то намъ и росказали, що то Гоголь, писатель такій, и сами такъ чули, якъ губернаторъ казавъ до ёго: Миколай Василевичъ. «Оттакъ, казали, издить винъ всюды та разглядуе, а потомъ пише, а паны читаютъ та соби регочуця». Дивовались мы за того и гнивались таки, та що робить? Писатель, кажутъ; думали, що то чинъ такій на ему и що мае винъ таке право. А то... атъ, не знать що».

Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что Гоголь, который подмѣчалъ всякую несообразность, противорѣчіе, фальшь, не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ благодушныхъ, полусонныхъ гетманцевъ, нарядившихся въ зале-

жавшіеся въ ихъ скрыньяхъ мундиры и треугольныя шляпы, съ несмертоноснымъ оружіемъ при боку, и этого докладчика съ его гадячскимъ прононсомъ «рѣжущаго» наизусть сочиненный засѣдателемъ рапортъ. Насъ не могъ не заинтересовать самый разсказъ объ этомъ случайномъ обстоятельствѣ въ жизни Гоголя, какъ указаніе на то, какимъ путемъ давались ему его дивные, полные жизни портреты, и мы пустились въ дальнѣйшіе разспросы; но увы! ни дѣдъ моего пріятеля, ни уцѣлѣвшій въ живыхъ самъ докладчикъ, «рѣзавшій» рапортъ, ни еще одинъ изъ членовъ ратуши ничего уже не могли прибавить къ приведенному выше разсказу. Да и что къ нему могло бы прибавиться? Остается желать получить свѣдѣнія о томъ, кто былъ въ ту пору губернаторомъ въ Полтавѣ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ къ нему Гоголь, и была ли поѣздка его съ нимъ случайною или напередъ условленною» [1]).

---

[1]) «Кіевская Старина», 1886, I, 206—208.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

I. Алфавитный указатель именъ,

встрѣчающихся въ „Матеріалахъ для біографіи Гоголя"*).

*) Въ Указатель не вносятся имена изъ вступительныхъ главъ I тома, приложеній и названія произведеній Пушкина въ главѣ о нихъ.

Алфавитный указатель

названій произведеній и встрѣчающихся въ нихъ собственныхъ именъ.

---

[1]) Алеко. Томъ IV, стр. 94.

---

[1]) „Афоризмы“ Погодина. Томъ III, стр. 97.

[2]) Базаровъ. Томъ IV, стр. 868.

„Банкротъ“, комедія Островскаго („Свои люди — сочтемся“). Томъ IV, стр. 762—763, прим.

„Баронъ“, стихотвореніе графини Растопчиной. Томъ IV, стр. 763.

[3]) „Баторій“ барона Брамбеуса. Т. III, стр. 89.

1) „Бородинская Годовщина". Томъ I, стр. 314.

2) „Бригадиръ" Фонвизина. Томъ III, стр. 485.

3) „Бродяга" И. С. Аксакова. Т. IV, стр. 782, примѣч.

„Букеты" Соллогуба. Т. IV, стр 339.

4) „Бурсакъ" Нарѣжнаго. Томъ II, стр. 71, 72.

„Бѣдная Лиза" Карамзина. Т. IV, стр. 91.

„Бѣдные Люди" Достоевскаго. Т. IV, стр. 411, 479.

5) Василиса Егоровна (въ повѣсти „Капитанская Дочка"). Т. IV, стр. 645.

Василиса, няня (въ комедіи Крылова „Урокъ дочкамъ"). Т. I, стр. 240, прим.

6) „Вечерній Звонъ" Козлова. Т. I, стр. 91.

1) „Возвращеніе Чацкаго въ Москву". Томъ III, стр. 495.

„Воспитанница" Соллогуба. Т. IV, стр. 367, 370.

„Всеобщая придворная грамматика". Томъ III, стр. 374.

2) „Герой нашего времени" Лермонтова. Томъ III, стр. 411.

3) „Говорунъ", комедія Хмельницкаго. Томъ II, стр. 364.

„Годъ въ чужихъ краяхъ" Погодина. Т. III, 256, 271—277, 294—295.

„Голубиная книга". Т. I, стр. 167.

„Голядкинъ" (въ „Двойникѣ" Достоевскаго). Томъ IV, стр. 411, прим.

4) „Горе отъ ума". Томъ I, стр. 342, пр.; т. II, стр. 364; т. III, стр. 17—18, 76, 368, 485, 492, 496, 499.

1) Изъ прошлаго Одессы“. Томъ IV, стр. 759.
„Иліада“. Томъ IV, стр. 79, 80, 83—84, 250, 268, 468.
„Иностранкѣ“. Томъ I, стр. 312.
2) „Исторія запорожскихъ казаковъ“. Томъ III, стр. 454.
„Исторія Руссовъ“. Томъ III, стр. 454.
3) „Какъ перевелись витязи на святой Руси“. Томъ I, стр. 167.
„Капитанская Дочка“. Томъ IV, стр. 621, 645.
„Капитанъ Боппъ“. Томъ IV, стр. 305.
4) „Кинжалъ“, стихотв. Пушкина. Т. III, стр. 71, примѣч.
„Коринеская невѣста“. Томъ I, стр. 323.
„Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“ Максимовича. Томъ II, стр. 168.

1) „Куличокъ“ Аксакова. Томъ IV, стр. 766.
2) „Къ не нашимъ“ Языкова. Т. IV, стр. 406.
3) „Le bourgeois gentilhomme“ Мольера. Томъ IV, стр. 267.
4) „Лейтенантъ Бѣлозоръ“ Марлинскаго. Томъ IV, стр. 74.

---

[1]) „Маленькій Герой“ Достоевскаго. Томъ II, стр. 70, примѣч.

[2]) „Математическая Энциклопедія“ Перевощикова. Томъ I, стр. 89.

---

[1]) „Мирошевъ“ Загоскина. Томъ IV, стр. 80.

Митрофанъ (въ „Недорослѣ“). Томъ I, стр. 105.

[2]) „Москаль-Чаривникъ“. Томъ III, стр. 296, примѣч.

„Моя Родословная“ Пушкина. Томъ I, стр. 316.

„Музыкантъ и Черти“. Томъ II, стр. 77, примѣч.

[3]) „Мцыри“ Лермонтова. Томъ III, стр. 331.

[1]) „Мѣдный Всадникъ“ Пушкина. Т. I, стр. 316; III, стр. 76.

„Настоящій Ревизоръ“ Цицiанова. Томъ III, стр. 463, примѣч., 494.

„Нахлѣбникъ“, пьеса Тургенева. Т. IV, стр. 412; примѣч.

„Недовольные“ Загоскина. Томъ III. стр. 499—500.

„Недоросль“ Фонвизина. Томъ I, стр. 105, 241; II, 335; III, 485.

„Нелюдимка“, комедія Растопчиной. Томъ IV, стр. 768, примѣч.

„Новоселье“, альманахъ Смирдина. Томъ II. стр. 156; III, 96—97, прим.

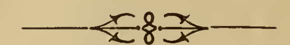
[1]) „Отцы и Дѣти“ Тургенева. Томъ IV, стр. 868.
[2]) „Памятникъ“ Державина. Томъ IV, стр. 476.
[3]) Парижъ въ 1838—1839 гг. Строева. Томъ III, стр. 164.
„Парнасскій Навозъ“. Томъ I, стр. 88.
[4]) „Пестрыя сказки“ Одоевскаго. Т. II, стр. 154.

---

1) „Сказка объ Иванѣ Царевичѣ“ Жуковскаго. Томъ IV, стр. 305.
2) „Словесность и Торговля“, статья Шевырева. Т. III, стр. 98.
„Слово о Полку Игоревѣ“. Томъ II, стр 62, 168.
„Собака-Овца“, комедія В. А. Гоголя. Томъ I, стр. 175; т. II, стр. 228.
3) „Стародумъ“ (въ „Недорослѣ“ Фонвизина). Томъ I. стр. 241; IV, стр. 74.
4) „Столѣтіе Русской Словесности“, Мизко. Томъ IV, стр. 792.

---

1) „Тарантасъ“ Соллогуба. Томъ IV, стр. 370, 389.
2) „Тассъ“ Кукольника. Томъ III, стр. 87, 89.
3) „Тройчатка“, альманахъ, Томъ II, стр. 154, 155.
4) Угличанины (въ „Воспоминаніяхъ“ Аксакова). Томъ III, стр. 445.
5) „Умъ и Рокъ“, поэма Никольскаго. Томъ I, стр. 91, примѣч.
6) „Урокъ Дочкамъ“, Крылова. Т. I, стр. 240, примѣч.
7) Устинья Наумовна (въ ком. Островскаго „Свои люди — сочтемся“). Т. II, стр. 338.

ОПЕЧАТКИ И ДОПОЛНЕНІЯ:

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
8	12 снизу (въ петитѣ)	себя	проч.
26	16 сверху	греия	громя
87	8 „	кѣмъ-то	Прокоповичемъ
124	12 снизу	ее	эту отраду
140	4 сверху	страдательный	страдальческій
153	19 „	Бѣлинскаго	Булгарина
176	7 снизу	молитвы	болѣзни
187	1 сверху	о ней графини	ея графинѣ
192	23 „	Смирнову	Смирновой
196	8 „	него	нея
199	15 „	послѣ «къ брату»	пропущено: «словъ»
200	3 „	прежняя	странная
231	8 „	задаткамъ не столько	не столько задаткамъ
—	9 „	условій	условіямъ
256	1 „	временномъ	правильномъ
291	7 снизу (петитъ)	отзывомъ	отзыва
321	25 сверху	значеніе	участіе
386	13 „	скорое	былое
396	22 „	вначалѣ	вполнѣ
416	5 снизу (въ петитѣ)	комплементъ	комплиментъ
516	11 сверху	я	она
520	15 и 16 снизу	commense	commence
538	11 снизу (въ петитѣ)	Бѣлинскій	будто бы Бѣлинскій
558	21 сверху	названіемъ	позволеніемъ
580	3 снизу (въ петитѣ)	Миллеру	Моллеру
598	11 сверху	просвѣтленіи	просвѣтлѣніи
609	4 „	его	ихъ
647	11 снизу	рѣзкихъ	мѣткихъ
649	16 сверху	должны были	должна была
719	5 „	Ромнѣ	Ромны
737	12 „	то	но
771	14 „	поклонитесь	поклонись
817	1 „	Кошелеву	Кошелевой
940	5 „	или преувеличенное	преувеличенное

ОПЕЧАТКИ ВЪ ЦИТАТАХЪ.

Стран.	*Строка*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
45	2 снизу	(въ петитѣ)	1886	1866
132	1 „	(въ петитѣ)	1892	1890
142	7 „	(въ петитѣ)	152	108
159	6 „	(въ петитѣ)	VII	VIII
160	6 „	(въ петитѣ)	130	128
187	5 „	(въ петитѣ)	87	97
416	1 „	(въ петитѣ)	957	951

На стр. 151 вторая половина примѣч. 1, начиная съ 5 строки, должна быть отнесена къ 3 примѣч. стр. 155.

Цитаты, относящіяся къ письмамъ Языкова къ Гоголю, напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ» (1896, XII), оставлены безъ обозначенія страницъ до тѣхъ поръ, пока съ выходомъ декабрьской книги журнала явилась возможность обозначать также страницы. Слѣдуетъ дополнить на стр. 178 послѣ: «Русск. Стар».), 1896, XII: стр. 643; на стр. 302, 4 снизу: 627—628; стр. 331, 1 снизу: 637, 9 снизу: 635.

Сверхъ того дополнены цитаты на основаніи статей, появившихся въ свѣтъ по отпечатаніи ниже указанныхъ страницъ:

Въ 3 примѣч. на стр. 284 слѣдуетъ прибавить: «см. также «Записки Смирновой» (1897, I).

Къ 19 и 20 строкамъ 297 стр. слѣдуетъ прибавить цитату: «Историческій Вѣстникъ», 1897, I.

Къ 6 строкѣ сверху на стр. 363: «Сѣв. Вѣстн.», 1897, I, 136.

Въ I томѣ къ 48 стр. 15 сверху: см. письмо изъ Травемюнде (Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 94); на стр. 56, 3 стр. снизу (въ петитѣ) напечатано: 1877; слѣдуетъ исправить: 1887; къ стр. 79 слѣдуетъ дополнить во 2 примѣч. цитату изъ моихъ примѣчаній редактору къ VI т. X изд. соч. Гоголя (см. «Коляска», первоначальная редакція); на стр. 87, 14 строка сверху, напечатано: «инокъ монастыря», слѣдуетъ читать: «инокъ строптивый»; на стр. 113, ко 2 примѣч. слѣдуетъ прибавить цитату: Соч. Гог., изд. X, т. стр. 327. Къ стр. 116, примѣч. 2, слѣдуетъ прибавить:

«Любопытно, что то же самое Гоголь высказывалъ о себѣ и въ зрѣлые годы; такъ въ 1838 году онъ писалъ М. П. Балабиной: «Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что̀ обо мнѣ говорятъ и что̀ думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что̀ мнѣ говорили было не то, что̀ обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ товарищемъ, и тотъ, натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что̀ во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно, я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ» (Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 345).

На стр. 118, на 2 стр. сверху слѣдуетъ — вмѣсто: къ «1828 и 1829 г.» читать: «въ 1827 году». Къ стр. 168 слѣдуетъ отнести дополненіе, напечатанное на стр. 533—535 III тома.

На стр. 266 напечатано, что въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя отсутствуютъ документы, относящіеся къ источникамъ, которыми пользовался Гоголь для «Вечеровъ на хуторѣ», именно письма его матери. Въ настоящее время часть этихъ документовъ найдена и напечатана мною въ VII т. X изд. соч. Гоголя — въ отдѣлѣ Описанія рукописей.

Къ стр. 274, 11 снизу: ср. «о приподнятомъ тонѣ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», напр. въ «Завѣщаніи» и проч.— Къ примѣч. 1 на стр. 312 слѣдуетъ прибавить: «см. также «Русскій Архивъ», 1896, XI, стр. 361. «Къ стр. 340, 4 строка снизу: ср. «Міръ Божій», 1897, II, стр. 174—178. Къ стр. 345, примѣч. 2 слѣдуетъ прибавить: «см. статью В. П. Авенаріуса. «Первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ» («Русская Старина», 1897, II), возраженіе на эту статью г. Витберга въ томъ же журналѣ (1897, VI) и мое возраженіе г. Витбергу (1897, VIII).

Во II томѣ на стр. 110 слѣдуетъ переставить примѣчанія 2 и 3. — Ко 2 прим. на стр. 115 слѣдуетъ прибавить: см. соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 561. На стр. 234, 4 строка сверху вмѣсто: ректоръ *Плетневъ* — слѣдуетъ поставить: Дегуровъ. Къ стр. 362: С. Т. Аксаковъ находилъ сходство между окончаніемъ піесы Загоскина «Добрый Малый» и послѣдней сценой «Ревизора» (см. соч. Аксакова, т. III, стр. 263). На стр. 377, къ примѣч. 1: вѣроятнѣе же, комедія «Игроки» была окончена даже въ 1838 г., а окончательно переработана она была въ 1842. На той же страницѣ, во 2 примѣч., 2 строка снизу послѣ цитаты: «Историч. Вѣстн.», 1892, VI, 681 слѣдуетъ дополнить: и «Записки актера Алексѣева», стр. 49.

Въ III томѣ къ I примѣч. на стр. 23 слѣдуетъ прибавить: см. также въ «Запискахъ Р. М. Зотова» («Историч. Вѣстникъ», 1896, XII, стр. 786). На стр. 41, на 6 строкѣ сверху, послѣ словъ: «всецѣло былъ погруженъ въ хлопоты о «Ревизорѣ» слѣдуетъ дополнить:

«Есть между прочимъ извѣстіе о томъ, что Гоголь остался недоволенъ выданнымъ ему гонораромъ за постановку на сцену («Ревизора»). Когда дѣло дошло до платы» — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Зотовъ — «онъ непремѣнно требовалъ, чтобъ ему выдана была сумма, какъ бы за піесу въ стихахъ. Какъ ни убѣждали его, что дирекція не имѣетъ права нарушить высочайше утвержденнаго штата, онъ почелъ себя обиженнымъ и всѣмъ жаловался, что дирекція не умѣетъ цѣнить его дарованія». Къ этому должна быть цитата: «Историч. Вѣстникъ», 1896, XII, стр. 786.

Къ стр. 47, примѣч. 4. Письмо Гоголя къ Загоскину см. въ Отч. Имп. Публ. Библ. за 1882 г., стр. 140.

Къ 3 примѣч. 190 стр. слѣдуетъ добавить: «см. также «Историч. Вѣстникъ», 1897, III и IV, статья г-жи Н. А. Бѣлозерской. Къ 9 строкѣ на 191 стр. слѣдуетъ послѣ слова: «Жерве» прибавить цитату: «См. о немъ «Историч. Вѣстн.», 1897, IV, стр. 159. Къ 3 примѣч. на стр. 229: «О немъ же см «Историч. Вѣстн.», 1897, IV, стр. 160—161. Къ петиту на стр. 230: «См. о ней же статью въ «Историч. Вѣстн.», 1897, III и IV. На стр. 393, въ 5 строкѣ снизу опечатка въ цитатѣ; вмѣсто: 1890 слѣдуетъ читать 1880. Къ 1 примѣч. на стр. 506: «см. также «Русскую Мысль», 1897, I, стр. 54 и 59. Къ стр. 522: «Роль Артемія Филипповича прекрасно исполнялъ нѣкогда на сценѣ Московскаго Малаго театра артистъ Соколовъ» (См. «Русск. Стар.», 1896, VII, стр. 612). Къ строкѣ 7 на стр. 523 слѣдуетъ прибавить примѣчаніе:

«Весьма любопытно съ этими словами Р. М. Зотова, написанными имъ въ 1842 г., сравнить его же позднѣйшій отзывъ о «Женитьбѣ» въ «Запискахъ», относящихся къ тому времени, когда успѣхъ пьесы былъ уже общепризнаннымъ. Тамъ г. Зотовъ, забывая собственное прежнее мнѣніе, выраженное когда-то въ «Сѣверной Пчелѣ», безъ церемоніи говоритъ: «*Любопытно* (sic), что «Женитьба» Гоголя, которую вскорѣ потомъ дали на сценѣ, была при первомъ представленіи ошикана публи-

кою, и только черезъ нѣсколько времени потомъ оцѣнили ее и стали апплодировать» (См. «Историч. Вѣстникъ», 1896, XII, стр. 786). О своей прежней статьѣ Зотовъ, конечно, благоразумно умалчиваетъ.

Къ примѣч. 1 на стр. 529 слѣдуетъ добавить: «Тяжбу» прекрасно читали П. М. Садовскій и любитель Колюбакинъ (см. «Русск. Мысль», 1897, I, стр. 54).

Сверхъ того вкрались опечатки въ обозначеніе отчествъ и фамилій: въ I томѣ, стр. 71, 2 строка снизу—вмѣсто: «Н. А. Бѣлозерскому» слѣдуетъ: Н. Д; на стр. 352, стр. 7, вмѣсто: «Верзилиной» — «Клингенбергъ»; въ IV томѣ, на 37 стр. 6 стр. снизу вмѣсто: «Каневскій» слѣдуетъ читать: «Кузьминъ»; на стр. 714, въ 1 примѣч. отецъ В. Н. Репниной названъ: «Николай Васильевичъ»; слѣдуетъ исправить: «Николай Григорьевичъ». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ графиня Софья Ивановна Соллогубъ, мать писателя В. А. Соллогуба, урожд. Архарова, по ошибкѣ названа по ея дѣвичьей фамиліи.

Далѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упоминается о томъ, что весна была для Гоголя любимымъ временемъ года (см. подтвержденіе напр. въ соч. и письмахъ Гоголя, т. V, стр. 84, 132, 176, 318 и проч.).

Въ сочиненіяхъ Аксакова встрѣчаются нѣкоторыя выраженія и слова, занесенныя Гоголемъ въ его записныя книжки, особенно въ названіяхъ птицъ, напр. жериxъ и другихъ, напр. шушунъ (т. II, стр. 26) и вообще нѣкоторыя рѣдкія слова, которыя употреблялъ Гоголь, напр. пришипиться (т. I, стр. 110); ср. выше, стр. 117. Особенно часто встрѣчаются такія слова въ книгахъ Аксакова: «Объ уженіи рыбъ» и «Записки ружейнаго охотника», напр. крылена (см. Аксакова, т. V, стр. 56, 88, 144; Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 472), недотка (Акс., V, 134; Гог., VI, 472), жерлица (Аксак., V, 161; Гог., VI, 473), мотня (Акс., V, 142; Гог., VI, 473), морда (=неводъ; Акс., т. V, стр. 144; Гог. IV, 329),— не говоря уже о такихъ словахъ, какъ грузило, удилище, лѣса (см. Акс., V, 2; Гог. VI, 472), вабить (Акс., V, 214; Гог. VI, 506), жировать (Акс., V, 256; Гог., VI, 462), витютинъ (Акс., V, 290; Гог., VI, 466), нарыскъ (Акс., V, 272; V[illegible]2; Гог., VI, 463), вырокъ, крохаль (Акс., VI, 28; Гог., VI, 507), свіязь (Акс., VI, 29; Гог., VI, 507), нетигель (Акс., VI, 29; Гог., VI, 508), веретенникъ (ibid.), кряква, чирокъ (Акс., VI, 32; Гог., VI, 507), гаршнепъ (Акс., VI, 58; Гог., VI, 508), фифи (Акс., VI, 81; Гог., VI, 508), турухтанъ (Акс., VI, 95; Гог., VI, 466), погонышъ (Акс., VI, 104; Гог., VI, 508), маликъ (Акс., VI, 182, 286, 328; Гог., VI, 463), нарыскъ (ibid.), настъ (Акс., VI, 272; Гог., VI, 463), дикуша (Акс., VI, 277; Гог., VI, 509), узеркъ (Акс., VI, 292; Гог., VI, 522), заяцъ прибылой и матерой (Акс., VI, 324; Гог., VI, 463). Несомнѣнно также, что слово лазъ (Гог., VI, 462); названія птицъ (напр. пустельга; Гог. VI, 485); объясненія разныхъ видовъ ловли рыбъ, напр. острогой (см. Гог., VI, 473) и многое другое заимствовано у С. Т. Аксакова. См. о записныхъ книгахъ вообще въ соч. Гог., изд. X, т. VI, стр. 807—809 и VII, 588—596.

